

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

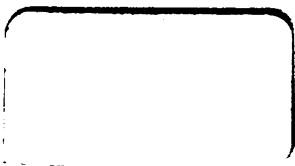
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ ХСІХ

1905

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1905

PSlav 381.10

~~Slav 381.10~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
HERBERT CARY COULIDGER
1911

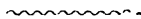
О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1905 ГОДУ

(ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1905 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать пять лѣтъ (1880—1904).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ ХСІХ.

Slon 251

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ЯНВАРЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. I—IX. Графа Е. А. Салиаса	7
II. Изъ прошлаго. Глава первая. I—VII. П. П. Гифдича	39
III. Тишайшій у меня въ гостяхъ. Д. Л. Мордовцева	61
IV. Проклятіе до седьмого колѣна. Семейная легенда. А. Ю. Визюкиной	73
V. Отставка Е. П. Ковалевскаго. (По документамъ архива департамента народнаго просвѣщенія). Н. Н. Родзевича	98
VI. Какъ я попалъ въ анархисты. (Истинное происшествіе). Н. В. Тяжелова	128
VII. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. I—II. Н. П. Фалѣева	112
VIII. Митрополитъ Серафимъ на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Сообщилъ А. А. Алфеевъ	166
IX. Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. (Новые матеріалы). П. Е. Щеголева	173
X. Памяти Николая Петровича Семенова. В. Е. Рудакова	196
иллюстрація: Николай Петровичъ Семеновъ.	
XI. Учено-литературная дѣятельность П. П. Карѣева. (По поводу ея 25-лѣтія). Н. Дубровскаго	209
иллюстрація: Николай Ивановичъ Карѣевъ.	
XII. Англійскіе миссіонеры въ Забайкальской области. Г. С. Рыбакова	224
иллюстраціи: 1) Домъ англійскихъ миссіонеровъ въ Селенгинскѣ.—2) Памятникъ надъ могилой семейства миссіонера Юнля въ Селенгинскѣ.	
XIII. По Днѣстру на лодкѣ. I—IV. Д. А. Пахомова	236
иллюстраціи: 1) Руснаки.—2) Ярмарка въ Хотинѣ.—3) Развалины грѣпости въ Хотинѣ.—4) Мельница на Днѣстрѣ.—5) Рыбакъ на Днѣстрѣ.	
XIV. Александръ Николаевичъ Шышинъ. (Матеріалы для біографіи и характеристки). В. В. Глишоваго	263
XV. Критика и бібліографія	308
1) Сочиненія Н. М. Жданова. Томъ первый. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1904. А. Я.—2) В. С. Ошниковъ. Опытъ россійской бібліографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Части I и II. Изданіе А. О. Суворина. Спб. 1904. А. И. Яцимирскаго.—3) Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Шювскаго. Изданіе А. О. Суворина. Спб. 1905. А. И. Яцимирскаго.—4) Пушкинскій сборникъ. Выпускъ третій. М. 1904. С. Ш.—5) Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902. Императорская главная квартира. Исторія государевой сапты. Восемнадцатый вѣкъ. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри. Спб. 1902. Евгенія Шумигорскаго.—6) Э. Пименова. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Спб. 1904. V.—7) Н. Рожковъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904. V.—8) В. Я. Столюнинъ. О преподаваніи русскои литературы. Изданіе шестое. Спб. 1904. Я. Ав—ва.—9) Наша банковая политика (1729—1903). Опытъ изслѣдованія П. П. Мигулина, доктора финансоваго права, орд. проф. Харьковскаго уни-	
(Ом. слѣд. стран.).	

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ.

Повѣсть.

I.

ВЪ ВОТЧИНѢ «Ларинское» было особенно тихо, будто все онѣмѣло и замерло. Въ большой усадьбѣ съ красивымъ барскимъ домоу и десяткомъ разныхъ надворныхъ строеній, равно и въ большомъ селѣ, гдѣ числилось до ста душъ крестьянъ—все, казалось, было объято сномъ.

Но это лишь казалось обывателямъ. Всегда бывало такъ, но никто прежде этого будто не замѣчалъ.

Теперь же и молодому барину и его крѣпостнымъ всѣмъ была замѣтна царящая кругомъ тишина.

Причиной было то обстоятельство, что цѣлая недѣля прошла въ суетѣ, хлопотахъ и празднованіи. Барскій домъ былъ полонъ гостей изъ сосѣднихъ вотчинъ, изъ ближайшаго города Одоева, и даже былъ гость изъ Москвы, генералъ, всѣми давно любимый и почитаемый въ Ларинскомъ.

Празднество состоялось по тому обстоятельству, что баринъ наконецъ достигъ давно желанной цѣли.

Лѣтъ пять назадъ онъ далъ обѣщаніе выстроить новый храмъ вмѣсто стараго, на половину развалившагося. Три года строился храмъ съ перерывами, и наконецъ состоялось его торжественное освященіе. Духовенство изъ города, архіерей со своими пѣвчими, гости и

толпы сосѣднихъ крестьянъ, нахлынувъ со всѣхъ сторонъ, конечно, оживили Ларинское, придавъ вотчинѣ на цѣлые пять дней, если не видъ уѣднаго городка, то во всякомъ случаѣ видъ важной вельможной резиденціи.

Одно время ходилъ даже слухъ, что ожидается на освященіе храма самъ генералъ-губернаторъ, Кречетниковъ, начальникъ двухъ губерній: Тульской и Калужской. Слухъ этотъ возникъ потому, что храмъ былъ во имя св. великомученицы Екатерины и якобы въ честь благополучно царствующей монархини. Въ дѣйствительности была иная причина для его наименованія. Покойная мать молодого помѣщика носила имя Екатерины.

Послѣ суетни, шума и веселья по поводу торжества теперь все стихло... Одни разъѣхались, другіе зажили своей давнишней сѣренькой живнью.

Особенно глухо, уныло и скучно казалось самому помѣщику, 25-ти-лѣтнему Алексѣю Андреевичу Ларину.

Проводивъ гостей, Ларинъ задержалъ еще на сутки друга своего покойнаго отца, генерала Мордви́на, пріѣхавшаго изъ Москвы, и провелъ еще пріятный день съ старикомъ Яковомъ Антоновичемъ, котораго любилъ и чрезвычайно уважалъ съ своего ранняго дѣтства. Но ватѣмъ рано утромъ онъ поневолѣ отпустилъ и старика, усадилъ его въ дорожный рыдванъ и проводилъ верхомъ за три версты отъ Ларинскаго, до почтовой дороги.

Вернувшись, молодой Алексѣй Андреевичъ отправился къ «верхній» густой садъ и около часа просидѣлъ на скамейкѣ въ главной липовой аллеѣ, просидѣлъ, не двигаясь и глубоко задумавшись.

Человѣкъ два-три изъ холоповъ все-таки разыскали его по своимъ дѣламъ, чтобы просить приказаній по хозяйству, но баринъ, по природѣ добродушный, оказался совсѣмъ «въ грозномъ стихѣ», хоть и не подступайся.

Онъ отвѣчалъ тихо, глухо, не глядя на подошедшаго, одно и то же:

— Проваливай къ чорту!

Двое изъ явившихся по дѣлу и неотложному насчетъ уборки хлѣба и выгона людей на барщину, прямо отъ суроваго барина отправились къ главному и важнѣйшему человѣку въ вотчинѣ. Это былъ такой же крѣпостной холопъ, дворовый, но безъ всякой особой должности, человѣкъ пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, по имени Кронидъ Захарычъ. Онъ не былъ ни управляющимъ, ни дворецкимъ, но всѣ всегда со всякимъ дѣломъ шли къ нему за указаніемъ и совѣтомъ.

— Не будь у насъ Кронидъ Захарычъ,—говорили всѣ,—то все Ларинское давно стало бы вверхъ ногами.

Теперь, когда прогнанные бариномъ явились къ всегдашнему своему совѣтнику и руководителю, Кронидъ Захарычъ, какъ всегда,

принялъ ихъ тоже сурово. Онъ не бывалъ никогда въ благодушномъ и ласковомъ настроеніи, а напротивъ глядѣлъ на всѣхъ угрюмо, строго и будто недовѣрчиво.

Всѣ знали, однако, что Кронидъ Захарычъ, по фамиліи Волковъ, только смотритъ «по-волчьи», а въ дѣйствительности человѣкъ разумный и справедливый, какихъ днемъ съ огнемъ поискать.

Однако на этотъ разъ Волковъ, выслушавъ пришедшихъ, отвѣтилъ такъ, что загадку загадалъ:

— Не мое дѣло. Что я—управитель, что ли, вамъ дался? Не добился толку отъ барина, иди къ старостѣ Софрону, а не то самъ разрѣши и дѣйствуй.

На замѣчаніе одного изъ просителей, что «завсегда» такъ было, что Волковъ рѣшалъ всякое и совѣтовалъ, старикъ отвѣтилъ, какъ бы отгрызнулся.

— Мало что было? Было, да сплыло! Быть бы нашей Машкѣ невѣстой, да лежить на погостѣ. Ни въ какія дѣла я больше вступаться нынѣ не стану, хотъ запольхай Ларинское все съ четырехъ концовъ. Получилъ я извѣщеніе, что не въ мѣру не въ свои дѣла носъ сую. Ну, я вотъ себѣ и намоталъ на усъ: «твое, молъ, дѣло сторона».

Черезъ часъ во всей усадьбѣ уже прошелъ удивительный слухъ, что Кронидъ Захарычъ ни во что болѣе вмѣшиваться не хочетъ и отвѣчаетъ только: «мое дѣло—сторона».

Пошли всякія догадки, но тотчасъ, вспомнивъ нѣчто особое, происшедшее наканунѣ, всѣ стали гадать и смущаться...

II.

Наканунѣ, его преосвященство предъ отъѣздомъ, побесѣдовавъ съ баринномъ, глазъ на глазъ, о какомъ-то дѣлѣ, спросилъ: «кто въ вотчинѣ самыи дѣльный и уважаемый человѣкъ?» Архіерею доложили, что Волковъ.

Старикъ былъ немедленно вызванъ къ архипастырю и пробылъ у него съ полчаса.

О чемъ была между ними рѣчь, было, конечно, неизвѣстно; но, когда архіерей уѣхалъ, баринъ вызвалъ къ себѣ Волкова...

И слышно было на дворѣ въ отворенное окно кабинета барина, какъ онъ кричалъ на старика.

Что разгнѣвало барина на Волкова, было непонятно.

Молодецъ и пролазъ Ванька Безухій взялся подкрасться ползкомъ къ самому окну и разслушать кой-что. Однако все, что малый подслушалъ и передалъ дворовымъ, они все-таки уразумѣть не могли.

Поняли они только хорошо, что баринъ говорилъ старику:

«Не твоего ума это дѣло! Больно сталъ у тебя языкъ длиненъ. Я тебѣ укорочу его».

Затѣмъ молодой баринъ особенно сердито кричалъ:

«По естеству! Естество? Это еще что за выдумка?»

Кронидъ Захарычъ со словъ Ваньки все извинялся и все «посылался» на архіерея, что тотъ самъ такъ порѣшилъ.

«Самъ де его преосвященство сказывалъ: по естеству!»

Все, что рассказаль дворнѣ Ванька Безухій съ прозвищемъ еще «гусь лапчатый» уяснить себѣ было совсѣмъ невозможно, а слово «по естеству» всѣхъ особенно озадачило.

Одни слова этого совсѣмъ не поняли, но все-таки чуяли, что оно—слово очень важное. Другіе, будто понявъ слово, рѣшили, что рѣчь между нимъ и бариномъ шла о такомъ сугубо важнѣющемъ обстоятельстве, что, хоть сто лѣтъ гадай, не догадаешься.

— По естеству значить по закону!—рѣшилъ кто-то.

— Вотъ дуракъ-то!—отозвался старикъ, дворовый Θεоктистъ.— Насупротивъ того. Побей мать родную. По закону тебѣ ничего не будетъ. А по естеству оно не гоже. Опять вотъ по закону дозволяется собаку пса или кота Ваську зажарить да съѣсть, а по естеству оно великое свинячество.

— Это точно,—рѣшили и подтвердили всѣ.—Сотворишь не супротивъ закона, а все-таки беззаконно.

Дѣло заключалось въ томъ, что Ларинъ воспользовался пребываніемъ преосвященнаго въ усадьбѣ, чтобъ перетолковать съ нимъ объ одномъ семейномъ обстоятельствѣ.

Его двоюродная сестра, еще очень молодая женщина, но уже вдова, собиралась выходить второй разъ замужъ.

Между тѣмъ этотъ предполагаемый бракъ былъ, какъ ни взгляни, удивительный, неподходящій, «нескладный» и по закону и по другой еще причинѣ, которую преосвященный, узнавъ все дѣло, назвалъ особо... Его выраженіе было совершенно понятно Ларину, но онъ все-таки говорилъ, что архіерей измыслилъ это, придумалъ новую помѣху для брака, который и безъ того не подходящій...

Двоюродная сестра его, Софья Ишимова, еще только 18-ти-лѣтняя вдова, полюбила уроженца и обитателя Ларинскаго, вѣрнѣе двороваго... Она любила его давно, можно сказать, съ дѣтства, такъ какъ знала его съ первыхъ лѣтъ жизни... Въ пятнадцать лѣтъ съ половиной ее выдали замужъ за дворянина офицера, молодого, пригожаго, богатаго... Онъ былъ видный женихъ во всемъ намѣстничествѣ.

Рассуждать и объявлять родителямъ, что она не любитъ суженаго, было, конечно, невозможно, было дѣломъ несмысленнымъ и невиданнымъ. А признаться, что она давно любитъ двороваго человѣка, хотя и на исключительномъ положеніи живущаго у дяди въ усадьбѣ,—было и совсѣмъ нельзя.

Молоденькая женщина не была счастлива въ замужествѣ и по своей вицѣ. Мужъ былъ нѣженъ и ласковъ съ ней, любилъ ее...

Но она-то не могла примириться съ своей судьбой. Черезъ годъ у нея родился ребенокъ. Она и ребенка не любила. И вдругъ черезъ три года замужества она очутилась въ совершенно томъ же положеніи, что до брака, была одинока, потерявъ и мужа и ребенка... Разница была, однако, въ томъ, что ея отца тоже не было на свѣтѣ, и она была совершенно самостоятельна и свободна.

Старая привязанность, конечно, заговорила снова. Мѣшать же было некому.

Но являлась другая помѣха, о которой никто прежде не говорилъ, такъ какъ и любовь молодыхъ людей была скрыта отъ всѣхъ. Теперь, когда Софья Алексѣевна Ишимова заговорила явно, не стѣсняясь о своемъ намѣреніи, заговорили и другіе...

А что они могли сказать,—было и диковинно и важно.

Для Ишиимовой оно было ново и поразительно, а для всѣхъ самое простое, давно всѣмъ извѣстное обстоятельство.

— Не въ томъ бѣда,—вызвали всѣ,—что онъ крѣпостной. Получить вольноотпускную отъ барина, запишется въ купцы и можетъ жениться... Станетъ дворянка купчихой... Что жъ? Дѣло ея, коли сама на это идетъ. А есть иное, чего ни ей, ни кому либо не одолѣть и не распутать.

Этотъ крѣпостной дворовый, не настоящій крѣпостной, не мужицкаго происхожденія, а полудворянскаго, ей «съ боку» родня! Съ боку тѣ же двоюродные они—братъ и сестра.

Вотъ именно этотъ вопросъ и поднялъ Ларинъ съ преосвященнымъ и узналъ, что бракъ не можетъ быть совершенъ въ виду родства. Ларинъ горячо спорилъ съ архіереемъ и доказывалъ, что по закону между молодыми людьми нѣтъ никакого родства. Молодой малый записанъ въ церкви сыномъ дворовой женщины, незамужней, какъ незаконный ребенокъ, прижитый ею... а отъ кого—неизвѣстно...

— Ужъ навѣрно извѣстно, — замѣтилъ архіерей,—коли младенецъ родился въ этой усадьбѣ. Всѣ должны знать. Здѣсь—не столица Москва.

Ларинъ доказывалъ, что, если что и извѣстно, то это какъ бы слухи и предположенія. Онъ ссылаясь на стряпчаго въ Тулѣ, который—замѣчательный законникъ и который, однако, объяснялъ дѣло такъ:

— Мало ли что народъ болтаетъ! Закону дѣла нѣтъ до этого. Законъ вѣдаетъ всякія бумаги и документы, а не людское каляканье да переливанье изъ пустого въ порожнее...

И вотъ тогда-то преосвященный и отвѣтилъ своимъ измышлениемъ, которое озадачило Ларина, а потомъ и сильно разсердило, даже прямо озлобило:

— По закону если и допустителенъ таковой бракъ, то онъ совсѣмъ не допустителенъ «по естеству».

Переговоривъ съ Ларинымъ, преосвященный вызвалъ къ себѣ Волкова, чтобъ узнать отъ него, за кого всѣ обитатели почитаютъ молодого двороваго, за котораго собирается игти госпожа Ишимова. Волковъ отвѣчалъ, что нѣтъ малаго младенца въ усадьбѣ, который бы не зналъ, кто таковъ молодецъ: ея же двоюродный, хотя и съ боку, а не по закону. И вотъ ему въ свой чередъ преосвященный повторилъ то же.

— По естеству—дѣло совсѣмъ грѣховное, неслыханное и наказуемое и людьми и Богомъ. Смертный оно грѣхъ!

Позвавъ къ себѣ Волкова послѣ архіерея, Ларинъ ничего новаго узнать не могъ, но будто хотѣлъ излить свой гнѣвъ, накинувшись на ни въ чемъ неповиннаго старика.

— Новое и глупое измышленіе!—кричалъ Ларинъ.—По естеству! Нельзя и понять. Никогда ничего такого на свѣтѣ не бывало.

Умный Волковъ ясно видѣлъ, что баринъ прикидывается и отлично понимаетъ слова архіерея.

Но Волковъ не могъ зато никакъ догадаться, почему до такой степени баринъ изъ себя выходитъ. Ему-то какое бы, кажется, дѣло до двоюродной сестрицы?

— Развѣ токмо одно обстоятельство, которое мнѣ въ глаза бросилось,—думалъ Волковъ,—и которое я почелъ своей выдумкой, а оно вотъ и на правду смахиваетъ.

III.

Покуда все и всѣ готовились къ торжеству освященія новаго храма, Ларинъ въ хлопотахъ провелъ около мѣсяца въ болѣе бодромъ настроеніи духа. Пришлось раза два стѣздить въ Тулу, выбирать и покупать церковную утварь, затѣмъ пришлось сидѣть и заниматься мудренымъ дѣломъ—писать пригласительныя письма. На одно письмо архіерею съ просьбой исполнить обѣщаніе пріѣхать освятить храмъ потребовалось Ларину четверо сутокъ.

Когда же все благополучно совершилось и закончилось, и гости разѣхались, онъ сразу впалъ снова въ свое тоскливое и угнетенное состояніе.

— Что же дальше? Что же дѣлать?—явился и неизмѣнно давнишній вопросъ, и вопросъ... не разрѣшимый.

Просидѣвъ въ унылой задумчивости среди тишины пустого сада около часу, Алексѣй Андреевичъ, тихо и понурившись, вернулся въ домъ. Проходя чрезъ переднюю, онъ крикнулъ лакею.

— Дойди во флигель. Попроси ко мнѣ Маремьяну Андреевну. Красивая свѣтло бѣлокурая дѣвушка, сидѣвшая у окна, выходящаго въ садъ, завидѣвъ лакея, окликнула его и спросила:

— За мной?

И на утвердительный отвѣтъ она тотчасъ двинулась въ домъ.

Дѣвушка вошла въ кабинетъ Ларина грустная, съ заплаканными глазами.

Ларинъ тотчасъ понялъ причину... Генераль Мордвинъ, котораго онъ проводилъ, былъ ея крестный отецъ, и дѣвушка любила его. А когда придется опять свидѣться, было неизвѣстно. Служа въ Москвѣ, генераль не могъ часто отлучаться. О поѣздкѣ самой Маряши въ Москву не разъ заходила рѣчь. Крестный звалъ ее въ гости къ себѣ много разъ и теперь во время пребыванія своего въ Ларинскомъ даже сказала нѣчто загадочное.

— Вижу я неладное... Не вижу, а чую. Пріѣзжай ты ко мнѣ совсѣмъ. Дѣтей у меня нѣту, наслѣдниковъ, стало быть, тоже нѣтъ, кромѣ двоюродныхъ чертей, которые ждуть—не дождутся, когда «дяденька» поколѣбеть... Пріѣзжай. Я тебя замужь выдамъ... И такъ выдамъ, что всѣ ахнутъ. Будутъ у тебя съ мужемъ дѣти... Сочту ихъ внуками. Ты все-таки моя дочь, крестная дочь. Поразсуди, посовѣтуйся съ Андреемъ, а тамъ объяви и Алексѣю. Онъ мнѣ не можетъ отказать этакого. А если откажетъ, то я совсѣмъ повѣрю въ то, что мнѣ теперь только мерещится.

— Что такое?—не подумавъ, спросила Маряша, но не успѣлъ крестный заговорить, какъ она уже поняла, догадалась, на что намекаетъ онъ, и оробѣла, смутилась, виновато потупившись.

— Вотъ, вотъ!—сказалъ онъ.—Правда моя. Бѣдовое у васъ тутъ, въ труппѣ этой, приключилось... Стало быть, тебѣ крайняя нужда уѣзжать. Вотъ и переѣзжай ко мнѣ.

Послѣ отъѣзда генерала Маряша задумалась надъ предложеніемъ его и рѣшила, что, конечно, умнѣе ничего придумать нельзя... Слѣдовало бы немедленно уѣзжать.

— Да,—кончила она свои размышленія,—слѣдовало бы. Да мало ли что умно и хорошо, а люди не дѣлаютъ, не могутъ. Вотъ и я не могу... Нѣтъ, останусь и буду тянуть, покуда можно, покуда Алексѣй не начнетъ сумаснествовать... Тогда, дѣлать нечего, уѣду, спасаясь отъ бѣды.

И слезы, слѣдъ которыхъ увидѣлъ теперь Ларинъ на лицѣ дѣвушки и приписалъ проводамъ крестнаго отца, явились по другой причинѣ.

И это было не первый разъ. Много разъ случалось Маряшѣ плакать, благодаря «диковинному происхожденью обстоятельствъ», какъ часто говорилъ онъ самъ, Ларинъ.

Дѣвушка вошла тихо и уныло и молча сѣла противъ него. Заплаканные глаза грустно смотрѣли на него и будто спрашивали: «что?»

— Побесѣдовать,—отвѣчалъ онъ, понявъ выраженіе взгляда,—потолковать. Знаешь ли ты, что вышло?.. Яковъ Антонычъ мнѣ сказалъ... Не прямо сказалъ, а обинякомъ... Но я хорошо понялъ, знаю, что не ошибаюсь. Онъ мнѣ сказалъ... Онъ догадался... Стало

быть, оно видать и постороннимъ, какъ ни укрывайся. Онъ сказалъ: бѣдовое у васъ тутъ, въ вашей дырѣ деревенской, приключилось. Разрѣши такъ ли, сякъ ли, покуда не поздно. Долго ли до грѣха?..

— Онъ мнѣ то же сказалъ,—тихо произнесла Маряша.

— То же! Когда?—удивился Ларинъ.

— Вчера. Да еще дня четыре назадъ. Но вчера понятнѣе разговаривалъ.

— Что же ты?

— Что? Ничего. Отмолчалась. Что же отвѣчать?

— Спросилъ тебя, что я одинъ безумствую, или... или оба мы въ искушеніе впали?

— Нѣтъ, онъ только сказалъ, что надо мнѣ отъ бѣды уѣзжать скорѣе и ѣхать жить къ нему.

— Что?!—вскрикнулъ Ларинъ.—Къ нему, въ Москву? Побойся Бога, Маряша. Развѣ это возможно?

— Я сказываю, что онъ говоритъ...

— Что же ты отвѣтила?

— Ничего. Сказала—видно будетъ. Поблагодарила.

— И ты сможешь такъ уѣхать? Сможешь меня покинуть, бросить одного?

Дѣвушка потупилась и молчала.

— Говори, Христа ради, Маряша. Неужели ты сможешь такое жестокосердое учинить?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь? Ты должна знать впередъ. Должна. Я же знаю. Я знаю, что не могу безъ тебя жить. Не могу одного дня безъ тебя прожить. Какъ же ты не знаешь? Грѣхъ это. Деревянная ты. Говори же.

— Что же я скажу?

— Уѣдешь ты?

— Вѣстимо, нѣтъ. А, разумѣется, уѣхать бы слѣдъ. Лучше бы было.

— Лучше? Кому лучше? Тебѣ?

— Нѣтъ, не мнѣ, а лучше вообще... Пожалуй, скажу, не лучше, а разумнѣе. Что мы такъ тутъ, безъ конца, мыкаемъ горе? Нешто это живнѣе?.. Посмотрите на себя. Какой вы ходите!.. Уѣду я, хоть вотъ къ крестному въ Москву, вамъ, можетъ быть, станетъ опоконнѣе, заживется лучше.

— Какія выдумки! Какой вздоръ! Мнѣ одному во сто разъ хуже будетъ. Да и не останусь я тутъ ни минуты. Ты въ Москву,—я за тобой. Нѣтъ, Маряша, и думать не мого уѣзжать изъ Ларинскаго. Обожди хоть...

— Чего ждать... чего, Алеша?

— Надумаемъ чтонибудь.

— Да вѣдь который годъ мы думаемъ и ничего не надумаемъ. Целъвя ничего надумать...

— Я до сихъ поръ все пробовалъ да справлялся, какъ быть, если по законамъ дѣйствовать... А теперь я это бросилъ. Ничего нельзя по законамъ, ну, и чортъ съ ними. Инако теперь возьмемся... Инако будемъ пробовать.

— Противозаконное?

— Нѣтъ. Зачѣмъ? Мы эти законы...

— Обойдемъ, какъ говорить часто Соня... Такъ вѣдь она, сами знаете, отчаянная. Да и она вотъ обходить-то законы только все еще собирается. Обойдетъ ли, невѣдомо. А намъ ихъ обойти и совсѣмъ нельзя...

— Нѣтъ, Маряша... нѣтъ. Я и не собираюсь...

— Такъ что же тогда?

— Я такъ надумалъ, что все по закону будетъ, но хитростью, обманомъ.

— Къ худому и приведетъ.

— Никогда.

— Неправдой правды не добьешься... Слыхалъ ты это?

Алексѣй Андреевичъ не отвѣтилъ, подумалъ и выговорилъ.

— Ну, все это видно будетъ. А ты мнѣ одно скажи. Будешь ты подумывать о приглашеніи крестнаго или бросишь?

— Понятно, брошу и помышлять... Покуда.

— Ну, вотъ спасибо,— нѣжно произнесъ Ларинъ.—А то даже перепугала...

Ларинъ хотѣлъ приблизиться къ дѣвушкамъ и поцѣловать ее, но въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги.

Вошедшій лакей доложилъ барину, что пасѣчникъ Зиновей пришелъ къ нему.

Маряша поднялась.

— Ты куда же?

— Братъ ждетъ. За грибами собрались въ Заячій логъ. Надо пройти, а то голова тяжела...

— Это отъ слезъ. Не плакала бы... Отъ себя зависить.

— Нѣтъ, не отъ слезъ,— отвѣтила твердо дѣвушка... А отъ того, что ихъ лъгетъ!.. А оно отъ меня не зависить.

И Маряша тихо вышла.

IV.

Чрезъ минуту въ дверяхъ на порогѣ террасы показался высокій, плечистый старякъ, судя по сѣдинѣ въ бородѣ окладистой да въ длинныхъ волосахъ по плечамъ, придававшихъ ему видъ дьячка. Но лице его было чрезвычайно молодо и благообразно. Это былъ красавецъ-старякъ. Правильныя черты, орлиный тонкій носъ

съ легкой горбинкой, дугообразныя черныя, какъ смоль, брови, свидѣтельствовавшія о томъ, каковы были прежде его волосы, а подъ этими густыми бровями большіе темноватыя глаза умные, добрые, будто глубокіе по задумчивости и даже по какой-то едва замѣтной тѣни печали. Въ нихъ было что-то, будто затаенное, даже загадочное.

Старикъ остановился на порогѣ и поклонился въ поясъ.

— Здравствуй, Зиновей,—произнесъ Алексѣй Андреевичъ и машинально протянулъ руку чрезъ столикъ, стоявшій предъ диваномъ, на который онъ сѣлъ при появленіи старика.

Зиновей двинулся, нагнулся, поцѣловалъ протянутую руку и вернулся на свое мѣсто, на порогъ дверей.

Всѣ движенія старика были чрезвычайно спокойны, плавны, даже отчасти важны, не только степенны. Вѣроятно, таковъ онъ былъ и нравомъ. Никто никогда не видѣлъ его оживленнымъ, болтливымъ, смѣющимся. Лишь изрѣдка онъ добродушно, но будто снисходительно улыбался. Но эта снисходительность была не обычная, а кроткая и ласковая.

Вообще всѣ въ Ларинскомъ давно любили Зиновей и уважали болѣе, чѣмъ кого либо изъ старыхъ дворовыхъ. Когда-то онъ былъ садовникомъ въ усадьбѣ, главнымъ завѣдующимъ всѣми оранжереями и грунтовыми сараями и теплицами. Покойная Ларина была большая любительница цвѣтовъ, а равно и любительница фруктовыхъ деревьевъ, мечтательная выростить у себя въ оранжереяхъ не только персики и абрикосы, которыхъ было много, но и апельсины. Этого никогда, конечно, она не достигла, несмотря на свои заботы и на труды любимца Зиновей.

А главный садовникъ былъ ея большой любимецъ, благодаря взаимнымъ мечтаньямъ и хлопотамъ то объ арабскихъ персикахъ, то о шпанскихъ перламутровыхъ вишняхъ, то объ индѣйскомъ ананасѣ. Одно время, лѣтъ тому уже двадцать и болѣе назадъ, покойная Екатерина Семеновна проводила лѣтомъ цѣлыя часы въ оранжереяхъ и питомникахъ, а зимой Зиновей являлся къ ней ежедневно съ докладомъ. Но это бывали не доклады, а длинныя бесѣды о любимомъ дѣлѣ, совѣщанія и обсуждения проектовъ на слѣдующее лѣто.

Андрей Петровичъ Ларинъ, ея мужъ, въ это дѣло совсѣмъ не вмѣшивался и никогда при докладахъ Зиновей не присутствовалъ. Да и происходили они на половинѣ барыни въ ея маленькой гостиной. Вообще, не только мужъ, но никто изъ домашнихъ никогда не являлся мѣшать барынѣ и садовнику рѣшать важные вопросы объ индѣйскомъ ананасѣ или арабскомъ персикѣ.

Лѣтъ десять назадъ Зиновей вдругъ, по совершенно неизвѣстной никому причинѣ, сталъ проситься вонъ изъ усадьбы, проситься жить на пасѣкѣ, на опушкѣ лѣса, верстахъ въ трехъ отъ усадьбы. Господа согласились. Баринъ тотчасъ же приказалъ выстроить

новую болѣе просторную избушку, а барыня ее снабдила всякой всячиной, даже дала три стула изъ барскаго дома. Всѣ общались Зиновею бывать у него въ гостяхъ не только лѣтомъ, но и зимой. Однако удаленіе Зиновея изъ усадьбы, брошенное имъ любимое занятіе, оранжерей и теплицы, удаленіе въ глушь и жизнь, какъ отшельника, все это удивило обитателей.

— Не проста этакое, — говорили многіе.

Переселившись въ избушку, пасѣчникъ рѣдко являлся въ усадьбу, а съ тѣхъ поръ, какъ скончались господа его, сталъ бывать еще рѣже.

Алексѣй Андреевичъ, въ дѣтствѣ своемъ чуть не ежедневно выдавшій главнаго садовника въ комнатахъ матери, конечно, привыкъ къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо изъ дворовыхъ людей. Всѣхъ ихъ онъ видалъ мелькомъ, видалъ, какъ дворню, входилъ съ ними въ сношенія только въ силу ихъ услугъ, тогда какъ Зиновею былъ его знакомый и пріятель, съ которымъ онъ съ первыхъ лѣтъ жизни пускался во всякія разсужденія.

Наконецъ тотъ же Зиновею, какъ бы дядька молодого барчука, устраивалъ ему разныя игрушки, приносилъ то искусно сдѣланнаго «чижика», т.-е. отточенный колышекъ, то «лошадку», т.-е. палочку съ какой-то головкой на концѣ, гдѣ были глаза и уши, а подъ ними одна нога съ копытомъ, то иную какую нибудь имъ выдуманную и состряпанную дѣтскую забаву.

Теперь Алексѣй Андреевичъ всегда ласково встрѣчалъ Зиновея, всегда разспрашивалъ о его пасѣкѣ, всегда спрашивалъ: «не нужно ли тебѣ чего?» а равно всегда давалъ ему цѣловать руку, какъ особую милость, а иногда и обѣ, по очереди. Дѣлалъ онъ это потому, что такъ бывало всегда въ дѣтствѣ, кромѣ того, потому, что замѣтилъ большую разницу въ томъ, какъ цѣловалъ его руку Зиновею или другіе холопы. Въ поцѣлуѣ Зиновея чувствовалась любовь, а не одно условное почтеніе къ барину. Не даромъ, видно, онъ еще младенцемъ былъ близокъ этому садовнику, какъ бы дядькѣ.

— Ну, что скажешь, Зиновею?—спросилъ Ларинъ ласково.

— Я къ вамъ, баринъ, съ усердной просьбой. Не откажите. Помилуйте...

И Зиновею сразу, гдѣ стоялъ, опустился на колѣни и поклонился до земли, стукнувъ лбомъ въ полъ.

— Что тебѣ? Говори. Знаешь, все, что можно, я всегда радъ для тебя. Маменька и родитель хоть мнѣ дали препорученіе тебя не обижать, да я и самъ тебя очень уважаю. Встань, говори!

— Дозвольте мнѣ въ пустынь удалиться.

— Куда? Что?

— Въ монастырь. Постричься дозвольте.

— Въ монахи? Постричься?

— Такъ точно-съ.

— Да съ чего же это ты?..

И удивленный Ларинъ поглядѣлъ, широко раскрывая глаза, на старика.

— Такъ что, стало быть, нужно.

— Да съ чего же? Вѣдь ты и такъ живешь почти отшельникомъ, особливо зимой. Чисто монахъ.

— Я дикобразомъ живу, а не монахомъ. Только что безлюдно. А развѣ у меня храмъ подъ рукой?—выговорилъ Зиновей громче и будто отчасти раздражительно и съ упрекомъ.

Ларинъ глядѣлъ и, озадаченный, не зная, что сказать.

— Будьте милостивы, Алексѣй Андреевичъ. Не погубите, разрѣшите!—снова замолился старикъ.

— Да какъ же это, когда тебѣ такое на умъ пришло? Вдругъ въ голову втемяшилось?

Зиновей молчалъ.

— Вдругъ... Или ужъ время, что задумалъ?

— Да почитай всегда собирался. Еще при жизни вашихъ родителей два раза собирался.

— Что же? Не дозволили?

Зиновей помолчалъ и затѣмъ глухо, едва слышно произнесъ:

— Барыня...

— Маменька? Не разрѣшила... А батюшка?..

— Не могу знать... странно отозвался старикъ, скороговоркой и будто избѣгая прямого отвѣта.

Наступило молчаніе, и на новый вопросъ Зиновей молодой человѣкъ развелъ руками.

— Не такое дѣло это, по-моему, чтобы въ него вмѣшиваться,—сказалъ Ларинъ.—Будь ты еще молодой, да въ усадьбѣ пужный. А ты давно живешь на отшибѣ. Ну, что же! Богъ съ тобой, иди, постригайся.

— Вѣчно за васъ Бога буду молить,—съ чувствомъ и почти восторженно воскликнулъ Зиновей.

Онъ двинулся снова къ барину, взявъ протянутую руку и медленно, крѣпко поцѣловалъ ее. Затѣмъ онъ круто повернулся и быстро вышелъ.

Ларинъ проводилъ старика глазами, съ недоумѣніемъ глядя ему въ слѣдъ.

— Съ чего онъ собрался въ монахи?—прошепталъ онъ.

Онъ любилъ Зиновей, пожалуй, болѣе, чѣмъ кого либо изъ своихъ крѣпостныхъ. За послѣднее время, когда Зиновей поселился чуть не въ лѣсу и рѣдко бывалъ въ усадьбѣ, Алексѣй отвыкъ отъ него. Но въ дѣтствѣ зато не было у него никого столь близкаго и дорогого, какъ этотъ человѣкъ, вѣчно старающійся сдѣлать ему какое нибудь удовольствіе.

Конечно, много вліяло на ребенка, а затѣмъ отрока, отношеніе матери къ этому садовнику. Будучи уже смертельно больна, зная, что не встанетъ съ постели, женщина много разъ говорила сыну о Зиновеѣ, уже жившемъ на пасѣвкѣ, прося дѣлать для него все возможное и быть ласковымъ.

— Это самый мнѣ вѣрный человѣкъ,—говорила она.—Онъ и меня и тебя любить не такъ, какъ другіе крѣпостные. Онъ за пасѣ весь сейчасъ на смерть пойдетъ.

Разумѣется, Ларинъ никогда бы и не отказалъ бывшему садовнику ни въ чемъ, но желанія этого старика были настолько сурово ограничены, что и сдѣлать для него что либо было невозможно, не представлялось случая.

V.

Когда Зиновеѣ вышелъ отъ барина и проходилъ переднюю, то встрѣтилъ входящаго Волкова.

Оба старика нѣсколько холодно поздоровались. Они были врагами, и не со вчерашняго дня. Ихъ вражда началась тогда, когда оба были почти молодыми, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Съ чего началась и на чемъ основывалась эта вражда,—никто не зналъ. Знали ли они сами, почему ненавидятъ другъ друга,—было ихъ тайной. Они никогда ни разу не повздорили при постороннихъ, ничего не высказали другъ другу, никогда и глазъ на глазъ не объяснились вполне.

Всякій будто зналъ самъ и про себя, за что ненавидитъ другого и за что ненавидимъ имъ. Объяснять нечего.

Только однажды, давно уже, Волковъ погрозился садовнику:

— Ну, погоди, скоро, видно, до тебя чередъ дойдетъ. Буде.

Вскорѣ послѣ этого Зиновеѣ отпросился вонъ изъ усадьбы на житье въ глуши, ради якобы того, что пристрастился къ пчеламъ и хочетъ быть пасѣчникомъ.

При переселеніи Зиновея Волковъ ухмылялся злобно и говорилъ себѣ самому:

— Поджалъ хвостъ, песь.

Но ни единымъ словомъ онъ не обмолвился никому ни о своей угрозѣ Зиновею, ни о своемъ объясненіи поступка его трусостью.

Встрѣтившись теперь, оба старика, ровесники, заговорили, такъ какъ за послѣдніе годы ихъ взаимная ненависть сильно смягчилась. Главной причины, по крайней мѣрѣ, видимой уже не было. Когда-то Кропидъ былъ любимцемъ барина, а Зиновеѣ любимцемъ барянина. Оба своими докладами или жалобами вліяли на жизнь двора. Съ кѣмъ что ни приключись, всѣ бѣжать просить—кто садовника, кто камердинера. Въ случаѣ ссоры двухъ человѣкъ каждый бѣжалъ къ своему, такъ какъ присутствіе въ усадьбѣ

двухъ любимцевъ образовало два лагеря. И все Ларинское насто-
роживалось и ждало: «чья возьметъ? кто одолѣетъ? Зиновой или
Кронидъ?»

Встрѣтившись теперь, оба старика заговорили довольно, если не
благодарушно, то равнодушно.

— Къ барину по дѣлу приходилъ?—спросилъ Волковъ.

— Да. Давно собирался, да боялся итти.

— Боялся? Къ барину? Ты-то?—удивился Волковъ.

— Да. Боялся—откажетъ, не захочетъ.

— Вотъ что... Это иное. Ну, что же?

— Слава Богу. Далъ полное свое согласіе.

И Зиновой, радостно улыбаясь, добродушно поглядѣлъ въ лицо
своего давняго врага.

Волковъ удивился, но не хотѣлъ спрашивать, въ чемъ дѣло,
покуда тотъ самъ не скажетъ.

— Скоро вотъ... Какъ наладится все, да разрѣшится... Я къ
тебѣ приду, Кронидъ Захарычъ... Въ ноги поклонюсь.

— Ко мнѣ?.. Я-то что же могу?

— Буду просить...

— Душой радъ всякое... Все то, что было, дѣло старое прошло
быльемъ заросло. Да не могу я ничего... Зиновой Зиновеичъ.

— Буду я просить тебя... мнѣ простить, въ чемъ я согрѣ-
шилъ предъ тобой... Я, Кронидъ Захарычъ, постричься хочу...
Надо, чтобъ мнѣ люди мои грѣхи отпустили, тогда и Господь от-
пустить... Вотъ, стало быть, мнѣ и подобаешь къ тебѣ допрежде
всѣхъ итти. Съ тобой мы оба лучше всего воевали...

— Вонъ онъ что?—вымолвилъ удивленный Волковъ и затѣмъ,
подумавъ, прибавилъ:—дѣло доброе. И я бы пошелъ въ монастырь.
Тише, лучше и безобиднѣе... А въ міру при господахъ, какъ ни
бейся, отъ обиды напрасной не уйдешь...

— Вотъ я и хочу отъ міра подалѣ. Мало ли что въ міру
вдругъ на тебя стрясется?—странно проговорилъ Зиновой.

Старики простились... Волковъ собрался было итти къ себѣ,
когда въ прихожую вошелъ молодой дворовый, очень красивый
собой, по имени Кириллъ. Старикъ тотчасъ же замѣтилъ его осо-
бенно смущенный видъ.

— Что ты? Аль что попритчилось худое?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Кронидъ Захарычъ,—отвѣтилъ Кириллъ, смущаясь.—
А я вотъ къ вамъ съ важнѣющимъ дѣломъ. Помогите.

И молодой малый полушепотомъ объяснилъ свое дѣло коротко.

Лицо Волкова изобразило крайнее изумленіе, онъ задумался.

— Какъ же-съ?—спросилъ наконецъ Кириллъ, не понимая мол-
чанія старика и не зная, какъ его объяснить.

— Надумалъ же ты, Киря... неподобное... Ты лучше бы поду-
малъ зубами луну достать.

— Трудное, по-вашему?..

— Нѣтъ, не трудное, а совсѣмъ неподобное, невозможное.

— Почему же?..

— А потому, что баринъ никогда такого не позволить. Даже разгнѣвается до страсти.

— Что жъ онъ... за другого кого прочитъ Маряшу?—спросилъ Кирилль, подумавъ.

— То-то за другого. Ты не зналъ этого. Какъ же тебѣ Андрюша этого не сказать или сама Маряша? Вѣдь они-то знаютъ лучше меня.

— Андрюша только отказался наотрѣвъ итти съ этимъ къ барину...

— А Маряша?

— Маряша? Да вѣдь знаешь, какая она. Ее вѣдь никто еще не разобралъ, какая она.

— Да что же она тебѣ сказываетъ?

— Смѣется. Говорю: пойду барина просить тебя за меня выдать—смѣется и говоритъ: ступай. Сказалъ я, что васъ буду просить—тоже смѣется. Проси, говоритъ, Кронидъ Захарычъ добрый... Заговорилъ я вчера, что буду сегодня послѣ обѣдовъ вотъ просить, она еще пуще смѣялась. А потомъ спросила: ты когда родился? Годовъ двадцать назадъ или вчера? И не поймешь еще, что сказывала, и все смѣючись.

— Да, братецъ, правда ея. Ты вчера родился. Выходишь—ново-рожденный. Они все видятъ и все слышатъ, а ничего не разумѣютъ. Такъ вотъ и ты...

Простоявъ предъ молодцемъ молча довольно долго, Кронидъ Захарычъ сѣлъ на скамью и шепнулъ страннымъ шепотомъ, будто грустнымъ:

— Люблю я Маряшу. Всѣмъ сердцемъ люблю. Знаешь ли ты это, Кирилль?..

— Знаю... Всѣмъ сказываютъ...

— И всѣ врутъ. Сказываютъ вздоръ. По-ихнему я ее люблю, вотъ какъ ея брата, что лп, или тебя вотъ. Неправда. Я ее такъ люблю, какъ могъ бы развѣ любить родную дочь, если бъ мнѣ Господь таковую послалъ.

Волковъ вздохнулъ, помолчалъ и заговорилъ совсѣмъ грустнымъ голосомъ.

— И хорошо бы было это. Ты малый хорошій. Да и ей въ мужья совсѣмъ подходящій. Она не мужичка, дворянской крови... Да и ты вѣдь... Чай, знаешь, какъ на свѣтъ пришелъ?

— Сказываютъ...—потупляясь вымолвилъ Кирилль.

— Вѣрно, голубчикъ. Я-то вѣдь знаю. На моихъ глазахъ. Удивлялся я, да и теперь дивлюся, что такой важный и богатый баринъ, именитый князь... И ничего, ничеготочки родному сыну ни-

когда не сдѣлалъ. Хоть и побочный, да все же единокровный. Никогда-то ни одинаго подарочка не прислалъ. Покойный баринъ, тоже дивился. Ну, онъ не примѣръ... Онъ вонъ какъ своихъ-то соблюдалъ. Онъ сказывалъ завсегда, да еще сердито: «Что такое родной сынъ либо родная дочь? Отъ законной, что ли, жены! Никогда! А если, говорить, у человѣка законная жена да отъ другого, отъ любезнаго друга родила. Онъ человѣку тому законный, родной? Законный, вѣстимо, коли не можетъ, а либо не хочетъ человѣкъ итти срамиться уличать жену. А родной ли? Совсѣмъ чужой. Да еще хуже, чѣмъ чужой! Много хуже. До чужого дѣла нѣтъ. А этакій уроженецъ ненавистенъ... А уродилось дитя отъ наложницы, коя дорога, дороже законной супруги, да сама она распречестнѣйшая, распродобрѣйшая... Дитя отъ нея еще дороже, потому что судьбой безвинно обижено, и люди будутъ забижать, укорять»... Да, вотъ какъ баринъ, Андрей Петровичъ, разговаривалъ... А вотъ твой-то законный родитель, хоть и вельможа и князь, а ни твоей покойной матери, ни тебѣ никогда ниточки не прислалъ въ свое воспоминаніе.

Волковъ смолкъ и задумался. Кириллъ воспользовался паузой и вымолвилъ:

— Богъ съ нимъ. Я объ этомъ никогда и не думаю. Живу, слава Богу, никто не обижаетъ. Молодой баринъ тоже милостивъ... А вотъ, Кронидъ Захарычъ, какъ скажете насчетъ моей просьбы? Какъ посудите?

— Что?..

— Да просьба моя... Заступите меня предъ бариномъ.

Волковъ вздохнулъ...

— Вчера ты родился, Кирюша. А съ новорожденными плохо бесѣдовать. Они только могутъ пузыри губами пускать, а ни говорить, ни понимать. Я еще съ ума не сходилъ, чтобы къ Алексѣю Андреевичу съ твоимъ дѣломъ итти.

— Богъ съ вами, Кронидъ Захарычъ. Отчего такъ?

— Я вотъ къ Маремьянѣ Андреевнѣ пойду и скажу ей, чтобы она не баловалась, не смѣялась надъ тобой. Сказала бы тебѣ прямо, куда ты лѣзешь, въ какую берлогу. Или жизнь надоѣла.

— Не пойму я вотъ, Кронидъ Захарычъ.

— Глупая голова. Захоти Маряша и ты взаправду вѣнчаться, то здѣсь въ Ларинскомъ земной трусъ приключится... Звѣзды съ небесъ попадаютъ. Или же ты, да и я, и первый даже мужикъ, мимо идущій, ничего не вѣдающій,—всѣ въ Сибирь, а то въ солдаты угодимъ. Уходи! Что съ тобой, дуракомъ, толковать!

VI.

Въ сумерки среди полной тишины вдругъ послышались колокольчикъ и бубенчики... Звукъ несся съ противоположной стороны отъ села...

— Изъ города. Не сосѣди... А изъ города!—подумалъ всякій, кто слышалъ.

То же самое подумалъ и Ларинъ, прислушиваясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ недоумѣвалъ.

— Кто это можетъ быть? Некому!

Дѣйствительно всѣ и близкіе люди и простые знакомые только что побывали въ Ларинскомъ на освященіи храма. А тѣ, что не могли пріѣхать почему либо, не поѣдутъ черезъ день послѣ окончанія празднествъ.

Одна лишь двоюродная сестра, не попавшая на праздникъ Ларинскій, могла пріѣхать повднѣ, но много повднѣ, такъ какъ была задержана въ Москвѣ.

Ларинъ прошелъ всѣ комнаты и вышелъ на крыльцо отъ любопытства и нетерпѣнія.

— Когонибудь чортъ несетъ. А не то, чтобы кто пріятный ѣхалъ,—рѣшилъ онъ угрюмо.

Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ тоже явились въ переднюю и на крыльцо. Всѣ стали за баринкомъ и такъ же, какъ онъ, нетерпѣливо глядѣли нъ широкія настежь раскрытыя ворота большого двора.

— Назадъ что ли кто... Изъ дальнихъ,—сказалъ Ларинъ.—Можетъ, что приключилось въ дорогѣ у кого изъ дальнихъ гостей. Сюда ближе, чѣмъ въ Тулу.

— Должно, что такъ,—замѣтилъ камердинеръ Павелъ.

Предположеніе это, однако, было почти недопустимо. Уѣзавшіе гости, кто уже сутки, а кто и больше, не могли вернуться въ Ларинское изъ-за приключенія въ дорогѣ. Они были давно и въ Тулѣ и за Тулой.

Въ ворота влетѣла тройкой сѣрыхъ коней, небольшая дорожная берлина, и сразу и баринъ и дворовые ахнули отъ радости...

— Соня!

— Софья Алексѣевна!

Пріѣзжая была Ишимова, не попавшая на торжество освященія и предполагаемая въ Москвѣ.

Когда карета остановилась предъ крыльцомъ, пріѣзжая, черно-волосая красивая женщина, уже кричала, высовываясь въ окно.

— Это не я... Ей-Богу, не я... Это вамъ лукавый глаза отводитъ. Напущеніе. Берегитесь...

Выпрыгнувъ изъ экипажа мимо полудюжины протянутыхъ рукъ дворовыхъ, желавшихъ ее высадить, молодая женщина однимъ вто-

рымъ прыжкомъ очутилась около двоюроднаго брата и у него на шеѣ.

— Ахъ, отчаянная! Ахъ, несуразная!—воскликнулъ обрадованный Ларинъ.

И, расцѣловавшись съ пріѣзжей, онъ снова прибавилъ:

— О двухъ головахъ... А обидно, Соня, обидно. У насъ тутъ весело было. Только тебя не хватало. Всѣ жалѣли. Яковъ Антонычъ даже собирался...

— Ну, Христосъ съ ними, Алеша. Не въ нихъ дѣло,—воскликнула Ипимова.—Мнѣ самой было обидно, что я не могу поспѣть на твое правднство. Что дѣлать! Ну, идемъ, идемъ... Все расскажу по порядку...

Черезъ минуту очень молоденькая женщина, живая, вертлявая, полная жизни и огня, скорѣе похожая на молодую дѣвушку, невѣсту, а никакъ не на вдову, успѣвшую потерять и мужа и ребенка,—не заговорила, а затрещала, рассказывая двоюродному брату свое пребываніе въ Москвѣ по дѣлу, очень для нея важному.

Она была въ тяжбѣ съ родней своего мужа, чтобы получить свою часть изъ наслѣдства, оставшагося послѣ него, слѣдующую ей по закону.

На вопросъ Ларина, хорошаго ли сестра достала себѣ ходатая по дѣлу въ Москвѣ, и кто онъ такой, Софья Алексѣевна заявила, какъ всегда, громко,—а часто она и вскрикивала, увлекаясь своей рѣчью,—и затѣмъ три раза повторила:

— Первостатейный! Первый на всю столицу. Первостатейный, первостатей-ный!..

— Какъ звать? Старый? Молодой? Законникъ? Дорого взялъ?—засыпалъ Ларинъ вопросами.

— Молодой. Законовъ совсѣмъ не знаетъ!—воскликнула женщина, весело и быстро жестикулируя.—Зато даромъ.

— Какъ даромъ? Какъ законовъ не знаетъ?

— И ни одинъ судья, Алеша, съ нимъ справиться не можетъ. Всѣ судьи, какъ по стрункѣ ходятъ, пикнуть не смѣютъ. И тяжба на концѣ. Перетянуло дѣло. А кто ходатай? Отгадай.

— Что ты? Нешто можно, не зная даже по имени, никогда не выдавши?..

— Знаешь. Видалъ. Знаешь хорошо, Алеша. Слушай, гляди. Вотъ.

И вскочивъ съ дивана, на которомъ молодая женщина почти прыгала въ бесѣдѣ, то садилась, то вставала, то опять садилась, она на этотъ разъ склонилась почтительно предъ Ларинымъ, шаркнула ножкой и, вывернувъ руку колесомъ, показала себѣ на грудь.

— Что?! Не пойму! Что ты?

— Я, Алеша. Я сама ходатай. Сама всѣхъ судей перевидала, забудоражила и загоныла. И тяжбу выиграла.

Алексѣй Андреевичъ началъ было спрашивать сестру, какъ она рѣшилась сама «ходить» по своему дѣлу, какъ она, «какая прятъ ни будь», не побоялась «якшаться» со вслкими «стрекулистами и пѣвками» судейскими, но молодая женщина перестала смѣяться и трещать и сразу насупилась. Эти рѣзкіе переходы въ ея настроеніи и въ ея лицѣ, то ребяческая веселость и беззаботность, то угрюмая холодность, даже суровость, были въ ея огневой и впечатлительной натурѣ обыкновеннымъ всегдашнимъ явленіемъ.

Она протянула руку, закинула слегка лохматую, чернокудрую головку назадъ и произнесла серьезно и съ чувствомъ.

— Ну, что мой... воробей?

— Ничего...—отоввался Ларинъ.—Чему же быть?.. Толковали о тебѣ... Да не съ нимъ однимъ. Или съ Маряшей. Ты ахнешь, Соня... узнавши, съ кѣмъ я о тебѣ рѣчь заводилъ... Съ самимъ нашимъ...

— Отчего не идетъ? Чего ждетъ?—перебила Ишимова...

— Да, вѣрно, не знаетъ. Нѣту... Бродить по саду...

И, кликнувъ чрезъ комнаты людей, Ларинъ приказалъ:

— Добѣги къ Андрею Андреевичу и Маремьямъ Андреевнѣ. Не знаютъ, не слышали что ли, что Софья Алексѣевна прибыла.

Чрезъ нѣсколько минутъ появился старикъ лакей, Феоктистъ, и доложилъ:

— У себя ихъ нѣту-съ. Должно быть, ушедши за грибами, либо въ оранжереяхъ. Прикажете разыскать?

— Понятно, тотчасъ искать, разыскать,—сказала Ишимова.— Разгони всю дворню.

Но едва старикъ двинулся, молодая женщина вдругъ вскрикнула:

— Нѣтъ, не надо...

И, обернувшись къ брату, она выговорила:

— Потомъ. Сами пойдемъ, найдемъ. Расскажи, съ кѣмъ говорилъ обо мнѣ.

Ларинъ, обождавъ, чтобы лакей былъ уже въ другой комнатѣ и не могъ слышать разговора, заговорилъ угрюмо.

— Съ архіереемъ, Сонюшка. Да, съ самимъ нашимъ первосвященнымъ, что былъ на освященіи. Ну, онъ и руками и ногами. Такую мнѣ отповѣдь закатилъ... Пробралъ...

— Такъ и слѣдовало ждать. Ну, что же? Наплевать. Вѣтеръ въ полѣ, не волкъ воетъ, не съѣстъ...

Ларинъ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Отчаянная... Ничѣмъ не возьмешь. Желалъ бы я этакаго права быть. Ей-Богу. Все трынъ-трава.

— Захоти, и будетъ тебѣ все трынью. Отъ себя зависить. Люди одного хотятъ, а ты другого... Ну, и тягайся... Чья возьметъ!

И молодая женщина разсмѣялась пренебрежительно.

VII.

Въ то самое время, когда бойкая вдовушка рассказывала снова двоюродному брату о Москвѣ и своихъ подвигахъ въ судѣ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти и дѣвушка много моложе его, верстахъ въ двухъ отъ усадьбы, вышли изъ лѣсу на опушку съ двумя большими коробами, полными грибовъ. Это была Маряша съ братомъ. Они сѣли на траву, высыпали короба и стали перебирать грибы, отбрасывая тѣ, что были похуже, и отдѣляя шляпки отъ корешковъ.

Поглядѣвъ на обоихъ и сравнивъ ихъ между собой, никакъ нельзя было подумать, что они родные братъ и сестра.

Онъ, отчасти худощавый, черноволосый, смуглый, былъ быстръ и горячъ въ движеняхъ, съ чрезвычайно живымъ, подвижнымъ лицомъ, съ котораго почти не сходила добродушно веселая улыбка.

Въ немъ было что-то, если не похожее прямо, то напоминающее молодую вдову Ишимову.

Дѣвушка, его сестра, была какъ разъ его противоположность во всемъ.

Почти высокая, нѣсколько полная, но стройная, она прежде всего удивляла всякаго цвѣтомъ своихъ волосъ, золотисто соломеннымъ.

Большіе глаза, свѣтлые, голубые, носъ съ легкой горбинкой, но тонкій, будто отгоченный, и снѣжная бѣлизна лица дѣлали ее красавицей.

Выраженіе глазъ вѣчно одно и то же, привѣтливо спокойное, но съ оттѣнкомъ воли, рѣшимости, твердости, да двѣ легкія складки между бархатныхъ бровей, которыя почти никогда не разглаживались, придавали лицу какую-то милую суровость, нѣжную, мигкую... суровость, что бываетъ на юныхъ личикахъ умныхъ, сдержанныхъ и много размышляющихъ дѣтей.

Опредѣлить года дѣвушки было очень мудрено. По нѣжному облику лица и милому дѣтскому выраженію, особенно когда она улыбалась, ей можно было дать шестнадцать лѣтъ, если не менѣе... По взгляду, спокойно твердому, изрѣдка будто строгому, а равно и по крупно развитымъ формамъ тѣла ей можно было дать и двадцать пять, шесть. Въ дѣйствительности Маряшѣ только что минуло девятнадцать.

Если съ внѣшней стороны между братомъ и сестрой не было ни капли чего либо общаго, то духовно это были близнецы, думавшіе и чувствовавшіе настолько одинаково, что имъ трудно было и разговаривать... Они угадывали мысли другъ друга, читали или узнавали, какъ свои собственные.

Въ одномъ лишь сестра взяла верхъ. Она была разсудительнѣе, умнѣе и рѣшительнѣе.

— Ты, милая, братецъ, а онъ—сестрица твоя,—часто говорилъ имъ когда-то сосѣдъ-помѣщикъ, очень умный, вынѣ покойный старикъ.

Въ противоположность брату Маряша была спокойна и холодна вышностью, лишь повидимому, потому что внутренно или нравственно природа ея была много кипучѣе братниной. Дѣвушка, моложе брата на семь слишкомъ лѣтъ, имѣла на него большое вліяніе.

Андрей живо прежде Маряши окончилъ свою работу, отобралъ хорошіе грибы отъ плохихъ, потомъ задумался и, сидя противъ сестры, сталъ смотрѣть на нее.

Вся въ бѣломъ, она выдѣлялась среди зелени, обхватившей ихъ со всѣхъ сторонъ. Золотой лучъ солнца, пробившійся чрезъ чащу вѣтвей, падалъ ей на голову, и нѣсколько завитковъ ея бѣлокурыхъ волосъ блестяли, какъ чистое, червонное золото. Свѣженькое бѣленькое лицо казалось еще бѣлѣе, а голубые глаза еще лазурнѣе, но и еще серіознѣе.

— Да, сестренка—красавица сущая,—говорилъ самъ себѣ Андрей, въ сотый, тысячный разъ въ жизни любясь сестрой. И въ тысячный же разъ онъ отъ этой мысли становился задумчивѣе, угрюмѣе.

Если есть у нихъ съ сестрой горе, то оно явилось отъ красоты ея. Будь Маряша дурнушка или такъ себѣ, ни то ни се, какъ всѣ прочія дѣвушки въ Ларинскомъ, да и въ сосѣдствѣ, то ничего бы особаго и не приключилось. Жили бы себѣ, поживали спокойно. А изъ-за ея красоты многое стало мудрено, стало запутываться и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже все затягивается, будто въ заколдованный узелъ, въ мертвую петлю.

— Одно спасеніе, —думалось Андрею и тоже въ тысячный разъ.— Спасеніе въ ней самой, въ ея удивительно твердомъ нравѣ, молодечествѣ, совсѣмъ не дѣвичьемъ.

И будто желая тотчасъ же еще разъ убѣдиться въ своихъ тайныхъ мысляхъ, услышать ихъ подтвержденіе, Андрюша выговорилъ, вздохнувъ:

— Да, дѣла... Плохо быть сиротами, Маряша.

— Вѣстимо, плохо. При родителяхъ, какъ подъ покровомъ невидимымъ отъ всѣхъ бѣдъ,—отвѣтила дѣвушка, пріостанавливая свою работу и выпрямляясь надъ коробомъ и грибами.

И, выдохнувъ глубоко отъ напряженія въ согнутой спинѣ, она ласково глинула въ лице брата.

— Не вылазныя дѣла... проговорилъ онъ тихо и хотѣлъ продолжать, но дѣвушка улыбулась весело и проговорила, будто подсмѣиваясь надъ братомъ.

— А тебѣ бы не вылазывать, а полеживать, старичина.

— Сама знаешь, что радоваться нечему. Живи да жди, что не нынче—завтра что нибудь...

И онъ смолкъ.

— Что—чтонибудь? Приключится?

— Вѣстимо.

— Ну, и пуцай приключится. Насъ съ тобой никакое новое врасплохъ взять не можетъ. Давно ждемъ и знаемъ, что намъ дѣлать. Готовы!

— Такъ сказывается, Маряша... Готовы?! Боюсь я, что ты больно храбра на словахъ. Храбрѣе не бывало. А вотъ кто этакъ смѣлъ на словахъ, говорятъ, всегда на дѣлѣ плоше нельзя.

Маряша покачала головой.

— Такъ сказываютъ. Гласъ народа—гласъ Божій. Да и по правдѣ-то по сущей. Что ты знаешь? Ты сама о себѣ что знаешь? Вотъ я тебѣ сейчасъ прісказку расскажу.

— Нѣтъ, уволь... Теперь не хочу... Жарко и безъ того,—разсмѣялась Маряша.

— Нѣтъ, послушай: коротенькая будетъ. Ъхали поѣзжане изъ города глухимъ лѣсомъ. Было ихъ трое. Побанвались они шибко разбойниковъ и все-то глядѣли по сторонамъ. Одинъ изъ нихъ особо трусилъ, даже всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Второй напротивъ того...

— Оворной былъ... Вотъ какъ я...

— Ну, да, ты не перебивай. Эготъ былъ страсть какой озорной. Даже гровился: попадись ко мнѣ, молъ, этакіе подорожные душегубы, я имъ покажу, гдѣ раки зимуютъ. А третій-то товарищъ...

— А гдѣ въ самомъ дѣлѣ, Андрюша?—серіозно выговорила вдругъ дѣвушка.

— Что гдѣ?

— А раки. Гдѣ они и въ самомъ дѣлѣ зимуютъ? Вотъ сколько и какъ часто этакъ слова инья слышишь, да и сама говоришь, а, что они значать, не знаешь. Гдѣ, Андрюша?

— Это такъ сказывается. Кто жъ ихъ знаетъ. Должно, никто не знаетъ. А ты вотъ слушай...

— Такъ, такъ... Умница ты, Андрюша. Оно такъ и есть. Никакому человѣку невѣдомо, гдѣ раки всю зиму укрываются. Потому вотъ и говорятъ про умнаго человѣка, что онъ даже и это знаетъ. Ну, рассказывай. Только вотъ что... Я вѣдь твою прісказку впередъ знаю... Храбрый-то твой струситъ да убѣжитъ, а трусливый да боязный окажется молодецъ молодцомъ, даромъ не дастся въ руки...

— А третій... Ну-тко? Разумница...

— Третій?

— Да.

— А онъ что дѣлалъ, когда ѡхали-то они лѣсомъ?—разсмѣялась Маряша.

— Молчалъ. Не охалъ, да и не озорничалъ. Мертво молчалъ.

— Ну, вотъ и понятно. Онъ разбойниковъ и распужалъ.

— Правда, сестренка. Молодецъ ты,— раземѣлся Андрей.— Вотъ я къ тому веду, что если бы ты помалкивала, я бы меньше опасался. А ты храбришься.

— Охъ, нѣтъ, Андрюша. То-то и дѣло. Я помалкиваю.

И послѣ этихъ словъ, сказанныхъ какимъ-то страннымъ голосомъ, твердымъ и глухимъ, красивое лицо дѣвушки стало сурово.

Послѣ короткаго молчанія Андрей покачалъ головой и вымолвилъ:

— А какъ все это, Маряша, путано, перепутано!..

Дѣвушка ничего не отвѣтила и вздохнула.

— Вѣдь просто ни начала, ни конца нѣту...

— Да и середины нѣтъ.

— Какъ середины нѣтъ? Ты про что?

— Ничего нѣту... Вотъ про что.

— Какъ ничего нѣту? Много чего... Мученья мало что ли?

— Да. Если этакъ-то сказывать, то, вѣстимо, много чего есть.

Я говорю, середины нѣтъ, что мученье-то это безпричинное, будто зряшное... Могло бы не быть.

Послѣ долгаго молчанія Андрей снова выговорилъ...

— И какъ это все такъ приключилось? Почему? Вѣдь воистину могло бы и не быть, какъ ты говоришь.

— А по правдѣ должно было быть, не могло не приключиться,— произнесла вдругъ дѣвушка, будто спохватясь.

— Почему?

— Изъ-за глуши деревенской. Изъ-за тишины и беззаботности.

— Что ты, Богъ съ тобой!—воскликнулъ братъ.— Я даже и не пойму, про что ты... Какая тишина да глушь...

— А вотъ наша, здѣшняя, ларинская.

— Она-то при чемъ же, Маряша?

Дѣвушка помолчала, подумала и вымолвила:

— Это, Андрюша, очень мудрено словомъ описать. Я вотъ знаю. Я чую, что хорошо понимаю. А вотъ тебѣ словами все это рассказать не могу. Я вотъ знаю, что живи мы всѣ— родись и живи—въ городѣ, ничего бы такого не приключилось никогда. Вышло бы все совсѣмъ инако... Все бы попросту, по-человѣчьему. Вотъ какъ у всѣхъ вездѣ... А у насъ не по-людски. У насъ навожденіе.

— Ужъ и правда, что навожденіе... Только не возьму я въ толкъ, Маряша, при чемъ тутъ Ларинское.

— Глушь... Дѣла нѣтъ, заботъ нѣтъ и людей нѣтъ. Главное—людей нѣтъ. На безрыбьѣ и ракъ рыба.

— Охъ, понялъ... Понялъ... вскрикнулъ Андрей и махнулъ руками.— Давно ты это сказываешь. И не правда это.

— Правда, Андрюша. А иной причины никакой нѣтъ. Сто лѣтъ продумай да выискивай—и не найдешь.

— Алеша въ Тулу не ѣздилъ?.. Въ Москвѣ онъ не прожилъ цѣлую зиму? Народу не видалъ? Что? Ну, отвѣчай.

Дѣвушка молчала.

— Ну, а Соня... Она весь свѣтъ объѣздила. Вышло ли чтонибудь? Ничего. Даже въ Питерѣ была. Чего въ Питерѣ! Даже замужемъ была...

И Андрей добродушно разсмѣялся своей шуткѣ.

— У Сони оно застряло, крѣпко сидитъ,—вымолвила Марьяна задумчиво,—хотя могло бы пройти давно... А у насъ съ Алешей оно такъ, зря, со скуки...

Черезъ часъ братъ съ сестрой были уже въ усадьбѣ. Когда они вступили въ садъ, то сидѣвшій на скамейкѣ лакей Ванька вскочилъ и бросился къ нимъ навстрѣчу. Этотъ дворовый былъ замѣчательно дурень съ собой и къ тому же со злымъ и зловѣщимъ взглядомъ маленькихъ карихъ глазъ.

— Пожалуйте, пожалуйте!—закричалъ онъ, подбѣгая.—Софья Алексѣевна...

— Что?—вскрикнули въ разъ и братъ и сестра.

— Приѣхала. Съ часъ мѣста. Больше. Послали васъ разыскивать, потомъ сами собрались итти, потомъ меня послали искать вездѣ и упредить, коли найду.

— А ты усѣлся на лавочкѣ,—усмѣхнулся Андрей.

— Помилуйте. Гдѣ же я сидѣлъ? Какъ я смѣю?—нахально заявилъ Ванька Безухій и подумалъ про себя:—«такъ я и сталъ за вами, чертями, по лѣсамъ бѣгать».

Черезъ нѣсколько минутъ Андрей и Марьяна уже цѣловались съ прѣзжей и заговорили тотчасъ все о томъ же, объ опозданіи на освященіе храма.

— Гдѣ мнѣ на водосвятіяхъ быть?—весело оговаривалась Иппимова.—Это ваше дѣло! Алешино дѣло, благо дѣлать ему нечего, заботъ нѣтъ.

— Стыдно, Соня, такъ скажывать,—вспыхнувъ произнесъ Ларинъ.—Надо же было освятить храмъ...

— Наше дѣло не то,—продолжала вдовушка, не слушая и весело.—Мы тягаемся въ судахъ.

И, обернувшись къ Андрею, она выговорила, хотя съ любовью, но рѣзко.

— Ну, ты что, воробей мой милый?

— Ничего, Софья. Что же?

— Правда. Что же тутъ... въ Ларинскомъ?.. Потопъ или трусь приключиться не можетъ. Алеша не допуститъ... покуда я не захочу... А захочу я, и будетъ все! И потопъ, и трусь, и моръ, и... свѣтопреставленіе... Такъ вѣдь?..

Инимова оглянула всѣхъ. Всѣ трое промолчали, тихо отошли отъ молодой женщины и разсѣлись.

На ея полушутку отвѣчать было нечего. Всѣ трое хорошо поняли ея слова, но всѣ равно избѣгали подымать одинъ и все тотъ же, вѣчно тотъ же и роковой вопросъ,—вопросъ, на который отвѣта не было. Отвѣтъ не былъ еще найденъ.

Наступило глубокое молчаніе. Вдовушка сѣла одна на середину дивана и насмѣшливо оглянула всѣхъ.

— Вы тамъ какъ знаете,—произнесла она наконецъ отчасти раздражительно, не обращаясь ни къ кому и глядя предъ собой въ стѣну...—Какъ знаете... А я порѣшила. У меня же двухъ словъ нѣтъ, а одно... И никого я не боюсь. Никого, то-ись, никого... Я все обсудила и порѣшила. И ни пяди не попячусь назадъ. А мой воробей чирикать противъ меня не посмѣетъ. А пропадемъ? Ну, все-таки не порознь, а вмѣстѣ. Вмѣстѣ все ладнѣе. Одна головня и въ печи тухнетъ, а двѣ вмѣстѣ и въ полѣ полыхаютъ.

VIII.

Тому назадъ всего лѣтъ пять барскій домъ въ Ларинскомъ былъ оживленъ, такъ какъ былъ полонъ большою семьей. Были еще живы отецъ и мать Ларина, да жилъ у нихъ въ гостяхъ, но почти безвыѣздно, родной дядя его съ дочерью и съ ея мужемъ и ихъ годовалымъ ребенкомъ, хотя матери было только шестнадцать лѣтъ.

Отецъ Ларина, Андрей Петровичъ, былъ такой добродушно веселый человѣкъ, что около него всѣ какъ бы поневолѣ были тоже всегда веселы. Екатерина Семеновна, мать, была отъ природы собственно угрюмая женщина, будто вѣчно недовольная всѣмъ и всѣми. Но и она подъ вліяніемъ вѣчно радостнаго, улыбающагося и смѣющагося Андрея Петровича тоже оживлялась по временамъ.

Впрочемъ женщина была особенно угрюма и сурова въ первые годы брака, при отсутствіи дѣтей. Она даже собиралась и просилась у мужа въ монастырь... Это продолжалось года четыре. На пятомъ году замужества Екатерина Семеновна наконецъ забеременѣла и родила сына.

Счастію ея не было предѣла. Ей самой казалось, что она отъ счастія съ ума сходитъ.

Наоборотъ Андрей Петровичъ за время, что жена «носила», былъ угрюмѣе обыкновеннаго, а вскорѣ послѣ рожденія «наслѣдника» сталъ еще угрюмѣе, такъ что видѣвшіе это близкіе знакомые и свои холопы немало дивились.

— Ему бы радоваться, а онъ темнѣе ночи!—говорили всѣ.

Впрочемъ Андрей Петровичъ будто не былъ способенъ быть задумчивымъ и суровымъ. Черезъ мѣсяца два, три, по рожденіи Аелши, онъ, изрѣдка вдыхая, говорилъ самому себѣ:

— Что-жъ. Все устроятся на свѣтъ Богомъ. Что ни случись— все Богъ. А коли что намъ не по нутру, такъ помалкивай. Одно отъ людей приключается по Божьему велѣнью, а иное таково, что и самъ въ немъ виноватъ.

Екатерина Семеновна на седьмомъ небѣ отъ счастья побаивалась лишь одного... И это одно отравляло ея счастье на первыхъ порахъ.

Какъ отнесется къ сыну Андрей Петровичъ? Будетъ ли онъ непріязненъ къ малюткѣ, будетъ ли грубъ съ младенцемъ, еще грубѣе и несправедливѣе съ отрокомъ? Начнетъ ли онъ преслѣдовать ни въ чемъ неповиннаго Алешу?

Вскорѣ она вполнѣ успокоилась. Мужъ относился къ ребенку ровно и равнодушно. Безъ ласки, но и безъ преслѣдованія.

Причиной было то обстоятельство, что еще съ юности своей и за всю жизнь Андрей Петровичъ Ларинъ, веселый и беззаботный человѣкъ, умудрялся жить спокойно и пріятно, безъ чего либо досаждающаго или тревожащаго. Онъ какъ бы старался жить такъ, чтобы въ жизни не приключались никакія помѣхи къ веселому или благодушному проведению времени.

Дѣтство и юность онъ прожилъ въ Ларинскомъ съ отцомъ вдовцомъ, вдвоемъ. У него былъ младшій братъ, по имени Алексѣй, но давно со дня смерти матери былъ взятъ на воспитаніе теткой, живущей въ Москвѣ.

Когда Андрею минуло двадцать лѣтъ, отецъ сталъ было поговаривать о томъ, что ему пора жениться. Петръ Петровичъ Ларинъ расуждалъ, что нужно, чтобы была хозяйка въ домѣ, была бы барыня надъ дворовыми, такъ какъ мало ли во что мужчинамъ не приличествуетъ вмѣшиваться. Хотя бы до всего, что касается хозяйства отъ кладовыхъ до подваловъ и погребовъ. А барская барыня или хоть главная ключница хозяйку настоящую и законную замѣнить никогда не можетъ.

Андрей съ перваго же разговора о женитьбѣ страшно возсталъ противъ брака. Это было, по его мнѣнію, итти съ воли да въ неволю, связать себя по рукамъ и ногамъ.

— Не даромъ, батюшка,—говорилъ онъ,—женитьба именуется «брачныя узы». Оно узы и есть. Веревки на тѣлѣ, веревки и на шеѣ. Увольте.

И Петръ Петровичъ не настаивалъ, лишь нарѣдка въ шутку, пугалъ сына:

— Андрюша, я тебѣ невѣсту выискалъ.

Сначала сынъ пугался, но потомъ понялъ, что отецъ шутить, и отвѣчалъ:

— Выискали, такъ прикажите скорѣе мѣшокъ шить, чтобы, какъ связывается, «въ мѣшокъ да въ воду».

Такъ прошло года четыре. За это время дѣла Ларинныхъ, которыя шли всегда плохо, въ томъ смыслѣ, что Петръ Петровичъ нуждался въ деньгахъ постоянно, пошли совсѣмъ плохо.

Причиной было исключительно то несчастное обстоятельство, что Ларинъ былъ отчаянный картежникъ и проигрывалъ больше, чѣмъ выигрывалъ.

Однажды, когда молодому Андрею Петровичу было уже 26 лѣтъ, отецъ призвалъ его и объяснилъ, что онъ «уже не махонькій» и долженъ «войти во все», вникнуть и въ ихъ дѣла.

Онъ признался сыну, что у него страшные, неоплатные долги. Больше, чѣмъ стоитъ все Ларинское. Черезъ мѣсяць ихъ имѣніе должно быть продано для уплаты долговъ, да и то не всѣхъ, а они вдвоемъ должны идти по міру.

Молодой человѣкъ былъ, конечно, страшно пораженъ. Подобное ему никогда и не мерещилось. Онъ даже не вполнѣ понималъ, что такое долги, и отецъ долженъ былъ ему объяснить.

Объявивъ, что оба они, отецъ и сынъ, пойдутъ по міру съ сумой, Ларинъ объяснилъ, что есть средство спасенія... Онъ, Андруша, можетъ спасти и отца и самого себя, оставаться въ Ларинскомъ и даже прикупить продающійся по сосѣдству хуторъ, который клиномъ врѣзывается въ ихъ землю.

— Какъ спасти?—воскликнулъ сынъ.

— Самымъ простымъ способомъ. Нѣтъ прощя дѣла.

У Ларинныхъ былъ дальній родственникъ, настолько дальній, что они даже не знали, какъ другъ другу причитаются.

— Кажется, я ему прихожусь троюроднымъ племянникомъ или внукомъ, хотя онъ и моложе меня на десять лѣтъ!—шутя заявилъ Ларинъ.

У этого родственника, одинокаго человѣка, по фамиліи Изьядинова, была лишь одна обожаемая имъ дочь, дѣвушка, уже не совсѣмъ невѣста, потому что переарѣлая, да къ тому очень, даже черезчуръ неказистая. Она считалась самой дурной во всей округѣ. Когда кого обзывали некрасивой, то говорили:

— Не многимъ лучше Кати Изьядиновой! Пожалуй, въ родѣ Изьядиновой! Хуже даже, если оное возможно, самой Изьядиновой.

Дѣвица Изьядинова была мѣстнымъ мѣриломъ некрасивости.

Понятно, почему дѣвушка, несмотря на большое состояніе отца и на то, что все, ему принадлежащее, шло ей въ приданое,—до двадцати пяти-шести лѣтъ не нашла себѣ мужа.

Всякій молодой дворянинъ, котораго сватали ей, отмахивался почти въ ужасѣ.

— Да она—парень, мужикъ въ юбкѣ!—выразился одинъ.

И это выраженіе «парень въ юбкѣ» осталось за дѣвицей, какъ прозвище.

И вотъ Ларинъ объяснилъ сыну, что если онъ женится на Екатеринѣ Изьядиновой, то ея отецъ станетъ единственнымъ его работодателемъ, уплативъ все... А затѣмъ, конечно, не только эти деньги, но все, что имѣеть Изьядиновъ, достанется его дочери съ мужемъ послѣ его смерти.

Молодой Андрей былъ пораженъ еще пуще...

Не рѣшившись отказать отцу сразу, онъ попросилъ позволенія подумать...

И думая, онъ положительно не могъ рѣшить, что хуже: идти съ сумой нищенствовать, или жениться на Изьядиновой.

Помимо того, что дѣвица была крайне дурна собой, хотя, какъ говорили, прекрасной души, но было еще и иное, что смутило Андрея.

— Сказаться ли открыто батюшкѣ? — спрашивалъ онъ себя.

И онъ рѣшилъ исповѣдаться предъ отцемъ. Разказать то, что было извѣстно всѣмъ во всемъ Ларинскомъ, за исключеніемъ самого Петра Петровича.

Андрей принался, что не желаетъ жениться ни на комъ, такъ какъ давно въ связи съ дворовой дѣвушкой и имѣеть уже отъ нея младенца сына, названнаго Петромъ въ его честь. Какъ же порвать съ той, безъ которой ему, конечно, «жизнь не въ жизнь» будетъ.

И отецъ былъ въ свой чередъ пораженъ открытіемъ.

«Таковое завсегда бывало, есть и будетъ въ дворянскихъ усадьбахъ. Гдѣ только и у кого только подобнаго не приключалось», — разсуждалъ Петръ Петровичъ. Но такія дѣла или обстоятельства никогда ни къ чему важному не приводятъ. Это почитается баловствомъ барчуковъ, на которое по обычаю родители должны смотрѣть сквозь пальцы.

А тутъ въ «баловскомъ случаѣ» молодого Андрея вдругъ оказалось что-то небывалое, даже невѣроятное, даже срамное. Онъ любитъ свою крѣпостную сожительницу, какъ если бъ она была и не холопка».

Петръ Петровичъ былъ такъ пораженъ, что даже захворалъ. Онъ не былъ человѣкомъ, способнымъ, какъ всѣ его друзья и пріятели, поступить съ сыномъ «по-отечески», какъ законъ Божій и людской повелѣваютъ. Иначе говоря, онъ не могъ приказать сыну выкинуть блажь изъ головы, сослать его возлюбленную въ какуюнибудь дальнюю деревушку и послать сватовъ къ Изьядиновымъ, не сказавъ сыну ни слова.

Такъ, по обычаю, поступилъ бы всякій родитель.

Если бы бракосочетаніе рѣшалось самими молодыми, а не ихъ родителями, то это былъ бы свѣтъ Божій шиворотъ-навыворотъ. И тогда великое число бѣдствій постигло бы людей.

Но Ларинъ смогъ только просить и умолять сына спасти его, старика, себя самого и родовую вотчину.

Андрей, поколебавшись съ недѣлю, согласился.

— Съ однимъ условіемъ, батюшка. Коли вы согласны, посылайте сватовъ,— сказалъ онъ.

— Что же такое?

— Я буду съ ней вѣнчаться въ церкви... Она пріѣдетъ сюда... Я буду, — общаюсь предъ Богомъ, — буду съ ней ласковъ и почтителенъ, какъ бы съ матерью. Ни одинаго худого слова она отъ меня за всю мою жизнь не услышитъ. Косо никогда не гляну на нее, не только крикнуть... Но и ласки никакой она отъ меня никогда не увидитъ.

— И не ласкай... въ восторгѣ заявилъ отецъ.— Нечто этакое можно приказать или насильно заставить дѣлать? Исполняй только свой супружескій долгъ. А тамъ понемногу стерпится и слюбится. Станешь супругъ не по долгу, а по влеченію.

— Вотъ именно, батюшка, супругомъ ся я никогда и не буду. Только по записи храмовой буду я супругомъ, а не въ жизни,— отвѣтилъ Андрей.

Ларинъ сначала даже не понялъ сына, но затѣмъ молодой человѣкъ объяснился яснѣе, твердо и, по всей видимости, безповоротно.

Выходило: пли такъ, или никакъ!

Возникъ лишь одинъ вопросъ: если будущая жена Андрея пожалуется отцу, что будетъ?.. Да ничего. Казусъ такой удивительный, что онъ даже и въ законахъ россійскихъ не упоминается. Не хочетъ мужъ быть мужемъ. Ну, и конецъ!

И Ларинъ послѣ размысленія рѣшилъ:

— Это ужъ твое дѣло. Я тебя женю, какъ подобаетъ отцу. А все иное и достальное до родителя не касается. Станетъ меня попрекать твой будущій тестъ, я ему скажу, что не мое и не его дѣло въ этакое дѣло носъ свой совать.

— Только смѣшно оно будетъ малость,—рѣшилъ Ларинъ.

— А другое то, что требовалось бы,—заявилъ Андрей,—хуже, чѣмъ смѣшно, тяжелѣе, горше каторги.

— Ну, не хвались. Еще не вѣдомо... Можетъ, зря пугаешь. И трехъ дѣнь ты своего обѣщанья не удержишь.

— Вотъ вамъ какъ предъ Господомъ Богомъ, батюшка,—громко и какъ-то отчаянно проговорилъ Андрей.—Единственное мое утѣшеніе, моя одна услада, что не моя любая стала моею супругой, будетъ именно этакое житіе съ этой женой законной, какъ бы съ товарищемъ. Зовутъ ее «парень въ юбкѣ», ну, вотъ парнемъ она и останется.

IX.

Бракосочетаніе состоялось. Молодая, некрасивая, но чрезвычайно добрая, ласковая и тихая Екатерина Семеновна Ларина вскорѣ была особенно любима всѣми во всей округѣ и знакомыми дворянскими семьями, стариками и молодыми, а равно и крѣпостными своими и чужими.

Молодую женщину ставили въ примѣръ всѣмъ женамъ и всѣмъ барынямъ за ея нравъ.

И всѣ удивлялись одному — кротко печальному виду молодой женщины. Она, любимая всѣми и, конечно, ужъ и мужемъ, какъ надо полагать, была какъ будто несчастлива.

Быть можетъ, причиной было сознаніе своей дурноты.

Екатерина Семеновна была дѣйствительно черезчуръ некависта собою.

Большого роста, сильнаго, почти могучаго сложенія, широкая въ плечахъ, съ толстыми, будто мужскими руками и ногами, съ громкимъ и рѣвкимъ голосомъ, при чемъ, конечно, сильная и тяжелая, она вполне заслуживала свое прозвище «парень дѣвица». Да и не всякій парень съ деревни могъ еще съ ней потягаться, какъ виѣннимъ видомъ, такъ и силою.

Лицемъ же Екатерина Семеновна была рѣдко дурна... Оно было круглое, мясистое, съ низкимъ лбомъ и большимъ подбородкомъ, съ очень маленькимъ носомъ, едва видимымъ между мясистыми щеками, и съ довольно большимъ ртомъ, который подъ маленькимъ носомъ казался еще больше.

Единственное, что было въ лицѣ некрасивой женщины пріятно, мило и нравилось всѣмъ, — были ея глаза, большіе, свѣтло-сѣрые, добрые... Они были задумчивы съ первыхъ лѣтъ жизни, т.-е. казались задумчивыми своимъ очертаніемъ... Послѣ замужества глаза эти стали не только дѣйствительно задумчивыми, но прямо грустными... И это уже не казалось только, а было на дѣлѣ... Все некрасивое лицо было печально. И понятно — почему. Молодая Ларина была несчастлива въ замужествѣ и несчастлива съ первыхъ дней послѣ свадьбы. На первыхъ порахъ она собралась было вернуться къ отцу или идти въ монастырь и, конечно, съ радостью тотчасъ же бросила бы домъ и мужа, который былъ подъ властью другой женщины, вдобавокъ соперницы, наложницы и... холопки.

Къ тому же барыня — дворянка походила сама на самую заскорую холопку, а холопка походила даже не на барыню, а на королевну, и, конечно, отъ этого было молодой женщиной еще болѣе тяжело.

Наконецъ ея положеніе отверженной и пренебрегаемой мужемъ съ перваго дня брака, если было сначала грустнымъ, то вскорѣ стало обиднымъ. Уже не любовь говорила, а заговорило самолюбіе.

Разумѣется, между отцами новоженевъ начались переговоры. Дочь пожаловалась отцу на то, что мужъ ея брезгуетъ, и что въ усадьбѣ съ вѣдома тестя живетъ холодка-наложница. И мужъ заявляетъ прямо: «какъ оно все есть, такъ и будетъ завсегда безъ переменъ».

Изыядиновъ вступился за дочь горячо и грозился жаловаться властямъ, но отецъ молодого новожена заявилъ довольно грубо, что все приключающееся пустяковое обстоятельство и не ихъ, отцевъ, дѣло, а оглашать это обстоятельство и вмѣшиваться власти— одинъ срамъ.

— Пуцай они сами распутываются, какъ знаютъ,—сказалъ онъ. И заступничество Изьядинова не привело ни къ чему.

Возвращеніе же дочери домой и положенія соломенной вдовы онъ допустить не могъ изъ самолюбія.

Однако обстоятельства вскорѣ измѣнились.

Черезъ два года послѣ брака Андрея Петровича и Екатерины Семеновны вдругъ умеръ Ларинъ. А еще черезъ полтора года ровно умеръ и Изьядиновъ, оставивъ дочери хорошее наслѣдство. Это была вотчина въ Рязанской губерніи до двухъ сотъ душъ крестьянъ, платившихъ чрезвычайно большой оброкъ, благодаря тому, что имѣніе было подъ самымъ городомъ, а крестьяне стали очень зажиточны изъ-за особаго мастерства. Всякое плетенье, въ особенности лапти, корзинки и плетушки, сотнями расходились не только по всей округѣ, но и въ сосѣднія намѣстничества.

Черезъ мѣсяца два послѣ смерти отца Екатерина Семеновна твердо рѣшилась и объявила мужу, что ѣдетъ въ свою вотчину и, по всей вѣроятности, не вернется.

Между мужемъ и женой произошло нѣсколько тихихъ и мирныхъ совѣщаній или переговоровъ.

Послѣ этого женщина рѣшила остаться съ мужемъ, но стала сразу будто чудомъ бодрѣе и веселѣе обыкновеннаго. Всѣ замѣтили удивительную перемену. Даже въ обращеніи съ знакомыми, съ дворовыми людьми и крестьянами барыня стала веселѣе, ласковѣе и щедрѣе.

Наоборотъ Андрей Петровичъ сталъ задумчивѣе, сумрачнѣе, былъ видимо чѣмъ-то недоволенъ и даже очень сильно.

Всѣ убѣдились наконецъ, что между супругами Ларинными нѣчто приключилось... Надо чего-то ждать?.. Но что случилось и чего ждать, конечно, никто не зналъ и догадаться не могъ.

Приключившееся было, очевидно, извѣстно только имъ двоимъ.

Прошло нѣкоторое время, и все, что чудилось дворни и знакомымъ, исчезло безъ слѣда. Супруги Ларины зажили по-старому, какъ если бы ничего никогда и не бывало.

Только самый умный и дальновидный изъ всѣхъ дворовыхъ людей Кронидъ Волковъ вспоминалъ.

— Что-й-то да передрагнулось у барина съ барыней. Что-й-то да было... Было, да сплыло, и слѣдъ простылъ.

Спустя мѣсяца три, простая вѣсть, сама по себѣ совсѣмъ не удивительная, немало удивила, однако, всѣхъ обитателей Ларинскаго.

У барина Андрея Петровича было двое сыновей отъ наложницы, изъ коихъ первый умеръ, а второй уже годовалый процвѣталъ, за пять лѣтъ брачной жизни не было дѣтей отъ законной супруги, и не чаялось, конечно, что явится наслѣдникъ... Вина, конечно, была барынина, бесплодіе.

И вдругъ прошелъ слухъ, а затѣмъ было объявлено всѣмъ, что барыня «тяжела», барыня «понесла».

Черезъ годъ приблизительно со смерти Изьядинова Екатерина Семеновна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго назвали въ честь дяди Алексѣемъ.

Она была самой счастливой женщиной на свѣтѣ.

Андрей Петровичъ наоборотъ сталъ опять какъ-то угрюмѣе, а люди говорили, «будто обозленъ», и удивлялись.

Впрочемъ, вскорѣ же «влючестъ» барина прошла, и все пошло на ладъ, а отъ присутствія въ домѣ «наслѣдника» молодого барина, «барчука», какъ его называли, стало будто веселѣе въ домѣ. А, можетъ быть, стало радостнѣе отъ той простой причины, что Екатерина Семеновна становилась сама все счастливѣе, а это всячески отражалось, конечно, и на всѣхъ крѣпостныхъ людяхъ.

Младенецъ «барчукъ» сталъ будто звеномъ, соединяющимъ барыню съ крѣпостными, и черезъ это звено получалось только хорошее, сыпались милости.

«Наслѣдникъ» сталъ расти, обожаемый матерью и не обижаемый, тольکو не обожаемый отцемъ. Нѣжный къ побочному сыну, Андрей Петровичъ оставался холоденъ къ законному.

Помимо постоянныхъ, ежечасныхъ, даже ежеминутныхъ заботъ о младенцѣ сынѣ, ухаживаніи за нимъ и баловствѣ на всѣ лады Екатерина Семеновна больше пристрастилась къ садоводству и плодоводству, только и думала, что о парникахъ, грунтовыхъ сараяхъ и оранжереяхъ. Поэтому день проходилъ съ сыномъ и главнымъ садовникомъ Зиновеемъ.

Едва рѣшался и былъ обсужденъ всячески какой либо вопросъ о яблоняхъ, персикахъ или пальмѣ Веницейской, и Зиновей уходилъ, какъ за нимъ бѣжалъ мальчишка и требовалъ снова къ барынѣ «строжайше скорѣючи». И Зиновей снова являлся въ барынину маленькую гостиную на цѣлый часъ и болѣе.

Графъ Е. А. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыя впечатлѣнія бытія.

I.

ЛЕРВОЕ впечатлѣніе дѣтства, сознательно и твердо оставшееся у меня въ памяти, — такое. Нянька меня держитъ на рукахъ и, тихо напѣвая, переступаетъ съ ноги на ногу. Глаза мои открыты. Надо мною колышется потолокъ. Когда няня дѣлаетъ всѣмъ корпусомъ движеніе назадъ, я однимъ глазомъ вижу лампадку и серебряную ризу образа; когда она наклоняется впередъ, — образъ исчезаетъ, я вижу верхъ окна и зеленую занавѣску. Иногда няня прерываетъ пѣніе и, взглядывая на меня, говоритъ:

— Спи, батюшка, спи!

Моя дѣтская — небольшая комнатка съ однимъ окномъ. Но чрезъ низкія деревянныя ворота видна улица, извозчикъ, всегда стоящій на перекресткѣ, и фонарный столбъ: чугунный, приземистый, съ огромнымъ стекляннымъ ящикомъ и маленькимъ газовымъ пламенемъ. Противъ оконъ, чрезъ дворъ — безконечная желтая стѣна пятиэтажнаго дома. Тамъ помѣщается министерство, и туда чрезъ деревянныя ворота бѣгутъ въ синихъ фракахъ и фуражкахъ съ кокардами чиновники. У нихъ

подъ мышкой портфели и свертки бумагъ. По двору важно и чинно ходятъ курьеры, сторожа, пѣтухи, куры, кошки и голуби.

Домъ, гдѣ помѣщалась казенная квартира отца,—былъ небольшою деревянный флигель, выходившій на улицу, и примыкавшій къ зданію министерства путей сообщенія. Министерство помѣщалось въ частномъ домѣ, и только въ 1861 году было переведено въ специальное зданіе на Фонтанку. Деревянный флигель простоялъ потомъ, послѣ перевода министерства, еще лѣтъ двадцать, а затѣмъ на мѣстѣ его возвели продолженіе сосѣдняго дома, что выходитъ одной стороною на Забалканскій проспектъ, а другой—на Третью роту Измайловскаго полка. Помню то странное чувство, когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, кончающимъ ученіе студентомъ, я проѣзжалъ по Третьей ротѣ, и вдругъ увидѣлъ вмѣсто того дома, гдѣ мнѣ довелось родиться и прожить первыя шесть лѣтъ,—огромную массу краснаго кирпича, воздымавшуюся темнымъ призракомъ къ небу, въ дождливомъ сумракѣ осенней ночи. Я остановилъ извозчика, вылѣзъ изъ пролетки и долго стоялъ, чѣмъ-то смущенный. Мнѣ было и досадно и больно; я упрекнулъ себя въ женскомъ сентиментализмѣ—и, когда сѣлъ снова въ экипажъ, глаза были мокры, трудно сказать, отъ дождя ли, или отъ другой причины.

Помню я кровать краснаго дерева съ рѣшетками съ двухъ сторонъ, помню маленькій плетеный дѣтскій стуликъ и столикъ. Помню янпку, хорошеенькую, молоденькую эстонку, присѣвшую на скамеечку у стола и показывающую мнѣ чувствительныя пѣщечки раскрашенныя картинки, гдѣ изображены дѣти, собирающія милостыню, дѣти, плачущія надъ могилой родителей, осыненной ярко-изумруднымъ деревомъ. Ясно помню бордюръ обоевъ и потолка, точно сейчасъ вижу этотъ рисунокъ,—впослѣдствіи я узналъ, что онъ называется «дантикль». Помню картину, большую, вышитую шерстями моею матерью. Она изображала крестьянку, ребенка и кошку съ котятами. Картина висѣла надъ диваномъ въ гостиной, и мнѣ ее показывали въ утѣшеніе, когда я плакалъ. Но, главное, я помню тотъ тонкій неуловимый запахъ, тотъ легкій, свѣжій ароматъ, который охватывалъ меня, когда ко мнѣ подходила мать. Помню ея доброе лицо, съ пухленькими сѣрыми глазками, съ небольшимъ лбомъ, съ гладкой, по модѣ пятидесятыхъ годовъ, прической, почти неизмѣнно оставшейся у нея потомъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Помню, какъ сидитъ она на диванѣ и тихо напѣваетъ тоненькимъ голоскомъ, а я сквозь сонъ, прижавшись къ ней, смутно ловлю слова пѣсни. Она пѣла не колыбельную пѣсню, а «По небу полуночи». Сколько разъ, слушая ее и смотря сквозь стѣкла на ночное небо, казалось мнѣ, что я видѣлъ, какъ

...и мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой...

Это былъ первый поэтическій образъ, зароненный въ мою просыпающуюся младенческую душу. Я такъ съ нимъ сроднился, такъ онъ занялъ глубоко въ меня, точно выросъ во мнѣ вмѣстѣ съ первымъ сознаниемъ. Мнѣ потомъ казалось, что гдѣ-то, во снѣ или наяву, но я видѣлъ серебристо-туманнаго ангела, летѣвшаго по небу полуночи. Образъ этотъ былъ усиленъ еще однимъ исключительнымъ впечатлѣниемъ. Разъ отецъ меня, трехлѣтняго мальчика, подозвалъ въ сумеркахъ къ окну.

— Посмотри-ка, что на небѣ.

Я поднялъ голову, а на глубокомъ, меркнувшемъ фонѣ увидѣлъ серебристо-огненную фигуру съ хвостомъ, точно взметеннымъ вихремъ. Она сіяла высоко надъ крышами и трубами, темными силуэтами, встававшими внизу.

— Вели нянѣ тебя одѣтъ, выйдемъ на проспектъ, тамъ виднѣе,—сказалъ отецъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы стояли уже на углу. Въ той сторонѣ, гдѣ виднѣлся на фонѣ померкнувшаго заката тонкій шпиль Петропавловской крѣпости, разметавшись сверкала во всей красѣ комета Донатти. Звѣзды какъ-то пугливо дрожали передъ ней и меркли. И вотъ два эти образа: лермонтовскаго ангела и кометы,—слились въ моемъ впечатлѣніи въ одно нераздѣльное цѣлое.

Помню первую грозу, испугавшую меня. Были тоже сумерки. Я сидѣлъ съ матерью въ нижнемъ этажѣ, въ больномъ кабинетѣ съ венеціанскимъ окномъ. Синія молніи вспыхивали долгими вспышками и ярко освѣщали мелкія полоски ея муслинъ-де-леноваго платья, въ которое я пряталъ голову при громовыхъ раскатахъ. А въ углу, на тумбѣ, выступала при молніи странная фигура въ разстегнутомъ сюртукѣ, въ трехугольной шляпѣ, со скрещенными на груди руками.

— Мама, кто это?

— Это Наполеонъ, императоръ французовъ.

— А зачѣмъ онъ здѣсь?

— Потому что онъ великій человекъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ пришелъ съ огромнымъ войскомъ и сжегъ Москву. А потомъ сдѣлалось такъ холодно, что онъ долженъ былъ убѣжать. Ты помнишь дѣдушку, у котораго мы полтора года назадъ въ деревнѣ были? Нѣтъ, конечно, не помнишь — ты очень малъ былъ. У дѣдушки нога контужена и сильные ревматизмы. Ему контужили ногу ядромъ въ Бородинскомъ сраженіи. Онъ сражался противъ Наполеона.

— Вотъ претивъ этого самаго?

— Да.

Молнія вспыхиваетъ, но громъ уже тише. Человекъ въ трехугольной шляпѣ мрачно смотритъ на дочь и внука того, кто осмѣлился противъ него сражаться.

— Мама, разскажи что нибудь про Наполеона.

Мать начинаетъ длинный разсказъ о Москвѣ, о пожарѣ, о томъ, какъ бѣжали французы, какъ они мерзали, завернутые въ тряпье. Потомъ она говоритъ, какъ увезли непобѣдимаго полководца на островъ святой Елены. Потомъ опять переходитъ на своего любимаго Лермонтова и окутываетъ фантазію ребенка воздушнымъ туманомъ его поэзи:

...По снимъ волнамъ оксана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ облакахъ...

Я трехъ четвертей того, что она читаетъ, не понимаю, но смутно чувствую музыку стиха и ласковое трепетаніе рѣчь, словно опять летитъ ангелъ...

— Значитъ, мама, и тотъ чугунный человѣкъ, что сидитъ верхомъ на стулѣ у папы на письменномъ столѣ, поверхъ бумагъ, тоже Наполеонъ? У него такая же шляпа?

— Тоже—Наполеонъ.

Я смотрю на шляпу, и мнѣ она напоминаетъ тѣ грибные пирожки, которые называются ушками.

Впослѣдствіи присоединилось къ этимъ впечатлѣніямъ еще одно, когда я узналъ дѣда. Дѣдъ натиралъ себѣ ногу пахучимъ коричневымъ спиртомъ. Его пряный, приятный запахъ я чувствую до сихъ поръ, и могъ бы узнать его изъ сотенъ другихъ запаховъ. Этотъ запахъ неразрывно слился съ представленіемъ о его контуженной ногѣ, и о Бородинской битвѣ, и о Наполеонѣ, и сталъ для меня неразлучнымъ атрибутомъ великаго полководца.

— Мама, а дѣдушка видѣлъ Наполеона?

— Должно быть, видѣлъ. Знаю, что онъ видѣлъ маршала Даву.

Я не знаю, кто такой маршалъ Даву, но мнѣ приятно, что его видѣлъ мой дѣдъ, и потому я проникаюсь къ нимъ обонямъ благоговѣйнымъ удивленіемъ.

II.

У матери на этажеркѣ лежатъ книги: очень толстыя и большія, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, и маленькія, тоже толстенкія. Когда меня хотятъ занять, показываютъ въ этихъ книгахъ картинки. Въ толстыхъ книгахъ изображены портреты больше мужчинъ, а въ маленькихъ — хорошенькихъ дамъ; мужчины всѣ растрепанные, съ височками и коками, въ высокихъ галстукахъ. Дамы всѣ съ открытыми плечиками и вывернутыми шеями. Показывая портреты мужчинъ, мать говоритъ:

— Видишь этого старичка съ густыми бровями? Это Крыловъ, тотъ, что написалъ «Попрыгунью Стрекову». Вотъ будетъ теплѣе, съѣдимъ съ тобой иъ Лѣтній садъ. Тамъ недавно поставили ему

памятникъ. А вотъ этотъ курчавый—Пушкинъ, тотъ, что написалъ «Птичку Божию»,—вотъ что ты училъ недавно.

Въ маленькихъ книжкахъ есть престранныя картинки. Тамъ нарисованы бабушка и внучка, спящія въ постеляхъ. Бабушка сладко улыбается, она видитъ сонъ, что тутъ же проступаетъ надъ ея изголовьемъ на стѣнѣ: видитъ себя молодой, въ фижахъ, и какой-то пудренный франтъ цѣлуетъ ея руку; а внучка — та совсѣмъ съежилась, перепугалась: она видитъ во снѣ рыцаря, который ея похитилъ. Они мчатся на конѣ съ огненными глазами черезъ кладбище; изъ новдрей коня пышетъ тоже огонь. Часы, что висятъ на стѣнѣ, точно испугались этого сна, и маятникъ съ такимъ ровмахомъ отклонился въ сторону, что, кажется, вотъ, вотъ самыя часы полетятъ на полъ и рассыплются вдребезги.

— Это рисовалъ Брюлловъ,—поучаетъ моя мать.—Когда ты будешь побольше, мы поѣдемъ съ тобой въ Эрмитажъ, и тамъ ты увидишь страшную его картину, еще страшнѣе этой.

И смотрю на бабушку и внучку, и думаю:

— Чего же еще-то страшнѣе!

Въ одной изъ маленькихъ книжекъ изображенъ Петръ Великій. Онъ меня не менѣе интересуеетъ, чѣмъ Наполеонъ, особенно потому, что рассказываетъ о немъ мать. Такой онъ былъ большой, такой умный, такъ скакалъ передъ войсками, у него былъ арапъ, и онъ отодралъ Мазепу за усы. Свѣдѣнія объ этомъ моя мать почерпнула больше изъ Пушкина, чѣмъ изъ исторіи, но для меня этого было совершенно достаточно. Я былъ очень радъ, что живу именно въ томъ городѣ, что основалъ этотъ царь, и даже назвалъ его своимъ именемъ. Отецъ возилъ меня къ сенату и показывалъ мнѣ самого Петра. Я сперва поинтересовался узнать, гдѣ его шляпа, но, такъ какъ удовлетворительнаго отвѣта мнѣ не дали, я спросилъ, гдѣ у него сапоги и галстукъ. На это отецъ мнѣ определеннаго отвѣта даже не далъ, и я пріѣхалъ домой разочарованнымъ.

Ясное лѣто, солнечные дни я вспоминаю въ окрестностяхъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ, гдѣ въ моемъ дѣтствѣ мы каждый годъ жили на дачѣ. Отецъ боялся отпускать меня во Владимиръ къ дѣду, считая, что я слишкомъ малъ, чтобъ выдержать переѣздъ на лошадахъ въ двѣсти верстъ отъ Москвы, — Нижегородской желѣзной дороги тогда не было. Помню я поля, снопы и линіи рельсъ, по которымъ часто бѣжали поѣзда. Мы ѣздили на дачу на извозчикахъ, настолько она была недалеко отъ триумфальныхъ воротъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я заглянулъ туда. До чего въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій перемѣнилась эта мѣстность! Въмѣсто барскихъ дачъ, садовъ, чистенькихъ домиковъ, теперь тянется рядъ лавокъ, складовъ, портерныхъ. Вездѣ грязь,—пахнетъ фабричнымъ пригородомъ. Хотя были будни, но по шоссе ходили группы пьяныхъ, и городской призывалъ ихъ къ порядку

довольно первообытнымъ способомъ. Уголокъ этотъ заглухъ и загаженъ. Но тогда онъ пользовался любовью тѣхъ горожанъ, которымъ ежедневно надо было бывать въ городѣ. Это было ближе и Новой и Старой деревни, ближе Крестовскаго и Мурина. Кто былъ побѣднѣе,—ютился близъ Тентелевой деревни. Чиновники старались жить поближе къ морю, чтобъ было гдѣ покупаться, а осенью пострѣлять. Не подалеку былъ превосходный Екатерингофскій паркъ, уже начавшій гложнуть. Шоссе было чистенькое, выложенное, какъ въ Царскомъ или Павловскѣ.

При нашей дачѣ былъ садъ съ калиткой прямо въ поле. Каждый день вмѣстѣ съ матерью проходилъ я этой калиткой; мы выходили на узкую тропинку, которая шла сперва между грядъ, а потомъ переходила въ небольшое хлѣбное поле. Не знаю, кому принадлежала эта миниатюрная нива,—знаю, что ея теперь нѣтъ,—но она дорога мнѣ тѣмъ, что здѣсь, сидя на межѣ, я слушалъ сухой шелестъ колосьевъ, рвалъ васильки и скабіовы, смотрѣлъ, какъ по рукѣ ползла та красненькая божья коровка съ семью точками, что называютъ ученые кокцинеліей; слушалъ, какъ трещать цикады, наблюдалъ, какъ перелетаетъ перепелъ. Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь снопы,—и жалко мнѣ было густой ржи, — а мать меня утѣшала только тѣмъ, что, если бъ не срѣзвать этихъ колосьевъ, такъ не было бы у насъ и хлѣба.

Ясно помню ту же дѣтскую мою кровать и здѣсь, и ея кисейный пологъ, и мухъ, жужжавшихъ и бившихся о кисею, и бросавшихъ на ея прозрачную ткань туманныя перелетающія тѣни. Помню страхъ отъ летучей мыши, занесшейся на огонь и метавшейся подъ потолкомъ. Ее поймали, посадили въ банку, и на другой день она безпомощно, ослѣпленная дневнымъ свѣтомъ, скользила по стеклу и шевелила своими тоненькими перепонками, словно сдѣланными изъ прозрачной гуттаперчи.

Каждый день отецъ прїѣзжалъ изъ города, въ форменной фуражкѣ съ кокардой и—если былъ дождь—въ шинели съ капюшономъ. Каждый день онъ привозилъ изъ города какихъ нибудь сластей, ягодъ, фруктовъ, иногда игрушекъ, и потому прїѣздъ его было ежедневнымъ праздникомъ. Аккуратно въ восемь часовъ онъ уѣзжалъ, а къ четыремъ былъ къ обѣду дома. Если онъ, задержанный дѣлами, оставался въ городѣ ночевать, я капризничалъ и не хотѣлъ ложиться. Не знаю, что мною руководило: любовь къ отцу, или разочорованіе въ томъ, что не привезли ожидаемыхъ ягодъ.

Несмотря на то, что мы жили такъ, какъ жилъ чиновничій петербургскій кругъ,—слѣды минувшаго помѣщичьяго быта еще ярко чувствовались на всемъ. Домъ былъ открытъ всегда для всѣхъ съ утра до ночи, и сослуживцы отца, какъ саранча, поѣдали запасы изъ кладовой. А запасовъ всегда было много. Мать нарывала

варенье пудами. Солили сами и грибы, и огурцы. Отець дѣлалъ ведеръ пять наливки, и, какъ хохолъ, умѣлъ это сдѣлать на славу. Горничная была еще изъ крѣпостныхъ, и хотя давно была отпущена на волю, но сохраняла всѣ привычки крѣпостной: была предана, груба и воровала казенныя министерскія сальныя свѣчи. Она дана была матери «въ приданое» вмѣстѣ съ цѣлой деревней, которую на второй же годъ послѣ свадьбы мой отецъ, къ ужасу матери, проигралъ въ карты.

Отець былъ инженеръ и строилъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ шоссе, соединяющее Москву съ Рязанью. Родомъ онъ былъ изъ Кременчуга, гдѣ въ предмѣстьѣ его хуторъ Котельва являлся центральнымъ гнѣздомъ нашей фамиліи. Фамилія наша была двойная: Гнѣдичъ-Паскевичъ. До конца XVIII столѣтія Паскевичъ еще удерживается въ фамиліи дѣда, а затѣмъ отпадаетъ. Въ архивѣ Лейпцигскаго университета дѣдъ мой всюду носитъ двойную фамилію и именуется (Gneditsch-Paskewitsch Pultawiensis (изъ Полтавы). Старый нашъ гербъ украшенъ византійскимъ шлемомъ, а подкова, стрѣла и мечъ, помѣщенные на щитѣ, указываютъ на принадлежность предковъ къ византійской конницѣ. Такъ или иначе, но предки наши переселились когда-то на Украину, и, вѣроятно, очень мало заботились о фамильномъ архивѣ, такъ какъ семейныя бумаги, имѣющіяся у меня въ рукахъ, не заходятъ выше XVIII столѣтія. По нимъ вырисовывается энергичная фигура моего дѣда Петра Петровича (отмѣченнаго въ словарѣ Венгерова писателемъ-медикомъ ¹⁾), оставляющаго совсѣмъ молодымъ человѣкомъ службу при сенатѣ и отправляющагося въ 1773 году въ Малороссію, вѣроятно, для полученія отъ родителей позволенія и средствъ на поѣздку за границу для окончанія образованія. Черезъ два года онъ уже поступаетъ на медицинскій факультетъ Лейпцигскаго университета. Затѣмъ онъ оканчиваетъ курсъ, получаетъ дипломъ и является въ 1782 году въ кіевскомъ округѣ врачомъ, гдѣ проявляетъ усиленную дѣятельность въ борьбѣ съ эпидеміями, за что получаетъ благодарность отъ соотвѣствующихъ властей. Женатыи на Пономаревой, онъ дѣлается отцомъ многочисленнаго семейства, въ которомъ отецъ мой, родившійся въ 1813 году, былъ младшимъ. Двоюродные братья дѣда—Паскевичи, шли съ начала столѣтія въ гору, и карьера ихъ блистательно завершилась придачею къ ихъ фамиліи «Дряванскихъ». Съ этихъ поръ родственныя отношенія Гнѣдичей и Паскевичей слабѣютъ и обрываются. Тетка моя, Екатерина Петровна Татарина, бывшая замужемъ за томскимъ губернаторомъ, писала моему дядѣ Алексѣю: «теперь ихъ рукой не достать, — на насъ, прежнихъ родственниковъ, ужъ и смотрѣть они не хотятъ». Въ гомельскомъ архивѣ Паске-

¹⁾ -Источн. слов. русскихъ писателей», т. I, стр. 782. Ссылка на Змѣева.

вичей, вѣроятно, сохранилась переписка князей съ Гнѣдичами и Татаринновыми. Связь Паскевичей съ Литвой чисто эфемерная, и свѣдѣнія о томъ, что Паскевичи идутъ изъ литовской шляхты, ни на чемъ не основаны. Я полагаю, что метрическія церковныя книги Кременчуга конца XVIII и начала XIX вѣка дадутъ на этотъ счетъ болѣе точныя свѣдѣнія.

Отецъ, какъ я уже сказалъ, былъ младшимъ въ семьѣ. Вскорѣ послѣ его рожденія дѣдъ умеръ, и этимъ надо объяснить меньшую заботу о его воспитаніи, чѣмъ старшихъ дѣтей. Старшіе братья воспитывались въ Царскосельскомъ лицѣѣ, а маленькаго Петю свезли въ Петербургъ, отдали на руки старшей замужней сестры и даже не позаботились о его документахъ, которые куда-то запропастились, чуть ли не сгорѣли,—и только съ большимъ трудомъ ему удалось поступить въ институтъ путей сообщенія, который былъ тогда закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, и гдѣ воспитанникамъ не давали еще чая, а поили сбитнемъ. Окончивъ курсъ, какъ я говорилъ уже выше, онъ былъ назначенъ въ строительный отрядъ, и сперва въ Рязани, а затѣмъ въ Владимірѣ завѣдывалъ дистанціями. Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ мѣстнаго помѣщика, отставного поручика Смоленскаго, женился на старшей его дочери, былъ назначенъ для постройки дорогъ въ Якутскъ, но не захотѣлъ туда ѣхать, снялъ путейскій мундиръ, перешелъ въ гражданское вѣдомство и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ я и родился, спустя уже лѣтъ пять по ихъ пріѣздѣ.

III.

Въ кабинетѣ отца, надъ письменнымъ столомъ, висѣлъ его акварельный портретъ работы Вабаева, въ путейской формѣ. Теперь этотъ портретъ въ музеѣ императора Александра III ¹⁾. Съ широкимъ носомъ и лбомъ, съ глазами на выкатѣ и черными волосами, онъ представлялъ собою рѣзкій типъ южанина. На портретѣ онъ изображенъ бритымъ, но я его уже помню съ бакенбардами по модѣ пятидесятыхъ годовъ, съ проборомъ на боку, височками и въ синемъ форменномъ скюртукѣ. Теперь эти типы по традиціи очень точно изображаются нашими артистами въ пьесахъ Островскаго и Сухово-Кобылина. Воротнички рубашки съ острыми накрахмаленными концами, атласный галстукъ, врахмаленная грудь

¹⁾ Вабаевъ былъ тоже нашъ родственникъ. Окончивъ академію по классу баталистовъ, онъ получилъ отъ государя Николая Павловича заказъ по написанію эпизодовъ завоеванія Кавказа. Первые работы не удостоились одобренія, такъ какъ въ нихъ было «слишкомъ много русской крови». Дальнѣйшій заказъ у Вабаева былъ отобранъ, его выслали изъ Петербурга, и онъ дожилъ жизнь у себя въ деревнѣ едва ли въ нормальномъ состояніи. Акварель, находившаяся въ музеѣ, обличаетъ въ немъ подожженного портретиста. П. Г.

въ мелкихъ сборкахъ, плотно приглаженныхъ, фуражка съ кокардой, бархатный воротникъ, пробритые усы и подбородокъ—вотъ типичная фигура чиновника того времени. Карикатуристъ Степановъ превосходно схватывалъ ихъ характеръ, и въ «Искрѣ» 1855—1866 годовъ есть цѣлая чиновничья галерея петербургскихъ типовъ.

Должность отца заключалась не только въ службѣ по департаменту, но и въ частыхъ разъѣздахъ по городу. Ему приходилось по дѣламъ то и дѣло ѣздить то въ почтамты, то въ сенатъ, то въ банкъ, то въ министерство финансовъ, то въ таможеню. Когда я настолько подросъ, что безъ болѣзни простуды меня можно было три—четыре часа продержать на улицѣ, отецъ, вопреки протестамъ матери, всюду возилъ меня съ собою, конечно, если не было сильнаго мороза. Вставали мы часовъ въ восемь, при свѣчахъ. Въ столовой носился удивительный аромат рома, который всегда въ количествѣ двухъ ложечекъ клалъ себѣ въ стаканъ отецъ. Газетъ по утрамъ тогда не было, и «Сѣверную Почту» почтальонъ подавалъ послѣ полудня. Отецъ просматривалъ какія-то бумаги, принесенныя писаремъ, что-то подписывалъ; затѣмъ меня укутывали въ тулупчикъ, и мы выходили на крыльцо. Утренній сѣрый зимній туманъ прозрачнымъ тюлемъ лежалъ надъ городомъ. Улицы казались шире, и уходили куда-то въ молочный безпросвѣтлый хаосъ. Когда ѣхали мимо Исаакія,—былъ виденъ только его низъ. Чѣмъ выше шли колонны, тѣмъ болѣе терялись ихъ очертанія и наконецъ пропадали гдѣ-то въ выбунихъ сѣрыхъ волнахъ. На Невѣ, за гранитнымъ парапетомъ, ничего не было видно, кромѣ бѣлесоватой клубящейся мглы, точно это былъ конецъ міра, тамъ шелъ обрывъ—и какая-то невѣдомая снѣжная бездна. Иногда туманъ прояснялся, и на льду показывался островерхіи самоѣдскій чумъ. Рогатые олени бродили у саней, и закутанный по-бабьи старикъ зазывалъ желающихъ прокатиться. Я помню, отецъ нанималъ его иногда, но не ѣздить по кругу, а свезти на другую сторону Невы, а одинъ разъ—даже къ Горному корпусу, при чемъ насъ два раза вывалили и чуть не потопили въ полыньѣ.

Мать приходила въ негодованіе отъ такихъ приключеній, но я всегда съ восхищеніемъ ѣхалъ съ отцомъ. Все было интересно. Уидеть онъ въ министерство, меня оставить въ саняхъ. Я сижу и смотрю, какъ бойко движется жизнь, ѣдутъ, идутъ, кричатъ, бѣгутъ. Дамы въ капорахъ, салопахъ, ретондахъ и кринолинахъ; мужчины въ цилиндрахъ, бскенсахъ, шубахъ и плащахъ. Лѣтомъ иногда прокатятся дрожки, именовавшіяся тогда «гитарой», на которыхъ мужчины сидѣли верхомъ, а дамы бокомъ. Если отецъ бралъ меня съ собою, и тутъ всюду являлся несомнѣнный интересъ. Въ душной, пропитанной запахомъ сургуча комнатѣ сидѣли чиновники и скрипѣли гусиными перьями, склонивъ головы на бокъ и слегка высунувъ языкъ, что, очевидно, помогало писанію. Я ви-

дѣлъ, какъ они пересмѣивались между собою, пили чай, дерзко смотрѣли на проходящихъ, грубили всѣмъ, кому можно было грубить, и заставляли по цѣлымъ часамъ сидѣть просителей. Мнѣ было пріятно видѣть, что отцу всѣ справки наводили тотчасъ, потому что онъ былъ «свой братъ» и пріѣзжалъ изъ другого министерства, и какъ старушки и офицеры ждали, пока чиновники кончатъ свои анекдоты и соблаговолятъ удостоить ихъ милостиваго вниманія. Я смотрѣлъ на зеленыхъ курьеровъ, отъ которыхъ несло водкой и лукомъ, и видѣлъ въ нихъ родныхъ братьевъ тѣмъ, къ которымъ я привыкъ съ дѣтства. Я видѣлъ, какъ торжественно проходилъ черезъ комнату лысый господинъ съ тремя звѣздами, и какъ ему всѣ низко кланялись, и какъ отецъ подходилъ къ нему рысцою, и какъ они скрывались за дубовыми дверями кабинета, откуда потомъ слышались нетерпѣливые звонки, и куда опрометью бѣжали экзекуторы и столоначальники, причисляясь на ходу и даже слѣгка крестя себѣ животъ передъ дверью.

Отецъ зналъ Петербургъ хорошо, потому что жилъ въ немъ съ пяти лѣтъ до выпуска изъ института и затѣмъ, по возвращеніи, съ 1849 года никуда не выѣзжалъ. Поэтому у него съ каждой улицей, съ каждымъ перекресткомъ связаны были воспоминанія. Идемъ по Фонтанкѣ мимо Лѣтняго сада, онъ покажетъ на старыи каменный домъ стройки екатерининскаго времени.

— Видишь эти окна, вотъ я здѣсь жилъ во время наводненія 24-го года. Вода была выше рѣшетокъ, и вотъ здѣсь плыли лошади, коровы, кровати, сундуки. Я смотрѣлъ вопъ оттуда изъ того окна.

Я внимательно смотрѣлъ на окно, и мнѣ казалось, что я самъ вижу наводненіе.

Идемъ на Петербургской сторонѣ мимо Петровской старой церкви, онъ показываетъ мнѣ на угловой домикъ съ балкономъ.

— Вотъ мы здѣсь тоже жили послѣ 26-го года. Разъ утромъ рано будить меня лакей: «баринъ, вставайте, передъ нашимъ домомъ людей вѣнаютъ. Слышите барабанъ?» Я наскоро одѣлся, бѣгу въ гостиную: тетка лежитъ въ обморокъ, вокругъ горничныя суетятся, дядя блѣдный, насупленный. «Тебѣ, кричатъ, что надо?— вонъ!» Я бросился прочь... А потомъ все-таки къ другому окну подбѣжалъ: вотъ здѣсь, на этой площади, было пять висѣлицъ. Двое знакомыхъ нашихъ было изъ повѣшенныхъ—Рылѣевъ бывалъ у насъ и Кюхельбекеръ...

Идемъ черезъ Сѣнную—отецъ показываетъ:

— А здѣсь бунтъ холерный былъ. Вотъ тутъ у церкви Николая Павловича говорилъ къ народу. Онъ четверикомъ прискакалъ изъ Петергофа. Я тебѣ покажу на его памятникѣ барельефъ: тамъ изображена эта сцена.

И мы ѣхали на Николаевскую площадь, вылѣзали изъ саней и смотрѣли занесенный снѣгомъ барельефъ, изображающій царя въ народной толпѣ.

Иногда отцу вдругъ вздумается показать мнѣ, какъ разводять Николаевскій мостъ, которымъ онъ отъ души восхищался, какъ инженеръ. Но такъ какъ это практиковалось ночью, то кончилось тѣмъ, что онъ повезъ меня въ музей института путей сообщенія, гдѣ стояла модель разводной части, и тамъ показалъ мнѣ, вертя колесо, какъ «геніально-просто», по его словамъ, все это было устроено.

IV.

Ничего изъ удивительнаго, что я къ шести годамъ зналъ Петербургъ, какъ любой старожиль-извозчикъ. Мы исколесили его взадъ и впередъ по всѣмъ направленіямъ. То ѣхали на дачу графа Кушелева-Безбородка, что противъ Смольнаго, то отправлялись къ Смоленскому кладбищу, то смотрѣли фонтанъ артезианскаго колодца на новыхъ мѣстахъ въ Измайловскомъ полку, то заѣзжали на вокзалъ царскосельской дороги, и отецъ объяснялъ мнѣ устройство паровоза, и дома чертилъ его.

Уличная жизнь Петербурга того времени было гораздо мертвѣе нынѣшней: не было конножелѣзныхъ дорогъ, меньше было своихъ экипажей, извозчики были еще оборваннѣе нынѣшнихъ, — на стоячихъ рессорахъ, съ узкимъ сидѣньемъ. Было меньше садовъ, такъ какъ при императорѣ Николаѣ ихъ по мѣрѣ возможности упразднили. Въ то же время Петербургъ только что пережилъ эпоху николаевской строительной горячки. Только что вознеслись въ Петербургъ такія сооруженія, какъ Исаакій, Николаевскій мостъ. Уже на моей памяти оканчивалась перестройка старинныхъ екатерининскихъ подъемныхъ мостовъ черезъ Фонтанку. Теперь осталось ихъ только два прежняго типа: Калинкинъ и Чернышевъ, съ чetyрьмя гранитными башнями, цѣбиями и подъемной средней частью. А въ концѣ пятидесятихъ годовъ всѣ, кромѣ Цѣпныхъ и Аничкина, были такіе. Вообще Фонтанка, особенно въ нижнемъ своемъ теченіи, менѣе измѣнила свой характеръ, чѣмъ какая иная часть города. Ея лѣвый берегъ: отъ Обуховскаго до Измайловскаго моста совершенно такой же, какимъ былъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. такой же деревянный заборъ безконечнаго Константиновскаго училища, тотъ же домъ Тарасова съ претензіей на итальянскій ренессансъ, та же римская католическая collegія, въ одномъ изъ флигелей которой жилъ когда-то Гаврила Державинъ, наконецъ, то же облупленное зданіе казармъ Измайловскаго полка. И цѣлѣ остались тѣ же домовы, только ворота увеселительнаго сада опереточнаго вертепика замѣнили прежній скромный ходъ въ нѣмецкій клубъ, гдѣ въ то время за скандалъ брали съ гостей по

таксъ три рубля,—да вмѣсто каменной булыжной мостовой теперь тянется гладкая торцовая. Неизмѣнившійся видъ имѣеть и театральная улица съ двумя симметричными колоннадами, выкрашенными въ охру, и съ необычайнымъ Александринскимъ театромъ, вмѣщающимъ въ своихъ шести ярусахъ зрителей больше, чѣмъ въ Большомъ московскомъ театрѣ. Неизмѣненнымъ оставался и Невскій отъ Полицейскаго до Адмиралтейства, до послѣднихъ лѣтъ, когда перестроили огромный домъ на углу Малой Морской. Зато какая необычайная разница—Невскій теперь отъ Николаевской улицы къ Знаменью и Невскій полстолѣтія назадъ. На мѣстѣ теперешней Пушкинской улицы были сплошные огороды. По солнечной сторонѣ Невскаго тянулись небольшіе двухэтажные желтенькіе дома съ экипажными магазинами. А дальше, за зданіемъ пожарной части, шли пустыри, прерываемые жалкими строеніями—вплоть до лавры. Къ остаткамъ этой первобытной архитектуры принадлежатъ тѣ ряды лавокъ—низенкихъ, темныхъ, подъ каменными аркадами, чтò видны возлѣ Дегтярной, отъ которыхъ вѣдетъ XVIII вѣкомъ.

Сильно переимѣнился и Забалканскій проспектъ, называвшійся прежде Большимъ Царскосельскимъ, а еще раньше—Обуховскимъ. Тутъ тоже, начиная отъ Седьмой роты до Обводнаго канала, были тогда сплошные огороды. Проспектъ былъ пооспированный, потому что велъ къ Московской заставѣ. До сихъ поръ, какъ старіе сторожа этого тракта, стоятъ оригинальные столбы, указывающіе поперстное разстояніе отъ почтамта. Одинъ такой находится у Обухова моста, другой—у Седьмой роты. Снизу они гранитные, а верхъ у нихъ деревянный, выкрашенный въ малиновую, порыжѣлую краску. Зато Семеновскій полкъ мало измѣнился: въ старыхъ Можайскихъ и Серпуховскихъ улицахъ до сихъ поръ подгниваютъ крохотные деревянные домики, совсѣмъ вросшіе въ землю, покрявившіеся на одинъ бокъ, съ мезониномъ и миниатюрнымъ палисадникомъ. Они усердно подмазаны и подкрашены, но выдаютъ свои почтенные годы, несмотря на это прихорашиванье. Инымъ изъ нихъ лѣтъ по сту не менѣе. Я помню ихъ сорокъ лѣтъ назадъ такими же жалкими, дряхлѣющими. У многихъ окна совсѣмъ вросли въ землю, и весною, когда въ палисадникѣ таетъ вода, она пробирается сквозь окна въ жилища. Все это были когда-то собственные дома, по преимуществу чиновниковъ. Тутъ они держали свое хозяйство, куръ, индюшекъ, даже свиней и коровъ; ходили изъ дома въ халатѣ въ баню,—и еще на моей памяти въ Семеновскомъ полку можно было встрѣтить небритаго отставнаго чиновника, въ неизмѣнной фуражкѣ съ кокардой, съ узелкомъ бѣлья подъ мышкой, въ вытертомъ бухарскомъ халатѣ и съ вѣникомъ въ красныхъ, распаренныхъ рукахъ. Теперь въ этихъ домикахъ живутъ жалкіе жильцы: сапожники, лудильщики, портные, коробочники.

На радужныхъ стеклахъ оконъ вмѣсто вывѣски наклеено вырѣзанное изъ бумаги изображеніе башмака или пожницъ. Печальное состояніе домовъ скрадывается густою зеленью вокругъ. Какъ и вездѣ въ Петербургѣ, здѣсь деревья принимаютъ, благодаря влажности воздуха, огромные размѣры, и что ни посади — акацію, березу, липу или клень, — все растетъ и тянется во всѣ стороны неудержимо. Москвичи послѣ своихъ чаклыхъ бульваровъ удивляются, увидѣвъ у насъ на Литейной густо-лиственный вѣковой лѣсъ Шереметевскаго сада или паркъ, что при музеѣ Александра III — въ самомъ центрѣ города: такія пространства съ деревьями можно встрѣтить только въ лондонскихъ паркахъ.

Къ числу характерныхъ подробностей стараго Петербурга принадлежали и приземистые желтые домики для городскихъ, разбросанные по всему городу. Иногда они стояли въ самой кипени уличной сутолоки: напримѣръ, у Пяти угловъ на Загородномъ проспектѣ. Въ крохотной каморкѣ ютилось два уличныхъ стража съ своими семьями, ребятишками, собаками и котами. Сквозь миниатюрное окошко, при свѣтѣ сальнаго огарка, можно было по вечерамъ видѣть, какъ въ смятой полумгль копошились человѣческія полудѣтыя фигуры — усатыя, грудастыя, силуэтами проступавшія на фонѣ топившейся русской печи, необъяснимымъ чудомъ втиснутой туда же, въ эту всеобъемлющую каморку. Иногда тамъ пѣла гармоника, иногда на столѣ стоялъ маленькій дѣтскій гробикъ. Но дымъ всегда шелъ изъ дымовой трубы, потому что дровъ не жалѣли, и къ задней стѣнкѣ домика всегда была прислонена очередная сажень.

И вывѣски того времени, конечно, отзывали варварствомъ. И до сихъ поръ у насъ пристрастіе къ огромнымъ желѣзнымъ листамъ, на которыхъ рисуютъ барановъ, похожихъ на цвѣтную капусту, и канусту, похожую на ангорскую кошку. Но полстолѣтія назадъ нерѣдко были вывѣски съ изображеніемъ усатаго нафабренаго франта въ коричневыхъ панталонахъ, синемъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и красномъ галстукѣ, держащаго въ рукѣ огромный тазъ, въ который била высокимъ фонтаномъ кровь изъ руки дѣвицы, одѣтой въ подвѣчное платье. Надъ этимъ изображеніемъ красовалась надпись: «Нарикмахеръ. Уборка дамъ. Отворяютъ кровь. Атакже пѣавки». Рѣдкая лавка обходилась безъ картинки у дверей. Надписи не отличались грамотностью даже на официальныхъ учрежденіяхъ. На Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ линій тянулась черезъ весь домъ вывѣска «Пріютъ для престарѣлыхъ вдовъ и дѣтей», а въ Александринскомъ театрѣ надъ входомъ въ партеръ была прибита дощечка «Входъ вкресла». Даже на Чернышевской площади, у подѣзда была прибита вывѣсочка: «входъ въ церковь министерства народнаго просвѣщенія».

V.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ остатковъ старины былъ «Апраксинъ дворъ», огромный четырехугольникъ, лежащій между Фонтанкой, Апраксинымъ переулкомъ, Садовой и Чернышевымъ переулкомъ. Это была груда смрада, заразы, хлама, тряпья и грязи, скопившихся за полтора столѣтїя. Это былъ притонъ воровства, грабежа и даже убійства. Въ темныхъ лавченкахъ, куда заманивались покупатели, ихъ обирали, иногда избивали. Величайшимъ благодѣяніемъ для города была катастрофа, когда въ одинъ прекрасный день это гнусное гнѣздо сгорѣло до тла.

Я хорошо помню этотъ пожаръ. Мы были въ гостяхъ на Крестовскомъ островѣ, когда прїѣхавшій изъ города сослуживецъ сообщилъ, что «Петербургъ горитъ съ четырехъ сторонъ». Это былъ періодъ пресловутыхъ петербургскихъ пожаровъ; населеніемъ овладѣла паника, и многіе держали наготовѣ узлы и шкатулки, на случай поджога. Мать переполошилась и собралась немедленно въ городъ. Отецъ остался на дачѣ вице-директора: они вторые сутки не оставая играли въ преферансъ. Мы съ матерью сѣли на маленькій парходикъ—еще меньшій, чѣмъ тѣ, что теперь бѣгаютъ по Невѣ, и помчались вверхъ по теченію. Публики было много, несмотря на то, что былъ праздникъ—Духовъ день, всѣ бѣжали съ дачъ въ городъ.

Вурое пятно дыма стлалось по небу, и чѣмъ ближе мы подходили къ Большой Невѣ, тѣмъ гуще и мрачнѣе становились клубы. На каланчахъ трепетали по вѣтру красный и бѣлый флаги, и три шара чернѣли на другой сторонѣ. Когда парходъ вынырнулъ изъ-подъ Самсоньевскаго моста и повернулъ къ Лѣтнему саду, всѣ поняли, какіе размѣры принялъ пожаръ: изъ-за деревьевъ неслись и сизые, и красные, и сѣрые клубы. Несмотря на солнце, въ ихъ глубинѣ можно было различить огненные галки, поднятыя вихремъ пламени. Многіе стали креститься, и едва подошелъ парходъ къ пристани, всѣ кинулись, чуть не падая въ воду, на берегъ.

Когда мы выбрались съ матерью, которая не могла быстро двигаться, потому что была въ необъятномъ кринолинѣ, на гранитную набережную, всѣ извозчики уже были расхвачаны, и набережная казалась совершенно пустынной. Приходилось идти пѣшкомъ. Мы направились по Большой Садовой. Тутъ уже было замѣтно усиленное движеніе. Народъ съ смутнымъ говоромъ сѣшилъ куда-то, всѣ шли въ одну сторону, у всѣхъ лица были возбуждены, не слышалось ни смѣха, ни брани. Солнце еще было высоко и сіяло веселымъ майскимъ блескомъ, но лучи его не проникали въ городъ,—сквозь дымъ оно свѣтилось раскаленнымъ шаромъ и придавало мрачный, унылый колоритъ зданіямъ и людямъ. Точно городъ былъ у подножія вулкана, и всѣ ждали потоковъ лавы и пепельнаго дождя.

— Слышь, толкучка гориты!—вопилъ простоволосый мальчишка въ тиковомъ халатѣ и опоркахъ и бѣжалъ, расталкивая всѣхъ и не чувствуя подзатыльниковъ. Какъ теперь помню щербинку въ его бѣлыхъ зубахъ и выпачканную ваксой щеку. Онъ толкнулъ меня локтемъ, такъ что я отскочилъ и ударился о водосточную трубу, и кинулся дальше.

По мостовой громыхали ломовики съ горой наложенными на возъ товарами. Извозчиковъ все не было,—такъ мы дошли почти до Гостиннаго двора. Наконецъ нашелся молодой парень, который за рубль согласился свезти насъ на Царскосельскій проспектъ.

— Вокругъ надо, здѣсь не пропустить,—пояснилъ онъ, и поѣхалъ къ Казанскому собору.

Переѣхавъ мостъ, онъ повезъ насъ по правой сторонѣ Екатерининскаго канала. По другой сторонѣ, у банка, сверкали каски пожарныхъ, и бочки забирали воду. Вся набережная была завалена тряпьемъ: его были цѣлые сугробы. Тутъ были готовые платья, ленты, мѣха, мебель, шляпы, посуда, самовары, куски матерій, картины, сбруя, саногы и резиновые калоши. Возы подѣзжали, сваливали все на мостовую и снова уѣзжали за новыми партіями. Мошеники не дремали, и, нанявъ ломовиковъ, цѣлыми обозами везли приглянувшійся товаръ къ себѣ въ дома. Мы тянулись шагомъ, поминутно останавливаясь. Всюду были войска, и проѣхать не пускали ни назадъ, ни впередъ. На Каменный мостъ не пустили, и пришлось ѣхать до Демидова переулка; только тамъ можно было свернуть на Сѣнную и на Обуховскій проспектъ. И здѣсь кучи того же хлама,—испуганныя, опаленныя лица, плачущія дѣти, воющія еврейки. Тутъ уже крики и драки; женщина въ разорванной кофтѣ отнимаетъ у какого-то проходимца кастрюлю и кричитъ, что грабятъ. Два здоровыхъ парня бьютъ изо всѣхъ силъ по шеѣ худощаваго, тощаго юношу и приговариваютъ:

— Будешь воровать, будешь воровать!

Собаки, недоумѣвающія, перепуганныя, шмыгаютъ между ногъ прохожихъ, жалобно повизгивая. Голуби, выгнанные пламенемъ съ своихъ чердаковъ, крутятся въ воздухѣ и иногда замертво падаютъ на мостовую.

— Ёще въ трехъ мѣстахъ пожары!—кричитъ какой-то офицеръ, стоя на дрожкахъ, и машетъ кому-то бѣлой перчаткой, держась за спину извозчика, что во весь духъ гонитъ сѣрую лошадь.

Вотъ и Обуховъ мостъ, и тутъ тѣ же горы вещей. Какіе-то лиски попали въ Фонтанку и бокомъ плаваютъ въ водѣ, показывая свои острые бока. На углахъ стоятъ извозчики, и у нихъ на подушкахъ сидѣній помѣщаются подвое, потрое любопытныхъ, чтобы видѣе было пламя, бушующее тамъ, за Семеновскимъ мостомъ. Сидятъ даже на фонарныхъ столбахъ. Стекла со звономъ падаютъ внизъ, но никто не обращаетъ на это вниманія.

Но вотъ и звонки, и шумъ, и гулъ остаются повади. Извозчикъ усиленно погоняетъ клячу, чтобы поскорѣе свезти насъ и ѣхать навадъ, къ мѣсту пожараща. И легковые извозчики въ этотъ день зарабатывали по двадцати рублей, развози вмѣсто ломовыхъ то-вары погорѣльцевъ.

Мать вдохнула свободно, только когда мы вошли въ гостиную. Здѣсь было свѣжо и прохладно. Все было тихо; напротивъ молоч-ная лавочка была отворена, и у ея дверей невозмутимо стоялъ прикащикъ, а рядомъ съ нимъ спокойно сидѣла бѣлая кошка. Съ этой стороны и дыма не было видно, и заходящее солнце алыми лучами освѣщало верхушки домовъ и далекую зелень пригородныхъ рошъ.

— Я отъ того боюсь такъ пожаровъ,—разсказывала мнѣ въ этотъ вечеръ мать, когда мы сидѣли съ ней за самоваромъ,— что однажды натерпѣлась я смертельнаго страху. Вылъ здѣсь, въ Из-майловскомъ полку, пожаръ,—еще тебя и на свѣтъ-то не было.— Загорѣлось въ Седьмой ротѣ и пожаръ понерекъ пробилъ цѣлый огненный переулочъ, вплоть до Третьей роты, гдѣ мы жили. А, дойдя до нашей улицы, пламя повернуло вдоль и пошло прямо на насъ. Вотъ тутъ-то и была мука. Изъ министерствъ начали вывозить дѣла. Что я ни пошлю за ломовымъ, что ни приведутъ мнѣ подводу для нашихъ вещей, то отецъ твой возьметъ подъ казенное имущество. Если бы вѣтеръ не затихъ,— у насъ все бы сгорѣло.

На другой день послѣ Духова дня прѣхалъ съ Крестовскаго отецъ и, къ удивленію нашему, заявилъ, что пожаръ не только не ослабѣлъ, а все горитъ еще съ большей силой. Пожарные устремили всѣ свои усилія только на сосѣднія зданія: на государственныи банкъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, а «толкучку» тушить было нельзя—ее предоставили самой себѣ, и она выгорѣла до тла. Два дня свирѣпѣло пламя. На третій — огонь утихъ, и пожарнице только дымилось смраднымъ дымомъ. Кое-гдѣ торчали трубы печей, чернѣли погнувшіяся желѣзные стропила и высокія груды обуглившихся товаровъ. Двѣ недѣли пожарные не уѣзжали, дежуря по очереди и заливая то тамъ, то тутъ прорывающіеся огонекъ. Наконецъ полилъ дождь, и все окончательно потухло.

Мелкіе торговцы съ своимъ скарбомъ перекочевали на Семеновскій плацъ, тогда пустынную огромную площадь, по діаго-нали превосходящую Марсово поле. Вся она сплошь уставилась палатками,—крохотными, въ родѣ цыганскихъ шатровъ, и тамъ начался торгъ подгорѣлымъ и подмоченнымъ товаромъ. Торговля здѣсь шла чрезвычайно оживленно, — и воровства и плутовства было меньше, потому что свѣта было больше, чѣмъ въ темныхъ вертепахъ Апраксинской «толкучки».

VI.

Въ эпоху этихъ пожаровъ, въ 1862 году, мы уже съѣхали съ казенной квартиры и жили тамъ же, въ Измайловскомъ полку, чтобы отцу было ближе къ министерству, помѣстившемуся въ новомъ зданіи на Фонтанкѣ. Я писалъ и читалъ уже свободно. Буквы я зналъ еще трехъ лѣтъ, а читать выучился на пятомъ году. Я присталъ какъ-то лѣтомъ къ матери, чтобы она принялась за мое ученіе: тутъ не столько играла роль жажда къ просвѣщенію, сколько соревнованіе съ сосѣдними дѣтьми, которыя хотъ и были постарше, но зато читали и по-русски и по-нѣмецки. Мать поѣхала со мной съ дачи въ городъ, и мы купили въ Гостиномъ дворѣ азбуку съ раскрашенными картинками: тамъ были дома съ малиновыми крышами, неизбѣжный ѣздокъ на огненной лошади, и раскрашенная ижица, такъ какъ художникъ не могъ подобрать никакого иного болѣе подходящаго къ этой буквѣ изображенія. Одолѣлъ я и азбуку и склады къ осени, и крупную печать читалъ уже свободно. Но потомъ кто-то напугалъ мать «раннимъ развитіемъ» и посовѣтовалъ перестать меня учить. Она испугалась за мое драгоценное здоровье, и уроки наши прекратились. вмѣсто чтенія три раза въ недѣлю она рассказывала мнѣ событія изъ библіи, руководствуясь сочиненіемъ Анны Зонтагъ, написаннымъ весьма дубовымъ слогомъ. Мнѣ болѣе всего нравилась катастрофа всемірнаго потона, и я его рисовалъ по всевозможныхъ видахъ, при чемъ Ноевъ ковчегъ изображался въ видѣ рыбнаго садка съ дымовыми трубами и цѣпною собакой на кормѣ. Нравилась мнѣ также идея вавилонскаго столпотворенія, и тоже неоднократно воплощалась въ архитектурныхъ проектахъ. Гораздо менѣе интересовали меня райскія прелести нашихъ предковъ, а дальнѣйшая исторія была совсѣмъ скучна, за исключеніемъ чечевичной похлебки, о которой я думалъ много, и которая казалась мнѣ необыкновенно вкусной, хотя я никогда въ жизни чечевичы не пробовалъ.

Желаніе читать за отсутствіемъ уроковъ сперва заставило меня взяться за «Сѣверную Почту», но въ ней я не понялъ ни единого слова, а потому оставилъ относительно ея навсегда всякую надежду. Я удовольствовался тѣмъ, что бралъ съ полки Пушкина и читалъ нарасивѣвъ «Полтаву» и «Руслана». Но такое чтеніе приносило мало пользы, такъ какъ обѣ поэмы при неоднократныхъ чтеніяхъ матери я зналъ наизусть и потому часто даже перевертывалъ страницы не тамъ, гдѣ слѣдовало. Гораздо болѣе содѣйствовало моему развитію другое чтеніе—совсѣмъ иного сорта.

Въ 1859 году появилась «Искра», всколыхнувшая всю читающую публику. Для лицъ, стоявшихъ во главѣ тогдашняго умственнаго движенія, конечно, этотъ сатирическій журнальчикъ могъ казаться пивнымъ, невысокаго тона и довольно сомнительнаго остро-

умія. Понятны отзывы о ней Тургенева, Полонскаго, Фета, Некрасова и т. д. Но совсѣмъ другое была «Искра» для средняго читателя. Она казалась удивительно либеральной, обличительной, чуть ли не своего рода «Колоколомъ», поставленнымъ въ цензурныя рамки. Съ упорствомъ вышучивая Аскоченскаго, какъ героя мракобѣсія, «Искра» тутъ же вышучивала и Майкова, и Писемскаго, и какихъ-то губернаторовъ, въ таинственныхъ корреспонденціяхъ изъ невѣдомыхъ городовъ. У насъ въ домѣ водились постоянно «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ», хотя читались они въ самой изолированной обстановкѣ, послѣ того, какъ прислуга отсылалась спать. Я помню какой-то особенный, священныи трепетъ, когда показывали мнѣ портреты декабристовъ на обложкѣ журнала. Мнѣ эта вишнетка казалась невыразимо прекрасной. Мать была знакома съ Герценомъ по Владимиру, гдѣ онъ жилъ неподалеку отъ ихъ дома и часто заходилъ къ нимъ. Знаю, что у нея были и письма Герцена, но она ихъ уничтожила. Привычка къ тому, что «Полярная Звѣзда» — органъ чуть ли не революціонный, настолько крѣпко засѣла въ отцѣ, что потомъ, лѣтъ тридцать спустя, найдя на моемъ письменномъ столѣ книжки «Звѣзды», онъ замѣтилъ, что ихъ слѣдуетъ держать подъ замкомъ, чтобъ не вышло «непріятностей».

Но такъ какъ «Искру» можно было держать открыто на столѣ, то ее выписывали всѣ «передовые» дома. Для меня, еле научившагося читать, конечно, карикатуры были интереснѣе текста. Но вообще «Искра» для меня была чѣмъ-то родственнымъ по духу и изображеніямъ. Происходило это потому, что двое изъ сослуживцевъ отца, Л. и К., были сотрудниками сатирическаго листка, и иногда задолго до появленія карикатуры или стихотворенія въ печати мы были уже съ ними знакомы. Да и темы обличеній вертѣлись около того, что составляло жизнь министерства. Помню я, напримѣръ, какъ одинъ изъ директоровъ министерства, по фамиліи Полѣиновъ, удивился, отчего чиновники не пришли на службу наканунѣ переѣзда департамента въ новое помѣщеніе.

— Дѣла всѣ въ тюкахъ, ваше превосходительство, — отвѣчали ему.

— Да вѣдь они жалованье получаютъ? Ну, и сиди у тюковъ, — возразилъ онъ.

«Искра» изобразила «Контору Дубинина», гдѣ начальникъ въ форменномъ фракѣ изрекаетъ передъ экзекуторомъ эту фразу. Надо ли говорить, какую сенсацию среди чиновниковъ производили такія карикатуры. Или, когда Деморъ издалъ приказъ, чтобъ всѣ чиновники брились, то появилась такая карикатура:

— Гдѣ же, господа, ваши бороды? — спрашиваетъ у чиновниковъ какой-то господинъ.

— Да что де моръ уничтожилъ! — отвѣчаютъ они.

Иногда карикатуры носили совсѣмъ характеръ ребусовъ. Такъ всѣмъ извѣстно памятное изображение муравейника и соловья, сидящаго надъ нимъ, съ подписью:

Муравьевъ-то, муравьевъ!
Вотъ гдѣ лица соловьевъ!

А такъ какъ это былъ намекъ на виленское правленіе Муравьева и на историка Сергѣя Соловьева, то стихи слѣдовало читать такъ:

Муравьевъ-то, Муравьевъ!
Вотъ гдѣ лица, Соловьевъ!

Еще болѣе сенсациі вызвало изображение повара, предлагающаго курамъ вопросъ, подъ какимъ соусомъ онѣ желаютъ быть приготовлены—подъ краснымъ или бѣлымъ. Публика связывала эту карикатуру съ крестьянской реформой, и въ поварѣ желали видѣть портретъ:

— Помилуйте, да тутъ усовъ нѣтъ, одинъ бакенбарды!—возражали скептики.

— А цензура, батенька! Забыли!—возражали ярые почитатели.

Такъ или иначе, но въ теченіе десяти лѣтъ у насъ неизмѣнно получалась «Искра», и именно по ней я и научился, какъ надо читать, таская ее изъ отцовскаго кабинета. Мнѣ до сихъ поръ каждый ея томъ напоминаетъ дѣтство. Когда нѣкоторые годы ея пропали, я не безъ труда разыскалъ и пополнилъ ихъ, чтобъ получилась полная картина расцвѣта и увяданія этого органа.

Нѣкоторые изъ сослуживцевъ косились на отца за пристрастіе къ «обличительной» литературѣ. Одинъ непосредственный его начальникъ, приходя на вистъ, всегда дѣлался не въ духѣ при видѣ «Искры» и съ кислой улыбкой говорилъ:

— Вы получаете этотъ журналъ? А нашъ директоръ отослалъ его въ редакцію обратно съ надписью: «пашквилянты»!

VII.

Я уже упомянулъ выше, что отецъ проигралъ все приданое, полученное за матерью. Теперь онъ игралъ уже только въ коммерческія игры. Въ клубы онъ никогда не ходилъ, игралъ больше дома или у знакомыхъ. Но нерѣдко вистъ, преферансъ или ерлансъ, начавшійся въ субботу послѣ обѣда, оканчивался въ понедѣльникъ утромъ, и чиновники, умывшись у насъ, прямо шли на службу. Мать была очень недовольна такими «фестивалами», какъ она называла такое препровожденіе времени, и уѣзжала со мною на все воскресенье къ бабуникѣ, о которой я разскажу позднѣе. Въ числѣ постоянныхъ партнеровъ отца былъ мѣстный священ-

никъ, красивый дородный брюнетъ, страстный любитель картишекъ. Онъ верѣдко запаздывалъ въ церковь, торопясь доиграть роберъ, такъ что причетникъ раза два прибѣгалъ за нимъ черезъ дорогу. Понамарь уже давно отзвонить, прихожане соберутся, а онъ все колотить валетовъ и дамъ. Насилу уйдетъ; а потомъ не пройдетъ и двухъ часовъ, какъ ужъ онъ снова является, отслуживъ все-нощную,—и теперь такъ вплоть до обѣдни и не встанетъ со стула.

Мать была очень религіозна; отецъ къ религіи относился совершенно безразлично. Мать не пропускала ни одного праздника, чтобы не сходить къ обѣднѣ и ко всенощной, и, конечно, брала всегда съ собою меня. Она не любила приходскихъ церквей, и предпочитала домовыя, потому что «и просторнѣе и проще». Домовая церковь училища, что помѣщалось противъ насъ,—была крохотная, низенькая, передѣланная изъ какой-то залы. Даже солен въ ней не было, и полъ алтаря былъ на одномъ уровнѣ съ церковью. Служилъ нашъ духовникъ безъ дьякона, воспитанники училища пѣли прескверно, и все же мать предпочитала эту церковь всѣмъ другимъ, потому что отецъ Михайлъ «служилъ очень ясно». Прихожане всѣ были знакомы другъ съ другомъ. Я хорошо зналъ, отъ какой барыни какими пахнетъ духами, какъ которая крестится, какъ кланяется въ землю, какъ генералъ, директоръ, трясеть сѣдою головою, какъ его сынъ Гриша, впоследствии талантливый музыкантъ, подпѣваетъ въ сѣрой курточкѣ на клиросѣ. Священникъ служилъ нѣсколько аффектированно и въ кадило сыпалъ такой душистой поронекъ, какого никогда я не встрѣчалъ въ другихъ церквахъ. Въ день Воздвиженія Креста у него былъ такой огромный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, что всѣ почетныя прихожанки нарывали изъ него по цѣлому букетику и уносили домой.

Я думаю, главной причиною, почему мать такъ тяготѣла къ этой церкви, было именно то обстоятельство, что тамъ не было дьякона. Она говорила, что у нея отъ баса начинается мигрень, и чѣмъ гуще и ниже былъ голосъ у этого служителя церкви, тѣмъ торопливѣе она уходила домой. Она хранила въ хорошенькой коробкѣ за образами пестренькіе камешки и раковинки, принесенные знакомой странницей изъ Іерусалима. Она видѣла въ этомъ священныхъ реликвіи и крестясь прикладывалась къ нимъ,—тѣмъ болѣе, что, по увѣренію странницы, онѣ пролежали цѣлую ночь на Гробѣ Господнемъ. Но въ то же время она какъ-то избѣгала всякой обрядности, и чѣмъ торжественнѣе была служба, тѣмъ съ большей неохотой шла въ церковь. И вообще я подмѣчалъ, что дома она куда усерднѣе молится, чѣмъ въ церкви, гдѣ болѣе смотритъ за мною, чѣмъ за своимъ молитвеннымъ настроеніемъ.

Иногда за всенощной было особенно нудно. Дьячекъ барабанитъ свою дробь; въ алтарѣ уже темно, и по потолку отъ серебряныхъ

лампадъ иконостаса легли густыя тѣни. Я смотрю на давно знакомое изображеніе Христа, идущаго по облакамъ съ коричневой чашей въ рукѣ. Надъ царскими вратами изображена обычная копія съ «Тайной вечери» Да-Винчи, и я все стараюсь разыскать за столомъ Иуду, и никакъ не могу. Потомъ я смотрю на лысый затылокъ дьячка, стараюсь вслушаться, о чемъ пересмѣиваются и перемниваются великовозрастные ученики на клиросѣ. Потомъ я чувствую, что хочется потянуться и зѣвнуть, но только что рука поднимается кверху, какъ внимательная мать ловитъ меня за уши.

— Что ты, что ты—опомнись!

Я напрягаю всѣ усилія быть приличнымъ. Вспоминаю, какъ хорошо хруститъ снѣгъ подъ ногами, какъ дома ждетъ меня «Стенка-растренка», и я повторяю съ удовольствіемъ знакомые стихи:

... придетъ портной,
Съ большими ножницами, злой...

Когда какой нибудь стихъ вырвется слишкомъ громко, мать наклоняется и тихо говоритъ:

— Что ты бормочешь?

Мнѣ стыдно солгать въ церкви, и я сознаюсь:

— «Придетъ портной... съ большими ножницами»...

А дьячекъ этимъ временемъ быстрой дробью отчеканиваетъ:

— Поміось, поміось, поміось...

Съ тринетомъ шелъ я по седьмому году на первую исповѣдь. Мать увѣрила меня, что я уже не младенецъ, а отрокъ, и что я долженъ припомнить всѣ свои грѣхи, совершенные за годъ. Поблѣвнѣй, вступилъ я за страшныя ширмы и увидѣлъ совѣмъ близъ своего носа вышитую золотомъ эпитрахиль духовника, отъ которой пахло ладаномъ и воскомъ. Я ожидалъ строгаго карателя моихъ грѣховъ, и вдругъ отецъ Михаилъ потрепалъ меня по щекамъ и сказалъ:

— Здравствуй, бутузъ! Отецъ не вернулся изъ Москвы? Четвергъ, значить, у васъ не будетъ?

Затѣмъ онъ велѣлъ мнѣ прочесть пятую заповѣдь, и властію, отъ Бога ему данною, простилъ и разрѣшилъ меня отъ моихъ прегрѣшеній.

Моя мать очень цѣнила образъ, который дали ей въ приданое. Это была извѣстная «троеручица»: Богоматерь изображена на немъ съ тремя руками, довольно искусно связанными съ тѣломъ, такъ что отнюдь не получается непріятнаго впечатлѣнія. Образъ этотъ, въ толстой серебряной ризѣ, стоялъ въ нашей божницѣ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Вѣроятно, гораздо большій археологическій интересъ представляла старинная копія съ «Ахтырской Богоматери»—старога кіевскаго письма, которою благословляла

моего отца бабушка. Передъ этими двумя иконами мнѣ и довелось учить съ матерью молитвы, и впоследствии — молить о чудѣ: «хорошо отвѣтить латинскіе глаголы, которыхъ не успѣлъ накануне выучить».

Предъ Рождествомъ дворовые мальчики, дѣти курьеровъ, склеивали огромную звѣзду изъ серебряной бумаги и фольги, ходили по квартирамъ чиновниковъ, пѣли: «волси же со звѣздою пѣшешествуютъ», и получали двугривенные. Я всегда съ восторгомъ ихъ слушалъ, и мнѣ казались таинственно прекрасными слова ихъ пѣсни:

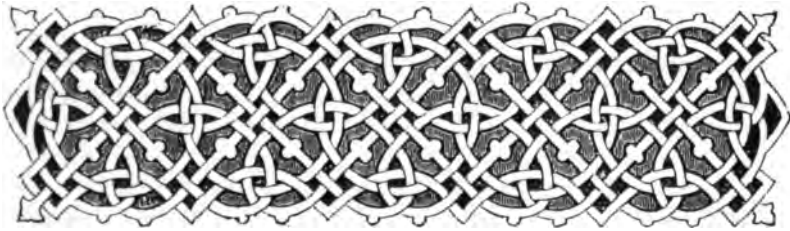
«Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ, и земля вертепъ Неприступному приносить»... Самое слово «пресущественный» мнѣ казалось удивительно гармоничнымъ, и, засыпая въ своей дѣтской кровати съ любимыми игрушками, я, еле шевеля губами, пѣлъ про себя:

«Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ»...

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИШАЙШІЙ У МЕНЯ ВЪ ГОСТЯХЪ.

ВЧЕРА я долго занимался—далеко за полночь. Въ воображеніи моемъ, невольно и самовластно переносившемся за нѣсколько столѣтій въ прошедшее, постоянно, одинъ за другимъ, вставали образы и тѣни давно отошедшихъ въ небытіе существъ—героевъ и страдальцевъ, славныхъ въ исторіи и обезславленныхъ ею, счастливыхъ и несчастныхъ,—и мнѣ казалось, что я самъ жилъ съ ними, думалъ и чувствовалъ ихъ думами и чувствами, радовался и страдалъ ихъ радостями и ихъ страданіями. Я самъ видѣлъ въ моемъ воображеніи, какъ «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ по утрамъ гѣшился въ своемъ Коломенскомъ, купая въ дворцовомъ пруду, словно овчаръ овецъ передъ стрижкою, заноздавшихъ къ нему на поклонъ стольниковъ,—видѣлъ, какъ святѣйшій патріархъ Никонъ, «собинный» другъ «тишайшаго», скучая въ своемъ заточеніи, въ Ферапонтовомъ монастырѣ, каждое утро сѣкъ своего поваренка Ларку да стрѣлялъ изъ пищали баклана, принимая птицу за бѣса,—видѣлъ, какъ протопонъ Аввакумъ, томясь въ земляной тюрьмѣ въ Пустозерскѣ, отбивался скуфьею отъ мышей и отъ бѣсовъ,—какъ молодой Ординъ-Нащокнинъ, Вонинъ, бѣжавъ «за море», мыкалъ тамъ свое горе, и въ Венеціи-градѣ напѣввалъ отъ тоски «не бѣлы-то снѣжки»,—какъ юная царевна Софья Алексѣевна бойко учила «урки изъ ариометикін и грамматикін», либо читала отцу изъ книги «Лусидаріусъ или златый бисеръ», а Степанъ Тимошеевичъ Разинъ, не подъ влияніемъ буйнаго порыва, а въ сплѣ ему одному извѣстныхъ побужденій, бросалъ въ Волгу прекрасную персінку...

Кругомъ было такъ тихо—все спало кругомъ, и въ домѣ, и внѣ дома: хоть бы стукъ экипажа извнѣ, хоть бы свистокъ городского, и только иногда плачь вѣтра въ трубѣ каминна нарушалъ эту мертвую тишину.

Но для меня это была не мертвая тишина. Она много говорила моей душѣ. Она возвышала мои иллюзіи до реального, и реальное превращала въ иллюзіи, въ видѣнія, такъ что и прошедшее, какъ и настоящее, казалось мнѣ не то дѣйствительностію, не то сномъ, тѣмъ сномъ, который часто могучѣе и неотразимѣе дѣйствуетъ на душу, чѣмъ бодрствующій разумъ. И въ то же время въ душѣ моей продолжала явственно звучать гениальная мелодія дивной сонаты Бетховена С—moll, въ которой слышались и рыданія отчаянія, и порывы бурной страсти, и шопотъ любви, смѣшанный съ нѣжнымъ шопотомъ весенняго вѣтерка и молодой листвы, хотя звуки рояля надъ моею головою давно, еще далеко до полуночи, умолкли. Но я ихъ слышалъ такъ же, какъ видѣлъ взволнованной душой тѣни давно минувшаго: и сонъ, и дѣйствительность, и прошедшее, и настоящее—все это смѣшалось и слилось въ какую-то гармоническую жизнь, въ которой, однако, было такъ много грустнаго. Казалось, это былъ сонъ наяву.

Да, сонъ... Вѣдь развѣ всѣ мы, и легкомысленные романисты, и солидные историки, развѣ всѣ мы не въ воображеніи, не въ гаданіи, не «въ тонцѣ снѣ» видѣли и «тишайшаго» царя, и этого фанатика Аввакума, и суроваго Никона, и перваго изъ нашихъ западниковъ—Воина Ордина-Нащокина, и того, наконецъ, который доселѣ не пашель своей могилы?

Да, все это иллюзіи, видѣнія «въ тонцѣ снѣ», а въ то же время это и сама жизнь—жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ, во снѣ и наяву, жизнь и смерть: все это—тотъ же творческій сонъ, та же двойственная жизнь и смерть, какъ говоритъ гениальный поэтъ, Байронъ:

«Жизнь наша двойственна: свой міръ имѣетъ сонъ—предѣлъ межъ двухъ міровъ съ такимъ обиднымъ и бессмысленнымъ названіемъ, какъ жизнь и смерть. У сна есть цѣлый міръ, есть царство цѣлое дѣйствительности дикой, — и сповидѣніе живетъ всею жизнью бдѣнья—и радостью, и горемъ, и тщетой. Оно тѣснитъ собой и бодрствующій разумъ, иль съемлетъ тѣсноту съ него и наяву. Оно становится частицей нашей жизни, частицей насъ самихъ и въ чувствахъ, и въ умѣ. Оно стоитъ въ глазахъ, какъ духъ всего былого, или въ ушахъ звучитъ, какъ будущаго звонъ. Оно насъ дѣлаетъ, чѣмъ вѣкъ мы не бывали, но чѣмъ оно одно велитъ намъ стать и быть. По прихоти его творится зло, добро. Оно смущаетъ насъ явленіемъ умершихъ, пугаетъ страхами воспрянувшихъ тѣней, межъ тѣмъ какъ все прошедшее не есть ли одна лишь тѣнь, одно лишь привидѣнье? И въ самомъ дѣлѣ, что жъ, что есть оно

само? Иль это плодъ ума? О! этотъ умъ всеиленъ: онъ властенъ населять планеты бытіемъ... и лучшимъ, чѣмъ все то, что самъ онъ видѣлъ въ мірѣ, и высшимъ, чѣмъ онъ самъ. Онъ можетъ жизнь вдыхать въ такіе призраки, въ такіа отвлеченья, въ которыхъ все ничто, но коимъ суждено вѣками пережить любое изъ всѣхъ нѣчто»...

А воображеніе—не то ли же оно, что сновидѣнье?

«Оно смущаетъ насъ явленіемъ умершихъ,
 «Пугаетъ страхами воспріянувшихъ тѣней,
 «Межъ тѣмъ какъ все прошедшее но есть ли
 «Одна лишь тѣнь, одно лишь привидѣнье?»...

Такъ и вчера ночью оно смущало меня явленіемъ умершихъ, пугало страхами воспріянувшихъ тѣней... Мнѣ послынались вдругъ шаги въ комнатѣ, тамъ, куда чрезъ драпировку слабо проникалъ свѣтъ лампы. Я подумалъ было, что это разсылный изъ типографіи, старикъ, который носитъ ко мнѣ корректуры. Но отчего, думаю, такъ поздно?

— Кто тамъ?—машинально спросилъ я.

— Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—послышалось въ отвѣтъ.

Я вышелъ, и при тускломъ свѣтѣ полуосвѣщенной комнаты увидѣлъ старика въ монашеской скуфейкѣ. На худомъ, изможденномъ, изрытомъ морщинами лицѣ древле-иконописнаго типа, фосфорическимъ свѣтомъ горѣли два глаза. Изъ-подъ темной скуфейки выбивались и падали на плечи сѣдые пряди никогда, повидимому, нестриженныхъ волосъ. И въ рѣдкой бородкѣ было что-то стариконописное.

— Не узнаешь меня?—спросилъ незнакомецъ.—Я тотъ, рожденіе коего бысть въ нижегородскихъ предѣлѣхъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ, а сожженіе въ срубѣ въ предѣлѣхъ Бѣла-моря, въ Пустозерскѣ, за двуперстное сложеніе.

Я тотчасъ же догадался, что передо мной стоитъ протопопъ Аввакумъ, и это меня нисколько не удивило: мнѣ, казалось, что я его такъ недавно видѣлъ.

Я внесъ лампу и просилъ пришельца садиться. Онъ оглядѣлся по сторонамъ, и на лицѣ его отразилось неудовольствіе.

— Книги вижу, много книгъ, и идоловъ вижу, а конь нѣтъ,—съ укоризною сказалъ онъ.

Я понялъ, кого онъ разумѣлъ подъ идолами: это были гипсовые бюсты Костомарова, Швеченко, Гоголя, Пушкина и Тургенева.

— Нѣтъ, отецъ протопопъ,—возразилъ я смиренно,—вонъ тамъ и образъ есть.

Онъ заглянулъ, куда я показалъ.

— А! Распятый за ны,—неохотно сказалъ онъ,—только не истового письма... Это не икона.

Недовольный взглядъ его скользнулъ по стѣнамъ, по книгамъ, по письменному столу, и съ невыразимымъ удивленіемъ остановился на одной небольшой книжкѣ. Это было «Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное», изданное подъ редакцію Тихонравова. Онъ торопливо взялъ эту книжку и дрожащими руками сталъ ее перелистывать...

— Мое житіе,—бормоталъ онъ растерянно.— Аввакумъ протопопъ понужденъ бысть житіе свое написать инокомъ Епифаніемъ—понеже отецъ ему духовный иннокъ,—да незабвенію предано будетъ дѣло Божіе, и сего ради понужденъ бысть отцомъ духовнымъ, на славу Христу Богу нашему,—читалъ онъ быстро.

Голосъ его оборвался, а слезы такъ и закапали на книжку.

— Боже всесильный!—съ дѣтскимъ умиленіемъ говорилъ онъ, утирая слезы,—всѣ-то померли, либо въ срубахъ и на кострахъ сожжены, други и сыны мои духовные, либо удушены, миленькіе мои—и Лаварь-отъ свѣтъ и иннокъ Епифаній, и праха отъ нихъ не осталось ни отъ кого, вѣтромъ разнесло... И великій государь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, и законпреступникъ Никонъ, и Софьюшка царевна—все сіе прахъ, разметаемый вѣтромъ, и тлѣнь, его же не бысть... А вотъ сія моя малая книжица пережила всѣхъ насъ, и славныхъ, и неславныхъ,—Господи, Господи!

«А! какъ заговорило въ тебѣ авторское самолюбіе!»—думалъ я, глядя на него, и все же мнѣ было и грустно, и умиленно слушать мертвеца: какая жажда жизни даже послѣ смерти! какой протестъ духа противъ небытія!

И онъ снова судорожно перелистывалъ книжку, блаженно улыбался, съ укоризною качалъ головой.

— Такъ, такъ, помню, какъ я писалъ сіе мое вяканье въ Пустозерскѣ, въ земляной тюрьмѣ, отбиваясь отъ бѣса да отъ мышей скуфейкою,—бормоталъ онъ какъ бы въ забытіи,—и единая мышца другомъ мнѣ была, миленькая, кормилъ ее сухариками... Ишь-нишь, чего въ концѣ нагородилъ! «Ну, старецъ (читалъ онъ дальше), моего вяканья вѣдь много ты слышалъ, о имени Господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-те тебя ѣли за тайное-тѣ у... и какъ бѣсъ-отъ дрова-тѣ сжегъ, и какъ келья-то обгорѣла, а въ ней цѣло все, и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное чтѣ вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, чтѣ говорю: не станешь писать, я осержусь!»

Онъ грустно покачалъ головой.

— Такъ и не написалъ, миленькой: обоихъ насъ въ срубѣ сожгли.

Въ коридорѣ въ это время послышались чьи-то медленные, тяжелые шаги и стукъ палки объ полъ. Я подумалъ, что это идетъ,

конечно, Костомаровъ, громахая своими громадными, какъ лодки, калошами и постукивая палкою. Такъ, бывало, онъ ходилъ ко мнѣ въ послѣдніе годы поговорить о безсмертіи души.

Вдругъ дверь отворилась, и предъ нами предстала величавая фигура въ бѣломъ клобукѣ и съ святительскимъ посохомъ. Я сразу узналъ его и попятился назадъ. Узналъ его и Аввакумъ, тоже попятился и уронилъ на полъ книгу. Это былъ патріархъ Никонъ.

— А! это ты пустосвятъ!—сурово обратился онъ къ моему гостю.

И поспѣшилъ подойти подъ благословеніе къ святѣйшему патріарху, между тѣмъ какъ въ душѣ у меня звучали слова поэта о сновидѣніи:

«Оно стоитъ въ глазахъ, какъ духъ всего былого,
«Пли въ ухахъ звучитъ, какъ будущаго звонъ;
«Оно насъ дѣлаетъ, чѣмъ вѣкъ мы не бывали,
«Но чѣмъ оно одно велитъ намъ стать и быть»...

— Пстой! погоди! какимъ крестомъ онъ благословляетъ?—удержалъ было мою руку Аввакумъ.

— Не тебѣ, пустосвяту, учить святѣйшаго патріарха,—кинулъ ему Никонъ, благословляя меня.

Аввакумъ вспыхнулъ и стремительно нагнулся, чтобъ поднять съ полу свое «Житіе».

— Не мнѣ! — бормоталъ онъ сердито, нервно перелистывая книжку,—то же мнѣ говорили на соборѣ и вселенстіи волки-патріархи... Вотъ-вотъ! гляди!—онъ тыкалъ пальцемъ въ раскрытую страницу:—«что де ты упрямъ?»—говорили они:—«вся де наша Палестина, и серби и албане, и волохи, и римляне, и лихи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты—такъ не подобаетъ». И я имъ о Христѣ отвѣщаль спде: Вселенстіи учителя! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и лихи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе нестро—отъ насилія турскаго Магмета немощи есте стали, и впредь прѣзжайте къ намъ учиться: у насъ Божію благодатію самодержество до Никона де отступника...

Никонъ грозно стукнулъ посохомъ объ полъ, такъ что бюстъ Костомарова задрожалъ.

— Замолчи, невѣжда!—не то я жезломъ загражу тебѣ уста!

— Не замолчу!—упрямо отвѣчалъ фанатикъ:—въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно...

— Кто имя благочестивыхъ царей упоминаетъ всуе?—раздался вдругъ чей-то голосъ.

Всѣ въ изумленіи оглянулись. Передъ нами стоялъ самъ «тшайшій» государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ

•истор. вѣсти», январь, 1906 г., т. хсѣх.

б

всѣа Русіа. Онъ былъ одѣтъ просто, по-домашнему, не для выхода, и въ рукѣ у него былъ простой посохъ богомольца.

Я отошелъ въ сторону, стараясь ступшеваться: такихъ высокихъ гостей я не имѣлъ чести принимать въ моей убогой кельѣ. Но меня не удивилъ приходъ «тишайшаго». Я невольно повторялъ въ душѣ чудныя слова поэта о сновидѣніи:

«Оно смущаетъ насъ явленіемъ умершихъ;
 «Пугаетъ страхами воспрянувшихъ тѣней,
 «Межъ тѣмъ какъ все прошедшее не есть ли
 «Лишь только тѣнь одна, одно лишь привидѣнье?..»

Да, и это были тѣни, привидѣнья, иллюзіи, непобѣдимыя въ своей реальности.

Я видѣлъ, какъ Алексѣй Михайловичъ подошелъ подѣ благословеніе сначала къ патріарху, потомъ къ Аввакуму.

— Государь!—укоризненно промолвилъ Никонъ, желая остановить его.

— Святѣйшій патріархъ!—оборотился къ нему государь, принявъ благословеніе отъ Аввакума,—я царь надъ всѣми вами, надъ всею Русскою землею: Богъ мнѣ вручилъ ее, и всѣ, кто въ ней есть,—мои дѣти. И ты, святой отецъ, іерей Бога живаго, и онъ, протопопъ Аввакумъ, такой же іерей Божій—и оба вы низводите на меня благословеніе Божіе.

Никонъ хотѣлъ, повидимому, что-то возразить, но Алексѣй Михайловичъ, замѣтивъ бюстъ Костомарова, отвернулся отъ патріарха и сталъ разсматривать бюстъ.

— Кто это? чей истуканъ?—спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

Я послѣшилъ почтительно отвѣтить:

— Это бюстъ историка Костомарова, ваше царское величество.

— Костомаровъ? Знаю его, видывалъ тамъ,—сказалъ «тишайшій», продолжая разсматривать бюстъ:—зѣло старъ человекъ, а тутъ моложе, чѣмъ тамъ.

И для меня понятно было, что означало это тамъ...

— Я тамъ не знаюсь съ нимъ,—продолжалъ какъ бы про себя Алексѣй Михайловичъ,—мнѣ Погодинъ, Михайло Петровичъ, сказывалъ тамъ, что Костомаровъ, якобы, глумился надъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государемъ и великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, иже порази безбожнаго сыроядца Мамай, и то ему вина!

Я хотѣлъ было почтительно вступить за своего покойнаго друга, но Алексѣй Михайловичъ круто отвернулся отъ бюста, и глава его остановилась на книгѣ, лежавшей на столѣ. Это была «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ» Костомарова.

— А это его книга!—и Алексѣй Михайловичъ развернулъ ее.— Царь Михайлъ Θεодоровичъ... Это блаженныя памяти родитель мой... Кіевскій митрополитъ Петръ Могила... хохоль, а збѣло достойный мужъ... А! и я тутъ: царь Алексѣй Михайловичъ... Посмотримъ...

«Тишайшій» сталъ медленно перелистывать книгу и наконецъ остановился на томъ мѣстѣ, котораго искалъ.

— А, вотъ... Ну-ну, чтѣ онъ пишетъ обо мнѣ?.. «Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ наружность довольно привлекательную: бѣлый, румяный, съ красивою окладистою бородою»... Ишь ты! и борода ему моя понадобилась... красивая де, окладистая... «хотя съ низкимъ лбомъ»... гмъ... што-жъ въ этомъ худова?—такой Богъ даль... «крѣпкаго тѣлосложенія и съ кроткимъ выраженіемъ глазъ»... На! поди ты! и глаза-то мои видѣлъ—диво да и только!.. «Отъ природы онъ отличался самыми достохвальными личными свойствами»... ну, за это спасибо, не хулить... «былъ добродушенъ въ такой степени, что заслужилъ прозвище «тишайшаго», хотя по вспыльчивости нрава позволялъ себѣ грубыя выходки съ придворными, соборно вѣку и своему воспитанію, и однажды собственноручно оттаскалъ за бороду своего тестя Милославскаго»... Оттаскалъ!—эко словечко вилель! И Илью не таскалъ за бороду, а драть-дралъ маленько, каюсъ, да и то за дѣло... А то на! оттаскалъ!.. Ну, вижу самъ, што правъ былъ Михайло Петровичъ Погодинъ... Грубъ былъ старикъ... И за то ему тамъ зачтется...

— А меня, великій государь, не однавѣ шибко таскали за бороду,—вмѣшался Аввакумъ,—ужъ и потаскано же, и сказать нельзя!

— Ну, ты самъ, протопопъ, горяченекъ былъ,—замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.

— А сіе, великій государь, ты не прочелъ?—спросилъ Никонъ, указывая выше, на начало статьи.

— Нѣтъ, не прочелъ—не вдомекъ было, а што?—спросилъ «тишайшій».

— Да вотъ онъ пишетъ: «Тридцатилѣтнее царствованіе Алексѣя Михайловича—пишетъ—принадлежитъ далеко не къ свѣтлымъ эпохамъ русской исторіи какъ по внугреннимъ нестроеніямъ, такъ и по неудачамъ во внѣшнихъ сношеніяхъ».

Лицо Алексѣя Михайловича нахмурилось... Ну?—сказалъ онъ, исподлобья взглянувъ на бюстъ историка.

Никонъ продолжалъ: «между тѣмъ, причиною того и другого были не какія нибудь потрясенія, наносимыя государству извнѣ, а неумѣніе правительства впору отклонять и прекращать невзгоды и пользоваться кстати стеченіемъ обстоятельствъ, которыя именно въ эту эпоху были самыми счастливыми».

— Неумѣние!..неумѣние!..—сердито повторялъ «тишайшій», стуча посохомъ объ полъ.—Посадить бы тебя на мое мѣсто, то-то настряпалъ бы!—погрозился онъ посохомъ на бюстъ.—Мало жезла на этихъ

писаць! Ишь чего напелъ: неумѣнье впору отклонять и прекращать... А ты отклонилъ бы, прекратилъ бы?.. А! за бороду таскалъ! оттаскалъ! ишь чего въ исторію вплелъ! Нѣтъ, чтобы, какъ вотъ у насъ въ «Василіологіонѣ», либо въ «Государственной большой книгѣ»—всѣ дѣянія царей отъ промысла Божія показаны, понеже сердце царевъ въ руцѣ Божіей... А то на! неумѣнье... за бороду оттаскалъ... Вотъ тебя и впрямь слѣдовало бы оттаскать.

И Алексѣй Михайловичъ еще сердитѣе взглянулъ на бюстъ историка.

— А объ нашемъ недружьи съ тобой, государь, чаю, што напелли эти историки!—сурово замѣтилъ Никонъ,—поди, и о томъ написали, какъ я свою Ларку дралъ.

Я старался не показываться разгнѣванному царю, но онъ замѣтилъ меня.

— А ты кто?—спросилъ онъ:—тоже, поди, строчишь исторію?

— Пишу, государь,—робко отвѣчалъ я,—только исторію писать боюсь: немилости сильныхъ, государь, опасуюсь.

— И добро. А што жъ ты строчишь?

— Сказочки, государь, побасенки изъ исторіи сплетаю: вру и самъ говорю, что вру... Такъ ужъ меня и знаютъ за вруля.

— Это хорошо, похваляю,—смягчился «тишайшій»:—это такъ, какъ—царство небесное ему—Симеонъ Ситіановичъ Полоцкой... «О Блудномъ сынѣ» да «О Навуходоносорѣ царѣ»—дѣйства такіа комидійныя... Я и зналъ, што онъ вретъ, а все жъ и тѣшилъ его дѣйствами... Такъ и ты изъ такихъ?—милостиво спросилъ меня «тишайшій».

— Изъ такихъ, государь.

— Похваляю, похваляю,—повторялъ добрый царь.—А то на! неумѣнье отклонять да прекращать—вишь ты!—умники нашлись!—чужую сбѣду руками разведу... Важно такъ говорить, якобы все знаютъ.

— Истинно, государь,—согласился Никонъ,—гдѣ имъ все знать!—то вѣдомо одному Богу...

А протопопъ Аввакумъ все это время не отрывалъ глазъ отъ своего «Житія».

— Сожженъ, миленькой, повѣшенъ, горюнь мой, удушенъ,—бормоталъ онъ про себя, качая головой.—А я-то какъ имъ загнулъ отъ писанія!—будутъ помнить...

Въ это время изъ-за портьеры показалось молоденькое, хорошенькое личико дѣвушки... Я думалъ, что это какая нибудь гимназисточка или курсистка приближала ко мнѣ либо съ просьбой о «переводахъ», либо по какому нибудь литературному дѣлу...

— Ахъ, батюшка государь!—послышался вдругъ серебристый голосокъ.—А я-то тебя ищу, ищу!

— Матушка! царевнушка Софья Алексѣевна!—обрадовался вдругъ Аввакумъ.

И дѣйствительно, это была Софья Алексѣевна въ собольей шапочкѣ и въ такой же шубкѣ съ малиновымъ верхомъ. Ей казалось не болѣе пятнадцати-шестнадцати лѣтъ.

— А! и святѣйшіи патріархъ тутъ, и протопонъ Аввакумъ,—защелбегала она, подходя къ обоямъ подъ благословленіе.—А я ужъ ходыла-ходила по городу, искала-искала... Ночь вить—гдѣ тебя сыщешь?—ласкалась она къ отцу.

— И ты одна это ночью рыскала по городу?—потрепалъ ее по плечу «типайшіи».

— Одна, батюшка... Ты знаешь, я всегда была смѣлая,—торопливо говорила юная царевна,—ничего не боюсь... А тутъ и меня оторопь взяла: иду, иду, и конца не вижу... Коли гляжу—съ высокаго, высокаго камня скачетъ кто-то на огромномъ конѣ... Вѣсь червыи, и конь подъ имъ тако-жъ черенъ, и подъ копытами-то у коня змѣи преогромныи, а у самого-то, што сидитъ на конѣ, и шапки на головѣ нѣту, и ноги-те босыи, а правую руку такъ ту протянулъ впередъ... Батюшки! думаю, онъ задавитъ меня... такъ испужалась—страхъ!—да какъ крикну, и хотѣла бѣжать... И подвернись тутъ добрый человекъ съ пинцалью на плечѣ, и говоритъ мнѣ: не бойтесь, барышня, это, говоритъ, не человекъ, а статуи—царь Петръ Алексѣичъ...

— Это сынъ мой?—встрепенулся Алексѣи Михайловичъ.—Мои Петрушенька? Какъ! ноли его земля не принимаетъ послѣ смерти?

— Не принимаетъ, государь,—злорадно отвѣчалъ Аввакумъ,—за новшества его не принимаетъ земля и за троеспертное сложеніе.

Алексѣи Михайловичъ горестно покачалъ головой. А юная царевна продолжала:

— Ну, батюшка,—говоритъ человекъ тотъ:—это статуи... А у меня руки и ноги дрожатъ отъ страху... Я и ну бѣжать; а какъ отбѣжала далеко и попла тише, вдругъ подходитъ ко мнѣ незнамо какой человекъ и говоритъ: не проводить ли васъ, барышня? А я спрашиваю—куда?—Къ вамъ, говоритъ.—Да я, говорю, къ батюшкѣ иду.—Онъ и отсталъ; это, говоритъ, дурочка какая-то... А я все иду да иду, и дошла до этой самой улицы. На углу и попадается мнѣ другой человекъ: вы кого, говоритъ, ищете?—Батюшку, говорю.—Онъ, говоритъ, вонъ въ тотъ домъ прошелъ, я васъ провожу туда.—И проводилъ.

— Кто жъ онъ?—спросилъ Алексѣи Михайловичъ.

— Не сказывасть... проводилъ меня до этой двери, и остался тамъ.

— За дверью?

— За дверью, батюшка.

— Протопонъ, погляди, кто тамъ!—сказалъ Алексѣи Михайловичъ Аввакуму.

Тотъ отворилъ дверь и отступилъ въ изумленіи.

— Степанъ Тимошеевичъ!

— Протопопъ Аввакумъ! какими судьбами?...

— А ты какими, сынъ мой?.. Иди-ко сюда...

И оба вошли. Лицо незнакомца носило на себѣ слѣды глубочайшихъ страданій. При видѣ царя и патріарха онъ упалъ на колѣни.

— Ты кто?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Я—злодѣй, государь, великій злодѣй... Вотъ ужъ болѣе двухсотъ лѣтъ брожу я по землѣ, и меня мать сыра земля не принимаетъ... Охъ, тяжки мои муки, тяжки,—говорилъ незнакомецъ,—ни молиться я не могу, ни плакать... Царь государь и ты, святѣйшій патріархъ, разрѣшите душу мою и тѣло мое смрадное, хоть бы земля-то меня приняла!

— Да кто ты?—вторично спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Я—злодѣй великій, воръ твой государевъ, донской казакъ Стенька Разинъ.

Всѣ на минуту оцѣпенѣли. Слышно было только, какъ въ каменной трубѣ плакалъ вѣтеръ, но мнѣ казалось, что это рыдаетъ мелодія сонаты Бетховена C-moll.

— Батюшка! прости его!—вдругъ послышался голосъ юной царевны, какъ плачущая мелодія сонаты.—Святѣйшій патріархъ! разрѣши его душу и тѣло!

По лицу Алексѣя Михайловича прошелъ неуловимый свѣтъ теплоты и жалости.

— Я прощаю тебя, Степанъ,—сказалъ онъ, протягивая руку къ стоявшему на колѣняхъ призраку.— Всѣ мы одинаково грѣшны передъ Господомъ... Вонъ онъ говоритъ («тишайшій» указалъ на бюстъ историка), будто мы не умѣли отклонять и прекращать...

Призракъ Разина дрожалъ съ головы до ногъ.

— Святѣйшій патріархъ!—опять послышалась мелодія дѣвческаго голоса:—разрѣши!

Никонъ всталъ, и, протягивая руку надъ головою призрака, громко сказалъ:—Данною мнѣ отъ бога властію прощаю и разрѣшаю! Земля еси—и въ землю отыди!

Послышалось что-то въ родѣ тихаго стога, и призракъ какъ будто опустился и исчезъ... Но въ то же время надъ нами явственно завучалъ чей-то голосъ.

«Земля! земля! вотъ кто наслѣдники твои!
 «Мы—только пузыри, вскочившіе надъ ними!
 «Чтобъ лопнуть—и потомъ, со всѣми остальными,
 «Сынами стать тебѣ средь истинной семьи.
 «Г'вой ключъ сама есть смерть; порталъ твой есть гробницъ;
 «Твои селенія—кладбища и гроба;
 «Сама ты—погребъ ихъ и трупная столица,
 «Ты міръ покойниковъ и самая судьба:
 «Кругомъ, со всѣхъ сторонъ, и прахъ, и пенеллицо,
 «Отъ верку до нмзу—ты вся одно кладбище!»

— Кто это?—изумленно спросилъ Алексѣй Михайловичъ, прислушиваясь:—да, кладбище, одно кладбище... Вотъ и мы всѣ изъ гробовъ да изъ земли вышли, чтобъ смущать живущихъ...

А невѣдомый голосъ все звучалъ,—и я зналъ, что онъ исходитъ изъ моей души, потому что, читая вчера вечеромъ Байрона, я былъ глубоко потрясенъ его мрачной поэзіей, и теперь взволнованный умъ мой повторялъ роковые выводы поэта...

Между тѣмъ, жилище мое все болѣе и болѣе наполнялось призраками, тѣнями прошедшаго, вышедшими изъ могилъ: думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, князь Семенъ Прозоровскій, Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ съ сыномъ своимъ Воиномъ, гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, князь Юрій Борятинскій,—все это двигалось, какъ въ панорамѣ или въ волшебномъ фонарѣ...

Дьякъ Алмазъ Ивановъ переходилъ отъ шкафа къ шкафу, роаясь въ книгахъ. Молодой Ординъ-Нащокинъ неподвижно стоялъ передъ панорамой, изображающей видъ Венеціи съ моря и съ Canale Grande, гдѣ онъ когда-то по цѣлымъ днямъ бродилъ тоскливо, не смѣя возвратиться на родину, откуда онъ бѣжалъ такъ преступно. Брюховецкій не отводилъ глазъ отъ бюста Шевченка, стоящаго на одномъ изъ шкафовъ съ книгами, и съ удивленіемъ повторялъ: «казакъ, точно казакъ—и усы, и смушковая шапка, только чуба не видать»...

А царевна Софья Алексѣевна, съ свойственной ей живостью, отыскала гдѣ-то на нижнихъ полкахъ любимую свою книгу—«Лусидаріусъ или золотыи бисеръ», и, теребя отца за бороду, уже читала ему вслухъ:

— Слушай, какіе бываютъ люди отъ рожденія подъ планитами: понеже нѣкія планиты или звѣзды суть студены естествомъ, а нѣкія волглы естествомъ, тѣ самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго и сухаго естества есть, той молчати любить и нескоро вѣритъ, что слышитъ, дондеже испытно уразумѣеть, а который человѣкъ студенаго и волглаго естества, той что ежели слышитъ, вскорѣ высказываетъ и много глаголетъ; а который горячаго и сухаго естества, той есть дерзъ руками и храбръ и имать желаніе на многія жены и вѣло непостояненъ въ любви. Сего ради писаніе повѣдаетъ, еже планити Марсъ или рещи Арисъ горячаго и сухаго естества есть; жена же горячаго и волглаго естества—та есть проста и милосерда и замыслива и вѣло къ похоти любява... А ты котораго естества?—спросила она вдругъ отца.

— Не знаю, стрекова,—улыбнулся «тишайшій», трепля по щекѣ свою любимицу.

— А когда ты родился? подъ какою планитою? А! помню—въ мартѣ мѣсяцѣ... Такъ, значитъ, подъ планитою Марсомъ... А! такъ ты дерзъ руками—потому: горячаго и сухаго естества, и храбръ... и вѣло непостояненъ въ любви,—болтала юная шалунья.

Алексѣй Михайловичъ невольно разсмѣялся:

— Ахъ, ты, дурочка! Правду скавалъ тотъ, што хотѣлъ про-
водить тебя: дурочка де какая-то.

— Нѣтъ, я не дурочка,—не соглапалась царевна.

— А што я дерзъ руками—это правда,—снова улыбулся «сти-
пайшій»:—вонъ тотъ (онъ указалъ на бюстъ Костомарова) пинетъ
обо мнѣ, будто я тестя свою Илью собственноручно отгаскалъ за
бороду.

Я глянулъ на Никона: онъ весь углубился въ чтеніе «Русской
исторіи».

— Вишь каково обо мнѣ пишете,—бормоталъ онъ:—«патріархъ
Никонъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ дѣятелей русской
исторіи»... То-то—крупный, могучій... А этого крупнаго въ Фера-
понтовъ заточили... Намъ, чу, крупные не къ двору—намъ мелкота,
мелюзга по плечу, оттого и люблю...

Между тѣмъ, выходцы съ того свѣта являлись одинъ за дру-
гимъ: князь Василій Васильевичъ Голицынъ, при видѣ котораго
юная царевна вся вспыхнула и потупилась,—стрѣльцы въ крас-
ныхъ кафтанахъ, среди нихъ «Тараруй», Никита-пустосвятъ, мо-
нахи, запорожцы,—все это мѣшалось, какъ въ калейдоскопѣ, дви-
галось, говорило...

А въ моей взволнованной душѣ звучалъ все тотъ же стихъ, ко-
торымъ мысль моя, утомленная блужданіемъ въ прошедшемъ, была,
такъ сказать, черезъ край переполнена:

•О, вы, подземные жильцы и властелины,
•Вы, милліоны тѣлъ, дожившіе до глины,
•Вы, тысячи вѣковъ, образовавшихъ тукъ,
•Который топчемъ мы, какъ почву для паханья,
•Скажите, чтѣ вы тамъ?—и есть ли тамъ хоть звукъ?
•Хоть лучъ какойнибудь? хоть мѣсто для дыханья?
•Налъ все тамъ только ночь во всемъ ея затменѣ,
•Со всѣмъ безмолвіемъ, и холодомъ, и мракомъ,
•И вѣчной пустотой, при вѣчномъ зачумленѣ,
•Но городамъ гробовъ, разсыпавшихся прахомъ?»...

Вдругъ я увидѣлъ въ дверяхъ фигуру нашего старшаго двор-
ника Филиппа.

— Ваше превосходительство!—робко сказалъ онъ:—околошный
спрашиваетъ, что у васъ за собраніе въ такой поздній часъ?
Какъ бы не тово...

Я испугался и проснулся... Въ окна, изъ-за шторъ, уже брез-
жило пасмурное петербургское утро.

Д. Л. Мордовцевъ.

ПРОКЛЯТІЕ ДО СЕДЬМОГО КОЛѢНА.

Семейная легенда.

АТЪ БАБУШКІИ моеи, А. П. В—ской, я слышала не разъ, что на семью нашу въ концѣ XVII в. наложено «проклятіе до седьмого колѣна». И бабушка разсказывала исторію грѣха нашихъ прапрадѣдовъ, навлекшаго такую кару, и объясняла, что дѣйствіе проклятія грозно сказалось впервые во время Пугачевщины, и что тяготѣетъ оно въ разныхъ формахъ будто бы и по сіе время, ибо «седьмое колѣно» еще не изсякло: его представляютъ собою наряду съ прочими родственниками и мои дѣти.

Дѣдъ мой бабушки, И. П. С—въ, женатъ былъ на Фр—ой-В—вой, единственной дочери той четы Фр—хъ-В—хъ, когорая навлекла проклятіе народъ свой.

Попытаюсь передать эту семейную легенду, какъ со словъ моей бабушки сложилась она въ моемъ воображеніи и памяти.

I.

Иванъ Тимошеевичъ Ф—въ-В—въ былъ человекъ рыхлый, мягкій и смиренный. Воспитывался онъ въ довольствѣ и праздности въ родовомъ имѣніи П—нской губерніи у матери-вдовы. Грамотенъ былъ настолько, насколько могъ обучить его добрый приходскій попъ—о. Игнатій. Книгъ не читалъ, да ихъ и не водилось во Фроловскѣ. Зато богомолы, странниковъ, монаховъ и монахинь

много принимала у себя его матушка, и во Фроловкѣ для нихъ всегда былъ открытый столъ и радушный пріютъ.

Иванъ Тимоѣевичъ съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ слушать рассказы этихъ гостей о видѣнныхъ ими святыняхъ, о чудесахъ и о мирномъ житіи кроткихъ старцевъ въ лѣсахъ дремучихъ или на горахъ неприступныхъ. Часами, бывало, просиживалъ, слушая ихъ, маленькій, пухлый, но безъ краски въ лицѣ, мальчикъ. Сидитъ, упершись локотками въ накрытый столъ, склонивъ курчавую, русую голову на пухлые ручки и устремивъ задумчивый взглядъ въ окошко, въ свѣтлую даль, если день былъ, или на красный, тусклый огонекъ нагорѣвшей сальной свѣчи, если бесѣда затянется къ ночи. И заснетъ тутъ, бывало, и только соннаго могутъ его, матушкина баловня, въ кровать уложить. А случалось и такъ: умолкнетъ рассказчица, встанутъ всѣ, чтобы, сотворивъ молитву, на покой разойтись, а мальчикъ все сидитъ съ открытыми глазами, будто продолжаетъ еще прислушиваться къ давно ужъ умолкнувшей рѣчи, или будто видитъ что передъ собою...

Восемнадцати лѣтъ ему еще не исполнилось, какъ оженла его матушка на сосѣдкѣ, дворянской сиротѣ. Добрые опекуны охотно выдали замужъ четырнадцатилѣтнюю барышню, Марю Степановну, за тихаго, богомольнаго барчука, въ богатую и всѣми уважаемую семью. Тутъ вскорѣ умерла ударомъ фроловская старая барыня, и зажила молодая чета своимъ хозяйствомъ на полной своей волѣ.

Марья Степановна огневая была, съ черными отрыми глазами и густыми, сросшимися бровями, высокая, тонкая и въ ту пору еще совсѣмъ дитя не сложившееся, но уже властная и умная не по лѣтамъ. И стала она, на удивленіе домашнимъ и всей округѣ, твердо и нерушимо держать установленный до нея порядокъ хозяйства и домоводства, разумно пользуясь совѣтами однихъ и твердо отстраняя непрошенное вмѣшательство другихъ.

Попрежнему всегда открытый столъ и пріютъ былъ всѣмъ «страннымъ людямъ», и попрежнему тихо и мечтательно слушалъ ихъ рѣчи Иванъ Тимоѣевичъ, и только толстѣлъ день ото дня: такъ ему пріятно и покойно жилось за дѣятельной и не по лѣтамъ разумной супругой.

Всѣмъ бы хороша и привольна была ихъ жизнь, только дѣтокъ имъ Богъ не давалъ.

Прошло лѣтъ шесть ихъ супружества, а дѣтокъ нѣтъ-какъ-нѣтъ. Затосковала Марья Степановна и надумала взять пріемыша, трехлѣтнаго безроднаго сироту съ большими ласковыми, сѣрыми глазами и пухлымъ, смѣющимся ротикомъ; онъ еще новорожденнымъ младенцемъ невѣдомо кѣмъ былъ подкинутъ бездѣтному отцу Игнатію и принятъ былъ его попадьей. Теперь попадья умерла, и о. Игнатій охотно уступилъ молодымъ супругамъ своего питомца, Григорія.

Марѳа Степановна крѣпко привязалась къ ребенку и повеселѣла, словно сама вновь дитятей стала; играла она съ нимъ, бѣгала по саду и по горницамъ; сама обшивала и наряжала его, какъ куклу, сама спать около себя укладывала и пѣла ему колыбельныя пѣсни.

Долго ли, коротко ли такъ продолжалось, а только стала по временамъ вновь тоска нападать на молодую женщину. Краска съ лица сошла; черныя брови будто еще пуще сдвинулись; не стала больше колыбельныхъ пѣсенъ пѣть и играть съ Гришей; предоставила его вѣрному попеченію любимой няни своей, Евстаѣевны. И какъ нападетъ на нее эта ея хмара-тоска,—она бродитъ, что тѣнь неспокойная, по всему своему просторному и благоустроенному дому, и ничто въ немъ ея не радуетъ. Порядки всѣ блюдетъ она по заведенному и домъ, что полная чаша, стоитъ, но души не вкладываетъ ни въ какое дѣло молодая хозяйка. Съ тихимъ, добрымъ Иваномъ Тимоѣевичемъ и теперь, какъ всегда, никакихъ размовокъ у нея не бывало; всегда неизмѣнно къ нему ласковая и почтительная, неизмѣнно его именемъ отдавала она всѣ приказы по дому и по вотчинѣ, и подавались ему неизмѣнно любимыя его кушанья и питія; излюбленные гости его принимались всегда съ равнымъ почетомъ и обильнымъ угощеніемъ.

Однако, омрачавшая душу хозяйки тоска тяжкимъ, хоть и неувеличиваемымъ гнетомъ чувствовалась всѣми, какъ домашними, такъ и пришлыми людьми и вызывала различныя догадки. Но съ соболѣзнованіемъ или вопросомъ, не только-что съ совѣтомъ, никто къ ней и приступить не смѣлъ,—такъ держала себя гордо и далеко отъ всѣхъ молодая фроловская барыня.

Много тутъ было у Марѳы Степановны съ Иваномъ Тимоѣевичемъ по богомольямъ похожено, по разнымъ дальнимъ монастырямъ и прославленнымъ чудесами пустынямъ побѣжено, и обѣтовъ, и жертвъ понадавано, а дѣтокъ все нѣтъ-какъ нѣтъ, и нигде не получала Марѳа Степановна облегченія своей хмары-тоски.

Наступилъ пятнадцатый годъ ихъ супружества.

II.

Мѣсяць май на дворѣ.

Въ полномъ цвѣту стоятъ въ саду яблони. Съ заката солнечнаго заливаются соловьи въ кустахъ надъ оврагомъ.

Случилось, что въ ту пору затосковала особенно сильно Марѳа Степановна... И какъ, разъ въ эту же пору неожиданной и радостной гостьей наѣхала во Фроловку изъ дальней обители инокиня Агнія. Она была стараго дворянскаго рода, Марѳѣ Степановнѣ доводилась двоюродной теткой и, что рѣдко встрѣчалось въ помѣщичьемъ

быту того времени, была сильна въ грамотѣ и очень начитана. Быть можетъ, поэтому особенно уважала и отличала ее Марѳа Степановна отъ исѣхъ прочихъ гостей фроловскихъ. И на этотъ разъ прїѣздъ умной старицы ей по сердцу былъ, хотя хмары ея все же не разѣялъ.

Старица Агнїя давно ужъ и въ прежніе наѣзды свои зорко и не случайно приглядывалась къ этой хмарѣ своей богатой и, казалось бы, счастливой родственницы. Отъ остраго взора изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ монахини не укрылись и признаки особаго къ ней довѣрія Марѳы Степановны, но, зная врагъ ея скрытный и властный, не допускакщїи никакому чужому оку въ душу ея проникать, старица тщательно хранила про себя результаты своихъ наблюденїй.

Въ день прїѣзда матери Агнїи Иванъ Тимошеевичъ, по обыкновенїю, выпавшись послѣ ранняго и сытнаго обѣда, вышелъ изъ спальни, присѣлъ на крылечко и въ ожиданїи чая и новостей отъ прїѣзжей гостьи вдыхалъ съ удовольствїемъ ароматный воздухъ теплаго дня.

Тутъ же, стоя около него, Марѳа Степановна давала приказанїя своей старой нянѣ и ключницѣ о томъ, что собрать къ чаю.

Вышла изъ горницы, отдохнувъ съ дороги, и старина Агнїя. Это была маленькая, сухонькая и блѣдная женщина, лѣтъ пятидесяти, съ тонкими губами и неугасимымъ огонькомъ въ черныхъ умныхъ глазахъ.

Окидывая умиленимъ взоромъ цвѣтуція яблони сада и зеленѣющую на дворѣ травку съ желтыми цвѣточками, она молвила, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Красень у Бога майскїй вечеръ! А не прикажешь ли, разумница, столъ-то къ чаю подъ яблонькой собрать? Воздухъ легкїй въ саду, птички Богу хвалу поютъ... Чайкомъ побалуемся, а тамъ, до заката солнышка, я бы и почтатъ могла вамъ, дѣтки, во славу Божїю, отъ житїи святыхъ угодниковъ.

— А развѣ есть у тебя, матушка, новенькїя, нечитанныя житїя?

— Есть, разумница, какъ не быть! Зимнїе-то вечера, знаешь, долги... Не одно-то житїе списать я, грѣшная, удостоилась. Самъ о. Макарій прислалъ мнѣ дважды изъ монастырскихъ древащъ книгъ...

Живо былъ собранъ столъ подъ яблоней, и немало на немъ было уставлено разныхъ яствъ домашнихъ подъ заботливымъ взоромъ Марѳы Степановны, но въ этотъ разъ не замѣшались за столомъ ни гостьи, ни хозяева. По слову хозяйки все живое рѣкой было убрано, и поставили на столъ только бражку студеную въ глиняномъ кувшинѣ да къ ней кружечку граненаго хрустала для гостьи да завѣтный серебряный ковшичекъ для Ивана Тимошеевича.

Старица быстрымъ, легкимъ ходомъ прошла въ домъ и обратно и вынесла изъ своего дорожнаго шелгунка рукописную книгу въ кожаномъ самодѣльномъ переплетѣ. Чѣла, благословясь, на скамью передъ столомъ и, открывъ книгу, молвила:

— Вотъ тутъ житіе преподоб...

— Матушка! да вѣдь ты ужъ читала намъ это самое житіе!— перебила ее Марѳа Степановна, заглянувъ въ знакомую книгу.— И не одинъ разъ читала! Аль запомнѣла? Я его почитаю—что все наизусть знаю, а Иванъ Тимоѣевичъ и тѣмъ паче!

— И то! Запомнѣла я, старая! А только новенькія и въ этой книжкѣ есть... Останались бѣлые листочки, я и вписала на нихъ, добавила... Вотъ житіе св. мученицы Татіаны: это—какъ при малолѣтнемъ императорѣ Александрѣ Северѣ она мученіе вели пріять сподоблась... какъ строгали ея тѣло...

— Нѣтъ ужъ!.. Уволь, матушка, не прогнѣвайся! Да мнѣ всю ночь будетъ такое грезиться... Не могу, не могу я такого слышать! Силъ моихъ нѣтъ больше!

Вспылила Марѳа Степановна, но сдержавшись тотчасъ умолкла и только губу прикусила и сдвинула черныя брови.

Жалостливо и тревожно поглядѣвъ на любимую жену, Иванъ Тимоѣевичъ и самъ вступился.

— Ты... это, мать,—послѣ, когда... мнѣ-то... а ей-то, какое бы тихое да радостное... А то она, ишь, бѣдная, какъ...

Иванъ Тимоѣевичъ имѣлъ привычку не договаривать своихъ рѣчей, словно ему лѣнь было лишнее слово сообразить и выговорить.

— Ну, и задачу же вы мнѣ задали, друзья мои милые! И новенькое-то намъ подавай, и чтобы не мучительное... Житіе слушать собрались и хотите, чтобы не мучительное!—приговаривала мать Агнія, перелистывая книгу.

— Два у меня здѣсь только новенькихъ-то. Больше нѣту.

Окончательно овладѣвъ собою, Марѳа Степановна возразила кротко.

— Да вѣдь ты сказывала, матушка, что нѣсколько новыхъ переписала,—вотъ что отъ отца-то Макарія?

— Да вотъ, поди-жь ты! Не ту книгу я съ собою захватила: думала—новую положила, анъ въ шелгункѣ-то старая оказалась!

— Да вѣдь и въ этой книжкѣ у тебя два новыхъ житія вписано: ну, одно про Татіану, а другое-то?

— Да вотъ другое-то... прости, Господи, мое прегрѣшеніе!—такое, что по человѣческой любви моей къ вамъ, дѣтки, не хотѣла я и съ собой-то брать это, другое-то житіе... а вотъ оно какъ выходитъ-то...

— Да отчего же, матушка? По какой причинѣ? Развѣ и въ немъ все пытки да страсти?

— Нѣтъ! Ни пытокъ, ни страстей въ немъ нѣту никакихъ. Тихое оно и радостное. А лучше вамъ его не читать!

— Да за что же такъ, матушка?—загорячилась вновь Марѳа Степановна, задѣтая женскимъ любопытствомъ.—Или ужъ мы не достойны и слушать даже про такихъ святыхъ... про ихъ жизнь тихую и радостную?

— Угадала ты, разумница, да не совсѣмъ: вы то какъ разъ оба и достойны, но вамъ-то этого и не слѣдуетъ читать.

— Да нѣтъ же! Что ужъ это такое, матушка! Что это, какія ты загадки загадываешь!

Марѳа Степановна даже съ мѣста своего поднялась. А потомъ, вдругъ, склоняясь передъ старицей и охвативъ ее тощія колѣни, припала къ нимъ головой и стала молить.

— Прочитай, матушка! вѣдь недостойныхъ-то ради и Христосъ не погнушался на землю сойти... прочитай, матушка!

Какъ бы сдаваясь на мольбу, старица перекрестилась и нерѣшительно раскрыла книгу на послѣднемъ, вписанномъ въ ней житіи.

Иванъ Тимоѳеевичъ подтвердилъ просьбу жены, примолвивъ:

— Прочитай, мать! ишь, какъ она...

Марѳа Степановна такъ и застыла у ногъ инокини и только вздрагивала въ страстномъ ожиданіи.

— Ахъ, не хотѣла я и не чаяла эту книгу въ шелгункѣ найти... Вы же оба такъ меня понуждаете: читай да читай! Что-жъ, можетъ, и въ томъ перстѣ Божій? Его святая воля!.. Приступимъ...

И прочла хитрая старица житіе, чуть ли не завѣдомо апокрифическое, которое нарочито для этого случая изъ дальняго монастыря доставала и списывала. Въ житіи этомъ говорилось о молодыхъ, бездѣтныхъ супругахъ, которымъ было откровеніе отъ Бога въ сонномъ видѣніи, чтобы не жить имъ грѣшною жизнью безплодной смоковницы, но разставшись посвятить себя молитвенному труду за весь грѣшный міръ, пріявъ чинъ ангельскій въ двухъ отдаленныхъ одна отъ другой обителяхъ.

Надо отдать справедливость матери Агніи: хоть и читала она это житіе по вранію обдуманному плану, въ успѣхъ коего была почти увѣрена, но ликованія душевнаго, читая, не испытывала, а думала такъ: «слушавила я, грѣшная! а лучше бы безо лганья!» Но тутъ же утѣшала себя мыслію, что «будетъ эта ложь во спасенье: души чадъ сихъ ко Господу приведу... и убогую обитель нашу поддержи! а свой-то грѣхъ ужъ отмолю какъ нибудь у Господа Бога».

Окончила чтеніе мать Агніи и закрыла книгу.

Солнышко за лѣсъ садилось. Соловей защелкалъ въ кустахъ, и потянуло изъ оврага вечерней сыростью.

Поднялась Марѳа Степановна и стала тихо, необычно сама прибираться, что надо было, со стола.

Потомъ всё направились въ столовую горницу къ ужину.

На столѣ уже разставлены были цвѣтныя настоечки и разныя соленыя къ закускѣ. Скоро заklubился и паръ отъ ароматной ухи изъ свѣжей рыбы для матери Агніи и отъ излюбленнаго Иваномъ Тимошеевичемъ жирнаго борща. Появились сочные, словно янтарные, въ маслѣ вареники. Все было, кажись, какъ всегда... но ужинъ этотъ проходилъ въ молчаніи необычайномъ. Прослушавъ предтрагическую молитву матери Агніи, хозяева съѣли, не произнеся ни единого слова, и тишина стояла нерушимая, ибо изъ сидящихъ за столомъ праживальщицъ никто не рѣшался первымъ свое слово молвить.

Не нарушала на этотъ разъ молчанія и разговорчивая обычно смѣлая мать Агнія.

Помолясь послѣ ужина, грузно поднялся Иванъ Тимошеевичъ и направился, вздыхая, къ опочивальнѣ.

Молча, поклонѣмъ поблагодаривъ хозяевъ, всё домоладцы какъ-то особенно быстро и тихо исчезли изъ столовой; такъ же удалилась незамѣтно и мать Агнія. Только Марѳа Степановна задержалась, отдавая приказанія по хозяйству назавтра.

Рано поднялась на слѣдующее утро мать Агнія и, спѣшно собравшись, ссылаясь на неотложныя порученія матери игуменьи, съѣхала со двора.

III.

Недѣли черезъ три изъ Фроловской вотчины прошелъ слухъ по всей округѣ, что въ господской усадьбѣ дивное творится: старинныя сундуки, окованные желѣзомъ, по барскому приказу были вынесены изъ кладовыхъ и подваловъ, и сама барыня, Марѳа Степановна, своими руками все господское добро въ нихъ укладывала; куда—ковры персидскіе, куда—серебряную посуду, фарфоры и хрустали заграничныя, куда—холсты, кружева, робы парчевые и бариновы шитые золотомъ парадныя кафтаны и камзолы... Все поштучно, подъ нумерами вписывала барыня въ записную книжку; наполненные сундуки тоже нумерами мѣтила и на замки сама запирала, а ключи отъ нихъ нанизывала на шелковый поясокъ.

Когда всё сундуки были снова по мѣстамъ разставлены, а въ горницахъ остались только вещи не цѣнныя и самаго необходимаго обихода, Марѳа Степановна объявила бариновъ приказъ, чтобы къ назначенному дню и часу всѣмъ домохозяевамъ ихъ вотчины собраться на барскій дворъ.

И собралась въ указанный срокъ вся Фроловская вотчина; пришелъ по особому зову и добрый, старый попъ Игнатій съ дьячкомъ и принесъ въ узелкѣ облаченіе, крестъ и Евангеліе.

Иванъ Тимошеевичъ съ Марѳой Степановной рука объ руку вышли на высокое крылечко, и тутъ, къ общему удивленію, Иванъ

Тимоеевичъ впервые самъ обратился съ рѣчью ко всему многочисленному люду.

Среди толпы, онѣмѣвшей въ чаяніи чего-то дивнаго и небывалаго, твердо и явственно зазвучалъ голосъ барина. Иванъ Тимоеевичъ объяснилъ, что соизволеніемъ Божиимъ онъ и Богомъ данная ему супруга, Марѳа Степановна, съ которою въ сердечномъ дружествѣ и вѣрности прожили они четырнадцать лѣтъ своего супружества, нынѣ въ дружескомъ соглашеніи между собою присудили—остатокъ жизни своей посвятить молитвенному подвигу, принявъ охотно иноческій чинъ, онъ—въ такой-то мужской обители, она—въ такой-то женской.

Волной всколыхнулась толпа, какъ отъ налетѣвшаго вихря. Поднялся невнятный ропотъ, раздались возгласы удивленія, одобренія... Но тутъ же стихло и замерло всякое движеніе, покрытое болѣе привычнымъ, звонкимъ и властнымъ голосомъ барыни Марѳы Степановны. Отъ имени супруга своего она стала читать написанную имъ его волю.

Объявлялось всѣмъ, что назначаетъ Иванъ Тимоеевичъ управителемъ надъ всею вотчиною вѣрнаго стараго слугу своего, Тихона Никитича, всѣми любимаго и уважаемаго, и что этому Никитичу строго приказываетъ вотчиннымъ людемъ и дворовымъ холопамъ всякую оказывать справедливость, а мужикамъ и дворовымъ людемъ—слушаться Никитича безпрекословно. Содержаніе и воспитаніе пріемнаго сына Григорія довѣряется нынѣ, Евстаѣевнѣ, а виціи надворъ за нимъ, наставленіе и обученіе—о. Игнатію, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Изъ доходовъ имѣнія отпускать—въ распоряженіе священника о. Игнатія на воспитаніе Григорія столько-то рублей... да столько-то отпускать натурою, да столько-то рублей оставлять Тихону на содержаніе дома и хозяйства. Изъ остального же дохода посылать ежегодно въ указанные сроки въ такую-то мужскую обитель и въ такую-то женскую по столько-то и натурою въ оба монастыря поставлять—мукой, крупой, яйцами, масломъ, холстомъ—по столько-то, и все сдавать подъ расписку келаря или казначея тѣхъ монастырей.

Такимъ образомъ, уходя въ монашество, супруги все же оставили за собою владѣніе и распоряженіе своею недвижимою собственностію и крестьянами; о томъ же, насколько такое распоряженіе законно и сообразно съ иноческимъ званіемъ, они не задумывались. О передачѣ же въ собственность монастырямъ своего родового имущества Иванъ Тимоеевичъ и не помышлялъ, а желалъ все сохранить для пріемнаго сына Григорія. Замѣчательно, что въ такомъ оставленіи за собою правъ владѣнія онъ ни встрѣтилъ, и по принятіи иночества, никакого дѣятельнаго сопроти-

вленія ни со стороны монастыря, ни со стороны родственниковъ или властей ¹⁾).

Прочитавъ волю супруга своего и не давъ никому времени опомниться отъ неожиданности, тотчасъ же обратилась Марѳа Степановна къ о. Игнатію,—моль, начинай, батюшка, немедля напутственное молебствіе. Накрытый столикъ съ иконою и лампадой былъ заранѣе тутъ же передъ крыльцомъ приготовленъ.

Иванъ Тимоеевичъ и Марѳа Степановна сошли съ крыльца и стали за о. Игнатіемъ впереди народа. Въ концѣ молебствія приложились къ кресту и Евангелію, Марѳа Степановна тотчасъ же всѣмъ вотчиннымъ людямъ приказала цѣловать крестъ на томъ, что объявленную имъ волю барина ихъ, Ивана Тимоеевича, будутъ свято блюсти.

Какъ громомъ, поразила всѣхъ внезапность неслышаннаго рѣшенія молодыхъ супруговъ, и еще болѣе—быстрота его выполненія.

Престарѣлый о. Игнатій обомлѣвъ совсѣмъ, растерялся и подъ строгимъ взоромъ молодой барыни могъ только механически и безпрекословно исполнять ея волю.

Дрожащимъ срывающимся голосомъ произносилъ онъ въ привычномъ порядкѣ слова молебствія, а въ смятенномъ его разумѣ и сердцѣ явственно звучали другія слова, имъ же произносимыя при совершеніи таинства брака: «Что Богъ сочеталъ, человекъ да не разлучаетъ»... и это велѣніе представлялось ему повелительнѣе и святѣе, и понятнѣе предпринятаго супругами необычайнаго подвига.

Съ раняго дѣтства ихъ онъ зналъ ихъ обоихъ; оба были его духовными чадами и учениками, которымъ онъ не корыстно, но любовно и по совѣсти передавалъ и ту грамоту, и тѣ «науки», что уцѣлѣли въ его памяти отъ бурсацкаго обученія. Онъ любилъ ихъ, и ему было ихъ жалко.

Рѣшимость ихъ была ему совершенно непонятна.

Но, не давъ и ему опомниться отъ овладѣвшаго имъ смущенія, Марѳа Степановна и Иванъ Тимоеевичъ низко всѣмъ собравшимся поклонились, прося простить, въ чемъ вольно или невольно передъ кѣмъ погрѣшили, и пожелать имъ отъ Бога спасенія и мира душевнаго.

Тутъ поднялся ужъ неудержимый вопль рыданій, мольбы—не покидать, одуматься!..

И подъ этотъ вопль Иванъ Тимоеевичъ и Марѳа Степановна стали прощаться съ пріемнымъ сыномъ Григоріемъ и наставлятъ его.

¹⁾ Уставы нѣкоторыхъ монастырей допускаютъ владѣніе личной собственностью лицамъ, даже принявшимъ постригъ.

«Истор. вѣсти.», январь, 1905 г., т. хсіх.

Мальчику было уже одиннадцать лѣтъ; онъ былъ рослый, красивый, съ тѣми же широко раскрытыми и какъ будто всегда ласковыми сѣрыми глазами, въ сущности никакого душевнаго движенія не выражающими. Дворовые люди его не любили и прозвали «безчувственнымъ».

Потомъ прощанье было съ о. Игнатіемъ и со всѣми домашними.

Затѣмъ, Марѳа Степановна поклонилась вѣжно супругу своему; онъ обнялъ ее и зарыдалъ.

Она повела его подъ руку къ приготовленной заранѣ дорожной колымакѣ и помогла ему усѣсться попокойнѣе, не забывъ окинуть привычнымъ взоромъ, все ли собранное ему въ дорогу удобно уложено.

Потомъ сѣла сама въ большой крытый тарантасъ.

Народъ разступился, и сопровождаемые горестнымъ воплемъ фроловскіе господа выѣхали...

Отъ воротъ экипажи ихъ повернули въ разныя стороны.

IV.

Миновало шесть лѣтъ.

Григорій ужъ четвертый годъ учится въ Казанской гимназіи.

Отецъ Игнатій, по выѣздѣ господъ изъ Фроловки, совсѣмъ захирѣлъ и затосковалъ. Люди говорили, что онъ даже умомъ тронулся и заговариваться сталъ, и въ тотъ приходъ ждали уже новаго попа, ибо о. Игнатій просился въ заштатъ.

Пусто, печально въ покинутой Фроловкѣ. Одиноко проживали тамъ Евстаѣевна и Тихонъ Никитичъ, блюдя барское добро, правя хозяйствомъ и доставляя въ два монастыри въ указанные сроки положенное—рублями и натурою. Дворовую женскую прислугу Евстаѣевна занимала пряжей, тканьемъ и плетеніемъ кружевъ.

Стояла поздняя зима.

Ночь. Февральская вьюга крутитъ запоздалымъ снѣгомъ.

Верстъ за шесть отъ Фроловки, на снѣжномъ полѣ, передъ вѣздомъ въ ближайшій къ Фроловкѣ лѣсъ, затемнѣлось въ метели что-то длинное. Это—мѣстныя сани, плетенія на манеръ кибитки,—кошевкой и по сіе время зовутся,—запряжены тройкой гусемъ. На тускломъ фонѣ снѣжной вьюги не разобрать, движутся они, или стоятъ. По неровному перебою бубенчиковъ, то едва слышному, то вовсе замиравшему, будто движутся... и будто приближаются къ лѣсу, что обозначился туманной стѣной передъ ними.

Изъ саней слышны причитанія бабьяго слезливаго голоса и грубоватія увѣщанія стараго возницы, съ которыми онъ обращался къ кому-то подъ занесенную снѣгомъ кошевку.

Но, кромѣ слезливой бабы, въ подушкахъ, подъ кошмой былъ кто-то еще, говорившій повелительно и звонко.

Изъ-подъ кошмы раздался приказъ: «въѣхать въ лѣсъ поглубже, гдѣ защита отъ вьюги, и тамъ переждать до утра, чтобы не сбиться съ пути!»

Въѣхали въ лѣсъ. Не успѣли остановиться, какъ наѣхали на встрѣчныя сани—ямскія, парой. Лошади перепутались постромами. Начались переговоры возницъ; выяснилось, что ямщикъ везетъ монаха, посланнаго зачѣмъ-то въ губернской городъ и захваченнаго на обратномъ пути лихорадкою. Какъ выѣхали съ ближней станціи, монахъ бредить сталъ, а теперь что-то затихъ вовсе... не замерзъ ли, гляди?

А первый возница объяснилъ, что везетъ двухъ монахинь въ городъ...

Пока объяснялись возницы, распутывая коней и приводя въ порядокъ порвавшіяся постромки, въ первой кошевкѣ что-то зашевелилось, и изъ-подъ кошмы вылѣзла завернутая въ большую медвѣжью шубу фигура и направилась, шагая по сугробу, къ санямъ, гдѣ лежалъ больной.

На пути она остановилась и крикнула своему возницѣ.

— Высѣкай огонь! Миѣ—фонарь зажечь. Живо податы!

Возница заторопился, настигъ фигуру въ медвѣжьей шубѣ и проворно засвѣтилъ фонарь и подалъ.

Освѣтилось молодое лицо съ горящими глазами изъ-подъ заиндевѣлыхъ сросшихся бровей. Это была барыня Марѣя Степановна, въ иночествѣ мать Манеѣ.

Властнымъ движеніемъ отвернула она кошму, прикрывавшую больного. Онъ лежалъ на боку, на соломѣ, набитой въ кошевку. Манеѣ освѣтила его лицо.

— Царица небесная!.. Иванъ Тимошеевичъ!..

Затѣмъ послѣдовала звонкая команда.

— Мать Иринея! Вылѣзай! Ты сидишь въ малыя ямскія сани. Ямщикъ и Софроничъ, несите больного въ наши сани!

Мать Манеѣ сняла свою медвѣжью шубу, ловко и быстро обернула ею больного поверхъ его шубы, сама осталась въ легкомъ лисьемъ шугайчикѣ; а пока возницы поднимали больного и несли, она, энергично высадивъ заартачившуюся было мать Иринею, расправила, какъ надо, въ своей кошевкѣ сѣно и пуховыя подушки. На эту постель съ ея помощью положили больного, занявшаго всю середину кошевки. Она присѣла около него сбоку.

— Теперь, ямщикъ, поворачивай назадъ, откуда ѣхалъ! За лѣсомъ, верстахъ въ пяти будетъ церковь... я укажу дорогу... тамъ къ попову двору заворачивай.

Мать Иринея слезливо гнусила, кому-то въ чемъ-то перечая; ямщикъ протесговалъ, объясняя, что онъ ужъ пытался къ этому

самому попу подвезти больного, да ворота заложены, и никто тамъ голоса не подавалъ, сколько ни стучался, что—мертвые! опять же—и путь снѣгомъ замело, не попадешь на старый слѣдъ.

— Ну-ну! Поговори еще у меня!—быль отвѣтъ.—Трогай, съ Богомъ! Поворачивай, да держи впереди: твои лошади сами по своему слѣду пойдутъ, а мы—сзади... А попъ насъ приметъ.

Ямщикъ сталъ заворачивать. Поѣхали.

Мать Манеѣа приткнулась сбоку на краю кошевки и положила руку свою подъ голову больного. Пригнувшись къ нему лицомъ, она стала дышать подъ шубу въ лицо обмершему и грѣть его худыя руки на своей груди, подъ полую своей лисьей шубейки.

V.

Старый попъ Игнатій одиноко умиралъ въ занесенной снѣгомъ хатѣ своей.

Задолго до свѣта слышались сквозь свистъ вѣтра дорожные звонки и замерли у самой хаты. Раздался стукъ въ ворота.

Горбатая старуха, попова работница, въ это время ужъ разжигала огонь въ печи.

Старуха метнулась къ оконцу, да не видать ничего за снѣжнымъ сугробомъ.

А стучались сильно.

Инокія Манеѣа, выйдя изъ саней, приказала снова огонь высѣкать и засвѣтить фонарь, а сама, взявшись за скобу поповой калитки, застучала и закричала, чтобы отпирали. Ея сильный голосъ покрылъ на моментъ даже стонъ вьюги.

Заскрипѣли древнія ступени попова крылечка, и раздался изъ сѣней старческой голосъ.

— Кой лѣшій ломится?

— Фроловская барыня, Марѣа Степановна, въ иночествѣ Манеѣа!—быль отвѣтъ.

Дверь отворилась, и фонарь освѣтилъ искаженное страхомъ лицо горбуны.

Еще моментъ, и, кинувшись въ ноги, она барахталась въ снѣжномъ сугробѣ, обвиная обледенѣлыя колѣни своей бывшей барыни и выкрикивая безсвязныя причитанья.

Горбуны подарена была Марѣой Степановной покойной попадѣй.

— Стащить старуху съ порога! Я посвѣчу, а вы несите въ домъ больного... Мать Иринея, певельсь!

Часъ спустя, въ согрѣтой хатѣ, передъ ярко топившейся печью, за накрытымъ столомъ, красная и толстая, какъ кубарь, мать Иринея жадно глотала горячій чай и заѣдала запасными баранками. За тѣмъ же столомъ согрѣвались чаемъ и закусывали, чѣмъ

Богъ послалъ, переязбіе возницы, а вокругъ, причитая и всклипывая, ковыляла горбунья, растроганная и взволнованная...

Въ обмерзшее окно изъ-за сугроба глядѣло сѣрос, непогожее зимнее утро.

Въ углу передъ кіотомъ горѣла лампада. За печью, на составленныхъ вмѣстѣ широкихъ лавкахъ, на высоко-взбитой перинѣ, подъ ватнымъ одѣяломъ и старыми поповскими шубами, лежалъ неподвижно исхудалый и блѣдный самъ баринъ—Иванъ Тимоеевичъ, въ иночествѣ отецъ Іосифъ.

Высокая, тонкая инокиня стояла, склоняясь къ его изголовью и напряженно внимая не то неровному дыханью больного, не то собственнымъ мыслямъ, что вихремъ крутились въ ея горячей головѣ.

Не приходя въ сознаніе, больной, казалось, спалъ. Сонъ постепенно становился покоиніемъ, дыханье ровнѣе.

Мать Манеѳа рѣшилась наконецъ отойти отъ него, чтобы провѣдать о. Игнатія.

Умирающій священникъ лежалъ въ маленькой каморкѣ за загородкой.

При свѣтѣ утра сквозь обмерзлое, незагѣшанное окно Манеѳа увидѣла старичка совсѣмъ маленькаго, худенькаго, сѣренькаго. Онъ лежалъ на широкой кровати, совсѣмъ утонувъ въ любимомъ своемъ заячьемъ архалукѣ, подаренномъ ему когда-то Иваномъ Тимоеевичемъ, и глядѣлъ помутившимся взоромъ прямо на просвѣтъ окна.

Окликнувъ его, Манеѳа встала такъ, чтобы свѣтъ изъ окна освѣтилъ ее сбоку.

Старичекъ перевелъ взоръ на нее и радостно улыбнулся; потомъ заневелплся, силясь подняться и сѣсть. Она помогла ему сѣсть и, попросивъ благословенія, опустила на колѣни у его кровати.

Старикъ положилъ руку на ея покрытую черной скуфейкой голову. Онъ глядѣлъ ей прямо въ глаза и, очевидно, признавалъ по этимъ глазамъ и по голосу барыню Марѳу Степановну, но совершенно не признавалъ мать Манеѳу: благословляя, онъ произнесъ привычныя, старыя слова, какими, бывало, всегда сопровождалъ свое благословеніе молодой четѣ...

— Господь да будетъ съ вами, дѣтки... живите дружно, дѣтки.

— Иванъ Тимоеевичъ тутъ... онъ боленъ... лежитъ...—тихо сказала Марѳа Степановна.

— Господь да будетъ съ нимъ... живите радостно... живите дружно.

Отецъ Игнатій говорилъ полубезсознательно и едва внятно, заплетающимся языкомъ.

Но внятень и многозначителень былъ смыслъ его словъ для Марѳы Степановны, отвѣчавшихъ собственной ея сокровенной думѣ.

Она склонилась, чтобы поцѣловать сухую руку умирающаго, и неожиданно заплакала непривычными ей тихими, успокоительными слезами.

Теперь она уже знала, что никакая сила не заставит ее покинуть Ивана Тимоѣевича... только бы ему выздоровѣть!..

VI.

Прошло три мѣсяца. Была весна 1773 года.

Снова теплое, майское утро освѣтило и пригрѣло повеселѣвшую и словно проснувшуюся отъ долгаго, тяжкаго сна старую Фроловку.

Снова яблони усыпали бѣлорозовыми лепестками запущенный садикъ и ту самую лужайку, гдѣ шесть лѣтъ тому назадъ, «по ошибкѣ своей или по промыслу Божію», читала мать Агнія роковое житіе.

На крылечкѣ, выходящемъ во дворъ, опять сидитъ самъ фроловскій баринъ. Въ нарядномъ, пестромъ архалучкѣ бухарскаго шелка, въ шитой шелками и золотомъ ермолкѣ на русыхъ кудряхъ—не похожъ онъ вовсе на инока Іосифа. И вотъ что странно: еще того меньше похожъ онъ на прежняго фроловскаго барина, Ивана Тимоѣевича! Ужъ онъ больше не рылый, не пухлый, а сухой и стройный; черты лица обострились, и между бровей легла складка и нарушила безмятежный характеръ бѣлаго лба, а въ глазахъ, вмѣстѣ съ прежнею доброю, искрится будто и угроза или вызовъ кому-то...

У ногъ его сидитъ на ступенькѣ Марѳа Степановна въ накинутой поверхъ бѣлаго утренняго шлафрока голубой душегрѣйкѣ, отороченной лебяжьимъ пухомъ; голова повязана бѣлой батистовой косынкой (точь въ точь, какъ на одномъ женскомъ портретѣ Кипренскаго въ Третьяковской галлерей); а въ черной пряди волосъ, упавшей изъ-подъ косынки, замѣтно серебрится ранняя сѣдина... Марѳа Степановнѣ 34 года. Сидитъ она, упершись локтями въ колѣна и склонивъ голову на розовыя ладони; прищурясь задумчиво, она смотритъ въ неясную даль. И въ этой позѣ она точно меньше вся, мягче, женственнѣе, чѣмъ бывало...

Послышался отдаленный звонъ дорожнаго колокольчика.

Оба насторожились.

Колокольчикъ все ближе, ближе... а вотъ и топотъ копытъ и громыханье колесъ черезъ мостикъ, на поворотѣ въ усадьбу.

Надо сказать, что съ марта мѣсяца, какъ только сталъ поправляться отъ тяжкой болѣзни Иванъ Тимоѣевичъ, поелась дѣятельная переписка и разгонъ посыльныхъ между Фроловкой и тѣмъ монастыремъ, гдѣ въ эту пору уже была игуменьей мать Агнія. Дѣло въ томъ, что игуменья Агнія въ февралѣ мѣсяцѣ послала свою любимицу и родственницу, инокиню Манѳу, съ очень

лестнымъ для молодой монахини и весьма важнымъ для обители дипломатическимъ порученіемъ въ губернской городъ, гдѣ въ это время должно было находиться проѣздомъ одно очень вліятельное и близкое ко двору лицо. И вотъ такимъ-то лестнымъ и важнымъ для бѣдной Агнѣевой обители порученіемъ пренебрегла мать Манеѳа, всецѣло отдавшись уходу за больнымъ, случайно на пути встрѣченнымъ ею мужемъ ея, съ которымъ немедля водворилась во Фроловкѣ на диво и на радость своимъ людямъ. Мать Иринею, приставленную къ ней въ сопутницы, она тогда же, сряду, за неадабностью вернула обратно въ обитель, а о себѣ отписала игуменьѣ, что не чувствуетъ себя больше достойною и способною вернуться къ иноческой жизни, и просила на томъ ее простить или покарать, какъ на то мать игуменья соизволить. Въ такомъ же смыслѣ относительно себя увѣдомилъ и Иванъ Тимоѳеевичъ своего игумена... А тотъ, снесясь съ Агнѣей, предоставилъ ей воздѣйствовать на обихъ. И полетѣли крылатыя письма между Фроловкой и Агнѣевой обителью. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ игуменья Агнѣя такъ характеризовала поступокъ Манеѳы: «ослушалась скверно и прелюбодѣйно, обѣтъ свой передъ Господомъ нарушивъ... забыла Бога и святую обитель... Вредъ велий, соблазнъ и поношеніе обители той учинила, коя пріяла подъ кровь свой тебя, одержимую бѣсовскими муками, душу твою успокоила мятежную и тѣло очистила изгнаніемъ мрачнаго бѣса посредствомъ еиміама святой молитвы».

И непрестанное доставленіе въ обитель всякой провизіи въ количествѣ, много превышающемъ прежнюю норму, конечно, не могло ни успокоить мать Агнѣю, ни возмѣститъ тотъ «вредъ велий», какой нанесенъ былъ ей обители, сколько несостоявшимся свиданіемъ Манеѳы съ вліятельной персоной, столько и самовольнымъ, обѣтонарушительнымъ снятіемъ съ себя иночества и возвращеніемъ въ міръ.

Не трогаясь со своихъ мѣстъ на крылечкѣ, увидали преступные супруги, какъ птицей летѣлъ къ нимъ изъ сада Григорій, загостившійся у нихъ послѣ Пасхи и не спѣшившій въ свою гимназію.

Перепрыгивая черезъ кусты и колоды, размахивая руками, бѣжалъ онъ, крича на бѣгу.

— Агнѣя ѣдетъ! Мать Агнѣя! Сама—въ колымагѣ четверкой съ фореѣторомъ!

И лицо семнадцатилѣтняго парня сіяло сытымъ довольствомъ, а когда онъ остановился и воззрися большими сѣрыми глазами на искажившіяся ужасомъ черты его названныхъ родителей, сѣрые глаза глядѣли со свойственной имъ ничего душевнаго не выражающей веселой ласковостью.

Мареѳа Степановна шевелила поблѣднѣвшими губами, мысленно произнося: «надо встать намъ... поѣти... надо игуменью честь-

честью встрѣтить, въ ноги ей поклониться, повиниться... и выдержать потомъ натискъ стойко. Надо отстоять себя. Вѣдь пойметъ же она, что теперь возврата намъ въ монастыри нѣтъ и быть не можетъ! Какіе ужъ монахи!.. Вотъ скоро услышу, какъ зашевелится подъ сердцемъ ребенокъ... Пусть эпитимью наложатъ, какую хотять»...

Совсѣмъ иначе представилось дѣло Ивану Тимошеевичу: встрѣтиться лицомъ къ лицу съ разъяренной игуменьей, твердо вынести ея натискъ представилось ему такой непосильной и ненужной задачей, что онъ безъ всякаго колебанія вскочилъ во весь свой ростъ и закричалъ такимъ громовымъ голосомъ, какого и самъ отъ себя не ждалъ.

— Эй!.. люди! Тихонъ, Петька, Иванъ, Кондратій!.. Запирай ворота на засовъ! Не пускать сюда монастырское воронье! Запирай!.. Не впускай!.. Шкуру спушу, кто впустилъ!

И не успѣла доколыхаться до воротъ игуменьина колымага, запряженная четверкой подаренныхъ фроловскихъ коней, какъ толпа дворовыхъ людей уже заложила засовомъ крѣпкія ворота и выстроилась около нихъ во дворѣ, дивясь и радуясь барскому голосу. А старшій Тихонъ Никитичъ, отдѣляясь отъ толпы, бодрымъ ходомъ, словно помолодѣвши, двинулся было къ барскому крыльцу, въ ожиданіи новыхъ приказовъ и мысленно выговаривая: «Слава тебѣ, Господи, хоть услышали мы наконецъ своего барина! Дай ему Богъ добраго здоровьяца»,—кричить и ругается точь въ точь, какъ покойный его батюшка...

— Ты куда, старшій дятель?!..—заоралъ на него баринъ и ногами затопалъ.

— Ступай!.. Смотри, съ задворковъ бы не того!.. Чортъ васъ дралъ, со всѣхъ сторонъ дворъ настезь!.. Анаемы! Живо, всѣходы и выходы!.. того!..

Не провинившеюся пнокиней глядѣла теперь и Марѳа Степановна.

Поднявшись на крыльцо и прислонясь къ точеной колонкѣ, откуда виднѣе, она и прислушивалась къ происходившему у воротъ и сбоку поглядывала на высокую, статную фигуру милаго друга, Ивана Тимошеевича... И точно совсѣмъ новаго человѣка она въ немъ увидала. Если неизмѣнно любила она его, какъ ребенка, любила его, тихаго и кроткаго, то теперь за этого новаго Ивана Тимошеевича, такого неожиданно-грознаго и прекраснаго въ своемъ гнѣвѣ, она бы съ радостью и съ гордостью, вновь и вновь бы свой монастырскій обѣтъ нарушила! Души бы своей для него не пожалѣла!

А за воротами вотъ что происходило.

Экипажъ передъ запертыми воротами остановился, фореиторъ, спрыгнувъ съ коня, сталъ стучать; за воротами онъ увидѣлъ въ

щели толпу молча стоявшихъ и ухмылявшихся дворовыхъ людей и доложилъ объ этомъ игуменьѣ.

Удивленная мать Агнія, высунувшись изъ оконца своей колымаги, спросила громкимъ и гнѣвнымъ голосомъ:

— Эй, кто тамъ? Почему ворота не отпираютъ?

Стоявшіе за воротами и глядѣвшіе въ щели дворовые съ нескрываемымъ сочувствіемъ къ барскому приказу отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ, что, молъ, баринъ приказалъ ворота заложить и по всѣмъ задворкамъ даже, какіе проѣзды есть, загородить, и чтобы, значить, «не впускать».

— Да знаетъ ли вашъ баринъ, кто пріѣхаль-то?

— Вотъ то-то и есть, что знаетъ: какъ про это узналъ, такъ и приказалъ, чтобы ворота и задвор...

— Да въ умѣ ли онъ?! А барыня-то гдѣ же?

— Барыня съ самимъ на крылечкѣ стояли...

— Такъ позвать сюда барыню! Скажите: игуменья Агнія требуетъ, чтобы тотчасъ сюда пришла!

За воротами никто и съ мѣста не шевельнулся.

Пождавъ минутъ пять въ сильномъ гнѣвѣ, не усидѣла мать Агнія въ своей колымагѣ. Приказала фореитору дверку открыть, ступеньки откидныя спустить, выскочила изъ экипажа и, своей рукой трясая за желѣзное кольцо, стала кричать, чтобы впустили ее, что должны же они тамъ всѣ опомниться наконецъ! Что должна же, молъ, бѣглая инокиня Мансоа къ ней, своей игуменьѣ, выйти! Въ изступленіи стала гровать, что донесетъ самой государынѣ на клятвopреступниковъ, и тогда всѣхъ фроловскихъ холопей, какъ бунтовщиковъ,—подъ судъ, сквозь строй и на каторжныя работы!..

Фроловская дворня отвѣчала и на это мертвымъ молчаніемъ; воротъ не отпирали и барыню звать не ходили.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, захлебываясь отъ негодованія, отступила игуменья на нѣсколько шаговъ отъ воротъ, приказала возницѣ своему осадить лошадей и повернуть такъ, чтобы высокая колымага бокомъ къ воротамъ стала; тогда, поднявшись на верхнюю изъ откидныхъ ступеней высокаго экипажа и держась лѣвой рукой за отворенную дверцу, а правую поднимая высоко надъ головою, она стала пронзительно-звонко и явственно, чтобы до барскаго крылечка долетало, изрекать страшныя проклятія нарушителямъ иноческаго обѣта и всему нечестивому дому сему, призывая на нихъ и огонь, и гладъ, и войну, и трусы, взывая къ землѣ, чтобы она, разступившись, не приняла и трупы ихъ, извергла бы ихъ поганые останки—псамъ на растерзаніе, волкамъ на снѣдь, вѣронью на расклеванье! А если бы проявилось потомство отъ такихъ нечестивцевъ, коихъ Самъ Богъ, провидя ихъ окаянство, неплодными сотворилъ, то да будетъ проклято и потомство ихъ, иже отъ діавола исходящее... да будетъ проклято

оно съ сего часа, съ сей минуты, изъ вѣка въ вѣкъ до седьмого колѣна... Анаема!

Не своимъ голосомъ гремѣла оскорбленная игуменья, пророчествуя, анаематствуя, призывая всѣ лютыя кары, какія только могла вызвать ея распаленная и отуманенная гнѣвомъ фантазія.

Стало тутъ не до радости и не до забавы и стоявшимъ за воротами людямъ.

Страшна была въ изступленіи своемъ мать Агнія. Блѣдная, какъ привидѣніе, въ черной, развѣвающейся по вѣтру мантии, съ горящимъ взоромъ, стояла она на верхней ступенькѣ своего высокаго, стариннаго экипажа, съ поднятою для кары и грозно колеблющейся въ воздухѣ рукой.

Дворовые люди глядѣли на нее сквозь щели воротъ и частаго тына и, затаивъ дыханіе, смущенно внимали ея изступленнымъ возгласамъ.

— И потомство ихъ, иже отъ діавола исходящее, да будетъ проклято до седьмого колѣна! А-на-ема!

Донеслось отчетливо и до крылечка, гдѣ стояли теперь уже рука въ руку Иванъ Тимоѣевичъ и Марѳа Степановна.

Среди мертвой тишины выѣхала игуменья Агнія изъ предѣловъ прежде столь любимой ею и радушной Фроловки.

Государинѣ Агнія не донесла.

Быть можетъ, собственная ея расправа—страшное проклетіе, изреченное ею въ моментъ изступленія, быть можетъ, униженіе, перенесенное ею передъ воротами Фроловской усадьбы, или и то и другое вмѣстѣ стало помѣхой къ тому, чтобы огласить это дѣло и вводить власти во всѣ его подробности... Только съ этой поры игуменья никакой вѣсти о себѣ не давала.

VII.

Съ октября 1773 года стали доходить до Фроловки слухи о бѣгломъ казакѣ Емелькѣ Пугачевѣ, что объявилъ себя царемъ Петромъ III, о собранныхъ имъ подъ свою руку «полчищахъ», съ какими онъ шелъ, все умножая свою силу... Вродили по народу какіе-то люди, которымъ будто бы все было извѣстно, и они рассказывали, какъ Пугачевъ бралъ одну за другою крѣпости—Яицкій городокъ, Илецкую, Разсыпную, Нижне-Озерную... Завернулъ ужъ въ Сакмарскій городокъ, что верстахъ въ 30 отъ Оренбурга, и тотъ городокъ уже встрѣтилъ самозванца съ хлѣбомъ-солью, и пошъ къ нему вышелъ со крестомъ и св. иконами.

13-го декабря заявился во Фроловку молодой приходскій попъ Яковъ, замѣстившій покойнаго о. Игнатія, а съ нимъ и попадья

его, Афросинья Ивановна. Они только-что вернулись изъ губернскаго города, куда попъ ѣздилъ къ своему епархіальному начальству по церковнымъ дѣламъ, а попадая — повидаться съ родней; и наслышались они тамъ такого, что, возвратясь, поспѣшили тотчасъ во Фроловку, испрашивая поговорить секретно съ господами, чтобы никто изъ дворовыхъ людей не услышалъ того, о чемъ они будутъ сказывать...

И передали они Ивану Тимооевичу и Марѣ Степановнѣ грозныя вѣсти: молъ, самозванецъ, видимое дѣло, на Москву идетъ... и по всему ожидать можно, что бывать ему на Москвѣ... Государыня ужъ посылала противъ него генераловъ своихъ: генераль-майора Кара съ пѣхотой и конницей, собранной изъ Москвы, изъ Питера и изъ другихъ городовъ, и еще — генерала Фреймана; но самозванецъ уже ихъ обоихъ побѣдилъ, потому — что многіе солдаты изъ царскихъ полковъ, особенно гдѣ казаковъ было много, — сплосъ на Пугачева руку перекидываются... Разбитъ и полковникъ Чернышевъ у Сакмара, подъ Оренбургомъ... и теперь вотъ ужъ цѣлый мѣсяць Оренбургъ осажденъ пугачевскими полчищами и терпитъ отъ голода. А шайки бунтовщиковъ и разбойниковъ мечутся по деревнямъ, по усадьбамъ и по заводамъ, бунтуютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, заводскихъ рабочихъ противъ ихъ начальства, сулятъ всѣмъ волю и соль даровую отъ казны. Помѣщиковъ и заводскихъ управителей вѣшаютъ и избиваютъ, а крестьяне толпами сами бѣгутъ къ Пугачеву и умножаютъ его полчища. А которые не хотятъ въ его подданство, тѣхъ тутъ же и приканчиваютъ...

Быстрымъ говоркомъ, въ полъ-голоса, а то и совсѣмъ шепотомъ, перебивая одинъ другого, изливались молодые попъ съ попадьей, рисуя ужасающія подробности лютости Пугачева и его двухъ первыхъ сподвижниковъ — Хлопуши и Чики Зарубина.

— А покуда онъ до Москвы-то дойдетъ, во сколько кратъ приумножится сила его?! — разсуждалъ о. Яковъ. — Вѣдь до Москвы-то сколько еще помѣщиковъ перебыютъ, и сколько десятковъ тысячъ крестьянскихъ душъ къ воровскимъ полчищамъ присовокупятся!

— Ну, не всѣ-то къ нимъ... того... возражалъ Иванъ Тимооевичъ.

— А которые воспротивятся, тѣ всѣ вѣнецъ мученическій примутъ! — заключила попадьа.

Ни слова не вымолвила Марья Степановна во все время бесѣды. Но подвижное лицо ея выражало такой ужасъ, такое смятеніе душевное, точно въ каждомъ словѣ рассказчиковъ она Ивану Тимооевичу и себѣ смертный приговоръ слышала.

Ей думалось: «вотъ оно, Агніино проклятіе... вотъ гдѣ оно исполнится»...

Видя блѣдность ея лица и выраженіе муки душевной, о. Яковъ успѣшилъ ее успокоить.

— На Москву-то онъ пойдетъ,—это вѣрно, сколь оно ни при-
скорбно русскому сердцу... но, однако, должны мы возблагодарить
Господа, что мимо нашего мѣста идетъ чаша сія... Мы не по
пути ему...

Тутъ Марѳа Степановна встала съ мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько
быстрыхъ шаговъ къ своей спальнѣ, остановилась на порогѣ и
сказала:

— Нѣтъ, не пройдетъ оно мимо! Ужъ, стало быть, не мимо
идетъ, когда каждая вѣсть, что ножъ въ сердце...

И ушла, плотно притворивъ за собою дверь.

Молодая матушка, перекинувшись съ мужемъ и съ Иваномъ
Тимоѣевичемъ тревожнымъ взглядомъ, пошла за барыней въ спальню.

Скоро переполохъ поднялся во всемъ домѣ. Тихонъ Никитичъ
мчался верхомъ въ погостъ съ приказомъ бабкѣ повитухѣ, что на-
дняхъ у дьячихи сына приняла, чтобы живо снаряжалась къ фро-
ловской барынѣ... а о. Яковъ, что было духу, за Тихономъ пого-
нялъ въ своихъ санкахъ, усердствуя, чтобы тотчасъ же эту пови-
туху и привезти. Понадѣя оставалась при барынѣ.

Къ утру Марѳа Степановна родила дочку, которую, по слабости
новорожденной, о. Яковъ тутъ же и окрестилъ, давъ имя ей
Манеѳа, по странному желанію Марѳы Степановны, хотя по кален-
дарю память этой святой значилась мѣсяцемъ раньше — 13-го
ноября.

Долго послѣ родовъ не поправлялась здоровьемъ Марѳа Сте-
пановна и не могла встать съ постели.

Тихонъ Никитичъ по баринову приказу ѣздилъ въ Пензу,
выискалъ тамъ заѣзжаго нѣмца-лѣкаря, Ивана Ивановича Финка,
и привезъ его во Фроловку.

Финкъ числился подпрапорщикомъ при Ставропольскомъ баталь-
онѣ и былъ на ту пору уволенъ въ отпускъ для свиданія со сво-
имъ дядей, державшимъ въ П—вѣ аптеку. По добротѣ своей души,
онъ не могъ отказать плакавшему и молившему о помощи для
своей барыни Тихону, и поѣхалъ съ нимъ, думая дня черезъ три-
четыре вернуться, но застрялъ во Фроловкѣ на все время своего
отпуска...

Иванъ Тимоѣевичъ, коротая съ Финкомъ да съ о. Яковомъ
долгіе зимніе вечера, пока лежала Марѳа Степановна, нерѣдко об-
суждалъ съ ними всѣ обстоятельства памятнаго 13-го декабря,
когда слегла Марѳа Степановна, и непремѣнно вспоминались тутъ
единственныя произнесенныя въ тотъ вечеръ слова, послѣ кото-
рыхъ она ушла въ спальню: «не пройдетъ мимо!.. не мимо идетъ
оно»...

Слова эти казались Ивану Тимофеевичу и о. Якову знаменательными и какъ бы вѣщными. А Иванъ Ивановичъ Финкъ неизмѣнно это оспаривалъ. Какъ только, бывало, заходила рѣчь о «вѣщныхъ словахъ», Иванъ Ивановичъ тотчасъ доставалъ изъ кармана свою круглую точеную, собственнаго издѣлья, табакерку, медленно, со скрипомъ ее открывалъ и, потчуя собесѣдниковъ понюшкой своего очень душистаго табаку, произносилъ взволнованнымъ голосомъ, смигивая слезу.—Ну, что такое—вѣщее слово? Что такое—пророческое?.. нѣтъ! Это не было вѣщее слово; это было прекрасное слово отъ чувствительнаго сердца истой патриотки! «Не мимо насъ»... это значить: пусть мимо, пусть—не мимо, для добраго сердца всегда чувствительно несчастіе отечества.

Очень скоро послѣ этихъ бесѣдъ бѣдный Финкъ, едва успѣвъ присоединиться къ своему батальону, былъ взятъ въ плѣнъ пугачевцами и повѣшенъ, отказавшись признать самозванца царемъ.

VIII.

Время шло. Маленькая Манеа Ивановна процвѣтала у здоровой кормилицы. Оправившаяся отъ болѣзни Марса Степановна нарадоваться не могла на ребенка и, забавляясь съ дочкой, забывала иногда о томившемъ ее предчувствіи, несомнѣнно связанномъ съ яркимъ и грознымъ впечатлѣніемъ проклятія, изреченнаго Агніей.

Иванъ же Тимофеевичъ, послѣ шести лѣтъ, проведенныхъ въ монастырѣ, и послѣ сцены съ проклятіемъ совершенно утратившій свои вкусы къ монахамъ и «страннымъ людямъ», даже проклятіемъ Агніи былъ какъ будто весьма слабо смущаемъ. Текущіе грозныя событія волновали его сами по себѣ.

Когда, въ моментъ общаго подъема духа подъ вліяніемъ надеждъ на Бибикова дворянство П—ской губерніи по примѣру казанскаго постановило снаряжать своихъ ополченцовъ, поставляя съ двухъ сотъ душъ по одному конному и вооруженному рекруту, Иванъ Тимофеевичъ въ увлеченіи занялся этимъ дѣломъ и поставилъ изъ своей вотчины 20 человекъ, т.-е. много больше принятой нормы, такъ какъ у него не было и 2.000 душъ.

Неумудренный по части гимназическихъ наукъ и поэтому застрявшій во Фроловкѣ, Григорій захотѣлъ пойти съ 20-ю фроловскими ставленниками повоевать подъ командой капитана Матюнина; когда сталъ онъ просить своихъ названныхъ родителей, чтобы отпустили его битъ пугачевцевъ, Иванъ Тимофеевичъ и Марса Степановна приняли въ большое умиленіе и даже гордость почувствовали, какъ будто это былъ ихъ собственный сынъ. Съ родительской вѣжностью снарядили они его, какъ любимое дѣтище, приставили къ нему вѣрнаго человѣка и съ напутственнымъ молебствіемъ отпустили.

О немъ при жизни своей они ужъ никакихъ вѣстей не имѣли.

Это было еще въ мартѣ 1774 г., а съ апрѣля, со смерти Бибикова, грозныя тучи, собравшись, казалось, и не расходились больше надъ Фроловкой.

Извѣстія о новыхъ успѣхахъ пугачевцевъ воспринимались тѣмъ болѣзненнымъ и грознымъ, что теперь облекались они особою таинственностію: «правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь»... Новости сообщались неохотно и подъ большимъ секретомъ. О газетахъ въ современномъ ихъ значеніи тогда не имѣлось и предствленія въ русскихъ медвѣжьихъ углахъ, да и въ столицахъ нашихъ тоже...

Пугачевъ на Москву, однако, не пошелъ, но отъ Казани двинулся къ югу.

27-го іюня онъ былъ уже въ Саранскѣ; вошелъ побѣдоносно и встрѣченъ былъ не только чернымъ народомъ, но и купечествомъ, и духовенствомъ.

28-го ужъ не могли не узнать о томъ по сосѣдству и во Фроловкѣ. И тутъ только пришло на умъ фроловскимъ господамъ, что нельзя имъ дольше сидѣть въ своей усадьбѣ и ждать лихого гостя...

Въ ночь на 29-ое іюля приказала Марья Степановна вынести изъ подвала самый крѣпкій, средней величины сундукъ; въ него спѣшно сложила она все, что было цѣннаго изъ серебра и золотыхъ съ камнями и жемчугами украшеній, а также старинныя иконы въ дорогихъ ризахъ. Затѣмъ, приказала въ подвалѣ же, поднявъ намость изъ досокъ, вырыть въ землѣ глубокую яму и въ нее погребсти тотъ сундукъ, потомъ все заровнять и заставить другими сундуками.

А Иванъ Тимоѣевичъ тѣмъ временемъ снарядилъ десятка полтора вѣрныхъ и, чѣмъ только нашлось, вооруженныхъ слугъ. На разсвѣтѣ размѣстилась вся семья съ маленькой, семимѣсячной Манею и ея кормилицей въ дорожной колымакѣ шестерикомъ и двинулась подъ конвоемъ своихъ людей по дорогѣ въ губернской городъ, куда надѣялись прибыть къ ночи и тамъ посоветоваться со служащимъ при губернаторѣ родственникомъ, куда имъ дальше спасаться.

Ивану Тимоѣевичу и Марѣ Степановнѣ въ усадьбу свою не суждено ужъ было вернуться...

XI.

На другой день во Фроловкѣ, на широкомъ дворѣ передъ господскимъ домомъ развернулась ужъ всѣмъ хорошо знакомая по рассказамъ картина: на вынесенномъ изъ барскихъ покоевъ креслѣ, спиною къ дому, засѣдалъ Пугачевъ, окруженный своею свитой, и чинилъ расправу...

Направо отъ воротъ, на висѣлицѣ, уже качалось тѣло вѣрнаго Тихона; прочіе же дворовые, обезумѣвъ отъ ужаса, подходили одинъ за другимъ цѣловать руку самозванца.

Поцъ Яковъ съ попадѣю невѣдомо куда бѣжали въ ночь, еще раньше господъ.

Изъ подваловъ выгружались на дворъ и тутъ же взламывались сундуки съ коврами, платьемъ и бѣльемъ; все это дѣлилось по жребію. Около сундуковъ образовалась оживленная группа спорившихъ и шумѣвшихъ, среди которыхъ распорядился по-хозяйски, указывая, въ какомъ сундукѣ чего искать, — молодой казакъ въ шелковой синей рубахѣ и щеголеватомъ кафтанѣ, красивый, съ сѣрыми, ласковыми глазами...

Воровская потѣха прервана была безумнымъ воплемъ вбѣжавшей въ открытыя ворота женщины съ ребенкомъ на рукахъ.

— Что же это тутъ дѣется?! Что дѣется?!—голосила женщина, озираясь во всѣ стороны.

Увидѣвъ трупъ повѣшеннаго Тихона, она кинулась къ нему съ воплемъ.

— Тихонъ Никитичъ, голубчикъ!.. къ тебѣ несла барскую дитю... Прими, кормилецъ, силъ моихъ нѣтъ больше!..

Съ истерическимъ вскрикиваніемъ женщина упала на колѣни у трупа Тихона, но вдругъ, сдержавъ крики, она возвратилась въ знакомое лицо въ группѣ у сундуковъ.

Нѣсколько секундъ она какъ будто силилась сообразить что-то и оставалась неподвижной. Но вдругъ, понявъ, въ чемъ дѣло, она опустила спеленутаго и оравшаго ребенка у ногъ повѣшеннаго и, кошкой метнувшись къ группѣ у сундуковъ, вцѣпилась въ грудь и въ горло молодого щеголя. Она повисла на немъ, разрывая его платье, пытаясь душить его и громко выкрикивая:

— Вотъ гдѣ ты!... Вотъ гдѣ ты!... Сынокъ названый! Вотъ гдѣ, змѣенышъ поганый! Вотъ ты съ кѣмъ налетѣлъ сюда!

Еще моментъ,—и подъ громкій хохотъ всей публики сдѣпившіеся въ яростной схваткѣ Григорій и женщина клубомъ катались въ пыль двора.

Съ конвульсивной силой она вцѣпилась скрюченными судорогой пальцами въ его шею и не отпускала.

Хохоталь, любуясь зрѣлищемъ, Пугачевъ, хохотали, упираясь въ бока, его «енералы»...

Этотъ хохотъ спасъ фроловскую кормилицу, а съ нею и малютку Манею (бабку мосей бабушки).

Пугачевъ крикнулъ:

— Полно! Будеть! Подвести ко мнѣ храбрую бабу!

Два дюжіе казака насплу вырвали Григорія изъ когтей разъяренной женщины и, подцѣпивъ ее подъ обѣ руки, подвели къ Пугачеву.

Она уже не сопротивлялась и, обесиленная только что пережитымъ сверхъестественнымъ напряженіемъ, повисла, какъ увядшій стебель, на крѣпкихъ рукахъ державшихъ ее казаковъ. Говорить не могла, только судорожно вздрагивала.

— А ну-ко, ведро воды студеной ей на голову! Да испить дать!—скомандовалъ Пугачевъ.

Женщину окатили водой и дали ей напиться.

Не переставая улыбаться, Пугачевъ приступилъ къ допросу ласково.

— Ну, скажи теперь, кто ты такая? и за что на моего слугу такимъ коршуномъ налетѣла?

Оправившись, женщина стала отвѣчать на вопросы. Выяснилось, что она—Марья, господъ вдѣшнихъ, Фр—ыхъ-Б—ыхъ, крѣпостная и господской дочери, Манеѣ Ивановны, кормилица; выѣхала отсюда съ господами вчера на утренней зарѣ; въ лѣсу среди бѣла дня напали разбойники, лошадей остановили... стали съ господами переговариваться... барыня, понявъ, что не къ добру дѣло,—дала кормилицѣ знакъ, чтобы ребенка спасала... Марья хитренько и ловко съ ребеночкомъ-то въ кусты, да въ кусты, да и въ самую чашу лѣса... увидела въ лѣсу большущее дупло стараго дуба; набрала сухихъ вѣтокъ и хворосту къ дуплу этому, въ дупло-то влѣзла съ ребеночкомъ, а хворостомъ заложилась, чтобы не примѣтили. Изъ дупла ей слышно было, какъ убивали разбойники ея господъ на большой дорогѣ и людей всѣхъ... вопль... крики... Потомъ все стихло. Стали перекликаясь только по лѣсу бродить... кого-то искали. Потомъ совсѣмъ тихо стало. Отсидѣвъ сутки въ дуплѣ, кормилица рѣшилась вылѣзти и пошла лѣсомъ вдоль опушки; на дорогу выйти все еще опасалась. Миновавъ лѣсъ, увидѣла знакомое мѣсто, вѣрстахъ въ шести отъ Фроловки.

— Въ родное мѣсто дорогу нашла...—разсказывала кормилица, воодушевляясь вниманіемъ, съ какимъ слушалъ ее Пугачевъ.— А тутъ, какъ увидела я, что съ Тихономъ Никитичемъ сотворилось, да какъ признала за воровскимъ дѣломъ у господскихъ сундуковъ вонъ этого... Гришку анаѣемскаго... Вѣдь онъ, Иуда, сиротой безроднымъ за сына родного воспитанъ и обученъ нашими господами... Берегли его, холили, души не чаяли... На груди своей гадюку-змѣю отогрѣли... У-у, безчувственный!..

Женщина вновь стала судорожно биться въ рукахъ казаковъ и рваться къ Григорію съ крикомъ: «задуш!»

Пугачевъ сказалъ:

— Дать ей въ руки ребенка и отвести въ домъ! Пусть отѣется и отоспится. Пусть съ миромъ остается здѣсь, и чтобы ей никакой обиды! Прощаю бабу за ея храбрость.

Затѣмъ, иронически оглядѣвъ оправившагося отъ схватки съ бабой и отъ осмѣянія Григорія, Пугачевъ обратился къ нему съ такими словами:

— А ты, что же, добрый молодець? Все еще прихорашиваешься послѣ бабьей таски? Какъ еще ты живъ остался? Барскій сынокъ названный, бережонный, холонный! Ступай-ка сюда поближе, дай на себя полюбоваться!

Какъ будто не понимая ироніи, Григорій съ улыбкой приближался къ Пугачеву, жеманно изгибаясь тонкой, стройной фигурой и прямо глядя въ блестящіе, острые глаза Пугачева своими красивыми сѣрыми, будто наивными и ласковыми глазами.

Пугачевъ внезапно нахмурился и крикнулъ:

— Вяжите ему руки!

Потомъ сказалъ Григорію:

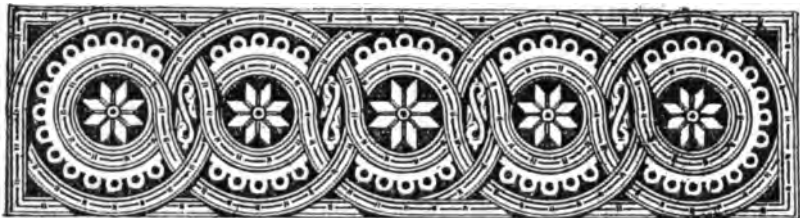
— Безстыжіе твои глаза! Чадъ неблагодарный... Благодарителей своихъ продалъ, и глазомъ не мигнетъ! Не хочу видѣть при себѣ такого Іуду... Повѣсить его!

Когда Григорія потащили къ висѣлицѣ, Пугачевъ окликнулъ:

— Нѣтъ! Пойдите! Ему и той чести много, чтобы на одной висѣлицѣ висѣть съ благодарителей его вѣрнымъ псомъ: вздернуть его на осину!

А. Бизюкина.

ОТСТАВКА Е. П. КОВАЛЕВСКАГО.

(По документамъ архива департамента народнаго просвѣщенія).

АТИЩЕВЪ, С. С., въ недавно вышедшемъ трудѣ своемъ: «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», слѣдующимъ образомъ рассказываетъ объ отставкѣ въ 1861 году министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго и о первыхъ мѣрахъ его преемника, графа Е. В. Путятина.

«Усилившіеся весной 1861 года студенческіе безпорядки вызвали неудовольствіе государя, который заявилъ Ковалевскому, что эти безпорядки не могутъ быть долѣе терпимы, и что онъ не остановится передъ крайней мѣрою: закрытіемъ нѣкоторыхъ университетовъ. При обсужденіи этого вопроса въ совѣтѣ министровъ, Е. П. Ковалевскій высказался противъ репрессивныхъ мѣръ, полагая болѣе цѣлесообразнымъ «усилить финансовыя средства университетовъ и дать имъ возможность развиваться въ научномъ отношеніи соотвѣтственно потребностямъ времени и успѣхамъ знанія въ Западной Европѣ». Записку министра государь передалъ на разсмотрѣніе комиссіи, въ которую вошли: графъ С. Г. Строгановъ, князь В. А. Долгоруковъ и статсъ-секретарь Панинъ. Тогда Ковалевскій подалъ въ отставку. Преемникъ его Путятинъ «тотчасъ по вступленіи въ должность», по соглашенію съ членами упомянутой комиссіи, проектировалъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью усилить надзоръ за студентами и положить конецъ безпорядкамъ въ университетахъ. Мѣры эти получили высо-

чайшее утверждение» (дальше идет перечень этих мѣръ, которыя будутъ изложены нами ниже)¹⁾.

Разсказъ этотъ, составленный, какъ можно полагать, на основаніи дневника Никитенка и воспоминаній Спасовича, не вполне соответствуетъ дѣйствительности. Мѣропріятія, которыя Татищевъ приписываетъ Путятину, помѣщены въ «Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» подъ 31-мъ мая 1861 года²⁾, на самомъ же дѣлѣ они были высочайше утверждены еще 18 мая. Между тѣмъ, отставка Ковалевского и назначеніе Путятинна послѣдовали лишь 28 іюня 1861 года³⁾. До послѣднихъ чиселъ мая Ковалевскій фактически стоялъ во главѣ министерства, о чемъ свидѣлствуютъ подписи его на бумагахъ⁴⁾. Невѣрно также, что Ковалевскій подалъ въ отставку тотчасъ послѣ образованія комиссіи изъ Строганова, Долгорукова и Панина; напротивъ, онъ работалъ вмѣстѣ съ этой комиссіей надъ составленіемъ высочайше утвержденныхъ 18 мая мѣропріятій, хотя и расходился во многомъ во взглядахъ съ членами комиссіи.

Мы постараемся на основаніи дѣлъ архива департамента народнаго просвѣщенія и нѣкоторыхъ ненаданныхъ документовъ изъ С.-Петербургской Публичной бібліотеки пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ въ высшей степени интересный въ исторіи нашего просвѣщенія моментъ.

I.

Время министерства Ковалевского представляло собою переходную эпоху въ исторіи нашихъ университетовъ. Уставъ 1835 года *de jure* еще существовалъ, но *de facto* былъ почти весь уничтоженъ рядомъ послѣдующихъ распоряженій, особенно послѣ 1848 года. Въ министерствѣ сознавалась необходимость изданія новаго устава, проектъ котораго разрабатывался и, повидимому, въ 1861 году близокъ былъ къ окончанію. Но на ходъ и характеръ подготовительныхъ работъ оказывали вліяніе студенческія волненія, вспыхивавшія то въ томъ, то въ другомъ университетѣ и вынуждавшія, вмѣсто общаго устава, вырабатывать временныя палліативныя мѣры для прекращенія безпорядковъ.

Случайныя и незначительныя по количеству участниковъ столкновения между студентами и полиціей принимали мало-по-малу

¹⁾ Татищевъ, томъ II, стр. 242—248. Курсивъ нашъ.

²⁾ Сборникъ постановленій, томъ III, стр. 635—638 (по 1-му изданію).

³⁾ См. «Сенатскія Вѣдомости» за 1861 годъ, № 60.

⁴⁾ Въ дѣлѣ архива департамента народнаго просвѣщенія № $\frac{156790}{4034}$ подпись Ковалевского находится еще 27 мая 1861 года.

болѣ серьезный характеръ, превращаясь въ массовыя и организованныя движенія студентовъ, оказывавшихъ явное неповиновеніе распоряженіямъ начальства. Безпорядки эти особенно усилились въ 1861 году въ С.-Петербургскомъ университетѣ. А между тѣмъ, введеніе крестьянской реформы и происшедшія при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волненія, броженіе въ царствѣ Польскомъ—все это усиливало тревогу.

Усиленіе безпорядковъ и снисходительное отношеніе къ нимъ со стороны Ковалевскаго вызвали неудовольствіе государя, но ближайшимъ поводомъ къ отставкѣ было, повидимому, столкновеніе Ковалевскаго съ двумя комиссіями: для пересмотра отчета по министерству за 1859 годъ и для разсмотрѣнія предположеній министра о мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для надзора за студентами по случаю повторяющихся безпорядковъ.

Дѣятельность обѣихъ комиссій составила одно «дѣло о преобразованіяхъ въ университетахъ», хранящееся въ архивѣ департамента народнаго просвѣщенія за № 146163, карт. 3084.

Комиссія для разсмотрѣнія отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1859 годъ образована была согласно высочайшему повелѣнію отъ 18 іюля 1860 года. Въ нее вошли: бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа и попечитель дѣтей государя—графъ С. Г. Строгановъ, предсѣдатель комитета по дѣламъ книгопечатанія баронъ М. А. Корфъ и с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ П. Н. Игнатьевъ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Комиссія внимательно разсмотрѣла отчетъ, при чемъ остановилась на нѣкоторыхъ вопросахъ, возбуждавшихъ сомнѣнія, въ виду чего 6-го января 1861 года предсѣдатель комиссіи препроводилъ къ Ковалевскому проектъ журнала комиссіи, прося вернуть его со своими замѣчаніями и объясненіями. Объясненія министра, однако, не удовлетворили комиссію, и весь докладъ ея представляетъ рѣзкую критику не только отчета, но всей вообще дѣятельности министерства въ отношеніи къ университетамъ.

Комиссія прежде всего указываетъ на неполноту отчета. Соглашаясь, что отчетъ составленъ соотвѣтственно формѣ, установленной закономъ, комиссія все же полагаетъ, что отчетъ долженъ болѣе полно изображать отдѣльныя отрасли управленія и, «не ограничиваясь исключительно тѣми данными, которыя указываютъ на матеріальное ихъ состояніе, представлять оныя въ связи какъ съ предшествовавшими явленіями, такъ и съ видами на будущее» ¹⁾. Комиссія не можетъ по отчету заключить о дѣйствительномъ состояніи той или другой части управленія и «въ особенности замѣчаетъ отсутствіе нужныхъ къ тому данныхъ при взглядѣ на нравственную часть нашихъ университетовъ» ¹⁾.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

По общимъ слухамъ, говоритъ комиссія, всей публикѣ извѣстно, что весьма прискорбное броженіе въ нѣкоторыхъ университетехъ въ 1857 и 1858 годахъ было причиною многихъ безпорядковъ, вынуждавшихъ правительство прибѣгать къ мѣрамъ взыскапія. Между тѣмъ, въ отчетѣ объ этомъ не упоминается, а говорится лишь о подчиненіи студентовъ внѣ университета надзору общей полиціи, при чемъ заявляется, что «университетское начальство хотя и избавлено отъ отвѣтственности за ихъ поступки и образъ мыслей, но съ тѣмъ вмѣстѣ уже не имѣетъ и никакой возможности слѣдить за ними». Комиссія, напротивъ, полагаетъ, что образъ мыслей студентовъ можетъ обнаружиться не только въ частной жизни, но и въ учебной дѣятельности, въ стѣнахъ университета, и тамъ надзоръ за ними еще болѣе необходимъ, какъ средство дать юнымъ умамъ правильное направленіе. Комиссія указываетъ также на противорѣчіе съ отчетомъ за 1858 годъ, въ которомъ министръ по поводу перемѣщенія казенноконтинныхъ студентовъ на вольныя квартиры говорилъ, что это не затруднитъ надзора. Что касается образа дѣйствій студентовъ, то онъ, по мнѣнію комиссіи, «далеко не безукоризненъ: въ нѣкоторыхъ университетахъ они составляютъ изъ среды своей судъ, въ которомъ подвергаются разбору и осужденію не только поступки ихъ товарищей, но даже распоряженія ихъ начальства и дѣйствія профессоровъ. Такимъ образомъ, между студентами распространяются начала, вовсе не свойственныя нашему образу правленія, могущія вредно дѣйствовать на ихъ молодые умы и, во всякомъ случаѣ, отвлекающія ихъ отъ настоящей ихъ цѣли, т.-е. отъ занятій науками». Комиссія полагаетъ, что министръ народнаго просвѣщенія упоминалъ обо всемъ этомъ въ особыхъ всеподданныхъ докладахъ, но комиссіи эти доклады неизвѣстны, и поэтому она не можетъ представить по этому поводу своихъ соображеній.

Въ журналѣ комиссіи сообщается далѣе содержаніе тѣхъ объясненій, которыя далъ Ковалевскій, словесно или письменно, по поводу вышеприведенныхъ упрековъ комиссіи. Министръ возразилъ: а) что отчетъ составленъ по установленной формѣ, и что главнымъ достоинствомъ его является краткость, точность и отсутствіе произвольныхъ разсужденій. Въ отчетѣ должны быть помѣщены статистическія данныя, затѣмъ правительственныя распоряженія за отчетный годъ. «Причины, вызвавшія сіи распоряженія, объяснять предшествовавшія явленія, а указаніе того, что еще остается сдѣлать, опредѣлить виды въ будущемъ». Такого порядка и держался отчетъ. б) По поводу замѣчанія комиссіи о студенческихъ волненіяхъ 1857—1858 гг. министръ возразилъ, что всякій отчетъ обнимаетъ лишь то время, за которое онъ издается. Министръ въ отчетѣ за 1859 г. не могъ говорить о волненіяхъ, бывшихъ въ 1857—1858 гг.; о нихъ министръ въ свое время доводилъ до вы-

сочайшаго свѣдѣнія; они были изслѣдованы и внесены въ своевременные отчеты. Объ этихъ происшествіяхъ Ковалевскій не могъ говорить еще и потому, что самъ былъ назначенъ на постъ министра лишь въ половинѣ 1858 г. ¹⁾), наконецъ, потому, что эти безпорядки не имѣли между собой внутренней связи. Въ 1857 г. въ Кіевѣ и Москвѣ безпорядки возникли изъ-за столкновения съ мѣстной полиціей; почти тотъ же характеръ имѣло происшествіе въ 1858 г. въ Харьковѣ. Въ 1859 году въ Казани было оказано явное неповиновеніе начальству, за что 18 студентовъ были исключены и высланы ²⁾). Объ этомъ Ковалевскій докладывалъ государю и вкратцѣ упомянулъ объ этомъ въ отчетѣ. Далѣе, Ковалевскій возражаетъ противъ огульнаго обвиненія студентовъ; «онъ не беретъ на себя обязанности быть безусловнымъ защитникомъ правственности студентовъ». Изъ 5.000 студентовъ всегда найдутся безнравственные и съ дурнымъ направленіемъ, но этого нельзя распространять на всѣхъ студентовъ (а кто же распространяетъ?). На ряду съ дурными есть примѣрные студенты. Надо принять во вниманіе ихъ возрастъ, впечатлительность, а также то обстоятельство, что большей частью они живутъ на свободѣ и «принадлежатъ болѣе обществу, составляя нераздѣльную его часть, а не университету, въ которомъ проводятъ только нѣсколько часовъ въ день». Если даже въ закрытыхъ заведеніяхъ при военной дисциплинѣ, возникаютъ иногда безпорядки, то можно ли избѣгать ихъ въ университетѣ? Нельзя обвинять университетское начальство, такъ какъ оно не располагаетъ достаточными средствами и не имѣетъ возможности слѣдить за образомъ жизни студентовъ. Что касается броженія умовъ, то «оно существуетъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, почти вездѣ и, не принадлежа одному сословію студентовъ, идетъ не отъ нихъ къ обществу, а обратно».

в) Перемѣщеніе казеннокоштныхъ студентовъ на частныя квартиры, какъ объяснилъ Ковалевскій, послѣдовало на основаніи высочайшаго повелѣнія 30 мая 1858 года. Поводомъ къ этой реформѣ были матеріальныя выгоды университета и студентовъ, а также трудность держать взрослыхъ на положеніи школьниковъ. Поэтому въ Петербургѣ еще въ 1847 году казеннокоштные студенты были переведены на частныя квартиры. Что касается указаннаго противорѣчія между отчетами за 1858 и 1859 гг., то Ковалевскій сознается, что въ первомъ отчетѣ «вкралась ошибка въ изложеніи противъ его желанія и убѣжденія: нельзя было прини-

¹⁾ 28 марта 1858 года.

²⁾ Безпорядки въ Харьковѣ въ апрѣлѣ возникли изъ-за высылки на родину двухъ студентовъ, устроившихъ ночной дебошъ. Товарищи устроили шумную сходку, требуя возвращенія высланныхъ. (Архивъ, дѣло № 188255). Въ Казани студенты протестовали противъ запрещенія апплодировать профессорамъ на лекціяхъ.

мать на себя того, чего физически невозможно исполнить». Эта мѣра была лишь шагомъ къ отмѣнѣ прежняго порядка надзора за студентами, порядка, который при наплывѣ студентовъ въ университетъ сталъ невозможнымъ и только возлагалъ на университетское начальство тяжелую отвѣтственность. Въ силу этихъ соображеній, онъ, министръ, и ходатайствовалъ объ установленіи надъ студентами надзора общей полиціи.

г) По поводу заявленія комиссіи о существованіи студенческихъ судовъ Ковалевскій отвѣчаетъ, что это заявленіе основано лишь на слухахъ, а потому онъ считаетъ долгомъ сдѣлать слѣдующія разъясненія: 1) суды существовали лишь въ Киевскомъ университетѣ, съ разрѣшенія попечителя¹⁾; эти суды не могли произносить приговоры, а выражали лишь свои мнѣнія о поступкахъ товарищей и ни въ какомъ случаѣ не могли обсуждать поведение начальства. Когда же эти суды вышли за установленные для нихъ предѣлы, она были запрещены.

«Не увлекаюсь слухами,—заключаетъ министръ,—и стараюсь дѣйствительныя вспышки между студентами, такъ свойственныя нынѣ молодымъ людямъ, тушить въ началѣ мѣрами административными, министръ народнаго просвѣщенія никогда не скрывалъ ни одного сколько нибудь важнаго происшествія»... «Если признано будетъ нужнымъ, чтобы извѣстія сего рода была излагаемы съ большею подробностью, то онъ готовъ исполнять это. Но никогда не согласится онъ по частнымъ слухамъ подписывать обвинительные приговоры въ безнравственности и вредномъ направленіи умовъ всего студенческаго общества».

Комиссія постановила объясненія Ковалевскаго вмѣстѣ съ своими замѣчаніями на отчетъ повергнуть на усмотрѣніе государя императора. При этомъ, три члена комиссіи—Строгановъ, Корфъ и Игнатьевъ, заявили, что не признаютъ объясненій министра удовлетворительными. Ни отчетъ, ни дополнительные объясненія министра, находили они, не даютъ вѣрнаго понятія о нравственномъ состояніи университетовъ; между тѣмъ, этотъ вопросъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ «большинство поступающихъ въ университеты молодыхъ людей вслѣдствіе плохой подготовки не можетъ съ успѣхомъ слѣдить за ходомъ университетскаго образованія, не питаетъ любви къ наукѣ и привязанности къ серьезнымъ занятіямъ, но, увлекаясь современными политическими воззрѣніями, проводитъ время въ праздноствіи». Ковалевскій старался найти объясненіе студенческому броженію во влияніи на студентовъ общества; означенные три члена комиссіи полагаютъ, напротивъ, что «какъ ни сильно общественное влияніе, однакожъ необхо-

¹⁾ П. И. Пирогова.

димо рѣшительными и рациональными мѣрами оградить молодыхъ людей отъ соблазновъ, вредныхъ для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія».

Предсѣдатель комиссіи, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, не согласился съ заключительнымъ мнѣніемъ трехъ членовъ комиссіи, находя, что о безпорядкахъ между студентами извѣстно лишь по слухамъ, и нѣтъ положительныхъ данныхъ, изъ коихъ бы можно было заключить о нравственномъ и умственномъ состояніи учебныхъ заведеній.

Другія замѣчанія комиссіи на отчетъ не имѣютъ существеннаго значенія. Такъ, было указано, что излишне въ каждомъ отчетѣ помѣщать свѣдѣнія о числѣ училищъ разнаго типа, достаточно указать лишь происшедшія за отчетный годъ перемены. Министръ согласился, что форма отчетовъ могла бы быть упрощена, къ чему онъ самъ готовъ приступить немедленно.

По поводу заявленія въ отчетѣ, что С.-Петербургскій университетъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для пополненія естественно-историческихъ коллекцій комиссія предложила повысить плату со студентовъ и ограничить число бесплатныхъ. Число послѣднихъ бывало очень велико: такъ въ 1859 г. изъ 1019 студентовъ С.-Петербургскаго университета внесли плату лишь 360. Ковалевскій объяснилъ, что уже имѣется въ виду установить болѣе строгія правила освобожденія отъ платы и, если нужно, повысить плату, чтобы можно было увеличить оклады преподавателей.

Такъ какъ въ отчетѣ было замѣчено, что окончившіе ветеринарный институтъ съ трудомъ прискиваютъ мѣста, комиссія предлагала публиковать объ окончившихъ институтъ въ газетахъ. Наконецъ, комиссія считала полезнымъ, чтобы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщались статьи, заключающія въ себѣ взгляды правительства и опровергающія взгляды и мнѣнія другихъ органовъ печати. Ковалевскій, напротивъ, полагалъ, что неофициальная часть журнала должна быть совершенно независимой.

II.

Такимъ образомъ, помимо формы и содержанія самаго отчета, члены комиссіи подвергли осужденію самую политику Ковалевскаго въ отношеніи къ университетамъ. Министра упрекаютъ въ томъ, что онъ не придаетъ серьезнаго значенія студенческимъ волненіямъ, а также допускаетъ существованіе въ университетахъ студенческаго суда, который подвергаетъ разбору не только поступки товарищей, но также распоряженія начальства и дѣйствія профессоровъ. Видно, что излишней снисходительностью, если даже не потворствомъ министра, склонны были объяснять броженіе и открытые безпорядки въ университетахъ. Подтвержденіемъ такого мнѣнія являлись многіе

факты, имѣвшіе мѣсто въ нашихъ университетахъ въ министерство Ковалевскаго. Студенческія волненія вспыхивали все чаще и чаще то въ томъ, то въ другомъ университетѣ, а университетское или высшее начальство нерѣдко уступало требованіямъ студентовъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, студенты требовали удаленія нѣкоторыхъ профессоровъ и дѣйствительно успѣвали иногда добиться своего. Однажды студенты потребовали къ суду даже ректора Альфонскаго и въ воззваніи къ товарищамъ ссылались на дурныя отношенія между ректоромъ и попечителемъ. Инспекторъ (Шестаковъ) получилъ отъ попечителя приказаніе не вмѣшиваться въ студенческую «исторію», а ректоръ черезъ депутатовъ отъ студентовъ заявилъ, что беретъ обратно свои слова¹⁾. Въ Казани студенты потребовали удаленія профессоровъ Берви, Шарбе, Струве и еще нѣкоторыхъ другихъ; хотя студенты, явившіеся главными виновниками демонстрацій противъ профессоровъ, и подвергались удаленію или наказанію, но и профессора покидали университетъ²⁾. Результатомъ этого было то, что студенты стали считать себя силой, которой боятся начальство; профессора заискивали передъ студентами, жали имъ руки, пропускали лекціи, «чтобы не показаться отсталыми или школьниками»³⁾. Студенческія сходки, судъ, объясненія съ начальствомъ черезъ депутатовъ—все это сдѣлалось почти обыденнымъ явленіемъ, но не привело къ успокоенію университетовъ, а напротивъ волновало молодежь и поощряло къ новымъ и новымъ требованіямъ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ послѣ безпорядковъ въ февралѣ 1861 г. была образована по призыву попечителя (Делянова) комиссія изъ четырехъ профессоровъ для упорядоченія студенческой общины и составленія устава; въ комиссію приглашены были 8 выборныхъ студентовъ⁴⁾. Никитенко по поводу февральскихъ волненій заноситъ въ свой дневникъ: «Молодежь теряетъ всякій смыслъ»... «начальство лишено возможности дѣйствовать съ энергіей и достоинствомъ. Да и министры не лучше въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые готовы даже защищать поступки студентовъ»... «Ахъ, господа! нѣтъ, не любовь къ наукѣ говоритъ въ васъ, а только стремленіе къ популярности. Вмѣсто того, чтобы читать науку, вы пускаетесь въ политическое заигрываніе... это нравится неразумной молодежи, которая, наконецъ, начинаетъ думать не на шутку, что она сила, которая можетъ предлагать правительству запросы и контролировать его дѣйствія»⁵⁾.

¹⁾ Шестаковъ, «Студ. волненія въ Москвѣ въ 1861 г.», «Русск. Стар.», 1888 г., кн. 10, стр. 206—210.

²⁾ Ойрсовъ, «Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ въ 1855—1868 гг.», «Русск. Стар.», 1889, III, 565—568; IV, 102—105.

³⁾ Шестаковъ, *op. cit.*, стр. 205.

⁴⁾ Спасовичъ, Сочиненія, т. IV, стр. 22—28.

⁵⁾ Никитенко, Дневникъ, II, 244.

Ковалевскій склоненъ былъ оправдывать студентовъ, ссылаясь на молодость и впечатлительность ихъ, на вліяніе общества. Но современники обвиняли самого министра въ безхарактерности. Никитенко отзывается о немъ, что это— тотъ же Норовъ по своей перъшительности¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ про Ковалевскаго: «человѣкъ не довольно сильной воли и не довольно по настоящимъ временамъ смѣлаго и обширнаго ума»²⁾.

Осуждая Ковалевскаго за его слабость и перъшительность, комиссія принца Ольденбургскаго разошлась съ нимъ и въ самыхъ взглядахъ на роль и значеніе университетовъ. Въ замѣчаніяхъ комиссіи, какъ мы видѣли, указывается на то, что министръ въ своемъ отчетѣ мало обратилъ вниманія на «нравственную часть нашихъ университетовъ». Далѣе, высказывается взглядъ, что образъ мыслей студентовъ обнаруживается не только въ ихъ частной жизни, но и въ стѣнахъ университета, и что, слѣдовательно, подчиненіе студентовъ надзору общей полиціи не снимаетъ съ университетскаго начальства отвѣтственности за ихъ поведеніе и обязанности наблюдать за ихъ образомъ дѣйствій. Въ противоположность министру, заявлявшему о вліяніи общества на учащуюся молодежь, комиссія полагала необходимымъ «оградить молодыхъ людей отъ соблазновъ, вредныхъ для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія».

Изъ всего этого мы видимъ, въ чемъ заключалась главная сущность разногласія между министромъ и комиссіей: Ковалевскій отрицаетъ за университетами роль воспитательную, тогда какъ члены комиссіи именно этой сторонѣ придаютъ серьезное значеніе.

Правильность нашего взгляда подтверждается также и той запиской, которую представилъ Ковалевскій въ свое оправданіе въ отвѣтъ на упреки комиссіи. Записка помѣчена 20-мъ апрѣля. Министръ начинаетъ записку съ увѣренія, что онъ не позволилъ бы себѣ дальнѣйшихъ объясненій, если бы замѣчанія членовъ комиссіи не касались его лично. Между тѣмъ, его обвиняютъ въ томъ, что онъ не придаетъ должнаго значенія неудовлетворительному состоянію университетовъ, и что онъ противъ рѣшительныхъ мѣръ. Ковалевскій возражаетъ на это, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы улучшить состояніе университетовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его доклады, отчеты, распоряженія; если усилія не привели къ цѣли, то причиной этому являются «неблагопріятныя обстоятельства, окружающія среду студентовъ, событія въ Европѣ»: броженіе замѣчается не только между студентами, но и въ значительной части общества. Въ чемъ должны заключаться «рѣшительныя и

¹⁾ Никитенко, II, 105. Норовъ—предшественникъ Ковалевскаго на посту министра.

²⁾ Ив., II, 256.

раціональныя мѣры», члены комиссіи не высказали; министерство радо воспользоваться всякимъ совѣтомъ, но Ковалевскій повторяетъ, что «университеты не воспитательныя заведенія, но высшія учебныя учрежденія, въ которыхъ преподаются науки людямъ, получившимъ уже общее образованіе», что «при большомъ числѣ студентовъ, живущихъ разсѣянно на свободѣ и въ непрерывномъ соприкосновеніи съ обществомъ, нѣтъ возможности слѣдить за образомъ жизни ихъ и держать опеку надъ людьми, имѣющими большей частью отъ 18 до 25 лѣтъ и вышедшими изъ школьной сферы».

Приведенная объяснительная записка Ковалевскаго помѣчена 20-мъ апрѣля, но еще до того, 13-го апрѣля, вопросъ объ устройствѣ университетовъ былъ предметомъ горячихъ преній въ совѣтѣ министровъ. Чтобы понять причины отставки Ковалевскаго и значеніе тѣхъ преній, которыя происходили въ засѣданіи 13 апрѣля, слѣдуетъ выяснитъ взгляды Ковалевскаго на университетскій вопросъ и опредѣлитъ мѣсто, которое онъ занималъ въ ряду другихъ современныхъ ему дѣятелей въ этой области.

III.

Между вопросами, связанными съ университетскимъ устройствомъ, особенное вниманіе обращали на себя три вопроса: 1) о порядкѣ приѣма студентовъ въ университетъ и объ ограниченіи числа поступающихъ, 2) о желательности или нежелательности корпоративной связи между студентами и 3) о порядкѣ надзора за студентами. Вопросы объ автономіи профессорской коллегіи и о свободѣ академическаго преподаванія выдвинулись уже позже въ министерства Путятина и Головнина.

Установленный въ 1849 г. комплектъ студентовъ въ 300 чел. былъ отмѣненъ, и въ 1855 г. было разрѣшено принимать неограниченное число студентовъ. Возникшія вскорѣ послѣ этого студенческія волненія нѣкоторые склонны были объяснять именно этимъ увеличеніемъ числа студентовъ и требовали какихъ либо мѣръ, затрудняющихъ доступъ въ университетъ. Такъ, на примѣръ, харьковскій попечитель Зиновьевъ указываетъ на трудность надзора при большомъ числѣ студентовъ и полагаетъ, что «истинное богатство государства заключается въ соразмѣрности средствъ съ потребностями», «истина эта прилагается во всей силѣ и къ народному образованію». Онъ считаетъ полезнымъ сократить стремленіе въ университетъ посредствомъ уничтоженія тѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя связаны съ университетскимъ дипломомъ. Онъ ссылается на примѣръ Пруссіи, гдѣ съ увеличеніемъ числа студентовъ усиливались требованія на экзаменахъ и сокращались права, связанныя съ дипломами ¹⁾. За сокращеніе числа студентовъ

¹⁾ Арх. департ. нар. просв., дѣла № $\frac{124384}{3084}$.

высказывались, повидимому, также Строгановъ и Панинъ (см. ниже), а впоследствии Валуевъ, который въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ устава предлагалъ значительное возвышеніе платы.

Почти полную противоположность этимъ взглядамъ представляетъ взглядъ Корфа: соглашаясь съ Зиновьевымъ, что университетъ не долженъ давать правъ, Корфъ въ то же время является противникомъ всякихъ мѣръ, затрудняющихъ доступъ въ университеты, и особенно горячо возражаетъ противъ вступительныхъ экзаменовъ: «Домъ науки,—говоритъ онъ—долженъ бы быть открытъ всякому, какъ домъ молитвы, безъ спроса о томъ, насколько кто достоинъ туда войти. Изъ обоихъ (т.-е. изъ храма и университета) даже и непризванный вѣрно вынесетъ что нибудь назидательное и полезное. Признаніе себя къ тому достаточно приготовленнымъ должно быть предметомъ собственной самооцѣнки каждаго; для дѣла же науки совершенно все равно, просидѣлъ ли кто въ томъ или другомъ классѣ или вообще въ университетѣ десять лѣтъ или десять дней». Съ этимъ мнѣніемъ, высказаннымъ въ запискѣ главнаго правленія училищъ 22-го января 1860 г., согласился также будущій министръ Головинъ¹⁾. Предлагалось, такимъ образомъ, превратить университетъ въ рядъ публичныхъ лекцій, доступныхъ каждому, подобно парижскому Collège de France.

Что касается Ковалевскаго, то онъ въ данномъ вопросѣ не примыкалъ вполне ни къ той, ни къ другой партіи. Рѣзкія замѣчанія сдѣланы его рукою на поляхъ цитированной нами докладной записки Зиновьева: «можно ли прилагать законъ политической экономіи... къ народному образованію? можно ли и честно ли этому образованію ставить какія либо границы и преграды?»²⁾. Но въ то же время Ковалевскій высказывается также и противъ мнѣнія Корфа о доступности для всѣхъ университетскаго образованія безъ всякаго вступительнаго экзамена. Напротивъ, въ виду не вполне удовлетворительнаго состоянія низшаго и средняго образованія, а также въ виду недостаточнаго числа университетовъ и профессоровъ въ Россіи, Ковалевскій высказывался за усиленіе строгости вступительныхъ экзаменовъ. Точно также и во всеподданнѣйшей запискѣ своей, представленной на высочайшее усмотрѣніе 6-го мая 1859 года, Ковалевскій предлагалъ установить минимальный возрастъ для вступающихъ (16 лѣтъ) и усилить строгость приѣмныхъ испытаній; въ послѣдней мѣрѣ онъ видѣлъ средство оградить университетъ отъ наплыва неспособныхъ³⁾.

¹⁾ Архивъ деп. нар. проsv., № $\frac{140431}{2124}$.

²⁾ Тамъ же, № $\frac{124384}{3064}$.

³⁾ Два послѣднія цитированныя дѣла.

По отношенію къ вопросу о желательности или нежелательности корпоративной связи между студенчествомъ, мы встрѣчаемся съ двумя теченіями: одни видятъ въ корпоративной организаціи прекрасное средство нравственно-воспитательнаго воздѣйствія на студенчество (таковы харьковскій попечитель Зиновьевъ, петербургскій Деляновъ, профессора С.-Петербургскаго университета Спасовичъ, Кавелинъ и др.). Образцомъ для нихъ является германскій университетъ съ широко развитымъ корпоративнымъ устройствомъ. Другіе, напротивъ, видя въ корпораціяхъ главный источникъ студенческихъ волненій, предлагаютъ не только запрещеніе корпорацій, но даже уничтоженіе всего того, что создаетъ нѣкоторое единство между студентами, напримѣръ, форменной одежды. Такъ, напримѣръ, генераль-майоръ Шуваловъ (въ запискѣ, поданной государю въ 1859 году) даже видитъ причину всѣхъ студенческихъ безпорядковъ въ ношеніи форменной одежды и въ тѣхъ вообще преимуществахъ, благодаря которымъ студенты образуютъ какъ бы отдѣльное сословіе. Характерно, что противники корпорацій склоняются даже къ мысли о французскомъ, свободномъ для всѣхъ университетѣ: въ такомъ университетѣ совершенно невозможна корпоративная связь между студентами, какъ невозможна она между слушателями публичныхъ лекцій или между посѣтителями Публичной библіотеки. Шуваловъ указываетъ на то, что въ Парижѣ, гдѣ народныя волненія происходятъ очень часто, студенты сплоченной массой никогда не участвуютъ въ безпорядкахъ; напротивъ, политехническая школа, гдѣ студенты носятъ особый мундиръ, приобрѣла незавидную извѣстность, какъ предводительница возмущеній. Предложенія Шувалова сводятся къ тому, чтобы совершенно уничтожить студенчество, какъ сословіе, превративъ университетскіе курсы въ рядъ публичныхъ лекцій, доступныхъ для всѣхъ ¹⁾).

Интересна записка кіевскаго попечителя Пирогова, гдѣ особенно ясно и опредѣленно выражены всѣ доводы за и противъ корпорацій. «Есть,—говоритъ Пироговъ,—два средства къ предотвращенію столкновеній. Необходимо: или сообщить такую организацію студенческой корпораціи, чтобы она сама, основываясь на чисто нравственныхъ убѣжденіяхъ и началахъ, избѣгала нареканій и столкновеній, столь вредныхъ для нея самой и для университета. Или же нужно уничтожить корпоративную связь между учащимся. Первое средство. Организовать корпорацію учащихся должно бы было такъ, чтобы она, убѣдившись въ высшемъ значеніи и важности дарованныхъ ей правительствомъ привилегій, сама и черезъ самое себя содѣйствовала къ поддержанію собствен-

¹⁾ Ibid., дѣло № $\frac{12384}{3084}$.

наго достоинства, къ исправленію собственныхъ недостатковъ, исключая изъ среды своей недостойныхъ (подающихъ наипаче поводъ къ нареканію и столкновеніямъ), и нравственнымъ вліяніемъ удерживала бы своихъ членовъ отъ всякаго самоуправства подъ опасеніемъ лишиться тѣхъ правъ, которыми она пользуется»... «Вторая мѣра—уничтоженіе студенческой корпораціи—предполагаетъ новый взглядъ на наши университеты. Вводя ее, нужно разсматривать университеты уже, не какъ воспитательныя или нравственно-учебныя, а какъ чисто-учебныя или научно-учебныя учрежденія. Вводя ее, должно уяснить родителямъ, что университетъ не отвѣчаетъ за нравственность ихъ сыновей, которые должны будутъ на ряду съ прочими гражданами отвѣчать сами за себя передъ закономъ и обществомъ»... «Введеніе же второй мѣры основывается на томъ неоспоримомъ фактѣ, что всѣ столкновенія студентовъ съ лицами другихъ вѣдомствъ и съ полиціей зависятъ именно отъ того, что студенты смотрятъ на себя, какъ на отдѣльную отъ остальнаго общества и самимъ правительствомъ привилегированную корпорацію».

Введеніе первой мѣры, т.-е. организаціи корпораціи, по мнѣнію Пирогова, сопряжено съ большими трудностями, а потому онъ считаетъ вторую мѣру «современнѣе и удобоисполнимѣе первой». Такъ какъ существующая студенческая корпорація организована «столь слабо и несовершенно, что существованіе ея поддерживается не столько изнутри, сколько извнѣ — формою и правительственными привилегіями, преобразовать же ее, какъ мы уже видѣли, трудно, то очевидно, что лучше уничтожить вышнюю ея связь, нежели оставить въ такомъ видѣ, какъ она есть»... Притомъ же «въ наше время мы замѣчаемъ вездѣ стремленіе къ уничтоженію сословныхъ привилегій; во всѣхъ сословіяхъ пробудилась болѣе, чѣмъ когда нибудь, склонность къ образованію. Для чего же университетамъ отставать и не удовлетворять требованіямъ времени?» Такимъ образомъ, уничтоженіе корпоративной связи въ университетахъ разсматривается, какъ мѣра демократическая, какъ разрушеніе сословныхъ перегородокъ. Ссылка на демократическую Францію дѣлается, поэтому, особенно понятной.

Для уничтоженія корпоративнаго духа Пироговъ считаетъ нужнымъ: 1) открыть университетъ всѣмъ желающимъ за небольшую плату, уничтоживъ вступительные экзамены; 2) предоставить всѣмъ посѣтителемъ университета полную свободу выбрать курсы для слушанія, уничтоживъ, такимъ образомъ, обязательные факультетскіе курсы; 3) подвергнуть всѣхъ посѣщающихъ лекціи общему полицейскому надзору, наравнѣ съ прочими гражданами, сохранивъ университетскій надзоръ только въ аданіяхъ университета, и 4) отбѣнить форменную одежду ¹⁾.

¹⁾ Ibidem, Записка Пирогова отъ 28-го февраля 1869 года.

Ковалевскій является противником корпорацій, а слѣдовательно германскаго университетскаго строя, и больше склоняется на сторону приверженцевъ французскаго открытаго для всѣхъ университета, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями, которыя были указаны нами выше (возрастъ и строгіе вступительные экзамены). Такъ, онъ высказывается за отмѣну формы, за передачу надзора общей полиціи; но особенно ясно обнаруживается несочувствіе Ковалевскаго корпоративному строю и симпатіи его къ французскому университету изъ замѣтокъ, сдѣланныхъ его рукой на упомянутой уже запискѣ Зиновьева. Здѣсь онъ выражается о корпоративномъ строѣ, что онъ «по нашему государственному устройству болѣе вреда, чѣмъ пользы принесетъ». По поводу опасенія Зиновьева, что университетъ при увеличеніи числа студентовъ превратится въ рядъ публичныхъ лекцій, Ковалевскій пишетъ на поляхъ: «что же за бѣда?». Противъ словъ Зиновьева, что результаты французскихъ курсовъ ниже, чѣмъ въ Германіи, онъ замѣчаетъ: «Дай Богъ, чтобы мы достигли этихъ результатовъ!»¹⁾.

Итакъ, какъ мы уже видѣли, вопросъ о корпоративномъ устройствѣ тѣсно связывался съ вопросомъ о томъ, долженъ ли университетъ быть учрежденіемъ учебно-научнымъ или также и воспитательнымъ. Защитники корпоративной организаціи указывали именно на ея воспитательное значеніе, между тѣмъ какъ защитники французскаго открытаго для всѣхъ университета, являясь противниками корпоративнаго устройства, въ то же время отрицали за университетомъ всякое воспитательное значеніе, ибо, конечно, какое же можетъ быть воспитательное воздѣйствіе на посѣтителей публичныхъ курсовъ? Ковалевскій, поэтому, былъ вполне послѣдователенъ, когда въ своей объяснительной запискѣ на замѣчанія комиссіи припца Ольденбургскаго доказывалъ, что университетъ не можетъ и не долженъ имѣть значенія воспитательнаго. Вполнѣ соотвѣтствуютъ этому замѣчанія Ковалевскаго на поляхъ Зиновьевскаго доклада. «Университетъ не школа»,—пишетъ онъ противъ словъ Зиновьева, что школа должна направлять общество. Далѣе, по поводу мысли, что путемъ воспитанія надо улучшить общество, онъ пишетъ: «Но развѣ университеты—школы, гдѣ воспитываются юноши?»

Были, однако, лица, которыя, являясь противниками корпоративнаго устройства, въ то же время придавали университетамъ значеніе не только научныхъ, но также и воспитательныхъ учрежденій, и возлагали на университетское начальство строгую отвѣтственность за поведеніе и образъ мыслей студентовъ. Это были сторонники стариннаго Уваровскаго университета съ патріархаль-

¹⁾ Ibid., Записка Зиновьева отъ 16-го января 1860 года.

ной нравственно-полицейской опекой университетскаго начальства надъ юношами. Такимъ образомъ, мы переходимъ къ вопросу о надзорѣ за студентами,—вопросу, тѣсно связанному съ предыдущимъ вопросомъ. Сторонники французскаго открытаго университета, конечно, стояли за подчиненіе студентовъ внѣ университета надзору общей полиціи, наравнѣ съ прочими гражданами, что является вполне понятнымъ, ибо при полной доступности университетскихъ лекцій для каждаго, какой же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть надзоръ за слушателями, составъ которыхъ ежедневно мѣняется? Ковалевскій, какъ мы видѣли выше, не признавалъ возможнымъ возложить на университетское начальство обязанность слѣдить за поведеніемъ студентовъ и отвѣтственность за ихъ поступки. Въ его министерство и по его представленію состоялось высочайшее повелѣніе 6-го мая 1859 года о подчиненіи студентовъ внѣ университета надзору общей полиціи. Между сторонниками германскаго университета съ узаконенной студенческой корпораціей многіе напротивъ признавали необходимымъ надзоръ университетскаго начальства. Такъ, Зиновьевъ, будучи сторонникомъ «нравственнаго, корпоративнаго взаимодѣйствія, столь возвысившаго германскіе университеты», признаетъ въ то же время необходимымъ сохранить въ полной силѣ университетскій надзоръ— «не столько надзоръ, сколько опеку». Для облегченія этого надзора онъ считалъ даже нужнымъ принять мѣры къ ограниченію наплыва студентовъ въ университеты; полицейскій надзоръ онъ считалъ необходимымъ лишь, какъ дополненіе къ университетскому. Съ другой стороны, Спасовичъ, Кавелинъ и др. профессора С.-Петербургскаго университета тоже были за сохраненіе университетскаго надзора, но требовали передачи надзора отъ инспекціи самой профессорской коллегіи. Кавелинъ, напримѣръ, признавая студенческое корпоративное устройство хорошимъ воспитательнымъ средствомъ, объясняетъ студенческія волненія тѣмъ, что слюды «происходили безъ чьего либо вѣдома и разрѣшенія и безъ всякаго контроля». Профессора, по мнѣнію Кавелина, были совершенно лишены возможности вліять на студентовъ¹⁾, совершенно устранены отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ инспекція, не пользовавшаяся довѣріемъ и уваженіемъ студентовъ, пре-

¹⁾ Насколько правиленъ этотъ взглядъ, можно судить хотя бы по слѣдующему отрывку изъ воспоминаній студента 60-хъ годовъ: «Мужественные проводники правды, свѣта и добра (речь идетъ о профессорахъ), самодержавные властелины душъ и сердецъ горячо предавнаго студентства! Благодаря вамъ... оно зоветъ тотъ университетъ, въ которомъ такъ честно работали вы на пользу родины... свою *Alma Mater*». (Обвинскій въ сборникѣ «Воспоминанія студенческой жизни», стр. 61). Въ концѣ 60-хъ годовъ профессора руководили и членіемъ студенческихъ сборниковъ, председательствовали на студенческихъ съездахъ и т. п.

доставлена была огромная власть. Студенческая корпорація, руководимая профессорами, и профессорскій судъ для разбора проступковъ, совершенныхъ студентами,—таковъ былъ проектъ Кавелина и его единомышленниковъ ¹⁾).

Сторонники Уваровскаго университета высказываются, какъ и слѣдовало ожидать, противъ корпоративнаго начала, которое, какъ говорится въ докладѣ комиссіи принца Ольденбургскаго, «вовсе не свойственно нашему образу правленія, можетъ вредно дѣйствовать на молодые умы и во всякомъ случаѣ отвлекаетъ студентовъ отъ настоящей ихъ цѣли, т.-е. отъ занятій науками». Въ то же время они считаютъ нужнымъ сохранить за университетами воспитательное значеніе: «необходимо рѣшительными и раціональными мѣрами оградить молодыхъ людей отъ соблазновъ, вредныхъ для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія». Строгость и бдительный надзоръ являлись, по мнѣнію этой группы лицъ, вѣрнѣйшими средствами для водворенія порядка въ университетахъ. Въ Западной Европѣ образцомъ такого типа учрежденій являлся до нѣкоторой степени англійскій университетъ съ его строгой дисциплиной. Наиболее видными представителями этой группы лицъ являются Строгановъ, бывшій дѣятель эпохи Уварова, впоследствии Путятинъ и Скуратовъ. Непонятнымъ является присоединеніе барона Корфа къ мнѣнію Строганова и Игнатъева: сторонникъ французскаго университета высказывается здѣсь за бдительный надзоръ и огражденіе студентовъ отъ «соблазновъ». Противорѣчіе въ его взглядахъ особенно замѣтно, если привести его слова въ заведеніи главнаго правленія училищъ 22-го января 1860 года: онъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ университетовъ то, что, благодаря вступительнымъ экзаменамъ, университетъ превращается въ школу «съ формализмомъ ея классныхъ уроковъ, періодическихъ курсовъ, срочныхъ экзаменовъ и проч.» ²⁾. Нельзя здѣсь видѣть и перемены во взглядахъ: не говоря о томъ, что эта перемена была бы слишкомъ быстрой и рѣзкой, мы видимъ, что Корфъ въ октябрѣ 1861 года попрежнему высказывается за открытые университеты ³⁾).

Итакъ, взгляды Ковалевскаго, въ общемъ, сводятся къ слѣдующему: онъ стоитъ за возможно широкій доступъ въ университеты всѣмъ сословіямъ, однако съ ограниченіемъ возраста и при условіи хорошей подготовки, обнаружившейся на строгихъ вступительныхъ экзаменахъ. Слѣдствіемъ этого явится увеличеніе числа

¹⁾ Кавелинъ, (Обращеніе сочиненій, т. II, стр. 1191—1194. См. также Спасовичъ, Сочин., IV, 22—28.

²⁾ Дѣло № $\frac{110431}{2124}$.

³⁾ Искитенко, «Дневникъ», II, 288—289.

«истор. вѣстн.», январь, 1905 г., т. XLIX.

студентовъ и невозможность для университетской полиціи слѣдить за поведеніемъ и нравственностью ихъ; поэтому Ковалевскій стоитъ за передачу надзора надъ студентами въ вѣдѣніе общей полиціи. Отрицая за университетами воспитательное значеніе, Ковалевскій является противникомъ корпоративнаго строя (хотя при немъ именно корпоративная организація, вслѣдствіе его снисходительности и слабохарактерности, пустила прочные корни въ С.-Петербургскомъ и Кіевскомъ университетахъ); онъ стоитъ за уничтоженіе всего того, что поддерживаетъ корпоративную связь между студенчествомъ, — за уничтоженіе формы и тѣхъ особыхъ правъ и привилегій, которыми пользуются студенты, и которыя связаны съ университетскими дипломами.

IV.

Эти взгляды министра, вѣроятно, легли въ основу его всеподданнѣйшаго доклада 13-го апрѣля 1861 года. Въ дѣлахъ архива департамента народнаго просвѣщенія этотъ докладъ почему-то не сохранился, и о содержаніи его мы можемъ лишь отчасти судить по тѣмъ отзывамъ, которые встрѣчаются въ позднѣйшихъ запискахъ Ковалевскаго и въ разсказахъ современниковъ. Самъ Ковалевскій въ одной изъ своихъ записокъ (отъ 11-го мая 1861 г.) говоритъ, что въ этомъ докладѣ «предлагалась система кореннаго преобразованія нашихъ университетовъ относительно обучающихся въ нихъ студентовъ». Главнымъ основаніемъ этой системы было привлечь въ университеты не для служебныхъ правъ, а единственно для образованія. «Съ этой цѣлью предлагаемо было: уничтожить всѣ преимущества студентовъ, какъ во время университетскихъ курсовъ, такъ и по окончаніи оныхъ, а, съ другой стороны, возвысить уровень университетскаго ученія, предоставивъ преимущества только лицамъ, достигшимъ, по испытанію, ученыхъ степеней, начиная съ кандидатской»¹⁾.

Краткія свѣдѣнія о докладѣ Ковалевскаго и о засѣданіи совѣта министровъ сообщаетъ Никитенко, показанія котораго, какъ лица, близкаго стоявшаго къ министру, заслуживаютъ полнаго довѣрія. 12-го апрѣля Никитенко сообщаетъ, что государь привывалъ къ себѣ министра и объявилъ ему, что студенческіе безпорядки не могутъ быть долѣе терпимы, и что онъ не остановится передъ крайней мѣрою, закрытіемъ нѣкоторыхъ университетовъ. Министръ просилъ не прибѣгать къ этой мѣрѣ, такъ какъ она вызоветъ общее неудовольствіе.

— «Такъ придумайте же сами, что дѣлать, — сказалъ государь: — но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя, и я рѣшился на строгія мѣры».

¹⁾ Дѣло № $\frac{146103}{384}$, Записка Ковалевскаго отъ 11-го мая 1861 года.

На слѣдующій день, 13-го апрѣля, въ засѣданіи совѣта министровъ происходили пренія объ университетахъ; такъ какъ этимъ же числомъ помѣченъ вышеупомянутый всеподданнѣйшій докладъ Ковалевскаго, то очевидно, что предположенія министра, которыя обсуждались въ совѣтѣ, и есть тѣ предположенія, которыя выражены въ докладѣ. Вѣроятно, здѣсь же былъ заслушанъ и докладъ комиссіи принца Ольденбургскаго. Возможно, что именно этотъ докладъ и былъ причиной вызова Ковалевскаго къ государю и разговора съ нимъ 12-го апрѣля. О засѣданіи 13-го апрѣля Никитенко пишетъ: «Ковалевскій встрѣтилъ страшные нападки на безпорядки, производимые студентами. Онъ ссылаясь на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строганова, графа Панина и князя Долгорукова рассмотреть записку о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть министерство контролю и ввѣрить попеченіе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ»¹⁾.

Такъ возникла вторая изъ тѣхъ комиссій, столкновение съ которыми привело къ отставкѣ Ковалевскаго.

Въ самомъ докладѣ этой комиссіи такъ повѣствуется о ея возникновеніи: «Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества, министръ народнаго просвѣщенія представилъ соображенія свои о тѣхъ мѣрахъ, кои могутъ быть приняты для надзора за университетскими студентами, по случаю непрерывно возникающихъ безпорядковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Ковалевскій изложилъ нѣкоторыя предположенія объ испытаніяхъ на ученія степени, о составленіи новой системы распредѣленія преподаванія наукъ по факультетамъ и о другихъ предметахъ, требующихъ предварительнаго обсужденія въ главномъ правленіи училищъ.

«Вашему величеству благоугодно было указать на необходимость немедленнаго принятія нѣкоторыхъ мѣръ для направленія образованія въ учебныхъ заведеніяхъ къ цѣли, соотвѣтствующей попечительной заботливости правительства»²⁾.

Неудовольствіе государя по поводу повторявшихся студенческихъ безпорядковъ, столкновение съ комиссіей принца Ольденбургскаго, нападки въ засѣданіи совѣта министровъ, наконецъ, образованіе новой комиссіи для рассмотрѣнія предположеній министра и назначеніе въ эту комиссію принципиальнаго противника всей политики Ковалевскаго, графа С. Г. Строганова,—все это значительно пошатнуло положеніе Ковалевскаго. Послѣ засѣданія 13-го апрѣля объ отставкѣ его стали говорить, какъ о совершенно рѣшенномъ

¹⁾ Никитенко, II, 264.

²⁾ Архивъ, дѣло № $\frac{146163}{3984}$.

вопросъ, и это-то и ввело въ заблужденіе Татищева. Никитенко, разговлявшійся на первый день пасхи (23-го апрѣля) у Ковалевскаго, пишетъ: «Министръ подалъ въ отставку, но государь пожелалъ, чтобы онъ остался, пока прищеть ему преемника». Никитенкѣ Ковалевскій говорилъ, что «оставляетъ свой постъ съ огорченіемъ, но не можетъ не оставить его, такъ какъ отъ него требуютъ, чтобы онъ приводилъ въ исполненіе чужіе планы».

«Въ отставкѣ Ковалевскаго всѣ видятъ торжество реакціонной партіи,—сообщаетъ далѣ Никитенко,—и Ковалевскій мало-помалу вырастаетъ въ общественномъ мнѣніи». Какъ на преемника Ковалевскому, указываютъ на Строганова. «Говорятъ,—пишетъ Никитенко,—что Строгановъ очень силенъ при дворѣ, и что его интрига произвела нынѣшній кризисъ»¹⁾.

«На просвѣщеніе страшное гоненіе, опять вслѣдствіе недоразумѣній,—писалъ Погодинъ Шевыреву.—Графъ Строгановъ, говорятъ, неистовствовалъ въ совѣтѣ противъ распущенности; а кто положилъ ей основаніе? Онъ нападалъ на Ковалевскаго такъ, что тотъ занемогъ, и думали, что подастъ въ отставку. Говорили, что Строгановъ и назначенъ. Другіе указываютъ на Левшина. Нѣтъ, друзья, какъ вы ни садитесь, а въ музыканты не годитесь. Комиссія для разсужденія о дѣлахъ просвѣщенія составлена изъ Строганова, Панина, Долгорукова. Говорятъ, будто назначается оброкъ на студентовъ по двѣсти рублей серебромъ, что число ограничится двумястами казенныхъ и двумястами своекоштныхъ. Неужели это можетъ быть? Господи, Боже мой!»²⁾.

Между тѣмъ Ковалевскій все еще оставался на посту министра, а новая комиссія приступила къ работѣ. Въ С.-Петербургской императорской Публичной библиотекѣ хранятся нѣкоторые документы, знакомящіе насъ съ черновой, подготовительной работой этой комиссіи. Документы эти слѣдующіе: 1) вѣдомость о числѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета, платившихъ и не платившихъ за право слушанія лекцій въ 1857—1860 годахъ; 2) записка Панина къ личному секретарю его или Строганова (къ Хвостову или Топильскому) и 3) проекты доклада комиссіи и объяснительной къ нему записки. Вѣдомость о числѣ платившихъ и не платившихъ студентовъ составлена, очевидно, кѣмъ либо для комиссіи потому, что въ комиссіи, какъ мы увидимъ далѣе, возбужденъ былъ, между прочимъ, вопросъ объ ограниченіи числа студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за ученіе. На запискѣ сдѣлана помѣтка: «Получено отъ графа В. Н. 27-го апрѣля вечеромъ».

«Распространеніе просвѣщенія въ направленіи, полезномъ для молодого поколѣнія и соотвѣтственномъ устройству государства,—

¹⁾ Никитенко, II, 254—256.

²⁾ Парсуковъ, XVIII, стр. 229.

пишетъ Панинъ:—скажите графу Строганову, что такъ намѣренъ я назвать въ докладѣ нашемъ цѣль, указанную государемъ (исправленіе духа университетскаго воспитанія). По сообщеніи моихъ замѣчаній и представленіи нужныхъ объясненій, графъ сдѣлаетъ не при васъ, а на досугѣ нужныя по его усмотрѣнію исправленія и возвратитъ бумагу для переписыванія, назначивъ по соглашенію съ княземъ Д. день для общаго совѣщанія. Я на всякій день согласенъ (если въ понедѣльникъ вечеромъ, то работа можетъ послѣдовать къ четвергу). Возвратите мнѣ эту записку послѣ свиданья съ графомъ Строгановымъ. Мнѣ нужна указанная сначала формула».

Далѣе слѣдуютъ проекты доклада. Я не буду здѣсь останавливаться на тѣхъ пунктахъ, которые вошли въ докладъ (ихъ мы рассмотримъ въ свое время). Здѣсь укажу лишь на тѣ вопросы, которые, какъ видно изъ проектовъ, обсуждались въ комиссіи, но затѣмъ не были приняты и не вошли въ докладъ. Вопросы эти слѣдующіе: 1) возвышеніе оклада профессоровъ, чтобы привлечь лицъ достойныхъ и способныхъ, 2) нѣкоторое возвышеніе платы за лекціи, чтобы этимъ увеличить профессорскій окладъ, и 3) просмотръ инструкціи для инспектора, чтобы устранить все то, что является излишнимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь людей, «вышедшихъ изъ младенческаго возраста», сохраняя то, что отвѣчаетъ попеченіямъ правительства «о нераспространеніи между молодыми людьми примѣровъ безнравственности или вредныхъ политическихъ заблужденій, и также волюнѣ оградить преподавателей отъ всякаго своеволя или продерзости учащихся, дабы свобода преподаванія не подвергалась какимъ либо ограниченіямъ, кромѣ указанныхъ самимъ правительствомъ, и дабы достоинство преподавателей было всегда и вездѣ охраняемо».

Къ проектамъ доклада приложенъ также проектъ введенія къ докладу; хотя въ работахъ комиссіи принималъ участіе и Ковалевскій, но упомянутый проектъ введенія составленъ, повидимому, безъ его участія. По крайней мѣрѣ, здѣсь говорится: «Мы представимъ министру народнаго просвѣщенія слѣдующія соображенія».

По вопросу объ ограниченіи приѣма въ университетъ, комиссія признаетъ наиболѣе удобнымъ и правильнымъ открыть доступъ въ университеты преимущественно тѣмъ изъ немнѣющихся состоянія молодыхъ людей, «которые пріобрѣли на то право трудолюбіемъ и успѣхами въ образованіи, пріобрѣтенномъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ». Первоначальное образованіе должно быть общимъ: недостатокъ у насъ специальныхъ учебныхъ заведеній былъ отчасти причиною того, что въ гимназіи ввели предметы, которые тамъ не могутъ преподаваться съ надлежащей полнотою. Переходя далѣе къ университетамъ, комиссія считаетъ нужнымъ

точное соблюденіе § 11 инструкціи 23-го января 1851 года¹⁾. Средствами для этого комиссія считаетъ: а) исправленіе тѣхъ пунктовъ инструкціи, «которые были начертаны въ предѣлахъ слишкомъ тѣсныхъ», б) усиленіе надзора черезъ назначеніе проректора и в) немедленное удаленіе «неблагонамѣренныхъ или ошибающихся профессоровъ». Нужно болѣе вниманіе со стороны попечителей и ректоровъ и болѣе тщательный выборъ ихъ. Не слѣдуетъ допускать въ университеты людей съ недостаточной подготовкой. Что касается вліянія общества, то оно дѣйствительно существуетъ, но «не настолько единодушно въ другомъ направленіи», чтобы ему можно было приписать заблужденія студентовъ. Изъ политическихъ стремленій нельзя обвинять всѣхъ студентовъ: вредное политическое направленіе проявилось преимущественно между уроженцами западныхъ губерній, которымъ изъяснили сочувствіе по разнымъ видамъ и другіе студенты и даже, говорятъ, нѣкоторые преподаватели. Общество же не такъ заражено вредными понятіями, чтобы ему можно было приписывать вліяніе на студентовъ; болѣе вліяніе имѣетъ литература. Дерзость студентовъ проявилась особенно въ отношеніи къ полиціи, между тѣмъ въ обществѣ не замѣтно такого враждебнаго отношенія къ полиціи. Наконецъ, отнятіе права на чинъ члены комиссіи считаютъ несправедливымъ, такъ какъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы возстановленіе сословныхъ преимуществъ, которыя до сихъ поръ уступали мѣсто преимуществамъ, пріобрѣтеннымъ путемъ образованія²⁾.

Къ 9-му мая работы комиссіи были окончены; для достиженія указанной цѣли (т.-е. для направленія образованія согласно видамъ правительства) члены комиссіи полагаютъ необходимымъ «дать прочное основаніе общему образованію въ гимназіяхъ и принять тѣ мѣры, кои могутъ нынѣ же прекратить безпорядки и ограждать свободу преподаванія въ предѣлахъ, соотвѣствующихъ основаніямъ государственнаго нашего устройства». Для достиженія этого комиссія выработала слѣдующія мѣры: 1) Возстановить въ гимназіяхъ классическое образованіе по уставу 1828 года. 2) Проводить пріемные въ университетъ экзамены при гимназіяхъ,

¹⁾ Эта инструкція имѣла цѣлью установить надзоръ за преподаваніемъ, возлагая таковой на ректора и декановъ. Профессорамъ вмѣнено въ обязанность представлять программы своихъ лекцій. § 11 инструкціи гласитъ: «при разсмотрѣніи программъ постоянно имѣется въ виду: а) чтобы предметъ наложенъ былъ въ полнотѣ сообразно съ потребностью университетскаго ученія, б) чтобы какъ общія начертанія, такъ и отдѣльныя статьи программы строго соотвѣтствовали и ученой и нравственной цѣли, в) чтобы въ содержаніи программы не укрывалось ничего, несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій нашихъ, и г) чтобы, напротивъ, ясно и внушительно выражались вездѣ... благоговѣніе къ святынямъ, преданность государю и любовь къ отечеству» (Сборн. постановл., II, стр. 1242).

²⁾ Рукописный отдѣлъ С.-Петербургской Публичной бібліотеки, Р. II, № 201.

подвергая постороннихъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе, испытанію вмѣстѣ съ учениками, если возможно, въ присутствіи депутата отъ университета. 3) Возстановить полную подчиненность учащихъ университетскому начальству въ стѣнахъ университета (рукою государя сдѣлана на поляхъ помѣтка: «подчиненность эта никогда не была уничтожена»), воспретить всякія сходки безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищемъ (высочайшая помѣтка: «если таковыя допускались, то вопреки установленнаго порядка и отъ слабости университетскаго начальства»). 4) Слѣдуетъ издать правила о точномъ посѣщеніи лекцій и о недопущеніи одобренія или порицанія преподавателей. 5) Установить надворъ за порядкомъ; неисполняющихъ правила послѣ напоминанія увольнять, не подвергая другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по общимъ законамъ. 6) Не допускать въ университетъ вольнослушателей, кромѣ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, а также извѣстныхъ ученыхъ и преподавателей. 7) Возстановить экзамены на 1-мъ и 2-мъ курсахъ. 8) Не принимать въ университетъ моложе 17 лѣтъ; отиѣнить форменную одежду и воспретить ношеніе какихъ либо знаковъ народности или товарищества. 9) Освобождать отъ платы лишь двухъ отъ каждой гимназіи округа, кои будутъ признаны достойнѣйшими. 10) Выдавать стипендіи отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. 11) Суммы, остающіяся отъ ограниченія числа бесплатныхъ, предназначаются на увеличеніе жалованья профессорамъ. 12) По поводу этого пункта въ комиссіи произошло разногласіе: Строгановъ и Ковалевскій стояли за такую редакцію: «Выборъ ректора и проректора производится на точномъ основаніи устава 1835 года. Въ отношеніи исполненія обязанности ректорами и деканами факультетовъ возстановляются правила, существовавшія до изданія инструкціи 23-го января 1851 года ¹⁾». Кн. Долгоруковъ и Панинъ, съ своей стороны, предлагали совершенно иной проектъ. Призывая также желательнымъ возстановленіе прежняго порядка избранія ректора, они добавляли: «Всѣмъ преподавателямъ вмѣняется въ строгую обязанность точно и неуклонно исполнять правила, предписанныя въ 11-мъ пунктѣ инструкціи, данной въ 1851 году ректорамъ и деканамъ факультетовъ. Относительно порядка составленія программъ, статьи, относящіяся до сего предмета, подвергаются пересмотру». 13) Окончившимъ университетъ сохранить права. 14) Назначить изъ казначейства извѣстную сумму на увеличеніе оклада и 15) снести съ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края объ открытіи

¹⁾ Содержаніе этой инструкціи и 11 § см. выше, стр. 118.

высшихъ учебныхъ заведеній, юридическаго и медицинскаго, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ.

Такъ какъ мѣры, предлагаемыя комиссіей, во многомъ расходились со взглядами Ковалевскаго, то послѣдній не оставилъ доклада безъ возраженій, и къ журналу комиссіи приложена записка Ковалевскаго отъ 11-го мая. Эта записка является, такъ сказать, «лебединой пѣснью» министра, послѣдней попыткой его отстоять свои взгляды. По пунктамъ возражаетъ Ковалевскій на докладъ комиссіи. По поводу 1-го пункта онъ замѣчаетъ, что уставъ гимназій 1828 года говоритъ о преподаваніи лишь латинскаго языка, греческаго же только въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетѣ. Ковалевскій высказывается въ пользу двухъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній — нормальнаго, гдѣ преподавался бы только одинъ латинскій языкъ, но было бы зато расширено преподаваніе русскаго языка и математики, — и филологическаго съ преподаваніемъ обоихъ древнихъ языковъ, на которые отводилась бы половина всѣхъ учебныхъ часовъ. Такой проектъ былъ выработанъ въ министерствѣ и подлежалъ разсмотрѣнію въ главномъ правленіи училищъ и въ государственномъ совѣтѣ. Предрѣшеніе же вопроса комиссіей Ковалевскій считалъ преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что такое или иное разрѣшеніе его не имѣетъ вліянія на нравственность студентовъ.

Далѣе, Ковалевскій возражаетъ на пункты 4, 6, 7, 9 и 13. Это какъ разъ тѣ пункты, осуществленіе которыхъ противорѣчило бы идеѣ французскаго университета. По поводу п. 4 (о надзорѣ за посѣщеніемъ лекцій) Ковалевскій замѣчаетъ, что врядъ ли предписаніемъ можно заставить заниматься; если слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій, то многіе могутъ посѣщать лекціи и не слушать. Студенты — люди взрослые и могутъ сами разсуждать, тѣмъ болѣе, что имъ предстоитъ испытаніе. Возражая на пунктъ 6 ѳ (объ ограниченіи вольнослушателей), министръ приводитъ историческую справку: вольнослушатели допущены въ университетъ въ 1844 году, а высочайше утвержденнымъ 16-го іюня 1847 года мнѣніемъ государственнаго совѣта признана польза этой мѣры. Ковалевскій приводитъ слѣдующія соображенія въ пользу сохраненія прежняго порядка: 1) «Университетъ по своему назначенію, какъ высшій храмъ науки, долженъ быть открытъ всѣмъ безъ различія. Если здѣсь допустить выборъ, то въ такомъ случаѣ и въ Публичную, напримѣръ, бібліотеку, имѣющую ту же цѣль, т. е. распространеніе просвѣщенія, нельзя дать доступа всякому желающему читать. 2) Не всѣ имѣютъ возможность приготовиться такъ, чтобы выдержать приемыый экзаменъ. Слѣдуетъ ли возбранить такимъ лицамъ за небольшую плату пользоваться плодами просвѣщенія, а особливо у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало оно распространено, и гдѣ такъ оно нужно? Слѣдуетъ ли отказывать фаб-

риканту слушать въ университетской лабораторіи лекціи технолoгiи или адвокату слушать лекціи гражданскаго права и т. п.?) Наконецъ, Ковалевскій утверждаетъ, что вольнослушатели нпкогда не принимаютъ участія въ безпорядкахъ, такъ какъ «единственная ихъ цѣль чему нибудь научиться». Такимъ образомъ, здѣсь Ковалевскій опять является горячимъ защитникомъ французскаго университета, при чемъ даже отъ своего требованія строгихъ вступительныхъ экзаменовъ онъ отказывается, говоря о вольнослушателяхъ.

Говоря о переводныхъ испытаніяхъ (по поводу п. 7), министръ считаетъ ихъ, какъ средство контроля, непригодными. Правильная оцѣнка знаній въ 5 минутъ невозможна. Если же назначить на экзамены то время, какое дѣйствительно необходимо, чтобы удостовѣриться въ познаніяхъ испытуемаго, то при 800 студентахъ 1-го и 2-го курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ на испытаніе пойдетъ полгода. Если прибавить еще время, необходимое для производства окончательныхъ испытаній, то на лекціи ничего почти не останется.

По поводу пункта 9 (объ освобожденіи отъ платы) Ковалевскій ссылается на своей всеподданнѣйшій докладъ отъ 13-го апрѣля, гдѣ онъ вообще высказывался противъ освобожденія отъ платы, а предлагалъ бѣднымъ и достойнымъ выдавать стипендіи, вачсчитывая въ стипендію и плату за ученіе. На предложеніе же комисіи освободить лишь по два лица отъ каждой гимназiи Ковалевскій возражаетъ, во-первыхъ, что нѣтъ основанія дѣлать различіе между учившимися въ гимназiи и получившими домашнее образованіе, такъ какъ и тѣ и другіе пріобрѣтаютъ право на поступленіе въ университетъ одинаковымъ образомъ. Другое неудобство предлагаемаго комиссіей порядка заключается въ томъ, что въ одной гимназiи можетъ не оказаться ни одного дѣйствительно нуждающагося, тогда какъ въ другой ихъ можетъ быть много.

Наконецъ, въ отвѣтъ на пунктъ 13-й (о сохраненіи правъ для окончившихъ университетъ) Ковалевскій вновь ссылается на свой докладъ 13-го апрѣля, гдѣ онъ, какъ мы видѣли, предлагалъ на-противъ уничтоженіе всѣхъ особыхъ преимуществъ, предоставленныхъ какъ студентамъ, такъ и окончившимъ университетъ. «Съ принятіемъ предложенныхъ отъ гг. трехъ членовъ мѣръ, означенная система будетъ поколеблена, и студенческая корпорація останется на прежнемъ основаніи. Въ такомъ случаѣ нѣтъ уже и надобности лишать студентовъ тѣхъ правъ и преимуществъ, какими они пользуются нынѣ при вступленіи на службу. Но это будетъ врачеваніе временное, а не радикальное»¹⁾.

¹⁾ Дѣло № $\frac{146163}{3084}$.

Послѣдній пунктъ доклада комисіи требуетъ поясненій. Дѣло въ томъ, что открытіемъ училищъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ имѣлось въ виду отвлечь польскую молодежь изъ русскихъ университетовъ, особенно изъ С.-Петербургскаго и Московскаго, а также Кіевскаго, въ виду того вліянія, которое оказывали поляки на русскихъ студентовъ. Волненія въ Польшѣ, попытка бунта и столкновение съ войсками въ Варшавѣ въ февралѣ 1861 г.—все это волновало польскую молодежь; часть русской учащейся молодежи тоже открыто выражала сочувствіе полякамъ. 22-го февраля въ католическомъ костелѣ въ Петербургѣ была отслужена панихида по убитыхъ въ Варшавѣ; костелъ былъ переполненъ студентами, кадетами и вообще учащейся молодежью какъ польской, такъ и русской. Инспекторъ одного военно-учебнаго заведенія хотѣлъ переписать присутствовавшихъ воспитанниковъ, но вынужденъ былъ удалиться. Когда потомъ начальство стало наводить справки, кто изъ русскихъ былъ на панихидѣ, 300 студентовъ заявили о своемъ участіи. Въ Москвѣ, во время подобной же панихиды студентъ З., русскій, заявилъ, что у поляковъ и русскихъ одинъ врагъ—русское правительство¹⁾. Еще хуже обстояло дѣло въ Кіевѣ: здѣсь происходили постоянныя манифестаціи, каждое воскресенье пѣлись въ костелѣ революціонные гимны, дамы носили національный трауръ и эмблемы польской независимости, въ театрахъ ставились исключительно польскія пьесы. Студенты-поляки громко заявляли: «Кіевъ нашъ, университетъ нашъ»; они составляли въ университетѣ опредѣленную политическую партію, которая была звеномъ обширнаго заговора, охватившаго всю Польшу и западныя губерніи. Каждый студентъ былъ членомъ извѣстной гмины, въ которой было много постороннихъ лицъ; представители гминъ совѣщались между собою, поддерживали единство, а иногда и отдавали приказанія, основываясь на распоряженіяхъ центральной революціонной власти. Русскіе студенты сплотились, чтобы дать отпоръ стремленіямъ польской партіи; попечитель Пироговъ покровительствовалъ этой русской корпораціи; русскими было составлено прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, была просьба объ открытіи университета въ Варшавѣ, чтобы отвлечь поляковъ изъ Кіева. Говорятъ, эта мысль была внушена Пироговымъ. Прошеніе было уже совершенно готово, но въ день подачи прошенія (13-го марта?) была получена телеграмма объ увольненіи Пирогова²⁾.

Въ виду такихъ обстоятельствъ кіевскій генералъ-губернаторъ, кн. И. И. Васильчиковъ, вошелъ съ отношеніемъ къ Ковалевскому. Указывая на то, что въ числѣ 1.047 студентовъ Кіевскаго университета католиковъ 562, въ томъ числѣ уроженцевъ Юго-Запад-

¹⁾ Любимовъ, «Катковъ и его историческая заслуга», стр. 146.

²⁾ Юзефовичъ, «80 лѣтъ тому назадъ», «Русск. Стар.», 1896 г., X, 170—193.

наго края 364, прочихъ западныхъ губерній 145 и царства Польскаго—53, Васильчиковъ говоритъ, что «вредное—направление въ университетѣ польской молодежи, набѣгавшей всегда сближенія съ русскими студентами, стало теперь обнаруживаться съ большей силой», подъ влияніемъ событій въ Западной Европѣ и броженія въ Польшѣ. Онъ сообщаетъ, что нѣкоторые студенты переодѣваются въ крестьянское платье для пропаганды среди народа; въ костелѣ была отслужена панихида по убитыхъ 15-го февраля въ Варшавѣ, при чемъ на панихидѣ присутствовали многие польскіе студенты; по городу ходятъ анонимныя воззванія съ приглашеніемъ не бывать на балахъ; однажды ночью на улицахъ расклеены были польскія патріотическія объявленія, — молна приписываетъ все это студентамъ. Въ студентахъ-полякахъ вообще замѣчается «проявленіе національнаго духа, своеволие, неуваженіе къ властямъ и стремленіе къ возстановленію Польши». Васильчиковъ полагаетъ ослабить польскій элементъ въ университетѣ св. Владимира, принямая въ него лишь поляковъ, уроженцевъ Юго-Западнаго края.

Ковалевскій въ своемъ докладѣ 13-го апрѣля коснулся и этого вопроса. Онъ соглашается съ княземъ Васильчиковымъ, что влияние студентовъ-поляковъ въ Кіевскомъ, а также въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ вредно дѣйствуетъ на прочихъ, но сомнѣвается, чтобы загражденіе для уроженцевъ царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края доступа въ Кіевскій университетъ ослабило это влияние: его сила не въ численномъ превосходствѣ, а «во вредномъ, обаятельномъ для молодыхъ умовъ направленіи». Эта мѣра не отвратитъ зла въ Кіевскомъ университетѣ, но усилитъ приливъ поляковъ въ университеты С.-Петербургскій и Московскій. Надѣясь, что студенты изъ царства Польскаго сами не пойдутъ въ русскіе университеты съ открытіемъ въ Варшавѣ юридическаго и техническаго институтовъ, на что уже послѣдовало высочайшее согласіе, — Ковалевскій предлагаетъ пока секретнымъ образомъ усилить строгость экзаменовъ для студентовъ-поляковъ.

Строгановская комиссія, разсмотрѣвъ отношеніе кн. Васильчикова и докладъ Е. П. Ковалевскаго, указала на то, что Васильчикову, очевидно, еще неизвѣстно было объ основаніи высшихъ училищъ въ Варшавѣ; кромѣ того, комиссія, какъ мы видѣли выше, предположила открыть подобныя же училища въ Вильнѣ; что касается предлагаемой кн. Васильчиковымъ мѣры, то комиссія полагаетъ, что «общая мѣра, основанная на одномъ лишь происхожденіи лицъ и на общемъ подозрѣніи, была бы весьма несправедливою». Усиленіе строгости экзаменовъ и безъ того удалить изъ университета лицъ, не посвящающихъ себя исключительно наукѣ. До приведенія же въ исполненіе выработанныхъ новыхъ университетскихъ правилъ, комиссія полагаетъ предоставить генералъ-губернатору право удалять своею властью изъ университета

тѣхъ студентовъ, «кои участвовали въ важныхъ беспорядкахъ, или на коихъ падало бы подозрѣніе, подкрѣпленное достаточными данными въ томъ, что они дѣйствуютъ въ качествѣ эмиссаровъ враждебной правительству пропаганды».

Миѣніе комиссіи о студентахъ-полякахъ удостоилось высочайшаго утвержденія 18-го мая 1861 г. ¹⁾.

V.

Въ дѣлахъ комиссіи не видно, чтобы между членами комиссіи происходили какіи либо разногласія, кромѣ п. 12, гдѣ это разногласіе привело къ двумъ отдѣльнымъ миѣніямъ, внесеннымъ въ журналъ комиссіи. Между тѣмъ современники и корреспонденты иностранныхъ газетъ довольно единодушно свидѣтельствуютъ о томъ, что Строгановъ (по другимъ, Панинъ) въ засѣданіи 11-го мая представлялъ свой особый проектъ, не принятый, однако, въ совѣтѣ министровъ. «Въ чемъ именно состоялъ этотъ проектъ,—писалъ Никитенко,—я въ точности не знаю. Но говорятъ, что клонился къ тому, чтобы сдѣлать университеты доступными только дворянству и имущимъ классамъ. Ковалевскій, разумѣется, сильно опровергалъ проектъ. Его поддержали рѣшительно всѣ члены совѣта. Особенно много возражалъ графу Строганову Чевкинъ. Проектъ съ шумомъ провалился» ²⁾.

Мазадъ въ «Revue des deux mondes» утверждаетъ, будто Ковалевскій весной 1861 года подалъ проектъ, составленный по образцу германскихъ (?) университетовъ. Строгановъ, напротивъ, по отношенію къ университетамъ стоялъ за возвращеніе къ николаевскому режиму; онъ стремился также ограничить тремя стами число студентовъ въ каждомъ университетѣ, запретить доступъ вольнослушателямъ, превратить университеты въ спеціальныя заведенія, перенести С.-Петербургскій университетъ въ Гатчину, возвысить плату до 200 рублей. Это вызвало сильную оппозицію, и потому остановились на полумѣрахъ (правила 18-го мая, 1861 года, см. ниже) ³⁾. Корреспондентъ «Indépendance Belge» сообщаетъ, будто Панинъ (а не Строгановъ?) въ результатѣ казанскихъ беспорядковъ (панихида по убитымъ въ с. Безднѣ крестьянахъ) предложилъ опять ограничить число студентовъ тремя стами которые бы принадлежали къ знати высшихъ пяти или шести классовъ и платили по 200 рублей; гимназій и всѣ другія среднія учебныя заведенія превратить въ закрытыя. На сторонѣ этого проекта были сторонники репрессивныхъ мѣръ. Ковалевскій предложилъ обратный проектъ, который расширялъ доступъ въ университетъ, огра-

¹⁾ Дѣло № $\frac{14616\frac{1}{2}}{408\frac{1}{2}}$.

²⁾ Никитенко, II, 259.

³⁾ Mazade: «La Russie sous Alexandre II». «Revue des deux mondes», ¹⁵ 1862 г., стр. 291.

личивая права, связанные съ дипломомъ: сохранялись лишь степени магистра и кандидата, званіе же дѣйствительнаго студента уничтожить. Отмѣнялась форменная одежда, пріемные (?) экзамены; этими мѣрами министръ полагалъ убить корпоративный духъ между студентами. Къ этому проекту присоединились великій князь Константинъ Николаевичъ, Чевкинъ, Горчаковъ. «Говорятъ, — заключаетъ корреспондентъ, — они взяли верхъ» (корреспонденція отъ 15-го мая стараго стиля)¹⁾.

Трудно сказать, насколько достовѣрны всѣ эти сообщенія. Ни въ докладѣ комиссіи, ни даже въ черновыхъ проектахъ ни изъ чего не видно, чтобы Строгановъ или Панинъ оставались при особомъ мнѣніи по вопросу объ ограниченіи пріема студентовъ и о возвышеніи платы. Между тѣмъ, можно думать, что, прежде чѣмъ входить съ особымъ проектомъ въ совѣтъ министровъ, они, вѣроятно, постарались бы провести свой проектъ черезъ комиссію. Съ другой стороны, приведенныя нами свидѣтельства, сходясь лишь въ изложеніи самаго проекта, во многомъ расходятся между собой и противорѣчатъ имѣющимся у насъ подлиннымъ документамъ. Такъ, по свидѣтельству Никитенка и Мазада, проектъ принадлежитъ Строганову, корреспондентъ «Indépendance Belge» приписываетъ его Панину. Мазадъ сообщаетъ, что проектъ Ковалевского составленъ былъ по образцу германскихъ университетовъ, что, какъ мы неоднократно могли убѣдиться, совершенно противорѣчило бы взглядамъ Ковалевского. Корреспондентъ «Indépendance Belge» довольно вѣрно передаетъ предложенія министра, но приписываетъ ему желаніе уничтожить пріемные экзамены, тогда какъ Ковалевскій, напротивъ, постоянно говорилъ о необходимости усилить строгость этихъ испытаній. Не смѣшалъ ли корреспондентъ пріемныхъ экзаменовъ съ переводными, о которыхъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно шла рѣчь въ комиссіи и, вѣроятно, въ засѣданіи 11-го мая? Наиболѣе достовѣрнымъ свидѣтелемъ могъ бы быть Никитенко, близко стоявшій ко всему тому, что дѣлалось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но въ данномъ случаѣ самъ Никитенко оговаривается, что въ точности о проектѣ Строганова ничего не знаетъ и сообщаетъ лишь слухъ. Весьма вѣроятно, что и другіе свидѣтели приводятъ лишь слухи, циркулировавшіе въ обществѣ, по поводу заключеній комиссіи. Во всякомъ случаѣ, эти слухи показываютъ отношеніе общества къ членамъ комиссіи и къ ихъ дѣятельности: сокращеніе числа стипендій и освобождаемыхъ отъ платы и попытка ограниченія доступа вольнослушателямъ толковались, какъ стремленіе преградить несостоятельнымъ доступъ въ университетъ, а слухи, можетъ быть, даже умышленно распространяемые, преувеличили дѣйствительность и приписали этотъ проектъ Строганову или Панину, какъ наиболѣе вліятельнымъ членамъ комиссіи. Этимъ, быть можетъ, въ зна-

¹⁾ «Indépendance Belge», 1861 г., № 153.

чительной мѣрѣ и объясняется непопулярность правилъ 18-го мая и нерасположеніе къ Путятину, въ министерство котораго эти правила приводились въ исполненіе, и которому даже, какъ мы видѣли выше, ошибочно приписывались самыя правила.

Свѣдѣнія о результатахъ засѣданія 11-го мая довольно однородны. Никитенко сообщаетъ, что проектъ Строганова «съ шумомъ провалился»; Мазадъ говоритъ, что проектъ встрѣтилъ оппозицію, и что рѣшили ограничиться полумѣрами. «Indépendance Belge» передаетъ, что министръ народнаго просвѣщенія встрѣтилъ поддержку со стороны великаго князя, Чевкина и Горчакова, и что его проектъ взялъ верхъ. Видно такимъ образомъ, что къ окончательнымъ результатамъ засѣданіе не привело, при чемъ нѣкоторый перевѣсъ остался на сторонѣ Ковалевскаго. 18-го мая состоялось новое засѣданіе совѣта министровъ, въ присутствіи государя. Здѣсь были обсуждены доклады обѣихъ комиссій — объ отчетѣ за 1869 годъ и о мѣрахъ для надзора за студентами. Выслушавъ объясненія Ковалевскаго и мнѣнія другихъ членовъ совѣта, государь императоръ утвердилъ правила, вошедшія въ III-й томъ «Сборника постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» и помѣченныя ошибочно 31-мъ мая: это лишь число, когда издавъ былъ циркуляръ, которымъ министерство сообщало попечителямъ учебныхъ округовъ новыя постановленія. Спасовичъ также ошибочно называетъ эти постановленія «правилами 31-го мая».

Слѣдующіе пункты доклада комиссій удостоились высочайшаго утвержденія: п. 2-й — о перенесеніи въ гимназій экзамена для пріема въ университетъ; п. 4-й — о точномъ посѣщеніи лекцій и о запрещеніи выражать на лекціяхъ одобреніе или неодобреніе; п. 5-й — о надзорѣ за порядкомъ и объ увольненіи неисполняющихъ правила; п. 8-й — о непріятіи въ университетъ до 17-лѣтняго возраста и объ отгнѣнѣ форменной одежды; п. 10-й — о выдачѣ стипендіи бѣднымъ студентамъ преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа; п. 11-й — о предназначеніи суммъ, образовавшихся отъ сокращенія бесплатныхъ студентовъ, на увеличеніе профессорскаго оклада; п. 13-й — о сохраненіи для окончившихъ университетъ правъ на службу; п. 14-й — объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства суммъ на увеличеніе профессорскаго оклада; п. 15-й — объ открытіи высшихъ училищъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Высочайше одобрено также мнѣніе комиссій о временномъ предоставленіи генераль-губернатору Юго-Западнаго края права удалять изъ университета студентовъ за участіе въ беспорядкахъ или по подозрѣнію, а также мнѣніе комиссій принца Ольденбургскаго о томъ, чтобы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» печатались статьи офиціознаго характера, опровергающія взгляды, высказываемыя въ другихъ журналахъ, и выражающія взгляды правительства.

Относительно 1-го пункта государь повелѣлъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, при разсмотрѣннн проектируемаго устава гимназій, «имѣть въ виду предположенія о возстановленнн классическаго образованія, съ тѣми измѣненіями, кои могутъ быть признаны нужными». На п. 3-й послѣдовало высочайшее предписаніе въ точности соблюдать существующія правила о подчиненнн студентовъ надзору университетской и общей полиціи. По пункту 6-му состоялось повелѣніе: допускать вольнослушателей, если позволяеть вмѣстимость аудиторій, съ предоставленіемъ профессорамъ права удалять тѣхъ пзъ нихъ, которые окажутся виновными въ нарушеннн порядка. Вопросъ о переводныхъ экзаменахъ на 1 и 2 курсахъ (п. 7-й доклада комиссіи) повелѣнно передать на обсужденнн главнаго правленія училищъ. Освобождать отъ платы (п. 9-й) повелѣнно студентовъ, которые окажутся достойными на экзаменахъ и дѣйствительно бѣдными, по два отъ каждой губерніи, въ томъ числѣ одного изъ учившихся въ гимназін. Другихъ исключеній ни подъ какимъ предлогомъ не допускать. Относительно разногласія, возникшаго при редактированнн пункта 11 доклада комиссіи, государь склонился къ мнѣнію Долгопрудна. Сохраняя выборъ ректора и проректора на основаннн 1835 года, повелѣнно «данную въ 1851 году ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ полный смыслъ 11-го пункта, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструкціи». «Всѣ вышеприведенныя мѣры приводить въ исполненнн постепенно и по мѣрѣ возможности»¹⁾.

Внимательно разсматривая правила 18-го мая, мы приходимъ къ выводу, что правила эти далеко не во всемъ противорѣчатъ взглядамъ и предположеніямъ Ковалевскаго, а потому неправильно связывать ихъ всецѣло съ именемъ его преемника. Напротивъ, нѣкоторые пункты представляютъ собою лишь утверженнн тѣхъ предположеній, которыя раньше существовали уже въ министерствѣ, являясь иногда результатомъ долгихъ подготовительныхъ работъ; таковы пункты 2-й, 8-й, 10-й и 15-й; пункты 11-й и 14-й (объ увеличеннн оклада профессорамъ) тоже, повидимому, нисколько не противорѣчили желаніямъ министра. Соображенія Ковалевскаго, высказанныя въ запискѣ его отъ 11-го мая, тоже приняты во вниманнн: такъ въ вопросѣ о вольнослушателяхъ мнѣніе комиссіи отвергнуто, редакція же пункта 9 (объ освобоженнн отъ платы) видоизмѣнена подъ вліяннемъ доводовъ Ковалевскаго. Предположенія комиссіи по пункту 1-му и 7-му—о реформѣ средняго образованія и о возстановленнн переводныхъ экзаменовъ на 1 и 2 курсахъ—также не осуществились, а переданы на обсужденнн подвѣдомственныхъ министру народнаго просвѣщенія учреждений.

¹⁾ Дѣло № 146163
3084.

Взглядамъ Ковалевскаго противорѣчатъ лишь четыре пункта правилъ 18-го мая. Пункты эти слѣдующіе: п. 4-й о точномъ посѣщеніи лекцій, 5-й—о строгомъ надзорѣ за студентами, 12-й—о сохраненіи 11 пункта инструкціи 1851 года и 13-й о сохраненіи правъ за окончившими университетъ. Кромѣ того, пунктъ 3-й, хотя и представляетъ собою лишь подтвержденіе существующихъ правилъ надзора за студентами, но самая необходимость такого подтвержденія свидѣтельствуетъ о томъ, что правила эти недостаточно строго соблюдались въ министерство Ковалевскаго, на что указываютъ и высочайшія помянутыя докладѣ комиссіи и замѣчанія комиссіи прища Ольденбургскаго.

Все это вынудило Ковалевскаго исторично и на этотъ разъ уже окончательно подать въ отставку. Легко замѣтить, что отвергнуты были именно тѣ мнѣнія Ковалевскаго, которыя связаны были съ идеей открытаго для всѣхъ университета, разсматриваемаго, какъ учрежденіе исключительно научное, а не воспитательное. Такимъ образомъ, въ отставку Ковалевскаго можно видѣть крушеніе попытки перенести на русскую почву французскій университетъ. Кромѣ того, университетскіе беспорядки обратили вниманіе на направленіе на духъ преподаванія и вызвали къ жизни забытую было съ конца 50-хъ годовъ инструкцію 1851 года о характерѣ преподаванія. Необходимость надзора за студентами и наблюденія за преподаваніемъ— вотъ что является главной причиной изданія правилъ 18-го мая.

Съ другой стороны, не всѣ предположенія комиссіи удостоились высочайшаго утвержденія. Отвергнутъ былъ пунктъ объ устраненіи вольнослушателей, и значительному измѣненію подвергся проектъ статьи объ освобожденіи отъ платы. Это, быть можетъ, и вызвало слухи о «провалѣ» Строгановскаго проекта. Строгановъ послѣ засѣданія 13-го апрѣля былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ министерствѣ; его называли кандидатомъ на постъ министра. Теперь о Строгановѣ уже не говорятъ. Еще до засѣданія 18-го мая молва начинаетъ называть новаго преемника Ковалевскому. Это—графъ Евѣмій Васильевичъ Путятинъ.

«Умный, образованный, положительный, практическій, твердый и въ полномъ значеніи слова христіанинъ», писалъ про него графъ А. П. Толстой. «Неодаренный отъ природы блестящими способностями, онъ былъ закаленнымъ слугою долга»,—пишетъ о Базаровѣ Какъ морякъ, онъ извѣстенъ былъ своей неумолимой строгостью, доходившей даже до жестокости, хотя жестокимъ по природѣ онъ не былъ. «Какъ семьянинъ, онъ былъ любящимъ отцомъ, какъ христіанинъ—самый смиренный исполнитель предписаній церкви». До назначенія министромъ Путятинъ находился въ Лондонѣ, въ качествѣ повѣреннаго по дѣламъ морского вѣдомства. Женатый на англичанкѣ, онъ многому симпатизировалъ въ англійскихъ учрежденіяхъ, но не либеральнымъ законамъ, а той строгой и даже

суровой дисциплинѣ, которая царила въ англійскомъ стрѣ; онъ сочувствовалъ замкнутости и дисциплинѣ англійскихъ университетовъ и въ послѣдствіи своего сына помѣстилъ въ Оксфордскій университетъ¹⁾. Когда оставлена была мысль объ устройствѣ нашихъ университетовъ по образцу французскихъ или германскихъ, выдвинулся Путятинъ, какъ сторонникъ англійскихъ университетовъ съ ихъ строгой дисциплиной и нравственной опекой надъ учащимися.

Уже 10-го мая Мухановъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что Путятину предлагаютъ министерство, но онъ еще не принимаетъ²⁾. Корреспондентъ «Indépendance Belge» заканчиваетъ свою корреспонденцію припиской: «Только что узналъ радостную вѣсть объ открытіи университета въ Вильнѣ и печальную объ отставкѣ Ковалевского; преемникомъ называютъ Путятина (15-го мая)». Уже на слѣдующій день онъ пишетъ, что въ Путятинѣ видятъ представителя реакціи, особенно студенты. Нѣсколько дней спустя, онъ говоритъ объ этомъ назначеніи, какъ о совершившемся фактѣ, но 27-го мая сообщаетъ слухъ, будто Путятинъ отказался отъ министерства. 1-го іюня онъ пишетъ, что слухъ объ отказѣ Путятина не оправдался. Получивъ благословеніе отъ московскаго митрополита Филарета, онъ отправился въ Англію за своимъ семействомъ³⁾.

Ковалевскій нѣкоторое время послѣ засѣданія 18-го мая еще оставался во главѣ министерства. 27-го мая мы встрѣчаемъ еще его подпись въ дѣлахъ архива. Но циркуляръ 31-го мая, сообщавшій повенчательнымъ учебнымъ округамъ утвержденныя 18-го мая правила, подписанъ уже товарищемъ министра, Мухановымъ. Въ дѣлѣ № 158792, карт. 4034, упоминается о томъ, что Ковалевскій въ концѣ мая выѣхалъ за границу.

28-го іюня послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи Ковалевского по разстроеному здоровью отъ должности министра и о назначеніи графа Е. В. Путятина. Е. П. Ковалевскому при рескриптѣ пожалованъ орденъ св. Владимира 1-й степени⁴⁾.

Н. Родзевичъ.

¹⁾ Дневникъ Муханова, «Русскій Архивъ», 1897, I, стр. 48.

²⁾ Барсуковъ, т. XVIII, стр. 233—234.

³⁾ «Indépendance Belge», 1861 г., №№ 153, 163, 165 и 171.

⁴⁾ «Сенатскія Вѣдомости», 1861 г., № 60.

Заканчивая свой трудъ, авторъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность ректору императорскаго Новороссійскаго университета, профессору Алексію Николаевичу Деревницкому, и профессору того же университета Николаю Николаевичу Ланге за любезное содѣйствіе въ ходатайствѣ о разрѣшеніи заниматься въ архивѣ, а также г. завѣдующему архивомъ Николаю Платоновичу Барсукову и помощнику его Александру Сергѣевичу Раевскому за внимательное и участливое отношеніе и предоставленіе всѣхъ необходимыхъ свидѣній и документовъ.

100
И въ
1879
годъ
..

КАКЪ Я ПОПАЛЪ ВЪ АНАРХИСТЫ.

(Истинное происшествіе).

КОЛО крупныхъ историческихъ событій ютятся тысячи мелкихъ эпизодовъ, вытекающихъ именно изъ этихъ событій. Нѣкоторые изъ такихъ эпизодовъ довольно забавны и интересны. Въ такомъ родѣ рассказы какъ-то пришлось мнѣ прочесть о ловлѣ Кошута. Нѣчто подобное и также на исторической подкладкѣ случилось со мною. Случилось же это около 25 лѣтъ назадъ. Изложеніе подобныхъ эпизодовъ, хотя бы и не лишенныхъ интереса, строго говоря, не можетъ относиться къ произведеніямъ беллетристики. Но такъ какъ эпизодъ, служащій предметомъ настоящаго разсказа, относится къ эпохѣ царствованія императора Александра II и соприкасается съ однимъ изъ покушеній на жизнь незабвеннаго Царя-Освободителя, то, казалось бы, разсказъ этотъ могъ бы найти себѣ мѣсто на страницахъ книгъ, служащихъ историческимъ матеріаломъ.

Въ 1879 году я служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ м. Дашевъ¹⁾ Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи. Довольно серьезная болѣзнь заставила меня осенью отправиться въ Петербургъ, гдѣ я пользовался лѣченіемъ профессора медицинской академіи, А. Θ. Пруссака,

¹⁾ М. Дашевъ принадлежитъ урожденной Потоцкой, княгинѣ М. В. Святополькъ-Четвертинской. «Підъ Дашовьямъ», какъ поется въ украинской пѣснѣ, была битва поляковъ съ русскими.

и проживалъ вмѣстѣ съ братомъ, бывшимъ тогда студентомъ названной академіи, въ меблированныхъ комнатахъ на Шпалерной. Въ ноябрѣ, возвращаясь изъ Петербурга, я заѣхалъ на родину въ г. Изжецкъ, откуда, взявъ съ собою сестру, отправился въ Москву, гдѣ имѣлъ надобность пробыть нѣсколько дней. Заѣхавъ на нѣсколько часовъ въ Тверь, въ Москву мы пріѣхали съ утреннимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги въ тотъ самый день, когда въ Москвѣ, на Московско-Курской линіи была взорвана часть желѣзнодорожнаго пути Гартманомъ. О событіи этомъ мнѣ еще не было извѣстно. Сестру мнѣ надлежало доставить къ родственнику, В. И. Сомовичу (уже умершему), служившему помощникомъ смотрителя Измайловской военной богадѣльни, я же располагалъ остановиться у своего давняго пріятеля, въ то время достаточно въ Москвѣ извѣстнаго, доктора Н. П. Домашнева¹⁾. Морозъ тогда былъ жестокій. Прямо съ вокзала мы заѣхали къ Домашневу, жившему по Улановскому переулку въ домѣ Орлова. Обогрѣлись; чайку попили; я оставилъ у Домашнева свои вещи и поѣхалъ на извозчикѣ провожать сестру въ Измайлово. Замѣчу, что, уѣзжая изъ Дашева, я не предполагалъ задержки возвращеніемъ и не запасся шубой, а имѣлъ при себѣ осеннее пальто и крестьянскаго сукна бурку, употребляемую при развѣздахъ на слѣдствіи. Отъ квартиры Домашнеева до Измайлова надо было ѣхать верстъ пять-шесть. Сильная стужа заставила меня надѣть сверхъ пальто и бурку, баплькъ которой закрывалъ мнѣ лицо, оставляя наружу кончикъ носа да часть бороды. На саняхъ находился небольшой чемоданчикъ сестры. Въ Измайловѣ я пробылъ до наступленія темноты и возвратился на лошадахъ, находившихся въ распоряженіи служащихъ въ богадѣльнѣ; извозчика же, съ которымъ пріѣхалъ въ Измайлово, я отпустилъ немедленно по пріѣздѣ. Отмѣчаю эти мелочи потому, что онѣ имѣютъ значеніе въ этой исторіи. У воротъ около квартиры Домашнева, при свѣтѣ уличнаго фонаря, я замѣтилъ нѣсколько полицейскихъ служителей. Обстоятельству этому я не придавалъ никакого значенія, такъ какъ, долго живши въ Москвѣ, зналъ, что событія, вызывающія появленіе полиціи, — явленія въ Москвѣ не рѣдкія и заурядныя. И такъ какъ въ томъ домѣ были еще другіе жильцы, то мнѣ не пришло на мысль относить появленіе полиціи не только ради меня, но и ради Домашнева. Не скажу, чтобы съ безпокойствомъ, но съ изумленіемъ отнесся я къ тому, что на звонокъ мой дверь квартиры Домашнева отперъ также полицейскій. Живо промелькнуло соображеніе о возможности какого либо происшествія именно у Домашнева, и я подумалъ, что въ качествѣ юриста могу принести ему пользу. Соображеніе это, однако,

¹⁾ Въ 1885 г. Домашневъ имѣлъ несчастіе потерять зрѣніе и въ настоящее время проживаетъ въ г. Костромѣ.

не помѣшало мнѣ замѣтить, съ какимъ проворствомъ полицейскимъ, по входѣ моемъ, была захлопнута дверь и заперта на ключъ и крючекъ. Обратившись къ служителямъ порядка съ вопросомъ, что такое здѣсь творится,—я отъ одного изъ нихъ получилъ въ отвѣтъ: «не можемъ знать», между тѣмъ какъ другой мрачно насупилъ брови и отвѣчалъ лишь суровымъ молчаніемъ. Поднимаюсь по лѣстницѣ, вхожу въ переднюю—тамъ оиять полицейскіе служители. Черезъ раскрытыя двери вижу въ залѣ полицейскихъ офицеровъ и Домашнева, замѣтно поблѣднѣвшаго. Тороплюсь освободиться отъ дорожнаго одѣвнiя, при чемъ въ залѣ царитъ гробовое молчаніе, и вижу, что взоры всѣхъ устремлены на меня. Во мнѣ шевельнулось что-то похожее на безпокойство, тѣмъ не менѣе вхожу въ залъ спокойно и обращаюсь къ Домашневу:

— Что за исторiя у васъ, Колечка, тутъ происходитъ?

Домашневъ бормочетъ что-то непонятное. Память измѣняетъ: кто и сколько было полицейскихъ офицеровъ, но кажется, что не менѣе трехъ, и при томъ разныхъ служебныхъ ранговъ. Одинъ изъ нихъ немедленно сталъ меня вопрошать:

— Кто вы такой?

Называю себя полностью: съ именемъ, отчествомъ, фамиліею и должностію.

— Вашъ документъ?

Вручаю билетъ объ отпускѣ кiевской соединенной палаты; срокъ отпуска нѣсколько дней просроченъ. Слышу замѣчаніе:

— Билетъ просроченъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчаю я.

Вопросы продолжаютъ:

— Откуда прибыли?

— Не вполне понимаю, о чемъ собственно спрашиваете: откуда я прибылъ въ квартиру Домашнева, или въ Москву, или гдѣ я вообще до прибытія въ Москву находился?

— Потрудитесь объяснить все это.

— Но вѣдь это является уже допросомъ; позвольте же узнать, по какому поводу допрашиваете меня?

Полицейскій офицеръ пошевелилъ усами и послѣ мгновенной паузы проговорилъ:

— Узнаете послѣ, а теперь необходимо отвѣчать.

— Ну, а если при такихъ условiяхъ я не пожелаю отвѣчать?

— Послѣдствiя вамъ же могутъ быть неприяты.

Я соображаю: если такъ настойчиво и при томъ подъ угрозой неприяности меня допрашиваютъ, значитъ, есть къ тому какой нибудь поводъ. И разныя предположенія замелькали въ головѣ. Могло такъ случиться, что въ компаніи студентовъ-медиковъ, съ которой приходилось сталкиваться, проживая съ братомъ на Шпалерной, открыто что нибудь, требующее разслѣдованiя, и я являюсь лицомъ

въ нѣкоторомъ родѣ прикосновеннымъ. Но въ такомъ случаѣ не-объяснимо: откуда полиціи могло быть извѣстно, какъ о моемъ при-бытіи въ Москву, такъ и о томъ, что я остановился у Домашнева. Допускалъ я возможность допроса меня по дѣламъ Домашнева. Хотя своего пріятеля я хорошо зналъ и былъ вполне убѣжденъ въ его не только легальномъ, но отчасти и консервативномъ образѣ мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ и то, что Домашневъ якшался и съ молодежью и людьми случайныхъ знакомствъ самыхъ равно-образныхъ профессій. Также я былъ достаточно освѣдомленъ о та-кихъ случаяхъ, гдѣ лицамъ, во всякихъ отношеніяхъ вполне благо-надежнымъ, приходилось попадать въ передѣлки изъ-за случайныхъ знакомствъ или изъ-за какой нибудь брошюры, всученной однимъ изъ «сихъ дѣлъ мастеровъ». Вотъ такую именно прикосновенность я и допускалъ возможною по отношенію къ Домашневу. При такомъ предположеніи любознательность полиціи, направленная къ вы-ясненію всѣхъ и каждаго, пребывающихъ въ квартирѣ Домашнева, становилась вполне понятной. Остановившись на этомъ предполо-женіи, я нашелъ, что лучше всего удовлетворить любознательность спрашивающаго, почему съ достаточными подробностями разска-залъ исторію своего путешествія.

Но, должно быть, сообщенныя мною подробности не удовлетво-рили вопрошателя, потому что посыпались вопросы дополнительные.

— Вы говорите, что прибыли изъ Твери; скажите: у кого въ Твери вы были?

— Вчера съ вечера до 12 часовъ ночи я находился у проку-рора тверского суда Е. Р. Р., отъ него заѣхалъ за сестрой къ теткѣ О. Е. К. и съ сестрою отправился на вокзалъ.

— У васъ есть карточка сестры?

— Есть.

— Попрошу васъ показать.

— Нахожу совершенно излишнимъ.

Полицейскій чиновникъ далъ мнѣ понять, что любознательность эта можетъ быть удовлетворена и помимо моего желанія, такъ какъ вещи мои находятся въ квартирѣ Домашнева, а слѣдовательно...

Съ другой же стороны онъ убѣждалъ меня, что предъявленіе карточки сестры избавитъ послѣднюю отъ непріятности. Оставалось предъявить карточку.

Затѣмъ чины полиціи собрались уходить, и старшій изъ нихъ сказалъ мнѣ (не припомню, распространялось ли это распоряженіе и на Домашнева):

— Вы потрудитесь не выходить изъ квартиры.

— То-есть какъ это—не выходить? Долго ли?—вскричалъ я.

— Ну, да, не отлучаться... можетъ быть, нѣсколько часовъ.

— Но позвольте! въ такомъ случаѣ, что же я арестованъ, что ли, по какому праву, по какому подозрѣнію?—запротестовалъ я.

— Уже какъ вамъ будетъ угодно, а отлучаться вамъ нельзя-съ, — отвѣтилъ полицейскій чиновникъ, быстро удаляясь съ большей частью свиты.

Въ квартирѣ Домашнева въ залѣ остался помощникъ квартальнаго надзирателя, а въ передней два или три полицейскихъ служителя.

Я безмолвно посмотрѣлъ на Домашнева, онъ тоже посмотрѣлъ на меня. Вышла въ нѣкоторомъ родѣ живая картина. Очнувшись, я обратился къ Домашневу.

— Да скажите же, Колечка, что сей сонъ означаетъ?

Домашневъ сокрушенно вздохнулъ и, разводя руками, проговорилъ:

— Ничего не знаю и не понимаю. Можетъ быть, вы что объясните?—добавилъ онъ, глядя на квартальнаго.

— Ровно ничего,—отвѣтилъ я и продолжалъ:—давно у васъ эти господа и по какому поводу?

Домашневъ хотѣлъ было рассказывать, но, порядочно назаябшись во время дороги изъ Измайлова и пообѣдавъ тамъ довольно рано, я хотѣлъ и чайкомъ погрѣться и перекусить, потому изъявилъ о своихъ желаніяхъ Домашневу. Подали самоваръ и графинчикъ. Мы перешли въ столовую. Квартальный обязательно послѣдовалъ за нами.

Домашневъ началъ рассказывать.

— Сижу я, обѣдаю часу въ 4-мъ. Вдругъ являються они. Вопросы: кто такой къ вамъ пріѣхалъ? Докладываю. Съ кѣмъ? куда поѣхалъ? Объясняю. Видно, что не повѣрили; стали смотрѣть; побывали во всѣхъ комнатахъ; даже къ Марьѣ Ивановнѣ (ключница) заглянули. Мало того: и подъ кроватью и въ шкафу поглядѣли. Наконецъ, спрашиваю и я: какое вы зло сотворилъ? Любопытство мое осталось безъ удовлетворенія. Спросили, нѣтъ ли вашей карточки; я показавъ въ альбомѣ нѣсколько вашихъ карточекъ. Внимательно и прилежно посмотрѣли, переглянулись и головами покачали. Тамъ вотъ съ того времени мы и занимались понсками васъ подъ кроватью да бесѣдами о вашихъ добродѣтеляхъ. Затѣмъ я говорю: теперь онъ скоро долженъ пріѣхать. Они опять между собою переглянулись, и одинъ изъ нихъ иронически произнесъ: какъ же! дождайтесь—пріѣдетъ! И почти вслѣдъ за тѣмъ раздался звонокъ, возвѣстившій о вашемъ появленіи. Ужъ не изъ-за брата ли попали вы въ подозрѣніе?—закончилъ вопросилъ Домашневъ.

Я сказалъ ему, что и мнѣ приходило въ голову это соображеніе, но, во-первыхъ, мнѣ ровно ничего неизвѣстно ни о какихъ предосудительныхъ поступкахъ брата, и мнѣ положительно извѣстна благонамѣренность его образа мыслей, а, во-вторыхъ, что при такомъ предположеніи трудно объяснить, какъ полиція могла узнать не только

о пребываніи моемъ у Домашнева, но и о самомъ прибытіи въ Москву. И мы, строя десятки разныхъ предположеній, пробовали обращаться за разъясненіями къ квартальному, но послѣдній или молча пожималъ плечами, или отдѣлывался односложными отвѣтами: «не знаю-съ, неизвѣстно». Посидѣли такъ съ часъ, съ полтора часа. Пребываніе, хотя и въ домѣ пріятели, но при условіи вынужденнаго лишенія свободы, начинало становиться тягостнымъ. Положимъ, я въ точности зналъ, что «никояе же вины» за мною нѣтъ; но въ то же время отлично понималъ, что и полиція безъ всякаго повода и основанія не рѣшилась бы, хотя и въ столь смягченной формѣ, прибѣгать къ лишенію свободы чиновника, достаточно замѣтнаго по должности, и при томъ условіи, что личность моя въ Москвѣ могла быть удостовѣрена всѣмъ судомъ (при коемъ я такъ недавно состоялъ кандидатомъ на судебныя должности). Кромѣ того, довольно долго завѣдуя однимъ изъ столичныхъ слѣдственныхъ участковъ, я входилъ въ личныя сношенія со многими изъ чиновъ московской полиціи. Слѣдовательно, у полиціи имѣлся свой резонъ. Но какой, и почему изъ него тайну дѣлаютъ? Эти вопросы начинали меня волновать и беспокоить. Все это и главнымъ образомъ удручающее сознаніе, что далѣе этой квартиры никуда мнѣ итти нельзя, и неизвѣстно, долго ли это нельзя будетъ продолжаться,—подняло во мнѣ желчь и вселило злую мысль хоть чѣмъ нибудь выместить свое зло на квартальномъ, или представителѣ той полиціи, которая поставила меня въ столь неспосное положеніе.

— Не выпьете ли, поручикъ, водочки?—предложилъ я квартальному.

Тотъ отказался.

— Э! полноте, батенька, вѣдь я еще никуда не сосланъ. Отчего же не выпить со мною? Вѣдь вы пьете, по глазамъ вижу.

Поручикъ вторично отказался и даже отвелъ глаза отъ налитой мною и предупредительно подвинутой къ нему рюмки.

«Ну, погоди же, голубчикъ, дождь таки я тебя»,—подумалъ я.

— Послушайте, поручикъ, навѣрно, вы женаты, ну, и дѣтишки, конечно. И въ квартальные хочется. Ну, я добрый человекъ; помогу вамъ отличиться. Пусть не наибольшимъ вашимъ, а вамъ достанется честь, что словили меня. Берите же бумагу, пишите мое сознаніе: я бѣглый изъ Сибири...

Поручикъ даже съ мѣста сорвался и сдѣлалъ жестъ, якобы нѣчто уловляющій. Домашневъ же живо прервалъ меня.

— Не слушайте его: вретъ все.

— Полно, Колечка,—остановилъ я его.—Погоуляли, и будетъ. Пора и честь знать. Ну-съ, такъ вотъ, поручикъ, былъ я, знаете, по тому процессу 1872—1873 гг. сосланъ въ сибирскія самыя дальнія мѣста. И, конечно, мнѣ тамъ не понравилось. Бѣжалъ-съ, сударь мой.

Снабдилъ себя немалыми деньгами способомъ, неособенно одобряемымъ: убили мы купца, богатѣющаго. И паспортикъ себя сдѣлалъ; видъ не худо? приглядитесь-ка,—повернулъ я предъ нимъ свой отпускнуой билетъ.— А тамъ въ чемоданчикѣ и печати разныя найдутся. И все такъ хорошо пристроено было. Немножко бы, всего какихъ нибудь три, четыре дня,—и сдѣлался бы я Жанъ-Шарль-Мари-Эрнестомъ Гроссомъ, гражданиномъ города Цюриха... Кстати, поручикъ, я забылъ: какой губерніи городъ Цюрихъ?

— Да будетъ вамъ врать,—сталъ усовѣщивать меня Домашневъ:—что вы белены что ли объѣлись?

Сдавалось, что Домашневъ какъ будто струхнулъ. И же съ самымъ серьезнымъ видомъ увѣрялъ поручика, что, какъ ни вертись мой пріятель, все равно ужъ попался, не вывернешься.

Поручикъ совсѣмъ растерялся: не зналъ, вѣрить или не вѣрить. Но когда я всталъ и пошелъ въ другую комнату, поручикъ тѣню за мною послѣдовалъ.

— Напрасно вы, поручикъ, себя беспокоите,—сказалъ я ему.— Поглядите—рамы вездѣ двойныя; да и прыгать со второго этажа я не обученъ, а у дверей ваши же архангелы стоятъ.

Но доводами моими поручикъ видимо не убѣдился и, когда я вышелъ въ переднюю, дѣлая видъ, что отыскиваю нѣчто въ карманахъ пальто, поручикъ моментально очутился у входной двери и внушительно прошепталъ что-то полицейскимъ служителямъ, которые наершились и стали въ такую позицію и съ такимъ видомъ, что не оставалось сомнѣнія въ предположеніи съ ихъ стороны или пошкоть мною револьвера или попытки выскочить за дверь. Однако ни револьвера я не вынулъ, ни попытки къ побѣгу не сдѣлалъ, а спокойно повернулъ въ залъ. Охранители мои оттаяли.

Продолжать мистификацію надобно, и къ тому же состояніе духа становилось все напряженнѣе и тягостнѣе. Разговоры не клеились, для чтенія не было охоты, и пребывали мы въ угрюмомъ молчаніи, то шагая по комнатѣ, то сяди неподвижно и уставившись въ одну точку глазами. Такъ прошло еще часа полтора. Наконецъ, послышался звонокъ, топотъ многихъ ногъ по лѣстницѣ, и въ переднюю разомъ вошла порядочная кучка людей опять таки съ полицейскими офицерами. Жду, что дальше будетъ. Въ дверяхъ зала появляется и останавливается у порога фигура рослаго, здороваго челоуѣка, рыжеватаго, бородатаго, толстолицаго и одѣтаго по-мѣщански въ чуйку. Полицейскій офицеръ что-то пошепталъ фигурѣ, и этотъ громадный челоуѣкъ, вынувъ на меня глаза, сталъ пристально и упорно меня осматривать съ головы до ногъ. Не понять этой штуки было нельзя: ясно, что меня предъявляютъ этому солидному мужчинѣ. Признаюсь: тутъ уже и я сгрухнулъ. Положимъ, что никакихъ, требующихъ возмездій и карательныхъ мѣръ, проступковъ я за собой не чувствовалъ, ну... а вдругъ этотъ солидный

мужчина или не опохмелился послѣ утренняго, или самъ поставленъ въ такое положеніе, что ему выгодно указать на другого, вдругъ возьметъ да и выпалитъ: «они самыя-съ»... и даже не видѣ точнога утвержденія, а, напримѣръ, въ такомъ родѣ: «есть сходство; кажется, какъ будто они-съ». Послѣдствія такихъ рѣчей для меня были очевидны: подневольное пребываніе въ квартирѣ Домашнева моментально замѣнилось бы подневольнымъ пребываніемъ въ какой нибудь казенной квартирѣ. Конечно, завелась бы переписка, и, разумѣется, было бы доказано, что я—не они. Но пока надлежащія лица вполне удостовѣрили бы, что я самъ по себѣ, а они сами по себѣ, мнѣ пришлось бы на своей шкурѣ извѣдать правду народной пословицы, совѣтующей не заручаться отъ тюрьмы (и отъ сумы), и Богъ вѣсть, сколько понадобится времени для установленія, что я есть только я и никто больше. И въ то же время полная неизвѣстность, за кого меня принимаютъ, и что эти проклятые они натворили. Соображенія эти быстро и отчетливо пронеслись у меня въ головѣ. Я подумалъ, что какъ по идѣ предъявленія, такъ и для моей же пользы нужно предъявить свой голосъ, и, обращаясь къ обзирающему меня, сказалъ:

— Ну, что, почтенный, можетъ быть, гдѣ нибудь мы встрѣчались?

«Почтенный» отвѣтомъ меня не удостоилъ, но продолжалъ по фигурѣ моей водить такими взорами, какъ будто хотѣлъ разсмотрѣть меня не только снаружи, но и внутри.

Наконецъ я обовлился навязанной мнѣ глупой ролью и вскричалъ:

— Долго ты, борода, будешь на меня буркулы пучить!

«Почтенный», онъ же «борода», оиать таки отвѣтомъ меня не почтилъ, но отступилъ въ глубину передней и тамъ сталъ шептать полицейскимъ офицерамъ. Затѣмъ, точно волшебная сцена въ балетѣ, моментально всѣ бывшія въ квартирѣ Домашнева постороннія лица исчезаютъ. Остается одинъ полицейскій офицеръ, который съ приятной улыбкой сообщаетъ мнѣ, что недоразумѣніе разъяслось, и что я вполне могу располагать своею свободою. И, любезно расшаркиваясь, полицейскій офицеръ отретировался къ передней. Но краткость такая мнѣ не понравилась, и я полагалъ, что имѣю право на сообщеніе болѣе точное и обстоятельное.

— Позвольте, однако, г. офицеръ; вѣдь въ сущности я былъ арестованъ. Но какому же поводу?—спрашиваю я.

— Да, видите ли,—сталъ объяснять офицеръ,—тутъ у одного купца дочка съ однимъ господиномъ сбѣжала; купецъ и просилъ разыскать ее; ну, а вы съ молодой барышней ѣхали, и къ тому же за городъ; вотъ васъ и приняли за похитителя дѣвицы... Ха-ха-ха... Бываетъ-съ это. Мое почтеніе.

И прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить степень вѣроятности сказаннаго и предложить еще вопросъ, полицейскій офицеръ, еще разъ пріятно улыбувшись, исчезъ.

Итакъ, свобода была возвращена, но вечеръ все-таки испорченъ вполне и окончательно. Былъ уже одиннадцатый часъ; итти и къ знакомымъ, и въ театръ уже поздно. Между тѣмъ, словно какой зудъ, возникла потребность проявить свою свободу какимъ нибудь осязательнымъ образомъ. И хотя въ сущности ни пить, ни ѣсть намъ не хотѣлось, тѣмъ не менѣе, только изъ желанія убѣдить себя въ томъ, что вотъ де, куда захотѣли, туда и идемъ, мы пошли въ «Саратовъ»¹⁾, чтобы посидѣть «подъ машиной»²⁾. Распивая тамъ разную влагу, мы еще разъ и во всѣхъ подробностяхъ обсудили событіе, покалякали о своихъ частныхъ дѣлишкахъ и скоротали вечеръ.

На другой день ко мнѣ пріѣхали Сомовичи съ сестрой. Конечно, темою бесѣды по преимуществу служило вчерашнее событіе. Съ употребленіемъ приличныхъ случаю междометій, перебивая и дополняя одинъ другого, они повѣдали мнѣ, какъ часовъ въ 9, когда по благочестивому обычаю они уже укладывались спать, а сестра и заснула, наѣхала полиція, какъ они всѣ испугались, какъ и что полиція вопрошала. И, разумѣется, требовали отъ меня объясненія: зачѣмъ и почему? Я, съ своей стороны, сообщилъ все, что происходило въ квартирѣ Домашнева, въ томъ числѣ и объясненіе, данное полицейскимъ офицеромъ. Затѣмъ въ этотъ день мнѣ нужно было кой-кого посѣтить, кой-что купить, такъ что до самаго вечера день прошелъ быстро и незамѣтно; вечеромъ же мы съ Домашневымъ отправились на балъ въ Благородное собраніе. Есть доля правды въ мнѣніи о Москвѣ, какъ о большой деревнѣ. Въ собраніи одинъ изъ знакомыхъ спрашиваетъ меня:

— Правда ли, что вы были арестованы по политическому дѣлу? Вопросъ этотъ оглушилъ меня, какъ ударомъ обуха по лбу.

— Я? По политическому дѣлу? — наконецъ воскликнулъ я. — Да что вы, батенька, не выспались что ли?

И я рассказалъ вкратцѣ герою какой исторіи меня сдѣлали, съ полнымъ убѣжденіемъ утверждая, что ничего политическаго въ этой исторіи не было.

Вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе молвы объ арестованіи меня якобы по политическому дѣлу крайне меня огорчило и раздосадовало. Еще вчера же вечеромъ я имѣлъ мысль доискаться болѣе точныхъ объясненій случившейся исторіи и жаловаться за причи-

¹⁾ Трактиръ на Срѣтенскомъ бульварѣ.

²⁾ Органъ.

ненныя и ничѣмъ не вызванныя съ нашей стороны, мнѣ и сестрѣ, непріятности и мой арестъ. Послѣ же сдѣланнаго мнѣ аннонса имѣнились мысль перешла въ твердое и непоколебимое намѣреніе. Къ прежнимъ побужденіямъ присоединилось новое: я опасался, чтобы стоустая молва не искажала событія, и чтобы это искаженіе не отозвалось чѣмъ нибудь вреднымъ для меня по службѣ. Попски свои за объясненіями я началъ на слѣдующій же день. О злодѣйскомъ взрывѣ желѣзнодорожнаго пути я тогда уже зналъ, но мнѣ даже не могло прійти на мысль, хотя бы на мгновеніе, сопоставить въ какой либо логической зависимости мое приключеніе съ этимъ злодѣйствомъ.

Являюсь къ оберъ-полицеймейстеру, генералу Ковлову, объясняю ему.

— А! знаю, знаю...— прерываетъ меня и смѣется генералъ: — побезпокоили васъ, наугали.

— Но, генералъ, полагать слѣдуетъ, что нельзя же ни въ чемъ неповиннаго человѣка подвергать безпокойству, а тѣмъ болѣе аресту,— отвѣчаю я, недовольный столь легкимъ, какъ мнѣ казалось, отношеніемъ къ моему заявленію.

— Помилуйте, какой же арестъ? Вѣдь вы находились въ квартирѣ у своего пріятели.

-- Принудительное задержаніе даже въ собственной квартирѣ есть, хотя домашній, но все-таки арестъ. Вотъ именно на такой произвольный арестъ я и жалуюсь вашему превосходительству.

— Полноте, полноте, что вы!— замахалъ на меня руками генералъ.— Какія же жалобы? Вѣдь дѣло шло о священной особѣ государя императора.

Изумленію моему не было предѣла. Я сначала прямо онѣмѣлъ и, лишь придя немного въ себя, заговорилъ:

— Но... но... какое же отношеніе мое?.. Въ чемъ же я замѣшанъ?..

— Ни въ чемъ вы не замѣшаны, но ваши примѣты оказались сходными съ примѣтами злодѣя, сдѣлавшаго взрывъ желѣзнодорожнаго пути; вотъ васъ и приняли за него... конечно, пока не убѣдились въ вашей личности.

Я былъ настолько ошеломленъ, что потерялъ нить своихъ соображеній и поспѣшилъ откланяться и уйти.

Раздумывая о словахъ генерала, я натолкнулся на мысль зайти въ окружный судъ и съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ потолковать объ этой же исторіи. Зашелъ въ прокуратуру. Первымъ тамъ встрѣтилъ товарища прокурора, Николая Николаевича Войтенькова.

— Ха... ха... ха...— раскатился Николай Николаевичъ, только что завидѣвъ меня.

— Чего вамъ такъ весело?— спросилъ я его, здороваясь съ нимъ и другими присутствовавшими.

— Ха-ха-ха... Да какъ же не весело?—сквозь смѣхъ отвѣчалъ онъ.—Что, батенька, взрывами занимаетесь?

Я понялъ, что злключеніе мое и здѣсь исполнѣ известно.

— Но, ради Бога, разъясните же мнѣ, «откуда мнѣ сіе», — за-просилъ я.

— А вотъ вы фізіономію свою постарайтесь передѣлать на мнѣ подозрительную.

— Да вѣдь по теперешнимъ временамъ не отгадаешь, какой формы и величины носъ и какой масти волосы разсматриваются въ качествѣ благонадежныхъ,—отшутился и я.—Лучше вы мнѣ расскажите, какъ я во взрывщикѣ-то попалъ.

— Очень нехитрымъ путемъ,—сталъ объяснять Войтенковъ.—Надо вамъ сказать, что Срѣтенская часть находится въ моемъ прокурорскомъ участкѣ. Ну-съ, такъ вотъ экстреннымъ манеромъ является ко мнѣ частный приставъ и заявляетъ: напали на слѣдъ, разыскали личность этого самаго взрывщика. Кто жъ онъ такой? спрашиваю. Называетъ вашу фамилію. У насъ въ судѣ, говорю, такой кандидатомъ служилъ и съ годъ назадъ назначенъ на югъ слѣдователемъ. «Такъ, такъ,—радостно подтверждаетъ приставъ:—онъ и есть, слѣдователь». Хорошо, говорю, а какъ же его изловили?..

— Позвольте, Николай Николаевичъ,—прерываю я его.—Отчего же вы не вступились за меня, не объяснили, что я такими дѣлами не занимаюсь?

— Ну, а Господь васъ, батенька, знаетъ; а вдругъ вамъ вмѣсто слѣдовательства-то вздумалось въ минные саперы зачислиться?.. Всяко бываетъ.

— Да будетъ же вамъ стыдно за такія мысли; ну, а дальше-то что?

— Дальше... Приставъ и разъяснилъ, что послѣ взрыва сейчасъ же дознали примѣты того дома обитателя, и примѣты эти были объявлены всѣмъ городовымъ для задержанія сихъ примѣтъ обладателя. Ёдете вы за городъ, а у заставы смотреть на васъ городской. И примѣты-то ваши показались ему искомыми, и одежда-то на васъ какая-то не надлежащая, да и подозрительно, что вы изъ города утекаете. Городовой сообразилъ, да и замѣтилъ номеръ извозчика, а объ открытіяхъ своихъ донесъ по начальству. Ну, а затѣмъ выждали возвращенія извозчика, задержали его и велѣли указать тотъ домъ, откуда онъ взялъ такого сѣдока. А въ домѣ, конечно, узнали, кто вы, и прочее, и прочее...

— Такъ, значить, и неприятности, мною понесенныя, и хлопоты, разнымъ начальствамъ доставленныя, вытекаютъ изъ прозорливости городского,—резюмировалъ я сдѣланное мнѣ сообщеніе.

Но, доискавшись до «начала всѣхъ началъ»—городового, я все-таки не рѣшилъ тѣмъ вопроса: искать ли мнѣ за напрасную обиду

и предпринимать ли какія либо мѣры для застрахованія себя отъ вредныхъ послѣдствій молвы?

Такъ какъ въ судѣ не было недостатка ни въ разумныхъ, ни добрыхъ людяхъ, то, поговоривъ съ однимъ, третьимъ, пятымъ, я получилъ совершенно однородные совѣты: отправиться къ прокурору судебной палаты и, рассказавъ ему событіе, поступить по его указанію.

Такъ я и сдѣлалъ. Явился къ бывшему тогда прокуроромъ Московской судебной палаты графу П. А. Капнисту. И только что, отрекомендовавшись, я приступилъ было къ изложенію предмета, какъ графъ прервалъ меня словами:

— Знаю, знаю.

Затѣмъ графъ выразилъ мнѣніе, что никакой жалобы подавать не слѣдуетъ, и что происшествіе это вреда мнѣ не принесетъ.

Черезъ нѣсколько дней, уѣзжая изъ Москвы, на Курскомъ вокзалѣ я увидѣлъ прохаживающагося по платформѣ довольно плотнаго господина, одѣтаго въ полушубокъ и барашковую шапку. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ, но разглядѣть его я не успѣлъ, такъ какъ человекъ этотъ, умышленно или случайно, поравнявшись со мною, круто повернулся. Это меня тѣмъ болѣе заинтересовало. И я, слѣдя за нимъ, выбралъ такое положеніе, при которомъ намъ нужно было неминуемо встрѣтиться. Взглядѣвшись же въ него, я живо вспомнилъ и обстановку, при которой его встрѣчалъ, и его имя: я узналъ въ немъ С. Θ. З., чиновника московской полиціи, довольно искуснаго и извѣстнаго по сыскной части. Когда мы столкнулись, то З., понявъ, что я узналъ его, заговорилъ здороваясь:

— Узнали, вижу, что узнали.

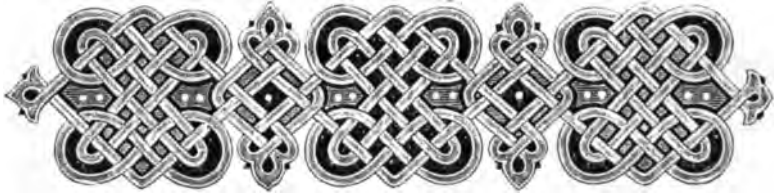
— Чего вы такъ нарядились?—вопросилъ я:—ловить кого?

— Его самого,—отвѣтилъ З. и добавилъ:—а вѣдь вы похожи на него, ей-Богу, очень похожи.

Мнѣ оставалось только отплюнуться отъ такого сопряженнаго съ неудобствами сходства.

Н. В. Тяжеловъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I).

I.

Княжескій поединокъ.

I.

В АГЕРНАЯ жизнь успѣла уже надоѣсть всѣмъ офицерамъ, и близость стоянки къ Петербургу не могла искупить тоски, которая чувствовалась все больше и больше съ каждымъ днемъ. А июнь мѣсяць былъ, какъ нарочно, дождливъ и холодень...

И чѣмъ сильнѣе чувствовалась тоска, чѣмъ сѣрѣе становилось мутное небо, завѣшенное свинцовыми тучами, тѣмъ чаще собирались офицеры, чтобы за картами и попойками забыться отъ непріятнаго и непривычнаго чувства.

Гусары-солдаты тоже тосковали, и лагерь казался мертвою пустынею среди зелени, не успѣвшей пожелтѣть, среди поднимающихся всходовъ полей...

Но вотъ наконецъ выдался теплый, ясный день. Лагерь словно проснулся и заговорилъ тысячами молодыхъ, свѣжихъ голосовъ. Понеслась пѣсня, слышался долго скрывавшійся смѣхъ, повеселѣли лица, словно улыбаясь безоблачнымъ небесамъ...

Князь Долгоруковъ рано утромъ вышелъ на воздухъ, вздохнулъ полною грудью благоухающую свѣжесть травы и лѣса и возбужденно крикнулъ, обернувшись къ палаткамъ:

— Гусарь! Васька! Пистолеты и бутылки! Тащи живѣе... Я въ поле пойду, догоняй!..

Откуда-то донеслось тоже возбужденное и веселое «слушаюсь», и вслѣдъ затѣмъ за палатками мелькнуло молодое, улыбающееся лицо красиваго гусара.

Гусарь съ большимъ мѣшкомъ на плечахъ легко побѣжалъ за княземъ, который съ палкою въ рукахъ шелъ не торопясь по дорогѣ къ полю.

— Сколько бутылокъ взялъ? — спросилъ князь гусара, когда тотъ догналъ его.

— Всѣ взялъ, — отвѣтилъ гусарь. — Не стрѣляли давно. Накопилось много. Почитай, мѣсяць цѣльный не упражнялись. У меня въ углу еще много ихъ осталось... чужихъ...

Князь уже завернулъ было на боковую дорогу, ведущую къ лѣсу, какъ вдругъ услышалъ сзади чей-то голосъ, который звалъ его...

— Князь, князь! Нельзя же такъ быстро бѣгать. Я измучился. Васъ догнать нельзя!..

Долгоруковъ остановился. Тучный полковникъ Герсдорфъ, пыхтя и отдуваясь, весь красный и потный, побѣжалъ къ князю и съ жаромъ пожалъ ему руку.

— Сколько вамъ лѣтъ, князь? — сказалъ онъ, едва переводя духъ. — Вы бѣгаете удивительно, мнѣ не угнаться за вами. Здравствуйте. Прихожу сейчасъ къ вамъ, а мнѣ докладываютъ, что вы только что ушли. Я понялъ сразу, что вы пошли подвергать разстрѣлянію пустыя бутылки, и помчался за вами. Но васъ развѣ можно догнать? Серна — и все тутъ!..

— Что случилось, полковникъ? — спросилъ Долгоруковъ, улыбаясь и пожимая руку офицера.

— Ровно ничего, — отвѣтилъ Герсдорфъ, — и ничего не могло случиться. Я бѣжалъ за вами, какъ сумасшедшій, и насилу могъ догнать. Ничего не случилось, но я рѣшилъ... Знаете, иногда приходятъ такія внезапныя рѣшенія... Я рѣшилъ по случаю хорошей погоды пообѣдать сегодня хорошенько, съ шампанскимъ, съ новыми бутылками, которыя потомъ будутъ отданы вамъ на разстрѣляніе. Вы ничего не имѣете противъ? а?

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, полковникъ! — отвѣтилъ князь.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. У меня соберутся лучшіе мои друзья: вы, князь Янвиль, Голицынъ, Высоцкій, Полторацкій и многіе другіе. Итакъ, вы пожалуете ко мнѣ часа въ три?

— Непремѣнно. Благодарю васъ! — поклонился Долгоруковъ. — Въ три часа буду у васъ!..

— Отлично. А теперь побѣгу къ другимъ. Желаю вамъ не давать промаховъ! — скороговоркой произнесъ Герсдорфъ и мелкими шажками побѣжалъ обратно.

Долгоруковъ продолжалъ свой путь... Солнце стояло уже высоко надъ лѣсомъ.

II.

Обѣдъ, о которомъ говорилъ Герсдорфъ, долженъ былъ происходить въ баракѣ ротмистра Ломоносова, гдѣ къ тремъ часамъ дня уже собрались офицеры. Не хватало только одного князи Яшвиля, а потому и не сѣдлись за столъ.

Но вотъ отворилась дверь, и общее восклицаніе: «а-а!» встрѣтило Яшвиля.

— Я, господа, нѣсколько запоздалъ!—проговорилъ онъ, здороваясь съ товарищами.—Но у меня на это есть большое извиненіе. Я вамъ расскажу кое-что, и вы меня простите!..

— У васъ что нибудь новое, интересное, изъ какой области?—спросили его.

— Изъ области хореографическаго искусства. — отвѣтилъ Яшвиль.—Случай замѣчательный!..

— Мы слушаемъ, слушаемъ. Вашъ случай, вѣроятно, не помѣшаетъ намъ пить?

— Нисколько, онъ даже будетъ содѣйствовать,—сказалъ Яшвиль, усаживаясь за столъ.

Офицеры приступили къ закускѣ, и Яшвиль съ тарелкой въ рукахъ сталъ рассказывать.

— Дѣло началось еще въ началѣ прошлаго сезона. У одного изъ петербургскихъ джентльменовъ, возрастомъ стараго, средстами обогащеннаго, томила въ неволѣ молодая и прехорошенькая танцовщица. Благодаря тому, что она всегда танцевала у воды, ее замѣчали немногіе, и только одинъ джентльменъ имѣлъ на нее права. Въ одинъ прекрасный вечеръ я усмотрѣлъ ее у самой театральной водниці и тотчасъ же воспламенился, какъ только можетъ воспламениться мужчина моего 27-ми-лѣтняго возраста...

Яшвиль поперхнулся и закашлялся. Это вызвало общій смѣхъ и остроты.

— Да, я воспламенился. Сталъ подавать ей видъ, заходить во время антрактовъ за кулисы, ожидать ее на крыльцѣ при выходѣ. Но она оставалась вѣрна ему, джентльмену... Такимъ образомъ я промучился съ ней мѣсяца два, а потомъ плюнулъ и пересталъ обращать на нее вниманіе. Однако меня волновало и злило ея отношеніе ко мнѣ и эта глупая, необъяснимая вѣрность старичку. Иногда, нѣтъ-нѣтъ, я заходилъ за кулисы, искалъ встрѣчь съ нею. Но она была неуязвима. Я разсердился окончательно, и мы выступили сюда, въ лагерь. Я сталъ уже забывать о ней, какъ вдругъ...

Яшвиль замолчалъ и обвелъ присутствующихъ взглядомъ, слѣди за впечатлѣніемъ.

— Ахъ, князь, пожалуйста, договаривайте, что такое вдругъ,—вскрикнулъ Герсдорфъ.

— Вчера я побѣхалъ въ Петербургъ, а сегодня отъ меня уѣзжала домой моя хорошенькая водяная танцовщица и общалась прѣхать на этой недѣлѣ еще разъ...

Герсдорфъ фыркнулъ и залился громкимъ смѣхомъ, махая на Яшвиля руками.

— Какъ же это вы сумѣли устроить?—проговорилъ онъ, задыхаясь отъ смѣха.

— Очень просто,—отвѣтилъ Яшвиль.—Случайная встрѣча съ нею въ Петербургѣ, отсутствіе джентльмена, моя наружность и всѣ прочіе атрибуты, столь любезныя для моей танцовщицы. Она у меня провела нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ мы оба или обѣ, — не знаю, какого мы рода, когда бываемъ вдвоемъ,—предавались истиннымъ наслажденіямъ. Она общалась побывать у меня еще нѣсколько разъ, тѣмъ болѣе, что ей вполне понятна наша лагерная скука и отсутствіе женщинъ...

— Вы—удивительный человѣкъ!—воскликнулъ Герсдорфъ.—Я увѣренъ, что мнѣ не удалась бы такая легкая и блестящая побѣда. Вы удивительно умѣете одерживать побѣды...

— А, по моему мнѣнію, здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго!—замѣтилъ князь Долгоруковъ, который во время разсказа Яшвиля сумрачно молчалъ и глядѣлъ въ тарелку.

— Однако, вы, князь, что-то не рассказываете о своихъ побѣдахъ!—разсмѣялся Герсдорфъ.

— Мнѣ этимъ некогда заниматься, — отвѣтилъ онъ сухо.—Я люблю театръ, но не танцовщицъ, съ которыми я избѣгаю всякихъ встрѣчъ... И мнѣ кажется немножко смѣшинымъ, когда мнѣ разсказываютъ о подобныхъ побѣдахъ. Едва ли эти побѣды могутъ доставить человѣку много чести или уваженія. Я держусь нѣсколько иного воззрѣнія на нихъ...

— Зачѣмъ такая строгость?—поморщился Герсдорфъ.—Офицеръ, молодой, красивый, ловкій ничѣмъ другимъ не можетъ и заниматься. Не правда ли, господа? Вы согласны со мной?

— Сегодня его сіятельство не въ духѣ, — улыбнулся Яшвиль, показывая на Долгорукова.—Однако, не дальше, какъ въ началѣ апрѣля онъ велъ одно очень интересное знакомство съ представительницею театральнаго искусства и на каждомъ представленіи балета сидѣлъ въ первомъ ряду, а изъ театра уѣзжалъ вдвоемъ. Князь, не забылъ?

— Можетъ быть, все это и было, — лѣниво отвѣтилъ Долгоруковъ, — я не отрицаю. Но согласенъ, что можно мнѣ, то смѣшно видѣть въ тебѣ. Ты не будешь спорить?

— Я тебя не понимаю! — сухо проговорилъ Яшвиль и взглянулъ на Долгорукова.

— Мнѣ кажется, что моя мысль не требуетъ объясненія. Она очень ясна!..

— Позволь мнѣ попросить тебя объяснить мнѣ: я не ясно понималъ,—сказалъ Яшвилъ.

Герсдорфъ поглядѣлъ на разговаривающихъ. Его лицо стало озабоченнымъ, глаза забѣгали, и крикливымъ голосомъ онъ поспѣшилъ проговорить:

— Господа! не спорьте изъ-за женщинъ. На нихъ всѣ имѣютъ одинаковыя права!..

— Все-таки мнѣ хочется выслушать твое объясненіе,—настойчиво повторилъ Яшвилъ.—Ты мнѣ не откажешь въ этомъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ здѣсь присутствующихъ не понималъ твоей мысли. Мы всѣ очень хотимъ выслушать тебя!..

— Ты настаиваешь?—улыбнулся Долгоруковъ.—Нечего дѣлать: я объясню...

Всѣ затихли за столомъ. Наступила одна изъ тѣхъ неприятныхъ минутъ, когда всѣмъ присутствующимъ становится неловко. Всѣ затихли и не глядѣли другъ на друга.

Долгоруковъ откинулся на спинку стула и, стараясь придать своему голосу тонъ равнодушія, спокойно и не спуская глазъ съ Яшвиля, произнесъ:

— Я сказалъ, что мнѣ всегда бываетъ смѣшно видѣть, когда люди твоихъ лѣтъ начинаютъ дурачиться, волочиться за актрисами. Поэтому и ты со своими рассказами смѣшонъ!

Яшвилъ приподнялся на стулѣ и громко отвѣтилъ Долгорукову, улыбаясь и безъ замѣтнаго раздраженія въ голосѣ:

— Я не знаю, какъ я долженъ отнестись къ твоимъ словамъ: шутишь ты или сердишься?

— Не шучу,—отвѣтилъ Долгоруковъ,—въ этомъ ты можешь не сомнѣваться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и не сержусь, а просто указываю на то обстоятельство, что мнѣ смѣшно видѣть, какъ люди твоего возраста дурачатся. У нихъ могли бы найтись занятія болѣе серьезныя, нежели ухаживанье за актрисами. Да, князь, мнѣ смѣшны твои дурачества!..

При этихъ словахъ Яшвилъ вспыхнулъ, на лбу у него образовались складки.

— Князь Долгоруковъ, прошу помнить, что я никогда не дурачился... не ду-ра-чился! — произнесъ онъ съ разстановкой. — И прошу васъ помнить это. Слышите?

— Вы говорите достаточно ясно и громко,—отозвался Долгоруковъ.—Я слышу и все-таки продолжаю настаивать, что твои дурачества мнѣ смѣшно видѣть, смѣшно!..

Яшвилъ поднялся и всталъ во весь ростъ. Лакей, показавшійся было въ дверяхъ съ подносомъ, остановился при входѣ въ комнату, не рѣшаясь войти.

— Повторяю: я никогда не дурачился, чортъ возьми!—крикнулъ Яшвилъ.—И никто мнѣ этого не смѣетъ говорить. Никто. Имѣйте это въ виду, князь!..

— Однако, я говорилъ тебѣ это самое нѣсколько разъ и не далѣе, какъ нѣсколько минутъ или секундъ тому назадъ!—съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ Долгоруковъ.

— Милые мои, — вмѣшался Герсдорфъ, — охота вамъ спорить. Охъ, эти театры: они до добра не доведутъ. Перестаньте, пожалуйста, перестаньте. Такое прекрасное вино, такая великолѣпная закуска, что всѣ споры и раздоры должны прекратиться сами собою. Право, давайте, лучше выпьемте за наши хорошія товарищескія отношенія. Итакъ?

— Смѣю думать, ваше сіятельство, что ваше мнѣніе о моихъ... моихъ обстоятельствахъ, происшествіяхъ... вы позволите мнѣ не выслушивать!—возбужденно проговорилъ Яшвилъ.—Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы еще разъ ваше мнѣніе было высказано въ моемъ присутствіи.

Долгоруковъ, не спуская глазъ съ Яшвиля, молчалъ, и на его лицѣ сквозила улыбка.

— Да, князь, — продолжалъ Яшвилъ, — надѣюсь, что во избѣжаніе всего возможнаго вы найдете для себя удобнымъ исполнить мою просьбу... во избѣжаніе всего возможнаго...

Долгоруковъ дѣланно зѣвнулъ и, не обращаясь ни къ кому, замѣтилъ:

— Какъ скучно слушать, когда люди хотятъ говорить намеками и пугать ими...

— Мои хорошіе, — опять заволновался Герсдорфъ, — право, все это не соответствуетъ цѣли нашего обѣда. Перестаньте говорить о театрѣ и его дѣятеляхъ. Господа, я, какъ старшій здѣсь, среди васъ, заявляю вамъ: всякій, кто позволитъ себѣ произнести хоть одно слово еще о театрѣ, будетъ присужденъ мною къ страшному взысканію: онъ заплатитъ штрафъ въ размѣрѣ дюжины бутылокъ шампанскаго. Имѣйте это въ виду, господа!..

Герсдорфу понравилось его собственное предложеніе, и онъ громко разсмѣялся.

Ему никто не отвѣтилъ. Всѣ почувствовали неловкость, всѣ поняли, что между князьями произошло нѣчто такое, что не можетъ разрѣшиться обыкновеннымъ путемъ.

И лучше всѣхъ понималъ это добродушный Герсдорфъ, который въ теченіе обѣда старался говорить громче, смѣшнѣе, обращаясь то къ Яшвилю, то къ Долгорукову, желая вынудить ихъ обмѣняться хотя бы нѣсколькими словами.

Но у Герсдорфа ничего не выходило, и обѣдъ былъ совершенно испорченъ.

Подали кофе. Яшвилъ всталъ, простился съ товарищами и вышелъ изъ комнаты.

Всѣмъ стало какъ-то легче въ отсутствіи его, тѣмъ болѣе, что съ лица Долгорукова сбѣжало выраженіе недовольства, онъ уже

смѣялся и отвѣчалъ на шутки Герсдорфа шутками. Герсдорфъ, довольный этимъ, старался изо всѣхъ силъ.

Офицеры стали расходиться. Долгоруковъ вышелъ вмѣстѣ съ другими.

Герсдорфъ, стоя на порогѣ дома, слѣдилъ за тѣмъ, куда пойдеть Долгоруковъ.

— Слава Богу,—воскликнулъ онъ, видя, что Долгоруковъ направился къ дому Яшвиля,—слава Богу! Теперь князья объяснятся, помирятся и поцѣлуются. И все будетъ хорошо...

— Едва ли,—замѣтилъ стоявшій рядомъ молодой офицеръ,—такія дѣла поцѣлуями еще никогда не кончались. Это—не любовное происшествіе!..

— Ну, вась,—досадливо отмахнулся отъ этихъ словъ Герсдорфъ,—вы, молодежь, все норовите перевести на оружіе. И что вамъ за охота такими дѣлами все кончать! Скверно!..

— Я только высказываю свое мнѣніе,—отвѣтилъ офицеръ и простился съ Герсдорфомъ.

Всѣ уже ушли, а Герсдорфъ все еще продолжалъ стоять на порогѣ и смотрѣть на баракъ, въ которомъ помѣщался Яшвиль, словно чутьемъ хотѣлъ разгадать, что въ немъ происходило. И на глазахъ стараго добряка повисла такая тяжелая тревога, что проходящіе солдаты съ удивленіемъ поглядывали на него.

— Все будетъ хорошо. Все хорошо!..—шепталъ онъ, держась рукою за косякъ двери.

III.

Яшвиль былъ очень удивленъ, когда онъ увидалъ въ дверяхъ Долгорукова.

— Я не помѣшаю?—спросилъ Долгоруковъ спокойнымъ тономъ, входя въ комнату.

— Нисколько,—отвѣтилъ Яшвиль,—я всегда радъ тебя видѣть у себя. Садись...

Долгоруковъ сѣлъ. Яшвиль занялъ мѣсто рядомъ съ нимъ и поглядѣлъ на Долгорукова съ вопросомъ, который былъ тотчасъ же понятъ.

— Цѣль моего посѣщенія такова: я пришелъ узнать, не обижены ли вы?—тихо произнесъ Долгоруковъ, играя тросточкой.

Яшвиль искоса поглядѣлъ на гостя и въ недоумѣніи отвѣтилъ ему:

— Если я вижу тебя на квартирѣ у меня, то, слѣдовательно, я не обиженъ!..

Долгоруковъ насмѣшливо улыбнулся, смѣрилъ Яшвиля взглядомъ и процѣдилъ сквозь зубы какую-то фразу, которой Яшвиль не разлышалъ.

— Что ты говоришь?—спросилъ Яшвиль.—Я ничего не понялъ. Повтори, пожалуйста!..

— Я говорю, что я пришел не извиняться!—громко отвѣтил Долгоруковъ.—Цѣль моего посѣщенія—желаніе узнать, не обижены ли вы. Надѣюсь, вы знаете, что обиженные имѣютъ такое право, какого не имѣютъ обидчики...

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ Яшвилъ.—Говори прямо. Я тебя не понимаю...

Долгоруковъ всталъ, прошелся по комнатѣ и остановился противъ Яшвиля.

— Я говорю—и вы должны это понять—я говорю, что у обиженного есть право требовать отъ обидчика удовлетворенія!—сказалъ Долгоруковъ.—Обидчикъ лишенъ этого права, а потому менѣе счастливъ. Вотъ и вся цѣль моего посѣщенія.

— А-а... Вы желаете драться? Понимаю и извиняюсь за свою недогадливость. Въ этихъ случаяхъ, какъ вамъ, вѣроятно, безызвѣстно, не принято отказываться, князь!—улыбнулся Яшвилъ, вставая передъ килземъ Долгоруковымъ.—Такимъ образомъ, вы мой отвѣтъ могли знать заранѣе. Во всякомъ случаѣ я считаю необходимымъ заявить вамъ, что я принимаю ваше предложеніе и благодарю за честь.

Долгоруковъ поклонился и тотчасъ же измѣнилъ свой нѣсколько насмѣшливый тонъ.

— Когда же и гдѣ, князь, вы позволите мнѣ дать вамъ удовлетвореніе?—спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не составитъ для насъ никакого затрудненія: когда угодно, гдѣ пожелаете и на чемъ вы считаете лучшимъ драться!—отвѣтилъ Яшвилъ.

— Слѣдовательно, вы предоставляете всѣ эти вопросы только моему разсужденію? Въ такомъ случаѣ я полагаю лучшимъ отправиться сейчасъ же въ ближнюю рощицу и тамъ сразиться. Пистолеты всегда готовы къ вашимъ услугамъ!—скороговоркой произнесъ Долгоруковъ.

Яшвилъ засмѣялся и отошелъ въ сторону, къ окну, какъ бы раздумывая.

— Пожалуй, это немножко рано,—замѣтилъ онъ.—Сейчасъ только что окончился обѣдъ, я пилъ много вина, наконецъ пища еще не успѣла перевариться...

— Вы изволите шутить?—насмѣшливо произнесъ князь Долгоруковъ.—Не правда ли?

— Я не шучу. Стрѣляться сію минуту я не намѣренъ. Позвольте отложить дуэль до вечера. Могу думать, что моя просьба можетъ быть удовлетворена?

— Ничего не имѣю противъ и только пользуюсь правомъ, которое вы мнѣ предоставили...

— И я буду просить васъ отложить поединокъ до вечера,—сказалъ Яшвилъ серьезно.—Согласенъ драться на пистолетахъ, ко-

торые вы соблаговолите принести. При этомъ мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы, кромѣ меня и васъ, въ нашемъ поединкѣ никто другой не принималъ участія. Пусть отвѣтственность за это падастъ всецѣло на однихъ насъ.

— Очень радъ и не вижу основаній не подчиниться вашимъ условіямъ!—церемонно сказалъ Долгоруковъ и хотѣлъ было уже идти.

— Еще одно маленькое условіе,—замѣтилъ Яшвиль.—Мнѣ кажется, что въ интересахъ нашего дѣла намъ необходимо обставить нашъ поединокъ такимъ образомъ, чтобы ни у кого не могло возникнуть ни малѣйшихъ подозрѣній. Поэтому, мнѣ кажется, будетъ очень хорошо, если мы до поединка покажемся вмѣстѣ съ вами въ обществѣ офицеровъ. Мы будемъ разговаривать, шутить, чтобы всѣ видѣли, что между нами ничего не произошло...

— Охотно принялъ бы ваше предложеніе,—замѣтилъ Долгоруковъ,—если бы могъ догадаться о той цѣли, какую вы имѣете въ виду...

Яшвиль нетерпѣливо пожалъ плечами и горячо проговорилъ:

— Вы знаете, князь, какими строгими наказаніями грозить императоръ за поединки. Не то важно, что это наказаніе можетъ коснуться насъ съ вами, но мнѣ очень не хотѣлось бы подвергать отвѣтственности и лицъ, непричастныхъ къ этому. Мнѣ не надо объяснять вамъ, что законъ грозить наказаніями не только дуэлистамъ, но и всѣмъ, кто знаетъ и не донесетъ о поединкѣ. Если мы будемъ вмѣстѣ, то всѣ будутъ добросовѣстно потомъ свидѣтельствовать, что они не знали о нашемъ намѣреніи. Итакъ, князь?...

— Я согласенъ на ваше предложеніе!—воскликнулъ Долгоруковъ.—Мы покажемся съ вами до дуэли среди офицеровъ, и, извините заранѣе, князь, если я позволю себѣ надъ вами какую-нибудь шутку. Будетъ хорошо, если вы мнѣ оплатите тѣмъ же...

— Я согласенъ. Значитъ, часовъ въ 7 вечера мы сойдемся въ ронцицѣ!—проговорилъ Яшвиль съ изысканно вѣжливымъ поклономъ, на который Долгоруковъ отвѣтилъ тѣмъ же и быстро вышелъ изъ барака своего противника.

А вдали стоялъ Герсдорфъ и напряженно всматривался... Долгоруковъ улыбнулся ему и, снявъ фуражку, помахалъ ею въ воздухъ. Герсдорфъ радостно закивалъ ему головою...

IV.

Лѣтній вечеръ... У бараконъ стоитъ небольшая кучка офицеровъ, среди которыхъ находятся Долгоруковъ и Яшвиль. Всѣ возбуждены, всѣмъ весело...

— Становись, Долгоруковъ!—кричитъ какой-то офицеръ.—Я буду прыгать черезъ тебя.

Долгоруковъ всталъ съ мѣста, вышелъ на ровную полянку и нагнулся.

— Чехарда, стройся!— снова крикнулъ тотъ же офицеръ, и черезъ спину Долгорукова стали прыгать офицеры одинъ за другимъ, пока наконецъ не побѣжалъ Герсдорфъ: едва онъ добѣжалъ до князя, какъ Долгоруковъ поднялся, и Герсдорфъ ударился объ его спину.

Раздался хохотъ. Долгоруковъ оглянулся, замѣтилъ Яшвиля и крикнулъ:

— А что же ты, Яшвиль, не прыгаешь? Къ тебѣ серьезность не идетъ. Иди, прыгай!

— Нѣтъ, братъ,—отвѣтилъ онъ весело,—я не могу отдохнуть до сихъ поръ отъ своихъ ухаживаній за танцовщицей. Усталъ ужасно, и все ко сну клонить...

Герсдорфъ испуганно оглянулся на Яшвиля и безнадежно махнулъ рукой.

— Опять о театрѣ заговорили!—поморщился онъ.—Не люблю я этихъ разговоровъ.

Долгоруковъ подошелъ къ Герсдорфу и спокойно, шепотомъ сказалъ ему:

— Ничего, полковникъ, пусть поговорятъ. Мы съ княземъ, вѣдь, пріятели, а мало ли что у пріятелей иногда случается. Повздорять и помирятся!..

Герсдорфъ многозначительно поглядѣлъ на Долгорукова и прошепталъ:

— Вотъ это я люблю. Ей-Богу, люблю. Мнѣ больше ничего и не надо, ничего.

А на полянкѣ стоялъ уже другой офицеръ, и черезъ его спину снова стали перелетать офицерскіе кителя. Кругомъ хохотали, кричали, острили.

— Который часть, Яшвиль?—спросилъ громко князь Долгоруковъ.—Не знаешь?

— Скоро семь!—просто и спокойно отвѣтилъ Яшвиль и поднялся со скамейки.

— Гм... скоро семь. Какъ быстро идетъ время, я даже и не замѣтилъ. Такъ скоро семь?

Яшвиль, не обращая на себя ничьего вниманія, не торопясь пошелъ по направленію къ роцѣ. Онъ шелъ и напѣвалъ вполголоса новый романсъ...

Долгоруковъ подошелъ къ офицерамъ, стоявшимъ на полянкѣ, и крикнулъ:

— Ну-ка... въ послѣдній разъ попробую!— онъ побѣжалъ и ловко перепрыгнулъ черезъ наклонившагося офицера.

Онъ отошелъ въ сторону, и вдругъ быстро забѣжалъ за ба-
раки и скрылся...

А на полянкѣ царило веселье, и никто не замѣтилъ, что Яшвилъ и Долгоруковъ исчезли. Далеко за лагеремъ кавалерійская труба выбрасывала длинныя, томительныя звуки.

Пахло недавно скошеннымъ сѣномъ. За рощицею поднимался дымчатый туманъ и стлался надъ деревьями.

V.

— Вы знаете, князь, что я не трусъ! — проговорилъ Яшвилъ, встрѣчаясь съ Долгоруковымъ въ кустахъ. — Въ этомъ вы имѣли возможность неоднократно убѣдиться...

— Я не могу понять, что вамъ угодно! — въ недоумѣніи и словно испугавшись чего-то, произнесъ Долгоруковъ. — Мы сюда пришли не для бесѣды!..

— Совершенно справедливо, — согласился Яшвилъ, — но вы позвольте мнѣ договорить...

— Это не принято, — съ неудовольствіемъ замѣтилъ Долгоруковъ, кладя на землю принесенныя имъ съ собою пистолеты. — Мы — противники, и между нами не можетъ быть...

— Все это я знаю, — поморщился досадливо Яшвилъ, — это азбука дуэлистовъ. И все-таки я не могу не сказать вамъ. Я не знаю, но какое-то предчувствіе лишаетъ меня спокойствія и вынуждаетъ меня говорить. Конечно, я совершаю непростительную вещь: объясняюсь съ вами на мѣстѣ поединка, но я не могу, не могу не говорить...

Долгоруковъ изумленно глядѣлъ на Яшвиля.

— Вы отказываетесь получить удовлетвореніе? — спросилъ онъ Яшвиля. — Такъ?

— Не такъ, не такъ, князь! — воскликнулъ Яшвилъ. — Я боюсь быть непонятымъ вами. Мнѣ почему-то не хочется, чтобы эта дуэль состоялась между нами...

— Странное желаніе! — засмѣялся Долгоруковъ. — Не приходилось встрѣчаться еще...

— Выслушайте меня, выслушайте... — съ дрожью въ голосѣ прошепталъ Яшвилъ. — Выслушайте. Ну, скажите мнѣ, зачѣмъ такъ необходимо намъ драться съ вами? зачѣмъ мы будемъ рисковать нашими жизнями, здоровьемъ? Кому это нужно? Посудите сами: всѣ офицеры видѣли, какъ мы мирно и спокойно бесѣдовали съ вами послѣ происшедшаго между нами недоразумѣнія, всѣ видѣли, что мы остались друзьями, что наша размолвка имѣла временный характеръ, что она прошла безслѣдно... Ну, зачѣмъ мы будемъ драться?

Долгоруковъ еле сдерживалъ себя отъ охватившаго его волненія.

— Можетъ быть, князь — боленъ? — проговорилъ онъ. — Можетъ быть, князю угодно отложить дуэль до другого дня? Не совѣтъ ясно понимаю, что угодно князю...

Яшвилъ, взволнованный, съ набѣжавшими на глаза слезами, тихо проговорилъ:

— Я боюсь этой дуэли, князь! И не за себя я боюсь. Зачѣмъ я буду грозить вашей жизни, молодой, нужной? Не за себя боюсь я! Миѣ все равно. Но, я увѣренъ, у меня не поднимется на васъ рука. По какому поводу мы затѣли эту дуэль? Ни съ того, ни съ сего. Я не оскорбленъ, не оскорблены и вы. Мы были среди товарищей, и наша дружба, наружная, дѣланная дружба послѣ ссоры, никому не показалась неестественной, невозможной въ нашихъ обстоятельствахъ. Князь, бросимъ пистолеты, подадимъ другъ другу руки и пойдемъ домой. У меня есть шампанское, мы выпьемъ... Князь!..

Долгоруковъ поблѣднѣлъ, у него затряслися руки. Онъ едва могъ говорить.

— Что это значить? — спросилъ онъ. — Шутка? насмѣшка? оскорбленіе? Что это?

— Я говорю то, что думаю! Если можно, князь, бросимъ эту дуэль! — упавшимъ голосомъ произнесъ Яшвилъ. — Ни смѣяться, ни шутить, ни оскорблять васъ я не хочу...

Долгоруковъ молча отошелъ отъ Яшвиля, подошелъ къ пышному кусту, остановился около него и размыѣреннымъ шагомъ двинулся впередъ.

— Двѣнадцать шаговъ мною отсчитано! — сказалъ холодно Долгоруковъ, останавливаясь около березки. — Благоволите провѣрить, если пожелаете...

Яшвилъ схватился за голову и крикнулъ какъ-то неестественно громко:

— Неужели же это свершится, князь?! Неужели? неужели?..

— Вамъ угодно провѣрить разстояніе или нѣтъ? — твердо произнесъ Долгоруковъ.

Яшвилъ отрицательно покачалъ головою и добавилъ:

— Вамъ, князь, принадлежитъ первый выстрѣлъ! Я его уступаю вамъ... уступаю...

— Всякое великодушіе... намекъ на него... для меня оскорбительны... — заговорилъ быстро и приподнято Долгоруковъ. — Выстрѣлъ вашъ, и я не нуждаюсь въ немъ... рассчитываю воспользоваться своимъ... Я отмѣчаю свое мѣсто... привязываю платокъ къ дереву...

Потомъ Долгоруковъ подошелъ къ пистолетамъ, показалъ ихъ Яшвилю и сказалъ:

— Потрудитесь зарядить ихъ! Прежде, однако, осмотрите ихъ: они одинаковы...

— Я знаю, знаю... Зарядите сами... миѣ все равно... заряжайте. Я буду смотрѣть...

Долгоруковъ тщательно зарядилъ пистолеты, снялъ мундиръ. Потомъ пистолеты легли на сырую траву. Долгоруковъ накрылъ ихъ своимъ мундиромъ...

Яшвиль растерянно оглянулся, какъ бы ища спасенія, и сталъ медленно разстегиваться, брезгливо поглядывая на бѣлѣющій въ нѣсколькихъ шагахъ платокъ.

— Выбирайте, князь, пистолеть!—сказалъ Долгоруковъ, показывая на мундиръ.

Яшвиль нагнулся, вынулъ пистолеть и съ недоумѣнiемъ повертѣлъ его въ рукахъ.

Долгоруковъ послѣдовалъ его примѣру и съ пистолетомъ быстро двинулся къ тому мѣсту, гдѣ былъ привязанъ платокъ.

— Я готовъ, князь!—словно радуясь чему-то, выкрикнулъ Долгоруковъ. — Готовъ!..

Яшвиль приподнялъ пистолеть, прицѣлился... Блиско-блиско заржали лошади...

— Не могу! — прошепталъ Яшвиль, и рука его безсильно повисла; онъ перенесъ пистолеть въ лѣвую руку и опустилъ голову: ему было тяжело смотрѣть на Долгорукова.

— Я жду, князь!—снова выкрикнулъ Долгоруковъ.—Стрѣляйте... Жду... Ну же...

— Не могу, не могу... Я не могу стрѣлять въ васъ, не могу. Я извиняюсь предъ вами, прошу прощенья... Не надо этой дуэли... Я не могу...

— Вамъ нельзя извиняться... вы — оскорбленный, вы должны стрѣлять. Стрѣляйте!..

— Стрѣлять?! да? стрѣлять надо? Хорошо... Я стрѣляю, стрѣляю, князь! Я цѣлюсь...

Яшвиль поднялъ пистолеть, прищурилъ лѣвый глазъ и тотчасъ же снова опустилъ руку.

— Что это значить? — сердито крикнулъ Долгоруковъ. — Вы смѣтаетесь? да?

— Снимите... отвяжите платокъ... платокъ... онъ меня... раздражаетъ... Снимите...

Долгоруковъ развязалъ платокъ, спряталъ его въ карманъ и всталъ на прежнее мѣсто.

— Теперь стрѣляйте...

Торопливо приподнялъ Яшвиль пистолеть и не цѣлясь выстрѣлилъ...

Безъ крика упалъ на землю Долгоруковъ. И нелѣпо перевернулся въ воздухѣ выроненный имъ пистолеть. Перевернулся и грузно упалъ...

— Я зналъ, зналъ... прошепталъ Яшвиль.—Я его предупредалъ. Да, я зналъ это... зналъ...

И ему стало страшно. Онъ закрылъ глаза, а передъ нимъ все еще продолжалъ висѣть на березкѣ бѣлый платокъ, и вѣтеръ лукаво шалилъ съ нимъ, то прижимая его къ тонкому стволу, то раскидывая его загнутыя концы.

Онъ хотѣлъ подойти къ Долгорукову, посмотрѣть на него. Но ему было страшно открыть глаза, двинуться съ мѣста... И онъ продолжалъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, у пышнаго, облидаго свѣтлыми капельками куста...

— Неужели убить?—думалъ онъ.—Лежитъ мертвый? не стонеть? умеръ? Почему онъ молчитъ?

И Яшвиль все еще неподвижно стоялъ... Но вотъ долетѣлъ до него звукъ, похожій на стонъ, на плачъ... Онъ открылъ глаза. На березкѣ не было платка. Долгоруковъ лежалъ, и мертвая улыбка задревенѣла на его измѣнившемся некрасивомъ лицѣ.

— Двѣнадцать шаговъ... до него двѣнадцать шаговъ... Близко... Почему двѣнадцать, а не больше, не меньше?.. Почему?

Яшвиль хотѣлъ было подойти къ лежащему на землѣ... Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

И вдругъ ужасъ схватилъ его за сердце, смялъ его. Онъ остановился, вскрикнулъ и бросился назадъ, туда, гдѣ не было ни кустовъ, ни березъ, ни измятой шагами убитаго пожелтѣвшей травы... Онъ бѣжалъ, бѣжалъ долго, до изнеможенія, до тѣхъ поръ, пока ужасъ не отпустилъ сердца, и передъ глазами внезапно не выросли фигуры лошадей, солдатъ.

— Убилъ, убилъ!—кричалъ онъ, пробѣгая мимо.—Убилъ... Тамъ, въ кустахъ, гдѣ береза... тамъ найдете его... Несите его... несите...

Гусары побѣжали къ кустамъ... А Яшвиль добѣжалъ до какого-то зданія и остановился... Передъ нимъ стоялъ его товарищъ, ротмистръ Ломоносовъ...

— Что съ вами? откуда вы? гдѣ вашъ мундиръ?—услышалъ онъ знакомый голосъ.

Яшвиль пришелъ въ себя. Его окружили офицеры и всѣ смотрѣли на него съ тяжелымъ любопытствомъ... Ему стало стыдно своего ужаса, своего костюма, своего преступленія.

— Я убилъ... на дуэли... князя... Долгорукова!—еле выговорилъ онъ.—Убилъ... я!..

Раздался общій неопредѣленный крикъ, кто-то произнесъ: «проклятіе», и всѣ разбѣжались. У него подламывались ноги. Онъ опустился на скамью. Передъ нимъ стоялъ солдатъ и подавалъ воду. Яшвиль пилъ и не могъ оторваться отъ ковша...

VI.

Гусары легко отыскали тѣло Долгорукова и понесли его въ ближнюю деревню...

Пришелъ полковой врачъ, онъ осмотрѣлъ рану, велѣлъ перевернуть тѣло на спину.

— Пуля попала въ грудь... въ правую ключицу, безъ вылета, — сказалъ онъ. — Застрѣла!..

Пріѣхало начальство, арестовало Яшвиля, а тамъ начался слѣдственный, мучительный процессъ, съ допросами, съ безконечными переписками, съ бумажнымъ производствомъ...

Яшвиль не скрылъ ни одного обстоятельства. И слѣдственные власти все-таки желали привлечь къ дѣлу, кромѣ Яшвиля, и другихъ офицеровъ...

Конечно, имъ это не удалось: доказательства противнаго были слишкомъ очевидны и не возбуждали никакихъ сомнѣній. Въ результатѣ къ суду былъ привлеченъ только одинъ Яшвиль, который и испыталъ на себѣ всю тяготу процесса того времени.

Долгое время онъ не могъ успокоиться. Совершившеся представлялось ему настолько ужаснымъ, что онъ не могъ принимать пищи и пользоваться сномъ. Ему грезилась все роца, близкая деревня, бѣлый платокъ.

Долго съ нимъ возились врачи, навѣщали товарищи, и всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что его вина — не такъ велика, какъ онъ себѣ ее представляетъ, что въ поединкѣ главнымъ образомъ виновать убитый князь Долгоруковъ, что имъ, княземъ Яшвилемъ, были осуществлены всѣ мѣры къ тому, чтобы поединокъ не состоялся, и что онъ стрѣлялъ не цѣлясь, а потому убійство Долгорукова — случайное несчастье. Яшвиль мало-по-малу успокаивался и съ истеричнымъ ждалъ суда.

Онъ боялся, что его оставятъ вовсе безъ наказанія, что въ дѣлѣ найдутся случайно такія обстоятельства, которые могутъ лишить его возможности понести наказаніе. А онъ нуждался въ этомъ наказаніи, онъ смотрѣлъ на кару, какъ на необходимое возмездіе, которое могло бы примирить его съ совершившимся. И онъ ждалъ, когда же кончится этотъ мучительно долгій, раздражающій судъ, и дѣло перейдетъ на конфирмацію къ государю.

— Только бы наказаніе, мнѣ нужно это наказаніе, какъ нуженъ воздухъ, пища! — говорилъ онъ обыкновенно окружающимъ, и въ его словахъ было много правды.

Прошелъ годъ послѣ совершившагося, и Яшвиль получилъ радостное сообщеніе: онъ былъ приговоренъ къ наказанію.

Высочайшая конфирмація состоялась 2 іюля 1842 года и по своимъ размѣрамъ выходила изъ обычныхъ рамокъ. Николай I на докладѣ по этому дѣлу написалъ:

«Въ рядовые до отличной выслуги противъ непріятели; полковнику Герсдорфу, какъ отличному и всѣми уважаемому офицеру, должно было не пренебрегать происшедшимъ за обѣдомъ, призвать къ себѣ обояхъ ссорившихся офицеровъ и требовать по званію своему немедленнаго примиренія, тѣмъ болѣе, что все дѣло было столь ничтожно, что болѣе походило на ребячьи шалости, чѣмъ на

поступки благородныхъ офицеровъ; когда же присутствуютъ при томъ старшіе офицеры, ихъ долгъ неприличій не терпѣть и немедленно прекращать, предидя послѣдствія».

Разжалованіе въ рядовые до выслуги было однимъ изъ наиболѣе мягкихъ сравнительно наказаній, но и оно удовлетворило взволнованную совѣсть князя Яшвиля.

Высочайшая конфирмація повергла Герсдорфа въ неизъяснимую печаль: съ одной стороны, онъ понималъ, что его своевременное вмѣшательство въ дѣло могло бы предупредить поединокъ, съ другой — онъ вполне добросовѣстно считалъ, что князя послѣ ссоры совершенно примирились, тѣмъ болѣе, что въ присутствіи многихъ офицеровъ разговаривали, смѣялись и даже шутили.

— Никакъ не могъ думать, что люди способны на такія вещи, — говорилъ онъ потомъ. — Первый и, вѣроятно, послѣдній разъ въ жизни видѣлъ, что человѣкъ, идущій умирать на дуэли, прыгаетъ въ чехарду.

Такъ закончилось дѣло объ одной изъ самыхъ «лишнихъ» дуэлей, бывшихъ въ николаевскую эпоху.

II.

Походная дуэль.

I.

На половинѣ дороги между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ полкъ остановился. Въ привалѣ всѣмъ ощущалась нужда, а потому онъ былъ принятъ очень радостно.

Маневры кончились, а вмѣстѣ съ маневрами кончилась и лагерная тягота, для всѣхъ тяжелая и мучительная. Стоялъ уже сентябрь мѣсяцъ и обѣщалъ скорое начало сезона...

Всѣ были охвачены особеннымъ настроеніемъ, которое такъ хорошо знакомо людямъ военнымъ, слышался смѣхъ, веселые голоса шумно раздавались подъ вѣтвями деревьевъ. Сентябрь былъ теплый, ясный и безпечно сорилъ сухими листьями...

Офицеры разбились группами. Какой-то полковникъ торопился съѣсть бутерброды, безъ которыхъ онъ не могъ совершать походовъ, онъ торопливо жевалъ, не отвѣчалъ на вопросы, и крошки засыпали всю его грудь; молодежь сидѣла на землѣ и перебрасывалась шутками; командиры солидно бесѣдовали въ тѣсномъ кружкѣ...

Но вотъ по дорогѣ изъ Царскаго Села показался экипажъ, который быстро катился къ мѣсту привала. Всѣ мгновенно заинте-

ресовались этимъ экипажемъ, а полковникъ, ѣвпій бутерброды, даже остановился въ недоумѣніи, не зная, продолжать ли ему начатое...

— Кто бы это могъ быть?—говорили кругомъ.—Кто хорошо видитъ, господа?

— Это—фитьегарь, ваше высокоблагородіе!—произнесъ нерѣшительно какой-то солдатъ.

— Ты видишь его хорошо?—спросили офицеры, вглядываясь въ даль.

— Такъ точно, никто, какъ фитьегарь, потому какъ я его очень хорошо вижу: какъ ваше благородіе, такъ и изнее благородіе, фитьегарское!..

— Посмотримъ это фельдъегерское благородіе... Что ему тутъ нужно?

Нетерпѣніе росло. Командиры, какъ народъ самый трусливый, считали нужнымъ выстроить полкъ, потому что въ экипажѣ могло ѣхать начальство, которое могло бы замѣтить безпорядки, что могло въ свою очередь повлечь непріятности, могуція и т. д. — словомъ, говорили о возможности самыхъ невозможныхъ вещей.

Солдаты насторожились, офицеры повскакали со своихъ мѣстъ а экипажъ еще былъ далеко. Фигура фельдъегеря вырисовалась окончательно...

И всѣ потеряли интересъ и разошлись по мѣстамъ, и полковникъ снова принялся за свои неоконченные бутерброды...

Экипажъ остановился около того мѣста, гдѣ сидѣлъ адъютантъ полка, и изъ коляски выскочилъ фельдъегеръ, какъ всѣ фельдъегеря, съ неопредѣленнымъ, тусклымъ, чисто выбритымъ лицомъ. Поспѣшно онъ подошелъ къ адъютанту, и черезъ минуту уже слышались голоса:

— На балъ... приглашеніе на балъ во дворецъ... въ Царское Село...—говорили кругомъ.—Привезли четыре билета на весь полкъ... старшимъ офицерамъ...

Дѣйствительно, полковой адъютантъ поднялся со своего мѣста и подошелъ къ группѣ командировъ, столпившихся у опушки лѣса.

— Господа, кто желаетъ ияъ васъ отправиться сегодня на балъ во дворецъ? Прислано только четыре билета, и вамъ надо рѣшить, кому дать эти билеты...

— Предложите желающимъ,—отвѣтили ему,—намъ итти невозможно: надо съ людьми распорядиться, съ солдатами; предложите молодымъ офицерамъ. Они могутъ итти...

Адъютантъ пошелъ къ кучкѣ молодежи. Тѣ весело повскакали со своихъ мѣстъ и предложили кинуть жребій между всѣми желающими...

Бросаніе жребія заняло нѣсколько минутъ, и одинъ изъ билетовъ достался поручику Ключинскому. Обладателямъ билетовъ было

разрѣшено по прибытіи въ Павловскъ тотчасъ же отправиться домой для приведенія себя въ должный видъ...

Фельдъегерь уѣхалъ, и все пошло по-старому, какъ было до его пріѣзда...

II.

Поручикъ Ключинскій былъ не блестящій офицеръ. Службу свою онъ началъ въ провинціальной глуши, дослужился до чина сенатскаго регистратора и рѣшилъ перейти на военную службу. Уже въ достаточно зрѣломъ возрастѣ онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и былъ произведенъ въ офицеры.

Среди блестящей свѣтской молодежи полка Ключинскій былъ незамѣтенъ.

У него не было состоянія, чтобы сорить имъ, не было связей, которыя могли бы вывести его далеко впередъ, у него не было особенныхъ пороковъ или особенныхъ достоинствъ, чтобы блеснуть ими въ военной средѣ. Ключинскій былъ простой, незамѣтный человекъ, не злой, умѣлъ ладить съ солдатами и былъ имъ ближе и понятнѣе, чѣмъ всякій другой офицеръ того же полка.

Ключинскій ни съ кѣмъ не пріятельствовалъ, жилъ на скромную сумму, получасую изъ дома отъ родителей, и избѣгалъ всякаго сближенія съ офицерствомъ.

Его не замѣчали въ полку, и нѣкоторые при имени Ключинскаго говорили:

— Это такой... незамѣтный съ круглымъ лицомъ... нигдѣ не бываетъ.. Ключинскій...

И Ключинскій нигдѣ не бывалъ. Иногда онъ вырвется въ Петербургъ и закрутитъ: побываетъ не одинъ разъ въ театрѣ, побѣдаетъ въ хорошемъ ресторанѣ и уѣдетъ обратно, чтобы поститься въ теченіе долгихъ дней.

Все это не могло не волновать его. Онъ понималъ, что его не замѣчаютъ, что онъ служитъ въ полку по какому-то недоразумѣнію, что ему давно пора уйти на свое мѣсто — въ армию, гдѣ его должны были бы замѣтить, гдѣ онъ не стоялъ бы ниже другихъ.

Но его удерживала въ полку мысль о преимуществахъ гвардейской службы, и не будь этихъ преимуществъ, онъ давно бы уже перевелся въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, чтобы не видѣть этихъ странныхъ, надменныхъ лицъ молодой аристократіи, чтобы не слышать ихъ присюсюкающаго способа говорить слова.

Но и помимо всего этого Ключинскій имѣлъ основаніе мечтать о переводѣ въ армию, какъ о блаженствѣ; это основаніе — незнаніе имъ французскаго языка.

Пусть читатель отнесется съ полнымъ довѣріемъ къ этому: выросшій въ простой, близкой къ землѣ средѣ, вдали отъ паркетнаго

общества, въ всякаго вліянія французскихъ гувернеровъ, Ключинскій не зналъ французскаго языка, и это тяготило его не меньше, чѣмъ все остальное, отдѣлявшее его отъ офицерскаго общества.

Когда при немъ заговаривали по-французски, — а на иномъ языкѣ въ то время русскіе гвардейскіе офицеры избѣгали говорить даже въ строю, — Ключинскій сумрачно отходилъ прочь и громко кричалъ. Это криканье понимали и начинали говорить по-русски...

Ключинскій принималъ мѣры, бралъ уроки французскаго языка, платилъ за нихъ большія деньги, но языкъ ему не давался: прозвищеніе у него выходило такимъ, что учитель-французъ, при всей своей нуждѣ въ заработкѣ, всплескивалъ руками и моталъ головою, говоря, что у Ключинскаго «въ дѣтствѣ испорченъ языкъ». Кончилось все это тѣмъ, что уроки прекратились, а Ключинскій не научился даже понимать языка.

Часто ночью онъ лежалъ съ открытыми глазами и проклиналъ свое положеніе, бранилъ отца, который не сумѣлъ дать ему знаніе языка въ дѣтствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно желалъ сбросить съ себя гвардейскій мундиръ, причинявшій ему столько огорченій въ жизни. Но время шло, подать просьбу о переводѣ было обидно, такъ какъ Ключинскій понималъ, что товарищи по службѣ должны будутъ перегнать его въ іерархическомъ движеніи, а онъ останется позади и будетъ сознавать, что все случилось по его желанію и по его винѣ... И онъ не подавалъ просьбы.

Ему шло уже 28-й годъ, нѣрѣдко онъ задумывался объ устройствѣ семьи, но и тутъ служба въ гвардіи давала себя знать, и съ этимъ приходилось считаться. Жениться надо было не такъ, какъ хотѣлось Ключинскому, въ вопросѣ о бракѣ должны были принять участіе начальство и даже сослуживцы Ключинскаго: для нихъ было недостаточно, что Ключинскій избересть жену по своему желанію, по своимъ склонностямъ; важно было, чтобы товарищи и сослуживцы одобрили его выборъ и отнеслись къ нему такъ, какъ того требовалъ служебный тактъ и правила гвардейской корпораціи.

Ключинскій считалъ такое положеніе вещей насиліемъ, вторженіемъ въ частную жизнь; онъ въ душѣ протестовалъ противъ этого, но когда задумывался о женитьбѣ, то приходилъ къ заключенію, что въ этомъ вопросѣ приметъ участіе, — неотразимое участіе, — весь полкъ, въ полномъ его составѣ. И на комъ онъ могъ жениться, оставаясь въ томъ привилегированномъ полку, гдѣ онъ служилъ теперь? Надо было выбирать изъ аристократической знати, изъ старыхъ, хорошихъ фамилій... А содержать такую жену онъ не могъ; она не удовлетворяла бы его духовныхъ потребностей, онъ пошелъ бы съ нею въ разладъ, да и какая изъ великосвѣтскихъ дѣвицъ рѣшила бы связать свою судьбу съ судьбою незамѣтнаго, небогатаго офицера, какимъ-то чудомъ попавшаго въ гвардію?...

И Ключинскій страдалъ отъ одиночества, отъ взаимнаго непониманія товарищей, отъ несходства вкусовъ, привычекъ, экономического положенія...

Товарищи старались щадить Ключинскаго: ихъ заставляло такъ поступать хорошее воспитаніе, тонъ, но всякій изъ нихъ понималъ, что Ключинскій пришелся не ко двору, что ему трудно быть наравнѣ съ ними и обидно отставать отъ нихъ. Иногда Ключинскаго обижало и такое отношеніе къ нему: случалось, что подносили кому нибудь изъ уходящихъ товарищей подарокъ, всѣ принимали участіе, а Ключинскому говорили, что подарокъ пустяковый, что каждый изъ офицеровъ внесъ по ничтожной суммѣ, и просили съ него такую же ничтожную сумму; Ключинскій давалъ, а потомъ случайно узнавалъ, что всѣ заплатили гораздо больше, чѣмъ онъ, что каждый внесъ сравнительно большую сумму. И такое отношеніе къ нему товарищей Ключинскій считалъ оскорбительнымъ для себя.

Случалось, и за послѣднее время очень часто, что молодые новоприбывающіе офицеры не хотѣли придерживаться въ отношеніи Ключинскаго установившихся правилъ обращенія; случалось, что нѣкоторые изъ нихъ часто давали ему понять, что онъ не можетъ служить въ привилегированномъ полку, что ему это не по силамъ. Ключинскій старался не замѣчать этого и въ то же время испытывалъ страданія...

Получивъ билетъ для входа на балъ во дворецъ, Ключинскій почувствовалъ себя довольнымъ, и не потому, что это удовлетворяло его чувство тщеславія, а потому, что ему предоставлялась возможность лишній разъ побывать въ такомъ обществѣ, гдѣ, не замѣчаемый никѣмъ, онъ можетъ свободно наблюдать за всѣмъ происходящимъ вокругъ. Наблюдательность была его прирожденнымъ свойствомъ, которому онъ всегда отдавался... Въ своемъ обществѣ, въ особенности дома, у родныхъ, онъ чувствовалъ себя отлично и передавалъ свои впечатлѣнія... И въ его передачѣ эти впечатлѣнія поражали своею яркостью, живостью, сходствомъ. А мало ли было объектовъ для наблюденія во дворцѣ на балу, объектовъ, которыхъ и можно встрѣтить только въ такой обстановкѣ?..

Ключинскій молчаливо сидѣлъ на опушкѣ и курилъ, наблюдая за происходящимъ...

III.

Корнетъ графъ II., молодой, безусый юноша, стройный и красивый, стоялъ въ сторонѣ и игралъ сорванною вѣткою березы...

Ни Ключинскій, ни графъ II. не чувствовали другъ къ другу особенной дружбы. Графъ постоянно старался не замѣчать Ключинскаго. Онъ предпочиталъ общество веселыхъ людей изъ золотой молодежи. Матушкинъ баловникъ, дамскій угодникъ, онъ избѣгалъ

всего, что такъ или иначе не подходило къ его вкусамъ. А Ключинскій подходилъ къ нимъ менѣе всего. Поэтому графъ, встрѣчаясь съ Ключинскимъ, старался поскорѣе уйти, чтобы не вступать съ нимъ въ разговоры, и не могъ пожаловаться, что Ключинскій не понималъ его такъ-ки. Во всякомъ случаѣ графъ считалъ Ключинскаго человѣкомъ низшей породы и низшаго класса. Это заставляло его, графа, держаться по отношенію къ Ключинскому самыхъ равнодушныхъ, чтобы не сказать болѣе, отношеній.

Разумѣется, бывали минуты, когда Ключинскій завидовалъ ему, блестящему, изящному графу, онъ завидовалъ и его богатству, и его наружности, и его успѣхамъ въ свѣтѣ... Старался подавить это чувство, но оно выползло само собою, да и не только у него одного, но и у многихъ другихъ. Про графа говорили, что онъ баловень судьбы, и въ этомъ было много правды, неприятной для Ключинскаго правды: постоянные уколы самолюбія должны были неминуемо развить въ немъ чувство зависти...

Хотя графъ только еще недавно вступилъ въ полкъ, но уже успѣлъ сказать Ключинскому нѣсколько колкихъ для него словъ, оскорбить его чувствительное до болѣзненности самолюбіе. Поэтому Ключинскій всегда былъ очень внимателенъ къ словамъ и движеніямъ молодого графа.

Но пока ничего изъ предѣловъ приличія не выходило, и дальше легкой несимпатіи дѣло не шло...

И теперь, молчаливо сидя на опушкѣ лѣса, Ключинскій слѣдилъ за движеніями молодого, изящнаго графа П., который игралъ сорванною имъ вѣткою березы.

Вдругъ Ключинскій въ разговорѣ офицеровъ, происходившемъ на французскомъ языкѣ, услыхалъ свое имя. Онъ насторожился... До него долетали отдѣльные слова, фразы, но разговора онъ понять не могъ, и это мучило его...

Потомъ опять повторилось его имя, и опять... Ключинскій поднялся съ мѣста; его, очевидно, не замѣчали и продолжали говорить. Тѣхимъ шагомъ онъ направился къ разговаривающимъ и, чтобы напомнить о своемъ присутствіи, сталъ довольно громко напѣвать какой-то мотивъ. Но группа офицеровъ стояла попрежнему и не обращала на него вниманія: смѣялись, болтали...

Кто-то замѣтилъ, наконецъ, подходившаго Ключинскаго и бросилъ какую-то французскую фразу. Тотчасъ же, искушенные долгимъ опытомъ, свѣтскіе офицеры незамѣтно перевели разговоръ на другую тему, и когда Ключинскій стоялъ уже около нихъ, разговоръ происходилъ о совершенно постороннихъ предметахъ...

Ключинскій чутьемъ догадался о перемѣнѣ разговора и почувствовалъ, какъ кровь прилила къ его головѣ. Ему захотѣлось крикнуть что нибудь дерзкое, бранное, не обращаясь ни къ кому, просто захотѣлось выругаться... Онъ только крикнулъ и отошелъ...

— Па-а-ручикъ!—какъ-то особенно произнесъ графъ П., обращаясь къ Ключинскому. — Я слышалъ, что вы сегодня ѣдете во дворець... Правда, что вы получили билетъ?

— Правда, — отвѣтилъ Ключинскій. — Почему же это можетъ быть неправдой?

— Я только такъ спрашиваю, чтобы... какъ это сказать по-русски... чтобы... вы понимаете меня?.. чтобы... Я не знаю, какъ по-русски...

— Поищите слова,—недовольно проговорилъ Ключинскій.—Русскій языкъ едва ли бѣднѣе вашего французскаго...

— Ага... Такъ вы отправляетесь на балъ...—продолжалъ тѣмъ же тономъ графъ.—Но зачѣмъ вы туда поѣдете? Что вы тамъ будете дѣлать? Какъ? А?

— Загѣмъ, зачѣмъ ѣдутъ туда и другіе! — отвѣтилъ Ключинскій, смѣривая глазами графа.

— Но эти другіе ѣдутъ туда танцовать,—засмѣялся графъ.—А что тамъ будетъ дѣлать такой человѣкъ, какъ поручикъ Ключинскій?—и графъ разсыпался тихимъ смѣшкомъ.

— Графъ!—рѣзко крикнулъ Ключинскій.—Что вы хотите этимъ сказать? Объясните!..

— Извольте, я готовъ,—съ наглою усмѣшкой отвѣтилъ графъ:—готовъ!.. Всякій ѣдетъ на балъ съ какоюнибудь цѣлью: одни, чтобы танцовать, другіе, чтобы поболтать съ женщинами... Но что тамъ дѣлать поручику Ключинскому, который не умѣетъ ни танцовать, ни говорить по-французски?.. Не будутъ же для васъ говорить по-русски...

Ключинскаго задѣли за живое, онъ вспыхнулъ и отъ волненія сначала не могъ ничего сказать: глаза его широко раскрылись, грудь высоко поднялась...

— Я сошлюсь, на кого хотите, и всё присоединятся къ моему мнѣнію... А? Что?

Ключинскій отступилъ назадъ и прохрипѣлъ злобно и угрожающе графу:

— Это глупо... да, глупо... И графъ долженъ понимать, какъ неприличенъ его поступокъ!..

— Что, что онъ сказалъ? Повторите! — крикнулъ графъ, хватаясь за эфесъ шпаги.

Группа офицеровъ около графа и Ключинскаго затихла и присмирѣла въ ожиданіи.

— Я сказалъ, что графъ долженъ понимать, что прилично и что неприлично!—повторилъ Ключинскій.—Иначе онъ не графъ, а грубое животное, саножникъ!..

Графъ П. покраснѣлъ: онъ не ожидалъ такой смѣлости отъ незамѣтнаго человѣка, и она застала его врасплохъ. Онъ покраснѣлъ, беспомощно оглянулся кругомъ, словно ища защиты. И всадъ

онъ встрѣтилъ опущенные взоры. Никто ничего не могъ совѣтовать въ дѣлѣ, которое настоятельно требовало скорого разрѣшенія...

— Я заставлю васъ замолчать! — нашелся наконецъ графъ. — Я васъ заставлю!..

— Какъ меня заставить графъ, случайно носящій это званіе? — произнесъ Ключинскій. — Интересно посмотрѣть, какъ онъ это сдѣлаетъ...

— Вотъ какъ! — сказалъ графъ П. и, поднеся перчатку къ лицу Ключинскаго, ударилъ его ею по носу. — Вотъ такъ!..

Ключинскій замеръ на минуту, потомъ сжалъ кулакъ, замахнулся... Графъ лежалъ на травѣ и сплился подняться...

— Удовлетвореніе... Я требую удовлетворенія... — крикнулъ графъ. — Баронъ, вы мой секундантъ, прошу васъ не отказать мнѣ въ этомъ...

Графъ вскочилъ на ноги, отряхнулся и посмотрѣлъ на Ключинскаго...

Тотъ сконфуженно подошелъ къ ротмистру, стоявшему неподалеку, и сказалъ ему что-то. Ротмистръ кивнулъ головой и подошелъ къ барону, секунданту графа.

Потомъ секунданты разошлись; офицеры окружили противниковъ плотнымъ кольцомъ...

Послышался звукъ ударовъ стали, скрестились шпаги... Голоса затихли...

А неподалеку лилась солдатская пѣсня, грустная, протѣжная и однообразная...

.....
Потомъ офицеры разступились, а графъ П. направился къ лаваретной линейкѣ, закрывъ платкомъ свою выхолченную лѣвую щеку.

— Дуэли не было, — заговорили въ толпѣ офицеровъ. — Они только поссорились... Это всё видѣли... Ближайшіе солдаты тоже видѣли, какъ Ключинскій ударилъ графа...

IV.

Присутствіе нижнихъ чиновъ при ссорѣ офицеровъ заставило начальство предать суду и Ключинскаго, и графа П. Они обвинялись въ «производствѣ ссоры», и никто не поднималъ рѣчи о томъ, что произошло послѣ ссоры. Сказано было лишь, что ссора эта была прекращена, благодаря внимательству ротмистра и барона.

Были допрошены свидѣтели происшествія, и всё согласно показали о ссорѣ и ни словомъ не обмолвились о дуэли.

Въ такомъ же духѣ былъ составленъ и докладъ по дѣлу; докладъ былъ необычайно кратокъ, многое было замолчано, упущено,

чтобы не подвергать виновныхъ тяжкимъ наказаніямъ, которыя стали практиковаться за дуэли въ николаевскую эпоху.

Въ конечномъ результатѣ было опредѣлено: Ключинскаго выдержать одинъ мѣсяцъ въ крѣпости на гауптвахтѣ и перевести въ армію, графа П. разжаловать въ рядовые до выслуги съ переводомъ въ армію.

Такимъ образомъ, Ключинскій дождался перевода въ армію и чувствовалъ себя очень довольнымъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МИТРОПОЛИТЪ СЕРАФИМЪ НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 14-ГО ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА¹⁾.

МАНИФЕСТЪ былъ подписанъ императоромъ 12-го декабря—о вступленіи его на прародительскій престолъ, а 14-го обнародовали. Поэтому сего числа въ шесть съ половиною часовъ утра преосвященный митрополитъ новгородскій Серафимъ отправился въ сенатъ, въ общее присутствіе, въ коемъ собраны были: члены святѣйшаго синода, государственный совѣтъ, министры, всѣ департаменты сената и прочіе правители.

Въ 7 часовъ и 20 минутъ прочтенъ въ ономъ манифестъ и всѣ акты, касающіеся до отреченія цесаревича Константина Павловича и до наслѣдія Николаю Первому. Сряду послѣ того učinена и присяга на вѣрность всѣми тутъ бывшими. За симъ члены синода отправились въ синодъ для дальнѣйшихъ распоряженій. Во дворцѣ же собираться назначено было первоначально въ 11 часовъ, но по утру отмѣнено до двухъ часовъ. Въ 8 и 9 часовъ утра присягали войска подъ главнымъ распоряженіемъ корпуснаго командира Воинова, а въ 12-мъ часу присягали присутственныя мѣста, духовенство и народъ, а потому и литургія сего дня совершаемы были въ 12-мъ и первомъ часу;

¹⁾ Разсказъ этотъ взятъ изъ записокъ очевидца, дьякона Прохора Иванова, который съ 1814 года служилъ при митрополитѣ петербургскомъ и новгородскомъ. За то, что онъ сопутствовалъ митрополиту Серафиму на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года, дьяковъ Иванъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны третьей степени.

въ нѣкоторыхъ церквахъ читаны были и манифесты, но благодарственные молебствія по предписанію консисторіи совершаемы были по всей столицѣ. Преосвященный митрополитъ Серафимъ съ Евгеніемъ, митрополитомъ кievскимъ, Іоною, архіепископомъ тверскимъ, Авраамомъ, архіепископомъ ярославскимъ, духовникомъ Круницкимъ, оберъ-священникомъ Державинымъ и придворнымъ духовенствомъ, прибылъ въ придворную большую церковь въ первомъ часу дня, облачился въ бархатное зеленое облаченіе, возложъ панагію, крестъ и митру брилліантовые, а митрополитъ кievскій облачился въ бархатное пунцовое облаченіе, и ожидали къ двумъ часамъ въ церковь пришествія государя императора Николая I и всей августѣйшей фамиліи; въ то же время собрались и всѣ особы обоого пола, имѣющія пріѣздъ ко двору, на половину вдовствующей государыни.

Между тѣмъ въ исходѣ перваго часа часть Московскаго и Гренадерскаго полковъ и Гвардейскаго экипажа, выбѣжавъ изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами, присовокупивъ къ себѣ и чернь, выстроилась въ карре на Сенатской площади противъ монумента Петра I, лицомъ къ адмиралтейству. Государь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ явиться предъ нимъ всему войску столичному, а самъ, предводительствуя первымъ батальономъ Преображенскаго полка, приближался къ мѣсту, но бунтующіе не смирялись... И первый с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ, генераль отъ инфантеріи, графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, коего въ 52-хъ сраженіяхъ Провидѣніе сохраняло отъ смерти, ѣхавши верхомъ на лошади, раненъ штыкомъ и пулею отъ руки бунтовщика Каховскаго, и чрезъ 12 часовъ въ казармахъ конно-гвардейскихъ скончался.

Государь долгое время призывалъ мятежниковъ къ долгу и смиренію, но они не внимали сему воззванію, и чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе чернь къ нимъ по невѣдѣнію присоединялась. Тогда государь въ 2 часа и 15 минутъ далъ повелѣніе генераль-адъютанту Стрекалову, чтобы призвать изъ дворцовой церкви преосвященнаго митрополита новгородскаго Серафима съ крестомъ къ симъ мятежникамъ. Генераль стремглавъ явился въ церковь и объявилъ митрополиту высочайшую волю. Митрополитъ съ духовенствомъ послѣдовалъ за генераломъ, но генераль ежеминутно повторялъ митрополиту:

— Поскорѣе, какъ можно, время не терпите!

По выходѣ митрополита на Дворцовую площадь часть полка Гренадерскаго бѣжала съ ружьями и примкнутыми штыками съ крикомъ: «ура! ура! Константинъ!!» на дворцовый дворъ для занятія дворца, но этотъ послѣдній саперами былъ уже окруженъ. Затѣмъ поданъ былъ собственный митрополита экипажъ, въ который сѣли два митрополита—Серафимъ и Евгеній, и два діакона—

Прохоръ Ивановъ ¹⁾ и Павелъ Ивановъ. Первосвятитель пригласилъ съ собою и генерала, но Стрекаловъ отказался говоря: «васъ однихъ туда, куда везу, не пропустятъ». И самъ, вставши на запятки за карету, немедленно представилъ государю, вѣдущему верхомъ съ генералами Васильчиковымъ и Бенкендорфомъ на площадь, противъ адмиралтейской церкви, на уголь, гдѣ стояло войско. Митрополиты, вышедъ изъ кареты съ діаконами, въ сопровожденіи генерала, слѣдовали къ бунтующимъ; но со стороны ихъ и отъ полка Конногвардейскаго сдѣлалась сильная перепалка. Предстоящій народъ, падая на землю, бѣжалъ навстрѣчу сему духовенству. Митрополитъ, остановивъ народъ, спросилъ: «Что вы бѣжите, и что такое здѣсь дѣлается?»—Народъ, рыдая, отвѣтствовалъ: «Бунтъ!.. куда вы, вѣдь и васъ убьютъ!.. Генераль Милорадовичъ уже смертельно раненъ; едва ли и живъ... Да и тѣхъ, кто ихъ уговариваетъ, бьютъ нещадно»...

Митрополитъ остановился, и сѣлъ было обратно въ карету, но государь, командуя и распоряжаясь войскомъ, вторично прислалъ генераль-адъютанта Ларіона Васильевича Васильчикова, чтобы убѣдить митрополита отъ имени его величества идти къ мятежникамъ, невзирая на угрозы. Генераль прискакалъ къ каретѣ митрополита и убѣдилъ, заклиная спасеніемъ Россіи, будучи самъ въ слезахъ, маститаго старца.

Первосвятитель церкви, повинувшись воззванію возлюбленнаго своего монарха и исполняя священныя слова, сего же дня имъ произнесенныя, не щадя жизни своей, слѣдовалъ на площадь Петровскую къ бунтующимъ въ сопровожденіи двухъ діаконъ, генерала и полицеймейстера. Бунтующіе стояли около сената, напротивъ ихъ—кавалерія, отъ Невы—преображенцы, а отъ Исаакія—заборъ. Тутъ же предъ глазами владыки застрѣленъ былъ командиръ Лейбъ-Гренадерскаго полка, полковникъ Стюрлеръ, уговаривавшій солдатъ, и по отведеніи въ скоромъ времени скончался. Тутъ тысячи голосовъ раздавались въ народѣ: кто кричитъ: «не ходите! ранять, убьютъ». Кто говоритъ: «идите!» Иной съ угрозою кричитъ: «Это дѣло ваше—духовное, это не непріатели, а русскіе христіане»... И такъ съ крестомъ стоялъ первосвятитель среди площади, и когда чрезъ полицеймейстера Лихачева вызванъ былъ митрополитъ кievскій Евгенийъ изъ кареты, у коего народъ оторвалъ палицу, удерживая, тогда оба іерарха, поговоривъ между собою, рѣшились умереть за вѣру, отечество и царя; приложились всѣ четверо къ животворящему кресту, и первый митрополитъ Серафимъ перекрестясь, стремительно бросился, имѣя въ рукахъ духовное оружіе—крестъ, къ мятежникамъ; за нимъ слѣдовали митрополитъ Евгенийъ и діаконы. Мятежническое оружіе замолкло, и

¹⁾ Самъ авторъ воспоминаній.

они, увидѣвъ своего архипастыря, съ крестомъ въ рукахъ къ нимъ грядущаго, начали креститься, а иные стали и прикладываться. Первосвятитель у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Войны! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно, три—четыре, отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣ насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противу сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните...

Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилаь изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ окопахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь!.. Это дѣло не ваше: мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь!..

Невинные воины, по данному отъ сихъ офицеровъ сигналу, отвѣтствовали только одно: «ура, Константинъ!» При этомъ владыко сколько ни усиливался убѣждать и увѣрять, однако все это мятежниками пренебрежено; когда уже надъ головами первосвятителей начали фехтовать шпагами, крича: «ура, Константинъ!» и со всѣхъ сторонъ окружила толпа съ ружьями, тогда преосвященные съ діаконами принуждены поспѣшно удалиться въ разломанный заборъ, къ Исаакіевскому собору, въ сопровожденіи черни. Близъ Синяго моста оба митрополита сѣли на двухъ простыхъ извозчиковъ, позади стали діаконы въ стихаряхъ, и такимъ образомъ возвратились въ Зимній дворецъ. Тутъ митрополитъ Евгеній прошелъ въ церковь, а митрополитъ Серафимъ—въ комнаты государя императора. Идя по апартаментамъ вдовствующей государыни, гдѣ собравшаяся знать, будучи въ страхѣ, спрашивала первосвятителя:

— Чѣмъ насъ утѣшите? Что тамъ дѣлается?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Обругали и прочь отослали.

Митрополитъ вошелъ въ кабинетъ государя. Между тѣмъ, по отбытіи первосвященителей отъ мятежниковъ, войска окружили Петровскую площадь, и тогда государь далъ рѣшительное повелѣніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ картечью, послѣ чего и учинено было около двадцати выстрѣловъ.

Бунтующіе приведены были симъ въ замѣшательство, многіе побиты на мѣстѣ, иные разбѣжались, другіе атакованы; тотчасъ по столицѣ разосланы изъ конныхъ полковъ сильныя дозоры, которые болѣе 500 человекъ нахватили разныхъ состояній. Войска же, разложивъ огни, стояли всю ночь съ заряженными пушками кругомъ дворца... Митрополитъ въ 5 часовъ возвратился въ церковь, а государь во дворецъ отъ войскъ, и знать вся введена была въ церковь.

Въ 6 часовъ и 20 минутъ государь съ супругою своею, съ наслѣдникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, прибывшимъ въ сіи смутныя минуты изъ Варшавы, соизволили войти въ церковь. Во вратахъ митрополитъ Серафимъ съ членами синода встрѣтилъ ихъ величествомъ, оградивъ крестомъ, съ сими словами: «Благословенъ грядый во имя Господне». Какая сцена! Государь и императрица неутѣшно плакали, а публика, стоящая въ церкви, просто сказать, рыдала; потомъ приложились ко кресту и окроплены святою водою, со взаимнымъ руки цѣлованіемъ, слѣдовали на мѣсто къ рѣшеткѣ. Протодіаконъ Кодратъ, стоя на своемъ мѣстѣ, возгласилъ: «Благослови, владыко». Митрополитъ: «Слава святѣй». Пѣвчіе: «аминь, Царю Небесный». Ектенья, отпустъ и многолѣтіе одному государю Николаю Павловичу. При поднесеніи креста митрополитъ сдѣлалъ государю привѣтствіе, а потомъ и государыни императрицѣ... Государь съ императрицей весь молебень простояли на колѣняхъ и со слезами просили благословенія Божія на царствованіе, ибо это — день радости, день и печали. Вдовствующая императрица соизволила слушать молебень въ своей молитвенной близъ алтаря, гдѣ первосвященитель съ членами синода приносилъ ея величеству поздравленіе. Государыня, обратясь къ митрополиту, спрашивала его о мятежникахъ и о прочемъ. Потомъ, разоблачась, іерархи отправились изъ дворца съ провожатымъ, такъ какъ всѣ особы въ этотъ вечеръ отправлялись по билетамъ изъ дворца.

Атакованные на площади и взятые по городу разные люди были приведены подъ главнымъ надзоромъ графа Комаровскаго въ крѣпость, и по утру, на другой день, на Петровской же площади мятежники приняли присягу въ присутствіи государя, и знамя, котораго они вчера были лишены, возвращено было имъ.

Потомъ учреждена была слѣдственная комиссія подъ предѣлительствомъ великаго князя Михаила Павловича, гдѣ увѣщателемъ былъ о. ключарь казанскій Мысловскій. Главныя виновники 121

человѣкъ, содержащійся въ крѣпости, были въ домѣ коменданта допрошены и преданы особо учрежденному верховному уголовному суду, въ коемъ находились, кромѣ синода, совѣта и сената, многія другія государственныя особы. Пять человѣкъ преступниковъ: Пестель, Муравьевъ-Апостоль, Бестужевъ-Рюминъ, Рылѣевъ и Каховскій, 13-го іюля 1826 года въ третьемъ часу утра, въ присутствіи военнаго генераль-губернатора Кутузова и войска, приведены были во всей своей формѣ близъ крѣпости на валъ, къ висѣлицѣ. И Пестель, какъ главный злоумышленникъ, взглянувъ на оную, сказалъ: «О, какою гнусною смертью умираемъ!» Послѣ того прочтенъ имъ былъ указъ, одѣты въ особо устроенное бѣлое съ подписью одѣяніе, простылись другъ съ другомъ, покаялись, связаны имъ руки, приведены на мѣсто, головы ихъ положены въ петлю и повѣшены. Затѣмъ приведены близъ того же мѣста и прочіе 116 человѣкъ, прочтенъ имъ указъ; одѣты они были въ особо устроенное одѣяніе, лишены чиновъ и званій. Мундиры, эполеты, ордена и проч. съ нихъ были сорваны и брошены въ огонь, и переломлены надъ ними пики и отправлены тотчасъ же въ Кронштадтъ. При этомъ кто посланъ былъ въ каторгу, иные на поселеніе, другіе отданы въ солдаты. Мѣсто же, гдѣ происходилъ бунтъ, на другой день, т.-е. 14-го іюля, въ присутствіи государя и государыни, всѣмъ святѣйшимъ синодомъ освящено особо для сего случая составленнымъ молебномъ, при цѣпечной палѣбѣ и при собраніи воинства.

За вышеизложенный подвигъ преосвященные митрополиты награждены панагіями, а діаконы деньгами, при рескриптахъ и повелѣніи.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

«Преосвященнѣйшіи митрополитъ новгородскій
и с.-петербургскій Серафимъ!

«Подвигъ Вашъ въ 14-й день сего декабря, когда вы съ ревностью, достойною архипастырскаго сана вашего, не щадя живота своего, лично предстали предъ толпу возставшихъ противъ законной власти и гласомъ кроткихъ убѣжденій тѣлались преклонить заблудшихъ сихъ овецъ къ повинновенію, обратилъ мое на васъ вниманіе.

«Въ засвидѣтельствованіе онаго и въ знакъ признательности моея за то жалую вамъ украшенную брильянтами панагію, у сего препровожденную.

«Поручая себѣ молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный

«Николай».

«С.-Петербургъ, 26-го декабря 1826 года».

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

«Высокопреосвященнѣйшіи владыко!

«Милостивый государь и архипастыр!»

«Получивъ письмо вашего высокопреосвященства съ изъясненіемъ мнѣнія вашего о вознагражденіи двухъ діаконовъ, находившихся при васъ на Петровской площади 14-го декабря прошлаго года, я докладывалъ о томъ государю императору.

«Его величество всемилостивѣйше по назначенію вашему соизволилъ пожаловать діакону Павлу Иванову 250 рублей, діакону Прохору Иванову 600 рублей единовременно въ награду за ихъ усердіе.

«Во исполненіе такой монаршей воли препровождаю объ суммѣ сіи къ вамъ, высокопреосвященнѣйшіи владыко, покорнѣйше прошу о полученіи оныхъ меня увѣдомить.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть

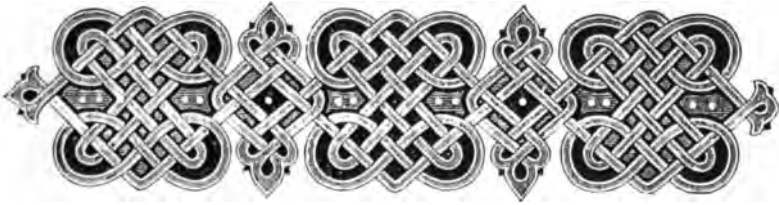
«вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

«князь Александръ Голицынъ».

«С.-Петербургъ, 21-го декабря 1826 года».

Сообщилъ А. А. Алфеевъ.

ДУЭЛЬ ПУШКИНА СЪ ДАНТЕСОМЪ.

(Новые матеріалы¹).

ИСТОРИЯ послѣдней дуэли Пушкина далеко не выяснена. Данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, немногочисленны и, за небольшими исключеніями, не имѣютъ характера достовѣрности. Официальныя бумаги о дуэли Пушкина, опубликованныя въ 1899 году²), свидѣтельствуютъ о томъ, что слѣдствіе не распространилось на многія обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Пушкина, которыя могли бы пролить свѣтъ на причины дуэли. Извѣстія и воспоминанія друзей и современниковъ Пушкина требуютъ тщательной критической повѣрки: въ современныхъ воспоминаніяхъ слишкомъ много мѣста отведено слухамъ и субъективнымъ предположеніямъ, а рассказы друзей, быть можетъ, иногда грѣшили нѣкоторымъ безсознательнымъ, конечно, искаженіемъ дѣйствительности, допущеннымъ по дипломатическимъ соображеніямъ. Да, наконецъ, даже ближайшіе друзья не знали всей истины о событіяхъ, предшествовавшихъ дуэли. 9-го февраля 1837 года кн. П. А. Вяземскій писалъ къ А. Я. Булгакову: «Адскія козны опутали ихъ (Пушкина и его жену) и остаются еще подъ мракомъ. Время, можетъ быть, раскроетъ ихъ»³). А 10-го февраля Вяземскій писалъ

¹) Въ предлагаемыхъ статьяхъ мы имѣемъ въ виду опубликовать нѣкоторыя изъ матеріаловъ, собранныхъ для подготовляемой нами къ печати біографіи А. С. Пушкина.

²) Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гёкорономъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. (чб. 1900).

³) «Русскій Архивъ», 1879, II, стр. 253.

тому же лицу: «Чѣмъ болѣ думаешь объ этой потерѣ, чѣмъ болѣ проповѣдываешь обстоятельствъ, донинѣ бывшихъ въ неизвѣстности и которыя время начинаетъ раскрывать понемногу, тѣмъ болѣ сердце обливается кровью и слезами. Адскія сѣти, адскія козни были устроены противъ Пушкина и жены его. Раскроетъ ли время ихъ вполне или нѣтъ, неизвѣстно»¹⁾).

И до сихъ поръ время не раскрыло пружинъ тайныхъ интригъ противъ Пушкина. Правда, немало деталей уже выяснено, собраны, кажется, всѣ возможныя объясненія причинъ дуэли, но всеї истинной мы еще не владѣемъ и поэтому не можемъ пока написать прагматическую исторію дуэли Пушкина. Подобная попытка была сдѣлана въ 1901 году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» г. Никольскимъ²⁾. Не обладая достаточнымъ количествомъ фактовъ, г. Никольскій для заполнения пробѣловъ построилъ цѣлый рядъ предположеній, иногда весьма правдоподобныхъ, но нуждающихся для своего обоснованія въ фактическомъ подтвержденіи.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду предложить нѣкоторыя новые матеріалы, относящіяся до послѣдней дуэли Пушкина. Эти матеріалы добавляют немало подробностей къ извѣстнымъ намъ даннымъ, освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ концѣ 1836 и началѣ 1837 годовъ и измѣняютъ нѣкоторыя представленія.

I.

Князь П. А. Вяземскій — о дуэли Пушкина.

Сохранилось немало писемъ о причинахъ дуэли и обстоятельствахъ смерти Пушкина. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ близкимъ друзьямъ поэта. Адресованныя различнымъ лицамъ, эти письма расходились въ многочисленныхъ спискахъ. Авторы предусматривали такое распространеніе. «Пожалуйста, покажи мое письмо Ив. И. Дмитріеву и Солицову, — писалъ А. Я. Булгакову П. А. Вяземскій, — или лучше дай имъ копію съ него, и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь». Сплетни и слухи о поводахъ къ дуэли распространялись не только по всему Петербургу, но всей Россіи; много рассказывали о поведеніи жены Пушкина. Въ массѣ, кажется, не были убѣждены въ ея невинности. Задача друзей Пушкина заключалась въ прекращеніи всякихъ толковъ, оскорбительныхъ для памяти Пушкина. Письмо князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, предназначенное для самаго широкаго распространенія, заканчивалось слѣдующими словами: «Покажи мое

¹⁾ Ibid., стр. 203.

²⁾ Отд. изд. Послѣдняя дуэль Пушкина. Биогр. очеркъ Б. В. Никольскаго. Спб. 1901.

письмо Баратынскому, Раевскому, П. В. Нащокину и всѣмъ тѣмъ, которымъ память Пушкина драгоценна. Болѣе всего не забывайте, что Пушкинъ намъ всѣмъ, друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприказчикамъ, завѣщаль священную обязанность оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ такъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней и въ убѣжденіи, что она невинна. И мы, очевидцы всего, что было, проникнуты этимъ убѣжденіемъ. Это главное въ настоящемъ положеніи».

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о дуэли и смерти поэта являются цитированныя нами письма князя П. А. Вяземскаго отъ 5-го и 9-го февраля 1837 года¹⁾. Но въ нихъ князь Вяземскій подробно рассказываетъ о кончинѣ Пушкина, о событіяхъ, за нею послѣдовавшихъ, и слишкомъ бѣгло останавливается на причинахъ дуэли Пушкина. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу.

«Ясно изложить причины, которыя произвели это плачевное слѣдствіе, невозможно, потому что многое остается тайной для насъ самихъ, очевидцевъ. Впрочемъ и тѣмъ, что мы знаемъ, можно объяснить случившееся слѣдующимъ образомъ. Анонимныя письма, о которыхъ ты вѣрно уже знаешь, лежали горячею отравой на сердцѣ Пушкина. Ему нужно было выбросить этотъ ядъ съ своею кровью, или съ кровью того, который былъ причиною или предлогомъ нанесеннаго Пушкину оскорбленія. Въ первую минуту по полученіи этихъ писемъ онъ съ яростью бросился на Геккерена и вызывалъ его драться. Со стороны старика Геккерена пошли переговоры, и по его просьбѣ дуэль отсрочена на 15 дней. Въ эти 15 дней неожиданно, непонятно для всѣхъ, уладилась свадьба молодого Геккерена съ сестрой Пушкиной. Пушкинъ о томъ ничего не зналъ; узнавъ, не вѣрилъ тому и полагалъ, что все это военная или дипломатическая хитрость; но когда помолвка совершилась, онъ обратно взялъ картель, признавая, вѣроятно, въ душѣ своей эту странную свадьбу (которая во всякомъ случаѣ накидывала неблагоприятную тѣнь на молодого Геккерена) за достаточную для себя сатисфакцію и съ другой стороны признавая, повидимому, несбыточность дуэли за жену свою съ тѣмъ, который женится на сестрѣ ея. Между тѣмъ тутъ же объявилъ онъ, что хотя отъ поединка, предложеннаго имъ, и отказывается, но семейныхъ и даже общихъ сношеній съ семействомъ Геккерена имѣть не будетъ. Не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ

¹⁾ «Русск. Арх.», 1879, II, стр. 243 и слѣд. Письмо Вяземскаго отъ 5-го февраля пользовалось значительнымъ распространеніемъ. Оно напечатано, между прочимъ, какъ письмо неизвѣстнаго очевидца, въ «Русской Старинѣ» 1875 года, т. XIV, стр. 8 и слѣд.

Геккерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ точности соблюдено. Все это замазало рану, не исцѣлило. Женитьба Геккерена мало что измѣнила въ общемъ ихъ положеніи. Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женитьбы. Городскіе толки не умолкли, напротивъ общее вниманіе недоброжелательнаго, убійственнаго свѣта впилося еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь кровавая и ужасная развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ, ему стало невтерпежъ. Онъ налилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего въ письмѣ къ старику-Геккерену, желая, жаждая развязки».

По счастью, кн. Вяземскій оставилъ и болѣе подробный рассказъ о причинахъ дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Рассказъ этотъ находится въ письмѣ его къ великому князю Михаилу Павловичу. Исслѣдователямъ извѣстно это письмо, но далеко не въ подлинномъ и полномъ видѣ. Въ 1879 году издатель «Русскаго Архива» напечаталъ отрывокъ изъ этого письма по черновику, оставшемуся въ бумагахъ князя Вяземскаго ¹⁾. Къ сожалѣнію, изданный П. И. Бартевымъ отрывокъ заключаетъ какъ разъ наименѣе интересную часть письма князя П. А. Вяземскаго. Впрочемъ эта часть, какъ увидимъ ниже, даетъ ключъ ко всему письму. Оригиналъ письма— на французскомъ языкѣ. Мы приводимъ русскій переводъ съ вполне исправнаго французскаго списка. Письмо написано княземъ Вяземскимъ 14-го февраля 1837 года и отправлено при оказіи съ генераломъ Философовымъ за границу, гдѣ въ то время находился великій князь. Михаилъ Павловичъ получилъ письмо лишь 14-го марта въ Римѣ и отвѣчалъ на него 29-го мая (10-го іюня) 1837 года.

Письмо князя Вяземскаго распадается на двѣ части. Въ первой авторъ рассказываетъ исторію дуэли и обстоятельства смерти Пушкина. Относительно обстоятельствъ кончины письмо не даетъ ничего новаго сравнительно, напримѣръ, съ описаніемъ, сдѣланнымъ княземъ Вяземскимъ для Булгакова, но исторія дуэли передана съ подробностями, для насъ неизвѣстными. Кажется, что въ письмѣ къ великому князю князь Вяземскій чувствовалъ себя болѣе свободнымъ отъ исполненія тѣхъ обязанностей душеприказчика, о которыхъ онъ писалъ А. Я. Булгакову. Помимо новыхъ деталей, письмо князя Вяземскаго особенно цѣнно, какъ продуманное и цѣльное изложеніе исторіи дуэли, какъ она представлялась друзьямъ Пушкина. Остановимся на первой части.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1879, 8, стр. 556 и слѣд.

1.

Князь П. А. Вяземскій писалъ великому князю Михаилу Павловичу.

«Ваше высочество!

«По всей вѣроятности, ваше императорское высочество, интересуетесь нѣкоторыми подробностями прискорбнаго событія, которое такимъ трагическимъ образомъ похитило отъ насъ Пушкина. Вы удосталвали его своей благосклонностью, его доброе имя и его слава принадлежать родинѣ и, такъ сказать, царствованію государя императора. При своемъ вступленіи на престолъ, онъ самъ призвалъ поэта изъ изгнанія, любя своей благородной и русской душой его талантъ, и принялъ въ его геніи истинно-отеческое участіе, которое не измѣнилось (въ немъ) ни въ продолженіе жизни его, ни у его смертнаго одра, ни по ту сторону его могилы, такъ какъ онъ не забылъ своими щедротами ни его вдовы, ни дѣтей. Эти соображенія, а также тайна, которая окружаетъ послѣднія событія въ его жизни и тѣмъ даетъ обширную пищу людскому невѣжеству и злобѣ для всевозможныхъ догадокъ и ложныхъ истолкованій, обязываютъ друзей Пушкина разоблачить все, что только имъ извѣстно по этому поводу, и показать такимъ образомъ его личность въ ея настоящимъ свѣтѣ. Вотъ съ какою цѣлью я осмѣливаюсь обратиться къ вашему высочеству съ этими строками. Соболаговолите удѣлнить имъ нѣсколько минутъ своего досуга. Я буду говорить одну только правду.

«Вашему императорскому высочеству безызвѣстно, что молодой Геккеренъ ухаживалъ за г-жею Пушкиной. Это неушѣренное и довольно открытое ухаживаніе породило сплетни въ гостиныхъ и мучительно озабочивало мужа. Несмотря на это, онъ, будучи увѣренъ въ привязанности къ себѣ своей жены и въ чистотѣ ея помысловъ, не воспользовался своею супружескою властью, чтобы во-время предупредить послѣдствія этого ухаживанія, которое и привело, на самомъ дѣлѣ, къ неслыханной катастрофѣ, разразившейся на нашихъ глазахъ. 4-го ноября прошлаго года моя жена вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ запечатанной запискою, адресованной Пушкину, которую она только что получила въ двойномъ конвертѣ по городской почтѣ. Она заподозрѣла въ ту же минуту, что здѣсь крылось что нибудь оскорбительное для Пушкина. Раздѣляя ея подозрѣнія и воспользовавшись правомъ дружбы, которая связывала меня съ нимъ, я рѣшился распечатать конвертъ и нашелъ въ немъ прилагаемый документъ ¹⁾. Первымъ моимъ двн-

¹⁾ Речь идетъ объ извѣстномъ дипломѣ.

«истор. вѣстн.», январь, 1906 г., т. XLV.

женіемъ было бросить бумагу въ огонь, и мы съ женой дали другъ другу слово сохранить все это въ тайнѣ. Вскорѣ мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получилъ такое же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему его друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы. Эти письма привели къ объясненіямъ супруговъ Пушкинскихъ между собой и заставили невинную, въ сущности, жену признаться въ легкомысліи и вѣтренности, которыя побуждали ее относиться снисходительно къ навязчивымъ ухаживаніямъ молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть. Пушкинъ былъ тронутъ ея довѣріемъ, раскаяніемъ и встревоженъ опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячимъ и страстнымъ характеромъ, не могъ отнестись хладнокровно къ положенію, въ которое онъ съ женой былъ поставленъ; мучимый ревностью, оскорбленный въ самыхъ нѣжныхъ, сокровенныхъ своихъ чувствахъ, въ любви къ своей женѣ, видя, что честь его задѣта чьей-то неизвѣстной рукой, онъ послалъ вызовъ молодому Геккерену, какъ единственному виновнику, въ его глазахъ, въ двойной обидѣ, нанесенной ему въ самое сердце. Необходимо при этомъ замѣтить, что какъ только были получены эти анонимныя письма, онъ заподозрѣлъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ этою увѣренностью. Мы такъ никогда и не узнали, на чемъ было основано это предположеніе, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимымъ. Только неожиданный случай далъ ему въ послѣдствіи нѣкоторую долю вѣроятности. Но такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, ни даже положительныхъ основаній, то это предположеніе надо отдать на судъ Божій, а не людской. Вызовъ Пушкина не попалъ по своему назначенію. Въ дѣло выѣхался старшій Геккеренъ. Онъ его принялъ, но отложилъ окончательное рѣшеніе на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все болѣе спокойно. Найдя Пушкина, по истеченіи этого времени, непоколебимымъ, онъ разсказалъ ему о своемъ критическомъ положеніи и затрудненіяхъ, въ которыя его поставило это дѣло, каковъ бы ни былъ его исходъ; онъ ему говорилъ о своихъ отеческихъ чувствахъ къ молодому человѣку, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, съ цѣлью обезпечить ему благосостояніе. Онъ прибавилъ, что видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, онъ попросилъ новой отсрочки на недѣлю. Принимая вызовъ отъ лица молодого человѣка, т.-е. своего сына, какъ онъ его называлъ, онъ тѣмъ

не менѣе увѣрилъ, что тотъ совершенно не подозрѣваетъ о вызовѣ, о которомъ ему скажутъ только въ послѣднюю минуту. Пушкинъ, тронутый волнсіемъ и слезами отца, сказалъ: «Если такъ, то не только недѣлю—я вамъ даю двѣ недѣли сроку и обязуюсь честнымъ словомъ не давать никакого движенія этому дѣлу до назначеннаго дня и при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ вести себя такъ, какъ если бы между нами ничего не произошло». Итакъ, все должно было оставаться безъ перемѣны до рѣшающаго дня. Начиная съ этого момента, Геккеренъ пустилъ въ ходъ всѣ военныя пріемы и дипломатическія хитрости. Онъ бросился къ Жуковскому и Михаилу Вѣльгорскому, чтобы уговорить ихъ стать посредниками между нимъ и Пушкинымъ. Ихъ миролюбивое посредничество не имѣло никакого успѣха. Черезъ нѣсколько дней Геккеренъ-отецъ распустить слухъ о предстоящемъ бракѣ молодого Геккерена съ Екатериной Гончаровой. Онъ увѣрилъ Жуковскаго, что Пушкинъ ошибается, что сынъ его влюбленъ не въ жену его, а въ свояченицу, что уже давно онъ умоляетъ ея отца согласиться на ихъ бракъ, но что тотъ, находя бракъ этотъ неподходящимъ, не соглашался, но теперь, видя, что дальнѣйшее упорство съ его стороны привело къ заблужденію, грозящему печальными послѣдствіями, онъ наконецъ далъ свое согласіе. Отецъ требовалъ, чтобы объ этомъ во всякомъ случаѣ ни слова не говорили Пушкину, чтобы онъ не подумалъ, будто эта свадьба была только предлогомъ для избѣжанія дуэли. Зналъ характеръ Геккерена-отца, скорѣе всего можно предположить, что онъ говорилъ все это въ надеждѣ на чью либо нескромность, чтобы обмануть довѣрливаго и чистосердечнаго Пушкина ¹⁾. Какъ бы то ни было, тайна была соблюдена, срокъ близился къ окончанію, а Пушкинъ не дѣлалъ никакихъ

¹⁾ Это сообщеніе Вяземскаго пополняетъ наши свѣдѣнія о томъ, что происходило въ теченіе двухнедѣльнаго промежутка со времени перваго вызова. При сопоставленіи этихъ данныхъ съ рассказомъ Дантеса (въ брошюрѣ: *Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина*. Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1863, стр. 10-11) обнаруживается ихъ сходство въ главнѣйшемъ и различіе—не въ пользу Дантеса—въ мелочахъ. «Вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, кн. Вяземскому и барону Геккерену, отцу. Всѣ они старались потушить исторію и разстроить дуэль. Геккеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что баронъ Дантесъ дѣлалъ это съ благородною цѣлію, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной, К. Н. Гончаровой.

«Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ барону Геккерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательныя слухи.

«Вслѣдствіе ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но Дантесъ на другой или даже въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе».

уступокъ, и бракъ былъ рѣшенъ между отцомъ и теткой, г-жей Загряжской¹⁾. Было бы слишкомъ долго излагать вашему императорскому высочеству всѣ лукавые происки молодого Геккерена во время этихъ переговоровъ. Приведу только одинъ примѣръ. Геккерены, старый и молодой, возымѣли дерзкое и подлое намѣреніе попросить г-жу Пушкину написать молодому человѣку письмо, въ которомъ она умоляла бы его не драться съ ея мужемъ. Разумѣется, она отвергла съ негодованіемъ это низкое предложеніе. Когда Пушкинъ узналъ о свадьбѣ, уже рѣшенной, онъ, конечно, долженъ былъ счесть ее достаточнымъ для своей чести удовлетвореніемъ, такъ какъ всему свѣту было ясно, что это бракъ по разсудку, а не по любви. Чувства, или такъ называемыя «чувства» молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая дѣлала этотъ бракъ довольно двусмысленнымъ. Вслѣдствіе этого Пушкинъ взялъ свой вызовъ обратно, но объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что между его семьей и семействомъ свояченицы онъ не потерпитъ не только родственнаго отношенія, но даже простого знакомства, и что ни ихъ нога не будетъ у него въ домѣ, ни его — у нихъ. Тѣмъ, кто обращался къ нему съ поздравленіями по поводу этой свадьбы, онъ отвѣчалъ во всеуслышаніе: «*Tu l'as voulu, Georges Dandin*». Говоря по правдѣ, надо сказать, что мы всѣ, такъ близко слѣдившіе за развитіемъ этого дѣла, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккеренъ рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, лишь бы избавиться отъ поединка. Онъ самъ былъ, вѣроятно, опутанъ темными интригами своего отца. Онъ приносилъ себя ему въ жертву. Я его, по крайней мѣрѣ, такъ понималъ. Но часть общества захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плодъ досужей фантазіи. Ничто ни въ прошломъ молодого человѣка, ни въ его поведеніи относительно нея не допускаетъ мысли ни о чемъ либо подобномъ. Послѣдствія это хорошо доказали, какъ ваше высочество ниже увидите. Во всякомъ случаѣ, это оскорбительное и неосновательное предположеніе дошло до свѣдѣнія Пушкина и внесло новую тревогу въ его душу. Онъ увидалъ, что этотъ бракъ не избавлялъ его окончательно отъ ложнаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Молодой Геккеренъ продолжалъ стоять, въ глазахъ общества, между нимъ и его женой и бросалъ на обоихъ тѣнь, невыносимую для щенетливости Пушкина. Это былъ призракъ, не существовавшій въ дѣйствительности, такъ какъ Пушкинъ былъ увѣренъ въ своей женѣ, но, тѣмъ не менѣе, этотъ призракъ его

¹⁾ Это свѣдѣніе разрѣшаетъ недоумѣніе исследователей о томъ, черезъ кого сдѣлано предложеніе Геккерены. Екатерина Ивановна Загряжская — родная сестра Натальи Ивановны, матери жены Пушкина.

преслѣдоваль. Развѣ могъ страстный и воспримчивый поэтъ обсудить свое положеніе и взглянуть на него, подобно мудрецу или безпристрастному зрѣтелю? Легко такъ говорить равнодушнымъ людямъ, но надо перечувствовать его страданія, всю ту горечь, которая снѣдала бѣднаго Пушкина, чтобы позволить себѣ порицать его. Согласіе Екатерины Гончаровой и все ея поведеніе въ этомъ дѣлѣ непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ея желаніемъ во что бы то ни стало выйти изъ разряда зрѣлыхъ дѣвъ. Пушкинъ все время думаль, что какая нибудь случайность помѣшаетъ браку въ самомъ же началѣ. Все же онъ совершился. Это новое положеніе, эти новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла. Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія силетти возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силою на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе; онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ оттого не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его женѣ на положеніе вещей и его послѣдствія. Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоитъ такъ мучиться, разъ онъ увѣренъ въ невинности своей жены, и увѣренность эта раздѣляется всѣми его друзьями и всѣми порядочными людьми общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что ему недостаточно увѣренности своей собственной, своихъ друзей и извѣстнаго кружка, что онъ принадлежитъ всей странѣ и желаетъ, чтобы имя его оставалось незапятнаннымъ вездѣ, гдѣ его знаютъ. За нѣсколько часовъ до дуэли онъ говорилъ д'Ариіаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которыя заставляли его драться: «Есть двоякаго рода рогоносцы; одни носятъ рога на самомъ дѣлѣ; тѣ знаютъ отлично, какъ имъ быть; положеніе другихъ, ставшихъ рогоносцами по милости публички, затруднительнѣе. Я принадлежу къ послѣднимъ». Вотъ въ какомъ настроеніи онъ былъ, когда пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде. Балъ у Во-

ронцовыхъ, гдѣ, говорятъ, Геккеренъ былъ сильно занятъ г-жею Пушкиной, еще увеличилъ его раздраженіе. Жена передала ему остроту Геккерена, на которую Пушкинъ намекалъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу, по поводу армейскихъ остротъ. У обѣихъ сестеръ былъ общій мозольный операторъ, и Геккеренъ сказалъ г-жѣ Пушкиной, встрѣтивъ ее на вечерѣ: «je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme»¹⁾. Вся эта болтовня, всѣ эти мелочи растравили рану Пушкина. Его раздраженіе должно было выйти изъ границъ. 25 января онъ послалъ письмо Геккерену-отцу. Д'Аршіакъ принесъ ему отвѣтъ. Пушкинъ его не читалъ, но принялъ вызовъ, который былъ ему сдѣланъ отъ имени сына. Самъ собою напрашивается вопросъ, какія причины могли побудить Геккерена-отца прятаться за сына, когда раньше онъ оказывалъ ему столько нѣжности и отеческой заботы; заставлялъ сына рисковать за себя жизнью, между тѣмъ какъ оскорбленіе было нанесено лично ему, а онъ не такъ старъ, чтобы быть вынужденнымъ искать себѣ замѣстителя? Такъ или иначе, но день 26 и утро 27-го января прошли въ переговорахъ между д'Аршіакомъ и Пушкинымъ о секундантѣ, котораго долженъ былъ представить послѣдній. Пушкинъ отказался взять секунданта, не желая никого компрометировать, и боялся взять когонибудь изъ соотечественниковъ, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ихъ несприятнымъ послѣдствіямъ своей дуэли. Противная партія настаивала на этомъ пунктѣ. 26-го, на балу у графини Разумовской, Пушкинъ предложилъ быть своимъ секундантомъ Магенису, совѣтнику при англійскомъ посольствѣ. Тотъ, вѣроятно, пожелалъ узнать причины дуэли; Пушкинъ отказался сообщить что либо по этому поводу. Магенисъ отстранился. Въ отчаяніи, что дѣло разстроилось, Пушкинъ вышелъ 27 утромъ, на удачу, чтобы поискать когонибудь, кто бы согласился быть его секундантомъ. Онъ встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, своего прежняго школьнаго товарища, а впоследствии друга. Онъ посадилъ его къ себѣ въ сани, сказавъ, что везетъ его къ д'Аршіаку, чтобы взять его въ свидѣтели своего объясненія съ нимъ. Два часа спустя, противники находились уже на мѣстѣ поединка. Условія дуэли были выработаны. Пушкинъ казался спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Вѣдникъ жаждалъ въ ту минуту избавленія отъ нравственныхъ страданій, которыя испытывалъ. Противники приблизились къ барьеру, цѣля другъ въ друга. Геккеренъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ былъ раненъ. Онъ упалъ на шинель, служившую барьеромъ, и не двигался, лежа внизъ лицомъ. Секунданты и Геккеренъ подошли къ нему; онъ припод-

¹⁾ Непереводаемая игра словъ, основанная на созвучіи словъ: «cor» — мозоль и «corps» — тѣло. Вуквально: «я теперь знаю, что у васъ мозоль красивѣе, чѣмъ у моей жены».

нялся и сказалъ: «подождите, у меня хватитъ силы на выстрѣль». Геккеренъ сталъ опять на мѣсто. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой о землю, правой увѣренно прицѣлился, выстрѣль раздался. Геккеренъ въ свою очередь былъ раненъ. Пушкинъ послѣ выстрѣла подбросилъ свой пистолетъ и воскликнулъ: «браво!» Его рана была слишкомъ серьезна, чтобы продолжать поединокъ; онъ вновь уналъ и на нѣсколько минутъ потерялъ сознание, но оно скоро къ нему вернулось и больше ужъ его не покидало. Придя въ себя, онъ спросилъ д'Аршіака: «убилъ я его?» — «Нѣтъ, — отвѣтилъ тотъ: — вы его ранили». — «Странно, — сказалъ Пушкинъ: — я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе его убить, но я чувствую теперь, что нѣтъ. Впрочемъ, все равно. Какъ только мы поправимся, снова начнемъ».

«Когда его привезли домой, докторъ Арендтъ и другіе послѣ перваго осмотра раны нашли ее смертельной и объявили объ этомъ Пушкину, который потребовалъ, чтобы ему сказали правду относительно его состоянія. До 7-го часа вечера я не зналъ рѣшительно ничего о томъ, что произошло. Какъ только мнѣ дали знать о случившемся, я отправился къ нему и почти не оставлялъ его квартиры до самой его смерти, которая наступила на третій день, 29-го января, около 3-хъ часовъ пополудни. Это были душу раздирающіе два дни; Пушкинъ страдалъ ужасно, онъ переносилъ страданія мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывалъ только одно безпокойство, какъ бы не испугать жены. «Бѣдная жена, бѣдная жена!» — восклицалъ онъ, когда мученія заставляли его невольно кричать. Идя къ государю, Арендтъ спросилъ Пушкина, не хочетъ ли онъ передать ему что нибудь. «Скажите государю, что умираю и что прошу прощенія у него за себя и за Данзаса». Я попросилъ у Булгакова копіи письма, которое я ему написалъ послѣ смерти Пушкина, и въ которомъ я сообщалъ ему подробности о его послѣднихъ минутахъ. Я надѣюсь, что получу ее во время и успѣю вложить въ это письмо. Смерть обнаружила въ характерѣ Пушкина все, что было въ немъ добраго и прекраснаго. Она надлежащимъ образомъ освѣтила всю его жизнь. Все, что было въ ней безпорядочнаго, бурнаго, болѣзненнаго, особенно въ первые годы его молодости, было данью чловѣческой слабости обстоятельствамъ, людямъ, обществу. Пушкинъ былъ не понятъ при жизни не только равнодушными къ нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу въ томъ прощенія у его памяти, я не считалъ его до такой степени способнымъ ко всему. Сколько было въ этой изстрадавшейся душѣ великодушія, силы, глубокаго, скрытаго самоотверженія! Его чувства къ женѣ отличались нѣжностью поистинѣ самаго возвышеннаго характера. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ на своемъ смертномъ одрѣ, доказали, насколько онъ былъ привязанъ, преданъ и благодаренъ государю. Ни одного горькаго

слова, ни одной рѣзкой жалобы, никакого ѣдкаго напоминанія о случившемся не произнесъ онъ, ничего, кромѣ словъ мира и прощенія своему врагу. Вся желчь, которая накопилась въ немъ цѣлыми мѣсяцами мученій, казалось, исходила изъ него вмѣстѣ съ его кровью, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Свидѣтельства доктора Арендта и другихъ, которые его лѣчили, подтверждаютъ мое мнѣніе. Арендтъ не отходилъ отъ него и стоялъ со слезами на глазахъ, а онъ привыкъ къ агоніямъ во всѣхъ видахъ».

Въ письмѣ кн. Вяземскаго подчеркнутъ одинъ пунктъ—отношенія Натальи Николаевны Пушкиной къ Дантесу. Мы видѣли, что въ письмѣ къ Булгакову онъ совсѣмъ не распространяется о роли жены Пушкина; а въ письмѣ къ великому князю онъ говорить о «ея легкомысліи и вѣтрености», пишетъ о томъ, что «она должна была бы удалиться отъ свѣта, но у нея не хватило характера, и она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безнечности». Тутъ, въ отношеніяхъ кн. Вяземскаго къ женѣ поэта тонъ—довольно рѣзкій, такой, какого нельзя было бы подозрѣвать по приведеннымъ выше отрывкамъ изъ писемъ Булгакова, касающихся Н. Н. Пушкиной.

Въ письмѣ кн. Вяземскаго обращаетъ вниманіе слѣдующее мѣсто: «пріѣхали его сосѣдки по мнѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него не благоприятны. Но крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде». Этотъ отрывокъ находитъ объясненіе въ письмѣ А. И. Тургенева къ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой. Извѣстно, что Тургеневъ, сопровождая тѣло Пушкина, былъ въ Тригорскомъ. Пріѣхалъ онъ сюда 5-го февраля и 8-го февраля былъ уже въ Петербургѣ. Въ Тригорскомъ онъ видѣлся съ П. А. Осиповой¹⁾, а 24-го февраля (разбираемое нами письмо кн. Вяземскаго написано 14-го февраля) А. И. писалъ П. А. Осиповой: «Посылаю вамъ письмо кн. Вяземскаго къ Булгакову, который, не получивъ полнаго, прежняго письма моего, жаловался ему на неполноту моего отчета о послѣднихъ минутахъ поэта. Какъ бы многое хотѣлось мнѣ передать вамъ отсюда, но, вопреки пословицѣ, бумага не все терпитъ. Умоляю васъ, однако же, написать ко мнѣ все, что вы умолчали, и о чемъ только намекнули въ письмѣ вашемъ: это важно для исторіи послѣднихъ дней Пушкина. Онъ говорилъ съ вашей милой дочерью (Анной Николаевной Вульфъ)

¹⁾ Свѣдѣнія о посѣщеніи Тургеневымъ Тригорскаго см. въ книгѣ «Пушкинъ и его современники». Вып. I.

почти накануне дуэли: передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его; ихъ можно сообразить съ тѣми, что онъ говорилъ другимъ,— и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обещаю вамъ ее; но для чего таить то, на чемъ уже лежитъ печать смерти?»¹⁾).

Отвѣтное письмо П. А. Осиповой неизвѣстно.

Необходимо отмѣтить, что Осипова относилась недружелюбно къ женѣ Пушкина. 31-го мая 1837 года Тургеневъ писалъ Вяземскому: «Не помнешь ли ты Осиповой выински изъ своего письма къ Давидову всего, что ты говоришь о вдовѣ Пушкина. Она сбрасывается къ Осиповой, и та хочетъ принять ее, но въ ней гнѣздится враждебное къ ней чувство за Пушкина. Не худо вразумить прежде, нежели Пушкина прѣдетъ къ ней».

Совокупность этихъ данныхъ можетъ подсказать отвѣтъ на вопросъ, что выяснилъ Пушкинъ изъ разговора съ своими пріятельницами изъ Тригорскаго, но для полного разъясненія этого мѣста нужно ждать документальныхъ данныхъ.

2.

Возвращаемся къ письму князя Вяземскаго.

«Эти событія и смерть Пушкина произвели во всемъ обществѣ сильное впечатлѣніе. Не счесть всѣхъ, кто приходилъ съ разныхъ сторонъ справиться о его здоровьѣ во время его болѣзни. Пока тѣло его выставлено было въ домѣ, наплывъ народа былъ еще больше, толпа не рѣдѣла въ скромной и маленькой квартиркѣ поэта. Изъ-за неудобства помѣщенія должны были поставить гробъ въ передней, слѣдовательно заколотить входную дверь. Вся эта толпа притекала и уходила черезъ маленькую потайную дверь и узкій, отдаленный коридоръ²⁾. Участіе, съ которымъ все отнеслось къ этой столь неожиданной и трагической смерти, глубоко тронуло все общество; горе смягчалось тѣмъ, что государь усладилъ послѣднія минуты жизни Пушкина и осмыслилъ благодѣяніями его семью. Не одинъ разъ слышалъ я среди посѣтителей подобныя слова: «Жаль Пушкина, но спасибо государю, что онъ утѣшилъ его». Однажды, идучи

¹⁾ Тамъ же, стр. 59.

²⁾ «Всѣ эти дни,—читаемъ въ письмѣ А. П. Языкова къ А. А. Катенину— карота за каротой къ нему подѣвжали узнать о здоровьѣ. Считаютъ до 4.000 народу ежедневно». См. Описаніе Пушкинскаго музея. Сост. С. М. Асналь и А. П. Яхонтовъ, стр. 453. «Въ теченіе трехъ дней,—пишетъ кн. Е. Н. Менцеровская (урожденная Карамзина),—множество людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія безпрерывно тѣснились нестрою толпой вокругъ его гроба. Женщины, старики, дѣти, ученики, простолюдины въ тулупахъ, а иные даже въ лохмотьяхъ, приходили поклониться праху поэта». См. Н. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. 2-е изд., Спб., 1899, стр. 262.

въ саяхъ, я спросилъ своего кучера: «Жаль ли тебѣ Пушкина?» — «Какъ же не жаль? Всѣ жалѣютъ, онъ былъ умная голова! Такихъ и государь любитъ». Было что-то умилительное въ этой народной скорби и благодарности, которая такъ непосредственно отозвалась и въ царѣ, и въ народѣ; это, какъ я уже сказалъ, было самое сильное, самое краснорѣчивое опроверженіе знаменитаго письма Чаадаева. Да, у насъ есть народное чувство, это чувство безвредное, чисто-монархическое. И въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, императоръ далъ толчокъ, положилъ начало. Такъ это и поняли всѣ сердечные и благонамѣренные люди. Къ несчастью, печальныя исключенія встрѣтились и здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ встрѣчаются. Нѣкоторые изъ коноводовъ нашего общества, въ которыхъ ничего нѣтъ русскаго, которые и не читали Пушкина, кромѣ произведеній, подобранныхъ недоброжелателями и тайной полиціей, не приняли никакого участія во всеобщей скорби. Хуже того—они оскорбляли и чернили его. Клевета продолжала терзать память Пушкина, какъ терзала при жизни его душу. Жалѣли о судьбѣ интереснаго Геккерса, а для Пушкина не находили ничего, кромѣ хулы. Нѣсколько гостинныхъ сдѣлали изъ него предметъ своихъ партійныхъ интересовъ и споровъ. Я не изъ тѣхъ патріотовъ, которые содрогаются при имени иностранца, я удовлетворяюсь патріотизмомъ въ духѣ Петра Великаго, который былъ патріотомъ съ ногъ до головы, но признавалъ, несмотря на это, что есть у иностранцевъ преимущества, которыми можно позавидовать. Но въ настоящемъ случаѣ какъ можно даже сравнивать этихъ двухъ людей? Одинъ былъ самой свѣтлой, литературной славой нашего времени, другой — человекъ безъ традицій, безъ настоящаго и безъ будущаго для страны. Одинъ погибъ, какъ сугубая жертва врага, который его убилъ физически, убивъ его предварительно нравственно; другой — живъ и здоровъ и рано или поздно, покинувъ Россію, забудетъ причиненное имъ зло. Впрочемъ, всѣ эти слухи и споры происходятъ совѣмъ отъ другихъ причинъ, вникать въ которыя мнѣ не годится, но фактъ тотъ, что въ ту минуту, когда всего менѣе этого ожидали, увидѣли, что выраженія горя къ столь несчастной кончинѣ, потерѣ друга, поклоненія таланту были истолкованы, какъ политическое и враждебное правительству движеніе. Позвольте мнѣ, ваше высочество, коснуться нѣкоторыхъ подробностей относительно этого предмета.

«Послѣ смерти Пушкина нашли только 300 рублей денегъ во всемъ домѣ. Старый графъ Строгановъ, родственникъ г-жи Пушкиной, поспѣшилъ объявить, что онъ беретъ на себя издержки по похоронамъ. Онъ призвалъ своего управляющаго и поручилъ ему все устроить и расплатиться. Онъ хотѣлъ, чтобы похороны были насколько возможно торжественнѣе, такъ какъ онъ устраивалъ ихъ на свой счетъ. Изъ друзей Пушкина были Жуковскій, Михаилъ

Взельгорскій и я. Было ли мѣсто въ нашей душѣ чему нибудь, кромѣ горя, поразившаго насъ? Могли ли мы вмѣшиваться въ распоряженія графа Строганова ¹⁾? Итакъ, распоряженія были отданы, приглашенія по городской почтѣ разосланы. Графъ Строгановъ получаетъ приказаніе измѣнить отданныя распоряженія. Отпѣваніе предполагалось въ Исаакіевской церкви противъ дома, гдѣ умеръ Пушкинъ, выносъ тѣла, по обыкновенію, утромъ, въ день погребенія. Приказали перенести тѣло ночью безъ факеловъ и поставить въ Конюшенной церкви. Объявили, что мѣра эта была принята въ видахъ обезпеченія общественной безопасности, такъ какъ толпа, будто бы, намѣревалась разбить оконныя стекла въ домахъ вдовы и Геккерена. Друзей покойнаго впередъ уже заподозрили самымъ оскорбительнымъ образомъ; осмѣлились, со всей подлостью, на которую были способны, приписать имъ намѣреніе учинить скандалъ, навязали имъ чувства, враждебныя властямъ, утверждая, что не друга, не поэта оплакивали они, а поли-

¹⁾ Въ черновикѣ кн. Вяземскій гораздо пространнѣе выясняетъ свою непричастность къ распоряженіямъ графа Строганова относительно похоронной церемоніи. Желаніе Строганова устроить ее возможно великолѣпнѣе было принято графомъ Бенкендорфомъ за попытку демонстраціи, приписанную друзьямъ Пушкина и прежде всего князю Вяземскому. Князь Вяземскій оправдывается въ черновикѣ слѣдующимъ образомъ: «Итакъ изложу, что относится до меня лично во всемъ этомъ дѣлѣ. Я не присутствовалъ при самыхъ послѣднихъ минутахъ Пушкина: по обязанностямъ службы мнѣ необходимо было съѣздить въ мой департаментъ. Когда я возвратился, Пушкина уже не было. Тутъ я узналъ, что въ домъ нашлось только 300 рублей, что графъ Строгановъ въ качествѣ родственника г-жи Пушкиной принялъ на себя похоронныя надержки, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ своего повѣреннаго и отдалъ ему всѣ нужныя приказанія, какъ поступать. Съ графомъ Строгановымъ я нахожусь не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы позволить себѣ, если бы я того и желалъ, малѣйшее вмѣшательство въ эти распоряженія. Съ какого права сталъ бы я вмѣшиваться, да и что было сказать мнѣ? Если въ намѣреніи графа было придать погребенію нѣкоторую пышность, то очень естественно, что, принявъ на себя надержки, онъ хотѣлъ быть щедрымъ, даже расточительнымъ. Во всякомъ случаѣ и какъ бы то ни было, я положительнаго не принималъ тутъ никакого участія и не знаю, имѣлъ ли кто нибудь малѣйшее, прямое или косвенное, вліяніе на распоряженія графа Строганова. Онъ давалъ деньги, и кто изъ людей сколько нибудь благоразумныхъ захотѣлъ бы опредѣлять и назначать, куда должны пойти эти деньги? Надобно замѣтить, что выборъ Исаакіевскаго собора мѣстомъ для отпѣванія подалъ поводъ къ совершенно неосновательному истолкованію, которое могло идти отъ людей, особенно предубѣжденныхъ и вабывшихъ, что къ петербургскимъ соборамъ приписаны приходы, какъ и къ церквамъ обыкновеннымъ. Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, принадлежалъ къ Исаакіевскому приходу, и выбирать тутъ было ничего. То же самое было бы сдѣлано и съ послѣднимъ нищимъ, обитателемъ этого квартала. Когда приглашенный графомъ Строгановымъ митрополитъ отказался прибыть къ отпѣванію, и графъ Строгановъ выражалъ мнѣ по этому случаю свое неудовольствіе и находилъ отказъ незаконнымъ, я подалъ ему мысль обратиться къ графу Протасову, который, будучи прокуроромъ святаго синода, могъ разъяснить поводъ этого отказа и предложить свое посредничество для устраненія, буде возможно, препятствій. Вотъ единственное мнѣніе, единственное слово, шедшее отъ меня касательно этого дѣла».

тического дѣятеля. Въ день, предшествовавшій ночи, въ которую назначенъ былъ выносъ тѣла, въ домѣ, гдѣ собралось человѣкъ десять друзей и близкихъ Пушкина, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, въ маленькой гостиной, гдѣ мы всѣ находились, очутился цѣлый корпусъ жандармовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у гроба собрались въ большемъ количествѣ не друзья, а жандармы. Противъ кого была выставлена эта сила, весь этотъ военный парадъ? Я не касаюсь пикетовъ, разставленныхъ около дома и въ сосѣднихъ улицахъ; тутъ могли выставить предлогомъ, что боялись толпы и безпорядка. Но чего могли опасаться съ нашей стороны? Какія намѣренія, какія заднія мысли могли предполагать въ насъ, если не считали насъ безумцами или негодяями? Не было той нелѣпости, которая не была бы намъ приписана ¹⁾. Разумѣется, и меня не пощадили; я

¹⁾ Въ черновомъ наброскѣ разсужденія о ложности полицейскихъ донесеній и о нелѣпости полицейскихъ мѣръ предупрежденія изложены нѣсколько иныхъ выраженій, и много рѣзче, чѣмъ въ окончательномъ текстѣ. «Возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлью исказить и огovorить изъясненіе столь возвышенныхъ чувствованій. Въ зложелательствѣ, въ арсеналѣ постоpоннихъ страстей захотѣли добыть орудіе, чтобы очернить эти чувствованія. Прикинулись, будто вѣрять слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣревались воспользоваться его кончиною для произведенія не знаю какого-то заговорческаго дѣйствія и по своей наклонности къ смутѣ хотѣли устроить что-то въ родѣ похороны генерала Ламарка! Что за ослѣвленіе! Что за живое примѣненіе къ иной странѣ событій, яранговъ и обстоятельствъ другой страны! Мало было оклеветать нѣсколько человѣкъ: клевета не смутилась и передъ мыслью, что иностранцы, живущіе въ Петербургѣ, а черезъ нихъ и вся Европа, получаютъ ложное понятіе о нашемъ общественномъ состояніи. Возможность уличныхъ безпорядковъ и враждебныхъ власти заявленій изобрѣтена на досугѣ, между тѣмъ какъ все было спокойно, любовь къ государю ощущалась всеми сердцами, и всѣ благословляли его имя. Что бы ни говорили, но если полицейскія донесенія противорѣчатъ моимъ словамъ, то я утверждаю, будучи въ томъ нравственно убѣжденъ, что эти показанія были не вѣрны, что они во всякомъ случаѣ могли относиться лишь къ какимъ нибудь отдѣльнымъ словамъ, сказаннымъ на иѣтерѣ, но знаю гдѣ и кѣмъ, и не имѣющимъ никакого значенія. Но всякомъ случаѣ было не благородно соединять имена друзей Пушкина съ подобною гнусностью, которая могла быть приписана развѣ самой подлой черни, и въ этомъ отношеніи нанесла имъ напрасное оскорбленіе тѣмъ мѣрами, которыя были приняты во время перенесенія тѣла изъ дома въ церковь. Онѣ не оправдываются и необходимостью предосторожности въ видахъ поддержанія угрожаемаго якобы общественнаго порядка. Не говорю о солдатскихъ пикетахъ, разставленныхъ по улицѣ; но противъ кого была эта военная сила, наполнившая собою домъ покойника въ тѣ минуты, когда человѣкъ двѣнадцать друзей его и ближайшихъ знакомыхъ собрались туда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ? Противъ кого эти переодѣтые, но всѣми узнаваемые шпіоны? Они были тамъ, чтобы не упускать насъ изъ виду, подслушивать наши сѣтованія, наши слова, быть свидѣтелями нашихъ слезъ, нашего молчанія. Скажутъ, что это также мѣры общественной безопасности; согласенъ, но мѣры эти оскорбительны для тѣхъ, противъ кого онѣ принимаются, а коль скоро оскорбленіе не заслуженно, не вдвойнѣ ли оно тяжело? Все узнается. Подозрѣнія, на насъ изведенныя, поиромѣнно разгласились, а наше оправданіе не можетъ быть гласнымъ, и въ глазахъ легковѣрнаго и зложелательнаго общества мы остаемся подъ бременемъ тяжкаго обвиненія».

даже думаю, что мнѣ оказали честь, отвѣдя мнѣ первое мѣсто. Я долженъ все это высказать вашему высочеству, такъ какъ сердечно этимъ огорченъ и дорожу вашимъ уваженіемъ. Клянусь передъ Богомъ и передъ вами, что все, чему повѣрили, или хотѣли заставить повѣрить о насъ,—была ложь, самая отвратительная ложь. Единственное чувство, которое волновало меня и другихъ друзей Пушкина въ это тяжелое время, была скорбь о нашей уtratѣ и благодарность государю за все, что было великодушнаго, истинно-христіанскаго, непосредственнаго въ его поступкѣ, во всемъ, что сдѣлалъ онъ для умирающаго и мертваго Пушкина. Боже великій! Какъ могла какая нибудь супротивная мысль закрасться туда, гдѣ было одно умиленіе, одна благоговѣйная преданность, гдѣ характеръ государя явился передъ нами во всей своей чистотѣ, во всемъ, что только есть въ немъ благороднаго и возвышеннаго, когда онъ бываетъ самъ собою, когда дѣйствуетъ безъ посредниковъ? Кромѣ того, какое невѣжество, какіе узкіе и ограниченныя взгляды проглядываютъ въ подобныхъ сужденіяхъ о Пушкинѣ! Какой онъ былъ политическій дѣятель! Онъ прежде всего былъ поэтъ, и только поэтъ. Увлекаемый своей пылкой поэтической натурой, онъ, безъ сомнѣнія, могъ обмолвиться эпиграммой, запрещеннымъ стихомъ; на это нельзя смотрѣть, какъ на непростительный грѣхъ; человекъ, вѣдь, мѣняется со временемъ, его мнѣнія, его принципы, его симпатіи видоизмѣняются. Затѣмъ, что значать въ Россіи названія: политическій дѣятель, либераль, сторонникъ оппозиціи? Все это пустыя звуки, слова безъ всякаго значенія, взятая недоброжелателями и полиціей изъ иностранныхъ словарей, понятія, которыя у насъ совершенно не примѣнимы; гдѣ у насъ то поприще, на которомъ можно было бы играть эти заимствованныя роли, гдѣ тѣ органы, которые были бы открыты для выраженія подобныхъ убѣжденій? Либералы, сторонники оппозиціи въ Россіи должны быть, по крайней мѣрѣ, безумцами, чтобы добровольно посвящать себя въ трапписты, обречь себя на вѣчное молчаніе и похоронить себя заживо. Шутки, нѣкоторая независимость характера и мнѣній—еще не либерализмъ и не систематическая оппозиція. Это просто особенность характера. Желать, чтобы всѣ характеры были отлиты въ одну форму, значитъ желать невозможнаго, значитъ хотѣть передѣлать твореніе Божіе. Власти существуютъ для того, чтобы пресѣкать злоупотребленіе подобными тенденціями—это ихъ обязанность, но бить тревогу и бросать грязью въ нѣкоторыя, хотя бы и слишкомъ свободныя, болтливыя изліянія, въ какую нибудь вспышку, которая и сама улетучится, какъ дымъ,—есть, въ свою очередь, злоупотребленіе властью. Да Пушкинъ никомъ образомъ и не былъ ни либераломъ, ни сторонникомъ оппозиціи, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этимъ словамъ. Онъ былъ глубоко, искренно преданъ государю,

онъ любилъ его всѣмъ сердцемъ, осмѣлюсь сказать, онъ чувствовалъ симпатію, настоящее расположеніе къ нему. Въ своей молодости Пушкинъ нападалъ на правительство, какъ всякій молодой человѣкъ; такую была и эпоха, и молодежь, современныя ему. Но онъ былъ не либераль, а аристократъ и по вкусамъ, и по убѣжденіямъ. Онъ открыто бранилъ паденіе прежняго режима во Франціи, не любилъ іюльскаго правительства и сочувствовалъ интересамъ Генриха V. Что касается возстанія Польшы, то его стихи могутъ дать истинную оцѣнку его либерализма. Эти стихи не вызваны обстоятельствами, это исповѣданіе его политическихъ убѣжденій. 14-е декабря застало его чистымъ отъ всякаго участія въ разрушительныхъ проектахъ, занимавшихъ головы его друзей и товарищей его юности и лицейскихъ. Онъ былъ противникомъ свободы печати не только у насъ, но и въ конституціонныхъ государствахъ. Его талантъ, его умъ созрѣли съ годами, его послѣднія и, слѣдовательно, лучшія произведенія: «Борисъ Годуновъ», «Полтава», «Исторія Пугачевскаго бунта» — монархическія. Наши, такъ называемые монархическіе, благонамѣренныя журналы, пользующіеся особымъ покровительствомъ полиціи, часто старались подорвать народную къ нему любовь (и успѣвали въ этомъ), объявляя, что талантъ его померкъ, какъ разъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, которыя они вмѣняли ему чуть не въ преступленіе. Суть заключалась въ томъ, что истинныя его убѣжденія не сходились съ доносами о немъ полиціи. Но развѣ тѣ, кто ихъ составлялъ, знали Пушкина лучше, чѣмъ его друзья? Развѣ наши должностныя лица, обязанныя наблюдать за общественнымъ настроеніемъ умовъ, стараются вникнуть въ истинныя мнѣнія (узнавъ ихъ отъ нихъ же самихъ) тѣхъ людей, чье доброе имя и благосостояніе зависятъ отъ ихъ сужденія и предубѣжденности? Развѣ генераль Бенкендорфъ удостоилъ меня, хотя бы въ продолженіе четверти часа, разговора, чтобы самому лично узнать меня? А между тѣмъ, цѣлыхъ десять лѣтъ мое имя записано на черной доскѣ; своимъ же мнѣніемъ обо мнѣ онъ обязанъ нѣсколькимъ словамъ, отрывкамъ, которые ему были переданы, клеветамъ, донесеннымъ ему какимъ либо агентомъ за опредѣленную, мѣсячную плату.

«Извините, ваше высочество, искренность и рѣзкость моихъ жалобъ, съ которыми я обращаюсь къ вамъ не съ какою либо скрытою цѣлью, а потому, что я знаю вашу чуткость къ правдѣ, а я, повторяю, дорожу вашимъ благоволеніемъ и вашимъ уваженіемъ. Я хочу, чтобы вы меня знали такимъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ меня желаютъ изобразить. Я долженъ еще просить ваше высочество извинить меня за чрезмѣрную длину моего письма, у меня не было времени его сократить. Я только вчера узналъ объ отъѣздѣ генерала Философова и принялся вчера переносить свои воспоминанія. Я даже позволилъ себѣ обратиться

за помощію къ моеї женѣ, и ване императорское высочество со-
благоволите оказать миѣ вдвойнѣ снисхожденіе и за изложеніе, и
за перениску набѣло.

«Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго высочества свою
глубочайшую почтительность и самую искреннюю преданность, съ
каковыми имѣю честь быть

«вашего императорскаго высочества смиреннѣйшій и покор-
нѣйшій слуга,

«кн. Вяземскій».

Вторая половина письма кн. Вяземскаго требуетъ поясненій и
дастъ матеріалъ для не лишенныхъ интереса заключеній.

Извѣстны отношенія вождя полиціи Бенкендорфа къ Пушкину;
факты вѣдшей зависимости поэта отъ шефа жандармовъ тоже на-
вѣстны; въ послѣднее время они сгруппированы и разъяснены въ
примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ 7-му тому «Сочиненій А. С. Пуш-
кина». Бенкендорфъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ предста-
вленій, вынесенныхъ имъ изъ процесса декабристовъ. Призракъ де-
кабрьскаго возмущенія вѣчно смущалъ не только Бенкендорфа, но
и императора Николая. Бенкендорфъ просто не вѣрилъ въ благона-
дежность Пушкина, официально засвидѣтельствованную самимъ ца-
ремъ. Шефу жандармовъ грезилась какія-то нити, связывавшія Пуш-
кина съ движеніемъ 14-го декабря, и онъ неустанно преслѣдовалъ
поэта мучительнымъ надзоромъ. И послѣ смерти онъ не оставилъ въ
покоѣ его памяти. Кн. Вяземскій ярко рисуетъ созданную Бенкен-
дорфомъ картину положенія дѣлъ: умеръ Пушкинъ, вождь оппози-
ціи, неблагонамѣренный человѣкъ, не чувствовавшій привержен-
ности къ монархическому принципу; его друзья—тоже люди небла-
гонадежные—собираются устроить на похоронахъ преступную де-
монстрацію и т. д.

Любопытно, что мнѣніе Бенкендорфа раздѣлялось извѣстной
частью русскаго общества, главнымъ образомъ, аристократическими
верхами, прогнившими и реакціонными. Мы можемъ, напримѣръ,
привести слѣдующій отрывокъ изъ письма одного изъ агентовъ
тайной меттерниховской полиціи, писаннаго изъ Берлина въ Вѣну
28-го февраля 1837 года: «Имѣю честь сообщить вамъ о несчаст-
ной дуэли г. Дантеса съ поэтомъ Пушкинымъ; онъ стоялъ во
главѣ русской молодежи и возбуждалъ къ революціонному движенію,
которое дастъ себя чувствовать во всѣхъ концахъ міра. Императоръ
приказалъ разыскать и сжечь тѣ изъ его бумагъ, которыя могутъ
компрометировать». Въ этомъ донесеніи Пушкинъ освѣщается съ
своеобразной международной точки зрѣнія.

Значительный интересъ имѣетъ оцѣнка положенія, сдѣланная
барономъ Геккереномъ въ письмѣ къ нидерландскому министру ино-
странныхъ дѣлъ Верстокку отъ 2-го февраля (къ этому письму мы

еще возвратимся). «Честь обязываетъ меня не скрыть, что общественное мнѣніе по поводу смерти г. Пушкина высказалось съ такой силой, какой не предполагали. Но нужно отмѣтить, что это мнѣніе не есть мнѣніе высшаго класса... Указанное мной сочувствіе высказано людьми третьяго сословія, если можно дать это имя промежуточному классу въ Россіи между высшей знатью или высшими чиновниками и массой населенія, совершенно безучастнаго къ событію, котораго оно не можетъ оцѣнить. Это—писатели, артисты, чиновники низшихъ степеней, представители крупной отечественной промышленности и т. д. Смерть г. Пушкина вызвала къ жизни,—такъ по меньшей мѣрѣ думаетъ власть,—партію, вождемъ которой онъ былъ, быть можетъ, благодаря единственно вліянію своего таланта. Можно принять для этой партіи названіе партіи реформъ, которое она сама даетъ себѣ. Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ скомпрометированъ участіемъ въ обществахъ, возникшихъ до 1825 года, то можно считать предположеніе о существованіи этой партіи не лишенымъ основанія»...

Баронъ Геккеренъ указываетъ и источникъ своихъ свѣдѣній.

Итакъ Бенкендорфъ готовъ былъ призвать къ отвѣту и друзей Пушкина. Они были въ его глазахъ людьми неблагонадежными, и, по мягкому выраженію барона Геккерена, очевидно членами «партіи реформъ». При томъ довѣрїи, которое питалъ Николай Павловичъ къ Бенкендорфу, можно было ожидать тревожныхъ осложненій. Поэтому необходимость опровергнуть подобное представленіе являлась крайне настоятельной. Но опроверженіе приобрѣло бы значеніе, если бы оно достигло до государя. Становятся совершенно понятными пространныя и краснорѣчивыя оправданія, которыя кн. Вяземскій изложилъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу, рассчитывая, что содержаніе его письма станетъ извѣстнымъ государю.

Вообще можно сказать, что послѣ смерти Пушкина на долю его друзей выпала тяжелая задача реабилитаціи поэта, не только въ его частныхъ отношеніяхъ, но и въ политическихъ его взглядахъ. Выше мы указали, что нужно помнить при чтеніи ихъ реабилитацій поэта въ частныхъ отношеніяхъ. Реабилитація политическихъ взглядовъ Пушкина производилась съ иной цѣлью: она была средствомъ собственной своей защиты. Доказать императору Николаю или хотя бы Бенкендорфу, что Пушкинъ былъ абсолютно благонадежнымъ человѣкомъ, значило бы снять обвиненія въ неблагонамѣренности и съ его друзей.

Кромѣ письма кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу, намъ извѣстно еще одно оправданіе Пушкина. Оно сдѣлано В. А. Жуковскимъ въ письмѣ къ Бенкендорфу; свѣдѣнія объ этой еще ненапечатанной запискѣ мы находимъ въ книгѣ А. Н. Веселовскаго¹⁾.

¹⁾ Акад. А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій. Сиб. 1904, стр. 391 и слѣд.

«По смерти Пушкина Жуковскому вмѣстѣ съ Дубельтомъ порученъ былъ разборъ его писемъ и бумагъ. О результатахъ разбора Дубельтъ донесъ Бенкендорфу, которому съ своей стороны Жуковскій написалъ объяснительную записку. Она сохранилась въ двухъ черновикахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ распространеніе другого; оба, повидимому, безъ конца; не потому ли, что письмо и не было доставлено по назначенію, какъ тѣ мысли, которыя Жуковскій написалъ на клочкѣ бумаги послѣ своего объясненія съ государемъ по дѣлу Тургенева? Письмо—апологія Пушкина, и, вмѣстѣ, близко стоявшихъ къ нему лицъ, Жуковского. Въ Пушкинскихъ бумагахъ ожидали найти «много новаго, писаннаго въ духѣ, враждебномъ правительству, и вреднаго нравственности. Въместо того нашлись бумаги, рѣшительно доказывающія совсѣмъ иной образъ мыслей, особенно выразившіяся въ отвѣтѣ на печатное письмо къ Чаадаеву, которое Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ послать по почтѣ, но не послалъ, вѣроятно, по той причинѣ, что не желалъ своими опроверженіями усиливать скорбь пріятеля, уже испытавшаго заслуженный гнѣвъ государя. Однимъ словомъ, новаго предосудительнаго не нашлось ничего, и не могло быть найдено, въ чемъ я напередъ былъ увѣренъ, зналъ, каковъ былъ образъ мыслей Пушкина въ послѣдніе годы». Съ тѣхъ поръ, какъ «государь такъ великодушно его простилъ», Пушкинъ совсѣмъ перемѣнился за это время; онъ не писалъ ничего «злосамѣреннаго» стиховъ «къ Лукуллу», за которые друзья жестоко его укоряли, да и тѣ напечатаны «съ одобренія цензора, но безъ его вѣдома». А между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ продолжалъ состоять подъ тѣмъ же «мучительнымъ, непрестаннымъ надзоромъ» (двойная цензура, запретъ ѣхать въ деревню, за границу, выговоръ за чтеніе въ обществѣ «Вориса Годунова» до цензурнаго одобренія). Пушкинъ никогда не былъ демагогическимъ писателемъ; были у него до 1826 года «грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастьемъ («Ода къ свободѣ», «Книжалъ» 1820 года, написанный въ то время, когда Завдъ убилъ Коцебу), но демагогическаго, написаннаго съ точнымъ намѣреніемъ произвести волненіе (общества), ничего не было между ними и тогда. Заговорщики противъ Александра (воспользовались?), можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но въ ихъ смыслѣ (то-есть въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего, и замыслы ихъ были ему совершенно чужды. Это, однако, не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ) причислить его къ героямъ 14-го декабря и назвать злоумышленникомъ на жизнь Александра». За послѣднія его сочиненія его никакъ нельзя назвать демагогомъ. Онъ просто русскій національный поэтъ, выражавшій въ наилучшихъ стихахъ своихъ все то, что дорого русскому сердцу (Годуновъ, Полтава, многія пѣсни на Петра Великаго,

Ода на взятіе Варшавы, Клеветникамъ Россіи). Переходя къ политическимъ взглядамъ Пушкина, Жуковскій спрашиваетъ Бенкендорфа: «благоволили ли вы взять на себя трудъ когда нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ?» Вы слышали о нихъ отъ другихъ «вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ». И Жуковскій излагаетъ политическое сгедо Пушкина. «Первое: я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благотворителя, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣрю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что онъ былъ за послѣдніе годы) рѣшительно убѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и что не по одной любви къ нынѣшнему государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву). Второе: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія, и въ этомъ онъ доходилъ даже до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ то же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна, и что она, служа защитой обществу отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго произвола. Третье: Пушкинъ былъ врагъ іюльской революціи, но убѣжденію своему онъ былъ карлистъ, онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и неизбежность законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорой гражданскаго порядка. Наконецъ, четвертое: Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ, былъ почти фанатическій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую (чему доказательство нашелъ я еще недавно въ письмахъ его жемѣ). Такими были главныя политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. Они были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частыхъ, непринужденныхъ разговоровъ... и они были таковы уже прежде 1830 года, Пушкинъ созрѣлъ, мужался умомъ, онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ, и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и чего бы онъ не написалъ, если бы несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, «перваго поэта Россіи?»

Кажется, намъ не нужно дѣлать детальнаго сопоставленія этихъ отрывковъ изъ записки Жуковскаго съ письмомъ кн. Вяземскаго, чтобы доказать, что и записка, и письмо являются результатомъ

совѣстной работой авторовъ и имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль: взяты не только одни и тѣже аргументы, къ тому же сгруппированные въ одномъ и томъ же порядкѣ, но употреблены даже аналогичныя выраженія.

Академикъ А. Н. Веселовскій дѣлаетъ вполне правильную оцѣнку этой записки. «Цѣнность этого документа,—пишетъ онъ,—опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрѣть въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и безсознательный, невольный шаржъ—идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелю: все, что входило въ кругъ его симпатій, выросло или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковскій зналъ своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ».

Въ тѣхъ же интересахъ,—семьи и близкихъ къ Пушкину лицъ,—написано и письмо Вяземскаго. Стоитъ только обратить вниманіе на непрерывное подчеркиваніе отношеній государя къ Пушкину. На самомъ дѣлѣ,—и Вяземскій долженъ былъ бы это знать,—отношенія царя и поэта вовсе не были такъ безоблачны и такъ искренни и откровенны, какими изображаетъ ихъ князь Вяземскій. Если Жуковскій поддавался шаржу идеализаціи, то Вяземскій смотрѣлъ на дѣло болѣе прозаически.

Мы не касаемся по существу вопроса о политическихъ взглядахъ Пушкина: мы хотѣли только выяснитъ значеніе письма князя Вяземскаго, какъ матеріала для сужденія. Съ этой точки зрѣнія это письмо, такъ же, какъ и записка Жуковскаго—этихъ ближайшихъ друзей поэта—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть положены въ основаніе разсужденія объ общественныхъ и политическихъ мнѣніяхъ Пушкина. Придется обратиться къ другимъ матеріаламъ.

П. Щеголевъ.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА СЕМЕНОВА.

КОНЧАВШИЙСЯ 11-го октября прошлаго года сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Петровичъ Семеновъ, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей. Онъ былъ одинъ изъ выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, крупнѣйшій историкъ освобожденія крестьянъ, талантливый поэтъ—переводчикъ и небезызвѣстный ботаникъ. Своей необыкновенно широкой эрудиціей покойный былъ обязанъ, при несомнѣнной природной талантливости, своему упорному трудолюбію и рѣдкой любознательности. Скромный, непритязательный, онъ отличался въ то же время рѣдкою стойкостью въ своихъ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ, которымъ не намѣнялъ ни въ какихъ случаяхъ въ теченіе всей своей жизни. Выстъ съ тѣмъ это былъ человекъ рѣдкой доброты, отзывчивый и не отказывавшій никому изъ обращающихся къ нему съ истинною надобностью, но особенно былъ чутокъ къ нуждамъ меньшихъ братій—крестьянъ. Въ болѣе молодые годы онъ отличался блестящимъ и веселымъ юморомъ и остроуміемъ и, будучи интереснѣйшимъ собесѣдникомъ, становился душою общества.

Все это выстъ даетъ намъ несомнѣнное право вспомнить о немъ въ болѣе подробной замѣткѣ, чѣмъ посвященные ему до сихъ поръ некрологи.

Родной братъ извѣстнаго географа, члена государственнаго совѣта, Петра Петровича Семенова, и извѣстной писательницы Наталіи Петровны Гротъ, Н. П. Семеновъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи, родоначальникъ которой, по сохранившимся официальнымъ даннымъ, Борисъ Кузьмичъ Семеновъ былъ награжденъ помѣстьями «за службу» въ 1683 году. Одинъ изъ пред-

ковъ его—Григорій Мойсеевичъ Семеновъ, былъ поручикомъ въ Петровскую эпоху; дѣдъ, Николай Петровичъ (род. въ 1754 г.) былъ отставной секундъ-майоръ, участвовавшій въ Суворовскихъ походахъ; а отецъ—Петръ Николаевичъ (род. въ 1791 г.), капитанъ гвардіи Измайловскаго полка, геройски сражался въ битвѣ подъ Бородинымъ и, уцѣлѣвъ въ числѣ двухъ нераненыхъ офицеровъ, попалъ послѣ Кульмскаго сраженія въ плѣнъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ которомъ поселился въ своемъ рязанскомъ имѣніи, въ селѣ Урусовѣ, Раненбургскаго уѣзда.

Здѣсь-то и родился 22-го апрѣля 1823 г. Николай Петровичъ Семеновъ. Девяти лѣтъ отъ роду онъ лишился отца и остался вмѣстѣ съ братомъ и сестрою на попеченіи матери и дядей. Записанный еще при жизни отца въ Пажескій корпусъ, онъ, за исходомъ предѣльнаго возраста для поступленія въ послѣдній, былъ помѣщенъ въ Царскосельскій лицей, который и окончилъ въ декабрѣ 1842 г., съ чиномъ IX класса, вмѣстѣ съ извѣстнымъ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ, Юріемъ Васильевичемъ Толстымъ, бывшимъ потомъ сенаторомъ, Н. В. Павловымъ, Вегеромъ, впоследствии посланникомъ въ Персін, и др.

Будучи еще въ лицей, Н. П. Семеновъ писалъ недурные стихи, унаслѣдовавъ поэтическій даръ отъ своего отца, въ молодости сочинявшаго стихи и, между прочимъ, написавшаго комедію въ стихахъ «Митюха Валдайскій», и отъ бабки, А. П. Буниной, извѣстной писательницы.

5-го марта 1843 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи, «съ прикомандированіемъ для занятій во второе отдѣленіе онаго», и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ слушателемъ курса естественныхъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Черезъ три года послѣ этого получилъ назначеніе товарищемъ предсѣдателя ярославской палаты уголовного суда, а въ теченіе 1849 г. состоялъ исправляющимъ должность ярославскаго губернскаго прокурора. Съ 1850 до 1853 г. Николаи Петровичъ Семеновъ жилъ въ Вильнѣ, занимая тамъ должность прокурора, и съ этого года, переведенный въ Петербургъ «чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената», до конца дней своихъ оставался на службѣ въ сенатѣ. Здѣсь онъ состоялъ сначала исправляющимъ должность, а потомъ (съ 1861 г.) и оберъ-прокуроромъ въ разныхъ департаментахъ до 1868 года, когда былъ назначенъ сенаторомъ, присутствующимъ въ четвертомъ департаментѣ. Съ 1883 г. состоялъ въ первомъ общемъ собраніи, а въ 1902 г. перемѣщенъ во второе общее собраніе.

Во время прохожденія службы въ сенатѣ, Н. П. Семеновъ, по порученію министерства юстиціи, исполнялъ и другія довольно сложныя обязанности внѣ сената. Такъ въ 1855 году онъ обо-

зрѣвалъ положеніе опекунской части въ Московской и Тульской губерніяхъ, о чемъ и составилъ въ 1857 году подробный отчетъ за 10-лѣтіе (1845—1855). Въ 1862 году былъ командированъ въ Тверь для производства, вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ мировыхъ посредниковъ. Вскорѣ послѣ этого, не состоя членомъ комиссіи для начертанія проектовъ судебной реформы, онъ, однако, принималъ въ ней значительное участіе, какъ офиціальныи представитель судебного вѣдомства, и, сверхъ того, составилъ проектъ о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, которымъ правительство руководилось при распредѣленіи судебныхъ округовъ.

Но все это, важное само по себѣ, блѣднѣетъ предъ тѣмъ, къ чему былъ призванъ Н. П. Семеновъ въ 1859 году, и что навсегда опредѣлило значеніе и характеръ его государственной, общественной и историко-литературной дѣятельности.

Въ февралѣ 1859 года, Н. П. Семеновъ былъ назначенъ въ составъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Здѣсь сосредоточивалась дѣятельность по составленію положеній объ освобожденіи крестьянъ. По своей задачѣ и высокому административному положенію (черезъ своихъ предсѣдателей находились въ непосредственномъ вѣдѣніи государя императора), редакціонныя комиссіи являются однимъ изъ главнѣйшихъ учрежденій, создавшихъ величайшій актъ освобожденія крестьянъ, съ котораго начинается новая эра въ жизни русскаго народа. Поэтому намъ кажется умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу этихъ комиссій.

Открытыя 4-го марта 1859 года и прерванныя 10-го октября 1860 года, редакціонныя комиссіи въ теченіе этого небольшого срока имѣли общіихъ присутствій—131, помимо еще большаго числа засѣданій въ четырехъ выдѣленныхъ изъ нихъ отдѣленіяхъ или подкомиссіяхъ: административной, хозяйственной, юридической и финансовой. Въ продолженіе одного года и семи мѣсяцевъ, онѣ оставили такой обширнѣйшій матеріалъ, какого не оставляла ни одна комиссія ни въ предыдущее, ни въ послѣдующее время, не говоря уже о важности содержанія этого матеріала. Отъ нихъ мы имѣемъ 18 частей или томовъ офиціальныя «Матеріаловъ» или «Трудовъ», въ которые вошли: 1) Журналы общіихъ присутствій редакціонныхъ комиссій (это «хроника занятій» комиссій), 2) доклады отдѣленій общему присутствію, 3) отдѣльные своды проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, 4) первоначальный сводъ заключеній комиссій по докладамъ отдѣленій и 5) повѣрочныя работы по опредѣленію размѣровъ крестьянскаго надѣла,--и 14 томовъ «Приложеній» къ нимъ. Последнія, имѣющія большое историческое значеніе, составляютъ «отдѣльныя мнѣнія членовъ комиссій» («небольшая книжка» въ 338 стр.); отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ (4 большихъ тома) и изъ

влеченіе изъ описаній помѣщичьихъ имѣній въ 100 душъ и свыше (6 томовъ большого формата in—4° въ 2028 стр.).

Но самый важнѣйшій результатъ работъ комиссіи — это выработанный ими проектъ Положенія о крестьянахъ 19-го февраля, который заключалъ въ себѣ 1089 статей въ 374 стр., и который для окончательной редакціи былъ представленъ въ главный комитетъ.

Такой колоссальный трудъ, да въ большинствѣ случаевъ еще безъ вознагражденія, могъ быть выполненъ только при особомъ составѣ членовъ комиссіи, которымъ, кромѣ энергій и любви къ дѣлу, нужно было имѣть много знаній, широкій кругозоръ и большое знакомство съ западно-европейскою культурою. И, дѣйствительно, редакціоннымъ комиссіямъ повезло. Составъ ихъ членовъ былъ безпримѣрнымъ.

Избранный волею императора Александра II первымъ председателемъ комиссіи генераль-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ оказался «главнымъ дѣятелемъ отмены крѣпостного права». Онъ окружилъ себя сотрудниками, «которыхъ указалъ ему говоръ, похожій на общественное мнѣніе. Онъ сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной службѣ, не по рекомендаціи». Въмѣстѣ съ извѣстными дѣятелями: Н. А. Милюгинымъ, Я. А. Соловьевымъ, кн. В. А. Черкасскимъ, графомъ В. Н. Панинымъ, Н. Х. Бунге, Ю. О. Самаринимъ и А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, онъ пригласилъ въ качествѣ членовъ-экспертовъ Гр. П. Галагана и В. В. Тарновскаго, просвѣщеннѣйшихъ представителей малороссійскаго дворянства, искреннихъ сторонниковъ освобожденія, и мн. др. Но «правою рукою его были», говоритъ Романовичъ-Славятинскій въ своей рецензіи на второй томъ «Освобожденія крестьянъ» Н. П. Семенова, «братья Семеновы»: П. П. Семеновъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта и вице-президентъ императорскаго географическаго общества, бывший завѣдывающимъ дѣлами редакціонныхъ комиссіи во все время ихъ существованія, и Н. П. Семеновъ. Послѣдній съ особенной энергіей вступалъ въ обсужденіе болѣе существенныхъ вопросовъ; сопровождая свои замѣчанія и возраженія, обыкновенно, цѣлымъ рядомъ фактовъ и доказательствъ, онъ нерѣдко склонялъ на свою сторону большинство присутствовавшихъ членовъ и являлся какъ бы создателемъ тѣхъ или другихъ законоположеній о крестьянахъ. Ему принадлежитъ рядъ и крупныхъ докладовъ, послужившихъ матеріаломъ для самаго «Положенія о крестьянахъ»; таковы, напримѣръ, доклады: «О мѣстныхъ должностныхъ лицахъ», «О сельской расправѣ или управѣ и крестьянскомъ судѣ», «О сельскихъ сходахъ, составѣ ихъ, предметѣ вѣдомства и порядкѣ рѣшенія на нихъ дѣлъ», «Объ общемъ составѣ сельскаго управленія» и другіе. Его записку, поданную въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія — «Объ обязательномъ для помѣщиковъ выкупѣ крестьянами ихъ

надѣловъ—параллель освобожденія крестьянъ въ Россіи и Пруссіи» великій князь Константинъ Николаевичъ находилъ «замѣчательною и любопытною». Онъ принималъ участіе въ разработкѣ проекта о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ и многихъ другихъ.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Н. П. Семеновъ, по порученію Я. И. Ростовцева, велъ дневникъ всему тому, что говорилось и дѣлалось въ комиссіяхъ, «чтобы намъ не возвращаться», какъ выражался Я. И. Ростовцевъ, «къ старому, о чемъ было говорено, и чтобы у насъ остались слѣды для исторіи». Исполняя это порученіе, покойный во все продолженіе дѣятельности комиссій, за исключеніемъ времени отъ 3-го по 28-е октября 1859 года, когда тифъ задерживалъ его въ постели, засѣданіе за засѣданіемъ вносилъ въ свой дневникъ все, что дѣлалось и говорилось въ общихъ присутствіяхъ.

Переработанный впоследствии, этотъ дневникъ составилъ, по выраженію проф. Романовича-Славатинскаго, «систематизированную хронику общихъ присутствій», которая въ теченіе 1889—1892 годовъ появилась въ печати въ трехъ огромныхъ томахъ, съ обширными «приложеніями» къ каждому, подъ заглавіемъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II».

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ монументальномъ трудѣ, составляющемъ цѣннѣйшій вкладъ въ нашу историческую литературу и увѣчанномъ тремя академическими преміями (двумя Макарьевскими и одною симбирскаго дворянства), мы обратимся къ болѣе раннимъ работамъ Николая Петровича, въ которыхъ онъ касался освобожденія крестьянъ, и въ основу которыхъ легли вышеупомянутой дневникъ и другіе матеріалы комиссій.

Первою по времени была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. Н. Каткова (за 1862 г., № 8) статья, носившая заглавіе: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи», и сразу же вызвавшая оживленную полемику въ газетахъ и журналахъ. Особенно ярый противникъ Н. П. Семенова выступилъ г. Ржевскій, съ которымъ въ свою очередь полемизировалъ г. А. на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Далѣе слѣдовали: «Еще о крестьянскомъ вопросѣ» (ibid., 1863 г., № 4; отвѣтъ на статью Ржевскаго); «Дѣятельность Я. И. Ростовцева въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу» (ibid., 1864 г., №№ 10—12); «Взглядъ Я. И. Ростовцева на дѣло освобожденія крестьянъ» («Современная Лѣтопись», 1864 г., № 7); «Болѣзнь и кончина генерала Ростовцева» («Русскій Вѣстникъ», 1866 г., № 2).

Послѣдняя статья была напечатана съ высочайшаго разрѣшенія. Вскорѣ послѣ ея напечатанія императоръ Александръ II, посѣтивъ, 6-го февраля, въ годовщину смерти Ростовцева, его жену и передавая ей, съ какимъ удовольствіемъ онъ даровалъ разрѣ-

шеніе на пачатаніе упомянутой статьи, поручилъ ей передать автору признательность и благоволеніе «за счастливую мысль записывать подробно, что у насъ дѣлалось въ коммиссіяхъ», прибавивъ къ тому незабвенныя слова: «Нора знаетъ публикѣ, какъ мы

Николай Петровичъ Семеновъ.

потрудились надъ этимъ дѣломъ. Я желаю, чтобы оно предстало потомству, какъ происходило, безъ прикрасть».

Слѣдующими работами были: «Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу генерала Я. И. Ростовцева» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1868 г.); «Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по

крестьянскому дѣлу» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1868 г., № 11); «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного права въ Россіи», взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго)— въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г.; «Нелѣпыя толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ» (записка содержавшагося въ тюремномъ замкѣ, именовавшаго себя Корибутъ-Дашкевичемъ)— въ «Русскомъ Архивѣ» за 1874 г., № 2 (цѣнная и рѣдкая «записка», какъ голосъ изъ народа).

Первоначально въ «Зарѣ» (1871 г., № 1), а потомъ и въ отчетѣ академіи наукъ о четырнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова напечатана была рецензія на сочиненіе А. Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II», т. I—IV (Боннъ на Рейнѣ, 1862—1868 гг.). Разборъ этого сочиненія былъ сдѣланъ, по порученію академіи наукъ, наградившей автора золотою медалью.

Особенно цѣнною по новизнѣ и полнотѣ матеріала была напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1885 г., №№ 5—8) статья: «Дѣятельность комиссій по крестьянскому дѣлу въ общихъ присутствіяхъ». Необыкновенно превосходную и яркую характеристику находимъ въ статьѣ: «Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, характеристическій очеркъ по рассказамъ, моимъ запискамъ и воспоминаніямъ» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1887 г., выпускъ 12). Въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» (1888 г., томъ III) Н. П. Семеновъ напечаталъ: «О желаніяхъ русскаго дворянства въ 1859 г. Записка М. А. Незобразова». Эта записка, представляя собою безпощадную критику дѣятельности редакціонныхъ комиссій, вызвала сильныя и жесткія замѣчанія императора Александра II и вмѣстѣ съ тѣмъ была причиною временнаго удаленія ея автора изъ столицы. Впослѣдствіи онъ былъ петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Все перечисленное нами вошло въ упомянутый трудъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», но, тѣмъ не менѣе, большая часть его является впервые въ печати. Сказавъ, что этотъ трудъ представляетъ собою «систематизированную хронику общихъ присутствій», профессоръ Романовичъ-Славатинскій продолжаетъ: «Да и какую хронику! Рѣдко когда историческое событіе находило такого талантливаго и трудолюбиваго хроникера, который бы такъ тщательно заносилъ въ свою лѣтопись каждую черту, каждый моментъ событія, о которомъ онъ повѣствуетъ. Въ книгѣ нашего автора это событіе отражается, какъ въ зеркалѣ, сфотографировавшись во всѣхъ своихъ деталяхъ и характерныхъ чертахъ. Подобные труды, конечно, имѣютъ неопѣненное историческое значеніе: живьемъ, воочию, созерцаешь въ нихъ всѣ акты и перипетіи разворачивающейся исторической драмы. Такой трудъ—доблестный гражданскій подвигъ, передающій въ на-

зиданіе будущимъ поколѣніямъ великое дѣло отмѣны крѣпостного права, въ его животрепещущихъ чертахъ»¹⁾).

«Читая живыя страницы его книги», говоритъ нѣсколько выше тотъ же авторъ, «вы какъ будто присутствуете то въ залѣ Перваго кадетскаго корпуса, то въ шатрѣ на Каменномъ островѣ, гдѣ собирались общія присутствія комиссій. Вы какъ будто слышите рѣчи, какъ будто видите фізіономіи славныхъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій, разрѣшавшихъ великій русскій вопросъ. Они воскресаютъ, индивидуализируются передъ вами во всѣхъ своихъ характерныхъ чертахъ, во всѣхъ своихъ искреннихъ мнѣніяхъ».

Вводя читателя, такъ сказать, въ ту лабораторію, въ которой вырабатывались отдѣльныя статьи Положенія 19 февраля 1861 г., это сочиненіе можетъ быть ключемъ и комментариемъ для выясненія смысла и духа нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ. Несмотря на всю необъятную массу кропотливаго и усидчиваго труда, которой потребовало «Освобожденіе крестьянъ», Н. П. Семеновъ никому не поручалъ даже черновой работы, все дѣлалъ самъ, былъ и авторомъ, и переписчикомъ, и только малолѣтнія дѣти его нѣсколько помогали ему въ работѣ.

Сообразно тому, какъ всѣ работы редакціонныхъ комиссій были раздѣлены ихъ первымъ предсѣдателемъ Я. И. Ростовцевымъ (вторымъ былъ графъ В. Н. Панинъ) на три періода, и Н. П. Семеновъ раздѣлилъ свой трудъ на три тома. Въ первомъ изъ нихъ послѣ значительнаго введенія («значеніе реформы, временныя учрежденія для начертанія положеній и ихъ дѣятельности и характера, учрежденія для введенія положеній, обзоръ матеріаловъ» и проч.) говорится о предварительныхъ занятіяхъ комиссій въ теченіе отъ 4-го марта 1859 года до 27-го мая 1859 года, во время которыхъ, по выраженію Я. И. Ростовцева, члены комиссій «спѣвались», т.-е. опредѣляли ходъ и организацию работъ, ознакамливаясь другъ съ другомъ и съ крестьянскимъ вопросомъ. Вслѣдъ за этимъ началась «разработка положеній», когда члены только «оболванили», какъ выражался на своемъ фигурномъ языкѣ Я. И. Ростовцевъ, проектъ освобожденія.

Эта «разработка положеній», или разсмотрѣніе проектовъ губернскихъ комитетовъ, продолжалась и во второй и въ началѣ третьяго періода занятій комиссій и составляетъ главное содержаніе второго и третьяго томовъ «Освобожденія крестьянъ». Вторая часть третьяго тома содержитъ въ себѣ «заключительныя работы» — кодификацію положеній, завершенную въ 23 общихъ присутствіяхъ, съ 14-го іюня по 10-е октября 1860 года.

¹⁾ -Отчетъ о присужденіи въ 1891 году премій Макарія, митрополита московскаго», стр. 7.

1-го ноября 1860 г. всѣ члены комиссій были представлены императору Александру II, который обратился къ нимъ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

«Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы поблагодарить за ваши добросовѣстные труды, которые требовали большихъ усилій и большой дѣятельности: работа ваша была огромная. Конечно, всякій человѣческій трудъ имѣетъ свои несовершенства. Вы сами это знаете; это очень хорошо знаю и я. Придется, можетъ быть, сдѣлать измѣненія, но во всякомъ случаѣ вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія вамъ благодарна. Поэтому я желать отъ души поблагодарить васъ, господа. Я надѣюсь, что потомъ каждый изъ васъ въ своемъ кругѣ будетъ содѣйствовать общему намъ дѣлу. Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу: Я увѣренъ, что оно такъ же близко вамъ, какъ и мнѣ. Еще разъ благодарю васъ отъ души. Графъ Панинъ, который заступилъ мѣсто Якова Ивановича, не разъ говорилъ мнѣ о вашихъ добросовѣстныхъ занятіяхъ. Я и васъ благодарю, графъ. Богъ поможетъ намъ кончить дѣло».

За появленіемъ въ свѣтъ томовъ «Освобожденія крестьянъ» внимательно слѣдилъ императоръ Александръ III, разрѣшившій и посвятить его императору Александру Николаевичу. Онъ лично бесѣдовалъ по поводу ихъ съ Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ и, раздѣляя основной взглядъ автора, что «быть крестьянъ долженъ быть преимущественно обезпеченъ, и они должны быть предметомъ особыхъ заботъ правительства», поручилъ ему составить записку о крестьянскомъ землевладѣніи. Таковая была немедленно составлена и лично представлена авторомъ государю. Напечатана она была подъ заглавіемъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключеніе», первоначально на счетъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1893 г., въ типографіи Кирибаума, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и вторично въ 1894 г., въ типографіи В. В. Комарова.

Какъ этою запискою, такъ и доказательствами, приводимыми въ личной бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ III, Николай Петровичъ успѣлъ убѣдить государя въ «необходимости установленія неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли отъ этого сословія». А послѣ представленія нѣсколькихъ другихъ записокъ по этому же вопросу, императоръ Александръ III повелѣлъ изготovitъ законопроектъ «о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли» и утвердилъ его (14-го декабря 1893 года), чѣмъ вслѣдствіе отмѣнялась 165 ст. Положенія 19-го февраля 1861 года (объ укрѣпленіи земельныя участковъ въ собственности).

Много, конечно, своими «Выводами и заключеніемъ» приобрѣлъ себѣ авторитетный защитникъ общины противниковъ и недоброжелателей, но, какъ мы уже сказали въ своемъ вступленіи, онъ никогда не поступался своими убѣжденіями и твердо проповѣдовалъ ихъ.

Почти одновременно съ этою запискою императоръ Александръ III поручилъ Н. П. Семенову составить другую записку— «о будущемъ крестьянскаго сословія», но скончался ранѣе появленія ея въ свѣтъ. Когда въ январѣ 1895 г. покойный, по случаю пожалованія его орденомъ св. Владимира 2-й ст., представлялся нынѣ царствующему императору Николаю Александровичу, то былъ спрошенъ императоромъ, готовитъ ли онъ записку по крестьянскому дѣлу, порученную ему императоромъ Александромъ III. Получивъ угвердительный отвѣтъ, государь просилъ Н. П. Семенова окончить ее и представить ему, что и было сдѣлано осенью 1895 года¹⁾. Въ печати же она появилась въ слѣдующемъ году подъ заглавіемъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. О будущемъ крестьянскаго сословія».

Въ первыхъ двухъ главахъ этой брошюры авторъ трактуетъ вообще о крестьянскомъ землевладѣніи, признаваемомъ имъ за «устой государственной жизни», и въ особенности останавливается на «двухъ важнѣйшихъ событіяхъ» для этого землевладѣнія, а именно на законѣ 14-го декабря 1893 г. и постройкѣ Сибирскаго желѣзнаго пути. Последняя глава посвящена вопросу о крестьянскомъ самоуправленіи. Приведенныя въ заключеніе мѣры для урегулированія послѣдняго вызвали въ свое время также много толковъ и споровъ.

Въ тѣсной связи съ предыдущими работами Н. П. Семенова находится и слѣдующія брошюры: «Проекты манифеста 19-го февраля 1861 года» (изъ «Русскаго Вѣстника», 1891 г., № 6) и «Наше дворянство» (Спб., 1898 г.). Въ первой, послѣ предисловія автора, приведенъ проектъ всемілостивѣйшаго манифеста, составленіе котораго было поручено графомъ В. Н. Панинымъ членамъ редакціонныхъ комиссій—Ю. О. Самарину и Н. А. Милютину. Какъ извѣстно, этотъ проектъ не понравился графу Панину и былъ отвергнутъ; объявленъ же былъ манифестъ, составленный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, къ которому графъ Панинъ обратился послѣ вторичныхъ неудачныхъ попытокъ составить проектъ въ собственной канцеляріи департамента министерства юстиціи.

Происхожденіе второй брошюры «Наше дворянство» таково. Работавшему въ высочайше утвержденной комиссіи по дворянскому

¹⁾ Эти и нѣкоторые другіи свѣдѣніями мы обязаны сыну покойнаго, Петру Николаевичу Семенову, которому и приписывъ глубокую благодарность,

дѣлу, подъ предсѣдательствомъ И. Н. Дурново, Петру Николаевичу Семенову государь императоръ Николай Александровичъ въ 1897 г. изволилъ лично поручить составленіе записки по обсуждаемому вопросу. Но П. Н. Семеновъ просилъ его величество разрѣшить просить его отца принять главное участіе въ ея составленіи, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе, и, такимъ образомъ, появился въ свѣтъ совмѣстный трудъ отца и сына: «Наше дворянство».

Послѣ краткаго историческаго очерка о дворянствѣ до освобожденія крестьянъ въ 1861 г., авторы почти исключительно говорятъ о дворянскомъ землевладѣніи и поземельномъ кредитѣ, и въ заключеніе приводятъ рядъ мѣръ къ упроченію, съ одной стороны, дворянскаго землевладѣнія, и съ другой—поддержанію государственнаго значенія дворянскаго сословія.

Изъ числа чисто юридическихъ литературныхъ работъ Н. П. Семенова наиболѣе крупными являются: «Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1859 г., кн. 2); «Замѣчанія оберъ-прокурора д. ст. с. Н. П. Семенова», согласно которымъ были введены въ 1864 г. судебные уставы, и «Наша реформа» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», за 1884 г., и отдѣльно). Последняя въ свое время возбудила много толковъ.

Обратимся теперь къ поэтическому творчеству Н. П. Семенова, вѣнцомъ котораго является его сборникъ: «Изъ Мицкевича» (Спб., 1883 г.), посвященный Казтану Андреевичу Коссовичу. Въ предисловіи къ нему авторъ говоритъ: «По выпускѣ моемъ изъ Царско-сельскаго лицея и со вступленіемъ на службу въ министерство юстиціи, я совсѣмъ разстался съ поэзіей (которой занимался въ бытность въ лицей). Но судьба устроила такъ, что я тѣмъ же служебнымъ путемъ возвратился къ ней. Въ 1850 г. я былъ назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Вильну. Тамъ я сталъ учиться польскому языку и читать въ подлинникъ Мицкевича. Увлеченный его поэтическимъ гениемъ, его несравненнымъ искусствомъ описывать природу, его неподражаемыми переходами отъ внѣшняго міра къ внутреннему созерцанію, я, для повѣрки того, насколько самъ проникалъ въ душу поэта, сталъ переводить его «Крымскіе сонеты», какъ близкіе намъ по содержанію». Эти переводы впоследствии были переработаны переводчикомъ, отчасти по замѣчаніямъ Н. Н. Страхова, и напечатаны въ 1869 г. въ «Зарѣ».

Сочувственные о нихъ отзывы въ печати побудили Н. П. Семенова испытать свои силы въ переводахъ и другихъ произведеній Мицкевича, особенно знаменитой его поэмы «Конрадъ Валленродъ»; при этомъ онъ пользовался совѣтами и указаніями из-

вѣстнаго филолога Каэтана Андреевича Коссовича, съ которымъ «связывали его отношенія искренней дружбы». Поэма эта печаталась частями по мѣрѣ выхода въ свѣтъ книжечекъ «Зари», но такъ какъ послѣдняя перестала выходить уже въ началѣ 1872 года, то и изъ переведеннаго Н. П. Семеновымъ успѣли появиться въ печати только 4 главы «Конрада Валленрода». Впослѣдствіи онъ перевелъ поэмѣ «Pan Tadeusz» и 17 стихотвореній Мицкевича, которыя всѣ и собраны въ вышеназванномъ сборникѣ.

Этотъ сборникъ раздѣленъ на три части: 1) поэмы, 2) разныя стихотворенія, и 3) Крымскіе сонеты. Въ первую вошли: «Конрадъ Валленродъ», «Панъ Оаддей» и «Фарисъ». Ко всѣмъ приложены объясненія переводчика. Изъ «Разныхъ стихотвореній» наиболѣе крупными являются: «Первоцвѣтъ», «Ода на молодость» и «Александру Ходзькѣ». Въ 1886 г. сборникъ «Изъ Мицкевича» былъ удостоенъ академіею наукъ Пушкинской преміи, согласно отзыву о немъ профессора Вержбовскаго, который, послѣ подробнаго разбора, пришелъ къ выводу, что «переводы г. Семенова слѣдуетъ признать плодомъ поэтическаго дарованія и художественнымъ произведеніемъ. На мой взглядъ, они лучше всѣхъ прочихъ переводовъ стихотвореній Мицкевича на русскій языкъ».

Изъ другихъ оригинальныхъ поэгическихъ произведеній Н. П. Семенова намъ извѣстны: «Молитва передъ св. Причастіемъ», напечатанная во «Всемирной Иллюстраціи» (1894 года № 1315, 9-го апрѣля); «Памяти А. С. Пушкина въ день 26-го мая 1899 года (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1899 г., № 181); «Въ тѣни отъ свѣта. М. И. В—ой» (1888 г.); «Привѣтливый уголокъ. Двумъ сестрицамъ-художницамъ въ живоисси В. П. и А. П. Ш—ъ» (1889 г.); «Е. К. Корибуть-Данкевичъ» (артистка Мравиной) — въ «Нивѣ», за 1890 г., № 42, и нѣкоторыя другія.

Всѣ эти произведенія, при ихъ несомнѣнной поэтичности, отличаются необыкновенно плавнымъ и звучнымъ стихомъ.

Среди своихъ многочисленныхъ занятій, служебныхъ и литературныхъ, Н. П. Семеновъ находилъ еще время и возможность заниматься изученіемъ флоры Виленской, Московской, Ярославской и Рязанской губерній; собралъ большой гербарій, который вошелъ въ число источниковъ для составленія профессоромъ Цингеромъ «Сборника свѣдѣній о флорѣ средней Россіи» (Москва, 1886 г.). Въ 1876 г., въ своей рѣчи, произнесенной въ императорскомъ Россійскомъ обществѣ садоводства, членомъ котораго онъ состоялъ, и озаглавленной: «О значенія и задачахъ ботаническаго словаря, каталоговъ и прейсъ-курантовъ», Н. П. Семеновъ возбудилъ вопросъ о необходимости создать русскую ботаническую номенклатуру, установивъ родовыя и видовыя названія растеній на русскомъ языкѣ. Не прошло

послѣ этого и двухъ лѣтъ, какъ онъ уже выпускаетъ въ свѣтъ довольно большой трудъ: «Русская номенклатура наиболѣе извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общепотребительныхъ растений» (Спб., 1878 г.).

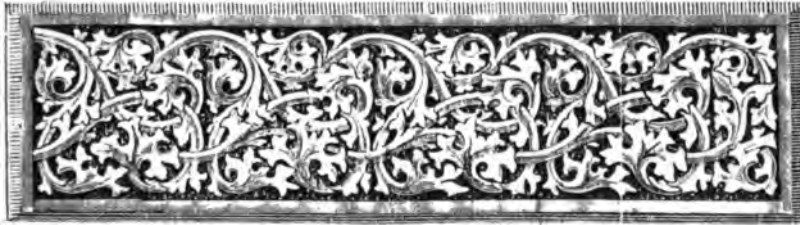
Въ 1878 г. въ «Вѣстникѣ Россійскаго общества садоводства» была напечатана рѣчь Н. П. Семенова «Международный конгрессъ въ Лозаннѣ по поводу филлоксеры», а въ 1881 г.—его интересныя наблюденія въ своемъ имѣннн надъ выносливостью различныхъ видовъ деревьевъ и растений, растущихъ на открытомъ воздухѣ, подъ заглавіемъ: «Деревья и кустарники, растущіе на открытомъ воздухѣ въ южной части Рязанской губерніи».

Наконецъ своею статьею: «О ненормальныхъ размноженіяхъ живыхъ организмовъ въ природѣ, съ критическими замѣчаніями на теорію Дарвина» (Спб., 1879 г.), Н. П. Семеновъ побудилъ связаннаго съ нимъ тѣсными узами дружбы Н. Я. Данилевскаго, нашего извѣстнаго изслѣдователя рыболовства, натуралиста и автора сочиненія: «Россія и Европа», предпринять огромный трудъ—серьезную и глубокую критику ученія Дарвина и посвятить Николаю Петровичу свое сочиненіе—«Дарвинизмъ» (Спб., 1885 г.).

Этимъ мы и заканчиваемъ свои замѣтки о замѣчательномъ и многообъемлющемъ русскомъ человѣкѣ, какимъ былъ покойный сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ, не перестававшій трудиться на литературномъ поприщѣ до послѣдняго времени: еще въ 1901 г. имъ была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 60) рецензія на XV выпускъ сочиненія Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», и пожелаемъ, чтобы его сынъ, Петръ Николаевичъ, поскорѣе довелъ до всеобщаго свѣдѣнія, путемъ печати, любопытнаго свѣдѣнія изъ обильной переписки покойнаго съ многими корифеями русской литературы и науки, съ которыми онъ былъ знакомъ, а съ нѣкоторыми находился даже и въ тѣсной дружбѣ.

В. Рудаковъ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. КАРЬЕВА.

(По поводу ея двадцатипятилѣтія).

РЕДКИ представителей русской науки немало выдающихся историковъ, посвятившихъ свои силы изученію прошлой жизни западно-европейскихъ народовъ. Очень многіе изъ нихъ дали образцовыя изслѣдованія, представляющія собою драгоцѣнный вкладъ въ историческую науку, часто открывающія новые научные горизонты, расширяющія сферу наблюденія и весьма нерѣдко дающія окончательный и исчерпывающій отвѣтъ на вопросы, которые еще долго послѣ того въ Западной Европѣ, мало знакомой съ нашей научной литературой, считаются все-таки наиболѣе текущими и животрепещущими проблемами. Мы имѣемъ образцы тонкаго и тщательнаго научнаго анализа различныхъ сторонъ соціальной и экономической эволюціи того или иного конкретнаго западно-европейскаго общества; есть у насъ труды, замѣчательные богатствомъ и новизною матеріала и научностью основанной на немъ характеристики цѣлаго культурнаго періода; мы можемъ похвалиться цѣлымъ рядомъ синтетическихъ работъ, вдругъ бросившихъ яркій, новый и совершенно оригинальный свѣтъ на ту или иную сторону культурнаго бытія западно-европейскихъ обществъ; мы можемъ назвать такія историческія монографіи, въ которыхъ впервые исторія тѣхъ или иныхъ соціально-экономическихъ отношеній на западно-европейской почвѣ получаетъ общее соціологическое освѣщеніе, значеніе одной изъ яркихъ иллюстрацій къ той или другой теоріи эволюціи общества и государства и т. д., и т. д. Но

среди этого множества превосходныхъ продуктовъ ученой дѣятельности русскихъ людей въ области западно-европейской исторіи врядь ли можно указать хоть одно произведеніе, которое можно было бы поставить рядомъ съ трудами проф. Н. И. Карѣева—по тому широкому значенію, какое имѣютъ они, какъ научная популяризація западно-европейской исторіи, какъ продукты научнаго творчества, дающіе удовлетвореніе потребности русскаго общества въ синтетическомъ ознакомленіи съ исторіей Европы въ цѣломъ, въ частностяхъ и въ общемъ и съ различными теоретическими вопросами исторіи, какъ произведенія, въ которыхъ счастливо сочеталась широта взглядовъ и интересовъ, общесоціологическихъ и философскихъ тенденцій съ специальностью выдающагося историка западно-европейской культуры,—какъ, наконецъ, пособія, дающія откликъ на запросы текущаго момента въ нашей общественной и идейной жизни, представляющія собою одинъ изъ надежнѣйшихъ и солиднѣйшихъ элементовъ того именно источника знанія, какой нуженъ обществу, къ которому оно обращается фактически, хотя бы критика въ самомъ этомъ источникѣ и въ его отдѣльныхъ элементахъ и видѣла много несовершенствъ,—пособія, чуждыя къ тому же быстропроходящихъ увлеченій и необъятною широтою и оригинальною узостью различныхъ теорій, построеній и догматическихъ утвержденій, въ такомъ изобиліи появляющихся у насъ и быстро улечивающихся часто безъ слѣда и остатка. Можно спорить противъ абсолютнаго значенія того или другого труда Н. И. Карѣева, можно многое въ нашей научной литературѣ по всеобщей исторіи поставить выше его работъ по талантливости и научности, можно наконецъ даже не соглашаться съ общенсторической концепціей его, во многихъ случаяхъ едва ли представляющей собою нѣчто неуязвимое и безупречное по выдержанности и глубинѣ мысли, но отрицать, что учено-литературная дѣятельность почтеннаго профессора имѣетъ весьма большое общественное и культурное значеніе именно потому, что она главнымъ образомъ создавала до сихъ поръ и сейчасъ создаетъ связующія нити между громаднымъ большинствомъ нашей интеллигенціи и западно-европейской исторической наукой, что она, главнымъ образомъ, давала и даетъ удовлетвореніе потребностямъ этого большинства въ знаніи прошлаго Западной Европы, и при томъ удовлетвореніе, основанное на началахъ прогресса, науки, истины, пониманія многогранности жизни и культуры, отрицать это не приходится даже самому пристрастному человѣку: стоитъ только вспомнить, что большинство трудовъ Н. И. Карѣева выдержало уже нѣсколько изданій въ то время, какъ великое множество работъ другихъ русскихъ ученыхъ, несмотря на всѣ свои достоинства, спокойно лежатъ въ пыли библіотекъ или находятъ обращеніе лишь въ тѣсномъ кругу немногихъ специалистовъ и почитателей,—чтобы убѣ-

дѣться, что само русское общество, интересующееся западно-европейской исторіей, выбрало и оцѣнило его, какъ своего лучшаго руководителя, и что, стало быть, никакая пристрастная критика и отрицательная оцѣнка не можетъ поколебать безусловно большаго значенія дѣятельности этого выдающагося ученаго и профессора, какъ именно дѣятельности, служащей дѣлу просвѣщенія нашей родины, какъ именно дѣятельности, во имя этого благороднаго и важнаго дѣла не замыкающейся въ рамки узко специальныхъ вопросовъ, никому ненужныхъ и во всякомъ случаѣ мало имѣющихъ отношенія къ непосредственнымъ идейнымъ нуждамъ русскаго общества.

Учено-литературная дѣятельность Н. И. Карѣва, имѣющая столь большое значеніе для русскаго общества, началась собственно въ 1868 году, когда была напечатана первая научная работа его: «Фонетическая и графическая система древняго эллинскаго языка». Но вполнѣ опредѣленный характеръ она приобретаетъ лишь съ момента выхода въ свѣтъ его магистерской диссертациі: «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка» (Спб., 1879), представляющей собою выдающійся вкладъ въ научную литературу вопроса ¹⁾, достойно оцѣненный въ свое время и русской и иностранной критикой (см. «Revue politique et littéraire», 1879 и 1880; «Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques», 1879; «La revue de philosophie positive», 1880; «Journal des savants», 1880; «Слово», 1879, № 10; «Вѣстникъ Европы», 1879, № 5; «Отечественныя Записки», 1879, № 6; «Дѣло», 1879, № 4; «Юридическій Вѣстникъ», 1879, № 2; «Русская Правда», 1879, № 6). До диссертациі проф. Карѣва вопросъ, которому она посвящена, можно сказать, не былъ совершенно разработанъ даже во французской литературѣ. Общія исторіи французскихъ крестьянъ, появившіяся задолго до изслѣдованія нашего ученаго, хотя и поднимали вопросъ, но отвѣта на него или не давали вовсе никакого или, если и давали, то очень неопредѣленный, поверхностный и необоснованный. Такъ, изъ пяти сочиненій по исторіи крестьянъ, вышедшихъ въ свѣтъ до 70-хъ годовъ,—сочиненій Дарестъ де-ла-Шаванна, Дю-Селлье, Дониоля, Лемаря и Бонмера, только въ работѣ послѣдняго можно найти болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, но и она въ этомъ случаѣ цѣннаго для проф. Карѣва ничего представить не могла. Не лучше обстояло дѣло, строго говоря, и въ специальной монографической литературѣ. Трудъ Н. И. Карѣва такимъ образомъ внесъ лучъ свѣта въ область, до него со-

¹⁾ Изъ сожалѣнія, русское изданіе въ настоящее время—библиографическая рѣдкость. Въ 1900 году вышелъ французскій переводъ ея: *Les paysans et la question paysanne en France au dernier quart du XVIII siècle.*

вершенно не разработанную. Тщательнымъ анализомъ до него никому почти не тронутаго матеріала онъ выяснилъ отношенія, какія существовали между крестьянами, съ одной стороны, и сеньорами, буржуазіей, королевскою властью—съ другой, даль чрезвычайно ясную картину общаго состоянія земледѣльческаго сословія и рассмотрѣлъ постановку крестьянскаго вопроса и его рѣшенія. Тонкость анализа, конкретность данныхъ, строгость метода, очень большая ясность выводовъ и картины, опредѣленность основныхъ линій и положеній увеличиваютъ научную цѣнность этой книги, имѣющей весьма большое значеніе уже просто по новизнѣ и богатству матеріала. Благодаря этимъ качествамъ, диссертация представляетъ не только превосходную книгу по данному специально вопросу, но и образецъ вообще научнаго изслѣдованія вопросовъ соціальной исторіи новаго времени. Этимъ только и объясняется, что и результаты, къ которымъ пришелъ Н. И. Карѣвъ въ этомъ своемъ первомъ научномъ историческомъ изслѣдованіи, до сихъ поръ остаются непоколебленными, несмотря на появленіе новыхъ теорій и гипотезъ (Маріона, Рамо и др.), существеннымъ образомъ отклоняющихся отъ выводовъ русскаго изслѣдователя: такой, на примѣръ, выдающійся историкъ, отличающійся строго позитивнымъ методомъ и ригористическимъ реализмомъ, какъ проф. Лучицкій, послѣ тщательнаго изученія всѣхъ этихъ теорій и глубокаго анализа новыхъ матеріаловъ по крестьянскому землевладѣнію во Франціи наканунѣ революціи, въ концѣ концовъ долженъ былъ возвратиться къ тѣмъ основнымъ выводамъ, къ какимъ по данному вопросу уже раньше пришелъ Н. И. Карѣвъ (см. И. В. Лучицкій: «Крестьянское землевладѣніе во Франціи» и т. д., Кіевъ, 1900, стр. 129, 175 и др.). Само собою разумѣется, все это не значитъ, что послѣ труда проф. Карѣва въ области исторіи французскихъ крестьянъ послѣдней четверти XVIII вѣка уже нечего изучать и изслѣдовать. Такіе сложные вопросы требуютъ цѣлаго ряда изысканій. Одна работа не въ состояніи исчерпать всего богатства матеріала, къ тому же изъ года въ годъ растущаго и раскрывающаго все новыя и новыя стороны вопроса. Дѣло лишь въ томъ, что проф. Карѣвъ впервые далъ вполне научный трудъ по данному вопросу, и то, что онъ своимъ изслѣдованіемъ раскрылъ въ этомъ вопросѣ, является положительнымъ приобрѣтеніемъ науки, дѣлающимъ дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи болѣе опредѣленными и легкими: въ самомъ дѣлѣ, до изслѣдованія Н. И. Карѣва было извѣстно лишь, что передъ паденіемъ стараго порядка крестьянинъ, во-первыхъ, уже не сервъ и, во-вторыхъ, находится подъ гнетомъ государственныхъ и другихъ повинностей; тѣ экономическія отношенія, какія существовали между сеньорами и крестьянами по землѣ, упускались изъ виду совершенно, всецѣло исчезая подъ перомъ изслѣдователей въ чисто юридическихъ

признакахъ свободы; отношенія, существовавшія между крестьянствомъ и другими общественными классами, на какіе распадалась Франція XVIII вѣка, не обращали на себя почти никакого вниманія; опредѣленіе истиннаго смысла и содержанія крестьянскаго во-

Николай Ивановичъ Карѣвъ.

проса сдѣлано почти вовсе не было; все это и раскрыто впервые Н. И. Карѣвымъ: кому неизвѣстно изъ занимающихся всеобщей исторіей, какое это цѣнное и прочное приобрѣтеніе исторической науки? Прибавьте ко всему этому, что весь трудъ проникнуть духомъ строгаго позитивизма, что на каждой страницѣ ея лежитъ

печатать социологического понимания явлений истории, что все в концѣ концовъ сводится къ весьма опредѣленнымъ реальнымъ силамъ общественной эволюціи,—и вы признаете, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ начатая литературная дѣятельность Н. И. Карѣева была начата блестяще.

Послѣдующая учено-литературная дѣятельность проф. Карѣева, весьма интенсивная, прямо кипучая по своей плодовитости, непрерывности, живости, всецѣло почти сосредоточивается на разработкѣ вопросовъ общенсторическихъ и общетеоретическихъ, на популяризаціи тѣхъ или иныхъ историческихъ темъ и наконецъ на работѣ специально для молодежи, нашедшей въ немъ своего сердечнаго друга, искреннаго, серьезнаго и вѣрнаго руководителя. Лучшими и капитальнѣйшими продуктами этой дѣятельности являются 3 тома «Основныхъ вопросовъ философіи истории» (I. Сущность и задачи философіи истории. II. Научныя основы теоріи прогресса. Спб., 1888; 2-е изд.; 1887, 3 изд., 1897. III. Сущность историческаго процесса и роль личности въ истории. Спб., 1890) и пятитомная «Исторія Западной Европы въ новое время», три первыхъ тома которой реэюмировано въ особомъ трудѣ: «Философія культурной и социальной истории новаго времени» (Спб., 1898; 2-е изд., 1902)¹). Но и все остальное, что вышло изъ-подъ пера Н. И. Карѣева, представляетъ въ томъ или иномъ смыслѣ цѣнное приобрѣтеніе нашей научной и научно-популярной литературы. Тутъ мы найдемъ работы самаго разнообразнаго содержанія, всегда однако серьезнаго и важнаго, какъ бы мы ни относились къ ихъ значенію, исходя изъ другого представленія о задачахъ исторической науки или изъ другого пониманія культурной эволюціи. «Очеркъ истории французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.» (Варш., 1881), «Очеркъ истории реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ» (1886), «Литературная эволюція на Западѣ» (Воронежъ, 1886), «Историческій очеркъ польскаго сейма» (1888), «Паденіе Польши въ исторической литературѣ» (1889), «Польскія реформы XVIII в.» (1890), «Causes de la chute de la Pologne» (Vevey, 1893)— вотъ одинъ рядъ этихъ работъ. Многие изъ того, что сказано въ названныхъ сочиненіяхъ, въ настоящее время должно быть отброшено, какъ нѣчто устарѣвшее, во многое слѣдовало бы внести поправки и оговорки, но и до сихъ поръ они остаются цѣнными и часто незаменимыми пособіями. Къ этой же категоріи работъ относятся и двѣ очень хорошія и популярныя книжки, составленныя изъ лекцій, читанныхъ проф. Карѣевымъ въ Политехническомъ институтѣ: «Государство-городъ античнаго міра» (Спб., 1903) и «Монархія древняго Востока и греко-римскаго міра» (Спб., 1904).

¹) См. также его статью: «Задачи социологій и теоріи истории» въ журналѣ «Новое Слово», 1897 г., №№ 1—2.

Несмотря на неясности тѣхъ или иныхъ мѣстъ и на нѣкоторую тяжеловѣсность языка, эти книжки безусловно оригинальное явленіе не только въ нашей, но и въ западно-европейской научно-популярной литературѣ. Другой рядъ работъ проф. Карѣева представляютъ многочисленныя журнальныя статьи по различнымъ вопросамъ теоріи исторіи и социологіи (отчасти собранныя имъ въ книгѣ: «Историко-философскіе и социологическіе этюды», Спб., 1895), всецѣло примыкающія по общей точкѣ зрѣнія къ «Основнымъ вопросамъ философіи исторіи», и такого рода сочиненія, составленныя изъ курсовъ, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, какъ «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ» (Спб., 1896) и «Введеніе въ изученіе социологіи» (Спб., 1897)¹⁾. Большинство этихъ работъ и особенно «Старые и новые этюды» находятся въ связи съ тѣмъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ, которое носитъ названіе экономическаго матеріализма и марксизма. Кому неизвѣстно оно? Зародившись, строго говоря, еще въ трудахъ Благосвѣтлова, Жуковскаго, Зибера и др., оно особеннаго развитія достигаетъ, какъ извѣстно, въ 90-хъ годахъ. Имена Маркса и Энгельса являлись своего рода символами непогрѣшимости, а ихъ исторіософія считалась чуть ли не ключемъ отъ всѣхъ ключей. Вся пестрота жизни, вся сложность развитія и историческихъ движеній и перемѣнъ сводилась къ единому экономическому источнику, какъ къ единому фактору культурной эволюціи. Такіе безспорно талантливые и глубокообразованные люди, какъ гг. Вельтовъ, Струве, Вулгаковъ и др., бросаются въ потокъ этого односторонняго увлеченія, поддерживаютъ его въ другихъ, въ читателяхъ своихъ статей и книгъ, въ увлекающейся горячей молодежи и съ страстностью, достойною лучшаго приложенія, стремятся разбить тѣхъ, кто является представителемъ иныхъ общественныхъ теорій и иныхъ теоретическихъ предпосылокъ общественной дѣятельности. Схватка между тѣми и другими была неизбежна. Ея частнымъ и, быть можетъ, самымъ яркимъ эпизодомъ была знаменитая полемика между покойнымъ Н. К. Михайловскимъ и г. Туганъ-Барановскимъ. Съ какою силою, съ какимъ блескомъ напалъ знаменитый публицистъ-критикъ «Русскаго Богатства» на этого нѣкогда столь правобѣрнаго и рѣшительнаго марксиста! Было ли то пораженіе марксистовъ или нѣтъ, — трудно рѣшить. Но что правда была не на ихъ сторонѣ, доказала послѣдующая исторія. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, они, эти марксисты, матеріалисты и т. п.? Гдѣ эти столь грозные враги «идеологовъ»? Увы, всѣ они теперь находятся въ непроходимыхъ

¹⁾ Нельзя не замѣтить кстати, что проф. Карѣевъ—рѣдкій примѣръ профессора, печатающаго свои курсы. Это доказываетъ, какъ серьезно Н. И. Карѣевъ относится къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. Много ли профессоровъ читаетъ такіе курсы, которые они рѣшились бы напечатать?

дебряхъ метафизики или идеализма, какъ они называютъ его, на другомъ совершенно полюсѣ пониманія жизни, исторіи и природы, чѣмъ то, которое они когда-то такъ страстно исповѣдывали. Все это стоитъ вспомнить, чтобы оцѣнить и роль Н. И. Карѣева въ это любопытное время борьбы «новаго со старымъ», какъ говорилось тогда. Марксисты, конечно, не могли обойти Н. И. Карѣева, какъ самаго крупнаго представителя того историческаго «идеализма», противъ котораго они боролись, тѣхъ вообще общефилософскихъ и социологическихъ воззрѣній, которыя до него уже лучше всего были формулированы извѣстнымъ русскимъ социологомъ Лавровымъ и Михайловскимъ. Уже тогда Н. И. Карѣевъ предсказывалъ недолговѣчность марксизма и сталъ въ ряды самыхъ серьезныхъ и объективныхъ критиковъ его. Онъ и далъ первую попытку критической исторіи экономическаго матеріализма, и въ настоящее время эта попытка представляетъ собою, можно сказать, единственное систематическое обзрѣніе вопроса, гораздо болѣе объективное, научное и популярное, чѣмъ, напримѣръ, соответствующая попытка Вольмана. Пользуясь случаемъ, можно сказать, что Н. И. Карѣевъ вообще стоитъ, такъ сказать, на стражѣ позитивизма и научнаго реализма, того самаго реализма, во имя котораго создавался и марксизмъ, оказавшійся, однако, далеко не реалистическимъ. Не такъ давно съ тѣми же цѣлями нашъ ученый выступилъ и противъ «естественнаго права», — идеи, воскрешаемой нашими юристами изъ давно уже испенелившихся гробовъ, гдѣ ей несомнѣнно и слѣдуетъ оставаться. Во имя того же историческаго реализма, во всемірно-историческихъ теоріяхъ развитія человѣчества видящаго нѣчто наиболѣе соответствующее подлинной дѣйствительности, Н. И. Карѣевъ борется въ настоящее время всѣми силами своей логики и научнаго опыта и противъ той точки зрѣнія, которая, исходя изъ другого пониманія научнаго реализма, отрицаетъ всякое позитивное значеніе за всемірно-историческими концепціями. Эта послѣдняя точка зрѣнія не нова ни въ русской, ни въ западно-европейской литературѣ: она была болѣе или менѣе опредѣленно формулирована уже въ извѣстной книгѣ Рюккертъ—«Lehrbuch d. Weltgeschichte in organischer Darstellung» (Leipzig, 1857, 2 Bde), а у насъ уже въ знаменитомъ трудѣ Н. Я. Данилевскаго — «Россія и Европа» (1871 г.; 3 изд. 1888 г.), въ этомъ «катихизисѣ славянофильства», — но въ настоящее время она безспорно свободна уже вполне отъ той метафизической оболочки, въ какую была она заключена, напримѣръ, у Данилевскаго, и отъ тѣхъ наслоеній, оговорокъ и толкованій, которыя ничего общаго съ научнымъ обществовѣдніемъ имѣть не могутъ; въ виду этого нельзя не признать, что если критическія стрѣлы, направленные противъ нея, какъ основы теоріи Данилевскаго, Влад. Соловьевымъ (см. Національн. вопр. въ Россіи, вып. 2, стр. 216—273) и Н. И. Карѣевымъ (см. соответств. статью его въ «Русск. Мысли»

за 1890 г.), и попадали прямо въ цѣль, то едва ли можно сказать то же самое объ отрицательномъ отношеніи къ идеѣ, отвергающей всемірно-историческое пониманіе культурной эволюціи въ настоящее время подъ перомъ такого тонкаго истолкователя исторіи, какъ проф. Випперъ, въ общихъ теоретическихъ соображеніяхъ проф. Петрушевскаго и др. Нельзя не согласиться, что и противники всемірно-исторической идеи впадаютъ въ крайности, слишкомъ подчеркиваютъ основныя линіи схемы историческаго развитія челоуѣчества, слишкомъ грубыми и прямыми контурами разграничиваютъ общественные типы и комплексы, но, съ другой стороны, врядъ ли, однако, всемірно-историческая идея — правильное рѣшеніе кардинальнаго вопроса о взаимодѣйствіи и генетической связи культуръ: весьма любопытно и поучительно, что и самъ проф. Н. И. Карѣвъ, столь рѣшительно возстающій противъ «историческаго атомизма», какъ нѣкоторые называютъ точку зрѣнія, отвергающую всемірно-историческую идею, въ послѣднее время взялся за типологическое изложеніе исторіи, которое какъ ни какъ, а предполагаетъ не столько всемірно-историческій процессъ развитія, сколько повторяемость извѣстныхъ моментовъ развитія въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ общественныхъ агрегатахъ.

Наконецъ третій рядъ работъ Н. И. Карѣва той категоріи, о которой мы говорили только-что, представляютъ собою такія книжки, спеціально посвященныя молодежи, какъ «Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи» (съ 1894 г. семь изданій), «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія» (4 изд.), «Мысли объ основахъ нравственности» (2 изд.), «Мысли о сущности общественной дѣятельности» (2 изд.) и др., столь тѣсно связанныя съ тою стороною его дѣятельности, которая сдѣлала его однимъ изъ первыхъ организаторовъ и энергичныхъ работниковъ с.-петербургскаго кружка «Отдѣла для содѣйствія самообразованію» (издаваемаго «Программы чтенія для самообразованія», 4-е изд., Спб., 1904). Эта сторона дѣятельности Н. И. Карѣва заслуживаетъ самаго большаго вниманія и уваженія. Среди множества профессоровъ, ученыхъ и учителей онъ является рѣдкимъ примѣромъ настоящаго друга молодежи, доступнаго и благожелательнаго, искренно проникнутаго любовью къ ней и вмѣстѣ съ нею раздѣляющаго вѣру въ лучшія силы челоуѣческаго духа, въ лучшія порывы молодости, въ лучшія идеалы жизни и труда. Пишущій эти строки самъ съ чувствомъ живѣйшей признательности вспоминаетъ то хорошее и далекое для него время, когда онъ зачитывался названными книжками дорогаго ему учителя, когда въ молодую душу проникалъ голосъ опытнаго «наставника» и звалъ къ работѣ, борьбѣ, ко всему лучшему и доброму, когда въ немъ одномъ, въ этомъ учителѣ, онъ видѣлъ настоящаго руководителя, открывавшаго ему правду, говорившаго его сердцу, молодому и незрѣлому уму такъ много сердечнаго и отеческаго, несмотря на то, что

вокругъ него кишѣла тѣма официальныхъ представителей «воспитанія и образованія», увы, такъ бесполезно несущихъ и носившихъ бремя своего «призванія». И сколько-сколько юношей можетъ повторить то же самое и теперь! Сколько изъ нашего поколѣнія можетъ сказать то же самое о своей юности! И мы лучше, чѣмъ кто либо, понимаемъ, какъ почтенна и какого безконечнаго уваженія заслуживаетъ эта дѣятельность Н. И. Карѣва. Правда, Н. И. Карѣвъ не первый заговорилъ на темы, касающіяся специально молодежи, не первый обратился непосредственно къ ней. Но ни одна изъ работъ такого рода отъ «Задачъ этики» Кавелина до новѣйшей книжки г. Иванова «Вопросы молодости» не нащупала того именно нерва юношеской психики, который угаданъ проф. Карѣвымъ и является наиболѣе важнымъ и центральнымъ, ни одна изъ нихъ не даетъ ни тѣхъ отвѣтовъ, какіе нужны молодежи, ни того обоснованія ихъ, какое всего болѣе убѣдительно и, мы бы сказали, искренно, научно и правдиво, — наконецъ не воплощаетъ въ себѣ той естественной простоты, которая такъ привлекаетъ въ книжкахъ Н. И. Карѣва молодую душу, наполняя ее обаяніемъ, довѣріемъ и порывами. Въ этомъ смыслѣ проф. Н. И. Карѣвъ въ своемъ родѣ единственный «учитель».

Намъ остается остановиться еще на тѣхъ трудахъ проф. Карѣва, которые, какъ мы сказали уже, являются наиболѣе крупными и капитальными плодами его учено-литературной дѣятельности, — на «Основныхъ вопросахъ» и «Исторіи Западной Европы». Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то общеоисторическое міросозерцаніе, которое нашло себѣ въ этихъ трудахъ наиболѣе яркое и рельефное выраженіе. Основныя линіи этой исторіософіи, тѣсно соприкасающейся съ общимъ міровоззрѣніемъ и настроеніемъ извѣстной соціологической школы, несомнѣнно восходятъ къ тѣмъ понятіямъ и представленіямъ, которыя въ зародышевомъ состояніи можно найти уже въ историческихъ идеяхъ Грановскаго и его современниковъ. Та школа русскихъ соціологовъ, въ главѣ которой несомнѣнно слѣдуетъ поставить знаменитаго П. А. Лаврова, держалась собственно этихъ же линій, хотя, конечно, все построеніе теоріи историческаго процесса и основныхъ факторовъ его отличается и инымъ характеромъ, и иною глубиной, и инымъ общимъ смысломъ. То же самое приходится повторить и о Н. К. Михайловскомъ, этомъ безспорно самомъ крупномъ, авторитетномъ и блестящемъ представителѣ русской соціологіи названной школы въ самое послѣднее время ея существованія. Проф. Карѣвъ въ своемъ историко-философскомъ трудѣ примыкаетъ почти всецѣло къ этой «соціологической» школѣ, которую въ настоящее время приходится называть уже не иначе, какъ старой, хотя онъ раньше, чѣмъ, напримеръ, «марксисты», подвергъ критикѣ нѣкоторыя основанія ея и внесъ рядъ поправокъ въ ея тезисы (см., напримеръ, «Сущность

историческаго процесса», стр. 79—150, «Теорія личности П. Л. Лаврова», «Новый историко-философскій трудъ» въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1898, кн. V). Во многомъ онъ уступаетъ наиболѣе виднымъ представителямъ ея — въ этомъ сомнѣніи не можетъ быть: ни остроты мысли Михайловскаго, напримѣръ, — ни опредѣленности, ни, сказали бы мы, оригинальности и глубины анализа Лаврова мы въ трудахъ его не найдемъ. Но зато его мысль отличается большею широтою, объективностью и систематичностью приложенія къ фактамъ и явленіямъ жизни и исторіи. Большая заслуга проф. Карѣва и состоитъ въ томъ, что онъ впервые не только въ нашей, но и западно-европейской философской и социологической литературѣ поставилъ цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ теоретическихъ вопросовъ во всей широтѣ ихъ и построилъ цѣльную и законченную систему возрѣній на историческій процессъ и цѣлый рядъ явленій, вытекающихъ изъ сущности его, какъ ее понимаетъ Н. И., свелъ ихъ къ единой философій исторіи, далъ имъ опредѣленную форму и, такъ сказать, очистилъ отъ цѣлага ряда одностороннихъ и ненаучныхъ элементовъ. Такимъ образомъ опредѣленное историческое міровозрѣніе, уже до проф. Карѣва имѣвшее и крупныхъ и вліятельныхъ представителей, лишь подъ его перомъ впервые получаетъ полное, исчерпывающее, объективное и научное, насколько, конечно, оно можетъ быть научнымъ, выраженіе и обоснованіе. Но и помимо этого, въ отвлеченіи отъ той роли, какую играютъ «Основные вопросы» по отношенію къ названной исторической идеологіи, этотъ трудъ имѣетъ значеніе первой попытки создать философію исторіи на новыхъ началахъ, указанныхъ отчасти уже О. Контомъ, и притомъ попытки очень серьезной и до сихъ поръ еще представляющей собою нѣчто въ своемъ родѣ и въ данной именно области совершенное и не превзойденное: много ли послѣ этого труда новаго внесено и въ постановку и въ рѣшеніе вопросовъ, которымъ посвященъ онъ, имѣя въ виду, конечно, лишь тѣхъ изслѣдователей, которые раздѣляютъ основную идею проф. Карѣва о философіи исторіи? не пережевываютъ ли западноевропейскіе теоретики исторической науки то, что у насъ послѣ труда проф. Карѣва считается уже старьемъ, съ которымъ давно распрощалась наша критика, и къ которому давно уже остылъ интересъ? Вотъ почему книгу проф. Карѣва такъ усердно читаютъ, и мы не можемъ не признать, что дѣлающіе это поступаютъ правильно: ни одна книга не вводитъ въ цѣлый рядъ вопросовъ самаго большого историко-философскаго и социологическаго значенія, ни одна книга не вызываетъ работу мысли въ историко-философскомъ направленіи, ни одна, наконецъ, книга не даетъ полноты матеріала, постановки вопросовъ во всемъ объемѣ и во всей широтѣ такъ, какъ книга проф. Карѣва. Всѣмъ этимъ мы нисколько не утверждаемъ, что

историческая концепція проф. Карѣва является для насъ чѣмъ-то окончательно устанавливающимъ правильную точку зрѣнія на соответствующій предметъ. Напротивъ, въ настоящее время яснѣе, чѣмъ когда либо, какъ въ дѣйствительности эта концепція несовершенна, и до какой степени она противорѣчитъ реальной сущности и историческаго процесса и обществовѣдѣнія вообще. Самая идея философіи исторіи несомнѣнно уже потеряла свой кредитъ, смыслъ законовъ исторіи, отрицаемыхъ проф. Карѣвымъ, долженъ пониматься иначе, чѣмъ раньше, классификація наукъ, предлагаемая имъ, бесспорно не удовлетворяетъ требованіямъ реальной науки, и вообще вся исторіософія въ настоящее время получаетъ совершенно иной характеръ по содержанію и основоположеніямъ, чѣмъ идеология Н. И. Карѣва,—и въ этомъ случаѣ немалую обновляющую роль сыграла идея экономического матеріализма, хотя сама по себѣ она, какъ справедливо доказывалъ это въ свое время профессоръ Карѣвъ, не имѣетъ серьезнаго научнаго значенія. Растетъ новая «соціологія-исторія», которой, какъ думается, суждено стать господствующей. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что профессоръ Н. И. Карѣвъ уже давно формулировалъ болѣе или менѣе опредѣленно многое изъ того, что эта новая «соціологія-исторія» строитъ и развиваетъ. Въ этомъ неоспоримое доказательство, что въ лицѣ проф. Карѣва мы имѣемъ крупнаго обществовѣда, ученаго чрезвычайно широкихъ интересовъ и передового историка. Но въ этомъ же и весь трагизмъ историческаго міровоззрѣнія Н. И. Карѣва. Элементы непримиримыхъ міровоззрѣній—старого и новаго—никакъ не спаиваются у него въ нѣчто стройное и органическое: проф. Карѣвъ постоянно борется между двумя полюсами пониманія историческаго процесса, стараясь крайности ихъ примирить въ единой гармоніи, которая должна существовать, по его убѣжденію, между тѣми долями истины, которыя въ нихъ заключаются; поэтому нельзя не согласиться съ критиками, которые утверждаютъ, что Н. И. Карѣвъ нерѣдко самъ измѣняетъ своимъ основнымъ тезисамъ и впадаетъ въ дуализмъ, врядъ ли къ тому обоснованный (см., напримѣръ, Трохимовъ: «Суть ли законы исторіи?», Спб., 1903; Бельтовъ: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Спб., 1895 и др.). И тѣмъ не менѣе значеніе «Основныхъ вопросовъ» и до настоящаго момента большее: ни одному соціологу и историка, ставящему абстрактные вопросы общественной науки болѣе или менѣе научно, критически, миновать эту книгу невозможно.

Въ тѣсной связи съ этимъ трудомъ, какъ систематизирующимъ общенсторическія и соціологическія воззрѣнія Н. И. Карѣва, находится другая капитальная работа его—«Исторія». Какъ бы отрицательно ни относились мы къ общенсторической точкѣ зрѣнія, положенной въ основу этой книги, мы должны признать ее замѣ-

чательнымъ явленіемъ въ исторической литературѣ вообще. Прежде всего это—единственная полная исторія «соціальныхъ и культурныхъ отношеній» Западной Европы, отличающаяся цѣльностью, научностью и общефилософскимъ смысломъ. Вспомните только общія обзорнія Вебера, Беккера, Ягера, Шлоссера, Филиппсона, въ коллекціи Онкена, Лависса и Рамбо, Зеворта, Петрова, Фримана, Гизо и т. д., и вы признаете, что ни одна изъ существующихъ исторій развитія Европы въ его главнѣйшихъ и крупнѣйшихъ моментахъ не идетъ и въ отдаленное даже сравненіе съ книгой проф. Карѣва. Но, будучи вообще единственной въ своемъ родѣ исторіей Западной Европы въ новое время, она отличается еще широтою горизонтовъ, всесторонностью освѣщенія процессовъ, происходившихъ въ западно-европейскихъ обществахъ: въ общей картинѣ, линіи и краски которой распредѣлены весьма симметрично и гармонично, схвачена вся полнота жизни со всѣми сторонами ея: и экономика, и общественныя отношенія, и политическія условія, и теченія мысли и т. д. Все это—блестяще выполненная иллюстрація къ основному положенію міросозерцанія Н. И. Карѣва, выраженному имъ однажды такъ: «лишь становясь на снятетическую точку зрѣнія, признающую вѣрныя стороны психологическаго идеализма и экономическаго матеріализма, поскольку они дополняютъ другъ друга, и вооружающуюся противъ обоихъ направленій, поскольку одно стремится исключить другое,—лишь становясь именно на эту точку зрѣнія, возможно всесторонне охватить культурно-соціальную жизнь человѣчества». Въ этомъ смыслѣ трудъ проф. Карѣва, повторяемъ, одна изъ лучшихъ и совершенныхъ общихъ исторій, и несомнѣнно переводъ его на какойнибудь распространенный иностранный языкъ обогатилъ бы и европейскую историческую литературу. Существуютъ, конечно, исторіи отдѣльныхъ странъ, которыя нерѣдко стоятъ выше труда Н. И. Карѣва по совершенству выполненія, по тонкости работы и т. д., какъ, на примѣръ, *Deutsche Geschichte* Лампрехта, какъ у насъ, на примѣръ, «Очерки» г. Милукова, но вѣдь совершенно иная задача—общая исторія Европы и общая исторія отдѣльныхъ странъ ея: какъ общая исторія Европы въ новое время, трудъ проф. Карѣва раннаго себѣ пока ничего не имѣетъ. Есть еще одна сторона въ «Исторіи» Н. И. Карѣва, которая дѣлаетъ ее единственной книгой и въ отдѣльныхъ частяхъ. Никому не удалось написать такой превосходной и всесторонней и притомъ болѣе или менѣе сжатой исторіи Европы въ XIX вѣкѣ, какъ проф. Карѣву. Два тома его исторіи—IV и V, за которыми долженъ послѣдовать и VI, въ этомъ отношеніи представляютъ собою въ сравненіи со всѣми остальными исторіями XIX вѣка—шедевръ: въ самомъ дѣлѣ, какъ безконечно ниже ихъ стоятъ соотвѣтствующія

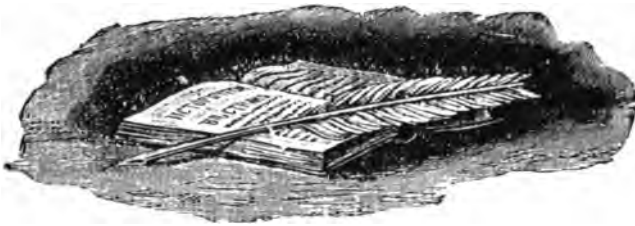
сочиненія Сеньбоса, Файфа, Торсое, Эндрюса, Булле, Йегера, Гюннегера, Лейкснера, Гервинуса и т. д., въ большинствѣ случаевъ лишенные и широкой исторической подкладки, и общенсторическаго смысла, и научныхъ основаній! Конечно, идеаль изложенія исторіи XIX вѣка не достигнуть и проф. Карѣвымъ. Можно и должно желать и ждать лучшаго въ данной области. Можетъ быть, слѣдовало бы желать и другой постановки вопросовъ, и иной перспективы, и иной социологической основы. Но пока что, а «Исторія» проф. Карѣва и въ цѣломъ и въ послѣдней своей части — крупный, капитальный, въ высокой степени цѣнный вкладъ въ историческую литературу, соединяющій научность, громадную эрудицію, всесторонность освѣщенія явленій исторіи съ общими широкими социологическими интересами, равно далекій отъ расплывчатой широты нѣкоторыхъ философскихъ обзорѣній всемірной исторіи, существующихъ въ литературѣ, и отъ ученой мелочности нѣмецкаго гелертства, и отъ неверхности и отъ глубины, хватающей черезъ край, что, какъ извѣстно, бываетъ ¹⁾).

Мы кончили. Мы не думали писать обстоятельной критической статьи объ учено-литературной дѣятельности почтеннаго профессора. Намъ хотѣлось лишь отмѣтить главнѣйшіе результаты двадцатипятилѣтней работы его на поприщѣ исторической науки и русскаго просвѣщенія. Намъ хотѣлось лишь показать, какъ плодovита и плодотворна была она до сихъ поръ, что новаго дала, и въ чемъ слѣдуетъ искать истиннаго значенія ея. Намъ хотѣлось подчеркнуть, что Н. Н. Карѣвъ — крупнѣйшій представитель той исторической школы, изъ которой вышелъ, что онъ едва ли не первый изъ русскихъ ученыхъ обратился къ изученію социально-экономической исторіи Западной Европы и въ этой области далъ первоклассное изслѣдованіе, что онъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ и популярнѣйшихъ руководителей русскаго общества и русской молодежи по изученію западно-европейской исторіи, что онъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и неутомимыхъ работниковъ на нивѣ русскаго просвѣщенія во имя прогресса, общечеловѣческихъ идеаловъ и влеченій, и что наконецъ онъ — видный историкъ, по количеству, равнородности и широтѣ дѣятельности стоящій впереди всѣхъ другихъ русскихъ историковъ Западной Европы, сдѣлавшій больше кого бы то ни было для сближенія науки и жизни, русскаго общества и западно-европейской исторической науки, болѣе

¹⁾ Мы не думали въ настоящей статьѣ дать обстоятельную критику трудовъ Н. Н. Карѣва. Поэтому и относительно «Исторіи» ограничиваемся лишь общей характеристикой, предполагая подробнымъ анализомъ ея заняться въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Забѣгаемъ кстати, что мы далеко не исчерпали всего, что написано Н. Н. Карѣвымъ.

кого бы то ни было изъ представителей университетской науки, имѣющій въ виду, прежде всего, тѣхъ, для кого существуетъ и наука, и литература, и университет и т. д., а не интересы крайней специализаціи, отрѣщенной отъ всѣхъ нуждъ окружающей среды. Ко всему этому можно прибавить, что Н. И. Карѣвъ главный организаторъ едва ли не лучшаго «историческаго общества» въ Россіи, предсѣдателемъ котораго состоитъ до настоящаго момента.

Ник. Дубровскій.

АНГЛІЙСКІЕ МИССИОНЕРЫ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

ВЪ СЕЛЕНГИНСКЪ, этомъ ничтожномъ, однообразномъ почти заштатномъ городкѣ, куда притокъ новой жизни почти не доходитъ, существуютъ все-таки интересныя воспоминанія.

По берегамъ широко и красиво извивающейя среди утесовъ и острововъ Селенги расположились Старый и Новый Селенгинскъ. Старый Селенгинскъ отличается единственно величавымъ каменнымъ соборомъ, одиноко бѣлѣющимъ на правомъ берегу рѣки, среди ничтожныхъ сравнительно съ нимъ немногихъ домиковъ селенгинскихъ мѣщанъ: здѣсь подвизался въ дѣлѣ распространенія христіанства святитель Иннокентій Иркутскій. Противъ стараго города, на другомъ лѣвомъ берегу рѣки, тамъ, гдѣ видѣются домики и юрты такъ называемой Нижней деревни, бѣлой каменной оградой возвышаются памятники надъ прахомъ декабристовъ Бестужевыхъ и Торсона невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ стояли ихъ дома.

Есть также въ Селенгинскѣ мѣсто, коротко и многозначительно называемое «Англія». Въ виду собора Стараго Селенгинска, тамъ, гдѣ Селенга, дѣлая поворотъ, ударяетъ въ крутой высокій Англичанскій утесъ, на отлогомъ берегу рѣки, среди живописной мѣстности, стоитъ старыи довольно длинный деревянный домъ и бѣлый памятникъ—obeliskъ съ крестомъ. Здѣсь жили, работали и умирали англійскіе миссіонеры въ 30-хъ и 40-хъ годахъ ХІХ столѣтія. Память объ англійскихъ миссіонерахъ не умираетъ въ Селенгин-

скѣ, хотя подробности ихъ дѣятельности забываются все болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Но еще и теперь (1902 г.) можно слышать въ Селенгинскѣ нѣкоторые рассказы о ихъ дѣятельности.

Материалами для нашей статьи послужили какъ эти рассказы, такъ и немногія данныя, имѣющіяся въ литературѣ.

Исторія дѣятельности англійскихъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ показываетъ, насколько предприимчиво лондонское миссіонерское общество, пославшее своихъ миссіонеровъ въ далекое Забайкалье, и въ какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ совершалось (и совершается) дѣло распространенія христіанства среди ламаитовъ Забайкалья.

Изъ литературныхъ данныхъ извѣстно, что въ концѣ 1817-го года изъ Лондона отправились въ Иркутскъ члены лондонскаго миссіонернаго общества, пасторы Корнелій Рамнъ и Эдуардъ Сталибрасъ, съ намѣреніемъ сначала изучить языкъ сибирскихъ идолопоклонниковъ, а затѣмъ заняться обращеніемъ ихъ въ христіанство.

Они, какъ и другіе товарищи ихъ, встрѣтили самый сочувственный пріемъ со стороны русскаго правительства: императоръ Александръ I-й, министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Сперанскій, оказали англійскимъ миссіонерамъ широкое содѣйствіе.

Впрочемъ, пасторъ Рамнъ недолго оставался въ Забайкальѣ: въ 1819-мъ году онъ выѣхалъ въ Англію.

Пасторъ Эдуардъ Сталибрасъ поселился въ городѣ Селенгинскѣ съ 1820-го года.

Въ іюлѣ же 1820-го года прибыли въ Иркутскъ другіе два миссіонера, пасторы Робертъ Юилль съ семействомъ и Вильямъ Сванъ. Съ ними вернулся на родину, находившійся въ Петербургѣ для перевода священнаго писанія, хоринскій буряты Номту.

Юилль и Сванъ пріѣхали также въ Селенгинскъ, энергично занялись переводомъ священнаго писанія на монгольскій языкъ, и въ 1828-мъ году кончили это дѣло, послѣ чего раздѣлились для болшихъ успѣховъ распространенія христіанства среди буряты.

Сванъ и Сталибрасъ дѣйствовали на рѣкахъ Анѣ и Кудунѣ среди хоринскихъ буряты Верхнеудинскаго уѣзда, Юилль и также Сталибрасъ работали въ Селенгинскѣ среди селенгинскихъ буряты.

Въ царствованіе императора Николая I-го русское правительство съ меньшимъ довѣріемъ относилось къ англійскимъ миссіонерамъ, и когда послѣдніе въ 1835 году ходатайствовали о позволеніи крестить буряты по евангелическо-реформатскому обряду, имъ было отказано въ этомъ и дано знать, что желающихъ принять крещеніе они могутъ отсылать къ православному духовенству.

Дѣятельность миссіонеровъ не сопровождалась успѣхами. Въ этомъ обстоятельстве администрація искала повода къ прекращенію ихъ дѣятельности, и уже въ 1838 году генералъ-губернаторъ Рупертъ предположилъ прекратить дѣйствія миссіи и распростра-

неніе христіанства передать русскимъ миссіонерамъ; онъ даже заподозрѣлъ, въ виду неуспѣшности миссіи, не занимаются ли миссіонеры вмѣсто проповѣди христіанства противорусской политикой среди инородцевъ; но верхнеудинскій окружной начальникъ Шапошниковъ доносилъ въ 1838 году, что миссіонеры тщательно занимаются христіанской проповѣдью, и вредныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не замѣтно. Въ томъ же году иркутскій губернаторъ Пятницкій доносилъ, что миссіонеры хорошо знаютъ монгольскій языкъ и имѣютъ довольно большую бібліотеку по восточнымъ языкамъ; онъ же сообщилъ тогдашній составъ миссіи.

Миссію составляли въ 1838 году: а) Эдуардъ Сталибрасъ, жена Шарлотта, сыновья: Иванъ 15 лѣтъ; Яковъ—12 лѣтъ; Генрихъ—1 года; дочь Сара 17 лѣтъ; б) Василій Сванъ, жена Анна; типографщикъ Иванъ Аберкромби, жена его Гуліана и дочери: Шарлотта 6 лѣтъ, Марія 4 лѣтъ и Анна 1-го года; в) Робертъ Юилль и сынъ Самуилъ 11-ти лѣтъ; жена Роберта умерла въ Селенгинскѣ раньше, какъ увидимъ ниже.

Сталибрасъ и типографщикъ съ семействомъ жили на рѣкѣ Кудунѣ близъ Кудунскихъ кумиренъ; Сванъ съ женою на рѣкѣ Анѣ въ 5 верстахъ отъ Анинскихъ кумиренъ (Анинскій дацанъ построенъ въ 1811 году); Юилль на рѣкѣ Селенгѣ противъ Селенгинска.

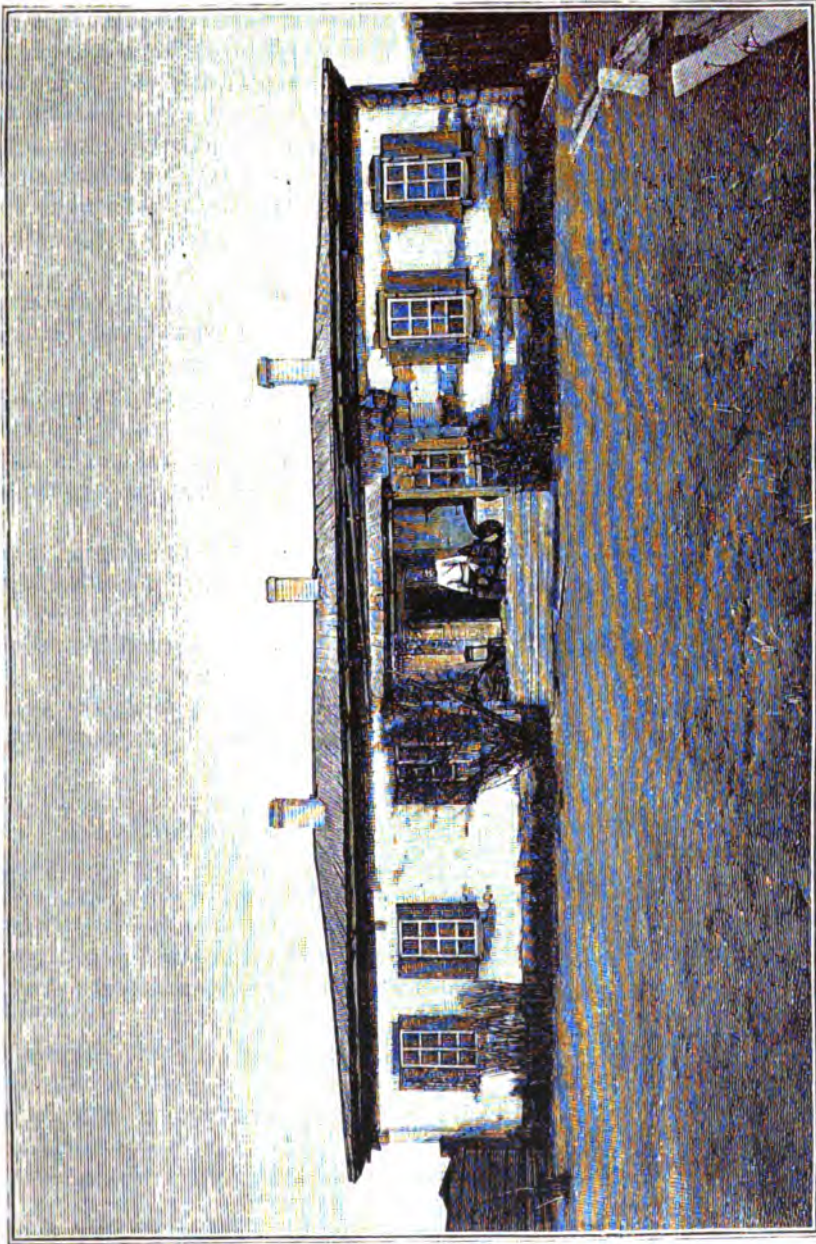
Окончательно прекратилась дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ, благодаря настояніямъ духовныхъ властей.

Въ царствованіе императора Александра I-го преосвященный иркутскій Приней благопріятно смотрѣлъ на дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ, и духовная и свѣтская власть согласно признавали полезность намѣреній англійскихъ миссіонеровъ; но въ послѣдствіи взгляды перемѣнились; уже преемникъ Иринея, преосвященный Михаилъ, возбудилъ вопросъ о назначеніи за Байкалъ православныхъ миссіонеровъ и доносилъ, что англійскіе миссіонеры внушаютъ бурятамъ, что русскіе, какъ почитатели иконъ, равны идолопоклонникамъ.

Затѣмъ въ 1830-хъ годахъ преосвященный иркутскій Нилъ донесъ синоду, что въ бурятахъ около англійской миссіи замѣтно явное предубѣжденіе противъ православныхъ.

Святѣйшій синодъ нашелъ, что дѣйствія англійскихъ миссіонеровъ въ Сибири не только не обращаются въ пользу православной церкви, но втайнѣ распространяютъ заблужденія невѣрія, и призналъ необходимымъ воспретить имъ всякія миссіонерскія дѣйствія и именованія себя миссіонерами.

Это предположеніе высочайше утверждено въ іюлѣ 1840 года. Черезъ 6 лѣтъ уѣхалъ послѣдній англійскій миссіонеръ изъ Забайкалья, Робертъ Юилль. Таковы внѣшніе факты дѣятельности англійскихъ миссіонеровъ въ Сибири. Другія подробности можно узнать

Домъ английскихъ миссіонеровъ въ Селенгинскѣ.

въ статьѣ В. И. Вагина; «Английскіе миссіонеры въ Сибири» («Извѣстія сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества» 1871 года, томъ I, №№ 4 и 5, стр. 69—77). Въ настоящее время отъ миссіонеровъ остались расположенные на берегу Селенги противъ Стараго Селенгинска среди красивой мѣстности такъ называемый англійскій домъ и бѣлый памятникъ-obeliskъ надъ могилами семейства пастора Роберта Юилля. Интересенъ возвышающійся вблизи и направо отъ дома и памятника отвѣсный «Англичанскій» утесъ надъ Селенгой. Во время пребыванія миссіонеровъ въ Селенгинскѣ существовалъ только старый городъ и въ городѣ стоялъ Селенгинскій полкъ, который потомъ прославился въ Севастопольской войнѣ.

Английскихъ миссіонеровъ помнятъ еще (1902 г.) нѣкоторые старые буряты и бурятки Удунца (80 л.) за рѣкой Селенгой въ деревушкѣ Закаменской и тамъ же лама Бадаренгъ.

Домъ англійскихъ миссіонеровъ, одноэтажный, деревянный, довольно ветхій, но ремонтируемый г-жей Всеволодовой, состоитъ изъ трехъ комнатъ, передней и кухни; окруженъ садикомъ и огородомъ; на сторонѣ къ рѣкѣ крыльцо по серединѣ, по обѣ стороны крыльца по три окна.

Большая комната (зало) была раздѣлена перегородкой, вѣсто которой теперь двѣ деревянныя бѣлыя колонны работы бурята Ванжелова (ученика декабристовъ Бестужевыхъ); перегородка и стѣны были окрашены, по словамъ г-жи Всеволодовой, въ коричневый цвѣтъ, отчего комната имѣла темный видъ.

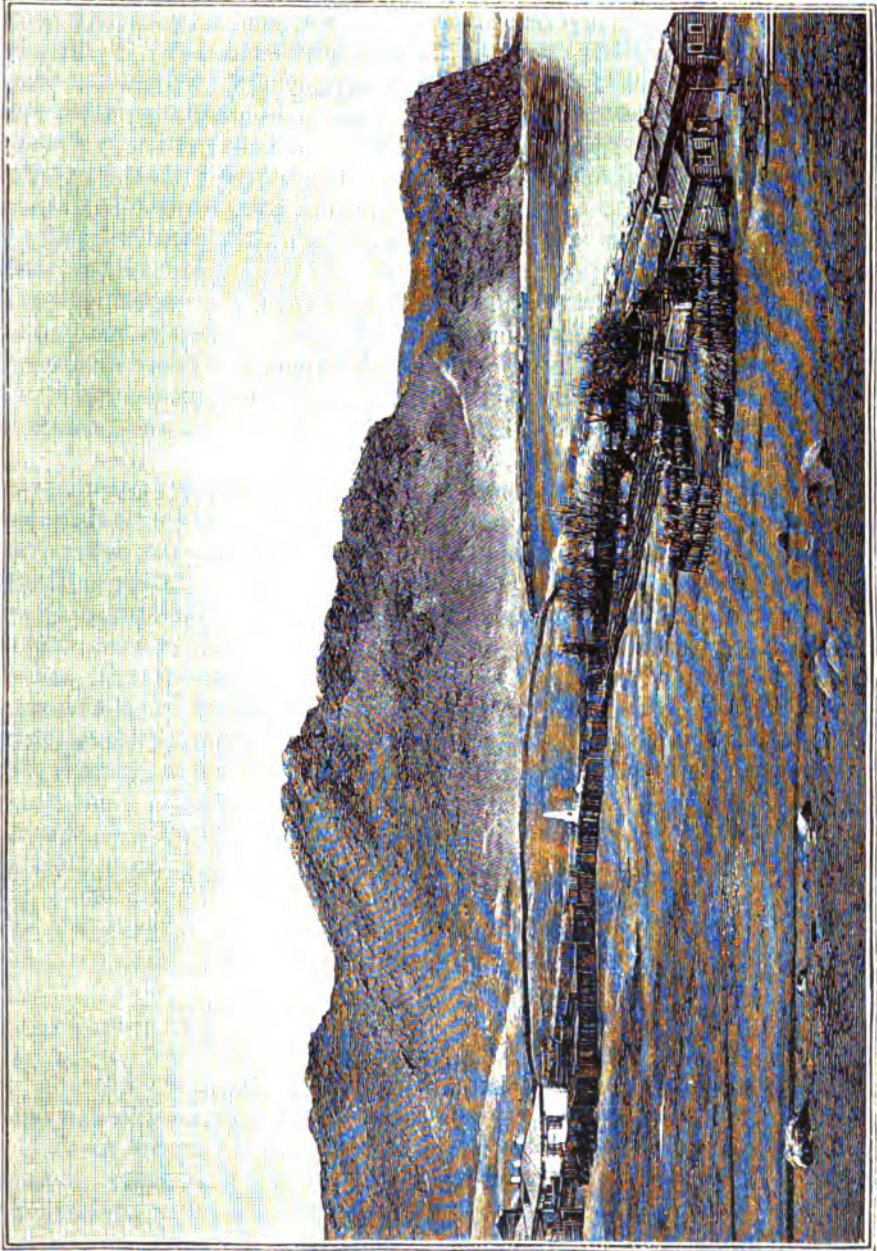
Комнаты обставлены (у г-жи Всеволодовой) мебелью работы декабристовъ: есть въ этомъ домѣ столъ, диванъ, гардеробъ, изготовленные Михайломъ Бестужевымъ.

Рядомъ находилось особое зданіе типографіи, въ которой имѣлись разныхъ языковъ шрифты, въ томъ числѣ монгольскіе, и немало буряты работало въ типографіи. Въ ней же миссіонеры печатали переводы Библии на монгольскій языкъ; этотъ трудъ они закончили въ 1841 году, на второй годъ послѣ повелѣнія императора Николая I-го о ихъ выселеніи; въ библіотекѣ Селенгинскаго городского двухкласснаго училища хранится одинъ экземпляръ ихъ перевода Евангелія на монгольскій языкъ.

Буряты миссіонеры обучали грамотѣ и лѣчили отъ болѣзней.

Бурятки рассказывали, что миссіонеры ходили къ нимъ въ юрты въ улусы и читали книги и такъ понятно, на ихъ языкѣ, а имъ де скучно бывало, молодыя еще дѣвчонки были, засмѣются и убѣгутъ, а старшіе говорятъ: «не бѣгайте, лучше поймите, слушайте, что читаютъ».

«Потомъ миссіонеры по горамъ ходили, искали травъ, и намъ велѣли приносить травъ». Хотя миссіонеры учили буряты грамотѣ, христіанской вѣрѣ, но ни одного бурята не обратили въ христіан-

Памятникъ надъ могилой семейства миссіонера Юнля въ Селенгинскѣ.

ство, по крайней мѣрѣ, нигде не слышно, чтобы были буряты, крещенные англійскими миссіонерами; причиной тому является, конечно, воспрещеніе миссіонерамъ крестить по реформатско-евангелическому обряду, о чемъ было упомянуто выше, а такъ же, вѣроятно, трудность борьбы съ вліяніемъ ламъ на массу бурятовъ. Но, конечно, миссіонеры пробовали привлекать бурятовъ къ христіанству; отсюда вытекало неудовольствіе на нихъ со стороны русскихъ духовныхъ лицъ и властей, о чемъ также было упомянуто выше; вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтскія власти неоднократно заподозрѣвали англійскихъ проповѣдниковъ въ политической интригѣ. Отсюда происходило то, что, какъ рассказываютъ въ Селенгинскѣ, миссіонеры были не въ ладахъ со священниками и полиціей. Священники будто бы препятствовали ихъ проповѣди; полиція особенно въ лицѣ городничаго Скорнякова, свирѣпаго, самоуправнаго чело-вѣка, стѣсняла миссіонеровъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ англійскіе миссіонеры въ Селенгинскѣ никого не крестили.

Съ тѣмъ большей охотой, вѣроятно, занимались они лѣченіемъ народа.

По рассказамъ селенгинскаго купца Александра Михайловича Лушникова (1908 г.), который помнитъ миссіонеровъ мальчикомъ, лѣчили они охотно и хорошо, много пользы принесли они народу этимъ; особенно занимался врачебной практикой Робертъ Юилль, котораго селенгинцы называютъ Романомъ Васильевичемъ, а Сталлибраса—Эдуардомъ Васильевичемъ. Но нѣкоторые болѣзни, именно хирургическія, лѣчить они не умѣли: европейскіе врачи еще не знали тогда способовъ хирургическаго лѣченія; отецъ вышеупомянутаго г. Лушникова, Михаилъ Михайловичъ Лушниковъ, заболѣлъ однажды болѣзью, отъ которой надо было сдѣлать разрѣзъ; Робертъ Юилль лѣчилъ лѣкарствами, а на операцію не рѣшался.

Тогда М. М. Лушниковъ заявилъ ему, онъ хочетъ полѣчиться у извѣстнаго ламы на р. Тугнуѣ (Верхнеудинскаго уѣзда), Дампила Соктоева; миссіонеръ сказалъ: «полѣчитесь», и послѣ долго удивлялся искусству, съ какимъ этотъ лама произвелъ разрѣзъ у Лушниковова и содѣйствовалъ его выздоровленію.

— Удивительно, какъ сумѣлъ лама помочь.

Болѣе всѣхъ жилъ и работалъ въ Селенгинскѣ пасторъ Робертъ Юилль (Романъ Васильевичъ). Съ его именемъ связана исторія несогласій, возникшихъ среди англійскихъ миссіонеровъ.

Въ 1839 году дирекція лондонскаго миссіонерскаго общества исключила изъ своего вѣдомства Роберта Юилля и просила русское министерство внутреннихъ дѣлъ не признавать его членомъ англійской миссіи въ Сибири. Эта мѣра, по объясненію дирекціи, была вызвана тѣмъ, что Юилль не только не исполнялъ общей

миссіонерской инструкціи, но даже оставлялъ безъ вниманія и особенныя предписанія, данныя лично ему. Юилль объяснялъ, что въ Селенгинскѣ онъ встрѣтилъ въ лицѣ Сталибраса и Свана недоброжелателей. Они еще съ 1820 года вооружали противъ него дирекцію потому, что онъ не соглашался заниматься исключительно экономическою частію миссіи, а съ усердіемъ предался своему прямому назначенію и успѣлъ болѣе другихъ въ просвѣщеніи язычниковъ христіанствомъ. Юилль возражалъ противъ распоряженія миссіонерскаго общества, просилъ изслѣдовать на мѣстѣ его миссіонерскія дѣйствія и принудить агента общества въ С.-Петербургѣ Броуна заплатить ему 24 тысячи рублей жалованья за пребываніе въ Сибири.

Министерство внутреннихъ дѣлъ передало письмо Юилля Броуну, но объявило Юиллю, что за исключеніемъ его изъ числа членовъ миссіонерскаго общества онъ не можетъ продолжать за Байкаломъ миссіонерскую дѣятельность, однако на немедленномъ выѣздѣ изъ Забайкалья не настаивало.

По воспоминаніямъ селенгинцевъ, Робертъ Юилль былъ средняго роста, худощавъ. Онъ пріѣхалъ въ Селенгинскъ съ семействомъ, которое пришлось ему здѣсь и похоронить; семейство его умерло, по разсказамъ, отъ повѣтрія: отъ чумы или оспы, занесенныхъ изъ Китая, все въ одинъ годъ и погребено на берегу Селенги передъ домомъ миссіонеровъ.

До сихъ поръ хорошо сохранился могильный памятникъ-obeliskъ (кирпичный, окрашенный въ бѣлую краску) надъ прахомъ жены Роберта Юилля, Марты, съ латинскою надписью на чугунной доскѣ, вставленной въ обелискъ:

Memoriae
 Marthae Cowie
 Fidelis uxor
 Roberti Yuille
 et fidelis socia
 Londonensis missionare societ.
 Nata in Scotia in urbe Clascuae
 Abiit in Sibiriam ad urbem Selenginsca
 in anno domini MDCCCXXVII
 Memoria justi est benedicta
 Beati mortui qui in domino moriuntur.
 Блажени мертви умирающіе
 въ Господѣ.
 Откр.

Обелискъ обнесенъ кирпичной глухой оградой, внутри которой находятся еще три маленькія надгробія надъ прахомъ дѣтей Ро-

берта. Кирпичная ограда обнесена другой каменной оградой, которая, по словамъ бурята-старожила Ванданова, построена въ 1860-хъ годахъ сыномъ Роберта, Самунломъ Юиллемъ, въ защиту отъ сильныхъ наводненій со стороны Селенги, подмывавшей могилы семейства миссіонера.

Самуилъ Юилль прїѣзжалъ въ г. Селенгинскъ изъ Англіи въ 1860-хъ годахъ со стороны Китая съ цѣлью посѣтить родныя могилы; побывъ нѣсколько дней въ Селенгинскѣ, онъ чрезъ Россію возвратился на родину.

Это посѣщеніе англичаниномъ могилъ семейства миссіонера было не единичное,—видимо, англичане интересуются мѣстомъ дѣятельности своихъ миссіонеровъ въ далекой Азіи: теперешняя владѣтельница дома миссіонеровъ, г-жа Всеволодова, рассказывала, что однажды, въ 1870-хъ годахъ, прїѣзжали въ Селенгинскъ англичане и прямо къ памятнику; она не помнитъ, кто были они; замѣтивъ, что они интересуются подробностями, направила ихъ къ селенгинскому мѣщанину, Николаю Ивановичу Мельникову, хранившему много воспоминаній о миссіонерахъ. Въ то время, въ 1879 году былъ большой пожаръ въ Иркутскѣ, городъ почти весь выгорѣлъ, въ прѣзжавшихъ людяхъ довольно легко подозрѣвали поджигателей; привезшіи англичанъ ямщикъ сказалъ Мельникову, что они поджигатели, и Мельниковъ не принялъ гостей. Ямщикъ объявилъ англичанъ поджигателями потому, что слышалъ, когда везъ ихъ въ Селенгинскъ, какъ они рассказывали, что въ Иркутскѣ, изъ какой гостиницы они ни выѣзжали, послѣ случался въ нихъ пожаръ, и англичанъ народъ сталъ называть поджигателями. По поводу памятника вышеупомянутый буряты Вандановъ передавалъ сказаніе, будто прїѣзжавшіи въ 1860-хъ годахъ Самуилъ Юилль приказывалъ отворять чугунную доску съ надписью на памятникѣ, вдѣланную на петляхъ, и за этой доской видѣли прахъ жены Роберта Юилля въ сидящемъ положеніи.

Съ того времени одиноко, среди безмолвіи живописной мѣстности стоитъ этотъ своеобразный красивый памятникъ; кругомъ такъ тихо, такъ мало измѣняется жизнь, что кажется, умершая жизнь жива, царитъ здѣсь попрежнему, говоритъ о чемъ-то и готова опять дѣйствовать. Послѣ этого понятно, отчего возникла легенда, будто по ночамъ у памятника появляется женщина въ бѣломъ одѣяніи и подолгу ходитъ кругомъ памятника.

Если принять во вниманіе то, что рассказываютъ селенгинскіе жители о дѣятельности Роберта Юилля: онъ переводилъ на монгольскій языкъ священныя книги, училъ буряты грамотѣ, ходилъ къ нимъ въ юрты, читалъ тамъ книги по-монгольски, собиралъ по горамъ травы, хорошо лѣчилъ народъ, а также то, что имъ была напечатана въ 1836 году книга: *Syllabarium mongol*, то, можетъ быть, дѣйствительно неправы, пристрастны были къ

нему его товарищи Сталибрасъ и Сванъ, желавшіе ограничить его дѣятельность экономической частью по миссіи, если это правда; во всякомъ случаѣ о Робертѣ Юиллѣ, или Романѣ Васильевичѣ, въ Селенгинскѣ сохраняются хорошія воспоминанія.

Робертъ Юилль долъше другихъ миссіонеровъ оставался въ Забайкальѣ; по словамъ селенгинцевъ, онъ выѣхалъ, 6 лѣтъ спустя послѣ высочайшаго повелѣнія о воспрещеніи английскимъ миссіонерамъ ихъ дѣятельности, т.-е. около 1846 года.

Въ Селенгинскѣ также работалъ другой миссіонеръ Эдуардъ Сталибрасъ. Онъ поселился, какъ было упомянуто, въ г. Селенгинскѣ въ 1820 году вмѣстѣ съ женой Шарлоттой; у нихъ въ Забайкальѣ родились дѣти, которымъ въ 1838 году было лѣтъ отъ роду—Ивану 15 л., Якову 12 л., Генриху 1 годъ; дочери Сарѣ—17 л., эти имена извѣстны по списку иркутскаго губернатора Пятницкаго, представленному въ 1838 году генераль-губернатору Руперту; въ списокъ не упомянуть сынъ Сталибраса, Василій, извѣстный въ городѣ Селенгинскѣ по письмамъ его изъ Англій къ селенгинскимъ жителямъ. Василій родился въ 1820 г. на берегахъ р. Селенги, какъ онъ упоминаетъ въ письмахъ, называя себя вторымъ сыномъ Эдуарда Сталибраса. До 1828 г. миссіонеры, въ томъ числѣ Эдуардъ Сталибрасъ, занимались переводомъ священнаго писанія; кончивъ переводъ въ этомъ году, миссіонеры рѣшили разъѣхаться для усилъховъ христіанской проповѣди; Сталибрасъ съ семействомъ и типографщикомъ поселился на р. Кудунѣ (Ходонѣ) среди хоринскихъ бурятъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, купивъ домъ у бывшаго тайши Галсанова; домъ вскорѣ сгорѣлъ; послѣ этого для миссіонеровъ и для Сталибраса начались большія непріятности и затрудненія при попыткѣ построить новый домъ; гражданскія власти, неблагоклонно уже относившія къ миссіонерамъ, подозрѣвавшія ихъ въ политической проагандѣ, отказывали имъ въ правѣ пріобрѣтенія собственности: земли и дома. По этому поводу Сталибрасъ велъ въ 1829 году обширную хлопотливую переписку съ верхнеудинскимъ исправникомъ и окружнымъ начальникомъ, а также съ заступающимъ мѣсто генераль-губернатора Восточной Сибири Цейдлеромъ (вмѣсто Лавинскаго).

Въ 1834 году Сталибрасъ ѣздилъ въ Англію, гдѣ представлялъ отчетъ о дѣятельности и сообщалъ о затрудненіяхъ, какія они встрѣчаютъ въ Забайкальѣ.

Послѣ запрещенія дѣятельности миссіонеры рѣшили какъ можно скорѣе выѣхать изъ Забайкалья. Сталибрасъ и Сванъ, кончивъ въ 1840 году на рѣкѣ Кудунѣ (Ходонѣ) печатаніе Ветхаго Заѣвѣта, въ январѣ 1841 года выѣхали изъ Забайкалья и 21 января проѣхали черезъ Иркутскъ, направляясь въ Англію. На родинѣ Эдуардъ Ста-

либрасъ дожилъ до 90 лѣтъ и умеръ въ 1884 году среди счастливой старости, какъ это видно изъ писемъ его сына Василія.

Сталибрасу принадлежитъ книга: «Stallibras Mongolian Grammar», напечатанная имъ самимъ.

Въ Селенгинскѣ сохранилось нѣсколько писемъ сына этого миссіонера, Василія Сталибраса,—онъ довольно долго, до 1896—1897 г. переписывался съ селенгинскимъ мѣщаниномъ Евлампіемъ Ивановичемъ Мельниковымъ; у вдовы Евлампія Ивановича этихъ писемъ хранилось довольно много, но, по ея словамъ, «ихъ растаскали». Было бы желательно, чтобы тѣ, у кого находятся эти письма, опубликовали ихъ, такъ какъ, судя по письмамъ, которыя я имѣлъ въ распоряженіи, они даютъ немало цѣнныхъ данныхъ о жизни и отношеніяхъ въ Забайкальѣ въ 20-хъ—40-хъ годахъ XIX столѣтія. Эти письма любезно доставилъ мнѣ г. Миротворцевъ, почтово-телеграфный чиновникъ станціи Селенгинскъ. Василій Сталибрасъ писалъ Евлампію Ивановичу Мельникову изъ Англіи, изъ мѣстечка Валлясей близъ Ливерпуля.

Въ 1896 году ему было 76 лѣтъ, какъ онъ пишетъ; возможно, что онъ умеръ, а можетъ быть, еще живъ, и тогда онъ былъ бы цѣннымъ поимствователемъ объ эпохѣ въ Забайкальѣ, когда пробовали дѣйствовать тамъ его отцы. Интересно письмо Василія Сталибраса отъ 23 іюля 1896 года. Онъ сообщаетъ, что 8-ми лѣтъ оставилъ городъ Селенгинскъ, т.-е. въ 1828 году, когда миссіонеры развѣхались изъ Селенгинска, и Эдуардъ Сталибрасъ съ семьей поселился на рѣкѣ Кудунѣ (Ходонѣ). Тепло вспоминаетъ авторъ письма свою милую няню Мароу, ихъ братскаго кучера (т.-е. изъ бурятъ), также вспоминаетъ: «на другомъ берегу (т.-е. въ Старомъ Селенгинскѣ) городничаго, который видѣлся мнѣ тогда, какъ царь Иванъ Грозный, потому что у него не было обыкновенной чело-вѣчности; но Богъ судить его, не я». Здѣсь авторъ письма глухо вспоминаетъ отѣхъ обидахъ, которыя переносили миссіонеры, вѣроятно, отъ городничаго Скорнякова, грубаго, жесткаго человѣка, издѣвавшагося надъ подвѣдомственными ему лицами, по воспоминаніямъ селенгинцевъ; видимо, въ тяжелыхъ условіяхъ приходилось жить миссіонерамъ. Затѣмъ Василій Сталибрасъ сообщаетъ, «что отецъ его умеръ 90 лѣтъ отъ роду въ 1884 году, что ему самому 76 лѣтъ, и съ его смертью порвется послѣдняя селенгинская связь», что Богъ наградилъ его счастливой семейной жизнью, и, благодаря близости къ природѣ, занятіямъ на свѣжемъ воздухѣ, ему удастся забывать, что онъ старикъ; представляетъ, что Даурія, т.-е. Забайкалье, перемѣнилась, и что «распространеніе христіанской вѣры много поддѣйствовало къ извясненію всѣхъ должностей чело-вѣколюбія и правосудія», интересуется, остались ли буряты номадами, какъ прежде, или сдѣлались земледѣльцами. Ему, увы, пришлось бы отвѣтить, что времени прошло больше, чѣмъ

произошло измѣненій въ Забайкальѣ; затѣмъ вычисляетъ, что почти 62 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Сибири въ Англію; слѣдовательно отъѣздъ его состоялся около 1834 года, т. е. ранѣе отъѣзда отца; отецъ отправилъ его въ Глазговскій университетъ; наконецъ упоминаетъ, что онъ и въ Селенгинскѣ былъ кривой, а теперь совсѣмъ плохо видитъ. Во второмъ письмѣ отъ 12 декабря 1896 года Василій Сталибрасъ, видимо, на запросъ Евлампія Ивановича Мельникова сообщаетъ, что почти не имѣетъ свѣдѣній о семействѣ миссіонера Роберта Юилля, распространяется въ довольно тонѣ о своемъ семействѣ и личной жизни и передаетъ анекдотъ о путешественникѣ-пѣшходѣ, капитанѣ Кохранѣ, какъ онъ въ городѣ Верхнеудинскѣ прослылъ подъ именемъ Кохранъ Кохрановичъ Кохранъ. Въ этихъ письмахъ любопытны упоминанія и отзывы о русскихъ писателяхъ, которыхъ Василій Сталибрасъ читалъ въ подлинникѣ.

Въ третьемъ письмѣ Сталибрасъ передаетъ воспоминанія изъ своего дѣтства и указываетъ на то, что много полезнаго сдѣлали миссіонеры для селенгинцевъ и бурятъ, и что въ сердцахъ послѣднихъ должна жить вѣчная благодарность имъ. Курьева орографія его писемъ.

Такъ безрезультатно кончилась дѣятельность английскихъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ; они были одушевлены широкими намѣреніями, глубоко преданы идеѣ, имѣли достаточно дарованій и познаній, но обстоятельства слагались не въ ихъ пользу, къ тому же ламаизмъ представлялъ и теперь еще представляетъ почву, сознательно враждебную христіанской проповѣди; общіе отзывы лицъ частныхъ и должностныхъ характеризуютъ ихъ съ лучшей стороны: они были образованы, честны, благотворили народу, учили, оказывали врачебную помощь.

Г. С. Рыбаковъ.

ПО ДНѢСТРУ НА ЛОДКѢ.

I.

АСТУПИЛА скверная петербургская весна, и меня опять потянуло вонъ изъ этого болота, но при этомъ являлся коварный вопросъ, куда ѣхать, какъ, надолго ли, и найдется ли въ тѣхъ мѣстахъ, куда поѣдешь достаточно интереснаго, чтобы поѣздка не пропала. Много часовъ мы съ В. Н. Фодоровичемъ потратили на обдумываніе лѣтней экскурсіи. Проектировали ѣхать на Амуръ, на Каму, къ Эльбрусу, въ Финляндію и послѣ долгихъ споровъ за и противъ рѣшили, что самое удобное въ финансовомъ и въ другихъ отношеніяхъ ѣхать въ Бессарабію.

При первомъ обсужденіи вопроса о Бессарабіи у меня возникли смутные образы объ этой странѣ. Какіе-то обрывки изъ географіи Лебедева, о главномъ городѣ Кишеневѣ, торгующемъ виномъ, и о границахъ, Днѣстрѣ и Прутѣ; но далѣе этого, признаюсь откровенно, мои познанія не шли, если не считать того, что мнѣ приходилось не разъ въ Петербургѣ пить бессарабское вино, и вдобавокъ очень плохое. Современемъ я убѣдился, что не я одинъ имѣю такіа смутныя понятія объ этомъ краѣ, но и всѣ, съ кѣмъ мнѣ приходилось говорить о поѣздкѣ, выказывали знанія не больше моихъ. Сталъ я отыскивать какіе нибудь очерки, чтобы ближе познакомиться со страной, но не нашель, зато нашель нѣсколько серьезныхъ сочиненій о Бессарабіи, какъ Батюшкова,

Накко, Аонасьева-Чужбинскаго, солидную статью въ Брокгаузѣ и проч., которыя дали возможность мнѣ познакомиться ближе съ этимъ во многихъ отношеніяхъ интереснымъ краемъ, а личныя наблюденія во время путешествія дополнили то, чего я не могъ найти въ книгахъ.

Мнѣ кажется, что предлагаемые путевые очерки, не претендуя на научность, могутъ заинтересовать русскихъ читателей тѣмъ, что знакомятъ ихъ съ краемъ обширнымъ, плодороднымъ, съ богатымъ и разнообразнымъ историческимъ прошлымъ и главное мало имъ знакомымъ, такъ какъ въ періодической печати не бываетъ почти никакихъ свѣдѣній о немъ.

Итакъ, мы съ товарищемъ порѣшили ѣхать въ Бессарабію, но непредвидѣнныя дѣла такъ задержали насъ, что выѣхать пришлось только въ началѣ іюня. Дождь, начавшійся въ Петербургѣ, продолжался всю дорогу, вся западная Россія подмокла отъ ливней; въ окна вагона уныло смотрѣли мокрая деревня и лѣса, потонувшіе въ сизой мглѣ. Рѣка Припеть такъ разлилась, что на много верстъ кругомъ лѣса стояли въ водѣ, и одиноко торчавшіе изъ воды деревянные мосты показывали, что здѣсь была проѣзжая дорога.

Чѣмъ южнѣе, тѣмъ становилось суше, но облака все-таки не расходились, и на воздухъ было холодно; сильно запазвавшія весна и лѣто давали себя знать.

Безъ всякихъ приключеній мы съ Владимиромъ Николаевичемъ добрались до уѣзднаго города Могилева, стоящаго на лѣвомъ берегу Днѣстра. Передъ нами впервые явился Днѣстръ — цѣль нашего путешествія. Плавно и покойно катилъ онъ свои желтоватыя волны; отвѣсныя, глинистые берега окаймляли его двумя стѣнами, изъ которыхъ подольская была нѣсколько ниже и холмистаго характера, а бессарабская уходила въ даль въ видѣ громадной стѣны, изоброжденной трещинами.

Нѣсколько мгновеній спусти, нашъ поѣздъ, шипя и гремя, пронесся мимо какихъ-то лачугъ, пакгаузовъ, качнулся нѣсколько разъ на стрѣлкахъ и плавно подошелъ къ небольшому вокзалу, гдѣ намъ предстояло просидѣть нѣсколько часовъ въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда.

— Поѣдемъ хоть городъ посмотрѣть, — предложилъ я Владимиру Николаевичу.

Но онъ только отрицательно повертѣлъ головой. Я отправился одинъ, но скоро вернулся: кругомъ вокзала разбросаны огороды и какія-то жалкія хибарки, а городъ былъ, какъ оказалось изъ разспросовъ, верстахъ въ двухъ; вдобавокъ началъ накрапывать дождь, и мы стали за бутылкой пива терпѣливо ожидать, когда наконецъ подадутъ нашъ поѣздъ.

Наступили сумерки, желтые глинистые холмы, разстлавшіеся передъ нами, стали тонуть въ тусклой сѣрой мглѣ. Ничто не на-

поминало, что мы уже на югѣ, и лишь пирамидальные тополя, да и то порядочно ободранные, показывали, что мы сидимъ не въ Шуваловѣ или Левашевѣ, а гдѣ-то на одной изъ южныхъ станцій. Послѣ долгаго и утомительнаго ожиданія наконецъ былъ поданъ поѣздъ изъ небольшихъ грязныхъ вагоновъ, и толпы руснаковъ и евреевъ бросились занимать мѣста.

Въ вагонѣ было жарко и душно; желая сохранить побольше средствъ на будущія экскурсіи, мы вѣхали въ третьемъ классѣ, что безспорно представляетъ большой интересъ, такъ какъ даетъ возможность наблюдать простой народъ, но довольно тяжело послѣ двухъ дней тряски по Варшавской и юго-западнымъ дорогамъ. Наблюденіемъ, впрочемъ, заниматься не пришлось: двѣ тускляя свѣчки на концахъ вагона едва освѣщали его внутренность, а публика, кое-какъ размѣстившись, тотчасъ стала располагаться на ночь, и фигуры, закутанныя въ суконныя кофужу, размѣстились въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ.

Я предпочелъ смотрѣть въ окно. Тяжело пыхтя и выбрасывая клубы дыма, пара и искръ, мелькавшихъ въ воздухѣ, какъ свѣтляки, паровозъ потащилъ насъ со скоростью 20 верстъ въ часъ. Пройдя большой желѣзнодорожный мостъ, поѣздъ повернулъ направо и пошелъ по отвѣсному правому берегу. Во многихъ мѣстахъ вагонъ, казалось, висѣлъ надъ самымъ обрывомъ, а внизу мрачно разстилась темная гладь Днѣстра. Кромѣ шума поѣзда, ни звука не раздавалось въ ночной тишинѣ, и ни одинъ огонекъ не скрашивалъ пустынной картины. Холодный вѣтеръ рѣзалъ лице, и пришлось закрыть окно. Часовъ въ одиннадцать изъ-за тучъ выглянула луна, и ея сѣро-пепельные лучи ложились холодными пятнами на прибрежныя скалы.

Усталость взяла свое, и я задремалъ, несмотря на неудобства, но сонъ былъ беспорядочный, тяжелый и кошмарный: чудился только что оставленный Петербургъ, рисовались воображаемыя, но не видѣныя картины Бессарабіи, какія-то дикія, кочующія орды аллановъ, скивовъ и гунновъ, когда-то бродившихъ по этимъ скаламъ, холмамъ и равнинамъ, и только веселое солнышко рано утромъ разогнало безсвязныя грезы и заставило очнуться и оглядѣться.

Вагонъ просыпался. За ночь публика нѣсколько перемѣнилась, и нѣсколько евреевъ, бывшихъ раньше, выпли на промежуточныхъ станціяхъ, и вагонъ былъ полонъ мѣстными крестьянами-русинами, или, какъ ихъ называетъ Аванасьевъ-Чужбинскій, руснаками. Особенно оригинальнаго они собою ничего не представляютъ: типы напоминаютъ Малороссію такъ же, какъ и одежда, за исключеніемъ широкихъ поясовъ, усаженныхъ мѣдными пуговками и бляхами. На этихъ поясахъ у cadaго руснака болтается мѣшокъ съ табакомъ и люлькой, огниво, ножъ и прочая мелочь, необходимая въ

повседневной жизни. У большинства на головахъ были баранковые шапки, а у нѣкоторыхъ широкополая, соломенная, домашняго надѣлія шляпа—«брили».

Нѣсколько стариковъ съ сѣдыми усами, нависшими бровями и длинными волосами, рассыпавшимися по плечамъ, годились бы для любого альбома художника. Одинъ изъ нихъ, проснувшись и съ наслажденіемъ потянувшись и зѣвнувъ, аккуратно сложилъ свой кожухъ и, снявъ шапку, сталъ молиться на восходящее солнце. Молился онъ долго, истово крестясь и шепча въ полъ-голоса слова молитвы. Молился онъ минутъ десять и затѣмъ по окончаніи молитвы подошелъ къ какому-то сельскому священнику и оживленно сталъ съ нимъ бесѣдовать на курьезномъ полу-малорусскомъ-полу-молдаванскомъ языкѣ.

Нарѣчія, которыми говорятъ въ Бессарабіи, довольно разнообразны. Помимо русскаго и малороссійскаго языковъ здѣсь часто можно услышать говоръ молдаванскій, турецкій, болгарскій, галпційскій, греческій, нѣмецкій, польскій, еврейскій и изрѣдка цыганскій. Это одно уже показываетъ, что эти народности постоянно живутъ въ Бессарабіи, и, кромѣ того, на бессарабцахъ отразились историческія вліянія, и простой народъ сохранилъ во многихъ мѣстахъ кое-что изъ господствовавшихъ когда-то языковъ турецкаго и молдавскаго. Молдаване—прямые потомки бывшего владѣтельнаго племени—упорно держатся своего языка и не говорятъ на другихъ, зато евреи, вообще способные къ изученію языковъ, говорятъ на пяти-шести нарѣчіяхъ, коверкал, правда, ихъ на свой ладъ, однако достаточно хорошо, чтобы ихъ могли понять жители, среди которыхъ они ведутъ свои торговые операціи.

На небольшихъ станціяхъ, мелькавшихъ передъ окнами вагона, толпились и галдѣли также представители мѣстнаго населенія, а кругомъ станціи разстилались кукурузныя поля, кое-гдѣ прерывавшіяся темными группами рощъ—остатки бывшихъ когда-то здѣсь громаднѣхъ лѣсовъ, давно вырубленныхъ и сохранившихся большею частью лишь на казенныхъ и монастырскихъ земляхъ.

Широко и привольно раскинулись степи и холмы Бессарабіи; буковые и дубовые лѣса темными пятнами рисуются на фонѣ кукурузныхъ и пшеничныхъ полей, веселые городки, селенія и хутора съ привѣтливыми бѣлыми и голубыми хатками, крытыми соломой, тонуть въ зелени садовъ и виноградниковъ. Трудолюбивые молдаване, русины и болгары въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ работаютъ на своихъ поляхъ, огородахъ и садахъ; по дорогамъ, извивающимся, какъ змѣи, во всѣхъ направленіяхъ и причудливо забирающимся на крутые холмы или сбѣгающимъ въ глубокіе овраги и лоцины, тянутся возы, таратайки, еврейскіе фургоны, почтовые перекладныя съ звонкими колокольчиками, а въ трехъ направленіяхъ легла и желѣзная дорога, оживляющая торговлю этого богатаго и мало извѣстнаго уголка Россіи.

Какъ библейскіе Тигръ и Евфратъ, такъ бессарабскіе Днѣстръ и Прутъ ограничиваютъ съ двухъ сторонъ довольно узкую долину, расширяющуюся на югъ и примыкающую къ Черному морю, берегъ котораго изрытъ безчисленными, топкими, болотистыми лиманами, заросшими камышемъ, приютомъ стай утокъ, гусей, бекасень, аистовъ и прочихъ болотныхъ пернатыхъ.

II.

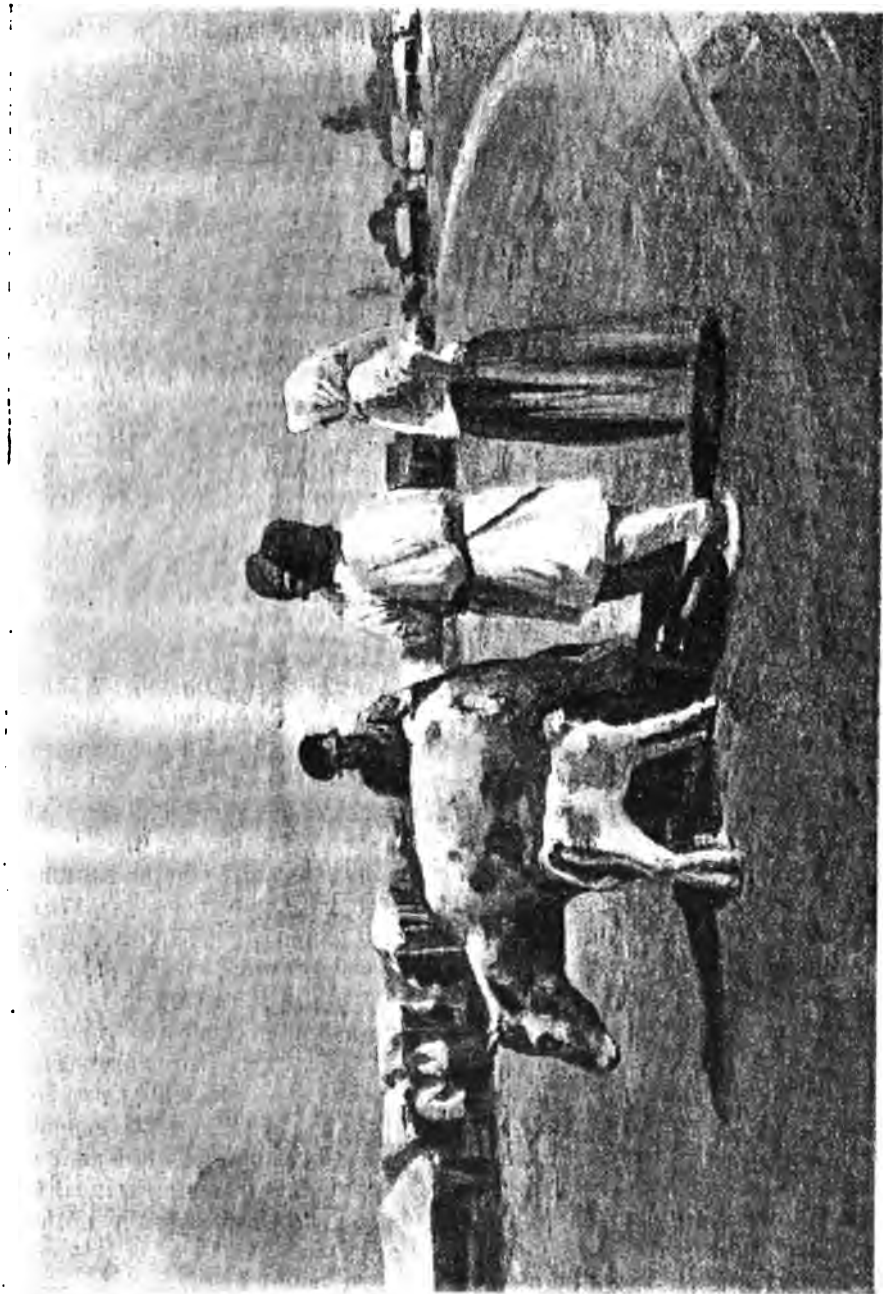
Мы съ товарищемъ благополучно добрались наконецъ до пограничной станціи Новоселицы, гдѣ должны были нанять тарантасъ въ Хотинъ. Новоселицы ничего интереснаго собою не представляютъ. Селеніе расположено на голой и унылой равнинѣ, и единственными достопримѣчательностями являются таможенный постъ, такъ какъ здѣсь проходитъ граница, и Прутъ, берущій свое начало въ предгорьяхъ Карпатъ, какъ и Днѣстръ.

Въ нѣсколько минутъ мы уговорились съ ямщикомъ-евреемъ, наши вещи были привязаны къ помѣстительному тарантасу, и нѣсколько мгновеній спустя, мы двинулись по дорогѣ въ Хотинъ. Дорога то поднималась, то опускалась въ овраги, причудливо извиваясь среди полей. Свирѣпствовавшіе въ теченіе двухъ недѣль дожди во многихъ мѣстахъ образовали промывы и цѣлыя озеры грязной воды. Солнце свѣтило, но было холодно. Кукуруза, которая въ это время года обыкновенно достигаетъ высоты челябинскаго роста, въ нынѣшнемъ году достигла, вследствие запоздавшихъ весны и лѣта, не болѣе полуаршина. Вообще мѣстные жители жаловались на неудачную, холодную весну. Даже на югѣ Бессарабіи во многихъ мѣстахъ отъ дождей и холода погибло много виноградниковъ и садовъ. Кое-гдѣ у дороги попадались колодцы съ традиціонными журавлями, и около каждаго колодца стоялъ мысокъ, деревянный крестъ съ написаннымъ красками распятіемъ съ большими конями по бокамъ и подобіемъ лѣсенки у ногъ Спасителя. Обычай ставить эти распятія, вѣроятно, получилъ свое начало еще во времена владычества польскихъ ксендзовъ, имѣвшихъ въ Бессарабіи много костеловъ и монастырей.

Однообразная дорога порядочно намъ надоѣла, и мы были очень рады, когда ямщикъ объявилъ намъ, что до Хотина осталось недалеко.

Намъ навстрѣчу стали чаще попадаться телеги и пѣшеходы, и всякій дорожка нѣсколько оживилась, чувствуя, что мы приближаемся къ населенному мѣсту.

Вотъ наконецъ и Хотинъ. Однообразные холмы кончатся громаднымъ вратъ, черезъ который ваша четверка бодро переѣздила тарантасъ на другую сторону. Вправо на зеленомъ склѣбѣ холма живописно разкинулся терекій казачій лагерь съ двумя палат-

Руснаки.

ками, гдѣ царило обычное лагерное оживленіе: скакали верховые, у длинныхъ коновязей бравые терцы съ подоткнутыми за поясъ полами бешметовъ усердно чистили коней, нѣсколько человѣкъ возились около небольшихъ полевыхъ пушекъ, блестящихъ подъ лучами солнца, окончательно разогнавшихъ тучи. Еще минута — и мы вѣхали на громадную сѣрую и унылую базарную площадь, гдѣ два раза въ недѣлю бывають базары, изъ которыхъ одинъ по понедѣльникамъ зовется ярмаркой на томъ основаніи, что въ эти дни сюда привозятъ не только всевозможные продукты, но пригоняють также воловъ и лошадей.

Это—одинъ изъ древнѣйшихъ бессарабскихъ городовъ, основанный по преданію въ III столѣтіи предводителемъ даковъ Коризономъ. Судьба его послѣ основанія была такая же, какъ всѣхъ подобныхъ мѣстечекъ, т.-е. онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, попадалъ то подъ власть кочующихъ ордъ, то вновь возвращался во владѣніе кореннымъ жителямъ и наконецъ въ XII или XIII вѣкѣ сдѣлался однимъ изъ важныхъ центровъ предпріимчивыхъ генуэзцевъ, устроившихъ по Днѣстру такъ же, какъ и по берегамъ Чернаго моря, массу факторій, ващищаемыхъ рядомъ крѣпостей. Такія же крѣпости сохранились до нашихъ дней по берегамъ Днѣстра въ Хотинѣ, Сорокахъ, Бендерахъ и Аккерманѣ. Хотинская крѣпость первоначально была очень невелика и представляла собою четырехугольное укрѣпленіе съ башнями по угламъ. Это укрѣпленіе не разъ выдерживало жестокіе штурмы со стороны поляковъ, казаковъ, турокъ и молдаванъ, но въ 1711 году окончательно попало подъ власть турокъ, укрѣпившихъ цитадель и выстроившихъ вокругъ громадныя сооруженія: башни, бастионы, стѣны, сохранившіеся и теперь и дѣлающіе величественное впечатлѣніе солидностью и массивностью постройки.

Однако въ 1769 году князь Голицынъ разбилъ близъ Хотина турокъ, и крѣпость сдалась безъ боя. То же случилось и въ 1787 и 1800 годахъ, а въ 1812 году Хотинъ окончательно былъ присоединенъ къ Россіи одновременно со всею Бессарабіей. Когда весь край успокоился, и русская власть прочно основалась въ этихъ предѣлахъ, тогда русское правительство рѣшило совершенно упразднить крѣпость, что и было сдѣлано въ 1856 году. Это, впрочемъ, можно было бы сдѣлать и раньше, потому что грозная когда-то крѣпость не могла бы все равно устоять передъ современной артиллеріей, а потому существованіе ея было совершенно излишнимъ. Теперь эти величественныя руины являются единственнымъ памятникомъ былаго величія Хотина, величія, безвозвратно потонувшаго въ глубинѣ прошлыхъ вѣковъ.

Широчайшая провинціальная улица, начинавшаяся отъ площади, имѣла довольно непривлекательный видъ, и одноэтажные домишки, покосившіеся лавченки и кривые заборы навели меня

Ярмарка в Хогині.

на мысль, что возница завезъ насъ сюда, чтобы скорѣе сплавить въ ближайшую гостинницу, а не ѣхать въ центръ города. Однако, по разспросамъ оказалось, что это—главный «проспектъ», и гостинница «Петербургъ», гдѣ мы остановились, является лучшей во всемъ Хотинѣ. Мы, впрочемъ, остались очень довольны нашимъ номеромъ; это была большая комната съ двумя окнами, выходящими на улицу, кроватью и широчайшей тахтой, тремя столами, снабженная умывальникомъ и необходимымъ количествомъ стульевъ. Стѣны были отштукатурены и по общему бессарабскому обычаю раскрашены черезъ трафаретъ «подъ обон». Этими, можетъ быть, и можно объяснить, что мы не видѣли за все время своего пребывания ни одного звѣря изъ породы блохъ и клоповъ, которыми вообще славятся наши провинціальныя гостинницы.

Пріѣзжающихъ въ Хотинѣ не много, и мы были единственными жильцами въ этой гостинницѣ, а остальные четыре комнаты стояли пустыми. Поэтому вся прислуга была въ нашемъ распоряженіи и старалась угодить во всю. Впрочемъ вся-то прислуга состояла изъ здороваго парня Михаила и еврея-фактора, онъ же швейцаръ, лакей и управляющій. Факторъ это не обыкновенный коммисіонеръ при гостинницѣ, котораго чаще всего посылаютъ за письмами, а человекъ, готовый сдѣлать все, что угодно, и достать все, что надо. Южная гостинница или даже простой заѣзжій дворъ немислимы безъ такого фактора. Покупая для васъ фунтъ сахара, факторъ, кромѣ процента, полученнаго съ торговца, спрячетъ еще кусокъ въ карманъ, изъ нашей коробки снискетъ возьметъ двѣ, три штуки, всѣ пустыя бутылки обязательно припрятеть, чтобы вы ихъ забыли, и потомъ продастъ, ужасно не любитъ возвращать сдачу мѣдью, но при всемъ томъ никогда не покунется на крупную кражу и порученія исполняетъ безукоризненно быстро и доволенъ всякимъ вознагражденіемъ, не выпрашивая лишняго гривенника.

Нашъ факторъ былъ субъектомъ такого же рода, но держался онъ съ нѣкоторымъ гоноромъ, рѣдко встрѣчающимся среди людей этой профессіи, способствующей развитію особенно противнаго подбострастія и подхалимства. Одѣтъ онъ былъ постоянно въ черный, невозможно засаленный сюртукъ, зеленый съ горошинами жилетъ и рыжіе въ клетку брюки; рыжіе бакенбарды онъ носилъ съ важностью англійскаго лорда, какъ и помятый котелокъ, а его глаза бѣгали, какъ мыши, высматривая, гдѣ бы и въ чемъ бы можно было нажить малую толику. Проживая съ недѣлю въ Хотинѣ, мы могли изучать этотъ интересный типъ, что мы и не преминули сдѣлать. Онъ рассказывалъ намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и особенно гордился своимъ братомъ.

— И вы же вѣрно знаете его,—увѣренно сказалъ онъ:—мой братъ очень даже извѣстенъ въ Петербургѣ, и его очень даже знаютъ ражнаго вышюкопоставленнаго особы.

— Да кто жъ онъ такой?—спросили мы.

— О, онъ дѣлаетъ предшталенія на театрѣ, и даже очень хорошія предшталенія—ражные фокусы пжъ картъ, и у него есть золотой медала и большой серебряный медала и ражнаго похвальнаго отживъ.

— Чудакъ вы, Абрамсонъ,—засмѣялся мой товарищъ:—вы думаете, что Петербургъ такой же, какъ Хотинъ, и всѣ другъ друга знаютъ, вотъ комикъ!

Абрамсонъ былъ крайне озадаченъ, что мы не знаемъ его знаменитаго брата, и обидѣлся на данную ему кличку комика.

— И я вовсе не комикъ, и жачѣмъ же вы меня ругаете, я не комикъ, я цесный факторъ при гостиницѣ, а вовсе не комикъ.

И не разъ еще онъ насъ смѣшилъ разными курьезами, но, надо отдать ему справедливость, выполнялъ всѣ порученія быстро, охотно и аккуратно, не будь его, мы, быть можетъ, надолго застѣли бы въ этомъ паршивомъ городишкѣ, но нашъ Абрамсонъ на слѣдующій же день добылъ намъ лодку, и наше путешествіе было обезпечено.

Вопросъ о лодкѣ былъ самый существенный: мы хотѣли спуститься отъ границы внизъ по Днѣстру, не торопясь, останавливаясь для наблюденій и этюдовъ, гдѣ намъ захочется, и не связывая себя ночлегами въ деревняхъ, а для этого намъ нужна была лодка большая и помѣстительная, на которой можно было бы поставить палатку, способную вмѣстить не только насъ двоихъ, но и наши чемоданы, зонтики, этюды и большой запасъ провизіи, безъ котораго совершенно не возможно путешествовать по Днѣстру, такъ какъ въ маленькихъ деревушкахъ, во множествѣ разбросанныхъ по берегамъ этой рѣки, нельзя рѣшительно ничего купить, и всѣмъ необходимымъ надо запасаться въ большихъ мѣстечкахъ и городахъ, которыхъ очень мало на всемъ пути.

Нашъ шустрый Абрамсонъ, знавшій Хотинъ и его жителей, какъ свой домъ и свою семью, объявилъ намъ, что здѣсь лодку купить нельзя, но что онъ знаетъ хозяина перевоза въ деревнѣ Атаки, и что у того, быть можетъ, найдется продажная лодка. Мы его тотчасъ командировали въ Атаки, и черезъ два часа онъ явился съ угѣшительнымъ отвѣтомъ, что лодка есть, и что мы можемъ осмотрѣть ее.

Взяли четырехмѣстный фаягонъ и покатали. Главная улица Хотина съ соборомъ, стоящимъ среди тѣнистаго сада, любимаго мѣстопребыванія мѣстныхъ абригеновъ, скоро осталась у насъ за спиной, и мы, пройдя базаръ, въѣхали въ лабиринтъ улочекъ и переулковъ съ безчисленнымъ количествомъ еврейскихъ лавчонокъ, торгующихъ всякою дрянью. Ниная лавченки прямо наумительны ничтожнымъ количествомъ своихъ товаровъ: вотъ, напримѣръ, на углу пріютилась лавочка въ видѣ шкапа, кое-какъ скроеннаго изъ

гнилыхъ досокъ, съ навѣсомъ, готовымъ ежеминутно свалиться на голову грязнѣйшей красавицѣ, сидящей на ступенькѣ и серьезно занимающейся охотой въ головѣ своего чада, которое по случаю теплой погоды щеголяетъ «безъ галстука». Хозяйка этого роскошнаго магазина торгуетъ спичками, папиросами и сухой таранью: неужели можно прожить на доходы съ такой торговли, неужели дѣлая семья сыта на нѣсколько копеекъ, вырученныхъ за день?

Загадка объясняется просто, если вы поинтересуетесь узнать, гдѣ находятся мужья этихъ торговцевъ, всѣ эти Янкелы, Пидки, Борухи и проч. «іерусалимскіе дворяне»: всѣ они дѣлаютъ гешифтъ. У однихъ шинки на большихъ дорогахъ, гдѣ руснаки, молдаване и прочіе коренные жители пьютъ горилку, закладываютъ свои свитки, смушковые шапки, а то и воловъ, гдѣ рыцари большой дороги за гроши продаютъ добытое съ опасностью добро; у другихъ масса дѣлъ по деревнямъ, надо объѣздить и получить проценты за ссуду, проценты, превышающіе капиталъ иной разъ въ три-четыре раза, иные скупаютъ ленъ, коноплию, кукурузу, яйца, всякую живность и перепродаютъ это другимъ съ лихвой. Знатокъ Бессарабін, Аонасьевъ - Чужбинскій, путешествовавшій по берегамъ Днѣстра лѣтъ 50 тому назадъ, говоритъ: «Изъ всѣхъ евреевъ Русской имперіи, надо сказать правду, нигдѣ нѣтъ такихъ закоренѣлыхъ фанатиковъ и недобросовѣстныхъ людей, какъ бессарабскіе евреи. Вездѣ племя это болѣе или менѣе поддается влиянію времени, вездѣ въ немъ примѣтны зачатки, положимъ, и несознательной еще реформы, но симптомы которой даютъ предчувствовать перемену къ лучшему, хоть въ будущемъ поколѣніи. Бессарабскіе евреи словно ограждены китайскою стѣною отъ всякаго внѣшняго влиянія, и, наживаясь на счетъ молдаванъ и руснаковъ, не только употребляютъ всевозможныя не позволенные продѣлки, но изощряются въ изобрѣтеніи новыхъ невообразимыхъ плутней. Это—чистая язва для простодушнаго и кроткаго населенія. Сколько ни проѣхалъ я губерніи для изученія крестьянскаго быта, сколько ни описывалъ мѣстностей, и не высказывалъ этого мнѣнія. Значитъ, я говорю такъ не изъ нетерпимости—качества, которымъ, слава Богу, не обладаю,—не изъ какихъ либо личныхъ побужденій, но не могу скрыть истины, бросавшейся мнѣ въ глаза въ теченіе почти двухлѣтнаго странствованія по днѣстровскимъ бережьямъ. Проживаютъ евреи въ деревняхъ подъ разными видами и предлогами. Иной имѣетъ осѣдлость, другой держитъ на арендѣ имѣніе, разумѣется, частнымъ образомъ, и обдираетъ народъ; третій беретъ у помѣщика на откупъ джизму, т.-е. десятину съ продуктовъ, которую крестьяне обязаны доставлять владѣльцу; четвертый арендуетъ мельницу, пятый закупаетъ сады, и всѣ они, кромѣ спеціальнаго занятія, предаются болѣе спеціальному ростовщичеству. Такъ называемая камата (процентъ) растетъ у

нихъ не по днямъ, а по часамъ. Одинъ руснакъ выразился очень оригинально. «Жидівський левъ не оглянется, якъ уродить корбо-ванця». Левъ—гривсникъ. Обыкновенно крестьянинъ въ случаѣ нужды въ деньгахъ, а деньги ему нужны часто, кромѣ податей, на разные общественные сборы, идетъ куда же, какъ не къ еврейю? Послѣдній ломается и покупаетъ или кукурузу будущаго урожая, почему самъ знаетъ, или овцу, теленка, или беретъ проценты, по 10 въ мѣсяць, назначая непременно такой срокъ, когда знаетъ, что у крестьянина денегъ быть не можетъ. Приходитъ срокъ, еврей является за деньгами. Бѣдный проситъ отсрочки, за которую предлагаетъ какое нибудь пожертвованіе. Еврей изъ сожалѣнія соглашается, но высчитываетъ камату на камату, такимъ образомъ, что капиталъ утраивается. Въ случаѣ неисправности плательщика, заимодавецъ имѣетъ всѣ средства взыскать долгъ, по своимъ связямъ съ волостнымъ правленіемъ и вообще съ земскою полиціей.

Эти условія и порядки сравнительно мало измѣнились въ наше время, и несмотря на большую свободу нынѣшнихъ крестьянъ въ правовомъ отношеніи, они все-таки находятся въ постоянной кабалѣ у евреевъ. Хотинскіе представители этого лукаваго племени, конечно, не отстаютъ отъ прочихъ и набиваютъ карманы на счетъ простодушныхъ и недалекихъ крестьянъ.

Но главное, чѣмъ держатся хотинскіе евреи, что дороже и милѣе всего ихъ сердцу, что снится имъ по ночамъ въ видѣ чарующихъ и дивныхъ видѣній, привлекательныхъ своей оборотливой перспективой, это—контрабанда.

Каждый Янкель или Мойша спитъ и видитъ соблазнительные тюки съ кружевами, сигарами, матеріями и прочими товарами, безпрепятственно переносимыми черезъ границу и сразу обогащающими его. Его пылкое воображеніе рисуетъ чудную картину семейнаго благополучія съ роскошнымъ шабашемъ, съ «мацой», лежащей на фарфоровомъ блюдѣ, съ аршинной фаршированной цукой на столѣ, съ шелковымъ непременно краснымъ платьемъ на его дорогой Ривкѣ и съ сознаниемъ, что на черныи день припасено кое-что, и что денежки отданы въ хорошія руки и принесутъ хорошій гешефтъ. Но приходитъ утро, и радужныя мечты исчезаютъ, какъ туманъ подъ лучами солнца, и суровая дѣйствительность напоминаетъ, что не всегда благополучно провозится тюки, случается и даже часто, что мѣткая пуля достигаетъ контрабандиста, товаръ конфискуется, и пропадаетъ затраченный капиталъ. Но капиталъ—еще что. Капиталъ умный Ицка снова наживетъ, хоть ему больно, до слезъ больно, потерять хоть малую часть его, но его еще больше пугаютъ выстрѣлы, и не только выстрѣлы, но и видъ ружья; при видѣ блестящаго дула берданки его охватываетъ панпческій ужасъ, племенная, наслѣдственный страхъ, который парализуетъ не только его движенія, но и мыслительныя способности.

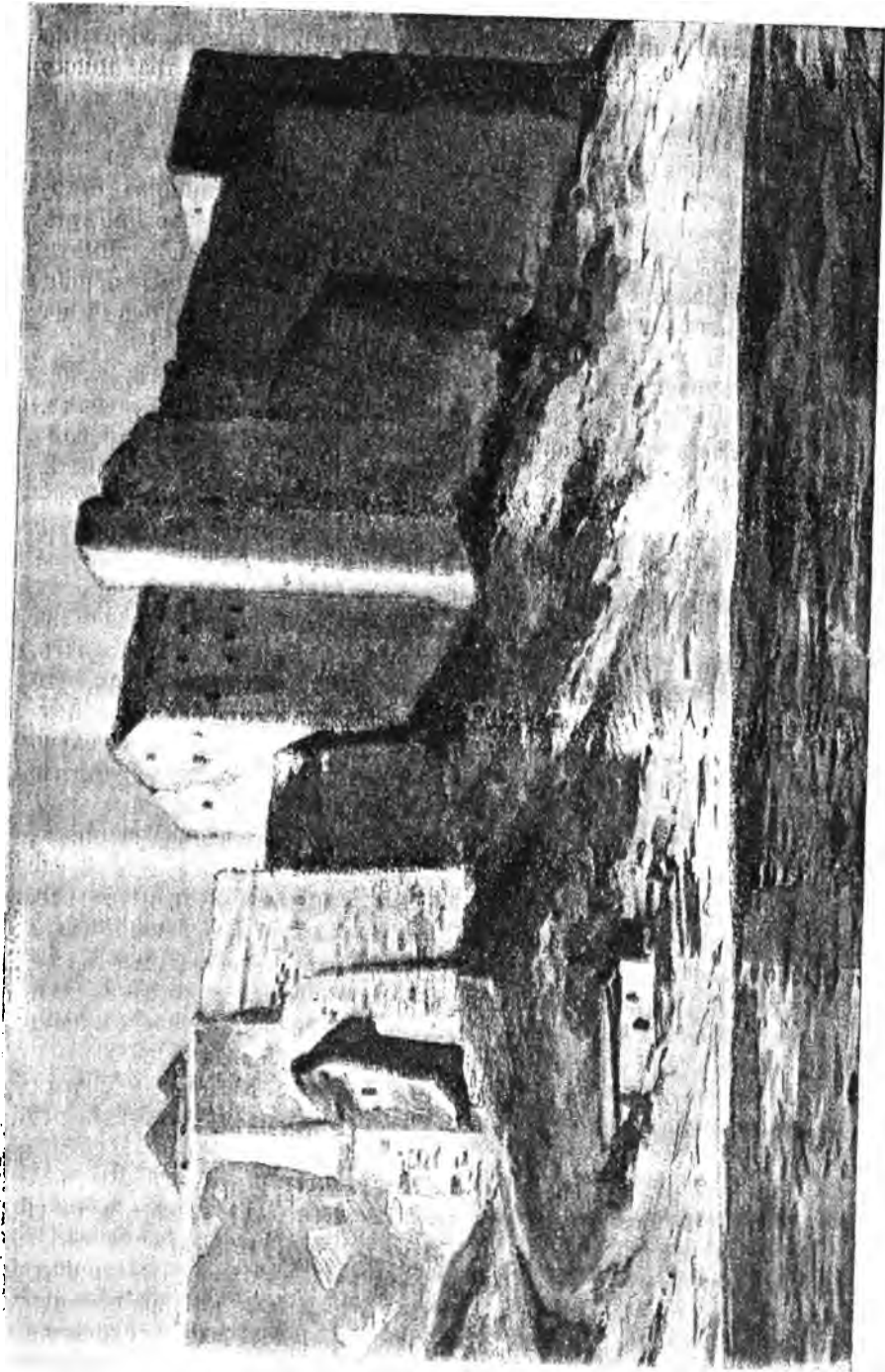
И вотъ изобрѣтательный Ицка измышляетъ способы подалше держаться отъ таможенныхъ постовъ; среди подонковъ общества онъ набираетъ шайку молодцовъ, готовыхъ за бутылку водки хоть въ огонь и воду, договаривается съ ними и начинаетъ операцію. Съ невиннымъ видомъ, подъ предлогомъ купить вола или лошадь, онъ переѣзжаетъ границу съ временнымъ паспортомъ, устраиваетъ тамъ свои дѣлишки, уговаривается относительно мѣста и часа и преспокойно возвращается домой. Остальное обрабатываетъ его вѣрная шайка, вѣрная отчасти изъ расчета и боязни потерять заработокъ, какъ онъ ни малъ, а отчасти изъ профессиональной честности, которой босяки за неимѣніемъ другихъ достоинствъ очень гордятся.

Дѣло перевозки контрабанды организовано отлично, все лукавство, вся изворотливость евреевъ помогаетъ имъ, и самый неусыпный надзоръ не гарантируетъ безопасности границы. Каждый тюкъ подвѣргается цѣлой системѣ раздѣленія, при которой есть возможность все скрыть до поры до времени и схоронить концы въ воду. Это тѣмъ болѣе легко, что въ узкихъ переулкахъ Хотина можетъ заллутаться даже знающіи мѣстность, такъ какъ переулки незамѣтно переплетаются съ дворами и какими-то проходами, и въдобавокъ весь этотъ лабиринтъ примыкаетъ къ старинной крѣпости, гдѣ сохранились еще таѣнники, извѣстные только контрабандистамъ. Въ случаѣ неожиданнаго обыска, товаръ передается изъ рукъ въ руки, со двора на дворъ, изъ переулка въ переулокъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ вполне безопаснаго мѣста; вся эта исторія идетъ при оглушительномъ воѣ женщинъ, ревѣ ребячь и крикѣ Микелей и Воруховъ, завѣряющихъ «цеснымъ словомъ», что они «цесные евреи и, ижбави Бохъ, никогда не жанимались таковымъ нехорошимъ дѣломъ, какъ контрабанда. И качѣмъ намъ контрабанда, и у насъ есть цесная торговля, а контрабандой ваѣ, ваѣ жанимаются только ражбойники и мошенники!»

Стѣны библейскаго Іерихона развалились, вѣроятно, отъ такого же гвалта, но стѣны хотинской крѣпости выдерживаютъ этотъ крикъ и непоколебимо стоятъ, какъ памятникъ добросовѣстности генуэзскихъ и турецкихъ водчихъ. Рѣдко обыски достигаютъ цѣли, и успокоившіеся евреи снова принимаются за свой прибыльный трудъ.

Контрабанда издавна выбрала себѣ наиболѣе удобные пути: на югѣ Бессарабіи она идетъ черезъ южную границу — Прутъ, а на сѣверѣ черезъ Хотинъ и Бричаны, откуда масса ея доставляется въ Каменецъ-Подольскъ сухимъ путемъ или по Днѣстру въ Могилевъ, Сороки, Бендеры и другіе города и мѣстечки Приднѣстровья.

Нѣсколько выгоденъ контрабандный промыселъ, можно судить хоть по мѣстечку Бричаны, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ евреевъ и живетъ очень недурно, конечно, не хлѣбонашествомъ, и кормитъ всю эту орду пронырливыхъ іудеевъ главнымъ образомъ контра-

Развалины крепости въ Хотинѣ.

Заговоривъ о евреяхъ, нельзя не упомянуть о двухъ особенностяхъ бессарабскихъ евреевъ, отличающихъ ихъ отъ собратій, живущихъ въ Малороссіи; во-первыхъ, они не носятъ ни традиционныхъ пейсовъ, ни лапсердаковъ, ни ермолокъ. Всѣ они одѣты въ сюртуки, пиджаки или, чаще всего, въ обыкновенныя пальто, замѣняющія и первые и вторые. Только старики придерживаются еще старинной одежды, и я встрѣтилъ нѣсколько типичнѣйшихъ старцевъ, которые смѣло могли бы войти въ картину какогонибудь конкурента на большую золотую медаль нашей блаженной памяти старой академіи, любившей прописывать своимъ питомцамъ порціи библейскаго характера съ Авраамами, Исааками и Іаковами на первыхъ планахъ. Вторая особенность, особенно удивительная, это—чистота жилищъ хотинскихъ евреевъ: ихъ комнаты чисто выметены, стѣны выбѣлены, на полкахъ въ порядкѣ стоятъ тарелки, чашки и блюда, и въ шабашъ при свѣтѣ многихъ свѣчей эти комнаты производятъ уютное и симпатичное впечатлѣніе. Должно быть, близкое сосѣдство племени русиновъ, живущихъ, какъ и всѣ малороссы, чрезвычайно опрятно, подѣйствовало на хотинскихъ евреевъ, и они въ этомъ отношеніи измѣнили своимъ вѣковымъ традиціямъ; лишь въ отношеніи чистоты одежды они остались, кажется, безъ перемѣны, и я ни разу за все время пребыванія въ Бессарабіи не встрѣчалъ еврея въ новомъ и чистомъ сюртукѣ. Они, должно быть, никогда не шьютъ себѣ ничего новаго, справедливо рассуждая, что поношенную одежду можно купить за безцѣнокъ, а что она въ пятнахъ и заплаткахъ, это не бѣда—не привыкать стать: свои не только не осудятъ, а еще похвалятъ за экономію, а гон—какое имъ дѣло до гоевъ и до ихъ мнѣнія о еврейскомъ костюмѣ?

Скоро мы миновали еврейскій кварталъ и выѣхали на шоссе, тянувшееся по берегу Днѣстра. Дорога лежала прямой лентой среди кукурузныхъ полей, на темной зелени которыхъ эффектно выдѣлялись бѣлыя рубахи крестьянъ. Противоположный подольскій берегъ тянулся однообразной сѣрой стѣной, кое-гдѣ прерывавшейся глубокими ярами, черезъ которые виднѣлась обширная даль съ полями, лѣсами и небольшими деревеньками, беспорядочно разбросанными по холмамъ; все это тонуло въ мягкихъ, сѣро-сизыхъ тонахъ. Прѣхавъ нѣсколько верстъ, мы попали наконецъ въ Атаки и спустились внизъ къ перевозу, гдѣ нашли хозяина лодки, которую онъ и повелъ намъ показывать.

Мы съ Владимиромъ Николаевичемъ вытаращили глаза. Мы представляли себѣ лодку все-таки лодкой—неуклюжей, грубой, но такой посудыны, какая лежала передъ нами на берегу, мы никакъ не ожидали видѣть. Это былъ плоскодонный ящикъ восемь аршинъ длины и три ширины, половина его представляла правильный четырехугольникъ, а другая половина, игравшая роль носа, — треугольникъ. Вся эта машина была сложена изъ неструганимыхъ полу-

вершковыѣхъ досокъ и носила громкое названіе «чайки», слово, занесенное сюда, вѣроятно, казаками.

Однако послѣ нѣкотораго размышленія мы пришли къ убѣжденію, что лучшаго инструмента для нашего путешествія не выдумать, и что въ этой пародіи на лодку и на плотъ мы великолѣпно размѣстимся со всѣми своими пожитками. Сторговавшись за 25 рублей и распорядившись относительно ремонта, мы вернулись въ Хотинъ, гдѣ пришлось прожить еще нѣсколько дней, чтобы сдѣлать необходимыя закупки и дождаться, когда плотникъ кончитъ въ лодкѣ основу для палатки, скамьи и весла. Дня за два до отплытія мы переселились поближе къ лодкѣ въ Атаки, гдѣ недурно устроились въ чистой хатѣ одного изъ мѣстныхъ крестьянъ.

III.

Хата, гдѣ мы поселились, по обычаю, состояла изъ двухъ половинъ: черной и чистой, раздѣленныхъ небольшими сѣнями и чуланомъ. Парадная половина блистала удивительною чистотой. Глинобитный полъ былъ начисто выметенъ, громадная русская печь поражала не только своими размѣрами, но и витѣватой архитектурой: лежанка, полочки, впадины, арка надъ отверстіемъ, арка для входа на лежанку, помѣщавшуюся позади,—все было украшено нехитрыми орнаментами и раскрашено красной, желтой и синей красками; кругомъ комнаты или широкія лавки, покрытыя коврами; въ переднемъ углу стояли образа и были прибиты картинки душевнеспасительнаго содержанія; ради украшенія фономъ для образовъ служили куски необыкновенно яркихъ обоевъ. Въ другомъ углу, надъ поставцемъ были прибиты полки, гдѣ симметрично были разставлены чашки и тарелки. Около печи стояла большая деревянная кровать съ цѣлой грудой подушекъ въ розовыхъ ситцевыхъ чехлахъ, а надъ ней, на широкой полкѣ, аккуратно сложены штукъ сорокъ ковровъ—будущее приданое дочки.

Эти ковры очень цѣнятся въ Бессарабіи; числомъ ковровъ и ихъ величиной измѣряется благосостояніе мужика. Купить такой коверъ очень трудно, такъ какъ крестьяне берегутъ ихъ и продаютъ только тогда, когда неурожайный годъ заставляеть ихъ продавать все, что имѣетъ хоть какую нибудь цѣнность. А такъ какъ неурожай въ этой странѣ бываютъ сравнительно рѣдко, то и рѣдко можно купить такой коверъ. Мы очень хотѣлось увезти изъ Бессарабіи хоть одинъ образчикъ, но такъ и не удалось. Говорятъ, что на большихъ ярмаркахъ иногда бываютъ ковры, привезенные на продажу евреями, получающими ихъ за долги почти даромъ, но продающими по очень высокой цѣнѣ.

Цѣна ихъ во всякомъ случаѣ значительно превышаетъ цѣны на кавказскіе паласы, на которые бессарабскіе ковры очень похожи

по рисункамъ; по ткани же и по качеству шерсти и окраскѣ они стоятъ гораздо ниже кавказскихъ и менѣе прочны.

Хорошіе ковры рѣдко употребляются въ дѣло и обыкновенно лежатъ сложенные и бережно хранятся, а лишь иногда вывѣшиваются на дворѣ частью, чтобы провѣтрить ихъ, а главное, чтобы похвастаться. Въ торжественные же дни, въ большіе праздники— на Пасху и на Рождество, иногда лучшіе ковры на день или на два прибиваются къ стѣнамъ или постилаются на завки, а затѣмъ вновь прячутся до слѣдующаго торжества.

Нашъ хозяинъ, бравый мужикъ, жилъ видимо зажиточно, и его дворъ и огородъ содержались въ образцовомъ порядкѣ; свой надѣлъ онъ обрабатывалъ съ помощью батраковъ, а самъ работалъ на перевозѣ, гдѣ получалъ 15 рублей въ мѣсяцъ. По жизни такихъ мужиковъ, какъ этотъ Ефимъ, нельзя, конечно, судить о крестьянской жизни. Близость города, хотя бы такого, какъ Хотинъ, дѣйствуетъ развивающимъ образомъ, и подгородніе мужики самостоятельныя своихъ захолустныхъ собратій и не такъ прижаты евреями, какъ жители глухихъ, мелкихъ деревушекъ, гдѣ евреи арендаторы дѣлаютъ все почти, что хотять, и гдѣ положеніе мужиковъ немногимъ лучше стараго крѣпостного.

Настоящими крѣпостными бессарабцы, впрочемъ, никогда не были, и закрѣпощены были лишь цыганы, составлявшіе помѣщичью дворню. Обыкновенные крестьяне были свободны и жили на помѣщичьихъ земляхъ по обоюдному съ помѣщикомъ договору, который могли нарушить одинъ разъ въ годъ. За право пользованія землей они обязаны отработать на помѣщика 12 дней въ году и отдавать ему «джиму», т.-е. десятую часть своихъ продуктовъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ «царане» (крестьяне, жившіе по такому договору) должны были бы благоденствовать, но на практикѣ было совершенно обратное.

Рабочій день, называвшійся «пунктовымъ», опредѣлялся помѣщикомъ известнымъ урокомъ, который бывалъ такъ чудовищно великъ, что паранинъ съ семьей едва отбивалъ такой урокъ въ теченіе недѣли. При такихъ условіяхъ его собственное хозяйство шло, несмотря на упорную работу, плохо, и онъ сильнѣе и сильнѣе запутывался въ долгахъ.

Недобросовѣтность помѣщиковъ и особенно посессоровъ, бранихъ у помѣщиковъ имѣнія въ аренду и потому усиленно выжимавшихъ всѣ соки изъ народа, сдѣлала то, что экономическое положеніе страны стало ниже всякой критики, и царане толпами стали убѣгать за границу, особенно за Прутъ, въ Турцію, такъ какъ подъ властью турокъ никогда крестьянское населеніе не доходило до такой крайней нищеты, какъ подъ властью бессарабскихъ помѣщиковъ, по большей части, поляковъ, помнившихъ бывшее величіе Речи Посполитой и мнившихъ себя внѣ закона, считая свою пан-

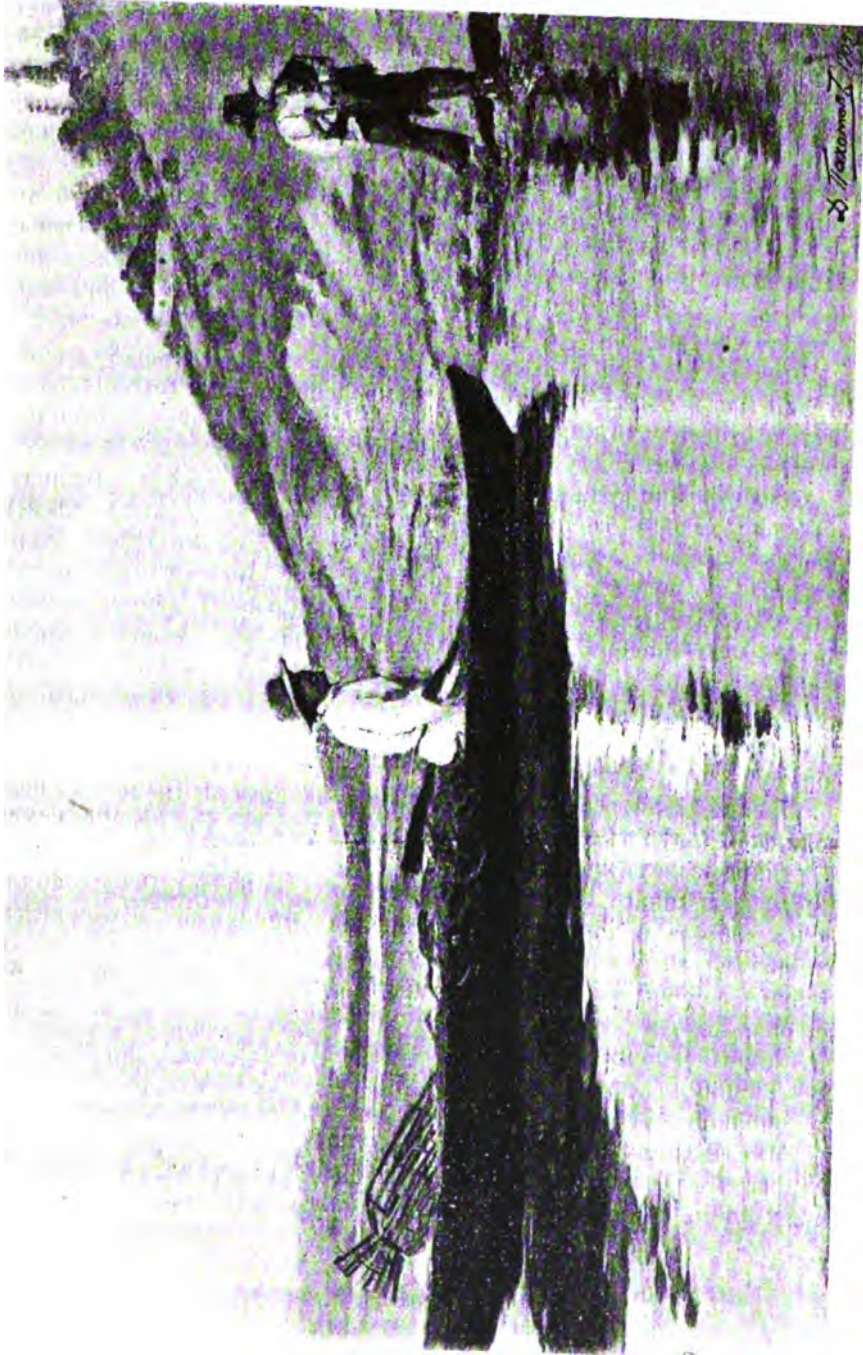
Мельница на Дръвстръ.

скую волю закономъ. Администрація, хромавшая въ тѣ времена и въ Россіи, тѣмъ болѣе была отвратительна на такой окраинѣ, какъ Бессарабія, и этимъ объясняется, что, несмотря на кличку свободного человѣка, царининъ былъ хуже крѣпостного и также подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ. Никто не слѣдилъ за правильностью приговоровъ, а помѣщики и поссессоры, пользуясь этимъ, творили, что хотѣли.

Въ Россіи у самыхъ свирѣпыхъ помѣщиковъ мужики (не дворовые) жили довольно сносно; помѣщикъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на свою собственность, и не изнурялъ непосильной работой, если не по гуманнымъ побужденіямъ, то хоть изъ экономическихъ соображеній; онъ зналъ, что непосильный трудъ можетъ лишить его работника, оцѣниваемого нѣсколькими сотнями рублей. Подобнаго сдерживающаго элемента не было у бессарабскаго помѣщика: если заболѣвалъ и умиралъ царининъ, то помѣщикъ все-таки отбиралъ «джиму», выгонялъ семью умершаго на всѣ четыре стороны, зная, что къ нему немедленно явятся десятки другихъ трудолюбивыхъ, выносливыхъ и безропотныхъ царанъ, и смерть одного отъ изнуренія являлась даже довольно выгодной аферой. На нравственную сторону подобныхъ поступковъ никто не смотрѣлъ, а съ юридической точки зрѣнія обыкновенно все было въ полной исправности, что и поощряло этихъ плантаторовъ продолжать въ томъ же духѣ.

Особенно плохо приходилось тѣмъ царанамъ, которые были подъ началомъ поссессоровъ изъ евреевъ или у заграничныхъ, большею частью, греческихъ монастырей, владѣвшихъ въ Бессарабіи громадными пространствами и требовавшихъ отъ своихъ поссессоровъ громадныя суммы. Освобожденіе крестьянъ и новое положеніе особенно благотворно отозвалось на забитыхъ и несчастныхъ русинахъ и молдаванахъ, а въ настоящее время они почти оправились отъ многолѣтняго гнета, говорю почти, потому что многіе, если не большинство, бьются въ цѣпкихъ еврейскихъ лапахъ, и ловкіе сыны израиля ухитряются на законномъ основаніи дѣлать то, что прежде творили безъ всякихъ законовъ.

Находятся субъекты и въ «нашъ просвѣщенный вѣкъ», которые утверждаютъ, что крестьяне сами виноваты въ томъ, что попали подъ власть евреевъ. «Эти молдаване и русины,—говорятъ они,—болваны и дураки; отчего они не жалуются? Они тупы, а еврей этой тупостью, конечно, пользуется, на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Дѣйствительно, особеннымъ умомъ бессарабцы не отличаются, но они трудолюбивы, тихи и смиренны, и послѣднія два качества не только не пороки, но большія достоинства. Они, какъ и русскій простой народъ, не любятъ судиться и больше разсчитываютъ на сердце и любятъ рѣшать дѣла «по душѣ»; если къ этому прибавить еще безграмотность населенія, то станетъ понятно, отчего евреи держатъ ихъ въ такихъ тискахъ.

Рыбакъ на Днѣстрѣ.

Мы ждали съ нетерпѣніемъ, когда наша лодка будетъ окончательно готова къ путешествію. Погода начала портиться. Пошли дожди и главное началъ ежедневно подувать свирѣпый нордвестъ, не обѣщавшій ничего хорошаго. 20-го іюня все было готово. Основа для палатки укрѣплена, весла выточены, уключины прибиты, провизія куплена, и мы могли бы выѣхать, если бы не проливной дождь, начавшійся съ ранняго утра.

Рѣшили переждать и ѣхать 21-го, несмотря ни на какую погоду. Надоѣло сидѣть на мѣстѣ, надоѣли мелкія хлопоты, несносныя тѣмъ, что каждое распоряженіе приходилось повторять два, три раза и ждать цѣлыми часами, пока оно наконецъ приводилось къ концу.

Отчасти отъ нечего дѣлать, а отчасти, чтобы пообѣдать въ послѣдній разъ болѣе или менѣе по-европейски, мы отправились на другую сторону Днѣстра, въ деревню Жванецъ, широко раскинувшуюся на высококомъ и обрывистомъ берегу.

Обрывъ начинался не у самой воды, а саженьхъ въ двадцати отъ нея, и на этомъ пространствѣ расположились большіе лѣсные склады и верфи, гдѣ сколачиваютъ неуклюжія «галеры», единственныя въ своемъ родѣ суда, ходящія по Днѣстру. Это громадные плоскодонные ящики, почти квадратной формы, длиною сажень восемь и глубиной аршина полтора. Управляются галеры четырьмя потесями такъ же, какъ плоты. На этихъ галерахъ внизъ отправляются всевозможные товары мѣстнаго производства, какъ пшеница, кукуруза, дрова, а также деревянныя издѣлія, идущія главнымъ образомъ изъ Австріи, и т. д.

Пройдя мимо верфи, мы поднялись по крутой тропинкѣ, переходившей далѣе въ лѣстницу, сложенную изъ дикаго, рванаго камня. Лѣстница вывела насъ на площадку, гдѣ начиналась главная улица. Кромѣ стариннаго, значительно реставрированнаго, бывшаго армянскаго костела и новой русской церкви, никакихъ достопримѣчательностей мы не нашли и отправились по указанію одного любезнаго юноши въ одинъ чистенькій домикъ, гдѣ эlegantная жидовочка накормила насъ котлетами и супомъ съ вермишелью именно въ такомъ порядкѣ, какъ я упоминаю, что, вѣроятно, заимствовано изъ Турціи, гдѣ на первое подается сладкое, затѣмъ жаркія и соусы, и кончаютъ супомъ.

Изъ Жванца мы вернулись въ свою хату, сложили вещи, напились чаю и завалились спать въ надеждѣ, что погода смилуется надъ нами, и можно будетъ наконецъ выѣхать.

IV.

Утро 21-го было восхитительное; солнце свѣтило во всю, но было еще довольно свѣжо, и вѣтеръ подувалъ довольно сильно; легкія облака плыли по небу, но не угрожали сплотиться въ дождевыя тучи, и мы радостные и оживленные направились къ своей лодкѣ со всѣмъ своимъ скарбомъ, который былъ нагруженъ на подводу. Въ нѣсколько минутъ вещи были перенесены въ лодку, разложены по мѣстамъ, весла вставлены въ уключины, веревка отвязана, и наша «чайка» плавно поплыла по теченію; нѣсколько взмаховъ веслами вынесли насъ на середину Днѣстра, гдѣ теченіе быстрое, и скоро Ефимъ, стоявшій на берегу, обратился въ незамѣтную точку. Приспособивъ одно весло на кормѣ, въ видѣ руля, мы съ комфортомъ расположились, управляя лодкой по очереди.

Теченіе несло насъ очень сильно, но это было незамѣтно и чувствовалось только потому, что берега быстро пробѣгали мимо насъ, развѣртываясь двумя панорамами справа и слева. Со скоростью шести верстъ въ часъ, средняя быстрота верхняго теченія Днѣстра, мы достигли Хотинской крѣпости, массивно громоздившейся на правомъ берегу. Громадныя башни, стѣны, монументальныя ворота, высокій, сѣрый минаретъ, выглядывавшій изъ-за стѣнъ, были полны мрачнымъ величіемъ и тѣмъ своеобразнымъ настроеніемъ, какимъ обладаютъ такія многовѣковыя развалины, выдержавшія изъ своей жизни много передрягъ.

Невольно въ головѣ возникали картины прошлаго, такого отдаленнаго, что мелкія его черты давно сгладились и слились въ крупныя, характерныя пятна, полныя дикости и величія. Много, много вѣковъ тому назадъ, на скалѣ стояла небольшая, но грозная для тѣхъ временъ цитадель. Въ ней жилъ небольшой гарнизонъ предпріимчивыхъ генуэзцевъ и нѣсколько энергичныхъ факторовъ, оставившихъ свою родину въ поискахъ приключеній и богатства и нашедшихъ здѣсь свое эльдорадо. По цѣлымъ днямъ кругомъ толпились дикіе кочевники, предлагая свои грубыя издѣлія въ обмѣнъ на изящныя украшенія генуэзскихъ купцовъ, по цѣлымъ днямъ стоялъ шумъ и гамъ, ржанье сотенъ коней, блеяніе овецъ и мычаніе коровъ; примитивная и грубая брань дикихъ славянъ сливалась съ мягкой и музыкальной бранью жителей горячей Италіи.

На берегу Днѣстра, въ древности Тирасы, катившаго свои быстрыя воды, грузились хлѣбомъ, кожами и лѣсомъ неуклюжія галеры, которыя, нагружившись, шли внизъ, охраняемая конвоемъ, обязаннымъ защищать ихъ отъ многочисленныхъ нападеній разбойничьихъ шакъ, охотившихся въ дремучихъ и непроходимыхъ буквыхъ и дубовыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ тогда всю сѣверную Бессарабію. Но, несмотря на конвой, многія галеры не доходили до устья и гибли по дорогѣ. Особенно опасны были пороги въ

среднемъ теченіи, гдѣ всегда засѣдали въ засадѣ ловкіе молодцы, грабившіе галеры, неловко попадавшія на камни и разбиравшіяся о гранитные утѣхи.

По вечерамъ въ крѣпости и кругомъ все затихало. Дневная суета снѣнялась мечтательною тишиной; на лѣсныхъ полянахъ и кругомъ крѣпости пылали костры, освѣщавшіе засыпающихъ дикарей. Днѣстръ шепталъ свою вѣчную и немолчную пѣснь, а изъ башни, черезъ узкія бойницы, доносилась иногда страстная любовная пѣснь къ какой нибудь оставленной дома Лючіи или Терезѣ; звонъ мандолины и мягкіе переливы заморской, чудной мелодіи волновали сердца дикарей славянъ. Иногда по каменистой дорогѣ раздавался тяжелый топотъ коня, звонъ оружія, и передъ воротами останавливался какой нибудь бродячій рыцарь, въ заржавѣвшемъ и потемнѣвшемъ отъ дождей вооруженіи, отрешанномъ плащѣ и съ шарфомъ дамы своего сердца черезъ плечо. Смѣло трубилъ благородный синьоръ, Богъ вѣсть какъ попавшій въ эти края, съ береговъ своего родного Рейна, и требовалъ стола и пріюта, что, конечно, немедленно получалъ, и за кувшиномъ вина рассказывалъ свои приключенія и битвы гостепріимнымъ хозяевамъ, которые рады были, конечно, послушать розсказни титулованнаго бродяги.

Пронеслись вѣка надъ Хотинскою крѣпостью; владѣли ею и молдаване, и Византія, и Польша, и Турція. Не разъ вокругъ стѣнъ звенѣли мечи, ломались съ трескомъ конья, а въ болѣе позднее время гремѣли и пушки.

Немало городковъ и селеній возникало по берегамъ Днѣстра и снова исчезало, не оставляя иногда и слѣдовъ, но много городовъ устояло на мѣстѣ и стоитъ до сихъ поръ, измѣнивъ, впрочемъ, не только вѣщность, но и названія. Ничто во многихъ мѣстахъ не напоминаетъ о быломъ величіи, а между тѣмъ старинныя лѣтописи рассказываютъ о ридѣ городовъ, стоявшихъ по Днѣстру и принадлежавшихъ когда-то литовско-русскимъ князьямъ въ XV вѣкѣ.

Переписчикъ древней лѣтописи, называвшейся «Книгой большого чертежа», съ наивностью и точностью списалъ съ подлинника: «А на Днѣстрѣ градъ Нарока, отъ устья сто тридцать верстъ. А ниже Нароки, двадцать верстъ, градъ Устья. А ниже Устья, двадцать верстъ, градъ Орыга. А ниже Орыги, двадцать верстъ, градъ Тегиня. А ниже Тегини, двадцать верстъ, градъ Туборча. А ниже Туборчи, градъ, въ старомъ чертежѣ подпись свалилася».

Такъ какъ въ «чертежѣ» подпись свалилася, то я не стану утомлять читателя перечисленіемъ Днѣстровскихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они испытали участь Хотина, т.-е. переходили изъ рукъ въ руки, были разоряемы и вновь возстановляемы, пока не обратились, подъ русскимъ вліяніемъ, въ мирныя деревни и уѣздные города, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающіеся.

Миновавъ крѣпость, мы попали въ болѣе пустынную мѣстность. Деревни и хутора стали рѣже и берега красивѣе. Въ одномъ мѣстѣ Днѣстръ широко разлился: слѣва тянулся довольно низкій, подольскій берегъ, а правый состоялъ изъ желтыхъ утесовъ, поросшихъ кустами; мы остановились подъ самыми скалами, въ уютной бухточкѣ и дѣйтельно занялись своимъ завтракомъ, показавшимся намъ на свѣжемъ воздухѣ необыкновенно вкуснымъ. Основательно закусивъ, мы двинулись дальше, но не прошли и пятидесяти сажень, какъ подъ дномъ лодки что-то хрустнуло: разъ, другой, и она со скрипомъ стала поворачиваться, и, наконецъ, остановилась.

Мы основательно сидѣли на мели, и это удовольствіе было для насъ полной неожиданностью, такъ какъ по поверхности рѣки никакъ нельзя было подозрѣвать, что здѣсь мель: теченіе, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сильное, ровное и плавное, и вода нигдѣ не рябила и не шумѣла на камняхъ. Думая, что мель небольшая, мы взялись за весла, но сдвинуть нашу махину не могли; съ тѣмъ же успѣхомъ попробовали оттолкнуться шестомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что пришлось принять невольную ванну и, сойдя въ воду, тащить лодку руками. Тутъ-то и началась потѣха: стащивъ лодку съ одной мели, мы немедленно попадали на другую, съ той на третью и т. д., пока, черезъ часъ неутомимой возни, мы не выволокли ея къ главному руслу, по которому насъ быстро понесло внизъ. Наскоро одѣвшись, мы заботились лишь объ одномъ, чтобы итти по срединѣ теченія, но это не удалось, такъ какъ мы обломали одну за другой обѣ уключины, и у насъ остался одинъ только шестъ, которымъ ни я, ни товарищъ управлять не умѣли, такъ какъ это требуетъ большого искусства и практики.

Въ результатъ теченіемъ насъ натолкнуло на мельницу, огороженную, къ счастью, сваями и поперечными бревнами, и мы, коекакъ оттолкнувшись отъ нея, пристали къ берегу, гдѣ съ помощью мальника наскоро прикрѣпили весла и перебрались на другой берегъ къ деревнѣ, гдѣ больше часа ждали кузнеца, чинившаго наши уключины.

Наученные опытомъ, мы въ дальнѣйшемъ путешествіи зорко смотрѣли и старались не приставать къ берегу тамъ, гдѣ Днѣстръ былъ очень широкъ: это, впрочемъ, не помѣшало намъ еще раза три съ такимъ же комфортомъ усаживаться на мели.

Перный день нашего путешествія кончился благополучно, и Днѣстръ не поднесъ намъ больше ни одного сюрприза. Часовъ въ семь стали надвигаться сумерки; небо очистилось совершенно и приняло желтовато-зеленій отѣнокъ; Днѣстръ сталъ гладкимъ, какъ зеркало, и въ немъ со всѣми деталями отражались обрывистые берега. Мы перестали грести и лишь ударомъ то одного, то другого весла направляли лодку носомъ впередъ. За однимъ поворотомъ передъ нами открылась широкая картина: громадное село

Повѣтчина, потонувшее въ густыхъ садахъ, привольно раскинулось по холмамъ на правомъ берегу; вдали, какъ декорация, замыкали горизонтъ скалы, задержанныя лилою дымкой; лѣвый же берегъ, отъѣсннмъ обрывомъ саженъ въ 60, опускался прямо въ воду. Мы молча и тихо скользили вдоль этой величественной стѣны; сѣрая глыбы иногда нависали надъ нашими головами, безчисленныя трещины, пещеры, впадины и промоины представляли какой-то дивный хаосъ, съ переливами мягкихъ сѣрыхъ тоновъ. Кое-гдѣ скалы принимали видъ башенъ и замковъ, на стѣнахъ которыхъ трепегали рефлексы вечерняго неба. Въ воздухѣ было тихо и покойно; Повѣтчина осталась за спиной, и мы беззвучно плыли между отъѣсннми утесами. Въ этомъ мѣстѣ Дибстръ пробилъ себѣ дорогу черезъ громадную скалистую гряду и быстро несъ свои воды, изворачиваясь то вправо, то влѣво. Кое-гдѣ громадные пласты глинистыхъ сланцевъ съ окаменѣлостями сползли въ воду, которая обточила и отшлифовала ихъ такъ, что въ сумеркахъ они казались головами и туловищами какихъ-то допотопныхъ чудищъ, выдѣсннхъ подышать воздухомъ изъ глубины рѣки или таинственныхъ пещеръ, черными пятнами выдѣлявшихся на фонѣ сѣрыхъ скалъ.

Однако мечты мечтами, но намъ надо было подумать о своемъ ночлегѣ. Въ одномъ мѣстѣ подъ скалами видѣлась небольшая площадка, куда мы и направили свою лодку и привязали ее къ большому камню. Черезъ минуту веселый огонекъ запылалъ въ расщелинѣ скалы, трепетно освѣщая насъ, нашу лодку и окрестныя скалы; зашипѣла яичница, зафыркалъ и забурлилъ чайникъ, и вскорѣ мы съ комфортомъ сидѣли за ужиномъ. Навѣсь надъ лодкой не былъ еще окончательно готовъ, но мы все-таки набросили холстъ на деревянную основу и кое-гдѣ прикрѣпили его гвоздями.

Утомленные, но довольные первымъ днемъ, мы не раздѣвались и, завернувшись въ пледы, легли спать, но сонъ былъ тревожный. Необычайная обстановка, покачиваніе лодки и скрипъ ея о соседніе камни, тихій шелестъ быстро пробѣгавшихъ струй воды сливались въ гармоничную, но волнующую пѣсню; чудился картины далекаго прошлаго: какіе-то клики, бряцаніе оружія, вой гуртовъ скота, которые гнали проходившія когда-то здѣсь толпы гунновъ, аллановъ, геттовъ, скифовъ, анговъ, склавинновъ и прочихъ бродячихъ племенъ, и рядомъ съ этимъ вслышались въ памяти наивныя розсказни Эмара, Купера и Майнъ-Рида, волновавшія когда-то мое дѣдннадцатилѣтнее сердце. Все, о чемъ когда-то я мечталъ — дикая жизнь среди дикой и суровой природы, жизнь, полная неизвѣстности и приключеній, — все это осуществилось. Сонъ мѣшался съ истиной, и казалось, что мы остановились гдѣ-то въ дѣбряхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, на берегахъ Миссури или Миссисипи, что надо остерегаться нападенія кровожадныхъ индѣйцевъ, подстерегающихъ

неосторожныхъ путешественниковъ за кустами и скалами. Вдругъ донеслись голоса. Я очнулся и пришелъ въ себя, но сердце билось тревожно; и выглянулъ, но все кругомъ было тихо, а голоса замолкли; это, вѣрно, крикнули на плоту, остановившемся недалеко отъ насъ, на противоположномъ берегу. Днѣстръ былъ черенъ, какъ чернила, и ночь темна, какъ грѣхъ. По небу ползли небольшія облака, среди которыхъ мирно мигали южныя свѣтлыя звѣзды. Съ запада тянулъ свѣжій вѣтерокъ, пронизывавшій до костей. Я завернулся крѣпче въ свой плащъ, легъ и, успокоенный, заснулъ наконецъ настоящимъ крѣпкимъ сномъ.

Но, увы, спать пришлось недолго. Въ четыре часа утра мы проснулись отъ сильныхъ толчковъ. Мѣстность совершенно измѣнилась. Площадки, гдѣ мы разводили огонь, не существовало, она скрылась подъ водой; камень, къ которому была привязана лодка, еще торчалъ своей верхушкой надъ волнами, бившими лодку о подводные камни, но собирался тоже скрыться подъ быстро прибывавшей водой. Порывы холоднаго вѣтра терзали нашу налатку и готовились сорвать, и мы должны были придерживать ее руками; съ сѣверо-запада шла черная туча, захватывая полъ-горизонта; ближе и ближе, и вотъ на насъ стали налетать шквалъ за шкваломъ; желтыя волны покрылись бѣлыми зайчиками, и вся картина приняла мрачный и угрожающій видъ. Наконецъ хлынулъ дождь, и мы, стуча зубами, старались прикрыть свои вещи отъ ливня. Къ счастью, туча скоро пронеслась, а черезъ полчаса стало тише, и мы могли отвязать лодку.

Выбравъ моментъ потише, мы пустились въ путь, но онъ оказался очень утомительнымъ: вѣтеръ сносилъ насъ къ правому берегу, несмотря на то, что мы изо всѣхъ силъ работали веслами. При этомъ ясно выразилось, что наши весла не выдерживали никакой критики. Они были слишкомъ коротки, массивны, грубы и тяжелы, чтобы двигать такую тяжесть, какъ лодка и все, что въ ней заключалось. Этого, впрочемъ, слѣдовало ожидать. Плотникъ, мастерившій эти весла, можетъ быть, во всю свою жизнь не видалъ ни одного весла, а мы, торопясь выѣхать изъ Хотина и надеясь, что будемъ идти внизъ силой теченія, не обратили должнаго вниманія на нихъ, за что и были наказаны.

На Днѣстрѣ весла вообще почти неизвѣстны такъ же, какъ и лодки. Плоты, галеры и большія барки управляются потесями; лодки же, подобныя нашей, нигдѣ, кромѣ Хотина, не встрѣчающіяся, управляются просто шестами, которые упираются въ дно рѣки, средняя глубина которой рѣдко превосходитъ три аршина. Употребленіе шеста требуетъ большого навыка: надо знать, въ какую сторону надо направить шестъ, съ какой силой опускать его въ воду, чтобы его не отнесло теченіемъ, въ какое мѣсто лодки и какой ногой давить, и, наконецъ, надо принять во вниманіе дви-

женіе лодки, которую несетъ сильное теченіе. Опытные рыбаки и перевозчики, переуправляющіе тяжело нагруженные пороги съ одного берега на другой, великолѣпно управляются шестами, но о веслахъ не имѣютъ понятія. Существуютъ, правда, на Днѣстрѣ челноки, сколоченные изъ досокъ, гдѣ надо сидѣть на днѣ или стоять на колѣняхъ, и управляемые однимъ весломъ, но это весло маленькое, короткое, и дѣйствуютъ имъ то съ одной, то съ другой стороны, что возможно лишь при необыкновенной легкости челнока и сильной работѣ сидящаго въ немъ.

Наша же лодка, съ пародіей на весла и съ ея тяжестью и неуклюжестью, упорно не хотѣла насъ слушаться и подъ напоромъ вѣтра все время подходила къ правому берегу, далеко не безопасному изъ-за массы камней, торчавшихъ изъ воды, какъ исполинскіе зубы, вокругъ которыхъ бились грязныя волны, и высоко взлетали блестяшія на солнцѣ брызги.

Д. А. Пахомовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЫПИНЪ.

(Материалы для биографіи и характеристики) ¹⁾.

КОРОПОСТЫЖНАЯ смерть академика и извѣстнаго изслѣдователя судебъ русскаго просвѣщенія А. Н. Пыпина, послѣдовавшая вечеромъ 27-го ноября, отозвалась тяжело и больно въ сердцахъ всѣхъ, кому близокъ и дорогъ ростъ отечественнаго просвѣщенія и самосознанія. Еще нѣтъ полныхъ двухъ лѣтъ, какъ петербургское, а за нимъ все русское образованное общество съ необычайнымъ единодушіемъ привѣтствовало полувѣковой его юбилей, а столбцы нашихъ печатныхъ органовъ были полны обстоятельныхъ и теплыхъ статей, посвященныхъ плодотворной дѣятельности маститаго ученаго. Привѣтствуя А. Н. Пыпина въ числѣ прочихъ журналовъ, «Историческій Вѣстникъ», въ статьѣ проф. А. К. Вороздина, такъ охарактеризовалъ его значеніе въ нашей современной жизни: «Его многочисленныя труды все оставляютъ замѣтный слѣдъ въ наукѣ, а если мы вспомнимъ, что этотъ ученый живетъ не для одного кабинета, что, замкнувшись въ кабинетъ, онъ несетъ сознательную службу обществу, устраняя изъ его сознанія разные предразсудки, вводя въ его обиходъ здоровыя научныя представленія и, такимъ образомъ, воспитываетъ общество, — то мы невольно преклонимся передъ нимъ, и, какъ предъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, мы поймемъ, что въ рукахъ такого дѣятеля наука не можетъ обратиться въ раскапываніе никому не нужныхъ мелочей, а должна быть ободряющимъ импульсомъ въ стремленіи къ общественному прогрессу».

Труды покойнаго въ области изученія отечественной словесности — это своего рода цѣлая энциклопедія русской жизни, откуда читатели почерпаютъ не только обиліе новыхъ и достовѣрныхъ фактовъ, но и сумму просвѣщенныхъ взглядовъ, воспитывающихъ въ

¹⁾ Къ настоящей книжкѣ прилагается портретъ, изображающій А. Н. Пыпина и В. С. Соловьева играющими въ шахматы. Портретъ сдѣланъ съ домашней фотографіи, снятой М. П. Чернышевскимъ. За разрѣшеніе воспроизвести портретъ приносимъ ему нашу признательность. Ред.

нихъ любовь къ родинѣ, любовь къ творчеству своего народа, уваженіе къ прогрессу и стремленіе къ борьбѣ съ мракомъ, застоємъ и невѣжествомъ.

Жизнь А. Н. Пыпина въ зрѣломъ возрастѣ не была богата разнообразіемъ фактовъ и смѣною шумныхъ событій,—она прошла почти вся въ тиши кабинетовъ, за письменными столами личной квартиры и редакціонныхъ помѣщеній, и здѣсь біографу не найдется много работы. Иное дѣло—заря жизни нашего ученаго, его учебные годы, когда складывался на всю жизнь характеръ и опредѣлялся тотъ путь, которому онъ себя посвятилъ и которому оставался вѣренъ до конца своихъ дней. Для характеристики этихъ важныхъ моментовъ жизни, составляющихъ главнымъ образомъ предметъ настоящей статьи, наша литература уже обладает нѣкоторыми матеріалами. Кромѣ того, живы еще нѣкоторые сверстники Александра Николаевича, и вотъ ихъ-то показанія и свидѣтельства и должны быть, въ первую очередь, собраны, пока это еще не поздно, воедино, какъ цѣнный матеріалъ для будущей біографіи нашего ученаго.

Ближайшимъ и душевнѣйшимъ другомъ дѣтства и юности Пыпина былъ нашъ извѣстный романистъ и публицистъ Д. Л. Мордовцевъ. Когда редакція «Историческаго Вѣстника» поручила мнѣ составить для текущей книжки очеркъ о покойномъ академикѣ, то я и обратился къ Д. Л. Мордовцеву за необходимыми мнѣ свѣдѣніями о раннихъ годахъ Александра Николаевича. Кое-что нашъ романистъ воскресилъ въ своей старческой памяти, а кое-что онъ разрѣшилъ мнѣ почерпнуть изъ своего богатаго архива писемъ. Тамъ я и нашелъ нѣсколько пожелѣвшихъ листовъ, писанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ и принадлежащихъ перу юнаго студента Петербургскаго университета Пыпина. Это были его письма къ своему дорогому Данечкѣ (Мордовцеву) изъ Петербурга въ Казань, гдѣ чрезвычайно живо рисуется характеръ, склонности ума и жизненная обстановка будущаго знаменитаго ученаго. Съ добраго согласія Даниила Лукича, за которое приношу ему сердечную признательность, я использую эти письма, въ предѣлахъ краткаго мѣста, отведеннаго моею работою редакціей журнала. Мнѣ думается, что отрывки изъ этихъ писемъ послужатъ въ рукахъ будущихъ біографовъ А. Н. Пыпина новымъ матеріаломъ для его жизнеописанія и характеристики. По слухамъ, въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» имѣютъ быть напечатанными личныя воспоминанія Александра Николаевича, тоже относящіяся, главнымъ образомъ, къ зарѣ его жизни и началу его научно-литературнаго служенія родной землѣ. Когда появятся эти «воспоминанія», то, несомнѣнно, скромный, но вполне достовѣрный и безпристрастный, автобіографическій матеріалъ будетъ, конечно, лучшею путеводною нитью къ жизнеописанію покойнаго. Но не слѣ-

дуетъ упускать въ данномъ случаѣ и свидѣтельствъ современниковъ. Кромѣ Д. Л. Мордовцева, живы еще два товарища Пыпина по университету — В. И. Ламанскій и П. А. Ровинскій. Ихъ показанія были бы чрезвычайно цѣнны, особенно послѣдняго, который, какъ землякъ Александра Николаевича, состоялъ съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ, и которому его столичный другъ самымъ подробнымъ образомъ описывалъ свое петербургское житье-бытье, ходъ своихъ научныхъ занятій и впечатлѣнїя отъ столичной жизни.

I.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ родился въ 1833 г., въ гор. Саратовѣ. Отецъ его былъ дворянинъ стараго, но небогатаго рода, мелкопомѣстный землевладѣлецъ и чиновникъ; по матери его дѣдъ былъ священникъ; его дядя, мужъ сестры матери, Чернышевскій былъ тоже священникомъ. Семья жила то вмѣстѣ, то порознь, когда его отецъ, служившій по дворянскимъ выборамъ, получилъ мѣсто въ томъ уѣздѣ, гдѣ было ихъ родовое небольшое помѣстье и гдѣ онъ числился. «Объ семьи были стараго вѣка, — сообщаетъ самъ Пыпинъ въ своей бесѣдѣ на юбилейномъ обѣдѣ¹⁾. — Скрамная жизнь, простыя нравы, строгое благочестіе. Общественная жизнь, — насколько она понималась въ дѣтствѣ, — достигла нашего дома только косвенно; дядя былъ очень уважаемый въ городѣ человекъ и много заслуживалъ этого уваженія; къ нему обращались люди разнаго рода, — и купечество, повѣрявшее ему свои благочестивыя помысленія, и богатое дворянство съ религіознымъ настроеніемъ, и церковная нищета, искавшая помощи; женскій персоналъ семьи, — тетка, еще живая бабушка и ихъ пріятельницы, — принимали богомолкъ, — помню даже юродивыхъ (дядя ихъ не одобрялъ), странницъ, ходившихъ въ Воронежъ, Саровскую пустынь, Кіевъ, даже Іерусалимъ. Въ нашемъ больномъ кіотѣ, вмѣстѣ съ новыми и старинными иконами, бывали и «вѣтки Палестины», принесенныя намъ съ мѣста. Прислуга была наша, крѣпостная. Когда моя семья жила въ Саратовѣ, зимою пріѣзжали «мужикья» съ разными хозяйственными припасами изъ деревни. Когда семья жила въ уѣздномъ городѣ, я гимназистомъ ѣздилъ къ своимъ, бывалъ въ «нашей» деревнѣ, иногда сопровождая отца въ его служебныхъ разъѣздахъ. Отношенія къ нашимъ крестьянамъ были вообще добрыя, патріархальныя; помню заботы отца, когда при плохомъ урожаѣ надо было «кормить» крестьянъ. Послѣ освобожденія ихъ, когда

¹⁾ «Пятидесятилѣтіе научно-литературной дѣятельности академикъ А. П. Пыпина». Оттискъ изъ 3-й кн. «Литературнаго Вѣстника» за 1903 г. Спб. 1903. Статя проф. А. П. Веселовскаго.

мой отецъ снова былъ на службѣ въ Саратовѣ, наши бывшіе крестьяне, прѣзжая въ городъ продавать хлѣбъ, вѣзжали къ намъ какъ «къ своимъ», безъ всякихъ сомнѣній въ томъ, что ихъ и пріютятъ, и покормятъ,—въ чемъ и не ошибались...»

Д. Л. Мордовцевъ, характеризуя семейство Пыпиныхъ, отмѣчаетъ ихъ основную общую черту—«честность» во всѣхъ ихъ жизненныхъ и житейскихъ отношеніяхъ. Даже въ своей уничтоженной книгѣ «Наканунѣ воли» почтенный писатель, извлекая изъ саратовскихъ губернскихъ архивовъ матеріалы для характеристики тогдашней мѣстной администраціи, встрѣтилъ въ ея тогдашнемъ составѣ всего только трехъ честныхъ людей на всю губернію, и въ числѣ этихъ трехъ праведниковъ однимъ былъ именно Пыпинъ, дядя нашего академика. Какъ бы въ объясненіе вышеприведенныхъ автобиографическихъ юбилейныхъ воспоминаній, Александръ Николаевичъ, въ той же бесѣдѣ дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующій интересный выводъ. «Припоминаю все это потому, что народная жизнь была въ смыслѣ «эволюцій» моихъ понятій знакома мнѣ не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго дѣтскаго и юношескаго впечатлѣнія и опыта; мнѣ уже знакомы были самые разнообразные типы народной массы; съ дѣтства же буквально «изъ устъ народа» я слышалъ поговѣрныя и суевѣрныя и сказки, между прочимъ прекрасныя, какихъ мнѣ потомъ не привелось встрѣтить въ печатныхъ сборникахъ... Достигли до слуха рассказы, гдѣ въ неясныхъ, но мрачныхъ очертаніяхъ видѣлись тяжелыя стороны тогдашней кривостной жизни, своеволіе помѣщиковъ, крестьянскіе «бунты», убійства; изъ этихъ воспоминаній мнѣ памяты нѣкоторые эпизоды, которые потомъ были рассказаны Мордовцевымъ въ его книгѣ «Наканунѣ воли», — увы, уничтоженной цензурой! Но остались и поэтическія впечатлѣнія. Красота необозримыхъ хлѣбныхъ полей, степи, покрытыя ковылемъ, чудныя виды на Волгу и безконечное Заволжье съ облегающихъ Саратовъ горъ, — красота пейзажа, еще не постигнутая нашими художниками,—громадный осенній разливъ съ караванами судовъ. Нашъ домъ, гдѣ я жилъ въ гимназическіе годы, стоялъ надъ Волгой, и съ верхняго балкона открывался широкій видъ на рѣку и заволжскую степь; на Волгѣ весной медленно двигались вверхъ суда «къ Макарію»; приближаясь къ городу, суда расцвѣчивались лентами, стрѣляли изъ небольшихъ пушекъ, пестро пріодѣвшіеся бурлаки затягивали безконечныя пѣсни, въ родѣ той пѣсни «Эй ухнемъ», которая получила въ наше время право музыкальнаго гражданства»...

Таковъ общій фонъ картины, на которомъ обрисовываются юныя черты лица Пыпина. Определенный въ мѣстную губернскую гимназію, онъ жилъ въ Саратовѣ у своего дяди, упомянутого уже выше священника Чернышевскаго, челоѣвка умнаго, просвѣщеннаго и обладавшаго значительною и хорошо составленною бібліотекою,

какъ изъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ, которыми гимназистъ Пыпинъ свободно могъ пользоваться. Здѣсь, въ этой библиотекѣ, заложены, быть можетъ, первыя сѣмена учености нашего академика, взлелѣанныя потомъ университетомъ и тою научно-литературною средою, въ которую онъ попалъ, благодаря своему двоюродному брату, извѣстному публицисту Н. Г. Чернышевскому, явившемуся уже въ бытность Александра Николаевича еще въ Саратовѣ его первымъ руководителемъ занятій и чтенія. Послѣ дома родителей домъ дяди былъ въ высшей степени благотворною обстановкою для развитія лучшихъ сторонъ ума и характера юнаго гимназиста. Вотъ какъ характеризуетъ біографъ Н. Г. Чернышевскаго ¹⁾ обоихъ старшихъ представителей дома—отца и сына Чернышевскихъ: «Гавріиль Ивановичъ,—говоритъ онъ,—былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Большой умъ, въ связи съ серьезною образованностью и знаніемъ не только древнихъ, но и новыхъ языковъ, дѣлали его исключительною личностью въ провинціальной глуши; но всего замѣчательнѣе были въ немъ поразительная доброта и благородство. Это былъ евангельскій пастырь въ лучшемъ значеніи слова, отъ котораго въ то время, когда полагалось обращаться сурово съ людьми для ихъ же блага, никто не слыхалъ ничего, кромѣ словъ ласки и привѣта. Въ школьномъ дѣлѣ, всецѣло построенномъ тогда на звѣрской поркѣ, онъ никогда не прибѣгалъ ни къ какимъ наказаніямъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ добрый человѣкъ былъ необыкновенно строгъ и ригористиченъ въ своихъ требованіяхъ; въ общеніи съ нимъ нравственно подтягивались самые распущенные люди. Изъ ряду вонъ выдающаяся доброта, чистота души и отрѣшенность отъ всего мелкаго и пошлаго всецѣло перешла и къ его сыну. Н. Г. Чернышевскій, какъ человѣкъ, былъ истинно свѣтлою личностью—это признаютъ злѣйшіе враги его литературной дѣятельности. Самые восторженные отзывы о Чернышевскомъ, какъ о человѣкѣ, принадлежатъ двумъ престарѣлымъ представителямъ духовнаго сословія, не находившимъ достаточно словъ, чтобы охарактеризовать вредъ его писаній и теорій».

По свидѣтельству біографа, Чернышевскій получилъ среднее образованіе при особенно благоприятныхъ условіяхъ—въ тиши идеальной, жившей семьи, въ составъ которой входила и жившая на одномъ дворѣ съ Чернышевскимъ семья А. Н. Пыпина. Николай Гавриловичъ на 5 лѣтъ былъ старше своего двоюроднаго брата, но оба были очень дружны и съ годами, какъ это видно будетъ дальше, ихъ дружба все укрѣплялась. Чернышевскій мпновалъ ужасную бурсу дореформенной эпохи и низшіе классы семинаріи, и только въ 14 лѣтъ прямо поступилъ въ старшіе классы. Подготовили его, главнымъ образомъ, при нѣкоторой помощи

¹⁾ «Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона», ст. Л. С. З.

учителем гимназіи. Ко времени поступления въ семинарію, молодой Чернышевскій уже обладалъ значительною начитанностью и приводилъ учителей къ изумленію своими обширными знаніями. Товарищи его обожали: это былъ общій поставникъ классныхъ сочиненій и усердный репетиторъ всѣхъ, обращающихся къ нему за помощію. Въ семинаріи Чернышевскій пробылъ два года, затѣмъ продолжалъ занятія дома, а въ 1846 г. покинулъ Саратовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ своихъ друзей, въ томъ числѣ и 13-лѣтняго Пыпина, чтобы поступить на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета. Такимъ образомъ Пыпинъ почти три года находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, успѣвъ за это время сильно къ нему привязаться и привыкнувъ видѣть въ немъ не только хорошаго и сердечнаго друга, но и рѣшающій авторитетъ въ большинствѣ случаевъ жизни. По его настояніямъ и подъ его воздѣйствіемъ, онъ въ послѣдствіи промѣнялъ Казанскій университетъ на Петербургскій и переѣхалъ навсегда жить въ сѣверную столицу.

Если молодой Чернышевскій пользовался на своей родинѣ всеобщимъ обожаніемъ, то меньшимъ сердечнымъ расположеніемъ пользовался среди товарищей гимназіи и его младшій двоюродный братъ. Миниатюрный, вѣчно веселый, подвижной и привѣтливый гимназистъ Пыпинъ былъ любимцемъ класса за свой прекрасный характеръ, и любимцемъ учителей и наставниковъ за свои отличные успѣхи въ наукахъ. Среди товарищей его особенною любовью пользовался одноклассникъ А. П. Ровинскій и младшій по классу товарищъ Д. Л. Мордовцевъ. Эта дружба трехъ молодыхъ людей носила истинно трогательный, даже, пожалуй, нѣсколько сантиментальный характеръ, когда товарищи мѣняются крестами, кланутся въ вѣчности чувствъ и становятся излишне первыми въ отношеніяхъ другъ къ другу, при разлукѣ и при отсутствіи другъ о другѣ свѣдѣній...

Въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени Д. Л. Мордовцевъ съ особенною любовью останавливается на часахъ послѣ гимназическихъ занятій, когда онъ, съ Сашей Пыпинымъ, радостные и веселые, бѣжали изъ класса на берегъ Волги, брали у мальчишки Епишки за гривенникъ лодку и безконечно долго катались по широкому раздолью рѣки. Эти волжскія долгія прогулки зашли, видимо, глубоко въ душу покойнаго академика, и, отвѣчая въ своихъ юбилейныхъ бесѣдахъ года юности, онъ съ особенною любовью вспоминаетъ именно и о чарующихъ прелестяхъ Волги, и о заволжскихъ степяхъ и о бурлацкихъ папѣвахъ...

Мордовцевъ, по происхожденію казакъ съ Дона, не можетъ, видимо, помириться, что въ жилахъ его дорогого Саши не течетъ казачья кровь, и вотъ онъ пытается превратить своего друга въ храбраго запорожца. Онъ заряжаетъ ружье, даетъ Пыпину стрѣлять, какъ бы

вѣдрия въ того запорожскую удаль и храбрость, но неопытный стрѣлокъ опаливаетъ себя только руки и этимъ кончается всякая его прикосновенность къ военному дѣлу. Впрочемъ нѣтъ, изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что прикосновеніе къ военному элементу Пыпинъ въ послѣдствіи имѣлъ и совершенно по особому случаю, о чемъ съ добродушнымъ юморомъ и вспоминалъ въ старческіе годы, но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Д. Л. Мордовцевъ, хотя старшій по возрасту, но младшій по ученію, является вообще въ ихъ товарищескихъ забавахъ и вѣкъклассныхъ занятіяхъ коноводомъ: онъ находитъ у отца Пыпина старинныя походныя чернильницы, начиняетъ ихъ порохомъ, проводитъ къ нимъ фитиль и устраиваетъ разрушительные взрывы. Въ этомъ уничтоженіи старинныя участвуетъ и его молодой другъ. Пятидесятъ слишкомъ лѣтъ спустя, на юбилей покойнаго академика, когда все присутствующіе восхваляли юбиляра за его спасеніе и правильное освѣщеніе старинны, одинъ лишь его другъ по гимназій, могъ ему бросить веселый упрекъ въ небрежномъ именно обращеніи съ этою старинною и въ посягательствѣ на ея уничтоженіе... Любимымъ занятіемъ друзей было изученіе карты звѣзднаго неба. Благодаря Д. Л. Мордовцеву, Пыпинъ зналъ отлично до конца своихъ дней звѣзды необъятнаго небеснаго купола, и часто во время своихъ позднѣйшихъ прогулокъ, любясь ночью на небо, усѣянное мириадами звѣздъ и созвѣздіи, онъ, указывая на нихъ и перечисляя ихъ, вспоминалъ: «Это Мордовцевъ еще въ Саратовѣ обучилъ меня астрономіи!».

Мальчики были очень религіозны и не пропускали ни одной все-нощной, которую охотно отстаивали въ губернскомъ соборѣ. Что же касается ученія въ гимназій, то оба были въ ней лучшими учениками и были наравнѣ съ учившимся съ ними извѣстнымъ въ Москвѣ профессоромъ и докторомъ, покойнымъ Захарьинымъ помѣщены на золотую доску, какъ выдающіеся ученики. Пыпинъ, по свидѣтельству Д. Л. Мордовцева, дѣйствительно былъ выдающимся ученикомъ и поражалъ какъ товарищей своихъ, такъ и учителей обширными познаніями и громадною начитанностью. Въ іюнѣ 1849 г. Александръ Николаевичъ окончилъ курсъ Саратовской гимназій и поступилъ слушателемъ въ Казанскій университетъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета. Въ архивѣ Казанскаго университета имѣется «дѣло» за № 116 о поступленіи туда Пыпина ¹⁾. Здѣсь помѣщена копія съ аттестата Пыпину, выданнаго изъ Саратовской гимназій, гдѣ значится, что онъ обучался въ гимназій съ 9 августа 1842 по 1-е іюня 1849 года;

¹⁾ По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. И. Пыпина (1853—1903 гг.). Изъ архива императорскаго Казанскаго университета, проф. А. С. Архангельскаго. К. 1903.

во все время ученія своего былъ поведенія отличнаго и въ преподаваемыхъ предметахъ оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ, Священной и церковной исторіи—отличныя, русской грамматикѣ и словесности—отличныя, математикѣ—отличныя, физикѣ—отличныя, исторіи — отличныя, географіи — отличныя. Въ языкахъ: латинскомъ—отличныя, французскомъ — отличныя, нѣмецкомъ — отличныя; въ рисованіи, черченіи и чистописаніи—хорошія. Сверхъ того обучался съ успѣхомъ греческому языку, и по надлежащемъ испытаніи оказалъ въ немъ отличныя познанія, сообразныя съ курсомъ, установленнымъ въ изданномъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1832 году распределеніи для преподаванія сего языка въ гимназіяхъ.

Вслѣдствіе того, съ утвержденія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа отъ 8-го іюля 1849 г., за № 2672, предоставляется ему, Пыпину: 1) какъ окончившему съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ и приобрѣтшему сверхъ того отличныя познанія въ языкѣ греческомъ, на основаніи... (слѣдуютъ статьи закона), право на чинъ 14 класса, съ которымъ онъ и опредѣляется въ гражданскую службу, и 2) по высочайше утвержденному 20-го ноября 1835 года расписанію... (слѣдуетъ новая ссылка на соотвѣтствующую ст. закона), принадлежитъ онъ ко второму разряду чиновниковъ. Въ удостовѣреніе чего и данъ ему, Пыпину, сей аттестатъ за надлежащимъ надписаніемъ и съ приложеніемъ печати Саратовской гимназіи.

На представленномъ въ университетъ прошеніи резолюція положена: «Пыпина принять въ студенты своекоштнаго содержанія по разряду общей словесности въ 1-й курсъ, показывая въ спискахъ: изъ дворянъ, родившимся 1833 года 23-го марта, православнаго исповѣданія,—увѣдомить о томъ 1-е отдѣленіе философскаго факультета и инспектора студентовъ. Послѣднему поручить взыскивать съ Пыпина деньги за слушаніе лекцій».

II.

Въ Казанскомъ университетѣ Александръ Николаевичъ пробылъ лишь одинъ годъ, по прошествіи котораго, какъ видно изъ того же архивнаго дѣла, «студентъ словесности 1-го курса Александръ Пыпинъ подалъ въ правленіе университета слѣдующее прошеніе: «По встрѣтившимся домашнимъ обстоятельствамъ, я не желаю болѣе оставаться въ числѣ студентовъ Казанскаго университета, а потому прошу покорнѣйше правленіе университета уволить меня изъ числа студентовъ и выдать мнѣ свидѣтельство о бытности въ университетѣ и всѣ акты о моемъ происхожденіи. Іюля 28-го дня 1850 года». Прошеніе почему-то написано не самимъ Пыпинымъ, а на немъ лишь его подпись: «Къ сему проше-

нію студентъ 1-го курса историко-филологическаго факультета Александръ Пыпинъ руку приложилъ».

Вслѣдствіе этого прошенія, правленіе въ тотъ же день постановило: «Пыпину составить свидѣтельство о бытности въ университетѣ слѣдующаго содержанія: «Объявитель сего Александръ Николаевичъ Пыпинъ, изъ дворянъ, по окончаніи курса наукъ въ Саратовской гимназій поступилъ въ 1849 году въ студенты Императорскаго Казанскаго университета, по разряду общей словесности въ 1-й курсъ, въ коемъ, при хорошемъ поведеніи, въ 1849—1850 академическомъ году обучался съ успѣхами: церковной исторіи, общей исторіи, языкамъ: французскому и нѣмецкому, греческой словесности и древности, римской словесности и древности, русской словесности и исторіи общей литературы — отличнѣйшими; энциклопедіи философій, славянскимъ нарѣчіямъ — хорошими; переведенъ во 2-й курсъ, и нынѣ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ изъ числа студентовъ уволенъ съ тѣмъ, что какъ онъ не окончилъ полнаго университетскаго курса наукъ, то не можетъ пользоваться правами, присвоенными дѣйствительнымъ студентамъ, но, на основаніи... (слѣдуетъ ссылка на статью закона), при поступленіи въ гражданскую службу сравнивается въ преимуществахъ по чинопроизводству съ лицами, получившими образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и принадлежитъ ко второму разряду гражданскихъ чиновниковъ. Въ удостовѣреніе чего и дано ему, Пыпину, сіе свидѣтельство изъ правленія Императорскаго Казанскаго университета».

Но не для поступленія на чиновную службу хлопоталъ студентъ Пыпинъ объ увольненіи его изъ Казанскаго университета—его звалъ въ Петербургъ двоюродный братъ, Н. Г. Чернышевскій, окончившій къ тому времени столичный университетъ и оставленный при немъ для продолженія научныхъ занятій и приготовленія къ магистерскому экзамену. Молодой кандидатъ философскаго факультета былъ въ то время полонъ научныхъ стремленій и задачъ, выработываясь въ требовательной и превосходной школѣ Изм. Ив. Срезневскаго въ образцоваго и серьезнаго, но всѣмъ видимостямъ, въ будущемъ ученаго. Чернышевскій былъ къ тому времени болѣе свободенъ, могъ болѣе посвятить времени своему юному другу и, кромѣ того, на личномъ опытѣ имѣлъ возможность убѣдиться въ прекрасной постановкѣ факультетскаго преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ столичнаго университета, не взирая на общую тяжесть тогдашняго академическаго режима, установленнаго, впрочемъ, для всѣхъ высшихъ разсадниковъ просвѣщенія, и его преимуществахъ въ этомъ отношеніи передъ Казанскимъ, гдѣ, кромѣ проф. Григоровича, пожалуй, не было никакихъ особенныхъ притягательныхъ элементовъ въ глазахъ молодого Пыпина.

Я уже имѣлъ неоднократно случаи въ своихъ очеркахъ ¹⁾, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», говорить о состояніи Петербургскаго университета вообще и историко-филологическаго факультета въ частности въ 1850—1860 гг. прошлаго столѣтія. Напомню вкратцѣ, что поступившіе на философскій факультетъ по словесному отдѣленію, попадали сразу въ аудиторіи, гдѣ читали такіе выдающіеся ученые и талантливые руководители занятіями молодежи, какъ Изм. Ив. Срезневскій, М. С. Куторга, Н. М. Благонѣщенскій, М. М. Стасюлевичъ и др., которые не могли не оставлять глубокаго впечатлѣнія на своихъ слушателей, привязывали ихъ такъ или иначе и къ предмету ими читаемому и къ своей авторитетной личности. Я нарочно поименовалъ только нѣсколькихъ петербургскихъ профессоровъ, ибо именно съ ними юному студенту Пылину и пришлось имѣть главнымъ образомъ дѣло и, какъ мнѣ кажется, имъ онъ преимущественно обязанъ своими научными методами изслѣдованій и своимъ научнымъ багажомъ обширныхъ знаній. Пока не вышли изъ печати воспоминанія покойнаго академика объ этой сторонѣ вліяній, фактически и непреложно еще трудно говорить, но и въ тѣхъ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву, относящихся къ 1850—1851 годамъ уже имѣются намеки и блѣдно-очерченныя данныя, изъ коихъ можно сдѣлать нѣкоторые выводы касательно по крайней мѣрѣ вліянія профессоръ Куторги и Срезневскаго. Поэтому, въ интересахъ отчетливости изображенія напластованія вліяній на общій складъ ума и характера покойнаго Пылина, я и позволю себѣ остановиться на характеристикахъ этихъ представителей университетской науки и ихъ преподаванія, сдѣланныхъ въ одномъ источникѣ — официальном и другомъ — неофициальномъ. Я разумѣю трудъ В. Григорьева по исторіи С.-Петербургскаго университета «въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія» и небольшую книжку тоже пианѣ покойнаго педагога В. П. Острогорскаго: «Изъ исторіи моего учительства». Последняя книжка въ настоящемъ случаѣ интересна главнымъ образомъ потому, что, ознакомившись съ нею, какъ мнѣ о томъ лично передавалъ В. П. Острогорскій, А. Н. Пылинъ отнесся чрезвычайно одобрительно къ той главѣ, гдѣ авторъ рисовалъ въ живыхъ краскахъ и живыхъ портретахъ состояніе столичнаго университета той эпохи, и гдѣ мы именно встрѣчаемся съ тѣми представителями науки, которые были наставниками и Александра Николаевича.

«Лекціи М. С. Куторги явились по кафедрѣ всеобщей исторіи такою же живительною и плодотворною новостью, какъ чтенія его брата С. С. Куторги по кафедрѣ зоологіи, говоритъ официальный

¹⁾ «С.-Петербургскій университетъ», «Орестъ Осодоровичъ Миллеръ», «Викторъ Петровичъ Острогорскій» и др.

историкъ Петербургскаго университета. Во взглядѣ его на требованія университетскаго преподаванія не было ничего общаго съ гимназическими взглядами и приёмами его предшественниковъ по кафедрѣ. Источники и литература предмета съ критическою ихъ оцѣнкою не входили вовсе въ ихъ планъ: у Куторги составили они основу его чтеній. Несовмѣстнымъ съ критическою методою имъ усвоенною представлялось также и слѣдованіе какимъ либо учебникамъ, которыми они руководствовались: не останавливаясь на изложеніи общенавѣстныхъ фактовъ, онъ, вмѣсто того, сталъ знакомить слушателей съ различными господствующими и господствовавшими научными на нихъ воззрѣніями, старался показать связь этихъ фактовъ съ предшествовавшими и послѣдующими явлениями, освѣтить ихъ, разъяснить ихъ значеніе, и представить такимъ образомъ живую и ясную картину постепеннаго развитія человѣческаго общества... Не грузъ именъ и чиселъ выносили слушатели изъ его аудиторіи, а знакомились на означенныхъ вопросахъ съ методомъ научныхъ занятій, съ требованіями научнаго изслѣдованія. Такое преподаваніе, при дарѣ изложенія, естественно привлекало слушателей, и, возбуждая въ нихъ самостоятельность, располагало къ самостоятельному занятію предметомъ. Чтобы поддержать и укрѣпить это расположеніе, М. С. Куторга, сверхъ лекцій въ университетѣ, завелъ, съ конца сороковыхъ годовъ, особія вечернія бесѣды у себя на дому, собственно для студентовъ, желавшихъ посвятить себя исключительно изученію исторіи. Тутъ, подобно тому какъ въ «семинаріяхъ» у германскихъ профессоровъ, занимался онъ специальнымъ разборомъ отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ, задавалъ темы студентамъ для разработки, разбиралъ сочиненія, которыя они представляли, и такимъ образомъ на дѣлѣ знакомилъ молодыхъ людей съ требованіями и приёмами исторической критики. Эти старанія профессора не остались безплодными; не только нѣкоторые изъ трудившихся въ его семинаріи сами заняли впоследствии университетскія кафедры исторіи: строго-научнымъ направленіемъ своимъ обязаны лекціямъ его даже труды многихъ изъ его слушателей, павравшихъ себя пныя специальности».

В. П. Острогорскій дополняетъ эту характеристику слѣдующими чертами: «Читалъ М. С. Куторга, къ сожалѣнію, недолго, кажется на второмъ только курсѣ, и часто манкируя, едва ли прочелъ лекцій двадцать ¹⁾). Помнится, держалъ онъ себя отъ студентовъ далеко, былъ высокаго мѣрнія о своей учености, желченъ и нѣсколько сухъ, и посѣщались его лекціи мало. Но читалъ онъ въ своемъ родѣ мастерски, представляя совершенную противоположность съ

¹⁾ Эти замѣчанія относятся къ шестидесятымъ годамъ. Въ предшествовавшіе семестры, когда Куторга по хворалъ, его семестры и курсы не страдали такими пропусками. Авт.

М. М. Стасюлевичемъ. Какъ у послѣдняго былъ курсъ общій, такъ сказать, по преимуществу, идеѣиный,—такъ у этого специальный, фактичскій, детальный, такъ что вырванныя имъ параллельно двѣ эпохи: Греція во времена Аристофана и Вѣкъ Людовика XIV, вырисовывались у него, благодаря искусному подбору мельчайшихъ фактовъ, въ цѣлыя, необыкновенно живыя картины, которыя крѣпко запечатлѣвались въ воображеніи. Но такое изложеніе, однако, не исключало идеи, и, подобно тому, какъ изъ романа, напримѣръ, получается въ концѣ концовъ и общая отвлеченная мысль, такъ и изъ этихъ, часто желчныхъ лекцій мы вынесли ясное сознаніе того, какъ обманчивъ бываетъ въ государствѣ внѣшній блескъ, и какъ, такъ-называемые въ исторіи, «золотые вѣка» носятъ въ себѣ зачатки несомнѣннаго разложенія».

Вторымъ виднымъ представителемъ факультетскаго преподаванія, съ которымъ Пыпину именно пришлось наиболѣе вмѣстѣ поработать и у кого поучиться, былъ знаменитый русскій славистъ Назмаиль Ивановичъ Срезневскій, перешедшій въ Петербургскій университетъ изъ Харьковскаго въ 1847 году. По свидѣтельству г. Григорьева, «Срезневскій посвящалъ свой начальный курсъ чтеній энциклопедическому введенію, имѣющему цѣлью знакомить слушателей съ славянскимъ племенемъ, какъ частью кореннаго народонаселенія новой Европы; съ его общими судьбами въ отношеніи политическомъ, религіозномъ, бытовомъ; съ характеристическими отличіями его нарѣчій; съ важнѣйшими явленіями народной его словесности и книжной литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ главными пособіями для изученія славянства. Вслѣдъ за этимъ вводнымъ курсомъ слѣдовали постоянно черезъ годъ два другіе: курсъ славянскихъ древностей и курсъ исторіи языка и литературы западныхъ славянъ. Курсъ древностей состоялъ изъ разсмотрѣнія иностранныхъ и домашнихъ свидѣтельствъ, оставшихся о славянахъ древняго времени, и изъ систематическаго изложенія быта, общественнаго устройства и религій каждаго изъ славянскихъ народовъ во времена предшествовавшія утверженію между ними христіанства. Курсъ исторіи языка и литературы заключалъ въ себѣ разсмотрѣніе измѣненій, которымъ подвергалось въ народномъ и письменномъ употребленіи каждое изъ главныхъ нарѣчій славянскихъ и судебъ народной поэзіи и литературы у каждаго изъ главныхъ народовъ славянскихъ. Заключительный, четвертый курсъ посвященъ былъ древностямъ русскаго языка, съ подробнымъ объясненіемъ главнѣйшихъ его памятниковъ. Кромѣ лекцій, профессоръ Срезневскій упражнялъ слушателей въ научныхъ работахъ филологическихъ и археологическихъ, имѣвшихъ цѣлью приучить ихъ къ самостоятельному разсмотрѣнію памятниковъ языка и письма, вслѣдствіе чего изъ школы его вышло много людей съ превосходнымъ ученіемъ направленіемъ, и столь рѣдкимъ еще у насъ умѣніемъ работать наукообразно».

Великимъ скептикомъ, «маленькимъ Вольтеромъ», виртуозомъ слова и человѣкомъ подавляющаго авторитета рисуется Срезневскій въ воспоминаніяхъ В. П. Острогорскаго. «Это была личность тоже своеобразная и оригинальная,—говоритъ онъ.—Человѣкъ очень большого, остраго, скептическаго ума и мѣткого ироническаго остроумія, онъ, помню своей специальности въ славянскихъ нарѣчіяхъ, преимущественно въ древне-русскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ, былъ энциклопедистъ, обладавшій громадною памятью, и поражалъ блескомъ и живостью рѣчи. Самолюбиво дававшій чувствовать свою ученость и этотъ энциклопедизмъ вообще, любившій ловко и кстати мимоходомъ коснуться своихъ близкихъ отношеній чуть не ко всему западно-славянскому ученому міру, съ которымъ сблизился онъ границей во время путешествій, онъ могъ поразить блескомъ и увлекательностью лекцій... Ни сравнительной грамматики, ни исторіи славянскихъ литературъ, ни даже опредѣленныхъ представленій о старомъ и современномъ славянствѣ и его задачахъ онъ почти не давалъ, а просто разбрасывалъ передъ немногими слушателями, какъ бы невзначай, цѣлую массу отрывочныхъ и оригинальныхъ мыслей о языкѣ вообще и разныхъ теоріяхъ его происхожденія, о тѣхъ или другихъ славистахъ, отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, древнихъ памятникахъ, не пренебрегая анекдотомъ, мѣтко обрисовывающимъ личность или явленіе. Даже самыхъ памятниковъ онъ почти никогда не читалъ, предлагая желающимъ изучать славянскія нарѣчія и литературу самостоятельно, что, конечно, было... слишкомъ трудно; но въ тоже время относился крайне снисходительно къ тѣмъ, кто почти не занимался вовсе... Срезневскій какъ бы снисходилъ до насъ, небрежно бросая кое-какія крупинцы изъ богатой житницы своей учености, разнообразныхъ знаній и жизненнаго опыта; бросалъ какъ бы шутя, подчасъ очень зло, желчно разбивая ту или другую научную теорію, или мнѣніе, развѣнчивая ту или другую, якобы авторитетную личность; но воспользуемся ли мы, и какъ, этими крупинцами, до этого, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, ему не было никакого дѣла». Г. Острогорскій, въ добавленіи къ сказанному, придаетъ особенное значеніе Срезневскому, какъ временному публичному лектору по вопросамъ о преподаваніи русскаго языка. Слушателей этихъ лекцій было мало, но въ нихъ было столько оригинальнаго, умнаго и практически приложеннаго къ преподаванію русскаго языка на живомъ языкѣ, что вмѣстѣ съ трудами по сему предмету Бусласва, вошедшими въ известную книгу Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка», положили серьезное основаніе и методъ всему нашему позднѣйшему отечественному языковеденію въ примѣненіи послѣдняго къ школьному курсу.

Курторга и Срезневскій были консервативными элементами академической тогдашней среды; либеральными же были лекціи Н. М. Благо-

вѣщенскаго и М. М. Стасюлевича, которыхъ и Пыпину пришлось слушать уже на старшихъ курсахъ. Благовѣщенскій, по словамъ Острогорскаго, былъ среди профессоровъ университета единственнымъ русскимъ, глубокоубѣжденнымъ и широкообразованнымъ классикомъ, соединявшимъ обширныя знанія древняго міра съ горячей вѣрой въ его образовательно-воспитательное, культурное, гуманизирующее значеніе. Въ своихъ лекціяхъ онъ не вдавался въ спеціальныя мелочи, не зарывался въ дебри грамматическія, а старался ввести своихъ слушателей въ духовныя интересы древняго міра, дать картины общества съ его настроеніями умственными и нравственными, дать почувствовать духъ писателя и ввести ихъ въ самую лабораторію его творчества, не забывая при этомъ того вліянія, какое производилъ онъ на умы современниковъ. А чтобы эти писатели, эти всѣ культурныя явленія, отдаленныя отъ слушателей многими вѣками, сдѣлать понятнѣе, онъ нерѣдко прибѣгалъ къ сравненіямъ съ произведеніями исторіи позднѣйшихъ временъ и къ сближеніямъ съ явленіями литературъ иностранныхъ, и особенно русской, чѣмъ способствовалъ и уясненію дѣла и необыкновенному оживленію своихъ лекцій.

Что же касается М. М. Стасюлевича, котораго Пыпину пришлось слушать лишь на послѣднемъ курсѣ, то онъ производилъ на своихъ слушателей чарующее впечатлѣніе благородствомъ рѣчи, изяществомъ и полнотою изложенія предмета, который привлекалъ къ себѣ вниманіе всего петербургскаго студенчества. Имъ обращалось особенное вниманіе при изложеніи событій всеобщей исторіи не столько на факты, сколько на обобщеніе, освѣщеніе событій и раскрытіе внутренней между ними связи. Лекціи г. Стасюлевича вводили студентовъ въ невѣдомой дотолѣ кругъ философіи исторіи, гдѣ на первый планъ выдвигалась прогрессивная преемственность смѣны фактовъ и глубокая вѣра въ созидательную силу поступательнаго движенія народовъ по пути прогресса къ свѣту и просвѣщенію.

Среднее положеніе между отрицательными категоріями профессоровъ занималъ А. В. Никитенко, человекъ гуманный, очень образованный и просвѣщенный, но представитель нѣсколько устарѣвшихъ уже къ тому времени методовъ научнаго мышленія и послѣдователь старыхъ завѣтовъ Гегелевской философіи, не находившей къ себѣ среди передоваго студенчества уже былого увлеченія и интереса.

III.

Извиняюсь передъ читателями, что нѣсколько долго задержалъ ихъ на обзорѣни тогдашняго университетскаго преподаванія и на характеристикѣ его главнѣйшихъ представителей. Я придаю большое значеніе послѣ элемента наслѣдственности и домашняго воспитанія

вліянію школы, средней и высшей, въ дѣлѣ формировапія характеровъ и направленія умовъ выдающихся дѣятелей, біографіями которыхъ приходится заиматься въ своихъ журнальныхъ работахъ. Мы уже видѣли на раннихъ годахъ юности Александра Николаевича замѣтные слѣды вліянія на него окружающихъ ближайшихъ къ нему лицъ — отца и матери, дяди и двоюроднаго брата, а также вліяніе товарищей и всей окружавшей его волжской обстановки въ причудливыхъ краскахъ ея природныхъ очертаній. Гимназія и первый годъ пребыванія въ Казанскомъ университетѣ, по видимому, не сыграли въ его жизни какой нибудь рѣшающей роли, по крайней мѣрѣ, для такого утвержденія сейчасъ подъ рукою нѣтъ факгическихъ данныхъ. Иначе рисуется роль въ его жизни Петербургскаго университета и такихъ професоровъ, какъ Куторга и Срезневскій. Въ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву мы постоянно встрѣчаемся съ упоминаніями объ этихъ дѣятеляхъ науки, о занятіяхъ у нихъ, которыя его всецѣло поглощаютъ, и о томъ серьезномъ интересѣ, который ему эти занятія въ изобиліи давали. Если изъ нѣкоторыхъ показаній г. Мордовцева, относящихся къ гимназическимъ годамъ Пыпина, уже очерчивается пока еще въ слабой обрисовкѣ научное направленіе мысли его молодого друга, то уже изъ писемъ послѣдняго къ своему казанскому товарищу вытекаетъ положительный выводъ, что 16—17-лѣтній студентъ Петербургскаго университета, въ всякаго сомнѣнія, долженъ явить собою въ будущемъ величину очень крупную и серьезную въ сферѣ русской учености и образованности.

Какъ же встрѣтила столичная жизнь нашего будущаго ученаго, и что нашелъ онъ въ ней отвѣчающаго склонностямъ своего ума и сердца? Отвѣты на эти вопросы и постараемся найти въ его письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ отвѣтъ былъ бы еще полнѣе, если бы были опубликованы его письма къ второму его казанскому другу—П. А. Ровинскому. Эти письма, насколько можно судить изъ указаній въ письмахъ первой категоріи (т.-е. къ г. Мордовцеву), были, пожалуй, еще полнѣе для опредѣленія тогдашнихъ научныхъ интересовъ Александра Николаевича, и послалъ ихъ не только непосредственно адресату, но и для прочтенія остальными товарищами. Въ письмахъ къ «Данечкѣ» звучатъ преимущественно струны сердечныхъ отношеній, изложеніе фактовъ чередуется въ нихъ постоянно съ порывами дружескихъ и братскихъ чувствъ; въ письмахъ же къ г. Ровинскому должны преобладать фактическія данныя, и на эти данныя онъ постоянно ссылается и въ письмахъ къ г. Мордовцеву, не желая повторяться и возвращаться къ одному и тому же предмету.

Пребываніе Пыпина въ Петербургѣ было благопріятно для его научныхъ занятій. Онъ поселился на Офицерской улицѣ у своей старшей сестры, бывшей замужемъ за Терцинскимъ, занимавшимъ прежде

мѣсто преподавателя въ Саратовской духовной семинаріи, а во время пребыванія у него Александра Николаевича, служившаго по синодальному вѣдомству на отвѣтственномъ и вполне обеспеченномъ посту. Въ домѣ Терцинскихъ пріѣзжему была отведена отдѣльная комната, онъ получалъ отъ нихъ полное довольствіе и, кромѣ того, снабжался изъ дому необходимыми денежными средствами, что все вмѣстѣ взятое удаляло его отъ матеріальныхъ заботъ и устраняло отъ необходимости пріисканія себѣ заработка, въ видѣ репетиторства, уроковъ и т. п. Въ домѣ сестры ему, повидимому, жилось хорошо, привольно и ничто не мѣшало ему погружаться въ излюбленныя научныя занятія. Нечего и говорить, конечно, что столичныя развлеченія всѣ были далеки отъ него; таковыми были для него лишь тѣ, что несли съ собою умственное и вообще духовное наслажденіе.

Въ своемъ письмѣ отъ 13-го сентября 1850 г., четвертомъ ¹⁾, адресованномъ Д. Л. Мордовцеву, онъ такъ полушуутливо, полусерьезно описываетъ свои развлеченія: «Что дѣлаю я?—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ:—Я теперь живу чтеніемъ и созерцательною жизнью (эхъ, моль, куда онъ залетѣлъ, скажешь ты), это значитъ, что я, если не читаю, то гуляю по Петербургу и люблюсь имъ; я теперь очень часто хожу гулять. Я прошелъ уже весь Невскій (а это вещь не незначительная), гулялъ въ Лѣтнемъ саду (какъ тамъ теперь чудесно, хотя теперь и осень), гулялъ въ Екатерингофѣ, былъ въ отдаленныхъ странахъ Петербургской стороны, наслаждался прекраснымъ видомъ Невскаго при газовомъ освѣщеніи, которое гораздо лучше обыкновеннаго освѣщенія масломъ, любовался съ Исаакіевского моста Невой, съ двухъ сторонъ замкнутой рядами огней, мрачнымъ Исаакіемъ и едва выступающимъ изъ сумрачной темноты панятникомъ Петру Великому. Это въ самомъ дѣлѣ прекрасное зрѣлище, лучше котораго я еще не видалъ». Таковы его развлеченія, но они, оказывается, допускаются имъ въ микроскопическомъ размѣрѣ, такъ что въ одномъ изъ декабрскихъ своихъ писемъ онъ серьезно говоритъ: «Съ новаго 1851 года я хочу переменить свой образъ жизни, переменить радикально: теперь я всѣ почти вечера (кромѣ четверга) просиживаю дома; надобно будетъ ходить гулять, въ театръ (до сихъ поръ я еще ни разу не былъ, хоть и часто звали; ни Каратыгинъ, ни Мартыновъ, ни Грязи, ни Маріо до сихъ поръ не интересовали меня), на Невскій, въ Пассажъ. Пора, я думаю». Но и этимъ невиннымъ намѣреніямъ, по всей видимости, не суждено было сбыться: мы нигдѣ не встрѣтили и намекъ на его отклоненія отъ исключительно литературныхъ и научныхъ занятій. Всѣ дальнѣйшія письма полны только и только интересами науки, журналистики и литературы. Удовлетворялъ ли его

¹⁾ Первыхъ писемъ мѣ въ не удалось встрѣтить въ архивѣ г. Мордовцева. Авт.

такой исключительный образъ жизни? Нѣтъ, онъ тосковалъ, часто хандрить и не находилъ въ себѣ самаго необходимаго покоя и равновѣсія. Но напрасно было бы думать, что эта тоска и хандра происходили изъ непрестаннаго погруженія въ науку и чтеніе. Далеко нѣтъ; здѣсь онъ находилъ себѣ отдыхъ и развлеченіе, а если страдалъ отчего, то отъ недостатка вокругъ себя близкихъ людей, любимыхъ сверстниковъ, съ одной стороны, и съ другой— отъ холода и непривѣтливости всей окружавшей его столичной обстановки, столь противорѣчащей тому, съ чѣмъ онъ сжился и на чемъ возросъ на берегахъ великой русской рѣки. Въ письмѣ отъ 22-го сентября онъ пишетъ: «Милый мой! Я давно уже не писалъ тебѣ, а писать надобно; извини меня, что я такъ долго молчалъ. Все это время я былъ, не знаю, какъ назвать тебѣ это, не въ духѣ. Заниматься скучно, читать — чтеніе еще больше наводитъ тоску, попадется какойнибудь романъ Жоржъ-Зандъ, или «Бѣдные люди», рѣшительно не знаешь, что дѣлать. Ко всему этому присоединяется еще ужасная петербургская погода; небо сѣро до невозможности, городъ какъ-то побурѣетъ, измоченный народъ весь, какъ мокрая куры, опустившія крылья и не знающія, куда дѣваться отъ напасти. Не хочется выходить изъ комнаты; выйдешь—все поражаетъ непріятно. Обыкновенная моя дорога въ университетъ дѣлается до послѣдней степени скучною; будочникъ, который всегда отдаетъ мнѣ честь своей алебардой, стоитъ повѣся носъ и алебарду; часовые у Литовскаго замка закрываются въ свои черныя шинели и совершенно углубляются въ самосозерцаніе самихъ себя; бульваръ, теперь общипанный, безъ листьевъ, напоминаетъ только о тщетѣ міра сего; Исаакій, и безъ того уже мрачный, дѣлается еще мрачнѣе отъ этой пасмурности, и только золотой куполь его со своей высоты, кажется, презираетъ всю эту дрянь; Нева, она сѣрѣетъ, или, лучше сказать, не сѣрѣетъ, а измѣняется въ какой-то черноземный цвѣтъ. Прекрасная перспектива, не правда ли? Да, петербургская погода имѣетъ неотъемлемое свойство наводить страшную скуку; всѣ другія скверныя погоды, даже саратовскія и казанскія, ничто передъ ней».

Жалобы на хандру, но уже не изъ-за погоды, а по другимъ причинамъ, встрѣчаются въ теченіе 1850 г. и въ послѣдующихъ его письмахъ. «Ровинскій правду сказалъ,—отмѣчаетъ онъ въ декабрьскомъ письмѣ,—что часто въ этомъ большомъ, многолюдномъ городѣ бываетъ пусто, скучно; не видишь ни одного «человѣка», не кому сказать слова. Да, это правда, большая правда для меня. Ни разу я еще не встрѣчалъ между своимъ знакомымъ (а ихъ ужъ довольно) простаго настоящаго товарища знакомаго; нѣтъ, все официально, вѣжливо. Хочется услышать слово, а вы молчите, ни слова». Товарищами своими по университету и факультету онъ тоже былъ недоволенъ и характеризуетъ ихъ такъ: «О моихъ товарищахъ я, если не

ошибаюсь, писалъ тебѣ, и если не тебѣ, то Ровинскому. Они — поляки всѣ, за исключеніемъ одного нѣмца; среди нихъ мнѣ теперь одинъ только нравится, человѣкъ довольно порядочный: впрочемъ, они народъ, согласный на все; Комкова¹⁾ нѣтъ ни одного (да и во всемъ университетѣ нѣтъ, я думаю, ни одного сколько нибудь на него похожаго; до такой степени рѣдокъ этотъ типъ); есть народъ, довольно и даже очень дѣльный; есть и обыкновенные (казанскіе) студенты, ничего не дѣлающіе до послѣдней минуты, но это вообще рѣдко встрѣчается, гораздо рѣже, чѣмъ въ Казани. Профессорами я доволенъ всѣми».

Товарищеская компанія, которая его оживила и дала ему то нѣжное, дружеское, въ чемъ его любящая природа такъ нуждалась, подобралась лишь позже, черезъ два года, когда въ Петербургъ пріѣхалъ Д. Л. Мордовцевъ, когда къ нимъ еще пристали будущій извѣстный славистъ В. И. Ламанскій и безвременно погибшій племянникъ Гоголя, Н. Трушковскій. Это товарищество освободило его отъ тоски духовнаго одиночества, но, конечно, не могло вознаградить его главнѣйшей утраты. Какъ извѣстно уже и какъ о томъ свидѣлствуетъ самъ Пыпинъ въ своей перепискѣ съ г. Мордовцевымъ, онъ былъ обязанъ переѣзду изъ Казани въ Петербургъ Чернышевскому, самому любимому, дорогому и авторитетному для него человѣку. И вотъ, не успѣлъ онъ насладиться столичной близостью къ своему двоюродному брату, тогда уже кончившему университетскій курсъ, какъ обстоятельства ихъ снова разлучаютъ, и Чернышевскій покидаетъ Петербургъ, чтобы взять мѣсто въ саратовской гимназіи.

Чернышевскій былъ въ тѣ годы жизни Пыпина центральной фигурой, около которой группировались всѣ его интересы, и въ немъ онъ находилъ ту школу, гдѣ отшлифовывались его общественные взгляды и симпатіи. Именемъ Чернышевскаго (какъ равно и Срезневскаго, но по инымъ поводамъ) полны всѣ письма Александра Николаевича къ своему казанскому другу, и вы ясно видите, изучая эти письма, какое важное значеніе имѣлъ для него этотъ выдающійся человѣкъ, жизнь котораго такъ трагически обернулась впоследствии. Душевное волненіе Александра Николаевича по случаю возможнаго отъѣзда Чернышевскаго сказывается уже въ письмѣ отъ 13 сентября, какъ равно изъ того же письма выясняются его отношенія къ двоюродному брату и роль послѣдняго въ его жизни.

«Недавно здѣсь получили бумагу, — пишетъ онъ, — въ которой Молоствовъ²⁾ предлагаетъ Николѣ мѣсто въ Саратовской гимназіи, и вмѣстѣ съ этимъ, Молоствовъ писалъ Мусину-Пушкину³⁾ о томъ

¹⁾ Товарищъ очень неравнѣный по Казани. Авт.

²⁾ Попечитель Казанскаго учебнаго округа. Авт.

³⁾ Вышшій попечитель того же округа. Авт.

же. Разъ я былъ у Пушкина вмѣстѣ съ Николой, онъ даетъ ему прочесть это письмо и спрашиваетъ, что онъ на это скажетъ. Никола и отписалъ вотъ что въ Казань, что, дескать, мѣсто я принять готовъ, но дѣло вотъ въ чемъ: вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я держалъ въ Казани экзаменъ на учителя гимназіи; если такъ, то мѣсто мнѣ не нужно, а если вы дадите мнѣ мѣсто безъ экзамена, то извольте. Не знаю, какой отвѣтъ получитъ онъ на это; дай-то Богъ, чтобъ это дѣло разстроилось. Оно можетъ очень и разстроиться, если до полученія отвѣта изъ Казани получить мѣсто здѣсь, что довольно вѣроятно. Никола уже читалъ пробную лекцію въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, и Кавелинъ остался имъ очень доволенъ и сдѣлалъ о немъ прекрасный отзывъ, и я думаю, что Николѣ можно будетъ получить къ тому времени мѣсто здѣсь. Иначе—дѣло будетъ прескверное. Я буду, кажется, жалѣть о томъ, что перешелъ сюда. Что мнѣ будетъ тогда за утѣшеніе жить здѣсь; живя въ Казани, я могъ бы, по крайней мѣрѣ, на вакаціи быть въ Саратовѣ, а отсюда не знаю, можно-ль будетъ ѣхать... что-то будетъ». Это ожиданіе настолько его разстраивало, что онъ въ томъ же письмѣ говоритъ: «Я и занимаюсь теперь не постоянно, а какъ-то порывами, когда придетъ охота. Теперь я болѣе всего занимаюсь славянскими нарѣчіями и англійскимъ языкомъ. Мы съ Николой быстро подвигаемся на этомъ поприщѣ; даже учимся съ нимъ немного говорить. Мы хотѣли даже составить себѣ англійскую бібліотеку, и уже положили ея основаніе, купивъ «Nouveau cours de langue Anglaise», par T. Robertson. Я думаю, ты знаешь, что Methode Robertson теперь въ большой модѣ и, кажется, совершенно справедливо. Съ однимъ только не можемъ мы справиться въ англійскомъ, это съ произношеніемъ. Это только препятствіе мѣшаетъ намъ говорить, потому что если Никола скажетъ слово, то можешь быть увѣренъ, что я его не понялъ. Никола, впрочемъ, далеко ушелъ отъ меня въ англійскомъ языкѣ, потому что онъ и до этого читалъ англійскія газеты».

Вспоминая въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ (безъ даты), какъ часто Н. Чернышевскій въ бесѣдѣ съ нимъ цитируетъ разныя мѣста изъ сочиненій Гоголя, Пыпинъ говоритъ, между прочимъ: «Никола многія мѣста (слѣдуетъ указаніе эгихъ мѣстъ) приводятъ слово въ слово и всегда производитъ необыкновенный эффектъ (замѣть: я теперь почитатель-поклонникъ Гоголя. Я его любилъ и прежде, а теперь я просто обожаю его). Никола во многомъ, очень многомъ, имѣлъ на меня вліяніе, особенно теперь». Личность этого «Николи» постоянно притягиваетъ его вниманіе, онъ пытается глубже проникнуть въ этотъ загадочный характеръ, нарисовать себѣ и другимъ духовный образъ этого человѣка и заставить всѣхъ окружающихъ, и въ томъ числѣ и своихъ товарищей юности, полюбить и оцѣнить

его.. Почти во всѣхъ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву онъ возвращается къ этому, волнующему его предмету и, упоминая о занятіяхъ своего двоюроднаго брата, о его знакомыхъ, о книгахъ, которыя онъ приносилъ ему читать (главнымъ образомъ Диккенса въ подлинникѣ), постоянно дѣлаетъ экскурсіи въ область анализа характера Николая Гавриловича. Такъ, въ ноябрьскомъ письмѣ (безъ даты) онъ говоритъ: «Онъ, т.-е. Чернышевскій, такой человѣкъ, котораго я никогда не видалъ, да никогда вѣрно и не увижу. Я не знаю, какъ описать тебѣ его характеръ (ты его не знаешь!); если бы гдѣ нибудь былъ изображенъ такой характеръ, я бы указалъ тебѣ. Но нигдѣ подобнаго я не встрѣчалъ, встрѣтилъ, правда, только въ одномъ мѣстѣ: недавно читалъ онъ отрывокъ изъ повѣсти ¹⁾, разсказа, или какъ угодно назови это, конечно, не напечатанной и, къ несчастью, лишеной возможности быть напечатанной, онъ говорилъ мнѣ, что ее написалъ одинъ изъ его пріятелей, но я съ большею вѣроятностью предполагаю, что писалъ онъ ее самъ; все въ ней—его и, между прочимъ, тамъ былъ одинъ характеръ, совершенно снятый съ него— характеръ не изъ обыкновенныхъ, пошлыхъ характеровъ. Можетъ быть, когда нибудь ты узнаешь его близко, хотя это трудно, не бывъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, гдѣ бы его можно было узнать... Какъ ошибся бы тотъ, кто сказалъ бы, что нѣтъ въ немъ участія ни къ чему; нѣтъ, въ немъ такъ много участія, что я не могу до сихъ поръ привыкнуть видѣть въ немъ это». Въ декабрьскомъ письмѣ (отъ 20 числа) онъ снова возвращается къ характеру Чернышевскаго и говоритъ: «Это такой человѣкъ, какого я до сихъ поръ и не видывалъ. А вѣдь давно я его знаю, могъ бы къ нему привыкнуть тогда еще, когда вмѣстѣ жили (въ Саратовѣ), могъ бы узнать его такъ, чтобы все мнѣ было въ немъ извѣстно, вполне понятно. Теперь я вижу все, какъ и отчего и зачѣмъ онъ дѣлалъ все такъ, а не иначе; знаю, зачѣмъ онъ отсюда въ Саратовъ ѣдетъ, когда у него здѣсь есть мѣсто, вмѣсто котораго онъ скоро могъ бы получить другое, гораздо лучшее; когда у него здѣсь столько выгодъ противъ Саратова, что многіе совершенно не понимаютъ, отчего Николай вздумалось ѣхать въ такую глушь и дичь. Это все очень просто». Объясненіе такому дѣйствительно мало понятному, исчезновенію Чернышевскаго изъ Петербурга находится именно въ письмѣ Пыпина. Отсюда мы узнаемъ, что Николай Гавриловичъ уѣхалъ въ Саратовъ вслѣдствіе влеченія сердца и въ виду того, что именно въ Саратовѣ находилась та, съ которой онъ впоследствии вступилъ въ законный бракъ.

¹⁾ Нѣтъ ли тутъ указанія на какой нибудь первоначальный текстъ романа «Что дѣлать»? Авт.

IV.

Отъѣздъ Николи былъ жестокимъ ударомъ для Александра Николаевича — онъ на время (въ 1853 г. Чернышевскій вернулся въ Петербургъ), лишился друга и руководителя и остался одинокимъ съ своими книгами и лекціями, въ которыхъ однихъ заключались всѣ его радости и наслажденія. Хотя въ одномъ изъ писемъ къ своему казанскому товарищу у него и проскользнуло мгновенное раскаяніе въ пріѣздѣ въ Петербургъ, но оно скоро прошло. По этому поводу онъ писалъ: «И теперь самъ вижу, какъ скверно было, если бъ я остался въ Казани, хоть тогда, какъ жилъ въ Казани, объ этомъ и не думалъ. Довольно бросить общій взглядъ на Петербургъ и петербургскую жизнь, и это будетъ очень легко. Этимъ я обязанъ одному Николѣ; если бы онъ объ этомъ не постарался и здѣсь и въ Саратовѣ, то я жилъ бы и жилъ въ Казани (Казань=1½ Саратова, если сравнить его состояніе жизни)». Что же прельщало его въ Петербургъ, и почему онъ мирился съ нимъ, несмотря на свое одиночество, отъѣздъ Чернышевскаго, отсутствіе товарищей и скверную погоду, отъ которой онъ иногда прихварывалъ? Примиреніе нмъ обрѣталось въ научныхъ занятіяхъ при здѣшнемъ университетѣ и въ лекціяхъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ приходилось слушать, и о которыхъ говорено во 2-й главѣ настоящаго очерка. Мы уже видѣли изъ одного письма, что профессорами онъ былъ «доволенъ всѣми». О ходѣ занятій у нихъ онъ постоянно сообщаетъ своимъ казанскимъ друзьямъ, и изъ письма къ г. Мордовцеву мы до извѣстной степени можемъ судить, насколько эти занятія были успѣшны и плодотворны.

Утренніе и дневные его часы проходили въ университетѣ, а остальное время онъ почти сплошь проводилъ за книгами у себя дома. Въ своихъ письмахъ онъ подробно сообщаетъ Д. Л. Мордовцеву, чѣмъ ему приходится заниматься, какія книги читаетъ и изучаетъ, и положительно приходишь въ изумленіе отъ этой громадной и всесторонней начитанности, которая въ немъ наблюдается. Передъ нами обрисовывается живой умъ, который не можетъ и не желаетъ сосредоточиться на односторонней и узкой спеціальности, но ищетъ себѣ здоровую пищу вездѣ, гдѣ только возможно — и въ рукописныхъ работахъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, и въ классическихъ сочиненіяхъ, и въ чтеніи всѣхъ существующихъ ежемѣсячныхъ журналовъ и въ случайно доходящихъ до него рукописяхъ, не могущихъ по цензурнымъ условіямъ быть напечатанными. Начитанность и лингвистическая его образованность воистину поразительны! Онъ не только свободно читаетъ на разныхъ языкахъ, но на нихъ же дѣлаетъ въ своихъ письмахъ вставки въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо опасается, чтобы эти письма не попали въ чужія руки и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о

О прочихъ профессорахъ Пыпинъ своимъ казанскимъ пріятелямъ не сообщаетъ никакихъ характерныхъ данныхъ; даже о Срезневскомъ, какъ человѣкѣ и профессорѣ, онъ въ письмахъ къ г. Мордовцеву не обмолвливается ни однимъ словомъ, несмотря на то, что эти письма именно полны упоминаніями и ссылками на знаменитаго слависта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вліяніе Срезневскаго на Пыпина, вліяніе огромнаго ума съ широкой энциклопедической эрудиціей, было значительно, и часто въ письмахъ Александра Николаевича проглядываетъ невольное поклоненіе ученика заслуженному учителю. Уличая по одному случаю Шевырева (его разсужденія о сборникѣ Святослава) въ непослѣдовательности, онъ замѣчаетъ: «Вотъ на какомъ основаніи строилъ свои замѣчанія о Святославѣ одинъ изъ первыхъ ученыхъ филологовъ нашихъ. Вообще, какъ Срезневскій говоритъ, московскіе ученые «всегда приходятъ въ экстазъ, ничего не видя—и какъ смѣшно это бываетъ иногда». Онъ сообщаетъ своимъ провинціальнымъ друзьямъ намѣченныя Срезневскимъ къ выпуску работы, программы его курсовъ, проситъ эти программы сообщить въ Казанскомъ университетѣ занимающимся славистикою и, наконецъ, подъ руководствомъ и по порученію Срезневскаго самъ выполняетъ нѣсколько отвѣтственныхъ работъ.

Стремленіе принять участіе въ общей и ученой литературѣ проявляется у него довольно рано, и въ одномъ изъ писемъ 1850 года онъ въ шуточной формѣ спѣшитъ оповѣстить своихъ друзей: «Знаешь ли,—пишетъ онъ Д. Л. Мордовцеву,—я выступаю въ слѣдующемъ году на литературное поприще. Конечно, мое первое участіе въ литературной дѣятельности не произведетъ эпохи, и даже, можетъ быть, не будетъ замѣчено холодными современниками, но тебѣ я скажу, въ чемъ состоятъ будетъ первый мой трудъ. Я уже тебѣ писалъ въ одномъ письмѣ, что готовится къ напечатанію статья нѣкогого Лерхе. Эта статья теперь у Николи; онъ ее просматриваетъ; я также полюбопытствовалъ заглянуть въ нее и убѣдилъ или лучше доказалъ Николѣ, что тамъ въ одномъ мѣстѣ должно поставить черточку (—); онъ не могъ сопротивляться моимъ доказательствамъ, и я поставилъ ее; видишь—въ этой статьѣ будетъ слѣдовательно часть и моего дѣланія. Кромѣ того, черезъ мои руки (ужь совершенно мои) прошла также одна статья Срезневскаго; въ ней моего участія уже гораздо больше».

Когда въ 1903 году праздновался пятидесятилѣтній юбилей научной дѣятельности Александра Николаевича, то Д. Л. Мордовцевъ на юбилейномъ обѣдѣ протестовалъ противъ приуроченія юбилея къ этому году и, основываясь на письмѣ своего друга о тире въ работѣ Лерхе, заявилъ, что празднованіе запоздало на два года. Юбиляръ и присутствовавшіе смѣялись этому шутивому протесту, но официально все-таки началомъ выступленія Александра Николае-

вяча на учено-литературномъ поприщѣ признали считать 1853 годъ, когда въ «Отечественныхъ Запискахъ» была напечатана его статья о драматургѣ XVIII вѣка Лукинѣ. Но если не правъ г. Мордовцевъ, то и 1853 годъ строго нельзя назвать первымъ юбилейнымъ годомъ въ дѣятельности нашего ученаго. Еще въ предшествовавшемъ году (1852) онъ занялся двумя работами, изъ коихъ одна осталась въ архивахъ Петербургскаго университета, а другая была напечатана въ «Сборникѣ Академіи Наукъ» (№ 3).

Первая работа была написана для соисканія медали на тему заданную профессоромъ А. Никитенко для студентовъ историко-филологическаго факультета: «Разсмотрѣть главныя комедіи Сумарокова, фонъ-Визина, Княжнина и князя Шаховскаго въ отношеніи къ содержанію, формѣ и языку, и въ заключеніе представить общій взглядъ, на какую степень эта отрасль словесности была возведена у насъ остальными писателями». По представленіи этой работы, студентъ четвертого курса А. Пыпинъ былъ удостоенъ факультетомъ золотой медали. Второю его работою, уже увидавшею свѣтъ, былъ этимологическо-синтаксическій словарь къ Новгородской лѣтописи, какъ уже сказано, напечатанный въ «Сборникѣ Академіи». Занятый разработкою лѣтописи, Срезневскій привлекъ къ этой работѣ всѣхъ своихъ лучшихъ учениковъ, въ томъ числѣ и Пыпина. На его долю выпала Новгородская лѣтопись, Ипатьевскою былъ занятъ Чернышевскій, а Псковской—Д. Л. Мордовцевъ.

Уже приведенныхъ фактическихъ данныхъ достаточно, чтобы съ непреложною ясностью констатировать, что изъ Александра Николаевича къ концу его университетскаго ученія вполне выработался молодой ученый, передъ которымъ широко разстилается просторное научно-литературное поприще. Въ этомъ убѣжденіи, повидимому, пребывали и его университетскіе наставники, изъ которыхъ нѣкоторые намекали юному студенту, и вполне опредѣленно, на будущую возможность магистерства и докторанта. Такъ, профессоръ древней географіи М. П. Касгорскій, когда Пыпинъ держалъ у него переходный экзаменъ съ 3-го на 4-й курсъ сказалъ ему при всей аудиторіи, что его отвѣтъ по своей точности, вѣрности и большой подробности, отвѣтъ достойный магистранта или докторанта. Его связи съ ученымъ міромъ разрастались съ каждымъ годомъ, и уже въ 1851 году, онъ, проѣздомъ черезъ Москву, сближается съ тамошнею плеядою молодыхъ ученыхъ—И. Е. Забѣлинымъ, Ѡ. И. Буславевымъ, Н. С. Тихонравовымъ и другими, которыхъ въ своемъ письмѣ къ г. Мордовцеву и аттестуетъ «славными господами», гостеприимно и радушно его встрѣтившими.

Но если А. Н. Пыпинъ широкою рукою почерпалъ изъ сокровищницы науки дары ея, то онъ не страдалъ эгоистическою скупостью и боязнью подѣлиться этими дарами съ своими близкими. Напротивъ, всѣ его письма полны желаній подѣлиться приобретенными

свѣдѣніями со своими казанскими товарищами. Онъ старательно оповѣщаетъ ихъ о выходящихъ или имѣющихъ выйти ученыхъ трудахъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границею, соѣзжаетъ съ ними ознакомиться, общается даже нѣкоторыя выслать въ провинцію и употребляетъ всѣ силы, чтобы пробудить въ казанскихъ лѣтителяхъ духъ пытливости и работоспособности. Онъ волнуется ходомъ занятій Ровинскаго, чтеній Григоровича и насѣдаетъ всею мощью своего юнаго слова на Данечку Мордовцева, побуждая его къ работѣ, въ видахъ чего задаетъ соотвѣтствующія его уму и способностямъ темы и научныя задачи. Узнавъ, что его милый Данечка перешелъ съ математическаго факультета на философскій по отдѣлу словесности, онъ радуется, что тотъ бросилъ «математическую сушь», но тутъ же спѣшитъ, прикрывая себя авторитомъ Николи, утилизировать поэтическія и литературныя способности своего друга, въ примѣненіи къ тѣмъ вопросамъ науки, которые его въ то время интересовали въ Петербургѣ на лекціяхъ Срезневскаго. Занимаясь изученіемъ Краледворской рукописи, онъ вспоминаетъ о своемъ казанскомъ другѣ и пишетъ ему въ концѣ 1860 г.: «Недавно мнѣ пришла въ голову мысль: я читалъ Краледворскую рукопись на новочешскомъ языкѣ... и мнѣ вадумалось, что какъ бы хорошо было, если бы ты перевелъ Краледворскую рукопись на хохладскій языкъ (яли малороссійскій, какъ угодно), на тотъ, какимъ говорятъ у васъ на Дону. Я уже кажется писалъ тебѣ, что Ганка затѣиваетъ изданіе Краледворской рукописи — polyglotta, что недавно черезъ Срезневскаго онъ досталъ переводъ съ болгарскаго; черезъ Срезневскаго же твой переводъ могъ бы переданъ г. Ганкѣ и быть напечатаннымъ... Въ самомъ дѣлѣ, странно бы было, если бы не было переводовъ славянскихъ, когда есть переводы нѣмецкій, даже англійскій. Какъ ты объ этомъ думаешь? Я просилъ уже Николю поговорить объ этомъ съ Срезневскимъ: быть можетъ, у Ганки нѣтъ еще хохладскаго перевода, а если есть, то, быть можетъ, только южно-русскій (т.-е. не совсѣмъ такой, какъ вашъ языкъ). Я не вижу никакой причины, по которой тебѣ можно было бы отказаться: да если бы у Ганки и былъ уже переводъ этотъ, то все-таки можно отослать ему; онъ, можетъ быть, предпочелъ бы твой, потому что ты, разумѣется, сталъ бы переводить стихами, а стихъ у тебя гладкій, ровный, тогда какъ въ тѣхъ Ганкиныхъ переводахъ, которые уже были помѣщены, не всѣ отличаются этими достоинствами. Въ отношеніи языка ты тоже не можешь отговариваться: древне-чешскій языкъ такъ негруденъ, такъ близко къ церковно-славянскому, даже къ нынѣшнему русскому, что не будетъ представлять почти никакой трудности... Ты, можетъ быть, вадумаешь отговариваться недостаткомъ времени но эта отговорка никуда не годится, потому что Краледворская рукопись такъ мала, что и не потребуетъ вовсе много времени. Впро-

чемъ, всѣ эти случаи я разбираю такъ только, потому что убѣжденъ, что ты не захочешь отказаться (если нужна будетъ эта работа) отъ этого дѣла, которое принесетъ пользу и удовольствіе тебѣ и будетъ небезполезно для науки. Не знаю, какъ до сихъ поръ почтенный г. Григоровичъ не вздумалъ попросить тебя объ этомъ».

Какъ характерно это нисъмо для молодого Пыпина и обрисовки его духовнаго образа! Тутъ не такъ самая тема интересна, какъ тѣ приемы убѣжденія своего друга, которыя пущены въ ходъ: сколько здѣсь тонкаго ума, знанія человѣческаго сердца и настойчивости въ достиженіи цѣли, когда обдуманно и рѣшительно отрѣзаются всѣ пути отступленія, для того, чтобы онъ не чувствовалъ и не видѣлъ, какъ его берутъ въ руки и заставляютъ сдѣлать намѣченное. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ отвѣтовъ г. Мордовцева, но уже изъ слѣдующихъ писемъ къ нему Пыпина, видно, что дѣло не обошлось безъ сопротивленія, и нашъ петербургскій молодой ученый развертываетъ передъ своимъ казанскимъ товарищемъ въ подробностяхъ даже лингвистическіе способы выполнения задуманной задачи и обслѣдуетъ эти способы во всѣхъ деталяхъ. Въ этой настойчивости сказались въ Александрѣ Николаевичѣ богатые педагогическія силы воздѣйствія на окружающихъ и соприкасающихся съ нимъ, которыя впоследствии реализовались въ русской жизни многочисленными конкретными явленіями. Удаленный несчастными и злыми обстоятельствами отъ официальнаго руководства занятіями университетской молодежи, мы тѣмъ не менѣе видимъ на многочисленныхъ примѣрахъ въ нашей ученой литературѣ и журналистикѣ, какъ многое появилось въ свѣтъ и въ какомъ направленіи и освѣщеніи, именно благодаря его просвѣщенному и умѣлому руководству, помощи и воздѣйствію.

Послѣ настоячивыхъ писемъ своего друга Д. Л. Мордовцевъ, наконецъ, выслалъ ему просимый переводъ знаменитой рукописи, и вотъ Пыпинъ, довольный достигнутымъ результатомъ, спѣшитъ съ посылкою ласковой, но обстоятельной критики, простирающейся и на размѣръ стихосложенія, и на недостатки въ лингвистической точности, и на стилистическіе промахи; и все это имъ сдѣлано съ удивительной эрудиціей, глубокимъ пониманіемъ дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ деликатно и осторожно, чтобы не задѣвать самолюбія автора.

Я уже говорилъ о тоскѣ одиночества, которая съ особенною силою охватила Пыпина, особенно послѣ отъѣзда его друга Николи. Но вотъ въ одномъ изъ писемъ другого «друга и брата», Данечки, онъ видитъ указаніе, что тотъ былъ бы не прочь при благоприятныхъ обстоятельствахъ переѣхать въ Петербургъ и поступить въ здѣшній университетъ. Это извѣстіе было искрою, которая зажгла любящее сердце Александра Николаевича и онъ въ рядѣ горячихъ, любящихъ писемъ уговариваетъ своего друга

скорѣе осуществить эту мысль. Онъ обсуждаетъ переездъ Мордовцева въ столицу самымъ обстоятельнымъ образомъ, взвѣшиваетъ все, что говоритъ за этотъ переездъ и приходитъ къ неоспоримому выводу, что переездъ этотъ долженъ совершиться но что бы то ни стало, безъ чего онъ, Пыпинъ, не знаетъ, какъ ему и быть. Онъ разыскиваетъ способы своему другу для предотвращения матеріальныхъ стѣпеній и указываетъ на даваніе уроковъ, какъ на первое средство къ жизни и тутъ же въ деликатной и осторожной формѣ, только намекомъ, даетъ понять, что и онъ, Пыпинъ, конечно, приметъ всѣ мѣры, чтобы облегчить своему Давечкѣ бремя жизни. Изъ словъ Д. Л. Мордовцева оказывается, что когда онъ дѣйствительно переехалъ въ Петербургъ, то его другъ предоставилъ въ его распоряженіе необходимое пропитаніе, въ видѣ обѣдовъ у сестры, которыми нашъ заслуженный романистъ въ первое время бесплатно и пользовался.

Соблазняя своего друга переездомъ въ Петербургъ, Пыпинъ между прочимъ писалъ: «Напипи мнѣ поскорѣе о твоёмъ рѣшеніи: я przygotowуюсь тебя принять. Какъ мы здѣсь живемъ! Не говори уже обо всемъ прочемъ, какія сокровища представляются твоему наблюдательному и пытливому уму! Конечно, ты будешь ужасно поглощать Публичную бібліотеку, Румянцевскій музей и проч. Всѣ рукописи, начиная отъ древнѣйшаго Нестора, пройдутъ черезъ твои руки; Срезневскій непременно завербууетъ тебя въ свои партизаны (да ты ивъ будешь и по своей волѣ); ты будешь ивътъ случай видѣть двигателей нашей науки и литературы, хотя не всѣхъ, но очень многихъ, тебя займутъ вопросы гуманные, социальные, литературные, ученые; ты самъ, можетъ быть, выступишь въ ивъкоторомъ родѣ на принципъ ученой или литературной дѣятельности, какъ человѣкъ талантовъ; самъ будешь дѣйствовать, а это-то ивъдь и нужибе всего: нужно сдѣлать что-нибудь самому. А Казань киснетъ въ своемъ уединеніи, ничего не дѣлаетъ со всѣми своими кліентами; все дѣйствующее здѣсь, въ Петербургѣ; поэтому и тебѣ нужно быть здѣсь. Итакъ, безъ сомнѣнія въ первыхъ числахъ августа я буду встрѣчать въ почтамтѣ или въ какой нибудь конторѣ дилижансовъ новаго провинціала, пріѣхавшаго въ Петербургъ?»

Ожиданія Пыпина сбылись и осенью 1851 года Д. Л. Мордовцевъ поступилъ въ Петербургскій университетъ. Съ этого времени для обоихъ нашихъ выдающихся дѣятелей русской литературы и науки наступила новая, болѣе свѣтлая и радостная пора — ихъ дружба расцвѣла, подобралась къ нимъ и соответствующіе товарищи, какъ я уже о томъ упоминалъ, В. И. Ламанскій и Н. Трушковскій, и потекла жизнь молодежи, полная духовныхъ интересовъ и умственныхъ наслажденій съ широкой и свѣтлой для ивъкоторыхъ изъ нихъ перспективой впередъ на многіе годы. А тѣмъ временемъ не за

горами былъ для Александра Николаевича и пороги университета, переступивъ который, онъ очутился на первыхъ порахъ въ той сѣрой дѣйствительности, именуемой русской жизнью первой половины пятидесятихъ годовъ, на фонѣ которой даже еще не пробивались лучи солнца, согрѣвшаго черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ русскій народъ дыханіемъ воли и свободы. Личная жизнь сложилась для молодого кандидата университета на первыхъ порахъ благопріятно, но уже скоро эта самая жизнь обернулась для него злою мачехою, наносившею ему ударъ за ударомъ и съ поразительною неблагодарностью платящею ему за все то доброе и хорошее, что онъ отъ полноты возвышеннаго сердца и своего крупнаго ума въ нее вносилъ и съ неустанною энергіею въ нее вибрировалъ, на благо русскаго народа.

V.

Въ 1853 году А. Н. Пыпинъ кончилъ курсъ университета съ оставленіемъ при немъ для приготовленія къ профессорскому званію и съ того времени, вплоть до 1861 года, мы видимъ его въ роли ученаго изслѣдователя и представителя науки, дѣятельность котораго связана непосредственно съ столичнымъ высшимъ разсадникомъ просвѣщенія. Ученныя его работы, служащія какъ бы преддверіемъ къ его предстоящей профессорской дѣятельности, появляются въ печати быстро одна за другою. Въ числѣ этихъ извѣстныхъ работъ слѣдуетъ назвать: «Словарь къ первой повгородской лѣтописи», «Матеріалы для славянской палеографіи къ «Описанію Румянцевскаго Музеума» Востокова», «Очерки изъ старинной русской литературы», «О романахъ въ старинной русской литературѣ», «Старинные апокрифы», критическая статья по поводу «Русскихъ народныхъ сказокъ» Аванасьева, «Владимиръ Лукинъ», его кандидатская диссертация, отрывки изъ которой были помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ», наконецъ, критическая статья на книгу Милюкова «Очерки исторіи русской поэзіи».

Профессоръ А. С. Архангельскій, въ своемъ прекрасномъ очеркѣ, посвященномъ трудамъ А. Н. Пыпина ¹⁾, такъ характеризуетъ его работы того періода: «Своимъ содержаніемъ всѣ эти работы говорили не только о широкомъ пониманіи задачъ предмета,—но и о современной новой его постановкѣ. Уже въ этихъ первыхъ работахъ нельзя не видѣть постоянного вниманія изслѣдователя къ историческому факту, стремленія къ выясненію историческаго значенія и внутренняго органическаго развитія изучаемаго историко-литературнаго явленія, къ уясненію за наличностью факта его внутренняго значенія и смысла. Уже здѣсь изслѣдователь выдвигаетъ

¹⁾ «Труды академика А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы. По поводу пятидесятилѣтія его научной дѣятельности». Сиб. 1903.

гаетъ важное культурное значеніе нашей старой переводной повѣсти, поднимаетъ вопросъ о вліяніи Востока на древне-русскую литературу, приступаетъ къ изученію русской журналистики XVII вѣка, цѣлую монографію посвящаетъ выясненію литературной дѣятельности очень малоизвѣстнаго писателя... Критическая статья о книжкѣ Милюкова являлась любопытной иллюстраціей столкновенія старыхъ литературныхъ взглядовъ съ новыми». Работы нашего ученаго помѣщались на страницахъ специальныхъ изданій того времени, а также журналовъ «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Атеней». Я не стану утомлять вниманія читателей полной библиографической справкой о трудахъ покойнаго академика за весь тотъ періодъ—интересующіеся найдутъ эту справку въ названной брошюрѣ профессора А. С. Архангельскаго, а также въ «Спискѣ трудовъ академика А. Н. Пыпина. 1853—1903 года», составленномъ Я. Л. Барсовымъ¹⁾; остановимся лишь на его магистерской диссертациі «Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», напечатанной въ «Ученыхъ Запискахъ II отдѣленія Академіи Наукъ», въ т. IV за 1858 годъ. Трудъ этотъ по всей справедливости считается классическимъ въ нашей литературѣ и составилъ въ ней въ нѣкоторомъ родѣ эпоху.

Въ этой работѣ дана у насъ впервые исторія русской повѣсти, начиная съ заимствованій изъ византійскихъ и южно-славянскихъ источниковъ и кончая повѣстями, сложившимися подъ западнымъ вліяніемъ и первыми попытками оригинальной бытовой повѣсти XVII вѣка. Авторъ пользовался рукописными сборниками Публичной бібліотеки и Румянцевскаго Музея, въ то время еще мало извѣстными и не обследованными. Нѣкоторыя старинныя повѣсти впервые изслѣдованы Александромъ Николаевичемъ, а другія («Девгеніево Дѣяніе», «Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи») даже впервые имъ открыты. Этотъ трудъ Пыпина, по свидѣтельству профессора А. С. Архангельскаго, сдѣлалъ настоящую эпоху въ изученіи ввятаго отдѣла нашей старой литературы. Передъ русской наукой разомъ открылась цѣлая невѣдомая область,—одновременно подвергнутая и самому тщательному, документальному изученію. По обширности захваченнаго къ изученію матеріала, по эрудиціи и тщательности изученія,—трудъ Пыпина являлся событіемъ для всей тогдашней нашей науки, только что начинавшей становиться на ноги, совѣмъ не приуроченной къ подобнаго рода изслѣдованіямъ... «Очеркъ» Пыпина не только во все послѣдующее время являлся исходнымъ пунктомъ для каждой специальной работы въ области нашей старинной повѣсти,—но продолжаетъ вполне сохранять это значеніе

¹⁾ «Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ». Спб. 1903.

и до сихъ поръ, сохранять, повидимому, и на очень еще долгое время».

Когда диссертация была уже представлена въ факультетъ, но имъ еще не разсмотрѣна, Пыпинъ, какъ то мы узнаемъ изъ недавно опубликованныхъ проф. А. С. Архангельскимъ архивныхъ Казанскихъ университетскихъ матеріаловъ¹⁾, вдругъ подаетъ попечителю Казанскаго учебнаго округа слѣдующее прошеніе: «Окончивъ въ 1853 году полный курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, разряда общей словесности, въ прошломъ 1855 г. я выдержалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности и, желая въ настоящее время занять мѣсто при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предоставить мнѣ право на полученіе мѣста адъюнкта по кафедрѣ русской словесности по защитѣ мною диссертациі моеѣ, представленной уже историко-филологическому факультету Петербургскаго университета. Необходимые для этого документы въ свое время будутъ мною представлены въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Кандидатъ С.-Петербургскаго университета Александръ Пыпинъ. Петербургъ, 21 мая 1856».

Прошеніе это было передано попечителемъ на обсужденіе совѣта университета, который въ засѣданіи 15-го сентября, по обсужденіи ученыхъ работъ просителя, обладающихъ «самыми лучшими надеждами въ будущемъ», нашелъ Пыпина вполне достойнымъ занять мѣсто адъюнкта по кафедрѣ русской словесности. Но произведенной баллотировкѣ выяснилось, что за предоставленіе ему желаемой кафедры высказалось 17 голосовъ и противъ—1, вслѣдствіе каковыхъ результатовъ баллотировки деканъ историко-филологическаго факультета 29-го октября 1856 году официально сообщилъ ректору университета: «Вслѣдствіе предложенія вашего превосходительства отъ 12-го октября, за № 659, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь довести, что на мѣсто уволеннаго кандидата Ровинскаго представленъ и баллотированъ въ засѣданіи совѣта отъ 15-го сентября исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ русской словесности г. кандидатъ Пыпинъ, и что за тѣмъ факультетъ ожидаетъ утвержденія г-на Пыпина въ означенномъ званіи».

Дальнѣйшій ходъ дѣлъ изъ имѣющихся документовъ не виденъ. Извѣстно только, что Пыпинъ не покинулъ Петербурга, и вопросъ о его казанской профессурѣ кануль въ воду.

По защитѣ диссертациі, Пыпинъ былъ удостоенъ степени магистра русской словесности и въ 1858 году, въ качествѣ про-

¹⁾ «По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. И. Пыпина».

фесоранта по исторіи европейскихъ литературъ, посланъ университетомъ въ путешествіе по славянскимъ землямъ и Западной Европѣ. Это путешествіе нашло себѣ отраженіе и въ нашей журналистикѣ: Александръ Николаевичъ посвятилъ ему два очерка «Изъ Венеціи» и «Изъ Флоренціи», напечатанные въ 1859 году въ «Современникѣ». Въ бытность свою за границею, Пыпинъ, между прочимъ, побывалъ и въ Лондонѣ у Герцена. Въ интересныхъ «Воспоминаніяхъ» Н. А. Огаревой-Тучковой мы находимъ слѣдующее любопытное о немъ упоминаніе. «Не могу вспомнить теперь, съ кѣмъ прѣзжалъ въ это время еще очень молодой профессоръ А. Н. П—ъ,—говоритъ она, разумѣя въ данномъ случаѣ именно нашего ученаго. Герценъ уже зналъ его по его статьямъ, онъ былъ пріятно пораженъ прекрасной симпатичной наружностью молодого профессора. Сынъ Герцена сопровождалъ его по Лондону и съ удовольствіемъ рассказывалъ о томъ, что молодой ученый предпочиталъ шумнымъ удовольствіямъ большого города разговаривать съ трехлѣтнимъ ребенкомъ квартирной хозяйки и отъ души смѣялся его выходкамъ. Слыша этотъ рассказъ, Герценъ сказалъ сыну: «Что ты говоришь, Саша, меня все не удивляетъ, выраженіе его лица прекрасно, въ немъ сказывается высоко-нравственная чистота».

Этотъ рассказъ г-жи Огаревой чрезвычайно характеренъ для обрисовки духовныхъ образовъ обоихъ изъ дѣйствующихъ лицъ— и Герцена, и Пыпина. Издатель «Колокола» своимъ острымъ и пытливымъ умомъ, какъ нельзя вѣрнѣе, разглядѣлъ природу своего гостя, отличительною чертою котораго была именно высоко-нравственная чистота, сопровождавшая его всю жизнь, вплоть до гробовой доски. Эта евангельская чистота сердца и сближала его постоянно съ малыми дѣтьми, ради бесѣды съ которыми онъ и въ старости всегда готовъ былъ пожертвовать разговоромъ съ самыми умными и интересными своими знакомыми. И глядя на этого старика съ лучистымъ сіяніемъ добрыхъ глазъ, въ которыхъ видѣлась его чистая душа, невольно приходили на умъ и великая Нагорная проповѣдь и заповѣдь Христа своимъ ученикамъ: «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ», и «Истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное».

По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Александръ Николаевичъ былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора и въ 1860—1861 учебномъ году читалъ въ университетѣ лекціи по исторіи провансальской и средневѣковой французской литературѣ. Официальный историкъ Петербургскаго университета очень мало сообщаетъ намъ о Пыпинѣ, какъ профессорѣ, но зато въ воспоминаніяхъ В. П. Острогорскаго мы встрѣчаемъ по сему предмету обстоятельную свѣдѣніи. «Помните, еще задолго до появленія Пыпина въ Петербургскомъ университетѣ, въ публикѣ, какъ и между сту-

дентами, ему предшествовала самая лестная репутация солиднаго молодого ученаго,—повѣствуетъ г. Острогорскій.—Это уже сразу располагало къ нему молодежь; но съ первыхъ же лекцій, увидѣвъ, что онѣ, отличаясь строгой научностью, представляли, повидимому, интересъ только для специалистовъ, большинство нахлынувшихъ было слушателей перестало его посѣщать, и остались его постоянными и усердными слушателями почти только одни филологи разныхъ курсовъ, которыхъ въ то время было всего-то на всѣхъ четырехъ курсахъ едва ли болѣе ста. Послѣ серьезнаго вступленія, гдѣ опредѣлили онъ значеніе своего предмета въ ряду наукъ, современное положеніе послѣдняго въ наукѣ европейской и указавъ основные приемы научной критики и главнѣйшіе источники, онъ прямо перешелъ къ разсмотрѣнію средневѣковой литературы, сколько помнится, провансальской и средневѣковыхъ французскихъ лѣтописцевъ-мемуаристовъ. Странное впечатлѣніе, произвелъ на меня въ первое время Александръ Николаевичъ, пока я нѣсколько не привыкъ къ нему и не сталъ все больше и больше заинтересовываться предметомъ и уважать профессора. Не было у него ничего вышняго, блестящаго, поражающаго,—ничего такого, что такъ увлекало меня, напримѣръ, въ Стасюевичѣ, Костомаровѣ или Никитенкѣ: ни французскаго блеска и текучей, краснорѣчивой, бойкой рѣчи перваго, ни оригинальной художественности втораго, ни изящества и задушевности третьяго; не было и проницательскаго тона и разнообразія занимательнаго, часто анекдотическаго содержанія лекцій Срезневскаго, ничего этого у Пыпина не было, и многимъ изъ насъ, избалованнымъ красотой лекцій и популяризацией науки, это могло не нравиться. Но, по отношенію къ себѣ лично, я долженъ сказать, что за все мое студенческое время, изъ всѣхъ слушанныхъ мною филологовъ, кромѣ Костомарова—все-таки профессора-художника, много бравшаго и своей личностью, А. Н. Пыпинъ преимущественно остался въ моей памяти идеаломъ вполне спокойнаго, строго серьезнаго ученаго, всецѣло отдавнагося наукѣ, нелицеприятныя выводы которой даются только путемъ долгаго и упорнаго самостоятельнаго изслѣдованія источниковъ и глубокой исторической ихъ критики. Своими немногими лекціями онъ показалъ мнѣ настоятельную необходимость для науки основательнаго знанія иностранныхъ языковъ, недостаткомъ котораго такъ страдаютъ русскіе студенты; показалъ, сколь важно для учителя словесности знакомство съ литературой европейской, и какъ много требуется отъ человѣка упорнаго, долгаго труда, чтобы внести въ науку хоть что нибудь новое, существенное».

Профессорство А. Н. Пыпина было очень кратковременно: въ 1861 году разыгралась въ Петербургскомъ университетѣ смута, извѣстная подъ названіемъ «студенческихъ волненій», результатомъ которой былъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ выдаю-

щихся представителей профессорской корпораціи, въ томъ числѣ и Александра Николаевича. Въ своихъ очеркахъ, посвященныхъ «75-тилѣтію Петербургскаго университета» и «50-тилѣтію научно-литературной дѣятельности М. М. Стасюлевича» ¹⁾, я уже достаточно говорилъ объ этихъ печальныхъ для университета событіяхъ и повторять все это снова не вижу надобности, отсылая интересующихся и къ этимъ очеркамъ и къ «Воспоминаніямъ» о тѣхъ же событіяхъ участника въ нихъ, В. Д. Спасовича ²⁾).

Въ ноябрѣ 1861 г. дверь Петербургскаго университета крѣпко и навсегда захлопнулась за сиюю молодого ученаго, и первымъ его научно-общественнымъ надеждамъ былъ нанесенъ жестокій ударъ. Злая мячеха-судьба, руками официальныхъ руководителей нашей образованности, постаралась, чтобы ни эти, ни какія нибудь другія изъ дверей патентованныхъ храмовъ науки передъ нимъ болѣе не раскрывались почти до конца дней его жизни, достигла этого, и тѣмъ самымъ навсегда вписала въ исторію отечественнаго просвѣщенія страницы мрака и повоара...

VI.

Въ своихъ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву студентъ 2-го курса Пыпинъ уже постоянно обращается къ интересамъ литературы и журналистики. Поговоривъ съ своимъ другомъ о научныхъ новостяхъ, онъ вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ обзорніе столичныхъ журналовъ и, очевидно, со словъ своего двоюроднаго брата, Чернышевскаго, слышитъ повѣдать о томъ, что въ недалекомъ будущемъ имѣетъ появиться на свѣтъ или каковы предположенія на счетъ этого того или другого журнала. Его вниманіе привлекаютъ къ себѣ работы «Николи», онъ пытается расшевелить въ этомъ направленіи своихъ казанскихъ пріятелей, пытается ихъ, почему не пишетъ ничего Шишкинъ (извѣстный впоследствии публицистъ), ожидаетъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда въ Петербургъ тоже извѣстнаго поэта-переводчика Михайлова, пріятеля Чернышевскаго даетъ о немъ бѣглыя свѣдѣнія и т. д. Такимъ образомъ журнальная жилка, жилка ученаго публициста, въ немъ начинаетъ рано биться и атмосфера журнализма пропитываетъ его насквозь еще на школьной скамьѣ. Возвращаясь къ обзорнію тѣхъ временъ, когда онъ вступилъ на литературный путь, а также запаса побужденій и воздѣйствій на него прогрессивныхъ началъ, Пыпинъ въ своей застольной бесѣдѣ ³⁾ такъ обрисовываетъ сумму этихъ нынѣ уже историческихъ данныхъ: «Въ началѣ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» за 1894 и 1897 года.

²⁾ В. Д. Спасовичъ. Сочиненія, т. IV.

³⁾ Оттискъ изъ 8-й книги «Литературнаго Вѣстника» за 1903 г.

сознательной жизни, — говорит онъ, — моимъ ближайшимъ руководителемъ, старшимъ товарищемъ былъ мой двоюродный братъ... Онъ былъ юноша ревностно искавшій научнаго знанія и полный идеализма; я былъ мальчикъ. Онъ былъ уже богатъ свѣдѣнiami, которыя сохраняла его рѣдкая память; въ поэзи онъ носился съ Шиллеромъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Его увлекали не однѣ поэтическія картины, но и возвышенныя человѣческія идеи. Когда онъ былъ въ университетѣ, я былъ въ классахъ гимназiи... Въ письмахъ онъ поддерживалъ во мнѣ интересъ къ занятіямъ, особенно рекомендовалъ исторію, — съ тѣхъ поръ я узналъ имена Раумера и Шлоссера, хотя въ провинциі не могъ имѣть ихъ въ рукахъ. Часто писалъ онъ мнѣ длинныя письма по-латыни; самъ онъ былъ отличный латинистъ и хотѣлъ меня приучать къ латыни, а также онъ касался въ письмахъ такихъ предметовъ, о которыхъ было менѣе удобно писать по-русски. Здѣсь въ первый разъ, къ концу сороковыхъ годовъ, я увидѣлъ возможность крестьянскаго вопроса. Въ письмахъ въ связи съ исторіей говорилось о «glebae adscripti» и «terrae firmi». Въ Петербургѣ я засталъ его за новѣйшей нѣмецкой философiей и новѣйшей исторіей. Въ университетѣ, съ 1849 года, мнѣ принадлежала русская старина и литература и вмѣстѣ съ тѣмъ старина и литература славянъ. По окончанiи курса, я вскорѣ познакомился съ литературными кругами и особенно близко видѣлъ кругъ редакціи «Современника» съ Некрасовымъ во главѣ... Здѣсь открылась для меня поучительная и знаменательная картина русской жизни и литературы. Надъ литературой тяготѣло то реакціонное давленіе, которое внушено было послѣ 1848 г. опасеніями мнимой возможности отраженія у насъ западныхъ политическихъ волненій. «Негласный Комитетъ» своею подозрительностью угнеталъ самую цензуру; надзоръ былъ усиленъ до того, что каждое крупное вѣдомство имѣло свою цензуру, простиравшуюся на все, въ чемъ литература могла касаться его. Всего считалось 17 цензуръ... Въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ должна была дѣйствовать литература, призванная, казалось бы, выражать нравственное состояніе общества. Слишкомъ часто приходилось ей говорить неясными отвлеченностями или далекими намеками, или просто умолкать. Тѣмъ временемъ надвигалась политическая гроза, которая разразилась крымскою войною. Мнѣ памятно возбужденіе общества, когда подъ вліяніемъ неожиданныхъ испытаній и разоблаченій сложилось убѣжденіе въ несостоятельности стараго порядка. Въ тоже время подвиги севастопольской обороны говорили о богатствѣ личнаго мужества и самоотверженія. Что нельзя идти такъ дальне, начинали видѣть даже люди зауряднаго пониманія. Близился кризисъ».

По словамъ г. Веселозскаго, передающаго эту рѣчь Пыпина, въ литературныхъ кругахъ жило съ 1840-хъ годовъ твердое убѣжденіе

въ необходимости иного порядка, преобразований, большаго пространства для просвѣщенія, большей свободы для общественности. «При всѣхъ стѣсненіяхъ конца сороковыхъ и первыхъ пятидесятыхъ годовъ въ литературѣ не заглохла живая струя преданій; помнились заветы Вѣлинскаго. Чернышевскій писалъ тогда «Очерки Гоголевскаго періода», которые были первою литературною біографіей великаго критика; фактическія черты шли прямо отъ современниковъ, но ихъ устнымъ разсказамъ, особенно Анненкова. Съ конца сороковыхъ годовъ выступила, знаменитая вскорѣ, плеяда писателей-художниковъ, оставившая неизгладимый слѣдъ на его интересахъ и стремленіяхъ; готовились произведенія, которымъ суждено было составить эпоху въ исторіи русской литературы. Съ такими-то задатками интересовъ, напѣреній и склонностей, въ которыхъ какъ будто уже мелькали очертанія будущей біографіи Вѣлинскаго, его трудовъ по древней литературѣ и этнографіи и построеннаго на широкой основѣ племенной равноправности и уваженія къ народной личности историческаго обзрѣнія всѣхъ славянскихъ литературъ, А. Н. Пышинъ вступилъ въ новый періодъ русской жизни и общественности. «Повторилось днѣи Александровыхъ прекрасное начало». Общество исполнилось надеждъ; люди сороковыхъ годовъ и ихъ преемники, хранившіе, какъ драгоценный заветъ, память тѣхъ временъ, ожидали исполненія своихъ давнихъ мечтаній. Дѣятельность плеяды расширилась и оживилась. Въ «Современникѣ», съ которымъ Пышинъ сблизился, благодаря Чернышевскому, сосредоточивались лучшія силы этой плеяды,—Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ, Григоровичъ, наконецъ, новое имя, всего въ трехъ буквахъ, Л. Н. Т., вызвали самыя горячія сочувствія, — вернулись къ дѣятельности Достоевскій, Салтыковъ. «Я считаю себя счастливымъ,—говорилъ Пышинъ,—что былъ свидѣтелемъ, иногда близкимъ, этой оживленной поры, которая стала уже исторической эпохой русской литературы. Это была пора въ своемъ родѣ единственная,—рѣдкое соединеніе дарованій, богатыхъ и разнообразныхъ; это было настоящее представительство національнаго гениа, и мы видѣли потомъ, что Европа съ изумленіемъ открыла въ созданіяхъ этой литературы и русскій художественный гениа, и русскую душу».

Помѣстивъ свои журнальныя статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Атенѣ» и «Современникѣ», онъ со временемъ сосредоточился исключительно на страницахъ послѣдняго журнала, гдѣ съ 1863 г. былъ членомъ редакціи, а съ 1865 по 1866 гг.,—годъ закрытія «Современника»,—его отвѣтственнымъ редакторомъ. За этотъ періодъ имъ помѣщено здѣсь не мало крупныхъ статей, критическихъ и библиографическихъ замѣтокъ, а также переводныхъ произведеній. Вступленіе Пышина въ составъ редакціи «Современника», послѣ смерти Добролюбова и ареста Чернышевскаго, было, конечно, для журнала большимъ и цѣннымъ приобрѣтеніемъ, но дни

его были сочтены, и на долю Александра Николаевича выпала печальная обязанность хоронить дорогое порученное ему дѣло, и вторично уже испытать въ жизни злой ударъ судьбы, разбившей еще разъ его надежды и упованія.

О своемъ участіи въ «Современникѣ» Пыпинъ сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія и именно имъ посвятилъ немало теплыхъ страницъ въ своей послѣдней работѣ, посвященной личности Н. А. Некрасова. Въ этомъ трудѣ онъ исполнилъ ясно и понятно излагаетъ, почему между авторомъ «Кому на Руси жить хорошо» и его старшими по литературѣ товарищами произошелъ разрывъ и почему именно Некрасовъ скорѣе тяготѣлъ къ молодой фракціи своего журнала, нежели къ старшей. Говоря о послѣдней, Пыпинъ утверждаетъ: «Новая критика, т.-е. критика Добролюбова и Чернышевскаго, была имъ непріятна; «политика», т.-е. вопросы общественные, были неинтересны; «разные экономическіе вопросы» (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, интересы молодыхъ поколѣній,—тѣ самыя, которые подняты были въ тревожную пору Крымской войны и волновали лучшую часть общества, — были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы животрепещущіе. Но то, что было чуждо или нелюбопытно старымъ друзьямъ, было Некрасову исполнѣе присуше, и не трудно было человѣку, нѣсколько воспримчивому къ общественнымъ вопросамъ, понять, въ годы кризиса Крымской войны, общественное возбужденіе; понять, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеальному и еще не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольства. Некрасовъ сумѣлъ понять идеалистическое настроеніе, представителями котораго были два новыхъ сотрудника журнала».

Этотъ идеализмъ, понятный Некрасову, сблизилъ его и съ Пыпинымъ, этимъ частымъ представителемъ именно житейскаго и общественнаго идеализма, а эта-то близость и оставила въ сердцѣ Пыпина на всю жизнь признательность и даже поклоненіе передъ знаменитымъ русскимъ поэтомъ. Послѣ Чернышевскаго никто изъ нашихъ писателей—Вѣлинскій не въ счетъ, съ нимъ онъ знакомъ естественно не былъ—не производилъ на Пыпина такого сильнаго впечатлѣнія и не имѣлъ такого вліянія, какъ Некрасовъ. Уже въ письмахъ къ Мордовцеву онъ цитируетъ именно этого писателя и къ нему же летитъ его мысль въ послѣдніе мѣсяцы жизни, когда изъ дали времени передъ нимъ во весь ростъ вырисовывалась эта для многихъ столь загадочная и несимпатичная, а для него—столь понятная и любимая фигура. Какъ бы предчувствуя свой близкій конецъ, онъ снѣшить повѣдать читателямъ мелочи и факты изъ жизни этого человѣка, опасаясь, какъ бы со смертію его—послѣд-

няго сподвижника Некрасова,—не осталось чего-нибудь непонятнаго и темнаго. Онъ произноситъ ему свое оправдательное и хвалебное слово, и это слово было послѣдней пѣсеней исчезающаго лебедя. Начало и конецъ его журнальной дѣятельности здѣсь какъ бы символически сплелись въ торжествующую пѣснь объ общественномъ идеализмѣ, видными поборниками котораго были и поэтъ горя народнаго и его молодой ученый соредаторъ по «Современнику».

Уже распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го декабря 1865 года «Современнику» было дано второе предостереженіе и вслѣдствіе сего редація журнала вынуждена была выступить съ слѣдующимъ разъясненіемъ¹⁾: «Съ полученіемъ «Современникомъ» второго предостереженія въ Петербургѣ разнесся слухъ, что «Современникъ» въ слѣдующемъ году издаваться не будетъ. Такъ какъ мы ничего подобнаго не публиковали, а напротивъ, объявляемъ о продолженіи журнала, то это значитъ, что публика по двумъ предостереженіямъ поспѣшила придти къ заключенію, что правительство имѣетъ намѣреніе закрыть «Современникъ». Не принимая на себя право входить въ намѣренія правительства, мы все-таки скажемъ, что съ своей стороны не можемъ придти къ подобному заключенію, иначе сами бы закрыли журналъ. Не говоря уже о томъ, что и третье предостереженіе, по смыслу закона, не есть еще непремѣнно смертный приговоръ журналу, укажемъ на слѣдующее обстоятельство». Слѣдуетъ справка изъ практики журналовъ и ссылка на цензурный уставъ, а въ заключеніе сказано: «На этомъ основаны наши надежды на существованіе «Современника» въ слѣдующемъ году; и мы прибавимъ, что видимъ возможность, не измѣняя нашей программы, вести наше дѣло такъ, чтобъ впредь избѣгать предостереженій». Но всѣ эти ссылки на смыслъ закона и надежды на возможность за борьбы остались тщетными. Съ № 2 журнала 1866 г. въ нихъ появились статьи Ю. Жуковскаго «Вопросъ молодого поколѣнія», за каковыя авторъ и отвѣтственный редакторъ А. Н. Пыпинъ были привлечены къ судебной отвѣтственности. По этому случаю Никитенко въ своемъ дневникѣ²⁾ заноситъ подъ датю 6-го октября: «Дѣло Пыпина и Жуковскаго рѣшено во второй судебной инстанціи. Инстанція эта признала обвиненіе ихъ въ томъ, что статья «Вопросъ молодого поколѣнія» оскорбляетъ дворянство, неправильнымъ, но осудила того и другаго на трехнедѣльный арестъ на гауптвахтѣ и на взносъ штрафа по сгу рублей съ каждаго за бранчивыя выраженія. Итакъ, Валуевъ все-таки не добился полнаго торжества. Онъ настанвалъ именно на оскорбленіи дворянства».

¹⁾ «Современникъ», 1865 г., № 12.

²⁾ А. В. Никитенко, «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ».

Такимъ образомъ Пыпинъ отсидѣлъ положенный срокъ на гауптвахтѣ и, вспоминая о томъ послѣдствіи, добродушно замѣчалъ, что и онъ имѣлъ въ жизни «отношеніе къ военному словию». Однако, по справкѣ г. Мордовцева, какъ мы знаемъ, это было вторымъ его прикосновеніемъ къ воинскому дѣлу... Въ томъ же дневникѣ Никитенки подѣ датой 23-го іюня сказано: «Я не помню давно, чтобы правительственная мѣра производила такое единодушное и всеобщее недовольство, какъ... запрещеніе двухъ журналовъ: «Современника» и «Русскаго Слова» - послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано помимо закона».

Хотя ударъ судьбы, который постигъ Пыпина, былъ и очень силенъ, но до нѣкоторой степени таже судьба послала ему и нѣкоторое утѣшеніе. Въ томъ же 1866 году его бывшій профессоръ, а потомъ товарищъ по университетскому преподаванію, М. М. Стасюлевичъ, основалъ «Вѣстникъ Европы», журналъ исторіи, литературы и науки, и сплотилъ здѣсь въ одну литературную группу съ опредѣленнымъ общественнымъ направленіемъ своихъ бывшихъ товарищей, вмѣстѣ съ нимъ покинувшихъ въ 1861 году университетъ. Конечно, ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ своимъ по журналу онъ пригласилъ А. П. Шцинна, который съ тѣхъ поръ и почти въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ былъ самымъ ревностнымъ литературнымъ вкладчикомъ въ «Вѣстникъ Европы», обогативъ его рядомъ научныхъ произведеній по исторіи русскои литературы первокласснаго значенія и первостепенной важности. Но работая въ журналѣ г. Стасюлевича въ области оригинальныхъ и самостоятельныхъ изысканій, онъ находилъ еще достаточно силъ, чтобы дарить и нашу переводную литературу своими трудами, гдѣ во всемъ блескѣ сказались его широкія лингвистическія, соціологическія, философскія и историческія познанія. Частію подѣ его редакціей, частію въ его переводѣ появились историко-литературныя и историческія сочиненія Шерра, Геттнера, Дрэпера, Лекки, Тэна, Розау, Бенгтама. Вмѣстѣ съ М. Антоновичемъ онъ перевелъ «Исторію индуктивныхъ наукъ» Уэвеля, а въ 1890 годахъ подѣ его редакціей вышли «Исторія нѣмецкой литературы» Шерера, и «Искусство съ точки зрѣнія соціологіи» Гюбля.

Личная интимная жизнь Александра Николаевича въ этотъ періодъ протекала какъ нельзя мирно и счастливо. Въ январѣ 1863 года онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвичествомъ Юліей Петровной Гурскалинъ, лютеранкой по вѣроисповѣданію и уроженкой Петербурга. Юлія Петровна окружила жизнь своего ученика мужа самою нѣжкою заботливостью и трогательнымъ попеченіемъ, была его истиннымъ другомъ и помощницею въ трудахъ, а въ послѣдніи 15 лѣтъ своей жизни (она скончалась 5 декабря 1897 г.), когда дѣти подросли и стали на ноги, а у Александра Николаевича влѣд-

ствіе усиленныхъ занятій утомилось зрѣніе, она писала подѣ его диктовку и дѣлала для него, по его указаніямъ, необходимыя выписки. Такъ, его известная «Исторія Русской литературы» вся до послѣдней строки написана ея рукой. Къ сожалѣнію, послѣдній томъ вышелъ изъ печати уже послѣ ея смерти. Въ уваженіе къ такой роли своей жены-друзи въ его трудахъ, Пыпинъ посвятилъ эту «Исторію литературы» памяти Юліи Петровны, но помѣтилъ это посвященіе лишь на немногихъ экземплярахъ. Отъ брака съ Юліей Петровной у него родилось двое сыновей и двѣ дочери, нынѣ благополучно здравствующіе.

Изъ фактовъ общественной его жизни надлежитъ еще отмѣтить, что уже съ 1861 г. онъ принималъ близкое и непосредственное участіе въ дѣлахъ литературнаго фонда, гдѣ, между прочимъ, въ теченіе 12 лѣтъ былъ членомъ правленія.

VII.

Будучи главнымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы», Пыпинъ помѣстилъ здѣсь длинный рядъ классическихъ работъ по исторіи нашей общественности и нашего просвѣщенія, которыя являются въ настоящее время настоятельными книгами каждаго образованнаго и занимающагося русскаго человѣка. Тутъ цѣлая гуманная энциклопедія русской жизни, неисчерпаемый источникъ фактовъ, обнимающихъ собою все главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго народа, источникъ свѣтлыхъ мыслей, облагораживающихъ и возвышающихъ умъ читателей. Главнѣйшія работы эти суть (изъ нихъ большинство вышло отдѣльными изданіями): «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», «Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 1820 до 1850-хъ годовъ¹⁾», «Вѣднскій, его жизнь и переписка», «Исторія русской этнографіи», «Исторія русской литературы», многочисленныя статьи о масонствѣ, «Крыловъ и Радищевъ», «Оеофагъ Проконевичъ и его противники», статьи о панславизмѣ, «Польскій вопросъ въ русской литературѣ», статьи о сочиненіяхъ Пушкина и ихъ текетѣ, «Обзоръ русскихъ изученій славянства», статьи о Салтыковѣ, «Литературныя воспомнанія» и «Черенска», «Гердеръ», рядъ статей и замѣтокъ по текущей литературѣ, масса критическихъ замѣтокъ и рецензій на нововышедшія книги и пр. и пр. Кромѣ того, имъ, совмѣстно съ В. Д. Спасовичемъ, изданъ замѣчательный трудъ, посвященный исторіи славянскихъ литературъ. Этотъ

¹⁾ За эти статьи «Вѣстнику Европы» было дано въ 1873 г. второе предостереженіе авт.

капитальный трудъ, по мнѣнію специалистовъ, представляетъ собою единственное до сихъ обстоятельное изложенеіе судебъ тысячелѣтней исторіи литературы западныхъ и южныхъ славянъ, чрезвычайно замѣчательное не только какъ сводъ того, что сдѣлано въ области изученія духовной жизни славянства, но и по истинно-научному своему методу. Пыпинъ относится здѣсь съ величайшимъ уваженіемъ и съ полною терпимостью къ духовному складу каждой изъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей и является рѣшительнымъ противникомъ поглощенія одной народности другою, исходя притомъ изъ идеалистическихъ соображеній главнымъ образомъ о совмѣстномъ свободномъ развитіи общечеловѣческой культуры и національныхъ ихъ индивидуальностей.

Такая богатая и плодотворная дѣятельность Пыпина обратила на него уже въ 1871 году вниманіе академіи наукъ, и былъ поставленъ вопросъ объ избраніи его въ адъюнкты по креслу исторіи. Этотъ эпизодъ въ жизни Александра Николаевича надѣлалъ много шума въ свое время въ Петербургѣ, и о немъ имѣется обстоятельное свидѣтельство лѣтописца того времени А. В. Никитенки. Въ его дневникѣ подъ 6-мъ октября 1871 года записано: «Поднимается великая буря на академію наукъ въ кругу интеллигентнаго общества за избраніе въ адъюнкты ея по креслу исторіи (А. Н.) Пыпина. Избраніе это, впрочемъ, состоялось еще только въ отдѣленіи и проидеть ли оно въ общемъ собраніи — это еще вопросъ. Говорятъ: «Какъ можно было избрать Пыпина по части исторіи за одну только статью, напечатанную имъ въ «Вѣстникѣ Европы» объ Александрѣ I и Карамзинѣ?» И далѣе: «Почему же не избрали Костомарова, который и есть настоящій дѣятель по русской исторіи?» Особенно кричатъ и вопятъ тѣ, которые не дружелюбно относятся къ «Вѣстнику Европы». Къ нимъ, разумѣется, примыкаетъ и партія министерства народнаго просвѣщенія. Эта послѣдняя грозитъ, что министръ при докладѣ государю объ утвержденіи Пыпина можетъ сдѣлать такія замѣчанія, въ силу которыхъ Пыпинъ, пожалуй, окажется неутвержденнымъ. Такъ думаютъ **, *. Скандалъ большой. Правда, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Не Пыпина, а Костомарова, дѣйствительно, слѣдовало избрать на кресло исторіи. Заслуги Костомарова и его дарованія въ этой области всѣми признаны, и Пыпинъ, конечно, не можетъ быть не только предпочтенъ ему, но и поставленъ съ нимъ на ряду. Между тѣмъ, послѣдній могъ бы быть по всѣмъ правамъ и по всей справедливости избранъ во II отдѣленіе по части исторіи русской словесности — и это, конечно, никого не удивило бы, не обидѣло и не озлобило. Теперешнее избраніе приписываютъ интригамъ Пекарскаго и *. Оно, можетъ быть, и такъ. Посмотримъ, что сдѣлается общее собраніе. Вотъ уже появилась и статья въ «Голосѣ» противъ избранія Пыпина». Подъ 19-мъ октября. «Ми-

нистръ, графъ Толстой, говорятъ, свирѣпствуетъ противъ выбора Пыпина въ адъюнкты академіи. На-дняхъ, за обѣдомъ у себя, онъ, въ присутствіи многихъ лицъ, расточалъ ужасныя укоры на академію за этотъ выборъ и съ обыкновенною своею горячностью объявилъ, что пока онъ министръ, онъ не допуститъ, чтобы Пыпинъ сѣлъ на академическое кресло. За что такая неприязнь къ этому человѣку? Въ данномъ случаѣ виноватъ не онъ, а тѣ любители интригъ, которые поставили его въ неловкое положеніе. Самъ онъ человѣкъ почтенный, ученый. Онъ участвуетъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», который находится въ оппозиціи съ министромъ, и при томъ онъ не приверженецъ классицизма и Каткова: ужъ не въ этомъ ли вся вина его въ глассахъ нѣкоторыхъ?» Подъ 12-мъ ноября онъ заноситъ: «Пыпинъ избранъ въ адъюнкты академіи наукъ по русской исторіи въ сегодняшнемъ общемъ собраніи: онъ получилъ 25 шаровъ избирательныхъ и 9 отрицательныхъ. Въ пользу его, кажется, много послужило ругательство «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса» на академію, особенно первыхъ. Многие изъ членовъ, вѣроятно, не хотѣли показать, что они какъ бы испугались этого ругательства. Известно также, что министръ былъ сильно противъ этого избранія». Подъ 22-мъ ноября: «Вечеръ у Литке. Собрались всѣ академики и, кромѣ нихъ, Левшинъ, А. И., Г. П. Небольсинъ и нѣкоторые другіе. Разбились, какъ обыкновенно, на кружки. Нѣтъ, нѣтъ, да и наткнулся на разговоръ о Пыпинѣ. Вотъ странная судьба его постигла! Утвердятъ ли Пыпина или нѣтъ? Вопросъ, всѣхъ занимающій». Подъ 20-мъ декабря: «Дѣло о Пыпинѣ рѣшилось: комиссія не знала, какъ сладить съ этимъ дѣломъ, и признала за лучшее, чтобы Пыпинъ отказался самъ отъ званія члена академіи. Это онъ и сдѣлалъ. Итакъ, и сѣно цѣло, и козы сыты. Вотъ какъ объясняютъ пыпинское дѣло: его устроилъ (Веселовскій) съ Головиннымъ. На часть Головинна приходилось тутъ слѣдующее: «нельзя ли устроить западню графу Толстому? Онъ непременно придетъ въ ярость отъ выбора Пыпина, полѣзетъ на стѣну, по обыкновенію раскричится и разругается на цѣлый городъ, а при докладѣ государю употребитъ всѣ усилія подорвать выборъ академіи. Можетъ случиться, что государь согласится съ нимъ, а можетъ, и нѣтъ. Если произойдетъ послѣднее, то графъ Толстой претерпитъ ужаснѣйшее фiasco и по своему высокомерию даже можетъ подать въ отставку, что, разумется, было бы великою радостью для Головинна. (Веселовскій) получилъ отъ него инструкцію предложить Пыпина. К..... добрый человѣкъ, согласился съ (Веселовскимъ), и оба послужили орудіемъ Головинна».

Къ означенному дневнику Никитенки имѣется нижеслѣдующее разъяснительное примѣчаніе редактора, М. К. Лемке: «Согласно обычаю, академикъ А. А. Куникъ, предлагавшій избрать А. Н. Пыпина въ адъюнкты академіи по части исторіи, внесъ въ исто-

рико-филологическое отдѣленіе «Записку о трудахъ по русской исторіи магистра А. Н. Пыпина». 7-го сентября отдѣленіе единогласно избрало предложеннаго кандидата. Общее собраніе академіи назначило выборы въ слѣдующее засѣданіе, 12-го ноября. Требовалась лишь высочайшая санкція, которую и испрашивали черезъ министра народнаго просвѣщенія. 15-го декабря А. Н. Пыпинъ написалъ президенту академіи письмо, гдѣ, благодаря за лестную честь, увѣдомлялъ, что «по измѣнившимся своимъ обстоятельствамъ, къ сожалѣнію своему, не можетъ принять это избраніе». Такимъ образомъ «инцидентъ» былъ оконченъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что А. А. Куникъ, несмотря на неудачу, настоялъ на напечатаніи своей «Записки» въ 20-мъ томѣ «Записокъ Императорской Академіи Наукъ».

Инцидентъ въ академіи наукъ былъ третьимъ злымъ ударомъ въ жизни А. Н. Пыпина, гдѣ официальная власть не признала заслугъ того, кто, какъ общественный дѣятель, былъ уже вполне признанъ «заслуженнымъ». Прошло 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ и что же мы видимъ? То, что имѣло мѣсто въ 1871 году на берегахъ Невы повторилось съ замѣчательною тождественностью въ 1891 г. на берегахъ Волги. Заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета П. А. Ойрсовъ и его товарищи по факультету ординарные профессора: Н. А. Осокинъ, Д. А. Корсаковъ, И. Н. Смирновъ, О. Г. Мищенко и А. С. Архангельскій вошли въ историко-филологическій факультетъ съ представленіемъ, гдѣ по случаю исполнившагося 35-ти лѣтій научной дѣятельности А. Н. Пыпина, посвященной изученію русской старины и народности, ходатайствовали объ утвержденіи Александра Николаевича въ степені: доктора русской исторіи безъ представленія диссертации.

Изложивъ въ началѣ своей записки по сему предмету ¹⁾ чрезвычайно обстоятельно научныя заслуги Пыпина, съ подраздѣленіемъ его трудовъ на нѣтъ группъ: 1) русская народность въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; 2) научныя воззрѣнія въ русской исторіи; 3) русская образованность въ XVIII вѣкѣ вообще; 4) исторія русскаго масонства; 5) русская образованность XIX вѣка и представивъ сжатую характеристику и оцѣнку каждой изъ категорій этихъ работъ, съ поименованіемъ и краткимъ изложеніемъ таковыхъ, почтенные ученые въ заключительной части говорили: «Во всѣхъ перечисленныхъ сочиненіяхъ А. Н. Пыпинъ является ученымъ собирателемъ матеріала и вполне компетентнымъ его изслѣдователемъ. Тщательное изученіе частныхъ, научный анализъ историческихъ фактовъ русской умственной жизни и ихъ обобщеніе, путемъ сопоставле-

¹⁾ Представленіе было составлено проф. Д. А. Корсаковымъ. Оно напечатано имъ въ изданіи проф. А. С. Архангельскаго «По поводу научно-литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина». Изъ архива Казанскаго университета.

нiя съ аналогичными имъ фактами въ умственной жизни западно-европейскихъ народовъ, дають трудамъ А. Н. Пыпина высокое научное значенiе. Имѣя широкую предварительную филологическую подготовку и обладая основательнымъ знанiемъ въ литературахъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также наукахъ политическихъ и историческихъ, онъ является ученымъ историческимъ критикомъ съ широкимъ взглядомъ на вещи. Чуждый предразсудка національной исключительности, онъ постоянно слѣдитъ за прогрессивнымъ влiанiемъ на нашу умственную жизнь западно-европейскихъ идей, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда отвѣчаетъ наши національныя особенности. При этихъ выдающихся достоинствахъ А. Н. Пыпинъ, правда, нерѣдко не выдерживаетъ столь желаемой, но почти недостижимой въ историческихъ изслѣдованiяхъ, объективности возрѣнiй. Этотъ недостатокъ свойственъ болѣе или менѣе каждому историческому писателю, и ученые противоположныхъ ему возрѣнiй, какъ напримѣръ, славянофилы, были въ своихъ историческихъ взглядахъ еще болѣе субъективны. Это качество не можетъ умалить несомнѣнныхъ ученыхъ заслугъ, какъ А. Н. Пыпина, такъ и главнѣйшихъ представителей славянофильскаго направления.

«Такiя книги, какъ «Общественное движенiе въ Россiи при императорѣ Александрѣ I» и «Исторiя русской этнографiи», взятая каждая въ отдѣльности, уже могли дать, по справедливости, г. Пыпину официальное право на полученiе ученой степени доктора русской исторiи. Присоединенiе къ нимъ другихъ вышеуказанныхъ сочиненiй,—по глубокому нашему убѣжденiю,—лишь еще болѣе усиливаетъ это право. А потому мы рѣшились обратиться съ просьбою къ историко-филологическому факультету ходатайствовать предъ его сiятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенiя о возведенiи Александра Николаевича Пыпина, во вниманiе къ ученымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ въ теченiе тридцатипятилѣтнихъ трудовъ на поприщѣ русской исторiи и вспомогательныхъ знанiй при ея изученiи: налеографiи, археографiи, археологiи и этнографiи—въ званiе почетнаго доктора русской исторiи. Увѣренъ, что наши многоуважаемые товарищи отнесутся сочувственно къ нашему предложенiю, раздѣляя наше возрѣнiе на ученые достоинства г. Пыпина, и тѣмъ болѣе еще, что г. Пыпинъ не чуждъ Казанскому университету. Уроженецъ города Саратова и воспитанникъ тамошней гимназiи, онъ началъ высшее образованiе въ нашемъ университетѣ».

Заслушавъ единогласное ходатайство факультета, совѣтъ университета единогласно же опредѣлилъ: «Вполнѣ соглашаясь съ представленiемъ историко-филологическаго факультета объ ученыхъ заслугахъ Александра Николаевича Пыпина,—просить ходатайства попечителя округа предъ г. министромъ народнаго просвѣщенiя объ

утвержденіи Пыпина въ степени доктора русской исторіи, на основаніи ст. 80-й Унив. уст., III, п. 10, безъ представленія диссертациі».

Черезъ два мѣсяца на это представленіе совѣтомъ университета былъ полученъ оффиціальныи отвѣтъ, нопечителя отъ 28-го мая 1901 года, за № 2785, на имя ректора университета: «При представленіи отъ 4-го минувшаго апрѣля, за № 1915, мною было сообщено господину министру народнаго просвѣщенія ходатайство совѣта Казанскаго университета о возведеніи А. Н. Пыпина въ степень доктора русской исторіи безъ требованія отъ него диссертациі на эту степень.

«Не признавая возможнымъ утвердить означенное постановленіе совѣта, господинъ министръ предложеніемъ отъ 20-го мая, за № 8802, о семъ меня увѣдомилъ».

Этотъ достойный отвѣтъ послѣдовалъ отъ графа Н. Д. Делянова, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, и продолжавшаго, какъ бы по завѣту своего патрона и предшественника, графа Д. А. Толстого, относиться къ нашему ученому съ удивительнымъ нерасположеніемъ и непонятнымъ озлобленіемъ. Демонстративный выходъ изъ профессоровъ университета въ 1861 году, несочувственное отношеніе къ реакціонной политикѣ Александра I, высказанное имъ въ извѣстныхъ статьяхъ, посвященныхъ той эпохѣ, приверженность ко всякому освободительному движенію и свободному проявленію независимаго человѣческаго духа — вотъ тѣ главнѣйшія преступленія со стороны А. Н. Пыпина въ глазахъ графа Толстого, которыя побуждали и его, и его единомышленниковъ упорно отказываться зачесть заслуги Пыпина передъ родиною въ послужной списокъ съ государственнымъ на немъ знакомъ одобренія и предпочитать, чтобы его дѣятельность протекала внѣ рамокъ оффиціальныи учреждений. Только въ концѣ XIX столѣтія, когда сошли со сцены просвѣщенные его гонители, двери этихъ учреждений передъ нимъ широко раскрылись, и онъ вошелъ туда съ высоко поднятой головою и увѣнчанныи полувѣковыми почти лаврами общественной признательности. Пыпинъ былъ избранъ въ академики, а Казанскій университетъ получилъ возможность возвести его въ свои почетные члены.

Въ добавленіе ко всему сказанному объ А. Н. Пыпинѣ и ко всѣмъ собраннымъ для его будущаго жизнеописанія матеріаламъ я не имѣю болѣе что прибавить. Главнѣйшіе факты жизни мною сообщены, а широкая и полная его духовная жизнь вся въ его многочисленныхъ трудахъ и работахъ, включая сюда и академическія работы по обнародованію и редактированію сочиненій Екатерины II. Эти труды его были достаточно всесторонне освѣщены на

его полувѣковомъ юбилеѣ въ 1903 году, въ цѣломъ рядѣ рѣчей, напечатанныхъ въ столь часто цитированномъ мною оттискѣ изъ «Литературнаго Вѣстника», и въ изобиліи напечатанныхъ о немъ статей въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ. Изъ числа послѣднихъ долженъ отмѣтить прекрасную статью Е. Ляцкого, напечатанную въ «Вѣстникѣ Самообразованія», 1903 г., № 27, гдѣ, въ сжатомъ изложеніи, приведена сущность общественныхъ взглядовъ нашего академика, хотя и примѣнительно только къ его «Исторіи литературы».

Литературная и научная дѣятельность Александра Николаевича получила свое развитіе при общемъ оживленіи русской жизни во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, и прервалась она тоже при окружающемъ общемъ оживленіи и напряженномъ ожиданіи лучшаго будущаго. И если этому будущему суждено осуществиться (а въ это нельзя не вѣрить!), то, озираясь на всѣхъ, кто такъ или иначе потрудился для этого будущаго, не забудемъ же съ особенною признательностью вспомнить и о томъ, кто, непрестанно живописуя въ своихъ ученыхъ трудахъ историческія судьбы русскаго народа, тѣмъ самымъ прокладывалъ пути къ его счастью и гражданскому и духовному благополучію. А. Н. Пыпинъ много потрудился въ этомъ направленіи, немало былъ приноситѣль въ жертву мраку и застою, мужественно вынося удары судьбы. Такъ пусть же за все это на общемъ праздникѣ русскаго народа ему будетъ современниками провозглашена громкая «слава» и историческая «вѣчная память».

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія И. Н. Жданова. Томъ первый. Изданіе отдѣленія
русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ.
Спб. 1904.

ИМЯ И. Н. Жданова, профессора русской литературы С.-Петербургскаго университета и академика академіи наукъ, слишкомъ извѣстно для того, чтобы подробно припоминать читателямъ научныя заслуги покойнаго ученаго. Хорошо знавшій нашу старую и новую литературы, близко знакомый съ средневѣковой западной литературой, прошедшій систематическую духовную школу, наконецъ, любившій и понимавшій произведенія вароднаго эпоса, Ждановъ въ теченіе 25 лѣтъ обогащалъ русскую науку цѣлымъ рядомъ трудовъ, которые долго не утратятъ своей научной цѣнности. Каждый изъ нихъ вызывалъ рецензіи; среди рецензентовъ были обыкновенно лучшіе спеціалисты по литературѣ стараго времени, и всѣ они отдавали должное трудолюбивому изслѣдователю. Они отмѣчали строгость его къ источникамъ, точность въ изданіи матеріаловъ, критичность метода, широкую постановку вопросовъ и осторожность выводовъ. Особенную заслугу Жданова они видѣли въ знакомствѣ его съ литературой западной. Это давало ему возможность доказывать западное происхожденіе иногда самыхъ популярныхъ памятниковъ нашей старой письменности, такихъ памятниковъ, которые до того времени считались русскими или, на худой конецъ, византійскими. Волюнѣ понятно, что такія разысканія сближали нашу литературу съ западной, свидѣтельствовали о ея жизненности и вводили древнерусскаго книжника въ область понятій, вкусовъ и идей богатыхъ западныхъ литературъ. Къ этому прибавимъ, что всѣ почти работы Жданова написаны доступно, а нѣкоторыя страницы съ увлеченіемъ, красиво, даже

художественно: видно, семинарская закваска отразилась на его работах въ положительномъ смыслѣ, и стремленіе къ вышней красотѣ строго-научнаго изслѣдованія стояло у автора не на послѣднемъ планѣ.

Такимъ образомъ, научные труды П. Н. Жданова получали широкое распространеніе, и мы не должны удивляться, что его докторская диссертация: «Русскій былевой эпосъ», была переиздана фирмой Л. Ф. Пантелѣева—фактъ, довольно рѣдкій для русскихъ диссертаций, рассчитанныхъ обыкновенно на узкій кругъ специалистовъ. Кроме того, доступностью отличались и лекціи покойнаго профессора, читанныя имъ въ университетѣ, историко-филологическомъ институтѣ, Александровскомъ лицѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ и др. Лекціи литографировались, раскупились слушателями и теперь почти погибли для широкой публики. Вотъ почему мы можемъ привѣтствовать мысль небольшого кружка учениковъ и почитателей Жданова — увѣковѣчить память его изданіемъ полнаго собранія его сочиненій въ двухъ томахъ. Академія наукъ отвесила съ готовностью къ этому плану, и недавно появился большой первый томъ въ 869 страницъ. Лица, близко знавшія покойнаго, говорятъ о его научной скромности, о нелюбви «печататься». Ждановъ долго вынашивалъ свои работы прежде, чѣмъ рѣшится сдать ихъ въ типографію, былъ строгъ къ своимъ трудамъ, много разъ ихъ передѣлывалъ и оставлялъ въ рукописи все, что, по его мнѣнію, не вылежалось для опубликованія. Поэтому среди его бумагъ нашлось нѣсколько статей, не получившихъ окончательной обработки и суммировавшихъ только тѣ научные взгляды и основанныхъ только на томъ матеріалѣ, который собранъ былъ до извѣстнаго времени. Въ разсматриваемое собраніе вошли и эти статьи.

Конечно, на вписаніе въ собраніе сочиненій такихъ работъ, которыя пряталъ самъ авторъ, могутъ быть разные взгляды. Но мы думаемъ, что такая именно полнота въ данномъ случаѣ нисколько не увеличитъ славы покойнаго изслѣдователя; многія изъ статей будутъ имѣть значеніе только біографическое, а Ждановъ все-таки не такая величина, чтобы для всякаго были интересны ранніе опыты, напримѣръ, кандидатское сочиненіе: «Слово о законѣ и благодати и похвала кагану Владимиру» (1872), или составленныя изъ магистрантскихъ отчетовъ «Сочиненія царя Ивана Васильевича», пробная лекція о «Словѣ Давиила Заточника» и т. д. Повторяемъ, мы держимся того взгляда, что уваженіе къ памяти учителя не всегда даетъ право печатать все то, на что самъ онъ смотрѣлъ, какъ на работы невѣрныя. Вотъ единственное замѣчаніе, которое вызываетъ большая и прекрасная книга. Лучшими изъ остальныхъ сочиненій назовемъ слѣдующія: «Русская поэзія въ до-Монгольскую эпоху», «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», «Всегда трехъ святителей и Юса monachorum», «Повѣсть о королевичѣ Валтасарѣ и быльбы о Самсонѣ-Святогорѣ». Кроме нихъ, въ первый томъ вошли цѣльныя «Матеріалы для исторіи стоглаваго собора», «Церковно-земскій соборъ 1551 года», «Литература Слова о полку Игоревѣ», «Палея»; «Рѣчь по поводу празднованія тысячелѣтія со дня смерти славянскаго первоучителя Меодія», «Рѣчь передъ диспутомъ на степенъ доктора русской словесности» («Русскій былевой эпосъ», 1895 г.) и «Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ». Каждая изъ

статей дает массу новаго и прочтется съ интересомъ не только специалистами. Смѣло можемъ рекомендовать книгу всѣмъ, кто интересуется родной литературой.

А. Я.

В. С. Сопиковъ. Опытъ росейской библиографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Части I и II. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904.

Наша библиографическая литература бѣдна, и жалобы на это сдѣлались шаблономъ. Среди ученыхъ находится немного лицъ, которыя могутъ посвящать ей, если не весь, то, по крайней мѣрѣ, большую часть своего досуга, а читателей и покупателей книгъ по библиографіи—и того меньше. Впрочемъ, это такъ естественно. Ничто не отнимаетъ такъ много времени, какъ составленіе книгъ справочнаго характера. Изданіе такихъ книгъ приносить предпринимателямъ одни убытки, а покупать такія книги для однихъ справокъ станетъ далеко не всякій. Вотъ чѣмъ объясняется неувыдаемость славы и бессмертіе научныхъ заслугъ такихъ подвижниковъ своего дѣла, каковымъ былъ Сопиковъ, и его книга, несмотря на всю неполноту, нѣкоторыя ошибки и неточности, до сихъ поръ составляетъ альфу и омегу русской научной библиографіи.

Первое изданіе «Опыта» начало выходить съ 1813 года. Съ тѣхъ поръ библиографамъ стали извѣстны многія изданія XVIII вѣка, не отмѣченные у Сопикова, самыя приемы работы получили иное направленіе, потребовалась документальная точность, бѣльшая строгость въ распределеніи матеріала, появились попытки объяснить заглавія книгъ, сопоставлять ихъ, раскрывать инициалы и псевдонимы и т. п., и все-таки пятитомный «старикъ Сопиковъ», какъ называютъ его библиофилы, остался единственнымъ источникомъ, откуда черпаютъ свѣдѣнія историкъ и литераторъ, публицистъ и любитель книжнаго спорта. Вотъ тѣ соображенія, которыя заставили выпустить второе изданіе «Опыта», сохранивъ за нимъ неприкосновенную роль оригинала и исправивъ самое существенное. Конечно, мы могли бы совсѣмъ не упоминать о томъ, что первое изданіе книги Сопикова понадается въ продажѣ рѣдко, стоитъ дорого, а экземпляры съ такъ называемой «Радипцевской» страницей, т.-е. съ заглавіемъ запрещеннаго и уничтоженнаго «Путешествія» «рабства врага», XVIII вѣка, насчитываются единицами.

Въ своемъ предисловіи Сопиковъ говорилъ, что его «Опытъ» пишетъ скромную цѣль — «способствовать ученымъ нашимъ литераторамъ къ сочиненію полной и совершенной библиографіи». Прошло безъ малаго сто лѣтъ, деизидерата Сопикова до сихъ поръ не осуществились, и второе изданіе его книги, можетъ быть, вызоветъ такой пмечно трудъ, о которомъ мечталъ авторъ «Опыта». Для редактированія второго изданія приглашенъ В. Н. Рогожинъ, большой специалистъ по части библиографіи, человекъ, любящій и понимающій «книгу». Прежде всего мы должны отмѣтить его разумное и нѣсколько даже благоговѣйное отношеніе къ труду патріарха русской библиографіи. Текстъ Сопикова перепечатывается безъ измѣненій, даже орфографія осталона старая,

не тронуты ни общій плавъ изданія, ни распредѣленіе отдѣловъ. Выброшены лишь тѣ выписки изъ старопечатныхъ книгъ, которыя представляли цѣнность во времена Сошкова, а теперь — почти никакой. Въ то же время редактору принадлежит огромный трудъ по провѣркѣ заглавій массы книгъ XVIII вѣка; если нельзя было видѣть подлинное изданіе, то приходилось обращаться къ другимъ каталогамъ, научнымъ или изданнымъ съ практическими цѣлями: во всякомъ случаѣ, безъ провѣрки не оставлялось ни одно заглавіе книги. Въ результатѣ оказались важныя исправленія, объяснились нѣкоторыя ошибки и противорѣчія въ старомъ изданіи. Кроме того, В. Н. Рогожинъ называетъ фамилія авторовъ такихъ книгъ, которыя у Сошкова оказывались анонимными. А для того, чтобы показать, что именно принадлежитъ первому изданію, и что составляетъ трудъ редактора, — всѣ такія поправки и дополненія напечатаны не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ, предъ читателемъ проходитъ «нетронутый Сошковъ», иначе говоря, переизданіе перваго изданія выполнено по всѣмъ научнымъ правиламъ.

Очень характерно предисловіе Сошкова къ первой части, написанное не самимъ библиографомъ, а митр. Евгеніемъ Волховитиновымъ. По заявленію автора, оно должно служить «введеніемъ въ сію науку (т.-е. библиографію), совершенно новую въ Россіи, съ исторіею о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія, какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ примѣчаніями о древнихъ рѣдкихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ и съ краткими изъ оныхъ выписками». И замѣчательно, что все предисловіе отъ начала и до конца не утратило своей цѣнности и въ наше время. Проникнутое любовью къ книгѣ, какъ силѣ культурной, оно рисуетъ образъ самого библиографа самыми симпатичными чертами. Какія интересныя объясненія даны имъ словамъ: «библиографъ», «библиофилъ», «библіотафъ» и «библіоманъ!» Какъ возмущается онъ «зарывателями книги», которые собираютъ книги лишь для того, чтобы скрывать ихъ и не давать другимъ ими пользоваться! «Сіи чудаци, — говоритъ онъ дальше, — въ разсужденіи книгъ суть то же, что скуныя въ разсужденіи денегъ. На ихъ сокровище нельзя взглянуть, не оскорбляя ихъ. Къ несчастію наукъ, библіотафы всадъ нерѣдки. Они причиняютъ величайшій вредъ людямъ, умирающимъ въ наукахъ, которые не въ состояніи имѣть такихъ рѣдкостей, и кои бы у нихъ могли найти великія пособія. Въ лѣтописяхъ народнаго просвѣщенія имена ихъ воспоминались бы вмѣстѣ съ пожарами, наводненіями и нашествіемъ варваровъ, если бы общій судъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ не предавалъ ихъ вѣчному забвенію». Кажется, что авторъ писалъ съ натуры, что эти типы вѣчны, живутъ среди насъ и «зарываютъ» книги. На ряду съ этими размышленіями онъ объясняетъ качества библиографа, какъ служителя науки, и заканчиваетъ отрывокъ словами: «таковъ долженъ быть истинный библиографъ!»

Эти слова какъ нельзя лучше примѣнимы къ самому Сошкову, лучшимъ памятникомъ которому служитъ интересное и доступное изданіе его монументальнаго труда. Оно набирается мелкимъ шрифтомъ, печатается въ два столбца и въ общемъ составитъ одинъ томъ, удобный для справокъ и чтенія, не обременяющій частной библіотеки.

А. И. Ядмирокій.

Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905.

Въ послѣдованіяхъ по исторіи русской литературы нѣсколько разъ затрагивался вопросъ о началѣ русской беллетристики, при чемъ мнѣнія ученыхъ оказывались далеко не одинаковыми. Наиболѣе расиротравленнымъ является то, по которому «отцомъ русскаго романа» считается Карамзинъ, а болѣе вѣрнымъ—тѣ пока неясныя данныя, которыя позволяютъ возводить это «начало» къ болѣе древнему времени, къ тѣмъ элементамъ греческаго христіанскаго романа, которые извѣстны были у насъ и на западѣ въ видѣ религіозныхъ легендъ, житій, апокрифовъ, сказаній, чудесъ и т. д. На ряду съ переводами и подражаніями у насъ существовали и самостоятельныя литературныя проповѣднія, приуроченныя къ русской дѣйствительности, иногда окрашенныя яркими чертами національности, эпохи и среды; отпечатокъ личности автора—явленіе сравнительно позднее и случайное. Поэтому вполне интереснымъ и своевременнымъ является тотъ матеріалъ, который мы находимъ въ новомъ изданіи русскихъ повѣстей XVII—XVIII вв., гдѣ изслѣдователь и читатель найдетъ кое-что извѣстное и раньше, наиримѣръ, «Повѣсть о Горѣ и Злосчасти», «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», «Исторію о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ», «Исторію о російскомъ матросѣ Василю Коріотскомъ» и «Сказку о хозяинѣ и работникѣ», а также цѣлый рядъ литературныхъ произведеній стараго времени, цѣлкомъ напечатанныхъ впервые: «Исторію королевича Архилабона», «Исторію о Ярополѣ цесаревичѣ», «Исторію о російскомъ куницѣ Іоаннѣ и о прекрасной дѣвицѣ Елеонорѣ», «Чудо Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дочери царя Михаила Волгарскаго», «Повѣсть бывшаго посольства въ Португальской землѣ», «Сказку о царѣ Василю Константиновичѣ» и «Сказаніе о трѣхъ царей: о Аркадіи и о царѣ Несмѣявѣ Гордомѣ и о царѣ Борзосмыслѣ Дмитревичѣ». Конечно, не всѣ повѣсти вполне оригинальны: однѣ взяты изъ выдають своимъ языкомъ польскіе или вѣмецкіе оригиналы, наиримѣръ, «Исторія бывшаго посольства въ Португальской землѣ», другія имѣють слишкомъ мало русскаго, наиримѣръ, «Архилабонтъ» съ глаголами на концѣ предложень, съ отсутствіемъ руссификаціи и дикими именами, и навѣрное для нихъ отыщутся оригиналы. Но это не важно, и въ своемъ предисловіи В. В. Сиповскій не всегда настаиваетъ на чисто русскомъ происхожденіи той или иной повѣсти. Остановимся подробнѣе на двухъ произведеніяхъ.

Украшеніемъ сборника надо признать отрывокъ романа въ стихахъ, талантливую и яркую картинку неудачной любви одной дѣвицы. Героиня повѣсти отличается сильной индивидуальностью и не желаетъ уложитъ свое чувство въ тяжелыя рамки благочестиваго по вѣщности «домостроя». Она не покоряется волѣ отца и съ необыкновеннымъ искусствомъ прибѣгаетъ къ всевозможнымъ уловкамъ, чтобы завоевать хотя бы обманомъ личное счастье своей утомленной душѣ. Это—прототипъ Екатерины изъ «Грозы». Отрывокъ начинается разговоромъ о преслѣдованіяхъ «любезнаго» со стороны самодура-отца дѣвицы. Онъ спускаетъ съ цѣней собакъ, но собаки оказались добрѣе его и не разлучали влюбленныхъ. Онъ приготовляетъ копыя, но во время отсутствія

отца дѣвица бросаетъ ихъ, перегрызаетъ зубами, проклинаетъ отца, желаетъ ему смерти. Онъ перехватываетъ любовныя письма, бьетъ дочь, «за косу меня младу о полъ ударяетъ, о письма моя попронаетъ», но дѣвица отказывается отъ письма, такъ какъ, говорить, «и читать не умѣю, и писать не обучена». Затѣмъ начинаются новыя преслѣдованія любви: отецъ моритъ дочь и жену голодомъ, оскорбляетъ ихъ, изъ скупости не наняетъ въ домъ работницы, но и это не угомонило мятущейся и сильной натуры. Она посылала любезному вѣсточку, клала въ письмо свои волосы, остерегала его не ходить по одной улицѣ, гдѣ ожидаютъ враги. Она рвала яблоки, сама ихъ надкусывала, «знакъ любви отдавала, гостинцы посылала». Отецъ призываетъ свахъ, приводилъ жениха, но дѣвица смотрѣла на него, «аки на пса». Вотъ пришелъ и дѣвичникъ, посадили ее за столъ съ немилымъ женихомъ, но она съ отвращеніемъ относилась ко всѣмъ приготовленіямъ для свадьбы: «со отцомъ, со свахою ченцы покупали, не по моей волѣ поступали: что имъ потребно, то мнѣ не годно». Проходя «крашеннымъ рядомъ», она повстрѣчалась съ любезнымъ, отпустила сваху и объявила ему о своей судьбѣ. Онъ въ печали: «съ горестныхъ словъ на себѣ волосы терзаетъ, горестныя слова причитаетъ. Горестно разставались, слезами обливались». Дѣвица скрываетъ свою тоску и только въ чуланѣ тихо плачетъ, перечитывая письма милаго: «по нуждѣ меня съ любезнымъ отецъ разлучалъ, аки бѣлую голубицу разлучаетъ кокошь отъ голубя». Она утѣшаетъ себя только тѣмъ, что «спроситъ Богъ не тѣхъ, кто чинитъ невольной свой грѣхъ: лучше скудно жить, а съ мужемъ въ любви жить, нежели за богатымъ, да неправнымъ». Когда ее везли къ вѣнчанію, изъ очей ея слезы текли. Спрашиваетъ ее попъ: «волею ли и не усилованіемъ?» Она боится сказать правду: «уста мои отъ горести кровь запекаетъ». Во время вѣнчанія здѣсь же стоялъ и оя любезный, онъ «слезами себя обливаетъ, власы на себѣ терзаетъ, письма мои руки друзьямъ объявляетъ, совѣта прошаетъ». Онъ думаетъ показать письма попу, но «друзья его унимали, отцово смертное сокрушеніе объявляли». Необыкновенно грустными нотами звучитъ подробная исповѣдь дѣвицы о томъ невольномъ обманѣ, къ которому ей пришлось прибѣгнуть въ силу жестокаго ритуала старинной русской свадьбы, чтобы скрыть слѣды прежней любви... Но и послѣ свадьбы дѣвица не забыла любезнаго: «вѣдаетъ любезной, что поневолѣ съ нимъ рассталась, и отъ любви моей сердце по немъ истосковалось». Она посылаетъ ему ленточки, цѣлуетъ ихъ, къ сердцу прижимаетъ, а любезный ихъ «на сердце своемъ полагаетъ». Далѣе описываются ихъ тайныя свиданія, ревность мужа и шлетни сосѣдки, «псовки окаяной, неусидливой насѣдки». Повѣсть оканчивается размышленіями на религіозныя темы. По силѣ и непосредственности она стоитъ одиноко и, несомнѣнно, написана женщиной; это мы видимъ изъ одной фонетической черты—мягкаго произношенія звука «л».

Остановимся еще на другой повѣсти—«Чудѣ пресвятыя Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дочери царя Михаила Болгарскаго». Это—длинный и задушевный разговоръ о болгарской Женевьевѣ, разговоръ съ религіозной тенденціей и съ чертами простонародной сказки въ литературной обработкѣ. Въ счастливыя времена для болгарской державы въ ней царствовалъ Михаилъ,

«царь зѣло преславенъ» и «лицомъ зѣло прекрасный». Когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, министры рѣшили женить Михаила и стали «со всякимъ тщаніемъ» подыскивать ему невесту: равную ему и «въ добродѣтельныхъ обхожденіяхъ», и по красотѣ. Въ одномъ городѣ они нашли княжескую дочь Александру, заказали нарисовать ея «персону», послали своему царю, и вскорѣ Михаилъ женился на красавицѣ. Черезъ годъ родилась у нихъ дочь Персяка. На шестомъ году мать стала обучать Персяку книгамъ божественнаго писанія и «любомудрію вѣшнему», но когда дѣвочкѣ исполнилось 13 лѣтъ, Александра скончалась и передъ смертью поучала дочь «со многими слезами», заищая молиться «великой Матери и всецѣдой Заступницѣ». Михаилъ она просила заботиться о сиротѣ, потому что мачеха станетъ презирать ее. Съ молитвой на устахъ умерла царица, оставивъ неутѣшный плачь дочери, мужу и всѣмъ гражданамъ.

Вскорѣ министры стали совѣтовать Михаилу вступить во второй бракъ, потому что «потемнѣло ихъ царство» со смертью Александры. Царь долго не рѣшался «забвеніемъ покрыти любезную его жену-царицу», но въ государственныхъ видахъ приказалъ министрамъ отыскать подобную по красотѣ бывшей царицѣ. Въ концѣ концовъ отыскивали они «въ нѣкоемъ государствѣ африкійскихъ странъ» великую княжну Люцію. Царю понравился ея портретъ, и второй бракъ заключенъ былъ съ веселіемъ. Но лишь только увидала Люція Персяку, какъ дьяволъ вложилъ въ ея сердце ненависть къ падчерицѣ. Ревность и зависть снѣдали царицу, словно ехидна. Какъ змѣя скрываетъ свой ядъ, такъ и Люція скрывала ненависть къ «незлюбивой агницѣ» Персякѣ, которая во всемъ повиновалась второй матери. Однажды Михаилъ отправился на войну выѣсть съ сосѣднимъ пафлагонскимъ царемъ Киромъ, и это дало мачехѣ удобный моментъ, чтобы извести Персяку. Она пишетъ царю «лжесоставныя грамоты на царевну, акибы она ей ни въ чемъ не повинуется и якобы въ дому блудническіе ходитъ и тамо многіе дни и ноца проваждаетъ», Повѣрилъ царь клеветѣ и «женской лести» и велѣлъ царицѣ строго смотрѣть за Люціей. Но этимъ она не удовлетворилась. Призвала она своего «сквернаго любодѣя», приказала отвести Персяку въ незнаемыя мѣста и отсѣчь ей руки, а сама явилась къ падчерицѣ и сказала: «Что здѣ, любезнѣйшая дщи моя, аки птица, въ заключеніи сидиши и никамо отъ чертоговъ своихъ не исходиши? Изыди нынѣ со мною на мѣсто прекрасное, и тамо едины прохладимся». Персяка повѣрила «потаенной змѣѣ», сѣла въ карету, и царицынъ наложникъ погналъ лошадей. Когда царевна замѣтила опасность, было поздно. У границы Пафлагонской земли оставили ее съ руками, обрѣзанными по локти, и безъ чувствъ.

Въ это время въ лѣсу охотился пафлагонскій царевичъ Евгений, недавно вернувшійся изъ Рима, гдѣ обучался «всякому свободному ученію». Собаки его нашли мертвенную Персяку, подняли лай, и сказалъ королевичъ дворецкому: «Иди и вижди, что тамъ есть? Аще ли звѣрь, то убьемъ и насытимся». Увидалъ дворецкій обгавленную красавицу въ золотомъ одѣявіи, позвалъ королевича, который рѣшилъ, что дѣвица не изъ простыхъ, и сталъ приводить ее въ чувство. Персяка посмотрѣла на спасителя, и тотчасъ онъ «уязвился сардечною любовью къ ней». Тѣмъ временемъ дворецкій съѣздилъ

въ городъ, привезъ карету, царица была помѣщена во дворцѣ, а искусные врачи вылѣчили ее. Мать Евгенія, Гликерія, стала разсиранивать Персику, кто она, но та отвѣчала, что во время лютой болѣзни лишилась памяти и не знаетъ, что съ ней случилось. Всѣ во дворцѣ полюбили умную и кроткую царицу, а королевичъ только и думалъ о красавицѣ. Въ концѣ концовъ родители дали согласіе на его бракъ съ царицей, хотя и немало смущались ея физическимъ недостаткомъ.

Затѣмъ мѣсто дѣйствія переносится снова въ Болгарію. Царь Михаилъ пригласилъ къ себѣ своего друга Кира съ сыномъ, испытывалъ королевича въ ученіи и такъ полюбилъ его, что всеародно объявилъ своимъ наследникомъ. Онъ жалѣлъ только, что нѣтъ у него дочери, чтобы женить на ней Евгенія. Въ это время изъ Пафлагоніи получило извѣстіе, что у молодой королевы родились два сына. Коварная Люція «раснался похотию плотскою» на Евгенія и рѣшила известить его жену, въ которой узнала падчерицу. Для этого она подмѣнила письма къ Гликеріи. Отъ лица Кира и Евгенія она приказывала немедленно умертвить Персику. Гликерія не узнала обмана, долго горевала, но не могла послушаться приказа. Тотъ самый дворецкій, который нашелъ Персику въ лѣсу, даетъ совѣтъ отвезти ее вмѣстѣ съ «незлюбивыми штенцами» на то же самое мѣсто, оставивъ ей немного хлѣба и воды. Кроткая Персика не сопротивлялась и только молилась о дѣтяхъ. Во время молитвы ей явилась Богородица, держа отсѣченныя руки, и исцѣлила царицу, которая стала собирать «зеліе пустынное» и питалась имъ. По пріѣздѣ Евгенія домой, коварство Люціи обнаружилось. Онъ спѣшитъ въ лѣсъ, находитъ жену и дѣтей здоровыми, принадлеать къ ея погамъ, проситъ прощенія. Персика открываетъ свое имя и рассказываетъ о козняхъ мачехи. Торжественно въѣзжаетъ счастливая семья въ столицу, ихъ встрѣчаютъ радостные граждане. Трогательная сцена происходитъ во дворцѣ старика Михаила, который пригласилъ къ себѣ нареченнаго сына съ семьей. Узнавъ о судьбѣ дочери, онъ приказалъ коварному слугѣ принести руки, отрѣзанныя у Персика, и затѣмъ припалъ Люцію. Когда она услышала весь разговоръ, то «бысть аки мертва». Ее привязали къ хвосту коня и погнали его по улицамъ города. Евгеній получилъ Болгарское царство и утѣшалъ престарѣлаго отца.

Таково содержаніе интересной повѣсти, для которой пока не отыскавъ ни оригинала, ни источника. Какъ ни странно, но нѣкоторыя соображенія даютъ намъ право сблизить ее съ одной болгарской сказкой, напечатанной въ XII томѣ «Сборника» болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія» (Софія, 1895, стр. 171—177). Называется она «Мария, царската дъщеря съ отсѣчени рѣцѣ» и даетъ такую массу одинаковыхъ эпизодовъ, положеній и характеристикъ съ русскимъ «чудомъ», что будущимъ исследователямъ придется привлечь для сравненія и болгарскій вариантъ распространенныхъ сказаній о Жеюевѣ. Кроме того, схожіи рассказы находимъ въ «Звѣздѣ Пресвѣтлой».

А. И. Яцимирскій.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ третій. М. 1904.

Третій выпускъ Щукинскаго сборника, по обыкновенію, заключаетъ въ себѣ самый разнообразный матеріалъ. Въ сущности, г. Щукинъ не любитель исторіи, а любитель старой, писанной бумаги. Онъ пріобрѣтаетъ и затѣмъ печатаетъ въ своихъ сборникахъ все, что ему попадетъ подъ руку, безъ всякихъ объясненій, примѣчаній и даже безъ указателей, что дѣлаетъ крайне затруднительнымъ пользованіе этой грудой сырья. Здѣсь рядомъ съ «Отношеніемъ московскаго коменданта Веревики 1822 года» помѣщается «Жалованная вотчинная грамота 1610 года», вслѣдъ за «Письмомъ Грибоѣдова къ матери Кюхельбекера» — «Вкладная запись въ концѣ толковаго четвероевангелія 1612 года» и т. д. Попадаетъ г. Щукину письмо герцогини курляндской, Анны Ивановны, начинающееся словами «Петръ Михайловичъ», онъ такъ и печатаетъ его безъ указанія, къ кому оно писано, очевидно, не зная, что Петромъ Михайловичемъ звали Бестужева, фаворита и управляющаго дворомъ герцогини. Попадаетъ ему «Отрывокъ изъ письма отъ 30-го октября 1836 года», гдѣ очевидецъ довольно подробно описываетъ столкновеніе иркутскаго архіерея Иринея съ «Александромъ Степановичемъ», и г. Щукинъ вездѣ оставляетъ Александра Степановича безъ поясненія, что это былъ сибирскій генералъ-губернаторъ Лавинскій, и т. п. «Указъ изъ вологодской консисторіи 1781 г. о прививтіи оспы великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ» помѣщается какъ бы новый документъ, а между тѣмъ указы эти были напечатаны въ большомъ количествѣ экземпляровъ и разсылались изъ синода во всѣ епархіи, а отсюда во всѣ монастыри, соборы и церкви. «Описаніе пребыванія Николая I въ Ярославль въ 1834 году» напечатано раньше въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1834 г., №№ 40 и 41. Рукопись о ростовскомъ митрополитѣ Арсеіи Мацѣевичѣ также была напечатана и при томъ неоднократно въ мѣстныхъ ярославскихъ изданіяхъ и въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей русскіихъ» (1862 г., кн. 2-я), при чемъ здѣсь она снабжена предисловіемъ и пѣнными примѣчаніями графа М. В. Толстого. Несмотря на такой первобытный способъ изданія документовъ, г. Щукинъ оказываетъ занимающимся русской исторіей большую услугу своими сборниками, въ которыхъ встрѣчаются любопытныя, а иногда и весьма важныя, матеріалы. Изъ нихъ укажемъ въ третьемъ выпускѣ на собственно-ручныя записки извѣстнаго академика живописи Ступина, основателя первой въ Россіи частной рисовальной школы; на дневники и письма адъютанта графа Закревскаго-Муханова; на письма и записки Александра Яковлевича Булгакова къ Макеровскому; на записки отставнаго генералъ-майора Мосолова, рисующія военный бытъ екатерининскаго и павловскаго времени; на письма къ женѣ адъютанта великаго князя Константина Павловича, Данилова. О. Ш.

Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902. Императорская главная квартира. Исторія государевой свиты. Восемнадцатый вѣкъ. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри. Спб. 1902.

Книга г. Квадри не вполне отвѣчаетъ своему заглавію. Желая уяснить избранную имъ тему—происхождение и исторію развитія императорской главной квартиры, съ большею яркостью, г. Квадри посвящаетъ первую главу своего труда «государевымъ ближнимъ слугамъ великихъ князей и царей московскихъ» и лишь затѣмъ залагаетъ развитіе учрежденія государевой свиты, начиная съ царствованія Петра Великаго и кончая царствованіемъ императора Павла I. Специальныя задачи труда г. Квадри имѣютъ значеніе и для общей русской исторіи, потому что лица государевой свиты, какъ лица, облеченныя особымъ довѣріемъ самодержца и бывшія ближайшими его слугами, часто вліяли существеннымъ образомъ на ходъ государственныхъ дѣлъ даже при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, когда государева свита, какъ учрежденіе, не получила еще стройной организаціи. Тѣмъ съ большими подробностями останавливается авторъ на царствованіи императора Павла, когда учреждена была военно-походная его величества канцелярія, первообразъ императорской главной квартиры, такъ какъ императоръ пожелалъ быть фактически верховнымъ начальникомъ арміи и лично руководить преобразованиями въ ней; тогда же генералъ и флигель-адъютанты получили болѣе точное опредѣленіе своихъ правъ и обязанностей, какъ личныхъ адъютантовъ государя. Не довольствуясь подробнымъ и яснымъ изложеніемъ развитія государевой свиты, какъ учрежденія, авторъ приложилъ много труда и усилій, чтобы установить, путемъ усидчиваго изученія архивныхъ документовъ, личный составъ государевой свиты за описываемое время и связь военно-походной канцеляріи императора Павла съ современнымъ ему положеніемъ русской арміи. Воинѣ оцѣнить эту сторону «Исторіи императорской главной квартиры» могутъ только тѣ, кто по собственному горькому опыту знаетъ хаотическое состояніе нашихъ военныхъ архивовъ. О многихъ лицахъ, игравшихъ важную роль въ царствованіи Павла I, мы впервые изъ труда г. Квадри получаемъ цѣнныя біографическія данныя; точно также нѣкоторыя распоряженія императора по военной части, вызывавшія осужденіе современниковъ и потомства, лишь теперь получаютъ правильное освѣщеніе на основаніи добытыхъ г. Квадри архивныхъ документовъ. Книга иллюстрирована массой портретовъ и рисунковъ, изъ которыхъ многіе, особенно за Павловское время, впервые появляются въ печати, и снабжена алфавитнымъ указателемъ. Къ труду своему г. Квадри приложилъ обширныя выписки изъ архивныхъ матеріаловъ и діаграмму численнаго состава государевой свиты въ XVIII вѣкѣ. Евгеній Шумигорскій.

Э. Пименова. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Спб. 1904.

Лѣтъ 10—15 тому назадъ читатель, интересовавшійся исторіей западно-европейскихъ государствъ въ XIX вѣкѣ, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ничего, кромѣ послѣднихъ томовъ многотомной исторіи Вебера, отлчавшейся

большой сухостью изложения и узко-национальной точкой зрения. Съ тѣхъ поръ нашъ книжный рынокъ обогатился цѣлымъ рядомъ и переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, какъ по исторіи всей Западной Европы, такъ и по исторіи ея отдѣльныхъ странъ. Если при этомъ львиная доля сочиненій падала на особенно популярную у насъ исторію Франціи, то Англіи какъ разъ у насъ не повезло. Полная и краткая «Исторія англійскаго народа» Грина да небольшая «Исторія современной Англіи» Гиббинса популярны, но очень поверхностны, вотъ въ сущности все, что можно было указать въ этой области, если не считать отдѣльныхъ статей, разсѣянныхъ по различнымъ сборникамъ и періодическимъ изданіямъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія книги г-жи Пименовой, до нѣкоторой степени заполняющей этотъ пробѣлъ. Книга посвящена біографіямъ и характеристикамъ десяти наиболее видныхъ политическихъ дѣятелей Англіи и Ирландіи второй половины XIX вѣка. Авторъ отнесся къ своей задачѣ безпристрастно и, выбирая своихъ героевъ, старался дать портреты дѣятелей самыхъ разнообразныхъ направленій англійской политической жизни. Читатель найдетъ въ книгѣ г-жи Пименовой и представителей империализма—Дизраэли, Чемберлена и Сесилия Родса, и либераловъ—Гладстона, Морлея и Розберри, и знаменитыхъ ирландцевъ Парнелля и Редмонда, и наконецъ радикаловъ—Лабушера и Вёрнса. Авторъ хорошо знаетъ матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ, пишетъ живымъ и увлекательнымъ языкомъ, благодаря чему книга читается съ большимъ интересомъ. Едва ли не лучший очеркъ посвященъ Сесилию Родсу. Несмотря на несочувствіе автора идеѣ империализма, портретъ «Канскаго Наполеона» ему вполне удался. Авторъ сумѣлъ передать своеобразное величіе этого героя империализма, подчеркнул его безкорыстіе и преданность идеѣ. Не менѣе удачнымъ вышелъ очеркъ, посвященный личности, обладавшей такой же пугающей силой воли,—Парнеллю. Его удивительная энергія, умѣніе повелѣвать людьми и обстоятельствами, глубокая преданность изстрадавшейся Ирландіи изображены г-жей Пименовой ярко и картинно. Особенно интересны сцены парламентской обструкціи, такъ ярко отражающія всѣ разносторонніе таланты Парнелля. Хорошъ и очеркъ, посвященный Гладстону. Авторъ подчеркиваетъ дѣйствительныя черты характера «великаго старца»—идеализмъ и подкупающую искренность, и читателю дѣлается вполне понятной та сложная эволюція, которая превратила Гладстона изъ убѣжденнаго тори въ демократа и гомрулера. Недурны характеристики Виконсфильда, Чемберлена и Вёрнса, хотя мѣстами не мѣшало бы включить нѣсколько больше данныхъ, касающихся какъ ихъ частной, такъ и общественной среды, въ которой имъ приходилось дѣйствовать. Менѣе удался г-жѣ Пименовой очерки, посвященные Морлею, Розберри, Редмонду и Лабушеру. Они слишкомъ коротки и блѣды и оставляютъ впечатлѣніе неясное. Вообще, намъ кажется, авторъ сдѣлалъ нѣкоторый промахъ, слишкомъ урѣзавъ біографическія данныя своихъ героевъ и сосредоточивая свое вниманіе исключительно на характеристикѣ ихъ личности и политической дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ авторъ даетъ очень мало данныхъ о происхожденіи и воспитаніи своихъ героевъ, о средѣ, въ которой сложились ихъ характеры, о вліяніи на нихъ тѣхъ или иныхъ личностей или со-

бытій, не сообщает даже времени ихъ рожденія и смерти п т. д. Также мало вниманія обращаетъ г-жа Пименова на всякую другую дѣятельность своихъ героевъ, кромѣ политической. Если о Биконсфильдѣ и сказано вскользь, что онъ былъ романистомъ, а о Гладстонѣ—что онъ былъ ученымъ богословомъ и филологомъ, то зато едва ли кто вибудь догадается, прочпавъ біографію Морлея, что онъ извѣстный историкъ и авторъ очень распространенныхъ сочиненій о французскихъ философахъ XVIII вѣка. Въ результатъ характеристики оказываются нѣсколько односторонни. Другой недостатокъ книги г-жи Пименовой нѣкоторая нервозность и торпливость изложенія. Благодаря этому, у автора есть повторенія и пропуски. Странная транскрипція англійскихъ именъ (Гаркуръ вмѣсто Гаркортъ, Руссельъ вмѣсто Россель), встрѣчаются неловкія выраженія, въ родѣ «реакціонерное движеніе» (стр. 10), «принудительные законы» (стр. 12), «тюремный каплапъ» (стр. 276), или забавные промахи. На стр. 129 приведенъ отрывокъ изъ рѣчи Гладстона: «Вы приняли меня, какъ Дидонъ принялъ потерпѣвшаго крушеніе Энея». Какъ видите, Дидона сдѣлалась мужчиною! Но подобные недостатки не мѣшаютъ отдавать должное крупнымъ достоинствамъ книги и рекомендовать ее всѣмъ, интересующимся новѣйшей исторіей Англій. Къ книгѣ приложено 10 портретовъ, исполненныхъ вполне удовлетворительно.

V.

Н. Рожковъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904.

Г. Рожковъ поставилъ себѣ совершенно неосуществимую задачу. На 134 страницахъ своего учебника онъ хочетъ изложить и важнѣйшія событія всемірной исторіи отъ времени первобытной культуры до нашихъ дней и познакомиться вмѣстѣ съ тѣмъ съ общимъ ходомъ развитія всего человѣчества. Естественнымъ результатомъ невозможности выполнить такую задачу являются постоянные пробѣлы. Въ учебникѣ мы не находимъ очень многихъ событій и явленій, весьма важныхъ по своему значенію, безъ которыхъ совершенно непонятнымъ становится самый историческій процессъ. Такъ авторъ не касается первобытной культуры, изъ народовъ Востока не говоритъ о еврейхъ, финнкіянахъ и индусахъ, не указываетъ вліянія народовъ Востока на Грецію, пропускаетъ исторію возвышенія Оливъ, не говоритъ объ образованіи во II в. до Р. X. въ Римѣ новой знати—нобилитета, и о борьбѣ аристократической и демократической партій, объ аграрномъ строѣ императорскаго Рима, о романизации. Въ средней исторіи нѣтъ ни слова о средневѣковомъ монашествѣ, о феодализациі церкви, о сословной монархіи. Какъ въ средневѣковой, такъ и въ новой исторіи явленія, имѣющія общеврѣшнее значеніе, характеризуются только, какъ мѣстные. Такъ, наиримѣръ, о возвышеніи городовъ говорится только во Франціи, не сказано о политическомъ значеніи реформациі, не упомянуто о стремленіи къ всемірной монархіи Карла V и Людовика XIV, «старый порядокъ» охарактеризованъ только во Франціи, не говорится о внутреннихъ перемѣнахъ въ государствахъ Европы подъ вліяніемъ французской революціи и имперіи Наполеона, объ освобожденіи крестьянъ въ Германіи п т. д.

Благодаря этому, впечатлѣніе отъ наложенныхъ г. Рожковымъ событій становится одностороннимъ и крайне неполнымъ, и какъ разъ нельзя заключить о единствѣ всего историческаго процесса, т. е. о той цѣли, къ которой стремился авторъ, судя по его предисловію. Благодаря той же вынужденной краткости, авторъ часто принужденъ оставлять нѣкоторыя событія безъ объясненія ихъ причинъ или безъ вывода изъ нихъ слѣдствій (см., напримѣръ, изложеніе крестовыхъ походовъ — стр. 60, или революцію въ Англіи — стр. 94 и 95). Отчасти можетъ быть, тою же краткостью объясняется странная иногда послѣдовательность событій у автора: Германія въ XVIII в. у него излагается раньше Франціи XVII и XVIII вв. и исторія Фридриха II и Иосифа II предшествуютъ исторіи Людовика XIV (стр. 99—100 и 102—103). Въ исторіи XIX в. исторія Англіи вплоть до нашихъ дней рассказывается раньше войны Наполеона и Вѣнскаго конгресса, который кстати упоминается не послѣ низверженія Наполеона, а въ слѣдующей главѣ въ исторіи Германіи XIX вѣка. Еще болѣе странной является послѣдовательность въ рассказѣ объ отдѣльныхъ событіяхъ. Излагая исторію реформаціи (стр. 87—88), авторъ нигдѣ не приводитъ хронологическихъ данныхъ, и въ то же время излагаетъ событія въ такомъ порядкѣ: Виттенбергскіе безпорядки (1522 г.), Тома Мюнцеръ (1522—1525 гг.), Іоаннъ Лейденскій (1534—1535 гг.), рыцарское возстаніе (1522—1523 гг.), крестьянское возстаніе (1524—1525 гг.), распространеніе реформаціи на всемъ сѣверѣ Германіи (1530-е годы), Аугсбургскій сеймъ (1530 г.). Или другой примѣръ — событія времени Конвента (стр. 111). Вотъ ихъ порядокъ: сентябрьскія убійства (сент. 1792 г.), побѣда якобинцевъ надъ жирондистами (іюнь 1793 г.), комитетъ общественнаго спасенія (апрѣль 1793 г.), казнь Людовика XVI (январь 1793 г.), убійство Марата (іюль 1793 г.), казнь Дантона (апрѣль 1794 г.), республиканскій календарь (октябрь 1793 г.), Вандея (мартъ 1793 г.), 9 термидора (іюль 1794 г.). У учениковъ должно получиться крайне сбивчивое представленіе о связи между всѣми этими событіями.

Книга г. Рожкова страдаетъ еще однимъ совершенно недопустимымъ въ учебникахъ недостаткомъ. Въ ней не разъ встрѣчаются совершенно невѣрные свѣдѣнія. Солоновская сисахонія, наприимѣръ, состояла изъ уменьшенія процентовъ по долгамъ (15). Аристидъ допустилъ гражданъ 4-го класса къ занятію высшихъ должностей (17). Люди, сомнѣвающіеся въ возможности достовернаго знанія, назывались у грековъ софистами (20). Законы Лицинія были изданы въ половинѣ III вѣка (29). Причиной установленія имперіи въ Римѣ была необходимость «управлять государствомъ, защищать страну и устанавливать внутрѣнній порядокъ и надзоръ за проконсулами» (34). Константинъ Великій объявилъ христіанство «господствующей въ имперіи религіей» (43). Ученіе Магомета требовало «непримиримой борьбы съ иновѣрцами» (54). А уваженіе къ «обладателямъ писанія» (?). Въ феодальное время крестьяне «были прикрѣплены къ землевладѣльцамъ, а не къ землѣ» (56). Филиппъ II «во всей Франціи назначилъ приказчиковъ и воеводъ» (68). Локкъ былъ основателемъ рационализма (97). Губернаторскія должности и епископскія кафедры передавались во Франціи по наслѣдству (104). Вольтеръ былъ «первымъ представителемъ рационализма во французской литературѣ» (105). Въ первой половинѣ XIX в.

въ Ирландіи вспыхнуло возстаніе (115). По ученію социалистовъ, «частная собственность должна была остаться неприкосновенной» (122). Луи Вланъ «добился учрежденія національныхъ мастерскихъ» (122). Въ 1870 г. «Гарibaldi поднялъ возстаніе въ Римѣ, который и былъ присоединенъ къ Итальянскому королевству» (132). Къ сожалѣнію, ошибки и промахи г. Рожкова далеко не исчерпываются только что приведенными приѣбрами. Мы выбрали только наиболѣе рѣзко бросающіяся въ глаза погрѣшности. Въ виду столь серьезныхъ недостатковъ приходится признать учебникъ г. Рожкова совершенно не удовлетворяющимъ научнымъ требованіямъ, а поэтому его ни въ какомъ случаѣ нельзя рекомендовать ни для школы, ни для самообразованія. V

В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніи русской литературы. Изданіе шестое. Спб. 1904.

Новое изданіе старой книги можетъ быть фактомъ чрезвычайной важности; это зависить, какъ отъ самыхъ достоинствъ сочиненія, такъ и отъ того момента, когда появляется это новое изданіе. Сочиненіе В. Я. Стоюнина «О преподаваніи русской литературы» выдержало уже пять изданій и вышло теперь шестымъ. Этому нельзя не порадоваться: именно теперь больше, чѣмъ когда нибудь, книга нашего вѣстнаго педагога какъ нельзя болѣе кстати. Пересмотръ всего нашего учебнаго дѣла, съ одной стороны, и расширеніе программы по литературѣ, съ другой, требуютъ усиленной дѣятельности, требуютъ выясненія основныхъ точекъ зрѣнія. На книжномъ рынкѣ потребность новыхъ книгъ, приспособленныхъ къ новымъ программамъ, вызываетъ появленіе цѣлаго ряда «учебныхъ курсовъ», «очерковъ», «руководствъ», очень часто совершенно негодныхъ. Вообще, составители учебниковъ находятся въ грустномъ положеніи: либо приходится удовлетворить требованіямъ официальныхъ программъ и написать дрянную компиляцію, съ обходомъ всѣхъ опасныхъ подводныхъ камней, и тогда можно расчитывать на сбытъ, а, значитъ, и на доходъ; либо, отказавшись отъ вышшаго одобренія и, слѣдовательно, отъ матеріальныхъ выгодъ, проработать надъ учебникомъ и дать нѣсколькимъ десяткамъ интересующихся преподавателей образецъ, которымъ они, однако, не въ состояніи будутъ руководствоваться въ классѣ. Про сочиненія Стоюнина говорятъ, что они устарѣли. Но это совершенно невѣрно. Основная его мысль должна быть и теперь положена въ основаніе преподаванія. Но далеко не всякій преподаватель рискнетъ приѣннить въ своемъ преподаваніи тѣ принципы, которые выставляетъ В. Я. Стоюнинъ. Прежде всего преподаватель, по его словамъ, отнюдь не долженъ «руководствоваться тѣми официальными восторгами, съ которыми иные педагоги хотятъ у насъ связать даже нравственное развитіе. Они убѣждены, будто пострадаетъ нравственность учениковъ, если учитель не будетъ восторгаться тѣмъ, чѣмъ восторгался нашъ дѣды, и чѣмъ они сами стараются подогрѣвать свой патріотизмъ». «Они не разсуждаютъ, что преподаватель, не искренно бесѣдующій со своими учениками, поддѣльными восторгами гораздо вреднѣе дѣйствуетъ на нрав-

• истор. вѣстн.», январь, 1906 г., т. XLIX.

21

ственность своих учениковъ, которые легко и скоро замѣтятъ фальшивое его отношеніе къ предмету и не будутъ читать къ нему никакого довѣрія» (стр. 17—18). Вотъ именно эту-то фальшивую приподнятость при изложеніи литературныхъ фактовъ нѣкоторыми составителями учебниковъ по новѣйшей литературѣ намъ уже приходилось отмѣчать на страницахъ нашего журнала. Молодежи, оканчивающей среднюю школу, вмѣсто правдиваго историческаго освѣщенія литературныхъ явленій преподносятъ пышныя ничего не выражающія фразы. А между тѣмъ В. И. Стоюнинъ ясно указывалъ на необходимый методъ преподаванія: «Мы признаемъ, — пишетъ онъ, — историческую часть необходимою въ педагогическомъ отношеніи. Идеи писателя, сами по себѣ одностороннія и нисколько не занимательныя для юноши, начинаютъ интересовать его, лишь только покажутъ ему связь между ними и понятіями того вѣка, лишь только онъ увидитъ, что вызывало эти идеи, и какъ къ нимъ должна была отнестись масса» (стр. 19). Но это самое историческое обоснованіе литературныхъ явленій, особенно явленій новаго періода — послѣ Гоголя, по мнѣнію многихъ, является прямо опаснымъ: придется говорить о кружкахъ сороковыхъ годовъ, о густоющей реакціи въ царствованіе Николая I, о направленіяхъ эпохи реформъ; все это своего рода жушела, которыхъ касаться нельзя. Очень и очень еще многое здѣсь не доступно даже для публики, — какъ же дать ученикамъ! А какъ только нѣтъ исторической основы, такъ тотчасъ многое станетъ непонятнымъ. Базаровъ, Маркъ Волоховъ, Рудинъ и т. д. и т. д. — все это повиснетъ въ воздухѣ, смѣшается въ кучу. Ученикъ съ удивленіемъ будетъ читать нашихъ классиковъ послѣ гоголевскаго періода и съ недоумѣніемъ и скукой будетъ слушать пыльныя безсодержательныя фразы трусливаго педагога.

Въ цѣляхъ устраненія подобныхъ совершенно нежелательныхъ явленій необходимо, чтобы составители учебниковъ приняли во вниманіе слова такого опытнаго педагога, какъ В. И. Стоюнинъ, и съ этой стороны появленіе нестого изданія названной книги является далеко не лишнимъ, не говоря уже о достоинствахъ самаго сочиненія, которое давно высоко оцѣнено большинствомъ преподавателей.

Я. Ав — въ.

Наша банковая политика (1729—1903). Опытъ изслѣдованія П. П. Мигулина, доктора финансоваго права, орд. проф. Харьковскаго университета. Харьковъ. 1904.

Встрѣчая профессорскую этикетку на обложкѣ, читатель заранѣе, такъ сказать, авансомъ проникается благоговѣніемъ, ожидая встрѣтить въ профессорскомъ трудѣ надлежащее глубокомысліе, обстоятельность и такъ называемую эрудицію. Правда, съ этими качествами въ большинствѣ случаевъ связана и презрѣдная скука, которую неизбежно вѣдетъ отъ ученыхъ трудовъ, но и ее читатель склоненъ перенести терпѣливо въ надеждѣ, что онъ за то будетъ вознагражденъ исчерпывающимъ ознакомленіемъ съ предметомъ изслѣдованія. Такъ оно, болѣею частью, и бываетъ.

Но не къ этому типу спокойныхъ, обстоятельныхъ, хотя и скучноватыхъ профессорскихъ изслѣдованій должна быть отнесена работа проф. Мигулина. Авторъ представлялъ довольно бѣглый обзоръ законодательства по банковому дѣлу, снабдивъ его поверхностнымъ и довольно логковѣснымъ комментариемъ и попутно приведа главнѣйшія цифровыя данныя, относящіяся къ дѣятельности нашихъ банковыхъ учреждений. Все это уложено въ 4 главы безъ видной системы. Общій порядокъ изслѣдованія хронологическій. Въ 1-й главѣ даны свѣдѣнія о банковской полтипкѣ, начиная отъ учрежденія банка при монетной конторѣ (1729—1733 г.) и кончая эпохой освободительныхъ реформъ. Вторая глава посвящена обзору законодательства по банковому дѣлу, начиная съ эпохи реформъ и кончая министерствомъ П. А. Вышнеградскаго. Наконецъ послѣднія двѣ главы даютъ обзоръ движенія банковаго дѣла при министрѣ С. Ю. Витте: именно, въ III гл. содержатся свѣдѣнія о постановкѣ коммерческаго кредита и сберегательныхъ кассъ, получившихъ столь широкое развитіе въ послѣднее десятилѣтіе, а IV гл. выясняетъ положеніе ипотечнаго кредита — дворянскаго, крестьянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ. Распредѣленіе матеріала, какъ видитъ читатель, крайне неравномѣрно: вниманіе автора тяготеетъ преимущественно на эпоху управленія министерствомъ финансовъ С. Ю. Витте и очень мало касается, напримѣръ, дѣятельности покойнаго Е. И. Ламанскаго, имѣвшей, можно сказать, колоссальное значеніе не только въ исторіи русскихъ банковъ, но и въ исторіи русскихъ финансовъ.

Что касается метода изслѣдованія, то авторъ избралъ способъ самый легкій и для себя не отяготительный. Сначала излагается по тексту первоисточника уставъ того или другаго банковаго учрежденія, затѣмъ пересказываются изданные въ дополненіе къ нему указы или правила, опредѣляющія ту или другую операцію, а затѣмъ путемъ выписокъ изъ официальныхъ отчетовъ и пояснительныхъ примѣчаній къ нимъ иллюстрируется, какое направленіе получила дѣятельность того или другаго банковаго учрежденія. Попутно авторъ развлекаетъ себя полемикой съ финансовымъ вѣдомствомъ или начинаетъ сводить личные счеты съ отдѣльными представителями финансовой бюрократіи. Такъ, на стр. 306 читаемъ: «вездолго до окончанія работъ подготовительныхъ комиссій о мелкихъ кредитныхъ учрежденияхъ, авторъ книги напечаталъ свою записку о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, подъ заглавіемъ «Русскій сельскохозяйственный банкъ», которую и представилъ предсѣдателю особаго совѣщанія С. Ю. Витте въ количествѣ 25 экз. для гг. членовъ совѣщанія, съ просьбою внести эту записку на обсужденіе совѣщанія, по вопросамъ объ организаціи мелкаго кредита и хлѣбной торговли, которые тогда стояли на очереди. Авторъ получилъ отъ С. Ю. Витте благодарность за подавную записку, но такая на обсужденіе совѣщанія внесена не была (курсивъ автора)... Такое отношеніе къ столь важному вопросу болѣе, чѣмъ странно, и хотя предсѣдатель въ правѣ вносить на обсужденіе только то, что онъ найдетъ удобнымъ, однако, нося на это обсужденіе всевозможныя записки даже по маловажнымъ вопросамъ иногда совершенно неизвѣстныхъ или мало компетентныхъ лицъ, казалось бы, можно хотя бы поставить въ извѣстность гг. членовъ особаго совѣщанія, а равно и все общество о существованіи записки»...

Жалоба тянется до 310 стр., где авторъ наконецъ впадаетъ въ раздраженіе: «Несмотря на пренебреженіе, съ которымъ очевидно председатель особаго совѣщанія отнесся къ нашему проекту (быть можетъ, на основаніи отрывковъ какихъ нибудь своихъ лишенныхъ винціативы и не идущихъ далѣе общензвѣстныхъ доктринъ чиновниковъ), мы имѣемъ смѣлость думать, что въ концѣ концовъ къ нему (въ той или другой формѣ) непремѣнно придутъ»... Какъ видно, авторъ не страдаетъ ложной скромностью и вовсе не намѣренъ «никнуть въ тишину главою лавровой». На стр. 333 достается на орѣхи администраціи сберегательныхъ кассъ. «Авторъ настоящаго изслѣдованія, — рассказываетъ г. Мигулинъ, — запросилъ въ февралѣ 1904 г. господина управляющаго сберегательными кассами о составѣ ихъ $\%$ бумагъ на 1-е января 1904 г. и получилъ отвѣтъ, что такихъ свѣдѣній не имѣется. Если бы это было справедливо, то это означало бы полный беспорядокъ въ веденіи дѣлъ управленіемъ, которое не знаетъ даже, какія бумаги и на какую сумму имѣются въ кассахъ. Но счастью, сообщенное г. управляющимъ свѣдѣніе совершенно невѣро и просто означаетъ нежеланіе сообщить вамъ необходимыя справки: на самомъ дѣлѣ свѣдѣнія о составѣ $\%$ бумагъ, принадлежащихъ кассамъ, какъ это и слѣдуетъ дѣлать, составляются ежемѣсячно и сообщаются въ особую канцелярію по кредитной части»...

Все это, быть можетъ, и интересно, но едва ли умѣстно въ серьезномъ изслѣдованіи, посвященномъ громадному вопросу, где нужно дорожить каждою строкой, а не расплываться въ недущихъ къ дѣлу мелочахъ. Вообще изслѣдованіе г. Мигулина оставляетъ впечатлѣніе торопливой, мало продуманной работы. Прочтется оно, по всей вѣроятности, весьма многими, но едва ли кого удовлетворитъ. Придется ждать новой работы, посвященной этому важному и любопытному дѣлу, съ болѣе вдумчивымъ отношеніемъ къ предмету, съ болѣе солиднымъ научнымъ багажемъ.

К. Х.

П. Мартыновъ. Селенія Симбирскаго уѣзда. Симбирскъ. 1903. Его же. Архивъ Александра Петровича Языкова. Симбирскъ. 1904.

Неутомимый изслѣдователь симбирской старины, П. Л. Мартыновъ, продолжаетъ издавать томъ за томомъ своихъ трудовъ. «Селенія Симбирскаго уѣзда» («Матеріалы для исторіи симбирскаго дворянства и частнаго землевладѣнія въ Симбирскомъ уѣздѣ»), при обширномъ знакомствѣ автора съ архивными матеріалами и относящейся сюда литературой, представляютъ картину заселенія названной мѣстности, начинавшагося одновременно съ построеніемъ города Симбирска (1648 г.) и проведеніемъ симбирской пограничной «черты». До 1648 года здѣсь встрѣчалось очень мало русскихъ населенныхъ пунктовъ. По берегу р. Волги взрѣдка попадались «сторожи» — наблюдательные пункты за движеніемъ непріятеля, а внутри края, на необъятныхъ пространствахъ, разстилались «дикія поля» и «поровжія земли»; даже инородческихъ селеній было очень немного. Это были деревни чувашъ, мордвы и татаръ... первоначальныхъ

обитателей среднего Поволжья. Для построения г. Симбирска волѣно было высылать на мѣсто постройки «посошныхъ» людей изъ низовыхъ городовъ, — «съ русскихъ, съ 5 дворовъ, а съ ясашныхъ (инородческихъ), съ 3 дворовъ — по одному человѣку». Выѣстъ съ тѣмъ для устройства «Симбирской черты» и для заселения укрѣпленныхъ мѣстъ на этой чертѣ правительство переводило сюда служилыхъ и ратныхъ людей изъ другихъ мѣстностей и зачисляло ихъ въ служилый списокъ по городу Симбирску, надѣляя ихъ землею. Вскорѣ затѣмъ началось и добровольное переселеніе служилыхъ людей, которымъ также отводилась «помѣстная земля». Избытокъ свободныхъ земель и легкость пріобрѣтенія ихъ привлекли въ Симбирскій уѣздъ многихъ московскихъ боярскихъ дѣтей, пожелавшихъ стать «симбирянами». «Эго обстоятельство послужило къ большому развитію въ краѣ частнаго землевладѣнія и сдѣлало впоследствии Симбирскую губернію «дворянскимъ гвѣздомъ», а беззастѣнчивые захваты земель, смежныхъ съ полученнымъ, привели къ тому, что у представителей третьяго или четвертаго поколѣнія первоначальныхъ помѣщиковъ образовались огромныя помѣстья». Во второй половинѣ XVII столѣтія здѣсь встрѣчаются уже очень крупныя помѣщики, собственники нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ земли, каковы: А. В. Толстой, Н. В. Вестужевъ, Н. П. Бекетова, С. Е. Кротковъ, Р. Е. Татищевъ и др.

Второй изъ вышеназванныхъ трудовъ, изданный, какъ и первый, Симбирской губернской архивной комиссіей, составляетъ четвертый томъ предпринятаго послѣдней собранія «Матеріаловъ историческихъ и юридическихъ района бывшаго приказа Казанскаго дворца». Въ немъ помѣщены документы изъ семейнаго архива умершаго въ 1896 году симбирскаго дворянина А. П. Языкова (племянника поэта П. М. Языкова), оставившаго послѣ себя богатое собраніе старинныхъ актовъ, преимущественно на земли, принадлежавшія его предкамъ со стороны матери (Толстымъ и Ивашевымъ), самымъ виднымъ представителемъ которыхъ былъ А. В. Толстой, первый симбирскій гражданскій губернаторъ (послѣ него осталось 2.700 душъ крестьянъ и 43.000 десятинъ земли). Всѣхъ документовъ въ архивѣ Языкова болѣе тысячи, но изъ нихъ только 290 вошли въ настоящій сборникъ, потому что остальные не относятся къ Симбирской губерніи или, по мнѣнію П. Л. Мартынова, «не имѣютъ научнаго интереса». Система, въ которой распределены документы въ этомъ сборникѣ, та же, что и въ «Архивѣ князя В. П. Баюшева», изданномъ въ 1882 году профессоромъ Н. П. Загоскинымъ. При этомъ, по справедливому замѣчанію составителя, разсмотрѣваемое изданіе не уступаетъ «Архиву князя В. П. Баюшева» не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ: 219 документовъ князя Баюшева касаются лишь незначительнаго уголка Симбирскаго уѣзда да отчасти Алатырскаго уѣзда и относятся лишь къ XVII столѣтію и къ первымъ годамъ XVIII вѣка, тогда какъ 290 документовъ А. П. Языкова даютъ обширный и разнообразный матеріалъ для исторіи четырехъ уѣздовъ Симбирской губерніи и относятся къ тремъ столѣтіямъ (XVII, XVIII и половинѣ XIX). Оба изданія снабжены соответствующими указателями.

М. О—скій.

Утверждение русскаго владычества на Кавказѣ. Томъ III, часть I. Подъ руководствомъ генераль-лейтенанта Н. И. Бѣлявскаго составленъ въ военно-историческомъ отдѣлѣ подѣ редакціей генераль-майора Потто. Тифлисъ. 1904.

Недавно вышелъ въ свѣтъ третій томъ обширнаго труда, имѣющаго цѣлью представить историческій обзоръ постепеннаго завладѣнія русскими Кавказа.

Настоящій томъ обнимаетъ время Алексѣя Петровича Ермолова (1816—1826 годы). Въ составленіи этого тома принимали участіе В. А. Потто, П. С. Аносовъ и В. П. Томкѣевъ.

Десятилѣтній періодъ, въ который Ермоловъ управлялъ Кавказомъ, — говорятъ составители, — настолько обширнѣе событіями, имѣвшими большое значеніе даже для послѣдующихъ временъ, что описывать ихъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, не стѣняясь условіями мѣстности (?), значило бы прямо отказываться отъ выясненія той идейности, которая составляла отличительную черту Ермоловской эпохи. Кавказъ тогда представлялъ собою цѣлый рядъ совершенно отдѣльныхъ, почти не связанныхъ другъ съ другомъ театровъ военныхъ дѣйствій, и каждый изъ этихъ театровъ имѣлъ свои отличительныя черты, свой особенный характеръ и свои особенности.

Въ виду того, что главнѣйшая дѣятельность Ермолова протекала на сѣверномъ Кавказѣ, авторы возвращаются назадъ, чтобы предварительно дать полный очеркъ возникновенія и постепеннаго развитія такъ называемою кавказской линіи, простиравшейся отъ моря до моря и составлявшей нашу границу съ горскими народами. Объ этомъ не упоминалось въ первыхъ двухъ томахъ изданія, потому что при составленіи общей программы имѣлось въ виду остановить вниманіе читателя на тогдашнихъ событіяхъ въ Грузіи, гдѣ шла борьба за нераздѣльность господства нашего на всемъ Кавказскомъ персепейкѣ, и куда обращено было вниманіе русскаго правительства и русскаго общества.

Благодаря обширности темы, третій томъ раздѣляется на двѣ части: въ первую вошло описаніе Кавказской линіи и Черноморскаго войска въ до-Ермоловскую эпоху, назначеніе Ермолова на Кавказъ и покореніе имъ Чечни и Дагестана; во вторую — событія въ Кабардѣ, на Кубанской линіи, въ землѣ Черноморскихъ казаковъ и въ Закавказьѣ.

Предпринятое военно-историческимъ отдѣломъ изданіе относится, несомнѣнно, къ числу такъ называемыхъ «официальныхъ» изданій. Поэтому предъявляютъ къ нему какія либо серьезныя требованія, какъ къ строго научному труду, не представляется возможнымъ. Эти историческіе очерки — очень оригинальны: составлены они на основаніи печатныхъ и частью архивныхъ матеріаловъ, составлялись они коллективнымъ способомъ «подъ руководствомъ» и «подъ редакціей», текстъ выискивается въ большинствѣ случаевъ литературно, исцещренъ стихотвореніями, эпитетами, метафорами, аллегоріями, метониміями и прочими атрибутами «литературности».

Историки поняли свою задачу, какъ положеніе фактовъ, связанныхъ одинъ съ другимъ въѣшнюю связью. Напрасно сталъ бы читатель отыскивать здѣсь дружины существа. Авторы, съ официальной точки зрѣнія, разсматриваютъ,

какъ Ермоловъ, «разгромивъ», «обуздавъ» тѣхъ-то и тѣхъ-то, сдѣлалъ то-то и то-то; и дальше вѣншаго дѣйствія не идутъ.

Надо думать, что имъ и не слѣдуетъ итти: они представили добросовѣстно исполненный, занимательный трудъ, который, разумѣется, не удовлетворить заправскаго историка, но можетъ привести въ восторгъ читателя изъ «большой публики». Каждому—свое...

Въ книгѣ собрано много данныхъ, иллюстрирующихъ «утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ». Прежде всего любопытенъ портретъ Ермолова, взятый изъ портретной галлерей Зимняго дворца, вѣстѣ съ тѣмъ не менѣе любопытны и тѣ безграмотныя вриши, которыя «наинсаны къ этому портрету, весьма удачно передаютъ его характернѣйшія черты»; авторъ стиховъ предугадательно скрываетъ.

Чтобы характеризовать методъ авторовъ, отмѣтимъ между прочимъ, что они часто не довольствуются изложеніемъ того, что есть или что было, а заходятъ въ область желаемаго и говорятъ о томъ, чего имъ хотѣлось бы. Такъ на страницѣ 40-ой авторы заявляютъ, что «станция эта, по справедливости, должна была бы называться Германовскою, дабы запечатлѣть въ потомствѣ имя не позорно разбитаго турецкаго паши, а доблестно побѣдившаго его русскаго генерала».

Спѣшимъ оговориться, что все это нисколько не мѣшаетъ труду быть интересною книгою, которая читается съ интересомъ и съ легкостью романа.

Въ книгѣ, занимающей свыше 32-хъ печатныхъ листовъ огромнаго формата, множество любопытныхъ данныхъ. Перечислить ихъ содержаніе или отмѣтить нѣкоторые изъ нихъ не представляется возможнымъ. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на изложеніи тѣхъ, которыя являются наиболѣе характерными и для приемовъ авторовъ, и для «исторіи».

Авторы удѣляютъ немало мѣста описанію знаменитаго негодяя и мопенника—пристава Чернова. По мнѣнію составителей, онъ принадлежалъ къ числу людей не совсѣмъ обыкновенныхъ. Простой казакъ Калининской станицы, онъ своимъ подвигами дослужился до есаула, получая всѣ чины за боевыя отличія и былъ украшенъ тремя золотыми медалями на георгиевскихъ лентахъ; впослѣдствіи Черновъ даже получилъ Владимирскій крестъ. Особеннымъ свойствомъ его характера была страсть вырывать изъ плѣва русскихъ или псытывать надъ немпрными народами всю силу своего вліянія, доходившаго въ немъ подчасъ до гипноза. Онъ пускалъ въ ходъ всю изобрѣтательность своего ума и хитрость, и золото, и открытую силу, нерѣдко, продавая все свое имущество до послѣдняго, что называется, гвоздя. Въ Чечнѣ онъ былъ свой человѣкъ, и всѣ овраги, балки и потайныя лѣсныя тропы чеченской земли онъ зналъ не хуже своей станичной улицы. Авторы, отдавъ дань уваженія подвигамъ Чернова, указываютъ, что на его дѣятельности было немало и такихъ темныхъ пятенъ, которыя и понынѣ составляютъ достояніе устныхъ разсказовъ стариковъ, живущихъ на Терекѣ. Передавали, что онъ подводилъ своихъ затеречныхъ друзей подъ самую станицу, и что не одинъ добрый казачій конь, тиетно охраняемый запорами конюшни, переходилъ, такимъ образомъ, въ руки чеченцевъ; но тотъ же конь и выкрадывался отъ чеченцевъ тѣмъ же самымъ

Черновымъ. Правда ли то, или вѣтъ,—тайна, снятая съ нихъ въ могилѣ. Достоверно, однако, что въ 1798 году онъ былъ разжалованъ за воровство лошадей изъ вахмистровъ въ рядовые казаки. Потомъ онъ опять выслужился, но уже въ 1812 году въ чинѣ есаула «за законопротивные поступки и передачу чеченцамъ мѣдныхъ денегъ» былъ подѣ судомъ, а въ 1815 году окончательно отставленъ отъ службы. Гребенской атаманъ и начальникъ фланга рекомендовали Ермолову Чернова на должность чеченскаго пристава, на что Ермоловъ заявилъ, что Черновъ—мошенникъ, но начальствующія лица возражили, что для такихъ мошенниковъ, какъ чеченцы, и нуженъ именно такой мошенникъ, какъ Черновъ, извѣдавшій до тонкости всѣ ихъ продѣлки, владѣвшій въ совершенствѣ ихъ языкомъ и имѣвшій за Терекомъ множество кунаковъ-кровомстителей. Скоро по ходатайству Ермолова мошенникъ Черновъ былъ произведенъ въ капитаны арміи.

Подобное отношеніе Ермолова къ негоднымъ въ нравственномъ отношеніи сотрудникамъ по замиренію края должно быть поставлено рядомъ съ тѣми мѣрами, которыми имѣли въ виду утвердить русское владычество на Кавказѣ, но которыя въ дѣйствительности привели къ тому, что чувствуется и въ наше время: къ безвластію по отношенію къ туземцамъ. Читая «обвѣщеніе Ермолова надтеречнымъ жителямъ», словно знакомишься со современными описаніями кавказскихъ неурядицъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ермоловъ требовалъ, чтобы въ случаѣ воровства на линіи селенія выдавали вора; если скроется воръ, то выдать его семейство, если жители осмѣлятся дать и самому семейству преступника способъ къ побѣгу, то обязаны выдать ближайшихъ его родственниковъ; если не будутъ выданы родственники, будутъ разрушены аулы, семейства распруданы въ горы, аманаты повѣшены. Но этигъ еще не удовлетворилась наша полптика утвержденія власти: предписывалось, въ случаѣ открытаго прорыва черезъ ихъ аулы сильной непріятельской арміи, чтобы жители защищались, а послѣ того назначалось слѣдствіе съ цѣлью выяснить, какъ они дрались, что именно дѣлали, были ли съ ихъ стороны убитые, или сопротивленіе ограничилось пустою перестрѣлкой на воздухъ. «И за такой поступокъ деревни истребляются огнемъ, женъ и дѣтой вырѣзываютъ. Лучше отъ Терека до Сушки оставляю пустынные стени,—говорилъ Ермоловъ,—нежелан въ тылу укрѣпленій нашихъ потерплю разбой».

Приведенное служить достаточнымъ показателемъ, какой полптики держались наши утвердители. Задача историка—показать ихъ ошибки и заслуги, оцѣнить по правдѣ—по истинѣ достигнутые ими результаты, произвести оцѣнку справедливую, сравнить съ современнымъ положеніемъ. Но показывать картины сраженій, побѣдъ, рѣзни, кровожадности, мпнуя или оставляя въ сторонѣ правду историческую и оцѣнку научную—задача не историка, не правдиваго сказителя, а людей, предпочитающихъ правдѣ жгучія сцены, граничащія съ фантазіей. Впрочемъ, такія исторіи болѣе популярны, и ихъ легче писать. Къ тому же для настоящей исторіи, быть можетъ, не потребовалось бы такого огромнаго количества печатныхъ листовъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Къ сказанному авторы-исторки добросовѣстно прибавляютъ: «грозная военная (?) система эта вынуждалась со стороны Ермолова, конечно, лишь

крайнею необходимостью и глубоким пониманіемъ духа и характера народа. Чеченцы, слишкомъ далокіе отъ гуманныхъ воззрѣній европейскихъ народовъ, цѣнили только физическую силу; гуманныхъ дѣяній они не понимали, но зато прекрасно понимали строгія мѣры Ермолова». Подобная сентенція занесена на 264 страницу историческаго очерка.

Въ заключеніе своего очерка авторы останавливаются на вопросѣ о кобинныхъ бракахъ, заключавшихся Ермоловымъ. По тогдашней разнузданности нравовъ и при военномъ одичаніи въ постоянной борьбѣ, офицеры платили калымъ и женились на туземкахъ. Эти браки были временными, жена несколько не могла связывать мужа, и христіанскіе мужья строго придерживались магометанскихъ взглядовъ на женщину...

Ермоловъ вступалъ въ подобные браки три раза. Первый разъ кобинъ былъ заключенъ имъ въ ноябрѣ 1818 года съ дѣвушкой Сюдой, и отъ этого брака у него родился сынъ—Викторъ; второй бракъ послѣдовалъ въ слѣдующемъ году, и у Ермолова родилось два сына и дочь. Интересно отмѣтить, что Ермоловъ отравилъ своихъ сыновей въ Петербургъ, а дочь, какъ «похристіанку», оставилъ при матери...

Мы ничего не имѣемъ противъ правдиваго изложенія прошлаго. Но не можемъ не протестовать противъ палубеннаго приема авторовъ—оправдывать хотя бы самыя возмутительныя вещи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ никто, а умершіе дѣятели Кавказа еще менѣе другихъ нуждаются. Такъ, напримѣръ, въ предисловіи авторы заявляютъ, что предшествующая Ермолову политика на Кавказѣ подкуновъ и подарковъ «смѣняется вдругъ системою строгихъ наказаній, мѣръ суровыхъ, доходившихъ иногда до жестокости, но всегда неизмѣнно соединенныхъ съ правосудіемъ». Откуда сіе? Доказательства нужны, иначе заявленіе окажется голословнымъ.

Говоря выше, мы назвали настоящій историческій очеркъ официальной исторіей. Какъ кажется, и отъ подобныхъ произведеній требуется извѣстная доля объективности. Но долженъ же авторъ или кадить признаннымъ героямъ, или возводить на степенъ героя челоуѣка, заслуживающаго висѣлицы. Какъ кажется, официальные историкп, если они вообще необходимы, могутъ ограничиваться голою правдою безъ предикатовъ и оцѣнки дѣяній. Это можетъ остаться на долю историковъ неофициальныхъ...

Повторяемъ, что очеркъ интересенъ, но, какъ трудъ нѣсколькихъ авторовъ—людей, страдаетъ недостатками, о которыхъ мы уже говорили.

Издава книга хорошо. Широкій цинеро, которымъ нанечатава книга, однако, неудобочтасмъ. Къ книгѣ приложены портреты, рисунки, карты и планы. Всѣ они очень приличны по исполненію, а для Тифлиса и прямо-таки хороши. Таковы результаты «утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ».

Eine Sommerfahrt in den hohen Kaukasus. Zwei Vorträge gehalten in der Sektion des D. u. Oe. Alpenvereins, von H. Wagner. 1904.

Авторъ вышеприведенной «Лѣтней поѣздки по Кавказу», Губертъ Вагнеръ совершилъ экскурсію въ Сванетію въ той партіи, во главѣ которой стоялъ В. Р. Рикмерсъ. Какъ извѣстно, этой партіи удалось взобраться впервые на вершину Ушбы, и князь Татарханъ Дадешкеліани подарилъ снѣжныя высоты этой горы г-жѣ фонъ-Финеръ, взобравшейся на гранитную вершину Ушбы. Губертъ Вагнеръ описываетъ свое путешествіе отъ Вѣны черезъ Одессу до Кутаиса вкратцѣ и потомъ сообщаетъ свои впечатлѣнія о дорогѣ грузино-осетинской до Алпани, въ особенности внимательно останавливаясь на красотахъ Сванетіи. Попутно онъ знакомитъ читателей съ языкомъ и нравами свановъ, гостепріимнымъ хозяиномъ, княземъ Т. Дадешкеліани, у котораго за обѣдомъ г. Рикмерсъ состоялъ толумбашемъ, или, какъ онъ называетъ, Trinkmarschall. Съ восторгомъ описываетъ пѣніе и танцы свановъ, ихъ костюмъ и жилища. Обратный путь авторъ совершилъ по военно-грузинской дорогѣ, которая такъ же произвела сильное впечатлѣніе на германскаго альпиниста. Книжка написана съ большимъ наосомъ и свидѣтельствуетъ объ искренней любви автора къ описываемой странѣ.

А. Х—въ.

Изъ-за чего началась Русско-Японская война? Составилъ Н. Родзевичъ. Одесса. 1904.

Въ своей брошюркѣ г. Родзевичъ, изложивъ исторію движенія русскихъ на востокъ и колонизаціи Сибири, отмѣчаетъ важнѣйшія историческія событія послѣдняго времени: переселенческое движеніе, сооруженіе Великаго Сибирскаго пути, китайско-японскую войну, китайское возстаніе 1900 года. Всѣ эти факты авторъ связываетъ между собой и показываетъ, что мы должны были сознательно стремиться къ берегамъ Желтаго моря, чтобы обезпечить наши торговые, военные и иные интересы. Тутъ же отмѣчается озлобленіе Японіи, которая не могла смотрѣть равнодушно на расширеніе вліянія и силы могущественной сосѣдки и наконецъ подъ вліяніемъ всякаго рода подстрекательства вступила съ ней въ неравную борьбу. Книжка написана толково и ясно; была бы желательна меньшая поучительность, отъ чего изложеніе выпало бы въ смыслъ простоты. Къ брошюркѣ приложена карта Россійской имперіи и сосѣднихъ съ нею странъ. Весь чистый доходъ съ изданія предназначается на усиленіе русскаго флота.

В. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Дѣ Ганнибалъ перешелъ Альпы? За послѣдніе годы французскіе офицеры стали посвящать свободные часы ученымъ изслѣдованіямъ, и одно изъ нихъ касалось, вызваннаго въ послѣдніе два вѣка массою брошюръ, диссертацийъ и журнальныхъ статей, спорнаго вопроса о мѣстѣ перехода Ганнибала чрезъ Альпы въ 218 году до вѣстной эры. Самое досадное было то, что всѣ предложенныя гипотезы казались съ перваго взгляда очень вѣрными, но когда начинали глубже выникать въ нихъ, то появлялись крупныя недочеты, и приходилось вывести заключеніе, что за недостаткомъ данныхъ, предложенныхъ древними писателями, какъ Полибіемъ и Титомъ Ливіемъ, бесполезно зря ломать себѣ голову надъ эгвымъ вопросомъ. Однако на это взглянулъ иначе одинъ французскій артиллерійскій офицеръ, Колэвъ, состоящій при историческомъ отдѣлѣ главнаго штаба и авторъ «Военнаго воспитанія Наполеона». Онъ задумалъ добиться рѣшенія этого вопроса и принялся за работу, результатомъ которой явился его новый трудъ «Annibal en Gaule»¹⁾. Нѣкоторые изслѣдователи этого вопроса рѣшили, что Ганнибалъ прошелъ въ Италію чрезъ Сентъ-Готаръ, другіе — чрезъ Симионъ, третьи — чрезъ Сентъ-Верваръ, большинство же — чрезъ Малый Сентъ-Верваръ, а меньшинство — чрезъ Монъ-Сени. Къ послѣднимъ относился и Наполеонъ, который разсматривалъ этотъ вопросъ болѣе съ стратегической точки зрѣнія, чѣмъ съ археологической. Когда онъ былъ моложе, то вмѣстѣ съ дю-

¹⁾ Annibal en Gaule, par Colin. Paris. 1904.

жиною ученыхъ склонялся скорѣе къ Монъ-Визо; большинство же противни-ковъ съ главнымъ изъ новѣйшихъ историковъ Ганнибала, полковникомъ Эмсе-беромъ, стояли за Монъ-Женеврѣ. Такимъ образомъ составилось восемь системъ, поддерживаемыхъ правдоподобными аргументами; изъ нихъ нѣкоторые даже до-вольно основательны. Но еще основательнѣе кажутся тѣ, съ помощью которыхъ сторонники той или другой партіи уничтожали рѣшеніе своихъ (противниковъ, такъ что, по прочтеніи все написаннаго по этому вопросу, окажется *tabula rasa*, и можно вновь начать разсматривать его. Колэнъ, насколько возможно, придержи-ваясь этой системы, не обратилъ вниманія на все прочитанное, а, прибѣгнувъ къ самымъ источникамъ, т.-е. къ Полибію и Титу Ливію, попробовалъ слѣдовать основаннымъ на опытѣ путемъ, который одинъ позволялъ бы ему, по его мнѣ-нію, съ точностью возстановить маршрутъ Ганнибала. Прежде всего онъ на-шелъ необходимымъ установить два пункта, реализовать два условія, чтобы имѣть возможность точно опредѣлить путь, по которому слѣдовалъ великій полководецъ: съ одной стороны, онъ доказалъ, что за немѣннѣмъ болѣе подро-бныхъ топографическихъ сирвокъ Полибія, по крайней мѣрѣ, указалъ посред-ствомъ математическихъ раздробленій длину пути, пройденнаго карфагенской арміей отъ Геркулесовыхъ Столповъ до входа въ Италію; съ другой стороны, Колэнъ удалось найти у того же писателя одно указаніе, важное значеніе ко-торого уже было замѣчено, но на практикѣ никогда на него не обращали вни-манія. Въ этомъ указаніи говорится, что, достигнувъ ущелья, Ганнибалъ от-крылъ прекрасныя долины По и указалъ на нихъ солдатамъ. На этомъ-то ав-торъ новаго труда о Ганнибалѣ основалъ свои доводы и пришелъ къ слѣдую-щему результату. Относительно перваго пункта, т.-е. дистанціи, пройденной Ганнибаломъ, онъ прибѣгнулъ къ приему, уже примѣненному, но неудовлетво-рительнымъ способомъ: именно, обращая вниманіе на всѣ особенности, обозна-ченныя въ текстѣ, онъ размѣрилъ на картѣ главнаго штаба послѣдовательныя стоянки пройденнаго пути между границей Испаніи и Роной (1.600 стадій), между Роной и входомъ, или подъемомъ Альпъ (1.400), а оттуда до выхода изъ долину По (еще 1.400 стадій). Мѣстность, гдѣ Ганнибалъ перешелъ Рону, также не менѣе оспаривалась, и не лучше опредѣлена, чѣмъ та, гдѣ онъ пере-шелъ большую цѣль горъ; но, если отсчитать отъ Эмпоріона, теперешней Ампури, какъ указалъ Полибія, 1.600 стадій, о которыхъ онъ говоритъ, мѣсто прохода найдется почти съ полной достовѣрностью. Такимъ образомъ это окажется не палубенный пунктъ многихъ авторовъ—Рокморъ, а значительно ниже, близъ Фургъ, немного сѣвернѣе Арля. Колэнъ оставалось опредѣлить, согласно тому же порядку, дорогу между Роной и Альпами, но это было нѣсколько труднѣе, такъ какъ по сю сторону рѣчки не было другой дороги, кромѣ прибрежной, слѣды которой мало разнообразились съ годами, тогда какъ по ту сторону при-ходилось выбирать изъ многихъ очень разнообразно обозначенныхъ дорогъ. Но все-таки и здѣсь, опираясь на данныя Полибія и строго ихъ придержи-ваясь, можно было достигнуть успѣха, потому что, согласно тексту Полибія, поднявшись вдоль Роны, на 800 стадій, давъ сраженіе аллоброгамъ при входѣ изъ горы и т. д., Ганнибалъ прямо пришелъ къ ущелью Кланъ, изъ котораго открывается обширная панорама. Это единственное ущелье въ Альпахъ, изъ ко-

того видна вышнупомянутая панорама, и единственное подходящее по всем другим подробностямъ рассказа Тита Ливія, а также Полибія, къ тому ущелью. Хотя на ущелье Клапье уже было указано въ 1880 г. полковникомъ Перреномъ, а впоследствии лейтенантомъ Азаномъ, Сальто и еще другими, во Коляэвъ пришелъ къ этому заключенію путемъ математическимъ, тогда какъ Перревъ вывелъ его, изучая мѣстность. Конечно, надо имѣть въ виду, что Полибіи далъ размѣръ дистанцій круглымъ числомъ, т.-е. приблизительно, и возможно допустить разницу между его числомъ и дѣйствительнымъ. Это предвидѣтъ и авторъ новаго труда и заранее за это отвѣчаетъ, ссылаясь на точность вычисленія греческаго историка, репутацію котораго, какъ честнаго историка, нечего защищать. Несмотря на завѣренія автора, вопросъ все-таки остается не окончательно рѣшеннымъ.

— Величіе и паденіе Рима. Появившійся въ Миланѣ трудъ Джульельмо Ферреро: «Величіе и упадокъ Рима» ¹⁾, прекрасно очерчиваетъ роль Рима въ эволюціи античной цивилизаціи. Авторъ не видитъ въ исторіи Рима произведенія, ниспосланнаго Провидѣніемъ, точно также онъ не считаетъ римскаго народа орудіемъ, избраннымъ Божествомъ для выполненія господства надъ древнимъ міромъ. Напротивъ, слѣдуя изъ года въ годъ, изъ дня въ день, за политикой въ Римѣ, онъ ищетъ причины многихъ изъ ея дѣйствій и устанавливаетъ, что часто слѣдствія были не пропорціональны причинамъ. Онъ указываетъ, что римское величіе имѣло основаніемъ экономическіе факты и опиралось также на цѣлый рядъ благоприятныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ одни имѣли постоянное дѣйствіе, а другія проявляли себя въ данный моментъ: борьба класса противъ класса, человека противъ человека, военное счастье, честолюбіе нѣкоторыхъ лицъ, значеніе нѣкоторыхъ полководцевъ, заблужденія другихъ. Съ присущимъ Ферреро талантомъ и умѣніемъ изучать людей онъ распознаетъ ихъ слабость и силу, схватываетъ главныя черты историческихъ личностей, не теряя изъ вида второстепенныхъ и переходящихъ чертъ. Онъ поразительно описалъ: Марія, Суллу, Красса, Лукулла, Помпея, Брута, Марка-Антонія и многихъ другихъ. Его литературные портреты не уступаютъ политическимъ. Такъ онъ представилъ Лукреція, борющагося съ трудностями уже устарѣвшаго языка, который онъ возрождаетъ предъ своей смертью; Катутла, даваша волю своимъ страстнымъ, любовнымъ и сложнымъ пѣснямъ въ переходную эпоху; Цицерона то рѣшительнаго, то нерѣшительнаго, то съ прекрасными порывами, то внезапно упадавшаго духомъ. Онъ работаетъ въ своихъ обіахъ надъ философскими трудами съ наивностью, за которую потомство будетъ ему благодарно, и хотя признается въ письмахъ къ друзьямъ въ своихъ сомнѣніяхъ и слабостяхъ, но все-таки онъ великая и свѣтлая фигура перваго литературнаго человека, интересующагося дѣлами государства. Не менѣе ярко представлена фигура Горація, стѣсненнаго въ политической жизни, гдѣ онъ не умѣетъ найти себѣ мѣсто, но завѣщаетъ будущимъ временамъ свои сатиры, посланія и оды—эти образцовыя произведенія литературы, которыя также не менѣе цѣнныя документы для изученія римскаго общества; Виргилія, которому социальная

¹⁾ *Grandezza e decadenza di Roma.* Guglielmo Ferrero. 3 t. Milano. 1904.

причины внушили сначала «Эклоги», а затѣмъ «Георгики», когда возобновленіе аграрныхъ условій внушило Варрону, какъ и ему же, написать относительно земледѣлія, въ ожиданіи, что на зарѣ расширенія римскаго могущества онъ запечатлѣетъ неизгладимо свою «Энеиду». Цезаря авторъ представилъ, какъ «одного изъ самыхъ великолѣпныхъ борцовъ человѣческаго гонія въ борьбѣ чловѣка противъ чловѣка и латинскаго революціоннаго генія противъ эпохи соціального разложенія и возстановленія». Великій военачальникъ, великій писатель, великая личность въ политикѣ, Цезарь не былъ великимъ государственнымъ чловѣкомъ. Узникъ необходимости и полтики, онъ дѣлается «самымъ великимъ демагогомъ исторіи». Что же касается Октавія, то послѣ безпорядочной молодости, увлеченій любовью и ненавистью, борьбы, неудачъ и побѣдъ, онъ добился отъ сената титула Августа, но его нельзя считать, какъ перваго изъ императоровъ. Онъ не продолжатель Цезаря, но скорѣе его противоположность: онъ хотѣлъ преобразованія, республиканской реакціи и жаждалъ жить гражданиномъ Октавіемъ, а сдѣлался Августомъ противъ своего желанія. Не менѣе блестяще описалъ Ферреро римское общество, которое мало-по-малу начало входить во вкусъ искусствъ и литературы, развращаться роскошью и порокомъ, впадать въ растлѣніе, возгордилось и сдѣлалось легкой добычей аvarхiи, безумнаго террора и внезапнаго энтузіазма, дало себя грабить тиранамъ, испровергло ихъ и желало само наслаждаться. Ферреро слѣдуетъ за нимъ въ его развитіи и паденіи. Авторъ проводитъ въ своемъ трудѣ главную идею, что расширеніе побѣды, предпринятой Римомъ въ Средиземнымъ морѣ послѣ второй пунической войны, сопровождалось медленнымъ, но постояннымъ преобразованиемъ Италіи, такъ что мѣстную земледѣльческую аристократію замѣнили средній классъ, единственно итальянскій, который Ферреро прозвалъ итальянской буржуазіей, но причинѣ его сходства съ современной, конечно, взявъ во вниманіе двадцативѣковой ходъ исторіи. Этотъ классъ не очень интересовался политикой, которую онъ оставилъ въ рукахъ навѣстныхъ клпкъ. Ихъ происхожденіе относится къ тридцати годамъ, которые слѣдовали за войной Ганнибала; ихъ прогрессъ — главная причина кризиса, когда отъ Гракховъ до Суллы Римъ, казалось, пошатнулся. Онѣ составили свое состояніе и могущество въ эпоху Цезаря, велики въ нравы римлянъ, до тѣхъ поръ полныя простоты, восточную роскошь. Онѣ подвинули впередъ жизнь, и земледѣльцы сдѣлались господствующимъ классомъ въ Италіи. Причины успѣха политическихъ побѣдъ, начавшихся съ Лукулла — до Помпея и Цезаря, крылись въ любезности, оказываемой гордости этой буржуазіи, которой онѣ доставляли новые капиталы и рабовъ, увеличивъ сферу ея торговли и господства. Годы, слѣдовавшіе за смертью Цезаря, были годами страшнаго кризиса, такъ какъ послѣ смерти великаго чловѣка, имѣвшаго власть управлять событіями, Римъ оказался сбитымъ съ пути, ошеломленнымъ, оставшимся на произволь судьбы. Это была эпоха настоящаго всемірнаго разложенія, періодъ Цицерона и Октавія, Антонія и Клеопатры и сотни другихъ лицъ, и миллионъ тѣхъ безыменныхъ — забытыхъ рабочихъ соціальной жизни, съ отчаяніемъ борющихся въ эти нѣсколько лѣтъ, которые считаются въ исторіи вѣкамъ и клонятся къ упроченію пинеріи. Вообще Ферреро внесъ значительный вкладъ въ чтеніе главнымъ образомъ интеллектуальнаго

читателя, а не только специалистов, и его трудъ совмѣщаетъ въ себѣ разомъ экономическую, политическую, социальную, военную и литературную исторію. До сихъ поръ еще вышло только три тома, но остальные, вѣроятно, не оставятъ себя долго ждать.

— Революціонная и Наполеоновская литература. Извѣстный историкъ французской революціи, Оляръ, издавъ надняхъ любопытную книгу подъ названіемъ: «Опыты и очерки французской революціи»¹⁾. Они обнимаютъ событія 1789—1791—1792—1793 гг., и главнымъ предметомъ изслѣдованія автора служитъ великая фигура Дантона. Она только уходитъ на второй планъ при изученіи происхожденія французскаго социализма, столѣтія Почетнаго Легіона и отношеній Наполеона къ атеисту Лаланду. Позитивизмъ поставилъ Дантона на пьедесталъ великаго человѣка, и Оляръ идетъ по слѣдамъ позитивизма. Происхожденіе Дантона озабочивало многихъ, и новый его историкъ послѣ тщательныхъ изысканій возстановилъ всѣ главныя черты его жизни. Дантонъ родился въ Арси-сюръ-Объ и былъ сыномъ мѣстнаго прокурора, но, несмотря на это, семейство его происходило изъ мелкой буржуазіи, и его дѣдъ занимался подрядами, а дядя — торговлей. У Дантона была сестра монахиней, а два брата содержали ткацкую фабрику. Въ настоящее время единственнымъ его потомкомъ считается М. Сардинъ, мировой судья въ Арси; онъ приходится великому трибуну двоюроднымъ внукомъ. Восми лѣтъ Дантонъ поступилъ въ семинарію Труа и очень хорошо тамъ учился; онъ со страстью изучалъ Тита Ливія и Саллюстія въ оригиналѣ, а когда онъ пропавосилъ ихъ рѣчи по-французски, то всѣ, ученики и учителя, ему восторженно рукоплескали. Вислѣдствіи онъ добавлялъ къ своему исключительно классическому образованію изученіе итальянскаго и англійскаго языковъ, а также энциклопедическихъ предметовъ. По всей вѣроятности, рассказываемое о Дантонѣ путешествіе въ Реймсъ па коронованіе Людовика XVI не что иное, какъ легенда, но совершенно справедливо, что въ 1780 году онъ отправился въ Парижъ и поступилъ клеркомъ къ одному парламентскому прокурору. Въ это время онъ жилъ весело: фехтовалъ, игралъ въ мячъ и любилъ плавать въ Сенѣ. Съ того мѣста, гдѣ онъ обыкновенно купался, видѣлись башни Бастиліи, и, указывая на нихъ, онъ часто говорилъ: «Эта крѣпость, висящая надъ моею головою, меня стѣсняетъ и оскорбляетъ. Когда же ее сломаютъ? Что касается до меня, то въ этотъ день я съ гордостью помогу ее разрушить». Въ дальнѣйшей, всѣмъ повѣстной исторіи Дантона, Оляръ исправляетъ нѣкоторыя историческія погрѣшности, и вообще его книга, основанная на достовѣрныхъ фактахъ, выставляетъ въ яркихъ краскахъ личность Дантона.

Въ своей только-что вышедшей книгѣ: «Масонство и французская революція»²⁾, Морисъ Тальмейръ доказываетъ, что французская революція была дѣломъ масонства, которое основано во Франціи въ 1725 году. Первымъ его гроемейстеромъ былъ герцогъ д'Автонъ, а за нимъ слѣдовали принцъ Людовикъ

¹⁾ «Etudes et leçons sur la Révolution française», Par A. Aulard. Paris. 1904.

²⁾ «La Franc-maçonnerie et la Révolution française», par Maurice Talmeyr. Paris. 1904.

Вурбонъ, графъ Клермонъ, герцогъ Шартрекій и, наконецъ, Филиппъ Эгалитэ. Передъ революціей было въ большой модѣ среди аристократовъ и лицъ, окружающихъ короля, принадлежать къ масонскимъ ломамъ. Даже были добавочныя ложи — «ложи для дамъ», и въ нихъ засѣдали аристократки, актрисы и представительницы буржуазіи; гротмейстершею была герцогиня Вурбонъ. На масонскомъ конгрессѣ 1875 года, въ Франкфуртѣ, была рѣшена смерть Людовика XVI и шведскаго короля Густава III. Во времена революціи масонскія ложи находились въ 282-хъ городахъ Франціи, и среди ихъ видныхъ членовъ считались: Бальи, Бриссо, Кампль Демуланъ, Дантонъ, Лафайетъ, братья Ламѣтъ, Петіонъ, Барнавъ, Мирабо, Мара, Робеспьеръ, князь Врольи, герцогъ Марошфуко и многіе другіе. Клубъ якобинцевъ выражалъ внушаемая ему масонами идеи, и вообще всѣ революціонныя идеи, по словамъ Тальмейра, были плодомъ масонства. Между прочимъ, онъ приписываетъ масонамъ и заключеніе Людовика XVI въ Тамплъ, тогда какъ члены конвента хотѣли поселить короля въ Люксембургъ. Точно также, по увѣренію автора, и смерть короля — дѣло масоновъ, такъ какъ они подтасовали большинство, подавшее голоса за казнь Людовика XVI: именно они допустили до баллотировки Сэнъ-Жюста, хотя ему не было двадцати пяти лѣтъ, установленныхъ для ценза, дозволили подать голосъ бельгійцу Роберу, хотя онъ не былъ натурализованъ французомъ, и т. д. Такимъ образомъ, 13 голосовъ меньшинства они превратили въ большинство въ пользу смертнаго приговора. Впрочемъ, эти факты не доказаны ничѣмъ опредѣленнымъ со стороны Тальмейра, и ихъ можно признать только своеобразными и оригинальными историческими взглядами. Подлинная же исторія остается при своихъ прежнихъ точныхъ данныхъ. Что же касается до приводимыхъ впервые Тальмейромъ большинства событій, удостовѣряющихъ, какое громадное вліяніе имѣли масоны на французскую революцію, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наполеоновская литература недавно обогатилась новымъ сочиненіемъ¹⁾, касающимся административнаго строя присоединенныхъ къ Франціи во время имперіи нѣмецкихъ земель. Вообще историки, какъ французскіе, такъ и иностраные, обыкновенно называли «французской Германіей» всѣ тѣ нѣмецкія территоріи, которыя были завоеваны Наполеономъ, но Жоржъ Сервьеръ въ своей книгѣ: «Французская Германія при Наполеонѣ I-мъ», разумѣетъ подъ этимъ названіемъ только тѣ нѣмецкія земли, которыя были присоединены къ французской имперіи декретомъ 10-го декабря 1810 года. Онѣ состояли изъ герцогства Ольденбургскаго, двухъ Сальмскихъ владѣній, трехъ ганзейскихъ городовъ: Гамбурга, Любека и Бремена, части Ганновера и одного округа королевства Вестфальскаго. Изъ нихъ были образованы три французскихъ департамента, подъ названіемъ Верхняго Эмса, Устьева Везера и Устьева Эльбы. Всего замѣчательнѣе изъ этихъ вновь приобретенныхъ Франціей территорій были ганзейскіе города, которые сохранились съ XIII вѣка свободными городскими республиками и были управляемы мѣстными аристократическими сенатами, подъ высшею властью Германской имперіи. Теперь свободные граждане

¹⁾ «L'Allemagne française sous Napoléon I-er», par George Servières. Paris. 1904.

ганзейскихъ городовъ сдѣлался противъ своего желанія и насильственнымъ образомъ подданными французскаго императора, ихъ города — Гамбургъ и Бременъ — обратились въ простыя французскія префектуры, а Любекъ — въ под-префектуру. Новое управленіе оказалось совершенно враждебнымъ характеру ганзейцевъ, мелкаго торговаго народа, ширшаго, бережливаго, отличавшагося прекрасными финансами и дешевою муниципальною администраціей. Теперь же ихъ превратили въ плательщиковъ тяжелыхъ налоговъ, податей и всевозможныхъ сборовъ для поддержанія чуждыхъ имъ армій. Неудивительно, что ихъ неудоульствіе постоянно росло, и когда въ 1813 году приблизились къ ганзейскимъ городамъ русскіе, шведы и пруссаки въ качествѣ освободителей отъ французскаго ига, то Гамбургъ и Любекъ, съ одушевленіемъ возстали и побудили отступитъ французскаго генерала Сэнь-Спра. 18-го марта вступилъ въ Любекъ русскій полковникъ Тетенборнъ, а вслѣдъ затѣмъ занялъ и Гамбургъ, гдѣ русскихъ встрѣтили радостными кликами: «Да здравствуетъ императоръ Александръ! Онъ насъ освободитъ и дастъ намъ безпошлинный сахаръ и кофе». Ганзейскіе города, въ сущности, дѣйствовали болѣе изъ торговыхъ видовъ, чѣмъ изъ любви къ родинѣ. Континентальная блокада, введенная французами совершенно разорила мѣстныхъ гражданъ и заставила ихъ вооружиться противъ французовъ. Одинъ Бременъ, по обстоятельствамъ, принужденъ былъ остаться французскимъ. Впрочемъ, и другіе ганзейскіе города недолго сохранили свою свободу, и въ іюнѣ французы снова овладѣли ими, подъ начальствомъ маршала Даву, который шесть мѣсяцевъ очень жестоко управлялъ нѣкогда свободными гражданами. Какъ ни старается Сервьеръ защитить Даву отъ изводимыхъ на послѣднюю историками обвиненій, по этого ему не удастся. Съ пораженіемъ Наполеона союзниками наконецъ окончилась бѣдствія ганзейскихъ городовъ, и они снова примкнули къ Германскому союзу.

— Маршалъ Лефевръ. Сюдвижникъ Наполеона маршалъ Лефевръ, герцогъ данцигскій, до сихъ поръ не имѣлъ біографа, который представилъ бы въ истинномъ свѣтѣ эту замѣчательную историческую личность. Для большинства біографовъ Лефевръ былъ посредственностію: не имѣлъ никакого образованія, не умѣлъ даже писать грамотно, не зналъ стратегіи, такъ какъ продолжительное время служилъ въ войскѣ въ низшихъ должностяхъ и только, благодаря случайности, занялъ высокое положеніе въ арміи и въ государствѣ. (Іосифъ Виртъ совсѣмъ иначе отнесся къ Лефевру¹⁾). Онъ сравниваетъ Лефевра съ другими маршалами, сюдвижниками Наполеона. Сультъ такъ же, какъ и Лефевръ, не былъ въ военной школѣ. Массена, Гоше и Марсо подолгу оставались на низшихъ ступеняхъ военной іерархической лѣстницы, а Ланнъ, Лятуръ д'Овернь и даже самъ Наполеонъ до самой смерти оставались въ разладѣ съ правописаніемъ. Лефевръ родился въ Руффа въ Эльзасѣ. Отецъ его занималъ скромную должность начальника варужной полиціи. По смерти отца судьбою Лефевра занялся дядя, патеръ въ Гемарѣ. Онъ сталъ готовить мальчика въ духовное званіе, къ которому тотъ не чувствовалъ склонности. Прислуживая своему дядѣ при управленіи послѣднимъ мессы, онъ вышивалъ вишю,

¹⁾ Josef Wirth. «Le maréchal Lefebvre, duc de Dantzig (1756 — 1820)». 1904.

предвазначено для причастія. За это его заирали въ погребѣ. Тамъ Лефевръ разбивалъ бутылки съ виномъ. 17-ти лѣтъ, когда дядя хотѣлъ отира-
вить его въ страсбургскую духовную семинарію, юноша бѣжалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ поступилъ въ гвардейскій полкъ, одинъ изъ старѣйшихъ во Фран-
ціи, первый послѣ «Gardes du corps». Гвардейскій полкъ пользовался у жито-
лей Парижа лестною репутаціею. Говорили, что существуютъ въ Парижѣ три
категоріи честныхъ людей: патеры, нотаріусы и гвардейцы. Полкъ былъ для
Лефевбра прекрасною школою. Въ 1783 году молодой сержантъ Лефевръ
вступилъ въ бракъ съ Екатериною Гибшеръ, знаменитою «madame Sans-Gêne»,
которую Сарду представилъ на сценѣ въ карикатурномъ видѣ. Нуждаясь въ
средствахъ, Лефевръ давалъ уроки нѣмецкаго и латинскаго языковъ. Жена
Лефевбра была самою вѣрною и самою лучшею его подругою. Когда началось
броженіе среди столичнаго населенія — предвѣстникъ начинающейся револю-
ціи — дальнѣйшее пребываніе въ полку стало далеко не безопаснымъ. При вз-
ятіи Бастиліи Лефевръ, вмѣстѣ съ Гоше, защищалъ съ большою отвагою офи-
церовъ, которые были осаждены обезумѣвшею чернью. Лефевръ получилъ
спильную контузію. Вскорѣ послѣ того тетки короля вздумали въ сопровожде-
ніи большой свиты выѣхать въ Римъ. Несмотря на то, что это были уже ста-
рья женщины, и что онѣ имѣли формальный паспортъ, — чернь не позволила
имъ выѣхать... Лефевръ не могъ помочь имъ и самъ былъ раненъ. Въ 1791
году онъ снова получилъ рану, когда король захотѣлъ переѣхать на нѣкто-
рое время изъ Парижа въ Сентъ-Клу. Въ 1792 году гвардейцевъ разослали по
разнымъ полкамъ дѣйствующей арміи. Лефевръ получилъ назначеніе въ 13-й
пѣхотный баталіонъ. Этотъ баталіонъ отличился при защитѣ Тювилля, оса-
жденнаго прусскими войсками отряда князя Гогенлоэ. Во время этой-то осады
жители осажденнаго города поставили на городскомъ валу деревяннаго коня
съ надписью: «Пруссаки тогда возьмутъ Тювилль, когда этотъ конь начнетъ
ѣсть сѣно». За заслуги въ кампаніи 1792 года Лефевбра назначили шефомъ
батальона. Въ рангѣ генерала онъ отличился въ дѣлѣ подъ Флерусъ (Fléurus),
гдѣ главнокомандующимъ французскою арміею былъ Журданъ. Въ послѣдую-
щихъ кампаніяхъ 1795, 1796, 1797 и 1799 годовъ Лефевръ участвовалъ
почти во всѣхъ сраженіяхъ. Получилъ тяжелую рану въ битвѣ подъ Остра-
хомъ и оставилъ на нѣкоторое время военную службу. Приѣхавъ въ Парижъ.
Директорія въ воздаяніе за военные заслуги назначила Лефевбра начальни-
комъ 17-й дивизіи. 18-го брюмера Лефевръ принялъ сторону Бонапарта. Въ
1800 году, по предложенію перваго консула, назначенъ сенаторомъ, а на слѣ-
дующій день, по вступленіи на престолъ, императоръ наградилъ Лефевбра
маршальскимъ жезломъ, вмѣстѣ съ 17-ю самыми выдающимися полководцами
республиканской Франціи. Въ качествѣ маршала Лефевръ отличился подъ
Іеной во главѣ гвардейской пѣхоты. Самымъ же замѣчательнымъ подвигомъ
Лефевбра была осада Данцига въ 1807 году. Осажденную армію составляли
пруссаки—12.000 и русскіе—2.000. Непріятельскія силы своею численностію
превосходили армію Лефевбра. Въ составъ арміи послѣдняго входили: саксонцы,
баденцы и поляки, подъ начальствомъ Домбровскаго. Осада шла подъ непо-
средственнымъ наблюденіемъ Лефевбра. Онъ присутствовалъ на батареяхъ и

руководилъ осадными работами. Императоръ пожаловалъ ему титулъ герцога (duc) Данцига. Лефевръ принималъ также участіе въ испанскомъ и австрійскомъ походахъ 1808 и 1809 годовъ. Два раза усмирилъ возстаніе въ Тиролѣ и отличился въ битвѣ подъ Ескмильемъ. Въ кампаніи 1812 года, окончившейся березинскою катастрофою, Лефевръ не потерялся и мужественно переносилъ несчастія, служа для другихъ примѣромъ. Лефевръ былъ однимъ изъ послѣднихъ приближенныхъ Наполеона, которые его оставили. Когда пруссаки стали довольно недвусмысленно высказываться за отдѣленіе Эльзаса отъ Франціи, Лефевръ отправился просить императора Александра I не соглашаться на это. Александра онъ нашелъ въ Парижѣ. Императоръ спросилъ Лефевра, былъ ли онъ подъ стѣнами Париза, когда туда прибыли союзники. «Къ несчастію, я прибылъ на мѣсто поздно», — отвѣчалъ маршалъ. — «Значить, вы недовольны тѣмъ, что меня здѣсь видите», — замѣтилъ государь. «Ваше величество, — пояснилъ Лефевръ: — я съ благоговѣніемъ и восхищеніемъ смотрю на молодого еще полководца, который съ такою умѣренностію пользуется плодами своихъ побѣдъ, но въ то же время съ ужасомъ вижу въ немъ побѣдителя моей родины». Людовикъ XVIII старался привлечь на свою сторону наполеоновскихъ маршаловъ и средствъ для этого не разбиралъ. Когда Лефевръ въ первый разъ представлялся королю, Людовикъ, видя, что маршалъ хромаетъ, замѣтилъ: «Мы одного съ вами цеха, маршалъ!». Людовикъ XVIII былъ подагрикъ. Несмотря на то, что большинство наполеоновскихъ маршаловъ были назначены членами палаты пэровъ, они всѣ могли повторить за Наемъ: «Мнѣ угождаютъ, но меня не любятъ». Охлажденіе наступило вслѣдствіе того, что придворныя дамы начали трактовать свысока представительницъ наполеоновскаго аристократическаго свѣта. Жене Нэя называли дочерью горничной. М-ше Лефевръ презирали, придумывая для нея оскорбительные титулы. Въ эпоху ста дней Лефевръ совсѣмъ не видѣлъ Наполеона. Но былъ назначенъ членомъ палаты пэровъ. Этого ему долго не могли забыть Бурбоны. Послѣ Ватерлоо Лефевра исключили изъ палаты пэровъ и даже приостановили выплату ему маршальскаго содержанія. Только въ 1817 году Людовикъ XVIII возвратилъ Лефевру маршальскій жезлъ, а черезъ два года снова назначилъ членомъ палаты пэровъ. Маршалъ Лефевръ, герцогъ данцигскій, умеръ въ 1820 году въ глубокой старости.

— Вагнеръ и г-жа Везендонкъ. Въ Борлишъ появился новый матеріаль¹⁾ для характеристики знаменитаго нѣмецкаго композитора, Рихарда Вагнера. Этотъ вкладъ въ литературу создателя «Тристаны и Изольды» даетъ возможность увидѣть Вагнера—человѣка, со всѣми его сильными и слабыми сторонами, какъ въ свое время въ перепискѣ съ Листомъ онъ представился предъ глазами читателей—артистомъ-мыслителемъ. Кромѣ того, новый матеріаль открылъ тайну созданія его оперы «Тристана и Изольды». Не малая заслуга предъ міромъ у пламенной любви: она дѣлаетъ малыхъ людей—великими, а гениальныхъ побуждаетъ создавать грандіозныя творенія. Къ послѣд-

¹⁾ Richard Wagner an Mathilde Wesendonk. Tageblätter und Briefe. 1868—1871. Berlin. 1904.

нимъ относится и знаменитый Рихардъ Вагнеръ, и поклонники его гения должны быть признательны его «Музѣ», — Матильдѣ Везендонкъ, за появленіе на свѣтъ «Тристана и Изольды». Переписка композитора съ Матильдой и его дневникъ послужили вышеупомянутымъ матеріаломъ. Друзья Вагнера знали о его любви къ г-жѣ Везендонкъ, о любви, зародившейся еще во время работы композитора надъ «Валькиріей». Никъ было также извѣстно, что въ 1853 году Вагнеръ долженъ былъ внезапно покинуть Цюрихъ, гдѣ онъ нашелъ радужный пріемъ въ семьѣ Везендонкъ, и бѣжать въ Венецію, такъ какъ эта любовь перешла въ страсть, сдерживаемую и наконецъ варварскими бурными потокомъ. Однако подробности всей этой драмы друзья воздерживались обнаружить. Въ своей «Исповѣди къ друзьямъ» Вагнеръ признался, что въ эту эпоху онъ «позналъ безусловную любовь, и это пробужденіе совершенно перевернуло и преобразовало его искусство и философію». После смерти композитора появилась его переписка со многими друзьями, но въ ней ничего не говорилось объ этой тайнѣ сердца Вагнера, а его біографъ Глазенапъ едва упомянулъ о Везендонкахъ и пребываніи композитора въ Цюрихѣ. Такимъ образомъ его сердечная буря, причинившая грандіозное музыкальное твореніе, была скрыта отъ любопытства толпы. Роль Матильды Везендонкъ въ созданіи «Тристана и Изольды» осталась бы для потомства неизвѣстной, если бы недавно не появились сто пятьдесятъ писемъ композитора къ ней, дневникъ, веденный Вагнеромъ — Тристаномъ во время бѣгства его въ Венецію, и четырнадцать писемъ Матильды къ нему. Но неизвѣстной причинѣ до сихъ поръ эти письма не были напечатаны, во послѣ внезапной смерти въ 1902 г. г-жи Везендонкъ въ Трумблингѣ, около маленькаго озера Траунзе, въ Зальцбургскихъ Альпахъ было открыто ея духовное завѣщаніе, въ которомъ она просила напечатать вышеупомянутыя письма и дневникъ. Наслѣдники — ея сынъ, Карлъ Везендонкъ, и ея зять, баронъ Виссингъ — рѣшились преступить къ исполненію ея воли. Они поручили эту работу профессору Вольфгангу Гольтеру фонъ-Ронштоку, который написалъ къ письмамъ прекрасное предисловіе. Оставалось заручиться разрѣшеніемъ вдовы композитора, Козимы Вагнеръ, дочери Листа и бывшей жены Бюлова. Узнавъ о письмахъ, она была очень удивлена, что они не уничтожены, и объявила, будто «маэстро желалъ, чтобы эти бумаги были истреблены». Но ей пришлось уступить непреклонной волѣ наслѣдниковъ покойной г-жи Везендонкъ, и даже она прибавила къ письмамъ Вагнера четырнадцать писемъ Матильды, найденныхъ ею въ бумагахъ мужа. Гениальный композиторъ, получивъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ началѣ своей музыкальной карьеры, какъ извѣстно, терпѣлъ крайнюю нужду и былъ канцельмейстеромъ въ Магдебургѣ, Кенигсбергѣ и въ 1837 году въ Ригѣ. Здѣсь онъ женился на одной артисткѣ, мало подходившей по умственному развитію къ такому гениальному человѣку, какъ Вагнеръ. Впрочемъ, ихъ семейная жизнь сначала протекала сравнительно спокойно, и хотя Мпана, какъ звали жену Вагнера, тревожила его своимъ вздорливымъ характеромъ, но была преданной женой и расчетливой хозяйкой, заботившейся объ ихъ шаткомъ богатствѣ артистовъ. Она не могла понять ума Вагнера и никогда не допустила бы мысли, что ея мужъ когда нибудь броситъ канцельмейстерскую палочку и кинется въ рево-

людионную пучину. Вагнеръ же былъ не только гениальнымъ артистомъ, но также мыслителемъ и философомъ, а потому въ одинъ прекрасный день онъ, будучи главою оркестра Дрезденскаго театра, а слѣдовательно какъ бы чиновникомъ саксонскаго короля, совершенно неожиданно для своей жены окупился въ революціонныя волны: вмѣсто оперъ онъ принялся за различныя преобразования и участвовалъ въ Майскомъ возстаніи. Въ это время ему было 36 лѣтъ, и онъ уже сдѣлался знаменитымъ. Послѣ вступленія прусскихъ войскъ и неудачъ республиканцевъ было приказано его арестовать. Онъ бѣжалъ въ Цюрихъ, служившій въ то время сборнымъ пунктомъ всѣхъ революціонныхъ бѣглецовъ 1849 года, гдѣ его встрѣтили съ распростертыми объятіями, и гдѣ онъ пережилъ сердечную бурю, которая его, какъ бы кристаллизировала, и перевернула весь его духовный міръ. Побудительной причиною этой драмы была двадцатилѣтняя Матильда Везендонкъ, жена европейскаго представителя большаго торговаго дома шелковыхъ матеріяи въ Нью-Йоркѣ. Самъ Везендонкъ былъ здоровякъ, съ виду похожій на военнаго, сдержанный, прямодушный, щедрый—настоящій типъ рыцаря. Онъ любилъ общество артистовъ и литераторовъ, а, благодаря своему громадному состоянію, могъ доставлять себѣ удовольствіе пышно принимать ихъ. Если же кто нибудь изъ нихъ располагалъ его къ себѣ, то при случаѣ пользовался его щедростью, когда тѣснили кредиторы, что бывало нерѣдко. Его жена, Матильда, была дочерью коммерціи совѣтника и получила блестящее образованіе въ Дюссельдорфѣ. Судя по приложенному къ книгѣ портрету, у нея были тонкія и граціозныя черты лица, вѣжные мечтательныя глаза, какъ бы погруженныя въ единственную мысль. Въ своихъ краткихъ воспоминаніяхъ г-жа Везендонкъ, говоря объ этой эпохѣ, сравниваетъ себя съ «бѣлымъ листомъ бумаги, на которомъ не было еще начертано никакаго характера». Какъ всѣ гениальныя артисты, Вагнеръ въ обществѣ былъ молчаливымъ и сумрачнымъ, а въ кружкѣ друзей краснорѣчивымъ и обворожительнымъ: такимъ онъ представился и Матильдѣ. Первые годы своего пребыванія въ Цюрихѣ онъ былъ поглощенъ своими теоретическими работами: «Искусство и революція», «Пропавшій искусства будущаго», «Опера и драма», а также эскизомъ Нибелунговъ. Только въ 1850 году между обѣими семействами завязались сношенія, за которыми послѣдовала тѣсная близость между Вагнеромъ и совѣтъ очарованной имъ Матильдой. Въ ней онъ нашелъ недостававшій ему интеллектуальный очагъ. Волѣ же интимное сближеніе послѣдовало не вдругъ, и Вагнеру пришлось пережить многое, прежде чѣмъ добиться его. Перваго шага къ этому сближенію онъ достигъ со свойственнымъ ему тонкимъ искусствомъ, упрекнувъ друга, обвиняя себя и требуя большаго милостей, отказываясь отъ прежнихъ. Такъ, желая бывать у нея безъ посторонняго общества, онъ пишетъ ей: «Сударыня, да хранитъ васъ Богъ отъ моихъ злыхъ манеръ. Вы должны теперь понять, что, уступая съ огорченіемъ вашимъ любезнымъ приглашеніямъ, я повинуюсь не напрасному капризу, и что мое дурное настроеніе можетъ пзмучить моихъ лучшихъ друзей такъ же, какъ и меня самого. Если впродъ я припеволю себя къ болѣе многочисленнымъ отказамъ, — и какъ я не сдѣлаю этого послѣ вчерашнихъ испытаній?—повѣрите, что я хочу прежде всего добиться вашего

прощенія своимъ лучшимъ поведеніемъ. Отдаю себя вашей благосклонной свисходительности». Этимъ способомъ Вагнеръ добился приглашенія бывать у Матильды безъ постороннихъ посѣтителей. Мало того, предвидя, что вскорѣ будетъ полнымъ господиномъ, онъ уже сталъ выказывать, какъ избалованный ребенокъ, что дуется, и не замедлилъ добиться всего, чего хотѣлъ. Это видно изъ слѣдующей записки, написанной три мѣсяца спустя. «Многоуважаемый другъ! Вы позволили мнѣ просить васъ притти къ намъ ненадолго сегодня вечеромъ. Въ лучшемъ случаѣ предлагаю вамъ провести у насъ нѣсколько времени, до десяти часовъ; тогда я не приглашу никого другого, чтобы ничто не смутило этого святого вечера. Надѣюсь на дружеское «да». Вашъ Рихардъ Вагнеръ». Вскорѣ послѣдовали упреки за то, что Матильда не явилась по обыкновенію провести вечеръ безъ приглашенія. Къ этому нѣжному, сипренному упреку приложены два музыкальные такта, еще болѣе выразительные, чѣмъ сама записка: это были мотивы, аккомпанирующіе выходу Зиглинды, принесшей рога со свѣжей водой изнеможенному Зигмунду въ первомъ актѣ «Валькири». Вагнеръ, впрочемъ, не забывалъ о самомъ Везендонкѣ и, посылая Матильдѣ переводъ Гомера, прибавляетъ: «Гомеръ тайкомъ ускользнулъ изъ моей библиотеки. Я его спросилъ: «Куда ты идешь?» Онъ отвѣтилъ: «Поздравить Отто Везендонка со днемъ рожденія». Я ему сказалъ: «Сдѣлай это вмѣстѣ со мною». Р. В. 16-го марта 1854 г.». Въ этотъ и послѣдующіе года письма Вагнера были коротенькія, но въ нихъ уже замѣтна все увеличивающаяся близость между композиторомъ и Матильдой. Съ этого времени они начали обмѣниваться подарками, что знаменовало невинную эру, когда подъ крылышкомъ дружбы зарождается любовь. Матильда посылала ему цвѣты, лампу и серебряный чайникъ; на это онъ отвѣчалъ ей рѣдкими книгами и своими музыкальными отрывками. Онъ былъ занятъ въ это время сочиненіемъ «Валькири» и взялъ въ привычку, которую сохранилъ нѣсколько лѣтъ, посылать Матильдѣ первые мелодическіе наброски знаменитыхъ leitmotiv. Онъ наносилъ карандашомъ на отрывные листы свои музыкальныя идеи, и она получала ихъ еще неотстывшими отъ его гениальнаго вдохновенія: «онъ запечатлѣвались въ ея умѣ, какъ знаки, и прятались въ ея сердцѣ, какъ близкіе и тираннческіе духи, которыхъ болѣе не возможно прогнать, и взглядъ которыхъ съ тѣхъ поръ велѣя ничѣмъ погасить, а голосъ — заглушить». Иногда эти мотивы сопровождались то шутивными словами, то благодарностью, то жалобами и объясненіями. На одномъ изъ нихъ были начертаны: «G. S. M.», т.-е. «Gesegnet sei Mathilde». (Будь благословенна Матильда); на другомъ: «S. L. F.», т.-е. «Seiner lieben Frau». (Своей любимой дамѣ). Всѣ они хранились у Матильды въ красномъ бумажникѣ и перешли теперь къ ея наслѣдникамъ. Тамъ же оказался и одинъ неотдѣланный мотивъ изъ «Нарсифалъ». Г-жа Везендонкъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Наши отношенія сдѣлались дружескими и близкими лишь съ 1853 года. Только тогда маэстро началъ посвящать меня въ свои намѣренія. Сначала онъ прочиталъ мнѣ три оперныя поэмы, которыя привели меня къ восторгъ, затѣмъ — вступленіе къ этому тому и послѣдовательно, одно послѣ другого, прозаическія сочиненія. Такъ какъ я любила Бетховена, то Вагнеръ игралъ мнѣ его сонаты, а если шѣлся въ виду концертъ, на которомъ онъ долженъ былъ

управлять Ветховенской симфоніей, то онъ игралъ мнѣ до и послѣ релетиціи различныя партіи этого произведенія до тѣхъ поръ, пока я совершенно не прониклась ими. Онъ бывалъ счастливъ, когда я была способна слѣдить за его мыслями и когда мой энтузіазмъ воспламенился отъ его энтузіазма. Въ 1854 году онъ ввелъ меня въ философію Шопенгауэра. Вообще онъ возбуждалъ мое вниманіе ко всѣмъ замѣчательнымъ литературнымъ и научнымъ произведеніямъ. Онъ читалъ мнѣ вслухъ книги или спорилъ со мною объ ихъ идеяхъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе играть мнѣ въ сумерки, между пятью и шестью часами то, что сочинилъ утромъ. Онъ вносилъ съ собою жизнь туда, гдѣ появлялся. Иногда онъ входилъ въ комнату съ виду усталый, изнеможенный, и какое это было прекрасное зрѣлище, когда послѣ короткаго отдыха онъ садился за пианино, и на его челѣ разсѣивались тучи, а на чертахъ скользилъ лучъ. Ему одному я обязана всѣмъ лучшимъ, что есть во мнѣ. Годы, проведенные въ Цюрихѣ, были для Вагнера временемъ сосредоточенія своихъ мыслей, работы и внутренней кристаллизаціи, чего нельзя выбросить изъ его біографіи, грубо не нормируя вѣтъ его развитія, и въ Венецію онъ ѣхалъ совершенно преобразившимъ». Мужъ Матильды исполнѣ ей довѣрялъ и не ревновалъ ея. Напротивъ онъ гордился Вагнеромъ, всегда вносившимъ съ собою цѣлый вихрь идей и дѣлавшимъ изъ своего внутренняго міра настоящей волшебный фонарь, гдѣ проходили въ странныхъ, колоритныхъ сценахъ будущія образцовыя произведенія, еще неизвѣстныя публикѣ. Иногда при чтеніи и долгихъ разговорахъ Вагнера съ Матильдой присутствовали третьи лица, друзья Вагнера: архитекторъ Семиеръ, германецъ Эттмюллеръ, поэты Гервегъ и Готфридъ Келлеръ. Въ долгіе зимніе вечера они читали Шопенгауэра, индусскія легенды и драмы Кальдерона. До рокового дня въ обычныхъ семьяхъ все шло спокойно, чисто и идеально, и самъ Вагнеръ такъ охарактеризовалъ этотъ періодъ: «Въ нашихъ отношеніяхъ исключительно то, что наши дѣйствія и мысли невольно являлись намъ лишь въ ихъ идеальной сущности и всегда въ возвышенной формѣ. Какъ только мы находились вмѣстѣ, то чувствовали себя въ нѣкоторомъ родѣ освобожденными, такъ сказать, отъ жизни». Узы дружбы еще болѣе закрѣпились, когда неожиданно для Вагнера исполнилось его сокровенное желаніе имѣть свой собственный уголокъ. Уже давно онъ намекалъ Матильдѣ о своемъ сильномъ желаніи обладать собственнымъ домомъ, «убѣжищемъ», о которомъ онъ мечталъ и даже писалъ ей объ этомъ въ стихахъ. Г-жа Везендонкъ поняла и уговорила мужа выстроить въ окрестностяхъ Цюриха великолѣпный дворецъ для своей семьи. Она такъ ловко повела дѣло, что добилась у Отто Везендонка согласія устроить возлѣ ихъ дворца небольшой удобный домъ съ отдѣльнымъ садомъ для Вагнера, за что композиторъ платилъ своимъ присутствіемъ и музыкою. Въ 1857 г. онъ въ немъ поселился съ своей семьей, и здѣсь-то пережилъ сердечную драму. Въ своемъ новомъ жилищѣ онъ принималъ пріятелей, а иногда у него проживали заграничныя или нѣмецкіе друзья. Въ то время Вагнеръ работалъ надъ Энгфридомъ съ необычайнымъ пыломъ. Въ письмѣ къ Листу онъ писалъ: «Мой рабочий столъ вблизи большаго окна, изъ котораго безпосредственный видъ на озеро и Альпы. Меня окружаетъ безусловное спокойствіе. Я не покину моего убѣжища, пока приключеніе Энг-

фрида и Брунгильды не будет совершенно выяснено... В это время Вагнеръ не предчувствовалъ, что ему придется прервать свою работу и, только четырнадцать лѣтъ спустя, окончить сцену пробужденія Зигфрида Брунгильдой. Другая драма, жизненная, захватила его и увлекла въ вихрь страсти, омрачившемъ безоблачный, чистый горизонтъ дружбы, въ лучшую страданій, проникнувшихъ въ самые сокровенные уголки его существа. Письма, относящіяся къ этой эпохѣ, уже становятся интимнѣе и въ приподнятомъ тонѣ: прежняя «ученица» превращается въ «мою дорогую музу». Вагнеръ не могъ болѣе обойтись безъ нея и писалъ ей: «Что же, моя дорогая муза всегда будетъ держаться далеко отъ меня? Я безмолвно ожидаю ея посѣщенія, я не хотѣлъ ее тревожить своею просьбою, ибо муза, какъ и любовь, даетъ счастье, когда она только этого хочетъ. Насчастье безумцу, несчастье человѣку безъ любви, который захочетъ силою вырвать у нея то, что она даетъ только добровольно. Отъ нея ничего не добьешься насильно, грубостью. Не правда ли? Не правда ли? А моя муза держится далеко отъ меня!». Какъ могла устоять Матильда противъ такихъ искусственныхъ словъ? Съ этого момента необъяснимая любовь проникла въ все, какъ незамѣтное тонкое вещество, которое пронитало всю окружающую ее атмосферу. При встрѣчѣ съ Вагнеромъ изъ ихъ глазъ исходила какая-то магнетическая сила, и хотя они не говорили еще о любви, но были полны ею. Она послала ему въ подарокъ вышитую подушку и въ отвѣтъ получила записку: «Ахъ, какая прекрасная подушка! но слишкомъ нѣжна! Моя голова бываетъ такъ утомлена и тяжела, что я никогда не осмѣлюсь положить ее на эту подушку, если бы я былъ боленъ.—развѣ когда я умру! Тогда я нѣжно принаду къ ней, какъ бы нѣтъ на это право. Вы сами положите ее подъ мою голову. Вотъ мое завѣщаніе. P. В.» Хотя добросовѣстное отношеніе къ правамъ и интересамъ другихъ было не въ обычаѣ Вагнера, въ виду его положенія гевія, но на этотъ разъ онъ чувствовалъ свой долгъ относительно Отто Везендонка: какъ къ якорю спасенія, онъ приближалъ къ поэзіи. Ей предстояло дать исходъ изъ этой страсти, стремительный потокъ которой излился бы въ искусство. Какъ разъ онъ только что прочиталъ Тристана и Изольду, поэму нѣмецкаго эническаго поэта XII—XIII вѣковъ, Готфрида Страсбургскаго. Положеніе Тристана и королевы прландской, приведенной имъ къ своему дядѣ, королю Марку, и съ которою онъ дорогою вынилъ любовный напитокъ, связавшіи ихъ неразрывно, напомнило Вагнеру его положеніе съ Матильдой. Подъ влияніемъ этого сочиненія и своихъ личныхъ чувствъ онъ рѣшился написать драму, основанную на этой кельтической легендѣ. Однажды, находясь наединѣ съ Матильдой, онъ объявилъ ей, что хочетъ написать текстъ къ музыкальной драмѣ—«Тристанъ и Изольда», которую тайно посвятилъ бы ей и объяснилъ бы то, что должно остаться между ними. Эта поэма была написана въ одинъ мѣсяць (августъ—сентябрь 1857 г.). Вагнеръ послѣдовательно послалъ своей «музѣ» первые два акта Матильда становилась все молчаливѣе и суровѣе, хотя на взглядъ ихъ жизнь несколько не перемѣнилась. Съ своей стороны Вагнеръ дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе. Они продолжали видѣться въ семейномъ кругу, но о драмѣ остерегались говорить. Когда она была окончена 18 сентября 1858 г.,

онъ отнесъ ее къ Матильдѣ; она была дома одна. Вотъ какъ, годъ спустя, онъ записалъ это свиданіе въ своемъ дневникѣ, который вполнѣдствіи велъ въ Венеціи въ видѣ писемъ къ Матильдѣ. «Сегодня годъ, какъ покопчили поэмѣ Тристанъ и отнесъ къ тебѣ послѣдній актъ. Ты довела меня до кресла около дивана и, обнявъ, сказала: «Теперь у меня нѣтъ больше никакихъ желаній». Въ этотъ день, въ этотъ часъ я снова возродился. Все, что этому предшествовало, можетъ назваться: «Предъзнанью», и все, что послѣдовало — «Послѣ жизни». Я никогда не жилъ такъ, какъ въ этотъ чудный моментъ. Ты знаешь, какъ я имъ наслаждался? Это была ни буря, ни гроза, ни оныяненіе. Я оставался торжественнымъ, глубоко взволнованнымъ, проникнутымъ нѣжной теплотой, свободнымъ, погрузившимъ взглядъ въ вѣчность! Уже прежде я мучительно отдалялся отъ свѣта, но болѣе откровенно. Все во мнѣ сдѣлалось отрпаніемъ, запретомъ. Даже мои артистическія творенія были мучительны, такъ какъ исходили изъ желанія найти утвердительный отвѣтъ на это отреченіе, который могъ бы слиться съ нимъ. Этотъ моментъ далъ его мнѣ, съ такой безусловной положительностью, что во мнѣ все смолкло, все ждало приговора. Любимая женщина, до этого дня застѣнчивая и колеблющаяся, отважно бросилась въ море страданій и золь, чтобы предоставить мнѣ этотъ моментъ и сказать: «Я люблю тебя!» Итакъ ты принесла себя въ жертву смерти, чтобы дать мнѣ жизнь; итакъ, я получилъ твою жизнь, чтобы сказать свѣту — прощай, чтобы страдать и умереть съ тобою. Исчезло проклятіе напрасному желанію. Я потерялъ всю горечь; я могу скитаться, страдать, быть терзаему, но болѣе никогда я не потеряю свѣтлаго сознанія, что твоя любовь была моимъ высшимъ благомъ, и безъ нея мое существованіе было бы противорѣчіемъ». Это письмо ясно говоритъ, что бурный потокъ страсти не весь разлился въ искусство, и остатокъ его сломалъ преграды между Вагнеромъ и Матильдой; особенно было видно только изъ письма Вагнера къ сестрѣ Кларѣ. Оно помѣчено тѣмъ же числомъ 10 августа 1858 года. «Что меня сохраняло и утѣшало въ теченіе шести лѣтъ, что мнѣ помогало жить возлѣ Минны, несмотря на громадную разницу нашихъ характеровъ и натуръ — это любовь той молодой женщины (г-жи Везендонкъ), которая приблизилась ко мнѣ сначала колеблясь, а затѣмъ увѣренно и съ возрастающимъ довѣріемъ. Такъ какъ между нами не могло быть вопроса о какомънибудь союзѣ, то наша глубокая любовь приняла тотъ печальный и меланхолическій характеръ, который отдаляетъ всѣ неизменные и низкія чувства и дѣлаетъ такъ, что ищешь источникъ радости только во благѣ другихъ. Но эта любовь, все еще не выраженная между нами, должна была, въ концѣ концовъ, обнаружиться, когда въ прошедшемъ году я написалъ поэмѣ Тристанъ и отдалъ ей. Тогда впервые она лишилась своихъ силъ и объявила, что должна умереть». Г-жа Везендонкъ была слишкомъ серьезной, прямой натурой, и ея слово «умереть» было крикомъ отчаянія, искреннимъ и твердымъ рѣшеніемъ великой души, борющейся между долгомъ и всемогущей любовью. Вагнеръ былъ счастливъ, что любитъ, а такому гению, какъ онъ, не трудно было заставить ее измѣнить свое рѣшеніе — п они продолжали жить попрежнему. Но Матильда была печальна: ее ужасало будущее. Вагнеръ же, напротивъ, ликовалъ: онъ воспрянулъ духомъ отъ своей побѣды и принялся

за сочиненіе музыки перваго акта Тристана. «Когда я писалъ мою оперу, — говорилъ онъ, — я уже былъ ослѣвленъ музыкальнымъ благоуханіемъ всего Кривошедеія». Но слова поэмы были для него только канвой, когда же онъ писалъ музыку, тогда онъ ихъ оживилъ и проникнулъ во всѣ фибры дѣйствующаго лица. Къ сожалѣнію, отвсящихся къ этой эпохѣ писемъ нѣтъ, но есть стихи, написанные 1857 годомъ и присланные Матильдѣ съ музыкальными набросками 1-го акта, которые написаны въ томъ же ритмѣ, какъ финальный дуэтъ. Въ эту эпоху долго сдерживаемая страсть обоимъ любовникамъ стремилась бурными потоками. Затѣмъ послѣдовали стихи на елку, Матильда отвѣтила на нихъ поэтическими стихами, вызвавшими важныя послѣдствія. Когда Вагнеръ прочиталъ ихъ, охватило ослѣвленіе любовника и артиста, и онъ рѣшилъ перевести ихъ на музыку и этихъ обезсмертить жалобы и вздохи любимои женщины. Одно изъ ея произведеній послужило темой для дуэта во второмъ дѣйствіи, а другое прелюдией къ третьему дѣйствію. Получивъ эти мелодіи, Матильда подписала на одномъ изъ нихъ слова Изольды: Избранный для меня, потерянный для меня. Это совпало съ эпохой, когда г-жа Везендонкъ, забывъ о долгахъ, объ утрусеніяхъ совѣсти, о боязни будущаго, была окончательно увлечена любовнымъ выхремъ на край пропасти. Къ сожалѣнію, писемъ, отвсящихся къ этой эпохѣ, тоже недостаетъ, но, судя по письму, написанному въ послѣдствіи Вагнеромъ изъ Венеціи, ясно представляется ихъ психологическое состояніе. Однако въ этомъ письмѣ не упомянуто ни о мѣстѣ встрѣчъ, ни о днѣ. «Нѣтъ, не жалкій ласкъ, которыми ты украсила мнѣ жизнь, — писалъ Вагнеръ. — Я не знавалъ этихъ благоухающихъ цвѣтовъ, ускользнувшихъ съ дѣйственной почвы благородной любви. Мечта поэта должна была измѣниться въ чудную дѣйствительность. Эта роса живительной радости и преобразовательница одинъ разъ должна была упасть на неблагоприятную почву моей земной жизни. Я никогда на это не надѣялся, а теперь мнѣ кажется, что я все-таки это зналъ. Теперь я облагороженъ: я получилъ мое званіе рыцаря. На твоемъ сердцѣ, въ твоихъ глазахъ, твоими губами — я былъ освобожденъ отъ міра. Каждая частица «меня» — свободна и благородна. Я знаю, что былъ любимъ тобою съ такимъ избыткомъ нѣжности, и все-таки твоя сокровенная непорочность пронизываетъ меня, какъ священная дружба. Ахъ! я еще дышаю волшебное благоуханіе цвѣтовъ, которые ты собрала для меня на твоемъ сердцѣ; это не были источники земной жизни: это было благоуханіе сверхъестественныхъ цвѣтовъ божественной смерти. Эти цвѣты когда-то украшали тѣла героевъ, прежде чѣмъ они были превращены огнемъ въ пепелъ; любовница бросалась въ огненную и благоуханную могилу, чтобы соединить свой пепелъ съ пепломъ любимаго человѣка. Тогда они составляли одно. Одинъ элементъ! Не человѣческія существа, а божественную субстанцію вѣчности! Нѣтъ, не раскаивайся! Этотъ огонь горитъ свѣтло и чисто! Никакое темное пламя, никакой дымъ томленія не омрачитъ его ясности. Твоя любовная ласка — вѣнецъ моей жизни, роза радости, украсившія мой терновый вѣнецъ. Я гордъ и счастливъ! У меня болѣе нѣтъ желанія, нѣтъ стремленія! Я испытываю наслажденіе, высшее сознаніе и чувствую силу на все, силу презирать всѣ жизненные бури. Нѣтъ! нѣтъ! не раскаивайся! не раскаивайся!» Въ этомъ письмѣ такъ и сливаются мистическая гармонія второго акта Три-

стана. Этотъ бурный потокъ страсти закружилъ ихъ голову: они ономнились, когда уже находились одной ногой въ пронасти: Матильду охватило угрызение совѣсти—Вагнера страхъ за будущее. Осталось одно—выбраться изъ пронасти: Вагнеръ рѣшился покинуть «убѣжище». Онъ объявилъ объ этомъ Отто Везендонку, который съ спокойной довѣрчивостью попробовалъ его отговорить. Вагнеру пришлось отыскивать другое помѣщеніе, и на это потребовался цѣлый мѣсяць. Въ жизни композитора все перевернулось: работа затянулась, свиданія съ Матильдой были затруднены. По короткимъ запискамъ, которыми они обмѣнивались, можно судить о внутренней борьбѣ Вагнера со своей страстью и полномъ ея поработаніи, даже его головы. «Какое чудесное рожденіе нашего ребенка, богатаго горестямъ! — нишетъ онъ.—У кого можно было бы требовать, чтобы онъ бросилъ своихъ дѣтей? Богъ намъ помогаетъ, несчастнымъ! Или мы были бы слишкомъ богаты? Надо ли намъ самимъ помогать себѣ?» Въ другой запискѣ онъ говоритъ: «Письмо—какъ оно меня опечалило! Дьяволъ перешелъ изъ одного сердца въ другое. Какъ его побѣдить! О! несчастные мы! Мы не принадлежимъ себѣ! Дьяволъ сдѣлался Богомъ!» Чѣмъ окончилась бы эта борьба? Могъ ли справиться Вагнеръ этой страстью, неизвестно, но обстоятельства сами положили конецъ: его жена неожиданно перехватила одно письмо и сдѣлала грубую, бурную сцену г-жѣ Везендонкѣ, поссоривъ объ семьѣ; Вагнеру ничего не оставалось, какъ снѣшно покинуть Цюрихъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлаются извѣстны лишь изъ письма Вагнера къ сестрѣ; но о поведеніи Отто Везендонка ничего не упоминается: вообще многое остается невыясненнымъ. Впрочемъ видно, что Вагнеръ не простилъ жонѣ ея грубой выходки и тотчасъ же навсегда разошелся съ нею, а г-жа Везендонкѣ разсердилась на него за то, что онъ не съ умѣлъ помѣшать этой сценѣ. Перописка продолжалась, и чувства были тѣ же еще года два, хотя въ чуткую душу Матильды закралась недовѣрчивость и опасеніе, которыя, впрочемъ, мало-по-малу разсѣялись. Исчезнувшее счастье и лишеніе уютной покойной жизни въ «убѣжищѣ», которыми онъ дорожилъ болѣе всего, огорчили Вагнера. Для него снова началась бродячая жизнь, вдобавокъ, теперь одинокая. Съ Матильдой онъ такъ и не видѣлся предъ отъѣздомъ. Изъ письма къ ней мы узнаемъ, что при прощаніи его жена разразилась слезами и жалобами. «Впервые мои глаза оставались сухи,—писалъ Вагнеръ.—Куда раяъ я просилъ ее выказать себя благородной тихой и по-христіански утѣшиться. Ея прежняя мстительная грубость снова всыхнула. Ее нельзя спасти. Все-таки я не сумѣлъ бы отомстить несчастной. Она сама должна исполнить свой приговоръ. Итакъ я былъ страшно суровъ, огорченъ и печаленъ, но плакать не могъ. Такъ я и отправился. И вотъ, не отрицаю, я чувствовалъ себя легко, я свободно вздохнулъ. Я встрѣтилъ одиночество, гдѣ я — у себя, одиночество, гдѣ могу любить тебя при каждомъ дыханіи». Послѣ короткаго пребыванія въ Женевѣ, Изола-Велла, Лаго-Маджіоре Вагнеръ остановился въ Венеціи. Здѣсь онъ поселился въ нижнемъ этажѣ одного дворца на полдорогѣ отъ Пьяцетты до Ріальто. Его рабочимъ кабинетомъ былъ княжескій салонъ. Но онъ еще не могъ ни думать ни работать. Днемъ онъ безпокойно, лпхорадочно бродилъ по городу безъ всякой цѣли. По вечерамъ, вернувшись въ свой дворецъ, онъ

встрѣчалъ пустыя комнаты, одиночество. Изъ оконъ видна была лишь чернѣвшаяся вода канала. Одиночество тѣмъ болѣе было чувствительно, что Матильда не писала ему прямо, а чрезъ посредницу, г-жу Вилль,—вѣрную Бруггелду—и то изрѣдка, отвѣчая на его письма. Третье лицо въ ихъ отношеніяхъ возмущало Вагнера. Онъ, во что бы-то ни стало, хотѣлъ удержать любви своего добраго генія, безъ котораго чувствовалъ, что не окончить «Тристана и Изольды». Чтобы какъ нибудь поддерживать сношенія съ Матильдой, хотя мечтою, онъ сталъ писать дневникъ въ видѣ писемъ къ ней. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ, что писалъ г-жѣ Вилль и узналъ о твердомъ рѣшеніи Матильды отказаться отъ него. Онъ ее упрекаетъ за это, говоря, что онъ не отказался бы отъ нея ради какихъ либо родныхъ. Чрезъ недѣлю г-жа Вилль возвратила ему это письмо, которое Матильда не хотѣла даже открыть. По этому поводу Вагнеръ написалъ въ своемъ дневникѣ: «Этого не должно было случиться,—только не это. Въ одинъ прекрасный день ты прочтешь это отосланное обратно письмо, и увидишь страшную несправедливость твоего отказа». На другой день онъ написалъ. «(Одно только слово прямо отъ тебя. Три слова болѣе ничего... Ахъ! всѣ эти посредники! Что же это? Религія между нами?» Чрезъ два дня пришло письмо отъ г-жи Везендонкъ, и Вагнеръ успокоился: «дьяволъ исчезъ—явился ангелъ»,—и композитору написалъ между прочимъ въ дневникѣ. «Да, все хорошо и все хорошо пойдетъ: наша любовь выше всѣхъ препятствій, и каждая прѣграда ее обогащаетъ, одухотворяетъ и облагораживаетъ». Покидая Цюрихъ, Вагнеръ думалъ что спаситель—онъ и такимъ себя выставлялъ въ письмахъ къ Матильдѣ. Въ дѣйствительности же она нравственно господствовала надъ нимъ и заставила его подняться въ свою сферу. Вагнеръ впоследствии самъ въ этомъ сознается въ своемъ дневникѣ. Въ концѣ октября Матильда, уже нѣсколько успокоенная, снова стала писать ему съ нѣжной печалью, и душа Вагнера опять настраивается и начинаетъ вибрировать, какъ лира. Каждая глгчей любви уступаетъ мѣсто мистическому и глубокому свѣту «отказывающей любви». Въ это время г-жа Везендонкъ лишилась маленькаго сына, и это нанесло сильный ударъ Вагнеру. «Повѣришь ли ты,—писалъ онъ между прочимъ Матильдѣ,—что въ эти дни я едва могу думать о работѣ? Я могу страдать, быть печальнымъ вмѣстѣ съ тобою но могъ ли бы я сдѣлать что либо болѣе прекрасное, когда ты печальна и страдаешь?» На это она прислала ему свой дневникъ, веденный ею со дня ихъ разлуки. Тогда онъ сталъ тревожиться сильнѣе: его сердце сжималось, и онъ хотѣлъ поѣхать къ ней, но удержался. Затѣмъ въ его письмахъ стала проглядывать мысль о самоубійствѣ: «Сегодня день всѣхъ святыхъ,—писалъ онъ.—Я проснулся отъ короткаго, но глубокаго сна, послѣ долгихъ, ужасныхъ страданій, какихъ я еще не испытывалъ. Я стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ на черное теченіе Большаго Канала; буря свирѣствовала. Мой прыжокъ, мое паденіе не были бы услышаны. Прыжокъ освободилъ бы меня отъ страданій. Уже мой сжатый кулакъ уперся на балюстраду, но могъ ли я это сдѣлать, думая о тебѣ? День всѣхъ святыхъ наступалъ! Да покоятся всѣ души! Теперь послѣдній шагъ вышелъ изъ моего сердца, теперь я могу все. Не приписывай моего спасенія музыкѣ. Я ее ясно перечувствовалъ—не она мое утѣшеніе, мое вознагражденіе: она только аком-

инструеть моей глубокой гармоніи съ тобою, кормилица моего желанія умереть въ твоихъ объятіяхъ. Твоя глубокая, непоколебимая любовь мнѣ болѣе сивѣтила послѣ бури. Съ тобою я могу все, безъ тебя... ничего. Въ ту ночь, когда я отнялъ руку съ балкона, меня удерживало не искусство! Въ этотъ ужасный моментъ я увидѣлъ ось, вокругъ которой мое рѣшеніе повернулось отъ смерти къ жизни. Эта ось—ты! ты! Не сердись, мое дитя! Слезы текутъ, земля меня беретъ назадъ. День всѣхъ святыхъ! День воскресенія! Это письмо значительно разнится отъ первыхъ, посланныхъ пѣзъ Венеціи, въ которыхъ Вагнеръ выражалъ свои страданія, что не обладаетъ любимой женщиной. Теперь онъ высказываетъ свое страданіе отъ невозможности утѣшить ее. Съ этого момента Вагнеръ одержалъ побѣду надъ собою. «Теперь я возвращаюсь къ Тристану,— писалъ онъ Матильдѣ:— чрезъ него я буду съ тобою говорить посредствомъ глубокаго искусствазвучпаго молчанія». Онъ принялся за работу, подбодряя себя словами. «Поднимитесь, поднимитесь, напряженные мускулы! Надо, чтобы дѣло шло». Онъ медленно работалъ надъ каждой фразой. «Я компонирую, какъ будто я не хочу болѣе работать ни надъ чѣмъ другимъ во всю жизнь. Самая маленькая фраза имѣетъ для меня значеніе цѣлаго акта». Въ это время Вагнеръ нпкогоне видѣлъ, кромѣ своихъ слугъ и гондольеровъ на каналѣ. По вечерамъ онъ гулялъ, читалъ или размышлялъ. Въ свободныя минуты онъ мечталъ о «Парсифалѣ», составлялъ планъ одной будійской драмы, которой, впрочемъ, никогда не написалъ— «Побѣдители». Насколько бурно протекала внутренняя жизнь Вагнера при началѣ сочиненія «Тристана и Изольды», настолько она сдѣлалась безмятежна при его окончаніи. «Самый спланный огонь жизни брызнулъ изъ него съ такимъ пламенемъ, что я былъ имъ сожженъ, истребленъ,— писалъ Вагнеръ.— Когда огонь стихъ изъ концѣ акта, когда вѣжнныи свѣтъ преображенной смерти принялся свѣтити сквозь уголья, я сдѣлался гораздо спокойнѣе». Страданія любовника помогли совершиться триумфу артиста. Тристанъ былъ одной изъ прекрасныхъ побѣдъ надъ страстью. Этимъ окончился необычайный дуэтъ самой страстной, самой грандіозной и интимной любви. Весною 1859 года Вагнеръ уѣхалъ изъ Венеціи и поселился на шесть мѣсяцевъ въ Люцернѣ. Тамъ онъ долженъ былъ окончить оркестровку третьяго акта Тристана. Между прочимъ онъ провелъ одинъ день въ Цюрихѣ у Везендонковъ, не имѣя силъ удержаться отъ искушенія повидать свою «музу» чрезъ годъ послѣ разлуки. Свиданіе произошло не наединѣ, я Вагнеръ чувствовалъ, какая прощастъ образовалась между ними. Тристанъ и Изольда были разлучены навсегда. Дальнѣйшая переписка продолжалась еще четыре года. Дума Вагнера оставалась вѣрна Матильдѣ, которая была попрежнему его «ангеломъ и музой». Для Вагнера наступило время заботы и борьбы: это была самая тяжелая и тревожная эпоха; жизнь въ Парижѣ, концерты, неудача Тангейзера, путешествіе въ Россію и т. д. Въ день его рожденія Матильда послала ему цѣлую серію вѣжныхъ поэтическихъ стиховъ, но ея письма сдѣлались сдержаннѣе. Положеніе Вагнера было крайне тяжелое, и хотя онъ не терялъ вѣры въ свои силы, но болѣе не довѣрялъ счастливой звѣздѣ и не ожидалъ на свромъ горизонтѣ свѣтлаго явленія. Въ матеріальномъ отношеніи было не лучше: онъ запутался въ долгахъ и дошелъ до крайности. Но онъ ошибся, не вѣря своей звѣздѣ:

она ему еще светила, и его судьба внезапно измѣнилась, какъ по маговѣнню волшебнаго жезла. Весною 1864 г. баварскій король Лудвигъ II неожиданно пригласилъ Вагнера въ Мюнхенъ. Съ этого времени его переписка съ г-жею Везендонкъ разомъ прекращается, что, по правдѣ сказать, выставляеть его не въ очень красивомъ свѣтѣ. Последнее его письмо къ Матильдѣ дышитъ холодомъ. Впрочемъ эта перемена произошла потому, что Тристанъ вышелъ любовный напиктъ, но не съ прежней Изольдой, а съ г-жею Козимой Бюловой. Впервые былъ счастливъ вполне. Ему было въ это время 51 годъ. Бракъ г-жи Бюловой Вагнеръ называлъ трагическимъ, намекая на семейное несогласіе. Онъ писалъ о ней г-жѣ Вилль, «какъ о молодой жепцицѣ, надѣленной рѣдкими способностями и стоявшей умственно выше своего отца, Листа. Это была совершенно иная натура, чѣмъ Матильда, съ менѣе глубокой и поэтической душой, но съ болѣе возвышеннымъ артистическимъ умомъ, любящая декорацию въ жизни, какъ и въ театрѣ. Насколько первая была застѣнчива, настолько вторая—смѣла; она владела собою даже въ самыя страстные моменты и умѣла скрывать свое честолюбіе подъ очаровательной улыбкой. Когда, шесть лѣтъ спустя, она, разведясь съ мужемъ, сдѣлалась женою Вагнера, то кто-то сказалъ про нее, что «она предпочла Бога его пророку». Она поняла, что для завоеванія Вагнера надо идти на все: обожать его и поклониться предъ нимъ, ради будущей власти надъ нимъ. Но г-жѣ Везендонкъ пришлось еще встрѣтиться съ Вагнеромъ, шесть лѣтъ спустя, когда онъ, живя въ Люцернѣ, пріѣхалъ въ Цюрихъ къ Везендонкамъ и представилъ свою жену. Отношенія между обѣими семьями были натянуты, но корректныя. На приглашеніе Вагнера присутствовать на первомъ представленіи Тристана Матильда отговчалась отказомъ, не будучи въ силахъ выдержать благодарной забывчивости Вагнера и страдая отъ его невѣрности. Поклонники Вагнеровской музыки должны съ благодарностью отнестись къ памяти покойной г-жи Везендонкъ—первопричинѣ созданія «Тристана и Изольды».

— Последняя племянница Наполеона. Скоро минетъ годъ смерти принцессы Матильды, и еще до сихъ поръ появляются во французскихъ и английскихъ журналахъ статьи, очерки и воспоминанія объ ея жизни и салонѣ. На основаніи этихъ данныхъ ¹⁾ теперь можно составить полную ея біографію и характерно очертить ея замѣчательную личность. Принцесса Матильда родилась въ Триестѣ 27-го мая 1820 года и была дочерью Иеронима, короля Вестфальскаго, младшаго брата Наполеона. Матерью же ея была принцесса

¹⁾ La princesse Mathilde (1820—1904); par M. H. Castets. Revue Universelle. 1 Fevrier 1904.

The Nioco of Napoleon, by Germain Bapst. The Fortnightly Review, June 1904.
La princesse Mathilde, par comte Floury. Le Carnet, Janvier 1904.

La princesse Mathilde, par Ernest Lavisse, «La Revue de Paris», Janvier 1901.
Sainte-Beuve et la princesse Mathilde, par Leon Soché. «Revue Bleue» 16 Janvier 1904.

The Salon of the Princess Mathilde, by Victor du Blvd. The Century Magazine, February 1902.

A Reminiscence of Princess Mathilde Bonaparte, by G. M. Temple Bar. May 1904.

Екатерина Виртембергская, дочь короля. Они оба тогда жили въ изгнаніи и большой бѣдности, что не мѣшало ея отцу думать только о своихъ многочисленныхъ любовницахъ. Напротивъ, его добрая, преданная жена такъ восторженно любила своего гуляку-мужа, что часто говорила: «Я отдала бы всѣхъ моихъ дѣтей за мизинецъ моего Фи-фи (такъ она называла своего Іеронима)». Поэтому, естественно, что родители не заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Но счастію для принцессы, баронесса Редингъ, бывшая придворная дама вестфальской королевы, очень любила Матильду въ дѣтствѣ и молодости и дала ей образцовое воспитаніе, не разставаясь съ нею до ея замужества. Трохъ лѣтъ она была увезена въ Римъ и оставалась тамъ съ своей гувернанткой восемь лѣтъ, а затѣмъ вернулась къ родителямъ во Флоренцію, гдѣ развились ея художественные вкусы. Ея красота и граціозность такъ рано обнаружилась, что тринадцати лѣтъ уже начали ухаживать за нею жонихи. Дѣйствительно, она была тогда такъ хороша собою, что поражала всѣхъ прелестью цвѣта своего лица, сама сознавала это: она нарочно прикладывала къ щекѣ лепестки розовой розы, и они не выдѣлялись на фонѣ ея щеки. Первая ея побѣда была надъ принцемъ Шенбургскимъ во время ея кратковременнаго посѣщенія короля Виртембергскаго. Принцъ былъ пожилой человекъ, и, несмотря на это, до того влюбился въ нее, что послѣ ея отъѣзда въ Италію скоропостижно умеръ, пропавъ ея имя. Вскорѣ послѣ этого принцессу Матильду, тогда называвшуюся графиней Монфоръ, увидѣлъ въ Италіи Тьеръ, и она ему такъ понравилась, что, два года спустя, сдѣлавшись первымъ министромъ, онъ предложилъ королю, Луи-Филипу, женить на ней наследника престола, герцога Орлеанскаго, такъ какъ излюбленной мыслью Тьера было соединить іюльскую монархію съ Наполеоновскою славою. Король сочувствовалъ этому плану, и герцогъ Орлеанскій рѣшился встрѣтить юную принцессу въ Лозаннѣ. Незавѣстно, по какой причинѣ—потому ли, что королева Екатерина завидовала красотѣ своей дочери, или по нежеланію Луи-Филиппа породниться съ Іеронимомъ, который уже до сватовства дочері хотѣлъ завячь денегъ у своего будущаго свата,—но свиданіе молодыхъ людей не состоялось, и самый ихъ бракъ не удался. Тогда Берье сталъ хлопотать о бракѣ въ пользу старшей линіи Бурбоновъ, считая принцессу Матильду подходящей невѣстою графа Шамбора. Но этотъ планъ, разумѣется, не былъ одобренъ его родственниками. Наконецъ явился третій проектъ ея замужества: княгиня Ливенъ, по словамъ Бапста, внесла принцессу Матильду, какъ подходящую невѣсту, въ списокъ, который ей поручилъ составить императоръ Николай для наследника, будущаго Александра II. Однако мать юной красавицы опять вмѣшалась въ дѣло, и имя Матильды было вычеркнуто изъ списка, приготовленнаго княгиней Ливенъ. Въ 1835 году королева Екатерина умерла, и вскорѣ послѣ этого грустнаго событія Матильда поѣхала съ отцемъ въ Арененсбергъ, гдѣ жила ея тетка, Гортензія, которая очень ее любила. Во время одного изъ прежнихъ визитовъ Матильды въ Арененсбергъ Гортензія говорила ей: «Я не хочу тебѣ льстить, мое дитя, но я должна тебѣ сказать, что ты очень очаровательна, пріятна и естественна, такъ что я совѣтую тебѣ остаться такой навсегда. Мнѣ было очень пріятно слышать всеобщія похвалы моей дорогой Матильдѣ, и я не сомнѣваюсь,

что она во всѣхъ отношеніяхъ ихъ заслуживаетъ». Съ этихъ поръ Гортензія возымѣла мысль выдать замужъ племянницу за своего сына, будущаго императора, Наполеона III-го. Молодые люди очень поправились другъ другу, и между ними завязался серьезный романъ. Въ слѣдующемъ году король Іеронимъ условился съ невѣсткой относительно свадьбы дѣтей и купилъ для нихъ замокъ Готлибъ на Констанцкомъ озерѣ, недалеко отъ Арененсберга. Въ знакъ своей помолвки принцъ Наполеонъ подарилъ Матильдѣ очень скромное бирюзовое кольцо, съ которымъ она никогда въ жизни не разставалась. Молодые люди днемъ гуляли и катались по парку, а по вечерамъ болтали, играли въ невинныя игры, особенно въ модную тогда игру «чернильныя пятна». Она состояла въ томъ, что на чистой бумагѣ дѣлали чернилами крупныя пятна, а потомъ старались перомъ нарисовать изъ пятна какой нибудь рисунокъ. Даже въ останшихся послѣ смерти принцессы Матильды бумагахъ, завѣщанныхъ ею своему племяннику, графу Примоли, находятся нѣсколько бумажекъ съ подобными пятнами, нарисованными ею во время ея помолвки съ принцемъ Наполеономъ. Принцесса Матильда возвратилась въ Римъ изъ Арененсберга съ твердымъ намѣреніемъ выйти замужъ за своего двоюроднаго брата впою. Но онъ столько же думалъ о своей любви къ ней, какъ и о политическихъ авантюрахъ, а потому черезъ шесть недѣль послѣ ея отъѣзда онъ привелъ въ исполненіе свой страсбургскій заговоръ. Результатомъ этой смѣлой выходки были арестъ принца Наполеона и его ссылка въ Америку, которые совершенно смутили всѣхъ наполеонидовъ. Отецъ Матильды разстроилъ планъ ея замужества, несмотря на то, что ея женихъ написалъ изъ Америки письмо, полное любви къ своей невѣстѣ. Матильда подчинилась волѣ своего отца, и, по всей вѣроятности, ея ювешеская любовь была не очень пламенна, потому что въ томъ же 1840 году она согласилась на новый планъ короля Іеронима— выдать ее замужъ за русскаго богача Демидова, съ которымъ онъ познакомился въ Италіи. Очевидно, этотъ бракъ былъ по расчету, а не по любви, и въ слѣдующемъ году онъ состоялся во Флоренціи, но, какъ и можно было ожидать, оказался несчастливымъ. Молодые, проживъ нѣкоторое время во Флоренціи, поѣхали въ Петербургъ, гдѣ императоръ Николай принялъ очень любезно свою очаровательную родственницу, прихлотившюся ему двоюродной племянницей со стороны его матери, императрицы Маріи Феодоровны, которая была сестрой Вюртембергскаго короля. Первые слова, сказанныя ей Николаемъ, были впрочемъ довольно холодныя: «Отчего вы вычеркнули свое имя изъ списка предложенныхъ невѣстъ для моего сына?» Матильда отнѣчала такъ просто всю правду, и къ тому же она была такъ хороша, что императоръ тотчасъ къ ней горячо привязался. Онъ приглашалъ ее на всѣ балы во дворецъ и часто гулялъ съ нею по Невскому. Принцесса внослѣдствіи не разъ рассказывала анекдотъ объ одной изъ подобныхъ прогулокъ. По улицѣ шелъ какой-то нѣхотный полкъ, и вдругъ императоръ остановился и сказалъ ей: «Подождите меня минуту, мнѣ надо сказать два слова полковнику». Возвратившись къ ней, онъ со злобой сказалъ: «Знаете, какое только что я сдѣлалъ открытіе? Солдаты этого полка, невзирая на сильный морозъ, не имѣютъ брюкъ, и у нихъ надѣты шнители прямо на нижнее платье. Это—продѣлка пол-

ковника, ради взятки». Зная о жестокомъ обращеніи Демидова съ женою, государь замѣтилъ ей: «Мнѣ известно, что вы несчастливы съ мужемъ: когда жизнь станетъ для васъ невыносимою, то напишите объ этомъ Орлову, и я устрою ваше дѣло». Вскорѣ молодая красавица не выдержала обращенія мужа и публично во дворцѣ произвела скандалъ. Въ вѣнской газетѣ «Neue Presse» онъ описанъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣло было въ самомъ разгарѣ петербургскаго сезона; во дворцѣ былъ назначенъ большой балъ, и г-жа Демидова приготовила себѣ чудный нарядъ, который долженъ былъ выдѣлить великолѣпіе ея брильянтовъ. Но мужъ запретилъ ей появиться на этомъ балѣ. Матильда дождалась, пока мужъ уѣхалъ во дворецъ, и, одѣвшись, отправилась въ своемъ экипажѣ туда же. Между тѣмъ представленіи императорской четѣ окончились, и она перешла въ балъную залу, сопровождаемая всѣми присутствующими. Вдругъ навстрѣчу имъ въ дверяхъ показалась Демидова въ великолѣпномъ нарядѣ изъ серебристаго атласа и въ брильянтовой дѣдемей на бѣлокурыхъ волосахъ. Она придерживала рукою тюлевый шарфъ, который закрывала себѣ обнаженную грудь и спину. Анатолій Демидовъ бросился къ ней, но Матильда оттолкнула его и, подойдя къ императорской четѣ, упала на колѣни. Сбросивъ съ себя шарфъ, она произнесла: «Государь, освободите меня отъ чловѣка, который со мною такъ обращается». И, нагнувъ голову, она показала на спину и плечахъ большіе синяки». Справедливъ ли этотъ рассказъ или нѣтъ, но Николай I вступился за свою родственницу и заставилъ Демидова съ нею разойтись, подъ условіемъ, что онъ будетъ платить ей пожизненно двѣсти тысячъ франковъ въ годъ и оставитъ ей подаренные брильянты. Демидовъ купилъ себѣ близъ Флоренціи помѣстье Санъ-Донато съ принадлежащимъ ему княжескимъ титуломъ, уже послѣ разлуки съ женою, а потому, естественно, бывшая его жена никогда не называлась княгиней Санъ-Донато, хотя иностранные источники награждаютъ ее этимъ титуломъ. Съ тѣхъ поръ она именовалась просто принцессой Матильдой. Освободившись такимъ образомъ въ 1845 году отъ своей несчастной брачной жизни, она отправилась въ Парижъ, такъ какъ всегда любила, хотя издалека, Францію и стремилась поселиться въ ней. Любовь къ Франціи была въ ней такъ сильна, что когда впервые по дорогѣ въ Парижъ она увидала на Кельскомъ мосту французскаго солдата, то остановила экипажъ, выпрыгнула и поцѣловала солдата въ обѣ щеки. «Продѣлавъ это,— прибавляетъ она къ своему рассказу,— я была совершенно счастлива, потому что я поцѣловала какъ бы свое знамя и свою родину, которой до тѣхъ поръ я не видала». По приѣздѣ въ Парижъ ея первый визитъ былъ къ Луи-Филиппу. Она безъ приглашенія явилась въ Тюильри, и прямо была проведена въ гостиную, гдѣ сидѣли королева Марія-Амалия, принцесса Аделаида, сестра короля, и жена герцога Орлеанскаго, наследника престола. Онѣ занимались рукодѣліемъ, а въ концѣ комнаты ходилъ взадъ и впередъ король съ графомъ Моля. Послѣдній, бывшій прежде министромъ Наполеона, воскликнулъ, обращаясь къ королю: «Я никогда не видалъ этой молодой, прекрасной дамы, но увѣренъ, что она принадлежитъ къ Наполеоновской семьѣ: объ этомъ достаточно говорятъ ея осанка». Вся королевская семья чрезвычайно любезно приняла Матильду, а на другой день къ ней явились королевскіе сыновья: герцога Омаль-

скій и Жуанвильскій. Первый пришелъ въ восторгъ отъ ея красоты и впоследствии говорилъ художнику Бонна: «Принцесса Матильда была страшно хороша». Очутившись на свободѣ, принцесса поселилась въ небольшомъ домѣ въ улицѣ Сень-Доминикъ и окружила себя избраннымъ кружкомъ друзей, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимали художники и литераторы: Энгрь, Анри Шефферъ, Эрнестъ Эберъ, а нѣсколько позднѣе Викторъ Гюго, Ламартинъ, Ламинъ, Араго, Александръ Дюма, Тьеръ, Молэ и Минье. Принцесса Матильда страстно занималась живописью, особенно акварелью, и брала уроки у Раффэ и Эжена Жирара. Она выставяла свои работы на ежегодныхъ выставкахъ и получала не разъ медали; самыми популярными ея картинами были: «Профиль блондинки», «Алжирская еврейка», и «Венеціанская птритга». Ближайшіе друзья называли ее поэтою «Notre dame des arts». Еще популярнѣе сдѣлалась она, когда въ 1847 году ея отецъ былъ возвращенъ во Францію, а при второй ресубликѣ сдѣланъ начальникомъ Дома Инвалидовъ. Въ 1848 году Матильда не покинула Францію, а продолжала попрежнему держать открытымъ свой роскошный салонъ. Когда Луи-Наполеонъ явился кандидатомъ въ президенты республики то прежде всего онъ посѣтилъ свою бывшую невѣсту. Но на этотъ разъ отношенія между ними были не любовныя, а денежныя. «У меня нѣтъ денегъ,—сказалъ онъ прямо своей двоюродной сестрѣ,—а мнѣ онѣ необходимы для моей избирательной кампаніи; можете вы мнѣ ихъ достать?» Принцесса не колебалась, и для кандидата въ президенты и будущаго претендента на императорскую корону она заложива свои брильянты у лондонскаго банкира Банкока и ссудила принцу 200.000 франковъ. Достигнувъ своей цѣли, Наполеонъ поручилъ своей двоюродной сестрѣ играть роль хозяйки въ Елисейскомъ дворцѣ, а потомъ и въ Тюильри. Она замѣчательно хорошо исполняла свои обязанности и поселилась въ улицѣ Курсель, въ великолѣпномъ домѣ, купленномъ для нея Наполеономъ III. Съ учрежденіемъ второй имперіи принцесса Матильда стала именоваться императорскимъ высочествомъ и была окружена цѣлымъ дворомъ, подъ руководствомъ статсъ-дамы, баронессы Серле. Съ начала своего царствованія Наполеонъ снова возымѣлъ мысль жениться на принцессѣ Матильдѣ и вошелъ въ переговоры съ напой относительно ея официальнаго развода съ Демидовымъ. Папа согласился на основаніи какихъ-то неправильностей перваго брака, но когда императоръ сдѣлалъ ей предложеніе, то она наотрѣзъ отказалась. Она уже сама создала для себя въ Парижѣ такое блестящее положеніе, какимъ не хотѣла жертвовать даже для короны. Но, несмотря на это, она, естественно, не хотѣла разстаться съ своей ролью первой особы при дворѣ, а потому, когда Наполеонъ III набралъ себѣ женою графиню Монтихо, она очень рѣзко стала сопротивляться этому плану. Къ тому же она и императрица, естественно, питали другъ къ другу враждебныя чувства, такъ какъ одна была либеральныхъ мнѣній въ политикѣ и религіи, а другая гордой, упорной клерикалкой и даже роялисткой. Только послѣ паденія имперіи и смерти императора онѣ помирились, и Евгения нѣжно ухаживала за Матильдой въ ея послѣдніе дни. Конечно, принцесса, несмотря на свои отношенія къ императрицѣ, участвовала во время имперіи на всѣхъ придворныхъ празднествахъ, но гораздо болѣе удовольствіи ей доставляла интимная жизнь ея художественнаго, литературнаго и научнаго

кружка. Зимой она жила во время имперіи въ улицѣ Курсель, а съ наступленіемъ третьей республики въ скромномъ помѣщеніи въ улицѣ Берри; лѣто же она проводила на своей виллѣ на Лаго-Маджіоре или въ купленномъ ею помѣстьѣ Сентъ-Гратьенъ, близъ Парижа. Окружавшее ее избранное общество нѣсколько помѣнилось, и въ ея блестящемъ салонѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ чередовались Дюма, отецъ и сынъ, Теофиль Готье, Флоберъ, братья Гонкуры, Тэнъ, Ренанъ, Поль Бэръ, Меримэ, Эмиль Ожье, графъ Ниверкерке, Гуно, Сентъ-Бевъ, Лависсъ, Вуржэ, Монассанъ, Клавдіи Понлэвъ, Альберъ Вандаль, Аври Гуссэ, Бонна, Деталь и проч. Что касается до внутренней ея характеристики, то Эрвестъ Лависсъ въ біографическомъ очеркѣ принцессы Матильды говоритъ: «Она была самой естественной женщиной, какую я когда либо видѣлъ. Настоящая свѣтская дама, она отличалась простотой своей осанки, походки и взгляда; она откровенно добродушно смѣялась и ничѣмъ не выказывала своего высокаго происхожденія. Она ничѣмъ не кичилась, была очень скромна, ненавидѣла лесть и не выдавала себя за художницу, ученую или покровительницу писателей». Принцесса Матильда была очень трудолюбива и всегда чѣмъ нибудь занята. Сама заведя свои домами, она во всемъ соблюдала замѣчательный порядокъ. Всѣ часы дня были распределены съ удивительной точностью: въ извѣстное время она занималась живописью, въ другое музыку, третье посвящала добрымъ дѣламъ, а четвертое визитамъ. Въ своемъ замкѣ, Сентъ-Гратьенъ, она устраивала по вечерамъ нѣчто въ родѣ мастерской для вышиванья. Никогда ея не видали праздною, и за двѣ недѣли до смерти она говорила итальянской посланницѣ: «у меня много дѣла». Ея душа была истинно-демократическая, но съ отгѣнкомъ наполеонизма; она часто говорила: «французская революція, да, я ей всѣмъ обязана, если бы ея не было, то я продала бы ашельсны на улицѣ Алячіо». На вопросъ одной представительницы буржуазнаго міра: въ чемъ заключаются чувства принцессы, она отвѣчала: «Я не знаю. Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ кому нибудь другому; я вѣдь не изъ принцессы божественнаго права». Къ дядѣ своему она питала самый страстный культъ, но отзывалась о немъ очень оригинально: «У меня былъ дядя солдатъ». Хотя принцесса Матильда чрезвычайно любила литературу и покровительствовала извѣстнымъ писателямъ, а также выводила въ люди молодыхъ авторовъ, но сама она написала только свои мемуары, которые не напечатаны до сихъ поръ, и маленькую брошюрку подъ названіемъ: «Исторія собаки». Въ послѣдней она съ большимъ чувствомъ описала жизнь своей любимой собаки «Диди». Относительно посѣтителей ея салона, которые смѣнялись другъ за другомъ въ продолженіе трехъ поколѣній, можно сказать, что первое мѣсто занимали друзья сердца и друзья ума или таланта. Къ первымъ, по словамъ ея біографовъ, принадлежали графъ Ниверкерке—директоръ изящныхъ искусствъ при второй имперіи, Мона—префектъ парижской полиціи въ ту же эпоху, Эдуардъ Делессеръ и живописецъ Понлэвъ. Послѣдній былъ даже тайно обвиняемъ съ нею въ Лондонѣ и въ продолженіе двадцати лѣтъ занималъ за ся обѣденнымъ столомъ мѣсто хозяина. Этотъ фактъ былъ подтвержденъ однажды Готскимъ альманахомъ, но на слѣдующій годъ редація отказалась отъ распространеннаго ею свѣдѣнія. Друзьями же ума и таланта

принцессы Матильды были Теофиль Готье, братья Гонкуръ, Флоберъ, Тэнъ, Ренавъ, Меримэ и въ особенности Сентъ-Бёвъ. Теофиль Готье былъ ея библио-текаремъ, хотя, въ сущности, она пожаловала ему этотъ титулъ только, чтобы доставить ему приятную синекуру, такъ какъ она была очень привязана къ нему. Братья Гонкуры были настоящими историками ея салона и въ своемъ дневникѣ писали многочисленныя воспоминанія о принцессѣ Матильдѣ, которая, когда заболѣлъ Жюль Гонкуръ, ухаживала за нимъ въ своемъ домѣ съ необыкновенной преданностью. Изъ многихъ анекдотовъ и рассказовъ о принцессѣ Матильдѣ на страницахъ дневника Гонкуровъ между прочимъ мы находимъ очень характерную страницу: «Однажды принцесса прѣѣхала въ 5 часовъ изъ Компьена и сказала намъ о императорѣ: «Что вы хотите, но этотъ человекъ ни живой, ни впечатлительный. На-дняхъ лакей выпалъ ему за шпироть сифонъ сельтерской воды, и онъ безъ малѣйшаго признака неудовольствія или нетерпѣнія подалъ ему стаканъ съ другой стороны. Это—человекъ, который никогда не сердится, и его самое гнѣвное выраженіе: «это велико!» Онъ никогда не произнесъ ничего хуже. Вотъ ужъ если бы я сдѣлалась его женою, то сломала бы ему голову, чтобы посмотрѣть, что въ ней заключается». Флоберъ часто бывалъ на ея знаменитыхъ обѣдахъ, о которыхъ Жоржъ-Сандъ говорила: «эти обѣды—одна изъ четырехъ цѣлей существованія; остальные три цѣли я забыла». По вечерамъ онъ читалъ вслухъ отрывки изъ своихъ романовъ, наиримѣръ: «Salambo». Знаменитый Тэнъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ ея друзей, но въ одинъ прекрасный день неожиданно объявилъ ей, что написалъ для «Revue des deux mondes» статью о Наполеонѣ I и предупредилъ принцессу Матильду, что онъ нѣсколько строго отнесся къ императору, а потому изъ уваженія къ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ исторической правдѣ, предложилъ ей пересмотрѣть статью. Матильда никогда не думала впускать друзьямъ своихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе Тэну, который всегда громко высказывалъ свое сочувствіе къ Наполеону, а потому отказалась отъ чтенія корректуры, сказавъ: «Вы—мой задушевный другъ и одинъ изъ первыхъ писателей Франціи, я не хочу давать вамъ никакихъ совѣтовъ и исполнѣ убѣждена въ вашемъ тактѣ. Вы, конечно, примирите свое личное мнѣніе съ приговоромъ исторіи». Первая статья Тэна произвела огромный шумъ, но Матильда только насупила брови; вторая статья была переполнена рѣзкими, грубыми выходками противъ того, кого прежде Тэнъ называлъ: «строителемъ современнаго міра». Принцесса начала выходить изъ терпѣнія, а послѣ третьей статьи, исполнѣ выразившей его открытую вражду къ «итальянскому кондотьеру», какъ онъ теперь называлъ Наполеона, она съ гнѣвомъ воскликнула: «Я знаю, что сдѣлаю: я должна отдать визитъ г-жѣ Тэнъ. Я къ ней поѣду, но не выйду и оставлю визитную карточку съ надписью: P. P. C. (Pour prendre congé). Это будетъ означать, что я навѣки съ ними прощаюсь. Я не могу позволить своему другу такъ грубо нанести на главу моего семейства». Она исполнила свою угрозу, и, пораженный такимъ разрывомъ двадцатилѣтней дружбы, Тэнъ пошелъ къ Ренаву жаловаться на принцессу. «Мой другъ,—отвѣчалъ Ренавъ съ улыбкой,—я разсорился съ гораздо большей дамой, чѣмъ принцесса Матильда».—«Съ кѣмъ?»—спросилъ Тэнъ.—«Съ церковью». Самъ же великій ученый и

философъ оставался до самой смерти въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Матильдой, и она предпочла лучше разсориться съ императрицей, чѣмъ разстаться съ философомъ по причинѣ его релігіозныхъ мнѣній. Несмотря на ссору съ Евгенией, Матильда имѣла такое влияние на императора, что добилась отъ него назначенія одного друга Ранана на мѣсто профессора химіи. Въ числѣ ея преданныхъ друзей находился извѣстный Меримэ, который также былъ съ юности другомъ императрицы. Онъ поддерживалъ отношенія съ обвини и, будучи сенаторомъ имперіи, одинаково любезно обращался съ либеральной принцессой. Но самая пламенная дружба въ теченіе многихъ лѣтъ соединяла принцессу Матильду съ Сентъ-Бевомъ. Она постоянно принимала его у себя, посѣщала его скромную квартиру и переписывалась съ нимъ. Въ хлопотамъ у императора онъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ въ сенатъ. Несмотря на этотъ сенаторскій титулъ, онъ не только позволялъ себѣ играть въ оппозицію противъ имперіи, но пересталъ писать свои знаменитыя понедельничные фельетоны въ «*Moniteur*»¹⁾ и перешелъ прямо въ враждебную имперіи газету «*Temps*». Принцесса Матильда не выдержала этой измѣны и навсегда съ нимъ разсорилась. «Я больше никогда не увижусь съ Сентъ-Бевомъ, — говорила она Гонкуру, — чего я не дѣлала для него: исполняла всѣ его просьбы къ императору, и сколько разъ я ссорилась изъ-за него съ императрицей. И что же я просила у него взамѣнъ? Только, чтобы онъ не переходилъ въ «*Temps*», а предлагала ему «*Liberté*», гдѣ онъ писалъ бы на свободѣ. Онъ прямо сознавался мнѣ, что всѣмъ обязанъ моею добротѣ. И чѣмъ же мнѣ онъ заплатилъ? Уже я не говорю о себѣ, какъ о принцессѣ, а просто, какъ о женщинѣ. Я ходила къ нему въ домъ, обѣдала у него и сидѣла на томъ же стулѣ, гдѣ сидѣли всякія потаскушки. Я ему сказала прямо: что вы такое? Вы ни на что неспособный старикъ; какъ жаль, что вы не умерли въ прошедшемъ году: тогда я сохранила бы о васъ хорошую память». Несмотря на то, что Сентъ-Бевъ былъ самъ виноватъ, но размолвка его съ принцессой подѣйствовала и на него чрезвычайно тягостно. Онъ тяжело занемогъ и предъ болѣзью написалъ ей извинительное письмо въ самыхъ унижительныхъ выраженіяхъ. Но она на него не отвѣчала. Только за нѣсколько дней до его смерти она согласилась его письменно простить. Послѣ его смерти она имѣла съ его наследниками долгія препирательства относительно своихъ писемъ, которыя наконецъ были ей возвращены, а напечатаны одни лишь письма Сентъ-Бева, подъ заглавіемъ: «*Les lettres à la princesse*» Вообще принцесса Матильда прекрасно обходилась съ своими друзьями и только, когда они сами выходили изъ предѣловъ приличія, позволяла себѣ рѣзкія съ ними выходки. Такъ однажды Эдмонъ Абу остроумно, но зло насмѣхался надъ ея пріятелями, между прочимъ, надъ Александромъ Дюма-отцомъ, а когда къ нимъ подошелъ графъ Ниверкерке, то Абу воскликнулъ фамиллярно: «Ступайте вонъ: вы слишкомъ ревнивы». Тогда принцесса Матильда позвонила и спокойно сказала лакею: «Проводите до кареты г. Абу; онъ сегодня здѣсь не обѣдаетъ». Только послѣ многихъ извиненій Абу удалось помириться съ нею. Иногда принцесса Матильда позволяла себѣ среди своихъ близкихъ друзей очень остроумныя, но не приличныя выраженія. Такъ однажды поздно вечеромъ, провожая своихъ гостей,

она сказала генералу Ружнэ, состоявшему при ея дворѣ и потому жившему у нея въ домѣ: «Ну, генералъ, пойдите спать». — «Принцесса, — шепнулъ ей на ухо адмиралъ Дюперре: — какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ генерала». — «Почему?» — спросила принцесса. — «По причинѣ того, что вы сказали». — «Вы попались бы: у меня нѣтъ ночной службы», — отвѣчала принцесса Матильда. Разсказанный барономъ Дюкасомъ и приведенный въ одной изъ французскихъ газетъ за нѣсколько дней до смерти принцессы этотъ анекдотъ былъ прочитанъ ея племянникомъ, графомъ Примоли. Выслушавъ его, Матильда расцѣлалась и сказала: «это совершенно вѣрно». Съ наступленіемъ третьей республики принцесса Матильда отказалась отъ политики и воицѣ измѣнила свой салонъ въ улицѣ Берри. Въ немъ стали все чаще и чаще появляться дамы: жены, сестры и дочери ея пріятелей, наполеонидовъ и сторонниковъ имперіи, тогда какъ прежде она принимала почти исключительно мужчинъ. Мы находимъ въ воспоминаніяхъ англичанки С. М., племянницы одной близкой пріятельницы принцессы, любопытныя картинки салона Матильды за послѣдніе годы. Тамъ уже начали появляться новые писатели: Коппэ, Сарду, Гавото, Лоти, Лаведанъ, Массонъ и др. По воскресеньямъ и средамъ у нея происходили обѣды, и она попрежнему была чрезвычайно любезна и разговорлива, но бесѣда преимущественно сосредоточивалась на новѣйшихъ событіяхъ, а о второй имперіи заговаривали очень рѣдко. «Принцесса Матильда, — замѣчаетъ англичанка, — хотя, строго говоря, никогда не была воицѣ красавицей, потому что ея черты слишкомъ мужественны, но въ толпѣ она всегда выдѣлялась своей замѣчательной осанкой и оригинальной одеждой». Надо сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи принцессы Матильды къ Россіи и царской семьѣ. Извѣстно, что императоръ Николай I не долюбивалъ Наполеона III, но къ своей племянницѣ онъ относился до своей смерти попрежнему радушно. Такъ послѣ утверженія имперіи онъ писалъ ей: «Вы говорите, что новое счастье Франціи само пришло за вами, а не вы за нимъ, поэтому пользуйтесь дарованными вамъ благами; они не могутъ попасть въ болѣе благодарныя руки». Когда вспыхнула Крымская война, то принцесса Матильда написала императору Николаю Павловичу трогательное письмо, полное сочувствія и благодарности за прежнія милости. На это императоръ отвѣчалъ: «Благодарю васъ, милая племянница, за благородныя чувства, выраженные въ вашемъ письмѣ. Такое сердце, какъ ваше, не можетъ измѣниться согласно подвижнымъ фазамъ политики. Я былъ въ этомъ и прежде увѣренъ, но мнѣ пріятно прочесть ваши добрыя слова, потому что Россія и ея государь подвергаются за послѣднее время самымъ ненавистнымъ обвиненіямъ. Я такъ же, какъ вы, очень сожалею о томъ, что ваши отношенія измѣнились, но моя привязанность къ вамъ никогда не уменьшится, милая племянница». Со времени заключенія Парижскаго мира и особенно тѣснаго союза между Россіей и Франціей, принцесса Матильда постоянно поддерживала дружбу съ русскими, особенно съ особами императорскаго дома и знатными лицами, посѣщавшими Францію. Всего замѣчательнѣе она приняла императора Николая II и императрицу Александру Феодоровну: она ожидала ихъ въ усыпальницѣ своего дяди Наполеона I, гдѣ и состоялась пріемъ. Это свиданіе устроилъ бывшій президентъ Феликсъ Форъ,

который очень уважалъ принцессу. Всѣ присутствовавшіе при этомъ русскіе были поражены молодавостью, величіемъ и достоинствомъ восьмидесятилѣтней принцессы Матильды. Она умерла годъ тому назадъ среди своихъ родственниковъ и друзей. Обладая значительнымъ состояніемъ, она оставила его своему племяннику, генералу русской службы, и благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя она основала.

— Смерть лэди Дилькэ. Въ концѣ октябрю скончалась одна изъ самыхъ способныхъ и энергичныхъ женщинъ Англій, лэди Дилькэ, жена известнаго политическаго дѣятеля, сэра Чарльса Дилькэ. Дочь полковника Стронга, она получила прекрасное домашнее воспитаніе и въ ранней молодости вышла замужъ за ректора одной изъ коллегій Оксфорда, известнаго Марка Паттисона. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась центромъ ученаго и блестящаго общества этого университетскаго города, прибавляя къ талантамъ своего мужа то, чего ему недоставало, именно художественныя инстинкты и культурныя веселость. Помогая мужу въ его журнальной работѣ, она писала въ «Saturday Review» и «Academy» замѣчательныя статьи по художественнымъ и литературнымъ предметамъ. При этомъ она отличалась не только тонкимъ знаніемъ англійскаго и латинскаго языковъ, но написала по-французски съ рѣдкимъ мастерствомъ цѣлый рядъ художественныхъ монографій: «Возрожденіе искусства во Франціи», «Клодъ Лоренъ», «Искусство въ современномъ государствѣ» и цѣлую серію книгъ о французскомъ искусствѣ XVIII столѣтія. Въ 1876 году она поступила сотрудникомъ въ «Athenaeum» и написала безконечное количество критикъ, біографій и различныхъ статей, среди которыхъ отличались этюдъ о Ренанѣ, біографическій очеркъ жизни герцога Омальскаго и обзоръ нѣе германскаго искусства. Въ 1885 году, послѣ смерти своего мужа, она вышла замужъ за виднаго государственнаго человѣка и литератора, сэра Чарльса Дилькэ, и предалась общественнымъ вопросамъ, особенно рабочему и женскому. Ея небольшая книжка «Женскій трудъ» имѣла большой успѣхъ, и она постоянно отстаивала права рабочихъ и бѣдныхъ на кооперацію. Одинъ изъ ученѣйшихъ и знающихъ людей Англій, лордъ Актонъ, удивлялся широтѣ ея познаній и замѣчательному умѣнью разговаривать. Говорятъ, что она была прототипомъ Доротей въ романѣ «Middlemarch» Джорджа Эллиота. Кромѣ знанія современной литературы, она славилась основательнымъ знакомствомъ со старыми книгами и писала мелкіе рассказы. Ея салонъ былъ одной изъ достопримѣчательностей Лондона, и потеря этой замѣчательной по культурѣ и талантамъ женщины составляетъ грустное явленіе для англійскихъ и французскихъ литературныхъ кружковъ.

— Новости польской исторической литературы. На первомъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ поставить 45-й томъ отдѣла историко-философскаго академіи наукъ (Rozprawy Akademii Umiejętnosci) въ Краковѣ (356 стр. 8°). Большую часть этого тома занимаютъ двѣ статьи профессора С. Закржевскаго—первая о живописи въ подземной базиликѣ св. Климента въ Римѣ, а вторая—бенедиктинскій монастырь въ честь св. Бонифатія и Алексѣя на Авентинѣ отъ 977 до 1085. Послѣдняя статья занимается топографіей римской, исторіей важнѣйшихъ родовъ римскихъ, базиликъ и монастырей, имѣвшихъ

отношеніе къ св. апостоламъ славянтъ, Кириллу и Меѳодію, однако основана болѣею частію на гипотезахъ и соображеніяхъ автора въ виду отсутствія документальныхъ данныхъ.

Для насъ болѣе интересна первая статья, касающаяся римскихъ катакомбъ, двѣна которыхъ по де-Росси около 700 верстъ, а теперь, лѣтъ 30 послѣ него, должна быть порядочно увеличена. Катакомбы эти расположены иногда на значительной глубинѣ, напримѣръ, катакомбы Каллиста на глубинѣ 10—15 метровъ, а въ катакомбы Острианскія на *via Nomentana* спускаются по двумъ широкимъ мраморнымъ лѣстницамъ около 80 тысячъ ступеней каждая. Въ христіанскихъ катакомбахъ капеллы, крипты и кубикулы, т.-е. помѣщенія болѣе или менѣе обширныя, а также и коридоры украшались фресковою живописью, содержаніе которой было довольно разнообразно. Одаѣ фрески имѣли орнаментальный характеръ, другія символическій, аллегорическій или историческій. Классификація изображеній принадлежитъ двумъ ученымъ: католическому ученому де-Росси и протестанту В. Шульце; первый въ основу своей классификаціи положилъ внутреннее значеніе изображеній, а Шульце—тѣсную зависимость христіанскаго искусства отъ языческаго. Климентъ Римскій по преданію былъ первымъ или третьимъ римскимъ папой послѣ св. Петра, ближе неизвѣстенъ, хотя ему приписывается много сочиненій.

Статья В. Кентжинскаго «О приглашеніи крестоносцевъ Конрадомъ» издана имъ и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Der deutsche Orden und Konrad v. Masovien», во Львовѣ, 1904 г., стр. 188, и относится къ 1225—1235 гг. Здѣсь занимается авторъ разборомъ поддѣльныхъ документовъ крестоносцевъ, вызвавшихъ ихъ приглашеніе на защиту Польши, которой въ это время ничто не угрожало.

Статья Кутжебы: «Старосты, ихъ начало и развитіе до конца XIV вѣка», отличается обычной у этого историка тщательностью при собираніи матеріала, широтой взгляда и умѣніемъ изложить предметъ и научно и ясно. Здѣсь авторъ опровергаетъ мнѣніе чешскомъ происхожденіи этого института—онъ чисто польскій, окончателно только установленный при чешскихъ Вячеславахъ и разившійся въ царствованіе Владислава Локетка. Актъ 1291 г. подтверждаетъ существованіе института старостъ въ землѣ Краковской, а въ актѣ 1290 г. упоминаемый свидѣтель—*provisor socius terrae Sandomiriensis*, по мнѣнію проф. Кутжебы, есть первоначальный терминъ для обозначенія старосты. Староста въ Польшѣ—это намѣстникъ короля, при чемъ власть его особенно развилась въ Великой Польшѣ, какъ судья и администратора; въ концѣ XIV вѣка суды вышли изъ-подъ его власти, и при немъ осталась лишь власть административно-полицейская и командованіе ополченіемъ, которое, впрочемъ, онъ самъ не имѣлъ права созвать. Интересный для историковъ списокъ старостъ за это время приложенъ къ статьѣ.

Въ изданіи той же академіи вышелъ 2-й выпускъ историческаго атласа Польши (*Atlas historyczny Rzplitej p.*)—земли русскія (*ruskie Rzeczypospolitej*) А. Яблоновскаго. Въ основѣ его лежитъ карта Польши (1:300000) такъ называемаго генерала Хжановскаго, собственности академіи. Авторъ впервые точно далъ границы воеводствъ, земель и уѣздовъ въ концѣ XVI вѣка русскихъ зе-

мелъ Польши. Отдѣльными красками обозначены владѣнія короля, духовенства магнатовъ и шляхты. Полное заглавіе атласа:

Atlas historyczny Rzeczy rozprostej polskiej, wydany по порученію академіи наукъ. Эпоха перелома съ XVI в. на XVII в. Вып. II. Ziemię ruskie. Opracował i wydał Alexander Jabłonowski. Варшава-Вѣна, 1889—1904 г., 4 стр. текста, 16 картъ, ц. 10 р., выписывать можно только изъ академіи въ Краковѣ; напечатанъ атласъ въ военно-географическомъ институтѣ въ Вѣнѣ.

Тутъ кстати можно указать, что «Географическій словарь польскій», заключающій въ себѣ 15 томовъ, 927 листовъ 8°, печатавшійся 25 лѣтъ, основанный Сулимерскимъ въ 1880 году при матеріальной помощи Залевскаго, продолжаемый съ 1885 г. (съ кончины основателя) Хлебовскимъ и Кжвинцкимъ при помощи 300 сотрудниковъ, имѣлъ въ началѣ I томъ около 3.000 подписчиковъ, затѣмъ 14-й уже только 1000, а послѣдній (15-й) уже только 500, а потому печатался 4 года (86 печатн. листовъ). Стоилъ онъ 120 т. рублей; 100 т. рублѣй выручено отъ продажи, 13 т. далъ издатель Валенскій, остальное касса Мянвскаго при академіи наукъ.

Брошюра Сержиутовскаго: «Первая проба политической реформы въ Польшѣ» (8°, 95 стр., Варшава, 1905 г.), представляетъ часть общаго сочиненія автора о Литвѣ половины XVIII вѣка, времени, наименѣе изслѣдованнаго историками. Основа разсужденія—актъ, найденный въ копіи несвижской, съ 40 подписями подъ заглавіемъ: *Postanowienie litewskie po rozgromionych Sapiechach i rozszekaniu S. P. Sapiechy Koniuszego W. X. Litewskiego*, заключающій добровольное рѣшеніе отказаться разъ навсегда отъ «сладкой и подлой libidinis (страсти) къ свободѣ, перенесенной вмѣстѣ съ liberrimе veto изъ Польши въ Литву». Актъ этотъ сдѣланъ послѣ битвы у Олькеникъ 17-го поября 1700 г. между шляхтой и Сапѣгами. Сапѣги сначала боролись съ Радзивиллами, а затѣмъ за управленіе краемъ. Актъ этотъ подписалъ Радзивилламъ, Падами, Огнискими, Виснѣвецкимъ и др.

Авторъ указываетъ, что разсужденіе его неоконченное, частичное, мы же, читатели, въ этомъ съ нимъ должны вполне согласиться, такъ какъ не можемъ себѣ воленѣ уяснить, отчего виленскій актъ долженъ быть первой пробой реформы политической, хотя, напримѣръ, все царствованіе Сигизмунда I состояло въ подобныхъ попыткахъ. Сержиутовскій года 2 тому назадъ написалъ статью «о польско-прусскихъ отношеніяхъ» — *Kartki z dziejów stosunkow polsko-pruskich*.

Огромную работу: Исторію Польши для юношества (14—18 лѣтъ), исполнила г-жа Водзницкая въ Краковѣ (1890—1904 г.) въ 4-хъ частяхъ (496+489+540+396). Фактическая сторона основана на исторіи Шульскаго; планъ очень простой, изложеніе повѣствовательное, основанное на царствованіяхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ этого видимъ, что книга эта, хотя и предназначена авторомъ для чтенія, написана, какъ учебникъ, и можетъ служить въ виду ея громадкости пособіемъ для учебника; при чтеніи же дастъ сумбуръ въ головѣ отъ массы фактовъ необобщенныхъ, а не ясную картину различныхъ сторонъ исторической жизни государства; вѣдь не однѣ войны и битвы должны дѣйствовать на воображеніе юношества, какъ въ этомъ убѣжденъ авторъ.

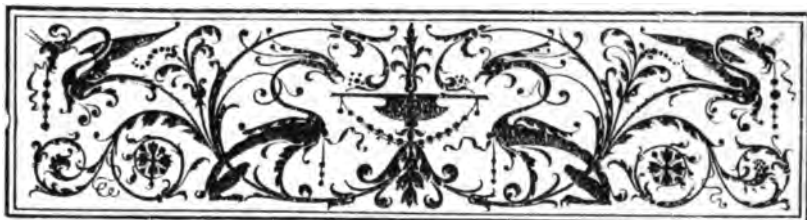
Странно и неумѣстно въ книгѣ для юношей, напримѣръ, въ III томѣ мѣтніе автора, что «Карль-Густавъ недаромъ учился военному ремеслу у нѣмецкихъ, протестантовъ: воевалъ, какъ разбойникъ, и, какъ таковой, не держалъ своего слова». Достаточно также въ книгѣ и другихъ промаховъ и погрѣшностей, напримѣръ, что при первомъ раздѣлѣ (IV т.) наименьшая часть досталась Россіи, тогда какъ ей досталась наибольшая: 1692 кв. мили противъ 660 Пруссія и 1508 Австріи.

Ту же цѣль, повидимому, имѣлъ и авторъ сочиненія: «Римъ. Исторія римскаго государства», 222 стр., Варшава, 1904 г., г-жа Mozyska-Brzezińska, рассказывающіе всѣ легенды и историческіе анекдоты, какъ вѣчто виолнѣ историческое. Г-жа же Хжонцевская «въ рассказахъ пзъ исторіи Польши» — *O teni co się niegdys działo*, Варшава, 1904 г., 146 стр., по-старинному, пзмѣняетъ историческіе факты съ цѣлями педагогическими—враственными, напримѣръ, характеристики Болеслава Смѣлаго, или Болеслава Храбраго, «котораго всѣ боялись, какъ огня».

¹ Изъ другихъ изданій укажемъ: K. Bałicki, *Historyczny atlas polski: Stanisławow*. 1904 г. Историческій атласъ Польши, 13 картъ, 20 стр., стоитъ 50 галлеровъ (25 к.), и Finkel: *Bibliografія польской исторіи*, часть III, вып. II, 8°, стр. 1417—1671, въ Краковѣ, 1904 г., ц. 7 р. 50 к.

Изъ историческихъ повѣстей, вышло новымъ изданіемъ рѣдкое даже въ бібліотекахъ сочиненіе Качковскаго—«Рыцарь Ольбрахта», часть I, 2. Цѣна 1 р. 50 к. Варшава. *Bibliot. dzieł wyborowych*, съ исторической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія правды исторической, самая лучшая польская повѣсть, выше даже трилогіи Сенкевича. Въ ней мы знакомимся съ жизнью не только рыцарской шляхты, какъ у Сенкевича, но и съ бытомъ низшихъ сословій, мѣщанъ преимущественно львовскихъ, крестьянъ и т. п., въ ту эпоху, когда Польша достигла высшаго блеска въ Европѣ, а внутри начиналась работа шляхты, ставшей отвять всѣ привилегіи низшихъ сословій и при томъ не стѣсняясь «брататься» съ ними въ подражаніе королю Яну Ольбрахту, пгавшему враждебные шляхтѣ замыслы подъ вліяніемъ совѣтовъ ненавистнаго ей Каллпмаха. Всѣ характеры, мелкіе факты—все обосновано на документальныхъ данныхъ, но нельзя не упрекнуть автора въ излишнемъ количествѣ сценъ и дѣйствующихъ лицъ, въ малой пластичности ихъ—всѣ они остатки археологическіе, не живые люди, какъ въ трилогіи. Во всякомъ случаѣ переводъ повѣсти далъ бы интересную историческую монографію.

С М Ъ С Ъ.

СИМБИРСКАЯ губернская ученая архивная комиссия. Скоро исполняется десятилѣтіе названнаго учрежденія, открытаго 30-го іюля 1895 г. Періодъ небольшой, но заслуживающій быть отмѣченнымъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, архивныя комиссіи существуютъ у насъ вообще недавно, а потому и дѣятельность ихъ приходится измѣрять короткими періодами. Во-вторыхъ, архивныя комиссіи переживаютъ теперь неопредѣленное переходное время въ виду общей архивной реформы. Слѣдовательно, подведеніе итоговъ ихъ дѣятельности воишь современно. По этимъ соображеніямъ симбирская архивная комиссія постановила отмѣтить свое десятилѣтіе открытымъ засѣданіемъ, на которомъ представить очеркъ дѣятельности, и, кромѣ того, издать юбилейный сборникъ. Въ краткихъ чертахъ, дѣятельность ея проявилась въ слѣдующемъ. Комиссія издала болѣе 30 книгъ и брошюръ по изслѣдованію мѣстной старины и настоящаго состоянія городовъ и селеній губерніи. Кромѣ того, печатала ежегодно свои отчеты и протоколы засѣданій. Въ общемъ ею выпущено болѣе 320 печатныхъ листовъ. При архивной комиссіи имѣется историко-археологическій музей, единственное древлехранилище въ губерніи, гдѣ собрано свыше 2.000 предметовъ старины и около 8.000 русскихъ и иностранныхъ монетъ. Библиотека комиссіи насчитываетъ болѣе 2.000 томовъ и брошюръ. Историческій архивъ, помѣщающійся въ безопасномъ отъ огня и воишь благоустроенномъ помѣщеніи, хранитъ до 4.000 дѣлъ, грамотъ, столбцовъ и документовъ. Ежегодный бюджетъ комиссіи достигаетъ 2.000 рублей. Субсидія отъ казны она не получаетъ, исключая 200 рублей, ежегодно испрашиваемыхъ изъ министерства юстиціи на предметъ разбора и описанія архива мѣстнаго окруж-

ного суда. Всѣ остальные денежные средства поступаютъ отъ земскихъ и городскихъ учреждений губерній. Въ разное время председателемъ и членами комиссiи совершено 16 экскурсiй въ мѣстности Симбирской и сосѣднихъ губерній для производства раскопокъ и собранiя историко-археологическаго матеріала. По инициативѣ и при участiи комиссiи организованы были празднованiя юбилеевъ городовъ Симбирска (250-лѣтіе), Алатыря (350-лѣтіе) и др., а также торжественныя собранiя въ память Пушкина, Гончарова, Карамзина и Языкова. Комиссiею предприняты также труды по собираюу устныхъ памятниковъ старины, имѣющихъ отношеніе къ симбирскому поволжью. Труды эти начаты съ цѣлью сохранить драгоцѣнныя и быстро исчезающія изъ народной памяти устныя преданiя народнаго творчества. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, Симбирская губернія дала уже обильный матеріаль собранію итсенъ П. В. Кирѣевскаго и его послѣдователей Шейна и Садовникова.

Русское библиографическое общество. 15-го декабря въ зданiи Староуниверситета въ Москвѣ состоялось, подъ предсѣдательствомъ заслуж. проф. П. Т. Тарасова, годичное собраніе Русскаго библиографическаго общества. Изъ доложеннаго въ началѣ его отчета видно, что въ 1904 году общество имѣло 1 общее и 11 обыкновенныхъ собранiй, и на нихъ былъ прочитанъ рядъ сообщенiй, среди которыхъ можно отмѣтить: орд. проф. Р. Ф. Врандта — «О библиографіи произведенiй Ф. И. Тютчева и трудовъ, ему посвященныхъ», орд. проф. А. Н. Филиппова — «Объ архивѣ кабинета министровъ» и предсѣдателя общества П. Т. Тарасова — «О библіотекѣ Демидовскаго юридическаго лица». Сообщенiя другихъ членовъ также имѣли своимъ предметомъ разработку и освѣщеніе разныхъ библиографическихъ вопросовъ и представляли живую интересъ для специалистовъ. Въ настоящее время общество занимаетъ совершенно отдѣльное и очень удобное помѣщеніе въ университетѣ, въ залѣ около часовъ. Здѣсь же разставлена и довольно обширная библіотека его, пополненіе которой за послѣдніе годы происходитъ, къ сожалѣнію, очень слабо, за неимѣніемъ свободныхъ денежныхъ средствъ и въ виду скудости книжныхъ пожертвованiй. Послѣ прочтенiя и утвержденiя отчета были рассмотрѣны денежный отчетъ за 1904 годъ и смѣта на 1905 г., которые также утверждены, согласно доклада ревизіонной комиссiи. Заснѣ происходили выборы новыхъ членовъ и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ: въ дѣйствительные члены общества единогласно избраны, между прочимъ, ординарные профессора М. И. Соколовъ и Н. С. Суворовъ. Въ комитетъ общества вошелъ редакторъ журнала «Правда» В. А. Кожевниковъ, секретаремъ общества избранъ приватъ-доцентъ К. А. Стратонцкiй, а кандидатомъ къ нему У. Г. Пивакъ. Послѣ выборовъ собраніе обсудило программу своей дѣятельности на 1905 г. и намѣтило заняться, помимо чтенiя и обсужденiя рефератовъ, осуществленіемъ, въ той или иной формѣ, совместныхъ библиографическихъ работъ, при чемъ на 1905 годъ назначило 15 обыкновенныхъ собранiй. Кроме того, собраніе постановило, по предложенію своего предсѣдателя, принять рядъ мѣръ къ пополненію библіотеки общества. Пренiя по обсужденію этихъ вопросовъ затянулись, а потому назначенный къ докладу рефератъ товарища предсѣдателя Д. В. Ульянинскаго («Генеалогъ XVIII ст. игуменъ Ювеналій Воейковъ и его труды», отложенъ до слѣдующаго обыкновеннаго собранiя.

Областной музей имени А. Н. Поля. Екатеринославъ украсился превосходнымъ зданіемъ, строго дорическаго стіля, областнымъ музеемъ имени А. Н. Поля. Музей сооруженъ, благодаря энергіи и, можно сказать, отпугу председателя екатеринославской губернской управы М. В. Родзянко. Благодаря же вниманію городского головы А. Я. Толстикова, музей построенъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ города, на Соборной площади, противъ памятника императрицы Екатерины II и кафедральнаго собора. Стоимость всего зданія обойдется около 80.000 рублей, но зато во всемъ городѣ до сихъ поръ не было такого превосходнаго зданія, какъ областной музей имени А. Н. Поля. Сооруженный по первоначальному плану гражданскаго инженера Панафутина, онъ положительно плѣняетъ и своей красотой, и своей грандіозностью. Музей предназначенъ увековѣчить имя дорогаго для всего Новороссійскаго края чловѣка А. Н. Поля, обогатившаго край открытіемъ жельзной руды въ Кривомъ-Рогѣ, а также способствовавшаго возникновенію множества въ краѣ чугуно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, хлопотавшаго о постройкѣ екатерининской желѣзнодорожной вѣтки, а также о сооруженіи противъ г. Екатеринослава, черезъ рѣку Днѣпръ, колоссальнаго моста. Уже тотчасъ послѣ смерти А. Н. Поля въ Екатеринославѣ поднятъ былъ вопросъ объ увековѣченіи имени А. Н. Поля постановкой ему монумента на видномъ мѣстѣ города. Но затѣмъ, вмѣсто монумента, рѣшили увековѣчить имя А. Н. Поля сооруженіемъ зданія областного музея, куда можно было бы собирать всевозможные предметы старины, а также и предметы естественныхъ богатствъ края, предметы палеонтологіи, этнографіи и всякіе другіе предметы, которые будутъ случайно и неслучайно находимы въ разныхъ мѣстахъ края. Для наполненія музея предметами старины и другими рѣдкостями совѣтъ музея обратился съ просьбой къ пзвѣстнымъ южно-русскимъ коллекціонерамъ, и первымъ на такую просьбу откликнулся проф. Д. П. Эварницкій, принесшій въ даръ всю свою коллекцію казачьихъ и другихъ древностей, собранную имъ въ теченіе двадцати лѣтъ при разъѣздахъ по различнымъ мѣстамъ бышняго Запорожья. Въ настоящее время профессоръ Д. П. Эварницкій состоитъ директоромъ областного музея и продолжаетъ пополнять его цѣнными курганными находками, какія не всегда можно видѣть и въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ. Такъ въ 1903 году Д. П. Эварницкій разрылъ 47 кургановъ въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи и всѣ добытыя древности доставилъ въ областной музей имени Поля. Въ 1904 году онъ разрылъ 23 кургана и также всю свою археологическую добычу помѣстилъ въ областномъ музеѣ. Кромѣ того, объѣзжая Новороссійскій край, онъ знакомился съ другими коллекціонерами и всякими доводами убѣждалъ ихъ нести свое добро въ общую сокровищницу, екатеринославскій областной музей имени Поля. Такъ, имъ получены и доставлены въ музей слѣдующія коллекціи древностей: А. А. Иваненко въ селѣ Андреевкѣ, Александровскаго уѣзда; Я. П. Новицкаго въ г. Александровскѣ; П. М. Сочинскаго въ Новомосковскѣ; Н. С. Вѣлаго въ г. Павлоградѣ; Д. П. Мартынова, бывшаго екатеринославскаго, теперь варшавскаго губернатора; Н. П. Корвилова и П. П. Зулченка въ г. Екатеринославѣ; великаго князя Михаила Николаевича въ с. Покровскомъ, Екатеринославскаго уѣзда.

наконецъ, въ самое послѣднее время Д. И. Эварницкій привезъ для областного музея изъ г. Полтавы 300 штукъ шитыхъ малороссійскихъ хустокъ, 100 штукъ шитыхъ старинныхъ рупниковъ и нѣсколько десятковъ малороссійскихъ узорчатыхъ псанокъ; въ самомъ же Екатеринославѣ онъ добылъ у внука послѣдняго кошевого атамана запорожскихъ казаковъ, Осипа Михайловича Гладкаго, Петра Васильевича Гладкаго, собственноручныя записныя атаманскія книжки. Для собиранія предметовъ этнографіи вызванъ былъ изъ Харьковской губерніи извѣстный этнографъ В. А. Бабенко, который въ теченіе весны и минувшаго лѣта на средства, ассигнованныя председателемъ губернской управы, М. В. Родзянко, объѣздилъ по указанію профессора Д. П. Эварницкаго, пять уѣздовъ Екатеринославской губерніи и доставилъ въ музей огромный и во всѣхъ отношеніяхъ цѣнный этнографическій матеріалъ. Съ весны будущаго года г. Бабенко объѣздитъ остальные уѣзды губерніи, и тогда областной музей имени Поля будетъ имѣть полностью этнографическій отдѣлъ. Наконецъ, областной музей имени Поля будетъ имѣть и особый отдѣлъ церковныхъ древностей. По предложенію епископа екатеринославскаго и таганрогскаго Симеона, въ ознаменованіе столѣтія существованія екатеринославской духовной семинаріи, на съѣздѣ духовенства постановлено передать всѣ церковныя древности въ областной музей имени Поля, для чего ассигновать 1.000 рублей на изготовленіе витринъ, просить директора музея, Д. П. Эварницкаго, обсудить вопросъ о витринахъ совместно съ гражданскимъ инженеромъ Панафутинымъ и принять церковныя древности въ свое вѣдѣніе, такимъ образомъ, г. Екатеринославъ въ настоящее время можетъ съ достоинствомъ принять у себя археологическій съѣздъ, который имѣеть быть въ будущемъ 1905 году, въ августѣ мѣсяцѣ, и привлечь въ городъ многія не только русскія, но и заграничныя ученныя силы.

Археологическое общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія, 28-го октября, по дѣлу председательствомъ барона В. Р. Розена, Л. Мсерянцъ сообщилъ о результатахъ своихъ работъ надъ изученіемъ одного панируса, памятника письменности глубочайшей древности, 410—411 годовъ до-христіанской эры. На основаніи данныхъ этого панируса, написаннаго въ 14-й годъ царствованія Дарія II, референтъ пришелъ къ заключенію, что официальнымъ языкомъ персовъ въ это время былъ арамейскій языкъ. В. В. Бартольдъ, возвратившійся недавно изъ командировки для изученія на мѣстѣ исторіи города Самарканда и его топографіи, сдѣлалъ докладъ о результатахъ своихъ работъ. Топографія Самарканда съ XV столѣтія, т.-е. со времени Тимура, измѣнилась мало. До XV столѣтія городъ занималъ пространство значительно большее. Подробно изслѣдовалъ докладчикъ имѣющееся въ Самаркандѣ городище Афросіабъ, остатки крѣпости, воротъ, водопровода, бассейновъ и каналовъ, прія къ заключенію, что городище это и цитадель имѣли исключительно военное значеніе.

Географическое общество. 29-го октября въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Ѡ. Т. Шубинъ сдѣлалъ сообщеніе: «Изъ наблюденій надъ жизнью русскихъ раскольниковъ». Наблюденія докладчика касаются исключительно бытовыхъ условій старообрядцевъ и преимущественно старообрядцевъ Петербургской губерніи. Обобщенія имъ нѣкоторыхъ наблюденій применительно ко всѣмъ старообрядцамъ не имѣють основаній. Такъ, докладчикъ утверждаетъ, что на-

звание «старообрядецъ» старообръры считаютъ для себя крайне обиднымъ п имъ, по существу ихъ вѣрованія, не свойственнымъ, такъ какъ подъ словомъ «обрядъ» подразумѣваютьъ работу гризную — и именно уборку двора. На этомъ основаніи Ѳ. Т. Шубингъ считаетъ необходимымъ исключить этотъ терминъ въ именованіи старообръровъ. Несомнательность подобнаго заключенія была тутъ же доказана, при чемъ выяснено, что повсемѣстно въ Россіи старообръры совершенно сознательно сами себя именуютъ «старообрядцами», употребляютъ этотъ терминъ и въ своихъ прошеніяхъ и прилагаютъ его къ наименованію своего епископа, при чемъ не находятъ въ немъ совершенно ничего обиднаго. Слова же «раскольникъ» дѣйствительно не любятъ и просятъ иногда въ паспортахъ замѣнять его «старообрядцемъ». Другія свѣдѣнія докладчика о старообрърахъ не представляютъ собою чего нибудь новаго. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что по внѣшности старообръры мало чѣмъ стали отличаться отъ православныхъ: они сгибаются, носятъ корсеты, молодежь тайно покуриваетъ и выпиваетъ. «Обмірщеніе», т.-е. общеніе съ православными въ вѣдѣ, посѣщеніе ихъ церквей и т. п., снимается теперь простымъ духовнымъ покаяніемъ. Военская служба не только осуждается, но является даже почетною. Старообрядцы пользуются лучшимъ здоровьемъ и вѣдятъ лучше православныхъ. Докладъ вызвалъ большія и горячія пренія, сведшіяся къ тому, являются ли старообрядцы въ настоящее время полноправными въ исповѣданіи своихъ вѣрованій или нѣтъ. Одни указывали на то, что старообрядцы теперь отнюдь не преслѣдуются; въ войскахъ, наиримѣръ, пользуются правами наравнѣ съ другими, не стѣсняются въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и открыто посѣщаютъ официально разрѣшаемыя молельни. Другіе утверждали, что преслѣдованія продолжаются, и свобода исповѣданія зачастую зависитъ отъ взглядовъ мѣстнаго начальства. Вопросъ о положеніи старообрядчества рѣшено отдѣленіемъ подвергнуть большей разработкѣ.

Историко-филологическое общество при Повороссійскомъ университетѣ. Въ засѣданіи 29-го сентября членъ общества В. Ѳ. Лаурскій прочиталъ рефератъ: «Англійская журналистика XVII вѣка». По разъясненію референта, предлагаемый очеркъ является введеніемъ къ изслѣдованію, которымъ онъ занятъ въ настоящее время о правоучительно-сатирическихъ журналахъ Стиля и Аддисона (начала XVIII вѣка). Референтъ не имѣлъ въ виду дать полную картину англійскаго журнализма XVII вѣка. Для его цѣлей пужно было прослѣдить, какъ вырабатывались въ это время основные типы періодической печати: политическая газета, научно-библіографическій журналъ, литературный журналъ. Такое разсмотрѣніе необходимо для того, чтобы установить, чѣмъ Стиль и Аддисонъ обязаны своимъ предшественникамъ. Политическую газету въ Англии, судя по имѣющимся въ англійскихъ бібліотекахъ (главнымъ образомъ Британскаго музея въ Лондонѣ и Бодлеянской въ Оксфордѣ) собраніямъ старинныхъ періодическихъ изданій, нельзя начинать раньше 1622 г., когда книгоиздатель Буттеръ сталъ выпускать «Еженедѣльные Новости», очевидно, по образцу голландскихъ листовъ съ политическими новостями. Вполнѣ самостоятельнымъ по содержанію были «Меркуріи» эпохи междоусобной войны, которые вели почти дневную запись сра-

женій и взаимныхъ наслій, защищая дѣло короля или парламента, англійской церкви или сектантства, сообразно съ тѣмъ, изъ какого лагеря они исходили. Утварты послѣ реставраціи 1660 г. пытались монополизировать періодическую печать, для чего журналисту Лестрэнжу были даны чрезвычайныя полномочія—и редакторскія и цензурныя. Но съ 80-хъ годовъ, когда ясно обозначились основныя политическія партіи торіевъ и виговъ, англійская газета вышла изъ-подъ пранительственной опеки и къ началу XVIII вѣка достигла такого развитія, какъ нигдѣ въ современной Европѣ, примѣромъ чего можетъ служить «Обозрѣніе», Дефо (съ 1704 года). Первые научно-библіографическіе журналы появляются съ 1682 года («Еженедѣльныя замѣтки для любознательнаго») по образцу французскихъ. Они велись серьезно людьми учеными, но кругъ ихъ читателей, повидному, былъ очень ограниченъ. Въ широкой публикѣ чувствовалась потребность въ такомъ періодическомъ изданіи, которое бы давало разнообразный и доступно-изложенный матеріалъ для серьезнаго, поучительнаго чтенія. Намстрѣчу этой потребности пошелъ Дэвтонъ со своей «Аонивской газетой» (1691—1697 гг.), имѣвшей большой успѣхъ и вызвавшей подражателей, несмотря на то, что по содержанию она отвѣчала очень невысокимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, стала прокладываться путь новому типу журнала литературно-поучительнаго и юмористически-правоописательнаго. Нѣкоторую роль въ развитіи этого типа журналовъ, которые послѣдствіемъ стали называть не иначе какъ «нравоучительно-сатирическимъ», сыгралъ Дефо, прибавившій къ своему политическому «Обозрѣнію» небольшой отдѣлъ подъ заглавіемъ «Скандальный клубъ» для развлеченія и поученія публики. Но полнаго расцвѣта этотъ новый типъ въ англійской журналистикѣ достигъ лишь благодаря энергіи и таланту Стиля и Аддисона. Въ обсужденіи доклада приняли участіе Е. Н. Щепкинъ и В. М. Истрингъ. Затѣмъ были произведены выборы, при чемъ набраны: въ предсѣдатели общества профессоръ В. М. Истрингъ; въ товарищи предсѣдателя — профессоръ О. Р. фонъ-Штернгъ; въ члены правленія: профессоръ А. А. Павловскій, профессоръ Н. Н. Ланге, преподаватель одесской 3-й гимназіи А. П. Флеровъ; въ секретари—профессорскій стипендіатъ А. В. Рыстенко.

Юбилей В. И. Ламанскаго. 19-го декабря представители ученаго міра чествовали старѣйшаго своего слависта, заслуженнаго профессора и академика, Владимира Ивановича Ламанскаго, по поводу исполнившагося 50-лѣтія его ученой и литературной дѣятельности. Утромъ на квартиру юбиляра позволялъ прибыть для принесенія поздравленія Августѣйшій президентъ Императорской академіи наукъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Въ 2 часа дня стали собираться многочисленныя депутаціи отъ ученыхъ обществъ и просвѣтительныхъ учреждений, высокопоставленныя лица, друзья, бывшіе ученики юбиляра и знакомые. Здѣсь находились: министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ, министръ народнаго просвѣщенія ген.-лейт. В. Г. Глазовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, сенаторъ Г. Э. Зенгеръ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія И. К. Ренаръ; члены государственнаго союта: Д. Ф. Кобеко, П. П. Семеновъ, сенаторы: В. К. Саблеръ, Э. Ф. Кони,

Н. Я. Фойницкій; вице-президенты: академіи художеств гофмейстеръ графъ И. П. Толстой, академіи наукъ П. В. Никитинъ; академики: А. П. Карпинскій, Ф. П. Чернышевъ, Ф. Ф. Вейльштейнъ, В. Р. Розенъ, С. Ф. Ольденбургъ, А. Н. Веселовскій, Ф. Ф. Фортунатовъ, А. А. Шахматовъ, А. П. Соболевскій; почетный академикъ В. В. Стасовъ, профессоръ Н. Н. Карѣвъ, литераторъ П. П. Вейнбергъ, редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» П. А. Кулаковскій и многіе другіе. Первымъ привѣтствовалъ юбиляра академикъ А. Н. Веселовскій, прочитавшій слѣдующій адресъ: «Полувѣковой юбилей вашей ученой и литературной дѣятельности во многихъ отношеніяхъ является знаменательнымъ. Вашъ первый трудъ, рецензія на павѣстный сборникъ Метлинскаго, появился въ 1854 году, въ тяжелую для нашего отечества годину Крымской войны. Протекушій съ тѣхъ поръ 50-лѣтній періодъ замыкается теперь новымъ и грознымъ испытаніемъ; мысли русскихъ людей съ тревогой озираются назадъ, ища въ прошедшемъ объясненія и уроковъ; передъ ними возстаетъ сложная жизнь государственная и общественная, то рвавшаяся неудержимо впередъ, то задерживавшаяся, то сдавливавшаяся въ естественномъ своемъ развитіи. Этотъ сложный, еще не изученный, еще мало понятный процессъ отразилъ въ себѣ, между прочимъ, борьбу многихъ отжившихъ началъ въ великомъ стремленіи великаго народа къ духовному и нравственному развитію. Стремленіе это воплотилось въ національномъ самосознаніи, которымъ только съ 1855 года начинаютъ проникаться и правящія и общественныя сферы. Вы, Владимиръ Ивановичъ, были однимъ изъ ревностѣйшихъ представителей того строгаго прогрессивнаго начала, которое было выдвинуто въ первые десятилѣтія XIX столѣтія въ Западной Европѣ и затѣмъ вслѣдствіе у насъ первыми славянофилами, начиная съ юной зари и до славнаго заката. Съ идеей національности связано для насъ широкое понятіе о насущныхъ интересахъ націй во всей ея совокупности, и такая точка зрѣнія держала васъ всегда въ рядахъ передовыхъ бойцовъ нашей общественности. Объ этомъ громко свидѣтельствуютъ не только публицистическіе, но и ученые труды ваши: вы будили ими общественное самосознаніе. Въ началѣ 60-хъ годовъ, когда встрепенувшаяся послѣ продолжительной спячки русская мысль естественно направилась на критическую переоцѣнку нашего прошлаго и неокрѣпшее еще настоящее, вы стремились указать обществу положительные идеалы. Вы искали ихъ не тамъ, куда были обращены взоры и надежды реакціи, не въ основаніяхъ сословно-бюрократическаго государства, созданнаго петербургскимъ періодомъ, не въ государственныхъ порядкахъ московской Русіи — вы хотѣли найти ихъ въ самомъ русскомъ народѣ, въ тѣхъ многовѣковыхъ проявленіяхъ его духа, который вамъ, какъ историку-философу и этнографу, приходилось наблюдать и въ политической, и религіозной, и въ литературной жизни Россіи. Эти искомыя вами свойства русскаго духа влекли васъ къ изученію славянства, къ знакомству съ ближайшими родичами нашими, переживавшими вмѣстѣ съ нами въ одной неразрывной семьѣ тотъ продолжительный періодъ, относящійся къ эпохамъ до-историческимъ, когда складывался главный чертъ національнаго облика славянскихъ племенъ. Славянство изучено вами всесторонне: языки, литературы, культуры южныхъ и западныхъ племенъ были предметомъ вашихъ сис-

ціальныхъ изслѣдованій. Съ особенной силой манила и манитъ васъ къ себѣ эпоха, когда закладывались среди славянъ первые элементы просвѣщенія: дѣятельность первоучителей, изобрѣтеніе алфавитовъ, начатки славянской письменности—вотъ на что направили вы теперь свое вниманіе. И въ выходящихъ изъ-подъ пера вашего статьяхъ виденъ все тотъ же мастеръ и художникъ, которому мы обязаны захватывающими картинами изъ эпохи чепскаго возрожденія». Указавъ затѣмъ на тотъ интересъ, какой возбуждаетъ въ юбилярѣ политическая жизнь славянскихъ племенъ, А. Н. Веселовскій продолжалъ: «Постоянныя занятія вами этнографіей Россіи ставили васъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ отношеніи русской народности къ другимъ, вошедшимъ въ составъ нашего отечества, и вы становились всегда на точку зрѣнія, достойную вашего народа, рѣшительно высказываясь въ духъ широкой терпимости. Мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ ваше участіе въ постановкѣ вопроса о дозволеніи литовцамъ печатать свои книги латинскимъ алфавитомъ. Академія наукъ внимательно слѣдила за ходомъ всего дѣла и оцѣнила вашу горячую защиту правильно понятыхъ русскихъ интересовъ. Уважая васъ, какъ общественнаго дѣятеля, гордясь вами, какъ однимъ изъ заслуженнѣйшихъ членовъ нашей академіи, и любя васъ, какъ добраго и благороднаго товарища, мы просимъ васъ принять вашу сердечный привѣтъ и искреннія наши вамъ желанія долгихъ дней и здоровья». Этотъ адресъ былъ встрѣченъ присутствовавшими долгими аплодисментами. Затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, читали привѣтственные адреса: отъ С.-Петербургскаго университета—А. М. Ждановъ, отъ Московскаго университета—М. Н. Соколовъ, отъ императорскаго русскаго географическаго общества—Н. П. Семеновъ, отъ Кіевскаго университета св. Владимира—Н. В. Икитинъ, отъ Варшавскаго университета—К. Я. Гротъ, отъ Императорской Публичной бібліотеки—Д. Ф. Кобеко, отъ литературнаго фонда—Н. И. Вейнбергъ, отъ императорскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ—Е. В. Барсовъ, отъ историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ—Н. П. Карѣвъ, отъ русскаго археологическаго института—К. Я. Гротъ, отъ философскаго общества—профессоръ А. П. Введенскій, отъ этнографическаго отдѣла географическаго общества и музея императора Александра III—Д. А. Клеменцъ, отъ русскаго бібліологическаго общества—В. Н. Кораблевъ, отъ комисіи имени Ушинскаго—А. С. Раевскій, отъ редакціи «Историческаго Вѣстника»—В. Б. Глинскій, отъ сербскаго народа произнесъ рѣчь на сербскомъ языкѣ полковникъ Ечинацъ, отъ имени бывшихъ учениковъ говорилъ привѣтственную рѣчь профессоръ К. Я. Гротъ. Послѣднимъ обратился къ юбиляру маститый товарищъ его, В. В. Стасовъ, рѣчь котораго носила характеръ дружескихъ воспоминаній о первыхъ шагахъ юбиляра на пути родной науки. Въ своей отвѣтной рѣчи В. П. старался ослабить то значеніе въ наукѣ и литературѣ, какое онъ видѣлъ во всѣхъ привѣтственныхъ рѣчахъ. В. П. особенно подробно остановился на характеристикѣ тѣхъ людей науки, которые окружали его. «Мнѣ оставалось только воспріять то, что окружало меня»,—скромно закончилъ В. П. Долго не смолкавшіе аплодисменты были отвѣтомъ на его слова. Началось чтеніе длиннаго ряда привѣтственныхъ телеграммъ. Первою была прочитана телеграмма отъ управляющаго русскими

музеемъ императора Александра III, Великаго Князя Георгія Михайловича, составленная въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Примите мои искреннія поздравленія съ полулѣтнимъ юбилеемъ вашей плодотворной научной дѣятельности и пожелаю еще долгіе годы содѣйствовать развитію родной этнографіи. Съ благодарностью вспоминаю ваше сочувственное отношеніе къ возникшему этнографическому отдѣлу русскаго музея императора Александра III. Георгій». Митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій Антоній прислалъ слѣдующую телеграмму: «Сердечно васъ поздравляю съ исполнившимся 50-ти-лѣтіемъ вашей славной ученой, профессорской и литературной дѣятельности. Благослови и храни васъ Господь. Митрополитъ Антоній». Далѣе слѣдовали письма и телеграммы различныхъ мѣстныхъ и провинціальныхъ обществъ и учреждений, а также отсутствующихъ товарищей профессоровъ. Привѣтствовали письменно: с.-петербургская духовная семинарія, въ лицѣ епископа Сергія; с.-петербургская первая гимназія, гдѣ юбиляръ получилъ образованіе; историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета, московскій публичный Румянцевскій музей, Николаевская академія генеральнаго штаба, совѣтъ славянскаго благотворительнаго общества, Новороссійскій университетъ, галицко-русское благотворительное общество; редакціи пражскихъ газетъ: «Народни Листы» и «Народни Новины», кievское славянское общество, институтъ князя Безбородко. Были получены также привѣтствія отъ товарища министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьянова, отъ русскаго посла въ Парижѣ, г. Нелидова, отъ статсъ-секретаря Вешнякова, отъ графа С. Д. Шереметева, отъ генерала Кирѣева; отъ профессоровъ: Менделѣева, Ягича, Боткина, Иностранцева, Мартенса, Овсянникова, А. Потѣхина, Гревса, Дерюжинскаго, Глазювана, Хвольсона, о. Соллертинскаго и многихъ другихъ. По окончаніи привѣтствій и чтенія телеграммъ, присутствовавшимъ были предложены шампанское и завтракъ.

Современные издатели. Въ газетахъ напечатано любопытное письмо бывшаго редактора «Вѣстника Иностранной Литературы», г. Трубочева. Ярко характеризующее печальное явленіе, замѣчаемое въ нашей литературѣ въ послѣднее время. Издательское дѣло начинаетъ постепенно переходить въ руки людей, не имѣющихъ никакого отношенія къ литературѣ и выдающихъ въ ней исключительно лишь предметъ торговли и эксплуатаціи публики и писателей. Замаявая читателей дешевой свопхъ издашіи и массой грюшовыхъ приложений, они навертываютъ барыши на качествѣ товара, представляющаго собою не болѣе, какъ макулатуру, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Прямѣромъ подобныхъ издателей и оригинальныхъ приѣмовъ, практикуемыхъ ими съ цѣлью скорой и легкой важбы, можетъ служить куонецъ Паптелѣевъ, торгующій серебряными вещами въ Гостиномъ дворѣ и одновременно издающій «литературный» журналъ. Приводимъ письмо г. Трубочева: «Не откажите помѣстить слѣдующее мое заявленіе, для озвакомленія какъ подписчиковъ, такъ и иногороднихъ сотрудниковъ издаваемого нынѣ купцомъ 2-й гильдіи г. Петромъ Паптелѣевымъ «Вѣстника Иностранной Литературы», который я редактировалъ болѣе 7¹/₂ лѣтъ. Съ выходомъ въ свѣтъ декабрьской книжки этого журнала я отказался отъ его редактированія вслѣдствіе постоянныхъ недоразумѣній пзъ-за гонораара сотрудникамъ и предьявленія г. Паптелѣевымъ ко мнѣ,

какъ къ редактору, такпхъ требованій, на которыя ни я, ни другой редакторъ не могя согласиться. Печатный листъ въ «Вѣстникѣ» (16 стр.) заключаетъ въ себѣ 52.000 буквъ, т.-е. больше нормальнаго журнальнаго листа (35 тыс. буквъ)—на 17.000. За переводы до декабря мѣсяца нынѣшняго года платилось 18 рублей съ листа, за эскизы по романамъ (сокращенный переводъ и частью пересказъ)—24 рубля и за статьи и очерки компилятивные, по нѣсколькимъ иностраннымъ и русскимъ пособіямъ—32 рубля, что составляло за нормальный журнальный листъ приблизительно—12, 16 и 21 рубль. Не имѣя понятія о литературной работѣ, г. П. Пантелѣвъ въ концѣ ноября неожиданно уменьшилъ гонораръ, противъ чего, разумѣется, запротестовали главнѣйшіе сотрудники журнала, еще ранѣе возмущавшіеся издательскимъ нововведеніемъ на гонорарныхъ счетахъ, гдѣ мелкимъ шрифтомъ было напечатано, что «за переводъ и за переходъ въ полную собственность издателя» такому-то причитается столько-то. Послѣ этого нововведенія сотрудники остроумно замѣчали, что работы ихъ уподобляются мухамъ, безвозвратно погибающимъ въ издательской паутинѣ. На протесты сотрудниковъ г. Пантелѣвъ не обращалъ вниманія, говоря, что для «Вѣстника» «гимназисты могутъ работать». Я держался противоположнаго мнѣнія и старался привлечь къ сотрудничеству въ журналѣ лучшихъ переводчиковъ, которыхъ не всегда удавалось надолго удержать пѣзъ-за недоразумѣній при расчетѣ гонорара. Такъ, еще недавно двое сотрудниковъ, сдѣлавшихъ пѣзъ большихъ романовъ сжатые эскизы, отказались отъ дальнѣйшей работы въ «Вѣстникѣ» вслѣдствіе того, что г. Пантелѣвъ, безъ всякаго предупрежденія меня, условившагося съ сотрудниками по 24 р. съ листа, заплатилъ всего по 18 р. 2-го ноября, послѣ того, какъ написанное мною объявленіе о подпискѣ на журналъ въ 1905 г. было помѣщено въ «Вѣстникѣ», г-нъ Пантелѣвъ объявилъ мнѣ черезъ управляющаго своей типографіей, что онъ желаетъ просматривать въ подлинникахъ все, что переводится или компилируется для журнала. Сомнѣваясь, чтобы г. Пантелѣвъ былъ достаточно освѣдомленъ не только въ нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, но даже въ русскомъ, я, разумѣется, въ этомъ требованіи издателя «Вѣстника» отказалъ и попросилъ его снять съ объявленія выбранныя мною произведенія и особое приложеніе, замѣнивъ ихъ другими. Свою просьбу я повторялъ трижды, но отвѣта не получалъ: очевидно, г. Пантелѣвъ счелъ для себя удобнымъ воспользоваться чужими мыслями и выборомъ, т.-е. чужой литературной собственностью. Какъ называется такой поступокъ—едва ли вужно говорить».

НЕКРОЛОГИ.

БАКСТЪ, П. П. 4-го декабря послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, Николай Игватъевичъ Бакстъ. Покойный читалъ въ университетѣ курсы физиологій органовъ чувствъ, кромѣ того, лекціи физиологій на женскихъ медицинскихъ курсахъ. П. П. родился въ 1843 году, кончилъ курсы въ С.-Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ естественныхъ наукъ и былъ командированъ на три года за границу для приготовления къ профессурѣ. Работалъ по физиологій подѣ руководствомъ Гельмгольца. Вернувшись въ Россію, защитилъ pro venia legendi диссертацию: «О скорости передачи раздраженій по двигательнымъ нервамъ челоуѣка», и въ 1867 году былъ приглашенъ читать лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія состоялъ съ 1886 года. Имъ написано нѣсколько цѣнныхъ работъ по физиологій и издалъ «Курсъ физиологій органовъ чувствъ». (Некрологи его: «Впржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 631; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 316, и «Новое Время», 1904 г., № 10334).

† **Бобровъ, А. А.** 26-го ноября въ Ялтѣ скончался одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и извѣстныхъ русскихъ хирурговъ, ординарный профессоръ императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ оперативной хирургіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Бобровъ. Онъ родился въ 1850 году, высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, которому всецѣло была посвящена и дальнѣйшая плодотворная научная дѣятельность покойнаго. Уже черезъ годъ по окончаніи курса А. А. былъ назначенъ ассистентомъ при фа-

культетской хирургической клиникѣ, а въ 1880 году, защитивъ диссертацию на степень доктора медицины, подъ заглавіемъ: «О механизмѣ переломовъ трубчатыхъ костей отъ дѣйствія пули и лѣченія огнестрѣльныхъ переломовъ безъ поврежденія суставовъ», занявъ кафедру оперативной хирургіи. Изъ большого количества научныхъ работъ покойнаго наиболее извѣстны: «Исторія ампутацій и консерватизма въ хирургіи конечностей» (пробная лекція, М., 1881 г.), «Руководство къ изученію хирургическихъ повязокъ» (нѣсколько изданій), «Вывихи и переломы» (курсъ лекцій, три изданія), «Курсъ оперативной хирургіи» (нѣсколько изданій), «Отчетъ факультетской хирургической клиники за 1893—1895 годъ» и др. Въ Крыму, гдѣ скончался А. А., имъ была основана нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекрасная санаторія для больныхъ дѣтей съ хирургическими формами бугорчатки. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г. № 621; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 271; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 308, п «Новое Время», 1904 г., № 10327).

† Вальцъ, Я. Я. 29-го ноября скончался въ домѣ прилѣжнѣи душевно-больныхъ на станціи Удѣльной профессоръ Новороссійскаго университета Яковъ Яковлевичъ Вальцъ. Родился онъ въ Кіевѣ въ 1841 году. Образование получилъ въ Кіевскомъ университетѣ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. По окончаніи курса былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности и съ тою же цѣлью въ 1863 году былъ командированъ за границу, гдѣ изучалъ безцвѣтковыя растенія. По возвращеніи въ Россію занялъ кафедру ботаники въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ съ 1868 года по 1871 годъ, и затѣмъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Изъ трудовъ его извѣстны: докторская диссертация «*Beitrag zur Morphologie und Systematik der Gattung Vaucheria D. C.*» (1865 г.), «О развитіи зооспоръ у водорослей», «Значеніе грибовъ въ экономіи природы», «О болѣзняхъ культурныхъ растеній», «О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни», «О размноженіи растеній частями съмывъ» и многіе другіе. Въ 1881 году Я. Я. вслѣдствіе болѣзни оставилъ профессорскую дѣятельность. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10330).

† Кириимъ, А. А. 6-го декабря скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ Александръ Александровичъ Кириимъ, давню упрочившій за собою извѣстность авторитетнаго и компетентнѣйшаго цивилиста, соединившаго всестороннее знаніе дѣйствующаго права съ широкимъ теоретическимъ образованіемъ. Правовѣдъ по образованію (род. въ 1837 году), А. А. черезъ два года по вступленіи своемъ на службу въ министерство юстиціи (въ 1858 году) былъ назначенъ юрисконсультъомъ консульства, при министерствѣ юстиціи учрежденной; въ 1862 году по высочайшему повелѣнію назначенъ членомъ-редакторомъ комиссіи, учрежденной при государственной канцеляріи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части. Усердная и талантливая работа молодого цивилиста доставила ему въ 1866 году при открытіи с.-петербургскаго окружнаго суда должность товарища председателя этого суда по одному изъ гражданскихъ его отдѣленій. Вслѣдъ затѣмъ А. А. былъ выбранъ и утвержденъ председателемъ с.-петербургскаго коммерческаго суда. Участвуя въ комиссіяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ столичнаго

управленія (1869 г.), при министерствѣ юстиціи по вопросу о преобразованіи коммерческихъ судовъ (1871 г.), А. А. въ слѣдующемъ году назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ гражданскаго кассационнаго департамента сената, черезъ четыре года получилъ назначеніе быть представителемъ министерства юстиціи въ комиссіи при второмъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи для окончательнаго обсужденія проекта новаго устава о векселяхъ. Въ 1878 году А. А. былъ призванъ къ присутствію въ правительствующемъ сенатѣ (по гражданскому кассационному департаменту). Служебная дѣятельность А. А. не прерывала его литературныхъ работъ въ избранной имъ области гражданскаго права. Будучи въ шестидесятихъ годахъ помощникомъ редактора «Журнала Министерства Юстиціи», А. А. помѣстилъ въ немъ рядъ статей (между прочимъ «О ганноверскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ»), съ 1870 года вмѣстѣ съ Н. А. Турюмъ издавалъ «Журналъ гражданского и торговаго права», переименованный черезъ два года въ «Журналъ гражданского и уголовного права», при чемъ соредакторомъ А. А. сдѣлался Н. С. Таганцевъ. При сотрудничествѣ другихъ юристовъ А. А. изданы были за нѣсколько лѣтъ «Систематическіе сборники рѣшеній гражданского кассационнаго департамента сената». Кроме того, имъ переведено сочиненіе Бенгтама «О судостроительствѣ». За послѣдніе 22 года (съ 1882 году) А. А. главнымъ образомъ посвящалъ свои силы работѣ въ комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія, которой онъ былъ вице-предсѣдателемъ, пока предсѣдателемъ былъ Н. И. Стояновскій, а по смерти его—А. А. Книриемъ занялъ его мѣсто и былъ не только предсѣдателемъ ея, но и трудолюбивѣйшимъ ея работникомъ и душою ея работъ, которая должны дать Россіи новое гражданское уложеніе. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 279; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 634, и «Новое Время», 1904 г., № 10335).

† **Коркуновъ, Н. М.** 27-го ноября въ домѣ призрѣнія душевно-больныхъ Александра III на Удѣльной скончался бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета, Николай Михайловичъ Коркуновъ. Покойный, сынъ ординарнаго академика, родился въ Петербургѣ 14-го апрѣля 1853 года. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету съ золотой медалью за работу «Городное положеніе 1870 года сравнительно съ иностранными законодательствами» онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Сдавъ вскорѣ магистерскій экзаменъ, началъ въ 1876 году свою преподавательскую дѣятельность въ Императорскомъ Александровскомъ лицейѣ, въ которомъ читалъ энциклопедію права. Послѣ ухода изъ С.-Петербургскаго университета П. Г. Рѣдкина ему было поручено чтеніе этого предмета въ университетѣ, черезъ десять лѣтъ (въ 1889 году) поручено за выходомъ А. Д. Градовскаго преподаваніе государственнаго права. Одновременно съ 1878 года онъ читалъ въ Военно-Юридической академіи сперва государственное право восточныхъ державъ, потомъ международное право. Съ 1883 по 1893 годъ былъ инспекторомъ классовъ Александровскаго лица. Въ 1893 году, чрезъ 17 лѣтъ по сдачѣ магистерскаго экзамена, онъ защитилъ въ Юрьевскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра государственнаго и международнаго права, въ слѣдующемъ же году

былъ удостоенъ юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета степеню доктора государственнаго права. Имя Н. М. Корбунова пользуется среди юристовъ большою и вполне заслуженною популярностью. Лучшее его работами необходимо признать докторскую диссертацию «Указъ и законъ», написанную Н. М. въ периодъ наибольшаго расцвѣта его научнаго творчества и представляющую, по выраженію одного изъ официальныхъ обозначителей памятнаго диспута, классически-стройную ювюграфію. Имя остальныхъ работъ Н. М. отлучить его «Русское государственное право» и «Лекціи по общей теоріи права», издававшія каждая по нѣскольку изданій. Отличительнымъ или свойствомъ является большая сила диалектики, мѣстами впрочемъ выдающейся въ парадоксальность. Покойный Н. М. былъ вообще несравненно болѣе сильнымъ въ своихъ критическихъ эскуразахъ, чѣмъ въ конструкціяхъ. Поэтому и въ «Лекціяхъ», впрочемъ, его критика и ужихъ опредѣленій понятія права совершенно захлѣбываетъ своимъ блестящимъ собственнымъ построениемъ автора. Тою же чертою отличался и работамъ его по общей части международнаго права: яркая, необыкновенно будничная мысль критика рядомъ съ парадоксальными и подчасъ весьма сложными конструкціями. Во всякомъ случаѣ обилие его учебниками зачитывались, можетъ быть, именно въ виду склонности русскаго ума преимущественно къ критическому анализу. Кроме перечисленныхъ работъ, покойный интересовался многими такими вопросами, которые имѣли непосредственное отношеніе къ практическимъ запросамъ русской государственной жизни. Онъ написалъ цѣлый рядъ статей о финляндскомъ вопросѣ, о государственномъ совѣтѣ, о комитетѣ министровъ и объ административной юстиціи. Какъ профессоръ, Н. М. не имѣлъ особенно большой аудиторіи, но происходило это исключительно потому, что его изложеніе было настолько серьезнымъ, что мало подготовленные слушатели не всегда оказывались способными слѣдить за нимъ. Зато небольшая, но избранная аудиторія тѣхъ, которые посѣщали лекціи Н. М., навсегда сохранила объ этомъ живомъ, порывистомъ, весьма начитанномъ и ярко талантливымъ человѣкѣ самую свѣтлую и благодарную память. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 271; «Новое Время», 1904 г., № 10327, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 618).

† **Короленко, Ю. Г.** 25-го ноября, въ Москвѣ, скончался смотритель городского Ахлабаевского странвопріимнаго дома, Юліанъ Галактіоновичъ Короленко. Старшій братъ писателя В. Г. Короленка, покойный большую часть своей жизни занимался газетной и журнальной работой сначала въ петербургскихъ, а затѣмъ въ московскихъ изданіяхъ. Еще гимназистомъ онъ писалъ корреспонденціи въ столичныя газеты, и одна изъ такихъ обязательныхъ корреспонденцій изъ города Ровна Волынской губ. надѣлала много шума въ мѣстномъ населеніи. Корреспонденціи его помѣщались и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ также онъ занимался около 10-ти лѣтъ и корректурными работами (въ концѣ 80-хъ и 90-хъ годахъ). Ю. Г. обладалъ недюжиннымъ поэтическимъ дарованиемъ, и его лирическія стихотворенія печатались въ «Русской Мысли» и другихъ журналахъ. Оставивъ журнальную работу вслѣдствіе болѣзни, Ю. Г. занялъ спокойное мѣсто смотрителя городского Ахлабаевского странвопріимнаго

дома, гдѣ прослужилъ до конца своей жизни. Подъ благотворнымъ вліяніемъ Ю. Г. воспитывался въ ранней молодости его братъ Владимиръ Галактіоновичъ Короленко, называвшій его своимъ «учителемъ». (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 309, и «Новое Время», 1904 г., № 10326).

† **Лихачева, Е. І.** 6-го декабря скончалась бывшая председательница общества для содѣйствія высшимъ женскимъ курсамъ, Елена Іосифовна Лихачева, стоявшая въ 70 годахъ девятнадцатаго столѣтія во главѣ немногочисленнаго кружка русскихъ женщинъ, благородному почину которыхъ обязано было началомъ женское образовательное движеніе въ Россіи. Родившись въ 1836 г. и получивъ крайне скудное образованіе въ Смольномъ институтѣ, Е. І., еще совсѣмъ юная, но талантливая и богато одаренная отъ природы, сознала, что сила—въ знаніи, и съ той поры неустанно училась и работала, сначала подъ руководствомъ своего отца, очень образованнаго человѣка. Замужество и материнство не прервали ея занятій, а проявившееся литературное дарованіе дало ей возможность съ 69 года выступить на поприще литературнаго труда. Перу Е. І. Лихачевой принадлежатъ рядъ работъ по женскому вопросу. Она помѣстила въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи: «Новости по женскому дѣлу во Франціи и Америкѣ», «Женское движеніе у насъ и за границей», «Воспитаніе женщинъ съ точки зрѣнія положительной философіи», «Женщины въ современной войнѣ», «Набрательныя права женщинъ въ Англіи», «Парижскій конгрессъ по женскому вопросу», «Экономическое положеніе женщинъ во Франціи», «Посмертное сочиненіе Прудона о женщинахъ» и мн. др. Одинъ перечень этихъ статей уже указываетъ, какъ всесторонне было изучено нашей писательницей общественное, политическое и экономическое положеніе женщины. Но, кромѣ ряда работъ въ повременной печати, Е. І. Лихачевой принадлежитъ капитальное послѣдованіе въ нѣсколькихъ томахъ «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи», — исторіи, въ которой имя Е. І. Лихачевой навсегда останется однимъ изъ наиболѣе памятныхъ и свѣтлыхъ. Е. І. также перевела и издала вмѣстѣ съ покойной А. И. Сувориной нѣсколько общепользовныхъ книгъ. Некрологи ея: («Новое Время», 1904 г., № 10335; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 637).

† **Мерклингъ, К. Е.** 26-го ноября скончался послѣ тяжелой болѣзни извѣстный цѣлымъ рядомъ научныхъ работъ по ботаникѣ академикъ Карлъ Евгеніевичъ Мерклингъ. По окончаніи курса въ Дерптскомъ университетѣ въ 1845 г. со степенію кандидата естественныхъ наукъ покойный отправился за границу (въ Іену), съ спеціальной цѣлью усовершенствованія своихъ ботаническихъ знаній. По возвращеніи въ Россію сталъ читать въ качествѣ приват-доцента лекціи въ Лѣсномъ институтѣ. Вскорѣ былъ приглашенъ на службу въ императорскій ботаническій садъ и назначенъ экспертомъ по естествознанію и микроскопіи въ медицинскомъ департаментѣ. Его первое сочиненіе: «Zur Entwicklungsgeschichte der Blattgestalten» было издано съ рисунками въ Іенѣ. Въ С.-Петербургѣ онъ обогатительно занялся изслѣдованіемъ строенія и жизни растений и деревьевъ, а также русскихъ ископаемыхъ растений. Его трудъ «Palaeontologikon rossicum» отмыченъ императорскою академіею наукъ присужденіемъ покойному второй демидовской преміи; его сочиненія «О внутреннемъ строеніи

и жизни растений» и «Анатомія коры и древесины лѣсныхъ деревьевъ въ Россіи» явились цѣннымъ вкладомъ въ русскую ботаническую литературу 50-хъ годовъ. Въ 1864 г. К. К. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ въ medico-хирургическую академію по кафедрѣ ботаники и читалъ лекціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, издавъ въ это время «Наставленіе объ изслѣдованіи подозрительныхъ пятенъ». Съ 1877 года до дня своей кончины покойный состоялъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Одновременно принималъ участіе въ медицинскомъ совѣтѣ въ качествѣ совѣщательнаго члена и съ прежней энергіей работалъ по своему любимому дѣлу. Десять лѣтъ назадъ издалъ «Лѣкарственныя растенія русской флоры», снабдивъ свое сочиненіе интереснымъ атласомъ. Императорская академія наукъ за его научные труды избрала его въ члены-корреспонденты. Умеръ онъ 83 лѣтъ. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 616, и «Новое Время», 1904 г., № 10326).

† **Михальскій, К. О.** 20-го ноября въ санаторіи Законане, въ Гатрахъ, скончался старшій геологъ, горный инженеръ, Александръ Октавіановичъ Михальскій. Уроженецъ Каменецъ-Подольска, А. О. послѣ окончанія горнаго института занялся геологическими изслѣдованіями. Начало его работъ совпало съ учрежденіемъ геологическаго комитета, и Михальскій былъ первымъ его консерваторомъ. Избранный сначала младшимъ, а вслѣдъ за этимъ старшимъ геологомъ, онъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ работалъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Свои изслѣдованія онъ началъ на Волгѣ около Самары, затѣмъ работалъ въ царствѣ Польскомъ, въ Подольской губерніи, въ Криноворожскомъ желѣзно-рудномъ районѣ. Послѣдняя работа вдоль линіи строящейся жел. дороги Бологое — Нековъ сильно подорвала уже разстроенное трудными полевыми работами здоровье, и около двухъ мѣсяцевъ назадъ онъ по совѣту врачей долженъ былъ уѣхать, чтобы провести зиму въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ. Какъ палеонтологъ, Михальскій оставилъ капитальный трудъ о фаунѣ виргатовыхъ слоевъ подмосковнаго бассейна. Незадолго передъ смертью онъ отказался отъ предложенной ему кафедры геологій въ горномъ институтѣ. Удивительно добрый, симпатичный товарищъ, А. О. Михальскій оставляетъ послѣ себя завидную память не только среди товарищей по геологическому комитету, но и среди всѣхъ нашихъ геологовъ и инженеровъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10321).

† **Михайловскій, В. М.** 26-го ноября въ Москвѣ скончался директоръ 2-ой московской гимназіи, д. с. с. Викторъ Михайловичъ Михайловскій. Онъ родился въ 1846 г. въ Вильнѣ. По окончаніи историко-филологическаго факультета въ университетѣ св. Владиміра былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ гимназіи въ Кіевѣ. Въ 1871 г. перѣхалъ во Владиміръ на Клязьмѣ. Въ 1874 г. былъ переименованъ учителемъ въ Москву, и съ той поры вся его дѣятельность протекла въ Москвѣ. Выдержавъ экзаменъ на степенъ магистра по кафедрѣ всеобщей исторіи, онъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ приватъ-доцентомъ и почти 20 лѣтъ читалъ въ Московскомъ университетѣ различные курсы по исторіи, этнологіи и географіи. Отзывчивый на всѣ нужды просвѣщенія, онъ былъ виднымъ дѣятелемъ въ московскомъ педагогическомъ обществѣ, въ которомъ одно время былъ

и председателемъ, состоялъ много лѣтъ товарищемъ председателя этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, принималъ участіе въ качествѣ члена въ императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ. Какъ педагогъ-теоретикъ, онъ былъ отзывчивъ на всѣ вопросы о воспитаніи, и немало его статей появилось и въ педагогическихъ журналахъ. Нѣкоторые его труды изданы были особо, какъ «Серветъ и Кальвинъ», «Джонъ Виклефъ и Янъ Гусъ», «Первые года парижской школы хартій», «Ганза», «Космополитъ на тронѣ римскихъ цезарей» и др. Его обширный трудъ о «Шамансгѣ», изданный обществомъ естествознанія, представляетъ въ русской учебной литературѣ повнѣ единственное болѣе полное и дѣльное послѣдованіе по этому вопросу, хотя оно и не окончено. Сверхъ того, не мало его библиографическихъ отзывовъ и критическихъ статей было помѣщено въ журналѣ «Русская Мысль». Одаренный прекраснымъ и добрымъ сердцемъ, это былъ педагогъ по призванію, прослужившій въ русской школѣ около 35 лѣтъ. (Некрологъ его; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 272).

† Пышинъ, А. Н. 26-го ноября скончался ординарный академикъ императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, Александръ Николаевичъ Пышинъ. Смерть унесла замѣчательнаго русскаго ученаго, болѣе полувѣка трудившагося на поприщѣ русской науки и не утратившаго энергии и въ своей маститой старости: онъ до послѣдняго дня жизни не переставалъ обогащать науку, какъ и въ прежніе годы, новыми матеріалами и изслѣдованіями. Начало литературной дѣятельности Пышина восходитъ къ тому времени (1854 г.), когда у насъ, строго говоря, только-что началась научная разработка русской литературы, и въ этой учебной области, по общему признанію, имени А. Н. Пышина принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Вся область русской литературы, начиная съ произведеній народной безыскусственной воэзи, апокрифа и древней повѣсти, кончая новѣйшими писателями, была предметомъ изученія А. Н., вездѣ онъ могъ сказать вѣское и содержательное слово. Въмѣстѣ съ громаднѣйшей эрудиціей, позволявшей ему съ большой пользою для науки, уклоняться отъ стороны отъ предмета своей специальности въ области наукъ, смежныхъ съ исторіей литературы, покойный всегда, съ первыхъ шаговъ своей учебной дѣятельности выказывалъ и свое умѣнье отыскивать интересные явленія въ области изучаемаго, давать имъ историческое освѣщеніе и обогащать изслѣдуемые факты приобщеніемъ новыхъ, до него остававшихся неизвѣстными или непонятными. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности, онъ возвратился къ задачѣ, давно его занимавшей, — къ составленію обширнаго общаго сочиненія по исторіи русской литературы, и этимъ трудомъ, по выраженію одного изъ сотоварищей покойнаго, академика Л. Н. Майкова, создалъ себѣ литературный памятникъ, который надолго сохранитъ въ наукѣ его имя. А. Н. Пышинъ родился въ 1833 г. въ Саратовѣ. Первоначальное образованіе, полученное въ саратовской гимназіи, онъ закончилъ въ университетахъ Казанскомъ, а затѣмъ Петербургскомъ. Его юность была окружена литературной сферой, да и самъ онъ, будучи еще студентомъ, выступилъ на учено-литературное поприще: въ 1853 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» были напечатаны двѣ его статьи о Владимірѣ Лукинѣ, мало извѣстномъ

драматургъ Екатерининскихъ временъ. Въ слѣдующемъ же году появляется его «Словарь къ новгородской первой лѣтописи», напечатанный въ «Извѣстіяхъ» академіи. Дальнѣйшіе его труды были направлены на изученіе нашей древней письменности, преимущественно по рукописямъ, хранящимся въ Императорской Публичной библиотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ. На первыхъ порахъ онъ обратилъ особое вниманіе на изученіе апокрифической литературы и произведеній мірскаго повѣствовательнаго характера древней русской словесности. Плодомъ его работъ этого рода былъ изданный въ 1857 году «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», замѣчательный по свѣжести научной задачи и тщательности въ обслѣдованіи вопросовъ, ею вызываемыхъ. Въ этомъ очеркѣ, давшемъ его автору ученую степень магистра, впервые была представлена исторія русской повѣсти, рассмотрѣны повѣсти иноземнаго происхожденія и оригинальныя русскія, при чемъ нѣкоторыя повѣсти и сказки не только впервые послѣдованы, но и даже впервые открыты. Въ 1858 г. А. Н. получилъ командировку на два года за границу для подготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ исторіи западныхъ литературъ. За время этого путешествія онъ побывалъ, между прочимъ, въ славянскихъ земляхъ и въ Италіи, откуда посылалъ въ «Современникъ» свои путевыя письма. По возвращеніи изъ-за границы онъ началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ по исторіи французской литературы. Оставивъ въ 1861 г. университетъ, А. Н. всецѣло отдался учено-литературной и журнальной дѣятельности и сталъ постояннымъ вкладчикомъ и ближайшимъ сотрудникомъ «Современника», до прекращенія изданія послѣдняго. Помимо самостоятельныхъ изслѣдованій въ области древне-русской литературы, въ особенности апокрifa, онъ въ 1860 г. усердно занимался и переводами историко-литературныхъ и историческихъ сочиненій, напримѣръ, Шерра, Гетнера, Дрепера, Милля, Шлоссера, Рохау, Бентама и др. Въ 1865 году А. Н. напечаталъ «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ»; этотъ обзоръ, составленный въ сотрудничествѣ съ В. Д. Спасовичемъ, повторенный въ исправленномъ и значительно увеличенномъ видѣ въ 1879—1881 году, сдѣлался классической по своей части книгой и переведенъ уже на нѣмецкій, французскій и чешскій языки. До сихъ поръ ни въ русской ни въ славянской литературахъ нѣтъ другого труда, столь полно исчерпывающаго матеріалъ литературной исторіи всѣхъ славянъ. Съ конца 1860 годовъ А. Н. становится въ ряды ближайшихъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы». Рѣдкая книжка этого изданія выходила безъ какой либо его статьи. Въ этомъ журналѣ появлялись и тѣ его статьи, которыя впоследствии въ обработанномъ видѣ вошли въ нѣкоторыя его отдѣльно изданныя сочиненія, какъ: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» (выдержало три изданія: 1871, 1885 и 1900 гг.), «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 1820 до 1850 годовъ» (выдержало два изданія—1873 и 1890 гг.), «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» (въ двухъ томахъ, 1876 г.), «Исторія русской этнографіи» (въ 4 томахъ, 1890—1892 г.), и, наконецъ, «Исторія русской литературы» (въ 4 томахъ, выдержало два изданія—1899 и 1902—1903 гг.). Всѣ эти труды, получившіе своевременно должную оцѣнку со стороны ученаго міра, сдѣлали имя покойнаго популярнымъ и въ широкихъ слояхъ общества. Академія, вѣн-

чавшая не разъ его сочиненія преміями («Очерки литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ», «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», «Исторія русской этнографіи»), выразила признаніе его ученыхъ заслугъ избраніемъ А. Н. въ члены-корреспонденты, а въ январѣ 1898 г. въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Вниманіе общества къ трудамъ покойнаго сочувственно выразилось между прочимъ и при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея А. Н., 25-го марта 1903 года. Кромѣ указанныхъ статей и отдѣльныхъ изданій, изъ массы его работъ, число которыхъ превышаетъ тысячу, слѣдуетъ отмѣтить его труды по исторіи масонства (между прочимъ, отдѣльно изданный «Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его», 1873 г.), старообрядства (напримѣръ, «Сводный старообрядческой синодикъ») и рядъ статей по вопросамъ славяновѣдѣнія, о новѣйшихъ писателяхъ, какъ, напримѣръ, о Салтыковѣ-Щедринѣ, Некрасовѣ (его послѣдній трудъ), наконецъ рядъ біографій и некрологовъ сходящихся со сцены на его глазахъ писателей и ученыхъ. Заслуживаютъ упоминанія и многія его рецензіи, изъ которыхъ большинство составляютъ необходимое и цѣнное приложеніе къ трудамъ, имъ разобраннымъ. За послѣдніе годы покойный велъ по порученію отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ издаваемыя отдѣленіемъ «Вѣстия», разросшіяся до значительныхъ размѣровъ. Смерть застала покойнаго за редакціей сочиненій императрицы Екатерины II, издаваемыхъ академіей наукъ (остались неизданными лишь два тома) и среди подготовительныхъ работъ по перепечатанію нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ сочиненій. Покойному А. Н. Пыпину мы посвящаемъ въ настоящей книгѣ особую статью. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 270; «Новое Время», 1904 г., № 10325; «Русское Слово», 1904 г., № 330; «Южный Край», 1904 г., № 8288; «Кіевская Газета», 1904 г., № 330; «Харьковскій Листокъ», 1904 г., № 1618; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 328; «Приднѣпровскій Край», 1904 г., № 2355 и мн. др.).

† **Сергій, архіепископъ.** 20-го ноября во Владимирѣ скончался отъ паралича сердца архіепископъ владимирскій и суздальскій, высокопреосвященный Сергій. Покойный занималъ архіепископскую кафедру во Владимирѣ на Клязьмѣ въ теченіе одиннадцати лѣтъ, заботливо относясь къ нуждамъ духовенства и являясь убѣжденнымъ сторонникомъ широкаго распространенія грамотности среди крестьянскаго населенія. Сынъ священника, въ мѣрѣ Иванъ Спасскій, владыка родился въ Спасскѣ, Костромской губерніи, образованіе получилъ въ костромской духовной семинаріи и кіевской духовной академіи. По окончаніи курса со званіемъ магистра богословія за сочиненіе: «Исслѣдованіе библейской хронологіи», онъ началъ свое служеніе преподавателемъ богословія. Овдовѣвъ принялъ монашество и былъ послѣдовательно инспекторомъ и ректоромъ вѣанской духовной семинаріи, настоятелемъ московскаго Знаменскаго монастыря. Въ 1872 году уволился по болѣзни, посвятилъ себя ученымъ занятіямъ и черезъ пять лѣтъ за сочиненіе «Агіологія Востока» получилъ отъ Московской духовной академіи степенъ доктора богословія. Хронологическій указатель по епископа въ 1882 году, преосвященный Сергій былъ сперва

викарієм Литовскої єпархії, через три роки займав самостійну кафедру єпископа мінського і ковенського, а затім перенесъ свою просвітительну діяльність въ болѣе обширну Владимирську єпархію. Їго перу належить нѣсколько цѣннихъ трудовъ по богословію. Изъ нихъ назовемъ: «Православное ученіе о почитаніи иконъ», «Избраннія житія святихъ», «Несѣды объ основнихъ истинахъ православної вѣри» (выдержали три изданія) и другія. Їго проповѣди отличалися глибокимъ знаніємъ догматів православія и были издані отдѣльными брошюрами, нахоувающимъ себѣ широке распространеніе. (Некрологи єго: «Новое Время», 1904 г., № 10320, и «Віржевыя Вѣдомості», 1904 г., № 604).

† **Склифосовскій, Н. В.** 30-го ноября скончался въ своемъ имѣніи Яковцахъ, Полтавскої губерніи, заслуженный профессоръ, пѣвственный хирургъ Николай Васильевичъ Склифосовскій. Н. В. родился въ 1836 г. въ Херсонскої губерніи, на хуторѣ близъ города Дубоссары, въ дворянскої семьѣ. Окончивъ съ медалью курсъ во второй одесскої гимназії, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета и въ 1859 г. былъ удостоенъ степені лѣкаря. Въ Одессѣ онъ занялъ мѣсто ординатора Одесскої городской больницы и съ перваго же года пріянялъ въ свое заведываніе хирургическое отдѣленіе и началъ готовиться къ преподавательскої діяльности. Влестящія операції, производимыя съ высокимъ искусствомъ и рѣдкимъ усилкомъ, скоро обратили на него вниманіе ученаго міра. Молодой хирургъ работалъ съ энергіей и, не увлекаясь быстрыми усилками, настойчиво продолжалъ учиться, посвящая день больницѣ, а вечера и часть ночи научнымъ занятіямъ на трунахъ. Въ 1863 г. Н. В. защитилъ въ Харьковскомъ университетѣ докторскую диссертацию. Заботясь о своемъ научномъ образованіи, онъ въ 1866 г. отправился за границу и пробылъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ, работая главнымъ образомъ въ патолого-анатомическомъ институтѣ Вирхова и въ клиникѣ Лагенбека. Во время австро-прусскої войны изучалъ на практикѣ военно-полевую хирургию, поступивъ въ ряды дѣйствующей прусскої арміи, работалъ на перевязочныхъ пунктахъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Садовой. По окончаніи кампаніи былъ награжденъ прусскимъ желѣзнымъ крестомъ въ память 1866 года. Во Франціи Н. В. работалъ въ анатомическомъ институтѣ Кламарта и въ клиникѣ Нелатова. Въ Англіи онъ ознакомился съ лондонскими медицинскими школами, а потомъ работалъ въ Эдинбургѣ. По возвращеніи въ Одессу Н. В. продолжалъ работать въ хирургическомъ отдѣленіи городской больницы, всецѣло посвятивъ себя хирургіи. Онъ выполнилъ, между прочимъ, первую оваріотомію въ Россіи, доставивши єму славу «русскаго оваріотомиста» въ тѣ времена, когда эта операція считалась еще рѣдкостью въ Англіи и Германіи. Въ 1870 г. Н. В. получилъ приглашеніе занять кафедру хирургіи въ Киевскомъ университетѣ св. Владимира и съ болшимъ усилкомъ прочелъ первую лекцію. Въ Киевѣ профессоръ Склифосовскій оставался недолго. Въ 1870 г. онъ отправился на театръ франко-прусскої войны для ознакомленія съ діятельностью военныхъ госпиталей. Въ сентябрѣ 1871 г. былъ признанъ на кафедре хирургіи въ императорскую медико-хирургическую академію и преподавалъ здѣсь сперва

хирургическую патологию и заведывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ въ клиническомъ военномъ госпиталѣ, а съ 1878 г. принялъ въ заведываніе хирургическую клинику баронета Вилліе. Въ 1876 г. Н. В. былъ командированъ въ Черногорію, въ качествѣ консультанта по хирургіи при учрежденіяхъ Краснаго Креста. Возгорѣвшаяся затѣмъ русско-турецкая война призвала Н. В. въ дѣйствующую армію. При переправѣ черезъ Дунай ему пришлось перевязать первыхъ раненыхъ, а потомъ принимать дѣятельное участіе на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ—подъ Плевною и на Шипкѣ. Это была четвертая война, въ которой Н. В. принялъ участіе, и здѣсь онъ нашелъ широкое поле для примѣненія своихъ знаній. Онъ являлся тамъ не только операторомъ, но и учителемъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Онъ училъ молодыхъ врачей и сестеръ милосердія самопожертвованію при уходѣ за ранеными, лично подавая примѣръ беззаветнаго служенія долгу челоѣколюбія. Подъ Булгарею черезъ руки Н. В. прошло около 10.000 раненыхъ. Послѣ третьяго плевненскаго боя Н. В. былъ командированъ въ Габрово, у подножія Шипки, гдѣ устроенъ былъ перевязочный пунктъ для раненыхъ во время обороны шипкинскихъ укрѣпленій при отраженіи арміи Сулейманпашы. Въ 1880 г., въ годъ преобразования медико-хирургической академіи въ военно-медицинскую, Н. В. Склифосовскій совѣтомъ Московскаго университета былъ единогласно избранъ на кафедру факультетской хирургической клиники Московскаго университета и затѣмъ назначенъ деканомъ. Московскою хирургическою клинкою Н. В. заведывалъ 14 лѣтъ и въ то же время состоялъ консультантомъ по хирургіи въ московскомъ военномъ госпиталѣ. Во время пребыванія Н. В. въ Москвѣ и благодаря его стараніямъ, на дѣвничьемъ полѣ были построены новыя роскошныя клиники, служащія украшеніемъ и гордостью Москвы. Въ 1893 г. Н. В. былъ призванъ на постъ директора клиническаго института великой княгини Елены Павловны въ Петербургѣ. Н. В. былъ инициаторомъ устройства съѣздовъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова и во время XII международнаго съѣзда врачей въ Москвѣ былъ председателемъ организованнаго комитета по устройству этого перваго въ Россіи международнаго съѣзда врачей. Въ 1899 г. минуло 40-лѣтіе врачебной дѣятельности Н. В., и этотъ день былъ почтенъ изданіемъ юбилейнаго сборника трудовъ его друзей, сослуживцевъ и учениковъ. Н. В. издавалъ «Хирургическую Лѣтопись», былъ однимъ изъ основателей перваго русскаго общества хмелеводства. Кромѣ того, онъ былъ почетнымъ членомъ: Московскаго университета, военно-медицинской академіи, лондонскаго *Societas medica Londiniensis*, общества чешскихъ врачей въ Прагѣ, парижскихъ: *Société de Chirurgie de Paris* и *Société Medicorpatique* и многихъ другихъ. Въ 1900 г. Н. В. выбранъ по поводу 500-лѣтія Ягеллонскаго университета въ Краковѣ докторомъ медицины *honoris causa* медицинскаго факультета этого университета. Изъ печатныхъ трудовъ Н. В. извѣстно болѣе 114, печатавшихся въ разныхъ медицинскихъ издавіяхъ. Въ лицѣ скончавшаго Николая Васильевича Склифосовскаго русская наука и общество понесли тяжелую потерю. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 312; «Новое Время», 1904 г., № 10329; «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 468; «Русское Слово», 1904 г.,

№ 334; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 273, и «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 332).

† Снессорова, С. И. 5-го ноября въ Пытигорскомъ Богородицкомъ монастырѣ на 90-мъ году жизни скончалась Софья Ивановна Снессорова, рожденная Руновская. Покойная была одной изъ первыхъ пионерокъ женскаго труда и дала цѣлый рядъ прекрасныхъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей. Свою литературную дѣятельность она начала въ сороковыхъ годахъ въ журналѣ Сенковского «Библиотека для Чтенія» и продолжала ее въ «Отечественныхъ Запискахъ», издававшихся Краевскимъ, и въ собраніи иностранныхъ романовъ г-жи Ахматовой. Она первая перевела «Сказки братьевъ Гриммъ», вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ. Последнія 25 лѣтъ своей жизни Снессорова посвятила составленію книгъ духовнаго направленія, и лучшими ея произведеніями являются: «Земная жизнь Пресвятой Богородицы», вышедшая вторымъ изданіемъ; «Игуменя Феофанія, первая настоятельница Воскресенскаго женскаго Петербургскаго монастыря»; «Исторія основанія Воскресенскаго женскаго Петербургскаго монастыря», «Монахиня Ангелина», «Св. Іоаннъ Дамаскинъ», «Дарьюшка» и др. Ей была назначена пенсія отъ Литературнаго фонда, которую она и получала до самой смерти. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1904 г., № 10310).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ обзорѣ двадцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника», напечатанномъ въ декабрьской книжкѣ прошлаго года, перечислены, между прочимъ, особенно цѣнные воспоминанія современниковъ, помѣщенные въ журналѣ за этотъ періодъ времени. Для такого перечисленія пришлось пересмотрѣть триста книжекъ «Историческаго Вѣстника», и потому естественно въ немъ оказались неабѣжныя пропуски, которые мы и считаемъ необходимымъ возстановить. Такъ, не упомянуты воспоминанія нашего извѣстнаго драматурга В. А. Крылова, В. А. Милютина, Н. П. Огородникова, В. М. Сикевича, П. В. Любарскаго, Е. П. Раевской, барона Л. Л. Зеделера, И. В. Шервуда-Вѣрнаго, В. П. Оudinцова, Н. А. Аркаса, М. Н. Назимовой.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ

ЮБИЛЕЙ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

(1 ДЕКАБРЯ 1904 Г.)

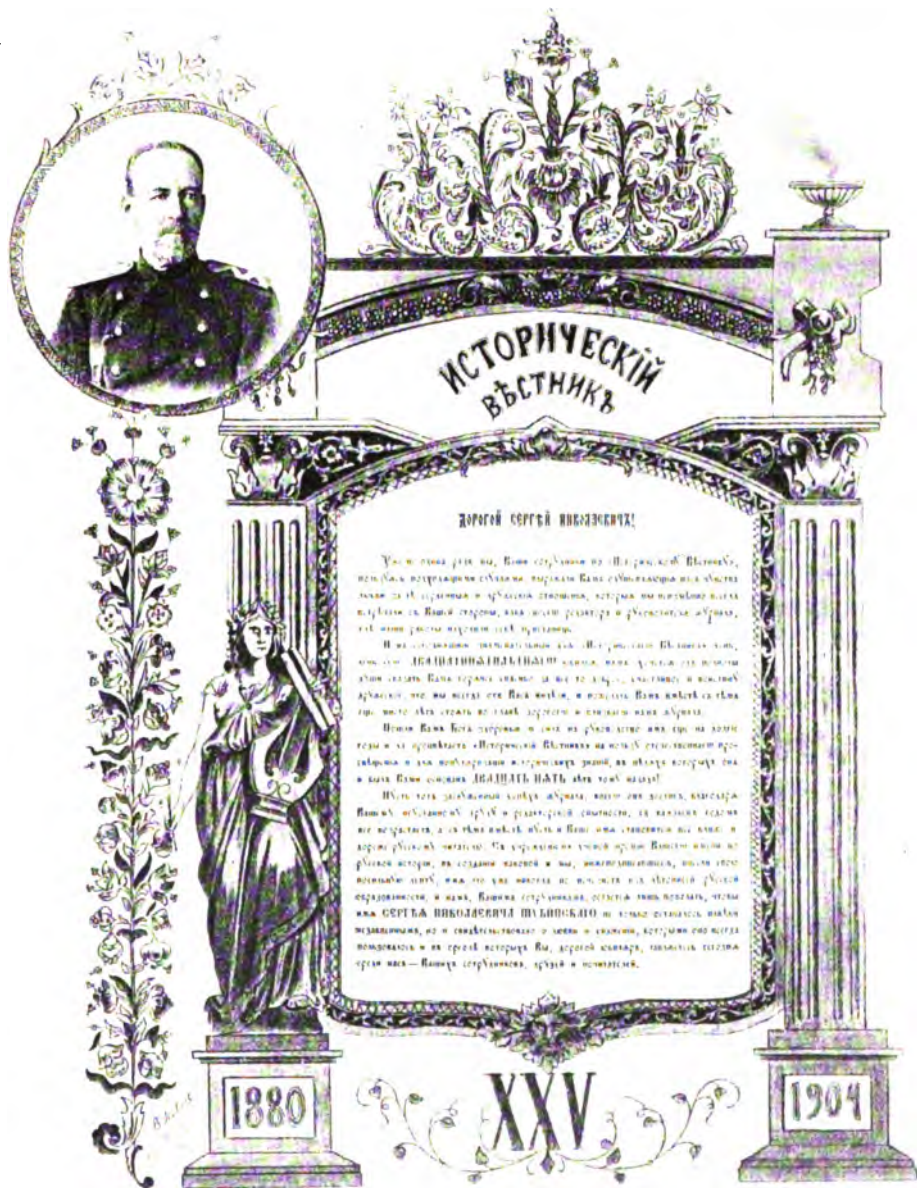

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

1905

АДРЕСЪ, ПОДНЕСЕННЫЙ С. П. ШУБИНСКОМУ
 сотрудниками «Историческаго Вѣстника».

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“ ¹⁾.

О СЛУЧАЮ исполнившагося 1 декабря 1904 г. двадцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника» мы приложили къ декабрьской книжкѣ краткій обзоръ изданія за этотъ періодъ времени. Въ настоящей книжкѣ помѣщаемъ описаніе празднованія юбилея нашего журнала съ приложеніемъ къ этому описанію фотографическаго снимка съ адреса, поднесеннаго редактору его сотрудниками.

Въ день юбилея, 1 декабря, утромъ редакторъ «Историческаго Вѣстника» получилъ отъ издателя, А. С. Суворина, слѣдующее письмо:

«Милый Сергѣй Николаевичъ!

«Мнѣ хочется поблагодарить васъ отъ всего сердца за вашу дружбу, за ваше деликатное и всегда теплое отношеніе ко мнѣ, за ваше участіе словомъ и дѣломъ, участіе прекраснаго человека. Не говорю уже о вашей работѣ по «Историческому Вѣстнику» и моимъ изданіямъ. Я въ васъ встрѣтилъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ болѣе всего идетъ названіе джентльмена, въ истинномъ и вѣрномъ значеніи этого слова.

«Въ моемъ духовномъ завѣщаніи я отказалъ вамъ половину собственности на «Историческій Вѣстникъ». Такъ какъ я еще живъ, то считаю необходимымъ сдѣлать это при жизни моей немедленно.

¹⁾ Согласившись по просьбѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ празднованіи юбилея журнала, на помѣщеніе описанія этого празднованія, редакторъ по вполнѣ повѣстной причинѣ не могъ дать своего согласія на напечатаніе всѣхъ адресованныхъ ему писемъ и телеграммъ, носящихъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ интимный и личный характеръ.

Формальную сторону могъ бы помочь намъ сдѣлать какой либо юристъ, дарственной ли записью, или купчей,—не знаю. А то и сами можемъ сдѣлать на этихъ же дняхъ. Если бы я умеръ, то все равно это сдѣлано въ завѣщаніи. Но авось нѣсколько дней еще проживу.

«Посылаю вамъ жетонъ, какъ воспоминаніе.

«Крѣпко жму вашу руку и обнимаю васъ.

«Вашъ А. Суворинъ».

«1-го декабря, 7 часовъ утра,
«1904.

Утромъ и днемъ С. Н. Шубинскаго посѣтили многія лица, въ томъ числѣ редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» П. А. Кулаковский, директоръ Публичной библиотеки Д. О. Кобеко и другіе, а также депутація отъ «Русскаго Собранія» въ составѣ Н. А. Энгельгардта, Б. В. Никольскаго и В. М. Пуришкевича, поднесшая слѣдующій адресъ:

«Глубокоуважаемый

«Сергій Николаевичъ.

«Въ свѣтлый день двадцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника», созданнаго вашими трудами, Совѣтъ Русскаго Собранія шлетъ вамъ привѣтъ и горячее пожеланіе дальнейшей плодотворной дѣятельности, какъ писателя и журналиста. Съ глубокой признательностью отмѣчая то безпристрастіе, съ которымъ вы давали доступъ статьямъ и представителей русскаго направленія въ литературѣ, Совѣтъ Русскаго Собранія вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ благодаритъ и за то научное освѣщеніе родной старины, которое выразилось, какъ въ журналѣ, вами созданномъ, такъ и въ собственныхъ талантливыхъ изслѣдованіяхъ вашихъ. Примите, маститый писатель, искреннія благопожеланія наши въ знаменательный день юбилея.

«Кн. Дм. Голлицынъ.

«А. К. Золотаревъ.

«Н. Мордвиновъ.

«Николай Энгельгардтъ.

«Владимиръ Пуришкевичъ».

Представитель организаціоннаго Комитета по правдванію юбилея «Историческаго Вѣстника», Б. В. Глинскій, явился также отъ имени Комитета съ личнымъ поздравленіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на банкетъ въ ресторанъ Контана къ 3¹/₂ часамъ дня. Отъ сотрудниковъ журнала Комитетомъ была поднесена супругѣ редактора, Екатерины Николаевны, роскошная корзина живыхъ цвѣтовъ, обитая

палевыми лентами и съ серебряными надписями на концахъ: «Историческій Вѣстникъ»—съ одной стороны, и съ другой $\frac{1880-1904.}{XXV}$

Такая же корзина съ лентами и надписями была поднесена Комитетомъ супругѣ издателя журнала, Аннѣ Ивановнѣ Сувориной.

Въ 4 часа въ большомъ залѣ ресторана Контана состоялся банкетъ, на которомъ присутствовало болѣе 100 человекъ изъ числа сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», представителей нѣкоторыхъ другихъ столичныхъ изданій, друзей, родственниковъ и знакомыхъ редактора.

Появленіе въ ресторанѣ С. Н. Шубинскаго было встрѣчено долго несмолкавшими аплодисментами. За особымъ столомъ въ залѣ заняли мѣста: С. Н. Шубинскій, А. С. Суворинъ, члены организационнаго Комитета ¹⁾: В. Б. Глинскій, В. М. Грибовскій А. П. Фаресовъ,—съ одной стороны стола, а съ другой—дочь редактора, Е. С. Никольская, и лейбт.-медикъ М. М. Шершевскій.

Когда присутствовавшая публика заняла мѣста, В. Б. Глинскій объявилъ отъ имени Комитета банкетъ открытымъ и сообщилъ программу торжества. Затѣмъ В. М. Грибовскій прочелъ рѣчь извѣстнаго историка и постоянного сотрудника «Историческаго Вѣстника» Е. С. Шумигорскаго, не могшаго по болѣзни лично привѣтствовать юбиляра.

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Въ знаменательный день 25-лѣтія основаннаго вами «Историческаго Вѣстника» позвольте мнѣ отъ лица всѣхъ вашихъ сотрудниковъ и почитателей выразить вамъ, какъ его редактору, чувства, объединившія насъ сегодня въ единодушномъ порывѣ воздать должную дань вашей дѣятельности.

«Тяжела вообще доля редактора русскаго журнала, особенно тяжела была она за истекшее 25-лѣтіе для васъ. Исторія вообще, по духу своему, нелицепріятна, и журналъ, посвященный исторіи, не могъ имѣть другой цѣли, какъ исканіе правды и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Въ теоріи передъ правдой всѣ преклоняются; въ дѣйствительности же она глаза колетъ, по народному выраженію, ибо не было и нѣтъ еще установленій человѣческихъ, отвѣчающихъ идеальнымъ требованіямъ правды, не было и нѣтъ еще человека безъ грѣха и слабости. Путь къ правдѣ, поэтому, никогда не бываетъ усыпанъ розами. Сколькихъ трудовъ, сколькихъ силъ и здоровья стоилъ вамъ лично, дорогой Сергѣй Николаевичъ, вашъ убыточный союзъ съ исторической правдой, объ этомъ достоверно знаютъ ваши ближайшіе сотрудники. Въ дни, предшествовавшіе выходу журнала, мы часто видѣли васъ утомленнымъ, возвраща-

¹⁾ Комитетъ былъ составленъ изъ: В. Б. Глинскаго, В. М. Грибовскаго, А. П. Фаресова, Е. С. Шумигорскаго и П. Е. Щеголева.

впимся послѣ тяжелой борьбы изъ цензурнаго комитета, иногда, *horribile dictu*, съ учебникомъ исторіи въ рукахъ; въ пріемные часы бывали свидѣтелями настоячивыхъ, но всегда безуспѣшныхъ попытокъ разныхъ дѣятелей превращать историческую правду или въ памфлетъ, или въ панегирикъ; въ нашемъ редакціонномъ портфельѣ лежигъ не мало цѣнныхъ для исторіи матеріаловъ, которые давно могли бы появиться въ свѣтъ, если бы вы допустили возможность компромиссовъ съ партійными или цензурными соображеніями. Историкъ по духу, по призванію, вы понимали различіе воззрѣній на историческіе факты, но лѣтописная истина сама по себѣ всегда оставалась для васъ дорогимъ дѣтищемъ, которому никто не долженъ былъ наносить ущерба. Это отношеніе ваше къ исторической правдѣ было отношеніемъ къ ней славныхъ именъ Соловьева, Костомарова, Вестружина-Рюмина, которые были вашими сотрудниками по «Древней и Новой Россіи». Но, повторю, не легко редактировать историческій журналъ въ наше время, уважая исторію. Позвольте мнѣ, поэтому, громко сказать вамъ здѣсь, что 25-лѣтнее руководство ваше «Историческимъ Вѣстникомъ» было подвигомъ не только литературнаго работника, но и честнаго человѣка.

«Всѣмъ извѣстенъ успѣхъ, котораго достигъ «Историческій Вѣстникъ» подъ вашей талантливой редакціей. Успѣхъ этотъ свидѣтельствуешь и о другомъ непреложномъ качествѣ вашемъ, какъ редактора-историка: въ прошломъ вы искали элементовъ настоящаго, въ настоящемъ видѣли совокупность работы прошлаго. «Историческій Вѣстникъ» поэтому постоянно отзывался на современные вопросы, или давая «злобѣ дня» историческую подкладку и объясненіе, или отмѣчая нарождающіеся и созрѣвающіе историческіе факторы преимущественно въ ходѣ русской жизни. Эта, если можно такъ выразиться, историческая публицистика помогала читателямъ сознательно уяснить себѣ существенныя стороны современной русской дѣйствительности и въ то же время содѣйствовала популяризаціи историческихъ знаній въ русскомъ обществѣ, вообще говоря, довольно беззаботномъ по части своего прошлаго. Для пробужденія въ обществѣ интереса къ родной исторіи вы не остановились предъ мыслью ввести въ журналъ и беллетристическую форму изложенія, справедливо види въ ней могущественное орудіе популяризаціи. Васъ, какъ живого человѣка, постоянно тянуло въ широкій кругъ читающаго люда: безъ общенія съ нимъ кабинетная, ученая дѣятельность казалась вамъ мертвою, безцвѣтною.

«Мы, ваши сотрудники и почитатели, отъ души желаемъ, чтобы день вашего юбилея былъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ русской исторіи, которой вы служили всю свою жизнь, и чтобы имя Сергія Николаевича Шубинскаго, какъ любимаго и досточтимаго истори-

ка-редактора, было на память потопству навѣки связано съ ростомъ русской исторической науки. Мы собрали для этой цѣли капиталъ въ 3.000 р. для учрежденія премія нашего имени въ одномъ изъ русскихъ ученыхъ учрежденій, по вашему выбору, для увѣнчанія лучшихъ работъ по излюбленному вами XVIII вѣку русской исторіи на условіяхъ, которыя вы признаете лучшими.

«Примите, дорогой Сергѣй Николаевичъ, это приношеніе любящихъ и глубоко уважающихъ васъ людей: вы знаете, что оно дѣлается отъ чистаго сердца».

По прочтеніи рѣчи и врученіи ея юбиляру, депутація, въ составѣ Н. А. Вѣлозерской, С. И. Смирновой (Сазоновой), Д. Л. Мордовцева, П. Я. Дашкова и М. А. Суворина, поднесла С. Н. Шубинскому на кругломъ серебряномъ блюдѣ съ инициалами юбиляра портфель-бумажникъ съ вложенными въ него тремя билетами по 1.000 рублей каждый четырехпроцентной государственной ренты на премію его имени. На бюварѣ выгравирована золотомъ надпись: «Сергѣю Николаевичу Шубинскому отъ друзей, сотрудниковъ и почитателей».

Послѣ того В. В. Глинскій прочелъ отъ имени сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» адресъ, напечатанный на пергаментѣ и украшенный изящною виньеткою работы художника В. П. Павлова. Адресъ былъ вложенъ въ сафьяновый переплетъ кофейнаго цвѣта съ золотымъ тисненіемъ: «Сергѣю Николаевичу Шубинскому отъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» (1880—1904).

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Уже не одинъ разъ мы, ваши сотрудники по «Историческому Вѣстнику», пользуясь подходящими случаями, выражали вамъ одушевленную насъ чувства любви за тѣ сердечныя и дружескія отношенія, которыя мы неизмѣнно всегда встрѣчали съ вашей стороны, какъ своего редактора и руководителя журнала, гдѣ наши работы находили себѣ пристанище. И въ сегодняшний знаменательный для «Историческаго Вѣстника» день, день его двадцатилѣтняго юбилея, намъ хочется отъ полноты души сказать вамъ горячее спасибо за все то доброе, участливое и вѣстину дружеское, что мы всегда отъ васъ видѣли, и пожелать вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще много лѣтъ стоять во главѣ дорогого и близкаго намъ журнала.

«Пошли вамъ Богъ здоровья и силъ на руководство имъ еще на долгіе годы, и да процвѣтаетъ «Историческій Вѣстникъ» на пользу отечественнаго просвѣщенія и для популяризаціи историческихъ знаній, въ цѣляхъ которыхъ онъ и былъ вами основанъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ!

«Пусть тотъ заслуженный успѣхъ журнала, коего онъ достигъ благодаря нашему неустанному труду и редакторской опытности, съ каждымъ годомъ все возрастаетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пусть и

наше имя становится все ближе и дороже русскому читателю. Съ учрежденіемъ ученой преміи вашего имени по русской исторіи, въ созданіи каковой и мы, нижеподписавшіеся, внесли свою посильную лепту, имя это уже никогда не исчезнетъ изъ лѣтописей русской образованности, и намъ, вашимъ сотрудникамъ, остается лишь пожелать, чтобы имя Сергія Николаевича Шубинскаго не только оставалось навѣки незабвеннымъ, но и свидѣтельствовало о любви и уваженіи, которыми оно всегда пользовалось, и въ ореолѣ которыхъ вы, дорогой юбиляръ, являетесь сегодня среди насъ—вашихъ сотрудниковъ, друзей и почитателей».

Подъ адресомъ значится 90 подписей. Отвѣчая за разъ и на привѣтствіе Е. С. Шумигорскаго при поднесеніи преміи и на адресъ сотрудниковъ, С. Н. Шубинскій сказалъ:

«Глубоко тронуть и сердечно благодарю за теплыя и дружескія чувства, выраженныя въ адресѣ, а также за капиталъ, собранный на учрежденіе преміи моего имени. Но я не могу считать настоящей юбилей исключительно моимъ личнымъ юбилеемъ. Безъ А. С. Суворина не существовалъ бы «Историческій Вѣстникъ», а безъ дружной работы сотрудниковъ онъ не имѣлъ бы того успѣха, который имѣетъ. Такимъ образомъ, сегодняшній юбилей есть вмѣстѣ съ тѣмъ юбилей издателя и всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ сотрудниковъ.

«Приношу искреннюю благодарность всѣмъ, здѣсь собравшимся, за честь и дружеское, мнѣ оказанное. Въ особенности благодарю А. С. Суворина. Давъ всѣ средства на изданіе «Историческаго Вѣстника», онъ въ теченіе 25 лѣтъ никогда ни въ чемъ не стѣснялъ меня ни нравственно, ни матеріально, и неизмѣнно оказывалъ самое дружеское расположеніе и довѣріе. Сегодня утромъ я получилъ отъ него привѣтственное письмо, въ которомъ А. С. Суворинъ подарилъ мнѣ половинную долю издательскаго права на «Историческій Вѣстникъ».

«Благодарю гг. членовъ Комитета по организаціи настоящаго юбилея за ихъ хлопоты и заботы.

«Благодарю П. Я. Дашкова, который съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника» предоставилъ въ мое распоряженіе свое богатое собраніе портретовъ, гравюръ и автографовъ; благодаря ему, я могъ воспроизвести въ журналѣ такъ много рѣдкихъ портретовъ, иллюстрацій и автографовъ.

«Благодарю М. М. Шершевскаго; если я на 70 году моего возраста и при крайне болѣзненномъ состояніи присутствую здѣсь въ этотъ столь пріятный для меня день, то этимъ я много обязанъ его дружескимъ и безкорыстнымъ заботамъ о моемъ здоровьи.

«Ссылаясь на М. М. Шершевскаго, который можетъ засвидѣтельствовать, насколько я еще слабъ послѣ недавно перенесенной мною тяжелой болѣзни, я прошу присутствующихъ великодушно изви-

нить меня, что покину собраніе раньше, нежели того желалъ. Прошу вѣрить, что я сохранию о сегодняшнемъ днѣ самую отрадную воспоминанія, которыя послужатъ мнѣ утѣшеніемъ въ недолгіе дни, остающіеся мнѣ для работы на пользу всѣми нами любимаго дѣла.

«Еще разъ благодарю и отъ души желаю всѣмъ благополучія».

Издателъ «Историческаго Вѣстника», А. С. Суворинъ, обратясь къ юбиляру, произнесъ теплую рѣчь, гдѣ, упомянувъ о своихъ личныхъ дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ къ Сергѣю Николаевичу, отмѣтилъ ту прекрасную его редакторскую литературную работу, благодаря которой «Историческій Вѣстникъ» достигъ хорошаго успѣха у публики. Между прочимъ онъ подчеркнулъ и то обстоятельство, что юбиляръ представляетъ собою, быть можетъ, феноменъ въ русской распущенной халатной жизни: во всю свою жизнь онъ не оставилъ безъ отвѣта ни одного письма, ему адресованнаго. Онъ развилъ историческую беллетристику, для чего давалъ авторамъ рукописный и печатный матеріалъ и указывалъ на драматическія положенія, крупныя, оригинальныя характеры и бытовыя стороны. Для этого надо быть не только чрезвычайно начитаннымъ человѣкомъ, но и обладать несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ и эстетическимъ вкусомъ. Сергѣй Николаевичъ сумѣлъ соединить въ своемъ журналѣ несоединимое, то-есть людей разныхъ воззрѣній, зная, что исторія не будетъ исторіей, если она представляема съ одной какой нибудь стороны. Рядомъ съ блестящими именами исторической науки въ «Историческомъ Вѣстникѣ» постоянно выступали молодые изслѣдователи, которымъ редакторъ умѣлъ выбрать работу и заинтересовать въ ней. Въ своихъ редакторскихъ и житейскихъ отношеніяхъ Сергѣй Николаевичъ представляетъ собою джентельмена въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Депутація отъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, гдѣ началъ свою военную службу С. П. Шубинскій, въ составѣ полковника Короткаго, капитановъ Попова и Судравскаго и Сабо поднесла адресъ въ красивой виньеткѣ работы г. Сабо и въ изящномъ кожаномъ переплетѣ:

«Глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Лейбъ-гренадеры, храня память о васъ, какъ о дорогомъ товарищѣ и сослуживцѣ, шлютъ вамъ нынѣ свой самый искренній и самый сердечный привѣтъ. Шлютъ его, не только какъ однополчанину, но и какъ человѣку, трудъ котораго давно уже и вполне оцѣненъ всей мыслящей Россіей. Вѣрятъ они, что ихъ простое теплое и душевное слово глубоко тронетъ ваше сердце и напомнитъ вамъ о былыхъ дняхъ славной полковой жизни. И пусть эти воспоминанія, воспоминанія золотой юности, вольются въ душу

вашу, утомленную долгимъ и упорнымъ трудомъ, новый потокъ прежней силы и бодрости. Храни же васъ Господь многіе и многіе годы на пользу и во славу дорогой нѣсмь намъ родины. Гордимся вашей гордостью. Вѣрьте же, дорогой Сергѣй Николаевичъ, нашей искренности такъ же безгранично, какъ безгранично и свято вѣрили и вѣрите вы въ старыя и непоколебимыя традиціи родного вамъ полка. Глубокоуважающіе васъ однополчане

«Лейбъ-гренадеры».

Вслѣдъ за депутаціей лейбъ-гренадеръ юбиляру принесли привѣтствія: Я. Н. Колубовскій и К. С. Баранцевичъ отъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, въ которой С. Н. Шубинскій въ первое трехлѣтіе былъ членомъ правленія. Въ своей рѣчи Я. Н. Колубовскій отмѣтилъ, что участіе Сергѣя Николаевича въ составѣ правленія на зарѣ жизни кассы было для нея чрезвычайно важно и полезно. Онъ своимъ авторитетомъ поддержалъ молодое, еще неокрѣпшее дѣло, не смущаясь тѣмъ недоброжелательствомъ и злословіемъ, которыми тогда окружали кассу. В. М. Грибовскій привѣтствовалъ юбиляра отъ имени Археологическаго общества, а В. О. Бодяновскій—отъ Библиологическаго. Въ своей рѣчи В. О. Бодяновскій, между прочимъ, отмѣтилъ то теплое отношеніе, которое редакторъ «Историческаго Вѣстника» неизмѣнно проявлялъ въ отношеніи молодыхъ, начинающихъ писателей, предоставляя имъ соотвѣтствующую ихъ способностямъ и силамъ работу. На этой работѣ, преимущественно критико-библиографическаго характера, воспиталось немало представителей нынѣшняго литературнаго поколѣнія, изъ коихъ многіе составляютъ въ настоящее время ядро и Библиологическаго общества.

Отъ кассы сотрудниковъ «Новаго Времени», гдѣ С. Н. Шубинскій состоитъ предсѣдателемъ, принесъ поздравленіе Н. И. Аенасевъ; отъ сотрудниковъ «Новаго Времени» его поздравилъ М. А. Суворинъ, отъ «Петербургской Газеты» С. Н. Худековъ, также сотрудничавшій и въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Послѣ депутаціи слово было предоставлено Б. В. Никольскому, произнесшему поздравительную рѣчь отъ лица читателей:

«Позвольте мнѣ, дорогой Сергѣй Николаевичъ, сказать нѣсколько словъ отъ лица читателей, которые пока еще лишь безмолвно присутствуютъ на вашемъ юбилей. При томъ прошу васъ, какъ и надлежитъ редактору, сидя выслушать мой «голосъ изъ публики»: обыкновенно этотъ голосъ доходитъ къ вамъ только письменно, когда вы сидите за своимъ редакторскимъ столомъ. Для большей же послѣдовательности позвольте и мнѣ говорить изъ среды присутствующихъ читателей и почитателей вашихъ, не выходя впередъ по примѣру предшествующихъ депутацій и ораторовъ: пусть я буду казаться ихъ общимъ, единодушнымъ голосомъ. И хоти

полномочіи отъ читателей «Историческаго Вѣстника» и не имѣю, но думаю, и надѣюсь, что они поддержать меня и одобрятъ сказанное мною, какъ читателемъ нашего журнала, которымъ я былъ задолго до того, какъ сталъ его сотрудникомъ и лично близкимъ вамъ человекомъ.

«И это, какъ мнѣ думается, было не со мною однимъ. Изъ Вашихъ читателей выходятъ ваши сотрудники; а что изъ вашихъ сотрудниковъ неизбѣжно выходятъ искренно васъ любящіе и уважающіе люди,—это пусть докажетъ вамъ ваше сегодняшнее торжество.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы, какъ редакторъ, несете наиболѣе отвѣтственный, а вмѣстѣ наименѣе замѣтный для читателя трудъ. Читателю и не легко разглядѣть редактора изъ-за сотрудниковъ и журнала. Только инстинктъ иной разъ подскажетъ ему, что не самъ собою собирается и составляется журналъ, который онъ такъ любитъ и такъ увѣренно предпочитаетъ десяткамъ другихъ журналовъ. Невидимый редакторъ,—и притомъ онъ одинъ,—создастъ журналу эту любовь и вѣрность читателей. И какъ много труда, усилій и заботъ лежитъ на этомъ невидимомъ редакторѣ! Истиннѣ, читатель только тогда любитъ журналъ, когда журналъ этотъ любимъ своимъ редакторомъ.

«Въ этомъ смыслѣ справедлива и заслужена любовь читателей къ «Историческому Вѣстнику». Вы умѣете всегда подобрать разнообразный и живой матеріалъ, всегда угадать потребности и запросы читателей, всегда отозваться на всѣ значительныя событія русской жизни, дать слово и мѣсто всѣмъ направленіямъ общественной мысли, никого не стѣсняя и не насилуя, никого не подгоняя подъ готовую мѣрку предвзятыхъ мнѣній. По сущей совѣсти говорю, что съ этой точки зрѣнія ни одному редактору я не вручаю моихъ работъ съ такимъ искреннимъ довѣріемъ, какъ вамъ; я знаю, что то же подтвердятъ всѣ ваши сотрудники. Вотъ отчего можно смѣло утверждать, что «Историческій Вѣстникъ» вами созданъ, вами несравненно болѣе, чѣмъ ими. По собственному опыту знаю, до какой степени интересы журнала всегда для васъ выше всякихъ другихъ, личныхъ или общихъ, соображеній. Если лучшій другъ, самый близкій человекъ предложитъ вамъ неподходящую для журнала статью,—никогда вы ее не примете: это всѣ мы знаемъ и всѣ подтвердимъ. Наоборотъ, пускай нашелся бы у васъ злѣйшій врагъ и прислалъ Вамъ статью,—всѣ подтвердятъ мою увѣренность, что вы бы ее напечатали съ полною готовностью, когда бы нашли, что для журнала она полезна и нужна. Въ свой редакторскій трудъ вы вложили столько самоотверженія и безпристрастія, столько ума, такта и изобрѣтательности, такъ отразили въ немъ ваше личное своеобразіе, что «Историческій Вѣстникъ» живетъ только вашимъ редактированіемъ: никто, кромѣ Васъ, не смогъ бы ни создать, ни

даже вести, продолжать такой журналъ. Помимо своего редактора «Историческій Вѣстникъ» и невозможенъ, и немислимъ.

«Вотъ почему, я увѣренъ, всѣ ваши читатели присоединятся ко мнѣ, когда я выскажу горячее пожеланіе, чтобы долго, безсмысленно и неутомимо продолжалась ваша редакторская дѣятельность, чтобы новыя силы, не скудѣя, примыкали къ «Историческому Вѣстнику», проходя школу руководимаго вами сотрудничества, и чтобы не слабѣла, какъ вы говорили, ссылаясь на годы и здоровье, ваша плодотворная работа. «Историческій Вѣстникъ» задуманъ и созданъ вами такимъ своеобразнымъ и самобытнымъ журналомъ, что безсмертіе въ исторіи нашей литературы и журналистики за нимъ обезпечено съ незыблемою прочностью; но тѣмъ болѣе въ-рнимъ, надѣмся и желаемъ мы, его вѣрные и неизмѣнные читатели, что нашъ кругъ будетъ постоянно расти и множиться, что еще много и много лѣтъ мы будемъ чувствовать въ каждой его книжкѣ присутствіе того невидимки-редактора, чье искусство и чей замыселъ заставили насъ такъ же крѣпко полюбить «Историческій Вѣстникъ», какъ его сотрудники любятъ и почитаютъ своего дорогого, стараго редактора».

Послѣ г. Никольскаго, рѣчь котораго, произнесенная горячо и красиво, была покрыта всеобщими долго несомкавшими аплодисментами, прочелъ стихотвореніе Л. Г. Ждановъ, посвященное юбиляру.

ВЫЛОЕ ГРЯДУЩЕЕ

На нивѣ жизненной шумить, какъ сѣпый колось.
 Все человѣчеству, съ невзгодами въ бою;
 Сливая стоны мукъ, негодованья голось --
 Въ одну невятную гармонию свою:
 «На польности людской—тяжелыя вериги.
 «И мысль—угнетена, и грудь—болитъ отъ ранъ...
 «Владѣють на землѣ—обманщикъ и тиранъ.
 «Мечи, мечи пужны, — не хартии, не книги!»
 Вытъ плѣни боевой заветныя наглы.
 Ей отелскаются, сѣпнать ряды борцовъ.
 Идутъ и старики, и юноши, и дѣвы...
 Изъ хижинъ тянутся, уходятъ изъ дворцовъ.
 И — гибнуть безъ конца, ложасть живымъ посѣвомъ
 На нивы Божіи,—Грядущему въ урокъ,—
 Какъ молніей, — святымъ презрѣніемъ и гнѣвомъ
 Клеймя бездушіе, и пошлость, и порокъ.
 А рядомъ — человѣкъ, какъ будто безучастный
 Исъ людскимъ волненіямъ, къ тяжелой злобѣ дня, —
 Сидитъ надъ книгами. На видъ—спокойный, ясный,—
 Не отдаетъ борьбѣ душевнаго огня.
 Онъ — утонулъ въ Быломъ. Его далеко думы.
 Кругомъ бурлитъ толща... Страданія и борьба...
 Вопросы спутались... Скрестились клкии, шумъ...
 Загадочъ грозный рядъ надынула судьба.
 Но некогда рѣшать суровыя загадки.

Удары наносить, удары принимать
 Торопитесь бойцы да смѣло, безъ оглядки—
 Пытаются покровъ съ Грядущаго сорвать.
 Зовутъ Грядущее! Напрасныя успѣла.
 Бойцамъ—его не знать, не видѣть никогда.
 Неарно распластавъ невидимыя крылья,—
 Уносите оно—невѣдомо куда...
 И падаютъ безъ слезъ, склоняются безъ стопа—
 И гибнуть храбрецы... Ихъ блѣдныя уста
 Лепечутъ жалобно: «Какъ жизнь была зуста!
 Какъ глупо сгублена, безъ правды, безъ закона!»
 Въ тяжелой смерти мигъ имъ чуждо утѣшенье.
 Ихъ вѣра не бодритъ... Грядущее—темно.
 Изъ Вѣчности—глядитъ одно уничтоженье,
 Какъ ночь морозная въ тюремное окно!

А онъ?... Историкъ?... Онъ какъ будто и не знаетъ,
 Не видитъ: что вокругъ творится и кипитъ?!
 Былому—чутко такъ и трепетно внимаетъ,
 Надъ пыльной хартией задумчиво корпитъ.
 И, вдругъ, свершается таинственное чудо.
 Онъ слышитъ голоса... Пророческій отвѣтъ!..
 Невѣдомый уму,—невѣдомо откуда,—
 На все житейское нисходитъ ясный свѣтъ.
 И видно робкому, напуганному глазу,
 Что жизнь текущая—лишь призраковъ полна.
 Исчезнетъ краткій мигъ—и безъ возврата, сразу
 Кипучая борьба закончиться должна...
 Исчезнетъ безъ слѣда, какъ грезы дѣтской сказки,
 Какъ чары лживыя мучительнаго сна.
 Могила темная—названье той развязки,
 Какою наша жизнь окончиться должна.
 Но съ ней не кончено пророческое чудо.
 Могила—не беретъ навѣки никого.
 Грядущее само, невѣдомо откуда,—
 Очамъ является! Что было ужъ мертво—
 Все воскресаетъ вновь! Но лучше и свѣтлѣе...
 Опять кипитъ борьба... Но кровь ужъ не видна...
 И голоса борцовъ звучать дружелюбны, смѣлѣе...
 А даль?... Она советамъ прозрачна и ясна!

Тогда, откинувъ прочь и хартии, и книги,
 Историкъ говоритъ: «Послушайте меня!
 «На челоуѣчествѣ проклятыя вериги,
 «Раздоры и вражда—вопросъ минуты, дня.
 «Безумная вражда отъ вѣка исколотала,
 «И произволъ царилъ, и ликовало зло.
 «Звенѣла сталь мечей... Сталь топоровъ блистала.
 «Бойцовъ за Истину немало полегло!
 «Все, что кругомъ кипитъ и стонетъ,—все не ново.
 «Нѣтъ жертвамъ пришлого названья и конца!
 «Не дрогнулъ міръ раснять Того, кто жизни слово
 «Вложилъ въ жестокия, отжившія сердца!..
 «Въ Быломъ такъ много зла! Такъ густо жаркой кровью
 «Вся залитъ земли, что настоящій мигъ—
 «Забава дѣтская!

Все кончится—Любовью!

«Я вѣрю... И душой Грядущее постигъ!
 «Друзья, чѣмъ ночь темнѣй,— тѣмъ ближе день къ рожденью,
 «Лучъ солнца на зарѣ прорѣжетъ злую тьму!
 «Чѣмъ произволъ сильнѣй,— тѣмъ ближе онъ къ паденью.
 «Такъ опытъ говоритъ пылливому уму.
 «Пуускай царюетъ Зло и ширятся пороки...
 «Пусть задыхается друзей Свободы рать,—
 «Исторія въ Быломъ—могучіе уроки
 «Въ примѣръ Грядущему идетъ! Провижу я во мглѣ
 «Свободы и Любви и Братства воцаренье!»
 Такъ говоритъ толпѣ историкъ безучастный.
 Ея бодрости придаетъ спокойный звукъ рѣчи.
 Всѣ съ новой силою стремятся въ бой опасный,
 Сжимая рукоять зазубренныхъ мечей!

И тотъ, кто міру чуждъ казался и не нуженъ,
 Во тьму житейскую вливаетъ яркій свѣтъ...

Зато, какъ искреннѣ, какъ неподдѣльно друженъ,
 Отъ жизненныхъ бойцовъ историкъ привѣтъ!...

Послѣ стихотворенія г. Жданова былъ объявленъ на 15 минутъ перерывъ, во время котораго всѣмъ присутствовавшимъ было сервировано шампанское, а дамамъ, кромѣ того, букеты живыхъ цвѣтовъ. По возобновленіи засѣданія, были провозглашены тосты: за юбиляра-редактора «Историческаго Вѣстника», за юбиляра-издателя, давшего возможность редактору поставить журналъ на высокую литературную степень и предоставить широкому кругу литераторовъ и ученыхъ обезпеченный и хорошій заработокъ, за процвѣтаніе на долгіе годы «Историческаго Вѣстника» и за здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ сотрудниковъ; затѣмъ былъ поднятъ бокалъ за невѣдомыхъ читателямъ ближайшихъ сотрудницъ редактора и издателя — ихъ женъ, отсутствовавшихъ на банкетѣ по болѣзни, Е. Н. Шубинскую и А. И. Суворину.

Вслѣдъ за тостами комитетъ приступилъ къ докладу собранію и юбиляру поступившихъ на имя послѣдняго письменныхъ привѣтствій-стихотвореній, писемъ и телеграммъ. Первымъ было прочтено стихотвореніе В. А. Крылова, не могшаго по болѣзни лично пріѣхать изъ Москвы.

СЕРГЬЮ НИКОЛАЕВИЧУ ШУБИНСКОМУ.

1-го декабря 1904 г.

Какъ думный дякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
 Въ трудѣ упорномъ, рукъ не покладая,
 Вы принялись вести рукой умѣлой
 Живую лѣтопись родного края.
 Удѣлъ счастливый выпалъ вамъ на долю:
 Отмѣтить правду русскому народу,
 О томъ, какъ зналъ онъ волю и неволю,
 Какъ испыталъ и радости, и невзгоду.

Чѣмъ болѣе безстрастны вы и строги,
 Тѣмъ лучше, тѣмъ полезнѣй ваше слово,
 Оно подводитъ всякіе итоги
 Людскимъ дѣляньямъ времени былого;
 Оно примѣромъ доблестей минувшихъ
 У малодушнаго родитъ отвагу,
 Бьетъ равнодушье временно уснувшихъ,
 Зоветъ сыновъ отечества ко благу;
 Оно даетъ величіе и цѣну
 Борьбѣ за честь, гдѣ братъ стоитъ за брата,
 Оно клеймитъ предательство, вѣмѣну,
 Любостыжателей, рабовъ разврата.
 Пускай же зданье, начатое вами,
 Цвѣтетъ и крѣпнетъ на своихъ устояхъ,
 Пускай гремитъ въ немъ долгими годами
 Разказъ о нашей славѣ и герояхъ;
 Но тоже пусть въ немъ крики порицаній
 Изобличаютъ каждаго злодѣя,
 Кто грабитъ, губитъ, вноситъ рядъ страданій,
 Объ участи отчизны не радѣя.
 Да не забудетъ идола вѣроломства,
 Что, каисъ свой грѣхъ среди льстецовъ не кроешъ,
 Правдивъ и грозенъ будетъ судъ потомства—
 И что его проклятія не смоешь.

Вторымъ было прочитано стихотвореніе автора, скрывшагося
 подъ инициалами С. В.

1-го декабря 1904 г.

«Историческому Вѣстнику»
 Снѣга, правды и добра
 И впередъ быть провозвѣстникомъ
 Въ день начальный декабря.
 Отъ меня благожеланіе,
 А его руководителю,
 Столь же искренній привѣтъ,
 Съ задушевнымъ пожеланіемъ—
 Продолжать свое изданіе
 Еще много, много лѣтъ!...

Третьимъ—стихотворное письмо М. В. Шевлякова:

Многоуважаемый

Сергѣй Николаевичъ!

Сегодняшній вагъ юбилей
 Мнѣ всякихъ праздничковъ милѣй,
 И я ужасно сожалею,
 Что на него мнѣ не попастьъ.
 Меня преслѣдуетъ напасть:
 Чуть только я мечту валелю—
 Судьба ее разрушить въ мигъ.
 Своей судьбы я не постигъ,

Что надо ей—не понимаю,
 Но все-жъ себя ей подчиню...
 Вотъ и сегодня и мечтаю
 Попасть на праздникъ юбилейный,
 Въ редакціонный кругъ семейный,
 И ужъ заранѣ предвкушалъ
 На «историческомъ» банкетѣ
 Провести пріятно часъ—другой,
 Но что есть вѣрнаго на свѣтѣ?
 Сегодня я лежу больной...
 Что-жъ?—Поздравляю васъ заочно
 И вмѣстѣ—близкихъ вашихъ всѣхъ!
 Здоровье-бъ ваме было прочно,
 Какъ прочень «Вѣстника» успѣхъ!
 Ишь нынче волей рока злого
 Не привелось попировать,
 Придется, значить, подождать
 Мнѣ юбилея золотого.

Присутствовавшій на банкетѣ поэтъ Ф. В. Вишневскій (Черниговецъ) тутъ же вручилъ юбиляру набросанный имъ шутливый экспромтъ:

Закончивъ житія седьмой десятокъ,
 Ты полнъ еще духовныхъ силъ,
 И свѣжъ еще твой умственный достатокъ!
 Какъ жаль, что ты лишь дней своихъ остатки
 Служенью Кію посвятилъ.

Изъ обширнаго числа писемъ, поступившихъ ко дню юбилея на имя С. Н. Шубинскаго, Комитетъ, съ согласія юбиляра, сообщилъ только нѣкоторыя — одни въ выдержкахъ, другія въ краткомъ изложеніи и только весьма немногія могли быть прочитаны полностью. Въ настоящемъ обзорѣннн нѣтъ даже и возможности привести всѣ письма цѣликомъ: съ одной стороны на это не имѣется согласія приславшихъ эти письма, съ другой — во многихъ, какъ уже сказано въ началѣ обзорѣннн, слышатся слишкомъ личные мотивы ¹⁾.

Отъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ:

«Милостивый государь

«Сергѣи Николаевичъ!

«Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ считаетъ своимъ долгомъ присоединить и свое привѣтствіе къ числу тѣхъ, кои принесены были вамъ

¹⁾ Въ интересахъ полноты обзора сюда же включаются и здѣсь же упоминаются также письма и телеграммы, не успѣвшія прибыть къ 1-му декабря, но полученные С. Н. Шубинскимъ въ послѣдующіе дни.

1-го сего декабря по поводу исполнившагося 25-ти-лѣтія редактированія вами журнала «Историческій Вѣстникъ». Оно искренно желаетъ возстановленія вашихъ силъ, дабы вы еще много лѣтъ продолжали свои занятія, которыя доселѣ вели съ такою энергіей и любовью.

«Предсѣдатель Василій Ключевскій.
«Секретарь Ельпидифоръ Барсовъ».

Отъ предсѣдателя Тамбовской губернской ученой архивной коммисіи.

«Ваше превосходительство

«Глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Отъ имени всеи Тамбовской ученой архивной коммисіи имѣю честь принести вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ научной дѣятельности вашего превосходительства и выразить наше сердечнѣйшее пожеланіе, чтобы Господь Богъ даровалъ вамъ еще долгіе и многіе годы на пользу родной исторической науки.

«Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи покорнѣйшаго слуги вашего превосходительства.

«А. Нарцевъ».

Отъ симбирскаго губернскаго предводителя дворянства.

«Глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

«Отъ имени Симбирской ученой архивной коммисіи и отъ себя лично приношу вамъ искренній привѣтъ по поводу исполнившагося 25-лѣтія редактируемаго вами «Историческаго Вѣстника». Даѣтъ Богъ вамъ многіе годы еще стоять во главѣ этого прекраснаго изданія.

«Съ чувствомъ глубокаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть готовый къ услугамъ.

«В. Поливановъ».

Письмо писательницы Н. Н. Мердеръ:

«Дорогой, глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Сегодня множество людей благодарятъ васъ за минуты духовнаго наслажденія, которыми вы ихъ дарили двадцать пять лѣтъ, какъ редакторъ журнала, посвященнаго изученію нашей родины, но намъ, тѣсной семьѣ вашихъ сотрудниковъ, имѣющихъ великое

счастіе знать васъ, какъ человѣка, извѣстна еще и другая сторона вашей дѣятельности, и намъ особенно пріятно сказать вамъ наше сердечное спасибо за чисто христіанское къ намъ отношеніе, за вашу снисходительность къ нашимъ недостаткамъ, за вашу прозорливость въ отгадываніи того, на что каждый изъ насъ способенъ, и за умѣніе заставлятъ насъ находить это въ себѣ и выражать по мѣрѣ силъ и возможности, за добрые совѣты, за отзывчивость къ нашимъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, за уваженіе убѣжденій каждаго изъ насъ, за отсутствіе всякаго насилія на нашу мысль, чувство и совѣсть. И счастлива засвидѣтельствовать, что только у васъ могла писатъ все, что думаю, чувствую, знаю, и въ чемъ убѣждена, мнѣ отрадно сознавать, что я исключительно вамъ обязана великимъ счастьемъ работать съ полнымъ довѣріемъ къ вашему безпристрастію и тонкому вкусу, къ вашей любви къ правдѣ и къ ясному пониманію того, что полезно Россіи. Выразить вамъ это мнѣ тѣмъ болѣе отрадно, что всѣ мы, ваши соотрудники, чувствуемъ то, что я чувствую, и единодушно желаемъ вамъ силъ и здоровья продолжать вашъ плодотворный трудъ, всѣмъ намъ вы дороги, всѣ мы васъ сердечно любимъ, какъ друга и учителя».

Постоянный сотрудникъ журнала, обозрѣватель иностранной жизни, В. А. Тимирязевъ, прислалъ въ дополненіе къ личному письму на имя Сергія Николаевича и рѣчь свою, которую, если бы здоровье позволило ему прибыть на праздникъ, онъ лично собирался произнести.

Вспоминая въ началѣ своей рѣчи о первомъ знакомствѣ съ юбиляромъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда редакторъ «Историческаго Вѣстника» былъ еще молодымъ офицеромъ, а авторъ письма юнымъ студентомъ, г. Тимирязевъ замѣтилъ, что въ послѣднее десятилѣтіе они встрѣгилсь снова на жизненномъ пути, чтобы уже больше не разставаться. «Съ момента послѣдней встрѣчи, бывшій студентъ скромно занимался въ «Истор. Вѣстн.» составленіемъ обзоровъ, критическими отзывами, историческими копилациями и переводами. Достойный же во всѣхъ отношеніяхъ редакторъ посвящалъ все свое время на тяжелый, неблагодарный трудъ редактированія: заказывалъ и просматривалъ статьи, читалъ корректуры, объяснялся съ литераторами, часто выносилъ непріятности отъ своихъ сотрудниковъ, пристававшихъ къ нему съ авансами и заставлявшихъ его просиживать ночи надъ неразборчиво написанными рукописями, исправлялъ труды молодыхъ писателей и т. д., и т. д. Но во все это было ничто въ сравненіи съ тѣми горькими и трудными минутами, которыя ему приходилось переживать; однако эти минуты были не всегда печальны: подъ влияніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ онъ иногда смеялся. Такъ, младенческіе годы «Историческаго Вѣстника» совпали съ краткой эпохой «диктатуры сердца», которая, какъ всякая диктатура, не привела ни къ чему хорошему

и благотворному. Въ настоящіе дни двадцатипятилѣтняго расцвѣта «Историческаго Вѣстника» всюду говорятъ о «политикѣ довѣрія», и если она осуществится на дѣлѣ, то дѣйствительно настанетъ давно желанное время равенства всѣхъ сословій, братство всѣхъ національностей и свобода всѣхъ классовъ русскаго народа. Въмѣстѣ съ этимъ, конечно, наступятъ лучезарные дни русской печати, преданнымъ представителемъ которой служить «Историческій Вѣстникъ» и его глубокоуважаемый всѣми редакторъ Сергій Николаевичъ. Радостно смотря въ эту свѣтлую даль, мы вмѣстѣ съ поэтомъ воскликнемъ:

«А даль-то, даль, какъ хороша!»

В. Г. Авсеенко, выразивъ сожалѣніе, что болѣзнь мѣшаетъ ему присутствовать на банкетѣ, говоритъ: «Позвольте письменно сказать вамъ свой сердечный привѣтъ по поводу вашего почетнаго заслуженнаго юбилея и отъ всей души пожелать «многая лѣта» вамъ и вашему прекрасному журналу».

А. В. Амфитеатовъ, пожалѣвъ, что онъ поздно узналъ о юбилейѣ, пишетъ: «Спѣшу поздравить васъ, отъ души желая вамъ многихъ лѣтъ здоровья и энергіи въ привычной полезной дѣятельности. Оторвавшись отъ Петербурга, повидимому, окончательно, я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю васъ, какъ хорошаго редактора, хорошаго писателя, хорошаго человѣка».

В. П. Батуринскій, вспоминая въ началѣ письма, какъ много онъ обязанъ «Историческому Вѣстнику» въ печальные дни своего давняго одиночнаго заключенія въ одной изъ провинціальныхъ тюремъ, въ заключеніе пишетъ: «Когда много лѣтъ спустя, я послалъ мои работы въ «Историческій Вѣстникъ», вы отнеслись къ нимъ снисходительно и дали имъ мѣсто на страницахъ редактируемаго вами журнала. Вопреки высокоумному отношенію большинства русскихъ редакторовъ, вы всегда съ изумительной аккуратностью лично отвѣчали на письма и запросы, никогда не забывая за сотрудникомъ человѣка. Однажды я обратился къ вамъ съ просьбою объ указаніяхъ историческаго характера, которыя были нужны мнѣ для одной работы, и помню, какъ я былъ тронутъ, получивъ отъ васъ цѣлую страницу этихъ указаній, написанныхъ вашими мелкимъ, бисернымъ почеркомъ. Примите же, глубокоуважаемый Сергій Николаевичъ, въ день вашего юбилея, вмѣстѣ съ пожеланіемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности на многіе и многіе годы, выраженіе моей глубокой благодарности за наше доброе сердечное отношеніе къ скромному литературному работнику».

Письмо г. Батуринскаго получено изъ Лондона, а изъ Вашингтона Е. П. Матросовъ прислалъ на имя участникомъ банкета слѣдующее посланіе:

«Милостивые государди!»

«Изъ этой далекой страны, съ иного конца земли, изъ западнаго полушарія, изъ-за необъятнаго океана, позвольте и мнѣ принести горячее привѣтствіе и восторженныя пожеланія высокоуважаемому Сергѣю Николаевичу.

«Не столько въ качествѣ одиннадцатилѣтняго сотрудника достоуважаемаго журнала, не столько въ роли маленькаго русскаго писателя, имя котораго менѣе извѣстно въ его отечествѣ, нежели въ этой далекой странѣ, его пріютившей, не столько отъ единичнаго широкаго русскаго сердца, сколько въ качествѣ признаннаго представителя той вѣтви великаго русскаго народа, который за необъятнымъ океаномъ ищетъ болѣе правды и лучшей доли, сколько въ роли американскаго писателя на малорусскомъ и въ особенности на англійскомъ языкахъ, сколько отъ широчайшаго и горячаго сердца Заокеанской Руси — приношу я это горячее привѣтствіе, эти восторженныя пожеланія тому изъ славянскихъ редакторовъ, который высоко несъ знамя русской исторической науки и держалъ на почетномъ отдаленіи отъ академическаго сухожеванія и переливанія изъ пустого въ порожнее, первый замѣтилъ Американскую Русь, первый понялъ ея современное положеніе, первый оцѣнилъ ея будущую и отчасти уже наступившую роль въ историческихъ судьбахъ великаго русскаго народа.

«Американская Русь горячо привѣтствуетъ высокоуважаемаго Сергѣя Николаевича и незримо присутствуетъ при вашемъ знаменательномъ торжествѣ, незримо возсѣдаетъ за вашимъ банкетнымъ столомъ».

Изъ гор. Задонска въ длинномъ письмѣ на имя Сергѣя Николаевича С. В. Арсеньевъ такъ опредѣляетъ направленіе «Историческаго Вѣстника» и его общественно-научное значеніе. «Душою всякаго журнала признается его направленіе, — говоритъ г. Арсеньевъ. — Какъ же заявилъ себя съ этой стороны «Историческій Вѣстникъ»? Одинъ изъ классическихъ писателей, кажется, Цицеронъ, говоря объ исторіи, употребляетъ эпитеты: *pura et illustris*. По моему мнѣнію, этими словами лучше всего можно выразить отличительныя особенности «Историческаго Вѣстника». Этотъ журналъ все время характеризовалъ себя отсутствіемъ какого либо крайняго, рѣзко выраженнаго и односторонняго направленія, всегда избѣгалъ умышленнаго подбора матеріаловъ и тенденціознаго ихъ освѣщенія.

«Подобно Пушкинскому Пимену, журналъ съ одинаковымъ вниманіемъ описывалъ

«Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса...»

«Стремясь къ такой «чистой» (*pura*) исторіи, журналъ не поддавался соблазну исключительно примкнуть къ одному изъ двухъ

извѣстныхъ въ нашей жизни теченій -- къ славянофильству или къ западничеству. Очевидно, редакторъ журнала, вмѣстѣ съ лучшими нашими историками, держался того взгляда, что исторія Россіи «заложена въ очень громаднхъ развѣрахъ», которыми одинаково исключается и дешевое торжество узкаго націонализма и похоронныя литіи отчаявшагося въ Россіи западничества,—что «дорога къ всемірно-историческому призванію для Россіи одна—отъ мрака къ свѣту». Оттого «Историческій Вѣстникъ» былъ прежде всего культурно-историческимъ журналомъ. Оттого онъ всегда съ одинаковымъ безпристрастіемъ рисовалъ русскую душу, нисколько не смущаясь тѣмъ, что ея носители выступали на исторической сценѣ то въ короткой Петровской курткѣ, то въ блестящихъ костюмахъ Екатерининскаго вѣка, то, наконецъ, въ туго затянутыхъ Николаевскихъ мундирахъ.

«Нѣтъ нужды, мнѣ кажется, подробно говорить о томъ, что «Историческій Вѣстникъ» постоянно стремился дать своимъ читателямъ матеріалъ не въ сухомъ видѣ, а въ «живой, общедоступной формѣ», въ занимательномъ изложеніи, что, короче говоря, «Историческій Вѣстникъ» именно давалъ образцы *Historiae illustris* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого классическаго термина.

«Въ такомъ видѣ, по моему скромному разумѣнію, представляется роль «Историческаго Вѣстника» въ нашей исторической наукѣ и вообще въ нашей культурѣ. За двадцать пять лѣтъ существованія духовная связь журнала съ русскимъ обществомъ вполне уже упрочена, и дальнѣйшее процвѣтаніе «Историческаго Вѣстника» есть фактъ столь же несомнѣнный, какъ и успѣхи нашего народнаго самосознанія».

Намъ извѣстный историкъ И. Е. Забѣлинъ почтилъ Сергія Николаевича слѣдующимъ письмомъ:

«Глубокоуважаемый Сергіи Николаевичъ!

«Примите мое глубокосердечнѣйшее привѣтствіе съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ вашихъ обширныхъ, неустаннхъ трудовъ по созиданію въ высокой степени дорогаго для русскаго просвѣщенія и для русской науки памятника, именуемаго «Историческимъ Вѣстникомъ», славнымъ и преславнымъ хранителемъ и распространителемъ историческаго знанія во всѣхъ его отдѣлахъ. Да хранитъ васъ, Господь въ добромъ здоровьи и въ полнотѣ добрыхъ дѣятея духа силъ на многіе и премногіе годы».

Протоіерей А. П. Мальцевъ въ Берлинѣ отозвался также на юбилей «Историческаго Вѣстника» слѣдующимъ письмомъ:

«Высокочтимый Сергіи Николаевичъ.

«Позвольте привѣтствовать васъ отъ всего сердца съ исполненнымъ XXV-лѣтіемъ вашихъ трудовъ по редактированію прекрас-

по поставленнаго вамъ «Историческаго Вѣстника», который пребудетъ навсегда; «историческимъ памятникомъ» своему опытному и мудрому кормчему! Дай Богъ вамъ многихъ и многихъ годовъ и крѣпкихъ и бодрыхъ силъ въ вашей многоочетной научно-литературной и просвѣтительной дѣятельности.

Р. С. Меня просятъ очень благодарить васъ и всѣ обитатели и трудящіеся наши соотечественники въ «Братскомъ домѣ» на чужбинѣ, пользующіеся въ часы досуга столь интереснымъ чтеніемъ, какое даетъ въ изобиліи для каждаго ваше изданіе.

Писатели: Е. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, С. С. Окрейць-Орлицкій, А. Н. Сиротининъ, въ своихъ юбилейныхъ привѣтствіяхъ каждый отмѣтилъ въ теплыхъ выраженіяхъ личныя услуги имъ въ жизни со стороны юбиляра.

Е. М. Гаршинъ, между прочимъ, говоритъ: «Восьмидесятые годы, когда я работалъ подъ вашимъ просвѣщеннымъ и благосклоннымъ руководствомъ, составляютъ наилучшее мое воспоминаніе. Въ васъ лицѣ я нашелъ необыкновенно добраго редактора-наставника, руководителя каждымъ моимъ литературнымъ шагомъ съ терпѣніемъ инисходительностью, какія рѣдко можно увидѣть среди педагоговъ по отношенію къ порученнымъ имъ дѣтямъ.

«Не ваша вина, если изъ вашего ученика-сотрудника не вышло писателя, ибо работа въ вашемъ журналѣ мало того, что давала кусокъ хлѣба немущему студенту, но и заставляла его учиться, ибо каждая статья, которая писалась для васъ, требовала серьезнаго изученія литературы, безъ чего не могла попасть на страницы вашего почтеннаго изданія. Въмѣстѣ съ тѣмъ вы требовали отъ меня тщательнаго и легкаго выраженія моей мысли, и я съ благодарностью вспоминаю о томъ, какъ, по вашимъ указаніямъ, по три раза передѣлывалъ одну и ту же статью, по все же въ концѣ «Историческаго Вѣстника» принималъ ее въ свое лоно».

С. Н. Кривенко, выражая сожалѣніе, что болѣзнь помѣшала ему присутствовать на банкетѣ, говоритъ въ своемъ письмѣ: «Мнѣ очень хотѣлось бы выразить вамъ свое уваженіе къ литературнымъ вашимъ заслугамъ, но еще живѣе хотѣлось бы сказать о чувствѣ незабываемой признательности къ вамъ, какъ со стороны моей, такъ и моей жены Софьи Ермолаевны, за ваше участливое отношеніе къ намъ въ трудное для насъ время по возвращеніи изъ Сибири. Это человѣческое отношеніе къ ближнему показало намъ, что ни сухая редакторская и корректурная работа, ни архивная пыль историческихъ рукописей не изсушили и не запылили въ васъ того, что дороже всего въ человѣкѣ. Позвольте же пожелать вамъ, многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, всего лучшаго, а главное силъ и здоровья».

«Вы оставили глубокаго слѣда на словесной нивѣ, и посѣянное вами дало хорошіе плоды,— такъ пишеть изъ Одессы С. С. Окрейць-

Орлицкій.—Но, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, и какъ человекъ, вы заслужили навсегда добрую память въ сердцахъ васъ знавшихъ и имѣвшихъ съ вами дѣло. Даѣ Богъ вамъ еще долго, долго не оставлять журнала «Историческій Вѣстникъ», который вы создали и сдѣлали любимцемъ публики. Въ словахъ моихъ нѣтъ лести. Но о васъ, добрѣйшій и отзывчивѣйшій Сергѣй Николаевичъ, не могу не говорить безъ сердечнаго волненія. Спаси и сохрани васъ Богъ!»

По оригинальному случаю и поводу благодарить редактора «Историческаго Вѣстника» А. Н. Сиротининъ. «Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была напечатана вами моя первая статья. Я былъ еще тогда гимназистомъ и живо помню, какъ впервые прислали мнѣ въ Москву изъ деревни ваше письмо такъ неожиданно-скоро послѣ посылки статьи, чуть ли не на той же недѣлѣ, и я увидѣлъ тамъ вашимъ мелкимъ и четкимъ почеркомъ написанныя слова: «статья будетъ напечатана». Я берегу это письмо и теперь. Помню, сколько радости оно доставило мнѣ тогда, и какъ дорого мнѣ было ваше одолженіе. За него и за ваше вниманіе спасибо вамъ! Спасибо вамъ и еще за одно. Прошли годы, кончилъ я гимназію и университетъ и, не зная, что съ собой дѣлать, вздумалъ было посвятить себя литературѣ, которую всегда любилъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ вамъ. Вы сказали мнѣ тогда: «литературой специально могутъ заниматься только люди талантливые. Иначе это тяжелый путь». И я уѣхалъ и потомъ вскорѣ нашелъ себѣ настоящее свое призваніе—учительство, которое не мѣшало мнѣ заниматься въ свои досуги и литературой. Послѣ много разъ вспоминалъ я ваши открытыя и прямыя слова и мысленно благодарилъ васъ за нихъ: они удержали меня отъ труднаго и для меня непосильнаго пути. И вотъ за правдивое слово остереженія мнѣ хочется теперь сказать еще разъ: спасибо вамъ за прямую высказанную правду!»

Кромѣ цитированныхъ, получены еще многочисленныя письма, поступленіе которыхъ продолжается и понынѣ. Прислали привѣтствіе г.г.: Анатолий Александровъ, Ѳ. И. Булгаковъ, Е. И. Гасабовъ, Г. А. Воробьевъ, С. И. Глѣбовъ, И. Ф. Головинъ, Г. К. Градовскій, К. А. Губастовъ, П. Егоровъ, П. В. Засодимскій, П. П. Каратыгинъ, П. А. Конскій, И. Л. Леонтьевъ, А. А. Луговой, П. М. Майковъ, Ѳ. А. Макшеевъ—главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ», А. П. Масловъ (Бѣжецкій), Д. П. Неклюдовъ-Кайсаровъ, Н. К. Никифоровъ, А. П. Никольскій, Е. И. Плато, И. Рында, Н. И. Позняковъ, А. Парамонова, Н. А. Поповъ, В. С. Россоловскій, Н. А. Рубакинъ, А. П. Савельевъ, Д. И. Стахѣевъ, Е. С. Тимирязева, И. Ѳ. Тюменевъ, А. Н. Цвилленева, В. Шильдеръ (директоръ Псковскаго кадетскаго корпуса), С. И. Уманецъ, А. Н. Шелькингъ, О. А. Фрибесъ, профессоръ Оксфордскаго университета Морфиль и др.

Поздравительныхъ телеграммъ С. Н. Шубинскимъ было получено въ день 1-го декабря и на слѣдующій болѣе 70. Нѣкоторые изъ нихъ были доложены комитетомъ на банкетѣ присутствующимъ, а другія перечислены по именамъ приславшихъ.

Первою доложенною телеграммою была телеграмма Его Высочества Великаго Князя Николая Михайловича.

Прошу васъ принять самыя сердечныя поздравленія и наилучшія пожеланія ко дню 25-ти-лѣтняго юбилея вашей полезной дѣятельности на почвѣ изученія нашей отечественной исторіи. Весьма жалѣю, что лишены возможности лично васъ поздравить. Николай Михайловичъ.

Затѣмъ были прочитаны телеграфическія привѣтствія въ слѣдующемъ порядкѣ:

Императорское одесское общество исторіи и древностей привѣтствуетъ васъ съ двадцатипятилѣтней редакторской дѣятельностью и извѣщаетъ, что въ засѣданіи 14-го ноября избрало васъ своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Секретарь общества профессоръ Петринъ.

Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ, высоко цѣня заслуги «Историческаго Вѣстника» въ дѣлѣ распространенія историческихъ знаній въ русскомъ обществѣ, привѣтствуетъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтнемъ дѣятельности и желаетъ процвѣтанія. Предѣдатель Общества профессоръ Линиченко.

Сочувственный привѣтъ отъ «Русскаго Архива».

Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» привѣтствуетъ высокоуважаемаго труженика на нивѣ русской исторической науки и литературы, и выражаетъ искреннія пожеланія плодотворной и долгой работы впереди на почвѣ родной исторіи. Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Высоко цѣня ваши просвѣдательныя труды на поприщѣ исторической литературы и съ удовольствіемъ вспоминая ваши добрыя товарищескія отношенія къ редакціи «Новостей», приношу вамъ мои сердечныя поздравленія. Нотовичъ.

Лидія Филипповна Маркъ вмѣстѣ съ редакціей и сотрудниками журнала «Нивы» привѣтствуетъ васъ, глубокоуважаемый Сергій Николаевичъ, съ торжественнымъ днемъ нашего четвертьлѣтняго служенія русской исторической наукѣ, отъ всей души желая дальнѣйшихъ продолжительныхъ успѣховъ вамъ и редактируемому вами журналу.

Отъ себя и редакціи «Козловской Газеты» поздравляю васъ, глубокоуважаемый Сергій Николаевичъ, съ юбилейнымъ днемъ. Сожалѣю, что не могу быть лично. Падучевъ.

Редакція молодой украинской газеты «Харьивскій Вѣстникъ» привѣтствуетъ Сергія Николаевича съ двадцатипятилѣтнемъ редактированія «Историческаго Вѣстника», лучшаго журнала въ ваше время. Душевно желаемъ дальнѣйшаго успѣха плодотворной дѣятельности. Редакторъ Лазаревъ. Завѣдующій редакціей Слювинъ (гор. Харьковъ).

Привѣтствуемъ почтенную редакцію въ день двадцатипятилѣтня плодотворной дѣятельности на поприщѣ распространенія историческихъ знаній въ Россіи и желаемъ дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія «Историческому Вѣстнику». Профессоры: Алмазовъ, Косивскій, Ренненкамизъ, Адамовичъ, Гомсовъ, Деревлицкій, Щепкинъ, Чижовъ, Петрикъ, Федоровъ, Анпуновъ, Дунаевъ, Перетятковичъ, Павловскій, Смирновъ, П. Казаискій изъ Одессы.

Глубокоуважаемому Сергѣю Николаевичу Шубинскому мои сердечныя поздравленія съ столь славнымъ и плодотворнымъ двадцатипятилѣтіемъ. Душевно желаю ему силъ и здоровья и на новыя дальнѣйшія многіе и многіе годы. Профессоръ Архангельскій (гор. Казань).

Горячо привѣтствую Сергѣя Николаевича Шубинскаго съ исполненіемъ четверти вѣка руководства его литературнымъ дѣтнемъ. Шлю лучшія пожеланія и глубокоуважаемому редактору и журналу. Заслуженный профессоръ Казанскаго университета Николай Загоскинъ (Казань).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ. Привѣтствую стариннаго друга по изученію отечественной исторіи съ 25-лѣтіемъ «Историческаго Вѣстника» и 30-лѣтіемъ начала «Древней и Новой Россіи». Да укрѣпите и сохраните Господи надолго ваши силы для продолженія почетнаго служенія роди́нѣ на пользу ея научнаго и общественнаго самосознанія и на радость друзей. Профессоръ Корсаковъ (Казань).

Редакторъ «Вѣсды» поздравляетъ «Историческій Вѣстникъ» съ его свѣтлымъ праздникомъ и обнимаетъ уважаемаго Сергѣя Николаевича, отъ души желая ему отпраздновать еще такія же именины. Къ его искреннимъ пожеланіямъ присоединяются Михаилъ Протопоповъ и академикъ Тархановъ. Ясинскій (С.-Петербургъ).

Въ день двадцатипятилѣтняго славнаго честнаго служенія Вашего русскому обществу шлю Вамъ пожеланія здоровья и бодрости, а вашему дѣтцу преуспѣянія на долгіе годы. Добромъ вспоминаемъ вашу искренность, отзывчивость, справедливость и пріязню къ сотрудникамъ. Бѣляевъ, Шмелевъ, Шамбинаго (Москва).

Съ маньчжурскихъ полей, мѣста кровавой борьбы, шлю привѣтъ и горячія пожеланія маслиту юбиліару и дорогому для меня журналу. Скандинъ (Мукденъ).

Изъ далекой Маньчжуріи шлю пожеланія дальнѣйшаго успѣха. Михаилъ Юдлинъ (Голланджау).

Сердечно привѣтствую образцоваго редактора, почтеннаго писателя и прекраснаго человѣка. Вы плодотворно потрудились для русскаго общества, и дай вамъ Богъ силъ еще долго приносить такую же пользу. Петръ Вейнбергъ.

Лишенный возможности лично привѣтствовать васъ сегодня, прошу принять мои самыя сердечныя пожеланія еще долгихъ лѣтъ столь же неутомимой и плодотворной дѣятельности на пользу русской исторической науки и просвѣщенія. Гротъ (Сиб.).

Сердечно поздравляю васъ съ 25-лѣтіемъ редактируемаго вами «Историческаго Вѣстника» и вашей редакторской дѣятельности. Отъ души желаю вамъ добраго здоровья и продолженія вашей литературной дѣятельности на многіе годы. Гуревичъ (Сиб.).

Отъ души поздравляю васъ, какъ заслуженнаго и глубокоуважаемаго русскаго литературнаго дѣятеля, въ день двадцатипятилѣтія вами созданнаго журнала. Ежовъ (Москва).

Привѣтствую съ днемъ юбилея «Историческаго Вѣстника» и его уважаемаго редактора. Душевно, хотя и небезкорыстно, желаю возобновить поздравленіе черезъ новыя двадцать пять лѣтъ. Будьте здоровы. Василій Кривенко (Сиб.).

Отъ всего сердца поздравляю дорогаго друга. Викторъ Крыловъ (Москва).

Сердечно поздравляю съ тридцатипятилѣтіемъ литературной дѣятельности¹⁾ и съ двадцатипятилѣтіемъ веденія журнала «Историческій Вѣст-

¹⁾ Тутъ ошибка со стороны составителя телеграммы: Сергѣй Николаевичъ Шубинскій началъ свою литературную дѣятельность 44 года тому назадъ.

никъ», желаю здоровья и силы для дальнѣйшихъ плодотворныхъ трудовъ еще на многія лѣта. Николай Лейкинъ (Сиб.).

Да здравствуетъ юбиляръ, да процвѣтаетъ «Историческій Вѣстникъ» его заботамъ. Непенинъ (Вологда).

Слава прославленному. Многал лѣта. Перелыгинъ (Сергіевскій посадъ).

Сердечно привѣтствую глубокочтимаго Сергѣя Николаевича. Плещеевъ (Спб.).

Лучшія пожеланія на долгіе годы полезной дѣятельности, здоровья и силы доброму, хорошему Сергѣю Николаевичу. Пѣшкова-Толивѣрова. (Спб.).

Привѣтствую друга-юбиляра, поздравляю его съ воздвигнутымъ имъ себѣ памятникомъ. Графъ Саліасъ (Москва).

Съ вашимъ именемъ, дорогой Сергѣй Николаевичъ, и съ «Историческимъ Вѣстникомъ» у меня связаны самыя дорогія воспоминанія. Болѣзнь помѣшала мнѣ лично поздравить васъ и выразить вамъ чувства, наполняющія меня въ этотъ день, столь знаменательный для всѣхъ вашихъ друзей, но душою я съ вами. Черевкова (Спб.).

Сердечно поздравляю. Желаю много лѣтъ здравствовать. Шенрокъ (Москва).

Лишенный возможности лично привѣтствовать дорогого Сергѣя Николаевича, шлю ему изъ Лѣснаго уединенія сердечныя пожеланія крѣпости, силы и бодрости духа на дальнѣйшее служеніе родной исторіи. Шумигорскій (Лѣсной).

Хоть коротко мое посланіе въ вашъ достославный юбилей, но тѣмъ сердечнѣй и теплѣй всѣхъ благъ мое вамъ пожеланіе. Сотрудникъ Уманецъ Сергѣй (Спб.).

Примите, дорогой Сергѣй Николаевичъ, самыя лучшія, самыя сердечныя пожеланія. Дай Богъ силы и здоровья еще много, много лѣтъ пранить кормиломъ «Историческаго Вѣстника». Любнцій васъ Ювачевъ (Юзовка).

Глубокій привѣтъ дорогому редактору, всякаго преуспѣянія лучшему историческому журналу. Юдинъ (Саратовъ).

Сердечное поздравленіе и искреннія пожеланія шлетъ давнишній сотрудникъ. Дмитрій Языковъ (Москва).

Кромѣ изложенныхъ телеграммъ, получены еще: отъ гг. И. С. Аркадьева, А. И. Байрапова, А. В. Безроднаго, Н. М. Бернарда, В. В. Гиммельмана, И. Д. Дмитріева, М. Н. Ермоловой, М. М. Иванова, В. Э. Кетрица, С. В. Гомолицкой, С. П. Дягилева, М. И. Калауцкой, П. П. Коломнина, К. А. Корженевскаго, Н. М. Лисовскаго, К. А. Ляцкаго, В. С. Маркова, К. П. Медвѣдскаго, Е. Н. Михневичъ, В. Л. Модзалевскаго, кн. Н. Л. Оболенскаго, г-жи Оксеновой, И. И. Орловскаго, А. Е. Пальчикова, Д. А. Пахомова, Ф. Д. Райляна, г-г. Ребиндера, Сидорова, Сканбіева, г-жи Слезкинской, М. П. Соколовскаго, Д. Ф. Соколова, Н. В. Сорокина, Д. П. Струкова, М. Г. Тидемана, семейства Тилло, г-жи Федоровой, Д. К. Фольдберга, А. Н. Фирсова, г-жи Л. Симоновой, М. В. Суперанскаго, кн. М. Л. Шаховскаго, Владимира и Сергѣя Штейнъ и др.

Послѣ чтенія телеграммъ и въ заключеніе засѣданія, Комитетъ по организаціи юбилейнаго чествованія объявилъ, что праздники «Историческаго Вѣстника» могъ бы считаться не полнымъ,

если бы поздравленія присутствующихъ были направлены только по адресу редактора журнала, его издателя и сотрудниковъ. Въ залѣ присутствуютъ еще два юбиляра—помощники С. Н. Шубинскаго по технической и хозяйственной части изданія «Истор. Вѣстн.», а именно ментраншажъ журнала И. Θ. Богдановъ и завѣдующій конторою В. Я. Анисимовъ. Первый принялъ журналъ и выпустилъ изъ типографіи первую книжку «Историческаго Вѣстника» съ момента его основанія и сегодня изготовилъ трехсотую, а второй—ведетъ всю бухгалтерію и расчеты съ сотрудниками и подписчиками уже 19 лѣтъ. Оба отличаются неизмѣнной любовью въ отношеніи сотрудниковъ журнала, душою преданы его редактору и издателю, а потому, во вниманіе къ ихъ заслугамъ, Комитетъ, отъ имени всѣхъ сотрудниковъ, исклопоталъ черезъ С. Н. Шубинскаго у А. С. Суворина о представленіи ихъ къ Высочайшимъ наградамъ по дарованію высочайшихъ милостей—первому званія потомственнаго почетнаго гражданина, второму—личнаго почетнаго гражданина. Это ходатайствошло откликъ въ министерствѣ финансовъ и Собственной Его Величества Канцеляріи, и можно надѣяться, что представленія о нихъ въ недалекомъ будущемъ удостоятся Высочайшаго одобренія ¹⁾).

Этимъ заявленіемъ кончилось официальное засѣданіе, и гостямъ предложены были у открытаго буфета чай, фрукты и холодная закуска. Присутствующіе разбились на группы, юбиляръ обходилъ всѣхъ съ словомъ признательности за участіе въ праздникѣ журнала и высказанныя по его адресу добрыя чувства, и дружеская бесѣда продолжалась еще многіе часы.

¹⁾ 6-го декабря 1904 года представленіе о нихъ господина министра финансовъ въ указанномъ смыслѣ было Высочайше утверждено.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ФЕВРАЛЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. X—XVI. (Продолженіе). Графа Е. А. Силаса	387
II. Изъ прошлаго. Глава первая. VIII—XII. (Продолженіе). П. П. Гидича	417
III. Генеральша. Изъ разсказовъ прабабушки. Е. П. Зариной	438
IV. Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. Гавр. П. Потапина	458
V. Двѣ встрѣчи съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. А. П. Фаресова	490
VI. Первые шаги. (Изъ недавняго прошлаго). Князя В. А. Щетинина	501
VII. Польскіе планы въ 1876—1877 годахъ. (Страничка изъ исторіи польско-русскихъ отношеній). В. П. Ватурина	515
VIII. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. III. (Продолженіе). П. П. Фалъева	528
IX. Исканіе вождя Михаила. Н. П. Ювачева	556
X. Убѣжище имени Пушкина для литераторовъ въ Одессѣ. С. С. Окрейца	563
XI. Литературная дѣятельность Д. Л. Мордовцева. (По поводу ея пятидесятилѣтія). В. В. Глинскаго	579
иллюстраціи: 1) Данилъ Лукичъ Мордовцевъ въ 1886 году.—2) Давидъ Лукичъ Мордовцевъ въ 1896 году.	
XII. Три письма А. П. Чехова	609
XIII. Артиллерійскій взрывъ въ 1843 году. (Архивная замѣтка). Михаила Соколовскаго	613
XIV. Сорокалѣтіе судебной реформы. В. А. Тимирязева	616
XV. По Днѣстру на лодкѣ. V—X. (Окончаніе). Д. А. Пахомова	625
иллюстраціи: 1) Наша лодка. — 2) Пастухъ. — 3) На берегу Днѣстра. — 4) Церковь въ Лидовѣ. — 5) Набережная въ Могилевѣ. — 6) Развалины Генуэзской крѣпости въ Сорокахъ. — 7) Родникъ св. Николая въ Жабкинскомъ монастырѣ.	
XVI. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	657
XVII. Критика и библиографія	684
1) А. Г. Тимошевъ. Исторія телесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1904. Проф. В. Латина. — 2) Н. А. Некрасовъ. А. Н. Пыпина. Съ тремя портретами. Спб. 1905. Александра Слю.—3) Литературный сборникъ къ столѣтію Императорскаго Казанскаго университета. Выдае изъ университетской жизни. Казань. 1904. А. Ев — кова. — 4) К. Я. Гротъ. Къ біографіи, твореніямъ и черепицѣ Н. И. Козлова. Спб. 1904. А. Я. — 5) Записки состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ еію императорскаго высочества, великаго князя Александра Михайловича, общества изученія Амурскаго края (Владивостокскаго отдѣленія Примурскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества). Томъ IX, вып. I и II. Владивостокъ. 1904. Отчетъ того же общества за 1903 годъ. Владивостокъ. 1904. Я. Ав—ва.— 6) Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904. А. Я.—7) Иванъ Франко. Сборникъ творинъ. 2 тома. Кіевъ. 1904. А. м. Яцимирскаго. — 8) Вторая поправка родословія Шереметевыхъ. Дмитрія Кобеко. Спб. 1904. А. х—в.—9) Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. профес-	

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1905 году

(ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1905 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать пять лѣтъ (1880—1904).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

НИКОЛАИ АЛЕКСЪЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ ¹⁾.

Повѣсть.

Х.

РЕЖНИЙ пухлый и толстощекій младенецъ, отрокъ, затѣмъ недоросль Алешенька, сталъ добродушный, лѣнивый толстякъ и здоровякъ Алексѣй Андреевичъ. Но насколько былъ онъ медлителенъ, будто непоротливъ тѣлесно, настолько же былъ кипучъ внутренно. Про него выражались «горячка».

Но горячъ Ларинъ былъ исключительно только въ одномъ: въ упрямствѣ при исполненіи своихъ желаній и прихотей. Помѣха, препятствіе въ чемъ либо имѣло на него особое дѣйствіе, будто сразу будило отъ душевной дремоты.

Впрочемъ онъ былъ по природѣ вспыльчивъ, при чемъ пылилъ рѣдко, но мѣтко. Пылу не было границъ.

Очевидно воспитаніе сказывалось и прихотями, и упрямствомъ, и пыломъ безъ удержу.

Судьба въ дѣтствѣ все дала ему. Оно прошло ясное, теплое, почти сказочное. Подъ крыломъ или покровомъ доброї и обожающей его матери онъ былъ по увѣренію и убѣжденію окружающихъ въ исключительномъ положеніи.

— Балуютъ дѣтей, но не этакъ! Обожаютъ дѣтей, но не этакъ!— говорили и заявляли господа Лариной и друзья и знакомые. Это была истинная правда. Екатерина Семеновна не только любила

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 7.

своего Алешу, а жила имъ, буквально жила не своей, а его жизнью. Если онъ прыгалъ по залѣ верхомъ на палочкѣ или пускалъ змѣй и былъ минутами совершенно счастливъ, то и мать его чувствовала себя неизмѣримо счастливой.

Просыпаясь, придя въ сознание, засыпая и теряя сознание окружающаго, Ларина думала о сынѣ, первая и послѣдняя мысль Лариной былъ Алеша.

Однажды Алеша заболѣлъ. У него приключилась корь. Недѣлю пролежалъ онъ въ жару, три дня бредилъ, а затѣмъ еще двѣ недѣли пролежалъ въ постели, хотя могъ бы и подняться. За все время болѣзни ребенка Екатерина Семеновна не спала, не ѣла и только пила жидкій кофе.

— Въ горло ничто не идетъ,—объясняла она.

Алеша, конечно, быстро не только оправился отъ простой болѣзни, но сталъ даже, повидимому, еще бодрѣе и здоровѣе, а мать «свалилась» и заболѣла единственно отъ пережитыхъ тревоженій.

Андрей Петровичъ относился всегда къ сыну холодно и равнодушно, но въ дѣлѣ баловства матери не перечилъ и даже не находилъ въ этомъ предметѣ шутокъ или насмѣшекъ. Надъ многими и многими любилъ онъ вѣчно трунить и подшучивать. Обожанія жены къ сыну онъ не трогалъ.

— Только у нея это и есть, — говорилъ онъ самъ себѣ въ оправданіе всякихъ крайностей въ воспитаніи ребенка.

И когда что либо, касающееся до Алеша, завистлю прямо отъ него, Ларинъ спѣшилъ исполнить не только желаніе, но и прихоть жены.

Когда Алеша захотѣлъ имѣть «настоящую», живую лошадку, полюбивъ ѣздить верхомъ, — въ трехъ намѣстничествахъ искали красивую лошадку, непременно крошечную и непременно бѣленькую. И съ трудомъ нашли ее наконецъ во вновь присоединенныхъ къ государству земляхъ, въ Минской губерніи. И вся жизнь Алексѣя слагалась и сложилась такъ, что онъ привыкъ имѣть все, чего хотѣлъ, и немедленно, какъ даръ жаръ-птицы или какъ «по щучьему велѣнью, моему прошенью»...

Будучи двадцати лѣтъ, молодой человекъ, избалованный воспитаніемъ, но не испорченный, вдругъ остался одинокъ...

Въ одинъ годъ онъ потерялъ и отца и мать и даже на разстояніи двухъ мѣсяцевъ.

Мать была больна уже года два и уже три мѣсяца не покидала постели, страшно кашляя и задыхалась. Всѣ знали, что она не встанетъ, и ждали конца.

Андрей Петровичъ, здоровякъ, никогда въ жизни не хворавшій и увѣрявшій, что болѣзней на свѣтѣ нѣтъ, что люди сами выдумываютъ ихъ и «представляются» больными отъ правды или отъ баловства, вдругъ однажды въ началѣ весны, слѣзиди въ

Одоевъ, слегъ въ постель и, пролежавъ съ недѣлю, скончался. Оказалось сильнѣйшее воспаленіе легкихъ, выразившееся особенно бурно у могучаго, никогда не болѣвшаго здоровяка.

Всѣ были поражены этой смертью...

Смерть Ларина подѣйствовала на его жену какъ-то странно. Она отнеслась къ событію почти равнодушно.

— Законъ,—заявила она однажды.—Законъ! Вотъ и я скоро. И Алеша останется одинъ, настоящій хозяинъ. Все Богъ.

Словъ этихъ никто вполнѣ не понималъ. Андрей Петровичъ былъ еще сравнительно слишкомъ молодъ и слишкомъ могучъ тѣломъ и духомъ, чтобы такъ вдругъ умереть. Законнаго тутъ ничего было, а скорѣе несчастная случайность.

Черезъ мѣсяца два послѣ похоропъ Ларина хоронили и его вдову.

Молодой Алексѣй Андреевичъ остался одинъ, такъ какъ жившій въ домѣ дядя Алексѣй Петровичъ вмѣстѣ съ своею замужней дочерью, ея мужемъ и ребенкомъ немедленно уѣхалъ, говоря, что не приличествуетъ жить на иждивеніи, будто «на хлѣбахъ», у юнаго племянника.

И у молодого человѣка въ домѣ, въ усадьбѣ, въ родномъ гнѣздѣ стало, повидимому, пусто, будто уныло.

Однако оказалось тотчасъ нѣчто, наполнившее образовавшуюся пустоту.

Въ домѣ, вѣрнѣе во флигелѣ дома, жили молодые люди, почти ровесники Алексѣя, братъ съ сестрой. Это были его друзья съ первыхъ лѣтъ жизни, почти тоже, какъ братъ и сестра. Онъ привыкъ къ нимъ съ тѣхъ поръ, что себя помнилъ. И даже болѣе... Онъ помнилъ курточку съ галуномъ на Андрюшѣ, которой позабывалъ, и «чулокъ съ блестящими спицами» въ рукахъ очень красивой женщины, сидящей около кровати совѣмъ маленькой дѣвочки. А между тѣмъ за это же время онъ не помнилъ, не зналъ еще своей кровати и своей матери, онъ еще не зналъ себя.

Андрюша и Марьяна Пашины были всегда участниками его игръ и его ватѣй. И виму и лѣто они были около него. Мальчика, года на два старше его, Алеша любилъ, хотя, конечно, разъ десять въ день съ нимъ ссорился и дрался и мирился. Дѣвочку, на шесть лѣтъ моложе, которая стала съ нимъ играть только, когда ему было уже лѣтъ двѣнадцать, Алеша сначала любилъ столько же, сколько и ея брата, но постепенно сталъ любить все сильнѣе. Въ 15 и 16 лѣтъ, несмотря на насмѣшки дворовыхъ, что молодой баринъ «срамно возжается съ дѣвченкой», что она ему не товарищъ, ему подъ пару только мальчики, Алеша отъ вари до вари проводилъ время съ десятилѣтней Маряшей и обращался съ ней такъ странно, въ смыслѣ ласки, что въ домѣ шутили:

— Чисто, поглядѣть, папенька съ дочкой.

Главной отличительной чертой этой дружбы была покровительственная нѣжность отрока, уже сильнаго и развитаго физически, къ худенькой и на видъ хрупкой дѣвочки.

Пришло время, и Алеша, конечно, задалъ себѣ вопросъ:

— Да кто же такіе—эти близкіе ему Андрюша и Маряша? Отца у нихъ нѣтъ. Мать живетъ будто родственницей ихъ.

И онъ задалъ этотъ вопросъ матери, будучи уже лѣтъ десяти.

— Они...—отвѣтила Екатерина Семеновна:—Андрюша—хорошій, добрый мальчишкѣ, который тебя любитъ. Маряша—милая и добренькая дѣвочка...

Лѣтъ въ шестнадцать онъ задалъ матери твердый и упрямый вопросъ, требовавшій неукоснительнаго отвѣта, прямого и точнаго.

— Кто такіе Андрюша и Маряша? Родня?..

— Нѣтъ,—отвѣтила мать.

— Дворовые наши, крѣпостные?

— Да...—отвѣтила мать, а въ голосѣ ея слышалась Алешѣ ложь.

— А гдѣ же ихъ отецъ? Давно что ли померъ?

— Да...—отвѣтила женщина. И опять сквозила ложь.

— А зачѣмъ ихъ мать, Павла Тимофеевна, такъ живетъ?.. Ничего не дѣлаетъ, какъ барыня. И они тоже, какъ я, живутъ, по-барски. Андрюша не прислуживаетъ въ домѣ, Маряша же въ горничныхъ дѣвчонкахъ не состоитъ. И одѣты они по-нашему, по-господски.

— Такъ угодно твоему батюшкѣ. Его воля,—отвѣтила мать.— Не твое это дѣло объ этомъ размышлять.

XI.

Конечно, Андрюша и Маряша были не чужіе Ларинымъ.

Въ тѣ дни, когда покойный Андрей Петровичъ, отецъ Алексѣя, былъ самъ двадцатилѣтній молодой барчукъ, въ его жизни случилось нѣчто, повліявшее немало на всю послѣдующую судьбу. Дѣло было простое, совсѣмъ простое. Не было усадьбы дворянской, гдѣ бы не приключилось то же самое. Но въ другихъ семьяхъ дворянскихъ простое дѣло и кончалось просто... У Андрея Петровича оно окончилось не просто.

Молодой Андрей Ларинъ жилъ въ Ларинскомъ одиноко и нѣсколько уныло. Отецъ Петръ Петровичъ былъ постоянно въ отсутствіи въ губернскомъ городѣ, а иногда и въ Москвѣ. Его тянула въ городъ его страсть, или, вѣрнѣе, его порокъ. Не любовь къ обществу, къ увеселеніямъ и вообще къ городской жизни притягивали его, а пристрастие къ картамъ, къ азартной игрѣ. Онъ настолько не могъ жить безъ этого, что однажды, заболѣвъ въ

Ларинскомъ, принужденный двѣ недѣли лежать въ постели, онъ на третій же день призвалъ молодого лакея Крониду Волкова, выучилъ его игръ «фараонъ» и заставилъ играть съ собой всякій вечеръ до полуночи. Онъ далъ Крониду денегъ, подарилъ и приказалъ играть, стараясь не проигрывать. Кронидъ, малый смѣтливый, невѣдомо почему, быстро понялъ игру и страшно выигрывалъ всякій день. Баринъ сердился, волновался и отчаянно ругался, но, отпуская обыгравшаго его ученика и крѣпостного, добродушно улыбался, довольный проведеннымъ вечеромъ.

— Молодецъ. Но погоди вотъ. Я тебя все-таки завтра обыграю такъ, что безъ штановъ выпущу отсюда.

Андрей Петровичъ, тогдашній юный Андрюша, короталъ дни одинъ одинехонекъ въ большомъ домѣ и, конечно, скучалъ особенно по вечерамъ. Двое дворовыхъ лакея его лѣтъ были единственными его собесѣдниками.

Однажды приключилось въ усадьбѣ нѣчто печальное.

Баринъ Петръ Петровичъ купилъ, какъ онъ говорилъ, но собственно выигралъ въ карты тройку лошадей. Тройка оказалась удивительная, какой не видали еще въ округѣ. Не даромъ проигралъ ее Ларину петербургскій офицеръ, богатъ, модникъ и любитель коней.

Тройка явилась въ Ларинское и была поручена главному кучеру Тимоѳею, сорокалѣтнему богатырю, славившемуся даже въ Тулѣ умѣньемъ обхлѣзжать лошадей. Съ новой тройкой Тимоѳею пришлось, однако, хлопотать долго. Казалось, что три коня рослые, молодые, сильные, «благіе», никогда въ упряжкѣ и не бывали.

Черезъ мѣсяцъ въ отсутствіе барина крестьяне нашли въ полѣ разбитый вдребезги тарантасъ и убитую лошадь. Неподалеку они нашли мертвого Тимоѳея съ раздробленной головой и сломанной ногой. Черезъ два дня отыскались еще два коня, но извращенные.

Вернувшійся домой изъ города баринъ ахнулъ и пожалѣлъ не столько кучера, сколько рѣдкихъ коней.

Однако черезъ день, когда пришли доложить, что у Тимоѳея осталась дочка, круглая сирота, по имени Павла, и спросили: «что прикажете насчетъ этой Пашки?»—баринъ приказалъ взять ее въ домъ и опредѣлить въ услуги къ ключницѣ Еремѣевнѣ.

— Онъ это заслужилъ. Все-таки померъ, стараясь для барина,— рѣшилъ баринъ.

Молодая 17-ти-лѣтняя Пашка сразу попала изъ конюшенъ въ барскій домъ, да вдобавокъ стала выше всѣхъ дѣвушекъ и горничныхъ и сѣнныхъ, такъ какъ послѣ Еремѣевны стала второй смотрительницей за вареньями, печеньями и всякими запасами.

Черезъ нѣсколько дней, когда Петръ Петровичъ былъ опять въ отсутствіи въ Тулѣ и игралъ въ карты, ушло бродящій по боль-

пому дому 19-ти-лѣтній Андрей Петровичъ повстрѣчалъ въ коридорѣ дѣвушку.

Повстрѣчалъ, остановился и ротъ разинулъ.

Отчего? Онъ самъ не зналъ.

Однако, пропустивъ ее мимо себя, онъ пошелъ въ свою комнату и сталъ думать, сталъ соображать.

— Пригожа!— рѣшилъ онъ наконецъ.— Ну, такъ что же?— спросилъ онъ себя и отвѣчалъ:— ничего.

Однако онъ тотчасъ же вышелъ снова въ переднюю и, найдя въ ней двухъ дворецкихъ, спросилъ:

— Кто энто тутъ ходитъ? Невѣдомая дѣвка. Сейчасъ мнѣ встрѣнулась.

— Энто Тимоеева дочка,— отвѣчали ему:— которой баринъ приказалъ состоять при Еремѣевичѣ.

Черезъ день молодой Андрей уже встрѣтилъ дѣвушку въ саду. Потому встрѣтилъ, что два битыхъ часа сторожилъ, когда она пойдетъ изъ дома къ пруду.

Черезъ недѣлю, въ темную ночь Андрей и сирота Паша встрѣтились въ самомъ глухомъ краю сада.

Молодой баринъ говорилъ дворовой дѣвушкѣ, что безъ ума, безъ памяти отъ нея, любитъ и будетъ любить всю свою жизнь.

Всю жизнь?! Всегда такъ говорится! Однако оказалось, что 19-ти-лѣтній Ларинъ говорилъ сущую правду. Когда ему минуло пятьдесятъ лѣтъ, и былъ онъ уже давно женатъ, имѣлъ сына, онъ любилъ эту Пашу такъ же глубоко и страстно, какъ и въ первый день... если не болѣе, беззавѣтиѣ...

Да и можно было привязаться на всю жизнь.

Дочь убитаго лошадыми кучера Тимооея, 18-ти-лѣтняя Паша, была совсѣмъ не похожа на всѣхъ дѣвушекъ не только въ Ларинскомъ, но и по сосѣдству. Даже, пожалуй, и въ губернскомъ городѣ не нашлось бы такой же. Она была будто не русская ни лицомъ, ни волосами, ни повадкой.

Высокая, стройная, красиво сложенная, она особенно тихо и медленно, какъ говорится, «вальжно» двигалась, будто не могла, не умѣла спѣшить. Когда ей приходилось бѣжать или по дѣлу или въ играхъ дворовыхъ людей въ горѣлки, въ ланту, она бѣжала такъ, какъ если бы ей было пятьдесятъ лѣтъ, съ трудомъ, съ усильемъ. Бѣгать ей было не только не ловко, но она даже какъ будто стыдилась этого. Неуклюжести не было, а будто что-то спокойно-важное, разлитое во всемя ея тѣлѣ, было неподходящее, не совмѣстимое съ быстротой передвиженья.

Однажды кто-то замѣтилъ:

— Вотъ тогда на пожарѣ батюшка нашъ, отецъ Елисей, бѣгалъ. Вотъ такъ-то и наня Павла Тимооеевича бѣгать. Оно ей будто не къ лицу, какъ и священнику.

Волосы Паши были совсѣмъ свѣтло-бѣлокурые, золотистаго соломеннаго оттѣнка, при чемъ волосы были настолько густы и длинны, что она ради забавы или по просьбѣ кого либо, распустивъ косы по плечамъ и спинѣ, могла совсѣмъ закрыться въ нихъ или закутаться съ головы до пятъ.

Большіе глаза дѣвушки были оттѣнены чрезвычайно густыми рѣсницами, которыя всякій новый человѣкъ невольно тотчасъ же замѣчалъ.

Кто-то пошутилъ однажды:

— Пашѣ нельзя украдкой подмигнуть комунибудь. Сейчасъ всѣ увидятъ!

Дѣйствительно движеніе вѣкъ ея глазъ, благодаря этимъ рѣсницамъ, было постоянно замѣтно. Вѣроятно, отъ этого именно глаза ея казались особенно красивы. Къ тому же они будто постоянно мѣняли свой цвѣтъ: бывали то темно сѣрые, то свѣтло каріе, а иногда вечеромъ казались зеленоватыми. Душевное состояніе Паши отражалось въ ея глазахъ тотчасъ и заставляло ихъ мѣняться цвѣтомъ. Происходило это отъ того, что зрачки ея глазъ сильно расширялись и суживались... При возбужденіи, радости ли, испугѣ маленькая по обыкновенію темная точка зрачка расширялась до его краевъ, и сѣрые глаза становились темно зеленоватыми.

Звукъ голоса Паши былъ тоже совсѣмъ не похожъ на голоса другихъ женщинъ. Она говорила, какъ на Руси зовется, «бархатнымъ» голосомъ. Правда, что она хорошо пѣла и считалась первой пѣвицей во всей округѣ. Недаромъ Ларинъ заставлялъ ее пѣть при гостяхъ, и когда она пѣла въ гостиной, дворовые сходились въ передней тоже послушать.

XII.

И эта первая любовь Андрея Петровича Ларина стала любовью не только сильнѣйшей, но единственною привязанностью всей его жизни.

Обоихъ дѣтей Паши онъ тоже сильно любилъ, объясняя, что обязанъ ихъ больше любить и всячески лелѣять, такъ какъ они обобдены судьбой, лишены главнаго, законнаго положенія, а обречены на зазорную жизнь.

— Ни павы, ни вороны. Ни господа, ни крестьяне, а крѣпостные дворяне... не законные... Стало быть, что же? Противозаконно на свѣтъ пришли и противозаконно живутъ! А чѣмъ виноваты? Виноваты—однихъ ихъ отецъ.

Размышляя часто о судьбѣ этихъ дѣтей, Андрей Петровичъ мысленно обвинялъ отца, заставившаго его жениться на нелюбви, даже на «отвратной» дѣвицѣ. И изъ-за чего? Изъ-за денегъ... Вдобавокъ отецъ почти и не воспользовался жертвою, принесенною

ему сыномъ, такъ какъ чрезъ два года послѣ женитьбы онъ былъ уже на томъ свѣтѣ.

А самому ему, какъ затѣмъ ему казалось, и не нужно было богатства, даже не нужно было Ларинскаго. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что былъ бы счастливѣе, если бы женился на Пашѣ и жилъ бѣднякомъ, но съ ней «законной и съ дѣтьми законнымъ».

Сказавъ отцу при обѣщаніи жениться на «парнѣ» Изьядиновой, что онъ никогда ея «супругомъ сущимъ» не будетъ, Андрей Петровичъ сдержалъ свое слово.

Но на это немало повлияло и то, какъ отнеслась къ его браку сама Паша.

Узнавъ о его женитьбѣ, дѣвушка въ полномъ отчаяніи собралась покончить счеты съ жизнью, погрозилась утопиться и исполнила свою угрозу. Ее спасли почти случайно, въ-время вытащивъ изъ пруда, въ который она бросилась, не умѣя плавать и выбравъ ночное время.

Молодой Ларинъ поклялся возлюбленной, что хотя и будетъ въ церкви стоять подъ вѣнцомъ съ другой, но эта другая никогда не будетъ для него близкимъ человѣкомъ ни душевно, ни тѣлесно.

— Будетъ жить въ моемъ домѣ и будетъ называться барыней, — сказалъ онъ. — И больше ничего. А ты что была, то и будешь во вѣки вѣковъ.

Паша съ своей стороны поклялась, что въ случаѣ, если Андрей Петровичъ «перемѣнитъ мысли», станетъ настоящимъ супругомъ своей жены, то она снова будетъ въ пруду, но на этотъ разъ «сумѣетъ взяться похитрѣе».

Впослѣдствіи, когда дѣти ея были уже взрослыми, она объяснила, что въ случаѣ перемены въ мысляхъ Ларина она не пойдетъ топиться, а пойдетъ въ монастырь.

Чрезвычайно набожная Паша еще съ юныхъ лѣтъ, со дня ужасной смерти отца, считала, что лѣтъ жизни краше, и пріятнѣе, и счастливѣе, какъ въ пустынѣ на всегдашней молитвѣ.

Конечно, не только въ Ларинскомъ, но и по сосѣдству всѣ знали, кто такіе дворовые люди Андрей и Маремьяна Пашины. Всѣ удивлялись только, что покойный Андрей Петровичъ не отпустилъ на волю, а оставилъ крѣпостными во власти хотя и брата по крови, но все-таки барина и владѣтеля.

— Братъ не отецъ! — говорили всѣ. — Мало-ль что можетъ приключиться? Самъ онъ гнать и утѣснять не станетъ. Съ малолѣтства своего обоихъ любитъ и даже шибко любитъ. А если женится, да новая барыня начнетъ ихъ прижимать. Прикажетъ Маряшѣ быть у себя въ услугахъ, и повинуйся. Изъ барышень ступай въ сѣнныя или въ горничныя.

Впрочемъ удивлялись равно и тому, что самъ Алексѣй Андреевичъ не даетъ вольноотпускную Пашинимъ. Ходили слухи, что

покойный баринъ хотѣлъ непременно отпустить на волю своего побочнаго сына и записать въ купцы города Одоева, а дочь выдать замужъ за мелкаго дворянина, дакъ ей хорошее приданое. Да не успѣлъ. Думалъ ли онъ, что вдругъ при своемъ желѣзномъ здоровьѣ въ нѣсколько дней болѣзни можетъ очутиться на томъ свѣтѣ?

Увѣряли равно, что, умирая, Андрей Петровичъ самъ подтвердилъ сыну, что Пашины его единокровные, и просилъ его отпустить ихъ тотчасъ на волю, выплативъ десять тысячъ.

Послѣднее увѣреніе было ошибочно, такъ какъ Ларинъ предъ смертью былъ безъ памяти уже дня три.

— А самому нешто въ голову не идетъ? Самъ-то нешто не можетъ додуматься?—говорилъ Волковъ, и дворня повторяла его слова.

Когда Андрюшѣ Пашину намеками или прямо говорили, что онъ долженъ просить у Ларина волю себѣ и сестрѣ, молодой малый отвѣчалъ:

— Зачѣмъ? Намъ и у него хорошо.

— А женится. Новая барыня... Чужой человекъ будетъ.

— Онъ насъ съ ей въ обиду не дастъ.

— А подберетъ она его подъ себя. Тогда всѣмъ будетъ плохо, а вамъ обонмъ еще горше.

Вообще Андрей избѣгалъ разговоръ объ этомъ вопросѣ, какъ вообще избѣгалъ разговоръ насчетъ своего съ сестрой происхожденія. Онъ при этомъ всегда смущался, какъ если бы чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ.

Маряша, съ которой рѣже заводили люди бесѣду объ ея родствѣ съ Алексѣемъ Андреевичемъ, упорно отмалчивалась.

Казалось, это обстоятельство ее тяготитъ.

— Другая бы, на ея мѣстѣ, радовалась да похвалялась, а она, голубушка, будто печалуется, что такъ уродилась,—думалъ и говорилъ Волковъ.

Вдобавокъ Андрей Пашинъ былъ, какъ сказывается, вылитый портретъ Андрея Петровича, черноволосый, съ быстрыми, веселыми, отчасти будто лукавыми глазами подъ прямыми, какъ линейки, бровями, съ добродушно насмѣшливой улыбкой, со вздернутымъ тоненькимъ носомъ, съ заячьими вострыми зубами.

Маряша была живая мать. Такая же свѣтловолосая, такая же степенная въ движеніяхъ, только у нея въ нихъ было много болѣе женственной мягкости, изящества. Паша была только очень красива и миловидна. Ея дочь была вдобавокъ изящна и граціозна.

Выросшая въ маленькой кучерской каморкѣ Паша, проигравшая свое дѣтство лѣтомъ на улицѣ, а зимы просидѣвшая и дѣтство и юность съ дворовыми людьми, не могла, конечно, етать

тѣмъ, чѣмъ стала Маряша. Въ двѣнадцать лѣтъ, благодаря заботамъ отца, барина, дѣвушка лучше двадцатилѣтняго брата знала, что такое «указка», что значить Вукварь, Часословъ и Святцы, умѣла изрядно писать и хорошо читать. Она читала не только лучше брата, но и лучше законнаго сына Андрея Петровича, хотя надъ Алешей немало хлопотали и бились и родная мать, и дядечекъ Василій, и наконецъ учитель, грамотный изъ Тулы.

Впрочемъ хорошо читала Маряша потому, что едва только выучилась разбираться въ грамотѣ, какъ безграмотная мать стала заставлять дѣвочку читать себѣ Евангеліе всякій день, а Апостола раза два въ недѣлю и въ большіе праздники.

Братъ и сестра, крайне дружны, даже обожающіе другъ друга, были прямыми противоположностями, какъ и внѣшнимъ видомъ, такъ и внутренно, нравомъ, вкусами.

Андрюша былъ лѣнивѣе съ ранняго дѣтства и былъ поэтому теперь совершенно безграмотенъ. Зато у него была страсть къ рисованію, и, никогда не учившись, онъ на большихъ листахъ рисовалъ все, что вздумается, то барскій домъ, то мельницу, то повара Степана, то корову, то дворную жучку. И все выходило «точію живое», по мнѣнію не однихъ дворовыхъ, а и знакомыхъ сосѣдей.

Кромѣ того, у Андрея была замашка очень странная. Онъ любилъ рассказывать «небылицы въ лицахъ». Вздумаетъ и рассказываетъ, «откуда что берется», будто истинное происшествіе.

— Инъ подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ приключилось оное, а онъ видѣлъ да и доноситъ тебѣ,—удивлялись всѣ.

Въ одномъ особенно была огромная разница между братомъ и сестрой. У Андрея всегда было «что на умѣ, то и на языкѣ», и вся душа нараспашку. Маряша наоборотъ была «душа-потемки», и настолько, что даже братъ родной не зналъ ея и говорилъ часто: «Богъ ее вѣдаетъ». Никто не могъ знать или сказать, что дѣвушка о комъ или о чемъ думаетъ, какое ея мнѣніе. Поэтому Маряша часто всѣхъ удивляла своимъ словомъ или дѣломъ, идущимъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что предполагалось или ожидалось отъ нея.

Дружба съ дѣтства между Ларинымъ и Пашиными была самая тѣсная, крѣпкая и глубокая.

Чувство Маряши къ Алексѣю было, однако, для нея самой смутное или спутанное, и ей самой, конечно, было не подъ силу разобратъся въ немъ и распознать что либо. Съ тѣхъ поръ, что она знала Алешу, т.-е. съ первыхъ дней своего существованія, онъ былъ ей такъ же близокъ и дорогъ, какъ и Андрюша... Прежде были они для нея равны или оба вмѣстѣ составляли нѣчто одно цѣльное, милое, дорогое...

Послѣ смерти родителей Алексѣя Андреевича, когда онъ сталъ самостоятеленъ и сталъ одинокъ, онъ вдругъ сталъ кѣмъ-то дру-

гимъ для дѣвушки... Онъ будто отдѣлился отъ брата Андриуши и сталъ все отдаляться отъ него... И наконецъ сталъ отдѣльно предъ ней.

Маряша это видѣла, понимала, чувствовала и начала думать искренно, что у нея умъ за разумъ заходитъ.

Это кажущееся раздѣленіе двухъ человѣкъ, сливавшихся въ ея сердцѣ какъ бы въ одно существо, да еще съ первыхъ дней жизни, все усиливалось. Постепенно между братомъ Андреемъ и баринномъ Алексѣемъ Андреевичемъ не осталось уже ничего общаго. Дѣвушка попрежнему много любила обоихъ, но равно.

— Да, равно!—изумлялась она.—Совсѣмъ равно...

И она не понимала, въ чемъ же разнища. Любить ли она одного изъ двухъ больше или меньше прежняго? Нѣтъ, любить такъ же, да равно.

И однажды она задала себѣ вопросъ.

Если спросятъ: безъ кого тебѣ легче проживется? Ну, вотъ одинъ изъ нихъ долженъ уѣхать совсѣмъ навѣки или хоть помереть что ли?... Кого больше жаль?

И она испугалась своего отвѣта. Обомлѣла... Затѣмъ она перекрестилась и боязливо выговорила:

— Помилуй и спаси, Господи! Это—искушеніе врага человѣческаго.

Внутренній голосъ сказалъ ей, что Елена ей дороже...

Но это было... ! Это случилось, когда ей едва минуло 15-ть лѣтъ. Теперь была большая переменна. Алексѣй Андреевичъ былъ ей такъ же близокъ и дорогъ, какъ и родной братъ... Что-то ей непонятное, пылкое, неудержимое по отношенію къ Ларину испарилось. Осталось большое чувство, но спокойное.

Теперь, когда ей гревался суженый, женихъ и мужъ, то «онъ» былъ совсѣмъ не похожъ на Ларина. Онъ былъ не толстякъ, не «увалень», а напротивъ «ястребъ». Конечно, и лицо у него было другое, даже волосы другіе. Онъ не былъ «бѣлобрысъ», а черенъ, какъ цыганъ, съ глазами углями. Разумѣется, таковыхъ молодецвъ ни въ Ларинскомъ, ни въ округѣ не было, и таковыхъ дѣвушка не встрѣчала, не знавала. Одинъ Кириллъ «смахивалъ» на такового. И молодцу Кирюшѣ дѣвушка улыбалась иначе, чѣмъ другимъ всѣмъ. Но что она думала про него, «Богъ ее вѣдаетъ»!

И не мудрено, если «суженый» гревался дѣвушкѣ не въ образѣ Ларина.

Алексѣй Андреевичъ своей внѣшностью мало походилъ на родовитаго дворянина и совсѣмъ не походилъ на своего отца или дѣда.

Андрей Петровичъ былъ стройный, высокій и сухощавый брюнетъ, искусный верховой ѣздокъ и вообще ловкій во всѣхъ играхъ, а особенно въ танцахъ. Дѣдъ, Петръ Петровичъ, слылъ за кра-

савца во всей округѣ и, когда однажды представлялся ко двору царицы Елисаветы Петровны въ Москвѣ, то былъ всѣми придворными замѣченъ и отличенъ, какъ статный родовитый по виду дворянинъ, несмотря на то, что въ это время онъ былъ уже на склонѣ лѣтъ, а не въ пору молодости.

Сынъ пригожаго и ловкаго Ларина и внукъ красавца Ларина былъ наоборотъ самый неказистый дворянинъ всего Одоевскаго уѣзда, если не всего Тульского намѣстничества.

Алексѣй Андреевичъ былъ лицомъ чрезвычайно похожъ на свою мать, которую въ дѣвицахъ прозвали «парнемъ въ юбкѣ». Онъ былъ средняго роста, очень плотенъ или объемистъ, какими бывають лишь сорокалѣтніе люди, а не двадцатилѣтніе. Помимо этого онъ былъ какъ-то тяжеловатъ въ движеніяхъ и въ походкѣ и медлителенъ даже въ рѣчи... Если онъ отличался спокойствіемъ характера, за исключеніемъ рѣдкихъ вспышекъ гнѣва, то это спокойствіе, казалось, являлось скорѣе послѣдствіемъ тѣлеснаго сложенія, нежели душевнаго склада.

Сынъ ловкаго танцора, онъ былъ настолько тяжеловатъ и даже неуклюжъ, что не могъ совершенно ѣздить верхомъ. Разумѣется, при своей полнотѣ онъ не могъ и бѣгать и, стало быть, играть съ дворовыми въ разныя игры. И эта неуклюжесть сказалась еще лѣтъ въ 14-ть.

Мать и дворня не видѣли ничего и говорили убѣжденно и искренно:

— Мой Алеша здоровякъ! Не чета разнымъ чахлымъ дворянскимъ отрокамъ.

— Нашъ молодой баринъ—настоящій баринъ. Важный и степенный даже въ отроческіе годы.

— Увалень. Не барчукъ, а парень,—мысленно говорилъ отецъ.

Самъ Алексѣй, годами слыша такое мнѣніе о себѣ, увѣроваль въ то, что онъ здоровякъ, а не чахлый, степенный, а не вьюнъ... А, стало быть, вообще природой не обиженъ.

Зато Алексѣй видѣлъ ясно въ зеркало, что лицо его толсто, мясисто, сѣрые глаза черезчуръ малы, носъ тула-сюда, чуденъ своимъ вострымъ кончикомъ, ротъ очень великъ. Но все-таки лицо—ничего. Конечно, онъ не красавецъ, какъ Андрюша Пашинъ, но зато онъ и лицомъ степеннѣе.

Вообще Ларинъ и не помышлялъ о томъ, что собственно очень дуренъ собой.

XIII.

Чувство Алексѣя Ларина къ дѣвушкѣ было, конечно, не простое увлеченье, легкое и мимолетное, не прихоть, не блажь. Не вдругъ пришло оно и захватило... Нѣтъ, оно давно явилось, долго и тихо, будто тать, подкрадывалось къ нему и незамѣтно овладѣвало и покоряло себѣ.

Послѣ долгой борьбы онъ придумалъ вѣрное средство. Уѣхать изъ родного гнѣзда, отлучиться отъ всего, что окружало его съ дѣтства, къ чему онъ привыкъ, съ чѣмъ сроднился.

Онъ переѣхалъ въ свой уѣздный городъ, но здѣсь ему показалось, что Ларинское слишкомъ близко и властно манитъ, тянетъ его къ себѣ назадъ. Пробывъ мѣсяцъ, онъ переѣхалъ въ Тулу, быстро перезнакомился, сталъ бывать ежедневно въ гостяхъ, на вечерахъ, пирахъ и балахъ. Онъ былъ, конечно, принимаемъ радушно во всѣхъ дворянскихъ семьяхъ, какъ благовоспитанный молодой человекъ, да вдобавокъ состоятельный, владѣлецъ почти пяти сотъ душъ крестьянъ, унаслѣдованныхъ отъ отца и матери, и слѣдовательно выгодный женихъ.

Онъ могъ бы зажить беззаботно или жениться блестяще.

Оказалось, что Ларинское все-таки слишкомъ близко и тянетъ. Всего-то около ста верстъ, которыя можно на своихъ сытыхъ коняхъ отмахать въ шесть часовъ, много въ семь.

— Захочу,—говорилъ себѣ Ларинъ, просыпаясь утромъ,—къ вечернѣ буду уже дома.

И надо было уѣхать еще дальше. Куда же? Конечно, въ столицу, въ Бѣлокаменную, гдѣ онъ къ тому же никогда не бывалъ. Тамъ развлеченія, удовольствія и «всяческая общественность» такова, что, сказываютъ, людей мѣняетъ. Люди въ столицѣ будто перерождаются. А это именно ему и нужно. По зарѣвѣ нужно.

Къ удивленію своихъ тульскихъ знакомыхъ и новыхъ друзей, Ларинъ однажды утромъ, даже не простясь ни съ кѣмъ, бросилъ нанятый имъ красивый домъ и исчезъ... Черезъ два дня узнали, что онъ отправился въ Москву. И не выѣхалъ, а уѣхалъ. Не на побывку, а совсѣмъ... Одна дѣвица, племянница предводителя, даже горько заплакала у себя въ мезонинѣ украдкой отъ родителей. Она уже надѣялась стать госпожей Лариной. Да и родные ея тоже надѣялись... Да и самъ Алексѣй Андреевичъ подумывалъ, думая о ней:

— «Не распутать ли все единымъ махомъ? И всему конецъ. Перекреститься и броситься, какъ на Иордани въ крещенскую воду. Сначала ошалѣешь, а тамъ очухаешься, и все пройдетъ. Даже тепло покажется, тѣло огнемъ загорится».

Но броситься въ морозную воду, т.-е. жениться на племянницѣ предводителя съ маху, безъ оглядки, у Ларина не то, что бы не хватало духу, а не было никакого желанія.

— Не хочу я съ маху отрѣзвать, а хочу распутать! Тихонько, безъ боли освободиться,—сказалъ онъ себѣ.

И онъ, задумавъ новое, приободрился. Онъ рѣшилъ.

— Поѣду въ Москву. Можетъ быть, въ ней всякія столичные чудеса меня переменятъ. Можетъ, отобьютъ охоту раздумывать да распутывать эту мертвую петлю.

Въ Москвѣ Ларинъ тотчасъ началъ еще усиленнѣе знакомиться и веселиться на всѣ лады. Но онъ заставлялъ себя веселиться. Ложась спать впервые въ жизни по-столичному около полуночи, онъ думалъ о Ларинскомъ, о своемъ домѣ, о правомъ флигелѣ, который... который онъ любить. Когда онъ просыпался, опять первая мысль его была о родномъ гнѣздѣ, гдѣ осталось все... Жизнь его осталась!

Однако цѣлую зиму выдержалъ Алексѣй Андреевичъ въ перепрестольной. Ознакомился со всѣмъ и со всѣми, что и кто только оказалось готовымъ на подачу руки.

Однако отъ одного сторонился онъ, какъ отъ чумы, какъ отъ самого врага человѣческаго, дьявола... Отъ разныхъ продажныхъ прелестницъ, которыхъ было немало въ столицѣ, не только иноземокъ, нѣмокъ и шведокъ, но и своихъ русскихъ. Равно сторонился молодой человѣкъ и отъ черезчуръ любезныхъ и предпримчивыхъ замужнихъ и вдовушекъ и въ особенности отъ молодыхъ вдовушекъ-невѣстъ.

Женщины не существовали для него. Его отношеніе къ нимъ было сначала равнодушіе, а здѣсь въ столицѣ перешло въ какую-то ненависть.

Эта зима проходила и прошла тяжело. Когда началъ таять снѣгъ, повѣяло весной, налились почки деревъ, прилетѣли ласточки, Ларинъ сталъ угрюмъ, особенно задумчивъ и пересталъ бывать въ гостиныхъ.

Просидѣвъ наконецъ недѣлю безвыѣздно дома и безвыходно въ своей спальнѣ, въ халатѣ, онъ вдругъ будто озлобленно закричалъ вошедшему камердинеру Павлу.

— Приказывай собираться, выкормить на дорогу лошадей. 'Ѣдемъ.

— Куда это то-исъ? — спокойно спросилъ удивленный молодой лакей, любимецъ барина, позволявшій себѣ обращаться съ нимъ за панибрата.

— Куда? Дурень! Домой, домой! Домой, въ Ларинское. Буде чорта тѣшить, буде себя терзать!

Павелъ, державшій въ рукѣ кафтанъ барина, выронилъ его на полъ и заоралъ, какъ помѣшанный.

— Господи! Сла-те, Господи! Вотъ хорошо-то!

Черезъ пять минутъ полдюжины привезенныхъ съ собой людей уже знали, что они ѣдутъ домой.

— Вотъ праздникъ-то! Истинный праздникъ! — восклицали они. Ну ее къ Богу, эту хваленую Москву!

Только будто теперь Алексѣй Ларинъ вполне уяснилъ себѣ самому свое настоящее чувство къ Маряпѣ. Убѣдившись, какое это чувство, — онъ еще болѣе испугался. Какъ послѣднее средство, рѣшилъ онъ уѣхать изъ родного гнѣзда, надѣясь, что разлука будетъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ душевной или сердечной хворости. И ничего не вышло.

— Можетъ, оно не только совѣмъ пройдетъ, а будетъ потомъ даже удивительнымъ и неразумнымъ сдаваться, — утѣнялъ онъ себя уѣвая.

Однако эта отлучка изъ Ларинскаго, длившаяся съ осени и до лѣта, привела только къ другому. Она напротивъ, по его выраженію, «разожгла» его. Прежде онъ терпѣлъ кое-какъ, чрезъ силу, а, пернувшись домой, былъ совѣмъ, какъ въ воду опущенный. А главное онъ совѣмъ потерялъ надежду выйти изъ своего мудренаго положенія.

— Какъ все приключилось! Какъ приключилось! — въ отчаяніи повторялъ онъ безпомощно.

Уѣвая онъ все-таки надѣялся смутно, что встрѣтитъ какую нибудь дѣвицу, дворянку, которая ему полюбится, хотя бы даже немного, и тогда онъ женится... И все не сразу, а постепенно уладится.

Убѣдился онъ въ противоположномъ, въ томъ, что ни одна изъ сотни дѣвицъ, видѣнныхъ имъ въ Тулѣ, а затѣмъ и въ столицѣ, ему не только не по душѣ, а даже будто всѣ противны и ненавистны до послѣдней степени.

Эти дѣвицы, инныя даже очень красивыя, были ему именно ненавистны. Онъ относился къ нимъ будто враждебно. И все изъ-за нея же, изъ-за Маряши. Какъ будто онѣ были виноваты въ томъ, что онъ собрался одною изъ нихъ насильно замѣнить се въ своемъ сердцѣ.

— Проклятыя! — говорилъ онъ вдругъ самъ себѣ и удивлялся, будто пойманъ себя на невольномъ чувствѣ ненависти, безпричинной и нелѣпой.

— Онѣ-то чѣмъ же виноваты?... спрашивалъ онъ себя.

Снова увидя Маряшу чрезъ мѣсяцевъ восемь-девять разлуки, Алексѣй Андреевичъ нашелъ дѣвушку, къ своему даже ужасу, неизмѣримо красивѣе, прекраснѣе, — не однимъ лицомъ, а и поведениемъ, и голосомъ, и малѣйшимъ словечкомъ, — всѣхъ дѣвицъ, что прошли предъ его глазами.

— Второй такой нѣтъ на свѣтѣ, — рѣшилъ онъ и поникъ головой, какъ если бъ до него дошла неожиданная вѣсть о великомъ несчастіи.

— Ну, вотъ, Маряша... Чуть не годъ... Гдѣ-гдѣ я не былъ. Кого только не видалъ. Княженъ и генеральскихъ дочекъ видѣлъ... А вотъ... какъ уѣхалъ, такъ и пріѣхалъ. Что осталось? Говори. Руки на себя наложить. Только...

Маряша, смущаясь, грустная и тихая, отвѣчала все то же.

— Выньте изъ головы.

Въ концѣ концовъ пришлось убѣдиться поневолѣ и окончательно, что противодѣйствовать чувству нельзя. Никто ничего не можетъ сдѣлать. И самъ онъ ничего не можетъ. Оно имъ владѣетъ, а не онъ имъ.

Стало быть, одинъ исходъ... сожительство... такое, какое видишь кругомъ въ средѣ дворянства, какое было и у нихъ въ Ларинскомъ. Отецъ даже примѣръ.

Но это было невозможно по милости Маряши, которая предпочла бы этому все на свѣтѣ. Сибирь въ качествѣ крѣпостной или смерть.

Такъ же судилъ и ея братъ... Да такъ же посудила бы и вся дворянства.

Другой исходъ былъ законный бракъ...

А это было еще мудренѣе, такъ какъ при этомъ пришлось бы дѣло имѣть уже не съ одними знакомыми и друзьями и ихъ укоризной, не съ одной дворней и ея молчаливымъ осужденіемъ, а съ закономъ и съ духовными властями. Послѣ такого брака можно было очутиться въ монашескомъ одѣяніи, быть постриженнымъ не по призванію, а по указу свыше.

Убѣдившись, что излѣчиться отъ своей «незаконной» любви оказывается недостижимымъ, несмотря на всяческія старанія, пробы и попытки, онъ сталъ надѣяться побороть волю дѣвушки, убѣдить ее согласиться на скрытное, конечно, условно тайное сожительство, якобы укрытое отъ всѣхъ, подспудное, но всѣмъ извѣстное.

Маряша тихо, но упорно стояла на своемъ:

Если таковое дойдетъ до свѣдѣнія матери монахини, то ее прямо убьетъ. Стать любовницей побочнаго брата и убійцей родной матери значитъ принять на душу два смертныхъ грѣха, которые поведутъ къ третьему смертному грѣху — самоубійству съ горя, стыда и раскаянія.

— Лучше начать съ третьяго и одинаго!—говорила Маряша и упорно, твердо надѣялась и ждала, что у Алеши «грѣховныя мысли пройдутъ».

А когда онъ наконецъ обзаведется женой и семьей, и она тоже можетъ подумать о себѣ.

По природѣ тѣлесный и душевный «увалень», Ларинъ, можетъ быть, смирился бы предъ обстоятельствами, помѣхами и преградами непреодолимыми, но была личность, которая будила его, «взбудораживала и подзадоривала», по его же сознанію. Это была пылкая и огневая во всемъ его двоюродная сестра. Она имѣла огромное вліяніе на брата, сама того не подозревая. Огонь ея природы будто сообщался ему, зажигалъ и его, безъ ея вѣдома.

Каждый разъ, что Ишимова гостила у Ларина, онъ даже въ образѣ жизни измѣнялся, оживлялся и глядѣлъ бодрѣе. Въстѣ съ тѣмъ и его какъ бы задремавшая отчасти страсть разгоралась снова. Готовность и рѣшимость на борьбу съ обстоятельствами крѣпла и переходила въ новые планы и проекты, за которые онъ, по выраженію Маряши, «хватался махомъ—вынь да положи!»

Дѣвушка упрекала даже Ишимову, что она вмѣсто того, чтобы успокаивать двоюроднаго брата, только пуще его «бередить».

— Да ты сама-то... Не хочешь что ли этого? — не разъ съ удивленіемъ спрашивала у нея Софья.

Маряша отвѣчала каждый разъ такъ, что отгадать ея мысль было невозможно.

Теперь, явившись въ Маринское, какъ снѣгъ на голову, молодая вдовушка, разумѣется, какъ и всегда, оживила домъ и усадьбу однимъ своимъ присутствіемъ. Не только Алексѣй Андреевичъ, но даже люди и уже, конечно, больше всѣхъ Волковъ будто встрепетались и смотрѣли весело.

Что касается до Андрея, то онъ самъ не зналъ, какъ относится къ планамъ вдовушки.

Чувство его къ Ишиновой было положительно неопредѣлимо, неуловимо и неясно ему самому. Онъ былъ въ полной власти у «Сони-вьюна», какъ онъ звалъ ее. Ему чудилось, что онъ любитъ сестру больше Сони, но ей, сестрѣ, онъ могъ и противиться, тогда какъ предъ Соней онъ будто труситъ и повинуется ей во всемъ, какъ малый ребенокъ. Ему и на умъ не приходила возможность въ чемъ либо перечить ей.

Передъ прїѣздомъ Ишиновой дня за три Андрей говорилъ сестрѣ, что затѣя ихъ о бракѣ — дѣло совсѣмъ немыслимое, которое надо оставить. По прїѣздѣ и при бесѣдахъ вдовушки о необходимости немедленно начать хлопоты о свадьбѣ Андрей соглашался съ нею во всемъ и рѣшался на все.

На другой же день по прїѣздѣ Софья послала его за священникомъ, отцомъ Елисѣемъ, чтобы оять потолковать объ ихъ бракосочетаніи, и Андрей радостно не пошелъ, а побѣжалъ къ священнику.

— Ты что сказывалъ третьяго дня еще! — замѣтила сестра.

— Ахъ, Маряша... Да нешто съ ней можно?... — виновато отозвался Андрей.

— Стало бытъ, самъ хочешь и лукавишь со мной.

— Охъ, вотъ предъ Богомъ — нѣтъ!

XIV.

Разумъ можетъ устать не отъ одной работы, а и отъ упорнаго размысленія, въ особенности горькаго размысленія. И этому уставшему разуму начинаетъ казаться простымъ чрезвычайное, хорошимъ — самое худое, яснымъ — самое темное и сложное.

Измучившемуся въ обсужденіи и рѣшеніи все одного и того же неразрѣшимаго вопроса и разумомъ уставшему Алексѣю Андреевичу изрѣдка приходили въ голову планы, казавшіеся ему удивительно удачно придуманными. Онъ удивлялся только, какъ раньше не додумался до подобнаго.

Первая замѣтила это Маряша и вѣрно поняла и оцѣнила явленіе.

— У тебя, голубчикъ, умъ за разумъ заходитъ. Даже страшно становится. Просьте все... Покоритесь судьбѣ.

Теперь по прїѣздѣ Ишимовой, присутствіе которой оживило его, какъ всегда бывало, Ларинъ вновь надумалъ нѣчто и рѣшилъ не откладывать въ долгій ящикъ исполненіе надуманнаго.

Онъ рѣшилъ пустить слухъ въ своей вотчинѣ, что если Андрей Пашинъ дѣйствительно его побочный братъ, то Маряша ему совсѣмъ чужая. Она—не дочь отца его, а дочь любезнаго, котораго скрытно отъ всѣхъ и безъ вѣдома Андрея Петровича завела себѣ Павла Тимошеевна послѣ того, какъ онъ, Алексѣй, родился на свѣтъ.

Ларинъ рѣшилъ, что надо этотъ слухъ пустить между своими людьми, а затѣмъ самому подтвердить и сослаться на того, кто лучше всѣхъ долженъ былъ знать правду,—сослаться на своего отца.

— Солгать, оклеветать покойнаго, да еще родного отца?—спросилъ себя Алексѣй Андреевичъ и отвѣтилъ:—что дѣлать? Легче лгать, клеветать, легче даже разбойничать, чѣмъ мыкаться, какъ я мыкаюсь.

И Ларинъ былъ правъ, какъ бы чисто предъ своей совѣстью. Его нравственные мученія были много горше, тяжелѣе, невыносимѣе, чѣмъ душевное состояніе любого душегуба.

Рѣшившись твердо оклеветать для своего личнаго счастья или своего спасенія и родного отца и мать любимой дѣвушки, Ларинъ сталъ обдумывать, какъ пустить слухъ умнѣе, искуснѣе.

Онъ рѣшилъ начать съ самаго стараго и уважаемаго всѣми двороваго, съ Крониды Волкова.

— Если Кронидъ повѣритъ, убѣдится, то всѣ повѣрятъ... И положеніе его и Маряши станетъ тогда просто, проще нельзя. Изъ самаго безысходнаго оно станетъ яснымъ, естественнымъ, законнымъ. Они чужіе другъ другу. И нѣтъ никакого вопроса о грѣхѣ.

Не прошло одного дня, какъ онъ рѣшился дѣйствовать, не сказавъ ни слова Маряшѣ и предпочитая объявить ей все уже послѣ.

— А то, конечно, воспротивится,—рѣшилъ онъ.

И, отчасти волнуясь, онъ послалъ лакея за старикомъ, приказавъ:

— Скажи, потолковать чтобы шелъ съ баринкомъ.

Волковъ бывалъ всегда доволенъ и даже горделиво доволенъ, когда господа съ нимъ бесѣдовали, и явился съ важнымъ видомъ.

Потолковавъ со старикомъ о всякихъ пустякахъ, Алексѣй Андреевичъ умышленно перевелъ разговоръ на Кирилла и спросилъ его мнѣнія, годится ли малый въ должность буфетчика.

— Гдѣ ему?—отвѣтилъ Волковъ.—Онъ малый хорошій, да вѣдлѣивнѣе не было, да и не будетъ. Да и вахлакъ... Ему кусокъ хлѣба разжевать да проглотить—нуженъ часъ времени.

— Наша дворянская кровь,—замѣтилъ Алексѣй.—Варская замашка у него, Кронидъ.

Волковъ промолчалъ, какъ бы не обративъ вниманія на слова барина или какъ бы соглашаясь съ тѣмъ, что давно всѣми рѣшено.

— А знаетъ ли Кириллъ, что этотъ князь недавно скончался?— спросилъ Алексѣй, умышленно солгавъ.

— Развѣ скончался?—переспросилъ Волковъ отчасти равнодушно.—Нѣтъ. Полагаю, не знаетъ. Да и что же ему, Алексѣй Андреевичъ, что живъ этотъ князь, что не живъ? Кириллъ отъ него никогда ничего не видалъ. Покойникъ Андрей Петровичъ, царство ему небесное, сказывалъ мнѣ, что, будучи въ Москвѣ, тому ужъ, правда, годовъ десять, онъ опять напоминалъ князю, что его отродіе у насъ въ Маринскомъ, и что онъ малый и кавистый, пригожій, да и умница. Сказывалъ мнѣ Андрей Петровичъ: думаю де я, пошлетъ онъ Кирюшкѣ со мной подарокъ какой изъ столицы, хоть пустяковину... Ничего... Думалъ я, онъ попроситъ меня, какъ барина-владѣтеля, не обижать свое урожденье, что въ холопахъ у чужого остался. Ничего. И не по малосердію... Слухъ ходилъ у насъ тогда, когда горничная Улита подвернулась здѣсь князю подъ руку, въ его побывку у насъ, слухъ былъ отъ камердина князева, что куда его барина ни занесетъ въ гости, вездѣ у него вазноба и вездѣ безпремѣнно урожденье оставить. И такихъ, какъ Кириллъ, у князя, можетъ, сотни была и есть. Вотъ всѣхъ ихъ ему не подбирать стать.

— А все-таки не хорошо,—отвѣтилъ Алексѣй.—И не говорю, чтобы онъ Кирилла у батюшки выкупилъ, взялъ бы къ себѣ во дворъ, возрастилъ бы его, какъ родного, хотя и побочнаго... Это рѣдко кто дѣлаетъ. Вотъ батюшка родитель на этотъ счетъ былъ другой человѣкъ... Даже не только единокровнаго, хоть побочнаго сына пригрѣлъ, а даже...

И Алексѣй невольно запнулся... Въ послѣднее мгновеніе у него будто не хватило силы на ту ложь, на ту клевету, которую онъ приготовилъ. Черезчуръ дерзка она была, черезчуръ злобна.

Однако передохнувъ онъ выговорилъ:

— Да, по добросердечію такое содѣялъ, чего никто на свѣтѣ, Кровидъ, на себя не возьметъ. Ты знаешь, небось, это... Хотя въ усадьбѣ у насъ оно было укрыто, но ты не въ примѣръ. Ты-то вѣрно знаешь?

— Что собственно?—спросилъ, недоумѣвая, Волковъ.

— О чемъ я говорю... Про батюшку родителя. Насчетъ того, что онъ не чета этому князю...

— Какъ же можно! Какая же чета!.. Андрей Петровичъ былъ чуть не святой по добротѣ человѣкъ!—воскликнулъ старикъ.

— Ну, да... И чего же ужъ больше, какъ чужого ребенка за своего почестъ, всѣмъ за своего выдавать и всячески, какъ своего, холить и ласкать...

— Чужого? Какого? Кого то-исъ?

— Стало, ты не знаешь. Или забылъ, можетъ... Вспомни.

— Ничего я, Алексѣй Андреевичъ, простите, не уразумѣю, про что вы изволите говорить.

— Ну, вотъ и здравствуйте! — разсмѣялся Ларинъ, но сухимъ, дѣланнымъ смѣхомъ, такъ какъ совершенно не умѣлъ лукавить и притворяться... Стало быть, надо начинать сначала. Ты говорилъ, что князь былъ человѣкъ не сердечный, бросилъ единокровнаго ребенка и никогда объ немъ и не вспомнилъ. Такъ вѣдь?

— Точно такъ-съ.

— Ну, вотъ мы и сказывали, что родитель мой — не чета ему. Своего единокровнаго выходилъ у себя въ домѣ, какъ бы законнаго, такъ же соблюлъ и выростилъ, какъ меня своего единороднаго и законнаго... Что я, что Андрюша — мы равно въ домѣ считались, какъ бы законные родные братья и сыны. Конечно, съ согласія матушки, но все-таки воля эта была батюшкина. Такъ вѣдь?

— Вѣстимо. Екатерина Семеновна допустила по любви и добротѣ безпримѣрной своей. Другая бы барыня не только въ домѣ Андрюшу не пустила, а со двора на деревню угнала бы. А то еще хуже... Стала бы гнать, да загоняла бы на тотъ свѣтъ. За такимъ примѣромъ ходить не далеко. Есть у насъ въ округѣ.

— Правда... Кронидъ. А какова же доброта чужого ребенка за своего выдавать! Матушка все-таки не взяла Андрея обманомъ на себя... «Мой, молъ, онъ». А только не гнала. А батюшка взялъ чужого ребенка на себя, да еще любилъ какъ?

Наступило молчаніе, такъ какъ Кронидъ Захарычъ не понималъ ничего, что говорить баринъ про «чужого ребенка», а Ларинъ ждалъ вопроса.

— Да... заговорилъ онъ снова самъ. — И многіе почитаютъ Маряшу и теперь такой же родной дочерью батюшки, какимъ приходится ему Андрюша. И зовутъ ее Андреевной.

— А то какъ же? Вы про что же? — изумляясь произнесъ Волковъ.

— Она же батюшкѣ чужая.

— Какъ чужая?

— Да такъ...

— Маряша?! Маремьяна Андреевна?! — вскрикнулъ Волковъ.

— Ну, да... да.

Богъ съ вами, Алексѣй Андреевичъ!

— Стало, ты не зналъ этого. Я думалъ, что ты-то, любимецъ батюшкинъ, зналъ правду спервоначала.

— Какъ же она не дочка Андрея Петровича? Она, Маремьяна Андреевна, она же дочка Павлы Тимофеевны.

— Да, Павлы Тимофеевны... Но не отъ батюшки, а отъ другого. Отъ любезнаго человѣка...

— Что вы, Алексѣй Андреевич!

И Волковъ, широко раскрывъ глаза, уставился на барина, почти пораженный слышаннымъ.

— Такъ вотъ, Кронидъ, истинная доброта. Любя Павлу Тимоѣевну, батюшка ей простилъ. И мало что простилъ, а взялъ дѣвочку на себя, почелъ за свою, какъ и Андрюшу. И выходилъ, какъ свою. И отъ всѣхъ скрылъ, никогда не обмолвился, такъ что никогда никто ничего и не узналъ... И я бы не зналъ.

— Вотъ, Господи... вотъ, помилуй, Господи!...—пробормоталъ Волковъ и не договорилъ.

— Да, удивительно.

— Да какимъ...—началъ Волковъ.—Какъ, простите, она оказалась? Откуда баринъ узналъ? Павла Тимоѣевна сама повинилась?

— Сама. Чтобы тяжесть съ души снять. Она вѣдь всегда сердечная и безхитростная была.

— Что точно... Но виновать, баринъ... Коли Андрей Петровичъ, царство ему небесное, никому, ни единому человѣку никогда про оное не сказывалъ, то отъ кого вы изволили освѣдомиться?

— Нѣ. Чудакъ ты, Кронидъ. Понятно только отъ самого батюшки и могъ узнать. Онъ мнѣ повѣдалъ.

— Самъ? Андрей Петровичъ? Вамъ?

— Да...

И Ларинъ опустилъ глаза подъ взглядомъ старика Крониды. Онъ будто прочелъ что-то и ясно прочелъ во взглядѣ любимца покойнаго отца.

— Дивлюся я, что батюшка тебѣ никогда этого не сказалъ,—проговорилъ Ларинъ нетвердымъ голосомъ.

И онъ чувствовалъ совершенно ясно, какъ если бы слыналъ ушами или видѣлъ глазами написанное на лицѣ Волкова.

— Не правда! Измысленіе! Клеветничество!

И молодой человѣкъ, уже смущаясь, спросилъ:

— Тебѣ даже какъ будто и не вѣрится?

— Что грѣха таить...—глухо отозвался Волковъ.—Сразу-то...

— Не стану я выдумывать да на родителя кленать.

И болѣе рѣшительно, твердымъ голосомъ Алексѣй рассказалъ подробнѣе, какъ узналъ тайну отъ отца.

XV.

И Ларинъ отпустилъ отъ себя своего главнаго дворцоваго человѣка, самодовольно размышляя.

— Ну, теперь пойдетъ звонить. Къ вечеру весь домъ будетъ знать, что Марьяна не дочь батюшкина.

Волковъ вышелъ отъ молодого барина озадаченный, задумчивый и даже разгрозненный. Онъ особенно любилъ молодую дѣвушку

и, уже около двадцати лѣтъ любя ее, считалъ «барыниней» по отцу... Оказывается вдругъ, что она холопка, такая же, какъ и онъ самъ!

А барская кровь или холопская кровь—для Кронида Захарыча было обстоятельствомъ первостатейной важности. Быть можетъ, но всемъ намѣстничествѣ не было другого человѣка, который бы такъ смотрѣлъ на это дѣло, какъ Волковъ.

Всѣ его мысли, всѣ поступки, всѣ чувства и вся жизнь сложились на основаніи глубокаго и твердаго убѣжденія, что весь міръ Божій зиждется на одномъ главномъ устоѣ, раздѣленіи людей человѣковъ на два разныхъ вида или сорта, господъ и крѣпостныхъ, дворянъ и холоповъ.

— Весь свѣтъ на этомъ стоитъ,—разсуждалъ Волковъ,—всѣ порядки, всѣ законы и всяческія правила. Захотѣлъ Господь, чтобы былъ владѣлецъ душъ и былъ хамъ. Всѣ по образу и подобию Божію равно сотворены, но это только по видимости, тѣлесно, души же барская не такова, какова душа холопская.

Умный Кронидъ Захарычъ, проживъ почти безвыѣздно въ Ларинскомъ, помня еще время барина Петра Петровича, затѣмъ жизнь при Андрѣ Петровичѣ, вспоминая все, что прошло предъ его глазами, былъ и остался при убѣжденіи, что раздѣленіе людей на два состоянія, холопское, подвластное и властительское, господское,—есть именно дѣло Божье, святая воля Его, премудрая и несповѣдимая.

Въ этомъ убѣжденіи немало утвердилъ Волкова и мѣстный ихъ священникъ, отецъ Елисей.

Отъ него давно узналъ Волковъ кое-что изъ Священнаго Писанія и узналъ, между прочимъ, что у старца, именемъ Ноя, было три сына, которыхъ прозывали Симъ, Хамъ и Яфетъ. Отъ перваго и старшаго уродились и пошли дворяне, помѣщики, а отъ втораго—крѣпостные рабы, которыхъ такъ и зовутъ: хамово отродіе. У Яфета урожденія не было, а если было, то, по всей вѣроятности, это нехристи и жида. А то сказываютъ, что отъ него вѣдьмы и вѣдуны пошли. Но это—неправда.

Узналъ Волковъ равно, что власть отъ Бога всякая, какая бы ни была. Прежде всего, вѣстимо, царская власть. Она прямо отъ Бога. А потомъ уже царь власть даетъ однимъ своимъ подвластнымъ надъ другими. Царь дѣйствуетъ Божіею милостью, а вотъ намѣстникъ что ли дѣйствуетъ по императорскому указу.

Разумѣется, Кронидъ Захарычъ смотрѣлъ на все, что творили его господа, какъ на исполненіе воли Божьей. Слѣпое повиновеніе своимъ господамъ при любви и уваженіи къ нимъ было святымъ долгомъ, а ропотъ противъ нихъ великимъ грѣхомъ.

Какъ Господь Богъ властенъ въ людяхъ-человѣкахъ, такъ царь властенъ въ россійскихъ людяхъ, православныхъ. Нехристей царь

не знаетъ и знать, понятно, не желаетъ. Они—яфетово отродье. Также дворянинъ властенъ въ хамовомъ отродьѣ.

Одинъ вопросъ долго смущалъ Волкова. Вопросъ или обстоятельство возникло и создалось около него въ самомъ Ларинскомъ.

Андрюша, Марьяна, да хотя бы и Кириллъ?.. Они-то что же и какъ же? чѣмъ ихъ почестъ?..

Отецъ Елисеѣй опять-таки помогъ ему распутаться и уразумѣть.

Дѣти дворянина, хотя бы и отъ крѣпостной дѣвки и мужички, все-таки дворяне «костями и духомъ», хотя по состоянію хамы. Законъ ихъ не признаетъ. Но законъ писанъ людьми. То законъ Божій, а то законъ человѣческій. По закону человѣческому, Андрей и Маремьяна именуются Пашинными, а по закону Божьему они единокровны барину Андрею Петровичу и, стало быть, тѣ же дворяне. Будь она Паша дворянкой, а Андрей Петровичъ крѣпостнымъ, то и Пашины, братъ съ сестрой, были бы холопами.

Волковъ, конечно, вполнѣ довѣрялся сужденіямъ священника, хотя случалось часто, что многое, объясняемое Кронида Захаричу отцемъ Елисеѣемъ, бывало изречено такъ мудрено и такъ спутано, что совсѣмъ трудно было понять... Иногда выходило иное—«и такъ и этакъ».

На сомнѣнія и вопросы Волкова священникъ, конечно, отвѣчалъ:

— Мало чего захотѣлъ! Все понять? Надо вѣровать.

И все то, что Волкову было не понятно на свѣтѣ, иначе говоря, въ Ларинскомъ и въ округѣ, онъ заставлялъ себя или понуждалъ «взять вѣрой».

Сосѣдній помѣщикъ, уже покойникъ, былъ при жизни извергъ, вѣрѣ лютый... Всѣ его такъ судили и господа, и крестьяне...

— Какъ же такъ?—спрашивалъ себя Волковъ, будучи уже охотникъ разсуждать и обдумывать всяческое въ глаза лѣзущее.— Какъ же и зачѣмъ урождаются такіе дворяне, владѣтели душъ крѣпостныхъ отъ Бога и изувѣры?

— Стало, такъ нужно. И Богу отвѣтъ самъ онъ и отдастъ. А намъ разсудить и понять нельзя. Вѣрой бери и повинуйся. Вотъ если тебя такой же хамъ, какъ и ты, начнетъ терзать и смертельно изводить, ты не давайся ему. Онъ не по волѣ Божьей, а противъ Бога дѣйствуетъ.

Такимъ образомъ, съ молодости считая господъ людьми по образу и подобию Божию лишь по видимости, а невидимо существами особлявыми, а крестьянъ и холоповъ вообще по образу и подобию Божию одной лишь видимостью, а внутренно тварями не многимъ лучше, чѣмъ собака-песъ, Волковъ, конечно, относился къ дворянамъ и въ особенности къ своимъ господамъ съ особымъ чувствомъ очень сложнымъ, гдѣ было не только уваженіе, а благоговѣніе, не только любовь, а обожаніе, Богомъ велѣнное и указуемое, не только повиновеніе, а добровольное подобоострастіе.

Онъ съ ранняго дѣтства Марьяни любилъ ее особенно сильно и всегда помнилъ и говорилъ себѣ, что она дочь—единокровная барина, его владѣтеля, такая же дворянка. Она не ровня другой какой либо дѣвушкѣ во дворѣ.

— У нея и косточки другія, не только душенька.

Понятно, поэтому, какъ заявленіе молодого барина должно было поразить стараго двороваго.

— Маряша, да холопка. Дочь любезнаго дворовой дѣвушки Павлы. И мать и отецъ—хамы.

Но смущеніе Волкова продолжалось недолго.

— Не правда. Солгалъ баринъ. Придумалъ неподобное.

И чѣмъ больше размышлялъ Кронидъ Захарычъ, тѣмъ болѣе убѣждался, тѣмъ болѣе чуялъ сердцемъ, что его Алексѣй Андреевичъ взялъ большой грѣхъ на душу, оклеветалъ покойнаго своего родителя.

— Не могъ Андрей Петровичъ это сказать. Маряша его родная дочь. Да оно и видать. Въ глаза бросается. Барышня она по всему.

Рѣшивъ, что баринъ его обманулъ, старикъ дворовый, разсудительный и пытливый умъ котораго сказывался во всемъ, немедленно сталъ размышлять.

— Зачѣмъ баринъ солгалъ, зачѣмъ такое измыслилъ?

И онъ рѣшилъ:

— Стало, нужда. А зачѣмъ нужда?

И то, что онъ подозрѣвалъ, то, что ему казалось уже давно, и что онъ все-таки считалъ своимъ «дураковымъ измышленіемъ», вдругъ всплыло предъ нимъ еще яснѣе, еще ярче.

Волковъ всегда недоумѣвалъ, какъ удивительно шибко любитъ молодой баринъ свою «боковую сестрицу», точно будто она «его сердцу любезна не по родству, а совсѣмъ инако». Поди, онъ собрался бы и жениться на ней, будь она чужая ему дѣвица.

И теперь вдругъ Кронидъ Захарычъ будто прозрѣлъ.

— Нѣтъ. Правда была моя всегда. Не дураково мое измышленіе то было, а сама она, матушка-правда истинная.

Пораздумавъ на всѣ лады, онъ сказалъ себѣ:

— А все-таки пощупаю Окклу нану, безсмертную. Что она скажетъ?

Такъ въ шутку звали старуху, которой было лѣтъ 80, а, можетъ быть, и болѣе. Почти всю свою жизнь, за исключеніемъ ранней молодости, прожила она въ домѣ. Старуха по имени или по прозвищу, Богъ вѣсть когда данному—Макарушкина, видѣла и хорошо помнила нѣсколько поколѣній, прошедшихъ предъ ней на землѣ, но, конечно, только въ Ларинскомъ. Волкова она знавала ребенкомъ... Помнила хорошо его дѣда и бабу.

Кронидъ Захарычъ явился къ старухѣ и почтительно заявилъ:

— Оккла Ивановна, я къ вамъ. Соизвольте наставить разуму.

— Что же такое?

— А важное дѣло. Наставьте. Миѣ оно диковинно, а вамъ, можете, и нѣтъ.

— Стара я, чтобы дивиться, Кронидушка,—прошамкала Макарушкина.

— Удивиться можно всегда всякому...

— А я говорю: нѣту... Человѣкъ, кой сто лѣтъ живетъ на свѣтѣ, много видѣлъ и много слышалъ, все знаетъ... И того человѣка ничѣмъ ужъ удивить нельзя, чего ни скажи.

Старуха улыбулась, и вышло нѣчто безобразное. Выалий ротъ отъ беззубья развѣхался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будто совсѣмъ провалился, а носъ будто выпятился впередъ...

— Да я ничего вамъ покуда сказывать не стану, а васъ спрошу. А потомъ ужъ скажу свое...

— Меня спросишь?. Спроси.

— Скажите... Видь вы все знаете, что когда бывало въ Ларинскомъ. Я знаю много, а вы еще больше моего.

— Вѣстимо. Ты молодой, а тебѣ...

— Я-то молодой!—разсмѣялся Волковъ.

— Понятно, молодой. Миѣ во внуки годишься.

— Въ сыновья—точно. Ну, а во внуки-то мудрено, Оекла Ивановна... Ну, вотъ послушайте и разрѣшите загадку. Какъ по-вашему? Чей, стало быть, сынъ—Андрюша?

— Пашинъ.

— По фамилиі—точно. А сынъ-то онъ чей?

— Пашинъ же. Чего балуешься? Самъ знаешь,—не поняла старуха.

— То-то вотъ знаю, да не совсѣмъ. Кто, стало быть, его родитель?

— Чего балуешься, говорю.

— Да вы сказывайте, Оекла Ивановна. Сказывайте.

— Вѣстимо, нашего покойнаго барина сынъ. Знамо-перевнамо.

— А Маряша?

— Опять все то же.

— Чья дочка? Павлы Тимошеевны... Такъ... И я то же скажу... Чуть не на моихъ глазахъ родилась, потому что я въ эту самую минуту пришелъ къ ней, посланный бариномъ. Я спрашиваю у повивальной, баринъ, молъ, спрашиваетъ, когда ждать, скоро ли... А въ это самое маповеніе Маряша-то и завизжала. Повивальная миѣ и не отвѣтила, а швырнулась къ роженицѣ... Я пришелъ, да барину и говорю: родилась дѣвочка. Когда?—говорить. Сейчасъ, говорю. Баринъ всталъ да меня... меня...

Голосъ Волкова дрогнулъ.

Меня расцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Знаю, знаю,—отозвалась Макарушкина.—Сто разовъ ты миѣ это сказывалъ. Да и помню я это. Ты тогда въ людской всѣмъ

расписывалъ про ласку. И рубль тебѣ Андрей Петровичъ далъ. Карбованецъ цѣлковый.

— Да. Правда... Ну, вотъ, Оекла Ивановна... Вотъ же вы и разсудите, скажите... Отвѣчайте мнѣ, что я васъ спрону... Маряна, которую долго все ждали да ждали, мѣсяць ждали, а Павла Тимоеевна собиралась да собиралась разрѣшиться. Вотъ эта-то... дочка она барина Андрея Петровича?

— Ну?

— Дочка она его, барина?—спрашиваю.

— Да ты очумѣлъ что ли?.. Рехнулся?

— Вотъ то-то, Оекла Ивановна... Я-то не рехнулся, а очумѣлъ.

И люди меня зачумили.

— Какіе люди?

— А такой человѣкъ нашелся... Огоронилъ меня такъ, что и впрямь можно рехнуться. Сказалъ онъ мнѣ неслыханное. Сказалъ, что Маряна—дочка Павла Тимоеевна точно... по не дочка барина... Поняли?

— А чья же тогда?

— А вотъ чья... невѣдомо. Одна она сама, мать, знаетъ, да будто Андрей Петровичъ потомъ, послѣ узналъ и простилъ се...

— Ахинея Ахинеевна!—произнесла старуха спокойно и отмахнулась отъ Волкова.

— Ахинея? И я такъ-то думаю... А вы вотъ вспомните, бывалъ ли когда промежъ насъ такой слухъ. Кажись, никогда не былъ.

— Вѣстимо, не бывалъ.

— А могла ли по-вашему Павла Тимоеевна такое несодѣянное содѣять, барина промѣнять, любезнаго завести?

— Ни въ жисть. Не такая была. Чуть не святая она.

— Вотъ и я такъ-то думаю... А скажите. Ужъ если такое да могло приключиться, кто бы ея любовный могъ быть? Кто въ тѣ поры былъ въ усадьбѣ изъ такихъ шустрыхъ? Припомните.

Старуха задумалась, глядя въ полъ.

— Ну, что... Кто таковой? Я самъ ни единого такого не могу вспомнить. Даже и подумать-то не на кого.

— Такого, Кронидушка, и не бывало. Всѣ наперечеть. Кои живы и теперъ, кои померли. Всѣ наперечеть.

И старуха начала пересчитывать мужскія имена и откладывать пальцы лѣвой руки, а потомъ правой... Наконецъ, она махнула обѣими руками и выговорила:

— И ты дуракъ, и я-то дура. Нашли о чемъ толковать. Докуда, скажи, овесъ бы доросъ, коли бы не хватилъ морозъ.

XVI.

Разумѣется, Ларинъ послѣ разговора съ Волковымъ тотчасъ же сообщилъ и Маряшѣ свой новый планъ.

— И, Марина, какъ сказывается, заднимъ умомъ крѣпокъ,—сказалъ онъ весело, когда дѣвушка вошла къ нему.—Оба мы съ тобой недогадливы. Дѣло наше изъ мудренаго становится самымъ простымъ.

И Алексѣй Андреевичъ передалъ дѣвушкѣ, что если она будетъ объявлена не дочерью покойнаго Ларина, а только его приемышемъ, то препятствій никакихъ и не будетъ къ браку.

— Опять скажу то же,—отвѣтила Маряша.—По законамъ людскимъ все наладится. А по Божескимъ законамъ... остается тотъ же грѣхъ, и смертный грѣхъ.

— Не вѣрю я въ это!—воскликнулъ Ларинъ.—Тысячи разовъ я тебѣ это сказывалъ. Что хочешь, не вѣрю. Не мало я въ Москвѣ съ умными людьми бесѣдовалъ. Разные азіатскіе народы или китайцы тоже люди, а женятся на родныхъ сестрахъ.

— Они нехристи,—шепотомъ отозвалась Маряша.

— Да. Но они тоже въ Бога вѣруютъ.

— Въ своего,—такъ же произнесла дѣвушка.

— Одинъ онъ—Богъ—для всѣхъ, Маряша. Я тебѣ это объяснялъ, и ты согласилась. Что же ты изъ упрямства, стало быть, свое все повторяешь?..

— Охъ, не знаю, право. Говорю, какъ чувствуется, какъ сдается. Но совѣсти говорю. Да потомъ, Алеша, все-таки главное не надо забывать. Никто не повѣритъ. Ни одна душа въ Ларинскомъ не повѣритъ. Всѣ давно знаютъ, отъ кого я уродилась. И какъ теперь докажешь противное? Всѣ скажутъ, что мы выдумали.

— Кому лучше всего знать, чья ты, скажи.

— Родителямъ.

— Вѣрно. Но кому больше вѣдомо: отцу или матери?

— Все одно, Алеша. Обоимъ вѣдомо равно.

— Нѣтъ, Маряша. Матери ближе знать. И вотъ я сказалъ Кроиду, что Павла Тимофеевна покаялась батюшкѣ въ обманѣ, а онъ, узнавъ, простилъ. Ты говоришь, что мнѣ никто не повѣритъ, всякій почуветъ, что я на батюшку клевету и никогда отъ него ничего такого не слыхивалъ. Хорошо. Я тебѣ на это другое мое измышленіе скажу. Не я одинъ буду все это сказывать. Такой человекъ про это объявитъ, что нельзя будетъ не вѣрить... Понимаешь?..

— Другой кто? Ужъ и совѣмъ не понимаю.

— Сама Павла Тимофеевна можетъ это объявить.

— Что ты! что ты!—искрикнула Маряша.

— Ну, вотъ... Я зналъ, что ты перепугашься зря, и сама не зная изъ-за чего.

— Матушка?! Да Богъ съ тобой! Никогда она лгать на покойнаго и на себя самое не станетъ.

— Должна, Маряша, должна изъ-за твоего же счастья всей живни. Такая ложь не грѣхъ...

— Да у тебя и впрямь умъ за разумъ зашелъ. Ты совсѣмъ рехнулся, Алеша, совсѣмъ.

— Почему? Говори.

— Матушка пойдетъ клеветничать на покойника и на себя, чтобы наладилось грѣховное дѣло. По ея же милости. Два грѣха возьметъ она на себя. Да Богъ же съ тобой. Ты совсѣмъ разума лишился. Спроси Андрюшу. Спроси Соню. Они ахнутъ, какое ты непутевое надумалъ. Они тоже начнутъ думать, какъ и я, что ты отъ думанья ума рѣшился совсѣмъ.

— Почему же?..—воскликнулъ Ларинъ.—Конечно, сразу Павлѣ Тимошеевичу покажется все дѣло страшнымъ, а поразсудить, согласится.

— Кто же ей про это скажетъ?

— Ты, вѣстимо. Будешь просить, чтобы...

— Я! Избави меня Господь!—воскликнула Маряша.

— Отчего же?

— Ты послѣ этого пошлешь меня къ матушкѣ подбивать ее итти со мной на большую дорогу смертоубійствовать, чтобы грабить.

— Ахъ, Маряша... Нельзя съ тобой по-человѣчески говорить!—вскрикнулъ Алексѣй Андреевичъ, хватая себя руками за голову.

И онъ въ отчаяніи опустилси на стулъ.

— Совсѣмъ... совсѣмъ ума лишенный!—произнесла дѣвушка печально, и голосъ ея говорилъ, что она убѣждена въ своихъ словахъ.

— Скажи... Отвѣчай... Въ тысячный разъ спрашиваю, а ты въ тысячный разъ отиѣчай... Что же, коли забываешь, надо тысячи разовъ повторять. Скажи, что легче... Добиться и исполнить всѣ якобы сумасшествія, что я придумываю и дѣлаю и буду еще измышлять и творить впредь, или наша жизнь, наше мучительство?... Что хуже, что горше?... Ну, сказывай въ тысячный разъ.

— Коли нѣту ничего... не вылазно, то вынь изъ головы. Смирися.

— Никогда! Слышини ты. И это надо тебѣ пѣть всякій день. Никогда. Покуда живъ—не уступлю. Противъ всѣхъ пойду. Противъ... Да. Вотъ тебѣ!.. Противъ Бога и то...

— Ахъ, Алеша... тихо отозвалась дѣвушка и, закрывъ лицо руками, заплакала.

— Слезами не поможешь,—глухо произнесъ Ларинъ.—А вотъ если ты не хочешь ничего дѣлать для нашего счастья, то я за все самъ берусь. И за это тоже... Я самъ буду просить Павлу Тимо-

освну насъ изъ мучительства нашего освободить. И только однимъ-то словомъ. Завтра же поѣду къ ней въ пустынь и буду ее умолять.

Марыша, плача и закрывая лицо руками, покачала головой:

— Новая выдумка,—произнесла она:—и еще безумнѣе прежнихъ.

Ларинъ рѣшилъ дѣйствовать тотчасъ же, но сталъ откладывать со дня на день, чтобы обдумать рѣшительный шагъ со всѣхъ сторонъ.

Его новая выдумка, поѣздка въ монастырь съ просьбой къ Павлѣ Тимошеевнѣ, или къ матери Маріаннѣ, наводила на него такой страхъ, какъ если бы онъ шелъ добровольно на смертную опасность.

Въ дѣйствительности это было чувство добраго человѣка. Алексѣй Андреевичъ боялся того удара, который онъ готовилъ монахинѣ. По временамъ ему чудилось, что онъ затѣялъ ѣхать рубить женщинѣ голову съ надеждой, что раны, которыя онъ ей нанесетъ, будутъ не смертельны.

Искреннія увѣренія Маряши, что онъ сумасшедшій, что онъ лишился здраваго разсудка отъ постоянного раздумья надъ своимъ положеніемъ, кромѣ того, заявленіе дѣвушки, что мать будетъ поражена на смерть, узнавъ что случилось и происходитъ въ Ларинѣ,—все это заставило Ларина потерять присутствіе духа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ отступать, упорствовалъ въ исполненіи плана, который считалъ единственнымъ для достиженія счастья.

Онъ переговорилъ съ Андреемъ и съ двоюродной сестрой.

Одинъ повторилъ то же, что и Маряша, но прибавилъ съ слезами:

— Великое горе будетъ матушкѣ узнать этакое. Да что же дѣлать? Согласиться на клевету на себя она не сможетъ. Стало, вообще затѣя твоя безумная и ни къ чему не ведущая. Объяви здѣсь всей дворнѣ самъ, что якобы знаешь этакое обстоятельство отъ покойнаго родителя. И больше ничего. А матушку оставь.

Ишимова была своего мнѣнія. Надо все пробовать, а не сидѣть, сложа руки.

— Изъ нутья, кромѣ воля, ничего не выйдетъ,—шутила она.—Мы съ Алешей одного поля ягоды, а вы двое другого поля. Мы кремни, а вы пастила. Эхъ, жаль, что не мы съ Алешей полюбились. Мы бы давно уже и обвиняемы были и давно на всѣхъ, кто сталъ бы на насъ глаза таращить, начихали.

На замѣчаніе Маряши, что нельзя идти противъ всѣхъ, и надо по пословицѣ жить: «одинъ въ полѣ не воинъ», Ишимова отвѣчала пословицей: «своя рубашка къ тѣлу ближе». О себѣ озабочивайся, о своемъ благополучіи и ни на кого не смотри.

— Ступай, Алеша, въ монастырь. Ступай!—говорила она.—Пробуй. Все перепробуй... Въ Петербургъ ступай, царицѣ просьбу подавай. Сказываютъ, что за такую просьбу тебя судить будутъ. Пускай судятъ...

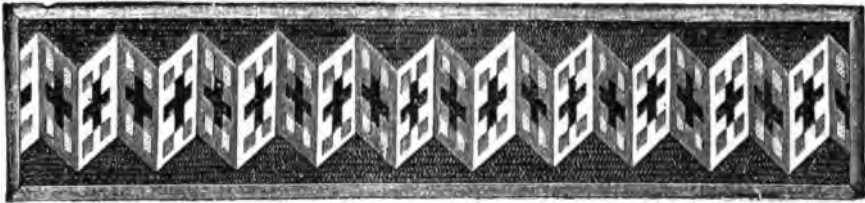
Глазъ на глазъ съ Маринымъ Ишимова сказала:

— Поразится Павла Тимоѣевна на смерть отъ твоихъ рѣчей. Ну, и Христосъ съ нею. Поражайся. Своя рубашка, помни, къ тѣлу ближе. Что тебѣ монашка, хоть и мать Маряши?...

Графъ Е. А. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО¹⁾.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыя впечатлѣнія бытія.

VIII.

И ОДНОЙ родной бабушки я не помню: одна умерла еще до моего рожденія, а другая — мать отца, никогда не выѣзжала изъ Малороссіи и умерла девюпоста лѣтъ, при жизни еще сдѣлавшись прапрабабушкой по старшей линіи. Умерла она въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и до послѣдняго года жизни писала всѣмъ дѣтямъ письма. Къ сожалѣнію, читать ея письма было весьма затруднительно по тремъ причинамъ: во-первыхъ, писала бабушка по-старинному, « въ видѣ квадратика, *m* и *n* дѣлала фигурныя съ завитушками, о буквѣ *ь* совсѣмъ не заботилась; во-вторыхъ, писала она домашними чернилами, что дѣлали изъ чернильныхъ орѣшковъ старыя лакеи; такія чернила кофейнаго цвѣта держатся очень недолго и исчезаютъ съ бумагой иногда безслѣдно; въ третьихъ, — и это самое главное, — бабушка, несмотря на старость, писала безъ очковъ, и хотя перо и чернильницу видѣла, но строкъ уже видѣть не

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 39.
«истор. вѣстн.», февраль, 1906 г., т. ХСІХ.

могла. Поэтому нерѣдко она водила по страницѣ сухимъ перомъ, и получались письма съ большими пробѣлами: словно старость—строгая цензура—дѣлала вымарки въ ея предсмертномъ лепетѣ.

Единственную неродную бабушку, которую я зналъ,—я привыкъ соединять съ первыми впечатлѣніями дѣтства. Это была тетка моего отца, вдова—генеральша, одержимая водянкой и потому пятнадцать лѣтъ не выходившая изъ дома. Жила она у Знаменія, въ томъ домѣ, гдѣ аптека, въ угловой верхней квартирѣ, выходившей и на Невскій и на Лиговку. Теперь домъ этотъ перестроенъ; но въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ это былъ старинный домъ съ барскими квартирами, скрипучимъ потемнѣвшимъ паркетомъ, лѣпными потолками и блестящими изразцовыми печами. Отецъ считалъ необходимымъ обѣдать у тетки по праздникамъ, и я, сколько себя помню, всегда воскресенья проводилъ тамъ.

Такъ какъ и дома росъ я одинъ, то не могу сказать, чтобы скучалъ въ обществѣ не только взрослыхъ, но и прямо таки древнихъ обитателей этого дома. Моя роль ограничивалась только тѣмъ, чтобы поцѣловать ручку у бабушки, а затѣмъ мнѣ не возбранялось молчать цѣлый день, смотрѣть въ окно, слушать, что говорятъ взрослые, ѣсть за обѣдомъ, что мнѣ положить на тарелку мать, и выпить при этомъ маленькую рюмку тенерифу, единственного вина, подававшася въ домѣ бабушки.

До сихъ поръ я такъ живо помню эти визиты. Обыкновенно приглашали мы къ тремъ часамъ. Степенный, хотя и завитой, лакей отворялъ намъ двери. Въ домѣ была тишина: ни кошекъ, ни птицъ, ни собакъ не допускалось. Мы вступали въ большую залу, съ карсельскими лампами на витыхъ постаментахъ, съ огромнымъ обѣденнымъ столомъ посерединѣ (бабушка всегда, даже когда никого не было, обѣдала за этимъ столомъ и столовыхъ комнатъ не признавала), съ вышитыми экранами у печекъ, огромнымъ роялемъ, на которомъ никто не игралъ, и съ удивительными часами, изображавшими льющуюся струйкой воду, сдѣланную, конечно, изъ стекла. На стѣнахъ висѣли картины—англійскія гравюры, которыхъ меньше всего можно было ожидать найти у бабушки: это были извѣстныя копіи съ картинъ Верне, изображавшихъ иллюстраціи къ байроновскому Мазенѣ. Въ дикомъ лѣсу, гдѣ всѣ листья на деревьяхъ стояли дыбомъ,—скакала сѣрая въ яблокахъ лошадь, поднявши всѣ четыре ноги на воздухъ. На ея спинѣ былъ довольно комфортабельно привязанъ красивый брונетъ, самаго пріятнаго сложенія и совершенно раздѣтый. Его усы и шевелюра очень напоминали денди кавалериста, прогуливающася въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Вокругъ него скакали волки съ огненными глазами. На слѣдующей картинѣ конь изображенъ былъ уже павлимъ, при чемъ яблоки на его масти уже слиняли: такъ долго носился

онъ по степямъ. Мазена тоже постарѣлъ, но все также крѣпко былъ привязанъ къ издыхавшему скакуну. Въмѣсто волковъ вокругъ толпился дикій табунъ лошадей, съ выпученными, какъ у варенныхъ раковъ, глазами. Я помню, какъ поразили меня эти картины, какъ ясно запечатлѣлись онѣ въ моей памяти, и какъ я обрадовался, когда встрѣтилъ, много лѣтъ спустя, тѣ же гранюры въ одномъ вѣстампномъ магазинѣ Лондона, кажется, на Геймаркетѣ: точно съ друзьями дѣтства увидѣлся.

За этой залой въ блѣдно-голубенькой комнатѣ, на голубенькомъ диванѣ, съ голубенькой китайской чашкой въ рукѣ, сидѣла бабушка. Она была всегда вся въ черномъ, на головѣ былъ черный кружевной съ рюшками чепчикъ. Сѣденькіе, жиденькіе волосенки еле выбивались изъ-подъ него и печально украшали ея полное, доброе, мало выразительное лицо. Животъ у нея былъ огромный, ноги отекишія, такъ что издали она казалась чернымъ мѣшочкомъ, изъ котораго торчала сѣденькая головка и маленькія бѣлыя ручки.

На другомъ диванѣ, возлѣ шкапа съ китайскимъ фарфоромъ, сидѣла ея дочь—пятидесятилѣтняя дѣвица, очень полная и громовкая, въ прическѣ конца двадцатыхъ годовъ съ высокимъ гребнемъ,—двумя передними зубами и четырьмя куклами, помѣщавшимися рядомъ съ нею. Она была уже болѣе тридцати лѣтъ сумасшедшей, и тридцать лѣтъ ни съ кѣмъ не говорила ни слова, только иногда била горничныхъ, что представляло нѣкоторыя неудобства послѣ манифеста 1861 года. Горничнымъ выговаривалось при наймѣ чуть ли не отдѣльное вознагражденіе за побитіе. Гости здоровались съ ней, какъ съ здоровой, она протягивала имъ руку, показывала свои желтые шатающіеся рѣзцы, улыбалась и шептала:

— Здравьете, очень рада!

Мнѣ она всегда пріятно улыбалась и кивала головой, какъ знакомая. Она исполняла порученія — велѣтъ подавать на столъ или принести бабушкѣ воды, но голоса ея я никогда не слыпалъ. Она сидѣла на своемъ мѣстѣ совершенно неподвижно, изрѣдка только шепча что-то про себя. Впрочемъ иногда она сердилась на куколъ и даже ихъ била, особенно одного кудряваго мальчика въ бархатной безрукавкѣ, повторяя:

— Мерзавецъ, мерзавецъ!

Куколъ этихъ она мыла каждый день съ мыломъ, отчего краска на ихъ лицахъ расплывалась и дѣлала ихъ чудовищными отродьями изъ какого-то фантастическаго міра. Помѣшалась эта дѣвица отъ того, что молодой человекъ, сдѣлавшій ей предложеніе, женился на другой. Помѣшательство ея было тихое, и когда она была чѣмъ нибудь недовольна, особенно при гостяхъ, то выражала свое недовольство только тѣмъ, что начинала очень громко

сморкаться, и продолжала это до тѣхъ поръ, пока не показывалась изъ носа кровь. Тогда бабушка приказывала подать барышнѣ чистый платокъ; если же и чистый платокъ постигала та же участь, то барышню высылали изъ-за стола:

— Оля, иди къ себѣ. Довольно.

Оля съ шумомъ отодвигала стулъ, и, топая пятками туфель и развѣвая широкой пелериной платья шла къ себѣ, бормоча какія-то ругательства подъ носъ.

Съ бабушкой въ квартирѣ жилъ братъ ея покойнаго мужа, раскрашенный старикъ въ черномъ парикѣ,—существо милое, но молчаливое, съ военной выправкой, и сохранявшее всегда какое-то огнеупорное выраженіе на лицѣ. Курилъ онъ длинныя трубки и сигары, выѣзжалъ изъ дома рѣдко, и лошади стояли цѣлыми днями безъ дѣла. Гости на него тоже мало обращали вниманія, и все свое уваженіе сосредоточивали на бабушкѣ, хотя я, право, не знаю, чѣмъ она могла вызывать это уваженіе.

Гости разсаживались вокругъ бабушки по стѣнкамъ: тогда еще не было обычая ставить мебель посерединѣ комнаты. Гости были всё ветховавшіе, гладко причесанные и гладко выбритые старички, съ височками, крапеными бровями, и то дребезжанцимъ, то глухимъ голосомъ. Военныхъ я что-то не припомню. Любимой темой разговора были нескончаемыя бесѣды о какомъ-то дѣлѣ Пономаревыхъ, которое тянулось нескончаемое количество времени, и то докладывалось въ сенатѣ, то переходило въ какія-то губернскія учрежденія. По этому дѣлу и бабушка и всѣ ея родственники должны были получить какую-то сумму денегъ, въ общемъ очень значительную, но ужъ не знаю, дождалась ли бабушка конца процесса.

Въ строго назначенный часъ лакей заявлялъ ея превосходительству о томъ, что кушать подано.

— А полковникъ знаетъ?—спрашивала бабушка.

Не знаю, былъ ли ея деверь полковникомъ, или это говорилось для приданія ему важности. Самый почетный гость подавалъ бабушкѣ руку, она кряхтя подымалась съ дивана и переваливаясь ковыляла въ залу, гдѣ разносился аромат отъ кореньевъ, которыхъ по вкусу бабушки клали въ супъ несмѣтное количество, такъ что и послѣ обѣда, когда залу провѣтрять,—все отзывается въ воздухѣ петрушкой, сельдереемъ и укропомъ.

Конечно, мнѣ было гораздо веселѣе смотрѣть въ окно, чѣмъ слушать разговоры о Пономаревыхъ. Вдобавокъ, изъ оконъ залы было на что посмотреть: перекрестокъ былъ самый оживленный. Зданіе Николаевской дороги было такое же, какъ и теперь, только какъ будто нѣсколько свѣтлѣе окрашено. Часы на башнѣ, какъ и теперь, также вращались. Къ подъѣзду подъѣзжали дребезжа и звеня дрожки, пролетки, гитары и кареты въ видѣ новыхъ ковчеговъ,

какихъ теперь нѣтъ даже въ Москвѣ. Городовые въ киверахъ и бѣлыхъ панталонахъ распоряжались съ усердіемъ Держимордъ того времени. Иногда у Знаменской церкви стояла цѣлая процессія купеческой свадьбы. И свадьбы такія теперь уже не встрѣчаются въ Петербургѣ; а тогда рѣдкое воскресеніе не выѣзжала золотая карета четверней на вынось, какъ нынче ѣздятъ только митрополиты. Кареты были высокія съ стоячимъ ходомъ и запрягались всегда сѣрыми рысаками, и фореиторъ былъ въ синемъ армякѣ и смазныхъ сапогахъ. А сзади этой кареты тянулись ряды облупленныхъ колымагъ, съ разношерстными клячами и кучерами-оборванцами, съ розанами на шляпѣ. Розы, иногда изъ бумаги, вилетались и въ гривы хромыхъ росинантовъ. Внутри такіе экипажи чаще всего обивались ярко-желтой матеріей, чернѣвшею въ складахъ отъ грязи и сала, оставляемыхъ въ каретѣ сѣдоками.

Уныло приземистое зданіе церкви не скрашивалось, какъ теперь, крупными постройками вокругъ. Домики были двухъэтажныя, жалкіе, только Знаменская гостиница имѣла внушительный видъ, хотя и не была еще покрыта тѣми завитушками по фасаду, которыми украсили ее въ концѣ вѣка. Но главнымъ безобразіемъ была Лиговка—воночая, мутная рѣчонка, съ деревянной грубой рѣшоткой и травкой, хоть и скудно, но пробивавшейся изъ-подъ свай и столбовъ и служившей приманкой для козъ и коровъ, которыя были чуть ли не въ каждомъ домѣ. Я помню, какъ у будки городского, возлѣ самаго Знаменскаго моста, всегда гуляла на веревкѣ коза, и какая-то баба водила по вечерамъ поить къ водѣ телку. Тужъ же прачки полоскали бѣлье, и сюда же сливались помои—на всемъ разстояніи отъ Обводнаго канала, какъ текла рѣчонка. На ея поверхности всегда плавали яичныя скорлупы, лимонныя корки, щепки, огуречная кожа и головки отъ седедокъ. Это не мѣшало завзятымъ рыбакамъ—безъ шапокъ и сапогъ—удить тутъ же и съ успѣхомъ вылавливать колюшекъ.

Въ десятомъ часу отъ бабушки развѣзжались. Она въ десять уже спала. Ни книгъ, ни газетъ она не читала: газетъ даже не получалось въ ея домѣ, а книжныхъ шкаповъ и въ заводѣ не было. Вязала она нитяные чулки да раскладывала какой-то глупый пасьянсъ. Тѣмъ и ограничивалось это времяпровожденіе. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ она умерла, и ее свезли на Охту.

IX.

Кругъ знакомыхъ у моеи матери былъ очень невеликъ. Чаще всего приходили къ ней двѣ старушки-сибирячки, жившія отъ насъ черезъ нѣсколько домовъ; одна изъ нихъ была матерью сослуживца отца, другая—ея сестра. Приходили онѣ всегда по вечерамъ, часу въ седьмомъ, посылая впередъ лакея, усатаго добродушно-глухого малаго, который докладывалъ на кухнѣ:

— Наши старыя барыни велѣли кланяться вашей барынѣ и приказали спросить, могутъ ли онѣ прійти къ нимъ въ гости.

Мать сама выходила къ нему на кухню. Онѣ кланялся и повторялъ:

— Барыни приказали вамъ кланяться и сказать, можете ли вы ихъ принять.

— Скажи, что очень рада,—отвѣчала всегда мать, и тотчасъ же посылала горничную во фруктовый магазинъ за апельсинами, грушами или инымъ угощеніемъ.

Старушки приходили въ сопровожденіи того же лакея, который ихъ разоблачалъ и уходилъ домой, съ наказомъ быть непременно къ десяти: ночи темныя, и ходить онѣ однѣ боятся.

Гости садились на диванъ рядомъ. Между двухъ свѣчей на вазочкахъ ставилось варенье и грудка стеклянныхъ раковинъ. Начинаясь немедленно проба варений, и подробное обсужденіе достоинства каждаго изъ нихъ.

— У насъ нынче съ Машенькой морошка не вышла, — говорила старшая.—Кипяткомъ ли ее не обдали, или что,—только не путемъ сварили. Кости, кости,—какъ песокъ ѣшь.

— Отъ того, Настенька, что вы суетитесь, — кисло возражала Машенька,—предоставили бы все мнѣ.

— Вамъ предоставить, Машенька, у васъ все переварится.

Въ такихъ разговорахъ проходило время до тѣхъ поръ, пока являлся отецъ, спавшій послѣ обѣда. Онѣ уходилъ, по обыкновенію, играть съ кѣмънибудь въ карты и иногда передъ уходомъ потчевалъ старухъ наливкой.

— Это хорошо, — говорила Настенька, — но вотъ у насъ изъ облѣпихи лучше дѣлали. Вы знаете такую ягоду — облѣпиху?

Старушки часто вспоминали Сибирь и жили больше прошлымъ, чѣмъ настоящимъ, хотя настоящее тянулось для нихъ очень долго. Онѣ ходили къ намъ лѣтъ тридцать подъ рядъ, и когда мать умерла, имъ ужъ было лѣтъ за восемьдесятъ.

Взволнованными я видѣлъ ихъ только разъ. Онѣ вознегодовали на Некрасова за его «Русскихъ женщинъ». Кто-то имъ принесъ книгу «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ была напечатана эта поэма, и гнѣву ихъ не было границъ. Онѣ вообще были невысокаго мнѣнія о писателяхъ, но тутъ это сословіе окончательно упало въ ихъ глазахъ.

— И вѣдь какъ врать, какъ врать! — негодовали онѣ. — Пусть бы романъ писалъ, — ну, ври, нанизывай всякую небывальщину, какъ вотъ въ «Пенденисѣ», что мы недавно съ сестрицей читали. А тутъ про живыхъ людей пишеть, и такую дичь. Онѣ бы ко мнѣ пріѣхалъ да спросилъ, какъ дѣло было, такъ я бы и рассказала ему. Трубецкую-то я какъ сейчасъ вижу — ѣдетъ въ зеленомъ платьѣ на дрожкахъ, сидитъ бокомъ, и вуаль развѣвается. У насъ зеле-

нихъ-то платевъ тогда не было, такъ на нее, какъ на ряженую, смотрѣли. И губернаторъ совсѣмъ былъ не такой. Слава Богу,—губернаторъ нашъ! Онъ и словъ-то такихъ не зналъ, и говорить-то не умѣлъ. Ничего онъ ея не уговаривалъ, а просто задержалъ ее, чтобъ передъ начальствомъ выдвинуться: не желаю, молъ, способствовать женамъ политическихъ преступниковъ. И что жены кандалы у мужей цѣловали при встрѣчѣ,—совсѣмъ враки: прямо такъ въ губы цѣловались. Вѣдь они съ большимъ послабленіемъ жили, не то, что вообще каторжные. Одна тамъ барыня была, такъ та совсѣмъ не для мужа пріѣхала, а для любовника. И все это мы знали, я по именамъ ихъ всѣхъ перечту...

Я хорошо помню этотъ разговоръ, потому что онъ относился уже къ семидесятымъ годамъ, когда я былъ въ старшихъ классахъ гимназіи и «Русскихъ женщинъ» зналъ наизусть. Въ дѣтствѣ же мнѣ ихъ рассказы о сибирской жизни казались невыносимо скучными. Я сидѣлъ тутъ же въ гостиной, за маленькимъ столикомъ и раскрашивалъ густыми синими и красными красками печатныя картинки изъ священной исторіи: «Іону, изблеваннаго китомъ», у котораго (т.-е. у кита) были глаза по аршину, зубы, какъ у щуки, а фонтаны били изъ трубокъ, какъ въ Петергофскомъ саду,—«Жену Пентефрія», выпившуюся въ Іосифа, на лицѣ котораго былъ изображенъ смертельный ужасъ, «Трехъ несгораемыхъ отроковъ Сирраха, Миссаха и Авденаго въ печи вавилонской» и прочее въ этомъ родѣ. Когда же становилось слишкомъ скучно, я ускользалъ въ кухню, куда въ обыкновенное время мнѣ запрещено было ходить, но гдѣ для меня общество было гораздо болѣе соблазнительное.

У кухарки нашей былъ мужъ—бравый солдатъ, служившій на желѣзной дорогѣ, но жившій у насъ; ихъ ребенка я крестилъ, когда мнѣ самому было лѣтъ шесть. Ребенокъ вскорѣ умеръ, но съ тѣхъ поръ и кухарка и ея отставной канониръ звали меня не иначе, какъ кумомъ. Я залѣзалъ къ «куму» на колѣни, онъ гладилъ меня закорючлыми руками и рассказывалъ гораздо болѣе интересныя вещи про деревню и про пушки, чѣмъ то, что говорилось въ гостиной. Еще интереснѣе было, когда они садились ужинать, и я среди нихъ (подъ величайшимъ секретомъ отъ матери) ѣлъ холодный гороховый кисель съ подливкою изъ постнаго масла. Это было несравненно вкуснѣе клубничнаго варенья,—настолько же вкуснѣе, насколько запахъ махорки отъ солдатскихъ усовъ казался пріятнѣе запаха марн-фарина, которымъ душились старушки.

Но апогеемъ счастья было для меня, когда въ кухнѣ сидѣлъ гость: унтеръ-офицеръ Семеновскаго полка—рыжій, въ веснушкахъ, здоровый, выхолонный, и своимъ мѣрнымъ голосомъ велъ степенный разговоръ. Это было одно изъ двухъ: или урокъ изъ

астрономіи, или эпизоды изъ «усмиренія поляковъ». Какъ ни страннымъ это покажется, по первиле, болѣе или менѣе систематическіе уроки по астрономіи я получилъ именно у насъ на кухнѣ. Я, семилѣтній мальчикъ, зналъ изъ рассказовъ матери, что земля—шаръ, что луна освѣщена солнцемъ, что само солнце такъ далеко, что если ѣхать съ самымъ скорымъ поѣздомъ, такъ во всю жизнь до него не доѣдешь. Но познанія матери, получившей воспитаніе во французскомъ московскомъ пансіонѣ, этимъ и ограничивались. Унтеръ-офицеръ обладалъ необъятными на мой взглядъ свѣдѣніями. Ему попалась какая-то популярная астрономія, и онъ отъ долгаго перечитыванія выучилъ ее наизусть и любилъ въ гостяхъ пустить въ глаза пыль своею ученостью. Вѣроятно, онъ половинны изъ того, что зналъ, не понималъ, но, тѣмъ не менѣе, нисколько этимъ не смущался и важнымъ голосомъ говорилъ:

— Вторая свѣтила солнечной сферы—Венера. Это— планета, наиболѣе приближающаяся къ землѣ не только, значитъ, по разстоянію, но и по конструкціи. Ея огненное ядро покрыто шлевою, подобною нашей земляной, и на онаѣ водятся ящеры, въ родѣ ихтосаврей и плизосаврей, кои водились у насъ въ допотопя.

Онъ даже водилъ меня на черную лѣстницу, указывая на Юпитеръ и утверждая, то вотъ это самая Венера и есть, по которой ползаютъ ихтосаври. Его всѣ слушали съ благоговѣніемъ; кухарка вѣвала и относилась скептически.

— И кто тамъ былъ!—говорила она.—Можетъ, это такъ только лампады ангельскія, а вы про ящерницъ говорите.

Вообще, компанія, собиравшаяся на кухнѣ, держала себя въ границахъ самаго строгаго приличія. Курили поочередно, сидя на корточкахъ у печки, никогда не возвышали голоса. А когда говорилъ Петръ,—царила мертвая тишина. О полякахъ онъ рассказывалъ съ неохотой, вяло.

— Заберутся въ болото, ну, ихъ тутъ и колешь. Извѣстно—повстанцы. Долгъ свой соблюдаешь, а удовольствія никакого нѣтъ. Только и отводилъ душу, когда на бивуакѣ астрономію почитать придется.

Какъ памятенъ мнѣ до сихъ поръ эти вечера на кухнѣ: блестящая мѣдная посуда на полкахъ, пламя подъ плитой, нашивки на рукавахъ унтеръ-офицера, усатыя лица его товарищей,—и потомъ, когда всѣ уйдутъ, разсужденіе кухарки съ мужемъ.

— Чистая бѣда, сколько на гостей выходитъ. Ты сочти: селедка семь копеекъ, водка двадцать копеекъ, огурцы—десять копеекъ. Разореніе—одно слово!

На это кумъ сплевывалъ и говорилъ:

— Нельзя, земляки!

X.

Наконецъ губернской Владимиръ былъ соединенъ съ Москвою желѣзной дорогой, и отецъ рѣшилъ, то я съ матерью отправлюсь на лѣто къ ея отцу въ деревню. Деревни до тѣхъ поръ я видѣлъ только подъ Петербургомъ, а о мужикахъ имѣлъ больше представленія по тѣмъ пригороднымъ крестьянамъ, что торговали на возахъ передъ Рождествомъ «мороженой живностью», у которыхъ отецъ, мнившій себя большимъ хозяиномъ, покупалъ гусей, поросятъ и индѣекъ. По дорогѣ пришлось остановиться у тетки въ Москвѣ. Я живо припоминаю впечатлѣніе тогдашней первопрестольной въ жаркіе майскіе дни. Послѣ чистаго Петербурга она намъ показалась какой-то клоакой, несмотря на то, что моя тетка жила на Чистыхъ прудахъ, въ чистенькомъ домикѣ съ огромнымъ дворомъ. Мнѣ всегда были ненавистны въ Петербургѣ Гороховая и Садовая улицы своей сѣрой сутолкой, грохотомъ и какимъ-то зловѣщимъ видомъ. Но Мясницкая показалась мнѣ еще ужаснѣе, а Гостиный дворъ, куда насъ повела тетка, напомнилъ, какъ двѣ капли воды, сгорѣвшую Апраксинскую толкучку. Мать даже не рѣшалась заходить въ магазины, говоря, что тамъ страшно быть «однѣмъ» женщинамъ. Зато Владимиръ, открытый четырьмя вѣтрами и валитой вишневыми садами, показался мнѣ полудеревней. Мы посѣтили какихъ-то старушекъ, родственницъ, жившихъ у Золотыхъ воротъ. Потомъ меня повела тетка (не московская уже, а владимирская) прикладываться къ мощамъ великихъ князей. Такъ какъ рака была высокая, и я не могъ дотянуться губами до «рукавички», тетка меня вздумала поднять, но я ее перетянулъ и упалъ на мощи, откуда уже былъ извлеченъ при помощи монаха и болѣе усердныхъ прихожанъ.

Изъ Владимира пришлось проѣхать двѣ станціи желѣзной дороги и потомъ пересѣсть въ тарантасъ. Какое-то странное, небывалое чувство охватило меня, когда на ранней зарѣ поѣздъ остановился въ березовой рошѣ, и гулъ его равномернаго движенія смѣнился тихимъ, прозрачнымъ, чуткимъ спокойствіемъ розоваго утра; какъ рѣзко и мелодично позванивалъ колокольчикъ подъ дугой, какъ фыркали лошади, какъ ямщикъ помогалъ укладывать и привязывать наши чемоданы. Потомъ тарантасъ тронулся, колокольчикъ зазвенѣлъ, и колеса мягко покатались по узкой дорогѣ, извилинами бѣжавшей между холмовъ, спускавшейся къ рѣчкѣ, пробѣгавшей по ея неглубокому дну и снова вѣбравшейся на гору. Въ первый разъ я увидѣлъ восходъ солнца, огромнаго краснаго шара, плавно возносившагося надъ широкимъ просторомъ безконечныхъ полей. Колыханіе экипажа, утрення свѣжесть, бессонная ночь укачали меня. Сквозь сонъ я помнилъ, что переѣз-

жали на поромѣ черезъ какую-то рѣку, и мать просила, чтобы заложили сзади тарантаса перекладину, а то лошади попытятся, и мы упадемъ въ воду. Потомъ часа черезъ два мать тихо тормошила меня, говоря:

— Просыпайся, пріѣхали,—смотри, вотъ домъ дѣдушки: это Быково.

И я увидѣлъ на горѣ церковь и неподалеку отъ нея стѣрый домъ съ бѣлыми колоннами и фронтономъ. На верхнемъ балковѣ стояла женская фигура и, повидимому, качивала ребенка. Но, когда совсѣмъ близко подѣхали, фигура оказалась моей третьей теткой, барышней лѣтъ двадцати четырехъ, а ребенокъ оказался четвертой бутылкою наливки, которую она встряхивала.

И вотъ началась та привольная дѣтская жизнь, которая золотыми буквами вписывается въ памяти cadaго изъ насъ. «Всѣ впечатлѣнія бытія» тогда новы, рѣзки, живительны.

Все окрашено въ свои цвѣта, милые, яркіе, праздничные. Гейне говоритъ, что дѣти потому любятъ цвѣты, что болѣе, чѣмъ взрослые, помнятъ то время, когда сами были цвѣтами. Несомнѣнно, что ребенокъ, не обросшій еще культурной корою заботъ, болѣе чувствуетъ себя частью природы, чѣмъ взрослый. У него, какъ у птицы, какъ у cadaго животнаго, явятся и друзья и враги, которыхъ большіе не замѣчаютъ. Ребенокъ полюбитъ какую нибудь разваленную калитку, уместится возлѣ нея на неудобномъ шершавомъ камешкѣ—и счастливъ, находитъ свое помѣщеніе дворцомъ. Мнѣ какъ-то разъ мой дядя—мужъ тетки—сдѣлалъ въ саду землянку, покрылъ ее дерномъ,—и я считалъ себя въ этой орѣховой скорлупѣ «владыкой безпредѣльнаго пространства» и плакалъ, какъ іудей у разрушенныхъ стѣнъ Іерусалима, когда дождь размылъ мою землянку, и намокшій сводъ рухнулъ, къ счастью, когда меня тамъ не было. Въ углу двора, ближе къ пруду, былъ поросшій крапивой и бурьяномъ скатъ,—и какъ я ненавидѣлъ, какъ истреблялъ эту растительность, обжигавшую мнѣ сквозь чулки ноги. Какъ истреблялъ я на заборахъ большихъ жирныхъ пауковъ, послѣ того какъ увидѣлъ крохотную бабочку, запутавшуюся въ тенетахъ этихъ хищниковъ, къ которымъ даже вѣчно спокойные натуралисты относятся съ отвращеніемъ. Были и страшныя мѣста. Возлѣ мельницы, подъ водою, между коричневато желтыхъ «песковъ синѣла и чернѣла страшная яма: это былъ «омуть», гдѣ тонули неосторожныя дѣти. Иногда въ деревенскую церковь вносили длинные открытые ящики, и въ этихъ ящикахъ лежали такіе же длинные люди въ бѣломъ, вытянутые съ руками, сложенными на груди. Потомъ страшны были осы, слѣпни, оводы, шмели, пчелы, ужи и раки, хватавшіе во время купанья неосторожныхъ за ногу. Все это было страшно.

Но зато сколько милаго, дорогого, безконечно прекраснаго! Прудъ, весь затянугій зеленью, съ покривившимся, на половину

затонувшимъ плотомъ, плававшимъ посрединѣ; вишневья деревья съ густымъ клейкимъ сокомъ, красновато желтыми кусками топившимся изъ коры, вязкимъ и сладкимъ на вкусъ, какъ лучшее пирожное; качели, старья скрипучія, — онѣ какъ будто стонуть отъ ревматическихъ болей при каждомъ размахѣ; безконечный дворъ съ сараями, конюшнями, кухнями, баней, людскою, амбарами, ледникомъ; далекій синій лѣсъ; рѣка съ заливными лугами; шумящія деревья стараго сада; яблони, роняющія спѣлыя яблоки, — все это — настоящій міръ, вотъ то, чѣмъ живетъ и дышитъ ребенокъ.

Какъ собака, онъ каждый предметъ совмѣщаетъ съ извѣстнымъ запахомъ. Посмотритъ на сарай, и знаетъ, что тамъ пахнетъ кожей отъ фордековъ громоздкихъ неуклюжихъ таранцовъ и слегка дегтемъ отъ только что смазанныхъ колесъ. Въ сараѣ прохладно, поэтому въ углу на сѣнѣ вѣчно спитъ кучеръ. Къ стѣнѣ прислонена дуга, и къ ней привязанъ колокольчикъ, который гулко позваниваетъ, когда ударишь внутри явычкомъ. Рядомъ конюшня, гдѣ стоятъ разномастныя сытыя лошади и однимъ глазомъ поглядываютъ на входящихъ. Здѣсь пахнетъ лошадыю и свѣжимъ сѣномъ отъ сѣновала, что помѣщается наверху. Въ кухнѣ всегда запахъ свѣже испеченнаго хлѣба и всегда тепло. Низенькія окна приподняты на половину, и верхнія ихъ части всѣ засижены мухами. На скотномъ дворѣ мычатъ коровы и, пошевеливая хвостами и потирая челюстями, терпѣливо ждутъ своей очереди, когда жирная скотница привычными сильными руками не начнетъ ихъ выдаивать. Тутъ же и птичникъ, — и старый пѣтухъ, съ пробитой до мозга головой и весь общипанный, гордо гуляетъ среди пестрыхъ куръ. На заборѣ сидитъ котъ съ разорванными ушами и безъ хвоста. Онъ ужасный волокита, и бѣгаетъ къ нашей кошкѣ изъ сосѣдней деревни. Потерялъ ли онъ хвостъ въ какой нибудь жестокой дуэли, или ужъ таковъ былъ отъ рожденія, — не могу сказать, но кошка наша два раза произвела на свѣтъ по безхвостому сыну, которымъ папаша, по увѣренію скотницы, признавъ ихъ за своихъ сыновей, еще слѣпымъ немедленно перегрызалъ горло. По двору ходятъ большія собаки, это уже истинные друзья: завидя меня, они поднимаютъ хвостъ трубою, потомъ несутся со всѣхъ четырехъ ногъ и, положивъ мнѣ лапы на плечи и придавивъ къ стѣнѣ, лижутъ въ носъ, щеки и уши. Все это какъ-то сливается въ одно прекрасное неразрывное цѣлое, все это любитъ меня, — и я все это люблю, не зная, что лучше: валдайскій колокольчикъ, сѣрыя котята, конюхъ Василій или сладкій вишневыи клей и красный крыжовникъ на густыхъ кустахъ сада.

Дѣдъ, невысокій старикъ, съ сѣдой бородой, зоветъ меня почему-то *monsieur le comte* и любитъ, когда я прихожу къ нему въ кабинетъ, гдѣ пахнетъ тѣмъ натираньемъ, о которомъ я уже го-

ворилъ. Надъ постелью виситъ ружье, кинжалъ, пара пистолетовъ и моя копія съ Сикстинской Мадонны Рафаэля. Боже мой, что это за копія! Рисована она на писчей бумагѣ обыкновеннымъ свицовымъ карандашомъ, съ пресквернаго подслѣповатаго отпечатка въ какой-то русской иллюстраціи. Но все усердіе, на какое я былъ способенъ въ семь лѣтъ, было приложено. Одинъ глазъ у Мадонны гораздо выше другого, брови черныя, дугами, ротъ не вышелъ, и на мѣстѣ его осталось какое-то пятно. Сикстъ и Варвара совсѣмъ не удалсь, особенно фигура Варвары. Какъ я ни потѣлъ, все она казалась не склонившей колѣна, а танцующей въ присядку. Но дѣдъ былъ очень доволенъ и прибилъ картину на стѣнку собственноручно гвоздиками.

Онъ былъ очень религіозенъ. Въ силу этой религіозности онъ, по рожденію католикъ, перешелъ въ православіе: онъ говорилъ, что разъ нѣтъ въ нихъ краѣ ксендзовъ и католическихъ церквей, такъ онъ будетъ православнымъ, такъ какъ жить безъ исповѣди и причастія не можетъ. Онъ цѣлые вечера и дни проводилъ за перепиской всевозможныхъ акаѳистовъ. У меня до сихъ поръ сохраняются его рукописи, въ видѣ тщательно сшитыхъ тетрадокъ *in octavo*, съ каемочками, выведенными по линейкѣ кругомъ страницъ, и съ титулами, написанными красными чернилами. У него былъ цѣлый шкафъ, набитый этими тропарями, кондаками, акаѳистами и пр. Онъ дарилъ эти рукописи всѣмъ сосѣдямъ и писалъ ихъ чуть ли не наизусть.

Въ церкви онъ всегда стоялъ на клиросѣ или въ алтарѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими. Церковь онъ хотя и подновлялъ и украшалъ по мѣрѣ своихъ средствъ, но она представляла изъ себя печальное произведеніе строительнаго искусства, расписанная владимирскими богомазами, хотя и по старымъ образцамъ, но довольно несуразно. Меня особенно поражало одно изображеніе: Христа въ темницѣ. Это была кукла, въ аршинъ или полтора ростомъ, сдѣланная грубо изъ дерева и выкрашенная въ землянистую краску, съ кровавыми потеками изъ-подъ желѣзнаго вѣнца. Одѣта она была въ длинную бѣлую рубашку, до самыхъ пятъ, подпоясанную повументомъ. Все это помѣщалось въ стеклянномъ шкафчикѣ и стояло въ углу. Когда я въ первый разъ увидѣлъ это изображеніе,—даже по молодости лѣтъ испугался и долго не хотѣлъ подойти. Впрочемъ и впоследствии на меня она всегда производила подавляющее впечатлѣніе.

Въ священникахъ дѣду не везло. Пренній, котораго онъ очень хвалилъ, умеръ, оставивъ дочь подростка. И куда она росла, а попадья подыскивала ей мужа изъ товарищей старшаго сына, семинариста,—чередовались такъ называемые «викарные» священники. Все это были неудачники изъ штрафованныхъ, часто тянувшіе горькую. Дѣдъ съ соболѣзнованіемъ рассказывалъ о томъ,

что позволилъ себѣ тотъ или другой пошъ, и о томъ, какъ онъ съ болью сердечной принужденъ былъ писать во Владимиръ, чтобъ ихъ убрали подальше отъ соблазна. Только постоянное присутствіе самого помѣщика въ церкви поддерживало до нѣкоторой степени благочиніе. Прямо отъ дѣда священниковъ переводили даже въ Березовъ, такіе бывали непріятные случаи.

Для меня личность дѣда была окружена ореоломъ двѣнадцатаго года. Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на его толстый носъ, маленькіе пухлые глаза, слушалъ, какъ онъ говоритъ, какъ смѣется по-старчески, дребезжащимъ смѣхомъ,—и думалъ: неужели онъ сражался съ Наполеономъ, съ тѣмъ самымъ на которомъ—

...треугольная шляпа
и сѣрый походный свортукъ.

Такъ смотритъ археологъ на найденную въ Микенахъ бронзовую бронку и, смотря на нее, думаетъ, что нѣкогда ее застегивали руки какого нибудь Атрида. А дѣдъ пилъ чай со сливками и спокойно смотрѣлъ вокругъ, не замѣчая моего восторженнаго взгляда.

— Дѣдушка,—спрашиваю я,—вы знали Даву?

Онъ удивленно поворачивался ко мнѣ.

— Даву? А тебѣ что?

— Мнѣ мама сказала.

— Маршалъ Даву любитъ вдову.

— Какую вдову, дѣдушка?

— Не знаю, какую. Думаю, такъ больше это для рюмы. У насъ такая поговорка была.

— А отчего же вы Наполеона не видѣли?

— Онъ никогда меня къ себѣ не приглашалъ. И я его къ себѣ не звалъ, ну, и не видѣлись.

— А русскаго-то царя вы видѣли, дѣдушка?

— Благословеннаго видѣлъ. Въ Парижѣ видѣлъ. Красавецъ такой былъ, шляпа вотъ съ какимъ плюмажемъ, и кобыла англизирована. Ты знаешь, какъ лошадь англизируютъ?

— Нѣтъ, дѣдушка.

Онъ объяснилъ мнѣ.

— Такъ вы въ Парижѣ были, дѣдушка? Хорошо тамъ?

— Весело было. Теперь я и Парижа не помню. Пятьдесятъ лѣтъ вѣдъ прошло. Теперь бы заблудился. Была у насъ хозяйка Адель, это помню. Черноглазая въ чепчикѣ.

— А въ Петербургѣ, дѣдушка, были?

— А въ Петербургѣ не былъ. Вотъ какъ нибудь къ тебѣ въ гости прѣйду. Соберу финансы, продамъ хлѣбъ и прѣйду. Мнѣ въ крѣпость надо. Ты былъ когда въ крѣпости? Не возилъ тебя отецъ? Напрасно. Тамъ Благословенный похороненъ. Вотъ я поклониться ему хочу. А потомъ въ Казанскій соборъ надо. Тамъ Куту-

зовъ лежитъ, и знамена, что мы изъ Парижа привезли,—тоже тамъ. Приѣду, вмѣстѣ все пойдемъ смотрѣть.

Онъ сдержалъ слово, и года черезъ четыре послѣ общанія приѣхалъ. Мы были съ нимъ въ Петропавловскомъ соборѣ, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ бѣлой гробницей Александра и плакалъ старческими безсильными слезами. Я, уже гимназистикомъ, растерянно стоялъ возлѣ него. О чемъ онъ плакалъ? Я думаю о невозвратномъ прошломъ. Онъ плакалъ о далекомъ солнцѣ Бородинскаго поля, о тѣхъ старыхъ королевскихъ воротахъ, черезъ которыя онъ вступалъ въ покоренный Парижъ, о черныхъ глазкахъ мадамъ Адель, о своей контуженной ногѣ, объ умершей женѣ и о тусклой, тяжелой старости. Моя мать тоже расплакалась,—и отецъ насилу усадилъ ихъ въ карету и повезъ завтракать къ Елисеѣву, гдѣ дѣдъ непременно хотѣлъ выпить чистаго французскаго вина, и гдѣ поэтому сперва пили grappe, а потомъ трянули стариной и заморозили Клико.

XI.

Жизнь мое въ лѣтніе мѣсяцы въ деревнѣ дѣда кажется мнѣ какою-то живою связью съ жизнью моихъ предковъ. Крѣпостное право уже рухнуло, но все, что служило у дѣда,—все это были его прежніе крѣпостные. Попрежнему была людская, дѣвичья, попрежнему кричали уменьшительными именами: «Улитка, Матрешка!» Сосѣди еще сохраняли старозавѣтныя черты и являлись еще вполнѣ гоголевскими типами,—уравновѣшенными, упитанными. Спокойствіе лежало на всемъ: лица лоснились отъ подкожнаго жира, газетъ не было, книгъ читалось мало. Ъли, ловили рыбу, ходили въ лѣсъ «по грибы», варили варенье, солили, мариновали, курили длинныя трубки, сплетничали, рожали дѣтей, хоронили ихъ, сами умирали. Надо всѣмъ свѣтило тихое голубое небо, проносились грозы, зима засыпала все снѣгомъ,—ну, словомъ обломовщина доцвѣтала свое время.

Теперь домъ дѣда давно сломанъ, садъ вырубленъ, фруктовыя деревья свезены. Только церковь стоитъ попрежнему, да мельница, какъ и въ старые годы, шумить и грохочетъ у плотины.

Итакъ, лѣтомъ шла помѣщичья, привольная жизнь, а зимою—городская. Но прежній чиновничій синклитъ сослуживцевъ отца, къ великой радости матери, уже не совершалъ систематическіе набѣги на яства и питія. Съ тѣхъ поръ, какъ съ казенной квартиры мы съѣхали на частную, эти набѣги почти прекратились. А въ прежнее время ходили къ намъ, какъ въ трактиръ. Въ нижней столовой накрывался столъ, и съ двѣнадцати до трехъ толпились голодные, одѣтые въ синіе фраки жрецы Оемиды. Иногда отца не было дома: его вызывали по дѣлу, но гости оставались и просили только

прислугу доливать пустые графины. Огромные пироги съ курами, съ сигаами, съ грибами, маринованная рыба, соленые грибы—все это истреблялось въ невѣроятномъ количествѣ. Когда отецъ вышелъ въ отставку, облѣнившись и опустившись преждевременно, многіе удивлялись, какъ онъ не сумѣлъ, занимая «хлѣбное» мѣсто, составить себѣ состоянія, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ. Но у него не только не было состоянія, но и никакихъ сбереженій, такъ какъ все было проѣдено и выпито. Зато осталось за нимъ кличка «хлѣбосола». Вскорѣ онъ получилъ маленькое наслѣдство отъ своей матери и скромно могъ прожить остальную жизнь. Вдобавокъ, маленькій капиталецъ онъ роздалъ по рукамъ пріятелей и друзей, находившихся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ съ нихъ не получалъ не только процентовъ, но и капитала, а когда умеръ—отъ него осталась пачка вексельной бумаги съ обязательствами его добрыхъ знакомыхъ, не пріѣхавшихъ даже къ нему на похороны и потомъ, разумѣется, не заплатившихъ ни гроша.

Мнѣ было уже восемь лѣтъ; систематично меня не учили, и я занимался попрежнему съ матерью кое-какими науками. Отецъ началъ уже подумывать о гимназіи и о томъ, что пора мнѣ заниматься систематическимъ ученіемъ, когда внезапно пріѣхалъ въ Петербургъ двоюродный братъ матери, А***, значительно повліявшій на мое дальнѣйшее развитіе. Черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ онъ переѣхалъ къ намъ и прожилъ болѣе трехъ лѣтъ.

Это былъ совсѣмъ молодой человекъ, съ золотистой бородкой и волнистыми длинными волосами. Онъ былъ очень похожъ на Христа, изображеннаго художникомъ Ге въ его «Тайной вечери». Тогда только что прогремѣла эта картина, и многіе подтверждали это поразительное сходство. Онъ былъ студентъ Московскаго университета, тамъ были безпорядки—и ему пришлось выйти. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, думая какъ нибудь устроить свою дальнѣйшую судьбу.

Онъ хорошо рисовалъ и задумалъ поступить въ академію художествъ. Очень жаль, что это не осуществилось. Талантъ у него былъ несомнѣнный, и недоставало только техники. Тѣ композиции, что онъ набрасывалъ карандашомъ и акварелью, были очень оригинальны. Я помню особенно одну изъ нихъ. Только что утихла буря, и передъ сумерками изъ-за тучъ выплыла луна. По Тиверіадскому озеру тихо скользитъ лодка. Апостолъ Петръ сидитъ на кормѣ и правитъ однимъ весломъ. У ногъ его спитъ Іуда. Христосъ, сидя на скамьѣ противъ нихъ, съ глубокой грустью смотритъ на спящаго ученика. Я никогда нигдѣ не встрѣчалъ такой композиции. Потомъ онъ задумалъ картину «Христосъ передъ статуей Будды», и сдѣлалъ оригинальный эскизъ; освѣщенное лицо Іисуса и громадный Будда производили на меня,

по крайней мѣрѣ, подавляющее впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, всѣ эти эскизы давно пропали.

Молодой человекъ сразу привлекъ меня къ себѣ вдохновенною рѣчью. Онъ поклонился Гѣ, читалъ наизусть Некрасова, декламировалъ изъ Гоголя описаніе «Украинской ночи». Узнавъ, что я только однажды былъ на выставкѣ въ академіи, — какъ разъ въ тотъ годъ, когда были выставлены «Гайная вечеря», «Читальщикъ» Брызгалова (вѣрнѣе Перова) и «Неровный бракъ» Пукирева, — онъ меня повелъ на Васильевскій островъ знакомить съ русскимъ искусствомъ. Мы ходили съ нимъ по разнымъ линіямъ, по какимъ-то грязнымъ дворамъ, подымались на чердаки, гдѣ художники въ халатахъ жили по три человекъ въ одной комнатѣ. Всюду дядю принимали съ любовью, съ криками радости и восторга. Мое присутствіе не мѣшало живописцамъ работать, и я не разъ видѣлъ, какъ халатники съ упорствомъ изучали бицепсы и трицепсы на широкомъ тѣлѣ Тараса, хваставшагося тѣмъ, что онъ служилъ самому Брюллову. Лѣтъ двѣнадцать позднѣе я узналъ этого Тараса уже ожирѣвшимъ старикомъ, позировавшимъ больше въ этюдномъ классѣ, такъ какъ за нимъ установилась репутація натурщика «съ колоритной кожей». Тогда мнѣ, мальчику, вся эта обстановка богемы казалась чѣмъ-то волшебнымъ. Столъ, на которомъ лежали рисунки, краски, засохшія палитры, поддонникъ изъ-подъ цвѣтовъ со скипидаромъ, пустые стаканы, пиво, швейцарскій сыръ и саножныя щетки, — казался мнѣ удивительно живописнымъ. То была эпоха перваго зарожденія національнаго самосознанія въ нашей живописи, какъ разъ послѣ «протеста тринадцати» и образованія артели. Будущее казалось въ необыкновенно заманчивомъ свѣтѣ: одинъ Гѣ чего стоилъ. Я невольно приобщался къ общимъ восторгамъ, и во все долготнѣе обученіе въ гимназій мечталъ только о томъ, какъ хорошо бы ходить и въ университетъ и въ академію, и жить такой же жизнью, съ гитарой, пѣснями, красками и съ такой красивой голубоглазой дѣвушкой въ розовомъ кисейномъ платьѣ и необъятномъ кринулинѣ, какую я видѣлъ однажды за столомъ у мохнатого конкурента, писавшаго какую-то программу.

Дядя не менѣе меня мечталъ объ искусствѣ. Не знаю, что собственно побудило его отказаться отъ поступленія въ академію. Помню, что въ одинъ прекрасный день отецъ повезъ его куда-то, при чемъ оба были во фракахъ. Назадъ они вернулись ликующіе: отецъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе поступить на курсы, что были, да, должно быть, и теперь есть при азіатскомъ департаментѣ. Оттуда выходили учеными переводчиками и назначались въ наши посольства и консульства, особенно на востокъ. Такъ какъ дядя мой, какъ оказалось, свободно говоритъ и читаетъ по-персидски, кромѣ того, знаетъ нѣмецкій и французскій языки, то его и при-

няли туда безъ особаго труда. Персидскій языкъ онъ шутя изучилъ въ Москвѣ, живя въ одной комнатѣ съ товарищемъ персомъ. Съ этихъ поръ мой отецъ началъ звать его драгоманомъ.

Квартира наша приняла очень странный видъ. Дядя натащилъ великое множество книгъ турецкихъ, татарскихъ, арабскихъ и персидскихъ. На столахъ валялись тегеранскія и константинопольскія газеты. Манускрипты съ хитро раскрашенными инициалами, съ золотомъ, серебромъ и привѣшенными печатами приводили въ изумленіе нашихъ знакомыхъ. Еще болѣе приводилъ ихъ въ изумленіе я, говорившій съ дядей по-персидски очень бѣгло и читавшій навзусь арабскую басню про быка и льва: «Асадунъ маратанъ хараджа» и пр.

Одно изъ величайшихъ наслажденій дяди было говорить съ татарами, продающими на улицахъ халаты и старое платье. Онъ убѣждался по быстротѣ разговора, насколько быстро удавалось ему усваивать татарскій языкъ. Способности его были изумительныя, и дѣла его по ученію шли прекрасно.

Обиліе занятій не мѣшало ему заниматься со мной. Появились нѣмецкая и русская грамматики; ариметику пришлось начинать сначала: свободно обращаясь съ цифрами и дѣлая какія угодно дѣленія и умноженія, я не зналъ, что такое цифра, стоящая на такомъ-то мѣстѣ справа, а это было преступленіе. И географія приняла болѣе серіозный видъ, чѣмъ та, которой занималась со мной мать. Дядя начертилъ самъ нѣмыя карты всѣхъ частей свѣта, раскрасилъ ихъ, и занятія наши закипѣли во всю.

Въ свободное отъ занятій время онъ собственноручно сдѣлалъ шахматную игру, склеилъ огромную крѣпость съ цѣлымъ войскомъ написанныхъ акварелью на бристолѣ и посаженныхъ на чурки турокъ и персовъ. Онъ рисовалъ карикатуры, даже этикетки на бутылки съ наливкой, изображая Бахуса, настаивающаго сливянку, или амура, грѣющаго бутылъ на солнцѣ, или Гебу, фильтрующую наливку черезъ пропускную бумагу и стеклянную воронку, при чемъ зевесовъ орелъ, совершенно пьяный, радостно улыбался на эту работу. Конечно, послѣднія произведенія искусства погибали, приклеенныя къ бутылкамъ въ дни именинъ, рожденій и пр.

XII.

Усиленными занятіями дядя точно хотѣлъ заглушить тотъ «мятежный духъ», что владѣлъ имъ въ Москвѣ. Онъ сторонился отъ кружка молодыхъ людей «безъ опредѣленныхъ занятій», пріѣхавшихъ, какъ и онъ, изъ Москвы для присканія себѣ дѣла. Иногда къ нему приходили молодые люди, носившіе, по тогдашней модѣ, красныя рубахи, армяки и фуражки, высокіе мужицкіе сапоги и стальныя очки. Приходилъ одинъ милліонеръ, сынъ купца, вскорѣ

высланный въ Вятку, въ золотомъ пенснэ, лакированныхъ ботфортахъ, въ высокой шляпѣ съ павлиньими перьями, свѣтло-зеленой рубахѣ съ пурпурными ластовицами и синемъ армякѣ нараслапку, напоминавшемъ болѣе альмавиву, чѣмъ армякѣ. Онъ крутилъ папирсы, вставляя ихъ въ мундштукъ изъ пѣнки, изображавшій обнаженную женщину въ довольно непринужденной позѣ, и считалъ себя передовымъ человѣкомъ. Надъ нимъ смѣялись, вышучивали его, но такъ какъ онъ денегъ не жалѣлъ, то терпѣли, находя, что съ такихъ паршивыхъ собакъ и надлежитъ непремѣнно брать шерсти клокъ. Потомъ приходила одна стриженная особа женскаго пола, очень хорошенькая и такая маленькая, какихъ я никогда и не видывалъ. Всѣ они ходили къ дядѣ поодионокѣ, и всѣ его уговаривали. Я слышалъ, какъ коротенькая дѣвица говорила:

— Слушайте, бросьте глупости. За какими бѣсами вамъ учиться этой белибердѣ? Китайцевъ просвѣщать хотите? Зачѣмъ вы поселились въ этой бюрократической семьѣ? Не срамите себя.

Дядя отвѣчалъ что-то тихо, чего нельзя было разобрать.

— Вздоръ!—возражала она.—Приходите ко мнѣ вечеромъ чай пить, и мы вмѣстѣ пойдемъ къ Соловьевичу.

— Чай я къ вамъ приду пить, а къ Соловьевичу не пойду.

— Бонтесъ?

— Не боюсь, а некогда. Вонъ мнѣ полстраницы изъ Корана разобрать надо.

- Вы, можетъ, въ Магомета вѣрите?

Дядя смѣялся и что-то тихо говорилъ ей.

— Подигте вы!—возвышала она голосъ.—Тутъ о дѣлѣ идетъ рѣчь, а вы всё со своими глупостями.

Незадолго до Каракозовскаго выстрѣла дядя совсѣмъ прервалъ всякія сношенія съ московскими знакомыми и ходилъ мрачный, насупленный. Изъ всего дома я больше всѣхъ зналъ о его связяхъ, такъ какъ, когда отецъ и мать были дома, никто изъ его знакомыхъ не приходилъ, а меня не стѣснялись. Еще зимою дядя сжегъ какую-то переписку. Потомъ всё сидѣлъ дома, и даже, какъ я замѣтилъ, вздрагивалъ при каждомъ звонкѣ.

Вскорѣ онъ отъ насъ съѣхалъ. На несчастіе онъ пристрастился къ гашишу. Послѣ нѣсколькихъ усиленныхъ пріемовъ онъ почувствовалъ нервное разстройство, но не могъ уже остановиться и все болѣе и болѣе пристращался къ ядовитому дурману. Кончилось все это очень печально: онъ потерялъ память, не выдержалъ экзамена, уѣхалъ въ Москву и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ совершенно разбитый нервами.

Я не знаю, что заставило его отдаться гашишу. Жизнь какъ разъ начала улыбаться ему, и онъ долженъ былъ ѣхать въ Южную Америку, куда онъ стремился всей душой. Скорѣе всего это

была грустная случайность. Но я навсегда сохранилъ къ нему благодарность за его дѣтски-наивное и чистое отношеніе ко мнѣ, какъ къ ребенку.

Я помню, разъ увидѣлъ, какъ я, наклонившись надъ своимъ столикомъ, что-то усердно писалъ, и замѣтивъ его, торопливо закрылъ написанное бумагой.

— Покажи, что это!—присталъ онъ.

— Не могу, не покажу.

— Отчего?

— Нельзя.

Онъ не отставалъ. Наконецъ я сознался.

— Это журналъ.

Онъ вытаращилъ глаза.

— Какой журналъ?

— Я издаю его и редактирую.

— Какъ же онъ называется?

— «Орелъ».

— Городъ Орелъ?

— Нѣтъ, птица. Это журналъ естественныхъ наукъ.

Послѣ долгихъ усилій ему удалось увидѣть «Орла». Это было подражаніе издававшемуся тогда журналу «Вокругъ Свѣта»—тетрадь съ двумя раскрашенными рисунками, гравюрой на стали, полиטיפажами и текстомъ въ два столбца. Само собою разумѣется, что всѣ «гравюры» и текстъ были сфабрикованы мною лично. На первомъ планѣ былъ изображенъ колибри, разъ въ десять болѣе натуральной величины, съ такимъ неистовымъ отчаяніемъ раскрашенный въ самыя яркія краски, какія у меня только нашлись подъ рукою, что дядя былъ положительно ошеломленъ. Онъ только откинулся назадъ и сказалъ:

— Ловко!

Гравюра «на стали» изображала ѣзду на оленяхъ въ Финляндіи, при чемъ небо было неистово закрашено черной краской. Изъ статей обращало на себя вниманіе описаніе Владимирской губерніи; авторъ сообщалъ, что тамъ растутъ рожь и овесъ, текутъ рѣки, изъ которыхъ особенно замѣчательны Колокша и Уводь, что тамъ часто бываютъ грозы, и на деревьяхъ растутъ очень здоровый для ѣды вишневый клей. Затѣмъ была статья о жителяхъ Марса, при чемъ изображены были какіе-то несчастные пациенты ортопедической клиники. Это былъ уже совсѣмъ вздоръ, но самостоятельный, такъ какъ Фламмаріонъ еще не писалъ своихъ соображеній о жителяхъ планетъ.

Дядя все это рассмотрѣлъ внимательно и сказалъ:

— Ты одинъ не управишься,— я поступлю къ тебѣ въ сотрудники. Я напишу для «Орла» романъ и дамъ подробныя свѣдѣ-

нія о жизни нѣкоторыхъ мѣстностей, еще совершенно не изслѣдованныхъ.

И работа законѣла. Что за чудесныя акварели изготовилъ онъ къ слѣдующему номеру! Онъ изобразилъ новую породу рыбъ, водящуюся въ «Великой Западной рѣкѣ». Рыба была ярко-зеленая сверху, ярко-пурпуровая снизу и золотистая на бокахъ. Глаза у нея были бирюзовые, а плавники золотисто-красные. У нея былъ аппаратъ для пускающаго фонтана, такъ что на закатѣ вся поверхность рѣки была сплошь покрыта этими фонтанами, что тоже было изображено на рисункѣ. Такъ какъ рыба эта была, судя по описанію до девяти футовъ длиною, то и самые фонтаны достигали сажени. Очень интересенъ былъ разрѣзъ рыбы и устройство фонтаннаго аппарата, никогда еще не примѣнившееся природою въ живомъ организмѣ.

Кромѣ того, дядя взялся за романъ, который назывался «Чаунъ-го-Тори». Это была смѣсь Сакунталы съ американскими романами Ферри и повѣстями Купера. Романъ этотъ, конечно, остался неконченнымъ, и было написано всего только три главы, но и этихъ трехъ главъ было достаточно, чтобы прійти отъ нихъ въ самый ярый восторгъ. Вдобавокъ онъ обѣщаль параллельно съ этимъ романомъ помѣщать очерки: «Черты изъ жизни полевыхъ зайчатъ». Ужъ не знаю, гдѣ онъ съ такой тонкостью изучилъ нравы этихъ звѣрей, но, судя по первой главѣ, что онъ мнѣ рассказывалъ, это было не менѣ очаровательно, чѣмъ «Чаунъ-го-Тори».

Всегда ровный и спокойный, иногда онъ впадалъ въ хандру и сидѣлъ по цѣлымъ днямъ нечесанный, грызя свои ногти. Разъ я его видѣлъ взбѣшеннымъ и покрасѣвшимъ отъ злости. Онъ недолюбливалъ моего двоюроднаго брата, оканчивавшаго курсъ въ высшемъ военномъ училищѣ, и всегда во всемъ ему противорѣчилъ. Однажды мой двоюродный братъ сталъ скептически отзываться по поводу воскрешенія дочери Іаира, опираясь на то, что, по словамъ Христа, она и не умерла.

— Такъ въ чемъ же было чудо? — спросилъ вдругъ дядя съ искривившимся лицомъ.

— Да чуда никакого и не было.

— Такъ вы, значитъ, въ него не вѣрите?

— Нѣтъ.

— А говорили объ этомъ вашему священнику?

— Зачѣмъ я буду ему говорить?

— Вы не должны скрывать своихъ убѣжденій. Вы ему прямо скажите, что не вѣрите.

— Ну, и что же будетъ?

— Васъ не произведутъ въ офицеры.

Братъ густо покраснѣлъ.

— А вы вѣрите сами-то? — спросилъ онъ.

— Въ чудо? Вѣрю. Не только въ дочь Іапра, но и въ Лазаря. Вѣрю, что онъ былъ четырехдневенъ и смердѣлъ, что процессъ разложенія былъ во всемъ ходу, и вдругъ пошелъ въ обратномъ порядкѣ, что, связанный по ногамъ плащаницей, онъ вышелъ самъ изъ пещеры и заговорилъ. И въ хожденіе по водамъ, и въ ослицу Валаамову, и въ семь дней творенія, и въ горящую купину— во всё вѣрю.

— Я вамъ и вѣрю, что вы вѣрите,— сказалъ братъ.

— Я и въ чертей вѣрю. Изъ такихъ самыхъ обыкновенныхъ: рогатыхъ и съ хвостиками. И вы должны вѣрить. Какъ вообще вы смѣете сомнѣваться въ правильности программы учебнаго заведенія, въ которомъ васъ обучаютъ? Если съ чѣмъ несогласны,— говорите открыто: «господа, я съ этимъ несогласенъ». А у васъ какіе-то компромиссы. Офицеромъ-то вы хотите быть, а чудесамъ не вѣрите.

Братъ схватилъ кѣши съ султаномъ, какія тогда носили, и недѣли три не приходилъ къ намъ. А когда онъ ушелъ, дяди ворчали ему вслѣдъ:

— Тоже юнкеромъ называется, а въ хожденіе по водамъ не вѣрить.

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕНЕРАЛЬША.

Изъ разказовъ прабабушки.

ВЫ ЗНАЕТЕ,—разказывала прабабушка,—что я родилась не здѣсь, а въ большомъ, торговомъ селѣ Гончаровѣ. Тогда это село принадлежало очень богатому и знатному генералу Гончарову. Онъ-то и сдѣлалъ его такимъ, какое оно теперь. Когда мой батюшка поступалъ туда въ священники, это было совсѣмъ глухое село, стояли тамъ одни поповскіе дома, старая маленькая церковь и сторожка; кругомъ росли дремучіе лѣса съ топкими болотами да съ дикими звѣрями; дороги къ нему были такія, что только лѣтомъ можно было проѣхать туда на лошади, а весной и осенью пробирались пѣшкомъ, и то черезъ великую силу.

Въ этихъ-то вѣковыхъ лѣсахъ оказалась чугуная руда и очень хорошая глина.

Пріѣхалъ генералъ, тогда еще молодой, красивый и здоровый, привезъ съ собой инженеровъ, осмотрѣли мѣстность, и закипѣла работа. Была тамъ маленькая рѣчка съ низкими, болотными берегами, устроили на ней крѣпкую плотину, и на мѣстѣ этой рѣчки стало большое, красивое озеро. Потомъ вырубилъ лѣсъ, выкорчевали пни, справили дороги, построили два завода—чугунный и фаянсовый. Вдоль озера версты на двѣ протянулись маленькіе домики для рабочихъ. На мѣстѣ старой деревянной церкви соорудилась большая каменная, а на самомъ видномъ и высокомъ мѣстѣ раскинулась богатая барская усадьба съ громаднымъ паркомъ, съ садомъ, цвѣтниками, оранжереями, со всеми барскими затѣями. Въ какихъ нибудь два-три года село совсѣмъ измѣнилось, изъ ди-

каго и непригляднаго оно сдѣлалось красивымъ и многолюднымъ. Велика была барская сила, а генераль и между господами считался самымъ сильнымъ и богатымъ человѣкомъ въ нашей губерніи, имѣлъ онъ 20.000 душъ крестьянъ, 8.000 на заводахъ работало, одной дворни человѣкъ полтора ста было, тутъ не только Гончарово, цѣлый городъ можно было построить, особенно съ такимъ характеромъ, какой былъ у генерала.

Человѣкъ онъ былъ умный, сильный, живой, на другихъ не полагался, всюду самъ поспѣвалъ и дѣло зналъ, какъ слѣдуетъ, примется, бывало, на чугунномъ заводѣ работать, ни одному мастеру не уступить. Ну, и крутъ былъ, рабочіе его, какъ огня, боялись. Дрался онъ рѣдко, на конюшню и совѣмъ не посылалъ, а ужъ очень на работѣ забивалъ, не смотреть, бывало, кому что подѣ силу, а сказаль, чтобы столько-то часовъ былъ на работѣ, и столько-то было сдѣлано, — конецъ! Хоть умри, а урокъ выполни. Не сдѣлалъ во время, отработай послѣ, не отработалъ, ступай на нѣсколькую часовъ. Работа же на чугунныхъ заводахъ страсть какая тяжелая: огонь, духота, стукъ, лявгъ, — тутъ надо работать въ мѣру, а то хоть какую силу ухлопаешь. А тамъ дома нужда, паекъ отпускался небольшой, на сторонѣ заработать негдѣ и некогда, постоянно на барщинѣ. И вѣдь вотъ что удивительно: всѣ почти господа были набожны, по праздникамъ ни одной службы не пропускали, всенощныя на домахъ служили, посты соблюдали, а генераль еще и церкви строилъ, а чтобы о крѣпостныхъ людяхъ подумать, какъ имъ живется, этого у нихъ и въ поминѣ не было. Генераль все-таки былъ лучше другихъ, онъ былъ строгъ, но не золъ и не безтолковъ. Руды оказалось верстѣ на шестьдесятъ, Гончаровъ построилъ еще два чугунныхъ завода, приобрѣлъ нѣсколько сосѣднихъ имѣній и сдѣлался царькомъ въ нашемъ уѣздѣ. Весь судъ, все начальство было у него въ рукахъ; всѣмъ онъ давалъ жалованье, смотря по чину, и каждый изъ этихъ чиновъ всѣми силами старался угодить генералу.

Прошло лѣтъ двадцать пять, а генераль оставался все такимъ же бодрымъ и красивымъ, многія дѣвушки на него засматривались, и ни одна барышня въ нашей губерніи не отказалась бы выйти замужъ за такого богатаго и сильнаго человѣка, но генераль и не думалъ о женитьбѣ. Жениться—надо угождать женѣ, заботиться о дѣтяхъ, не женатый—самъ себѣ господинъ, а генераль больше всего на свѣтѣ любилъ свою волю.

— Эхъ, ваше превосходительство, — скажетъ, бывало, батюшка, — давно бы пора вамъ генеральшу въ домъ привести, полно безпутничать.

— Что дѣлать, батька, если я ужь такимъ безпутнымъ родился! Грѣхъ ли, два ли, а мнѣ себя не перемѣнить,—отвѣтитъ генераль.

— Перемѣни, баринъ, женись и живи, какъ всѣ православные. Худо до добра не доведеть, припомни мое слово: забересть тебя въ руки какаянибудь шельма, не вывернешься.

— Ну, это ты врешь, батька, никогда не бываетъ тому, чтобы меня въ руки забрали,—скажетъ, бывало, генераль, а сердиться не сердился: отецъ духовный всѣхъ долженъ учить.

И случилось какъ разъ то, что говорилъ батюшка. Въ генеральскую дворню привезли изъ хохлатчины дѣвку Акульку; въ дворню выбирались самыя красивыя дѣвушки изъ всѣхъ вотчинъ, но ни разу не попадала туда такая красавица, какою была Акулька. Высокая, статная, бѣлая, румяная, съ толстой, русой косой ниже пояса, и знаете, какъ въ пѣсняхъ поется: очи—яснаго сокола, брови—чернаго соболя, походка—бѣлаго лебеда, улыбнется—рублемъ подарить. И вотъ этими-то очами ясными да улыбкой ласковой она сразу приворожила къ себѣ генерала. Нарядилъ онъ ее въ шелкъ и бархатъ, всея дворнѣ приказалъ ее слушаться и величать Акулиной Павловной, посадилъ за одинъ столъ съ собой, началъ выводить къ гостямъ, однимъ словомъ поставилъ настоящей барыней.

Другая бы застыдилась и оробѣла, но Акулька была не изъ такихъ, она сразу забрала въ руки не только дворню, но и самого барина. Да еще какъ забрала-то, ничего онъ не дѣлалъ, съ ней не совѣтовавшись. Дошло до того, что если у когонибудь было дѣло до генерала, тотъ шелъ къ Акулинѣ Павловнѣ; не поклонись ей—никогда не выйдетъ по-твоему; генераль все дѣлалъ такъ, какъ было угодно Акулинѣ Павловнѣ.

Всѣ удивлялись, какъ это онъ, такой сильный и самовластный, позволялъ вертѣть собою своей же холопкѣ.

Прошло года два, всѣ уже привыкли считать Акулину Павловну въ барскомъ домѣ хозяйкою, поговаривали, что генераль съ нею перевѣнчается. Оно такъ бы и слѣдовало. Да, слѣдовало бы по-нашему, по-простому, но богатый, знатный баринъ думалъ не такъ.

— Надо бы, надо тебѣ, генераль, жениться на Акулинѣ Павловнѣ, не хорошо такъ жить, какъ вы живете,—пробовалъ говорить ему батюшка.

— Нѣтъ, батька, жениться мнѣ на ней не приходится.

— Что же боярская спесь мѣшаетъ? Такъ отъ этого твоего дворянства не убудеть, а какъ не женишься, да дѣти пойдутъ,

ночь они-то и будутъ холопами, и имѣніе помимо ихъ въ чужія руки пойдетъ.

— Замолчи, батька, слышишь, замолчи! Никогда генераль Гончаровъ не женится на крѣпостной дѣвкѣ, слышишь, никогда!— крикнулъ генераль, сердито стукнувъ кулакомъ по столу.

Батюшка замолчалъ и больше объ этомъ не заговаривалъ.

Вдругъ неожиданно-негаданно разнеслась вѣсть, что Акулина Павловна выходитъ замужъ за сына попады вдовы.

Эта вдова жила въ Гончаровѣ, дѣтей у нея было двое: дочь лѣтъ пятнадцати и сынъ—семинадцати, звали его Алексѣемъ; вотъ этого-то мальчика и задумалъ генераль женить на своей полу-барынь.

Наши и вѣрятъ и нѣтъ. Матушка пошла ко вдовѣ спросить, правда ли.

— Правда,—отвѣчаетъ та,—вчера генераль призывалъ къ себѣ Алексѣя, говорилъ съ нимъ объ этомъ, обѣщалъ ему дворянство и 300 душъ въ приданое, заживешь, говоритъ, богатымъ баринномъ, а сестрѣ твоей дамъ попонское мѣсто на новомъ заводѣ. И мой дуракъ соглашается, молодъ, жизни не знаетъ, а посулы большіе, да и Акулька красавица, хоть кому вскружить голову,—говорить это вдова, а сама слезами заливается.

— Что же ты такъ убиваешься? Другая бы на твоёмъ мѣстѣ радовалась, 300 душъ не шутка, и дочь хорошо опредѣлить къ мѣсту,—говорить матушка.

— Нечему радоваться, знаю, что хорошему не быть, не повѣрю я, чтобы генераль навсегда разстался съ ней, а что ты говоришь: дочь опредѣлю, да сынъ получить 300 душъ, такъ я вотъ что скажу: дочь моя не перестарокъ, еще успеетъ замужъ выйти, да знаешь ли ты, что я скорѣе бы ее въ дѣвкахъ оставила, чѣмъ пожелала, чтобы мой сынъ женился на Акулкѣ. А что эти 300 душъ да дворянство,—такъ плевать я на это хочу, мы съ мужемъ крестьянъ не имѣли, а жили такъ, что приведи Богъ всякому такъ жить. Не того я ждала отъ Алени... Думала, пошлютъ въ академію, или опредѣлятъ протопопомъ въ городъ, ты знаешь, какъ хорошо онъ учится, женился бы на честной дѣвушкѣ; хорошая жена дороже всякаго богатства.

— Можетъ быть, и Акулина Павловна будетъ хорошей женой?

— Не повѣрю я этому, никогда не повѣрю! И какъ я упранивала, какъ уговаривала сына на ней не жениться! Не слушается, Богъ съ нимъ, насильно удерживать не стану, скажетъ, что я у него счастье отбила.

— Ну, не жениться ему тоже мудрено, съ генераломъ спорить нельзя.

— А почему же нельзя спорить? что бы онъ сдѣлалъ Алени? Мы не крѣпостные, въ солдаты не отдастъ!—вспыхнула вдова,—

я и сыну то же говорила. Всю-то ночь я проплакала, такъ и постъ сердце, такъ и замираеть, словно бѣду чувствъ. И погубять они его, непремѣнно погубять, вотъ увидишь,—и вдова снова залилася слезами.

Не щедрые посулы генерала прельстили Алешу, онъ былъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы уже такъ дорожить богатствомъ, не посмотрѣлъ бы онъ и на гнѣвъ барина; воля матери была для него важнѣе этихъ посуловъ, сильнѣе генеральскаго гнѣва, но этого мальчика такъ же, какъ и пожилого генерала, околдовали ясныя очи Акульки. Эти-то ясныя очи, привѣтливыя улыбки да ласковыя рѣчи совсѣмъ вскружили голову парня и заставили его итти противъ родительской воли.

Разговоръ генерала былъ коротокъ. Когда Алексѣй вошелъ, онъ сидѣлъ, развалившись на диванѣ, въ своемъ кабинетѣ.

— Здравствуй, братъ, и къ тебѣ сватомъ: женись на Акулинѣ, черезъ годъ будешь дворяниномъ и получишь за ней 300 душъ въ приданое.

— Я не знаю, что скажетъ матушка.

— Мать твоя женщина умная и не станетъ со мной спорить. Да и спорить-то нечего. Чѣмъ плоха Акулина Павловна? И приданое хорошее. Сестрѣ твоей дамъ поповское мѣсто на новомъ заводѣ; всѣмъ вамъ будетъ хорошо. Не женишься—пожалѣешь, такъ и матери скажи. Теперь иди и подумай дозавтра.

Алексѣй поклонился и вышелъ.

— Выхожу я изъ кабинета,—разсказывалъ онъ моему брату,—а тутъ вся дворня на меня, какъ на чудо, смотреть, словно вѣкъ не видывали, какъ же: то былъ Алеша попадьинъ, а теперь женихъ Акулины Павловны, скоро буду помѣщикомъ. Такъ было совѣстно, насилу изъ дома выбѣжалъ. Иду по усадьбѣ, а самому такъ и кажется, что всѣ на меня изъ оконъ смотреть. Дай, думаю, поверну въ паркъ, тамъ какъ разъ скроюсь за деревьями. Иду паркомъ и ни о чемъ думать не могу, только и чувствую, что сердце замираеть, да голова кружится. Вдругъ слышу, кто-то окликнулъ меня. Оглянулся, а это Акулина Павловна ко мнѣ бѣжить.

— Что не ждалъ?—спрашиваетъ, а сама усмѣхается.

Подошла ко мнѣ, положила руки на плечи, въ лицо заглянула.

— Слушай, Алеша, если ты на мнѣ женишься, не раскаешься, буду тебѣ женою честною, а что было прежде, забудь: то дѣло подневольное. За тѣмъ и пришла, чтобы сказать тебѣ это.

А я стою, какъ къ мѣсту прикованный, смотрю на нее и никакъ глазъ не могу отъ нея отвести. Статная, красивая, глаза блестятъ, щеки пожаромъ вспыхнули, одѣта и причесана, какъ настоящая барыня. И была ли въ цѣломъ свѣтѣ другая такая красавица?

— Что же, женихъ ты мнѣ, или откажешься?

— Скорѣй умру, чѣмъ отъ тебя откажусь,—выговорилъ я помимо воли.

— Ну, умирать-то рано, мы еще поживемъ.

А сама все смотритъ на меня, словно въ душу заглянуть хочетъ. Потомъ одной рукой обняла мою шею, пригнула къ себѣ, звонко поцѣловала въ губы, засмѣялась и побѣжала къ дому.

Съ тѣхъ поръ словно душу она у меня взяла. Гдѣ бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ, она неотступно стоитъ передо мною: статная, красивая, весело такъ усмѣхается, въ глаза засматриваетъ, слышу ея звонкій смѣхъ, голосъ ласковый. Не выйди она и не поговори со мною, непременно послушался бы матушки, а теперь не могу отказать отъ Акулины Павловны. Если бы я былъ такъ же знатенъ и богатъ, какъ генераль, а она, какъ теперь, простая холопка, все равно, ни на комъ бы другомъ не женился.

Вѣрно не легко было и генералу разстаться съ своей завнобушкой. Дворовые рассказывали, что передъ тѣмъ, какъ позвать къ себѣ Алексѣя, баринъ цѣлую недѣлю былъ самъ не свой: дѣла бросилъ, изъ дома ни ногой, ходитъ изъ угла въ уголъ по кабинету, а то сядетъ на диванъ, упрется локтями въ колѣни и сидитъ битый часъ. Чуть кто стукнетъ, или засмѣется громко,—бѣда! кричитъ, что морду расколотить. Прежде никогда съ нимъ такого не бывало, зря не кричалъ и безъ дѣла сидѣть не любилъ. До того дошло, что весь домъ притихъ, ходили всѣ на пальчикахъ, говорили шепотомъ, даже сама Акулина Павловна присмирѣла.

Поговоривши съ Алексѣемъ, онъ совсѣмъ успокоился, даже сталъ какъ будто веселѣе прежняго. Въ тотъ вечеръ генераль плотно поужиналъ, приказалъ подать себѣ лошадь, поѣхалъ на чугунный заводъ и проработалъ тамъ цѣлую смѣну. На другой день онъ живой и бодрый снова принялся ворочать дѣлами.

Скоро была свадьба Акульки. Генераль исполнилъ свое обѣщаніе: вдовиной дочери выхлопоталъ поповское мѣсто, а молодымъ далъ хорошенькое имѣніе въ хохлатчинѣ верстъ за триста отсюда. Алексѣя зачислилъ на какую-то службу, и черезъ годъ тотъ дѣйствительно былъ дворяниномъ, и имѣніе было укрѣплено за нимъ.

Прошло еще немного времени, за вдовой гонецъ отъ сына, Богъ внучку далъ, туда зовутъ. Мѣсяца два съ лишнимъ прожила тамъ вдова, раньше не выпустили.

— Ну, какъ погостила? Хорошо ли съѣздила?—спрашиваетъ матушка.

— Все слава Богу: сынъ ласковъ, невѣстка еще ласковѣ, почтительная такая, руки цѣлуетъ,-- отвѣчала вдова.

— Какъ твои молодые поживаютъ?

— Слава Богу, живутъ хорошо, не посмотрятъ другъ на друга, особенно онъ, просто всю душу ей отдалъ. И она старается угодить мужу: смотри-ка, говоритъ, матушка, какой красавецъ нашъ Алеша сталъ, вѣрно на волѣ-то лучше жить, чѣмъ книги долбить. И сказать правду, Алеша очень переимѣнился за этотъ годъ: выросъ, возмужалъ, усы пробиваются, веселый такой, разговорчивый,—однимъ словомъ такой молодецъ, посмотрѣть любо. И устроились хорошо, все у нихъ въ порядкѣ. Домикъ, службы, надворныя постройки—все это новенькое, чистенькое, садикъ насадили, скота, птицы, всего много. Есть и дворня, какъ у всѣхъ другихъ господъ. Онъ смотритъ за всѣми полевыми работами, хозяйство ведетъ, она въ домѣ присматриваетъ. И барщина у нихъ не тяжелая, есть мужику время и на себя работать. Ужъ я Алешѣ приказывала: смотри, говорю, сынокъ, не мори народъ, помни, что за каждую слезу, которая черезъ тебя прольется, надо будетъ отвѣтить передъ Господомъ. Да онъ у меня добрый, на него я надѣюсь.

— А она?

— Она въ барщину не вмѣшивается, опять же и ему старается угодить, при немъ хорошо,—уклончиво отвѣтила вдова.

— Вотъ видишь, напрасно ужъ ты такъ сокрушалась, все вышло по-хорошему,—говоритъ матушка.

— И слава Богу, если ошиблась,—вздохнула вдова.—Невѣстка-то сюда собирается прѣхать, говоритъ, съ золовкой хочется повидаваться. Дѣвочка-то у кормилицы, ну, невѣстка и свободна,—прибавила она помолчавъ, а сама смотритъ въ сторону, будто боится посмотрѣть въ глаза матушкѣ.

— Хитришь ты, не все говоришь, что на умѣ держишь,—подумала матушка,—ну, да Богъ съ тобой, не хочешь передо мною душу открыть, не надо.

И видѣла матушка, что вдова все-таки недовольна женитьбой сына.

Прѣехала Акулина Павловна къ свекрови. Такая веселая, ласковая не только съ своими, но и съ сосѣдами, а что подарковъ золовкѣ притащила, пересчитать трудно: лисью шубу, крытую малиновымъ штофомъ, платье шелковое, серьги золотыя, ситцы разные, нарядила ее, словно барыню, а что холста ткацкаго привезла, такъ просто дѣвать некуда, хоть торгуй, да еще и денегъ дала молодымъ на обзаведеніе.

На другой день послѣ прѣзда къ генералу отправилась.

— Нельзя, говоритъ,—не быть у него: онъ мой благодѣтель.

Генераль принялъ ее, какъ настоящую барыню, говорилъ на ны, называлъ Акулиной Павловной, вынелъ проводить въ переднюю.

Ну, и начала Акулина Павловна ходить къ своему благодѣтелю; прожила цѣлый мѣсяцъ, ни одного вечера не пропустила, запрутся, бывало, въ кабинетѣ и сидитъ тамъ чуть не до разсвѣта.

— Боюсь я, какъ бы она совсѣмъ не перешла къ генералу, отъ такихъ всего можно ждать. Что ей мужъ? Плевать! А Алеша не перенесетъ этого горя, ужъ очень онъ ее любитъ, да и поворотъ великъ. Я и теперь не знаю, какъ на людей смотрѣть, а если и это случится, тогда хоть сквозь землю провались,—говорила вдова.— Хитрая она, притворщица. Алеша ей во всемъ вѣритъ. Да и то сказать, она и не такого проведетъ, а онъ что? ребенокъ, 19-ти лѣтъ не кончилось. Помнишь, ты у меня спрашивала, хороша ли она съ людьми? Тогда я перемолчала, говорить не хотѣлось, а теперь правду скажу: съ дворней она такая, что не приведи Богъ! При мужѣ-то сдерживается, а безъ него то и дѣло по щекамъ лупить, забыла, что и сама изъ такихъ же холопокъ вышла. Пробовала я ей говорить, что съ людьми нельзя такъ обращаться, вѣдь и у нихъ такая же душа. Слушать не хочетъ, говорить, что ихъ баловать не слѣдуетъ, порядка въ домѣ не будетъ. Молчу, даже тебѣ до этихъ поръ не говорила, жалобами дѣла не поправишь, а не вѣрю я, чтобы все это добромъ кончилось. Съ самой Алениной свадьбы у меня словно камень на сердцѣ лежитъ, и ничѣмъ ты его не свернешь, вотъ такъ и давить, такъ и давить.

Но вдова ошиблась: Акулина Павловна у генерала не осталась и ровно черезъ мѣсяцъ уѣхала къ мужу.

Пріѣхала она домой, мужъ встрѣчаетъ, радъ безъ памяти, дворня рада не рада, а все же высыпала встрѣчать барыню. Барыня прежде всего къ мужу бросилась, крѣпко обняла его, поцѣловала, потомъ отстранила немного отъ себя, положила ему руки на плечи, въ лицо заглянула.

— Что съ тобой, Алексѣй Дмитричъ, боленъ что ли былъ?—спросила она тревожнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я, слава Богу, здоровъ; что это ты такъ придумала?—говоритъ баринъ, а самъ смѣется, радъ безъ памяти.

— Неужели ты такъ безъ меня соскучился?

— Какъ же безъ тебя не скучать? Миѣ этотъ мѣсяцъ за десять лѣтъ показался, просто мѣста себѣ не находилъ.

— А все-таки отъ одной скуки такъ не похудѣешь. Ты, можешь быть, и боленъ, да миѣ не казываешь, тревожить не хочешь?

— Право же, здоровъ, да ты посмотри хорошенько, похожъ ли я на больного.

Баринъ былъ дѣйствительно здоровехонекъ; сильный, широкоплечій, румянецъ во всю щеку, глаза блестятъ, волосы немного вьются, голосъ громкій, смѣхъ веселый, — молодецъ молодцомъ и нисколько не похудѣлъ безъ барыни.

— Ну, дай Богъ, чтобы мнѣ такъ только показалось,—проговорила барыня и начала съ дворней здороваться. Ласковая со всѣми, какъ будто обрадовалась, что домой вернулась. Взяла на руки дѣвочку, няньчить, цѣлуетъ, благодарить кормилицу, что такъ хорошо ходила за барышней, а сама все на мужа посматриваетъ, какъ будто за него тревожится. Потомъ ничего успокоилась, приказала подать самоваръ, начала рассказывать мужу про родныхъ и знакомыхъ, про все, что дѣлается на его родинѣ, его спрашиваетъ обо всемъ, что тутъ безъ нея дѣлалось.

А тотъ смотритъ на нее, не насмотрится, говорить, не наговорится. Со стороны весело было на него смотрѣть: весь—счастье, здоровье, молодость.

На другой день за обѣдомъ барыня опять долго смотритъ на барина.

— Ты страшно похудѣлъ, голубчикъ; сознайся, боленъ?

А у самой голосъ дрожить, слезы на глазахъ показались.

— Вотъ пристала! Сказалъ, что здоровъ, и сказалъ правду: чего я отъ тебя буду скрытничать?—разсердился мужъ.

— Ну, не знаю, можетъ быть, ты и не чувствуешь своей болѣзни.

— Мудрено чувствовать болѣзнь, если ея нѣтъ.

— Ну, что вы такъ тревожитесь? барыня; Баринъ нисколько не похудѣлъ, онъ совсѣмъ здоровъ,—сказала кормилица.

— Ну, что вы всѣ понимаете? По-вашему только тотъ и боленъ, кто слегъ!—съ сердцемъ прикрикнула барыня.

«Охъ, хитришь ты, барыня,—думаютъ дворовые,—можетъ быть, къ мужу хочешь подольститься: «смотри, молъ, какъ я о тебѣ забочусь», а, можетъ быть, и другое что надумала, только не спроста ты такъ пристаешь къ нему».

И пошла такъ каждый день, боленъ, да боленъ, плачетъ, охаетъ, лѣчиться спрашиваетъ:

— Ты хоть меня пожалѣй, если самъ себя не жалѣешь, лѣчись, ради Бога, вѣдь я измучилась, на тебя глядя, лѣкарство у меня есть, оно поможетъ. Хочешь, я сама стану вмѣстѣ съ тобой пить это лѣкарство?

— Зачѣмъ же тебѣ пить лѣкарство?

— Затѣмъ, чтобы ты пилъ, здоровымъ оно не вредно, а ты отъ него выздоровѣешь.

Повѣрилъ ли баринъ женѣ, или ужъ такъ успокоить ее захотѣлъ, но только лѣкарство пить согласился.

И вотъ съ того времени, какъ сталъ онъ пить это зелье, сталъ блѣднѣть и слабѣть; мало-по-малу румянецъ погасъ, голосъ упалъ,

грудь ввалилась, плечи сузились, и через нѣсколько мѣсяцевъ въ немъ совсѣмъ нельзя было узнать прежняго здороваго и красиваго Алеху, только глаза блестятъ попрежнему, но и въ нихъ уже не было прежней веселости.

«Добилась своего, заставила-таки барина пить зелье, травить его», думаютъ дворовые, толкуютъ между собой, а ему ни слова. Какъ сказать? Вѣдь онъ все равно не повѣритъ, расскажетъ барынѣ, его не спасешь, а людямъ достанется.

А она все его ласкаетъ да за нимъ ухаживаетъ.

— Видишь, милый, что вышло по-моему; но ты не бойся, я тебя вылѣчу.

Вылѣчила, уложила въ постель смертную.

Слегъ онъ, а жена еще больше за нимъ ухаживаетъ, ночи не спать и все лѣкарствомъ своимъ поить. Въ дворнѣ всѣ ребятишки знали, чего добивается барыня, а онъ, бѣдняжка, такъ и не догадался, еще ее же благодарилъ за заботы да за любовь.

Дня за два до смерти Алексѣй приказалъ позвать къ себѣ кормилицу съ ребенкомъ, онъ часто ихъ звалъ, ужъ очень любилъ дѣвочку.

— Прихожу я, — рассказывала кормилица, — смотрю, и барыня тутъ же сидитъ.

— Посади около меня дѣвочку, — говоритъ баринъ.

Я посадила и сама тутъ же стою.

Приподнялся онъ, покликалъ ее, по головкѣ погладилъ, пожки поцѣловать.

Она смѣется, рученками къ отцу тянется.

Взялъ онъ жену за руку, посмотрѣлъ на нее долго, долго, слезы на глазахъ показались.

— Господи, какъ жить хочется, какъ я люблю и тебя и дѣвочку!.. Говорятъ, большое счастье долго не тянется, что нибудь да помѣшаетъ, а я былъ такъ счастливъ, какъ никто; спасибо тебѣ за любовь и за это счастье, — говоритъ это, а самъ задыхается.

— Полно, голубчикъ, ты еще поживешь, дочь будемъ вмѣстѣ растить.

— Дочь расти одна, а я знаю, что не жилецъ.

— Что у васъ болитъ, баринъ? — спросила кормилица.

— Ничего не болитъ, слабость, голова кружится. Матушку хочется увидетьъ, пошлите за ней. Только не дождусь ея. Не увижу ни сестры, ни матери, ни родной сторонушки, — проговорилъ онъ почти шепотомъ.

— Полно, милый, за матушкой мы пошлемъ сегодня, потомъ поправишься, поѣдемъ на твою родину и дочку съ собой возьмемъ, — начала утѣшать барыня.

— Не ѣхать мнѣ туда. Ну, да на все воля Божія; пошли за священникомъ, надо приготовитьсь.

— Слезы меня прошибли,—говорила коршлица,—молодой, хороший, только бы жить. А она, проклятая, слушаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, только льститъ ему. Не благодарность бы ей принимать отъ него, а на колѣняхъ бы передъ нимъ стоять, ноги ему цѣловать, прощенье просить.

Послали за священникомъ, къ матери еще за недѣлю до этого послали вѣстового. Дня черезъ два Алексѣй скончался.

Такъ и не узналъ, кто уложилъ его въ сырую землю. Да оно и лучше; тяжело и отъ постороннихъ людей переносить зло и неправду, а нѣтъ тяжелѣе переносить это зло отъ дорогихъ и близкихъ, которымъ вѣрилъ и за которыхъ готовъ былъ отдать жизнь, а кто же былъ для Алексѣя дороже и ближе молодой жены?

Жаль только, что матери не дождался, уже очень хотѣлось ему съ ней повидаться, даже въ бреду все съ ней разговаривалъ.

Какъ только узнала вдова о болѣзни сына, сейчасъ же къ нему поѣхала.

Вѣзжая въ село, гдѣ жилъ сынъ, она услышала похоронный звонъ.

— Кого это хоронять?—спросила она у старой еврейки, которая стояла у своей калитки.

— Молодого барина, жена отравила его какими-то зельями,—отвѣчала та.

Вдова вскрикнула и упала безъ чувствъ.

— Матушка, голубушка, что съ тобой, чего ты такъ испугалась? Еврейка бросилась къ ней и начала приводить ее въ чувство.

— Онъ мнѣ сынъ, проводи меня къ нему,—проговорила вдова, придя въ память.

Она вышла изъ повозки и шатаясь побрела къ церкви.

Узнавъ, что это мать молодого барина, еврейка вполне поняла ея горе и заботливо повела ее подъ руку.

Съ громкими рыданіями подошла несчастная мать къ гробу Алексѣя.

— Сынъ мой, дорогой, милый, зачѣмъ не дождался меня, зачѣмъ тогда не послушался моего совѣта?

Она нагнулась и начала цѣловать безжизненное тѣло любимого сына.

— Матушка, родная ты моя!—бросилась къ ней невѣстка.

— Прочь, змѣя, ты отравила!—крикнула вдова и безъ чувствъ грянулась на полъ.

Чтобы не раздражать свекровь, барыня отошла прочь, и за ней ухаживали другіе, особенно старая еврейка; добрые люди есть во всякомъ народѣ.

Когда Алексѣи зарыли въ землю, барыня снова подошла къ свекрови, крѣпко обняла ее и ухаживала за ней, какъ родная дочь.

— Охъ, ужъ и тяжели же были мнѣ ея ласки!— рассказывала вдова моеи матушкѣ. — Вѣдь люди-то мнѣ все рассказали. Какъ, бывало, подойдетъ она ко мнѣ, посмотритъ въ глаза, заговоритъ ласковымъ голосомъ, такъ у меня сердце и разрывается, такъ бы, кажется, и удавила ее своими руками. Хочется оттолкнуть ее, всю правду ей высыпать. Только къ чему? Его все равно не поднимешь, а ее разовлишь, пожалуй, и внучку не дастъ посмотрѣть, а вѣдь это его дитя и похожа на него, всѣ капельки подобрала. А тамъ еще и людямъ зло сдѣлаешь, пожалуй, всей дворнѣ мстить начнетъ, зачѣмъ про нее рассказывали. Нѣтъ, ужъ Богъ съ ней, какъ ни трудно, а надо терпѣть.

Послѣ шести недѣль свекровь и невѣстка вмѣстѣ возвратились въ Гончарово.

— Такъ-то, дѣтки, сердце матери вѣщунъ, оно никогда не обманетъ,— прибавляла бабушка:— Алексѣи погибъ раннею и не своею смертию, лежитъ онъ одинъ одинешенекъ далеко отъ родимаго погоста, и ни одна родная душа не приходила помолиться и поплакать надъ его могилой.

Акулина Павловна недолго оставалась вдовой; теперь она была не крѣпостная, и генераль женился на барынѣ. Съ этого времени уже и за глаза всѣ называли ее Акулиной Павловной, генеральшею, барыней, а въ глаза величали «ваше превосходительство».

Генераль недолго прожилъ съ молодой женой. Послѣ свадьбы онъ вдругъ какъ-то постарѣлъ, опустился, дѣла бросилъ, молчитъ цѣлые дни, Богу молится, а лѣтъ черезъ пять и Богу душу отдалъ. Время что ли пришло ему состариться? Только нѣтъ, когда онъ женился, ему было съ небольшимъ 50 лѣтъ, не Богъ знаетъ, какаа старость, особенно для такого сильнаго и бодрого мужчины, какимъ былъ генераль.

Вѣрнѣе, совѣсть замучила, вѣдь не безъ его вѣдома Акулина Павловна проводила на тотъ свѣтъ своего мужа: по всему видно, что это ихъ общее дѣло. Ну, а душа и совѣсть у всякаго есть, такихъ мало, какою была Акулина Павловна, съ той все, какъ съ гуся вода.

Мнѣ запомнила ее уже тогда, когда у нея были взрослые дочери, отъ перваго мужа и генеральская, но и тогда генеральша была такая красавица, что вотъ я уже девятый десятокъ доживаю, а такой другой не встрѣчала. Господи! и какъ это послѣ такихъ дѣлъ, какія были у нея на душѣ, она могла смотрѣть такъ весело, улыбаться такъ привѣтливо?

Послѣ смерти второго мужа Акулина Павловна сдѣлалась полновластной госпожей надъ всѣми его заводами и имѣніями. Кажись, надо бы быть довольной: что она была и что стала?

Прежде была крѣпостная холопка, бѣгала босикомъ въ крашенномъ сарафанѣ, а тутъ стала ея превосходительство, ходила въ шелку да въ бархатѣ. Богатство, почетъ, власть — все было. Но бывають такіе люди, которымъ сколько ни давай, все мало, такова была и Акулина Павловна.

Въ разоренный годъ, когда въ нашу землю вошли французы, генеральша ухитрилась отправлять непріятелямъ ядра съ своихъ заводовъ.

Какъ это было, я не могу хорошо рассказать. Знаю, что версты за двѣ отъ Гончарова, въ глухомъ лѣсу, недалеко отъ пруда, вырыты были погреба, въ которые прятали ядра, заготовленные для непріятеля; входъ въ погреба былъ такъ хорошо задѣланъ, что, пройди по немъ сто разъ, и то не замѣтишь. Темною ночью, по дремучему лѣсу, глухими дорогами провозили ядра на условленное мѣсто и сдавали непріятелямъ.

Главнымъ воротилой въ этомъ дѣлѣ былъ бурмистръ Потапъ; я хорошо его помню, мужикъ былъ здоровый, широкоплечій, борода большая, окладистая, и угрюмый такой, точно разбойникъ. Конечно, были у него помощники, нѣдь одному этого сдѣлать нельзя.

А знали объ этомъ всѣ рабочіе, все Гончарово. Каждый понималъ, какое это великое преступленіе, но никто не смѣлъ итти противъ воли барыни.

Да и то сказать, трудно было съ нею бороться: если ослушался барской воли, долженъ сказать, почему ослушался, а какъ сказать, когда весь судъ у нея на жалованьѣ, каждый начальникъ потянетъ на ея руку. И теперь богатство — сила, а въ то время почти всегда тотъ былъ правъ, кто богатъ, а виноватъ тотъ, кто бѣденъ, и не даромъ сложилась пословица: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись.

Но и въ то время попадались иногда смѣлые люди, которые всегда готовы были постоять за правду; такой человекъ нашелся и между рабами Акулины Павловны.

Онъ не былъ заводскимъ рабочимъ, жилъ версты за двѣ отъ Гончарова, въ деревнѣ Сивкахъ и занимался хлѣбопашествомъ. Человекъ онъ былъ трезвый, работящій, набожный, зналъ грамотѣ и любилъ читать божественныя книги.

Узналъ Оедосей, что дѣлается въ заводѣ, и не могъ вынести неправды. Легкое ли дѣло она затѣяла? Заставляетъ лить ядра на своихъ же братьевъ, продаетъ за деньги Русь-матушку правослан-

ную. Нѣтъ, грѣхъ молчать о такомъ дѣлѣ. Молчишь, значитъ, самъ участвуешь въ преступленіи. Непремѣнно надо обо всемъ донести начальству, рѣшилъ Ѳедосей.

Ѳедосей такъ же, какъ и всѣ гончаровцы, отлично зналъ, что если донести въ уѣздный судъ, дѣло останется безъ послѣдствій, и рѣшилъ донести въ уголовную палату. Давая знать о продѣлкахъ своей госпожи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ начальство защитить его отъ барской мести.

Уголовная палата сдѣлала сейчасъ же распоряженіе въ уѣздный судъ, чтобы было сдѣлано немедленное и строгое дознаніе по этому дѣлу. Ѳедосея же вмѣсто барщины посадить на оброкъ, и барынѣ строго воспрещалось подвергать наказанію его самого и его семью.

Но прежде чѣмъ сдѣлать дознаніе, уѣздное начальство обо всемъ дало знать Акулинѣ Павловнѣ. Та, конечно, постаралась спрятать концы, спустила въ озеро ядра, зарыли и заравняли погреба, подкупили свидѣтелей.

Когда пріѣхали судьи, на заводѣ почти не оставалось никакихъ уликъ, да и обыскъ-то дѣлали такъ, чтобы миновать улики. Рабочіе спрошены были только тѣ, на которыхъ показала генеральша, и Ѳедосей остался одинъ свидѣтелемъ противъ барыни. Но Ѳедосей не оробѣлъ: онъ указалъ, гдѣ были погреба, въ которыхъ хранились ядра, заготовленные для непріятеля, земля тамъ еще не успѣла уплотниться, потомъ спустился въ озеро, вынулъ оттуда ядро и показалъ его судьямъ.

Улики оказались настолько сильны, что тутъ же погасить дѣло, или рѣшить его въ пользу генеральши было опасно, и оно затянулось на нѣсколько лѣтъ.

Иногда оно какъ будто совсѣмъ стихало, но Ѳедосей снова шелъ въ губернской городъ, присылались новые чиновники, жили въ Гончаровѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Генеральша угощала ихъ дорогими винами, дѣлала богатые подарки, сыпала деньгами, и всѣ чиновники оказывались такъ же подкушны, какъ уѣздный судъ.

Наконецъ начальство шепнуло генеральшѣ, что, пока она не войдетъ въ соглашеніе съ Ѳедосеемъ, дѣло не можетъ кончиться въ ея пользу, надо было и его подкупить.

Досадно было кланяться своему же крѣпостному, однако дѣлать нечего, своя шкура дорога, и Акулина Павловна послала къ нему своего бурмистра Потапа: «пусть молчитъ, дамъ деньги и польную».

Ѳедосей отказался отъ того и другого. «На что и воля, если совѣсть нечиста?»

Удивилась Акулина Павловна такому отвѣту, она никакъ не могла допустить, чтобы нашелся такой человѣкъ, котораго ничѣмъ не подкупишь.

— Сама съ нимъ поговорю, ты не сумѣлъ; запряги лошадей, поѣдемъ къ нему,—приказала она бурмистру.

— Зачѣмъ вамъ беспокоиться, ваше превосходительство? Можно его сюда позвать.

— Все равно, поѣдемъ мы, онъ, пожалуй, побоятся и не поѣдетъ.

— Хорошо ли это будетъ, сударыня? Не было бы тутъ подозрѣнія?

— Отъ кого? отъ начальства что ли? Такъ шлевать я хочу на это подозрѣніе! Деньги все покроютъ. Вотъ только бы съ этимъ справиться.

Всю дорогу барыня ѣхала молча, только губы закусывала да злобно такъ усмѣхалася.

Приѣхали, вошла она въ паву къ Федосею, на образъ помолилась, какъ добрая.—Здравствуй, хозяинъ! Ждалъ гостя?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не ждалъ,—отвѣтилъ хозяинъ, почтительно кланаясь своей госпожѣ.

— Миѣ надобно поговорить съ тобой, а другіе пусть намъ не мѣшаютъ.

Семья вышла.

— Я приѣхала переговорить съ тобой о томъ дѣлѣ. Врагъ тогда попуталъ меня, теперь сама сознала свой грѣхъ, каюсь, да ты самъ знаешь, того, что было, вернуть нельзя,—проговорила она ласково.

— А если сознала грѣхъ, такъ нечего запираться и начальство задаривать; иди, отвѣть передъ судомъ, и неси наказаніе,—сурово выговорилъ Федосей.

— Дуракъ!—крикнула барыня,—съ какой стати я сама на себя донсигу стану? кому отъ этого польза? И тебѣ какая польза, если меня въ каторгу сошлютъ?

— Я не ищу своей пользы, сударыня.

— И опять скажу: дуракъ! Брось ты это, молчи, получи 1.000 рублей и вольную. Согласенъ?

— Нѣтъ, сударыня, не согласенъ.

— Что же мало? Двѣ дамъ.

— Не согласенъ, если бы ты отдала миѣ все свое богатство; я душой не торгую и совѣсть не продамъ ни за какія деньги.

— Это твое послѣднее слово?

— Послѣднее слово, ваше превосходительство.

— Берегись, Федосей, съ мною бороться опасно, я сильнѣе тебя.

— На вашей сторонѣ сила, а на моей правда.

— Правда на небеса ушла,—злобно засмѣялась барыня.

— Можетъ быть, и тутъ немного осталось,—твердо отвѣтилъ Федосей.

— Посмотримъ, чья возьметъ!—и барыня быстрой, сердитой походкой вышла изъ хаты.

— Поѣдемъ, Потапъ, здѣсь, видно, пива не сварить, — выговорила она сквозь зубы. Лицо ея было блѣдно, какъ полотно, губы сжались и скривились въ недобрую усмѣшку. Съ полверсты проѣхали молча, потомъ генеральша осмотрѣлась кругомъ, будто боялась чего. Чисто было снѣжное поле, ни души на дорогѣ.

— Слушай, Потапъ, — проговорила она почти шепотомъ, — я дала ему 2.000 и вольную. Хочешь взять это себѣ? Сдѣлай такъ, чтобы Ѳедосей молчалъ. Понимаешь, что я говорю?

— Понимаю, сударыня.

— Если понадобятся товарищи, денегъ не жалѣй. Приѣдемъ, получишь задатокъ.

— Слушаю.

Уѣхала барыня, а Ѳедосей, какъ стоялъ у прятлки, такъ и остался, словно прикованный, смотреть на дверь и будто крѣпко о чемъ-то задумался.

Вошла жена, посмотрѣла на него, головой покачала.

— Что, Ѳедосей, вѣрно и тебя подумки взяли? Послушай ты меня, бабу глупую, вонъ деньги и вольную, 2.000 не шутки, заживемъ господами. Я все подъ окномъ слышала, не стерпѣла.

— Не нужны мнѣ ея деньги проклятыя, безъ нихъ жили, и, слава Богу, нужды не видали.

— Положимъ, до этихъ поръ нужды не видали, а все-таки лучше помириться съ барыней; не по себѣ ты рубишь дерево, давно я это говорю.

— И я давно говорю, что такія дѣла оставлять грѣхъ. Вѣдь не передо мной виновата барыня, а передъ Русью-матушкой, се за деньги продавала и другихъ толкала на великій грѣхъ.

— То было, да прошло, ужъ и война давно кончена, довольно, что тогда остановилъ злое дѣло, а теперь оставь, самъ видишь, что ей ничего не сдѣлаешь, она все начальство закупаетъ.

— Какъ ни закупаетъ начальство, а ко мнѣ приѣхала, значитъ боится.

— Можетъ быть, и боится, а все-таки она останется цѣла, а тебя загубить. Помни, Ѳедосей, у тебя дѣти.

— Семью надо помнить, да и правду забывать не слѣдуетъ, ваялся за нее стоять, такъ ужъ не отступай.

— Ну, стой за правду, осироти дѣтей. И куда же я тогда дѣнуся, вдова горькая, горемычная, съ малыши дѣтками спротками? — заголосила жена.

— Замолчи, баба, вѣдь ты еще не горькая вдова, можетъ быть, дастъ Богъ, и дѣтокъ вмѣстѣ вырастимъ.

Но баба не унималась и долго причитала про горькую долю, которая ждала ее впереди.

Оказалось, что правды на Руси не было, дошли таки Оедосея,— вздохнула бабушка.— Самъ же Потапъ обо всемъ рассказывалъ, товарищей не выдалъ, говорилъ, клятву далъ, ну, а самъ, какъ старость да болѣзнь пришибла, всѣмъ каялся. За большія деньги онъ скоро нашелъ двухъ товарищей и въ одинъ зимній вечеръ подѣхалъ съ ними къ двору Оедосея. Молча вышелъ онъ изъ саней, товарищи остались около лошади. Подошелъ Потапъ къ окну и заглянулъ, что дѣлается въ хатѣ. Въ избѣ ярко горѣла лучина, самъ Оедосей плелъ лапотъ, старшій, женатый сынъ вилъ изъ пеньки веревку, второй лѣтъ 15-ти вязалъ сѣтъ, бабы и дѣвки пряли ленъ и громко распѣвали пѣсни. Маленькіе ребятишки возлились на полу и строили что-то изъ лучинокъ; хорошо такъ было, мирно и весело.

— Эй, хозяинъ,пусти, дѣло есть!—крикнулъ Потапъ.

Бабы смолкли.

Оедосей положилъ на колѣни лапотъ и посмотрѣлъ въ окно.

— Иди,пусти, что ему понадобилось?—сказалъ онъ сыну.

Вошелъ бурмистръ, Богу помолился, ховяевамъ поклонился:

— Собирайся, Оедосей, тебя начальство въ городъ требуетъ.

Семья переполошилась. Хотя не первый разъ его требовали къ допросу, и пока особенно плохого ничего изъ этого не выходило, а все-таки страшно, Богъ знаетъ, для чего требуетъ начальство.

Оедосей зналъ, что былъ правъ, а потому былъ покоенъ.

— Что такъ поздно?—спросилъ онъ.

— А это, братъ, не мое дѣло, мнѣ что приказано, то и исполняю. Да вотъ еще тебя связать велѣно.

— Врешь!—закричала жена Оедосея:—вязать его не за что, онъ не душегубъ, не воръ, чужихъ замковъ не ломалъ.

— Не дури, баба, пусть вяжутъ, я ничего не боюсь, не въ первый разъ требуютъ.

— Требуютъ не первый разъ, а рукъ прежде не вязали. Не пущу я тебя, они загубить тебя хотятъ.

— Стало быть, ты глупа, баба: какъ я могу не явиться къ начальству, коли оно требуетъ?

— Зачѣмъ ты ему такъ скоро понадобился, что чуть не въ полночь изъ дома увозятъ?

— Пусть хоть въ полночь, я не боюсь.

— То-то и плохо, что не боишься, вотъ и дожили до того, что руки вяжутъ.

— Не попрекай, жена, вяжутъ меня не за худыя дѣла.

Оедосей положилъ на полицу недоконченный лапотъ и сталъ переобуваться въ новыя теплыя суконки.

Жена вяла кошель и уложила въ него харчи на дорогу мужу, потомъ нарѣзала хлѣба, разложила ложки и поставила на столъ чашку съ горячими щами. Хлопочетъ она, а сама все слезы рукавомъ утираетъ.

Оедосей персобоулся, всѣ встали, помолились Богу и молча сѣли за столъ.

— Садись и ты съ нами, Потапъ Михеичъ,—проговорилъ Оедосей.

— Спасибо, дома поужиналъ.

За ужиномъ почти ничего не говорили, только Оедосей дѣлалъ кое-какія домашнія распоряженія на тотъ случай, если онъ долго будетъ въ отлучкѣ, да ктонибудь изъ домашнихъ тихо отвѣчалъ на его рѣчи. Ъли тоже мало, и хозяйка принимала со стола почти нетронутыя кушанья. Послѣ ужина Оедосей сталъ одѣваться въ дорогу.

— Одѣвайся теплѣе, на дворѣ страсть какой морозъ,—подсказалъ Потапъ.

Одѣлся Оедосей, присѣли, помолились Богу.

— Благослови дѣтей-то, Богъ знаетъ, куда они тебя увозять,—заголосила жена.

— Что же благославлять не грѣхъ, подходите, дѣти.

Оедосей взялъ съ полки образъ и сталъ лицомъ къ выходной двери.

Подошелъ сначала старшій сынъ съ своею женой, поклонились отцу въ ноги, приняли благословеніе, за ними послѣдовали другіе.

Заголосили бабы и дѣвки, захныкали ребятишки, старшій сынъ стоялъ, молча, понуриявъ голову.

Послѣ молитвы Оедосей заложилъ за спину руки, и Потапъ скрутилъ ихъ веревкой.

Сильнѣе заголосили бабы, заплакалъ и старшій сынъ.

— Полноте плакать, не на вѣкъ расстаемся, Богъ дастъ, опять увидимся, праваяго человѣка не казнятъ и не сонлютъ.

— Пойдемъ-ка, братъ, скорѣй изъ избы, долги проводы,—лишнія слезы,—проговорилъ Потапъ, надѣвая на Оедосея шапку и отворяя дверь въ сѣни.

— Оставайтесь съ Богомъ, да живите мирно,—выговорилъ Оедосей, выходя вмѣстѣ съ Потапомъ изъ хаты.

— Словно изба безъ него опустѣла, тяжело, скучно, словно мы его въ землю опустили и съ погоста вернулись, цѣлую ночь глазъ не сомкнули,—разсказывали потомъ семейные.

А съ Оедосеємъ вотъ что случилось: отѣхавъ версты двѣ отъ деревни, бурмистръ повернулъ лошадей къ лѣсу.

— Куда же это вы, братцы?—спросилъ Оедосей.

— Увидишь,—отвѣтилъ Потапъ.

— Что же вѣрно загубить хотите? Бороться мнѣ съ вами нельзя, васъ трое, я одинъ, да еще и руки связаны, просить тоже нечего, что задумали, того не перемѣните. Но, братцы, придетъ и вашъ смертный часъ, тогда про меня вспомните.

Мужики молчали, замолчалъ и Оедосей.

На краю лѣса были заброшенныя шахты, изъ которыхъ недавно брали желѣзную руду; мужики подѣхали къ этимъ глубокимъ ямамъ, вышли изъ саней и высадили Оедосея.

Борьба была бесполезна.

— Братцы,—взмолился Оедосей,—сдѣлайте мнѣ одну милость: отпустите веревки, дайте помолиться Богу передъ смертью и проститься съ бѣлымъ свѣтомъ.

Мужики придвинули его ближе къ ямамъ и отпустили веревки. Оедосей посмотрѣлъ кругомъ:

— Господи! какъ хорошъ Твой міръ!—выговорилъ онъ вслухъ и тяжело, тяжело вздохнулъ.

А ночь была морозная, ясная, тихая; свѣтилъ полный мѣсяцъ, блистали ясныя звѣздочки, небо—чистое и свѣтлое, лѣсъ стоитъ весь бѣлый, не шелохнется, а сиѣтъ такъ и блеститъ, такъ и переливается.

Вѣрно, никогда не казался Оедосею такъ хорошъ Божій міръ, какъ въ эту минуту.

Онъ опустился на колѣни и долго молился:

— Господи! прости мое согрѣшеніе вѣдомое и невѣдомое, вольное и невольное. Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіе Твое,—повторялъ онъ между прочими молитвами.

Мужики стояли молча и не перебивали его молитвъ.

Потомъ онъ всталъ молча съ колѣнъ и поклонился на всѣ четыре стороны:

— Прощай, Божій міръ, прости всѣ, кого въ чемъ обидѣлъ. Самъ я ни на кого зла не имѣю, шелъ противъ барыни потому, что хотѣлъ за правду постоять. Васъ, братцы, прощаю,—поклонился онъ мужикамъ.

— Пора!—выговорилъ Потапъ.

Три мужика проворно бросились на Оедосея и дружно столкнули его въ глубокую яму.

Тяжело простоналъ Оедосей и отдалъ Богу свою честную, правдивую душу.

Прошумѣлъ вѣтерокъ, въ лѣсу что-то затрещало. Жутко стало мужикамъ, они вскочили въ сани, ударили по лошади и, молча, пританвъ дыханіе, помчались отъ лѣса.

— И цѣлыя шесть недѣль у меня Оедосей изъ ума не выходилъ,—разсказывалъ потомъ Потапъ,—особенно ночью, закрою глаза, а онъ тутъ и стоитъ, какъ живой, Богу молится, молитвы читаетъ, намъ кланяется, а то представляется, что онъ стонетъ, какъ простоналъ тамъ, въ ямѣ. И панихиды по немъ служилъ, и за обѣдней подавалъ поминать, навѣстно, не въ своей церкви.

Черезъ три дня Потапъ вернулся и сказалъ, что Оедосея оставило начальство въ городѣ.

Ждутъ Одосея недѣлю, ждутъ другую, вотъ и мѣсяцъ прошелъ, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Жена плачетъ, убивается, и его-то жалко, и дѣти дробными, послала она старшаго сына о немъ справиться. Въ городѣ сказали, что его тамъ нѣтъ.

Такъ и кануло въ воду это дѣло.

Одосея не хоронили по-христіански, но праведный человѣкъ не остается безъ погребенія; говорятъ, что на заброшенныхъ шахтахъ до шести недѣль каждую ночь горѣли свѣчи: то Божіи ангелы служили по немъ панихиды и молились за его душу.

Не одобровала и генеральша. Какъ ни хитрили судьи, сколько ни дарила ихъ Акулина Павловна, а дѣло все-таки повернулось такъ, что она должна была лишиться дворянства и итти въ каторжную работу.

Узнала генеральша, что пришелъ конецъ ея царству, что не паче-завтра ее арестуютъ, и отравилась ядомъ.

Идъ этого она постоянно носила у себя на шеѣ съ тѣхъ поръ, какъ Одосей началъ это дѣло.

— Моя смерть при мнѣ: какъ увижу, что дѣло рѣшится не въ мою пользу, такъ конецъ,—не разъ говаривала она своесі прежней смекроні.

— Ну, барыня, въ этомъ концѣ хорошаго мало, надо и о душѣ подумать, покорись и снеси наказаніе,—скажетъ, бывало, вдова.

— Нѣтъ, матушка, пусть судить меня Богъ, но я не изъ такихъ, чтобы покоряться, въ каторгу не пойду, а какъ жила, такъ и умру генеральшей.

На ея могилѣ поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора; на плитѣ стоитъ женщина, завернутая въ простыню, и держится за тумбу. Народъ говорилъ, что это сама генеральша, земля ея не приняла, и она обратилась въ каменную статую.

Е. И. Зарина.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. А. НЕКРАСОВѢ.

НЕ ДУМАЛЪ печатать мой романъ «Старое старится, молодое растетъ» и вообразить не могъ, что познакомлюсь съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Некрасовъ, или буду сотрудничать въ его передовомъ журналѣ «Современникъ». Мое «Старое старится»—это семейныя записки, въ которыхъ почти все—эпизоды моей собственной жизни, и я готовилъ ихъ въ наслѣдіе моимъ дѣтямъ: пусть читаютъ, поучаются, какъ жить, и, можетъ быть, избѣгнуть тѣхъ непростительныхъ ошибокъ, которыя въ жизни сдѣлалъ я. Но судьба рѣшила иначе.

Я попалъ на службу въ такую губернію, гдѣ губернаторъ былъ звѣрь. Онъ считалъ губернію своей крѣпостной, воображалъ себя неограниченнымъ властителемъ и чиновниковъ со службы сметалъ, какъ мухъ. Той же участи подвергся и я. Дѣло началось изъ пустяковъ: губернаторъ въ большіе праздники посылалъ по городу черезъ полицію листъ, на которомъ всѣ чиновники, имѣющіе значеніе, должны были писать: «читалъ», а въ листѣ было предписано лаконически: «господинъ начальникъ губерніи принимаетъ чиновниковъ для поздравленія въ 10 часовъ».

Я на листѣ всегда подписывалъ «читалъ», но являться въ десять часовъ не всегда могъ: по завѣту матери я въ это время водилъ дѣтей къ обѣднѣ, а, чтобы исполнить волю начальства, я передъ обѣдней представлялся моему ближайшему начальнику, директору гимназіи, и просилъ его позволить мнѣ съ дѣтьми, вмѣсто

губернатора, итти въ церковь; онъ соглашался и всегда добавлялъ: «я самъ доложу объ этомъ его превосходительству». Но доклады моего начальника вѣрно не понравились губернатору; онъ нашелъ случай и сослалъ меня въ самый убогій городишко, который я назвалъ «соломеннымъ». Кто не знаетъ жизни нашихъ захолустьевъ и въ настоящее время — гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, — а лѣтъ 50 назадъ тамъ была безразсвѣтная тьма! Правда, люди умные говорятъ, что человекъ, приглядѣвшись, и во тьмѣ видитъ кое-что, — такъ и я увидалъ тамъ: карты, пьянство, драки, сплетни и глупую жизнь, — и долго бы терпѣлъ... Но тутъ на бѣду мою случилось еще другое: губернаторъ узналъ, что въ Московской и Ярославской губерніяхъ открыты во всѣхъ городахъ женскія училища. Ему вздумалось тоже просвѣтить дикую заволжскую степь и открыть во всѣхъ захолустьяхъ училища. Предписано было строго и еще со словомъ «немедленно» открыты! А на бѣду такъ случилось, что нашъ соломенный городокъ, за годъ передъ тѣмъ, выгорѣлъ до тла, и бѣдные нищѣ-мѣщане рѣшительно отказались платить ту тысячу рублей, которую собирали съ нихъ на мужское училище, а тутъ еще на женское давай! Съ испугомъ прибѣжалъ ко мнѣ городской голова.

— Что мнѣ дѣлать съ такой бѣдой, — ума не приложу! Посчитайте-ка, родной, вѣдь мебель, обстановка, книги, да еще квартира послѣ пожара — чего все это будетъ стоить? А откуда денегъ взять, вѣдь не шкуру съ обывателей драть? Мои мѣщанишки вонъ всѣ по сосѣднимъ губерніямъ разбрелись, милостинку собираютъ, а я долженъ теперича за нихъ отвѣчать!...

— Такъ просите губернатора отсрочить: пишите, что теперь послѣ пожара открыть училище нельзя!

— Да какъ писать? — боязно! Вы сами знаете, какой онъ крутой. Христа ради, помогите, напишите вы...

И я на бѣду сунулся, Христа ради написалъ. Но дѣло это кончилось для меня такъ скверно, какъ я вообразить не могъ. Черезъ мѣсяцъ я получилъ отъ директора бумагу: «Потанинъ отставленъ отъ службы». А по частнымъ слухамъ узналъ, что губернаторъ жаловался пріятелю своему, попечителю, а тотъ, не разбирая дѣла, взялъ и отставилъ человека. Вслѣдъ за тѣмъ газетныя собаченки, писаки, принялись строчить обо мнѣ «статейки»: «Потанинъ ретроградъ», «Потанинъ гаситель просвѣщенія» и т. п. А кому не извѣстна въ чиновномъ бытѣ фраза: «уволенъ по третьему пункту, безъ прошенія»? И я, неустрашимый, оробѣлъ, услышавши эту грозную фразу. Семья, малыя дѣти — и средствъ никакихъ! Собралъ кое-какія крохи, продалъ мебель, все лишнее и рѣшился ѣхать въ Петербургъ, думая: «здѣсь не гожусь, авось тамъ пригожусь?»

Но Петербургъ имѣетъ двѣ стороны, правую и лѣвую, и не дай Господи кому нибудь понасть на лѣвую сторону и испытать

такія мытарства, какія испыталъ я. Безъ связей, безъ протекціи, не имѣя даже ни одного знакомаго человѣка, я очутился въ Петербургѣ, какъ Робинзонъ на островѣ. Полгода я бродилъ по улицамъ столицы, дѣлая нѣшкомъ по 20 верстъ въ день, но куда ни приходилъ, — мнѣ лично былъ одинъ отвѣтъ: «мѣста нѣтъ», а на всѣхъ прошеніяхъ, куда ни подавалъ, была одна отмѣтка: «оставить безъ послѣдствій». Но все это было сносно, пока я не терялъ надежду. Въ Петербургѣ и съ горемъ можно весело жить, пока деньги есть. Какъ художникъ, я часто посѣщалъ Эрмитажъ, Академію художествъ; какъ любопытный, обзрѣлъ музей, слушалъ лекціи въ университетѣ и медицинской академіи, нарѣдка посѣщалъ театръ и оперу въ галлерей.

Но когда насталъ великій постъ, особенно въ карманѣ, и къ этому еще я совсѣмъ потерялъ всѣ надежды на пустыя обѣщанія петербургскихъ чиновниковъ-друзей, — тогда настала другая жизнь. Петербургъ постомъ присмирѣлъ, точно соскучился веселиться. Началась весенняя ломка льду и вонючій вывозъ за городъ: это въ Петербургѣ еще омерзительнѣе нашей провинціальной весенней грязи и веселыхъ ручейковъ; холодный, сырой вѣтеръ моря; осенній сѣянецъ-дождь, туманы, сѣренькіе деньки — невыносимая скука и тоска... А весенній май въ Петербургѣ еще томительнѣе и скучнѣе. Все ползетъ на дачи съ мебелью, точно отъ пожара, городъ тихъ, точно мертвый. Куда ни пойдешь, все одно и то же: дымъ, копотъ, смола, пылица, кирпичи, бревна, развалины, лошади, телѣги, безобразный крикъ и ругань рабочихъ — невообразимый хаосъ! А къ этому еще мое неопредѣленное положеніе, душевная тоска по семьѣ, думы въ бѣлыя мучительныя ночи, безсонница; оттуда пишутъ: «мы соскучились», — такъ бы и бросился къ нимъ! — а куда? зачѣмъ? — и сидишь цѣлые часы въ страшномъ мучительномъ раздумьѣ. — Каюсь теперь въ малодушіи: въ такія безумныя минуты часто стоялъ надъ Фонтанкой, — одно спасло меня, что въ такія мгновенія ясно слышались мнѣ милые голоски: «папа, пріѣзжай!» А въ голови одинъ грозный вопросъ: «что же будетъ дальше? чѣмъ кончится все?»

Вотъ что вынудило меня отдать въ печать мою завѣтную рукопись. Тогда былъ въ большой славѣ извѣстный нашъ романистъ Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій, онъ съ громкимъ успѣхомъ печаталъ свои прекрасные романы: «Тысяча душъ» и «Взбаламученное море». Я рѣшился отправиться къ нему. Писемскій принялъ меня ласково, но, къ несчастію, онъ былъ боленъ: жена при мнѣ подавала ему ложкой лѣкарство.

— Видите, въ какомъ я положеніи, ни читать, ни слушать не могу; думаю, поправлюсь; выѣду на дачу — вотъ вамъ адресъ; побывайте черезъ недѣлю, тамъ мы все это дѣло рѣшимъ.

Я вышелъ отъ него съ отчаяніемъ. Въ карманѣ ни гроша, хоть часы продавай; хозяинъ требуетъ деньги за померъ; въ сердцѣ

слышатся милые голоски, а тутъ еще недѣлю жди! Адскую недѣлю муки—страшно даже писать, что было тогда! Не помню, какъ я пришелъ домой.

— Да вы не отчаявайтесь, — утѣнялъ сосѣдъ студентъ: — Некрасовъ, кажется, не выѣхалъ еще изъ Петербурга, къ нему попытайтесь.

Мнѣ осталось согласиться и попытать.

Больной и тоскующій по семьѣ, я рѣшилъ послѣднюю надежду возложить на Юга и принялся за дѣло съ молитвой. На другой день я отиривился въ Казанскій соборъ, положилъ мою рукопись на подножіе Владычицы, того образа, который такъ глубоко чтала моя мать; отстоялъ обѣдню и пошелъ къ Некрасову. Николай Алексѣевичъ жилъ тогда въ домѣ Краевскаго на Литейной. Новые писакки не всѣ бойки. Съ робостію подходилъ я къ дому и, признаюсь, перекрестился передъ дверями. Человѣкъ ввелъ меня въ пріемную и пошелъ доложить. Ждать мнѣ пришлось очень долго, и я началъ осматриваться, гдѣ я, да, признаюсь, и любопытство подстрекало взглянуть, какъ наши поэты живутъ. Пріемная больная комната, у дверей чучело медвѣдя на заднихъ ногахъ съ огромной орясиной въ лапахъ, противъ него бѣломраморный бюстъ Тургенева на высокомъ пьедесталѣ, на стѣнѣ двѣ прекрасныя гравюры: типографія Гутенберга и наша славянская друкарня,—картины, кажется, тѣ же, которыя я видѣлъ потомъ въ кабинетѣ Гончарова; посреди комнаты большой столъ, крытый зеленымъ сукномъ, конечно, съ чернильницею; два ряда стульевъ съ высокими спинками рѣзными, мелкой работы, у стѣны широкій турецкій отоманъ, обитый малиновымъ бархатомъ или триномъ, большое покойное кресло того же цвѣта и матеріи, много статуетокъ и фотографій на столахъ и окнахъ, занавѣсы пестрой шелковой матеріи—больше не помню.

Вышелъ заспанный высокій мужчина въ халатѣ и спрашиваетъ позвывая: что вамъ?

Я объяснилъ.

Не приглашая меня сѣсть, поэтъ апатично, точно нехотя, едва выговорилъ:

— Оставьте, посмотрю.

Я робко спросилъ:

— Когда отвѣтъ?

— Черезъ недѣлю, — отвѣтилъ онъ еще апатичнѣе и лѣнивѣе и пошелъ.

Я едва нашелъ двери къ выходу; точно выстрѣлъ прострѣлилъ мнѣ голову, такой сухой отвѣтъ. «Юще недѣля, а тамъ Оля, Вѣра»... и т. д. Съ отчаяніемъ я пришелъ домой и только могъ выговорить сосѣду: «ничего не будетъ толку! это какой-то деревянный господин!» Эту адскую недѣлю я провелъ безъ сна, почти безъ

пища, словомъ теперь не могу рассказать, что было тогда. Наступилъ рѣшительный день; нехотя я побрѣлъ за отвіткомъ и въ дорожку шепталъ: «вѣтъ, вѣтъ! отъ него я не дождусь ничего». Однако съ надеждой опять перекрестился и робко вошелъ.

— Пожалуйте,—весело выговорилъ докладчикъ и вѣжливо доложилъ. Ждать мнѣ не пришлось; въ ту же минуту вошелъ совершенно другой Некрасовъ, веселый, радостный, и съ первымъ слова неказанно обрадовалъ меня:

— Ваша рукопись прелесть, я съ особеннымъ удовольствіемъ ее читалъ. Садитесь, поговоримъ.

Начался экзамень: кто я? откуда? какъ попалъ въ Петербургъ? зачѣмъ? Все это милый Николай Алексѣевичъ выслушалъ ласково, внимательно и между прочимъ сообщилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ печатать мой романъ.

— Вы ничего не имѣете противъ того, если я предложу вамъ печатать вашъ романъ съ новаго года? Теперь гдѣто, мало читаютъ, и такой интересный романъ, какъ вашъ, можетъ много потерять.

— Ахъ, ради Бога, распорядитесь мной, какъ угодно! Для меня важно одно, если онъ будетъ напечатанъ въ такомъ журналѣ, какъ вашъ «Современникъ».

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я еще повторю: ваша рукопись прелесть. А скоро вы отправитесь домой?

— Да, признаюсь вамъ, я такъ смертельно соскучился по семьѣ, что готовъ хоть завтра.

Николай Алексѣевичъ задумался надъ моимъ отѣткомъ и долго молчалъ.

— Такъ желаю вамъ обрадовать семью!..

Последнее слово онъ выговорилъ печально.

— Рукопись возьмите съ собой, тамъ на свободѣ просмотрите еще. Желаю вамъ радостной встрѣчи со своими.

Некрасовъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, проводилъ въ прихожую и точно нечаянно спросилъ:

— А въ какихъ номерахъ вы остановились?

На другой день я весь былъ занятъ покупкой куколъ, игрушекъ, разставлялъ ихъ по окнамъ, столамъ, стульямъ; любовался ими, какъ ребенокъ, и не вытерпѣлъ—сообщилъ сосѣду мое рѣшечество:

— Идите смотрите, прелесть вамъ покажу!

Но не успѣлъ я рассказать студенту моему счастливую встрѣчу съ Некрасовымъ, какъ вошелъ коридорный и сообщилъ:

— Къ вамъ какой-то господинъ, спрашиваетъ, можно ли войти.

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ въ двери показался Николай Алексѣевичъ. Я рѣшительно не зналъ, что подумать, и, взглянувъ на мои игрушки, осовѣлъ.

— А я, почтенный Гаврила Никитичъ, пришелъ васъ проводить. Вы вчера были не совсѣмъ откровенны со мной, а я загѣ-

тилъ, что вамъ недостаетъ чего-то въ дорогу—примите отъ меня это по дружбѣ,— и онъ подаль мнѣ толстый пакегъ.

Я рѣшительно не понималъ, что дѣлается со мной. Некрасовъ внимательно осматривалъ мою конуру; съ грустной улыбкой взглянулъ на мои игрушки и печально прибавилъ:

— И въ этомъ виденъ любящій отецъ! До свиданія!—крѣпко сжалъ мою руку и уѣхалъ.

Я открылъ таинственный пакегъ: тамъ было 500 рублей на дорогу.

— Вотъ оригинальный поэтъ! Смотрите!—обратился я къ студенту:—человѣкъ совершенно не знаетъ, кто я,—даже рукопись возвратилъ. Развѣ я не могъ оказаться мажуркомъ, удрать изъ Петербурга, сказать на судѣ, что я никакого Некрасова знать не знаю, и показать ему шишъ!

— Ну, милый Гаврила Никитичъ, Некрасовъ истинный поэтъ, онъ сердцемъ чувалъ, кто такой вы.

— Положимъ, такъ, а все это истинное великодушіе съ его стороны.

— Да!—отвѣтилъ мой собесѣдникъ, и мы задумались надъ этимъ глубоко.

Нечего рассказывать, какая радостная встрѣча была отца съ игрушками въ соломенномъ городкѣ; какія очаровательныя личики были у дочерей, когда онѣ разсматривали такія петербургскія прелести, которыя видѣли въ первый разъ. «Теперь ѣдемъ, ѣдемъ въ Петербургъ,—говорилъ безпрестанно отецъ, цѣлуя дѣтей:—тамъ не то еще увидите».

Осенью я пріѣхалъ въ Петербургъ и тотчасъ пошелъ къ Некрасову.

— А! пріѣхали, очень радъ,—встрѣтилъ меня весело Николай Алексѣевичъ и повелъ въ кабинетъ.

Кабинетъ поэта не былъ похожъ на пріемную—тамъ была другая отдѣлка и обстановка. Бѣлые обои, оранжевыя занавѣси, небольшой письменный столъ на толстыхъ рѣзныхъ ногахъ, оклеенный зеленымъ сукномъ, изящная бронзовая чернильница, перья на подставкѣ, несочинца въ видѣ вазы, тяжелый каменный прессъ, изображающій собаку, и лампа съ подъемнымъ абажуромъ; на полу тигровая шкура, обшитая краснымъ сукномъ, подъ столомъ корзина для бумагъ, а передъ столомъ кресло, обитое зеленымъ сафьяномъ; въ одномъ углу шкафъ съ книгами, въ другомъ часы въ футлярѣ и только. Ни портрета хозяина, ни картинъ и ничего лишняго не было.

— Садитесь, собесѣдуемъ,—пригласилъ меня ласково Николай Алексѣевичъ.—Первый и важный вопросъ: что вы намѣрены здѣсь дѣлать? Петербургъ казенный городъ, батюшка Гаврила Никитичъ, здѣсь всѣ служатъ, и служатъ взапуски! Не хотите ли и вы служить?

— Да, откровенно говоря, отъ службы отечеству я не отказался никогда и, признаюсь, не былъ лѣнивъ. Да дѣло въ томъ, что я до знакомства съ вами полгода ужъ бродилъ въ канцеляршкѣ Петербурга, измучился до смерти, нигдѣ не добился ничего! Купе ни приходило, — я лично получалъ вездѣ одинъ отвѣтъ «съѣсть нѣтъ», а куда просьбы подавать, вездѣ черезъ полицію возвращали ихъ мнѣ съ пометкой: «оставить безъ послѣдствій».

Некрасовъ улыбнулся и похлопалъ меня по плечу.

— Не съ того конца начали, почтенный Гаврила Никитичъ! Подумайте о службѣ и, если рѣшите, такъ приходите — мы это дѣло устроимъ! Вы по какому мнѣн-терству?

— Да я былъ учителемъ и смотрителемъ училища.

— Это еще легче. Подумайте и рѣшите.

Долго думать и рѣшать было нечего. Черезъ недѣлю я пришелъ къ Некрасову просить мѣста. Приемный часъ для просителей — десятый, давно ужъ прошелъ, а поэтъ еще не всталъ. Впрочемъ, ждать мнѣ не пришлось, Николай Алексѣевичъ тутъ же вкрячалъ:

— Идите сюда въ спальню! — и изволилъ, лежа въ постели.

Спальня имѣла другой видъ, чѣмъ кабинетъ и приемная. Темно-гранитные обои на стѣнахъ, зеленая занавѣси на окнахъ, фонарь на потолкѣ, ковры на полу, низкая орѣховая кровать съ выдвигными ящиками, комода съ овальнымъ зеркаломъ и полный мужской туалетъ: щетки, гребенки, щеточки для зубовъ, пилки для ногтей, бритвенный ящикъ, склянка одеколона, элексиръ для полосканія и зубной порошокъ. У другой стѣны такой же широкій турецкій диванъ, какъ въ приемной, и небольшой круглый столикъ, на которомъ много почтовой бумаги, мелко написанной карандашомъ и только. Самъ поэтъ лежалъ на кровати, совершенно утонувшій въ пуховую перину и до половины покрытый малиновымъ стеганнымъ одѣяломъ, шитымъ въ мелкій узоръ; голова была обложена многими большими и малыми подушками-думками; воротъ разстегнуть, грудь нараспашку, руки по локоть обнажены и закинута за голову.

— Что скажете новаго?

— Пришелъ мѣста просить.

— А! это казенное дѣло, полно валяться — встанемъ!

Онъ натянулъ халатъ, двинулъ туфли и перешелъ на диванъ.

— Я проспалъ лишній часъ, вчера долго писалъ, да немного не дописалъ — сейчасъ кончу и тогда къ вашимъ услугамъ.

Онъ усялся на отоманѣ по-турецки, ноги подъ себя — впоследствии я узналъ, что это была любимая поза Некрасова такъ писать. Онъ отдернулъ занавѣску на окнѣ, придвинулъ столикъ, установилъ, какъ удобно, и принялся за работу, писавшая листокъ почтовой бумаги тонко очиненнымъ карандашомъ. Это были наброски прекрасной его поэмы: «Кому на Руси жить хорошо». Она долго послѣ того не выходила въ печати.

— Вотъ и кончилъ! Теперь идемъ и ѣдемъ,—и тутъ же велѣлъ заложить коляску.

Въ то время, за отсутствіемъ министра народнаго просвѣщенія, завідывалъ министерствомъ Ковалевскій, и мы отправились къ нему. Холодъ меня пронялъ, когда и здѣсь я встрѣтилъ неудачу; швейцаръ доложилъ, что министръ боленъ и не принимаетъ.

— Скажи, что пріѣхалъ Некрасовъ—по дѣлу.

Я, конечно, съ трепетомъ ждалъ отвѣта. Но вмѣсто отвѣта вышелъ военный генералъ, самъ Ковалевскій.

— Ахъ, Николай Алексѣевичъ, извините, для васъ я всегда здоровъ и принимаю—мплости прощу.

Ковалевскій вытливо посмотрѣлъ на меня.

— Я васъ долго не отвлеку отъ дѣла—рекомендую: вотъ господинъ Потанинъ имѣетъ къ вамъ покорнѣйшую просьбу, онъ хочетъ получить мѣсто по вашему министерству.

— Очень, очень радъ услужить! Какое же мѣсто угодно имѣти господину Потанину, въ провинціи или здѣсь, въ Петербургѣ?

— Да это будущій мой сотрудникъ, такъ, конечно, лучше бы здѣсь.

— Съ удовольствіемъ, дорогой Николай Алексѣевичъ, чтобы не откладывать—я сейчасъ... Ковалевскій присѣлъ къ столу и на небольшомъ листкѣ бумаги написалъ, кажется, немного словъ.

— Вотъ это, господинъ Потанинъ, вы потрудитесь передать Ивану Давидовичу Делянову, попечителю,—тамъ для васъ сдѣлаютъ все, что вамъ угодно.

Я, кажется, съ благоговѣніемъ принялъ записку министра, но тутъ же мелькнулъ вопросъ, какъ я объявлю мою фамилію Делянову, когда онъ первый тогда написать на моей просьбѣ — оставить безъ послѣдствій. А идти все-таки было нужно, и я записку министра въ тотъ же день отнесъ. Пріемъ мой въ кабинетѣ попечителя былъ просто удивительный. Иванъ Давидовичъ, какъ только взглянулъ на записку министра, сейчасъ же обязательно подвинулъ мнѣ кресло, ласково пригласилъ сѣсть и съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ, что мнѣ нужно.—Какое вамъ будетъ угодно мѣсто?—Вотъ какъ!—подумалъ я:—теперь не то, что тогда! Иванъ Давидовичъ предлагалъ мнѣ мѣста на выборъ.

— Я, ваше превосходительство, въ Петербургѣ челоуѣкъ новый и главное не выскательный, мнѣ нужно для начала только поступить на службу, а куда? Этотъ выборъ я предоставляю вашему превосходительству.

Онъ спросилъ: гдѣ я служилъ и чѣмъ былъ? Затѣмъ просмотрѣлъ списокъ вакантныхъ мѣстъ и заговорилъ.

— Вотъ у насъ въ Петербургѣ есть шестиклассное училище—это тоже гимназія, гимназія для приготовленія чиновниковъ на службу, тамъ особенные предметы и особенное преподаваніе. Вотъ

въ этой гимназiи двѣ свободныя каедры: общiя формы законовъ и бухгалтерiя, угодно вотъ занять обѣ?

— Я, ваше превосходительство, какъ русскiй подданный, не имѣю права отзываться невѣдѣнiемъ нашихъ законовъ, но относительно бухгалтерiи долженъ вамъ сказать откровенно—я понятiя не имѣю о бухгалтерiи, особенно объ итальянской двойной.

— По это ничего не значить! Предметъ этотъ тамъ преподають поверхностно, лишь бы дать понять, что такое бухгалтерiя. Возьмете дѣльную книгу, почтаете немного, и черезъ недѣлю будете знать, какъ преподавать.

Мнѣ послѣ этого осталось только согласиться на предложенiе попечителя. Я поступилъ въ Введенскую гимназiю и къ новому году за усердное преподаванiе незнакомой бухгалтерiи получилъ награду сто рублей. Проживъ 80 лѣтъ, я до сихъ поръ надивиться не могу, какiя въ Петербургѣ есть волшебныя записочки министровъ, которыя творять съ чиновниками такiя чудеса. Незабвенный Николай Алексѣевичъ Некрасовъ былъ очень доволенъ моимъ успѣхомъ по службѣ и до конца жизни заботился обо мнѣ, какъ отецъ.

Появленiе первыхъ главъ моего романа имѣло большой успѣхъ. Но, признаюсь откровенно, робко и трусливо я ждалъ перваго отклика критики о новомъ писакѣ. Прибѣгаетъ мой милый докторъ и съ первыхъ словъ такъ меня напугалъ, что я поблѣднѣлъ, какъ послѣ объяснила жена.

— Ну, бляшка, какъ васъ подлець критикъ отхватилъ! Это ни на что не похоже, слушайте, я газету принесъ, вотъ!—и началъ читать: «романъ новаго писателя, г. Потанина, далеко незаурядное явленiе, въ немъ такой тонкiй психологическiй анализъ, что автора не обинюясь можно сравнить съ Диккенсомъ» и т. д. Докторъ бросился восторженно меня цѣловать и мгновенно вылѣчилъ отъ минутнаго страха. Некрасовъ самъ привезъ мнѣ первую книгу «Современника» и поздравилъ съ успѣхомъ. Точно какъ бы предисловіе къ моему роману, въ этой книгѣ журнала было прекрасное стихотворенiе Некрасова: «Дѣтство Валежниковъ», гдѣ поэтъ трогательно воспоминаетъ свое дѣтство. Онъ напомнилъ мнѣ милую Волгу съ ея узорными островами и песками и монастырь на острову, который звономъ своимъ такъ волновалъ дѣтскую душу Некрасова. Я всплакнулъ, читая дѣтство Некрасова. Все это дорогiя, незабвенныя воспоминанiя старика.

Такъ неожиданно вступилъ я въ милую семью «Современника». При первомъ появленiи моемъ въ редакцію вышелъ изъ кабинета милый Иванъ Ивановичъ Панаевъ и привѣтствовалъ меня:

— Ахъ, Гаврила Никитичъ, какая у васъ изумительная наблюдательность надъ ребенкомъ Васей, признаю ъ, я рѣдко читалъ что подобно.

— Въ семьѣ живу, дорогой Иванъ Ивановичъ: невольно наблюдаешь и учишься у дѣтей.

— Да къ этому онъ еще чуткій отецъ, это я уже видѣлъ по игрушкамъ,—прибавилъ Николай Алексѣевичъ улыбаясь. Затѣмъ я познакомился съ другими членами редакціи.

Кабинетнаго затворника Добролюбова я рѣдко встрѣчалъ въ редакціи и узналъ этого умнаго человѣка короче только въ то время, когда онъ передъ смертію жилъ въ квартирѣ Некрасова. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе пьяный и отчаянный Михайловъ; это былъ маленькій, тщедушный человѣкъ съ костлявыми руками и такимъ безобразнымъ лицомъ отъ оспы или иной болѣзни, что на него неприятно было глядѣть. Но, несмотря на такое уродство, Михайловъ былъ самый страстный и горячій поклонникъ женскаго пола; разъ, какъ теперь помню, онъ такъ отчаянно кричалъ въ редакціи, неистово махалъ руками и грозилъ написать самыя громовыя стихи въ защиту двухъ барышень-нигилистокъ, которыхъ, по его мнѣнію, безбожно оскорбила полиція, уведя публично съ площади въ участокъ.—«Это незаконно! это просто дикость!»—продолжалъ онъ долго ворчать. Эти двѣ барышни подъ псевдонимомъ: «Михаэлисъ и Габріэлисъ», были тогда извѣстны всему Петербургу, какъ отъявленные нигилистки. Онѣ всегда первыя являлись на студенческія сходки, говорили въ университетѣ рѣчи и даже не уstraшились явиться на конную площадь къ эшафоту Чернышевскаго и положить къ ногамъ его вѣнки. Самый задушевный собесѣдникъ мой былъ покойный Клисъевъ. Онъ былъ всѣхъ степеннѣе, солиднѣе, говорилъ всегда дѣльно, основательно, и я узналъ отъ него много новаго и занимательнаго, что для меня, провинціала, было весьма важно. Вообще многихъ, начиная съ Антоновича и оканчивая Григоровичемъ, я встрѣчалъ на редакціонныхъ обѣдахъ. У Некрасова было установлено два раза въ мѣсяцъ давать намъ литературныя праздники. Наканунѣ такихъ дней я часто получалъ отъ него собственноручную записку. «Любезный Гаврила Никитичъ! не забудьте завтра посѣтить меня побесѣдовать и откушать. Васъ что-то давно не видать» и т. д. Нечего добавлять, что Некрасовъ не жалѣлъ денегъ на угощеніе своихъ сотрудниковъ.

Наша литературная семья жила дружно, за обѣдомъ велись самыя откровенныя, задушевыя бесѣды, перемѣшанныя остроуми, веселыми и забавными шутками. Для меня, провинціала и дикаря, это было самое счастливое и веселое время жизни. Больше всѣхъ занималъ меня умный и острый Николай Гавриловичъ Чернышевскій, котораго я въ шутку звалъ иногда сынокомъ, потому что у меня былъ свой маленькій Николаи Гавриловичъ. Забавнѣе всего было, когда Чернышевскій потѣшался надъ несчастнымъ Викторомъ Игнатьевичемъ Аскоченскимъ, редакторомъ-издателемъ ре-

лигіознаго журнала «Домашняя Бесѣда». Это мнѣ отчасти не нравилось; говоря по совѣсти, журналъ Аскоченскаго былъ дѣльный журналъ, онъ много сказалъ добраго для Руси святой, жаль только, что этотъ несчастный журналъ явился не во-время въ шестидесятиѣ годы; онъ былъ въ такомъ гоненіи, что имя Аскоченскаго тогда въ Петербургѣ иначе не произносилось, какъ съ насмѣшкой. Правда, Аскоченскій самъ былъ порядочный забіяка; я помню, какъ онъ позорилъ въ журналѣ своеѣ Николая Александровича Благовѣщенскаго за сочиненіе «Аеоиъ», называя его печатно ренегатомъ и богоотступникомъ; конечно, доставалось отъ него и Чернышевскому. Но послѣдній, понятно, не оставался въ долгу, безпощадно издѣвался надъ Аскоченскимъ и даже превратилъ фамилію Аскоченскаго въ Антихриста. — «Стоитъ только, — говорилъ онъ, — всѣ буквы фамиліи «Аскоченскій» переложить на славянскій счетъ и сложить, и въ суммѣ получится 666—звѣриное число Апокалипсиса—имя Антихриста». Разъ для потѣхи онъ сдѣлалъ передъ нами выкладку, и въ суммѣ дѣйствительно получилось звѣриное число Антихриста. Мы простодушно посмѣялись. Но эта злобная насмѣшка надъ почтеннымъ Аскоченскимъ такъ больно меня кольнула, что я не выдержалъ и сказалъ:

— Послушайте, сынокъ, вы не обидитесь на отца, если я скажу вамъ другое слово, которое тоже похоже на Антихриста.

— Говорите...—Чернышевскій пытливо и насмѣшливо взглянул на меня сквозь золотыя очки.

— Это слово: вольнодумъ—попробуйте посчитать.

— Посмотримъ.—Чернышевскій принялся считать, мы любопытно слѣдили выкладку; онъ кончилъ и захохоталъ: въ итогъ его вышло 666. Чернышевскій, какъ человѣкъ съ тактомъ, въ это время, повидимому, не обидѣлся на меня и только прибавилъ нехотя: «да, это вѣрно», но при случаѣ не забывалъ иногда надо мной острить.

У меня болѣла нога, и я ходилъ въ редакцію въ тепломъ сапогѣ. Разъ зашла рѣчь о моей милой Москвѣ, я заговорилъ о значеніи Красной площади, залитой кровью родной, о великомъ значеніи нашего древняго Кремля и еще больше о святыняхъ нашей, Успенскомъ соборѣ.

— Да полно вамъ распинаться за вашу матушку Москву, — сказалъ Чернышевскій, — тошно слушать! Кремль ванъ старая могила, а намъ, новымъ, живымъ людямъ, въ могилѣ жить нельзя; а святыня ваша, Успенскій соборъ—просто сарай для дровъ, придетъ пожаръ, дрова сожгутъ, и не останется ничего!

Я замолчалъ.

— Что не говорите? или мѣшаетъ сапогъ?

— Нѣтъ, не то, сынокъ; я думаю не о сапогахъ, а дѣло въ томъ, что я пока не привыкъ думать по-вашему, по-петербургски, а спорить не люблю!

Мы замолчали. Вообще я съ Чернышевскимъ не сходился во многомъ. Несмотря на громаднѣйшій умъ, Чернышевскій былъ страшнѣйшій человѣкъ; онъ иногда выражался такъ оригинально, что мнѣнія его поражали меня. Разъ зашла рѣчь о фотографіи. Я, какъ художникъ, заговорилъ о значеніи фотографіи въ ландшафтной живописи и еще больше въ портретной, гдѣ ни одинъ художникъ не снимаетъ такъ вѣрно контуръ, какъ это дѣлаетъ сама природа, у ней силъ больше, нежели въ человѣкѣ. Заговорили было о томъ, какъ сердечно, умилительно и трогательно получить портретъ близкаго человѣка, по которому часто вспоминаются всѣ его душевныя качества

И все это вздоръ! никому ненужный вздоръ!—заклучилъ Чернышевскій. —По-моему фотографія нужна только для съемки геометрическихъ черченій!—Это мнѣніе Чернышевскаго кстати напомнило другого оригинала-мыслителя, Дмитрія Ивановича Писарева, тотъ еще отчаяннѣе щеголялъ своими оригинальными афоризмами. Онъ, напримѣръ, смѣло и печатно называлъ Пушкина глушцомъ, разбирая по-своему его прелестныя стихи. Онъ о способностяхъ человѣка выразился однажды такъ нелѣпо, что я до сихъ поръ не знаю, что думать о немъ.

— Если бъ я былъ министромъ народнаго просвѣщенія,—говорилъ Писаревъ,—то во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вмѣсто всѣхъ пустыхъ и ненужныхъ предметовъ, не выключая и Закона Божія, велѣлъ бы во всѣ 24 урока въ недѣлю преподавать одну математику, и у меня изъ всѣхъ гимназій и университетовъ выходили бы самыя умнѣйшіе люди!

А когда я замѣтилъ ему, что математическія способности—особенныя способности, это—даръ, который дается немногимъ, то онъ выразился такъ:

— Полно вамъ бредить этими особыми божьими дарами, которые чертъ знаетъ откуда! По-моему всякая способность въ человѣкѣ—просто привычка; упражняйтесь вы больше въ вычисленіяхъ, и вы будете отличнѣйшій математикъ. Точно вы не слышали извѣстнаго реченія: трудъ генія родить.

Были въ нашей семьѣ и другіе собесѣдники, какъ, напри- мѣръ, Антоновичъ и Григоровичъ. Эти больше руководились здравымъ смысломъ и не уходили далеко отъ истины. Максимъ Алексѣевичъ Антоновичъ всегда здраво и основательно судилъ о нашей литературѣ. Разъ только онъ обидѣлъ меня, когда я читалъ ему рукопись «о пошѣ», какъ онъ выразился. Въ Самарѣ былъ дѣйствительно незабвенный, всѣми почитаемый священникъ, Степанъ Макаровичъ Вѣльскій, истинно духовное лицо и глубокій христианинъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Весь громаднѣйшій, двухъ-этажнѣйшій домъ церковный онъ отдалъ въ жилье нищимъ и убогимъ; приходящимъ онъ говорилъ ласково: поживи со мною въ мирѣ, а ухо-

двухъ, съсидани пръ вѣздати, побавлять събравъ, ты не любилъ
ища, другъ?... Сиди въ стѣнѣ, мнѣ бытъ занимать одну в-большую
книжку съ вышиванъ стѣнѣ, гдѣ казало не было, крѣтъ образа съ
дѣвками, в-большой книжкѣ съ дѣтскими книжками, простого
стѣнѣ въ вѣдѣвать углу, гдѣ вѣдѣли крѣтъ, свѣтѣнѣ, епитѣнѣ,
книжкѣ съ вышиванъ, в-душею, и старѣтъ часомъ дубовицей,
чтобы не обидѣтъ, куда нужно было. Образъ жизни его до того
былъ крѣтъ и глубокъ по содержанию, что бытъ родному сыну,
Антонику, сказали со ссидани: «вѣ: д-д-д, другъ, въ священники,
чтобы не мнѣнѣтъ этой тѣнѣ!» А въ зиму 1848 года этотъ дивный
священникъ совершилъ истинно великій христіанскій подвигъ. Въ
то время, какъ всѣ другіе поны отговаривались болѣзнь или не-
дѣлю, онъ одинъ напутствовалъ и вѣсѣдѣлъ до 50.000 рабо-
чего народа, наплывшаго изъ степи со страху и умирашаго
здѣсь отъ заразы, дурной пищи и ожиданія пароходовъ. Наконецъ,
онъ даже самъ себя привѣтъ въ жертву этому великому дѣлу, за-
разился холерой, былъ жестоко боленъ, но, какъ только почувство-
валъ себя легче, снова явился на пристань и до конца эпидеміи
день и ночь совершалъ надъ больными таинство. Къ несчастію,
Антониу бытъ почему-то бытъ такъ возстановленъ противъ духо-
венства и чувствовалъ къ помагъ такую ненависть и презрѣніе,
что у него переломился карандашъ, когда онъ въ рукописи зачер-
кивалъ это мѣсто, а мнѣ съ озлобленіемъ сказалъ: «и вы, со-
трудникъ «Современника», пишете панегирики этимъ?... онъ закон-
чилъ рѣчь свою такимъ словомъ, которое я не рѣшаюсь повторить
здѣсь въ печати.

Больше всѣхъ забавлялъ насъ своими веселыми рассказами
Григоровичъ. Дмитрій Васильевичъ, рожденный отъ хохла и фран-
цузенки, наследовалъ отъ отца малороссійскій юморъ и просто-
душную русскую шутку, а отъ матери легкую и веселую фран-
цузскую болтовню,—вотъ отчего у него всѣ рассказы заключали
въ себѣ особенную прелесть. Самые пустяки Григоровичъ умѣлъ
рассказать такъ забавно и весело, что мы всѣ не могли удержаться
отъ смѣха. Обыкновенно это начиналось такъ: послѣ нашихъ дру-
жескихъ обѣдовъ Николай Алексѣевичъ садился въ свое любимое
кресло, или ложился безъ церемоніи на богатый триповый отоманъ
и только, бывало, скажетъ: «А ты, Дмитрій Васильевичъ, будь милъ,
расскажи намъ что нибудь»,—и Григоровичъ тутъ же экспромтомъ
начиналъ болтать и веселить насъ цѣлые часы.

Самый противный для меня былъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ,
вѣчно грязный, вонючій и пьяный. Онъ, какъ только входилъ,
тотчасъ же, на основаніи новаго ученія коммунизма требовалъ
ножки и черезъ часъ такъ напивался, что не могъ ни стоять, ни
сидѣтъ, валился на роскошный диванъ хозяина, пачкалъ его гряз-
ными сапогами, какъ свиньи, и тутъ же засыпалъ. Въ шести-

десятыя годы эти грязныя уроды считались людьми передовыми—мужчины ихъ уважали, дамы обожали, а во всѣхъ аристократическихъ домахъ терпѣли и принимали, какъ почетныхъ гостей. Николай Алексѣевичъ тоже терпѣлъ своего гостя, а, когда тотъ совѣмъ дѣлался нетерпимымъ, вызывалъ лакея и говорилъ: «видишь... убери!». А мы всѣ выходили изъ комнаты.

Относительно печати, несмотря на свободу того времени, у меня немало было непріятностей съ цензурою. Правда, нашъ цензоръ въ «Современникѣ», Владимръ Николаевичъ Бекетовъ, былъ вольнолюбивый, но крайне робокъ и щепетиленъ. Такъ, напримѣръ, романъ мой, по моему соображенію, первоначально былъ названъ: «Крѣпостное право»; онъ никакъ не согласился выпустить его подъ этимъ заглавіемъ.

— Помилуйте, это не мыслимо; теперь мы такъ горячо хлопочемъ о свободѣ народа, и вдругъ въ печати крѣпостное право!

— Да вѣдь я не похвалу пишу крѣпостному праву,—вы читаете, такъ знаете, какъ я въ романѣ распинаю это проклятое крѣпостное право.

— А все-таки нельзя! Одно названіе можетъ всякому метнуться въ глаза!

Такъ цензоръ не соглашался барыню Курондову назвать Марьей Александровной потому только, что императрица звалась Маріей Александровной.

— Такъ что же по-вашему всѣхъ бабъ въ Россіи нужно пере-крестить и назвать иначе?

— Ну, это мы оставимъ.

А затѣмъ начался въ корректурѣ поправки моихъ словъ и реченій. Какъ цензоръ Обертъ въ моей повѣстухѣ «Концертъ» вмѣсто «горничная дѣвка» умышленно выписывалъ «дѣвушка»,—иѣмецъ совершенно не понималъ, что въ чистомъ русскомъ языкѣ между словами: крѣпостная дѣвка и вольная дѣвушка, большая разница,—то же случилось и съ русскимъ цензоромъ.

Вмѣсто слова Васьки «мамынька» Бекетовъ вездѣ выправилъ иѣжно «маменька». Но всего нестерпимѣе было то, что онъ поправками часто искажалъ самый смыслъ рѣчи. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ попалось ему реченіе: «гальчиное гиѣздо»,—онъ зачеркнулъ слово «гальчиное» и написалъ «галочье», находя вѣрно непріятнымъ это простонародное слово и совершенно не понимая, что галки никогда не вьютъ гиѣздъ для себя, онѣ вьютъ ихъ для галчатъ и по выводѣ дѣтей оставляютъ гиѣзда и не возвращаются въ нихъ; галкамъ гиѣзда не нужны. А поправокъ такихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось больше; я наконецъ не вытерпѣлъ и пошелъ къ Некрасову просить, чтобы онъ избавилъ меня отъ такого цензора, который не знаетъ чистаго русскаго языка, и окончательно отказался переимѣнить первое названіе романа. «Какъ

хотите, назовите мой романъ, другого вѣрнаго названія я не нахожу!» Некрасовъ безъ моего согласія назвалъ мой романъ «Старое старится, молодое растетъ», что совершенно не вѣрно. Относительно цензора Николай Алексѣевичъ высказалъ мнѣ горькую правду:

— Бекетовъ, Гаврила Никитичъ, лучший у насъ цензоръ, что можно—такъ можно, а чего нельзя, въ томъ его не вините, вините лучше цензуру, цензура у насъ собака, да еще не простая, а австрійская собака!—намекая тѣмъ на одного члена цензурнаго комитета, который былъ австриецъ, въ чемъ я послѣ самъ убѣдился и съ Некрасовымъ согласился. Но были неприятности еще горше; цензоръ зачеркнулъ почти всю одиннадцатую главу моего романа, а глава была листа полтора печатныхъ. Некрасовъ пишетъ: «не задержите печати, замѣните чѣмъ нибудь вычеркнутое и уладьте главу. Нельзя ли доставить ее въ типографію завтра? Идемъ». Пришлось сидѣть ночь, работа была спѣшная, ключьями, кое-какъ, и совершенно меня не удовлетворила, ибо могла не сойтись съ будущимъ. Скрѣпя сердце, я къ утру кончилъ и послалъ, а между тѣмъ думалъ: такъ нельзя! Добросовѣстная работа требуетъ времени и труда, а такъ спѣшно строчить, кое-какъ, я не умѣю. Если такъ будетъ впередъ, такъ придется отказаться. Вскорѣ послѣ того мнѣ въ самомъ дѣлѣ пришлось отказаться, и я бросилъ печатать романъ.

Но больше всего меня волновали литературныя сплетни. Разъ я бесѣдовалъ съ короткимъ знакомымъ о Некрасовѣ, восторженно говорилъ о великодушіи поэта, какъ онъ точно подмѣтилъ мое несчастное положеніе и во-время помогъ. Знакомый махнулъ рукою и съ насмѣшкой сказалъ:

— Какое великодушіе вы нашли въ Некрасовѣ? Просто ему нужно было васъ купить, вотъ онъ и далъ вамъ задатокъ. Некрасовъ торгашъ, онъ боялся, что у него перебьютъ такую хорошую рукопись, какъ ваша, вотъ онъ и поспѣшилъ даже въ номеръ къ вамъ прискакать. А что онъ самъ привезъ вамъ книгу и поздравилъ—просто некрасовскій фарсъ. Приголубимъ, дескать, провинціальчика и заберемъ незамѣтно въ лапы, вотъ увидите послѣ того, какъ онъ сдеретъ съ васъ рубликовъ 16 за годовой экзemplяръ «Современника», несмотря на то, что вы такой дорогой его сотрудникъ. Вы—новый человекъ, вы ничего не понимаете, что творится въ этомъ поганомъ омутѣ «Современника». Некрасову ничего не нужно, кромѣ денегъ и денегъ... И знаете, что я кстати скажу вамъ по секрету; недѣлю назадъ Некрасовъ самъ говорилъ мнѣ прямо въ глаза: «Вотъ, милѣйшіи N. N., какъ мы обрабатываемъ свои дѣлишки, рубликовъ за 50 печатаемъ такое произведеніе, какъ романъ Потанина!»

Я такъ былъ озадаченъ этою сплетней, что не зналъ, что думать о Некрасовѣ. Только впоследствии и убѣдился, что это была

пущеная клевета на поэта. Мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ я началъ печатать романъ, я былъ вечеромъ у Николая Алексѣевича, мы бесѣдовали наединѣ. Я рассказывалъ ему, какъ добирался до Петербурга и что чувствовалъ по прїѣздѣ, когда готовъ былъ броситься въ Фонтанку. Некрасовъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ, Гаврила Никитичъ, и я, когда былъ въ такомъ некрасивомъ положеніи, какъ вы, тоже болѣлъ безденежьемъ и безсапожьемъ, была пора: чернилъ не было, чтобы что нибудь написать! Разведешь, бывало, ваксу слезами и пишешь ваксой, а завтра цѣлый день сидишь и разбираешь, что написалъ, все слилось и смазалось.

Я прослезился; Николай Алексѣевичъ опять глубоко вздохнулъ; мы поняли другъ друга въ эту минуту скорби. Послѣ этого нечего добавлять, какъ этотъ чуткій и самъ страдавшій человекъ могъ тонко понимать скорби и страданія другого человека, это кровавыми слезами выплакала его скорбящая народная муза. Часто находили на моего незабвеннаго Николая Алексѣевича такія великодушныя минуты, когда онъ самъ вызывался на всякую помощь мнѣ. Разъ я, перелистывая «Современникъ», читалъ ему лучшія мѣста моего романа.

— Станный вы человекъ, почтенный Гаврила Никитичъ! — сказалъ мнѣ на это Некрасовъ.

— Чѣмъ?

— Да тѣмъ, что не во-время скромны, что не просите больше денегъ за такія мѣста; я съ удовольствіемъ вамъ дамъ рубликовъ 75 за листъ.

— Охота вамъ говорить объ этомъ, Николай Алексѣевичъ! Я считаю себя за честь быть сотрудникомъ въ такомъ журналѣ, какъ вашъ. Я провинціалъ, человекъ плохой по воспитанію и образованію, для меня уже важно то, что я бесѣдую здѣсь съ такими умными людьми, какъ ваши сотрудники, и еще теперь, въ такое важное время.

Некрасовъ помолчалъ, будто что-то соображая, и наконецъ рѣшительно сказалъ:

— Не хотите, какъ хотите, такъ я самъ прибавлю вамъ, — и прибавилъ.

А между тѣмъ, чѣмъ дольше я жилъ въ Петербургѣ, тѣмъ больше слышалъ самыхъ нелѣпныхъ сплетенъ о Некрасовѣ. Его публично звали шулеромъ въ картахъ, скаредомъ и торгашомъ въ журналѣ и самымъ страшнымъ эгоистомъ въ обществѣ. Эти сплетни на такого человека, какъ Некрасовъ, хотя казались мнѣ нелѣпыми, но онѣ поражали меня, мучили, и я рѣшительно не могъ понять, откуда все это и почему.

Къ сожалѣнію, мнѣ не долго пришлось пожить дружно съ Некрасовымъ и побесѣдовать съ умными сотрудниками его. Вскорѣ наступило иное время и иные порядки.

«Современникъ» закрыли, Михайлова убрали, Чернышевскаго спрятали.

Каждый день прибѣгала къ намъ моя испуганная кума и шепотомъ спрашивала жену:

— А кумъ дома?

— Дома, а что?

— Да что! дѣлается страшно! Вѣрно, и до нашей смпренной Петербургской сторонюшки добираются, ночью у сосѣдей былъ прокуроръ и жандармскій генераль, что-то разыскивали эти ищейки.

Жена, конечно, въ тотъ же день передала мнѣ эти слова и прибавила: «смотри!»... Но, въ сущности говоря, мнѣ нечего было смотреть и осматриваться, я не пряталъ моихъ бумагъ въ плоскомъ ящикѣ, въ колодцѣ и не засыпалъ пескомъ и камнями, какъ это ухитрялись дѣлать настояще мастера прятанья. Я смѣло вступилъ въ редакцію «Русскаго Слова»; меня не пугалъ этотъ отчаянный журналъ.

Въ это пугливое время меня страшило другое: несчастная судьба Чернышевскаго. Не знаю, какъ въ точности назвать то странное время, когда Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости и писалъ свой романъ «Что дѣлать?» Весь Петербургъ былъ сильно заинтересованъ Чернышевскимъ; говорятъ, даже барыни ѣздили къ нему въ крѣпость и подносили золотыя перья. Одинъ только я, несчастный, не посѣтилъ узника въ тюрьмѣ. Время было такое трусливое, застращенный Петербургъ и меня дѣлалъ трусомъ. Бывало, покойно сидишь дома, несело смотришь на игры дѣтей, и вдругъ мелькнетъ въ головѣ вопросъ: а что, какъ меня?.. Такъ морозъ пробѣжитъ по тѣлу, волосы становятся дыбомъ, особенно если при этомъ раздумашьшя по-отцовски: что тогда будетъ съ ними, моими дорогими? Вонъ они какъ весело и безопасно играютъ теперь, не чуютъ ничего, а тогда?.. Каюсъ, читатель, семья побѣдила мою гражданскую доблесть, къ Чернышевскому я не пошелъ. Только теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я выдыхаю объ этомъ тяжело; это горькія воспоминанія старика.

Но самыя горькія воспоминанія мои о «Современникѣ», милыхъ сотрудникахъ его и незабвенномъ Николаѣ Алексѣевичѣ начались въ то время, какъ я вступилъ въ редакцію «Русскаго Слова» и, прибавлю, къ несчастью моему. Здѣсь я встрѣтилъ другихъ сотрудниковъ и совершенно другое хозяйство журнала; то были поповичи, жадные до денегъ, бездушные рассказчики плохихъ повѣстей, газетчики, превращенные въ публицистовъ, таланты съ хмелевой головой, неучь-мальчишка, рѣшающій все природнымъ умомъ, и гоній-самодуръ, отвергающій всѣ науки, великіе авторитеты и утверждающій одну новую науку: «ерунду»; словомъ я познакомился съ поповичемъ Благовѣщенскимъ, холоднымъ Холодовымъ, ненавистникомъ женскаго труда Шелгуновымъ, пьянымъ Помялов-

скимъ, удалымъ баскакомъ Зайцевымъ, гениемъ, рѣшающимъ всѣ важные вопросы по-своему, Писаревымъ и ближе всѣхъ съ редакторомъ Благосвѣтловымъ. Это былъ умный, но не совсѣмъ здоровый русскій человѣкъ, онъ былъ до того горячъ и раздражителенъ, что въ минуты сумасбродства часто говорилъ то, чего самъ не понималъ. Впрочемъ, это было ему простительно: шестидесятые годы были началомъ нашей новой, нервной болѣзни; тогда много было такого, что могло раздражать самаго здороваго человѣка.

Второй редакторъ «Русскаго Слова» былъ Благовѣщенскій; во всѣхъ словаряхъ его называютъ «романистомъ», но это былъ самый плохой романистъ. Не знаю, помнятъ ли читатели хотя одинъ романъ Благовѣщенскаго, а мнѣ памятно одно, какъ онъ во второмъ романѣ написалъ только три главы и дальше не печаталъ, торжественно признавъ, что романъ его ему самому противенъ. Холодовъ (Н. Ф. Бажинъ) былъ отвратительно холоденъ и сухъ въ своихъ пустыхъ разсказахъ. Помяловскаго товарищи-поповичи силились возвести въ генія, но этотъ геній не сказалъ ничего новаго. Правда, самый лучший разсказъ: «Вечера въ бурсѣ», дѣйствительно, понравился публикѣ, но по-моему только потому, что жизнь въ бурсѣ была неслыханная новизна въ Петербургѣ, а самъ авторъ жилъ въ той же бурсѣ, былъ дѣйствующимъ лицомъ, неудивительно, что свои впечатлѣнія онъ передалъ живо и вѣрно. За этимъ разсказомъ Помяловскій принялся писать романы, но, какъ бурсакъ, не зналъ иной русской жизни, кромѣ бурсацкой, вотъ почему романы его «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ» прошли совершенно незамѣтно, а Помяловскій вскорѣ послѣ того умеръ отъ злоупотребленія спиртными напитками.

До сихъ поръ ярко представляется мнѣ слѣдующая сцена: человѣкъ 200 студентовъ, въ мундирахъ, маршируютъ по Невскому парамъ, а шедшій впереди подвышнвшій предводитель, Помяловскій, точно пріятеля, хватилъ меня за рукавъ и кричить:

— Идемъ, идемъ съ нами!

— Куда?—спрашиваю я испуганно.

— Въ Колокольный переулочъ, попечителя Филипсона громить, чтобъ отмѣнилъ матрикалы.

— Нѣтъ, мнѣ съ вами не по пути, я за дѣломъ иду, да пустите, оторвете рукавъ!

Насилу отдѣлался отъ предводителя, получивъ, впрочемъ, въ догонку: «подлецъ!»

Самые отчаянные писатели въ «Русскомъ Словѣ» были Зайцевъ и Писаревъ. Удалой Зайцевъ былъ самый рѣшительный литературный дебоширъ; онъ ломалъ все, что попадалось навстрѣчу; плохо ученый, онъ не хотѣлъ знать ни исторіи Руси, ни быта народа, ни заветныхъ преданій — у него былъ одинъ заветъ: просторъ

и свобода, коверкай все по-зайцевски. Писаревъ былъ умѣе и смириѣ Зайцева; онъ былъ идолъ молодежи; семинаристы и студенты поклонялись ему, какъ величайшему уму, а когда онъ смѣло назвалъ Пушкина «дуралей», то нѣкоторые стали говорить, что Писаревъ — второй Бѣлинскій. Шелгуновъ былъ всѣхъ смириѣ и дѣльнѣе, несмотря на его нелѣпыя нападки на безполезный, по его мнѣнію, женскій трудъ; онъ писалъ много хорошаго въ «Русскомъ Словѣ», и, по отзыву критиковъ, былъ украшеніемъ этого журнала.

«Русское Слово» по духу и содержанію былъ самый крайній журналъ шестидесятыхъ годовъ; онъ смѣло проповѣдывалъ коммуны и нигилизмъ, и въ Петербургѣ ходилъ слухъ, что одного изъ его сотрудниковъ посѣкли за это въ Третьемъ Отдѣленіи. Мнѣ, не умѣющему писать по-бурсацки или по-зайцевски, трудно было держаться здѣсь, и я испыталъ немало непріятностей. Первое столкновеніе случилось съ Благовѣщенскимъ, который почему-то считалъ себя хозяиномъ журнала. Сперва онъ взялъ на себя роль корректора, началъ выправлять мой чистый русскій языкъ по-бурсацки. Время было трудное, перейти было некуда, и я пока терпѣлъ и молчалъ, но когда неумѣлый попавичъ взялъ на себя роль цензора, тогда я не выдержалъ и заговорилъ. Первую повѣсть въ этомъ журналѣ я печаталъ подъ заглавіемъ «Годъ жизни»; въ ней была сердечно написанная глава о музыкѣ, — Благовѣщенскій всю эту главу вычеркнулъ. Я пошелъ объясняться, не воображая, что мнѣ придется выслушать такъ много нелѣпостей.

— Позвольте узнать, господинъ цензоръ, за что такая немилость? Зачѣмъ вы зачеркнули цѣлую главу о музыкѣ? Кому мѣшаетъ музыка?

— А вамъ она не мѣшаетъ? Охота хлопотать о пустякахъ! Музыка, если хотите знать, не только безполезна, а крайне вредна, она отнимаетъ у человѣка дѣльное время, она расслабляетъ нервы, убиваетъ здоровье и дѣлаетъ человѣка дрянью, особенно женщинъ.

— Первый разъ слышу такое мнѣніе о музыкѣ! По-моему безъ поэзіи, живописи и музыки жить нельзя, а если кто живетъ безъ нихъ, такъ это деревянный человѣкъ, онъ лишенъ всѣхъ духовныхъ наслажденій!

— А вамъ нужны эти барскія конфетки и барышнинны духи! Нѣтъ, батюшка, наше время не то, пора къ чорту послать всѣ эти вредныя лакомства, поэзію, живопись и музыку! Наше «Русское Слово» трезвый журналъ, мы проповѣдуемъ одно: пользу, пользу и пользу, и всѣхъ вашихъ музыкантовъ къ чорту пошлемъ!

— Такъ зачѣмъ послѣ того вы сами абонируете ложу въ оперѣ?

— А! это совсѣмъ другой вопросъ: въ оперѣ, въ гостяхъ, дома, я не тотъ, что передъ вами здѣсь, тамъ моя лѣвая сторона, домашній образъ жизни, я просилъ бы васъ не касаться его!

— Странно!

— Ничего нѣтъ страннаго, здѣсь я редакторъ, официальное лицо, здѣсь всѣми силами долженъ защищать принципы нашего журнала, а тамъ, дома, я другой человѣкъ!

— Двуличный?

— Да, двуличный, если хотите! До этого дѣла никому нѣтъ! Въ квартирѣ моей вы можете видѣть Байрона, Гёте, нашихъ поэтовъ; картины великихъ мастеровъ, грацію Кановы; портреты Моцарта, Бетховена, рояль, ноты, что вамъ угодно. Тамъ все это мнѣ нужно, какъ человѣку просвѣщенному, тамъ я имѣю право всѣмъ эгимъ умиляться, восхищаться, пожалуй, даже наслаждаться, тамъ я дома, тамъ мой отдыхъ и покой. А здѣсь въ редакціи, повторяю, во имя идей нашего трезваго журнала я долженъ громить, поворить вашихъ сахарныхъ поэтовъ; крыть крыши вашими великими произведениями живописи, какъ это дѣлалъ полезный Павелъ Эмилиіи, римскій вождь, а музыку анаемиѣ предавать, какъ общественный вредъ.

— Зачѣмъ же все это?—спрашиваю я печально.

— Духъ времени требуетъ того, батюшка Гаврила Никитичъ, пора, пора намъ сломать и уничтожить всю эту старую дребедень, пора очистить поле для иной новой жизни.

— Въ чемъ же проявится эта новая жизнь?—спросилъ я автора еще печальнѣе.

— Мы не знаемъ, пока, въ чемъ; мы пионеры, мы передовые люди, наша задача только въ томъ, чтобъ все сломать. А въ чемъ жизнь проявится, дѣти, внуки народятся, умнѣ насъ будутъ, сами дорогу найдутъ.

— Безъ всякихъ преданій и завѣтовъ прошлаго?—вскричалъ я съ отчаяніемъ.

— Да, да! безъ всякой старой ерунды, которая мѣшаетъ людямъ жить!

— Не понимаю.

— Намъ тутъ нечего понимать. Дѣти и внуки поймутъ.

Послѣ такого разговора я окончательно убѣдился, что въ «Русскомъ Словѣ» я не ко двору, и глубоко вздохнулъ о «Современникѣ». Больше всѣхъ выживалъ меня отсюда аvarтный и бѣшеный его редакторъ, Благосвѣтловъ. Бывало, зубами скрипитъ, кулакомъ грозитъ въ воздухъ и безтолково кричитъ: «разите! жарьте это гнилое общество! покрѣпче, покрѣпче ихъ!» А чего покрѣпче, когда на-дняхъ сдѣлали предостереженіе журналу за самую неважную фразу, которая встрѣтилась въ моей повѣсти; вотъ она, судите: «если въ обществѣ встрѣтится мерзавецъ или подлецъ, такъ нечего лично его винить и судить, вините то общество, которое сдѣлало его мерзавцемъ или подлецомъ, отъ мерзавцевъ онъ вышелъ мерзавцемъ и отъ подлецовъ подлецомъ». Въ предостереженіи было

въ концѣ прибавлено еще: «если что подобное встрѣтится, то журналъ будетъ закрытъ». Благосвѣтловъ добился таки того, что журналъ вскорѣ былъ закрытъ. Теперь мнѣ кажется сдѣлаю и забавно бѣснованіе Благосвѣтлова, а тогда не было забавно. Бывало, стоишь, слушаешь наставленія, а самъ думаешь свое: «какъ же еще покрѣпче? Петропавловская крѣпость еще крѣпче твоего кулака, а у меня семья».

Самое отвратительное въ редакціи «Русскаго Слова» была плата сотрудникамъ, такъ что противно было туда ходить свои деньги получать. Вотъ кого вѣсто Некрасова слѣдовало бы называть: скареды и торгашни! Я не говорю ужъ о томъ, что здѣсь до самыхъ мелкихъ мелочей высчитывали строки и копейки, вѣтъ, приходилось за однимъ и тѣмъ же ходить много разъ: то кассира вѣтъ дома, выдать некому, то кассиръ дома, да ключа не найдуть, то ключъ нашли, отперли, да въ кассѣ ни гроша; подождите да повремените. Я получалъ здѣсь самую мизерную плату, да и тутъ не постыдился зажать у меня 100 рублей! Передъ отъѣздомъ къ матери въ деревню на лѣто я зашелъ въ редакцію получить деньги, но Благовѣщенскій посовѣтовалъ: «повремените недѣлку, другую, накопимъ». Временить было некогда, я уѣхалъ безъ денегъ. Осенью, по возвращеніи, я наемкнулъ Благовѣщенскому, что пора бы наконецъ мнѣ деньги получить.

— Эхъ, хватились когда!—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.—Я совѣтовалъ тогда подождать, а теперь гдѣ денегъ взять, мы всѣ раздѣлили ихъ лѣтомъ, сами виноваты!

— И безъ шутокъ, какъ же теперь?

— Да никакъ! Взгляните вотъ сами въ кассу, тамъ, ей-Богу, вѣтъ ни гроша!—и Благовѣщенскій еще улыбнулся нагло.

А тутъ вскорѣ журналъ закрыли, оказалась самая ловкая отговорка не платить, такъ и отступился.

Такіе счеты и грошевые расчеты меня мало волновали, я молчалъ и давалъ себя обирать, но меня больше всего волновали духъ и направленіе этого безалабернаго журнала. Съ тѣхъ поръ, какъ Благосвѣтловъ выпустилъ первый «Лучъ» своего издыхающаго журнала, и я прочиталъ въ немъ безбожную статью «Бѣлая магія», я окончательно рѣшилъ, что мнѣ пора убраться изъ этого омута. Одно останавливало меня, что Благосвѣтловъ затѣвалъ въ это время открыть новый журналъ «Дѣло», и мнѣ хотѣлось печатать въ немъ мою повѣсть «Штатный смотритель», посвященную Некрасову. Но какъ только въ редакціи прочитали, что повѣсть посвящена Некрасову,—отказались ее печатать.

Послѣ того я рѣшилъ не имѣть больше дѣла съ Благосвѣтловымъ и особенно съ помощникомъ его Благовѣщенскимъ, который больше всѣхъ мнѣ надоѣлъ. Этотъ господинъ при всякомъ разговорѣ со мной всѣми силами старался доказать, что поэзія, живо-

пись и музыка въ самомъ дѣлѣ такая дичь, на которую стоять только наплевать. Плевать и наплевать были самыя любимыя слова Благовѣщенскаго, и онъ безпрестанно употреблялъ въ разговорѣ «плевать на эту срунду!» Въмѣсто того, чтобы печатать мой романъ послѣдовательно, Благовѣщенскій бралъ изъ него только ключья по своему вкусу, или то, что по его соображенію подходило къ другимъ статьямъ. Такъ въ параллель къ разсказу Помяловскаго «Вечера въ бурсѣ» Благовѣщенскій изъ романа моего печатаетъ жизнь ребятишекъ въ училищѣ; въ параллель роману Помяловскаго «Мѣщанское счастье» онъ печатаетъ изъ романа моего тоже мѣщанское счастье Васьки, маленькаго героя въ романѣ моемъ. Ключья эти были названы «Эпизодъ изъ романа» «Старое старится, молодое растетъ», и какъ теперь помню, въ одномъ такомъ «эпизодѣ» острякъ Благовѣщенскій по-своему сострилъ; онъ напечаталъ заглавіе такъ — «Эпизоды изъ романа: Старое старится, а молодое подстаривается». Въ чему тутъ острота, я до сихъ поръ не понимаю. Особенно было нестерпимо, когда этотъ господинъ вадумалъ тоже, какъ Бекетовъ, выправлять мой слогъ. «Аще, абіе, убо, сиче, дондеже, сугубо, понеже, поелику, скажу сказку невелику — это были самыя излюбленныя слова моего корректора Благовѣщенскаго, которыя онъ претвердо затвердилъ въ бурсѣ и никакъ не могъ безъ нихъ обойтись. Самое обыкновенное слово въ моей рукописи «теперь» Благовѣщенскій непременно зачеркнетъ и напишетъ «нынѣ», самое употребительное слово «чтобы» Благовѣщенскій зачеркнетъ и напишетъ «якобы», точно ему кажется, что такъ красивѣе будетъ; самое простое канцелярское реченіе: «подверженъ нареканію», Благовѣщенскій зачеркнетъ и напишетъ «подвергнуть хуленію» и, наконецъ, самую извѣстную намъ, старикамъ, фразу: «на томъ свѣтѣ», милый Николай Александровичъ два раза зачеркнетъ и напишетъ «въ будущемъ вѣкѣ» или «въ царствѣ небесномъ», точно ему хотѣлось, чтобъ слогъ мой непременно пахнулъ славянщиной; и что всего не понятнѣе для меня, что этотъ человѣкъ, встрѣтившись съ моею дочерью на Кавказѣ, на водахъ, не постыдился спросить:

— Что вашъ отецъ, я думаю, до сихъ поръ сердится на меня, какъ я выправлялъ его слогъ?

О такихъ низенькихъ, мелкихъ и ничтожныхъ господахъ не стоило бы здѣсь говорить, особенно въ такой статьѣ, какъ мои сердечныя «Воспоминанія о Николаѣ Алексѣевичѣ Некрасовѣ», но я привелъ для того ихъ, чтобы показать, какая огромная разница была между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», какъ въ составѣ сотрудниковъ, такъ и во всемъ остальномъ.

Повторяю, не Некрасова должно винить въ скаредничествѣ и торгашествѣ, а именно вотъ такихъ господъ, какъ Благосвѣтловъ и его сотрудникъ въ ростовщичествѣ Благовѣщенскій. Благосвѣтловъ,

напримѣръ, въ началѣ своего редакторства, получилъ отъ великодушнаго графа Кушелева-Везбородка огромную сумму денегъ 30.000 р. на обзаведеніе дѣла, а возиратилъ ли онъ графу въ знакъ благодарности, хоть копейку? Это никому неизвѣстно. А между тѣмъ журналъ его послѣ «Современника» сталъ передовымъ журналомъ, и Богъ знаетъ, сколько лѣтъ имѣлъ много подписчиковъ; за что же было такъ безсовѣстно поступать съ сотрудниками, скаречно платить имъ и еще усчитывать копейки, или явно обирать? Во всемъ этомъ видна алчная поповская порода. Въ «Современникѣ» Некрасова не такъ велось дѣло, тамъ благородный кассиръ, Владимиръ Панаевъ, не пряталъ ключей и не отдавалъ кассы въ ростъ подъ проценты, у Некрасова касса всегда была полна и открыта, всякій бралъ, что ему нужно, и я всегда получалъ все сполна, безъ всякихъ высчитываній строкъ и копеекъ. А сотрудниковъ Некрасова странно даже сравнивать съ сотрудниками «Русскаго Слова». Смѣшно было бы поставить рядомъ гениальнаго графа Льва Толстого съ Благосвѣтловскимъ гениемъ Помяловскимъ; великаго романиста Тургенева съ убогимъ романистомъ Благосвѣщенскимъ или прелестныхъ рассказчиковъ повѣстей Панаева и Григоровича съ какимъ нибудь жалкимъ Холодовымъ или Важинымъ. Эти люди родились и воспитывались не въ убогой кельѣ старой вдовы просвирни, гдѣ, кромѣ просвирки и бурсы, ничего не увидишь и не узнаешь; они съ пеленокъ получили высокое образованіе, жили во всѣхъ слояхъ общества, вполне знали жизнь, какъ русскую, такъ и европейскую и могли ее вѣрно и живо описывать.

Послѣ закрытія «Современника» Некрасовъ началъ сильно скучать. Единственной отрадой его была муза, которая въ это время подсказывала ему много воистину русскаго и прекраснаго. Онъ былъ занятъ окончаніемъ и отдѣлкой прекрасной поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Бывало, придешь къ нему, онъ прежде всего съ участіемъ спроситъ, чтѣ семья, чѣмъ заняты дѣти, даже во что играютъ, а затѣмъ скажетъ:

— Прочтите-ка вотъ этотъ листокъ!

И читаешь съ восхищеніемъ эти дивныя, мастерски написанныя картины русскаго быта.

— Что-то не домогаю, батюшка Гаврила Никитичъ, вѣрно, старость идетъ,—началъ онъ въ это время поговаривать часто и вскорѣ передалъ арендованныя имъ «Отечественныя Записки» въ завѣдываніе Салтыкову. Врачи, какъ это обыкновенно бываетъ, совѣтовали Некрасову меньше заниматься, больше отдыхать, гулять, а одинъ даже сердито крикнулъ при мнѣ: «да не сидите вы такъ, скорчившись по-турецки, такъ удобно только кальянь курить, рахатъ-лукумъ жрать, а не писать!»

Съ этого времени я уже рѣдко видѣлъ Николая Алексѣевича; какъ ни придешь, всегда одинъ отвѣтъ: «дома нѣтъ». То къ брату уѣхалъ, то на охотѣ, то неизвѣстно гдѣ.

Мнѣ сердечно хотѣлось посвятить мою новую повѣсть Некрасову, въ память всего прошлаго, столь счастливаго для меня. Думая, что «Отечественныя Записки», такъ сказать, свой журналъ, и здѣсь съ удовольствіемъ примутъ повѣсть, посвященную Некрасову, я пошелъ къ редактору Салтыкову, но тутъ вышло еще хуже, чѣмъ въ «Русскомъ Словѣ». Холодный и черствый Михаилъ Евграфовичъ нашелъ лишнимъ въ моей повѣсти письмо отца къ дѣтямъ, такъ тепло и сердечно написанное, какъ можетъ написать только горячо любящій отецъ къ дѣтямъ. Письмо это Салтыкову не понравилось, и онъ непремѣнно настаивалъ, чтобъ я его выкинуть.

— Согласитесь, Гаврила Никитичъ, вѣдь это письмо—застарѣлая карамзинская сентиментальность, оно не ко времени.

— Не согласенъ, Михаилъ Евграфовичъ! Это не сентиментальность, а глубокая любовь отца, она всегда и вездѣ ко времени.

— Да вы портите этой слезливостью вашу хорошую повѣсть, выкиньте это письмо—прошу!

— Не могу, Михаилъ Евграфовичъ, это самое лучшее мѣсто въ моей повѣсти, и знаете, что я вамъ скажу: кто имѣетъ семью и истинно понимаетъ, что такое отецъ и дѣти, тотъ съ особеннымъ наслажденіемъ прочитаетъ это письмо и, можетъ быть, не одинъ разъ.

— Ну, съ вами не сладить, больше просить не могу!

— И я больше не буду васъ безпокоить, прошу рукопись возвратить.

— Извольте, вотъ она, — Салтыковъ небрежно подаль съ этажерки.

Я сухо раскланялся и больше уже его не видалъ. Повѣсть безъ пропуска была напечатана въ Москвѣ въ «Бесѣдѣ» Юрьева.

Борьба съ такимъ страннымъ временемъ, какъ шестидесятые годы, до того меня мучила и душевно волновала, что я бросилъ наконецъ Петербургъ и литературу, получилъ мѣсто и уѣхалъ въ Западный край, еще носившіи слѣды ожесточенія послѣ Муравьева. Жизнь русскаго человѣка тамъ была мука, а къ этому скоро присоединилась еще сердечная тоска и воспоминанія о миломъ Петербургѣ. Мнѣ же, къ несчастію, пришлось жить въ убогомъ уѣздномъ городишкѣ, общество—поляки да жида, скука смертная, и на улицу не хочется выглянуть и въ кабинетъ не хочется ничего дѣлать. Литературные вечера отъ скуки завелъ было, и тѣ вышли неудачны. Барыни-польки натаскають въ мѣшкахъ собаченокъ, напустятъ подъ ноги, собаки грызутся, дочерей монхъ за ноги кусаютъ; какой же это литературный вечеръ? Къ тому же сталъ часто получать изъ Петербурга печальныя и безотрадныя письма. Одинъ

пишетъ: «Некрасовъ, говорятъ, боленъ»; другой положительно утверждаетъ: «Некрасовъ очень боленъ»; а третій съ восклицательнымъ знакомъ и сожалѣніемъ извѣщаетъ, что Николай Алексѣевичъ «безнадежно боленъ, отказались врачи!». Я бросилъ все и тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы еще разъ повидаться съ незабвеннымъ Николаемъ Алексѣевичемъ, но, къ несчастію, поѣздка моя была неудачна; Некрасову дѣлали операцію. Такъ послѣ того я и не видался съ моимъ дорогимъ Николаемъ Алексѣевичемъ. Прочиталъ только позорную статью Евгенія Маркова, напечатанную чуть ли не въ то время, когда Некрасовъ томился и умиралъ; такъ этимъ злымъ шипѣніемъ и проводили замѣчательнаго человѣка на тотъ свѣтъ. Кто что ни говори,—Некрасовъ былъ великій поэтъ, его знала, читала и любила вся Россія! За что же было поворить его такъ?

Наконецъ я получилъ вѣсть: Некрасовъ умеръ. Это была страшная для меня вѣсть: долго я болѣлъ душою и сердцемъ объ этомъ незабвенномъ человѣкѣ. Въ то же время я получилъ странное письмо о похоронахъ Некрасова, но это письмо было печально и безотрадно, такъ что заставило меня плакать и озлобиться; знакомый писалъ: «Вѣсть о смерти Николая Алексѣевича прошла у насъ какъ-то холодно и безслѣдно; о похоронахъ говорили, точно о старой комедіи, которую будутъ играть завтра. Правда, при выносѣ было много народа, но, къ сожалѣнію, въ этой громадной толпѣ я мало замѣтилъ лицъ, проникнутыхъ мыслью, что они хоронятъ Некрасова, и печально сознающихъ, что это великій актъ; большею частью были лица приличныя, сдержанныя, точно они пришли лишь посмотреть, что это такое, или послушать, кто на кладбищѣ скажетъ рѣчь. Ты вѣрно знаешь, что теперь у насъ вездѣ рѣчи и рѣчи: говорятъ на обѣдахъ, на встрѣчахъ и проводахъ, говорятъ адвокаты, директора банковъ и даже на похоронахъ, на поминкахъ, въ церквахъ и на кладбищѣ. А самые проводы были точно веселая прогулка съ обычнымъ смѣхомъ и болтовней; ни въ комъ не замѣтно было сердечнаго участія къ покойнику, а о сердечныхъ слезахъ при прощаніи нечего и говорить! Все это тяжело и печально, другъ, но зато по-нашему, по-петербургски. Однимъ утѣшу тебя—въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ почему-то вмѣсто лавры погребенъ Николай Алексѣевичъ, ему дано самое видное мѣсто, въ началѣ кладбища при дорогѣ, значитъ, есть надежда, что Некрасовъ не заростетъ доухомъ и не затеряется, какъ могила Бѣлинскаго и другихъ, но это по моему безнадежная надежда, лучше если бъ враги Некрасова примирились съ покойникомъ и сердечно помянули добромъ. А что всего тяжелѣе, что мы въ послѣднее время такъ измелъчали и опошлелись, что странно писать. Вчера я былъ въ собраніи художниковъ, и, Поже мой, какое конушество и издѣвательство надъ

покойникомъ! Зашла рѣчь: какой поставить памятникъ Некрасову надъ могилой:

— «Ну, это еще будетъ не скоро,—началь одинъ.

— «Почему?»

— «Да потому, что Некрасовъ былъ такой двуличныи и загадочныи человекъ, что скульптору долго нужно будетъ думать и придумать, что поставить надъ нимъ.

— «Вотъ, стоитъ думать надъ Некрасовымъ долго, воздвигнуть ему чугунныи крестъ пудовъ во сто и прижать покрѣпче къ землѣ!

— «Ну, это дружище старо, крестъ уже ставили надъ Гоголемъ съ просвиркой, теперь нужно что нибудь поновѣе и по моднѣе.

— «А по-моему ничего не можетъ быть моднѣе: на верху бюстъ поэта съ козлиной бородкой, а внизу на цоколѣ четыре чугунныхъ вѣнка, положимъ, отъ мужика съ Касьяновной, отъ студентовъ съ нигилистами, отъ барина-либерала съ гражданами, а четвертыи придумайте сами, я не могу. И все въ родѣ этого—печально!».

И впрочемъ не совѣмъ вѣрилъ этому письму; не можетъ быть, думалъ я, чтобы весь Петербургъ былъ холоденъ къ поэту Некрасову! Вѣрно, въ этой просвѣщенной массѣ немало найдется такихъ, кто истинно чтитъ талантъ Некрасова и теперь, послѣ смерти, горячо о немъ заговорить. Настала пора каждому врагу Некрасова серьезно подумать надъ покойникомъ о себѣ и простить все ему. Смерть должна помирить всѣ враждующія партіи съ этимъ великимъ человекъ; но, увы, и это не сбылось. И долго и зорко слѣдилъ въ это время за всѣми газетами, но тамъ о Некрасовѣ, кромѣ небольшихъ некрологовъ да заурядныхъ холодныхъ замѣтокъ, нигдѣ ничего теплаго не нашель. Ужасно умирать великому человекъ на Русѣ!

Такъ прошло много лѣтъ; я успокоился и сердечно былъ радъ, что забыли и оставили наконецъ покойника въ покоѣ. То были тихіе годы, я совѣмъ не слыхалъ брани на Некрасова; къ тому же, въ началѣ 1902 года я получилъ изъ Петербурга самое утѣнительное письмо; одинъ пріятель писалъ: «Радуйтесь! Некрасовъ почтенъ! Некрасову Петербургъ готовитъ юбилей, да не простой юбилей—юбилей многихъ дней! Такъ эти праздники и названы: «Некрасовскіе красныи дни». Радуйтесь, радуйтесь! Вы горячіи поклонникъ Некрасова». И я, конечно, несказанно былъ радъ этой сердечной вѣсти.

Но, Боже мой! вѣрить не хочется теперь, что было тогда; и дѣйствительно не вѣрится, что такой торжественныи праздникъ въ честь знаменитаго покойника кончился такимъ позоромъ того же прославленнаго покойника. Съ сердечнымъ горемъ можно здѣсь сказать: не красны были для Некрасова его красныи дни! Точно

эти правдники были устроены для того, чтобы еще больше озлобить его враговъ. Все, что при жизни несчастнаго Некрасова было только пустою сплетней или молвой, теперь перешло въ печать, точно его враги хотѣли передать потомству злую память о покойникѣ. Появился какой-то Гутьяръ съ обличеніями, которыми рѣшительно топчетъ нашего поэта въ грязь. Точно къ страшному суду здѣсь притянуть покойникъ Некрасовъ, и всѣ его враги призваны, какъ свидѣтели. Огаревъ, Бакунинъ, Боткинъ, Анненковъ, Тургеневъ, Герценъ, всѣ торжественно свидѣтельствуютъ и будто ясно доказываютъ, что Некрасовъ былъ человекъ двуличнѣй, безчестный, скаредъ, торгашъ, шуллеръ, а Герценъ не постыдился напечатать, что Некрасовъ былъ «мошенникъ и воръ». По его словамъ, Некрасовъ въ молодости, бывши опекуномъ какого-то спорнаго имѣнія, силился безчестно и незаконно завладѣть этимъ имѣніемъ, но явились честные люди, что-то доказали, и Некрасову его мошенничество не удалось. Вотъ за это Герценъ и называлъ Некрасова: мошенникъ и воръ. Затѣмъ, напечатано, будто Некрасовъ жаловался Бакунину, что его вонючая лавочка «Современникъ» дѣлается ему гадка, и онъ хочетъ бросить журналъ. Говорится, какъ Некрасовъ обольщаетъ честнаго Анненкова, увѣрилъ, что онъ его уважаетъ, и тутъ же исповѣдывается, что ему страшно не нравится гаерская «свистопляска» въ «Современникѣ», и онъ серьезно думаетъ положить ей конецъ, потому что все это смертельно надоѣло ему; и вдругъ послѣ этого лицемѣръ Некрасовъ не только не отказывается отъ журнала, а еще больше допускаетъ и поощряетъ свистопляску, а чтобы прикрыть себя, будто онъ ни въ чемъ не виноватъ,—притворяется невишнымъ младенцемъ, сваливаетъ все на сотрудниковъ и лжетъ на нихъ; одному пишетъ: Антоновичъ, другому говорить—Григоровичъ, а третьяго увѣряетъ, что Елисѣевъ не согласенъ съ нимъ, и т. д. безъ конца лганье. Напечатано, какъ Некрасовъ силился подкупить Тургенева за 8.000, а Тургеневъ не только отвергаетъ подлую сдѣлку, но окончательно ссорится съ Некрасовымъ, какъ честный и благородный человекъ. Мало того, напечатано еще, что Некрасовъ послѣ такого презрѣнія къ себѣ самъ ѣдетъ къ Тургеневу просить прощенія, пишетъ ему письма о примиреніи и наконецъ умиленно проситъ Анненкова, друга Тургенева, ихъ помирить; ходитъ къ нему часто и постоянно говоритъ много, что эта безобразная ссора мучитъ его совѣсть, оскорбленный Тургеневъ не даетъ ему покоя и даже часто является во снѣ; кончилось это тѣмъ, что посредникъ Анненковъ ничѣмъ не могъ помочь Некрасову; благородный Тургеневъ такъ и не помирился съ подлымъ Некрасовымъ до смерти.

Да, въ этихъ поворныхъ статьяхъ именно сказано все дурное о несчастномъ Некрасовѣ, но, къ сожалѣнію, не сказано только одно, откуда взялись эти враги, каковы они сами и по какому

поводу или причинѣ сдѣлались такими заклятыми и злыми недругами Некрасова. Мнѣ, какъ человѣку, близкому къ поэту, многое извѣстно, и теперь, самъ стоя передъ могилой, во имя правды, я считаю своею обязанностію говорить въ защиту Некрасова.

Первая причина вражды къ нему была, конечно, зависть къ его богатству. Тургеневъ, напримѣръ, не разъ при мнѣ говорилъ Некрасову въ шутку: «Завидую вамъ, Николай Алексѣевичъ, какой вы богачъ; журналъ вашъ идетъ ходко, подписчиковъ бездна,— чтобы вамъ больше давать мнѣ денегъ?» И это говорилось въ то время, когда Тургеневъ получалъ отъ «Современника» больше всѣхъ. А затѣмъ были и другія причины, неизвѣстныя обществу, но хорошо знакомыя мнѣ. Начать хоть съ того, какъ Некрасовъ хотѣлъ безчестно завладѣть чужимъ имѣніемъ. Здѣсь самый здравый смыслъ говорить, что это ложь. Дѣло было такъ. Огаревъ, какъ эмигрантъ, не могъ вернуться въ Россію, а между тѣмъ продолжалъ распорядиться своими имѣніями и приводилъ ихъ въ совершенное разореніе, не давая ничего женѣ, съ которой былъ въ ссорѣ. Несчастная женщина не знала, что дѣлать, но ее научили, что она, какъ законная жена, имѣетъ свои права; она возбудила дѣло, но, не зная, какъ его вести, дала довѣренность Некрасову. Такимъ образомъ, Николай Алексѣевичъ очутился между двухъ огней. За дѣло это онъ взялся энергично, но друзья Огарева, въ томъ числѣ первый и главный изъ нихъ Герденъ, всѣми силами старались ему противодѣйствовать. Некрасовъ, конечно, не уступалъ, вотъ откуда явилась сплетня, будто онъ хотѣлъ завладѣть имѣніемъ, и отсюда обвиненіе въ воровствѣ и мошенничествѣ. Вспоминая свое прошлое, Николай Алексѣевичъ однажды разсказалъ мнѣ объ этой несчастной опекѣ.

— Вотъ, Гаврила Никитичъ, была мука, какъ одна барыня звала на меня обузу имѣніемъ управлять. Я былъ тогда очень молодъ, о сельскомъ хозяйствѣ понятія не имѣлъ, деревню зналъ только по тому, что она крыта навозомъ, а не тесомъ, а жить въ ней, конечно, не мыслимо, потому что тогда Петербургъ мнѣ казался лучше деревни; а тутъ еще читай и знай, какъ тамъ лѣниво и ретиво управленіе идетъ. Дѣлами завѣдывалъ какой-то безграмотный приказчикъ, и, что онъ тамъ творилъ, вѣдалъ одинъ Богъ; бывало, сидишь, бойко строишь стишонки, а тутъ несутъ толстый пакетъ съ размазанной печатью и надписью: «отъ управляющаго по управленію». Развернешь, читаешь, ровно ничего не понимаешь, вмѣсто буквъ какія-то каракули, вмѣсто знакомыхъ словъ—умолоты, сыромолоты, яровые да овимые, а вмѣсто здраваго смысла бессмыслица одна, повертишь въ рукахъ и бросишь это доношеніе въ корянку, а тамъ черезъ день или два опять пишутъ, несутъ и подаютъ; конвертъ изъ бѣлой бумаги, почеркъ прекрасный и печать изящная; вотъ гдѣ, думаю, прочитаю что нибудь хорошее,

открываю, еще хуже; проклятая опека задаетъ вопросъ, почему опекунъ не представилъ въ срокъ какихъ-то счетовъ и отчетовъ. А я по обязанности опекуна зналъ тогда только одно слово «опекунъ»; варварская была жизнь; хорошо еще, что скоро кончилось это грязное дѣло, нанялись пріятель Огарева, имѣніе у меня отняли, меня пугнули да еще обругали мошенникомъ и воромъ, не знаю ужъ—за что.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ, побудившемъ Герцена клеимить Некрасова въ своемъ «Колоколѣ».

— Хотите новость скажу?—спросилъ меня однажды Николай Алексѣевичъ.

— Если хорошую, то говорите?

— Герценъ здѣсь.

— Неужели въ Петербургѣ?

— Въ самомъ центрѣ.

— Смѣлъ человѣкъ! А мнѣ хотѣлось бы его увидеть.

— Прозѣвали: третьяго дня сидѣлъ на томъ стулѣ, гдѣ вы.

— Ахъ, не зналъ—у насъ бы почевалъ! Я думаю съ три короба новостей привезъ?

— Ни короба, ни чемодана съ нимъ не было—просто съ дорожной сумочкой приходилъ. И знаете, съ какимъ предложеніемъ? Какъ вошелъ, объявилъ: «я у васъ пока остановлюсь, Николай Алексѣевичъ».

— Вотъ, я думаю, обрадовались?

— Чуть не ахнулъ отъ удивленія!

— И тутъ же согласились?

— Нѣтъ, сгруппилъ, отклонилъ счастливое посѣщеніе гостя-инкогнито?

— А онъ что?

— Смирненно взялъ сумочку и молча ушелъ.

— Вотъ, я думаю, отзвонить васъ въ «Колоколѣ»—замѣтилъ я.

По поводу вражды къ Некрасову Тургенева скажу слѣдующее. Тургеневъ былъ въ то время уже промотавшійся баринъ. Появляясь нерѣдко изъ своего гнѣзда Парижа въ Петербургъ, онъ занятъ былъ только однимъ, какъ бы набрать больше денегъ, за нимъ онъ чаще всего приходилъ къ Некрасову, какъ сотрудникъ «Современника», и крайне безцеремонно обращался съ своими требованіями, придетъ, возьметъ, положимъ, пять сотъ у Некрасова, да еще отъ имени его явится въ кассу къ Панаеву и тамъ возьметъ столько же. У него была одна любимая поговорка: «запишите въ мой счетъ, Николай Алексѣевичъ», и кончилось это записываніе тѣмъ, что и счетъ ему потерялся, и Некрасовъ никакъ не могъ добиться, кто кому долженъ: «Современникъ» Тургеневу, или Тургеневъ «Современнику»? Это попрошайничество Тургенева до того надоѣло Некрасову, что онъ, всегда сдержанный и молчаливый, разъ даже сказалъ мнѣ:

— Не знаю, что дѣлать съ Тургеневымъ, замотался человекъ весь! Онъ безъ счету тащилъ изъ нашей кассы и до того, что не помнить ничего. Придется, кажется, скоро эту барскую блажь унять, а кассу закрыть. И чортъ знаетъ, куда онъ мотааетъ столько денегъ? Не понимаю. Все, я думаю, ненасытная Віардо его обираетъ! Страсть, сколько денегъ у старой вѣдьмы, а все старается послѣдніе штанишки стащить съ несчастнаго Тургенева. Да, я думаю, вы помните то время, когда Віардо Гарсія пѣла въ Петербургѣ? Сотни тысячъ увезла русскихъ денегъ въ Парижъ! Да тогда простительно было ей насъ обирать, была молода, хороша, и голосъ удивительный былъ. Вся семья Гарсіевъ превосходные пѣвцы: и отецъ Габріэль, и дѣдъ Эммануэль... такъ и звали ихъ «европейскіе соловьи». А теперь за что платитъ Тургеневъ этой стервовѣ?

А Тургеневъ «легокъ на поминѣ».

Мы не успѣли еще кончить разговоръ объ отношеніяхъ Віардо къ Тургеневу, какъ въ кабинетъ воѣгаетъ самъ Иванъ Сергѣевичъ. Всегда веселый и безпечный, какъ парижанинъ, онъ вмѣсто того, чтобъ спросить больного хозяина о здоровьѣ, сразу началъ свое:

— Денегъ, денегъ!.. Николай Алексѣевичъ, давайте больше... до зарѣзу нужны!

— Деньги есть, Иванъ Сергѣевичъ,—началъ Некрасовъ холодно, только не мѣшало бы намъ счетъ вести.

— Ну, счетъ пустое—сведемъ! «Отцовъ и дѣтей» приняло намъ къ новому году.

— Все это прекрасно: я очень радъ и благодарю. Скажите только: куда вы такую бездну денегъ тратите? Давно ли брали, опять пришли.

— Эхъ, милый Николай Алексѣевичъ, это тоже пустой вопросъ: Парижъ не Петербургъ, тамъ люди только деньгами и живутъ, это вы здѣсь сидите на мѣшкахъ, конейка не выпрыгнетъ даромъ, а тамъ...—Тургеневъ махнулъ рукой.

— Положимъ, русскіе мѣшки крѣпки,—замѣтилъ Некрасовъ,—а все-таки и вамъ не мѣшало бы покрѣпче застегивать конелекъ.

— Нѣтъ! я обычая не имѣю застегивать покрѣпче. Да и къ чему? отъ кого?

— А развѣ баба ваша не заглядываетъ въ него?

Тургеневъ покраснѣлъ и покосился на меня.

— Поцадите? О бабѣ моей не мѣшало бы отзываться поделкатѣе: эта особа извѣстна всему свѣту!

Некрасовъ улыбнулся, Тургеневъ вснылилъ:

— Да-съ, именно достойная особа! Она не позволитъ себѣ заглядывать въ мой конелекъ, такъ же, какъ я не позволю себѣ лавить въ ея штатулку.

Некрасовъ внушительно отвѣтилъ:

— Не лавите, а чувствуете, что безъ денегъ жить нельзя. Повторяю: давно ли были, опять пришли.

— Да, да, пришелъ за дѣломъ, а не слушать вашу пустую мораль! Скажите просто: дадите мнѣ денегъ или нѣтъ?

— Теперь нѣтъ. Вотъ на-дняхъ Панаевъ счеты сведетъ, тогда прошу пожаловать.

— Вотъ какъ! Что жъ это значитъ? Вы Тургеневу не вѣрите, такъ послѣ этого я васъ знать не хочу!

Тургеневъ схватилъ шляпу и убѣжалъ.

— Каковъ?—обратился ко мнѣ Некрасовъ.

Но я такъ былъ озадаченъ выходкой Тургенева, что не нашелся, что отвѣчать.

— Все родовое имѣніе спустилъ на эту дрянъ и еще сердится, что ему правду говорятъ. Совсѣмъ одурѣлъ человекъ, не видитъ и не чувствуетъ, какъ она грабитъ его.

— Правда ли это? Молва гласитъ, что эта великодушная барыня содержитъ Тургенева на свой счетъ.

— Именно на свой!—засмѣялся Некрасовъ.

Мы помолчали.

— Однако, пока въ конецъ не разсвирѣпѣлъ человекъ,—безъ денегъ онъ золь,—не мѣшаетъ сказать Панаеву, чтобы онъ на-дняхъ въ самомъ дѣлѣ свелъ счеты Тургенева, и послать этому господину сколько нибудь на пропитаніе; самъ онъ теперь не поѣдетъ ко мнѣ. А романъ «Отцы и дѣти» очень хорошъ: я проглядывалъ его въ рукописи; не мѣшало бы тиснуть въ «Современникѣ».

Но по счетамъ Панаева оказалось, что посылать Тургеневу ничего не приходится: Тургеневъ самъ долженъ «Современнику» около 9.000 р. Вотъ что собственно вынудило Некрасова самого вѣхать къ Тургеневу, предъявить счетъ и просить въ уплату долга прислать къ новому году романъ. Но Тургеневъ, взглянувъ на счетъ, отвѣтилъ категорически.

— Можетъ быть, можетъ быть, что я и больше долженъ вамъ, по вашему счету, но у меня есть своя книжка, гдѣ тоже записанъ мой счетъ. Надѣюсь, что позволите мнѣ пріѣхать на-дняхъ и провѣрить васъ?...

— Можете, сколько угодно,—отвѣтилъ небрежно Некрасовъ.

— А что касается романа «Отцы и дѣти», такъ, извините, я его передалъ въ «Русскій Вѣстникъ» и задатокъ уже получилъ.

— А честное слово—данное мнѣ?

— Ну, въ этомъ рѣшительно вы сами виноваты! Нельзя такъ съ честными людьми поступать, на мѣшкахъ сидѣть и денегъ не давать. Помните, что я—Тургеневъ, а вы поставили меня чортъ знаетъ въ какое положеніе: накануне я пригласилъ кое-кого изъ

друзей обѣдать; утромъ хозяинъ гостиницы чуть не съ полиціей пришелъ денегъ требовать, а въ карманѣ ни гроша. Я ѣхалъ къ вамъ, какъ къ другу: мнѣ нужны были пустяки, рублей сто или двѣсти расплатиться въ тотъ день, и вдругъ вы отказали мнѣ въ бездѣлицѣ. Послѣ этого, разумѣется, между нами все кончено!

— А это?...—Некрасовъ указалъ на счетъ.

— Это можете изорвать! Честное слово Тургенева выше пустого векселя и всѣхъ государственныхъ бумагъ: сказано, заплачу и заплачу! Чего вамъ еще? Кажется, этого довольно?

Но черезъ годъ я узналъ, что Тургеневъ не прѣвжалъ, счетовъ не провѣрялъ и денегъ не заплатилъ.

Вскорѣ послѣ такой рѣзкой ссоры Некрасова съ Тургеневымъ я пришелъ къ Николаю Алексѣевичу и замѣтилъ, что бѣломраморный бюстъ Тургенева исчезъ изъ пріемной залы; мнѣ показалось это страннымъ, и я спросилъ:

— Что это значитъ? Медвѣдь здѣсь, а Тургенева нѣтъ?

— Мишка умнѣе и благороднѣе Тургенева; этого я самъ ухлопалъ на охотѣ, а онъ на меня не сердится— стоитъ и молчитъ; а Тургеневъ строить мнѣ рожи и ругается со мной, за это я велѣлъ выставить его въ секретное мѣсто, пусть торчитъ тамъ!

Эта злая выходка мнѣ не понравилась, но я ничего не возразилъ. Впослѣдствіи я узналъ, что эту злую насмѣшку передали Тургеневу, и это, по-моему, можно считать самой главной причиной ихъ вражды, которую помирила только смерть.

Гавріиль Потанинъ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ СЪ ГРАФОМЪ М. Т. ЛОРИСЬ-МЕЛИКОВЫМЪ.

I.

«Далась же намъ эта диктатура сердца! — благодушно и незлобно говаривалъ Лорисъ-Меликовъ. И неужели Катковъ серьезно думаетъ меня узанить такой лестной кличкой, которой, на самомъ дѣлѣ, я могу лишь гордиться и особенно въ такое жестокое и злобствующее время, какъ наше? Да вѣдь и бы почель для себя самой величайшей почестью и наградой, если бы на могилѣ могильномъ памятникѣ вмѣсто всякихъ эпитафій помѣстили только одну эту кличку». («Воспоминанія» д-ра Н. А. Вѣлголоваго, стр. 188—189).

СОВРЕМЕННАЯ эпоха «взаимнаго довѣрія» неволью напоминаетъ мнѣ время «диктатуры сердца», когда въ восьмидесятыхъ годахъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сталъ графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Въ это время группа людей, недовольныхъ продолжительною приостановкою внутреннихъ реформъ, приняла, съ одной стороны, крайнее и даже террористическое направление, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ и земствѣ возникли вполнѣ мирныя желанія сближенія съ властью для возстановленія правильнаго теченія государственной жизни. Въ «Воспоминаніяхъ» д-ра Вѣлголоваго имѣются краснорѣчивыя страницы о томъ, что Лорисъ-Меликовъ вполнѣ сочувствовалъ мирнымъ и прогрессивнымъ стремленіямъ русской интеллигенціи и, призванный на постъ главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи, видѣлъ въ этомъ на-

значенія не полицейскую диктатуру, а заботы объ «увѣнчаніи зданія» Александра Второго дальнѣйшимъ развитіемъ государственныхъ реформъ, за что его дѣятельность была презрительно ославлена темными публицистами «диктатурой сердца» при жизни и еще болѣе враждебно послѣ смерти.

Мои личныя воспоминанія о Лорисъ-Меликовѣ вполнѣ совпадаютъ съ воспоминаніями о немъ д-ра Бѣлоголоваго. Послѣдняго поражала въ Лорисъ-Меликовѣ съ первыхъ же словъ «искренняя и скорбная рѣчь», «откровенная исповѣдь»... «не царедворца, а обыкновеннаго человѣка, безъ всякой драпировки и фразъ». Тотъ же «экспансивный», «живой и общительный нравъ» покорилъ и меня при первой встрѣчѣ въ 1880 году съ «диктаторомъ сердца». Но въ моемъ тогдашнемъ положеніи это было болѣе знаменательно для характеристики Лорисъ-Меликова, чѣмъ въ его отношеніяхъ къ знаменитому лѣжившему его врачу. Тѣмъ не менѣе въ бесѣдѣ со мною онъ умѣлъ сразу заставить меня забыть всю разницу нашихъ положеній. Наканунѣ отъѣзда за границу, въ началѣ 1880 года я зашелъ проститься съ Ник. Иван. Шульгинымъ, въ то время редакторомъ «Живописнаго Обзоренія», гдѣ иногда я сотрудничалъ. Сожалѣя о невозможности для меня оставаться въ Россіи, я говорилъ ему о страшномъ одиночествѣ русскаго человѣка за границей, можетъ быть, болѣе тяжеломъ, чѣмъ все до сихъ поръ мною пережитое.

— Попробуйте легализироваться черезъ Лорисъ-Меликова,— произнесъ онъ.

— То-есть, какъ же это?

— Надо подумать... Это не возможно... Графъ,—продолжалъ онъ,—весьма доступный человѣкъ. Попробуйте капитулировать на выгодныхъ для своей чести условіяхъ.

Мы оба смѣялись надъ этимъ капитулированіемъ съ сохраненіемъ чести, но пришелъ А. К. Шеллеръ (по литературѣ Михайловъ) и ничего смѣшного не нашелъ въ этомъ планѣ. Я обещалъ имъ не уѣзжать изъ Петербурга еще нѣкоторое время. Я радъ былъ придратъ къ каждому случаю, чтобы пробыть въ Россіи лишній часъ, и предпочелъ бы самую ничтожнѣйшую роль въ ея судьбахъ, чѣмъ отряхнуть прахъ отъ своихъ ногъ, утонувшихъ въ волнахъ европейской эмиграціи. Однако, лично я настолько не вѣрилъ въ возможность легализироваться, что ничего самъ не сдѣлалъ для этой цѣли. Тѣмъ болѣе, конечно, я теперь благодаренъ всѣмъ лицамъ, которыя усовѣщевали меня явиться къ Лорисъ-Меликову и устроили такъ, что послѣдній далъ слово вынудить меня изъ своей квартиры на Фонтанкѣ свободнымъ, если окажется невозможнымъ меня легализировать.

Н. Н. Шульгинъ и А. К. Шеллеръ оба знали меня еще гимназистомъ, и вся дальнѣйшая моя жизнь прошла на ихъ глазахъ.

За послѣднее время, передъ тѣмъ, какъ мнѣ легализироваться, я не скрывалъ отъ нихъ моего разочарованія въ конспиративныя качества русской молодежи и усилившуюся во мнѣ увѣренность въ нетронутость «по Домострою» вѣрованій русскаго народа. Продолжительное скитаніе въ народѣ и ужасающая судьба дорогихъ мнѣ лицъ привели меня къ заключенію о невозможности быстрою измѣненія судебъ русскаго народа насильственнымъ путемъ.

Не удивительно поэтому, что я очень обрадовался, когда Шеллеръ и Шульгинъ дали мнѣ по рекомендательному письму къ бывшему начальнику русскихъ добровольцевъ въ Сербіи, полковнику А. П. Меженникову, съ просьбой устроить мнѣ черезъ знакомыхъ ему лицъ свиданіе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Этому свиданію помогли также А. Н. Молчановъ, корреспондентъ «Новаго Времени», знавшій лично Лорисъ-Мелікова, и А. А. Скальковскій, правитель канцеляріи Лорисъ-Мелікова.

Осенью 1880 года, по докладу министру обо мнѣ г. Скальковскимъ, я тотчасъ же былъ принятъ графомъ. Въ газетахъ «Молва» (№ 293, окт. 23, 1880 г.) и «Новое Время» (№ 1674) была напечатана довольно вѣрно рисующая мою бесѣду съ графомъ замѣтка, изъ которой я приведу нѣсколько строкъ:

«Въ 1878 г. окончился процессъ, извѣстный подъ именемъ «процесса 193-хъ». Нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ ихъ долгое предварительно до суда, одиночное заключеніе въ тюрьмѣ было вмѣнено въ наказаніе, такъ какъ это заключеніе для однихъ длилось пять, для другихъ—четыре года, прежде чѣмъ судъ убѣдился, кто изъ нихъ въ чемъ повиненъ. Этихъ «вмѣненныхъ» выпустили на свободу, обязавъ подпиской явиться къ градоначальнику по первому требованію. Многимъ не пришлось, однако, воспользоваться и этою условною свободою: ихъ начали увозить въ ссылку, помимо суда, административнымъ распоряженіемъ. Тогда нѣкоторые изъ оправданныхъ и «вмѣненныхъ» по суду скрылись, даже не зная того, какова окончательная форма приговора, такъ какъ ихъ стали высылать ранѣе конфирмаціи государемъ императоромъ судебного приговора. Но жизнь нелегальнаго человѣка еще ужаснѣе тюрьмы и ссылки».

Къ этимъ строкамъ, я долженъ прибавить, что въ легальномъ положеніи мнѣ казалось гораздо удобнѣе работать въ русской литературѣ, къ которой я тяготѣлъ издавна, и потому особенно сталъ тяготѣться жизнью «въ пространствѣ».

И заявилъ Лорисъ-Мелікову, что пришелъ къ нему не каяться въ своихъ убѣжденіяхъ, а просить права жить въ Петербургѣ, такъ какъ по суду я признанъ свободнымъ отъ дальнѣйшихъ административныхъ каръ, вынудившихъ меня «скрыться»...

— Но,—заклучилъ я,—свободы съ безчестіемъ мнѣ не надо, и, я надѣюсь, меня не спросятъ, у кого я скрывался, кто помогалъ

миѣ и т. д. Быть ошельмованнымъ предательствомъ гораздо хуже Восточной Сибири.

Если я обѣщался выпустить васъ отъ себя свободнымъ,— сказалъ онъ миѣ послѣ моихъ объясненій,—то само собой не для того, чтобы вы потеряли свое честное имя. Я не требую ни отъ кого недостойныхъ человѣка признаній. Если ваши руки не запачканы кровью,—я буду хлопотать у государя о прекращеніи розыска вашей личности, а также и о прекращеніи слѣдствія о вашей нелегальной жизни. Но знайте, что всякая маска рано или поздно бываетъ обнаружена. Я не въ силахъ буду защищать васъ, если вы замѣшаны въ послѣднихъ покушеніяхъ.

— Въ моемъ положеніи маски бесполезны.

— Разумѣется. Я вамъ вѣрю,—произнесъ онъ и прибавилъ: — вы отказались на судѣ защищаться отъ вводимыхъ на васъ обвиненій потому, что засѣданіе суда было безъ публики и безъ стенографовъ отъ редакцій газетъ?

— Да... мы хотѣли придать нашему дѣлу самую широкую гласность. Въ обвинительномъ актѣ было сказано, что лѣность и невѣжество мы возводили въ идеаль, а житіе на чужой счетъ въ научныя теоріи и т. д. Прокуратура дѣлала такія обобщенія на основаніи собственноручныхъ показаній нѣкоторыхъ лицъ, замѣшанныхъ въ наше дѣло. Эти лица изъ боязни попасть въ подсудимые старались очернить многихъ изъ насъ и вырыть между собою и нами пропасть... Денежныя отъ нихъ пособія для самаго дѣла они объясняли тѣмъ, что мы брали отъ нихъ деньги исключительно для себя лично въ долгъ, котораго никогда не платили; увлеченія женщинъ нашими идеями объясняли нашей безнравственностью и т. д... Были случаи и изумительно-непріятнаго къ намъ доброжелательства. Желая выгородить кого либо изъ насъ, свидѣтель показывалъ, что арестованный неразвитой человѣкъ или желалъ ловить рыбу въ мутной водѣ и, если онъ увлекъ за собою такихъ-то дѣвушекъ, то потому, что онѣ богаты и пріятной наружности. Прокуратура пользовалась такими показаніями, но едва ли это согласуется съ нашимъ стремленіемъ стать, съ книгами въ рукахъ, въ положеніе чернорабочаго и слиться съ нимъ. Намъ хотѣлось все это выяснить на судѣ возможно откровеннѣе и громче.

— Послѣ пяти и шести лѣтъ одиночнаго заключенія до суда вы рѣшились отказаться отъ него демонстративно и не боялись, что васъ могли отдать полевому суду и разстрѣлять?—вновь спросилъ графъ.

— Это легко могло случиться, но въ то время во имя цивилизаціи, брали Плевну и Карсъ, и съ нами обошлись милостиво. Мотивы нашего поведенія на судѣ чисто моральнаго, а не политическаго свойства.

— Да, это такъ! это такъ!—убѣжденно повторилъ Лорисъ-Меликовъ, видимо довольный своимъ объясненіемъ ¹⁾. — Это все, за что вы всѣ судились,—спросилъ онъ:—книги, хожденіе въ народъ, разговоры о политической экономіи и правительствѣ?

— Да, это все... Я даже передъ прокуратурой не считалъ нужнымъ отвергать того, что желаю лучшихъ судебъ для своей родины и понимаю, что вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ—какими средствами я намѣренъ этого достигнуть; не считаю также преступнымъ и идти въ народъ для умственного его развитія.

Здѣсь Лорисъ-Меликовъ остановилъ меня.

— Существовать мнѣнію,—сказалъ онъ,—что управлять невѣжественной массою легче, чѣмъ развитой. Вы были много объ этомъ мнѣніи и съ избыткомъ понесли наказаніе за мечтательную юность, и пора надъ всѣми подобными дѣлами поставить крестъ. На этихъ дняхъ и ѣду въ Ливадію, и оттуда будетъ сдѣлано распоряженіе о назначеніи вамъ мѣста ссылки въ Петербургъ и о прекращеніи дѣла о васъ. Я былъ бы радъ, если бы вы помнили, что въ русскомъ правительствѣ есть всегда люди, готовые оказать своимъ ближнимъ участіе и помощь. Оговорить 36 губерній въ революціонномъ замыслѣ и кричать объ опасности отечеству безчисленными арестами молодежи гораздо легче, чѣмъ подумать объ ея судьбѣ. Я всегда радовался, когда находилъ случай обойтись безъ ареста молодого человѣка и убѣдить директоровъ гимназій принять обратно исключеннаго гимназиста за чтеніе какой нибудь революціонной книжечки. Вы, конечно, это знаете... Я думалъ, что дѣлаю такъ лучше, чѣмъ испортить молодому человѣку карьеру на всю жизнь и вырвать у него навсегда какое нибудь опредѣленное положеніе въ обществѣ. Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ лишить человѣка права учиться и трудиться, запрещая въ то же время праздность и замыслы. Я спокойно смотрѣлъ бы,—продолжалъ онъ,—на будущее Россіи, если бы видѣлъ въ нашихъ школахъ облегченіе для дѣтей полученія аттестата зрѣлости; если бы для всѣхъ желающихъ получить въ столицѣ высшее образованіе могъ раздвинуть стѣны училищъ и университетовъ; если бы можно было устранить безсемейное скитальничество русского юношества обою

¹⁾ Мнѣ особенно пріятно вспомнить согласіе Лорисъ-Меликова съ моимъ объясненіемъ поведенія подсудимыхъ на процессѣ 193-хъ. въ виду полного непониманія этого поведенія многими лицами, писавшими о немъ даже въ «Русской Старинѣ». Такъ въ январской книжкѣ названнаго журнала нѣкто М. Одеронъ, бывший жандармскій полковникъ, управлявшій одно время Домомъ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, правда, человѣкъ весьма вдумчивый и добрый, характеризуетъ происшествіе на судѣ, какъ «скандалъ», замѣчая: «Судебное разбирательство дѣла «193» ознаменовалось весьма прискорбнымъ поведеніемъ заключенныхъ, дозволившихъ себѣ кричать, стучать и ругаться». Конечно, такое представленіе о поведеніи подсудимыхъ несколько не разъясняетъ истинныхъ его мотивовъ и цѣлей.

пола, пріѣхавшаго сюда учиться, и наполнить ихъ карманы рублями для безбѣднаго прохожденія курса образованія.

Графъ остановился, и я, воспользовавшись этимъ моментомъ, обратилъ его вниманіе на то, что революціонная молодежь никогда не говорила въ своихъ прокламаціяхъ и программахъ о трудности классическаго образованія, о собственной бѣдности и нуждахъ.

— Мы, семидесятники ¹⁾, говорили о малоземельѣ и гражданскомъ безправіи крестьянства. Мы «опрощались» во имя исключительно этой программы...

Лорисъ-Меликовъ отвѣтилъ не сразу, и отвѣтъ его поразилъ меня своей искренностью и готовностью сознаться въ односторонности своего сужденія.

— Участнику виднѣе дѣло, чѣмъ со стороны,—сказалъ онъ просто.—Дѣйствительно, кажется, интересы крестьянства исключительно волновали молодежь и ту, которая отлично училась и была богата, и ту, которая лишена образованія и средствъ. Беззребренниками были вы всѣ, и не жаль ли вамъ такой массы загубленныхъ и прекрасныхъ людей?..

— Я былъ самъ участникомъ въ этомъ дѣлѣ, и мнѣ трудно отвѣчать на послѣдній вопросъ, но взглядъ на происхожденіе русскаго заговора на почвѣ крестьянскихъ интересовъ установлень, между прочимъ, и во многихъ докладныхъ запискахъ вашего сіятельства государю.

— Откуда вы знаете?—живо спросилъ онъ.

— Я давно познакомился съ вашимъ взглядомъ на происхожденіе недовольныхъ элементовъ въ обществѣ отъ того, что между правительствомъ и народомъ мѣсто упраздненнаго дворянства остается до сихъ поръ вакантнымъ. Земство и интеллигенція ждуть заполнить его и вытаскать нужды страны изъ канцелярій на свѣтъ Божій къ стопамъ правительства.

— Это почва,—произнесъ Лорисъ-Меликовъ,—на которой правительство и думаетъ идти въ будущемъ, и вы должны сказать своимъ товарищамъ, что слышали это изъ собственныхъ моихъ устъ. На вашемъ собственномъ примѣрѣ,—воодушевляясь продолжалъ онъ,—начнется ослабленіе административной ссылки. По суду было постановлено признать васъ виновнымъ и подлежащимъ ссылкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ ходатайствовалъ о вмѣненіи продолжительнаго одиночнаго заключенія до суда въ наказаніе вамъ и выпустилъ васъ на свободу, какъ бы отбывшимъ свое наказаніе, подъ условіемъ привести приговоръ въ исполненіе при повтореніи того же преступленія?

— Да, совершенно вѣрно...

¹⁾ См. мою книгу: «Семидесятники».

— Но,—продолжалъ графъ, — администрація считала всѣхъ «вмѣненныхъ» неблагонадежными, и вы предупредили административную ссылку тѣмъ, что скрылись?

— Именно. Масса нелегальныхъ возникла именно такимъ путемъ, и послѣдніе сдѣлались рецидивистами...

— Съ обѣихъ сторонъ были ошибки,—грустно отвѣчалъ графъ.— Власть не знала, какъ бороться съ злоумышленниками, и противъ идей выдвинула административныя мѣры. А недовольные люди, въ свою очередь, дѣйствовали имъ въ руку, устраняясь отъ открытыхъ государствомъ путей и компрометируя себя на первыхъ же порахъ своей сознательной жизни политическими преступленіями. Интересы крестьянства преобладали въ ихъ стремленіяхъ, но что можно сдѣлать для нихъ вдругъ и сразу? Вѣдь и крестьянская реформа 1861 года требовала продолжительныхъ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ комиссій; а осуществленіе все-таки зависѣло отъ правительства и осуществлено имъ. А вы стремились улучшить бытъ народа его собственными силами и, главное, въ самомъ непродолжительномъ времени. Повѣрьте мнѣ, всякій народъ стоитъ своего правительства.

— Тамъ, гдѣ онъ вотируется и не лишень политической жизни,—вырвалось у меня.—У насъ его надо прежде создать... этотъ народъ. Дореформенный Пшла и Сысойка и современный пакостникъ изъ крестьянства едва ли можетъ быть названъ «народомъ». Масса, лишняя общественныхъ функцій и вліянія на улучшеніе собственнаго быта, не представляется мнѣ историческимъ народомъ.

— Я не понимаю васъ,—замѣтилъ графъ:—то чрезмѣрное поклоненіе народу и его волѣ, то такой безнадежный на него взглядъ. Если держаться послѣдняго, то остается одна борьба съ правительствомъ. Но каждый народъ стоитъ своего правительства. Начинайте дѣло не съ конца, а съ начала.

— Но,—возражалъ я,—кромѣ борьбы съ правительствомъ, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ существовать и увѣренность въ него, и въ законодательный прогрессъ, способный создать «народъ» для умственнаго просвѣщенія, когда можно и должно начинать дѣло съ начала. Въ живучесть народа нельзя не вѣрить, если прорубить къ нему «окно»...

— А теперь, вы думаете, ставни заколочены?

— Напротивъ, пріотворены! Стало возможнымъ довѣріе къ прогрессивнымъ силамъ правительства. Какъ только онѣ оказались у насъ, я тотчасъ испыталъ на самомъ себѣ справедливость моего взгляда, явившись къ вашему сіятельству. Если бъ я иначе думалъ о просвѣщенныхъ дѣятеляхъ правительства, то меня бы не было здѣсь! Это и доказываетъ искренность моего взгляда.

— Охотно вѣрю, что этотъ взглядъ могъ привести васъ ко мнѣ. Охотно вѣрю, но и въ самыхъ лучшихъ своихъ начина-

нѣяхъ правительству трудно обойтись безъ общественной поддержки.

Миссія государства еще не закончилась въ созиданіи такого союза, — скромно отвѣтилъ я. — Государственная работа впереди, и только тогда мыслимо будетъ идти въ народъ и сливаться съ нимъ. Необходимо расчистить къ нему доступъ и создать условія для внутренней работы.

На эту тему разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ.

Возбужденный продолжительнымъ разговоромъ о дорогихъ для меня вопросахъ, я совершенно забылъ самого себя, и графъ, улыбаясь, остановилъ меня:

— Думайте себѣ, что хотите... Вы уже пережили періодъ, когда молодой человекъ выдаетъ свои убѣжденія за сочувствіе къ нимъ цѣлой страны и на основаніи этого составляетъ разговоры. Я даю вамъ слово, что васъ не постигнутъ болѣе кары за ваши убѣжденія. За это васъ и не накажутъ... Вы получите полную свободу. Я ѣду въ Ливадію, и, если васъ арестуютъ до моего возвращенія, требуйте, чтобы объ этомъ тотчасъ же доложили мнѣ. Если же останетесь цѣлы до моего возвращенія, то приходите вновь ко мнѣ.

Я ушелъ отъ графа нелегальнымъ такъ же свободно, какъ и пришелъ къ нему.

Въ Ливадіи состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи мнѣ мѣста жительства въ Петербургѣ и о прекращеніи обо мнѣ розыска и судебного дѣла...

II.

Я видѣлъ Лорисъ-Меликова еще разъ. Я только еще легализировался, только что сталъ работать въ легальной прессѣ («Молва», «Живонисное Обзорѣніе») и завязалъ нѣкоторыя знакомства въ петербургскомъ обществѣ, какъ вдругъ у меня на квартирѣ сдѣланъ былъ ночью тщательный обыскъ, и самъ я былъ арестованъ сыщиками на улицѣ, возвращаясь съ вечера изъ гостей. Мнѣ было объявлено, что меня обвиняютъ въ знаніи и участіи въ катастрофѣ 1-го марта. На допросѣ, однако, мнѣ стало ясно, что меня допрашиваютъ съ пустыми руками, и, отправленный въ тюрьму, я имѣлъ достаточно времени обдумать свое положеніе.

— Самое лучшее ничего не дѣлать и быть увѣреннымъ, что недоразумѣніе разъяснится, и я буду выпущенъ... А если?— перебивалъ я самого себя... Если за неимѣніемъ противъ меня уликъ имѣются готовые печатные бланки, и въ одинъ изъ нихъ внесутъ мою фамилію и отправятъ въ Забайкальскую область?

Много передумалось мною за эти дни. Я просто не зналъ, что говорить на допросѣ въ свое оправданіе, когда противъ васъ нѣтъ уликъ, но и молчать было не менѣе опасно.

Я рѣшился, однако, написать о томъ, что обвиненіе противъ меня построено очевидно на доносѣ о моемъ разговорѣ въ одномъ обществѣ о происхожденіи русскаго террора и ничтожности осуществленныхъ Лорисъ-Меликовымъ мѣръ къ ослабленію подобнаго положенія вещей. Я писалъ, что такое предсказаніе о могущихъ быть событіяхъ—чисто теоретическое предсказаніе въ родѣ того, какое можно сдѣлать въ любую минуту, напримѣръ, о грабежѣ въ Петербургѣ или Москвѣ богатыхъ лицъ бѣдными. Несомнѣнно, что это предсказаніе оправдается, и мы прочтемъ объ этомъ въ газетахъ въ «дневникѣ происшествій». Но значить ли это, что я самолично подготавливалъ этотъ грабежъ? Я знаю, что бунтъ крестьянъ села Люторичъ-Бобринскаго вызванъ штрафами, налагаемыми на крестьянъ управляющимъ Финнеромъ, и предсказываю, что въ барскихъ усадьбахъ, гдѣ дана воля г.г. Финерамъ, крестьяне будутъ доведены до возстанія. Но, разумѣется, это не значить, что я самъ подготавливаю его. Я не сомнѣваюсь, что при господствѣ суроваго режима террористическая партія возрастаетъ, а при дѣйствіи къ общественнымъ силамъ она утрачиваетъ *raison d'être* своего существованія... Это все политическая азбука для каждаго развитаго человѣка.

Давая такое показаніе, я писалъ, что этотъ разговоръ въ большомъ обществѣ происходилъ за два дня до катастрофы 1-го марта, и не мудрено, что кто нибудь изъ слушавшихъ меня передалъ въ извращенномъ видѣ мои чисто литературные и теоретическіе взгляды на политическія событія. Я развилъ болѣе подробно мои взгляды и просилъ сообщить ихъ тотчасъ же министру внутреннихъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней я былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и считалъ нужнымъ пойти къ Лорисъ-Меликову и поблагодарить его. Тотъ же А. А. Скальковскій доложилъ обо мнѣ графу, и послѣдній встрѣтилъ меня словами:

— Очень я былъ встревоженъ и огорченъ вашимъ арестомъ, но обрадованъ вашимъ поведеніемъ на допросѣ. Ничего лучшаго вы не могли сдѣлать для вашего оправданія.

— Я рисковалъ заслужить неодобреніе вашего сіятельства умаленіемъ вашихъ заслугъ вслѣдствіе замедленія реформъ...

— Вы были правы, — произнесъ онъ. — Сдѣлано очень мало для успокоенія умовъ. Все впереди. Вотъ только бы катастрофа 1-го марта не погубила всѣхъ добрыхъ начинаній.

Онъ на минуту задумался и медленно произнесъ, мѣняя разговоръ:

— Очень радъ, если васъ теперь оставляютъ въ покоѣ. Можетъ быть, вы убѣдитесь со временемъ, что было весьма пагубнымъ среди вашихъ единомышленниковъ мнѣніе о томъ, что наше правительство непремѣнно какое-то особое государство въ государствѣ, иностранецъ въ своемъ отечествѣ, интересы котораго

обязательно противоположны интересамъ страны, и въ рядахъ котораго нѣтъ мѣста для благомыслящихъ людей. Это безвѣріе въ свое собственное правительство, выходящее изъ тѣхъ же рядовъ интеллигенціи, является главнымъ источникомъ революціонныхъ движеній. Къ нему присоединяется другое разсужденіе о томъ, что правительство давало реформы только тогда, когда было устращено протестами; что въ 1861 году освобожденіе сверху предпочитали освобожденію снизу; что въ настоящее время «пропаганда дѣломъ» устращила правительство, и оно опять схватилось за реформы и т. д. Упускаютъ изъ виду, что это же правительство, удаливъ Д. А. Толстого и Жихарева, можетъ опять ихъ пригласить еще съ большими правами, чѣмъ мои теперешнія. Съ этими представленіями о правительствѣ растутъ другія о томъ, что гибель молодежи неизбежна; что это полезно для прогресса; что молодежь—совершенство, а всѣ другіе—дрянь; что общество и народъ прогрессивнѣе, чѣмъ правительственныя сферы, и потому обязательно дѣлать правительству одиѣ неприятности, вмѣсто того, чтобы вырости и овладѣть вліяніемъ въ обществѣ и правительствѣ. Но для того нужны таланты, знаніе, трудолюбіе, гуманность, снисходительность къ несовершенствамъ среды и политической тактѣ. Гораздо легче требовать всѣхъ этихъ достоинствъ отъ другихъ, чѣмъ самимъ проявить ихъ на общественномъ поприщѣ. Вотъ чего не можетъ до сихъ поръ усвоить себѣ русская молодежь въ лучшей своей части.

Мнѣ хотѣлось возразить графу, но онъ меня перебилъ.

— Я воспитался въ военной школѣ и привыкъ думать, что если меня бьютъ палкой, то надо вырвать эту палку изъ рукъ; если непріятель занялъ выгодную позицію, то надо выбить его именно изъ этой позиціи; между тѣмъ русская молодежь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ игнорируетъ практическую, относительную точку зрѣнія и расходуетъ свои силы на абсолютныя утопіи и гибнетъ безъ всякой пользы для практическаго дѣла. Точно врагъ какой вселился въ ихъ умы и работаетъ на руку противникамъ, выметая вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ всѣ лучшія силы изъ русской общественной жизни въ тюрьмы и Сибирь. А между тѣмъ и врага-то у нея нѣтъ такого, какого она сама себѣ рисуетъ... Это вѣдь тотчасъ же обнаруживается, какъ только эта молодежь становится самостоятельной и примыкаетъ къ общественному дѣлу. Она тотчасъ разстается съ своими принципами и потому не имѣетъ права рисовать своихъ противниковъ сгущенными красками.

Лорисъ-Меликовъ нѣсколько разгорячился и развилъ еще нѣсколько подробнѣе слабыя стороны интеллигентныхъ теченій въ русскомъ обществѣ и, помню хорошо, закончилъ такъ:

— Я смотрю на дѣло практически, не ссылаясь на науку и Европу. Для моего непосредственнаго ума ясно, что при Николаѣ Павловичѣ общество состояло изъ Фамусовыхъ, а не изъ декабристовъ; что и въ 1861 году реформы застали насъ беззаконниками, и ихъ легко было отнять, и что въ настоящее время, каково бы ни было правительство, но приходится дѣлать русскую исторію съ этимъ правительствомъ, а не выписывать его изъ Англій.

Лорисъ-Меликовъ поднялся съ кресла, и я понялъ, что наша бесѣда кончилась.

Я поклонился ему, но онъ протянулъ мнѣ черезъ столъ руку и сказалъ:

— Большого труда стоитъ молодому человѣку вынести русскій нигилизмъ и сохранить себя для общества. Желаю вамъ... Съ Богомъ!

Болѣе я уже не видѣлъ Лорисъ-Меликова, но вспоминаю о немъ съ признательностью и сожалѣю, что память мнѣ измѣняетъ въ тѣхъ мѣстахъ, когда особенно хотѣлось бы вспомнить точнѣе мое характерное знакомство съ «диктатурой сердца». За давностью времени, я также не могу поручиться за то, что я безусловно вѣрно отнесъ нѣкоторыя мысли къ первой моей встрѣчѣ съ Лорисъ-Меликовымъ, а другія—ко второй... Но, полагаю, дѣло не въ этомъ. Въ общемъ мнѣ хотѣлось воспроизвести нравственный образъ Лорисъ-Меликова изъ тѣхъ встрѣчъ со мной, о которыхъ онъ самъ впоследствии, за границей, въ разговорѣ съ А. И. Молчановымъ, упоминалъ не безъ удовольствія...

А. Фаресовъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Изъ недавняго прошлаго).

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Грибоѣдовъ.

I.

СМЕРТЬ графа П. А. Капниста, одного изъ популярнѣйшихъ попечителей Московскаго учебнаго округа, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ съ честью занимавшаго высокій постъ, воскресила въ моей памяти нѣсколько интересныхъ страницъ изъ недавняго прошлаго, котораго я былъ свидѣтелемъ и отчасти даже участникомъ.

Я поступилъ въ Московскій университетъ въ 1885 году, когда только что былъ введенъ въ дѣйствіе новый университетскій уставъ, перевернувшій вверхъ дномъ весь прежній укладъ студенческой жизни, разрулившій до основанія ея лучшія традиціи и вдохнувшій въ нее холодный, мертвящій формализмъ. Помню, этотъ новый уставъ, какъ нѣкій жуцель, пугаль наше гимназическое воображеніе еще задолго до своего обнародованія. Намъ, восьмиклассникамъ, рисовались самыя мрачныя перспективы, а гимназическое «начальство» схибно поддразнивало насъ:

— Вотъ подождите, господа, поступите въ университетъ—тамъ васъ маршировкѣ будутъ учить да въ карцеръ сажать на хлѣбъ и на воду!—пресерьезно увѣрилъ насъ своимъ гнусавымъ теноркомъ надзиратель Дмитрій Дмитріевичъ, въ общемъ, добродушнѣйшее и безобиднѣйшее существо въ мірѣ.

— Что вы, Митя, Митчъ,—возражали ему,—развѣ возможно, чтобы студента въ карцеръ? Это вѣдь не гимназисты!

— Еще похуже гимназиста будеть!—отвѣчать «Митъ Митчъ», по привычкѣ, зажмуривая оба глаза, какъ котъ, у котораго пощекотали за ухомъ.

Время летѣло. Наступилъ весна. Незадолго до выпускнаго экзамена въ гимназію пріѣхалъ графъ Капнистъ. Прослушавъ въ 8-мъ классѣ урокъ исторіи, онъ на прощаніе обратился къ намъ со слѣдующими словами:

— До скорого свиданья, господа! Надѣюсь, увижу васъ въ стѣнахъ университета. Не забудьте, что первые шаги ваши тамъ будутъ при совершенно новомъ режимѣ, несколько не похожемъ на теперешній. Вы будете первыми пионерами новаго университетскаго устава, вы воспользуетесь всѣми его хорошими сторонами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должны будете вынести на своихъ плечахъ и всѣ возможные его недостатки, которые почти неизбѣжны во всякомъ новомъ дѣлѣ.

Графъ Капнистъ нечаянно обмолвился каламбуромъ, но мы вспомнили его, когда дѣйствительно всевозможные (а не только всѣ возможные!) недостатки новаго университетскаго режима намъ вскорѣ пришлось испытать на своей шкурѣ. Убѣдились мы также, что и надзиратель Митъ Митчъ оказался недурнымъ пророкомъ: если до маршрутки дѣло еще не доходило, то сажанье студентовъ въ карцеръ было явленіемъ столь обычнымъ, столь правильно и систематически организованнымъ, что представлялось даже кикимъ-то неотъемлемымъ атрибутомъ высшей науки.

Изъ то время инспекторомъ студентовъ былъ «знаменитѣйшій» А. А. Брызгаловъ, стяжавшій себѣ во второй половинѣ 80-хъ годовъ такую громкую славу, что выраженіе «Брызгаловская эпоха» для московскаго студента-восьмидесятника звучитъ теперь не мнѣе опредѣленно, чѣмъ какая нибудь «Аракчеевщина» или «Бирюновщина». Брызгаловъ ввелъ въ стѣнахъ университета цѣлую систему шпіонства и доносовъ, въ которыхъ изощрились, главнымъ образомъ, низшіе служители инспекціи, такъ называемые педелн. Малѣйшее нарушеніе дисциплины со стороны студента уже влекло за собою педельское «слово и дѣло» и неизбѣжное наказаніе провинившагося карцеромъ. Никогда не забуду, какъ, будучи уже на второмъ курсѣ, я по разсѣянности вышелъ на улицу въ бѣлой фуражкѣ, забывъ, что уже было 1-е сентября. Погода стояла жаркая, лѣтнее солнце такъ и жгло, но... это не давало мнѣ права забывать маленькое примѣчаніе въ университетскихъ правилахъ, въ которомъ послѣднимъ срокомъ ношенія бѣлыхъ фуражекъ объявлялось 31-е августа. Я шелъ, весело напѣвая что-то вполголоса, и мнѣ даже въ голову не приходило, что я совершилъ нѣчто преступное, какъ вдругъ—о ужасъ!—встрѣчаю педеля Е—ва, чуть ли не одного изъ самыхъ рьяныхъ Брызгаловскихъ клеветниковъ. Мы, молча, раскланиваемся, но по лицу Е—ва я замѣчаю что-то

неадапное. Онъ какъ-то подозрительно окинулъ меня своимъ быстрымъ, бѣгающимъ взглядомъ, на жирныхъ и красныхъ губахъ его промелькнула ехидно-сладенькая улыбка, и, когда я инстинктивно обернулся назадъ, чтобъ посмотреть ему вслѣдъ, я увидѣлъ, какъ онъ досталъ записную книжку и на ходу что-то записалъ въ нее. «Ну, конечно!—подумалъ я. —Навѣрное въ чемъ нибудь попался!» И дѣйствительно въ тотъ же день я былъ позванъ къ субъ-инспектору Д., чрезвычайно добродушному весельчаку, который готовъ былъ смѣяться почти безъ всякаго повода. Стоило въ его присутствіи кому нибудь сострить даже совѣмъ неудачно, какъ Д. уже заливался неудержимымъ смѣхомъ. А удачно сказанная острота заставляла его хохотать до колѣкъ въ животъ. Помните, однажды, кто-то изъ студентовъ раздавалъ въ аудиторіи только что изданныя лекціи. Проходя мимо открытыхъ дверей и увидавъ собравшуюся толпу, Д. встревожился: «не сходка ли?»

— Господа! Что такое? Въ чемъ дѣло?—спрашивалъ онъ, вбѣгая въ аудиторію.

— Ничего особеннаго!—отвѣчалъ студентъ, собравшій толпу.— Видите, раздаю лекціи...

Д. сдѣлалъ плаксиво-умоляющее лицо.

— Ахъ, господа!—взмолился онъ.—Нельзя же здѣсь раздавать лекціи: Алексѣй Александровичъ строго-настрого запретилъ... Пожалуйста, разойдитесь!

Но студенты не расхотѣлись. Нѣкоторые даже вступили съ субъ-инспекторомъ въ споръ, находя запрещеніе раздавать лекціи ни на чемъ не основаннымъ. Бѣдный Д. чуть не плакалъ. Въ это время изъ кучки студентовъ отдѣлился маленькій, бѣлобрысый человѣчекъ, нѣкто Пучковъ, большой острякъ и каламбуристъ.

— Послушайте, Николай Николаевичъ,—съ серьезной миной обратился онъ къ Д.—Стоитъ ли спорить о «предлогахъ»: если лекціи можно издавать, то отчего же нельзя ихъ раздавать?

Д. не выдержалъ и захохоталъ, да такъ ужъ и не могъ вымолвить ни одного слова: схватившись обѣими руками за животъ, онъ, какъ бомба, выскочилъ изъ аудиторіи.

Вотъ къ этому-то смѣшливому субъ-инспектору я и былъ позванъ въ качествѣ обвиняемаго въ нарушеніи дисциплины.

— Что это вы, батенька, задумали разгуливать въ бѣлофй фуражкѣ?—обратился онъ ко мнѣ.—Развѣ не знаете, что лѣтнюю форму можно носить только до перваго сентября?

— Но вѣдь сегодня только первое?—пробовалъ я возразить.

— Ну, вотъ то-то же и есть: значитъ, вчера былъ послѣдній день, а сегодня ужъ нельзя...—сказалъ онъ наставительно.—Вы вѣдь знаете, какъ А. А. требователенъ и строгъ насчетъ формы... Или въ карцеръ захотѣлось?

— Что жъ, я не прочь произвести осмотръ студенческаго карцера: никогда не видалъ!— отиѣчалъ я съ улыбкой.

Д., по обыкновенію, нестерпиво захохоталъ, и инцидентъ, какъ говорится, былъ исчерпанъ.

Какъ невѣроятны должны казаться теперь подобные «инциденты»! А вѣдь съ того времени не прошло еще и двухъ десятковъ лѣтъ.

II.

Въ описываемую эпоху университетскіе педели, по большей части, бывшіе унтеръ-офицеры, были надѣлены совершенно исключительными полномочіями. Для студентовъ это было ближайшее и грозное начальство, которое, по своему усмотрѣнію, могло карать или миловать всякаго провинившагося. Случалось, что педель подходитъ на улицѣ къ студенту, замѣченному имъ въ какомъ нибудь проступкѣ, и, если не зналъ его фамиліи, преспокойно отбиралъ у него «входной» билетъ,—въ результатѣ, по распоряженію Брызгалова, студентъ немедленно сажался въ карцеръ. Дѣло не обходилось безъ курьезовъ. Такъ, однажды, лѣтомъ, студентъ М., юристъ-первокурсникъ, попался педелю на улицѣ въ крайне «предосудительномъ» видѣ: на немъ были надѣты простая рубашка, косоворотка, высокіе сапоги и форменная тужурка нараспашку. Педель не могъ перенести такого посрамленія университетскаго устава, въ одинъ прыжекъ очутился около М., грубо схватилъ его за шиворотъ и, не говоря ни слова, потащилъ въ университетъ. М. пробовалъ вырваться, но его маленькая, тщедушная фигурка какъ-то безпомощно билась и трепетала въ здоровенныхъ рукахъ педеля. Вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. На поворотѣ изъ одного переулка въ другой педель нечаянно выпустилъ изъ рукъ свою добычу, и М. со всѣхъ ногъ пустился бѣжать. Педель за нимъ. Пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе по прямому направленію, юркій М. сворачиваетъ въ туннчекъ, подскакиваетъ къ довольно низенькому, деревянному забору съ желѣзными колючками наверху и въ одинъ мигъ перепрыгиваетъ черезъ него на сосѣдній дворъ. Педель захотѣлъ послѣдовать примѣру бѣглеца, но—о ужасъ!—въ тотъ самый моментъ, какъ онъ, грузно вскарабкавшись на заборъ, уже готовился соскочить внизъ, предательская колючка разодрала ему сверху и донизу штаны... Очутившись въ столь критическомъ положеніи, педель, разумѣется, долженъ былъ прекратить свое неудачное преслѣдованіе.

Не лишнимъ считаю замѣтить, что М. былъ стипендіатъ, т. е. «фигура», въ глазахъ педеля «не стоящая вниманья». Вообще къ такъ называемымъ «недостаточнымъ студентамъ» педели относились свысока, пренебрежительно, и каждое лыко ставили имъ въ строкъ, въ противоположность студентамъ зажиточнымъ, «бѣло-

подкладочникамъ», которымъ они всячески мирволили. «Бѣлоподкладочникъ» могъ откупиться извѣстной суммой денегъ и совѣмъ не ходить въ университетъ, будучи увѣреннымъ, что педагогъ ежедневно отмѣчаетъ его въ своемъ журналѣ, тогда какъ недостаточный студентъ, даже вполне исправно посѣщающій лекціи, далеко не могъ имѣть подобной же увѣренности: педагогъ всегда могъ записать его отсутствующимъ. Такимъ образомъ, система обязательнаго посѣщенія лекцій ставила студентовъ въ крайне униженное положеніе по отношенію къ педагогамъ. Не разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ плохо одѣтый студентикъ, въ сильно потрепанномъ скортучкѣ, робко пробирался въ аудиторію и, проходя мимо педагога, почтительно кланялся ему съ заискивающей улыбочкой на лицѣ, а тотъ удостоивалъ его въ отвѣтъ лишь олимпийскимъ кивкомъ головы. Или, на примѣръ, приходилось наблюдать, что студентъ, желая избѣгнуть педагогической «неблагопріятной» отмѣтки въ журналѣ, пускался на хитрость: онъ оставался дома, а товарищу поручалъ занести въ университетъ свое пальто и повѣсить его въ раздѣвальнѣ. Когда начинались лекціи, педагогъ обходилъ раздѣвальню, тщательно осматривая вѣшалки съ фамиліями и отмѣчая по нимъ отсутствующихъ, среди которыхъ, конечно, не оказывалось приславшаго вмѣсто себя пальто.

Само собой разумѣется, что къ такимъ униженнымъ уловкамъ никогда не прибѣгали тѣ изъ студентовъ, у кого достаточно было развито чувство собственнаго достоинства, но зато естественно, что у этихъ послѣднихъ больше всѣхъ накоплялось раздраженія противъ существующаго порядка.

III.

Требованіе обязательнаго посѣщенія лекцій подъ униженнымъ контролемъ педагоговъ, зачеты семестровъ, сводившіеся въ большинствѣ случаевъ къ простой и очень скучной формальности, система профессорскихъ гонораровъ, благодаря которой сильно затруднялся доступъ на лекціи «чужакамъ», т.-е. студентамъ разныхъ факультетовъ, стекавшимся послушать популярнаго профессора,—все это очень расхолаживало насъ, новичковъ, къ высшей наукѣ съ первыхъ же шаговъ на пути ея изученія. А между тѣмъ въ то время въ Московскомъ университетѣ блистали еще такія звѣзды первой величины, какъ А. И. Чупровъ, М. М. Ковалевскій, Н. А. Звѣревъ, И. И. Лнжуль, Н. Я. Гротъ, Н. С. Тихонравовъ, Ѳ. А. Бредихинъ и др. Первые два имени едва ли были не самыми популярными. Несмотря на строгость тогдашней инспекціи, на лекціи двухъ этихъ профессоровъ проникало всегда множество постороннихъ слушателей, такъ что огромный актовъй залъ, служившій аудиторіей для юристовъ перваго и втораго курса, бывалъ

обыкновенно совершенно переполненъ, приходилось даже стоять въ проходахъ между рядами стульевъ и тѣсниться около самой кафедры.

Бывало, въ тотъ день, когда должна была читаться лекція по политической экономіи, нарочно забережься въ актовъй залъ спозаранку, сядешь въ одинъ изъ первыхъ рядовъ, да такъ ужъ и не сходишь съ занятаго мѣста, до тѣхъ поръ пока милѣйшій, всѣми любимый Александръ Ивановичъ Цупровъ не появится на кафедрѣ. А такъ какъ лекція по политической экономіи занимала обыкновенно послѣдніе часы—четвертый и пятый, то неминуемо приходилось сначала поскучать на римскомъ правѣ, которое читалъ Н. П. Боголѣповъ (тогдашній ректоръ университета, впоследствии министръ народнаго просвѣщенія). Какъ профессоръ, Боголѣповъ отличался умѣньемъ излагать свой курсъ удивительно яснымъ, сжатымъ и простымъ языкомъ. Кто внимательно слушалъ его лекціи, тотъ очень легко ихъ запоминалъ. Читалъ онъ всегда, стоя, выпрямившись на кафедрѣ во весь ростъ и до самаго конца лекціи сохраняя полную неподвижность, почти даже не поворачивая головы. Голосъ у него былъ монотонный, нѣсколько утомляющій слушателей, зато его лекціи всегда были чрезвычайно содержательны: въ нихъ все было стройно, послѣдовательно, логично, нигдѣ ни одного лишняго слова. Кто-то сказалъ, что, стоя на кафедрѣ, Боголѣповъ всею своею горделивою осанкою напоминалъ древняго римскаго патриція, — пожалуй, въ этомъ замѣчаніи есть известная доля правды. На экзаменѣ Боголѣповъ былъ анекдотически требователенъ и строгъ, однако это свойство значительно умѣрялось двумя другими драгоценными чертами характера, которыми Н. П. безспорно обладалъ, а именно: справедливостью и безпристрастіемъ.

Этими чертами онъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе. У Боголѣпова было еще одно замѣчательное качество: феноменальная память. Онъ буквально никогда и ничего въ жизни не забывалъ. Достаточно было ему разъ увидѣть чье нибудь лицо, какъ онъ уже запоминалъ его навѣкъ. Рассказываютъ по этому поводу, что въ прежнее время, еще при старомъ университетскомъ уставѣ, у Н. П. происходили на экзаменѣ курьезы. Такъ, напримѣръ, подходить къ нему экзаменоваться совершенно незнакомый студентъ, очевидно, ни разу не посѣтившій ни одной изъ его лекцій по римскому праву (тогда это было возможно!), иначе онъ непременно запомнилъ бы лицо этого студента. Н. П. почтительно встаетъ съ мѣста, протягиваетъ студенту руку и говоритъ:

— Позвольте познакомиться... Боголѣповъ!

Студентъ странно сконфуженъ, бормочетъ что-то невнятное и отъ стыда готовъ провалиться сквозь землю. Но его пѣтка продолжается недолго. Н. П. предлагаетъ ему нѣсколько излюблен-

ныхъ вопросовъ, студентъ не можетъ отвѣтить ни на одинъ изъ нихъ и съ трескомъ проваливается.

На смѣну Боголюбова являлся, по большей части, профессоръ русскаго права Мрочекъ-Дроздовскій, зѣвая и потягиваясь, онъ сообщалъ намъ кое-что объ источникахъ «Русской Правды» или выяснялъ значеніе какого нибудь древнерусскаго юридическаго термина, въ родѣ «бойрскаго задницы», и время проходило незамѣтно.

Но вотъ наступала очередь А. И. Чупрова. Въ многолюдномъ залѣ поднимался оживленный гулъ, смѣнявшійся почти абсолютной тишиной, лишь только Чупровъ всходилъ на кафедру. Вся аудиторія точно замирала, сотни глазъ жадно устремлялись на любимаго профессора, который, сдѣлавъ общій поклонъ, поправлялъ очки и послѣ нѣкоторой паузы съ улыбкой произносилъ свое неизмѣнное «милостивые государи!».

Вліяніе Чупрова на университетскую молодежь было огромно, къ нему прислушивались, какъ къ какому-то оракулу, жадно ловили каждое его слово, гдѣ бы оно ни было сказано,—въ аудиториі, на улицѣ, въ ученомъ засѣданіи, въ печати или просто у него на дому, куда любой изъ его слушателей всегда имѣлъ доступъ. Блестящій ораторъ, всесторонне образованный, челоѣкъ стойкихъ и независимыхъ убѣжденій, искренній, честный, гуманный, прогрессистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, безъ сомнѣнія, онъ могъ оказывать на студентовъ лишь благотворное вліяніе. Каждая лекція его будила мысль, вызвала оживленные толки, горячіе споры, иногда цѣлые дебаты, и мы всѣ чувствовали, какъ у насъ пробуждался серьезный интересъ къ наукѣ. Помню, первая, вступительная лекція А. И. вызвала необычайный энтузіазмъ. Всѣ дружно ринулись къ кафедрѣ, неистово аплодируя и крича, у большинства возбужденно блестѣли глаза, ярко горѣли щеки. Чупровъ ласково улыбался, съ трудомъ протискиваясь сквозь толпу. Но вотъ послѣ перерыва онъ снова взонелъ на кафедру и, когда водворилась тишина, сказалъ:

— Господа! Я очень благодаренъ вамъ за сочувственный пріемъ, но усердно прошу васъ на будущее время воздержаться отъ всякихъ овацій по моему адресу. Не нужно дразнить инспекцію, это не выгодно ни для васъ, ни для меня: у васъ могутъ выйти разныя непріятныя столкновенія, а я буду чувствовать себя до нѣкоторой степени связаннымъ. Лучшее, господа, давайте вести себя корректно, чтобъ не вызывать понапрасну ничьихъ подозрѣній и не чувствовать надъ собой нежелательнаго надзора со стороны профановъ науки...

Нечего и говорить, что съ той поры мы уже ни разу не аплодировали Чупрову.

Кстати, мнѣ вспоминается обращеніе къ студентамъ другаго профессора, П. И. Янжула (нынѣ академика), сдѣланное имъ по

тому же поводу. Лишь только раздались по его адресу рукоплесканія, какъ онъ остановилъ насъ энергичнымъ жестомъ и сказалъ:
— Господа! Здѣсь не циркъ, и я не клоунъ... Пропну мнѣ не хлопать!

Не помню ужъ, возымѣла ли эта «профессорская» отвѣдь свое дѣйствіе, но только она произвела на насъ непріятное впечатлѣніе.

Не менѣе популяренъ, чѣмъ Чупровъ, былъ въ то время и М. М. Ковалевскій, читавшій намъ о конституціонномъ устройствѣ западно-европейскихъ государствъ. Лекціи его полны были остроумія, доходившаго порою до ѣдкой сатиры, въ особенности, когда, неожиданно отвлекшись отъ своей темы, онъ дѣлалъ экскурсію въ область современной русской дѣйствительности. Тутъ иногда не возможно было удержаться отъ смѣха. Случалось, что и самъ онъ заражался настроеніемъ аудиторіи, вызваннымъ имъ же, и тогда его необъятно-толстая фигура съ красивой, львиной головой на могучихъ плечахъ также начинала мѣрно колыхаться на кафедрѣ въ тактъ общему веселью. Научной эрудиціей Ковалевскій обладалъ колоссальною, цитатами такъ и сыпалъ, то и дѣло уснащая свою рѣчь разными мѣткими словечками, великолѣпными метафорами и необыкновенно удачными сравненіями. Всякій разъ, когда М. М. читалъ лекцію, актовъ залъ былъ биткомъ набитъ народомъ, и, насколько мнѣ не измѣняетъ память, онъ ни разу не спускался съ кафедры безъ дружныхъ аплодисментовъ всей аудиторіи.

Большими симпатіями студентовъ пользовался также Н. А. Звѣревъ, читавшій энциклопедію и исторію философіи права. По изяществу и красотѣ стиля каждая лекція этого талантливаго профессора была настоящимъ *chef d'oeuvre* омъ. Что-то классическое, античное чувствовалось въ красотѣ его рѣчи, мѣстами доходившей до высокаго поэтическаго подъема: она то разгоралась бурнымъ пламенемъ, то звучала грустной и тихой мелодіей, нѣжно лаская слухъ. Въ художественныхъ характеристикахъ Н. А. Звѣрева каждый историческій образъ, выхваченный имъ изъ глубины вѣковъ, вставалъ передъ нами, какъ дивное классическое изваяніе, которымъ можно было любоваться съ восторгомъ. Всѣ эти Анаксимены, Анаксимандры и Пифагоры ярко отпечатлѣвались въ воображеніи, по мѣрѣ того, какъ искусный лекторъ-художникъ увѣренно и смѣло набрасывалъ ихъ великолѣпные рисунки, и уже не скоро изглаживались изъ памяти.

IV.

Несмотря на блестящій тогда составъ профессоровъ, тяжело было дышать въ душной атмосферѣ новаго университетскаго устава, чрезмѣрно стѣснившаго свободу преподаванія, безжалостно урѣзавшаго самую науку и, наконецъ, дававшего возможность распуститься пышнымъ цвѣткомъ уродливому явленію, которому нѣтъ

другого, болѣе подходящаго названія, какъ только «брызгаловщина».

Кто же такой былъ этотъ Брызгаловъ, столь напумѣвшій въ свое время? Прежде всего это былъ добродушнѣйшій Алексѣй Александровичъ, довольно мягкосердечный и даже склонный немножко къ слезливой сентиментальности. Когда онъ видѣлъ или слышалъ что нибудь очень чувствительное, его добрые свѣтлые глаза непременно увлажнялись слезами. Послѣ перваго знакомства съ нимъ вамъ невольно приходило на умъ: «какой прекрасный человѣкъ!». И вдругъ вы слышите про него, что онъ совершилъ жестокий поступокъ. «Какъ!—изумляетесь вы.—Алексѣй Александровичъ могъ сдѣлать такую вещь? Да этого быть не можетъ!».

Дѣло въ томъ, что Алексѣй Александровичъ Брызгаловъ и инспекторъ Брызгаловъ — были два совершенно различныхъ лица, изъ которыхъ одно, такъ сказать, исключало другое, являясь этому другому вопіющимъ противорѣчіемъ. Возможно, что въ качествѣ Алексѣя Александровича Брызгалова всю свою жизнь оставался бы «прекраснымъ человѣкомъ», но судьба захотѣла надъ нимъ подшутить и сдѣлала его инспекторомъ. И вотъ отъ природы мягкій и, быть можетъ, добрый человѣкъ, но съ слабой головой, возведенный на высоту, почувствовалъ головокруженіе...

Брызгаловъ былъ мученикомъ своей должности. Суевливый, нервный, болѣзненно подозрительный, онъ никогда не имѣлъ покоя. Ему все чудилось «потрясеніе основъ» въ той или иной формѣ. Въ любомъ, ничтожнѣйшемъ нарушеніи устава онъ готовъ былъ видѣть почти политическое преступленіе и всячески преслѣдовать нарушителя, незамѣтно выросшаго въ его глазахъ до степени опаснаго крамольника. Пошады не было никому, всѣ—и правые и виноватые—ввергались въ карцеръ, гостеприимно раскрывавшія двери передъ «преступникомъ». Особенно плохо приходилось бѣднякамъ: стипендіатамъ, «ляпинцамъ», обитателямъ Козихи и т. п. На нихъ Брызгаловъ смотрѣлъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ, брезгливо сторонился отъ нихъ, при встрѣчѣ набѣгалъ подавать имъ руку и безпощадно сажалъ ихъ въ карцеръ за малѣйшую провинность. По его приказанію, чины инспекціи слѣдили за ними по пятамъ, вездѣ рыскали перодѣтые педели, какъ полицейскія пщевки,—въ студенческихъ столовыхъ, въ театрахъ, въ мѣстахъ публичныхъ засѣданій, и повсюду находя виновныхъ, немедленно привлекали ихъ къ отвѣтственности. Гнетъ Брызгаловскаго режима день ото дня становился все тягостнѣе, быстро росли недовольство и раздраженіе, поднимался всеобщій ропотъ, въ университетской атмосферѣ чувствовалась гроза, которая и разразилась наконецъ въ студенческомъ концертѣ 22-го ноября 1887 года.

Надо замѣтить, что Брызгаловъ, будучи въ музыкѣ профаномъ, почему-то принималъ дѣятельное и близкое участіе въ устройствѣ

всѣхъ такихъ концертовъ, которые давались обыкновенно два раза въ годъ подъ управленіемъ извѣстнаго дирижера Макса Юрманнсдёрфера. Репетиціи студенческихъ оркестра и хора неизмѣнно происходили въ квартирѣ Брызгалова, игравшаго роль любезнаго хозяина, присутствующаго на общемъ чаепитіи вмѣстѣ со своей экономкой, довольно смазливенькой брюнеткой, разливавшей гостямъ чай и весьма благосклонно относившейся къ уходуванію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между прочимъ, большимъ фаворомъ съ ея стороны пользовался студентъ К., получившій въ послѣдствіи княжескій титулъ и многомилліонное состояніе. По отношенію къ участникамъ оркестра и хора Брызгаловъ проявлялъ какую-то особую, отеческую нѣжность, далеко, разумѣется, не всѣмъ имъ въ одинаковой степени льстивую, и въ шутку называлъ ихъ своей гвардіей. Нужно ли говорить, что члены этой своеобразной «гвардіи», въ полную противоположность козихинской «армейской пѣхотѣ», никогда не видали университетскаго карцера и вообще пользовались всевозможными льготами? Это ясно само собою.

Въ роковой день 22-го ноября Брызгаловъ былъ какъ-то особенно нервно настроенъ, точно предчувствовалъ бѣду,—суеился больше, чѣмъ всегда, дѣлалъ разныя распоряженія, которыя сейчасъ же отменялъ, проявлялъ совершенно необычную разсѣянность, волновался и нервничалъ. Возможно, что до него дошелъ слухъ о готовившейся ему неприяности, потому что вечеромъ, передъ началомъ концерта, онъ растерянно бѣгалъ по заламъ благороднаго собранія, ежесекундно пощипывая рукой свою черную, шелковистую бородку и подозрительно всматриваясь въ сновавшую мимо него публику. Начался концертъ. Все шло ровно, спокойно и гладко. Уже первое отдѣленіе приближалось къ концу. Какъ сейчасъ помню, каскадомъ лились дивныя звуки блестящаго вальса-фантазіи Глинки. Настроеніе чувствовалось приподнятое, мечтательное, съ оттѣнкомъ легкой, вязящей грусти. Хотѣлось забыться, уйти въ чудесный, волшебный міръ грезъ... Вдругъ изъ сосѣдняго, бокового зала послышался странный звукъ, рѣзкій и короткій, точно лопнула какая-то большая струна. Вслѣдъ за тѣмъ поднялся немыслимый гулъ, что-то заднигалось, зашумѣло и опять затихло.

— Что такое? Что случилось?—раздавались въ антрактѣ голоса.

— Брызгаловъ получилъ пощечину!

Вѣсть эта моментально облетѣла публику. Многіе бросились разыскивать пострадавшаго, но въ залахъ собранія его не было: онъ успѣшилъ скрыться за эстрадой, въ артистической комнатѣ, гдѣ уже собралась кучка сочувствующихъ и близкихъ ему людей. Дверь въ эту комнату была полуоткрыта. Проходя мимо, я мелькомъ увидѣлъ его. Онъ стоялъ жалкій, пришибленный, съ блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ, съ трясущимся подбородкомъ... Тяжело было на него смотрѣть; и невольно отвелъ глаза и поспѣшилъ уйти.

Узнавъ въ тотъ же вечеръ, что Брызгалову панесъ оскорбленіе дѣйствіемъ юристъ 3-го курса Синявскій, я былъ немало изумленъ. Синявскій выглядѣлъ тихонькимъ, скромнымъ юношей, необщительнымъ и даже нѣсколько застѣнчивымъ. Невольно рождался вопросъ: какъ онъ могъ рѣшиться на такой отчаянный поступокъ? Впрочемъ рассказывали, что онъ лично даже ничего не имѣлъ противъ Брызгалова, съ которымъ у него никогда не было столкновений, но онъ участвовалъ въ заговорѣ, и жребій привести въ исполненіе преступный замыселъ выпалъ на его долю. Очевидцы говорили, что онъ подошелъ къ Брызгалову не совсѣмъ твердой поступью, даже слегка пошатываясь, какъ пьяный, и, нанося ударъ, чуть было не споткнулся.

Судьба сжалилась надъ Синявскимъ: говорятъ, ему легко было отбывать суровое наказаніе въ арестантскихъ ротахъ, такъ какъ, благодаря мягкости своего характера и добродушію, онъ понравился тюремному начальству, которое относилось къ нему весьма благосклонно. Впослѣдствіи же онъ вновь принятъ былъ въ университетъ и прекрасно его окончилъ.

V.

Событіе 22-го ноября послужило сигналомъ къ грандіознымъ студенческимъ беспорядкамъ. Уже на слѣдующій день среди студентовъ замѣтно было большое волненіе: они собирались въ разныхъ мѣстахъ отдѣльными группами, спорили, шумѣли, говорили зажигательныя рѣчи, пытались тѣснѣе между собой сплотиться. Однако первая общая сходка состоялась лишь утромъ, 24-го ноября, въ актовомъ залѣ университета. Собралось человекъ двѣсти пятьдесятъ, главнымъ образомъ, юристовъ первыхъ трехъ курсовъ. Хаосъ стоялъ невообразимый. Всѣ студія въ залѣ были частью сдвинуты, частью перевернуты вверхъ ногами. Толпа галдѣла, горячилась, возбужденно жестикулировала. Отдѣльныхъ голосовъ почти невозможно было разслышать. Появленіе субъ-инспектора было встрѣчено оглушительными свистками.

— Долой инспекцію!—дружно раздавались десятки голосовъ.— Ректора сюда, ректора!

Появился Н. П. Боголѣповъ. Невозмутно-спокойнымъ голосомъ, точь въ точь такимъ, какимъ онъ читалъ о римскихъ преторахъ и эдилахъ, сталъ онъ увѣщевать студентовъ разойтись, предупреждая нарушителей порядка о грозящемъ имъ наказаніи, но его не стали слушать: его рѣчь заглушена была свистками и крикомъ, принудившими его удалиться. Послѣ ухода ректора толпа заволновалась еще болѣе.

— Господа!—крикнулъ кто-то.— Наши собираются на дворъ... Идемъ всѣ туда.

Всѣ много хлынули на дворъ, сѣбѣ присоединиться къ товарищамъ, среди которыхъ были студенты разныхъ факультетовъ, попадались также техники и петровцы. Вскорѣ прилагъ повечитель гр. Капнистъ, и тутъ, между прочимъ, произошелъ слѣдующій инцидентъ. Около университетскихъ воротъ графъ замѣтилъ студента-техника, стоявшаго среди публики и, повидимому, вовсе не намѣревавшагося принимать участіе въ сходкѣ.

— Вы кто такой? Техникъ? Зачѣмъ вы здѣсь?—рѣзко обратился къ нему графъ.

Юноша смутился и растерянно смотрѣлъ на повечителя, не говоря ни слова.

— Ваять его!—сгоряча распорядился графъ Капнистъ, обращаясь къ полицейскимъ, а самъ быстро вошелъ во дворъ и, сѣбѣ проникнувъ въ густую толпу студентовъ, сталъ держать къ нимъ какую-то рѣчь, повидимому, тоже не имѣвшую успѣха, вѣтому что никто изъ нихъ не расходился.

А злополучный техникъ былъ немедленно арестованъ и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ высланъ изъ Москвы. Но, когда мать этого юноши, страшно встревоженная, убитая горемъ, явилась къ графу, умоляя его спасти ея невинно пострадавшаго сына, когда графъ самъ сознался передъ ней въ своей ошибкѣ, которую, однако, уже трудно было поправить, нужно было видѣть, съ какими сердечными участіемъ отнесся онъ къ бѣдной женщинѣ, какъ онъ старался ее утѣшить и приласкать, общая ей въ этомъ дѣлѣ свое полное содѣйствіе. Тутъ во всемъ блескѣ сказалось благородство души графа Капниста: мало того, что онъ не считъ нужнымъ скрывать передъ неизвестной женщиной свою вину, хотя онъ и это могъ бы сдѣлать, если бѣ захотѣлъ, онъ дѣйствительно принялся хлопотать объ арестованномъ техникѣ, просилъ за него разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ и князя В. А. Долгорукова, тогдашняго московскаго генералъ-губернатора, и, въ концѣ концовъ, добился того, что техникъ былъ возвращенъ и снова принятъ въ училище.

Между тѣмъ манифестанты продолжали стекаться въ университетскій дворъ одинъ за другимъ; сходка принимала угрожающіе размѣры; часть Моховой улицы, вдоль университета, была вся запружена толпою любопытныхъ; движеніе экипажей прекратилось. Въ это время изъ окна своей квартиры выглядывалъ Брызгаловъ и что-то записывалъ въ книжку, — вѣроятно, имена участниковъ сходки,—при помощи одного изъ любимыхъ его педелей, Б—скаго, который отъ времени до времени высовывалъ голову изъ-за его плеча и тотчасъ же боязливо прятался.

А публики все прибывало. Она уже охватила тѣснымъ кольцомъ университетскій дворъ, за оградой котораго скрывались манифестанты. Нѣкоторые изъ нихъ, замѣтивъ среди пестрой уличной толпы своихъ товарищей, кричали имъ со двора:

— Идите къ намъ! Какъ не стыдно глядѣть? А еще студенты! Эхъ, вы, подлецы!

Но «подлецы» уже не могли бы проникнуть во дворъ, даже если бъ и хотѣли этого, потому что ворота были заперты, и около нихъ стояли довольно многочисленный отрядъ городовыхъ, никого не пропускавшихъ. Вдругъ послышались крики: «Разступитесь, разступитесь! Казаки!»

Дѣйствительно, откуда ни возьмись, показалась сотня казаковъ, которые лѣзли во весь опоръ... Вотъ, вотъ они ринутся сейчасъ въ толпу... Толпа дрогнула, шарахнулась въ одну, другую сторону и разсыпалась... Мигомъ былъ оцѣпленъ университетскій дворъ, манифестантовъ окружили и на глазахъ всей публики отвели въ пѣ манежъ, откуда нѣсколько минутъ тому назадъ выскочили казаки. Тамъ всѣхъ участниковъ сходки поголовно переписали и, продержавъ въ манежѣ до вечера, въ тотъ же день отправили въ въ Бутырскій тюремный замокъ.

Вспыхнувшее волненіе, однако, не утихало, — напротивъ, оно все болѣе разгоралось день ото дня. Такъ, 26-го ноября, студенты устроили многочисленную сходку около Екатерининской больницы, гдѣ медикамъ старшихъ курсовъ читались лекціи. Но сходка продолжалась недолго: появились конные жандармы и быстро разогнали толпу. Къ вечеру упорно распространился слухъ, что жандармы убили двухъ студентовъ. Волненіе усилилось. Никакія мѣры воздѣйствія на учащуюся молодежь со стороны администраціи и университетскаго начальства, никакія увѣренія, что ложные сенсационные слухи умышленно распространяются злонамѣренными людьми, — ничто уже не помогало... Оставалось только одно средство: временно закрыть университетъ.

Чрезвычайно характерно сочувственное отношеніе общества и печати того времени къ студенческому движенію. Даже пресловутый «Гражданинъ» воздержался отъ огульнаго обвиненія университетской молодежи и во всемъ обвинялъ профессоровъ (?), не касаясь, разумѣется, ни инспекціи, ни отрицательныхъ сторонъ новаго устава, какъ будто все обстояло здѣсь благополучно. Не такъ взглянули на дѣло другіе органы печати. «Новое Время», напримѣръ, скорбя объ отсутствіи крѣпкой нравственной связи между учащими и учащимися, которые должны были бы составлять одну стройную корпорацію, справедливо находило, что бездушный формализмъ не только замѣняетъ эту нравственную связь, но и налагаетъ свою мертвящую руку на весь бытъ молодежи. «Можно держать молодежь строго, — говорила газета, — можно требовать отъ нея точнаго исполненія всѣхъ инструкцій, но это нужно дѣлать такъ, чтобы не оскорблялось прямотушіе и искренность молодыхъ людей, и чтобы не связывалась ихъ свобода тамъ, гдѣ это вовсе не нужно».

Указывая на разныя мелочныя придирки, которымъ систематически подвергались студенты со стороны университетской инспекціи, «Новое Время» говорило: «когда такими мелочами опутана вся жизнь изо дня въ день, когда наблюденіе сводится къ подсиживанію студента, особенно, когда для этого пускаются въ ходъ всякія средства, согласитесь, это можетъ вывести изъ себя и спокойнаго юношу, тѣмъ болѣе, что при такихъ порядкахъ онъ можетъ получить склонность не уважать ни самыхъ порядковъ, ни надзирающихъ за ними».

Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ словъ служить только что описанное мною студенческое движеніе.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПОЛЬСКІЕ ПЛАНЫ ВЪ 1876--1877 ГОДАХЪ.

(Страничка изъ исторіи польско-русскихъ отношеній).

I.

ВЪ 1877 ГОДУ, въ самый разгаръ русско-турецкой войны, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось сообщеніе о существованіи «новаго польскаго заговора»; нѣсколько позднее той же темы коснулось «Новое Время»¹⁾, причѣмъ въ этой газетѣ сдѣлана была выдержка изъ краковской газеты «Dziennik Polski», въ которой, между прочимъ, сообщалось, что «русское правительство, выводя свои войска изъ Привислинскаго края, распространило тамъ воззваніе къ крестьянамъ, приглашая ихъ образовать изъ себя сельскую стражу для наблюденія за панами и для подавленія всякихъ попытокъ къ мятежу». Аналогичная статья появилась и въ англійской газетѣ «Morning Post». Приведи выписки изъ этихъ газетъ, «Новое Время» процитировало также слѣдующее мнѣніе «Голоса: «Статьи «Dziennika Polskiego» и «Morning Post»,—писалъ «Голосъ»,—не лишены значенія и имѣютъ какую-то таинственную связь съ прежними толками мадьярской печати о сочувствіи поляковъ туркамъ и о ихъ тайномъ желаніи усложнить положеніе Россіи революціонной агитаціей на нашей западной границѣ».

Помѣщенныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Новомъ Времени» статьи и выдержки обратили на себя вниманіе Достоевскаго,

¹⁾ «Новое Время», № 587, 1877 г.

который посвятилъ имъ цѣлую главу въ «Дневникъ писателя», при чемъ выразилъ мысль, что заговоръ, если онъ существуетъ, — «дѣло римскихъ клерикаловъ»¹⁾.

Большинство русскихъ читателей, вѣроятно, объяснило себѣ все эти статьи и замѣтки крайностями возбужденнаго патріотизма, тѣмъ болѣе, что извѣстія шли изъ малодостовѣрныхъ источниковъ и передавались въ видѣ слуховъ. Мнѣніе же Достоевскаго можно было объяснить любовью этого писателя къ широкимъ и часто фантастическимъ обобщеніямъ въ области внѣшней политики.

Но вотъ на столѣ передъ нами лежитъ вышедшая недавно въ Чикаго польская брошюра, содержаніе которой не только подтверждаетъ вышеприведенные слухи, появившіеся въ тогдашней русской печати, но также до извѣстной степени и предположеніе, высказанное покойнымъ Достоевскимъ. Оказывается, что «заговоръ» существовалъ не только въ возбужденномъ воображеніи русскихъ консервативныхъ публицистовъ, но что въ немъ дѣйствительно принимали нѣкоторое участіе и «римскіе клерикалы». Мы думаемъ, русскимъ читателямъ будетъ интересно познакомиться съ этой характерной страничкой изъ исторіи «польско-русскихъ отношеній», тѣмъ болѣе, что интересной брошюрой, изданной въ далекой Америкѣ, грозитъ печальная участь — затеряться среди массы памфлетовъ, ежегодно выходящихъ изъ-подъ пера польскихъ эмигрантовъ и обыкновенно обрекаемыхъ на забвеніе чуть ли не въ самый день ихъ выхода.

Брошюра носитъ заглавіе: «Национальное движеніе въ 1877 году. Написалъ «бывшій конфедератъ» («Ruch Narodowy w roku 1877. Spisał «były konfederat». Chicago. 60 + XXVIII). Въ настоящей статьѣ мы ограничимся краткимъ изложеніемъ содержанія брошюры, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было комментаріевъ, такъ какъ факты, приведенные въ брошюрѣ, говорятъ сами за себя.

II.

Возникновеніе «заговора» относится авторомъ брошюры къ началу 1876 года. Слухи о возможномъ вышатаствѣ Россіи въ славянскія дѣла и возможности, вслѣдствіе этого, близкой войны съ Турціей подали нѣсколькимъ польскимъ патріотамъ, жившимъ въ Галиціи, мысль — воспользоваться возникшими международными осложненіями въ интересахъ Польши. Душой этого движенія былъ Вацлавъ Коциць, львовскій литераторъ, вошедшій въ переговоры съ жившимъ въ Константинополѣ польскимъ эмигрантомъ Болеславомъ Гольцемъ, пользовавшимся значительнымъ вліяніемъ

¹⁾ «Дневникъ писателя», 1877 г., октябрь, глава III («Римскіе клерикалы у насъ въ Россіи»).

въ турецкихъ правящихъ сферахъ. Въ переговоры со стороны Турціи вступилъ тогдашній турецкій великій визирь Митхадъ-паша, обратившійся къ полякамъ, жившимъ въ Константинополѣ, предлагая имъ войну въ сношенія съ польскими организаціями въ Россіи и Австріи и обѣщая матеріальную и моральную поддержку со стороны Турціи. Представителемъ со стороны константинопольскихъ поляковъ былъ нѣкій Артуръ-бей, полякъ, полковникъ египетскихъ войскъ, пастоящее имя котораго было Артуръ Циммерманъ, и который пользовался большимъ уваженіемъ среди константинопольской польской колоніи. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ была отправка письма Кошицу съ изложеніемъ сущности турецкихъ предложеній. Кошицъ сообщилъ содержаніе полученнаго имъ письма Гиллеру и другимъ выдающимся польскимъ патриотамъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній кружокъ Кошица рѣшилъ принять это предложеніе съ оговоркой, что условія оборонительнаго и наступательнаго союза будутъ изложены въ специальномъ меморіалѣ, который въ непродолжительномъ времени будетъ высланъ черезъ особаго посла въ Стамбулъ.

Составленіе вышеупомянутаго меморіала было поручено Кошицу. Одновременно съ этимъ было положено начало революціонной организаціи, принявшей названіе «Конфедерація польскаго народа», и для вербованія новыхъ членовъ организаціи былъ высланъ въ Варшаву журналистъ Владиславъ Сабовскій. Завѣдываніе дѣлами конфедераціи принялъ на себя «генеральный совѣтъ».

Первымъ шагомъ «генеральнаго совѣта» было составленіе и напечатаніе двухъ листковъ: «Манифеста къ польскому народу», сообщавшаго о самомъ фактѣ образованія новой организаціи, и «Резолюціи генеральнаго совѣта» (тайной). Въ этой «Резолюціи» было сказано, что Польша рѣшила принять участіе въ начинающей на Востокѣ войнѣ между Россіей и Турціей и проситъ сочувствія и помощи европейскихъ народовъ и ихъ правительствъ. Содержаніе «Резолюціи» должно было оставаться тайнымъ и могло быть сообщено лишь дипломатическимъ представителямъ державъ специальными уполномоченными «конфедераціи» за границей. Такими уполномоченными были назначены: бывшій генералъ парижской коммуны Валерій Врублевскій—въ Лондонѣ, графъ Владиславъ Сасъ-Кульчицкій—при папскомъ дворѣ въ Римѣ, Артуръ Циммерманъ (Артуръ-бей)—въ Константинополѣ и полковникъ Рыздзевскій (совмѣстно съ нѣсколькими другими жившими въ Парижѣ польскими эмигрантами)—въ Парижѣ. Для Вѣны и Берлина не было назначено отдѣльныхъ представителей, такъ какъ туда часто могли пріѣзжать, по мѣрѣ надобности, члены «генеральнаго совѣта».

Врублевскій вскорѣ донесъ генеральному совѣту, что резолюція и манифестъ произвели самое благопріятное впечатлѣніе: первая

въ дипломатическихъ кругахъ, а манифестъ — въ прессѣ. Манифестъ, по словамъ Врублевскаго, вызвалъ массу сочувственныхъ статей въ англійскихъ газетахъ, при чемъ вездѣ высказывалось мнѣніе, что Австріи будетъ втянута въ борьбу Турціи съ Россіей. Не менѣе благоприятныя свѣдѣнія были получены генеральнымъ совѣтомъ отъ римскаго уполномоченнаго.

Вслѣдъ затѣмъ генеральный совѣтъ приступилъ къ составленію и изданію инструкцій для членовъ конфедераціи и ея иностранныхъ представителей, а также специальной инструкціи для константинопольскаго уполномоченнаго.

Польша была въ организаціонномъ отношеніи раздѣлена на три части, сообразно бывшимъ польскимъ провинціямъ, нынѣ входящимъ въ составъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Каждую изъ этихъ частей завѣдывали отдѣльные «провинціальныя совѣты», подчинившіяся генеральному совѣту. Первоначально въ составъ генеральнаго совѣта входили, кромѣ Кошница, слѣдующія лица: литераторъ Шумскій, генеральтъ Крукъ и ротмистръ Робертъ Тиме. Впослѣдствіи составъ совѣта нѣсколько разъ измѣнялся.

Что же обѣщала конфедерація своимъ европейскимъ союзникамъ въ отплату за услуги? Они не могли пожаловаться на ея скупость. Такъ, Австріи предоставлялся польскій престолъ и полученіе известной компенсаціи во владѣніяхъ Турціи, которая за то, въ свою очередь, вознаграждалась присоединеніемъ всего Кавказа. Англія должна была получить принадлежащія Россіи острова, расположенные на Балтійскомъ морѣ, а также побережье Финляндіи, включая Кронштадтъ; на Черномъ морѣ Англія получала Крымъ. Такимъ образомъ предполагалось совершенно уничтожить значеніе Россіи, какъ морской державы. Для себя Польша желала получить (кромѣ, конечно, всей территоріи «исторической Польши») еще полосу Херсонской губерніи, лежащую между Днѣстромъ и Днѣпромъ, вплоть до моря, чтобы обезпечить такимъ образомъ возстановленной Польшѣ возможность завести собственный флотъ.

Назначивъ уполномоченныхъ за границей, генеральный совѣтъ приступилъ къ высылкѣ меморіала въ Константинополь. Меморіаль этотъ, написанный Кошницемъ, заключалъ въ себѣ точное опредѣленіе условій, при которыхъ Польша (въ лицѣ конфедераціи) согласна была посредствомъ возстанія помочь Турціи въ ея борьбѣ съ Россіей. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ меморіала являлось требованіе, чтобы Турція немедленно приступила къ возстановленію Польши; возстаніе въ Польшѣ должно было начаться, какъ только турецкія войска, перейдя Прутъ, вступятъ въ Подолию. Кромѣ того, Турція должна была доставить (изъ Виддина черезъ Буда-Пештъ) 100.000 ружей и соотвѣтствующее количество артиллеріи и боевыхъ припасовъ. Наконецъ, при посредствѣ Турціи, въ распоряженіе конфедераціи должны были быть доставлены къ на-

чалу весны 110.000 гульденовъ для устройства военной организаціи.

Меморіалъ, по утвержденіи его генеральнымъ совѣтомъ, былъ врученъ специальному курьеру, отправившемуся въ Константинополь для передачи его константинопольскому уполномоченному конфедерации г. Циммерману (Артуръ-бею). При врученіи меморіала великому визирю его автентичность была подтверждена членомъ англійскаго парламента, Джонстономъ Бутлеромъ (впослѣдствіи лордъ Норткотъ), высланнымъ торіями въ Константинополь для защиты британскихъ интересовъ. Великій визирь выразилъ согласіе на принятіе всѣхъ пунктовъ, оговоренныхъ въ меморіалѣ. Вскорѣ, впрочемъ, вмѣсто Митхада-паши въ сношенія съ конфедерацией вступилъ шуринъ султана, министръ финансовъ, Махмутъ-Дамать-паша.

III.

Какъ читатели могли убѣдиться, до сихъ поръ все шло довольно гладко, и конфедерация могла похвалиться значительнымъ успѣхомъ, но заговорщики забыли лишь объ одномъ обстоятельстве, а именно о томъ, что имъ придется считаться съ консервативными элементами самой Польши, видѣвшими въ новомъ повстаніи лишь новое несчастье для Польши, такъ какъ они не надѣялись на его успѣхъ.

Судя по нѣкоторымъ намекамъ въ брошюрѣ, тайные переговоры конфедерации съ турецкимъ правительствомъ сдѣлались извѣстными, благодаря излишней болтливости одного изъ членовъ генеральнаго совѣта, нѣкоторымъ польскимъ аристократамъ консервативнаго отбѣнка, и послѣдніе рѣшили во что бы то ни стало помѣшать рискованному предпріятію восторженныхъ патріотовъ. Въ Константинополь отправились съ этой цѣлью: графъ Владиславъ Тарновскій, графъ Рачинскій, Ключинскій и Коссиловскій. Они начали широкую агитацію въ турецкихъ правящихъ сферахъ и, добившись аудіенціи у великаго визиря, заявили ему, что Польша вовсе не приготовлена къ восстанію, и что конфедерация вводитъ турецкое правительство въ заблужденіе. Но агитація эта запоздала, такъ какъ Махмутъ-Дамать-паша уже приказалъ выдать константинопольскому уполномоченному конфедерации 60.000 ружей, которыя и были на двухъ пароходахъ высланы въ Виддинъ впредь до дальнѣйшаго распоряженія.

Какъ бы то ни было, конфедерация, почувствовавъ опасность, не теряла времени и, чтобы снискать себѣ популярность, рѣшила воздѣйствовать на религиозное чувство населенія Польши и обратиться съ этой цѣлью за содѣйствіемъ къ высшей власти католическаго міра—римскому папѣ. Совѣтъ конфедерации выслалъ письмо въ Константинополь къ вышеупомянутому Джонстону Бутлеру съ просьбой, чтобы онъ употребилъ всѣ усилія повліять на папу Пій IX

и внушить ему мысль, воспользоваться складывающимися обстоятельствами для оказания помощи католической Польше. Бутлеръ, съ помощью богатыхъ и влиятельныхъ торцевъ, приступилъ немедленно къ выполнению просьбы совѣта конфедераціи. Какъ оказалось, папа выразилъ согласіе выполнить просьбу совѣта, отчасти благодаря натянутымъ дипломатическимъ отношеніямъ, существовавшимъ тогда между Россіей и Ватиканомъ, отчасти благодаря тому, что дѣло поляковъ имѣло дѣятельнаго защитника въ Ватиканѣ, въ лицѣ влиятельнаго англійскаго кардинала Маннинга, согласившагося, по просьбѣ торцевъ, предстательствовать передъ папой въ интересахъ Польши.

Конфедерація, извѣщенная о достигнутыхъ успѣхахъ, подняла широкую агитацію въ Галиціи и княжествѣ Познанскомъ, а униатское духовенство агитировало въ Холмщинѣ и на Литвѣ. Результатомъ этой агитаціи была посылка въ Римъ колоссальной польско-католической делегаціи, отправлявшейся туда подъ предлогомъ поднесения лепты св. Петра. Въ составъ делегаціи, между прочимъ, входило около 300 крестьянъ, большинство которыхъ составляли литовцы и униаты.

Шестого мая 1876 года, делегація имѣла аудіенцію у папы. Папа сидѣлъ на апостольскомъ тронѣ и, благословивъ упавшую на колѣни толпу, выслушалъ адресъ; затѣмъ, принявъ лепту св. Петра, онъ пересѣлъ въ лектику, которая была высоко поднята надъ толпой. Еще разъ благословивъ присутствующихъ, папа обратился къ делегаціи съ латинской рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что, если поляки сохраняютъ вѣру и мужество, Богъ возвратитъ имъ утраченную вольность, и они увидятъ свою страну освобожденной отъ ярма чужеземцевъ.

Эта рѣчь произвела громадное впечатлѣніе на католическое населеніе Польши. Совѣтъ конфедераціи распространялъ печатные экземпляры папской рѣчи (въ польскомъ и литовскомъ переводѣ) въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Консерваторы, правда, пытались ослабить значеніе рѣчи, издавъ ее съ исключеніемъ наиболее яркихъ мѣстъ, относящихся къ возстановленію Польши, но это имъ не удалось, такъ какъ желательное для агитаторовъ впечатлѣніе было уже произведено.

Одновременно съ агитаціей въ Ватиканѣ велась дѣятельная агитація въ Европѣ. 26-го апрѣля 1876 г. совѣтъ конфедераціи назначилъ Кошица уполномоченнымъ (*envoyé grénipotentiaire*) для заграницы, и 6-го мая Кошица прибылъ въ Лондонъ. При помощи генерала Врублевскаго ему удалось заинтересовать въ дѣлѣ агитаціи многихъ выдающихся противниковъ Россіи, какъ среди англійскихъ политическихъ дѣятелей, такъ и среди представителей прессы. Результатомъ этого было созваніе колоссальнаго митинга (въ которомъ принимало участіе около 20.000 чел.) въ Гайдъ-Паркѣ. На

митингъ были приняты резолюціи, требовавшія возстановленія Польши и объявленія войны Россіи.

Велѣдъ затѣмъ Коциць отправился въ Парижъ, но здѣсь всѣ его усилія поднять агитацію не увѣнчались успѣхомъ. Уже въ то время назрѣвавшія симпатіи Франціи къ Россіи дѣлали немислимою сколько нибудь усиленную агитацію противъ Россіи. Въ виду того, что конфедерация рассчитывала главнымъ образомъ на помощь Англии, неудача агитаціи въ Парижѣ не особенно огорчала генеральный совѣтъ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени подоспѣло извѣстіе изъ Турціи о формированіи въ Константинополѣ польскаго легіона, начальникомъ котораго султанъ назначилъ Артура Циммермана (Артуръ-бей), а начальникомъ штаба—бывшаго флигель-адъютанта султана, полковника Лискевича.

Во Львовѣ, между тѣмъ, въ это время произошла крупная перемѣна. Члены генеральнаго совѣта конфедерации изъ желанія придать своимъ дѣйствіямъ болѣе вѣса рѣшили поставить во главѣ заговора какое либо вліятельное лицо. Выборъ ихъ палъ на извѣстнаго польскаго магната, князя Адама Сапѣгу. Душа заговора, Коциць, фактически стоявшій во главѣ всего предпріятія, былъ оскорбленъ выборомъ Сапѣги и, хотя сначала не подалъ виду, немного погодя, воспользовавшись первымъ возникшимъ недоразумѣніемъ, вышелъ изъ состава генеральнаго совѣта, такъ что, когда во Львовъ прибыло специальное посольство отъ султана для переговоровъ съ генеральнымъ совѣтомъ конфедерации, его пришлось принимать двумъ оставшимся членамъ совѣта, не пользовавшимся особеннымъ вліяніемъ и не рѣшавшимся поэтому принять на себя огромную отвѣтственность. Вслѣдствіе этого они обратились къ Коцицу, прося его принять участіе въ переговорахъ съ турецкими послами.

Турецкое посольство, состоявшее изъ Звѣржховскаго и Сѣмильскаго, прибыло во Львовъ 17-го мая и въ тотъ же день было выслушано на квартирѣ одного изъ членовъ организациі. Коциць въ началѣ засѣданія попросилъ посла объяснить, какое порученіе султана онъ имѣетъ передать генеральному совѣту.

Звѣржховскій изложилъ содержаніе своего разговора съ султаномъ во время аудіенціи, которую онъ имѣлъ у него передъ отъѣздомъ, и передалъ привѣтъ султана генеральному совѣту конфедерации. Вслѣдъ затѣмъ, пояснивъ, что въ главахъ султана дѣло Турціи и Польши является въ данномъ случаѣ идентичнымъ, такъ какъ имъ приходится бороться противъ общаго врага, Звѣржховскій обратился къ присутствовавшимъ членамъ генеральнаго совѣта съ предложеніемъ отъ имени султана: вызвать не позже двухъ недѣль вооруженное возстаніе въ Польшѣ. Сѣмильскій прибавилъ къ этому, что, въ случаѣ принятія совѣтомъ предложенія султана, въ распоряженіе совѣта будетъ выдана для начала дѣйствіи сумма въ 77 тысячъ гульденовъ.

Коцицъ отъ имени совѣта поблагодарилъ за высокую честь, оказанную султаномъ конфедераціи, но сказалъ, что конфедерація считаетъ невозможнымъ поднять возстаніе въ Польнѣ въ означенный посломъ срокъ, тѣмъ болѣе, что Турція не выполнила условій, означенныхъ въ высланномъ совѣтомъ меморіалѣ, а именно: она не устроила требуемаго займа и, кромѣ того, вмѣсто наступательной войны ведетъ оборонительную, что значительно измѣняетъ положеніе дѣла. Въ виду всего этого конфедерація отказывается и отъ предлагаемыхъ ей султаномъ 77 тысячъ гульденовъ.

Не успѣлъ Коцицъ окончить свою рѣчь, какъ Звѣржховскій воскликнулъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ мы обратимся прямо къ Сапѣги.

— Желаю вамъ отъ всей души успѣха, — сказалъ Коцицъ и удалился изъ собранія.

Пріемъ турецкихъ пословъ былъ въ сущности послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ генеральнаго совѣта. Вслѣдъ затѣмъ дѣло переходитъ въ руки Адама Сапѣги и принимаетъ такой оборотъ, котораго, конечно, не ожидали инициаторы заговора, ставя Сапѣгу во главѣ дѣла.

IV.

Въ Лондонѣ въ это самое время генераль Крукъ хлопоталъ о заключеніи займа и вошелъ по этому поводу въ переговоры съ лордомъ Стюартомъ Ролландомъ. Крукъ просилъ миллионъ фунтовъ стерлинговъ и требовалъ немедленной посылки англійскаго флота въ Балтійское море. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній торіи согласились на поставленные Крукомъ требованія относительно размѣровъ займа, но, въ свою очередь, выразили желаніе, чтобы требуемая сумма была вручена человѣку съ вѣсомъ, который могъ бы гарантировать правильность ея расходованія. Рѣшено было, что изъ Львова въ Лондонъ поѣдетъ для заключенія займа, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, графъ Артуръ Голуховскій. Но не успѣлъ онъ доѣхать до Кельна, какъ получилъ телеграмму отъ Сапѣги, вызывавшую его въ Вѣну для участія въ выборѣ національнаго правительства, имѣвшаго замѣнить генеральный совѣтъ конфедераціи, при чемъ нововыбранное національное правительство должно было рѣшить и вопросъ о необходимости займа.

Послы Сапѣги полетѣли въ Краковъ, Познань и Варшаву для созыва делегатовъ. Изъ познанскихъ делегатовъ слѣдуетъ отмѣтить игравшихъ впоследствии нѣкоторую роль въ политикѣ: ксендза Стублевскаго (теперешняго архіепископа), д-ра Нѣголевскаго и Александра Гутри. Специально съ цѣлью присутствовать на этомъ съѣздѣ въ Вѣну прибыли Митхадъ-паша и англичане: лордъ Стюартъ Ролландъ, Джонстонъ Вутлеръ, лордъ Дембицъ и кардиналъ Машиницъ. Кромѣ того, на засѣданіяхъ съѣзда присутствовали

Жюль Гриви (впоследствии президентъ Французской республики) и нѣсколько крупныхъ венгерскихъ и итальянскихъ магнатовъ. Изъ Галиціи прибыла масса польскихъ патриотовъ, въ большинствѣ случаевъ—консервативнаго отгѣнка; изъ Варшавы—два анонимныхъ делегата.

На этомъ съѣздѣ въ качествѣ членовъ національнаго правительства были выбраны князь Сапѣга, Окша-Оржеховскій, Голембергскій, А. Гутри и Х. изъ Варшавы. Президентомъ былъ избранъ князь Сапѣга.

Дабы сдѣлать понятными читателямъ дальнѣйшія событія, необходимо оговориться, что Сапѣга, несмотря на выраженное имъ согласіе стать во главѣ движенія, былъ въ душѣ его яркимъ противникомъ и рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы не дать ему разгорѣться. Сообразно этому, первымъ его распоряженіемъ была отсылка пароходовъ съ оружіемъ, прибывшихъ въ Триестъ, подальше—въ Александрію, и изданіе циркуляра, предписывавшаго пріостановку какихъ бы то ни было военныхъ повстанческихъ приготовленій въ границахъ Польши. Циркуляръ этотъ мотивировался ожидаемымъ военнымъ вмѣшательствомъ Австріи съ цѣлью возстановленія Польши. Но такъ какъ на полѣ дѣйствія еще оставались бывшіе члены генеральнаго совѣта конфедераціи, то, чтобы усмирить ихъ, Сапѣга обратился за содѣйствіемъ къ своему другу и единомышленнику, графу Альфреду Потоцкому, намѣстнику Галиціи, по распоряженію котораго львовская полиція произвела цѣлый рядъ обысковъ и арестовъ во Львовѣ. Между арестованными были и Коциць.

Но такъ какъ Сапѣгѣ, въ качествѣ «президента національнаго правительства», надо же было что нибудь дѣлать,—имъ былъ поднесенъ вѣрнопопданническій адресъ австрійскому императору, чрезвычайно скромнаго содержанія. Авторы адреса выражали свою готовность сражаться за «отечество» (т.-е. Австрію), когда императоръ призоветъ ихъ къ этому. Одновременно съ этимъ Сапѣга дѣйтельно распускалъ слухи, что Австрія выступитъ на защиту интересовъ Польши, и что въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ—это уже рѣшенное дѣло.

Одинъ изъ бывшихъ членовъ генеральнаго совѣта конфедераціи очень остроумно охарактеризовалъ дѣятельность Сапѣги и его единомышленниковъ, сказавъ, что они изъ заговорщиковъ чрезвычайно быстро превратились въ полицеймейстеровъ.

Необходимо также отмѣтить, что на ряду съ этой «конспиративной» работой Сапѣги и его приверженцевъ, направленной противъ затѣвлявшагося повстанія, польскіе консерваторы дѣятельно работали въ печати и среди общества, манифестируя свои «лояльныя» чувства и стараясь всѣми способами создать противовѣсъ пропагандѣ заговорщиковъ. Такъ, въ консервативномъ «*Gas*»'ѣ и другихъ польскихъ газетахъ того же отгѣнка появилось слѣдующее заявленіе:

· Воззваніе къ польской эмиграціи.

«Во время настоящей войны Москвы съ Турціей, войны, поднятой для освобожденія нашихъ славянскихъ братьевъ отъ варварскаго деспотизма мусульманъ,—принять участіе въ этой борьбѣ, становясь въ рядахъ турецкихъ войскъ, было бы измѣной нашимъ принципамъ, о которыхъ мы неоднократно заявляли публично».

Одновременно съ этимъ рѣшено было нагляднымъ образомъ выразить симпатіи консервативной части польскаго общества къ Россіи, и съ этой цѣлью княжна Радзивиллъ и графиня Гауке въ Берлинѣ стали во главѣ мѣстнаго комитета, собиравшаго пожертвованія для раненыхъ русскихъ воиновъ. То же было сдѣлано нѣкоторыми представительницами польской аристократіи въ Варшавѣ.

V.

Какъ бы то ни было, нововыбранному «національному правительству», замѣнившему «совѣтъ конфедераціи», надо было что нибудь предпринимать, чтобы оправдать свое существованіе, тѣмъ болѣе, что въ его рукахъ были довольно крупныя денежныя средства, и на него было обращено вниманіе европейской дипломатіи, знавшей о существованіи заговора.

Между прочимъ, съ особой симпатіей къ заговору относились венгерцы, все еще не могшіе забыть усмиренія венгерскаго возстанія при помощи русскихъ войскъ. Среди венгерцевъ возникъ планъ, который, если бы онъ былъ приведенъ въ исполненіе, могъ повести къ нѣкоторымъ дипломатическимъ осложненіямъ, хотя бы уже потому, что обратилъ бы на себя вниманіе европейскихъ державъ, официально воскресивъ «польскій вопросъ», и далъ бы такимъ образомъ европейской дипломатіи поводъ для легальнаго вмѣшательства и посредничества.

Планъ венгерцевъ, первая мысль о которомъ была подана Карломъ Бржозовскимъ, заключался въ слѣдующемъ.

Предполагалось собрать въ венгерскихъ комитатахъ (уѣздахъ) Гамашскомъ, Удваргельскомъ и Чинскомъ отрядъ венгерцевъ-охотниковъ въ количествѣ 2.000—3.000 чел. и ввести этотъ отрядъ черезъ горный проходъ Соосъ въ сосѣднюю Румынію. Отрядъ долженъ былъ уничтожить полотно желѣзной дороги и взорвать мосты, чтобы затруднить движеніе русской арміи. Одновременно съ этимъ на границахъ Подолія должны были сформироваться польскіе повстанческіе отряды.

Предводительство венгерскими охотниками было поручено генералу Клапкѣ. Доказательствомъ того, что это, кажущееся на первый взглядъ безумнымъ, предпріятіе имѣло подъ собою нѣкоторую почву, служить то обстоятельство, что на него дали средства и къ

немъ приняли горячее участіе венгерскіе магнаты, члены палаты Угронъ, Барта, Балаши и многіе другіе.

Генералъ Кланка энергично принялся за вооруженіе отряда и закупилъ 2.000 карабиновъ старой системы и 400.000 патроновъ къ нимъ.

Но въ то время, какъ въ Венгріи вербовались охотники для предстоящей экспедиціи, въ Галиціи Сапѣга и его друзья употребили всѣ усилія, чтобы подавить движеніе. Рѣшено было вмѣсто вербовки повстанцевъ помочь уже усиѣвшимся организоваться въ Турціи «польскимъ легіонамъ». Этыхъ «легіоновъ» было всего два: «европейскій», въ которомъ числилось 60 пѣхотинцевъ и 40 «кавалеристовъ» (безъ лошадей), и «азіатскій» — изъ 45 чел. пѣхотинцевъ. Для того, чтобы «руководить» этими лилипутскими легіонами, въ Константинополѣ существовало нѣсколько специальныхъ польскихъ комитетовъ, которые, какъ и слѣдовало ожидать, перессорились другъ съ другомъ. И вотъ Сапѣга торжественно отправилъ въ Константинополь «полномочнаго посла» Звѣржховскаго, который и посвятилъ свое время посѣщенію константинопольскихъ кофеенъ и другихъ увеселительныхъ заведеній. «Европейскій легіонъ», которому надоѣла вся эта игра въ высокую дипломатію, примкнулъ къ отряду Салъха-паши и почти весь поголовно былъ уничтоженъ въ битвѣ подъ Кизиларомъ, 23-го августа. Эта бесполезная для польскаго дѣла гибель «легіона» вызвала ожесточеніе въ радикальныхъ кругахъ въ Львовѣ. Но консерваторы не унывали и зазывали прямо, что для того, чтобы спасти Польшу отъ новаго несчастья, слѣдовало бы выслать всѣхъ «заговорщиковъ» въ легіоны и такимъ образомъ очистить Польшу отъ «безпокойныхъ головъ». На сторонѣ польскихъ консерваторовъ стояли многіе русинскіе патріоты, которые прямо угрожали поголовнымъ возстаніемъ русинскихъ крестьянъ, если бы «поляки опять запевелились въ Галиціи». Наконецъ, изъ Варшавы прибыло нѣсколько благоразумныхъ людей (между прочими, профессора Грабовскій и Абакумовичъ), которые всячески старались доказать безуміе затѣваемаго предпріятія, грозившаго Польшѣ лишь новыми несчастьями. Воинственный пылъ началъ мало-по-малу охлаждать, но дипломатическія усилія все еще продолжались. Графъ Артуръ Голуховскій выслалъ меморіаль къ графу Андраши, предлагая отъ имени «польской національной партіи» возстановленію Польшу Габсбургской династіи. Съ другой стороны, старикъ Кошутъ изъ-за границы зывалъ къ венгерцамъ, убѣждая ихъ оказать помощь полякамъ. Наши тогдашнія пораженія подъ Плевной усиливали серьезность положенія, и многіе консервативные поляки серьезно надѣялись «безъ пролитія крови», одними дипломатическими усиліями добиться возстановленія Польши.

VI.

Между тѣмъ, случилось нѣчто, что давно можно было ожидать, и чего лишь не ожидали наиболѣе ослѣпленные изъ заговорщиковъ. «Полномочный посолъ» Сапѣги въ Константинополь, Звѣржховскій очевидно, повинаясь инструкціямъ Сапѣги, вошелъ въ сношеніи съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, открывъ ему планъ заговора. Вслѣдствіе этого, въ Венгріи, по распоряженію изъ Вѣны былъ произведенъ рядъ обысковъ и арестовъ съ конфискаціей заготовленнаго для венгерской экспедиціи оружія, а на австро-русской границѣ былъ захваченъ цѣлый вагонъ ружей и аммуниціи, предназначавшихся для транспортировки въ Подолію для повстанческаго отряда, который долженъ былъ идти соединиться съ венгерцами.

По другой версіи, виновникомъ этихъ арестовъ и конфискаціи былъ Окша, который завѣдывалъ въ Пештѣ организаціей венгерскаго легіона, но который въ послѣднюю минуту рѣшилъ «оформить» это дѣло и обратился за... формальнымъ разрѣшеніемъ къ Тиссѣ!.. Тисса, конечно, немедленно долженъ былъ сообщить объ этомъ Андраши, ибо дѣло грозило серьезнымъ столкновеніемъ съ Россіей, котораго австрійское правительство вовсе не желало.

Такимъ образомъ Сапѣгѣ удалось нанести серьезный, неизлѣчимый ударъ готовившемуся возстанію и организаціи венгерскаго легіона, который долженъ былъ сыграть рѣшающую роль въ началѣ затѣвавшагося возстанія.

Когда заговорщики снова собрались въ одной изъ Львовскихъ кофейнъ, князь Сапѣга, несмотря на всю неловкость своего положенія, увѣрялъ собравшихся «конфедератовъ», что не все еще потеряно, и патетически восклицалъ:

— Я еще вамъ устрою повстаніе! Можете меня повѣсить, если не устрою!..

— Жаль, что мы не сдѣлали этого раньше,—съ горечью замѣтилъ Кошницъ.

Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ нѣкоторыя горячія головы пытались еще разъ создать новое «національное правительство», съ цѣлью воскрешенія заговора, но побѣды русскихъ войскъ въ Азіатской Турціи показали заговорщикамъ, что они затѣваютъ нѣчто совершенно безумное.

Джонстонъ Бутлеръ, выдавшій изъ рукъ въ руки Сапѣгѣ на венгерскую экспедицію 50.000 гульденовъ изъ суммъ англійскаго секретнаго фонда, встрѣтившись съ Сапѣгой въ концѣ 1877 года въ Венеціи, потребовалъ у него возвращенія этихъ денегъ. Сапѣга отказался выполнить это требованіе, и глубоко возмущенный Бутлеръ обругалъ не только Сапѣгу, но и вообще поляковъ «мошенниками». Сапѣга плавалъ Бутлера на дуэль, но хладнокровный

англичанинъ заявилъ, что ему нужна не дуэль, а деньги или отчетъ въ ихъ употребленіи.

Вслѣдъ затѣмъ въ Болоньѣ собрался эмигрантскій судъ, предъ которымъ долженъ былъ предстать Сапѣга. На вопросъ графа Голуховскаго Сапѣгѣ, почему послѣдній вслѣдствіи старался парализовать движеніе, Сапѣга съ полной откровенностью отвѣтилъ, что это именно и было его цѣлью, когда онъ становился во главѣ движенія. Сапѣгѣ опять пришлось выслушать рядъ неслестныхъ эпитетовъ отъ бывшихъ товарищей по заговору.

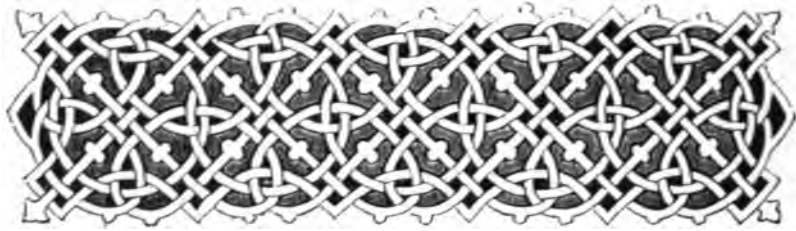
Такъ комически закончилась «конфедерация», которая, понади она не въ руки Сапѣги, а кого либо изъ «горячихъ головъ», которыхъ немало было въ польской эмиграціи, могла повести къ довольно крупнымъ событіямъ.

У многихъ читателей можетъ возникнуть вопросъ, который задавали и мы сами себѣ: насколько можно довѣрять брошюрѣ «бывшаго конфедерата»? Отвѣтомъ на это служитъ то обстоятельство, что многія упомянутыя въ брошюрѣ лица до сихъ поръ живы и не протестовали противъ разоблаченія автора брошюры. Характерно также, что газеты, въ родѣ краковскаго «Czas»а, панаали на анонимнаго автора за «несвоевременное опубликованіе національныхъ тайнъ». Наконецъ, еще недавно въ «Kurjer»ѣ Lwowsk»омъ появился рядъ статей, въ общемъ подтверждающихъ показанія «бывшаго конфедерата».

Какъ мы уже сказали выше, мы воздерживаемся отъ какихъ либо комментариевъ, но не можемъ не замѣтить въ заключеніе, что въ настоящій моментъ эта «страничка изъ исторіи русско-польскихъ отношеній» намъ кажется не лишеной глубокаго и серьезнаго интереса.

В. П. Батуриискій.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I ¹⁾).

III.

Изъ-за шутки.

I.

ОЗДНО ночью по Большой Морской шли два офицера. Они закутались въ шинели, подняли воротники. Говорить было трудно, такъ какъ уши и рты были плотно закрыты мѣховыми воротниками. Къ тому же ревѣлъ пронзительный вѣтеръ, шелъ крупный снѣгъ...

Они остановились у Невскаго. Въ воздухѣ висѣла бѣлая колеблющаяся занавѣска изъ снѣга. Фонари задувались. Было безлюдно, скучно, холодно...

— Пойду домой. Ужъ поздно!—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Къ Мими итти не хочется...

— Какъ знаешь,—отвѣтилъ другой.—И вообще я замѣтилъ, что за послѣднее время ты измѣнился и, скажу по правдѣ, къ худшему. Ты сталъ просто неузнаваемъ...

— Нельзя иначе. Мое теперешнее положеніе таково. Разумѣется, я съ удовольствіемъ отправился бы сію минуту и къ Мими, и къ кому хочешь. Но ты знаешь, что мое положеніе...

— Да, да, понимаю! Женихъ... Да, неудобно быть въ такомъ положеніи. А впрочемъ будь я на твоёмъ мѣстѣ, я бы все-таки не забылъ побывать у Мимочки. То одно дѣло, это другое...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIX, стр. 142.

— Немножко не такъ. И я, пожалуй, на мѣстѣ жениха отпра- вился бы съ тобой. Но въ томъ-то и дѣло, что я—еще не женихъ: мнѣ не отказали, но зато и не дали положительнаго отвѣта. И я принужденъ теперь держать себя, какъ можно скромнѣе, избѣгать различныхъ удовольствій, чуть ли не ломать всю свою жизнь, къ которой я такъ привыкъ, съ которой я такъ свыкъся, что мнѣ ужасно трудно переламывать себя...

— Ну, братъ, при такой драмѣ я не задумался бы: взялъ и бросилъ бы все и пошелъ...

— Хорошо тебѣ говорить, если ты только еще вступаешь на путь нашей жизни. А я уже успѣлъ все свое растрясти, разбро- сать, мнѣ необходимо приняться за починку своихъ денежныхъ обстоятельствъ. Все пропало, пошло прахомъ, и теперь надо же- ниться, чего бы мнѣ это ни стоило. Вотъ я и веду себя этакимъ оранжерейнымъ цвѣткомъ, тѣмъ болѣе что моя будущая теща— рѣдкій человѣкъ по своимъ чисто нѣмецко-мѣщанскимъ добродѣ- телямъ. Конечно, какъ все будетъ окончено, когда состоится офи- ціальная помолвка, и назадъ итти будетъ уже нельзя, тогда мы съ тобой побываемъ вездѣ, гдѣ это будетъ можно. Теперь же я дол- женъ шествовать домой, а ты... ты—вольная птица...

— Ступай и ложись спать. Да будь я на твоемъ мѣстѣ, сей- часъ же плюнулъ на все и пересталъ бы интересоваться этимъ. Охота тебѣ... право... Ну, такъ прощай!..

Прощай, счастливый изъ человѣковъ. На прощанье замѣчу: береги деньги, сбережешь и свободу! Говорю по собственному опыту долгихъ лѣтъ...

— Ладно. Прощай, женихъ! Желаю тебѣ добиться положи- тельнаго отвѣта. А я сейчасъ къ Мимишечкѣ. Тамъ свѣтло, тепло, уютно, пахнетъ духами, виномъ...

— Знаешь что,—быстро и боязливо проговорилъ «женихъ»,— позови извозчика: мы, пожалуй, поѣдемъ вмѣстѣ... Понимаешь? Я себѣ хочу разрѣшить...

— Давно бы такъ. А то физиономія монаха тебѣ не къ лицу... Извозчикъ!..

Въ бѣлой колеблющейся занавѣскѣ снѣга вырисовывался си- луэтъ извозчика...

— На Итальянскую! Живо!—сказалъ офицеръ, и скоро сани потонули въ кружевной занавѣскѣ...

II.

— Сонечка проснулась, Надя?—спрашивала старая, солидная госпожа Бостельманъ, сидя за чашкою утренняго кофе.—Надя! Надежда! Надежда!..

— Встаюгъ, одѣваются,—сказала горничная, появляясь въ дверяхъ.—Сейчасъ выйдутъ!..

«истор. вѣстн.», февраль, 1906 г., т. хсѣх.

Горничная хотѣла было идти, но Бостельманъ снова крикнула своимъ пронзительнымъ голосомъ:

— Нада! Надежда! Куда же ты уходишь? Кто тебѣ позволилъ? Скажи Сонечкѣ, что мнѣ съ ней нужно говорить. Пусть идетъ прямо сюда. А Володенька всталъ?

— Они ужъ булки въ постели кушаютъ и капризничаютъ: одѣваться не хотятъ.

— Скажи ему, что я сейчасъ приду и выпорю его. Забди раньше къ барышнѣ...

Горничная ушла, и Бостельманъ снова принялась за свою чашку. Она пила, пила долго, медленно, дѣлая необыкновенно маленькіе глотки.

Черезъ минуту вошла ея дочь, красивая блондинка лѣтъ 20, и поздоровалась съ матерью. На ней было свѣтлое платье...

— Красавица ты моя!—нѣжно заговорила мать, цѣлуя дочь.— Снѣжинка моя, бѣляночка! какая ты нарядная, свѣтлая, красивая! Мнѣ не хочется, чтобы отнимали у меня мою милую бѣляночку. Я такъ сильно люблю ее. Милая моя, Сонечка, дѣточка, садись сюда, на скамеечку, поближе... Вотъ такъ. Я хочу съ тобой серьезно поговорить...

— О чемъ же мы будемъ говорить, мама?—спросила Соня, улыбаясь словамъ матери.

Бостельманъ помолчала, подумала немного и перевела глаза на портретъ, висѣвшій высоко на стѣнѣ и изображавшій генерала въ отставкѣ.

— Моя милая дѣточка!—сказала она сквозь слезы.—Ты не знала своего отца. Если бы онъ былъ живъ!.. Мнѣ было бы съ кѣмъ посоветоваться... Я ничего не знаю, всего боюсь, боюсь ужасно. Я всегда была труслива, а съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ сдѣлалъ предложеніе этотъ страшный, съ огромными усищами офицеръ, я еще больше стала всего бояться. Когда онъ сказалъ мнѣ, что предлагаетъ тебѣ свою руку, я ужасно испугалась. Я подумала, что онъ, этотъ твой офицеръ—самый злой, самый сердитый на свѣтѣ человекъ. И я боялась говорить съ нимъ, боялась отвѣчать на его вопросы, боялась, что онъ потребуетъ отъ меня рѣшительнаго и послѣдняго отвѣта. Но я все еще боюсь, что онъ отниметъ тебя у меня. Вотъ я и хотѣла поговорить съ тобой о томъ, что ты полагаешь ему отвѣтить въ концѣ концовъ. Это я должна знать... Я плохо стала спать. Мнѣ все почему-то кажется, что этотъ офицеръ долженъ причинить мнѣ много огорченій. Скажи мнѣ, милая Сонечка, только скажи самую сущую правду: чувствуешь ты что нибудь къ нему?

Соня весело разсмѣялась и поглядѣла на мать, которая, казалось, была очень озабочена чѣмъ-то; глаза ея безпокойно бѣгали, лицо было блѣдно.

— Какъ вамъ сказать, мама,—отвѣтила она,—я и сама не знаю еще толкомъ. Право!

— Правду, только правду!—прошентала мать глухимъ голосомъ.—И требую правды!

— И не лгу, мама! Когда онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе, мнѣ стало только очень смѣшно, и я боялась, какъ бы мнѣ не разсмѣяться. Я насилу могла удержаться. Конечно, я его не люблю, въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы сильно нравиться. Наконецъ, я еще не стара и вовсе не собираюсь выходить замужъ. Я только недавно еще стала выѣзжать, мнѣ еще не надоѣла свобода... Вообще скажу вамъ по правдѣ, что я не тороплюсь. Я говорю правду. Въ тотъ разъ, когда онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я хотѣла ему отказать.

— Что ты? Что ты? Какъ это можно?—быстро и безпокойно проговорила Бостельманъ.

— Ну, вотъ, вы виноваты сами. Тогда вы не позволили мнѣ это сдѣлать и сами сказали ему, что мы подумаемъ...

— Ахъ, Сонечка, если бы ты знала, какъ я его боюсь!.. Ужасно...

— Вы всѣхъ, мама, бонтесь: прислугу, что она васъ убьетъ, извозчиковъ, что они васъ непремѣнно задавятъ, моего жениха, что у него длинные усы.

— Не говори, не говори такъ, Сонечка! Ты еще очень молода, людямъ нельзя вѣрить...

— Ну, такъ вы не пожелали, чтобы я ему тогда же отгнѣтила отказомъ, а теперь...

— Ахъ, я такъ тогда испугалась его,—прошентала Бостельманъ искренно.

— Вы знаете, что теперь онъ ждетъ отвѣта. Рано или поздно, но намъ придется дать ему окончательный отвѣтъ. Хорошо бы, если бы мы написали ему...

— Что ты? Что ты? Развѣ это можно? И неприлично, и странно. Онъ обидится. И потомъ почему же мы должны ему дать отрицательный отвѣтъ, отказъ?... Онъ можетъ разсердиться, можетъ вспылить.—«Почему такое мнѣ отказали?»—скажетъ.—«Чѣмъ я не женихъ? а?»—спроситъ. Нѣтъ, Сонечка, это надо какъ нибудь иначе сдѣлать... Такъ нельзя...

— Я не знаю, мама, какъ... По-моему: взять и написать. Не подумаешь же онъ прійти къ намъ послѣ этого. Онъ—человѣкъ воспитанный, онъ понимаетъ...

— Ну, да, много ты понимаешь. Боюсь я офицеровъ, боюсь. Такой они народъ, что все имъ нипочемъ; недаромъ они—военные. Вотъ если бы живъ былъ покойникъ твой батюшка, онъ научилъ бы меня, что мнѣ дѣлать. А теперь я ничего не знаю...

Въ передней раздался сильный звонокъ. Старуха Бостельманъ вскочила со стула и поблѣднѣла. Вѣлыя губы ея зашевелились...

— Не принимать, никого не принимать. Скажи Надеждѣ, чтобы не принимали...

Соня вышла, а Востельманъ стояла въ оцѣпенѣніи и ждала, поглядывая на дверь.

— Это генеральша пріѣзжала съ визитомъ!—сказала Соня, входя въ комнату.

Востельманъ сѣла на свое кресло и въ изнеможеніи смолкла. Соня сѣла на прежнее мѣсто и хотѣла продолжать разговоръ съ матерью.

— Нѣтъ, Сонечка, какъ хочешь, я не могу больше оставаться здѣсь, въ этомъ проклятомъ Петербургѣ. Поѣдемъ отсюда. Я боюсь всего. Поѣдемъ, милая, дѣточка, хорошая, поѣдемъ!.

— Какъ хотите, мама,—отвѣтила равнодушно Соня.—Я готова ѣхать, куда хотите.

— Я придумала,—заговорила Востельманъ,—я придумала: мы уѣдемъ отсюда, поѣдемъ въ Новгородъ. Тамъ тихо, хорошо. Отъ моей тетки тамъ у меня остался въ наслѣдство прекрасный барскій домъ. Мы жили въ немъ, когда ты была за границей. Мы пріѣдемъ туда, проживемъ тамъ. Тамъ отлично, прекрасно. И тамъ офицеры есть, такіе тихіе, скромные...

— Куда хотите и какъ хотите,—съ улыбкой проговорила Соня.—Вы же сами захотѣли жить въ Петербургѣ: вамъ было страшно жить въ деревнѣ. Мнѣ и тамъ было весело: по крайней мѣрѣ, тамъ знакомыхъ было много. Я на все согласна!.

— О, моя милая, хорошая, дорогая дѣвочка,—нѣжно сказала мать,—ты понимаешь меня и не хочешь, чтобы твоя старая мама страдала. Даю тебѣ слово, что въ Новгородѣ мы проживемъ спокойно и хорошо. Тамъ нѣтъ такихъ людей... здѣсь каждый день убійства, грабежи, разбои, пристаюгъ на улицахъ. А по Невскому пѣшкомъ просто хотъ не ходи. На-дняхъ иду, а ко мнѣ подходитъ какой-то мужчина да и говоритъ: «Позвольте васъ, сударыня, проводить!». Я такъ и присѣла на землю, и сойти не могу, испугалась. Насилу въ себя пришла, а мужчина увидалъ, что я на землю опустилась, и бросился бѣжать. Поѣдемъ въ Новгородъ. Это близко и хорошо. Сегодня же начнемъ собираться...

— А какъ же съ женихомъ мы поступимъ?—спросила Соня.—Что мы съ нимъ сдѣлаемъ?

— Съ женихомъ-то?—словно въ раздумьѣ, проговорила мать и добавила:—ужъ объ этомъ ты не безпокойся. Я берусь все это сама устроить...

— Вы? Какъ же вы это устроите? Подѣлитесь со мной вашими мыслями... Это интересно.

— Нѣтъ, нѣтъ... не скажу. Это—мой секретъ! Пока только вотъ что... Надя! Надежда! Надежда! Оглохла? Слушай: если сегодня, завтра или послѣзавтра придетъ офицеръ... знаешь? такой съ

длинными усами, по фамиліи Бартоломей... такъ скажи, что мы въ театрѣ. Поняла? Когда бы ни пришелъ, ты скажешь, что мы въ театрѣ...

— И утромъ сказать, что вы въ театрѣ тоже?—спросила горничная въ недоумѣніи.

— Глупая,—воскликнула Бостельманъ,—утромъ мы уѣхали... по дѣламъ... въ гости...

— Слушаюсь!—отвѣтила горничная и выбѣжала изъ комнаты, такъ какъ послышался новый звонокъ въ передней.

Горничная долго оставалась въ дверяхъ, и когда она возвращалась въ комнату, у нея на губахъ сквозила хитрая усмѣшка.

— Они были! — доложила горничная. — Сердились и называли меня душой...

— Кто? Кто они? Говори понятно! — вскрикнула Бостельманъ, топая ногой.

— Они, офицеръ этотъ самый... которому вы приказали про театръ сказывать...

— Скорѣй, скорѣй, въ Новгородъ! — закричала Бостельманъ не своимъ голосомъ.—Живо, собираться! Ыдемъ сегодня же! Ты, Надя, останешься здѣсь, соберешь, уложишь вещи и пріѣдешь... А мы сегодня же ѣдемъ. Сонечка, милая, пожалѣй ты меня, старуху.

Бостельманъ бросилась на шею дочери и судорожно зарыдала.

III.

— Ты себѣ представить не можешь, какую онѣ со мною штуку выкинули!—говорилъ поручикъ Бартоломей своему товарищу, прогуливаясь однажды вечеромъ по Невскому.—Помнишь, мы съ тобой поѣхали къ Мими. На другой день утромъ я пріѣзжаю къ своей невѣстѣ. Звонюсь. Выходитъ горничная и объявляетъ мнѣ, что обѣ барыни—старая и молодая—уѣхали въ театръ. Я на нее зыкнулъ. Тогда она поправилась и заявила, что онѣ уѣхали въ гости. Я пріѣхалъ вечеромъ. Барыни опять въ театрѣ. Вижу, горничная смущена, вретъ. Я пріѣзжаю утромъ на слѣдующій день. Та же исторія. Вижу, что тутъ дѣло нечисто. Пріѣзжаю еще разъ, гляжу, а ужъ ихняя квартира сдается. Мнѣ сказали, что барыни отправились въ Новгородъ по важному дѣлу... Ни письма, ничего. Ужасно вѣжливо! Прошло уже почти полтора мѣсяца, а отъ нихъ я не получилъ никакого извѣстія.

— Что же теперь ты намѣренъ дѣлать?

— Не знаю. Не хочется мнѣ упускать невѣсту. Хорошая, умная, да къ тому же и богатая дѣвушка, была за границей... Поѣду въ Новгородъ, возьму отпускъ. Не знаю: кажется, что я начинаю влюбляться въ нее. Никогда со мной такой пакости не

случалось, а теперь чувствую, что дѣло не въ порядкѣ. На будущей недѣлѣ и поѣду. Остановлюсь тамъ у товарища своего, онъ въ Новгородѣ въ артиллеріи служить.

— А я на твоёмъ мѣстѣ плюнулъ бы на всю эту исторію. Не все ли тебѣ равно?

— Нельзя: я уже вездѣ раззвонилъ, что женюсь на ней. Отецъ уже одобрилъ мой выборъ, и не хочется остаться въ дуракахъ. Да потомъ, повѣрь, начинаю чувствовать что-то въ родѣ любви. Хочется мнѣ увидать Сонечку ужасно.

— Просился ужъ въ отпускъ? Пожалуй, теперь не отпустить надолго. Ждутъ войны.

— Я думаю въ двѣ недѣли все это кончить. Ужъ я своего добьюсь: или она станетъ моей женой, или я ся матушкѣ, старой собакѣ, такую пилюлю подпущу, что она меня не забудетъ. Право, ужасно скверно, когда все это никакъ склеиться не можетъ.

— А пока, до склейки, не хочешь ли проѣхаться къ Мими? Скажемъ ей, что ты собираешься наложить на себя узы брака. Вотъ она смѣяться-то будетъ.

— Что-жъ, я готовъ! Извозчикъ, на Итальянскую!

IV.

Въ первое время по пріѣздѣ въ Новгородъ Бостельманъ чувствовала себя великолѣпно. Не было той уличной сутолки, которой она такъ бѣялась въ Петербургѣ, не было извозчиковъ-лихачей, «сумасшедшихъ, пьяныхъ разбойниковъ», какъ называла ихъ Бостельманъ.

Новгородъ, какъ забытый Богомъ городъ, подавалъ только слабые признаки жизни.

И это очень нравилось старухѣ Бостельманъ. Она по цѣлымъ днямъ не выпускала изъ рукъ сентиментальныхъ романовъ и хотѣла развить къ нимъ вкусъ у своей дочери. Но Соня не поддавалась ея вліянію и предпочитала читать произведенія русскихъ писателей: въ то время входилъ въ моду Гоголь, сочиненія Пушкина раскупались нарасхватъ, зачитывались Лермонтовымъ. Бостельманъ не любила ни русскихъ писателей, ни книгъ, написанныхъ ими, такъ какъ, по ея миѣнію, русскій языкъ былъ слишкомъ грубъ, чтобы давать надлежащее впечатлѣніе о «возвышенныхъ предметахъ, которые только и можно описывать французскимъ языкомъ».

У Бостельманъ въ Новгородѣ образовался довольно большой кругъ знакомыхъ.

Но больше всего сама Бостельманъ была обрадована тѣмъ, что въ Новгородѣ она познакомилась съ артиллерійскимъ поручикомъ

Вережкинымъ, оказавшимся ея дальнимъ родственникомъ. Вережкинъ былъ очень изящный, ловкій, умный и образованный офицеръ, что въ николаевскую эпоху составляло рѣдкость. Онъ сразу пришелся по душѣ Востельманъ, и съ перваго же посѣщенія она почувствовала къ нему необыкновенную нѣжность.

Когда же изъ разговоровъ выяснилось, что онъ ей приходится родственникомъ, хотя и очень отдаленнымъ, то ея радости не было границъ. Она заплакала, поцѣловала его въ лобъ и нѣжно проговорила сквозь слезы:

— Вы мнѣ зачѣните моего умершаго сына! Вы такъ похожи на него... Вы мой сынъ!..

Причина такой необыкновенно быстрой симпатіи нашла объясненіе у Сони.

— Вы, мама,—сказала она матери,—разсчитываете, что этотъ нашъ родственникъ не можетъ быть такимъ, какъ всѣ остальные только потому, что онъ—нашъ родственникъ. Всѣ происходящіе по прямой или боковой линіи отъ Востельманъ должны быть людьми необыкновенными. Не правда ли? И поэтому вы довѣряете только ему одному...

— Да, Сонечка, ты—права!—согласилась мать со вздохомъ.—Еще никто изъ нашихъ, изъ нашей фамиліи, не запятналъ себя никакимъ злымъ или позорнымъ дѣломъ. А Вережкинъ?! Посмотри, какъ онъ скромнень, какъ тихо онъ говоритъ, никогда никакой неосторожной или двусмысленной шутки. А какъ онъ обращается съ тобой!.. Вотъ для тебя самый подходящій женихъ, не то, что тѣ, петербургскіе...

— Ничего не имѣю противъ него,—отвѣтила Соня.—Не думаю, однако, чтобы онъ былъ склоненъ исполнить ваше желаніе: у него, говорятъ, уже есть невѣста!

— Не можетъ быть! -- въ испугъ вскрикнула Востельманъ.— Не можетъ быть. Это все сплетничаютъ. Вотъ возьму, да и спрошу у него самого. Узнаю навѣрное.

— Не надо, мама! Онъ можетъ подумать, что вы навязываете меня ему...

— Я знаю, что я дѣлаю. Будь спокойна: онъ ничего не подумаетъ, люди изъ нашей фамиліи не таковы. А какъ бы я этого хотѣла! Онъ былъ бы моимъ заступникомъ. У тебя былъ бы отличный мужъ, у меня другъ, сынъ... Я тогда перестала бы бояться...

Востельманъ не стала дожидаться удобнаго случая и привела свое намѣреніе въ исполненіе, едва лишь Вережкинъ успѣлъ войти въ комнату послѣ происшедшаго разговора.

— Милый мой,—начала она, поднося платокъ къ глазамъ,—я такъ несчастна, такъ несчастна. Я—одинока, могу умереть. Что будетъ тогда съ моею Сонечкой?

— Почему вамъ приходятъ на умъ такія странныя вещи?—спросилъ улыбаясь Веревкинъ.

— А развѣ я не могу умереть?—возразила она.—Всякій человекъ долженъ умереть. Не правда ли, мой дорогой другъ?

Веревкину оставалось только согласиться съ нею и вопросительно посмотрѣть на нее.

— Вотъ я и говорю,—продолжала она, — что мнѣ страшно за Сонечку. Что будетъ съ нею? Пока жива я, все хорошо: и Сонечка, и мой мальчикъ Володенька—все устроены... У Сонечки въ Петербургѣ женихъ былъ, да не захотѣли мы...

Веревкинъ весь обратился въ слухъ при этихъ словахъ, и это не ускользнуло отъ проницательнаго взора Бостельманъ, котораяумышленно замолчала.

— Я и не зналъ объ этомъ!—воскликнулъ Веревкинъ.—Кто же онъ, можно узнать?

— Отъ васъ у меня секретовъ нѣтъ: офицеръ одинъ, Бартоломей. Не захотѣли мы его...

Бостельманъ помолчала и продолжала украдкой слѣдить за Веревкинымъ.

— Не хорошіе нынче офицеры пошли,—замѣтила она.—Въ прежнія времена при Александрѣ Благословенномъ совсѣмъ другой народъ былъ: деликатные, вѣжливые, предупредительные, образованные. Нынѣшніе совсѣмъ не то...

— Позвольте поблагодарить васъ за такое мнѣніе!—улыбнулся Веревкинъ.

— Нѣтъ, я не про васъ. Вы сами—исключеніе!—поправилась Бостельманъ и хотѣла продолжать, но въ это время въ комнату вошла Соня. Мать недовольно поглядѣла на нее, и Соня, замѣтивъ этотъ взглядъ, весело разсмѣялась.

— Чему ты смѣешься, Сонечка?—спросила она смущенно и задвигалась на стулѣ.

Соня засмѣялась еще громче и закрыла лицо руками. Веревкинъ всталъ и отошелъ въ дальній уголъ комнаты.

— Перестань, Соня, это — неприлично! — сердито прошептала Бостельманъ, покраснѣвъ.

Соня открыла лицо и, едва удерживаясь отъ смѣха, проговорила, обращаясь къ Веревкину, который нервно крутилъ усы и издали наблюдалъ за сценой:

— Заявляю, что сейчасъ въ этой самой комнатѣ моя милая мамочка жаловалась вамъ на то, что я не устроена. И неужели вы не могли разубѣдить маму? Это съ вашей стороны очень дурно, вы должны были ей все рассказать...

— Что рассказать?—чуть ли не съ ужасомъ спросила Бостельманъ у Веревкина.

Веревкинъ, красный, какъ раяъ, не зналъ, что съ собой дѣ-
лать. Онъ стоялъ и молчалъ.

— Вы честный человекъ и скажете правду,—продолжала Соня,
смотря на Веревкина.—Правда ли, что у васъ уже есть невѣста?
Только говорите одну правду...

— Сонечка! Какой срамъ! Что ты говоришь? Ты съ ума
сошла!—закричала Бостельманъ.

— Говорите правду,—не унималась Соня.—Слышите ли: правду!
Есть у васъ невѣста?

— Есть...—тихо произнесъ Веревкинъ, и краска еще больше
залила его лицо.

— Что я вамъ говорила, мама, сегодня?—сказала Соня.—Мама
думала, что этотъ слухъ о васъ — простая сплетня. Теперь ска-
жите мамѣ, кто ваша невѣста...

— Сонечка, но вѣдь это, право же, неприлично!—воскликнула
Бостельманъ.

— Говорите, говорите, ужасный человекъ! — продолжала Соня,
подойдя къ Веревкину.—Говорите намъ сейчасъ, кто ваша не-
вѣста!

— Вы...—прошептала Веревкинъ, и видно было, что это стоило
ему усилий.

Бостельманъ вскрикнула и опустилась на кресло, устремивъ
на Веревкина и Соню неподвижный взглядъ своихъ круглыхъ,
сырыхъ глазъ.

— Какъ же это такъ?—зашептала Бостельманъ, оглядываясь
вкругъ.—Когда же это?...

— Мапочка, милая,—воскликнула Соня, подбѣгая къ матери
и обнимая ее:—все безъ тебя сдѣлалось. На прошлой недѣлѣ этотъ
ужасный человекъ признался мнѣ въ любви и сдѣлать предло-
женіе. Я не хотѣла тебѣ объ этомъ говорить, пока не узнала
твоего мнѣнія о немъ. Теперь... ужасный человекъ, просите у
мамы прощенія!..

Веревкинъ, улыбающійся, веселый, взволнованный, подошелъ
къ Бостельманъ.

— Мой сынъ, мой дорогой, милый сынъ!—произнесла она, и
ея глаза заволклись слезами.—Мой милый сынъ!.. Зачѣмъ же
вы до сихъ поръ молчали? Отчего же не сказали мнѣ? Какъ я
рада, какъ рада! Лучшаго жениха для дочери я и не ждала!

Бостельманъ смѣялась и плакала отъ радости. Она встала
съ кресла и обняла Веревкина. Веревкинъ былъ смущенъ и
серьезенъ.

— Вотъ радость-то! Не ждала я этого! Да какъ вы скоро-то!
Познакомились, и готово: влюблены! Молодооть, молодость... Всталъ
бы покойный твой отецъ, поглядѣлъ бы. Вотъ обрадовался бы...
Дѣти мои, вотъ успокоили, обрадовали старуху. Спасибо вамъ!..

Потомъ Востельманъ узнала, что Веревкину уже все извѣстно изъ разказовъ Сони о Бартоломей, объ ихъ житиѣ въ Петербургѣ. И она была счастлива...

Отходя ко сну, она молилась дольше обыкновеннаго и плакала, и когда Соня съ безпокойствомъ спросила ее о причинѣ ея слезъ, она сказала:

— Сонечка, да вѣдь какъ я рада-то!.. У насъ будетъ нашъ заступникъ. Я всего боялась, а теперь ничего не буду бояться. Даже о Бартоломей безъ страха вспоминаю...

— А все-таки, мама, напрасно вы ему не написали о моемъ отказѣ,—сказала Соня, ложась въ постель.—Надо было бы отвѣтить ему на его предложеніе...

— Охъ, не нравится мнѣ онъ очень! Не люблю такихъ... Вздоръ... онъ пойметъ, что, если мы уѣхали, то, значить, его предложеніе не принято. Такъ, Сонечка?

Но Соня уже спала и не слышала вопроса матери...

V.

Поручикъ Щебальскій былъ еще въ постели, когда вдругъ услышалъ надъ собою знакомый голосъ. Въ просонкахъ онъ не могъ дать себѣ отчета, и, только открывъ глаза, онъ увидалъ, что передъ нимъ стоятъ офицеръ.

— Бартоломей!—воскликнулъ Щебальскій.—Откуда ты явился? какъ ты здѣсь?

— Изъ Петербурга, въ отпускъ,—отвѣтилъ Бартоломей.—Насилу отпустили. Я всего лишь на два дня пріѣхалъ. Дѣло одно у васъ въ Новгородѣ есть...

— У насъ въ Новгородѣ дѣла?—изумился Щебальскій.—Разсказывай, а я буду одѣваться!

Бартоломей быстро раздѣлся. Денщикъ принесъ ему кофе. Щебальскій все еще не вѣрилъ своимъ глазамъ и смѣшно по-сматривалъ на Бартоломея.

Пріѣхавшій объяснилъ Щебальскому причину своего пріѣзда.

— Удивляюсь!—сказалъ Щебальскій.—Я всегда зналъ тебя за человѣка, любящаго свободу, а ты рѣшаешься на такой странный шагъ. И потомъ тащиться сюда изъ Петербурга, чтобы получить отвѣтъ на свое предложеніе. Ужасно мнѣ это странно. Уѣхали онѣ, ну, и говори: слава Богу, который спасъ тебя отъ неприятели бытъ связаннымъ... А ты... Я ничего не понимаю. Или ты просто продолжаешь дурачиться?

— Какъ тебѣ сказать?—отвѣтилъ Бартоломей:—прежде всего мнѣ нечего дѣлать, во-вторыхъ, Петербургъ надоѣлъ до тошноты, Мими испортилась и постарѣла до неузнаваемости, а тутъ и оскорбленное самолюбіе взяло... Мнѣ отказали, и даже не отка-

зали, а взяли просто и уѣхали сюда. Теперь я пріѣхалъ за отвѣтомъ. Получу отвѣтъ и обратно домой. Все-таки прогулка, новыя впечатлѣнія...

— Ты просто не знаешь, что съ собой дѣлать,—замѣтилъ Щебальскій.—Ну, если бы любовь тамъ или что нибудь похожее на любовь, а то вѣдь просто такъ, дурость...

— Не говори: здѣсь дѣло не безъ любви. Мнѣ нравится въ ней не ея красота, многія есть у меня на примѣтѣ красивѣе ея... нѣтъ, не то. Но главное, что она не похожа на всѣхъ другихъ: умная, простая, образованная... Прекрасная дѣвушка. Во всякомъ случаѣ объяснить тебѣ цѣль своего пріѣзда я не могу. Однако сегодня же надѣну парадную форму и отправлюсь къ Бостельманъ съ визитомъ. Разумѣется, попрошу отвѣта на свое предложеніе... Согласись, что не отвѣтить—все-таки свинство!..

Щебальскій пожалъ плечами и продолжалъ одѣваться при содѣйствіи денщика.

— Ты можешь быть вполне увѣреннымъ, что я всегда радъ тебя видѣть. Но мнѣ кажется, что всѣ вы, петербуржцы, слишкомъ избалованы удовольствіями. Попробовали бы вы пожить здѣсь у насъ немножко, вы не то заговорили бы... Чортъ знаетъ, ѣхать въ нашу трущобу, и неизвѣстно для чего. Во всякомъ случаѣ я радъ видѣть товарища... А у насъ тутъ много нашихъ, училищныхъ... Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ у Бостельманъ... Помнишь Веревкина? Вотъ онъ всегдашній гость у нихъ... Ходятъ къ нимъ и другіе...

Разговоръ скоро перешелъ на другую тему. Бартоломей рассказывалъ Щебальскому о своихъ петербургскихъ происшествіяхъ, Щебальскій хохоталъ до слезъ...

Наконецъ пробило два часа, и Бартоломей надѣлъ на себя парадную форму.

— До свиданья, — сказалъ онъ, — пойду изводить невѣжъ... Явлюсь къ старушкѣ и сведу ее съ ума... Она меня всегда побаивалась. Когда я бывало къ нимъ приходилъ, то она старалась выпроводить меня поскорѣе... Пойду... Жди меня...

.....

Не прошло и получаса, какъ Бартоломей вернулся. Отъ душивнаго смѣха онъ не могъ произнести ни слова. Много разъ онъ принимался говорить, но тотчасъ же заливался громкимъ хохотомъ, отъ котораго тряслось все его тѣло.

— Представь себѣ ужасъ этой старой чертовки, когда на порогъ зала появилась моя личность. Она была одна въ комнатѣ, горничная стояла за мной. У нея затряслись губы, она поблѣднѣла и вскрикнула. Я, сохраняя на лицѣ полнѣйшее спокойствіе, отвѣсилъ ей низкій поклонъ и сказалъ...

Снова Бартоломей залился звонкимъ хохотомъ. Глядя на него, смѣялся и Щебальскій.

— Я сказалъ ей: «Сударыня, вы забыли мнѣ дать отвѣтъ на мое предложеніе. Я пріѣхалъ за отвѣтомъ». И мои слова, и мой видъ показали ей не менѣе ужасными, какъ если бы предъ нею предстала смерть съ косою. Она закричала: «Маша, Поля, Дуня, Варя!» Сбѣжались всѣ дворовыя дѣвки, онѣ остановились предъ своей барыней и готовы были броситься на меня по первому мановенію ея руки. Я стоялъ въ почтительной позѣ и ждалъ отвѣта. Въмѣсто того старуха оперлась на руки дѣвокъ и поспѣшно вышла изъ комнаты...

Бартоломей замолчалъ, чтобы перевести духъ, и вдругъ сталъ серьезнымъ.

— Потомъ вышла она, ея дочь,—продолжалъ онъ уже другимъ тономъ.—Такая серьезная, сосредоточенная и заявила мнѣ, что она очень сожалѣетъ, что не успѣли мнѣ своевременно дать отвѣтъ. Теперь она отвѣчаетъ, что не желаетъ связывать свою судьбу съ моею, что я могу отправляться въ Петербургъ безъ нея... Я поклонился и вышелъ... Но если бы ты видѣлъ физіономію этой старухи!.. Такого комическаго вѣщанія мнѣ больше, вѣроятно, никогда не придется уже увидать... А жаль, что мнѣ отказали. Она хорошая, чудная дѣвушка... Э-э... да все равно! Давай обѣдать! Вино есть? Слушай, дружище, если бы тебѣ когда нибудь захотѣлось посмѣяться, то попробуй попутать чѣмъ нибудь старуху эту, и ты посмѣешься вдосталь...

Какъ ни хотѣлось Бартоломею казаться веселымъ, Щебальскій все же замѣтилъ, что хохотъ пріятеля былъ смѣшанъ съ чѣмъ-то другимъ. На другой день Бартоломей уѣхалъ...

VI.

Въ 1842 году весна началась рано. Мартъ только еще начался, а улицы уже успѣли почернѣть, снѣгъ на поляхъ сталъ сѣрымъ и рыхлымъ. На саняхъ было уже трудно ѣздить.

Востельманъ чувствовала себя спокойною, довольною. Свадьба ея дочери должна была состояться лѣтомъ. Жизнь въ Новгородѣ уже потеряла для нея свою прежнюю прелесть. Ей захотѣлось ѣхать изъ имѣнья, на югъ Россіи, и тамъ встрѣтить распускающуюся весну.

Соня не хотѣла уѣзжать изъ Новгорода. По вечерамъ къ нимъ приходилъ Веревкинъ. Они читали, спорили, болтали. Въ деревнѣ же ей пришлось бы замкнуться, не видаться съ женихомъ, потерять общество...

Послѣ долгихъ совѣщаній было рѣшено, что Соня останется въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока артиллерія не вступитъ въ лагерь.

Сама Бостельманъ со своимъ сыномъ, десятилѣтнимъ Володею, отправится въ пѣнье...

Отъѣздъ Бостельманъ былъ назначенъ на 11-е марта. Долго готовились къ нему, долго Бостельманъ вадыхала, говорила объ опасностяхъ пути, о тяжести разлуки съ дочерью, о прелести весенней жизни на югѣ. И въ концѣ концовъ Соня рѣшилась ѣхать съ матерью, тѣмъ болѣе, что Вережкинъ заручился согласіемъ начальства на отпускъ...

Наканунѣ отъѣзда Бостельманъ смѣялась, шутила надъ дочерью, но къ вечеру стала почему-то грустною, и когда Вережкинъ уходилъ домой, она его долго крестила...

— Не знаю, что это такое, Сонюшка!—сказала она послѣ его ухода.—Все, кажется, идетъ хорошо, а сердце мое чего-то ноетъ, болитъ, тоскуетъ... Никогда со мною этого не случилось... Боюсь, какъ бы чего не вышло...

— Ничего, мама! Все идетъ отлично!—возразила Соня.— Вы всегда всего боитесь...

Прошла ночь. Наступило свѣтлое, теплое утро ранней весны. У воротъ дома Бостельманъ стояли повозки. Около нихъ копошились люди, укладывая вещи...

Ровно въ десять часовъ утра изъ подъѣзда вышла сама Бостельманъ въ сопровожденіи Сони и Володи. Вережкина съ ними не было, такъ какъ онъ былъ дежурный и не могъ прійти проводить ихъ. Долго усаживалась Бостельманъ. Она ворчала на погоду, на кучеровъ, на лошадей, на прислугъ, на Соню... Наконецъ всѣ уѣлились... Бостельманъ перекрестилась и произнесла было уже: «строгай!», какъ вдругъ около нея очутился какой-то человѣкъ и, снимая шапку, проговорилъ:

— Виноватъ. Я съ порученіемъ отъ моего господина, поручика Бартоломея!..

— Что-о!..—вскрикнула Бостельманъ.—Отъ Бартоломея? Я уѣзжаю сейчасъ...

— Мой господинъ велѣлъ мнѣ спросить у васъ, когда онъ можетъ явиться къ вамъ.

— Явиться? ко мнѣ? Сонечка, что же это такое? Да какъ онъ смѣетъ? а? Сонечка!..

— Мой баринъ только что пріѣхалъ изъ столицы,—продолжалъ человѣкъ,—и желаетъ видѣть васъ. Что прикажете ему передать отъ васъ?

— Что? передать?—закричала Бостельманъ и вылѣзла изъ повозки.—Передайте ему, что я не желаю его видѣть. Такъ и передай. И когда бы онъ ни пришелъ, ни меня, ни моей дочери не будетъ дома. Понялъ? Ступай. Никогда! Такъ и передай!..

Человѣкъ поклонился и ушелъ... Бостельманъ только теперь пришла въ себя.

— Сонечка,—закричала она,—я не могу ѣхать... не могу. Выходи изъ повозки...

— Почему же, мама?—удивилась Соня.—Охота вамъ обращаться на него вниманіе!..

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты не знаешь его... Мы поѣдемъ, а онъ догонитъ, нападетъ, отниметъ тебя, насильно увезетъ... Съ нами никого изъ мужчинъ нѣтъ... Развѣ на кучеровъ можно положиться? Я не поѣду, ни за что не поѣду. Лучше весь вѣкъ проживу тутъ, а не поѣду.

Соня вышла изъ повозки, выпрыгнувъ оттуда Володя, и всѣ пошли обратно домой.

Въ комнатахъ Бостельманъ сдѣлалось дурно. Приходъ человѣка отъ имени Бартоломея напугалъ ее. Она упала на диванъ, и когда ее привели въ себя, то у нея поднялся истеричный хохотъ. Глядя на мать, ревѣлъ Володи, плакала Соня.

Соня догадалась послать за Веревкинымъ, чтобы просить его содѣйствія.

Веревкинъ засталъ все семейство въ слезахъ. Бостельманъ нѣсколько разъ принималась плакать, пока наконецъ могла рассказать все происшествіе...

— Не можетъ быть!—проговорилъ Веревкинъ, когда услышалъ рассказъ Бостельманъ.

— Я вамъ говорю!—кричала Бостельманъ.—Вотъ они, пышніе офицеры... Это разбойники!

— Не можетъ этого быть,—настаивалъ Веревкинъ.—Бартоломей находится въ Петербургѣ...

— Какое тамъ въ Петербургѣ! и, вѣроятно, скоро онъ припожалуетъ сюда, къ намъ... Охъ, я несчастная, беззащитная... Отъ всякаго я должна терпѣть и сносить насмѣшки, дерзости, обиды... И некому заступиться за меня, бѣдную...

— Нѣтъ и нѣтъ: Бартоломей въ Петербургѣ... Это что-то странное. Не можетъ быть!..

— Замолчите, пожалуйста,—съ досадою проговорила Бостельманъ,—вы всему не вѣрите!

— Во всякомъ случаѣ, волноваться не изъ чего! — замѣтилъ успокоительно Веревкинъ.—Бартоломей вамъ не смѣетъ причинить непріятности...

— Да, не смѣетъ... Я поѣду, а онъ нападетъ на меня, отниметъ Соню... Нѣтъ, нѣтъ...

— Я самъ поѣду съ вами... поѣду безъ разрѣшенія, и все будетъ хорошо.

— Нѣтъ, нѣтъ... Что вы одинъ сдѣлать можете?—возражала Бостельманъ.—Не поѣду!

— Я вамъ дамъ провожатыхъ солдатъ,—предлагалъ Веревкинъ.—Они васъ будутъ сопровождать до тѣхъ поръ, пока вы не будете совсѣмъ въ безопасности...

— Что вы, что вы!.. Онъ прикажетъ вамимъ солдатамъ огнять Сонечку, они не смѣютъ не слушаться!.. Ахъ, я несчастная!.. что я буду дѣлать?

— Тогда я пойду и наведу сиравки, рѣшительно сказалъ Веревкинъ.—Даю вамъ слово, что Бартоломея въ Новгородѣ нѣтъ и не было сегодня!..

— Дѣлайте, что хотите, а я не поѣду!.. Я не могу!—сказала Гостельманъ и продолжала плакать, причитывая и жалуясь на свою судьбу!..

Веревкинъ и Соня отошли въ сторону. Соня была взволнована. Ею больше всего возмущала назойливость и наглость Бартоломея, возмущала до слезъ!..

— Даю вамъ слово, что это—пустые слухи, —говорилъ Веревкинъ,—этого не можетъ быть. Я думаю пройтись по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ могъ остановиться, и разузнаю!..

— Дѣлайте, какъ знаете, —отвѣтила Соня.—Но все-таки это—ужасная наглость!..

Веревкинъ вышелъ, а въ комнатахъ все еще слышался плачь Гостельманъ!..

VII.

Веревкинъ прежде всего спустился внизъ и зашелъ на кухню Гостельманъ. Онъ созвалъ всѣхъ людей и сталъ производить имъ допросъ о примѣтахъ приходившаго человѣка.

— Я видалъ его, ваше благородіе!—сказалъ поваръ. — Я тутошній и всѣхъ тутошнихъ господъ знаю. Приходилъ человѣкъ отъ одного офицера здѣшняго... фамилію-то его не знаю... Онъ въ артиллеріи здѣсь служитъ... Живетъ онъ неподалеку!..

— Бываетъ этотъ офицеръ здѣсь въ домѣ?—спросилъ Веревкинъ повара.

— Не видывалъ, никогда не видывалъ. Да вы позвольте мнѣ васъ проводить. Я показать ихній домъ могу, а вотъ фамиліи ихней не знаю!..

Веревкинъ отправился вмѣстѣ съ поваромъ. Поваръ подвелъ его къ дому, гдѣ жилъ Щебальскій, пріятель Бартоломея, и вызвалъ къ воротамъ дворника.

Дворникъ сказалъ Веревкину, что поручикъ Щебальскій вчера цѣлый вечеръ пили съ товарищемъ и играли въ карты, что къ нему ни сегодня, ни вообще въ теченіе долгаго времени никто уже не пріѣзжалъ, что теперь онъ дома и спитъ.

Веревкинъ отпустилъ повара, а самъ отправился въ полицію, чтобы разузнать тамъ.

Въ полиціи ему сказали, что къ нимъ не поступало официальныхъ свѣдѣній о пріѣздѣ поручика Бартоломея, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что на официальные свѣдѣнія полагаться не слѣду-

етъ, что онъ могъ еще не сообщить полиціи о своемъ пріѣздѣ, и что не мѣшало бы походить по постояннымъ дворамъ.

Веревкинъ такъ и сдѣлалъ: онъ добросовѣстно исходилъ Новгородъ въ разныхъ направленіяхъ, посѣтилъ и осмотрѣлъ всѣ постоянные дворы, спрашивалъ, давалъ деньги, и всѣ эти хлопоты привели къ одному результату: Бартоломея въ Новгородѣ не было...

Успокоенный и довольный своими похождениями, Веревкинъ не отдыхая пришелъ къ Бостельманъ и рассказалъ ей о своихъ путешествіяхъ по постояннымъ дворамъ.

Бостельманъ какъ будто успокоилась: она перестала плакать, положила платокъ въ сторону, попросила ѣсть...

— Теперъ вы спокойно можете ѣхать,—сказалъ Веревкинъ:— васъ никто не тронетъ...

При этихъ словахъ Бостельманъ снова заволновалась и заплакала...

— Ни за что, ни за что!—произнесла она испуганно.—Я такъ боюсь его!..

Веревкинъ, видя состояніе Бостельманъ, счелъ за лучшее уйти домой. Уходя онъ, еще разъ спросилъ новара, и тотъ положительно удостовѣрилъ, что приходившій утромъ человѣкъ былъ кучеръ поручика Щебальскаго.

Усталый, въ дурномъ расположеніи духа пришелъ Веревкинъ домой и легъ на кровать.

Для него не оставалось сомнѣній, что Бартоломея не было въ Новгородѣ, но понятъ происхожденія слуха о пріѣздѣ его онъ не могъ.

Когда стемнѣло, и на улицахъ зажгли фонари, Веревкинъ всталъ и отправился къ Щебальскому на квартиру. Со Щебальскимъ онъ былъ знакомъ давно, они вмѣстѣ учились въ школѣ, въ одно время были произведены въ офицеры.

Щебальскій былъ дома. Онъ сидѣлъ за столомъ, передъ нимъ стояла закуска, водка...

— Скучно жить,—проговорилъ Щебальскій, протягивая руку Веревкину и кивая головой на стоящую передъ нимъ бутылку.— И кому это нужно, чтобы мы стояли по такимъ страшнымъ трудностямъ, какъ этотъ Новгородъ?.. Ни общества, ни людей, ни удовольствій... Ну, и спиваются со скуки... А сколько самоубійствъ... Непостижимо!..

— Ты никогда не пилъ!—сказалъ Веревкинъ.—Неужели ты не можешь устроиться здѣсь какъ нибудь поинтереснѣе?..

— Никакъ не хочу устраиваться,—отвѣтилъ Щебальскій.— Мнѣ все надобно, все опротивѣло, и если меня не уберутъ изъ этого логовища, то я способенъ руки на себя наложить отъ тоски и скуки... Отъ этого проклятаго чувства можно на что угодно рѣшиться, на самую гнусную штуку... Отвратительно...

— Ты дурно настроенъ,—сказалъ Веревкинъ.—Тебѣ надо про-
лѣяться. Поѣзжай въ Питеръ.

— Никуда не хочу,—равнодушно замѣтилъ Щебальскій.—
Чувствую, что становлюсь дуракомъ, тупѣю здѣсь... А отъ скуки
хочется что нибудь выкинуть... И кому нужно, чтобы молодые
люди нашего положенія ссылались въ трупобы и умирали отъ
тоски?..

Веревкинъ не отвѣчалъ ему и все время подозрительно посма-
тривалъ по сторонамъ.

— Говорятъ,—замѣтилъ онъ наконецъ,—что Бартоломей при-
ѣхалъ... Слышалъ?

Щебальскій улыбнулся и палилъ себѣ рюмку водки, не отвѣчая
на вопросъ.

— Мнѣ хотѣлось бы повидаться съ нимъ,—продолжалъ Верев-
кинъ. У кого онъ остановился? Ты не знаешь?..

— Не знаю,—отозвался Щебальскій, все еще улыбаясь и не
глядя на Веревкина.

Веревкинъ замѣтилъ и эту улыбку, и этотъ странный тонъ
Щебальскаго. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, чувствовал, что
начинаетъ волноваться.

— Однако, ты долженъ былъ бы объ этомъ знать!—возразилъ
Веревкинъ, и въ его голосѣ послышалось нескрываемое раздра-
женіе.

— Почему ты такъ думаешь?—насмѣшливо спросилъ Щебаль-
скій, не оборачиваясь.

— Твой кучеръ былъ первымъ и послѣднимъ человѣкомъ,
который зналъ объ этомъ...

— Мой кучеръ?... Неужели? Вотъ не ожидалъ отъ него этого...
Ну, ну, рассказывай!..

— Ты, кажется, собираешься шутить?—проговорилъ Верев-
кинъ.—Я не хочу шутокъ. Твое поведеніе даетъ мнѣ почти увѣ-
ренность, что этотъ слухъ исходитъ отъ тебя...

— Довольно сильно сказано!—усмѣхнулся Щебальскій.—Не
представишь ли доказательствъ?

— Съ удовольствіемъ!—воскликнулъ Веревкинъ.—Прикажи по-
звать сюда твоего кучера, и мнѣ будетъ очень легко тебѣ дока-
зать, что я правъ...

— Мнѣ нравится твоя смѣлость... Твои предположенія пора-
жаютъ свою смѣлостью. Право!.. Давно ты сталъ такимъ смѣ-
лымъ, другъ мой?

— Повторяю, что я не расположенъ шутить, и мнѣ очень
хочется узнать, откуда твой человѣкъ могъ узнать о приѣздѣ
Бартоломея... Позволь мнѣ позвать его и спросить.

Щебальскій громко разсмѣялся и всталъ изъ-за стола. Онъ
пошатывался...

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—позволь и мнѣ... не призывать за тобой права допрашивать моихъ людей. Точно также мнѣ кажется нѣсколько страннымъ твое отношеніе ко мнѣ: ты слишкомъ много принимаешь на себя. Ни мой кучеръ, ни я самъ не считаемъ тебя уполномоченнымъ задавать намъ вопросы, производить форменные допросы. Понялъ?

— Что ты хочешь сказать этимъ? — удивленно спросилъ Веревкинъ.

— Ничего другого, кромѣ того лишь, что я не признаю за тобой права дѣлать мнѣ или моему челоѣку допросы; ничего другого, кромѣ того лишь, что ни я, ни мой кучеръ не обязаны отвѣчать тебѣ... У тебя не остается никакихъ сомнѣній о смыслѣ моихъ словъ?...

— Тогда ты мнѣ долженъ отвѣтить за это, какъ принято отвѣчать вообще...

— А теперь, когда ты заговорилъ уже инымъ тономъ, тогда я тебѣ откроюсь: кучера я послалъ самъ, послалъ самъ, самъ я... Ясно?

— Для чего ты это выдумалъ? Кто тебѣ далъ право? Я не понимаю...

— Я сдѣлалъ, что сдѣлалъ. Такъ хотѣлъ, и въ этомъ мое оправданіе... Тебѣ не нравится это? Но я тутъ не при чемъ. Мнѣ захотѣлось пошутить, посмѣяться. Я зналъ, что Востельманъ не можетъ безъ содроганія слышать имени Бартоломея, мнѣ захотѣлось посмѣяться, и я посмѣялся... Надѣюсь, ни она, ни дочка ея не поѣхали?

Веревкинъ поблѣднѣлъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Щебальскому.

— Это гадко, мерзко, это недостойно порядочнаго челоѣка... Слышишь? Это гадко!

— Ты, кажется, забылся немножко... Вспомни, что ты говоришь со мной!..

— Да, это—отвратительно. Такъ порядочные люди не могутъ поступать!—продолжалъ Веревкинъ, теряя самообладаніе.—Какая мерзость!.. И это сдѣлалъ офицеръ... Онъ не достоинъ этого званія. Мерзко, гадко!..

Щебальскій вытянулъ шею и взвизгнулъ на всю комнату.

— Молчать!.. Я васъ заставлю молчать... Еще слово—вы будете за окномъ!..

— Недостойно порядочнаго челоѣка, офицера... Какъ мерзко, гадко!..

— Василій!—закричалъ Щебальскій, и въ комнату вошелъ его лакей.—Подай поручику Веревкину шинель: они хотятъ уйти...

Съ этими словами Щебальскій вышелъ изъ комнаты... Лакей неподвижно стоялъ...

Возмущенный Верекинъ не могъ сдерживаться: брань срывалась съ его губъ, и руки сжимались въ кулаки.

— Василій!—послышалось изъ сосѣдней комнаты, и лакей неслышно исчезъ изъ комнаты.

А Верекинъ все еще стоялъ на мѣстѣ и громко кричалъ не переставая:

— Какая мерзости! Это—не офицеръ... Такъ дѣлаютъ не офицеры, а негодяи...

Потомъ вышелъ возбѣшенный Щебальскій и, схвативъ Верекина за локти, вывелъ его въ переднюю.

— Какъ мерзко!—продолжалъ твердить Верекинъ, не сопротивляясь и надѣвая шинель.—Я сочту долгомъ рассказать въ обществѣ офицеровъ, что представляетъ собою поручикъ Щебальскій... Такъ офицеры не поступаютъ!..

Возбѣшенный Верекинъ направился къ дому Бостельманъ, уже погруженному въ мракъ.

VII.

На другой день утромъ поручикъ Щебальскій, вернувшись съ ученя, увидалъ на столѣ записку. Онъ распечаталъ конвертъ и прочелъ:

«Надѣюсь, что вы не откажетесь дать мнѣ удовлетвореніе за тѣ поступки, которые совершены вами съ цѣлью оскорбить меня. Верекинъ».

Онъ ожидалъ этого, и тѣмъ не менѣе коротенькая записка эта озадачила его. Онъ прочелъ ее нѣсколько разъ, повертѣлъ въ рукахъ и позвалъ лакея.

— Василій, подпоручикъ Эллерманъ вернулся?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ. Они еще не возвращались отъ начальства,—отвѣтилъ лакей.

— Когда вернется, попроси ихъ зайти ко мнѣ. Скажи—по важному дѣлу.

Подпоручикъ Эллерманъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ отпускъ и остановился у Щебальскаго, своего стараго товарища по военному училищу. Молодой, жизнерадостный, онъ не могъ сидѣть дома и все время бѣгалъ по городу, то представляясь начальству, то дѣлая визиты своимъ безчисленнымъ знакомымъ.

Около полудня Эллерманъ пріѣхалъ домой и тотчасъ же явился къ Щебальскому.

— Тебѣ предстоитъ небольшое развлеченіе въ отпуску,—сказалъ ему Щебальскій,—я приглашаю тебя въ секунданты. Надѣюсь на твою любезность...

— О!.. съ величайшимъ удовольствіемъ!—воскликнулъ Эллерманъ и безъ дальнѣйшихъ предложеній сталъ говорить объ условіяхъ предстоящей дуэли.

— Прежде всего отправляйся къ Веревкину,—остановилъ его Щебальскій,—и спроси его относительно его секундантовъ. Потомъ возвращайся домой, и мы тогда обсудимъ. Да еще не забудь главную и основную обязанность всякаго секунданта: примирить противниковъ... Передай Веревкину, что я склоненъ покончить дѣло миромъ. Отправляйся!..

Эллерманъ заторопился, сталъ одѣваться особенно изысканно. Потомъ заявилъ:

— Думаю, что ты не сильно настаиваешь на примиреніи. Въ противномъ случаѣ тебѣ было бы удобнѣе просто извиниться... По моему мнѣнію, секундантъ вовсе не долженъ заниматься примиреніемъ. Совершенно лишняя вещь и очень щепетильная...

Щебальскій не далъ ему продолжать и оборвалъ его на полусловъ:

— Потрудись исполнять то, что тебѣ поручается!... Если же тебѣ не нравится мое порученіе, то тебѣ легко отказаться...

— Я только такъ, къ слову,—оправдывался Эллерманъ.—Я радъ все сдѣлать...

— Итакъ, отправляйся и предложи ему помириться,—сказалъ наставительно Щебальскій:—миѣ было бы это пріятно, тѣмъ болѣе, что мы оба виноваты другъ предъ другомъ. Я даже готовъ извиниться, если онъ того захочетъ...

Эллерманъ, довольный затѣвляющеюся исторіею, поѣхалъ къ Веревкину.

Веревкинъ очевидно ожидалъ пріѣзда секунданта: онъ былъ дома. И когда вошелъ Эллерманъ, онъ плотно затворилъ дверь и попросилъ Эллермана садиться.

Эллерманъ въ общихъ чертахъ передалъ согласіе Щебальскаго на дуэль, а также поставилъ Веревкина въ извѣстность, что его противникъ не прочь покончить дѣло миромъ и даже готовъ извиниться при надобности.

— Конечно, если бы наша ссора не кончилась такъ грубо, если бы вашъ довѣритель не позволилъ себѣ вывести меня изъ комнаты за локти, я, пожалуй, нашелъ бы возможнымъ помириться, но теперь я не могу...

На лицѣ Эллермана блеснуло истинное удовольствіе, и онъ быстро заговорилъ:

— Позвольте узнать, кто будетъ вашимъ повѣреннымъ въ этой дуэли?

— У меня никого еще нѣтъ,—отвѣтилъ Веревкинъ.—Дѣло секунданта, хотя и почетное, но отвѣтственное, и миѣ не хотѣлось бы подвергать отвѣтственности кого бы то ни было изъ моихъ то-

варищей. Но разъ мой противникъ желаетъ драться въ присутствіи свидѣтелей, то мнѣ остается лишь обратиться къ вамъ же и просить вашего содѣйствія. Можетъ быть, вы окажете мнѣ честь имѣть васъ и монимъ секундантомъ. Я вполне полагаюсь на ваше безпристрастіе, а обычаи дуэли, насколько мнѣ извѣстно, не мѣшаютъ противникамъ имѣть одного общаго посредника. Я прошу васъ!...

Эллерманъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и поблагодарилъ за честь. Потомъ разговоръ перешелъ на условія дуэли. Веревкинъ пожелалъ драться на пистолетахъ.

— Когда же вамъ хотѣлось бы устроить дуэль?—спросилъ Эллерманъ.

— Я понимаю,—отвѣтилъ Веревкинъ,— что въ дѣлахъ чести требуется извѣстная быстрота, и чѣмъ дуэль скорѣе совершится, тѣмъ лучше. Но все-таки я буду просить дать мнѣ срокъ до 22 марта. Дѣло въ томъ, что завтра уѣзжаетъ отсюда моя невѣста, и я долженъ ее проводить. Мнѣ дали отпускъ на 5 дней. Такимъ образомъ, въ воскресенье 22 марта я могу приступить къ выполнению дуэли...

Эллерманъ откланялся и поѣхалъ домой. Щебальскому было безразлично, когда будетъ дуэль. Поэтому онъ принялъ условія Веревкина и сталъ спокойно ждать.

— Смотри: до времени не болтай!—сказалъ онъ Эллерману.— Знаю я тебя. Наболтаешь и все можешь испортить. Пожалуйста, пока помолчи!..

— Ну, что ты, словно я не понимаю!—обиженно проговорилъ Эллерманъ.

Въ это самое время Веревкинъ былъ у Востельманъ и успокаивалъ старуху.

Востельманъ повѣрила Веревкину и рѣшила ѣхать. Соня не замѣчала въ женихѣ никакой перемѣны и весело болтала съ нимъ объ ихъ будущей жизни.

На другой день Востельманъ спокойно усѣлась въ повозку вмѣстѣ съ Володей и горничной, въ другую повозку помѣстились Веревкинъ и Соня. И они поѣхали...

VIII.

Веревкинъ вернулся въ Новгородъ наканунѣ того дня, въ который должна была состояться дуэль, и не успѣлъ онъ еще отдохнуть, какъ ему доложили о приходѣ Эллермана.

— Мы должны сейчасъ окончательно условиться насчетъ завтрашней дуэли,—сказалъ Эллерманъ.—Вашъ противникъ предлагаетъ вамъ десять шаговъ дистанціи. Выѣстѣ съ этимъ онъ отказывается отъ принадлежащаго ему, какъ вызванному, права на первый выстрѣлъ и проситъ васъ предоставить рѣшеніе этого во-

проса судьбѣ: онъ уполномочилъ меня кинуть жребіи. Вы ничего не имѣете противъ?

— Пожалуйста!—согласился Веревкинъ, и тотчасъ же жребіи были брошены, и первый выстрѣлъ достался Щебальскому.

Эллерманъ проговорилъ еще нѣсколько фразъ и поспѣшилъ уѣхать, добавивъ, что они будутъ его ждать за заставой въ 8 часовъ утра.

Веревкинъ, оставшись одинъ, сѣлъ писать письмо Сонѣ. Въ письмѣ онъ открылъ ей тайну о дуэли, рассказалъ, что произошло въ квартирѣ Щебальскаго.

«Буду надѣяться, что мое письмо придетъ къ тебѣ, когда я буду живъ и здоровъ!—такъ заканчивалъ онъ свое письмо.—Вѣрь, что иначе я поступить не могъ!»...

Потомъ онъ запечаталъ конвертъ и легъ спать. И, странное дѣло, сонъ быстро подошелъ къ нему.

Въ это же самое время на квартирѣ Щебальскаго происходило совѣщаніе.

Передъ Щебальскимъ стояли его кучеръ и лакей въ почтительныхъ позахъ.

— Помни, — приказывалъ Щебальскій кучеру, — къ четыремъ часамъ утра ты заложишь коляску и дрожки. На дрожкахъ поѣду я самъ, а ты съ коляской поѣдешь къ доктору, къ Алмазову. Скажешь ему, что у меня заболѣлъ мой товарищъ, который пріѣхалъ изъ Петербурга, и что его присутствіе необходимо. Когда онъ выйдетъ, то вези его за заставу... Знаешь, за Петербургскою заставой Московское шоссе? Ну, вотъ и повезешь его по шоссе, къ шоссеинымъ казармамъ...

— А если спросятъ, чѣмъ больны, то что прикажете сказать?—спросилъ кучеръ.

— Скажи, что ногу вывихнули или руку сломали.. Чтонибудь въ родѣ этого. Ступай!..

Кучеръ ушелъ, а лакей сталъ доставать изъ комода чистое бѣлье для барина.

— Пистолеты достать прикажете или нѣтъ? — сказалъ лакей, подавая бѣлье.

Щебальскій вскинулъ на него глаза.

— Зачѣмъ пистолеты?—спросилъ онъ, хмурия брови.

— Извѣстно, для чего... стало быть... это такъ всегда дѣлается... извѣстно...

— Молчать!..—крикнулъ Щебальскій.—Ты знаешь много лишняго... Пошелъ вонъ!..

Лакей ушелъ. Щебальскій остался одинъ и погрузился въ думы. За стѣной слышался сочный храпъ и сопѣнье Эллермана...

IX.

Утро 22-го марта выдалось холодное... Падалъ неприятный мокрый снѣгъ, дорога испортилась, ходили темныя тучи, дулъ рѣзкій вѣтеръ.

Дрожки, на которыхъ сидѣли Щебальскій и Эллерманъ, утопали въ грязи. Приходилось ѣхать шагомъ, а за городомъ, гдѣ еще лежалъ кое-гдѣ снѣгъ, лошадь съ трудомъ могла передвигать ноги.

Эллерманъ сердился и ворчалъ. Онъ не выспался. Щебальскій почему-то нервничалъ.

— Мнѣ кажется, что я ѣду совершать одно изъ наиболѣе глупыхъ дѣлъ,—проговорилъ онъ.—Впрочемъ, иначе и быть не можетъ: въ такое нелѣпное положеніе мы поставлены!.

— Ты можешь повернуть въ такомъ случаѣ,—недовольно проворчалъ Эллерманъ,—а я поѣду за тебя и извинюсь. Думаю, что онъ приметъ твое извиненіе...

— Ты ничего не понимаешь,—отозвался Щебальскій.—Теперь уже все кончено, и мнѣ осталось одно: ѣхать по этой проклятой дорогѣ и стрѣляться... Я не про то... Но дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ тебѣ оно кажется... Представь себѣ: пришла одному человѣку въ голову дикая и глупая фантазія: дай, напугаю трусливую женщину! И онъ привелъ замыселъ въ исполненіе. Конечно, все это произошло не потому, что этотъ человѣкъ волею по природѣ или глупъ. Нѣтъ! Дѣлать ему нечего, кругомъ ни одного свѣжаго человѣка, весь городъ надоѣлъ, его жители пріѣлись, наскучили... нечего ему дѣлать, вотъ онъ съ пьяныхъ глазъ и выдумалъ глупую, нелѣпную шутку, напугалъ женщину. А потомъ пришелъ къ этому пьяному человѣку другой человѣкъ, выругалъ его за эту глупость, и по дѣломъ. Пьяный человѣкъ тоже отвѣтилъ бранью... и пошло. А теперь мы ѣдемъ съ тобой, и за мою затѣю будемъ отвѣчать втроемъ, а, можетъ быть, еще и доктору достанется. Глупо и глупо... И никакого другого воззрѣнія на свою глупость я имѣть не могу!.

Эллерманъ не отвѣчалъ: онъ плотно закутался въ шинель и дремалъ, покачиваясь въ стороны. Для него теперь было безразлично, куда и зачѣмъ они ѣдутъ: ему страшно хотѣлось спать, хотѣлось не трястись на дрожкахъ, хотѣлось, чтобы...

— Эллерманъ!.. выходи!—услыхалъ онъ надъ собой голосъ Щебальскаго.

Эллерманъ открылъ глаза, сошелъ съ дрожекъ. Щебальскій привязалъ лошадь къ одинокому дереву близъ дороги, оправился...

— Пріѣхали!..—проговорилъ онъ.—Противникъ насъ давно дожидается... Уже 8 часовъ.

Они пошли въ сторону отъ дороги, къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлись черныя силуэты безлистныхъ кустовъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ, они замѣтили фигуру Веревкина...

Произошла неловкая встрѣча. Всѣ хотѣли казаться спокойными и равнодушными, до изысканности вѣжливыми... Эллерманъ провозгласилъ:

— Можно начинать!—и сталъ отмирать шагами десять шаговъ по изрытому полю.

— Господинъ посредникъ,—воскликнулъ Щебальскій,—я считаю себя въ правѣ просить васъ оказать мнѣ ваше содѣйствіе... Дѣло въ томъ, что я отказываюсь отъ перваго выстрѣла. Хотя вы и привезли мнѣ вчера результатъ брошеннаго вами жребія, но мнѣ хотѣлось бы теперь повторить еще разъ этотъ жребій уже въ моемъ присутствіи... Мнѣ это будетъ позволено или нѣтъ?

— Полагаю, что этотъ вопросъ уже разрѣшенъ,—сказалъ Эллерманъ.

— Я только обращаюсь къ вамъ съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе!—наставительно замѣтилъ Щебальскій съ раздраженіемъ въ голосѣ.—Потрудитесь передать мнѣ отвѣтъ!.

Эллерманъ пошептался съ Веревкинымъ. Тотъ кивнулъ головой и отошелъ на мѣсто.

— Вашъ противникъ согласенъ на ваше предложеніе,—произнесъ Эллерманъ, и вслѣдъ затѣмъ взялъ отъ Веревкина привезенные имъ пистолеты, вынулъ пули и одну изъ нихъ покусалъ зубами.—Покусанная пуля даетъ право перваго выстрѣла!—воскликнулъ онъ.

Потомъ онъ зажалъ пули въ рукахъ и подошелъ къ Щебальскому, говоря:

— Изъ какой руки вы желаете получить пулю?

— Изъ лѣвой!—отозвался Щебальскій.

Эллерманъ раскрылъ обѣ руки, посмотрѣлъ на пули и громко сказалъ:

— Право перваго выстрѣла принадлежитъ поручику Щебальскому!.. Становитесь, господа!..

Противники молчаливо встали на мѣстахъ. Эллерманъ зарядилъ пистолеты и подаль ихъ дуэлистамъ. Затѣмъ онъ отошелъ въ сторону и скомандовалъ:

— Начинать!.. Разъ... два... три... Стрѣлять!..

Щелкнулъ курокъ, раздался сухой звукъ выстрѣла... Веревкинъ грузно опустился на сырую землю. Эллерманъ быстро подбѣжалъ къ нему.

— Что съ вами? Вы ранены? Куда?

— Пустяки!—тихо отозвался Веревкинъ.—Пуля... въ животъ... Пустяки!..

— Стрѣляйте! стрѣляйте!—крикнулъ Щебальскій, не сходя съ мѣста.—Я жду вашего выстрѣла. Дуэль еще не кончена! Секундантъ, подавайте команду. Я жду выстрѣла!..

— Я раненъ!—тихо проговорилъ Веревкинъ, силясь подняться съ земли. — Я раненъ и больше стрѣляться не буду... Дуэль окончена...

Щебальскій кинулъ пистолеть и подошелъ къ Веревкину топлявивыми шагами.

— Извини меня!—сказалъ онъ.—Я извиняюсь. Надѣюсь, теперь ссора наша кончена...

— Кончена, — отозвался Веревкинъ,—я и ты, мы оба удовлетворены!..

Они протянули другъ другу руки. Эллерманъ сталъ бережно укладывать пистолеты...

— Вонъ и докторъ ѣдетъ!—крикнулъ Щебальскій, глядя на дорогу, по которой быстро неслась карета Щебальскаго.—Ты страдаешь? тебѣ больно?

— Пустяки! Не волнуйся... Приѣдетъ докторъ, сдѣлаетъ перевязку, и все пройдетъ...

Докторъ вышелъ изъ коляски. Лицо его выражало озабоченность, тревогу...

— Такъ я и зналъ, такъ и зналъ!—проговорилъ онъ.—Конечно, на дуэли дерутся. Господа офицеры прибѣгаютъ къ помощи полковыхъ докторовъ только въ случаяхъ дуэлей, въ другихъ случаяхъ они насъ не приглашаютъ... Ну, что тутъ у васъ? куда? въ животъ?

Докторъ сталъ быстро и ловко дѣлать перевязку. Щебальскій помогалъ ему.

— Просто ужасно, что теперь стало твориться!—говорилъ докторъ.—Какъ убили на дуэли двухъ великихъ писателей земли Русской, такъ на поединки какая-то мода пошла, всѣ словно озвѣрѣли, другъ на друга такъ и лѣзутъ съ пистолетами... Модники, модники!..

Веревкинъ ослабъ и не могъ двинуться. Его донесли до коляски и повезли домой.

— Ну-съ, а теперь съ докладомъ къ начальству!..—сказалъ докторъ Щебальскому.—И я буду очень радъ, если вамъ обоимъ попадетъ... и поздоровѣе бы...

— Ну, не каркайте!—улыбнулся Щебальскій и поѣхалъ домой съ Эллерманомъ...

X.

Докторъ не рѣшился донести начальству о дуэли въ тотъ же день, когда она совершилась. Онъ боялся, что Веревкина тотчасъ же арестуютъ. Поэтому онъ отправился къ бригадному командиру только лишь на другой день утромъ.

Когда бригадный, полковникъ Философовъ, узналъ объ этомъ, онъ набросился на доктора, какъ будто онъ одинъ былъ виновникомъ этого происшествія.

Когда первая горячка затихла, онъ приказалъ позвать къ себѣ Эллермана, а затѣмъ донесъ по командѣ... Донесли государю, и дѣло пошло судебнымъ порядкомъ...

Суду были преданы Щебальскій, Веревкинъ и Эллерманъ. На этотъ разъ судебная машина заработала быстро, и прошло только четыре мѣсяца со дня дуэли, а дѣло уже было окончено, и результаты слѣдствія представлены государю.

Въ вопросѣ о наказаніи дуэлистамъ начальство дало противорѣчивыя мнѣнія. Судъ опредѣлилъ наказать всѣхъ троицъ лишеніемъ чиновъ, дворянства и разжаловать ихъ въ рядовые. Главный судъ оказался милостивѣе. Такъ онъ ходатайствовалъ предъ государемъ о томъ, чтобы Щебальскаго подвергнуть разжалованію въ рядовые (въ канониры), но безъ лишенія дворянскаго достоинства; что касается Веревкина, то судъ ходатайствовалъ о сохраненіи за нимъ офицерскаго званія и предлагалъ примѣнить къ нему, во-первыхъ, арестъ на гауптвахтѣ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, а, во-вторыхъ, перевести его въ отдѣльный кавказскій корпусъ; объ Эллерманѣ, какъ о посредникѣ въ дуэли, просили уменьшить наказаніе и назначить ему 2 мѣсяца гауптвахты съ переводомъ въ полевую артиллерію. вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось обойти Веревкина и Эллермана одинъ разъ при производствѣ въ чины.

Николай I 9-го іюля 1842 года положилъ слѣдующую резолюцію на докладѣ:

«Быть по сему, но сверхъ того Щебальскаго продержать годъ въ казематѣ».

Такимъ образомъ, большее наказаніе выпало на долю главнаго виновника происшествія поручика Щебальскаго, тѣмъ болѣе, что заключеніе въ теченіе года въ казематѣ крѣпости было наиболѣе дѣйствительнымъ наказаніемъ, по сравненію со всѣми другими наказаніями, практиковавшимися въ разсматриваемую эпоху. Это показываетъ, насколько измѣнился взглядъ на наказуемость дуэлей, какъ преступленія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о другихъ участникахъ этого происшествія: о госпожѣ Бостельманъ и ея дочери.

Соня получила письмо Веревкина, и ужасу ея не было границъ. Во всемъ она винила свою мать и никого другого. Потомъ она получила новое письмо, гдѣ Веревкинъ извѣщалъ ее о своей ранѣ и просилъ не беспокоиться. Но ей это было не по силамъ.

— Мама, мы виноваты во всемъ и должны ѣхать къ нему!— заявила она матери.

Бостельманъ запротестовала, но Соня настаивала, и въ маѣ онѣ снова поѣхали въ Новгородъ. Всю дорогу Бостельманъ боялась нападенія со стороны Бартоломея, и при вѣздѣ въ городъ она положительно объявила дочери:

— Сонечка, ты говори, что хочешь, а я буду стоять на своемъ: всю эту кашу затѣялъ не Щебальскій, а Бартоломей... Я всегда боялась этого ужаснаго человѣка!..

Лѣтомъ Вережкинъ поправился, а черезъ годъ уже вышелъ въ отставку. Женился ли онъ на Сонечкѣ и сталъ ли управлять южнымъ имѣніемъ госпожи Бостельманъ, — объ этомъ мы не знаемъ ничего.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСКАНИЕ ВОЖДЯ МИХАИЛА.

МЕРКАЛОСЬ, а до земскаго пункта, гдѣ я рассчитывалъ почевать, надо было тащиться больше часа. Опасеніе, что ночная тьма захватитъ въ дорогѣ, беспокоило меня.

Однообразная картина убранныхъ полей давно приглядѣлась. Кое-гдѣ виднѣлись площадки разложеннаго льна да несжатые полоски недозрѣвшаго овса. Холодное и дождливое лѣто сначала заботило землепашцевъ, но ясный и теплый сентябрь выручилъ ихъ: нѣкоторые осы дожинали въ началѣ октября.

Военная мобилизація только слегка коснулась этого края: взяты были артиллеристы и немного лошадей.

Разспрашивать своего ящичика мнѣ было не о чемъ, да и онъ занятъ былъ постоянными понуканіями лошадей:

— Но, но! Гляди! но! вылъзайте! — постоянно слышалось изъ его усть.

Эти покрикиванія очень характерны для здѣшняго края. Какъ ужасны, значить, дороги, если лошадямъ постоянно надо покрикивать: вылъзайте! гляди!

Съ грустью оглядываешься назадъ, въ глубину временъ, и думаешь: тысячу лѣтъ жили русскіе на этомъ мѣстѣ, и никакого улучшенія въ дорогахъ! До сихъ поръ здѣсь полное бездорожье. Нельзя же назвать дорогою многочисленныя колеи по цѣлому грунту. Кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и выбиралъ себѣ путь. Сидишь и все время опасаясь, какъ бы не треснуло что въ тарантасѣ.

Чтобы поспѣть засвѣтло на почевку, ящичекъ старательно передергиваетъ вожжамъ и все время покрикиваетъ.

— Не очень гони лошадей, — сдерживаю его, — а то совѣтъмъ выбьются изъ силъ. Знаешь русскую пословицу: тише ѣдешь, — дальше будешь.

Ямщикъ пустилъ лошадей шагомъ и сталъ рассказывать:

— Прошлый годъ, вотъ въ это самое время, съ недѣлю будетъ послѣ Покрова, ѣхалъ я съ почтою на станцію. А стоялъ морозъ. Колеи мерзлыя, какъ каменные. Вдругъ треснула пополамъ передняя ось. Я отпрягъ пристяжную и поѣхалъ въ деревню, версты за двѣ. Взялъ у знакомаго мужика передокъ съ здоровой осью. Наладили и поѣхали дальше. Почтальонъ ругается, поговяетъ меня. Не проѣхали двухъ верстъ, — лопнула и вторая ось на передкѣ. Такъ взяли ужъ сани; на саняхъ и доѣхали до станціи. Часа три запоздали. Это справедливо: тише ѣдешь, — дальше будешь.

Воспоминанія заставили ямщика дальше рассказывать.

— Бѣдовый былъ этотъ почтальонъ! Я его боялся, какъ бы печально не застрѣлилъ меня. Какъ выпьетъ, такъ и почнетъ играть револьверомъ.

— Какъ же его пьянаго пускали съ почтой?

— Выѣдетъ-то онъ трезвый, да на каждомъ пунктѣ, гдѣ смѣна лошадей, обязательно выставляли водки.

— Зачѣмъ же?

— Положеніе такое. Почтальонъ можетъ пожаловаться, что съ запозданіемъ пріѣхалъ. Вотъ хозяинъ и жалуется его водкой.

Разговоры сократили дорогу, и мы благополучно, хотя и много, добрались до большого торговаго села. Пунктовщикомъ оказался богатый крестьянинъ. У него я и остановился на ночь въ большой горницѣ. Двѣ стѣны отъ краснаго угла сплошь были покрыты большими образами въ серебряныхъ окладахъ. Передъ ними горѣли лампы. На другихъ стѣнахъ висѣли портреты русскихъ генераловъ текущей войны и большая картина — «Геройская защита Портъ-Артура».

На комодѣ, на этажеркѣ, на столахъ разставлены, какъ украшеніе, множество металлическихъ, фарфоровыхъ и стеклянныхъ вещей. На полкѣ рядъ большихъ книгъ, должно быть, духовнаго содержанія. На одномъ столѣ куча газетъ. Среди нихъ я замѣтилъ ежедневную московскую и «Русское Чтеніе» на желтой бумагѣ. Во всей обстановкѣ виденъ хорошій достатокъ хозяина.

Передъ сномъ я спросилъ себѣ молока и хлѣба и хотѣлъ проѣхать газету, какъ приходитъ ко мнѣ хозяинъ дома и усаживается напротивъ меня. Свободная, самоувѣренная рѣчь, важное спокойствіе на лицѣ, тихія, но властныя приказанія домашнимъ, городского покроя пиджакъ, — все это говорило мнѣ, что предо мною сидитъ не простой пахарь. Узнавъ, что я изъ Петербурга, хозяинъ далъ замѣтить, что и онъ часто бываетъ въ обѣихъ столицахъ.

— Должно быть, торгуете тамъ? — догадываюсь я.

— Телятъ продаемъ. Мы скупаемъ ихъ здѣсь по деревнямъ и небольшимъ партиями отправляемъ то въ Москву, то въ Петербургъ.

На мои вопросы, какъ мнѣ казалось, онъ откровенно раскрылъ свое дѣло, входя при объясненіи въ малѣйшія подробности. Я узналъ, напримѣръ, что есть теленокъ въ пять рублей и такого же возраста—въ пятьдесятъ рублей. Въ Москвѣ большой спросъ на высшіе сорта телятины и дороже даютъ, но съ Петербургомъ пріятнѣе имѣть дѣла: аккуратнѣе платятъ.

Своими обстоятельными разказами о торговлѣ онъ угомонилъ меня. Да и послѣ цѣлдневной дороги въ трясучемъ тарантасѣ меня клонило ко сну. Чтобы остановить его лекціи о телятинѣ, я перебилъ его вопросомъ о войнѣ:

— Что слышио новенькаго? Больше мѣсяца, какъ я выѣхалъ изъ Петербурга,—замѣчаю ему.

Сперва онъ повторилъ газетныя извѣстія, а потомъ сталъ говорить о слухахъ въ Москвѣ:

— Передавали мнѣ наши купцы, что по Россіи расхаживаетъ странникъ Дмитрій. Святой жизни онъ, настоящій рабъ Божій. Еще въ прошломъ году Дмитрій предсказывалъ жестокую войну и говорилъ, что сперва будутъ больше мннами сражаться. Лѣтомъ онъ опять появился среди нихъ и съ сокрушеніемъ сказывалъ, что земля наша переполнилась нечестіемъ. Не могу, говорить, смотрѣть глазами на растлѣніе нравовъ; хочу уйти куда нибудь въ затворъ. Въ наказаніе намъ 'за грѣхи наши Господь послалъ войну; и еще нѣкое время японцы будутъ имѣть успѣхъ, пока не наполнится мѣра наказанія нашего. Теперь тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, проливается кровь праведная въ искупленіе нечестія нашего. Но потомъ Господь обратится къ намъ и повернетъ наше оружіе на враговъ нашихъ, и смететъ ихъ въ короткое время. Вотъ и думаютъ въ Москвѣ, что столь ужасная мукденская битва—это послѣдняя очистительная жертва. Дальше мы будемъ уже гнать враговъ. Только вотъ все ищутъ среди полководцевъ князя Михаила.

— Какого Михаила?

— Развѣ вы не слышали, что защитникъ народа Божія есть князь Михаилъ, или Михаилъ архангелъ?

Я насторожилъ уши и вопросительно посмотрѣлъ на хозяина.

— Видно, вы этого не знаете. Я вамъ прочту сейчасъ, что говорится въ писаніи.

Онъ не торопясь поднялся, подошелъ къ полкѣ, взялъ съ нея крайнюю толстую книгу, степенно перекрестился предъ образами и медленно сталъ перелистывать, ища десятую главу пророка Даніила.

— Изъ всѣхъ пророковъ,—началъ опять хозяинъ,—я больше всего люблю Даніила. Онъ настоящій историкъ всѣхъ временъ. Ему по повелѣнію Господню являлся ангелъ и предсказывалъ все, что

случится на землѣ съ праведными и со всѣми людьми. Но вотъ однажды Даніилъ цѣлыхъ три недѣли постился и молился, пока не явился ангелъ, который сказалъ:

И хозяинъ мѣрнымъ голосомъ прочелъ мнѣ слѣдующія строки:
«Съ перваго дня слова твои услышаны, и я пришелъ бы по словамъ твоимъ, но князь царства Персидскаго стоялъ противъ меня двадцать одинъ день; но вотъ Михаилъ, одинъ изъ первыхъ князей, пришелъ помочь мнѣ, и я остался тамъ»...

— Слушайте дальше, что говоритъ ангелъ:

«Теперь я возвращусь, чтобы бороться съ княземъ Персидскимъ... и нѣтъ никого, кто поддерживалъ бы меня въ томъ, кромѣ Михаила, князя вашего».

— Объясните, пожалуйста,—говорю я ему,—какое же отношеніе имѣетъ это писаніе къ настоящей войнѣ?

— Какъ вы полагаете, откуда такая сила у человѣка, что онъ оставляетъ все—жену, дѣтей, имѣніе—и смѣло идетъ подъ пули на приступъ? Отчего это, когда теперь идетъ бой, то на грома пушекъ земныхъ отвѣчаютъ грома и молніи небесныя? Мы-то видимъ брань земную, человѣческую, а въ то же самое время происходитъ борьба между духами. Тайновритель Іоаннъ видитъ вотъ что: «И произошла на небѣ война: Михаилъ и ангелы его воевали противъ Дракона, и Драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ, но не устояли». И небо и земля одновременно воюють.

— Нѣтъ, вы расскажите мнѣ,—прошу его,—какъ же это князя Михаила, или Михаила архангела, вы ищете въ нашей войнѣ съ Японіей?

Хозяинъ опять порылся въ Библии и открылъ книгу «Судей»

— Когда Сисара пришелъ на Израиля со своими желѣзными колесницами, то одна пророчица избрала предводителемъ еврейскаго народа Варака. Но Варакъ сказалъ ей: «если ты не пойдешь со мною, я не побѣду. Я, говоритъ, не знаю дня, въ который пошлетъ Господь ангела со мною». Слышите! Чтобы побѣдить, мало полководца земного, надо еще предводителя и небеснаго. «Съ неба сражались», объясняетъ пророчица побѣду Варака. Такъ и теперь.

— Простите, перебью васъ. Вѣдь пророки говорили про свои времена, и небесный князь Михаилъ помогалъ Израилю до Рождества Христова. А вы хотите приурочить это къ настоящей войнѣ.

— Михаилъ архангелъ,—съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ хозяинъ,—защититъ и новозавѣтнаго Израиля, то-есть, насъ, православныхъ. А Даніилъ говорилъ именно про послѣднія времена. Вотъ послушайте еще, что у него сказано: «И возстанетъ въ то время Михаилъ, князь великій, стоящій за сыновъ народа твоего; и наступитъ время тяжкое, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, до сего времени. А ты, Даніилъ, сокрой слова сіи и запечатай книгу сію до послѣдняго времени», то-

есть, до нашихъ лѣтъ. Вотъ теперь обратите вниманіе на русскую исторію. Въ тяжкія времена у насъ всегда являлись защитниками народа Михаилы. Когда поляки съ разными самозванцами нахлынули на Русскую землю, избавителемъ Москвы явился удивительный полководецъ, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Да и вообще, послѣ смуты междуцарствія, защитникомъ и успокоителемъ Россіи явился избранный на царство Михаилъ Феодоровичъ.

— Но вѣдь онъ не былъ воеителемъ.

— Тогда прежде всего надо было успокоить шатавіе умовъ въ поискахъ царя. Но и защитникомъ государства онъ явился, когда осадилъ его въ Москвѣ Владиславъ со своими поляками. Другое тяжелое время для Россіи было во время нашествія Наполеона. И опять защитникомъ нашимъ явился князь Михаилъ Кутузовъ. Вотъ и въ настоящее время тяжелая война съ японцами. Быть можетъ, опять Господь пошлетъ защитника Михаила. Но всему видно, наступили послѣднія времена, о которыхъ пророчествовалъ Давидъ. Почитайте газеты, какіе небывалые ужасы происходятъ на Дальнемъ Востоке. Чего еще ждать! Что прежнія войны! Ихъ и сравнить нельзя съ ляоянскими битвами. Тутъ цѣлый адъ разверзся, и силы Дракона временно затмили свѣтъ Божій. Но, погодите, пошлетъ Господь Своего архангела!

Сопоставленіе русскихъ князей-военачальниковъ съ пророческимъ княземъ Михаиломъ мнѣ очень понравилось. Но мнѣ хотѣлось знать, почему онъ связываетъ пророческаго Михаила съ архангеломъ.

— Скажите,—говорю ему,—какъ это небесные защитники являются среди смертныхъ людей и ведутъ съ ними войны?

— Да, очень просто! Если помните, царь ассирійскій Сеннахпримъ обложилъ Іерусалимъ и, казалось, вотъ-вотъ возьметъ его. Но ангелъ пришелъ въ его станъ ночью и поразилъ сто восемьдесятъ пять тысячъ.

— Слышалъ про это. Морь, говорятъ, какой-то случился среди воиновъ,—они и умерли...

Хозяинъ укоризненно посмотрѣлъ на меня, зачѣмъ я ищу естественныхъ причинъ въ чудѣ Божіемъ.

— Хорошо, пусть это морь,—съ удивительнымъ самообладаніемъ сталъ говорить онъ.—Но мы знаемъ другой примѣръ. Когда Израиль перешелъ Іорданъ, чтобы завоевать землю Ханаанскую, неожиданно явился къ Іисусу Навину воинъ съ обнаженнымъ мечомъ.

«Нашъ ли ты?»—спрашиваетъ его Іисусъ.

«Я вождь воинства Господня. Теперь пришелъ сюда. Сними обувь съ ногъ твоихъ, потому что мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято».

— И этотъ ангелъ Господень научилъ Іисуса Навина обойти вокругъ Іерихона семь разъ. И стѣны города пали сами собой.

— Но, позвольте,—замѣчаю ему.—Вы упомянули двухъ русскихкихъ полководцевъ Михайловъ, но самый-то знаменитый, кажется, былъ Александръ. Вы забыли Суворова?

— Великій былъ полководецъ! Это вѣрно. Но ему приходилось больше завоевывать чужія земли, а не защищать свое отечество. Ужъ если кого вспомнить изъ турецкихъ войнъ, то, мнѣ кажется, это—Михаила Черняева, да еще другого Михаила—Бѣлаго генерала, Скобелева. Они, дѣйствительно, были защитниками славянскихихъ народовъ. Вотъ я теперь внимательно слѣжу за именами русскихихъ генераловъ. Вы не знаете, есть ли среди нихъ Михайлы?

— Не могу сказать. Фамиліи я многихъ знаю, но именъ не запомнилъ. Сейчасъ изъ отличившихся генераловъ, кажется, ни одинъ не носитъ имени Архангела-воителя. Вотъ у одного фамилія немного похожа на Михаила, да и генералъ этотъ проявилъ себя своею храбростію и умѣлымъ распоряженіемъ...

Хозяинъ молчалъ и на мое замѣчаніе ничего не возразилъ. Пробѣжавъ еще нѣсколько строкъ Библии, онъ закрылъ ее и отнесъ на полку.

Я задумался. Меня не столько поражали выводы крестьянина-философа, сколько стараніе русскаго человѣка въ малѣйшемъ шагѣ нашей жизни видѣть промыслиющую о насъ руку Божію. Для него нѣтъ ничего случайнаго. Небо и земля, люди и ангелы, естественныя явленія и историческія событія—все это таинственно связано между собою, какъ одинъ цѣлый организмъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, хозяинъ нараспѣвъ произнесъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло».

— Вамъ надо завтра рано вставать,—вдругъ рѣзко заключилъ онъ.—Спокойной ночи!

И вышелъ. Я поспѣшилъ лечь въ постель, но мои мысли долго еще носились среди историческихихъ битвъ и знаменитыхъ полководцевъ, ища между ними Михайловъ.

Утромъ, записывая прогоны въ пунктовую книгу, я вынулъ деньги, чтобы заплатить за вчерашній ужинъ и за утренній завтракъ, но хозяинъ почтительно отклонилъ ихъ. Я понялъ, что предо мною стоялъ заправскій деревенскій богачъ.

— Сколько же стоитъ вашъ домъ?—полюбопытствовалъ я.

— Тысячъ десять, а съ крытымъ дворомъ и службами—не менѣе пятнадцати.

На приглашеніе хозяина осмотрѣть его я охотно согласился.

— Насъ—трое братьевъ, и всѣ семейные,—на ходу объяснялъ хозяинъ.—У каждого свои комнаты, но хозяйство общее. Живемъ, слава Богу, мирно, ладно.

Домъ двухъэтажный съ тонкою густою рѣзбою по фасаду. Множество лѣстницъ, переходовъ, сѣней съ ларями и чуланами

соединяють жилия комнаты съ крытымъ дворомъ. Въ сущности самый дворъ представлялъ громадное зданіе съ сараями, амбарами, конюшнями и разными клѣтушками. Видно, домъ—полная чаша. У крыльца стояли для меня лошади, позвякивая бубенчиками. Съ добрыми пожеланіями хозяинъ помогъ мнѣ уѣхать въ тарантасъ, и мы простились.

— Богатъ твой хозяинъ?—спрашиваю я дорогой своего ямщика.

— Да, вотъ какъ богатъ: вотъ эти поля кругомъ и тотъ вонъ лѣсъ—все его! Немного подальше есть еще лѣсная дача. Каждый годъ сколько дровъ оттуда продаетъ!

— Но вѣдь онъ телятами торгуетъ?

— Съ телятъ и разбогатѣлъ. Богатъ, а предобрый! Зря чело-
вѣка не обидитъ. Разсудительный,—что говорить! Я у него третій
годъ живу въ работникахъ,—худого слова никогда не слышалъ.

Опять предо мною потянулась осенняя картина сжатыхъ полей, опять грязные ухабы и многочисленныя колени. Опять понуканіе лошадей:

— Но, гляди! Но, но! Вылѣзайте!...

Ив. Ювачевъ.

УБЪЖИЩЕ ИМЕНИ ПУШКИНА ДЛЯ ЛИТЕРАТОРОВЪ ВЪ ОДЕССѢ.

ВЫ УБЪЖАЕТЕ въ Одессу, въ Пушкинское убъжище?
— Убъжаю.
— Но вѣдь это хорошо для конченныхъ, для людей, которые не могутъ уже писать. У васъ же перо не выпало еще изъ рукъ.
— Не оспариваю. Но дѣло въ томъ, что жить литературнымъ трудомъ теперь мудрено. Пока идетъ война, публика интересуется одними телеграммами съ полей битвъ, одною политикою. Не могу же, по моей литературной совѣсти, сидя на Литейной, корреспондировать изъ Ляояна. При томъ же почти всѣ редакціи заполнены израильтя... Сквозь эту назойливую и сомнительно талантливую толпу не протолкаться литературному работнику. Надо выждать. И вотъ я

убъжаю въ Одессу, благо тамъ климатъ хорошій, и на благодатномъ югѣ буду сидѣть у Чернаго моря и ждать литературной погоды.

Такой разговоръ происходилъ у меня лѣтомъ 1904 года съ однимъ довольно извѣстнымъ литераторомъ. Онъ подумалъ минуту и согласился, что я поступаю правильно.

Въ началѣ сентября я былъ уже въ Одессѣ.

I.

Канатная улица, у Ботаническаго сада, на Среднемъ Фонтанѣ—таковъ адресъ Пушкинскаго убъжища въ Одессѣ. Но дѣло въ томъ, что въ Одессѣ нѣтъ ни Средняго Фонтана, на настоящаго Ботаническаго сада. Фонтаны Малый, Средній, Большой—только названія

мѣстностей, очень обширныхъ частей города, а Ботаническій садъ фактически вовсе не существуетъ. Въ концѣ Канатной улицы увидѣлъ я тонкій, захрипѣвшій питомникъ пожженныхъ солнцемъ акацій—и только.

Въ Одессѣ, на ласковомъ югѣ, все способствуетъ устройству Ботаническаго сада, а садъ этотъ, однако, только фикція.

«А что, если и убѣжище для инвалидовъ литературы тоже только фикція?»—подумалъ я, и сердце мое болѣзненно сжалось.

Надо, однако, отыскать это убѣжище Пушкина.

Спрашиваю прохожаго.

— А не скажу тебѣ!—отвѣтилъ малороссъ.

— Убѣжище Пушкина! Не слыхалъ о такомъ, — былъ отвѣтъ русскаго чиновника.

Мимо проходившій отецъ діаконъ сдѣлалъ глубокомысленную мнню.

— И вы не слыхали?

— Не слыхалъ-съ. Такого у насъ въ Одессѣ нѣтъ.

Одинъ еврей догадался.

— Вамъ, вѣроятно, нуженъ домъ дешевыхъ квартиръ Когана? Идите все прямо. Онъ тамъ, въ концѣ улицы.

Но я усомнился, чтобы Пушкинское убѣжище и дешевыя квартиры Когана были одно и то же.

Пройдя еще съ версту я увидѣлъ, что Канатная улица оканчивается. Направо были пріютъ для преступниковъ, отбывшихъ наказаніе... Угрюмое, непривѣтливое зданіе, пустынное, безъ малѣйшихъ признаковъ обитаемости. Только по заросшему травой двору пробирались худыя, голодныя собаки. Налѣво вышло красивое похоее на виллу зданіе въ два этажа, съ громадными окнами, затѣйливымъ фронтономъ и балконами.

Зданіе это я съ перваго начала принялъ за загородную виллу какого нибудь банкира. Но, подойди ближе, прочелъ на входныхъ дверяхъ надпись: «Буфетъ. Чай, кофе, закуски».

— Нѣтъ. Это не то. Но гдѣ же убѣжище Пушкина, пріютъ для инвалидовъ мысли?

Пришлось идти въ обратномъ направленіи.

Навстрѣчу бѣжитъ почталіонъ, окруженный и преслѣдуемый лающими собаками. Странная и повсемѣстная особенность: собаки терпѣть не могутъ почталіоновъ.

— Любезный!—спрашиваю,— не знаешь ли, гдѣ домъ убѣжища имени Пушкина?

— Да вотъ же, налѣво, бѣлый домъ. Вы къ нему подходили.

— Но тамъ на вывѣскѣ стоитъ: «Буфетъ».

— Э! никакого буфета нѣтъ. Хотѣли устроить, да не выгорѣло...

Въ убѣжищѣ инвалидовъ мысли, и вдругъ хотѣли устроить буфетъ... г-мъ!... хорошо, что не выгорѣло.

II.

Просторный, чистый вестибюль, широкій, свѣтлый коридоръ съ десяткомъ дверей, очевидно, изъ камеръ призрѣваемыхъ, и широкая съ мраморными ступенями лѣстница во второй этажъ— вотъ что я увидѣлъ на первыхъ порахъ, войдя въ такъ называемое убѣжище имени Пушкина.

Царила мертвая тишина. Изъ оконъ виднѣлся садикъ, но совершенно пустой, хотя погода была теплая, и солнце ярко свѣтило и грѣло, какъ у насъ въ июль.

Гдѣ же призрѣваемые инвалиды?

Смотрю: въ коридоръ вышелъ нѣкто, въ синей рубахѣ изъ крашенины, въ такихъ же портахъ, въ калошахъ на босу ногу, съ лицомъ далеко не интеллигентнымъ, лѣтъ тридцати, уперся ладонями въ бока и принялся меня осматривать, совсѣмъ ужъ безцеремонно, ворча что-то себѣ подъ носъ.

Не замаяте его. Постоитъ и уйдетъ,—пояснилъ мнѣ служитель, показывая рукою подняться во второй этажъ, гдѣ была квартира смотрителя.

— А кто это?—спрашиваю. — Глаза у него какіе-то странные.

— Призрѣваемый. Изъ наборщиковъ будетъ... Сидѣлъ въ больницѣ для сумасшедшихъ; выпустили, сюда вотъ попалъ.

— Опасный?

— Нѣтъ. Сердится все только, бормочетъ. А чтобы кого либо тронулъ—не случилось. Прежде ходилъ работать: набиралъ въ типографіи «Листка», а теперь не хочетъ, бросилъ, такъ слоняется. Я, говоритъ, не то что здѣсь, а во всей Одессѣ набольшій.

— Манія величія,—подумалъ я и поднялся на верхъ.

Нельзя сказать, чтобы у меня на душѣ стало покойно. Со мною пріѣхала больная жена, и вдругъ рядомъ окажется такой странный сожитель-сосѣдъ. Встрѣчаться съ нимъ въ коридорахъ и столовой не совсѣмъ пріятно, особенно для женщины. Спокоенъ. Однако, сердится, ворчитъ, задираетъ. Ну, какъ да ошалѣеть?

Смотритель оказался даже черевчуръ любезнымъ и предупредительнымъ господиномъ. Небольшого роста, очень юркій, подвижной человекъ, съ энергическимъ лицомъ и особеннымъ, крѣпкимъ взглядомъ зоркихъ бѣгающихъ глазъ. Онъ, какъ я послѣ узналъ, занимаетъ одновременно еще и мѣсто секретаря ремесленной управы. Управлять учрежденіемъ для ремесленниковъ и пріютомъ для литераторовъ какъ будто и не совмѣстимо. Но... и мнѣ вдругъ пришло на мысль: да полно, литераторы ли проживаютъ въ этомъ убѣжищѣ для инвалидовъ мысли? Можетъ, и здѣсь только сбившіеся съ пути ремесленники, не болѣе?

Послѣдствія показали, что я не ошибся, что жили въ этомъ якобы пріютѣ для литераторовъ и наборщики, и граверы, и слово-

литчики, и даже одинъ эксъ-разносчикъ газетъ... Жили машинистъ-печатникъ, вѣдавшій типографскую машину. Но этотъ умеръ. Умерло въ убѣжищѣ въ четыре года человекъ пять. Маленько.

Въ главной залѣ убѣжища, такъ называемой аудиторіи, прибита мраморная доска съ сентенціей изъ сочиненій Тургенева: «и у мысли есть свои инвалиды. Надо, чтобы и у нихъ былъ пріютъ». Золотыя слова. Но развѣ ремесленники—инвалиды мысли? Полу-помѣшанный наборщикъ какъ могъ попасть въ число литераторовъ, пожелавшихъ успокоиться на склонѣ дней? Непонятное что-то и болѣе чѣмъ странное.

Смотритель тревожно егосилъ, засматривая въ глаза; сообщилъ, что давно якобы ждали моего пріѣзда, и вдругъ предложилъ осмотрѣть заведеніе. Я, конечно, согласился.

III.

Домъ большой, обширный, свѣтлый. Во второмъ этажѣ помѣщается театральная зала съ очень маленькою сценою. Въ залѣ около семисотъ креселъ. Паркетъ, чистота, огромныя окна, электрическое освѣщеніе. Кромѣ того, имѣется фойе, уборныя для актеровъ. Очень все величественно. Сошли въ первый этажъ и осмотрѣли столовую. На столѣ стояли тарелочка съ кусками селедки и хлѣбомъ. Это завтракъ.

Нельзя сказать, чтобы сытный.

Такъ величественно и представительство по внѣшности это Пушкинское убѣжище и такъ голодно въ то же время.

На что здѣсь устроенъ театръ? Для кого? Пушкинское убѣжище—на дачныхъ мѣстахъ. Пустыня. Ночью ходить опасно. Кто пойдетъ? И театръ пустуетъ вотъ уже четыре года.

Далѣе видѣли бібліотеку, читальню. Ставни тутъ почему-то закрыты. Темно. Въ бібліотечныхъ шкафахъ сотни двѣ книгъ, все больше приложенія къ «Свѣту», «Нивѣ», «Родинѣ» и тому подобный балластъ. Каталога нѣтъ, а есть только довольно безтолково составленный инвентарь. Столъ въ читальнѣ и кресла для желающихъ читать имѣются, но читать нечего. Не получается ни одного заданія.

— Средствъ на выписку нѣтъ,—пояснилъ смотритель.

— Присылали бы бесплатно. Надо было только обратиться въ редакцію. Идея пріюта для литературныхъ стариковъ пользуется общимъ сочувствіемъ.

— Да. Но видите ли...—смотритель замялся:—Василій Васильевичъ (Навроцкій) не пожелалъ. Они, впрочемъ, присылаютъ шесть экземпляровъ своей газеты «Одесскій Листокъ».

— И охотно читаютъ?

— О, да. Здѣсь у насъ все больше бывшіе наборщики. А этотъ народъ «Листокъ» очень любитъ почитать.—Улыбаясь, смотритель, какъ бы конфиденціально, закончилъ, что другія изданія для большинства населенія убѣжища были бы, пожалуй, и не подходящія.

Этотъ «народъ» началъ показываться изъ своихъ келлій, очевидно движимый любопытствомъ. Вылѣзли два старика, согнутые буквально подъ прямымъ угломъ.

— Литераторы?—спрашиваю смотрителя.

— Да, немного... пописывали. Одинъ живописецъ, вывѣски писалъ. Теперь драму сочинилъ. Другой, говорятъ, ученый, написалъ книгу.

— Какую? о чемъ?

— А Богъ его знаетъ. Говорить: я написалъ; старичина этотъ репортерствовалъ, да очень ужъ давно, должно быть.

Этотъ «давно» репортерствовавшій былъ въ опоркахъ и грязныхъ онучахъ, вѣсто чулокъ; панталоны, разстегнутые спереди, обжохрились, грудь обнажена. Старикъ безпрестанно жужитъ, едва передвигаетъ ноги и, кажется, плохо видитъ. Уксъ-маляръ вывѣсокъ гораздо бойчѣе. Но смотритель строго на него поглядѣлъ и даже отодвинулся. Старикъ былъ невообразимо грязенъ, отъ него даже дурно пахло...

— Бѣда съ нимъ, — услышалъ я поясненіе. — Въ номеръ не пускаетъ убирать, бѣлья не мѣняетъ, весь покрытъ насѣкомыми. По кровати, по стѣнамъ ползаютъ. Отвратительно.

— Но у насъ въ распоряженіи ванны, — замѣтилъ я.

— Куда тамъ! Я его разъ приневолилъ вымыться, такъ убѣжалъ изъ убѣжища и четыре мѣсяца пропадалъ. Онъ говоритъ, что нарочно насѣкомыхъ разводилъ. Ёсть ихъ. Сладки, увѣряетъ...

— Ненормальный онъ, выходитъ. Изъ категоріи такъ называемыхъ неопрятныхъ.

— Кто его знаетъ? По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сосѣдней еврейской кухмистерской, пиво пьетъ. Я ужъ ему не позволяю ходить обѣдать въ столовую. Заразить другихъ насѣкомыми.

— Въ больницу бы надо этихъ бѣдныхъ стариковъ. За ними нужны опека, присмотръ, а здѣсь кто присмотритъ?

— Ну, здѣсь одинъ служитель. Некогда ему съ ними нянчиться. Докладывалъ Василю Васильевичу.

— Что же онъ?

— Да ничего. Некогда ему этимъ заниматься. У него на рукахъ теперь театръ и разныя театральныя неудачи... Пусть, говорятъ, живутъ себѣ, пока помрутъ.

Бѣдные старики!..

Собралъ свѣдѣнія объ остальныхъ обитателяхъ убѣжища.

Живутъ тутъ: одна бонна, эксъ-воспитательница дѣтей Бродскаго, иностранка, съ русскою литературою ничего общаго не

имѣющая. Старичекъ-граверъ, поѣдающій черныхъ таракановъ «въ сыромъ и печепомъ видѣ», увѣряющій, что они очень вкусны и питательны. Съ голоду все, очевидно, покажется вкуснымъ и питательнымъ. Еще живутъ два гравера, люди безъ особыхъ отгѣтнѣ. Словолитчикъ, древній почтамтскій чиновникъ, пьющій за поемъ, болѣющій не то ракомъ, не то сифилисомъ. Лицо все въ ранахъ. Въ трезвомъ видѣ смиренъ. Смотрѣть на него страшно.

— Неужели нельзя его въ больницу?—спрашиваю.

— А кому объ этомъ позаботиться?

Докторовъ въ убѣжищу причислено цѣлыхъ пятеро, но они какъ будто не видятъ ни погибающихъ отъ ранъ, ни сумасшедшихъ...

Наборщики, жительствовающіе въ убѣжищѣ,—главный контингентъ населенія, и они довольны болѣе другихъ. Ходятъ по работамъ и кое-какъ сыты. Эксп-разносчикъ газетъ, изъ евреевъ, слегка попиваетъ и факторитъ, кому случится. Очень услужливъ.

— Но вы, пожалуйста, свой номеръ, уходя, запирайте,—предупредили меня.

— Ну, можетъ ли быть?—ужаснулся я.

— Всякаго народу тутъ посажено. Мы всегда запираемъ дверь. Бѣдное Пушкинское убѣжище!

— А литераторы, хотя бы и не высокой марки, неужели ихъ не было и нѣтъ въ Одесскомъ пріютѣ для инвалидовъ мысли?—спросятъ меня.

— Какъ не быть—были. Но участь ихъ оказалась довольно печальной. Ал—ловъ поссорился съ зрителемъ и убѣжалъ; нѣкій С—ца поссорился со зрительшей, упрекнувъ ее, что она его отравила полусырой котлетой, и былъ исключенъ. Зрительша сама увѣряла меня, что строптивый С—ца послѣ очень бѣдствовалъ, но Василій Васильевичъ не принялъ его обратно, не поощрялъ его строптивости.

Впередъ другимъ наука. Дисциплина прежде всего.

Въ числѣ пансіонеровъ убѣжища я всталъ еще двухъ литераторовъ. Пишутъ что-то, посылаютъ въ редакціи, копеечный гонораръ получаютъ... Да и получаютъ ли?—вотъ вопросъ. Трудно имъ вообще живется.

Одинъ отвелъ меня къ сторонкѣ и шепнулъ:

— Скверно и голодно здѣсь. А молчать надо—исключить могутъ.

IV.

При убѣжищѣ имѣется школа. Но туда зритель меня не повелъ. Какъ я узналъ позже, онъ съ учительницей находится въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Она осмѣлилась заявить, что мѣсяцъ голодала, но все же купаній, приготавливаемыхъ въ убѣ-

жищѣ, ѣсть не рѣшалась. Ей выдаютъ теперь деньгами ежемѣсячно 9 рублей, что, кажется, очень огорчаетъ зрителя.

На первый взглядъ, съ внѣшней стороны, убѣжище обставлено очень удовлетворительно. Показная сторона въ немъ составляетъ, кажется, все для администраціи. Но по существу въ убѣжищѣ не хватаетъ многихъ условій, необходимыхъ для сносной жизни. И планъ убѣжища и уставъ для него сочиняли люди, очевидно, непричастные къ литературѣ, не знающіе литераторовъ и ихъ потребностей.

Прежде всего номера малы и узки; это комнатки съ однимъ окномъ, похожія на стойла. Меблировка напоминаетъ арестантскія камеры; въ каждой желѣзная кровать, столъ, четыре деревянныхъ, жесткихъ стула, кукольный умывальникъ, даже безъ ведра. Ничего, что бы напоминало объ уютности, тѣмъ болѣе о комфортахъ. Очень чисто, но жить тяжело.

Убѣжище напоминаетъ распорядками и внѣшностію больницы и благотворительныя заведенія пресловутыхъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ умирали и задыхались люди, но ревизующіе приходили въ восхищеніе отъ ихъ внѣшняго вида.

Не имѣя уютнаго уголка, инвалиды весь день валяются по кроватямъ и страшно скучаютъ отъ нечего дѣлать. Эти простые люди—наборщики, граверы, словолитчики и разносчики газетъ, осужденные на вѣчную праздность, слоняются, какъ тѣни. Неужели нельзя придумать для нихъ какихъ нибудь занятій?

Зачѣмъ въ убѣжищѣ театръ, на которомъ не играютъ, и въ который публика не поѣдетъ за отдаленностью? Не цѣлесообразнѣ ли было бы устроить мастерскія? Отвести часть огорода для воздѣлыванія? Въ мастерскихъ папирасы дѣлали бы, коробочки клеили; въ садикѣ овощи садили бы... А то двадцать четыре часа сна и скуки. Можно одурѣть.

Кромѣ хроническаго недоѣданія, почти голода, между обитателями убѣжища царитъ повальная нищета: девяти десятымъ не во что одѣться; нѣтъ рубашекъ, сапогъ. Этого администрація не отпускаетъ, а свои, что были,—вносились. Холода въ Одессѣ не велики, но безъ теплаго платья все же обойтись мудрено.

Литераторы, какъ я уже сказалъ, что-то пишутъ, куда-то посылаютъ статьи. Остальные бѣдствуютъ. Кое-кто и поворынаетъ. Одинъ недавно поймалъ и перепродалъ чужую курицу; другой гдѣ-то темными путями добываетъ книги, телеграммы и торгуетъ ими.

А что подѣлать? Обѣдами, которыми распоряжается жена зрителя—толстая нѣмка, не проживешь. Какъ она кормитъ, какъ ужасно кормитъ! Но объ этомъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Ужаснѣе и нетерпимѣе всего одиночныя камеры: шесть аршинъ длины и пять—ширины. У всѣхъ почти обитателей убѣжища

имѣются семейства, дѣти, родня, живущія на сторонѣ. Призрѣваемые называютъ вѣкъ условій привычнаго имъ быта; сплетничаютъ, ругаютъ смотрителя и поешному обѣниваются, дичаютъ. Слегка психически разстроенные окончательно готовы сгнать съ ума. На безприворныхъ, опустившихся стариковъ жалко смотрѣть.

Странные люди эти инициаторы убѣжища. Они очевидно полагаютъ, что отработавшій свое литераторъ все едино, что отработавшій, испорченный локомотивъ: вдвинули его въ закрытое помещеніе—и вся недолга. Догнивай. Ишь казалось, очевидно, что надсмотрщикъ, граверъ (ремесленники), но и разносчики газетъ, машинистъ, могутъ составить одно общество съ инвалидами мысли.

Но вѣдь инвалиды мысли—люди развѣтанные, связанные съ жизнью. И каково имъ, полуголоднымъ, сидѣть въ камерахъ въ почти арестантской обстановкѣ и... и иногда не имѣть возможности выйти за отсутствіемъ платья и обуви? Занятій никакихъ. Можете взять въ померъ почитать книженку. Но какія же эти книжки? Читальня не функционируетъ. Разговоровъ съ сосѣдями совѣтовали имъ остерегаться. Сейчасъ передадутъ смотрителю или его женѣ, что вы вольнодумствуете. Послѣдствія для разболтавшася могутъ быть очень непріятны.

Регламентъ жизни въ убѣжищѣ до самыхъ послѣднихъ дней былъ очень суровый. Теперь (съ паденіемъ власти Василія Васильевича) его смягчили. Но сдвинутыя черныя брови смотрителя и суровый видъ заправляющей хозяйствомъ его жены говорятъ, что прочности этого смягченія не очень-то слѣдуетъ довѣрять.

Онъ—недавній богдыханъ, этотъ Василій Васильевичъ, еще можетъ вернуться къ власти, и тогда...

Чуть не вчера въ убѣжищѣ въ 11-ть часовъ вечера всѣ обязаны были быть дома; въ 10-ть и теперь въ коридорахъ гасятъ лампы; входная дверь всегда на замкѣ. Желаете выйти погулять, ищите служителя, у котораго ключъ, и онъ васъ выпуститъ.

И это днемъ. Зачѣмъ? А жулики могутъ забраться, говорятъ. Что же грабить жуликамъ-то у нищихъ?

Мой Богъ, въ этакія рамки втиснуты тѣ, которые мыслили, писали, учили другихъ; тѣ, о которыхъ А. Н. Майковъ сказавъ, что они—какъ городъ, на горѣ стоящій.

Надъ приниженнымъ людомъ убѣжища царятъ (правильнѣе, царила) чья-то неугомонная, строгая ферула, выразителемъ которой былъ смотритель, онъ же и секретарь ремесленной управы, едва ли окончившій даже гимназію.

V.

Но какъ же, спросите, сгруппировались въ убѣжищѣ люди разныхъ слоевъ и главное разныхъ привычекъ и уровней мышления? Да очень просто.

Убѣжище, благодаря уставу, долгое время стояло пустымъ. Литераторы не шли... Не потому, чтобы инимъ не было надобности въ пріютѣ, а потому, что сунувшіеся въ Одессу первыми выскочили изъ убѣжища, какъ ошпаренные. Тогда начали населять убѣжище кѣмъ попало. Брала преимущественно смиренныхъ.

Чѣмъ меньше кто будетъ имѣть правъ на названіе литературнаго труженика, на право жить въ убѣжищѣ, тѣмъ смиреннѣе будетъ вести себя. Протесты, однако, все же были и, какъ водится, всегда возникали на почвѣ голоданія. Писатель даже невысокой марки все же требуетъ пищи хотя бы нѣсколько отличной отъ мѣшанки, употребляемой для выкормки животныхъ изъ породы всеядныхъ; литераторъ непремѣнно волнуется, если строгій смотритель, войдя въ его камеру, начинаетъ распекать его за пролитую воду, за неубранную постель, за то, что лампа горѣла дольше указанного срока, и т. д.

— Къ чорту литераторовъ, въ такомъ случаѣ!

Рѣшили: наборщики, граверы, словолитчики, наконецъ, разносчики номеровъ «Листка» съ удобствомъ могутъ замѣнить въ убѣжищѣ недостающихъ литераторовъ и составить его населеніе. О, это—народъ самый удобный.

При томъ тутъ, какъ будто, и демократической идеей пахнетъ.

Если бы смотритель по субботамъ вздумалъ ихъ даже наказывать тѣлесно, повѣрьте: они и тогда бы не запротестовали. Только бы ихъ сносно кормили. Но и они запротестовали, когда ихъ начали вымаривать голодомъ. Въ кормежкѣ-то для нихъ и вся суть заключалась.

Посвящаю нѣсколько строкъ кормежкѣ инвалидовъ мысли и литературныхъ тружениковъ. На каждое лицо, призрѣваемое въ убѣжищѣ, выдается ежемѣсячно 9 рублей. Всѣхъ призрѣваемыхъ было при мнѣ 16. Слѣдуетъ добавить къ этому помощнику смотрителя. И того получится сумма 153 рубля. Три служителя, дворникъ, буфетчица, прачка и кухарка — всего семь человекъ. На каждого выдается смотрителю на руки 6 рублей, или 42 рубля въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ составляется мѣсячная сумма — 195 рублей, или по 6 рублей 50 коп. на каждый день. Кажется, можно бы кормить, если не изысканно, то сытно.

Теперь возьмемъ стоимость завтрака и обѣда.

Завтракъ: половина селедки (2 коп.), или гречневая размазня (3 коп.), или кусокъ хлѣба, помазанный ливерной колбасой (фунтъ 15 коп.), что во всякомъ случаѣ не превышаетъ 2 коп. Съ хлѣ-

Бомъ завтракъ на каждого такимъ образомъ обходится не дороже 5 коп., а на всѣхъ (17 призрѣваемыхъ и семеро прислуги) общимъ расходъ 1 рубль 20 коп. На обѣдъ куплено, наприимѣрь, сегодня 7 фунтовъ мяса—70 коп., кочанъ капусты 8 коп., фунтъ рису 10 коп. Изъ этого матеріала: отрѣзано 2 фунта для стола смотрителя и его семьи, изъ остальныхъ 5 фунтовъ сваренъ супъ, заправленъ зеленою. Мясо разрѣзано на тоненькіе ломтики, не свыше 6-ти золотниковъ каждый (прислугѣ мясо не выдается), а остальной кусокъ искрошенъ, смѣшанъ съ рисовой кашей, обернуть листами капусты, облить соусомъ (мука и вода) и подъ названіемъ голубцовъ поданъ въ видѣ второго блюда. Всего на всѣ припасы къ обѣду израсходовано около рубля. Голодъ это, или не голодъ?—остается спросить. Все дѣло въ томъ, что уштанная смотрительша ведетъ хозяйство, а мужъ ея надзираетъ за правильностію. Кто же разсматриваетъ ихъ счеты? Но фактическаго контроля со стороны комитета нѣтъ и въ поминѣ. Приведу для характеристики анекдотъ.

Смотрительша все жалуется, что страдаетъ отъ полноты, отъ ожиренія.

— Никакія воды не помогаютъ,—говоритъ она.

— А вы пообѣдьте съ нами мѣсяць—и похудѣте,—говоритъ одинъ старичекъ.

Нѣмка мечетъ на дерзкаго молніеносные взгляды. При предсѣдательствѣ въ комитетѣ Василія Васильевича такая дерзость старичку даромъ бы не прошла. Но теперь убѣжище накануне реформы. Старичекъ это знаетъ, и смотрительша тоже знаетъ.

VI.

Смотритель имѣетъ квартиру въ четыре большихъ комнаты, лучшихъ въ заведеніи. Онъ и семья его на полномъ содержаніи за счетъ убѣжища. Если членъ комитета, заглянувъ случайно, скуки ради, въ убѣжище, почувствуетъ запахъ жареной утки, или цыпленка, увидитъ въ кухнѣ рыбу, или иное деликатное яство, пусть онъ не думаетъ наивно, что это смотрительша собирается подкормить свое голодное стадо инвалидовъ. Всѣ эти питательные элементы пойдутъ «на верхъ»—техническое названіе квартиры смотрителя. Изъ котла, въ которомъ варится супъ, для семьи смотрителя отливается, сколько потребуется, а чтобы оставшагося въ котлѣ хватило на 17 застольниковъ и семеро прислуги, сообразительно приказывается долить котелъ изъ самовара водой. И супу всегда всѣмъ хватаетъ. Остается даже для собакъ.

Смотритель появляется въ убѣжищѣ только утромъ, пока не уйдетъ въ ремесленную управу на службу. Обыкновенно онъ налетаетъ ураганомъ. Слышатся тогда крики:

— Канальи, разбойники, дармоѣды!...

Это онъ распекаетъ служителей. Тѣ, съ своей стороны, тоже не остаются въ долгу—огрызаются.

Затѣмъ дверь номера котораго нибудь изъ призрѣваемыхъ быстро отворяется. Зоркій взглядъ осматриваетъ камеру.

— Что это у васъ?

— Гдѣ?—трепетно спрашиваетъ обезоруженный строгостію труженникъ печати.

— Да здѣсь, на стѣнѣ, пятно.

— Брызнуло. Умывальникъ игрушечный, ведра нѣтъ.

— Ничего слышать не желаю. Не умѣете умываться съ умывальникомъ, отправляйтесь въ кловетъ и мойтесь надъ писуаромъ. Но стѣны обливать я не дозволяю.

Выбѣжавъ изъ одного номера, смотритель бѣжитъ въ другой. Къ маляру-еврею заглядывать, однако, онъ не рѣшается: глухой старикъ золь и рѣшителенъ и сейчасъ вооружается палкой... Какія-то таинственныя отношенія мѣшаютъ строгому смотрителю быть съ нимъ строгимъ. Послѣ одиннадцати утра смотрителя уже никогда не бываетъ. Не синекура ли его должность? За что онъ получаетъ при полномъ содержаніи жалованья 600 рублей? Нашлись бы охотники, выше его по образованію и болѣе близкіе литературѣ, исполнять его немудреную должность за одну квартиру и содержаніе.

Что касается хозяйства, то, конечно, не обижая нѣмку-смотрительницу подозрѣніями (Боже мой, она чиста, какъ Аристидъ), но для избѣжанія отъ нареканій ей бы слѣдовало отъ завѣдыванія хозяйствомъ въ убѣжищѣ отказаться. Нанятая солидная помощница смотрителя повела бы его аккуратнѣе; смотритель могъ бы провѣрять счета, а то какъ провѣрять ему теперь свою жену? Какъ дѣлать выговоръ за израсходованный лишній рубль, когда самъ онъ, смотритель, только что за обѣдомъ скушалъ откормленнаго кашлуна или престелстную камбалу?

Въ убѣжищѣ и теперь имѣется помощница смотрителя, но это молоденькая дѣвушка. Она ужасно боится своихъ начальниковъ, и весь день трепещетъ, или чиститъ и подшиваетъ подола, конечно, не свои.

VII.

Боже мой! Что же это такое?—задался я вопросомъ послѣ двухъ недѣль пребыванія въ убѣжищѣ. Деньги, привезенныя изъ Петербурга, были прожиты. Оба мы съ женою ходили ежедневно наѣдаться въ городъ. Въ октябрѣ погода стала портиться, ходить далеко, и средства истощаются.

Жена плачетъ и проситъ: уѣдемъ въ Петербургъ.

— Подожди,—говорю ей.—Поголодаемъ малость. Новый комитетъ все уладитъ.

— Уладить ли? Слухи ходятъ, что новый комитетъ сидитъ безъ средствъ и порѣшилъ ликвидировать убѣжище.

А что же съ нами будетъ?

На мостовую идите тогда, господа. Положеніе очень скверное. Одесситамъ, въ родномъ городѣ, тяжело придется, а намъ — изъ Петербурга (четверо такихъ) и совсѣмъ крышка. Куда мы дѣвемся? На какія средства выберемся изъ Одессы?

Грустно констатировать приведенные мною факты. Идея устройства убѣжища для инвалидовъ мысли — благотворная идея. Публика ей безспорно симпатизировала. Доказательствомъ служитъ то, что въ необширномъ южномъ районѣ, въ особенности въ самой Одессѣ, на призывъ г. Навроцкаго, человѣка, далеко не знаменитаго заслугами и вовсе не изъ корифеевъ литературы, откликнулись многие: онъ собралъ въ короткій срокъ не то сто тысячъ, не то сто тридцать пять тысячъ рублей.

Сколько именно собрано денегъ, для публики, дававшей деньги, осталось неизвѣстно.

Дума Одессы тоже отнеслась сочувственно къ симпатичной идеѣ и отвела болѣе тысячи квадратныхъ саженъ земли по Канатной улицѣ. Самъ г. Навроцкій далъ всего 3.000 рублей... и забралъ, какъ инициаторъ, все дѣло въ свои руки.

Я отрицаю, чтобы тутъ на первомъ планѣ у него стояла реклама для его изданія. Вѣроятно, онъ искренно желалъ создать хорошее дѣло, даже не имѣя задней мысли, дабы въ скорости Одесса послѣ памятниковъ Пушкину, Рихелье, Ланжерону поставила памятникъ и ему, Навроцкому, издателю «Листка»; чтобы дума переименовала Канатную улицу въ улицу Навроцкаго. Онъ надсаживался на осуществленіи симпатичной идеи, но... проклятое «но»... Надо было только дѣйствовать коллегиально, а не единолично; не забывать, что деньги даны обществомъ, а вовсе не текутъ изъ кассы «Листка». Казалось бы, чего проще: устрой, вмѣсто дворцу подобныхъ палатъ, два обыкновенныхъ флигеля помѣстительныхъ и хозяйственныхъ: одинъ для литераторовъ — людей развитыхъ, мыслящихъ, привыкшихъ къ извѣстной пищѣ, обстановкѣ и условіямъ жизни культурныхъ людей, другой — для тружениковъ не печати, а только «печатнаго дѣла», что далеко не одно и то же. Тутъ ужъ должны были бы быть приняты другія требованія. Нельзя даже на короткое время смѣшать людей разнаго развитія и разныхъ привычекъ. Для женщинъ, напримѣръ, и въ вагонахъ III-го класса имѣются особыя отдѣленія. Когда поѣздъ переполненъ рабочими — очень хорошими людьми, но содержащими себя антисанитарно, скажите: легко ли интеллигентному человѣку провѣзть съ ними нѣсколько сотенъ верстъ, а въ убѣжищѣ, устроенномъ по плану г. Навроцкаго, такому интеллигенту, да еще и писателю, или женщинѣ, приходится жить годы, вѣсть и нить за однимъ столомъ,

купаться въ одной ваннѣ, пользоваться общею уборною не только съ простенами, а чуть ли не съ героями Горькаго.

Совсѣмъ несообразное дѣло.

Какъ могли инициаторы убѣжища не взять всего этого во вниманіе?

VIII.

Перехожу къ деньгамъ, собраннымъ съ общества. У Лермонтова въ позвѣ «Казначейша» ветхозавѣтный казначей живетъ съ казенной суммой, какъ съ собственной казной. Кажется, такого взгляда придерживались и распорядители общественныхъ суммъ, собранныхъ на постройку убѣжища. Мы, Воже сохрани, не подозреваемъ злоупотребленій, но видимъ личный произволъ: такъ миѣ правится—и такъ будетъ. Такой принципъ практиковался, очевидно, при сооруженіи убѣжища и практикуется во всемъ.

Явился огромный домъ, двѣ трети котораго заняты непужнымъ и неушѣстнымъ театромъ, фойе, уборными для актеровъ, школою, вовсе не относящеюся къ идеѣ убѣжища, читальней, библиотекою, даже и не функционирующими, квартирою для зрителя, огромнымъ вестибюлемъ, мѣстомъ, гдѣ долженъ былъ помѣщаться буфетъ-закусочная. Для помѣщенія приарѣваемыхъ, понятно, осталось немного мѣста: камеры вышли узкія; для семейныхъ выгадали всего три номера—по двѣ клѣтки. Никакой семьи помѣстить тамъ нельзя. Вѣдныя писатели!.. Ихъ, очевидно, г. Навроцкій считалъ непомнящими родства, бродягами, одинокими бобылями.

Зрителемъ, т.-е. руководителемъ дѣлъ въ убѣжищѣ, опредѣленъ былъ свой человѣкъ—господинъ, воспитывавшійся у Навроцкихъ и работавшій въ его конторѣ. Мы не оспариваемъ, что онъ въ конторѣ «Листка» былъ не только хорошій, но даже золотой человѣкъ; что, какъ секретарь ремесленной управы, онъ превосходенъ, но у литераторовъ онъ оказался неудобнымъ. Супруга его взяла на себя хозяйство, и распорядилась четыре года безконтрольно. Голодуха выѣдрилась между несчастливцами, попавшими въ убѣжище. И всѣ жалобы оставались безъ послѣдствій. Это ужъ совсѣмъ не хорошо.

Регламентъ для убѣжища сочинилъ опять тотъ же всевластный зритель. Уставъ жестокій... 'Для тюрьмы, для арестнаго дома онъ былъ бы подходящій, но не для инвалидовъ мысли. Новый комитетъ во многомъ смягчилъ регламентъ, излюбленный г. Навроцкимъ. Сущность его была: дисциплина. И не дыши...

На дошущенную при постройкѣ убѣжища ненужную показную роскошь изведены всѣ собранныя деньги до копейки. Спрашивается: на какія же средства убѣжище будетъ существовать?

— Мы добудемъ, мы снова соберемъ средства,—отвѣтили легкомысленные распорядители денегъ, пожертвованныхъ обществомъ.

Искренни ли были такія заявленія?

Полагаемъ, нѣтъ. Четыре года протекли, и ничего не было собрано. Стронительныя операціи кончились, изслѣкъ капиталъ, одновременно погасла и энергія иниціаторовъ прекрасной мысли создать убѣжище для инвалидовъ печати.

Публика охладѣла къ убѣжищу, которое или стояло пустымъ, или заполнялось неподходящимъ народомъ, пожертванія если и притекали, то въ такомъ размѣрѣ, что ихъ едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ нуждъ. Да и странно было бы влествореніе основаніе существованія убѣжища такую непрочную гарантію, какъ расчетъ на пожертванія. И тутъ-то вдругъ проявилось нѣчто болѣе, чѣмъ странное: г. Навроцкій внезапно отказался отъ руководства, не пожелалъ расхлебывать кашу, которую самъ же заварилъ.

Что за странность: точно онъ болѣе интересовался операціями постройки, сборомъ и расходами данныхъ обществомъ суммъ, чѣмъ существованіемъ самаго убѣжища? Мы не допускаемъ подобнаго толкованія, но люди подозрительные, пожалуй, съ нами не согласятся.

Новые распорядители заговорили сейчасъ же о ликвидаціи. Имъ, кажется, и дѣлать больше было нечего: дѣло явилось въ конецъ испорченнымъ.

А г. Навроцкій? Онъ играетъ теперь роль обиженнаго. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно обиженъ и даже несправедливо. Но какъ же такъ: умыть руки въ дѣлѣ, на которое онъ самъ затратилъ 135.000 рублей общественныхъ денегъ? Если вы затратили ихъ дѣльно, полезно, цѣлесообразно, то докажите это, докажите, что убѣжище дошло до ликвидаціи не по вашей винѣ; что вовсе не близкіе вашему сердцу надзиратель и его драконовскій регламентъ отпугивали изъ убѣжища литераторовъ и даже вызвали ропотъ въ смиренныхъ наборщикахъ, тунеядствовавшихъ въ убѣжищѣ, а всему виною стихія, стеченіе обстоятельствъ, нашествіе враговъ, моръ и трусь. А если вы ошиблись (ошибки свойственны людямъ), то не слѣдъ честнымъ людямъ бѣжать отъ своихъ ошибокъ.

IX.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ процессѣ постройки убѣжища для инвалидовъ мысли.

На постройку и меблировку, по словамъ зрителя (онъ мнѣ лично говорилъ), израсходовано 106 тысячъ. Другіе говорили, что собрано было 135.000 рублей.

Кто и гдѣ записывалъ суммы пожертвованій?

Г. Навроцкій принималъ всѣ пожертвованія. Самъ редакторъ-издатель газетки, онъ долженъ былъ знать, что общество, давнѣ-

шее деньги, имѣетъ право знать подробно цифры прихода и расхода. Говорятъ, онъ представлялъ какіе-то отчеты въ Литературный Фондъ. Но это далеко не все: надо было напечатать подробный отчетъ. Общество имѣло право ожидать этого. Пойдемъ дальше. Постройка велась хозяйственнымъ способомъ. Наблюдали архитекторъ за технической частью (выполнена хорошо) и за хозяйствомъ—то же лицо, которое потомъ явилось полномочнымъ смотрителемъ, а его супруга—завѣдывающею хозяйствомъ. И тутъ мы, пока, не видимъ еще ничего дурного. Былъ какой-то строительный комитетъ, въ дѣло вовсе не мѣшавшійся. Наемъ рабочихъ, покупку матеріаловъ и прочее вѣдалъ довѣренный г. Навроцкаго и ему отдавалъ отчетъ. Расходование суммы болѣе чѣмъ въ сто тысячъ рублей велось какъ-то по-домашнему. Не было никакихъ злоупотребленій... Я и не вѣрю въ злоупотребленія; но не могу согласиться, чтобы хозяйственная постройка и многотысячные расходы обошлись безъ крупныхъ промаховъ. Не могу также признать правильнымъ обычая: «жить съ казенной суммой, какъ съ собственной казной».

Даже если бы всѣ расходы г. Навроцкій производилъ изъ кассы «Листка», и тогда, строя общественное заведеніе, ему слѣдовало строго оформить отчетность. Хозяйственный способъ постройки хорошъ, но только тогда, когда коллегія лицъ, удостоенныхъ не личнаго довѣрія г. Навроцкаго, а всего общества, ведетъ дѣло. Ничего подобнаго при постройкѣ Пушкинскаго убѣжища не практиковалось. Общество имѣетъ право быть недовольнымъ. Мы констатировали здѣсь мнѣнія многихъ одесситовъ, но готовы взять слова наши обратно, если г. Навроцкій докажетъ правильность веденія постройки убѣжища, но едва ли онъ сможетъ это сдѣлать.

— Но я, я одинъ собралъ эти тысячи. Безъ моей инициативы ихъ бы не было,—скажетъ В. В. Навроцкій.

Тутъ только часть правды.

«Деньги собрала симпатичная идея: дать пріютъ инвалидамъ мысли. Заслуги за г. Навроцкимъ имѣются, но... но зачѣмъ же все приписывать лично себѣ и всѣмъ одному распоряжаться? Постройка окончилась, убѣжище стоитъ пустымъ, населяется затѣмъ ремесленниками, почти не имѣющими отношенія къ литературѣ, старцами, требующими помѣщенія въ больницы и богадѣльнѣ: психически разстроенные зачѣмъ-то попадаютъ въ пріютъ. Доходитъ до того, что нѣкто, продавъ собственную типографію, просится въ Пушкинское убѣжище—и попадаетъ пансіонеромъ, разносчикъ номеровъ газетъ—тоже пансіонеръ. Литераторы бѣгутъ отъ голодухи и невозможныхъ порядковъ.»

Два съ половиною года происходятъ неурядицы. Всѣ жалуются... Но въ отвѣтъ жалобщику получается одно: тише, мол-

чать, а не то — пошли вонъ. Г. Навроцкій упорно думаетъ, что убѣжище—его собственность, кому онъ вѣрить—тотъ и хорошъ.

Черезъ два съ половиною года представленъ наконецъ въ Литературный Фондъ отчетъ о постройкѣ, счетъ на матеріалы, по уплатамъ и прочее. Отчеты безъ разсмотрѣнія валяются мѣсяцевъ шесть и возвращаются къ смотрителю убѣжища обратно. Какъ ихъ разсматривать? Кто ихъ провѣрить можетъ? Спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходять.

Члены Фонда не могли сами все провѣрять. Нанять бухгалтера? Но съ какой цѣлью: отыскать переплаты, неправильности... Это черезъ два-то съ половиною года. Злоупотребленій не было. Сплетнямъ нельзя вѣрить, но дѣло ведено неправильно. Много общественныхъ денегъ пропало безъ пользы; мелкіе людшкы, разумѣется, грѣли руки. Прекрасная идея дискредитирована надолго. Общественныя пожертвованія не принесли пользы. А причина всего этого? Самолюбіе и самоинѣніе.

Прибывъ въ Одессу и поступивъ въ убѣжище, я счелъ долгомъ быть у г. Навроцкаго, какъ у инициатора всего дѣла. Вотъ какъ онъ обошелся со мной, а вѣдь передъ нимъ стоялъ не мальчикъ, а старый писатель, не покладавшій пера въ теченіе 40 лѣтъ, сочиненія котораго замѣчали критики.

Г. Навроцкій, наружностью очень похожій на еврея, встрѣтилъ меня свысока и, подавъ два пальца, спросилъ:

— Пріѣхали?

— Да, говорю, пріѣхалъ.

— Съ женою?

— Съ женою, оба мы пріѣхали.

— Гм... что скажете?

— О многомъ хотѣлъ бы говорить.

Вскинулъ на меня глазами, нахмурился и произнесъ:

— Ну-съ, извините. У меня дѣла. Какъ нибудь еще зайдите...

Конечно, я не зашелъ.

Извольте съ такимъ господиномъ говорить о томъ, что вы полагали бы нужнымъ въ убѣжищѣ.

Но кто же онъ самъ, такой высокомерный съ ветеранами прессы? Не больше, какъ ловкій издатель уличнаго листка, успѣвшій разбогатѣть и едва ли крѣпко связанный какими либо узами съ литературою.

Новый комитетъ устранилъ прежняго смотрителя. Теперь, какъ жетса, сносно. Но двое сумасшедшихъ, двое старцевъ, челоуѣкъ, съѣдаемый ракомъ,—остаются въ убѣжищѣ. Граверы, словолитчики, наборщики, разныя бонны и просто эксъ-разносчики газеты продолжаютъ играть роли тружениковъ пера.

С. С. Окрейцъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Д. Л. МОРДОВЦЕВА.

(По поводу ея пятидесятилѣтія).

I.

ВЪ ДЕКЛАМЪ мнѣтшаго года исполнилось 50 лѣтъ литературной дѣятельности Даніила Лукича Мордовцева, чьи беллетристическія произведенія такъ часто въ свое время украшали страницы «Историческаго Вѣстника», и который пользуется, преимущественно какъ романистъ-историкъ, широкой извѣстностью среди русскихъ читателей. Когда справляешься по каталогамъ и отчетамъ провинціальныхъ библиотекъ и читаленъ, то выясняется, что спросъ на произведенія Д. Л. Мордовцева идетъ непрерывно и занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Можно съ очевидностью полагать, что этому спросу еще долго не суждено будетъ оскудѣвать, и маститый писатель и для грядущихъ поколѣній будетъ всегда занимательнымъ и поучительнымъ бытописателемъ преимущественно тревожныхъ судебъ русскаго народа. Онъ, какъ немногіе изъ современныхъ писателей, заслуживаетъ вниманія не только читателей, но и критики, которая, какъ это ни странно, въ общемъ занималась, однако, авторомъ «Идеалистовъ и реалистовъ» и «Великаго раскола» очень немного и сплошь и рядомъ обходила его произведенія или глубокимъ молчаніемъ, или поверхностными и бѣглыми

замѣтками. Гораздо чаще эта критика встрѣчалась съ нимъ на прищѣ журнальной полемики по вопросамъ дня или по политическимъ «оказіямъ», главнѣйшине въ области малороссійскаго вопроса, коего онъ въ послѣднія два десятилѣтія считается самымъ виднымъ и компетентнымъ въ нашей литературѣ представителемъ и, пожалуй, вожакомъ.

Спорить и полемизировать по общественнымъ вопросамъ съ идейною подкладкою, какъ извѣстно, гораздо легче, нежели подходить къ произведеніямъ авторовъ съ мѣркою безпристрастной и строгой критики, особенно, вдобавокъ, если отъ этой критики требуется не поверхностный «психологическій» анализъ или «философское» словозверженіе, а наличность фактическаго историческаго знанія. Не секретъ для читателей, что вообще историческая критика — отрасль довольно слабая въ нашей литературѣ, а эта критика еще примѣнительно къ исторической беллетристикѣ и совсѣмъ почти отсутствуетъ. Спеціалисты-историки относятся нѣсколько свысока къ области беллетристическаго вымысла, не находя здѣсь той академической премудрости, съ которою привыкли оперировать, а отечественные Брандесы по части историческаго знанія въ большинствѣ, если не повально, народъ легковѣсный. Отношеніе со стороны критики къ «Войнѣ и миру» Льва Толстого тутъ въ счетъ итти не можетъ: ее притягивалъ къ этому гениальному творенію не столько его историзмъ, сколько бытовая сторона и та широкая философская перспектива, которая раскрывается передъ читателемъ въ каждой части и чуть ли не въ каждой главѣ. Что же касается такъ называемыхъ «Вальтеръ-Скоттовъ отечественнаго Парнасса», то ихъ наша критика по указаннымъ выше причинамъ обходила почти сплошь молчаніемъ. Г. Скабичевскій въ свое время началъ серію интересныхъ очерковъ подъ заглавіемъ: «Напѣ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ», но ограничился лишь критикою исторической беллетристики въ ея прошломъ, закончивъ свое разсмотрѣніе произведеніями 1830—1840 годовъ; г. Головинъ въ спеціальной книгѣ, посвященной исторіи русскаго романа: «Русскій романъ и русское общество», хотя и выступилъ въ XXI главѣ съ обѣщаніемъ поговорить и объ историческомъ романѣ, но только бѣгло и поверхностно затронулъ графа А. Толстого и графа Е. Саліаса, а остальныхъ не удостоилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Тотъ же г. Скабичевскій, удѣлившій въ своей исторіи «Новѣйшей русской литературы» такъ много мѣста, напримѣръ, разнымъ народникамъ-беллетристамъ, не нашелъ что основательно сказать о г. Мордовцевѣ, какъ историческомъ романистѣ и, симпатизируя почтенному беллетристу по существу идей, въ своемъ револютивномъ приговорѣ оказалъ безпощаденъ, аттестовавъ его слѣдующимъ образомъ: «Нельзя отказать г. Мордовцову въ талантѣ, въ основательномъ знаніи исторіи

и въ добросовѣстномъ отношеніи къ историческимъ фактамъ; къ сожалѣнію, плодovitость сильно вредитъ качествѣнности его произведеній. Они текутъ, какъ блины, и при скороспѣлости производятъ впечатлѣніе крайней небрежности. Къ тому же большой недостатокъ автора составляютъ манерность, отсутствіе простоты и естественности, страсть оригинальничать, балагурить и, какъ результатъ этого,—неудержимая болтливость, выходящая порою изъ всѣхъ предѣловъ». Немного найдетъ читатель критическаго матеріала для г. Мордовцева и въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Въ то время какъ даже болѣе второстепеннымъ писателямъ Русской земли отведены здѣсь порою болѣе или менѣе цѣльныя характеристики, въ отношеніи г. Мордовцева у составителя не нашлось необходимаго краснорѣчія.

Правда, къ нему дважды подходили въ нашей журналистикѣ два очень извѣстныхъ писателя и оба произносили ему довольно таки неблагопріятный судъ. Однимъ былъ Н. К. Михайловскій, выступившій противъ теорій г. Мордовцева объ историческихъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ силахъ и разсмотрѣвшій эту теорію съ точки зрѣнія этико-соціологической школы; другимъ былъ извѣстный церковный историкъ и обличитель раскола Н. Субботинъ, обрушившійся всею тяжестью своей научной артиллеріи на автора «Великаго раскола», обвиняя его въ искаженіи историческихъ фактовъ и въ тенденціозномъ освѣщеніи великаго спора между ревнителемъ старины и никоніанцами. Эта критическая монографія была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1881 г.) и можетъ быть разсматриваема, какъ единственная, пожалуй, серьезная работа, посвященная нашему романсту, работа, не лишенная, однако, тоже односторонности и казенной тенденціозности и при томъ разсматривающая г. Мордовцева спеціально, какъ историка-адвоката раскольниковъ и раскола вообще.

Изъ сказаннаго видно, что если въ нашей журналистикѣ историческая критика вообще должна считаться отдѣломъ слабымъ, то въ отношеніи Д. Л. Мордовцева, какъ историка-беллетриста, она очень недостаточна, неполна и подчасъ несправедлива. Въѣстѣ съ тѣмъ маститый писатель, такъ много потрудившійся для русской литературы въ теченіе 50 лѣтъ, заслуживаетъ большаго къ себѣ вниманія и почтенія. Намѣченный къ празднованію на 22-е января сего года его литературный юбилей и временно отложенный, по независящимъ обстоятельствамъ, безъ сомнѣнія, исполнитъ хоть до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ и пополнитъ долгъ передъ нимъ со стороны критики и исторіи литературы. Идя на встрѣчу этой журнальной необходимости, редакція «Историческаго Вѣстника» и поручила мнѣ предложить своимъ читателямъ настоящій очеркъ, которому я по типу прочихъ моихъ работъ и придаю характеръ историко-біографическій. Дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что въ нашей

журналистикѣ біографическій матеріаль о г. Мордовцевѣ также очень недостаточенъ, самъ же онъ, отличаясь въ своей жизни удивительной скромностью и простотою, не подарилъ читателямъ какихъ либо общихъ своихъ автобіографическихъ мемуаровъ, въ центрѣ которыхъ поставлена была бы его собственная оригинальная личность и его разнообразная и полная всякихъ событій литературная и общественная дѣятельность.

Выполняя порученіе почтенной редакціи, считаю долгомъ, однако, оговориться. Д. Л. Мордовцевъ, хотя нынѣ почти и не работаетъ на журнальномъ поприщѣ, однако, славу Богу, здравствуетъ, почему пускать, такъ сказать, въ оборотъ весь его біографическій матеріаль по волеѣ понятнымъ причинамъ преждевременно. Съ другой стороны, для всесторонней литературной оцѣнки его не настало еще время: г. Мордовцевъ очень основательно и крѣпко вплетенъ, если можно такъ выразиться, въ общее журнальное движеніе періода 1860—1880 годовъ, почему и для полной его характеристики, какъ мыслителя и вѣрнаго сына той эпохи, требуется и восстановленіе детальной исторіи этой эпохи, для чего въ моемъ распоряженіи нѣтъ достаточнаго мѣста. Кромѣ того, въ нашей литературѣ не имѣется даже полнаго указателя всѣхъ работъ почтеннаго писателя, и самъ онъ лично многаго не помнить въ настоящее время изъ того, къ чему ему приходилось прикладывать руку, надъ чѣмъ работать и чѣмъ волноваться. Имѣются указатели его беллетристическихъ произведеній, его научныхъ статей—историческихъ, историко-статистическихъ и научно-публицистическихъ, но весь обширный газетный матеріаль, ему принадлежащій, за его подписью и безъ таковой, почти безслѣдно пропалъ и восстановить его, пожалуй, въ настоящее время и невозможно. То собраніе его сочиненій, которое было издано въ «Приложеніяхъ» редакціей еженедѣльнаго журнала «Сѣверъ», далеко не полно, какъ не совсѣмъ полно и указаніе на его работы со стороны издателя его сочиненій, И. Перевозникова, собравшаго, однако, по мѣрѣ силъ все то, что возможно было найти въ книгахъ старыхъ журналовъ, и что самъ писатель нынѣ считаетъ достойнымъ появленія въ свѣтъ.

Къ настоящей статьѣ редакція прилагаетъ два портрета Д. Л. Мордовцева, изъ коихъ одинъ воспроизводится здѣсь впервые. Онъ относится къ 1897 г., когда земляки нашего писателя, одѣвъ его въ національный малороссійскій костюмъ, сняли его въ домашней обстановкѣ, столь знакомой всѣмъ посѣщавшимъ нашего маститаго старца въ его скромномъ многолѣтнемъ убѣжищѣ въ мебелированныхъ комнатахъ Столярнаго переулка. Въ заграничной печати этотъ портретъ былъ воспроизведенъ, впрочемъ, въ чешскомъ журналѣ «Починъ» за 1897 годъ.

II.

Родъ Мордовцевыхъ—древній украинскій. У нашего романиста имѣется фотографическій снимокъ съ фамильной иконы, хранящейся и понынѣ у его старшаго брата, гдѣ значится: «сей образъ сооруженъ тицаніемъ и трудами бывшаго малороссійскихъ войскъ сотника Іоанна Власьева Слепченко, онъ же и Мордовцевъ, 1719 года...». Сначала предки его обитали правобережную Украину, потомъ въ силу извѣстной исторической необходимости перекочевали на лѣвый берегъ и, наконецъ, въ силу того же историческаго передвиженія украинцевъ очутились на берегу синяго Дона, гдѣ въ 1830 году въ слободѣ Даниловкѣ, у рѣки Медвѣдицы въ верхней части земли войска Донскаго, и родился нашъ уважаемый писатель. Отецъ его былъ хохоль стараго закала, начетчикъ, любитель древней письменности и обладатель обширной старинной библіотеки. Матушка его была женщина простая и добрая. Всѣхъ сыновей въ семьѣ было четверо да еще одна дочь. Въ живыхъ въ настоящее время имѣется именно послѣдняя, старшій сынъ и нашъ романистъ, который въ семьѣ былъ самымъ младшимъ.

Получивъ первые уроки грамоты въ родительскомъ домѣ, онъ вслѣдъ за симъ былъ опредѣленъ въ Усть-Медвѣдицкое окружное четырехклассное училище, по прохожденіи котораго былъ помѣщенъ въ Саратовскую губернскую гимназію, которую и окончилъ въ 1850 году однимъ изъ лучшихъ. Изъ моей статьи, посвященной покойному академику А. Н. Шпшину, читатели уже имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о г. Мордовцевѣ, какъ гимназистѣ и молодомъ представителѣ той саратовской интеллигенціи, изъ которой вышло столько выдающихся дѣятелей нашей литературы и науки. Литературныя природныя дарованія его стали обнаруживаться еще въ очень раннемъ возрастѣ. По личнымъ воспоминаніямъ Данила Лукича, онъ началъ слагать стихи лѣтъ 7—8 отъ роду, а какъ заправскій поэтъ былъ уже признанъ товарищами въ гимназій, гдѣ отличался стихами не только на малороссійскомъ и русскомъ, но даже латинскомъ языкахъ. Намъ уже извѣстно, какъ Шпшинъ добивался отъ него стихотворнаго перевода на «хохлацкій языкъ» Краледворской рукописи, при чемъ неизмѣнно подчеркивалъ въ своихъ письмахъ къ казанскому другу его несомнѣнное призваніе къ литературѣ. Въ своей юбилейной отвѣтной рѣчи нашъ извѣстный славистъ В. И. Ламанскій отмѣтилъ обширныя лингвистическія способности молодого Д. Л. Мордовцева, а также рассказалъ о той легкости, съ которой его юный другъ по университету перекладывалъ въ свое время на латинскій языкъ произведенія русскаго народнаго творчества. По окончаніи гимназій, г. Мордовцевъ сначала поступилъ въ Казанскій университетъ, а потомъ перешелъ по настояніямъ своего любимаго товарища, А. Н. Шпшина, въ Петербургскій, откуда

и вышел кандидатом историко-филологических факультета въ 1854 году, получивъ, при окончаніи курса, званіе: медалъ за сочиненіе по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій «О языкѣ Русской Правды».

Передъ кандидатомъ университета разъ тѣкалась въ перспективѣ широкая научная дорога, но онъ ея пренебрегъ, бѣгнувъ стипендію и переехавшійся въ родной Саратовъ, гдѣ въ томъ же году вступилъ въ бракъ съ овдовѣвшей къ тому времени Анной Александровной Паскаловой, урожденной Залетаевъ. Молодая супруга Давида Лукича была женщиною образованною, эверичнымъ оставившемъ послѣ себя слѣдъ и въ литературѣ. Ею въ свое время соизволено съ Н. И. Костомаровымъ были собраны и изданы Поволжскія народныя пѣсни и преданія, а также изданы въ пользу осиротѣвшихъ малютокъ-дѣвочекъ Черногоріи сборникъ собственныхъ стиховъ подъ общимъ заглавіемъ «Отзвуки жизни» и подъ псевдонимомъ А. Б.—а. Почти одновременно съ женитьбою г. Мордовцевъ вступилъ на государственную службу въ Саратовское губернское правленіе редакторомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей и начальникомъ газетнаго стола съ исполненіемъ обязанностей переводчика того же правленія. Послужной списокъ государственной службы нашего писателя складается изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ моментовъ. Въ 1861 году онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Саратовской губерніи и въ томъ же году назначенъ членомъ и дѣлопроизводителемъ во временную комиссію, учрежденную по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ для составленія соображеній для преобразованія общественнаго городского управленія и городского хозяйства, а въ 1862 году назначенъ членомъ во временную комиссію, учрежденную, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, для разсмотрѣнія положенія о доходахъ и расходахъ города Саратова. Въ губернскихъ учрежденіяхъ Давидъ Лукичъ прослужилъ до 1864 года, когда вышелъ въ отставку, но черезъ полгода съ небольшимъ онъ опредѣляется младшимъ столоначальникомъ хозяйственнаго департамента и участвуетъ въ трудахъ комиссій, учрежденной при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ о пособіи, получаемомъ городами изъ казны, взаимнѣ дохода съ путей. Черезъ два года онъ снова покинулъ государственную службу, но въ томъ же году опять поселяется въ Саратовѣ и поступаетъ чиновникомъ при канцеляріи губернатора. Сначала онъ получаетъ мѣсто правителя дѣлъ при канцеляріи комиссіи народнаго продовольствія, затѣмъ назначается цензоромъ издававшейся въ Саратовѣ частной газеты «Справочный Листокъ», потомъ младшимъ помощникомъ правителя канцеляріи губернатора для завѣдыванія производствомъ дѣлъ какъ по особому о земскихъ повинностяхъ присутствію, такъ и по дѣламъ земскихъ учрежденій, а въ 1869 году назначается и пра-

вителимъ канцеляріи губернатора, каковое мѣсто и занимаетъ до 1871 года, когда вновь выходитъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ причислиться къ вѣдомству путей сообщенія, гдѣ остается на службѣ до 1886 года, когда въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника окончательно выходитъ въ отставку съ незначительной по размѣрамъ пенсіей. Состоитъ на службѣ по министерству путей сообщенія, г. Мордовцевъ преимущественно работалъ въ статистическомъ отдѣлѣ, а также состоялъ редакторомъ журнала министерства, участвуя въ немъ и личными своими литературными трудами, преимущественно статистическаго характера.

Я привелъ наизусть полный послужной списокъ нашего писателя, ибо онъ очень характеренъ и самъ по себѣ, какъ показатель нѣкотораго неостоянства и какъ жизненный матеріалъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ его разнообразной литературной дѣятельности и къ его судьбѣ безпокойнаго журналиста, у котораго государственная служба мѣшала литературной профессіи, а послѣдняя ставила препона благополучному прохожденію первой, въ родѣ того, какъ другому дѣятелю нашей литературы, согласно его собственному признанію.

. . . Борьба мѣшала быть поэтомъ,
Искни . . . мѣшали быть борцомъ.

Все перипетіи государственной службы у нашего писателя были тѣсно связаны именно съ его журналистикою, на которой, въ свою очередь, до нѣкоторой степени отражалась эта служба, ибо часто не позволяла ему быть вполне откровеннымъ и появляться въ журналѣ за полною подписью, а вынуждала надѣвать маску и забрало, во избѣжаніе слишкомъ нескромныхъ, по властныхъ взорамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ эта же государственная служба, какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ, дала ему возможность ознакомиться съ такими цѣнными архивными матеріалами, доступъ къ которымъ партикулярному человѣку былъ немислимъ. Его историческія изысканія, его экономическіе и статистическіе труды вышли цѣлкомъ изъ дѣятельности его, какъ чиновника сначала вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, а потомъ путей сообщенія. Въ этомъ отношеніи въ жизненномъ поприщѣ Даниіла Лукича наблюдается нѣкоторая аналогія съ тѣмъ, что намъ извѣстно о жизни и литературной дѣятельности покойнаго П. Н. Мельникова-Печерскаго.

III.

Литературная дѣятельность г. Мордовцева по содержанію темъ и характеру работъ такъ разнообразна и пестра, до того не приведена до сихъ поръ въ полную извѣстность, что всего лучше прослѣдить ее, соблюдая, съ одной стороны, хоть нѣкоторую хронологию

ческую періодичность, съ другой—придерживаясь главнѣйшихъ категорій его журнальныхъ работъ.

Въ 1854 году мы видимъ его чиновникомъ въ канцеляріи саратовскаго губернатора, и къ тому же времени относится появленіе перваго его литературнаго произведенія, написаннаго на родномъ ему малороссійскомъ языкѣ. Произведеніе это—стихотворная поэма «Казаки и море»¹⁾, напечатанная имъ потомъ (въ 1859 г.) въ «Малороссійскомъ литературномъ сборникѣ», изданномъ авторомъ поэмы совместно съ Н. И. Костомаровымъ въ г. Саратовѣ. Затѣмъ нѣкоторое время мы не встрѣчаемъ никакихъ его мало-мальски крупныхъ и цѣнныхъ произведеній. Его время поглощается, во-первыхъ, государственной службой и, во-вторыхъ, дѣятельностью по редактированію «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», которыхъ онъ въ пятилѣтіе съ 1854 по 1859 годъ является не только дѣятельнымъ руководителемъ, но и щедрымъ литературнымъ вкладчикомъ. Тутъ печатается рядъ его статей экономическихъ и статистическихъ, матеріалъ для которыхъ почерпается изъ дѣлъ губернскаго правленія, а также тутъ же впервые читающая провинціальная публика знакомится съ нимъ, какъ съ даровитымъ фельетонистомъ обличительнаго пошиба. Одинъ изъ такихъ фельетоновъ, посвященный мѣстному военному сословію, навлекъ и на молодого писателя, и на начальника губерніи, А. Игнатьева, гнѣвъ высшей петербургской власти. Губернатору былъ сдѣланъ по этому поводу высочайшій выговоръ, со внесеніемъ его въ формуляръ, а отъ редактора «Вѣдомостей» потребовано объясненіе и обнаруженіе имени автора преступнаго фельетона. Игнатьевъ былъ человекъ снисходительный и порядочный, не отнесся къ проступку своего безпкойнаго чиновника слишкомъ строго, но предложилъ ему прокатиться въ столицу для личныхъ объясненій по начальству, которому по долгу службы, однако, отвѣтилъ, что авторъ фельетона и редакторъ «Вѣдомостей» одно и то же лицо.

Исторія эта для молодого литератора не имѣла грустныхъ послѣдствій, и нависшая было грозная туча разсѣялась благополучно. Въ главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ Валусевъ, а товарищемъ его былъ Тройницкій, оба занятые въ то время вопросами организаціи земской статистики и выясненіемъ хозяйственныхъ нуждъ провинціи. Пріѣздъ въ столицу мѣстнаго свѣдущаго человека былъ для нихъ какъ нельзя кстати, и послѣдній въ концѣ концовъ изъ ожидаемой роли подсудимаго обратился въ желаннаго гостя и помощника по нѣкоторымъ очереднымъ вопросамъ государственной жизни. Результатомъ пріѣзда Даніила Лукича былъ милостивый о немъ докладъ Валусева императору Але-

¹⁾ «Казаки и море», по свидѣтельству автора, были имъ написаны студентомъ, во время скучныхъ лекцій Устрялова.

ксандру II-му и отпущеніе его съ миромъ въ Саратовъ. Онъ не понесъ никакой кары, но высочайшій выговоръ въ формулярѣ Игнатѣва остался памятникомъ фельетоннаго инцидента.

Къ 1859 году относится появленіе его историческаго разсказа «Медвѣдицкій бурлакъ», вошедшаго впослѣдствіи въ извѣстную хрестоматію Перевлѣскаго, и вслѣдъ за симъ—его первой исторической монографіи «Самозванецъ Богомоловъ», могущей быть разсматриваемой, какъ первый шагъ въ разработкѣ вопросовъ о пинзовой вольницѣ, о самозванцахъ и бунтахъ русскаго народа,—вопросовъ, которые именно г. Мордовцеву больше, чѣмъ кому либо изъ нашихъ отечественныхъ писателей, обяваны разъясненіемъ и освѣщеніемъ. «Самозванецъ Богомоловъ» былъ напечатанъ въ Аксаковскомъ «Парусѣ» и обратилъ на себя общее вниманіе и читателей и критики, которые сразу отмѣтили появленіе на русскомъ литературномъ горизонтѣ свѣжаго и выдающагося таланта. Старикъ М. П. Погодинъ первый замѣтилъ это дарованіе и проѣздомъ черезъ Саратовъ успѣшилъ познакомиться съ Данииломъ Лукичемъ, привѣтствовать его и благословить на дальнѣйшій литературный трудъ. Вслѣдъ за названными произведеніями авторъ печатаетъ и нѣсколько другихъ въ томъ же родѣ, помѣщая ихъ преимущественно въ «Русскомъ Словѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы» и «Всемирномъ Трудѣ». Если Погодинъ сумѣлъ признать талантъ въ авторѣ по его первому произведенію, то послѣдующія обратили на себя вниманіе и дѣйствующей тогда ученой корпораціи, такъ что въ Петербургскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ былъ поднятъ даже вопросъ о предоставленіи молодому саратовскому ученому кафедры по русской исторіи. Объ этомъ особенно хлопотали Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ и В. И. Ламанскій, оба послѣдніе, какъ мы знаемъ, товарищи его по студенческой скамьѣ.

В. И. Ламанскій по этому предмету писалъ ему въ 1860 году ¹⁾: «Съ новымъ годомъ желаю тебѣ всего хорошаго и, главное, переменны твоего положенія, что, кажется, отъ тебя зависитъ. Выслушай меня, какъ добраго своего стараго товарища, который хотя и непростительно небреженъ въ перепискѣ, но искренно любитъ тебя и уважаетъ по старинѣ. Въ университетѣ нашемъ вскорѣ будетъ предлагаться кандидатъ на кафедру русской исторіи, именно новой. Костомаровъ и Пыпинъ хотятъ предложить тебя; ты знаешь Николая Ивановича, его разсѣянность и прочее. Надо тебѣ написать ему, объявить свое желаніе и согласіе и, конечно, съ извѣстными условіями, т.-е. представить къ извѣстному времени магистерскую диссертацию или, главное, заявить о ней. У тебя есть матеріалы, даже готовые статьи. Не отказывайся ради Бога и вѣрь мнѣ, что

¹⁾ «Русскія Старина» 1866 года, іюнь.

я говорю тебѣ отъ души. Ты все равно собирався къ намъ весною—ночь тебѣ и время, и случай окончить свою диссертацию. Послѣ вакансїи ты можешь и сдать экзаменъ (если не хочешь раньше), и имѣть диспутъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ тебѣ лучше списаться съ Пыпинимъ, который уже говорилъ мнѣ, что собирается тебѣ писать о профессурѣ. Говорю тебѣ, чтобы толкнуть тебя. Попроси, пожалуйста, отъ меня Анну Никаноровну, чтобы она погоняла тебя».

На призывъ друга Д. Л. Мордовцевъ, однако, не отозвался. Въ то время Саратовъ, семейная устроенная здѣсь жизнь, обеспеченное служебное положеніе и захватывающая работа въ провинціаль-ныхъ архивахъ крѣпко приковывали его на мѣстѣ, почему и заманчивость невѣдомой профессуры, сопряженной притомъ съ пригото-вленіемъ диссертациі, съ диспутомъ и прочими хлопотами, его не соблазнила. Не откликнулся онъ и во второй разъ, когда въ 1864 году каѳедра по русской исторїи въ Петербургскомъ универ-ситетѣ за уходомъ оттуда Н. И. Костомарова пустовала, и ему снова его друзья предлагали о ней начать хлопоты. Историко-филологическій факультетъ для замѣщенїя вакантной каѳедры намѣчалъ двухъ кандидатовъ: К. Н. Бестужева-Рюмина и Данила Лукича, которымъ обоимъ и сдѣлалъ соответствующія предложе-нїя. Но оба сначала отказались, при чемъ, однако, Бестужевъ-Рюминъ впоследствии выразилъ свое согласіе, Д. Л. Мордовцевъ же остался при первоначальномъ рѣшенїи. Вторичному отказу содѣй-ствовало то обстоятельство, что какъ разъ въ то время онъ былъ занятъ подготовленїемъ себя къ коммерческой дѣятельности по настоянїю братьевъ, имѣвшихъ крупныя торговыя сношенїя съ заграничными рынками по экспорту сырья; когда же надобность въ этомъ миновала, и задуманное дѣло не состоялось, то помѣхою послужила дружба съ Н. И. Костомарскимъ, вновь поселившимся тогда въ Саратовъ, и съ которымъ ему трудно было разстаться. Такимъ образомъ видамъ на научную карьеру не суждено было сбыться; да, по моему искреннему убѣжденїю, таковая была бы и не по характеру нашему писателю: онъ былъ слишкомъ ужъ жи-вой, отзывчивый и безпокойный человѣкъ по всему складу своего ума, чтобы быть въ состоянїи сосредоточиться на специальности и уйти въ узкую ученую раковину, какъ и неспособнымъ онъ ока-зался для торговыхъ цѣлей и коммерческихъ замысловъ братьевъ.

IV.

О переѣздѣ Данила Лукича въ Петербургъ хлопотали не только Н. И. Костомаровъ, В. И. Ламанскій и А. Н. Пыпинъ, но и ре-дакторъ «Русскаго Слова», Григорій Владиміевичъ Влагосвѣ-ловъ, которому саратовскій молодой писатель приходился, какъ никто изъ прочихъ сотрудниковъ, по вкусу, и которому тотъ

нуженъ былъ, какъ всегда находящійся подъ рукою помощникъ, боевой публицистъ и журналистъ, могущій сдѣлать по любому вопросу оригинальной и цѣнной вкладъ въ журналъ. Въ письмѣ отъ 4-го августа 1860 г. Благосвѣтловъ пишетъ своему провинциальному сотруднику: «Не будетъ ли у васъ добраго желанія переселиться въ Петербургъ? Здѣсь все натянута и глупо до пошлости, но по сравненію съ саратовскими степями все же

Даниилъ Лукичъ Мордовцевъ въ 1885 году.

есть кое-какая жизнь и, пожалуй, мысль. Со временемъ, когда я приобрѣту больше довѣренности у графа Кушелева, и «Русское Слово» будетъ независимо отъ конторы издателя, мнѣ будетъ пріятно обезпечить вашъ переѣздъ и жизнь на финскихъ болотахъ. Здѣсь Н. Н. Костомаровъ и, вообще, кругъ людей, не сомнѣю оскотилившихся, могъ бы украсить и согрѣть пріятными минутами вашу жизнь. Въ настоящее время не смѣю обѣщать, но въ будущемъ, и недалекомъ, могъ бы поручиться за успѣхъ моего предложенія». Къ этой же темѣ Благосвѣтловъ возвращался неоднократно и въ послѣдующихъ письмахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1861 г. онъ уже точно опредѣлялъ тѣ условія, на которыхъ хотѣлъ бы переманить г. Мордовцева въ Петербургъ, и писалъ ему: «Я давно уже просилъ графа, чтобъ онъ обезпечилъ вамъ на ка-

ждый мѣсяць 150 рублей, если вы согласитесь переѣхать въ Петербургъ. Извините, что я хлопоталъ о томъ, что, можетъ быть, и не по вкусу вамъ. Графъ уполномочилъ меня назначить эту сумму изъ приходовъ редакціи, отъ продажи нашихъ изданій, но вслѣдъ за этимъ я получилъ его письмо—отложить всѣ распоряженія до его пріѣзда». Къ этимъ матеріальнымъ условіямъ работы въ «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтловъ возвращался впоследствии неоднократно, но всѣ эти прельщенія успѣха не имѣли, и Д. Л. Мордовцевъ остался вѣрнѣе Саратову.

Весь періодъ шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ отмѣченъ въ его жизни усиленною работою въ ежемѣсячныхъ журналахъ, преимущественно въ «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Дѣлѣ», въ молодой еженедѣльной газетѣ «Недѣля» и въ газетѣ «Голосъ». Разбросанныя мелкія статьи можно найти и въ другихъ изданіяхъ, но перечисленныя газеты и журналы были тѣми органами печати, которые именно составили ему имя крупнаго публициста, за которымъ положительно ухаживали редакторы-издатели, боясь, чтобы соперникъ и конкурентъ по издательскому дѣлу не отбилъ его или не переманилъ въ свой журналъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Благосвѣтловъ откровенно даже говоритъ на эту тему: «Не скрою отъ васъ моего опасенія—боюсь, что васъ похитятъ у «Русскаго Слова». Враговъ-то у меня накопилось много, да и нѣтъ надежды, при всей способности любить теплую натуру и благородное сердце. Подлѣе Петербурга я ничего не знаю въ мірѣ, и нигдѣ ничего не видѣлъ подобнаго отъ Флоренціи до Лондона. За исключеніемъ двухъ-трехъ литераторовъ-людей, все остальное—чортъ знаетъ что такое. Правда, имени нѣтъ на человѣческомъ языкѣ, что за гадость такая—эти передовые люди на запяткахъ нашей литературы. Уважаю я лично Костомарова... И Пыпинъ—хорошій человѣкъ, и будетъ прекрасный человѣкъ, если излѣчится отъ любви къ суздальскимъ красотамъ старой литературы. И вотъ я одинъ, и успѣлъ полюбить васъ заочно и глубоко. И скажу откровенно, что никто изъ сотрудниковъ «Русскаго Слова» не близокъ такъ къ моимъ бѣднымъ убѣжденіямъ, какъ вы»...

Не менѣе Благосвѣтлова дорожилъ г. Мордовцевымъ и Краевскій, который категорически признавалъ, что онъ поставилъ «Голосъ» на настоящую газетную дорогу, особенно въ фельетонной его части и полемической, придавая газетѣ разнообразіе, острогу и ту идейность, по преимуществу полемическаго свойства, которая создаетъ ежедневному органу положеніе и направленіе. Въ «Голосѣ» Даниилъ Лукинъ помѣстилъ немало передовыхъ статей, напечатанныхъ, конечно, безъ подписи, а также велъ фельетоны подъ литерами и псевдонимами, коихъ, кстати сказать, въ его литературномъ формулярѣ значителенъ множество, какъ, напримѣръ:

Д. С...о—М...ць, «Джемсъ-Плюмпудингъ-Эсквайръ», «Діонисіевъ», «Гиппократъ», «Евдокія Зубъ», «Елисавета Воробей», «Дмитруне Мірдівцевъ», «Берне изъ Бердичева», «Оома Брутъ» и др. Наибольше популярными должны считаться псевдонимы «Джемсъ-Плюмпудингъ», «Оома Брутъ», Д. С...о—М...ць. Характеръ газетныхъ работъ г. Мордовцева по большей части сатирической, съ непрестанными полемическими вылазками, съ намеками политическаго свойства и съ изобиліемъ смѣшныхъ, особенныхъ «словечекъ», имъ самимъ изобрѣтенныхъ или почеркнутыхъ изъ старинной письменности, украинской народной рѣчи или неудачной стилистики писателей старинной эпохи. Совершенно тотъ же характеръ сохранили и его газетныя работы, въ девяностыхъ годахъ, когда онъ почти исключительно и много работалъ въ сферѣ повсѣдневной прессы въ органѣ О. К. Нотовича «Новости». Но какъ ни разнообразна, плодотворна и блестяща была его газетная дѣятельность, не она создала ему имя крупнаго писателя; по моему убѣжденію, эта газетная работа скорѣе размѣнивала его литературный талантъ, опошляла его рѣчь и слишкомъ часто выводила на показъ публикѣ даже въ случаяхъ совершенно ненужныхъ и въ амплуа, невыгодномъ для серьезности репутаціи. Самъ писатель внесъ очень много въ газетное дѣло, послѣднее не было къ нему столь же великодушно и милостиво—оно слишкомъ много отняло у него силъ, давъ взамѣнъ не Богъ вѣсть сколь большой заработокъ да популярность не особенно высокой цѣны. Настоящая и почетная популярность была имъ добыта главнымъ образомъ работами въ ежемѣсячныхъ журналахъ—историческими монографіями, статьями экономическими и статистическими, большинство которыхъ сохраняетъ свое значеніе и свой интересъ и для нашихъ дней. Здѣсь Даніилъ Лукичъ приобрѣлъ себѣ имя выдающагося историка - популяризатора, имя, которымъ дорожили и которое почитали такіе признанные знатоки журнальнаго дѣла, какъ П. И. Гайдебуровъ, Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, М. Е. Салтыковъ, М. И. Семеvскій, М. М. Стасюлевичъ, А. С. Суворинъ, С. Н. Шубинскій и др.

V.

Я уже отмѣтилъ въ началѣ статьи, что въ нашей справочной литературѣ не имѣется обстоятельнаго указателя всему тому, что написано Д. Л. Мордовцевымъ, съ достовѣрной хронологической помѣткой года появленія каждаго труда и мѣста напечатанія. Въ этомъ отношеніи неполонъ указатель А. В. Мезіеръ, недостаточенъ проспектъ изданія сочиненій нашего писателя, сдѣланный г. Перевозниковымъ, а еще слабѣе указанія въ словарѣ Ефрона и Брокгауза. Пожалуй, наибольшую цѣнность имѣютъ примѣчанія, сдѣланныя г. Трачевскимъ къ роману г. Мордовцева «Вельможная Панна»,

гдѣ воспроизведена хронологія и мѣсто напечатанія большинства крупныхъ работъ нашего писателя. Пользуясь этими примѣчаніями, сдѣланными при содѣйствіи небезызвѣстнаго библіографа г. Сильчевского, привожу данныя о журнальной работѣ г. Мордовцева, какъ въ области историческаго разысканія, такъ и статистико-экономическаго обзорѣнія: въ «Русскомъ Словѣ» были напечатаны: «Кобзарь Шевченка»; «Стихотворенія Карлина» (1860); «Паденіе Польши» (1861—1862); «Школьные воспоминанія» (1863, автобіографическія данныя); «Объ «Историческихъ очеркахъ» Вуслаева, отвѣтъ Костомарову и выдержка изъ исторіи Польши» (1861). Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» начала 1870-хъ годовъ г. Мордовцеву принадлежитъ рядъ очерковъ о мелкихъ самозванцахъ XVIII вѣка, по архивамъ поволжскихъ городовъ. Въ «Дѣлѣ» были помѣщены, между прочимъ: «Послѣдніе годы раскольниковыхъ скитовъ на Иргизѣ [(1872—1876)», «Современное экономическое положеніе Поволжья» въ 6-ти статьяхъ и «Дѣйствительно ли мы богаты» (1873), «Какъ народъ самъ себя судитъ» (по поводу Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ и Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи); «Желѣзнодорожное дѣло въ Россіи и на Западѣ» и «Значеніе рыболовства въ народной экономіи» (1874); «Дѣятельность земства и его литература», «Печать въ провинціи,» и «Не подождать ли отнимать?» по поводу предложенія о преобразованіи волостныхъ судовъ (1875); «Наши окраины, безлюдье Сѣвера и Востокъ или Западъ», по поводу сборника Григорьева «Россія и Азія» и «Quos ego!»—отвѣтъ казанскому литератору (1876). Въ «Отечественныхъ Запискахъ» находимъ слѣдующія статьи Мордовцева, отчасти подписанныя буквами С... о—М...ь, Д.: «Русскіе государственные дѣятели и Пугачевъ» (1868); «Одинъ изъ Лжеконстантиновъ», матеріалы для характеристики народныхъ движеній; «Кто былъ усмиритель пугачевщины?» (1869); «Представляетъ ли прошедшее русскаго народа какія либо политическія движенія?» (1871); «Что пѣмцу здорово, то русскому смерть» (1873); «Дѣйствительная причина самарскаго голода»; «Земство и его дѣянія»; «Объ экономическихъ отношеніяхъ сѣвера и юга Россіи» (1874); «Наши потери во виѣнней торговлѣ» (1875); «О культурныхъ признакахъ русскаго народа»; «Историческія черты даровитости русскаго народа»; «Гдѣ искать земству помощи въ дѣлѣ народнаго образованія?» по поводу книги Ростиславова о монастыряхъ; «Петербургъ, какъ центръ рабочаго тяготѣнія»; «Что мнѣ Гекуба и что я Гекубѣ», по поводу замѣчанія Вяземскаго о «Словѣ о полку Игоревѣ» (1876); «Свѣточн будущаго», фельетонъ по уголовной статистикѣ Россіи, и «Сѣверный вопросъ послѣ восточнаго» (1877). Статья «Движенія въ расколѣ» (1874) подписана именемъ Діонисіева. Безъ подписи явились статьи: «Крестыанскій судъ» (1874) и «Десятилѣтіе русскаго земства» (1875—1876).

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ Д. Л. Мордовцевъ, по основаніи С. Н. Шубинскимъ журнала «Древняя и Новая Россія», становится дѣятельнымъ сотрудникомъ этого изданія и печатаетъ здѣсь монографіи: «Чума въ Москвѣ», «Наша печать по отношенію къ русско-славянскому дѣлу», «Три дѣтубійства», «Суворовъ въ народной поэзіи», «Занька-Каинъ», «Левъ Александровичъ Нарышкинъ».

Большая часть его мелкихъ историческихъ работъ вошла въ двухтомный сборникъ «Историческіе прописки», а крупныя монографіи составили книги: «Гайдамачина», «Самозванцы и понизовая вольница», «Политическія движенія русскаго народа», «Наканунъ воли». Статьи его по земскимъ вопросамъ вошли въ книгу «Десятилѣтіе русскаго земства». Кромѣ того, въ тотъ же періодъ семидесятыхъ годовъ вышелъ совершенно отдѣльнымъ изданіемъ его обширный трудъ въ 4-хъ томахъ: «Русскія историческія женщины» (1 ч.) и «Русскія женщины новаго времени» (3 ч.).

Всѣ названныя работы пользуются и нынѣ широкою извѣстностью въ публикѣ, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, «Наканунъ воли», книга, въ свое время уничтоженная цензурою, имѣетъ и свою общественную исторію, сыгравшую въ жизни писателя крупную роль. Со временемъ, когда историкамъ русской литературы и общественности станетъ доступенъ богатый архивъ главнаго управленія по дѣламъ печати, вѣроятно, станетъ извѣстна та обширная докладная записка о Д. Л. Мордовцевѣ, какъ авторѣ перечисленныхъ историческихъ монографій, составленная при Лонгиновѣ и которая, будучи направлена по начальству нашего писателя, имѣла въ результатѣ уходъ его изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и поступленіе на службу по вѣдомству путей сообщенія.

Какъ мнѣ лично передавалъ Даніилъ Лукичъ, дѣло вышло слѣдующимъ образомъ. Его статьи, относящіяся до политическихъ движеній русскаго народа, по вопросу раскольничьему, о самозванцахъ и пр. уже давно начали вызывать косые взоры цензурнаго вѣдомства, и многія изъ этихъ работъ въ свое время подвергались принудительнымъ купюрамъ и даже полному вырѣзыванію. Работая въ Саратовскихъ архивахъ, доступъ къ которымъ ему по должности правителя канцеляріи губернатора былъ легокъ, онъ нашелъ тамъ массу чрезвычайно любопытныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ, ярко обрисовывающихъ положеніе области въ дореформенный періодъ и позволявшихъ нарисовать широкую бытовую картину помѣщичьей и крестьянской жизни, преимущественно въ эпоху 1820—1840 годовъ. Этой работой онъ и занялся, начавъ печатать, конечно, въ опредѣленномъ освѣщеніи, свои очерки на страницахъ «Дѣла»; но это печатаніе, по распоряженію главнаго управленія, было довольно скоро прекращено, ибо на очерки было обращено особенное вниманіе сильныхъ и вліятельныхъ сферъ

которыя къ такому вниманію были подвигнуты письмами изъ провинціи заинтересованныхъ лицъ, встрѣтившихъ въ статьяхъ г. Мордовцева указанія частію на собственные историческія погрѣшности, частію на погрѣшности родственнаго и близкаго люда. Сношенія провинціи со столицей дали осязательные плоды: было составлено обстоятельное литературное обзорѣніе его журнальной дѣятельности, составлена по сему предмету докладная записка, писатель признанъ безусловно вреднымъ и не могущимъ быть терпимымъ на такомъ отвѣтственномъ посту, какъ постъ правителя губернаторской канцеляріи. Тогдашній саратовскій губернаторъ, М. Н. Галкинъ-Врасскій, которому весной 1872 г. была сообщена записка о его подчиненномъ съ указаніемъ на необходимость его отчисленія отъ должности, не счелъ, однако, нужнымъ ему этого сообщать, предпочтя это сдѣлать осенью, когда Д. Л. Мордовцевымъ будетъ закончена порученная работа по изготовленію всеподданнѣйшаго отчета по Саратовской губерніи. День напечатанія и сдачи отчета былъ и днемъ объявленія правителю канцеляріи постигшей его бѣды. Давилу Лукичу ничего не оставалось, какъ пожалѣть о потраченныхъ лишнихъ трехъ мѣсяцахъ на трудъ, отклоняться своему предусмотрительному начальству и ѣхать въ столицу для объясненій по литературному вѣдомству и для возможной реабилитаціи себя во взведенныхъ обвиненіяхъ. Если цензурная гроза, какъ то мы уже знаемъ, на зарѣ его жизни пронеслась надъ нимъ благополучно, то не такъ это случилось на сей разѣ. Лонгиновъ былъ не Тройницкій, и надобности у него въ статистическихъ познаніяхъ г. Мордовцева не было. Объясненіе вышло длинное, хотя для обвиняемаго и бесплодное въ смыслѣ добрыхъ результатовъ. Несмотря на то, что г. Мордовцевъ ссылался, что многія изъ его произведеній, нынѣ признаваемыхъ вредными по направленію, одобрены вѣдомствомъ императрицы Маріи и рекомендованы для пользованія въ женскихъ гимназіяхъ, несмотря на то, что выяснилось, что самъ Лонгиновъ по званію члена редакціи «Русскаго Вѣстника» принималъ даже участіе въ напечатаніи этихъ произведеній, дѣлая подъ ними собственноручныя примѣчанія, — доводы писателя приняты не были, и вредность его направленія официально признана. Послѣ такого признанія, саратовскій чиновникъ подалъ въ отставку, нѣкоторое время жилъ исключительно литературнымъ трудомъ, а въ 1873 г. былъ принятъ графомъ Вобринскимъ на службу по министерству путей сообщенія, гдѣ организуемый въ то время статистическій отдѣлъ нуждался въ опытныхъ и свѣдущихъ работникахъ по статистикѣ, и гдѣ нашли примѣненіе своимъ силамъ, кромѣ г. Мордовцева, и нѣкоторые другіе представители нашей литературы, какъ, напримѣръ, Н. Ф. Анненскій, П. Кулишъ, Ф. Ф. Вороповъ и др.

VI.

Статьи, посвященныя обзорѣннѣ эпохи «Наканунѣ воли», остались настолько отмѣченными печатью неблагонамѣренности, что, когда авторъ, много времени спустя, а именно въ 1889 г., собралъ ихъ воедино, дополнилъ новыми и издалъ отдѣльною книгою, то таковая была запрещена и подвергнута сожженію. Но не только, впрочемъ, эту книгу г. Мордовцева постигла столь печальная участь, сожжена была и его книга «Славянскія драмы», напечатанная въ 1877 году. Здѣсь уже точка отправленія для столь немилостиваго дѣйствія была иная, а именно боязнь, чтобы австрійское правительство не обидѣлось на Россію за правдивое изображеніе однимъ изъ ея сыновъ того печальнаго и безправнаго состоянія, въ которомъ обрѣтается несчастное славянство. Для славянства, очевидно, на берегахъ нѣмецкаго Дуная драматическаго состоянія не полагалось, и на оффиціальномъ языкѣ все должно было считаться благополучнымъ, а отсюда и предъявленіе такого же требованія и къ русской литературѣ и ея предстателямъ, хотя бы они и далеки были отъ какихъ бы то ни было шовинистскихъ тенденцій, бряцанія оружіемъ и завоевательныхъ стремленій. Чтобы окончить съ цензурными гоненіями на произведенія нашего писателя, необходимо отмѣтить, что таковому же преслѣдованію подвергся и его романъ изъ жизни современной интеллигенціи «Знаменія времени», одно время также запрещенный въ отдѣльномъ изданіи.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что Д. Л. Мордовцевъ, какъ публицистъ и историкъ, уже въ первыя 15 лѣтъ своей литературной дѣятельности пріобрѣтаетъ рѣзко очерченную литературную фізіономію и является виднымъ выразителемъ того научно-литературнаго отечественнаго движенія, которое сосредоточилось по преимуществу въ журналахъ ярко-прогрессивнаго направленія, какъ «Русское Слово», «Дѣло» и «Отечественныя Записки». Если его нельзя зачислить въ сонмъ теоретиковъ, каковыми были въ то время Д. Писаревъ, В. Зайцевъ, Н. Шелгуновъ, Г. Благовѣтловъ, Н. Михайловскій и др., научно-публицистически разрабатывавшіе вопросы прогрессивнаго развитія русскаго народа, то за нимъ остается роль дѣятеля, искавшаго и находившаго примѣненіе тѣмъ же доктринамъ къ фактамъ повседневной жизни, къ фактамъ исторіи, давней и недавней. Обличительный элементъ, съ одной стороны, и стремленіе отъ анализа отдѣльныхъ фактовъ переходить къ широкому синтезу во имя прогресса и либеральныхъ, демократическихъ задачъ будущаго съ другой—вотъ тѣ видимыя и невидимыя пружины его журнальной работы, которыя несомнѣнно исключительно руководили имъ въ періодъ его усиленной журнальной работы. Привожу ниже письмо его отъ 1876 г. къ С. Н.

Шубинскому, тогдашнему редактору «Древней и Новой Россіи», которое содержитъ въ себѣ частію автобіографическія, разсказанныя уже выше, данныя изъ жизни нашего писателя, а частію раскрываетъ передъ нами и тѣ тайныя пружины, которыя я отгмѣтилъ. Предлагая редактору молодого журнала статью «Сороковые годы въ исторіи русскаго народа», онъ пишетъ: «...Позвольте предложить вамъ новую статью, которая, я увѣренъ, должна имѣть значеніе, особенно въ виду того, что въ настоящее время народъ больше, чѣмъ когда либо, входитъ въ моду. Статья эта была написана мною прежде, въ 1872 году, но я объ ней совершенно забылъ, а теперь, разбирая бумаги передъ отъѣздомъ на дачу, наткнулся на нее и нашелъ, что статья эта не должна пропасть для русской исторіи, собственно для исторіи русскаго крестьянства. Въ 1870, 1871 и 1872 годахъ я перебиралъ саратовскіе и нѣкоторые другіе удѣлѣвшіе архивы съ спеціальною цѣлью изслѣдованія состоянія нашего крестьянства въ нынѣшнемъ столѣтіи. Я собралъ богатѣйшіе матеріалы, особенно по злоупотребленіямъ помѣщичьей властью, и составилъ обширное изслѣдованіе, все построенное на подлинныхъ бумагахъ архивовъ, разбромъ отъ 35 до 40 печатныхъ листовъ и далъ этому сочиненію названіе «Русское крестьянство наканунѣ воли». Начало его напечатано мною въ «Дѣлѣ» 1872 г., въ іюлѣ, кажется. Окончивши это сочиненіе и отославъ его Благосвѣтлову, я разрабатывалъ архивы далѣе и остановился собственно на 40-хъ годахъ, о которыхъ, какъ и о людяхъ сороковыхъ годовъ, у насъ вообще много толковалось и толкуется. Это и была новая статья о 40-хъ годахъ, которую я вамъ и посылаю. Но едва она была кончена, какъ губернаторъ саратовскій, Галкинъ, объявилъ мнѣ волю министра внутреннихъ дѣлъ—выходить въ отставку. На меня, говорятъ, былъ сдѣланъ доносъ, и къ доносу припели мою литературную неблагонамѣренность. Я прискакалъ въ Петербургъ, оставивъ свою статью (Сороковые годы и т. д.) въ кучѣ саратовскихъ бумагъ и въ то же время, послѣ объясненій въ министерствѣ, прекратилъ печатать и большую свою работу—«Русское крестьянство наканунѣ воли». Но этой статьей была заинтересована А. П. Филофова, попросила дать ей прочесть ее, потомъ дала прочесть г-жѣ Тимашевой, а та упросила мужа обратить на рукопись мою вниманіе и дозволить ее напечатать. Тимашевъ велѣлъ разсмотрѣть ее Макову и доложить. Но это—долгій ящикъ, изъ котораго я все-таки когда нибудь выну свою рукопись и напечатаю ее отдѣльною книгою. А вамъ теперь предлагаю особую статью о нашемъ крестьянствѣ въ 40-хъ годахъ, статью блистательно переписанную, почти такъ же красиво, какъ и вы пишете. Я полагаю, что въ «Древнюю и Новую Россію» слѣдуетъ впустить русскій народъ, а то вашъ сборникъ почти исключительно вертится около

царей, царицъ, царевенъ, князей и всякихъ высокихъ особъ. Я хочу немножко демократизировать вашъ журналъ—въ самомъ дѣлѣ это необходимо. Прочтите мою статью—и вы найдете, что она открываетъ собой какъ бы новый фактъ въ русскихъ историческихъ изслѣдованіяхъ»...

Въ приведенномъ письмѣ чрезвычайно характерно признаніе автора о желаніи впустить народъ въ историческую науку и о стремленіи демократизировать область историческихъ изслѣдованій, впустить въ храмъ науки ту шумную, порою грязную и буйную народную толпу, которая непрестанно протестовала противъ всякой казенной регламентации и являлась въ круговоротѣ историческаго прогресса силою центробѣжною, въ противовѣсъ силѣ центростремительной, воплощавшейся во образѣ той государственности, которая сковывала страну желѣзнымъ обручемъ порою закона, а порою и беззаконія, какъ, на примѣръ, крѣпостнымъ правомъ. Въ одной изъ своихъ статей: «Представляетъ ли прошедшее русскаго народа какое либо политическое движеніе?»—онъ такъ опредѣляетъ самъ свое значеніе въ русской литературѣ, какъ историка: «...Задача русскаго народа въ будущемъ, его роль въ исторіи человѣчества и его взаимодействіе на другія народности міра уразумѣются только тогда, когда русскій народъ будетъ имѣть свою исторію, т.-е. обстоятельную, безпристрастно и умно-художественно нарисованную картину того, какъ нахалъ землю, вносилъ подать, отбывалъ рекрутчину, благоденствовалъ и страдалъ русскій народъ, какъ онъ коснѣлъ или развивался, какъ подчасъ онъ бунтовалъ и разбойничалъ цѣлыми массами, воровалъ и бѣгалъ тоже массами въ то время, когда для счастья его работали генералы, полководцы и законодатели. Изученію проявленія центробѣжной силы и ея факторовъ (народныя движенія, понизовая вольница, пугачевщина, гайдамачина, Пугачевы, Желѣзняки, Заметаевы, Брагины и подобные имъ факторы) мы посвятили большую часть нашихъ историческихъ работъ и полагаемъ, что этимъ скромнымъ дѣломъ мы все-таки положили первый камень подъ великое зданіе будущей исторіи русскаго народа».

Это profession de foi журналиста очень цѣнно—онъ откровенно констатируетъ, что именно его интересуетъ въ русской исторіи, и съ какими явленіями въ ней онъ предпочитаетъ имѣть дѣло, при чемъ смотритъ на это дѣло чрезвычайно скромно, отводя себѣ роль простаго каменщика, потрудившагося надъ возведеніемъ будущаго народнаго историческаго храма. Всѣ свои историческіе очерки, собранные въ 2 тома подъ наименованіемъ «Историческіе пропиленъ», онъ поэтому и именуетъ этимъ нѣсколько страннымъ на первый взглядъ наименованіемъ, что разсматриваетъ ихъ, какъ «подготовительные для исторіи, до нѣкоторой степени обработанные матеріалы, какъ простыя кирпичи, можетъ быть, пригод-

ные для того, чтобы войти служебнымъ матеріаломъ въ будущее изданіе исторіи,—подобно тому, какъ классическіе пропилеи, составляя преддверіе храмовъ, не считались обителями божества, а только вели въ эти святилища черезъ амфилады колоннъ и портиковъ.

Вводя въ обиходъ историческаго изученія народныя элементы, буйную чернь, которая сплошь и рядомъ ведетъ себя на глазахъ читателя достаточно непристойно, авторъ не бросаетъ ей за эти непристойности упрековъ и выговоровъ, но всегда беретъ подъ свою защиту, находя для того или краснорѣчивое слово извиненія или даже полнаго оправданія. Онъ—не прокуроръ, громящій безпорядокъ и своеволие въ исторической жизни, онъ—защитникъ обездоленныхъ и угнетенныхъ, стремящихся силою собственныхъ мышцъ и мускуловъ скинуть съ себя давящее ихъ ярмо и пудовое иго. И за сколькихъ такихъ угнетенныхъ и безправныхъ поднялъ онъ свой громкій голосъ, сколькимъ вынесъ онъ оправдательный приговоръ! Взять хотя бы раскольниковъ (правильнѣе старообрядцевъ), исторія и значеніе которыхъ до г. Мордовцева освѣщались и судились на основаніи по большей части мертвой буквы закона или казенныхъ, неблагопріятныхъ имъ слѣдственныхъ дѣлъ и административныхъ отписокъ. Мельниковъ-Печерскій первый въ пятидесятыхъ годахъ занялся расколомъ, посвятилъ ему немало журнальныхъ работъ, но въ нихъ читатель не находитъ ни того душевнаго тепла, ни той любви къ «человѣку», которыми такъ проникнуты произведенія автора «Иргизскихъ раскольниковыхъ общинъ», «Борьбы съ расколомъ въ Поволжьѣ» и романа «Великій расколъ». Г. Мордовцевъ первый въ нашей журналистикѣ взялъ подъ свою защиту людей старой вѣры, взглянулъ на эту вѣру, какъ на имѣющую право законнаго существованія и равноправную съ прочими исповѣданіями, и представилъ этихъ людей древняго благочестія хотя невѣжественными и грубыми, но не въ роли еретиковъ и супостатовъ, а какъ искренно стремящихся къ истинѣ и правдѣ и честно и грозно стоящихъ за дорогіе имъ устои жизни, во имя которыхъ готовы были во всякое время положить свои животы и головы на плаху. И если въ грядущемъ будущемъ, приближеніе котораго всѣми такъ трепетно ощущается, вѣротерпимости на Руси будетъ данъ широкой просторъ, и всѣ люди чистой и искренней вѣры будутъ призваны на братскій пиръ любви, то пусть не забудутъ собравшіеся и того, кто съ такою горячностью и силою убѣжденія говорилъ въ ихъ пользу тогда, когда такъ говорить было небезопасно, ибо такія рѣчи считались дерзкими и неблагонадежными.

Быть можетъ, кое-что изъ того, что авторомъ тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ писалось, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, при современномъ развитіи историческаго знанія, нынѣ уже тре-

буеть нѣсколько иного освѣщенія, дополненій и поправокъ, по сути дѣла, суть его проповѣди остается въ силѣ и понынѣ. Въ предѣлахъ времени и тогдашней возможности онъ сдѣлалъ зависящее отъ него, творя его подчасъ торопливо, какъ бы опасаясь потерять выгодный моментъ и случай высказаться. Къ нему и его журнальнымъ работамъ до извѣстной степени примѣнны тѣ стихи Некрасова, которыми онъ почтилъ Н. А. Милютнина:

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ,
Лишь не остыло бѣ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.

Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,
Думаю исправить потомъ.
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлаю
Видно донинѣ по всемъ.

VII.

Кромѣ вопроса о раскольникахъ, г. Мордовцевымъ съ особенною силою были выдвинуты еще два—о земствѣ и о роли нашей провинціальной печати. По долгу службы въ канцеляріи саратовскаго губернатора онъ имѣлъ возможность близко ознакомиться съ земскимъ дѣломъ, изучить его историческое развитіе и современное положеніе на основаніи провинціальныхъ хроникъ, земскихъ изданій и приложений ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ. Результатомъ этого изученія явился рядъ статей, напечатанныхъ преимущественно въ «Дѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» и появившихъ впоследствии частію въ изданіе «Историческіе прописки», а частію въ книгу «Десятилѣтіе русскаго земства». Въ послѣднемъ трудѣ авторъ нарисовалъ серію картинъ изъ областной жизни, картинъ то мрачныхъ, то свѣтлыхъ, то отмѣченныхъ печатью жесткой старины, то обвѣянныхъ духомъ свободы и рисованныхъ красками, почерпнутыми изъ свѣтлаго источника пореформенной жизни. Историкъ земства, и притомъ первый по времени, онъ далъ большое число портретовъ помѣстныхъ дѣятелей обновленной Россіи, ознакомилъ читателей съ ихъ рѣчами и мнѣніями и обрисовалъ настроенія земствъ, уѣзднаго и губернскаго, въ разныхъ областяхъ нашей родины. Картина вышла пестрая, такъ что въ своемъ обобщеніи ему пришлось констатировать, что «многаго еще недостаетъ земскому дѣлу, что много въ ней ошибокъ и недоразумнѣй, что въ задачахъ земства много недосказаннаго, невзвѣннаго, недостаточно уясненнаго, немало и печальныхъ явленій, глубоко возмущающихъ душу своею неправдою». Но при всемъ томъ, въ общемъ изъ изученія десятилѣтней дѣятельности земства,

по его мнѣнію, «выносятся глубокое нравственное утѣшеніе въ томъ непоколебимомъ сознаніи, что многое изъ того, что было,— прошло и быльемъ поросло, а въ томъ, что совершается въ настоящемъ, утѣшительнаго больше, чѣмъ неутѣшительнаго, и свѣтлаго, если не количественно, то качественно, больше, чѣмъ темнаго, въ силу библейской истины, что «свѣтъ свѣтитъ во тьмѣ, и тьма его не объятъ».

Въ настоящее время, какъ извѣстно, вопросъ о русской земщинѣ вопросъ очередной, и, къ сожалѣнію, ея двадцатипятилѣтній юбилей прошелъ безъ историческаго обзорѣнія: слышались, хотя и прекрасныя, но лишь общаго характера по ея адресу рѣчи. Не такъ поступилъ ея историкъ въ 1877 году. Онъ далъ обстоятельный сводъ работы земскихъ людей за 10 лѣтъ, но, увы, въ нашей литературѣ не нашлось ему послѣдователя и подражателя, почему за г. Мордовцевымъ и остается имя не только перваго, но пока и единственнаго у насъ историка русскаго земскаго дѣла.

Ему же принадлежитъ въ нашей журналистикѣ честь громкой и очень шумной постановки вопроса о значеніи и ростѣ провинціальной печати. Историкомъ ея въ литературѣ онъ также явился первымъ, хотя роль, имъ здѣсь сыгранная, была не изъ удачныхъ. Областникъ по своимъ природнымъ симпатіямъ и склонностямъ, проповѣдникъ началъ самодѣятельности и самоуправленія, поклонникъ идеи автономности, онъ не сумѣлъ сохранить надлежащаго тона въ отношеніи молодой нарождающейся печати провинціи и отнесся къ ней и ея будущему съ нѣкоторымъ высокоуміемъ журналиста, работающаго въ столичныхъ педаніяхъ. Отъ многого изъ того, что имъ было сказано по сему предмету въ свое время, онъ, какъ извѣстно, въ послѣдствіи отказался, признавъ себя побѣжденнымъ и искренно еще въ наши дни воскликнувъ: «Да здравствуетъ провинціальная печать!» Въ своемъ очеркѣ, посвященномъ этой печати ¹⁾, я подробно передалъ читателямъ исторію и нѣкоторыя перипетіи этого шумнаго спора, въ кругъ котораго г. Мордовцевъ сумѣлъ вовлечь чуть ли не всю повременную прессу, а потому пересказывать стараго не буду. Здѣсь же лишь отмѣчу, что какъ бы ошибочны взгляды писателя на вопросъ ни были, самое возбужденіе вопроса составляетъ его несомнѣнную заслугу— онъ оживилъ вопросъ объ областной печати, сдѣлалъ его очереднымъ, привлекъ къ нему вниманіе и симпатіи множества людей и тѣмъ самымъ косвенно повліялъ на ростъ и укрѣпленіе этой печати. Кромѣ того, онъ же долженъ быть разсматриваемъ, и какъ первый историкъ ея, какъ популяризаторъ ея органовъ и ихъ представителей среди столичныхъ читателей.

¹⁾ «Печать въ провинціи», «Историческій Вѣстникъ», 1898 г., т. I. XXI.

Въ интересахъ послѣдовательности изложенія, я долженъ, однажды вопросъ объ отношеніяхъ г. Мордовцева къ областничеству мною затронуть, отмѣтить и его широкую и громкую дѣятельность въ кругу иного большого областного вопроса: я разумѣю служеніе нашего писателя малороссійскому или украинскому дѣлу. Малороссъ по происхожденію, но великороссъ по воспитанію и кругу практической жизненной дѣятельности, онъ сумѣлъ вмѣстить въ свою литературную работу два начала, шедшія у него неиз-

Данилъ Лукичъ Мордовцевъ въ 1896 году.

мѣнно рука объ руку. Трудясь на пользу общерусскаго просвѣщенія, какъ русскій журналистъ и дѣятель великорусской печати, онъ постоянно, отъ времени до времени, возвращался къ своей дорогой родинѣ, ея преданіямъ, интересамъ и міровому историческому значенію въ прошломъ и будущемъ.

Въ этомъ отношеніи въ журнальной дѣятельности Д. Л. Мордовцева наблюдается трогательный элементъ неослабной племенной любви, которая просвѣчиваетъ во всѣхъ почти его произведеніяхъ. Какъ извѣстно, наша журналистика, вѣчно ищущая «острыхъ ощущеній», немало трунила надъ этимъ, именуя его

то «хохлому на великорусской подкладкѣ», то «великороссомъ на хохладкой подкладкѣ», ставила ему, какъ только рѣчь зайдетъ о чемъ нибудь, касающемся Малороссіи, ядовитые вопросы и вызывала на споръ и полемику: «А что скажете на это «дідъ» Мордовцевъ?» — прибавка, часто встрѣчавшаяся на страницахъ нашихъ газетъ. И «дідъ» отвѣчалъ, огрызаясь, ратуя за свою Украину и украинцевъ, шпыняя «москалей», припоминая ихъ историческіе грѣхи и не давая въ обиду ни своихъ «вишневенькихъ садочковъ», ни «гопака» съ «горилкой», ни бѣлыхъ хатъ съ паробками и дивчинами, облитыхъ луннымъ свѣтомъ чарующей поэзіи. Къ чести почтеннаго писателя должно отмѣтить, что его полемика по близкому и родному вопросу никогда не содержала въ себѣ элемента злости и раздраженія; скорѣе въ ней сквозило нѣкоторое добродушіе, умиротвореніе и та мягкость юга, которою такъ полны и украинское небо, и украинская природа. Вотъ почему, быть можетъ, послѣ Гоголя никто изъ нашихъ дѣятелей печати такъ не послужилъ культурному братству обоихъ развѣтвленій великаго восточнаго славянскаго племени, какъ Даніиль Лукичъ, и вотъ почему онъ долженъ быть дорогъ этимъ обоимъ развѣтвленіямъ. Но надо быть деликатнымъ: нельзя человѣку ставить въ вину того, что въ одномъ случаѣ его чувство было мягче и теплѣе: здѣсь говорила историческая кровь родства, здѣсь говорило совнаніе многихъ обидъ и горя, понесенныхъ земляками въ ихъ многострадалномъ прошломъ и неустроенномъ настоящемъ.

Дѣятельность г. Мордовцева на пользу своихъ земляковъ нашла себѣ прекрасное изображеніе въ адресѣ, поднесенномъ ему въ 1896 году отъ широкой группы поклонниковъ-южанъ, въ которомъ произведена оцѣнка его литературной работѣ въ кругу малороссійскаго вопроса. Привожу его цѣликомъ, какъ интересный документъ, но въ интересахъ обширной аудиторіи читателей воспроизвожу его въ рускомъ переводѣ.

«Высокоуважаемый

«Даніиль Лукичъ.

«Прошло 40 лѣтъ¹⁾ съ того времени, какъ вдохновенная казачествомъ и любовью къ родному краю душа ваша вылилась въ поэмѣ «Казакъ и море», а вслѣдъ за тѣмъ изъ-подъ вашего пера явились повѣсти: «Старці» и «Солдатка и дзвонарь». Это были первые ваши литературные опыты, которые вы цѣликомъ отдали своей безталанной Украинѣ. Чуткая душа, вылившаяся въ этихъ повѣстяхъ, искренняя любовь къ родному краю и народу, необыкновенная мелодичность рѣчи и настоящій украинскій юморъ,—все это обратило на васъ вниманіе земляковъ и порадовало думою за родное слово и литературу, которая приобрѣла себѣ молодую талантливую силу, но угнетенность нашей народнои рѣчи и тяжелыя

¹⁾ Тутъ хронологическая неточность съ опозданіемъ на 2 года.

Авторъ.

умови нашої громадської життя оторвали вас на довге время оть родного слова и обратили ваши сили туда, куда уже больше столѣтїя десятки народовъ отдють свои наилучшія сили. Всѣмъ хорошо извѣстна ваша неуспяная, огромная, талантливая и плодотворная работа, какъ историка, романиста и публициста, ибо каждый годъ на томъ или иномъ поприщѣ заявляли вы себя творенїями, къ которымъ всѣ прислушивались съ напряженнѣмъ вниманїемъ. Хотя все это написано на великорусскомъ нарѣчїи, однако мы при этомъ случаѣ не можемъ не заявить того, что значительная часть вашихъ работъ была объ Украинѣ, о ея минувшей и теперешней судьбѣ или такъ или иначе касалась Украины и была симпатична намъ, украинцамъ. Въ вашихъ историческихъ наслѣдовавіяхъ не только объ Украинѣ, но и о жизни великорусскаго народа, особенно въ книжкѣ: «Политическія движенія русскаго народа», вы вездѣ проводили дорогіе украинцамъ взгляды самобытности народной жизни и искренняго демократизма.

«Въ историческихъ романахъ вы рисовали тщательнѣе жизнь нашего края и народа, будили украинское самосознаніе, предавность къ родной Украинѣ и напоминали, «що діялось в свѣтѣ, чия правда, чия кривда, і чїі ми дїти».

«Въ своихъ публицистическихъ работахъ вы вездѣ заявляли себѣ приверженцемъ прогрессивнаго общественнаго движенія, стояли за самоуправленіе, давно любовное нашему народу. Что же касается собственно украинства, то мы съ глубокой благодарностю вспоминаемъ то время, когда вы съ славнымъ покойникомъ батькою Николою¹⁾ работали въ «Голосѣ» и въ «Недѣлѣ» и боролись съ Коллоупичемъ, Аксаковымъ и иными ратниками темной силы, какъ съ татарами, за мать Украину и ея языкъ.

«Въ послѣднее время вы много путешествовали по свѣту и снова дали намъ немало книгъ о вашихъ путешествїяхъ. Но гдѣ бы вы ни были, подъ яснымъ ли небомъ Италїи, на святой рѣкѣ Йорданѣ, подъ палающимъ небомъ Іудей или на Кавказѣ, гдѣ до сихъ поръ орелъ долбитъ ребра Прометей, или гдѣ бы то ни было, всюду вы вспоминали свою Украину и льнули душою къ родному краю, — на тихі воды, на ясні зорї, де хатї біленькі, верби зелененькі».

«Проводи, такимъ образомъ, большую часть своей жизни далеко оть своего края, вы не забывали Украины, какъ забываютъ ее многіе, которые для ланства великаго, для лакомства нещаснаго (испомячались и обрусались) понесли свои труды въ чужію улы, вы не забыли родной рѣчи, вы только, говоря вашими же словами, «какъ-то немного отбились, какъ отбивается весной птица оть своей стаи, а осенью снова пристають». Такъ и вы напослѣдокъ, подъ осенью, захотѣли, черезъ 25 лѣтъ снова откликнуться на своомъ родномъ языкѣ.

«Съ того времени и по сей часъ ежегодно являються вамъ не большїи, но сердечнїя повѣсти и рассказы, въ которыхъ такъ тепло, правдиво и мастерски рисуется Украина съ ея исторїей, ея литературою, ея горькою долою и неумирающею надеждою; живуча эта надежда у васъ, живеть она и у насъ, и слава вамъ, нашъ другъ, нашъ отецъ, за то, что вы, имѣя таланты и счастливую долю, подерживаете въ насъ эту надежду».

«Ваші «Дві доли», нехайраи ни на какїи передѣлки, въ которыхъ онѣ были, не умрутъ, не погибнуть. Дай же вамъ. Воже, счастья добраго и вѣку долгаго, а мы, земляки ваши, подносимъ вамъ искреннѣйшія пожеланїя, кончаемъ словами нашего славнаго Кубзаря:

«А ти, батьку,
Як самъ здоровъ впаеш,
Тобѣ люде поважають,
Добрий голос маеш,
Співай же нам, наш голубе,
Про Сїч, про могилу,

¹⁾ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Авторъ.

Коли яку насипали,
 Кого положили.
 Про старину, про те диво,
 Що було, минуло...
 Утні, батьку, щоб нехотя
 Не все світ почувли,
 Що діялось в Україні,
 За що погибала,
 За що слава казацькая
 По всім світі стала».

Місто не дозволяєть мнѣ распространяться о практическомъ служеніи Д. Л. Мордовцева украинскому дѣлу: онъ устраивалъ до самаго послѣдняго времени малороссійскіе вечера, выступалъ на нихъ ораторомъ и чтецомъ, предсѣдательствовалъ на банкетахъ, предсѣдательствуетъ и понынѣ въ ихъ спеціальныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ и является покровителемъ всякаго украинца, прибывшаго въ сѣверную столицу, который и идетъ къ «старому діду» просто и откровенно со всіми своими думами и нуждами.

Чтобы закончить областническую дѣятельность маститаго писателя, считаю нужнымъ отмѣтить, что и прочія народности, входящія въ составъ Русскаго государства, неизмѣнно встрѣчали въ немъ покровителя и заступника. Такъ онъ много поработалъ по еврейскому вопросу, помѣстилъ въ спеціальныхъ еврейскихъ изданійхъ немало статей и неоднократно поднималъ свой голосъ въ защиту еврейскаго люда, какъ въ работахъ историко-публицистическихъ, такъ и беллетристическихъ, вступая по сему предмету въ полемику даже съ близкими людьми, какъ, на примѣръ, съ Краевскимъ своимъ недавнимъ единомышленникомъ.

VIII.

Составивъ себѣ крупное имя, какъ историкъ-публицистъ, г. Мордовцевъ со второй половины 1870-хъ годовъ переходитъ отъ статей общественно-научнаго содержания къ произведеніямъ спеціально беллетристическимъ и съ первымъ же романомъ «Идеалисты и реалисты» упорочиваетъ за собою репутацію талантливаго и выдающагося романиста на сюжеты изъ исторіи Россіи и Украины. Въ теченіе 20-ти лѣтъ имъ создается серія романовъ, обнимающихъ собою почти всю исторію нашей страны, начиная съ древнѣйшаго періода и кончая XIX вѣкомъ. Вотъ болѣе или менѣе полный списокъ главнѣйшихъ его романовъ и повѣстей, при чемъ сюда включаются и тѣ, которые берутъ свой сюжетъ не только изъ русской жизни, но и древняго востока и классическаго міра.

Изъ историческихъ романовъ и болѣе обширныхъ повѣстей Мордовцева первымъ были «Идеалисты и реалисты», напечатанные

первоначально въ «Новомъ Времени» (1876), потомъ вышедшіе въ трехъ отдѣльныхъ изданіяхъ (1878, 1882 и 1901). Далѣе слѣдовали: «Лжедмитрій» (1879, 2-е изд. 1901), «Наносная бѣда, чума въ Москвѣ» (1879, 2-е изд. 1883), «Двѣнадцатый годъ» (1880, 4-е изд. 1902), «Царь и гетманъ» (1880, 4-е изд. 1901), «Царь Петръ и правительница Софія» (3-е изд. 1902), «Соловецкое судѣніе» (1880), «Великій расколъ» (4-е изд. 1901), «Мамаево побоище» (1881), «Господинъ Великій Новгородъ» (1882), «Сагайдачный» (1882), «Архимандритъ гетманъ» (1884), «Историческія повѣсти» (1885), «Шохороны» (1886), «Авантюристы» (1886, было повторено), «Новые люди» (первоначально были напечатаны во «Всемирномъ Трудѣ» 1886 г. такъ же, какъ и начало «Знаменій времени»; потомъ вышли въ 1897 году 3-мъ изданіемъ), «Нашъ Одиссей» (1887), «Кумъ Иванъ» (въ «Дешевой Библиотекѣ» Суворина, 1887), «Бѣглый король» (1888), «Тимошъ» (въ «Вѣстникѣ Европы» 1889), «Фанатикъ» («Новости», 1891), «За чьи грѣхи?» изъ временъ Равина (1891), «Желѣзомъ и кровью», завоеваніе Кавказа при Ермоловѣ (1896), «Свѣту больше!» (1896), «Державный плотникъ» (1899), «Булава и бунчукъ», «Романъ Мазепы», «Посаженная мать (Екатерина II)», «Вельможная панна» (1903). Къ иностранной исторіи относятся слѣдующіе романы: четыре изъ быта Египта—«Замурованная царица» (1891), «Местъ жрецовъ», «Вогиня-Изида сваха», «Говоръ камней» (1895); затѣмъ—«Жертвы Вулкана», изъ послѣднихъ дней Помпеи (2-е изд. 1894), «Продъ» (2-е изд. 1897), «Погибель Иерусалима» (1897), «Царь безъ царства», изъ послѣднихъ дней царства Имеретинскаго, «Прометеево потомство», изъ послѣднихъ дней независимости Абхазіи (1897), «За всемірное владычество», борьба Митридата Понтійскаго съ Римомъ.

Сверхъ того, г. Мордовцевъ написалъ нѣсколько историческихъ мелкихъ повѣстей, дѣтскихъ и рождественскихъ разсказовъ, не говоря о современныхъ бытовыхъ повѣствованіяхъ.

Наименѣе удачными должны считаться тѣ романы и повѣсти, сюжетъ которыхъ былъ почерпнутъ авторомъ исключительно изъ книжнаго источника, и что по историческимъ дѣйствіямъ его лично не затрагивало и не волновало. Къ числу таковыхъ должны быть отнесены романы изъ древне-египетской и римской жизни. На всѣхъ этихъ произведеніяхъ лежитъ печать вычурности и писательской потуги, гдѣ авторъ, очевидно, не захватывается событіями, а тѣдится искусственно проникнуться изъ книжнаго источника настроеніями и мотивами.

Необходимо, однако, отмѣтить, что еврейскіе ученые высоко ставятъ беллетристику нашего автора, имѣющую сюжетомъ древне-еврейскую жизнь. Поэтому они охотно переводятъ его романы на древне-еврейскій языкъ (языкъ торы) и отмѣчаютъ, что въ этихъ романахъ превосходно схваченъ духъ древняго іудейства и по-

нять смыслъ исторіи Іудей. Не то мы видимъ у него, когда онъ прикасается родной земли, и когда изъ-подъ его пера во весь ростъ возстають передъ читателями дѣятели XVI—XVIII вѣковъ, т.-е. тѣхъ эпохъ, которыя онъ наилучше изучилъ, духомъ которыхъ онъ пропитался, и гдѣ все ему родное и близкое. Изъ числа наиболѣе удавшихся ему должно отмѣтить «Царь и гетманъ», «Идеалисты и реалисты», «Соловецкое сидѣніе» и «Великій расколъ». Въ большинствѣ его беллетристическихъ произведеній изъ русской исторіи разработаны тѣ же моменты жизни, которые входили и въ его журнальныя работы, при чемъ его непрестанно интересуютъ не спокойныя и тихія проявленія нашего историческаго бытія, а стихійныя и буйныя, гдѣ борются страсти и интересы сильныхъ и слабыхъ. Если не считать его пристрастія ко всѣмъ дѣятелямъ, вышедшимъ изъ Украины, то въ большинствѣ его романовъ мы не встрѣтимъ идеализаціи отдѣльныхъ типовъ, искусственнаго созданія героевъ дня; его герой— герой собирательный: это русскій простой народъ, та грубая чернь, которая громко при всякомъ случаѣ заявляла о своемъ историческомъ существованіи, о своихъ правахъ, нуждахъ, вѣрованіяхъ и обичаяхъ. Поэтому въ его повѣстяхъ и романахъ читатель видитъ не только выдвинутое на первый планъ, какъ говорится, «историческіе персонажи», но наглядно усмотритъ широкую народную панораму, то движущуюся, то спокойно пребывающую въ грозномъ, но внушительномъ молчаніи. Всѣ эти панорамы нарисованы у него широкими мазками, размашистою кистью и яркими, подчасъ слишкомъ даже крикливыми красками. Строгая критика судила слишкомъ придирчиво автора именно за эти краски, не желая принимать во вниманіе демократическихъ тенденцій писателя, всегда стремившагося дѣлать свои произведенія какъ можно болѣе близкими широкому кругу читателей, въ интересахъ популяризаціи историческаго знанія и распространенія опредѣленнаго подбора фактовъ и положеній. Историкъ-художникъ шелъ въ немъ всегда рядомъ съ историкомъ-публицистомъ, при чемъ сплошь и рядомъ первый уступалъ дорогу второму, въ интересахъ проповѣди политической и общественной морали, ради которыхъ имъ приносились иногда въ жертву и принципы чистаго искусства и начало академическаго безстрастія. Отсюда иногда зажигающее, что называется, впечатлѣніе отъ чтенія его романовъ и косые взгляды на эти романы людей казеннаго взгляда и холодной рефлексіи.

Своими историческими очерками Д. Л. Мордовцевъ, какъ мы знаемъ, создавалъ «пропилеи» въ будущій художественный храмъ нашей исторіи; своими романами онъ, если не создалъ такого храма, то изготовилъ для него нѣсколько широкихъ картинъ-положенъ, которыя въ этомъ храмѣ современемъ займутъ не послѣднее

мѣсто и всегда будутъ привлекать къ себѣ взоры его будущихъ посѣтителей.

Семидесятые годы въ личной жизни нашего писателя не отмѣчены какими либо особенно выдающимися фактами. Это былъ періодъ напряженной работы по службѣ и въ литературѣ, періодъ сильнаго роста популярности и сближенія съ самыми разнородными элементами нашей журналистики прогрессивнаго направленія. Особенною близостью отмѣченъ этотъ періодъ къ Н. И. Костомарову, интересныя воспоминанія о которомъ за это время были имъ напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1886 годъ, къ П. А. Гайдебурову, С. Н. Шубинскому, какъ редактору «Древней и Новой Россіи», къ А. С. Суворину, въ молодой тогда газетѣ котораго «Новое Время» имъ и былъ напечатанъ первый его историческій романъ «Реалисты и идеалисты», немало содѣйствовавшій между прочимъ росту газеты и пробужденію къ ней интереса среди массы читателей, любителей занимательныхъ историческихъ фельетоновъ. Событія нашей общественной жизни въ 1881 году сильно разстроили нашего писателя, и вотъ онъ, желая размыкать свое подавленное чувство, предпринимаетъ рядъ путешествій, сначала вольныхъ, а потомъ невольныхъ, въ виду постигшей его болѣзни.

Извѣстно его путешествіе въ Египетъ, къ пирамидамъ, въ Іерусалимъ и на Кавказъ и знаменитое восхожденіе на Араратъ, имѣвшее для него печальныя послѣдствія: онъ простудился, схватилъ гнилостный плевроитъ и послѣ долгаго лѣченія на родинѣ долженъ былъ уѣхать на югъ Франціи, въ Ментону, откуда поправившись онъ совершилъ поѣздку по Италіи и Испаніи. Всѣ эти поѣздки имъ описаны, напечатаны въ разныхъ журналахъ и изданы] отдѣльными книжками: «Поѣздка въ Іерусалимъ», «Поѣздка къ пирамидамъ», «Изъ прекраснаго далека», «По Италіи», «По Испаніи», «На Араратъ», «Въ гостяхъ у Тамерлана». Описанія путешествій г. Мордовцева считаются въ нашей литературѣ образцовыми описаніями по массѣ вложеннаго сюда безыскусственнаго лиризма и поэтическаго наѵоса, придающихъ имъ колоритность и повышенность интереса. Но не только этими художественными особенностями выдѣляются его описанія поѣздокъ,—въ нихъ наглядно усматривается и его широкая историческая эрудиція, обратившая въ свое время на него вниманіе представителей нашей университетской науки.

Половина восьмидесятыхъ годовъ явилась переломомъ въ личной жизни Д. Л. Мордовцева: онъ потерялъ въ 1885 году долго и тяжело хворавшую супругу, а съ ея смертью исчезла необходимость въ особенной напряженности труда, почему онъ и вышелъ въ отставку изъ министерства путей сообщенія и отдалъ себя всецѣло литера-

тутъ, и потому въ преимущественно въ гавани, гдѣ и поначалу, какъ это извѣствованіемъ стало до водворенія тамъ какъ и впоследствии въ Иркутскѣ и россійск. Главная его работа сосредоточилась въ области 15 лѣтъ въ «Евразіи», «Сибирь», «Русскій Странникъ» и «Историческіе Вѣстникъ», который и сдѣлать издалъ. Давидъ Лукичъ много былъ занятъ также и почитаніемъ своихъ сочиненій, въ изданіи которыхъ весьма находилъ себя радостью и въ то время на страданіи худоба и прѣдоставлялъ его читателямъ какъ журнальное и газетное чтеніе.

Е. Гинский.

ТРИ ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА.

ВПЕЧАТАЕМЫЯ ниже три письма недавно скончавшагося Антона Павловича Чехова къ писателю А. В. Жиркевичу рисуютъ покойнаго Чехова, какъ чуткаго критика, доброжелательнаго, чуждаго зависти къ чужому произведенію, человѣка. Въ нихъ, кромѣ того, имѣется нѣсколько автобіографическихъ замѣчаній покойнаго писателя, а сами письма дышатъ тѣмъ юморомъ, искренностью и задушевностью, которыми вѣтъ на читателя отъ лучшихъ произведеній покойнаго.

1.

Ст. Лопасня. М. К. д. 95 10/III.

Многоуважаемый!

Александръ Владимировичъ!

Не взирая на ваше доброе расположеніе и вниманіе, которымъ я такъ дорожу, я, къ великому моему огорченію, вынужденъ отказать вамъ по всѣмъ пунктамъ.

Во-первыхъ, фотографіи моеи у меня нѣтъ; въ февралѣ я былъ въ Петербургѣ и снимался у Шапиро, уѣхалъ, не дождавшись, когда карточки будутъ готовы. Если Шапиро пришлетъ мнѣ, то я я принилю вамъ (конечно, въ обмѣнъ на вашъ портретъ), а пока простите.

«Истор. вѣсти.», февраль, 1906 г., т. хсіх.

15

сколько неважных замѣчаній. Сегодня первый день праздника, около меня толчется народъ, писать приходится урывками, и потому разрѣшите для легкости излагать эту критику по пунктамъ:

1) Названіе разсказа «Противъ убѣжденія»...—неудачно. Въ немъ нѣтъ простоты. Въ этихъ кавычкахъ и въ трехъ точкахъ въ концѣ чувствуется изысканная претенціозность, и я подозреваю, что это заглавіе далъ самъ г. Стасюлевичъ¹⁾. Я бы назвалъ какимъ нибудь однимъ словомъ: розги, поручикъ²⁾.

2) Рутинныя приемы въ описаніяхъ природы. Разсказъ долженъ начинаться съ фразы: «Сомовъ видимо волновался», все же, что раньше говорится о тучѣ, которая улеглась, и о воробьяхъ, о полѣ, которое тянулось,—все это дань рутинѣ. Вы природу чувствуете, но изображаете ее не такъ, какъ чувствуете. Описаніе природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитавъ и закрывъ глаза, сразу могъ вообразить себѣ изображаемый пейзажъ, наборъ же такихъ моментовъ, какъ сумерки, цвѣтъ свинца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонтъ съ тучей, воробы, далекіе луга—это не картина, ибо при всемъ моемъ желаніи я никакъ не могу вообразить въ стройномъ цѣломъ всего этого. Въ такихъ разсказахъ, какъ вашъ, описанія природы тогда лишь умѣстны и не портятъ дѣла, когда они кстати, когда помогаютъ вамъ сообщить читателю то или другое настроеніе, какъ музыка въ мелодекламации. Вотъ когда бьютъ зорю, и солдаты поютъ «Отче нашъ», когда возвращается ночью командиръ полка, и затѣмъ утромъ ведутъ солдата наказывать, пейзажъ вполнѣ кстати, и тутъ вы—мастеръ. Вспыхивающія зарницы—эффектъ сильный; о нихъ достаточно было бы упомянуть только одинъ разъ, какъ бы случайно, не подчеркивая, иначе ослабляется впечатлѣніе, и настроеніе у читателя расплывается.

3) Рутинность приемовъ вообще въ описаніяхъ: «Этажерка у стѣны пестрѣла книгами». Почему не сказать просто «этажерка съ книгами». Томы Пушкина у васъ «разъединяются», изданіе Д. Библиотеки «прижато». И чего ради все это? Вы задерживаете вниманіе читателя и утомляете его, такъ какъ заставляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатого Гамлета—это разъ; во-вторыхъ, все это не просто, манерно и, какъ приемъ, старовато. Теперь ужъ только однѣ дамы пишутъ: «афиша гласила», «лицо, обрамленное волосами».

4) Провинциализмы, какъ «подборы», «хата», въ небольшомъ разсказѣ кажутся шероховатыми не только провинциализмы, но даже рѣдко употребляемыя слова, въ родѣ «разнокалиберный».

¹⁾ Чеховъ ошибался. Заглавіе разсказу придумалъ поэтъ А. Н. Апухтинъ.

²⁾ Разсказъ потомъ вышелъ подъ заглавіемъ «Розги» (сборникъ разсказовъ А. В. Жиркевича).

б) Дѣтство и Страсти Господни изображены мило, но въ томъ самомъ тонѣ, въ какомъ они изображались уже очень много разъ.

Вотъ и все. Но это все такая мелочь. По поводу каждаго пункта въ отдѣльности вы можете сказать: «это дѣло вкуса» — и будете правы.

Вашъ Сомовъ, несмотря на воспоминанія о Страстяхъ Господнихъ, несмотря на борьбу, все-таки наказываетъ солдата. Это — художественная правда. Въ общемъ рассказъ производитъ то впечатлѣніе, какое нужно. «И талантливо, и умно, и благородно» (это изъ одной моей повѣсти. Когда меня ругаютъ, то обыкновенно цитируютъ эту фразу съ «но»).

За фотографію и за лестную надпись приношу вамъ мою сердечную благодарность. Свой портретъ вышлю вамъ, когда самъ получу.

Погода отвратительная. Желаю вамъ всего хорошаго, поздравляя съ праздникомъ.

Вашъ

А. Чеховъ.

3.

18 ноября 1895 г.

Многоуважаемый Александръ Владимировичъ! Вашъ рассказъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы»: «Противъ убѣжденія», я какъ-то послалъ редакторамъ «Посредника» въ расчетъ, что гуманная идея рассказа придется имъ по вкусу, вопреки нашимъ критикамъ, о которыхъ вы мнѣ писали. Я не ошибся. На-дняхъ одинъ изъ редакторовъ «Посредника», Ив. Ив. Горбуновъ, сообщилъ мнѣ, что они были бы весьма не прочь издать рассказъ, который имъ очень понравился. Онъ поручилъ мнѣ попросить у васъ согласія и кстати спросить, не разрѣшите ли вы дать рассказу другое названіе и кое-гдѣ посократить текстъ. По его мнѣнію, сокращенія эти не достигнутъ и ста строкъ... Вамъ, конечно, пришлютъ корректуру и безъ вашего позволенія не тронуть ни одной строчки. Отвѣтъ благоволите прислать по адресу: Москва, редація «Русской Мысли», для передачи мнѣ.

Очень жалѣю, что послалъ вамъ Шапировскую фотографію. Это — самая неудачная изъ моихъ фотографій. На ней я вышелъ какимъ-то іеромонахомъ, а между тѣмъ я большой грѣшникъ и въ постъ ѣмъ скоромное.

Вашъ отвѣтъ я передамъ Ив. Ив. Горбунову тотчасъ же по полученіи. Затѣмъ ужъ онъ самъ напишетъ вамъ ¹⁾).

Желаю вамъ всего хорошаго. Искренно васъ уважающій.

А. Чеховъ.

¹⁾ А. В. Жиркевичъ отиѣтилъ согласіемъ, но на томъ вся переписка объ изданіи въ «Посредникѣ» рассказа кончилась.

Артиллерійскій взрывъ въ 1843 году.

(Архивная замѣтка).

ЧЕТВЕРТАГО августа 1843 г. происходили въ высочайшемъ присутствіи маневры, въ которыхъ, между прочимъ, принимала участіе образцовая конная батарея. Последней не повезло: когда, по занятіи новой позиціи, орудійная прислуга стала снимать орудія съ передковъ, послѣдовалъ взрывъ, коимъ былъ раненъ штабсъ-капитанъ Деконскій, два нижнихъ чина убито и одиннадцать ранено.

Подобное непріятное происшествіе обратило особенное вниманіе императора Николая I, который тотчасъ повелѣлъ генераль-адъютанту Сухозанету, исправлявшему въ то время должность генераль-фельдцейхмейстера, произвести строгое разслѣдованіе о причинѣ взрыва. Принявъ во вниманіе, что орудіе оказалось перевернутымъ вверхъ колесами, хоботомъ къ непріятелю, а дуломъ къ взорванному передку, Сухозанетъ, представивъ на другой же день свое разслѣдованіе, полагалъ, что орудіе опрокинулось изъ-за взрыва въ передкѣ, а передокъ былъ взорванъ изъ-за того, что нижній чинъ съ пальникомъ, какимъ либо способомъ—или чрезъ неплотно закрытую крышку ящика, или же черезъ трещину въ немъ—сообщилъ нечаянно огонь пороху зарядовъ; виѣсть съ тѣмъ разслѣдованіемъ было установлено, что въ зарядныхъ ящикахъ было уложено вмѣсто положенныхъ двухсотъ по триста зарядовъ, а самая укладка производилась подъ наблюденіемъ фельдфебеля вмѣсто офицеровъ.

Государь, всегда строгій при малѣйшемъ обнаруженіи имъ какихъ либо неисправностей и признававшій, что «неисправности всадѣ непростительны, а въ образцовыхъ войскахъ еще менѣе тер-

пимы и требуют примѣрнаго наказанія», приказаль командира батареи и офицеровъ отдать подъ судъ, предварительно ихъ арестовавъ, а командующему л.-гв. конною артиллеріею полковнику Шварцу и начальнику артиллеріи гвардейскаго корпуса генераль-адъютанту Сумарокову «поставить строго на видъ, что при ихъ надворѣ подобнаго безпорядка быть бы не должно»; всѣ же ниже чины были признаны государемъ невиновными.

Военный судъ, признавъ наличность нераспорядительности со стороны батарейнаго командира, полковника Симборскаго, приговорилъ его къ мѣсячному аресту, а прочихъ офицеровъ призналъ невиновными.

Со своей стороны генераль-адъютантъ Сухозанетъ представилъ подробную записку съ наложеніемъ своихъ соображеній объ обстоятельствахъ этого дѣла. Записка—очень любопытна и достойна быть вкратцѣ пересказанной.

«Артиллерійская служба, по мнѣнію генерала-артиллериста, въ отношеніи пиротехническомъ, будучи чрезмѣрно сложною, не представляетъ никакой возможности дать правила на всѣ случаи, часто вовсе не предвидимые. Обеспеченіе отъ несчастныхъ происшествій должно покоиться на теоретическомъ образованіи офицеровъ и на опытности начальниковъ. Ни въ военно-судныхъ, ни въ другихъ законахъ нѣтъ и не можетъ быть описанія порядка, который должно соблюдать при укладкѣ въ ящики холостыхъ зарядовъ; этотъ предметъ принадлежитъ къ пиротехникѣ и непосредственно къ лабораторнымъ работамъ, которыя совершенствуясь могутъ безпрестанно измѣняться. Немнѣніе особаго буквальнаго постановленія относительно порядка укладки холостыхъ зарядовъ не можетъ служить даже молодому артиллерійскому офицеру оправданіемъ. Чѣмъ болѣе совершенствуется артиллерія, чѣмъ болѣе обширнѣе становится кругъ образованія офицеровъ, тѣмъ строже должна быть ихъ отвѣтственность. Что прежде могло быть приписано негѣднью, то должно теперь отнести къ небрежности. Сложность артиллерійской службы требуетъ общей постепенной отвѣтственности. Не устраняя высшихъ артиллерійскихъ начальниковъ, отвѣтственность эта должна постепенно падать на батарейныхъ командировъ, на офицеровъ, фейерверкероу и даже на орудійныхъ ефрейторовъ». Затѣмъ генераль Сухозанетъ ходатайствовалъ объ ограниченіи наказанія полковника Симборскаго зачетомъ ему въ наказаніе ареста, продолжавшагося во время производства о немъ дѣла.

Генераль-аудиторіатъ въ своемъ заключеніи также находилъ возможнымъ вмѣнить батарейному командиру въ наказаніе бытность его подъ судомъ и содержаніе его въ это время подъ стражей.

12/24 сентября 1843 г., въ Варшавѣ, императоръ Николай I конфирмовалъ дѣло резолюціей: «быть по сему, но артиллерійскому

ученому комитету безотлагательно составить правила для укладки холостыхъ зарядовъ, примѣняясь, елико можно, къ укладкѣ боевыхъ и наблюдая, чтобы въ передкѣ отнюдь не укладывалось болѣе холостыхъ зарядовъ, чѣмъ вмѣщается боевыхъ, какъ въ ономъ, такъ и въ первомъ зарядномъ ящикѣ; самое же устройство крышекъ у передковыхъ ящиковъ пересмотрѣть и улучшить такъ, чтобы плотнѣе закрывались, не оставляя щели между крышей и стѣнной ящика.

Михаилъ Соколовскій.

СОРОКАЛѢТІЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ¹⁾

«Вотъ ведутъ вѣкъ грѣбъ!»

Слова одаго старого чина вѣликаго императора (судебныхъ уставовъ въ Петербургскую гражданскую палату).

ВЪ НОЯБРѢ прошлаго года очень кстати появился второй томъ «Галлерей русскихъ дѣятелей», издаваемый при «Вѣстникѣ и Библиотекѣ Самообразованія», а также и отдельной книгой. Настоящій выпускъ посвященъ судебной реформѣ и тѣмъ болѣе отличается необыкновенной своевременностью, что не только минуло ея сорокалѣтіе, но и, 20-го ноября 1904 года, русское общество пришло къ общему сознанию, что настало время для «второй эпохи великихъ реформъ», а чрезъ три недѣли послѣ знаменательной годовщины явился указъ 12-го декабря 1904 года, который осуществилъ завѣтныя желанія всей Россіи. Съ замѣчательной мѣткостью и съ удивительнымъ предвидѣніемъ К. К. Арсеньевъ въ предисловіи къ этому роскошному изданію говоритъ: «Исключительное сочетаніе условій, благодаря которому могла состояться во всей полнотѣ судебная реформа, продолжалось недолго. Задѣтныю учрежденію, группы и лица подняли противъ нея агитацию, повлекшую за собою сначала сравнительно небольшую передѣлку, потомъ большую медленность въ расширеніи сферы дѣйствій

¹⁾ Галлерей русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели и предшественники судебной реформы, подъ редакціей К. К. Арсеньева. Изданіе Брокгауза и Ефрона Сиб. 1904 г.

судебныхъ уставовъ и, наконецъ, существенно важныя отступленія отъ основныхъ началъ преобразования. Когда, десять лѣтъ тому назадъ, былъ предпринятъ пересмотръ судебныхъ уставовъ, въ видахъ согласованія ихъ текста съ многочисленными новеллами, онъ привелъ къ дальнѣйшимъ шагамъ назадъ, до сихъ поръ, къ счастью, только проектированнымъ, но не осуществленнымъ. Больше, чѣмъ когда либо, поэтому, своевременно воскресить въ памяти русскаго общества образы главныхъ дѣятелей судебной реформы и, вмѣстѣ съ ними, настроеніе ея первыхъ дней, незабвенныхъ для жившихъ тогда сознательною жизнью, но мало знакомыхъ позднѣйшимъ поколѣніямъ. До очевидности яснымъ станетъ тогда печальное значеніе переменъ, которыя принесло съ собою истекшее сорокалѣтіе. Нарушено единство суда, функціи котораго въ значительной мѣрѣ перешли къ органамъ административной власти. Выборный мировой судъ замѣненъ назначенными земскими начальниками (за исключеніемъ столицъ и Одессы). Роль кассационнаго суда, по отношенію къ главной массѣ судебныхъ дѣлъ, раздѣлена между многочисленными коллегіями, въ которыхъ судебный элементъ представленъ до крайности слабо. Сфера дѣйствій суда присяжныхъ значительно сужена, съ соответственнымъ расширеніемъ сферы дѣйствій суда съ сословными представителями. Поколеблена въ своихъ основахъ несмѣняемость судей. На цѣлыхъ три десятилѣтія приостановлена корпоративная жизнь адвокатуры въ большей части судебныхъ округовъ. Гласность процесса поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія высшей судебной администраціи. Параллельно съ законами измѣнились и нравы: ослабѣло если не сознаніе служебнаго долга, въ судебномъ вѣдомствѣ все еще стоящее сравнительно высоко, то сознаніе отвѣтственности передъ обществомъ и народомъ; померкла преданность великимъ идеямъ, внушившимъ реформу. Ничего, однако, не испорчено безнадежно; съ помощью уцѣлѣвшихъ устоевъ не трудно возстановить остальные и не только возвратиться къ традиціямъ 60-хъ годовъ, но и возобновить недоконченную тогда работу. Не всѣ предположенія составителей судебныхъ уставовъ получили силу закона; не все вошедшее въ уставы оказалось отвѣчающимъ своему назначенію. Существенныхъ поправокъ и дополненій требуютъ, напримѣръ, постановленія о предварительномъ слѣдствіи... Привести къ желанной цѣли новый пересмотръ судебныхъ уставовъ можно только при обстановкѣ, напоминающей время ихъ составленія,—только какъ часть цѣлаго цикла преобразованій, продолжающихся и завершающихся великія реформы императора Александра II».

Наравнѣ съ печатнымъ словомъ высказалось и устное слово на банкетахъ, данныхъ въ честь 20-го ноября различными кружками петербургскаго общества. Въ числѣ ихъ первое мѣсто заняли

писатели, журналисты, адвокаты и проч., собравшіеся подъ председательствомъ В. Г. Короленки, издателя «Русскаго Богатства». Послѣ замѣчательныхъ рѣчей Анненскаго, Семевскаго, Короленки и другихъ принята общая революція, въ которой между прочимъ было высказано, что пора возстановить судебные уставы въ ихъ первоначальной чистотѣ и пора отмѣнить всѣ тѣ искаженія, которыя внесены въ нихъ въ послѣдующія за судебной реформой сорокъ лѣтъ. На такое единодушное выраженіе общественнаго мнѣнія почти мгновенно отозвалась могучая воля власти: въ указѣ 12-го декабря высказано прямо, что «въ цѣляхъ охраненія равенства предъ судомъ лицъ всѣхъ состояній признается неотложнымъ внести должное единство судебной въ имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность». Изъ этихъ словъ указа явствуетъ, что наступила вторая эпоха великихъ реформъ, которая, по словамъ К. К. Арсеньева, не останется позади первой.

Вотъ почему, какъ мы уже сказали, совершенно кстати появилось собраніе статей о главныхъ дѣятеляхъ и предшественникахъ судебной реформы 20-го ноября 1864 года. Вполнѣ справедливо говоритъ К. К. Арсеневъ, «что съ восторженнымъ удивленіемъ вспоминаются имена людей, рѣшительно и смѣло положившихъ конецъ хаосу и тьмѣ старыхъ судебныхъ порядковъ; право на благодарную память имѣютъ и тѣ, которые еще раньше подняли край завѣсы, сотканной канцелярской тайной и прикрывавшей царство безправія и ябеды».

Къ числу первыхъ высокодостойныхъ личностей относятся: Зарудный, Буцковскій, Стояновскій, Ровинскій и Ковалевскій, блестящія характеристики которыхъ написалъ въ «Галлерей» извѣстный мастеръ этого дѣла, А. Ѳ. Кони. Для закругленія этихъ очерковъ основныхъ дѣятелей судебныхъ уставовъ К. К. Арсеневъ еще прибавилъ очень интересныя статьи: «Императоръ Александръ II, какъ участникъ въ судебной реформѣ»,—Н. В. Давыдова, «Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, какъ авторъ первоначальныхъ проектовъ судебного преобразованія»,—В. И. Ширкова, и біографическій этюдъ г. Кони о Д. Н. Замятинѣ, бывшемъ министромъ юстиціи во время проведенія судебныхъ уставовъ. Наконецъ, къ этимъ очеркамъ приобщена небольшая статья А. Г. Тимошеева о князѣ Николаѣ Алексѣевичѣ Орловѣ, давшемъ толчекъ къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, этой великой реформѣ, примыкающей къ освобожденію крестьянъ и новымъ судамъ. Что же касается до предшественниковъ судебной реформы, то въ «Галлерей» упоминается о четырехъ изъ нихъ: Капнистѣ, Гоголѣ, Иванѣ Аксаковѣ и Салтыковѣ, силуэты которыхъ рисуютъ гг. Ляцкій, Хрулевъ, Набоковъ и Арсеневъ. Крупными рельефными чертами набросаны характеристики первыхъ двухъ, драма-

турговъ прошедшаго столѣтія, а также публициста и сатирика нашего времени, въ яркихъ произведеніяхъ которыхъ «Ябедѣ», «Ревизорѣ», «Въ присутственномъ дѣлѣ уголовной палаты» и въ «Губернскихъ очеркахъ» выдѣлились вполне всѣ ужасныя и горькія стороны дореформеннаго судебного строя. Читая эти памятные, словно живыя, олицетворенія стараго времени, понимаешь неизбежна и непредотвратима была какъ великая реформа, освѣтившая мракъ, еще царившій на Руси сорокъ лѣтъ тому назадъ во всемъ, что касалось правосудія и справедливости. Кромѣ означенныхъ крупныхъ литературныхъ произведеній, и многочисленныя публицистическія статьи Аксакова послужили немаловажнымъ подспорьемъ къ подготовкѣ эпохи судебныхъ реформъ. «Глася во всѣ концы», по выраженію Салтыкова, литература въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, говоритъ К. К. Арсеньевъ, колебала своими властными звуками устои, на которыхъ держалось зло, и, дѣлая его для всѣхъ очевиднымъ и ненавистнымъ, приближала моментъ его окончательнаго паденія».

Императоръ Александръ II не сыгралъ такой рѣшительной и великой роли въ судебной реформѣ, какая пришлось на его долю въ первомъ незабвенномъ его мѣропріятіи: освобожденіи крестьянъ. Но все-таки онъ настоялъ на приданіи этой реформѣ ея величаваго характера: гуманности, мягкости, законности и справедливости. Съ самаго начала его царствованія онъ учредилъ комиссію для разсмотрѣнія проектовъ судебныхъ уставовъ, и чрезъ четыре года энергичныхъ, дѣятельныхъ занятій почтенныхъ юристовъ, окончательно прикомандированныхъ къ этому дѣлу, 20 ноября 1864 года были изданы судебные уставы, водворившіе на Руси «судъ скорый, правый, милостивый и равный». Въ первые года новыхъ судовъ они приобрѣли особое довѣріе и популярность повсюду, особенно благодаря дѣятельности выборныхъ мировыхъ судей, присяжныхъ засѣдателей и судебныхъ слѣдователей, которые быстро уничтожили память о старинной взяткѣ и крючкотворствѣ дореформеннаго суда. Впослѣдствіи, по несчастію, судебные уставы подверглись многимъ искаженіямъ, но надо отдать справедливость ихъ творцу, что онъ самъ упорно охранялъ неприкосновенность этихъ уставовъ. Такъ, напримѣръ, когда на слѣдникъ доложилъ государю о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ ссудно-коммерческомъ банкѣ по дѣлу Струсберга, то императоръ отвѣтилъ: «Это дѣло суда, и не намъ съ тобою въ него вмѣшиваться».

Составленіе первоначальнаго проекта судебного преобразованія было поручено Александромъ II начальнику II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, графу Блудову, который уже давно занимался еще въ предыдущее царствованіе различными юридическими вопросами. Онъ былъ очень обра-

зованный человекъ, но написалъ всѣ свои проекты съ бюрократической точки зрѣнія и съ явной враждой ко всякой радикальной ломкѣ. Поэтому вся его работа была мертворожденной, и судебная реформа теоретически и практически подвинулась только съ 1861 года, когда попала въ руки смѣлыхъ, отважныхъ дѣятелей судебныхъ уставовъ, такъ что о графѣ Блудовѣ надо лишь упомянуть для памяти; къ тому же въ самомъ разгарѣ работъ по составленію судебныхъ уставовъ Блудовъ скончался, оставивъ неоконченную работу, только номинально бывшую подъ его руководствомъ. Точно также номинально и Дмитрію Николаевичу Замятнину пришлось участвовать въ возникновеніи судебной реформы лишь потому, что она состоялась въ ту эпоху, когда онъ былъ министромъ юстиціи. По справедливому замѣчанію его биографа, А. Θ. Кони, дѣятельность Замятнина «была, повидимому, подчасъ стѣсненной бюрократическими условіями служебнаго положенія и лишеной яркой личной окраски». Но надо отдать ему справедливость, что онъ ничѣмъ не мѣшалъ совершившейся при немъ великой реформѣ, и хотя, можетъ быть, г. Кони слишкомъ превозноситъ его заслуги, но онъ вполне стѣяетъ благодарной памяти за свое честное, преданное отношеніе къ водворенію на Руси судебныхъ уставовъ. По счастью, въ дѣлѣ учрежденія новаго суда его окружали люди вполне достойные, способные, талантливыя, и онъ всецѣло имъ довѣрялся; въ этомъ его главная заслуга. Точно также, по совітѣ этихъ рѣдко-совѣстливыхъ и знающихъ людей, онъ назначалъ на мѣста въ новыхъ судахъ не чиновниковъ, а людей дѣла. Не болѣе года было суждено Замятнину оставаться министромъ юстиціи послѣ введенія новаго суда, и ему пришлось перенести много злорадныхъ нападокъ отъ враговъ реформы. «Отсутствіе опыта, по словамъ А. Θ. Кони, стало признаваться ошибкою, неизбежныя разногласія—тенденціозностью, дѣйствительныя, хотя и естественныя въ новомъ дѣлѣ промахи—преступленіями». Результатомъ интригъ и злостныхъ козней была отставка Замятнина въ 1867 году.

Русская народная пословица говоритъ: «безъ четырехъ угловъ изба не строится», и величественное зданіе судебной реформы основано на четырехъ, твердыхъ, незыблемыхъ устояхъ—Сергіѣ Ивановичѣ Зарудномъ, Николаѣ Андреевичѣ Буцковскомъ, Дмитріи Александровичѣ Ровинскомъ и Николаѣ Ивановичѣ Стояновскомъ. Всѣ они были великими дѣятелями созданія и введенія судебныхъ уставовъ. По странной случайности, первые двое изъ нихъ были по образованію математиками. Зарудный кончилъ курсъ математическаго факультета въ Харьковскомъ университетѣ, а Буцковскій былъ воспитанникомъ Инженернаго училища. Вообще, въ судебной дѣятельности перваго времени вело математикамъ, и Николай Адриановичъ Неклюдовъ, извѣстный юристъ, популяр-

ный столичный мировой судья, составитель руководствъ для мировыхъ судей и блестящій оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента, также получилъ высшее образованіе по математическому факультету Петербургскаго университета. Конечно, большинство остальныхъ лицъ, бывшихъ участниками судебныхъ реформъ, принадлежали по воспитанію къ школѣ Правовѣдѣнія, какъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ и достойныхъ основателей мирового дѣла въ Петербургѣ и во всей Россіи, первый предсѣдатель столичнаго мирового съѣзда, Оскаръ Ильичъ Квистъ, о которомъ, къ сожалѣнію, ни слова не упомянуто въ очеркахъ г. Кони. Окончивъ математическое образованіе, Зарудный и Буцковскій одинаково начали свою служебную карьеру скромной должностію помощника столоначальника въ министерствѣ юстиціи, если не говорить о кратковременномъ пребываніи послѣдняго въ качествѣ учителя математики въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Зарудный остался надолго чиновникомъ-юристомъ, въ молодости занимаясь преимущественно разсмотрѣніемъ отвѣтовъ провинціальныхъ прокуроровъ на различные Блудовскіе проекты судебныхъ преобразованій. Буцковскій же въ началѣ пятидесятыхъ годовъ былъ переведенъ въ Москву оберъ-прокуроромъ одного изъ московскихъ департаментовъ сената. Въ то время въ Москвѣ была также сосредоточена дѣятельность Ровинскаго и Стояновскаго; первый изъ нихъ, начавъ службу въ московскомъ сенатѣ, постепенно дошелъ до труднаго и отвѣтственнаго поста московскаго губернскаго прокурора, а послѣдній, занимая должность секретаря и оберъ-секретаря петербургскаго сената, получилъ кафедру гражданскаго судопроизводства въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ оставался семь лѣтъ и, наконецъ, переведенъ былъ въ Москву въ 6-й департаментъ сената оберъ-прокуроромъ. Въ 1859 году, по счастливому выраженію Ростовцева, «началось созданіе русскаго народа», и закипѣли работы по освобожденію крестьянъ, къ участію въ которыхъ были призваны Зарудный, Ровинскій и Стояновскій. Назначенный прежде помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, а потомъ статсъ-секретаремъ, Зарудный былъ душею комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, гдѣ выработанъ былъ при содѣйствіи другихъ ея членовъ: Стояновскаго, Архимовича, Грота и Салтыкова, институтъ мировыхъ посредниковъ, такъ много сдѣлавшихъ для правильнаго и спокойнаго введенія крестьянской реформы. Зарудный имѣлъ еще счастье быть докладчикомъ въ государственномъ совѣтѣ этой реформы, и когда наконецъ вышелъ манифестъ о свободномъ трудѣ, то государственный секретарь, Бутковъ, извѣщая Заруднаго о высочайшей благодарности всѣмъ его помощникамъ, прибавилъ: «Особенно радуюсь возможности сообщить объ этомъ вамъ, какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ работѣ»: Участіе Ровинскаго въ крестьян-

скомъ дѣлѣ обнаружилось въ томъ, что онъ былъ избранъ депутатомъ звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ, и не мало поработалъ по вопросу объ уничтоженіи въ будущемъ крестьянскомъ строѣ тѣлеснаго наказанія, «какъ бесполезнаго орудія возмутительнаго произвола». Что же касается Стояновскаго, то онъ не только приложилъ дѣятельную руку къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ, принялъ участіе въ различныхъ комиссіяхъ, образованныхъ по этому дѣлу, но лично составилъ и провелъ въ законодательномъ порядкѣ учрежденіе судебныхъ слѣдователей.

Ближайшимъ послѣдствіемъ свободнаго труда явился свободный судъ, который, конечно, былъ не мыслимъ для поработченнаго народа. Въ томъ же 1861 году было передано все дѣло о судебной реформѣ въ вѣдѣніе государственной канцеляріи и такимъ образомъ поступило въ руки государственнаго секретаря Буткова, по словамъ Кони, «человѣка съ чрезвычайно практическимъ умомъ, энергіей и умѣніемъ привлекать къ работѣ соответствующихъ людей». Главными его помощниками въ судебномъ дѣлѣ были Зарудный и Стояновскій, пожалованный въ статсъ-секретари. Они пригласили въ свои ближайшіе сотрудники Ровинскаго и Буцковскаго. Сначала изъ всѣхъ прежнихъ матеріаловъ о судебной реформѣ выжато было все лучшее, что въ нихъ находилось, и составлены были основныя положенія, утвержденныя государственнымъ совѣтомъ въ слѣдующемъ году. Затѣмъ были вызваны со всѣхъ концовъ Россіи замѣчаныя на эту основную работу, и для ихъ разсмотрѣнія образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ Буткова, и раздѣлена на три отдѣленія съ двадцатью семью членами изъ знающихъ, опытныхъ и талантливыхъ юристовъ. Въ отдѣленіи гражданскаго судопроизводства предсѣдателемъ былъ Зарудный, уголовнаго—Буцковскій и судоустройства—Плавскій. Несмотря на раздѣленіе труда въ комиссіяхъ, Зарудный принималъ участіе во всѣхъ, и вездѣ видѣлась его инициатива. Хотя всѣ члены комиссій работали энергично и дружно, но душой общаго дѣла былъ и оставался Зарудный. Черезъ 11 мѣсяцевъ неустанной работы Судебные Уставы были готовы, и 20 ноября 1864 года, утвержденные государственнымъ совѣтомъ и государемъ, они сдѣлались закономъ. Черезъ два дня Бутковъ послалъ Зарудному первый экземпляръ Судебныхъ Уставовъ съ надписью: «Этотъ экземпляръ вручается Сергѣю Ивановичу Зарудному, какъ лицу, которому новыя реформы въ Россіи болѣе другихъ обязаны своимъ существованіемъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ государственный совѣтъ первыхъ проектовъ 2-го отдѣленія и велъ все дѣло до его конца. При такихъ его трудахъ, цѣлью конхъ было одно—искреннее желаніе совершить всю реформу, столь необходимую для пользы Россіи—конечно, первый отпечатанный экземпляръ по праву долженъ

принадлежать Сергѣю Ивановичу». Однако Зарудный не почилъ на лаврахъ, а къ Судебнымъ Уставамъ издалъ комментарий, т.-е. разсужденія, на которыхъ они основаны. Кромѣ того, онъ напечаталъ три собранія матеріаловъ по судебному преобразованію въ семидесяти четырехъ томахъ каждое. Что касается участія въ судебныхъ уставахъ Ровинскаго и Буцковскаго, то оно особенно сказалось въ основахъ этихъ уставовъ, въ положеніяхъ присяжныхъ засѣдателяхъ, мировыхъ судьяхъ, кассационномъ сенатѣ и проч. При этомъ каждый изъ отцовъ судебныхъ уставовъ дѣйствовалъ совершенно своеобразно и самостоятельно. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ суда присяжныхъ Зарудный держался политическаго характера этого учрежденія, Буцковскій стоялъ на точкѣ зрѣнія исторической, а Ровинскій настаивалъ на чисто народной психологіи. Въ послѣдніе два года подготовительныхъ работъ судебныхъ уставовъ Стояновскій нѣсколько отдалился отъ своихъ сотрудниковъ, хотя, назначенный товарищемъ министра юстиціи, энергично и дѣятельно содѣйствовалъ ихъ плодотворному труду. Онъ не только составилъ на проектъ уставовъ многочисленныя объясненія и соображенія, но главное организовалъ на практикѣ новое дѣло судебныхъ уставовъ. Новые суды были ему обязаны главнымъ образомъ своимъ замѣчательнымъ первымъ составомъ. Имена Арцимовича, Зубова, Буцковскаго, Любощинскаго, Ковалевскаго, Гольтгоера, Полѣнова, Мотовилова, Люминарскаго и другихъ навѣки останутся лучезарными свѣточами, ярко блестящими на судебномъ горизонтѣ первыхъ годовъ.

По странной ироніи судьбы, одному изъ главныхъ отцовъ судебныхъ уставовъ не удалось продолжать своего участія въ практическомъ примѣненіи судебныхъ уставовъ: хотя Зарудный и былъ произведенъ въ сенаторы, но стараго сената. Это до такой степени его оскорбило, что онъ едва не вышелъ въ отставку, и въ послѣдніе годы его кипучая дѣятельность избрала себѣ спеціальную литературную карьеру переводчика съ итальянскаго языка сочиненія Бекарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и Дантовскаго «Ада». Это, конечно, не мѣшало ему заниматься излюбленными своими юридическими трудами: онъ издалъ «Гражданское уложеніе Итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы» и «О торговыхъ законахъ Италіи и Россіи». Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассационнаго департамента и оставался въ этомъ званіи двадцать пять лѣтъ. Онъ энергично, добросовѣстно исполнялъ трудную обязанность кассатора въ первыя времена кассационнаго сената, и существуетъ семь тысячъ восемьсотъ двадцать пять его мотивированныхъ резолюцій, которыя служили руководствомъ для современниковъ. Говоря о почтенной высокоуважаемой личности Ровинскаго, нельзя не вспомнить о его замѣчательной дѣятельности и въ качествѣ глубокаго знатока русскаго искусства, археологіи

и родной исторіи. Онъ оставилъ многочисленныя сочиненія въ области иконографическаго искусства, и вѣчно сохранится память о его заслугахъ, какъ знатока всего, что касается русскаго народа и русской старины. Буцковскій также продолжалъ свою дѣятельность по юридической части и застѣдалъ по день своей смерти въ уголовно-кассационномъ департаментѣ сената. Излишне распространяться о его трудахъ въ этой области и достаточно лишь упомянуть, что за два дня до своей смерти онъ окончилъ свое высоко-полезное сочиненіе, вышедшее послѣ его смерти, подъ заглавіемъ: «Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года». Что касается до Стояновскаго, то, вслѣдствіе интригъ лишенный мѣста товарища министра, онъ прежде былъ назначенъ кассационнымъ сенаторомъ, а потомъ членомъ государственнаго совѣта, и до глубокой старости исполнялъ многостороннія государственныя и общественныя обязанности.

Кромѣ характеристикъ отцовъ судебныхъ уставовъ, А. Θ. Кони прибавилъ къ своимъ очеркамъ еще біографическій силуэтъ Михаила Евграфовича Ковалевскаго, принимавшаго участіе въ составленіи судебной реформы и бывшаго первымъ оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента сената, а потомъ сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта. Достоинно помянувъ о его плодотворной дѣятельности, Кони кончаетъ біографію Ковалевскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои интересныя статьи въ «Галлерей» замѣчаніемъ относительно его смерти: «31-го января 1884 года грозный и неотвратимый призывъ сказалъ ему: «пора», и онъ ушелъ изъ жизни, когда въ сердцѣ знавшихъ его болѣзненно зазвучало: «рано». Теперь поздно разсуждать о томъ, во время или нѣтъ покинули поле своей благотворной дѣятельности борцы первой судебной реформы, а надо надѣяться, что вскорѣ результатомъ декабрьскаго указа будетъ еще болѣе плодотворная, надежная и неизбѣжная вторая судебная реформа. Тогда оставшіеся еще въ живыхъ скромные дѣятели судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года каждый съ сердечной радостью скажутъ себѣ: «нынѣ отпускаешь раба твоего съ миромъ».

В. Тимирязевъ.

ПО ДНѢСТРУ НА ЛОДКѢ ¹⁾.

(Путевыя замѣтки).

V.

ВѢТЕРЬ усилился еще болѣе. Солнце спряталось за хмурыя, тяжелыя тучи, проносившіяся, какъ фантастическія чудища, надъ нашими головами. Измучившись, мы рѣшили остановиться и заняться окончательнымъ снаряженіемъ навѣса, чтобы его не срывало вѣтромъ. Собравъ остатки силъ, мы пристали къ лѣвому берегу и остановились у пологого глинистаго ската, поднимавшагося въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ воды въ видѣ длиннаго холма, увѣчаннаго вишневымъ садочкомъ. Здѣсь оказалась почти полная тишина, и мы дѣятельно занялись устройствомъ навѣса надъ лодкой, что и было кончено часа черезъ 3—4. Получилась очень удобная и помѣстительная палатка, при чемъ всѣ ея стѣнки легко можно было поднимать и опускать.

Навѣсъ былъ готовъ во-время: тучи сплотились, и отъ времени до времени шелъ дождь. Наша стоянка оказалась очень удачною; справа и слѣва низко надъ землею неслись грозовыя рваныя тучи; селеніе, стоявшее на правомъ берегу, на горѣ, черезъ каждые полчаса совершенно скрывалось за полосами страшнаго ливня, зацѣплявшаго насъ только краемъ, и мы, какъ изъ ложи, любовались

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 236.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1906 г., т. ХСІХ.

дивной и грозной картиной бури. Но вскорѣ и намъ порядочно досталось; тучи перемѣнили направленіе и стали проноситься надъ нашими головами; порывы вѣтра, несмотря на защиту холма, дергали иногда лодку такъ, что мы все посматривали, какъ бы не оборвалась веревка; временами ливень падалъ сплошной массой, стучалъ, какъ безумный, по нашей палаткѣ, которая съ честью выдерживала нападенія. Деревья на противоположной сторонѣ Днѣстра гнулись, какъ камыши; изъ расщелины одной скалы попытался вылетѣть громадный орелъ, но и его могучія крылья не могли справиться съ ураганомъ, и онъ, продержавшись нѣсколько мгновеній въ воздухѣ, скрылся въ лѣсной чащѣ. Временами наступало затишье. выглядывало солнце, и мы радовались, что все кончилось, но не проходило и четверти часа, какъ новыя полчища тучъ выползали изъ-за горы, обращали день въ ночь, и только яркія молніи грозно блистали, и гремѣли раскаты грома.

Такъ тянулось до 5 часовъ вечера. Все окружающее приняло уже вечерній желтоватый тонъ, стало какъ будто нѣсколько тише, но это только казалось; послѣдній актъ этой волшебной фееріи предстоялъ впереди: изъ-за горы, откуда цѣлый день ползли стада тучъ, вновь показалась темная масса, но она двигалась медленно, торжественно и грозно. Это было какое-то чудовище, звѣрь, вылѣзшій изъ бездны и сверкавшій тысячами молній; захватывая небо во всю ширину, онъ ревѣлъ громовыми голосами и ползъ низко, такъ низко, что рваные клочья, какъ гигантскіе, фантастическіе щупальцы, цѣплялись и присасывались къ вершинамъ деревьевъ и скалъ, а главное чудовище, изсиня-черное, горѣвшее по краямъ подъ лучами заходящаго солнца зловѣщими желтыми переливами, надвигалось прямо на насъ. Но вотъ потухли желтые отливы, солнце скрылось, и сразу все потемнѣло...

Быть бѣдѣ!—у насъ дрогнули сердца; наскоро надѣвъ плащи и привязавъ дополнительную веревку къ лодкѣ, мы выскочили на берегъ и, взявъ веревки въ руки, съ трепетомъ стали ждать страшную тучу. Холмы, скалы и деревья стали скрываться, поглощаемые тьмой; вѣтеръ вдругъ стихнулъ, Днѣстръ замеръ въ ожиданіи, и ни одного земного звука не слышно было кругомъ; птицы попрятались въ гнѣзда и дупла, и лишь оглушительные перекаты грома и отдаленный, все усиливавшійся гулъ заставляли дрожать воздухъ. Изъ-за поворота рѣки показалась сплошная стѣна, съ ревомъ приближавшаяся къ намъ; черезъ мгновеніе она достигла до насъ, и ураганъ налетѣлъ со всей своей силой. Нѣсколько минутъ ничего не было видно, лодку трепало, и двѣ веревки едва сдерживали ее; косой ливень съ градомъ затопилъ все, и въ десяти шагахъ ничего нельзя было разобрать, волны Днѣстра закрутились въ бѣшеной пляскѣ и стали биться о прибрежныя скалы.

Минутъ десять бушевалъ ураганъ и наконецъ утихъ, и только умолкавшій отдаленный ревъ его показывалъ, что онъ также неистовствуетъ тамъ дальше на юго-востокѣ.

Вскорѣ дивная радуга раскинулась величественной дугой, и выглянувшее солнце оживило послѣдними лучами обрывистые берега.

Понемногу мы привели въ порядокъ лодку и вещи, выкачали набравшуюся воду, разобрали немного подмокшія вещи и сѣли пить чай, что было даже необходимо, такъ какъ мы страшно промокли и продрогли, а Днѣстръ не шутитъ и, несмотря на отсутствіе болотъ, славится своеобразными лихорадками, не менѣе опасными, чѣмъ знаменитая кавказская малярія. Лучшее средство противъ простуды, какъ на Кавказѣ, такъ и въ Бессарабіи это два-три стакана крѣпчайшаго чая, и мы не преминули прибѣгнуть къ этому средству.

Ночь обѣщала быть безпокойной. Иногда бывали сильные порывы вѣтра, и тучи, хоть безъ дождя, продолжали проноситься надъ нами; мы рѣшили дежурить по очереди и поглядывать за прибылью воды и цѣлостью веревокъ. Зажгли фонарикъ, и наша палатка сразу приняла уютный видъ, что мы особенно оцѣнили послѣ такого безпокойнаго дня.

Ночь, противъ ожиданія, прошла покойно, и утро настало, хоть очень холодное, но солнечное. Проклятый пордъ-вестъ опять сталъ подувать чуть не до силы бури, но мы упорно рѣшили двинуться дальше. О веслахъ и говорить нечего: несмотря на всѣ усилія, лодку относилло вверхъ, противъ теченія и гнало къ опаснымъ бурнамъ. Мы попробовали идти на бичевѣ: Владимиръ Николаевичъ взялъ бичеву, я сѣлъ на весла, и мы наконецъ двинулись въ путь, который, увы, съ каждымъ шагомъ становился труднѣе и труднѣе. Пологий бережокъ становился обрывистымъ, кое-гдѣ узкую и скользкую тропинку преграждали громадные валуны, черезъ которые съ трудомъ можно было перелѣзть, и въ довершеніе всего впереди показались какіе-то подозрительные всплески волнъ во всю ширину рѣки. Это былъ очевидно одинъ изъ перекатовъ, которыхъ много на Днѣстрѣ, и довольно опасныхъ, если не знать прохода, особенно при низкой водѣ, когда подводныя скалы мѣстами даже выглядываютъ изъ воды.

Измучившись, мы остановились отдохнуть и обсудить свое положеніе. Спросить у кого нибудь совѣта было нельзя, такъ какъ мѣсто было глухое и безлюдное. Сѣрыя скалы праваго берега угрюмо громоздились одна надъ другой, а лѣвый глинистый берегъ съ валунами носилъ довольно унылый характеръ; небольшой островокъ на серединѣ рѣки и перекатъ со своими пѣнящимися волнами представляли довольно подозрительную картину.

Сколько мы ни раздумывали, все-таки пришлось остановиться на единственномъ планѣ, бывшемъ въ нашемъ распоряженіи, т.-е.

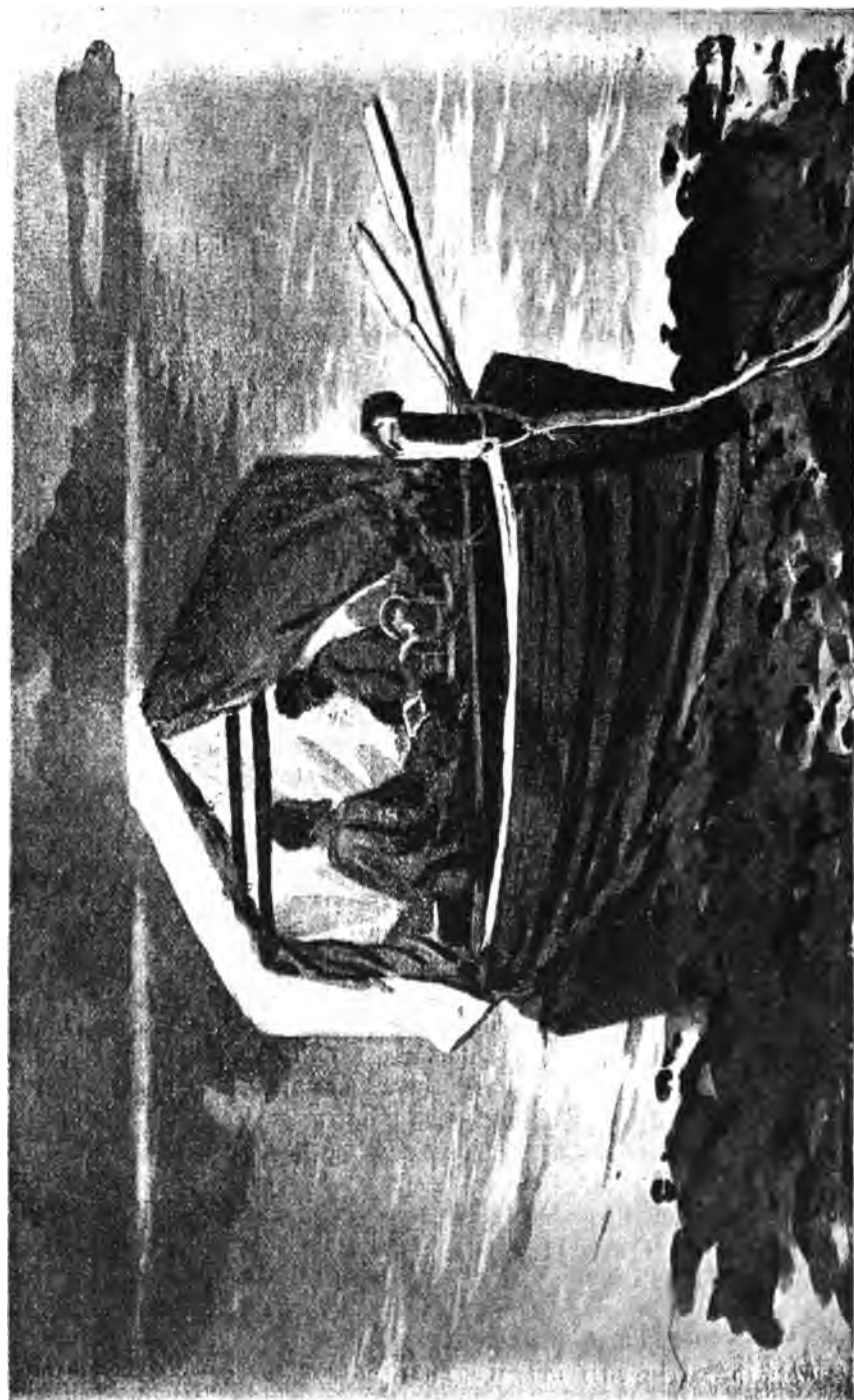
вступился на азовъ черезъ перекать, вѣдъсь какъ можно ближе къ берегу, гдѣ волны были меньше, и гдѣ мѣло было обрѣдѣннѣе теченіе. Владимиръ Николаевичъ съелъ выданъ на бачву, а — за вода, и мы близкорядно прошли мѣсто мѣсто, выскочили только на бѣлые камни. Я думаю, что мы бы не отъѣхали гдѣсь такъ дешево, если бы вѣдѣтны гдѣ-то Дѣбстру не пошелъ въ эти дни аршина на бѣлѣ да противъ вѣтри.

Перекать представлялъ собой вѣдѣл довольно интересную картину: вѣдѣдѣны скалы гдѣ-то тянутся по-вѣрѣ рѣки очевидно нѣсколькими грядами, и Дѣбстру прова гдѣ-то черезъ нѣтъ большіи волнами съ бѣлыми гребнями на вѣдѣдѣдѣ.

Намъ приходилось еще проходить въ дальнѣйшемъ путешествіи черезъ другіе перекаты, достигавшіе иногда до версты длины, но представлявшие собой скорѣе хлы изъ крупныи камней, гдѣ была толча. Такихъ же перекатовъ, какъ только что пройденный, мы встрѣтили только два: около Бакоты и близъ Старой Улицы, но они не представляютъ въ настоящее время опасности, такъ какъ фарватеръ очищается для пароходства по вѣдѣду обозначенъ бѣлыми и красными буйками.

Упомянувъ о фарватерѣ и пароходствѣ, я не могу умолчать о довольно грустной исторіи послѣдняго и о пѣвѣущемъ состояніи, которое, надо надѣяться, для него настанетъ въ недалекомъ будущемъ. Первая попытка пустить пароходъ была въ 1843 году, и правительство для этой цѣли заказало изъ Англій пароходъ «Дѣбстру», но послѣдній не могъ донти даже до Тирасполя. То же повторилось въ 1847 году съ пароходомъ «Луба», и затѣмъ неудачи преслѣдовали пароходы «Братецъ» въ 1857 году, «Марія» въ 1864 году и «Дѣбстру» въ 1867 году. Единственный пароходъ, дошедшій въ 1872 году до Могилева и обратно, принадлежалъ Померо. Съ тѣхъ поръ пароходство на долгое время прекратилось, но въ 1881 году «Русское общество пароходства и торговли» предприняло экспедицію для выясненія вопроса о возможности правильного судоходства по этой капризной рѣкѣ. Экспедиція выяснила полную возможность, но при условіи расчистки нѣкоторыхъ перекатовъ, углубленія фарватера на меляхъ и уничтоженія пороговъ близъ Ямполья. Въ 1884 году начались работы и кончились въ 1893 году, что обошлось правительству около милліона рублей.

Съ этого времени и до нашихъ дней на Дѣбстру поддерживается постоянное пассажирское и буксирное движеніе между Аккерманомъ и Могилевомъ. Въ 1902 году сдѣланы промѣры верхняго теченія до мѣстечка Устье, сооружены кое-гдѣ каменные дамбы, повсюду разставлены путеводные знаки и буйки, и во время нашего путешествія вездѣ въ деревняхъ ждали проѣзда казенной лодки съ инженерами-экспертами. Нашу лодку, имѣвшую довольно необычный видъ, рѣчные сторожа, вооруженные мѣднани бляхами

Наша лодка

и казенными флагами, постоянно принимали за казенную и подѣзжали рапортовать. Узнавъ же, что мы—мирные путешественники, распрашивали, не слышали ли мы о комиссиі инженеровъ, которую ждали съ часу на часъ.

Наконецъ, въ Бакотѣ мы встрѣтили давно ожидаемую всѣми казенную лодку. Это была большая баржа съ деревяннымъ домогъ величиной съ вагонъ. Эту махину вверхъ по теченію тащило шесть лошадей, и инженеры, вѣроятно, не безъ пріятности проводили время въ своемъ домигѣ, такъ какъ изъ трубы походной кухни шелъ дымъ и дѣлалъ баржу похожей на неуклюжіи пароходъ.

Вѣроятно, послѣ окончательнаго осмотра русла сейчасъ же пошли вверхъ по Днѣстру пароходы, но мы уже къ этому времени проѣхали верхнее теченіе, а ниже Могилева пароходы «Піонеръ» и «Кашиневъ» ходятъ уже лѣтъ десять, и мы встрѣчали ихъ почти черезъ день, идущими то вверхъ, то внизъ.

Однако я немного увлекся пароходами, между тѣмъ какъ мы, пройдя первый перекать и остановившись у пустыннаго берега, сидѣли въ сущности въ дикомъ мѣстѣ, гдѣ нечего было думать о пароходахъ и прочихъ атрибутахъ цивилизаціи.

Къ вечеру вѣтеръ утихъ, и день закончился благополучно. Днѣстръ сдѣлался такимъ же гладкимъ и покойнымъ, какимъ онъ былъ въ первый вечеръ нашего путешествія. Мы пристали въ покойной бухточкѣ подъ сѣрыми массивными утесами, опушенными кое-гдѣ кустами и изрытыми пещерами. Впрочемъ эти пещеры при ближайшемъ осмотрѣ оказались небольшими впадинами, не представлявшими ничего интереснаго; въ нихъ иногда ютятся во время дождя мальчишки-пастухи и разводять костры, слѣды которыхъ, въ видѣ угольевъ и закопченныхъ стѣнъ, можно видѣть чуть ли не въ каждой такой пещерѣ.

Мы честно заработали отдыхъ и сонъ, но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, переутомленіе дѣйствуетъ обратно, и сонъ бѣжалъ отъ насъ. Мы приготовили постели, засвѣтили фонарикъ, и палатка приняла домовитый видъ: фыркалъ чайникъ на керосинкѣ, въ порядкѣ висѣли на гвоздикахъ ковшъ, часы и прочія мелочи; заряженные револьверы были положены подъ подушки, вещи аккуратно лежали подъ скамьями, служившими намъ постелями, но, какъ ни уютно намъ было, все-таки мы послѣ чая сѣли на кормѣ и, лѣниво перебрасываясь словами, мечтали и отдыхали отъ труднаго и тяжелаго дня.

Вечеръ былъ дивный. Звѣзды, эти южныя звѣзды, которыя я такъ люблю, быть можетъ, потому, что я къ нимъ привыкъ съ дѣтства, горѣли блестящими искрами въ черной глубинѣ неба. Даль затянулась ночной дымкой, холмы и скалы слились въ однообразныя декораціи необычайно прозрачныхъ, воздушныхъ, сказочныхъ тоновъ. Днѣстръ едва шелестѣлъ, цѣпляясь за береговые камни, и

чуть трогаль нѣжно и любовно нашу лодку. Далеко за горой блеснуло холодное странное зарево, еще мгновение, и изъ-за горы выплыла южная красавица Венера, яркая, блестящая, готовая спорить съ молодымъ мѣсяцемъ, и раздробилась точками въ волнахъ тихаго поэтическаго Днѣстра... Однако мечты мечтами, но пора и спать; мы легли и моментально заснули тихимъ и крѣпкимъ сномъ въ первый разъ по выѣздѣ изъ Хотина.

VI.

Наставшее утро насъ порадовало. Солнце свѣтило ярко, и воздухъ потеплѣлъ. Мы замечтали объ этюдахъ и принялись за разборку холстовъ и красокъ, ни разу еще не открывавшихся съ начала путешествія. Первые этюды были довольно неудачны, что воиолнѣ понятно: окружающая природа была такъ нова, глаза еще не привыкли къ новымъ формамъ, и мы не сразу могли войти въ то настроеніе, которое необходимо, чтобы получить хорошіе результаты. Мы впрочемъ не унывали, полагаясь на пословицу: «первый блинъ комомъ», и надѣялись, что будущее вознаградитъ насъ сторицей.

Этого намъ пришлось порядочно подождать. Дожди не прекращались, и работать можно было только урывками. Мы рѣшили нѣсколько дней ѣхать не останавливаясь, чтобы выйти наконецъ изъ захватившей насъ бурной полосы, но вышли нескоро, потому что Днѣстръ въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ громадныя извороты, и когда мы въ теченіе нѣсколькихъ дней прошли по рѣкѣ около 70 верстъ, то очутились всего верстахъ въ 10 отъ того мѣста, гдѣ насъ застала первая буря.

Шли мы эти 70 верстъ, останавливаясь только для ночлеговъ и обѣда. Днѣстровскіе берега здѣсь чудно хороши: отвѣсныя скалы самыхъ разнообразныхъ очертаній и тоновъ, опушенные то кустами, то лѣсомъ, тянулись справа и слѣва. Живописныя деревни то ютились около скалъ, то, какъ орлиныя гнѣзда, сидѣли на вершинахъ саженьхъ въ восьмидесяти надъ уровнемъ Днѣстра. Кое-гдѣ скалы принимали видъ настоящихъ горъ, и высокіе травянистые холмы были увѣнчаны скалистыми пиками, торчавшими, какъ гигантскіе зубы. По крутизнамъ бродили овцы, козы и мальчишки-пастухи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчки тамъ, гдѣ теченіе особенно сильно, стояли и дѣятельно работали мельницы съ большими колесами, оси которыхъ достигали до четырехъ сажень длинны.

Передъ нами прошли большія села: Соколъ, Устье, Мукша, окруженные садами и пашнями, мелькнули мелкія деревушки и хуторки, живописно пріютившіеся надъ рѣкой.

Скоро должна была показаться Студеница, а дальше Днѣстръ идетъ прямо на востокъ, и мы могли рассчитывать убѣжать отъ

непогоды. Но подъ самой Студеницей насъ настигла черная туча; мы налегли на весла, сильное теченіе помогло, и мы быстро промчались мимо этого большого мѣстечка и стали высматривать мѣсто для остановки. Кое-какъ пристроились къ выдающемуся мыску съ топкимъ глинистымъ берегомъ, въ которомъ не хотѣлъ держаться колъ съ веревкой. Между тѣмъ туча насъ догнала и начался такой же ураганъ, какой мы испытали уже нѣсколько дней тому назадъ. Но тогда мы были все-таки довольны, такъ какъ любовались величественной картиной бури, теперь же чувства наши были иныя: было 9 часовъ вечера, насъ окружала непроницаемая мгла, и потоки дождя съ градомъ, вой вѣтра, молніи и громъ не доставляли намъ особеннаго удовольствія.

На этотъ разъ буря бушевала часа три и стихла только къ 12 часамъ ночи. Промокшіе, усталые и продрогнувшіе до костей, мы кое-какъ устроились на ночь, которую провели очень безпокойно. Мы уже начали приходить въ отчаяніе, думая, что все лѣто будетъ такимъ сырымъ, холоднымъ и бурнымъ, но къ нашему счастью это была послѣдняя буря, потрепавшая насъ на прощаніе, а затѣмъ начался рядъ хорошихъ теплыхъ и солнечныхъ дней, и мы отдохнули отъ вынесенныхъ передригъ.

На слѣдующій же день мы выѣхали съ мѣста нашего ночлега и, проѣхавъ версты двѣ, за поворотомъ рѣки увидѣли какое-то небольшое строеніе, прилѣпившееся къ скалѣмъ саженьхъ въ семидесяти надъ водой; налѣво, гдѣ гора переходила въ равнину, раскинулось селеніе съ древней церковкой галиційскаго типа: съ тремя одинаковыми куполами, похожими на конусообразныя шапки.

— Что это тамъ, на горѣ?—обратился я къ Владимиру Николаевичу.

— Я думаю, что это скальный монастырь,—замѣтилъ онъ.

— Остановимся?

— Остановимся.

Нѣсколько минутъ спустя, мы причалили къ берегу, гдѣ стоялъ паромъ. У рѣчного сторожа узнали, что это дѣйствительно пещерный монастырь, а селеніе, расположенное на берегу, называлось Бакота. Это селеніе, какъ и большинство другихъ, когда-то играло нѣкоторую роль въ исторіи Польши и Бессарабіи, и польская хроника не разъ упоминаетъ на своихъ страницахъ о стычкахъ, бывавшихъ здѣсь. Лѣтъ 40—50 тому назадъ здѣсь еще существовали остатки когда-то роскошнаго палаццо одного изъ польскихъ магнатовъ.

Сдавъ лодку на храненіе сторожу, захвативъ альбомы и фотографическій аппаратъ, мы отправились въ монастырь. Къ нему вела хорошая тропа, пробитая въ скалѣ и круто поднимающаяся вверхъ. Передъ нами шире и шире раскидывалась огромная панорама: съ этой высины были видны два или три поворота Днѣстра,

Пастухъ.

высокіе холмы, скалы, а направо, на пологихъ скатахъ раскинувшіяся нивы, сады, нѣсколько деревень и хуторовъ представляли красивую, размашистую картину.

Тропа привела насъ на площадку длиной шаговъ сорокъ, а шириной—двадцать. Въ отвѣсной скалѣ, ограничивавшей площадку съ лѣвой стороны, было отверстіе, ведущее въ пещеру, а рядомъ

деревянная пристройка. По лѣстницѣ мы вошли въ пещеру; она была неглубока и черезъ двѣ сажени отъ входа поворачивала влѣво. Въ стѣнахъ и въ полу были высѣчены впадины, служившія когда-то могилами. Затѣмъ мы вошли въ деревянную пристройку, служившую церковью. Когда-то вся церковь была внутри скалы, но теперь остался одинъ алтарь, а для народа придѣланъ помостъ съ крышей и разборными стѣнами, разбирающимися во время большого скопленія богомольцевъ, и тогда стоящіе на площадкѣ также могутъ видѣть богослуженіе. Небольшой алтарь выкрашенъ масляной краской, и остатки старины совершенно исчезли. Около алтаря былъ входъ въ другую пещеру, гдѣ сохранился оригинальный, высѣченный изъ камня образъ Божіей Матери, стоявшій въ нишѣ, а сбоку въ нишѣ, служившей могилкой, стояла картина «Христосъ въ гробу», написанная очень недурно и оригинально скомпанованная: голова Христа закинута назадъ, правая рука безпомощно свѣсилась до земли; къ колѣнямъ Иисуса въ смертельной тоскѣ прильнулъ ангелъ, распростершій крылья.

Кромѣ сохранившихся алтаря, придѣла съ образомъ Божіей Матери и пещеры съ могильными нишами, кое-гдѣ въ скалѣ видны слѣды келлій, ходовъ и отдушинъ. Говорятъ, что гдѣ-то внутри горы должна быть винтовая лѣстница, но, несмотря на внимательные поиски, ее никто не могъ найти.

Исторія возобновленія этого монастыря не лишена интереса: лѣтъ десять тому назадъ никто въ Бакотѣ не подозрѣвалъ, что въ этомъ обрывистомъ утесѣ есть пещеры, но, по преданію, берегъ Днѣстра въ этомъ мѣстѣ назывался «монастыремъ». Въ одинъ прекрасный день случился обвалъ: часть скалы оторвалась и грохнула внизъ, захватывая съ собой камни, деревья и потоки осыпей; тогда-то и открылся случайно входъ въ пещеры; крестьяне, найдя внутри келліи, скелеты, утварь и проч., дали знать священнику, тотъ начальству, и вскорѣ въ Бакоту пріѣхалъ археологъ, профессоръ Антоновичъ, серьезно занявшійся изслѣдованіемъ открытаго монастыря. Говорятъ, что былъ найденъ небольшой архивъ и много интересныхъ вещей, но все это, вѣроятно, было взято профессоромъ съ собой, и въ монастырѣ ничего, кромѣ нѣсколькихъ кусковъ ржавого желѣза да каменнаго образа, не осталось.

Пресвященный Димитрій, архіепископъ подольскій и брацлавскій, заинтересовавшись найденнымъ монастыремъ, доставилъ средства для реставраціи и лично пріѣзжалъ освящать возобновленную церковь, въ память чего направо отъ алтаря повѣшена ужасная картина, изображающая это событіе, написанная, вѣроятно, какимъ-нибудь доморощеннымъ художникомъ.

По Днѣстру довольно часто попадаютъ пещеры и бывшіе пещерные монастыри. Высѣчены они обыкновенно въ известковыхъ скалахъ и относятся къ глубокой древности. Многіе относятъ ихъ

ко времени владычества готовъ и зарожденія христіанства, но многіе считаютъ ихъ еще древнѣе и относятъ ко временамъ постоянныхъ нашествій восточныхъ ордъ, когда мѣстное населеніе принуждено было спасаться и спасать свое имущество въ недоступныхъ тайникахъ.

Въ Бакотѣ мы пробыли два дня, сдѣлали нѣсколько набросковъ и двинулись дальше. Массивная скала съ монастыремъ осталась позади, перейдя же черезъ небольшой перекалъ, мы завернули за мысъ, и селеніе Бакота скрылось изъ вида.

Насъ стала было догонять хмурая туча, грозившая проливнымъ дождемъ, но мы успѣли уйти отъ нея. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы прошли мимо красивой деревушки Граевки съ симпатичнымъ барскимъ домомъ, уютно выглядывавшимъ среди зелени тополей, винограда и вишенъ. Былъ праздникъ, и на берегу около одной хаты шло веселье: скрипка и дудка заливались вперегонку, а разряженные парни и дѣвки съ азартомъ отплясывали вальсъ.

Вечерѣло. Днѣстръ тихо катилъ свои волны, и берега отражались въ нихъ длинными вертикальными полосами. На лѣвомъ берегу красиво вырисовывались на солнцѣ глубокія промоины въ глинистой почвѣ, и прозрачныя сиреневыя тѣни падали на стѣны этихъ промоинъ.

Направо и налево мелькали хатки хуторовъ и деревень, направо Дурняковцы, налево Молодова; впереди показалась мельница, а за ней виднѣлся большой перекалъ съ высокими гребнями волнъ. Увидѣвъ рыбака, нырявшего въ волнахъ на маленькомъ челнокѣ, мы тоже пустились по срединѣ переката; лодку стало покачивать, но теченіе было слабое. Пройдя черезъ перекалъ, мы пристали къ берегу противъ большого мѣстечка Старая Ушица. Вечеръ былъ холодный, но хорошій, луна свѣтила ярко и сильно. Мы спокойно улеглись спать, не боясь дождей, изъ полосы которыхъ наконецъ очевидно вышли: рѣчной сторожъ говорилъ, что уже недѣли двѣ дождей въ этихъ мѣстахъ не было.

На утро я отправился въ Старую Ушицу. Этотъ заброшенный въ настоящее время городишко насчитываетъ много вѣковъ своей жизни и упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ въ XII вѣкѣ. Нѣкоторое время онъ былъ уѣзднымъ городомъ, а потому имѣлъ нѣкоторое значеніе, но съ переводомъ уѣзда въ Новую Улицу, лежащую сѣвернѣе, онъ потерялъ свое значеніе и держится лишь еженедѣльными базарами-ярмарками, на которые съѣзжается населеніе многочисленныхъ окрестныхъ деревень. Въ обыкновенные дни это—тихий и сонный городокъ, гдѣ трудно что нибудь достать.

Только что я вышелъ на базарную площадь, гдѣ двѣ-три торговки продавали хлѣбъ, сало и колбасы, какъ ко мнѣ присосѣдился молодой, прилично одѣтый жидокъ, заинтересовавшійся нашей лодкой, и при его помощи я нашелъ и купилъ всю нужную для

важного удобства при этом. Такъ какъ немалыя расстоянія отделяютъ въ Умкѣхъ мѣста, и отсутствіе моста, не имѣя прострѣтиса съ лѣвобережнѣмъ жидкою, вынуждено въ развѣдочной гонѣ.

Нѣсколько дней проработавъ дѣла барановъ зѣвѣтѣ гонимы, вѣселою волѣ скалами, перебрѣли чѣрезъ барановъ. Когда нѣ часть стали перевозить бичеванки: такелажъ барановъ вытѣкалъ въ Дѣвѣстру, тянуты на бѣзѣхъ вѣдѣннѣхъ, и какъ приходилось подыскивать канаты и перевозить еѣ чѣрезъ само лодку, которая иначе могла быть сожжѣна съ мѣста.

Дѣлалось большую остановку мы сдѣлали около барановъ Навароту, близъ кото, но ость больша канатѣ. До вѣчера продолжена хорошая работа въ дѣвѣхъ вѣрнѣхъ дѣвѣхъ, но мѣсто зашло на гору и по тропинкѣ, прѣбитой пастухами. Я оставилъ караулить лодку, а товарищѣмъ пошелъ осматривать вѣдѣтѣ, одна изъ которыхъ была очень больша и глубокѣ; на оу мѣстѣ она имѣла три аркамы, упиравшіяся на массивныя столбы. Кромѣ главной пещеры, служившей церковью, были еще нѣсколько небольшихъ келмѣхъ.

Владимиръ Николаевичъ снялъ фотографіи и вернулся въ лодку совсѣмъ измученный, потому что тропинка, по которой ему пришлось идти, представляла много неудобствъ для колъ и барановъ, но тяжела для человѣка непривычнаго.

Благополучно мы миновали нѣсколько деревень и остановились прѣдѣлѣ селенія Нагорине, такъ какъ нѣтъ пришло къ намъ мѣстѣ оригинальныя скалы съ пещерами, смотрѣвшими темными пятнами на высотѣ 60-ти—70-ти сажень надъ Дѣвѣстрой.

По обыкновенію наступилъ дивный вечеръ, звѣзды горѣли, какъ фонарики, и изъ-за холмовъ торжественно выплыла луна, озаряя все своимъ пепельнымъ свѣтомъ.

VII.

Въ этотъ вечеръ мы видѣли такое зрѣлище, какое едва ли когда нибудь встрѣтятся опять: часовъ въ одиннадцать я выглянулъ изъ лодки провѣрить, все ли въ порядкѣ, и остолбенѣлъ передъ открывшейся картиной; мы съ товарищемъ замерли передъ ней въ восторгъ; Дѣвѣстра была абсолютно тихъ, гигантскія скалы противоположнаго берега, съ ихъ пещерами и осыпями, были залиты луннымъ свѣтомъ, падавшимъ перпендикулярно; удивительныя сѣрыя и голубыя тона воздушными планами рисовались въ отдаленіи, и все это отражалось въ водѣ, отражалось съ такой точностью, что нельзя было разобрать, гдѣ кончается берегъ, и начинается отраженіе; передъ нами была какая-то гармоничная, непонятная сказка; что-то чарующее и мистическое было въ этой удивительной картинѣ; казалось, наша лодка висѣла въ воздухѣ, и мы чувствовали

На берегу Дибетра.

себя внѣ пространства. Долгое время мы не могли прийти въ себя отъ восторга. Впечатлѣніе было такъ сильно, что и сейчасъ я вижу передъ собой эту картину со всѣми ея деталями и чарующими переливами тоновъ.

Утромъ мы полѣзли на скалы посмотрѣть пещеры, но онѣ оказались мало интересными; это были громадныя впадины, и нельзя было даже ручаться за то, что онѣ сдѣланы человѣческими руками. Только одна пещера привлекла наше вниманіе: входъ въ нее былъ въ видѣ правильнаго четырехугольника съ обтесаннымъ наличникомъ, но она была совершенно недоступна. Подвернувшійся старикъ рыбакъ рассказалъ намъ объ этой пещерѣ увѣряя, что въ ней, кромѣ каменнаго креста, ничего нѣтъ; въ ней нѣсколько лѣтъ тому назадъ побывалъ одинъ отважный парень изъ Нагорья, и вотъ по какому поводу: въ этой пещерѣ издавна свили себѣ гнѣздо орлы; какой-то богатый коллекционеръ изъ Галиціи предложилъ 100 рублей за пару орлятъ; соблазнившись крупной суммой, одинъ парень взялся за дѣло: три дня рубилъ ступени, вколачивалъ клинья въ расщелины скалъ и наконецъ добился своего—побывалъ внутри и досталъ орлятъ. Кромѣ него, никто больше не отваживался забраться туда, и много уже лѣтъ никто не тревожитъ орловъ, котящихся тамъ.

Нѣсколько далѣе этихъ скалъ раскинулось селеніе Лядово, на рѣчкѣ того же наименованія; на обрывѣ массивной скалы стоялъ возобновленный пещерный монастырь, который мы рѣшили осмотрѣть.

Селеніе Лядово извѣстно не только монастыремъ, но и своими геологическими особенностями: окрестныя скалы состоятъ частью изъ такихъ же породъ, какія встрѣчаются и въ верхнемъ теченіи, то-есть изъ песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ и известняковъ, богатыхъ окаменѣlostями, но близъ Лядова эти скалы перемѣшаны съ шѣловыми пластами, глауконитовыми песками, повсюду массами попадаются шѣловые кремни, силлурійскіе кварциты, фосфориты и прочее.

Марчинскій въ своемъ описаніи Подольской губерніи говоритъ объ ущельѣ рѣки Лядовы, что «минералогамъ слѣдовало бы посѣтить здѣшній край для опредѣленія природы и достоинства разныхъ минераловъ. Между прочимъ есть въ Днѣстрѣ камни, покрытые кремневымъ слоємъ, и значительныя кремнистыя массы въ скалахъ надъ рѣкой Лядовой, въ которыхъ находятся разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, настоящіе рубины и множество темныхъ камней». Аванасъевъ-Чужбинскій подтверждаетъ это и прибавляетъ, что при немъ во время рытья фундамента въ деревнѣ Наславче (противъ Лядова) были выкопаны кости какого-то огромнаго, несуществующаго звѣря.

Сообщенія Марчинскаго и Чужбинскаго мнѣ подтвердилъ мѣстный старикъ-священникъ, живущій здѣсь около сорока лѣтъ; онъ

показалъ нѣсколько образчиковъ мѣстныхъ колчедановъ и говорилъ, что при земляныхъ работахъ дѣйствительно иногда попадаются какія-то окаменѣлыя кости.

Въ Лядовѣ же большія залежи фосфорита, который добывается въ шахтахъ и складывается въ кучи на берегу. Эти фосфориты имѣютъ видъ картечи или небольшихъ ядеръ темно коричневаго цвѣта. Имъ грузятся, барки, и, какъ мнѣ говорили здѣсь, онъ от-

Церковь въ Лядовѣ.

правляется за границу, гдѣ эти шары перемалываются въ муку для удобренія полей.

Больше всего въ этомъ мѣстечкѣ насъ интересовалъ монастырь, и мы немедленно отправились къ священнику, принявшему насъ очень любезно и рассказавшему кое-что изъ исторіи монастыря. Исторія эта впрочемъ очень несложная: по преданію, монастырь основанъ св. Антоніемъ Печерскимъ въ XI вѣкѣ, во время его путешествія изъ Аѳона въ Кіевъ. Дальнѣйшая исторія его неизвѣстна, и въ началѣ XVIII вѣка онъ находился въ полномъ запустѣніи, возобновленъ лишь немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ, и пер-

виль священниковъ быть назначенъ галиційскій архиепископъ унгаръ: вслѣдъ него стали здѣсь служить православные священники, и числившійся о. Владкиръ въ счету четвертый. Онъ засталъ перковь въ жалкомъ видѣ: часть ея была внутри скалы, а остальная была сооружена изъ плетня, названнаго глиной.

Священникъ любезно позволилъ намъ осмотрѣть монастырь, послать дѣвченку къ дякону за ключомъ, и дяконъ повелъ насъ на вертъ, куда вела хорошая широкая дорога, огороженная вѣтвями и по вечерамъ освѣщаемая фонарями. Новая ворота, галерея назыво и новая перковь совершенно скрыли старый вечерный монастырь. Впрочемъ, войдя въ перковь, мы увидѣли остатки стараго алтаря, выстѣннаго въ скаль. Въ перковь прйдѣлъ, во имя Успеніиіа главы Іоанна Предтечи, находится чудотворный образъ Предтечи, обвѣшанный серебряными, грубо чеканными, руками, ногами, носами, глазами и образками, приносимыми богомольцами въ память исплениіа. Слѣдующій прйдѣлъ во имя св. Прасковы. Кромѣ алтарей, другихъ остатковъ старинны не было, если не считать двухъ деревянныхъ рѣзныхъ крестовъ неособенно древнихъ.

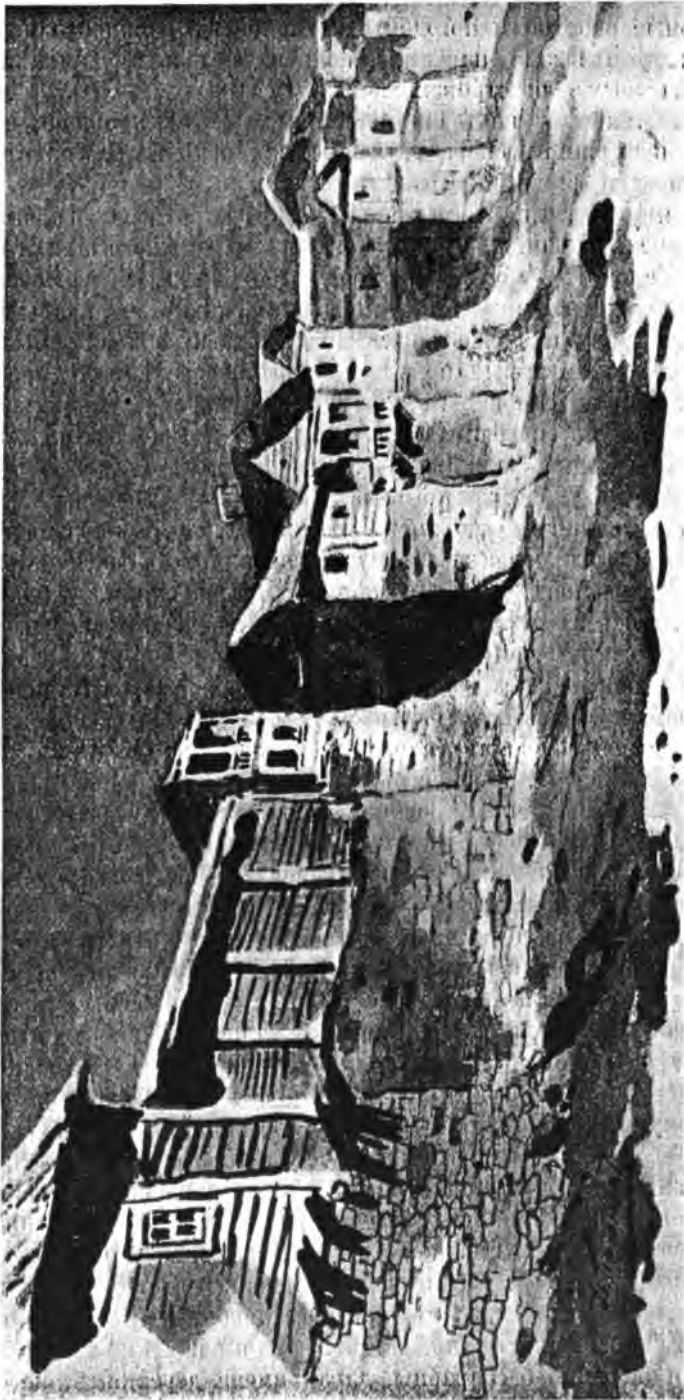
Около перкви есть скала, на которой туристы и богомольцы нѣмѣютъ обыкновеніе вырѣзывать свои имена; на сосѣднихъ скалахъ тоже много эмблематическихъ фигуръ, надписей, инициаловъ, во все это современное.

Въ главной перкви, на хорахъ, находятся двѣ двери, ведущія въ ходы, но туда безъ лѣстницы попасть нельзя, такъ какъ эти двери находятся подъ самымъ потолкомъ.

Нѣсколько дальше главной перкви мы осмотрѣли другую, меньшую, во имя Антонія и Феодосія печерскихъ. Это—гротъ шаговъ двадцать длины, глубина котораго служитъ алтаремъ, отдѣленнымъ отъ передней части каменнымъ иконостасомъ грубой современной работы. Изъ алтаря небольшою ходъ, дѣлающій изгибъ, ведетъ въ меньшую келью съ окномъ и дырью, выводящей наружу.

Всѣ эти постройки расположились на уступѣ, возвышавшемся на 80—100 сажень надъ Днѣстромъ. Обрывъ спускается сначала вертикально, а затѣмъ сбѣгаетъ къ водѣ подъ угломъ градусовъ въ 45. Съ площадки открывался грандіозный типичный пейзажъ съ излучинами Днѣстра, холмами, скалами, полями и деревнями.

Поблагодаривъ дякона, мы спустились внизъ къ своему походному жилищу, гдѣ неожиданно встрѣтили художника Судковскаго, товарища Владимира Николаевича. Онъ прѣхалъ въ Лядово на двѣ недѣли, на этюды, и мы нѣсколько дней провели вмѣстѣ, работая днемъ и собираясь въ лодкѣ по вечерамъ. За стаканами чая или недурнаго мѣстнаго вина мы оживленно болтали, спорили, точно гдѣнибудь въ комнаткѣ на Васильевскомъ островѣ.

Набережная въ Могилевѣ.

Довольные работой и погодою, мы наконецъ распространились съ Судковскимъ, отвязали нашу лодку и пустились въ дальнѣйшій путь по быстрымъ днѣстровскимъ волнамъ.

Уже въ Лядовѣ у насъ ощущался недостатокъ провизіи, и потому мы поспѣшили впередъ, чтобы закупить въ Могилевѣ все необходимое для дальнѣйшаго путешествія.

Скоро мы достигли того мѣста Днѣстра, которое уже видѣли нѣсколько недѣль раньше изъ вагона, но тогда мы ѣхали ночью, и Днѣстръ смотрѣлъ мрачно и сурово; теперь же, днемъ, онъ весело блестя на солнцѣ и тихо омывалъ скалистый правый берегъ, по которому проложенъ желѣзнодорожный путь. Грохотъ и свистъ прошелъ товарный поѣздъ и скрылся за скалами противъ деревни Наславче. Мы налегли на весла и скоро дошли до желѣзнодорожнаго моста, перекинутаго черезъ рѣку. Еще нѣсколько минутъ, и наша лодка была привязана къ одному изъ плотовъ, массами стоявшихъ у берега. Я сталъ собираться въ городъ, а Владимиръ Николаевичъ, оставаясь сторожить лодку, опустилъ всѣ занавѣски палатки, чтобы избѣгнуть назойливыхъ взглядовъ нѣсколькихъ десятковъ жидовъ, жидовокъ и жиденятъ, откровенно купавшихся передъ всей честной публикой и съ интересомъ тарачившихъ глаза на нашу лодку.

Я скоро собрался въ городъ и, взявъ извозчика, объѣздитъ всѣ нужныя лавки и закупилъ всякихъ принасовъ. Городъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе: онъ очень оживленъ, его узкія улицы обсажены большею частью деревьями и обставлены хорошими двухъ и трехъэтажными домами европейской архитектуры; масса хорошихъ магазиновъ, соборъ, костелъ, нѣсколько другихъ церквей дѣлаютъ его городомъ, которымъ справедливо гордится Подольская губернія, и дѣйствительно это—ея лучшій уѣздъ. Еще до проведенія желѣзной дороги и до начала пароходства по Днѣстру это былъ большой и оживленный центръ, населенный главнымъ образомъ армянами, получившими когда-то большія привилегіи отъ польскихъ королей. Впослѣдствіи армяне бѣжали отсюда отчасти изъ болзни турокъ, хозяйничавшихъ по сосѣдству въ Бессарабіи, а отчасти оттого, что евреи, добившись позволенія поселиться здѣсь, своею конкуренціей убили армянскую торговлю. Уже дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ отъ армянъ остались въ Могилевѣ только воспоминанія, и еся торговля очутилась въ еврейскихъ рукахъ и процвѣтаетъ здѣсь и нынѣ, особенно оживившись и разившись послѣ проведенія желѣзной дороги и учрежденія пароходства.

Противъ Могилева раскинулось большое селеніе съ оживленнымъ базаромъ: отсюда идетъ почтовая дорога въ Сороки. Это селеніе носитъ названіе Атаки. Подъ этимъ именемъ на Днѣстрѣ три селенія, и вообще бессарабцы, давая имена деревнямъ, не отличаются большой фантазіей: такъ значительно ниже, между Рыб-

ницей и Ягорлыкомъ, находятся пять селеній: Большая Жора, Средняя Жора, Нижняя Жора, а противъ нихъ селенія Журы и Журка.

При такихъ похожихъ названіяхъ и принимая во вниманіе свособразный выговоръ молдаванъ, можно, при самыхъ тщательныхъ разспросахъ, попасть вмѣсто одной въ другую деревню. Масса другихъ деревень носятъ одни и тѣ же имена, и потому, желая точно обозначить мѣсто, необходимо назвать какое нибудь сосѣднее село, не имѣющее двойниковъ.

VIII.

Могилевъ, Атаки и сосѣднія села славятся своими садами и виноградниками, но, несмотря на эту славу, я не могъ найти недорогого порядочнаго вина, а дорогое по своей цѣнѣ оказывалось все-таки плохимъ.

Это—замѣчательная черта многихъ мѣстъ. Какъ въ Бессарабіи я не нашелъ мѣстнаго недорогого вина, такъ въ Кахетіи мнѣ вмѣсто кахетинскаго приходилось пить какую-то бурду, платя за нее тѣ же 20 копеекъ, которыя я платилъ за сносное вино въ Тифлисѣ.

Очевидно все лучшее попадаетъ въ руки скупщиковъ—на Кавказѣ армянь, въ Бессарабіи евреевъ, и у мѣстныхъ жителей остается на рукахъ одна дрянь. Я помню, какъ однажды, пріѣхавъ въ Ревель, я купилъ коробку револьскихъ килекъ—онѣ оказались испорченными; такова судьба многихъ мѣстныхъ продуктовъ.

Нигдѣ въ Бессарабіи, даже въ Кишиневѣ, я не могъ купить хорошихъ яблокъ и грушъ, между тѣмъ я знаю, что въ петербургскихъ магазинахъ продаются бессарабскіе фрукты, но подъ названіемъ французскихъ. Евреи законтрактовываютъ всѣ болѣе или менѣе извѣстные сады и виноградники и на экспортѣ наживаютъ громадныя барыши, на мѣстные же рынки не выпускаютъ почти ничего.

По своимъ основнымъ даннымъ бессарабскія вина имѣютъ много достоинствъ, и если бы дѣло было поставлено на болѣе рациональную почву, то они давно бы завоевали симпатіи публики. Мѣстная, а также американскія и французскія лозы прекрасно развиваются въ этихъ мѣстахъ, виноградъ виолнѣ вызрѣваетъ, но мѣстное населеніе никогда не дожидается окончательной зрѣлости, не сортируетъ винограда, отчего и получается вмѣсто вина гадость. Всѣ сорта, красные и бѣлые, валяютъ въ одну кучу, давятъ ногами, затѣмъ сливаютъ въ бочку для броженія, которое идетъ подъ открытымъ небомъ, подвергаясь колебаніямъ температуры; открытая бочка засоряется пылью и соромъ, и на это никто не

обращаетъ вниманія. Вино получается жидкое, кислое, съ запахомъ уксуса и продается за безцѣнокъ, иногда даже за 20—30 к. ведро.

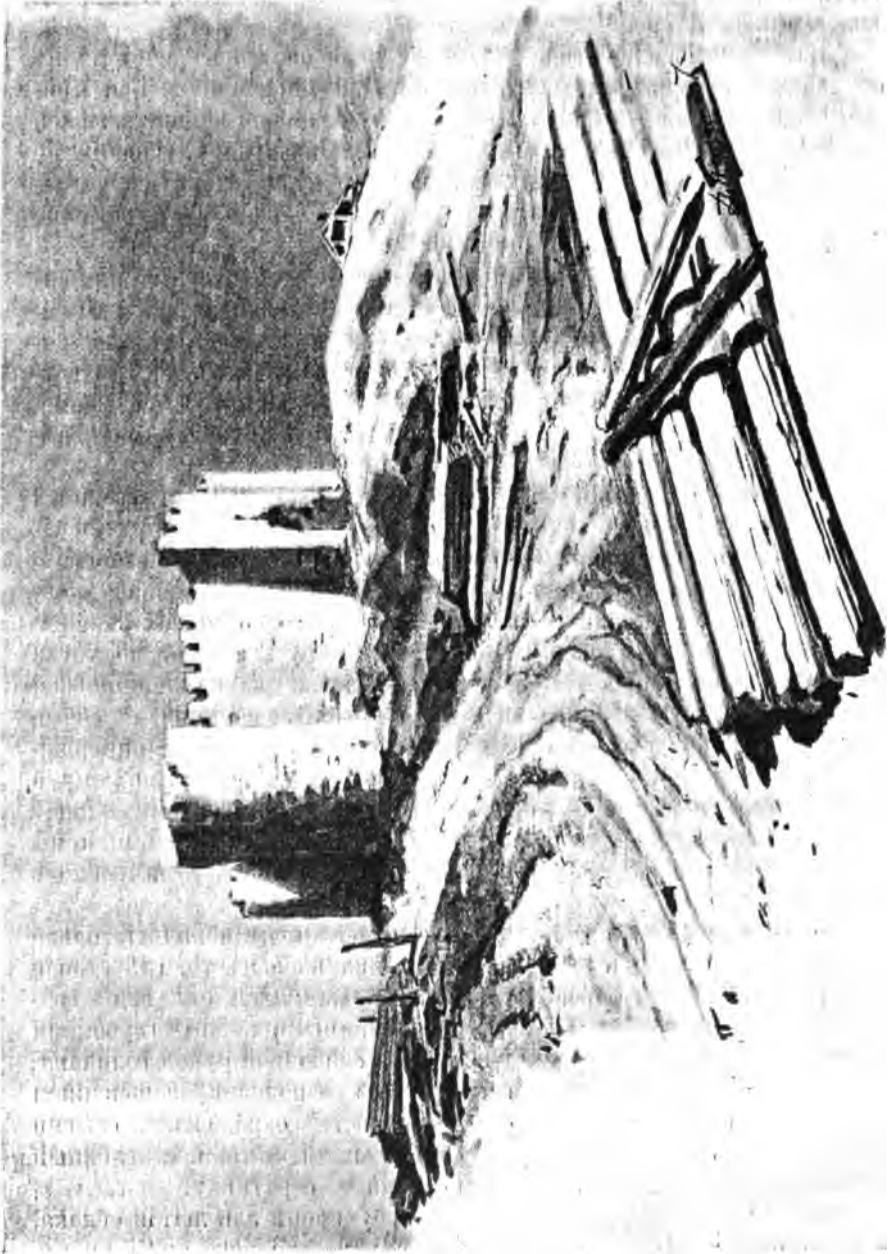
Казалось бы, такой продуктъ не нашелъ бы себѣ покупателей, но на дѣлѣ мы видимъ обратное: громадное количество этой кислоты скупается крупными виноторговцами изъ Москвы, Петербурга, Харькова, Одессы и проч. и передѣлывается ими на всевозможные «хересы», «мадеры» и проч. Въ основу этихъ «мадеръ» идетъ въ небольшомъ количествѣ дешовое кислое вино, и затѣмъ добавляются по мѣрѣ надобности жженый сахаръ, сабза, коришка, спиртъ, вода и многія другія приписи. Насколько выгодно такое производство, показала Москва: Гулишамбаровъ собралъ статистическія данныя и нашелъ, что въ Москву вывозится 396.000 пудовъ вина, при чемъ на мѣстѣ выпивается около 190.000 пудовъ, а вывозится 420.000 пудовъ, иначе говоря, въ Москвѣ вино увеличивается въ объемѣ на 214.000 пудовъ; должно быть, это количество доставляется москворѣцкими «виноградниками» братьевъ Елишевыхъ и прочихъ виноторговцевъ.

Бессарабскіе крестьяне, зная, что ихъ кислота не имѣетъ сбытъ и сбытъ постоянный, не заботятся объ улучшеніи производства и даже опасаются его улучшить: рациональное винодѣліе требуетъ затратъ, удорожаетъ вино, а дорогое вино крестьянинъ боится не продать. Дешевую кислоту, въ какомъ бы она ни была количествѣ, евреи, коммиссіонеры виноторговцевъ, всегда скупаютъ.

Бессарабскія вина помимо того, что приготовляются изъ незрѣвшаго винограда, обладаютъ кислотностью еще и по своей природѣ, а потому не обладаютъ достаточной крѣпостью. Для полученія большого количества алкоголя въ сусло до броженія прибавляется сахаръ или, послѣ броженія, спиртъ, но то и другое все-таки можно считать фальсификаціей, и многіе винодѣлы, ведущіе дѣло болѣе естественнымъ образомъ, готовятъ такъ называемые выморозки: обыкновенное вино выставляется на морозъ, часть замерзаетъ, а не замерзшая часть, обладая большимъ процентомъ алкоголя, сливается въ другую бочку; такую операцію повторяютъ три—четыре раза, и въ результатѣ получается довольно крѣпкое и очень порядочное вино.

Послѣдніе года возникъ вопросъ, нельзя ли увеличить достоинство винограда какимъ нибудь другимъ путемъ, а именно при помощи электризаціи.

Опыты электрокультуры, производившіеся въ Парижѣ въ теченіе двухъ лѣтъ г. Пильсудскимъ и давшіе благопріятные результаты для многихъ растений, плодовыхъ деревьевъ, а также и для винограда, подали мысль примѣнить этотъ способъ въ Бессарабіи; винодѣльческій бессарабскій районъ обратился къ г. Пильсудскому съ просьбой произвести нужные опыты, что и было имъ сдѣлано, по его системѣ. Результаты получились блестящіе: въ виноградѣ

Развалины Генуэзской крепости въ Сорокахъ.

прибавилось 8—10% сахара, а одно сусли Рислингъ обладало даже сахаристостью въ 135% при кислотности лишь въ 13,5%.

Этому способу предстоить блестящая будущность тѣмъ болѣе, что виноградникъ, подвергнутый электризаціи, гарантированъ отъ зараженія филлоксерой.

Всѣ эти усовершенствованія, конечно, со временемъ войдутъ въ обиходъ; въ крупныхъ хозяйствахъ Витгенштейна, Манукъ Бея, Кристи, Понса Тардана и проч., а также въ образцовой винодѣльческой школѣ въ Кишиневѣ, съ каждымъ годомъ вводятся улучшенія, но масса простого народа будетъ еще десятки лѣтъ готовить допотопнымъ образомъ «молдаванскую бурду», по образному выраженію отчета одной филлоксерной комиссіи.

Образцовыя школы, питомники, сосѣдніе благоустроенные виноградники долго еще не въ состояніи будутъ вліять на крестьянскую массу, консервативную и неподвижную въ корнѣ. Здѣсь повторяется то же, что мы можемъ наблюдать въ Кахетіи, гдѣ грузины вырабатываютъ свое вино тѣми же орудіями и способами, какія пускаютъ въ дѣло по неопытности блаженной памяти дѣдушка Ной.

Кончивъ всѣ закупки въ Могилевѣ, я вернулся нагруженный свертками и мѣшками въ лодку, и мы немедленно двинулись въ путь, чтобы по обыкновенію выбрать уютный уголокъ для ночлега. Пробѣжавъ нѣсколько верстъ, мы остановились въ маленькомъ заличикѣ около громаднаго камня, торчавшаго изъ воды и зашпандавшаго насъ отъ теченія. Берегъ былъ крутой, и мы не могли втащить лодку, а просто привязали ее веревкой къ наклонившейся надъ нами ивѣ. Наступилъ невозмутимо тихій и покойный вечеръ, и мы спокойно улеглись спать, не опасаясь никакихъ приключеній. Мы совершенно привыкли къ своему походному жилищу и чувствовали себя въ палаткѣ совсѣмъ, какъ дома. Тихія теплыя ночи и блестящія звѣзды навѣвали радужныя сновидѣнія, и мы поднимались съ разсвѣтомъ бодрые, оживленные, готовые опять къ работѣ.

Рано утромъ мы оставили мѣсто ночлега и остановились только черезъ нѣсколько часовъ, найдя оригинальное мѣсто, гдѣ стоило сдѣлать нѣсколько набросковъ. Берегъ поднимался отъ воды громадными травянистыми холмами, прорѣзанными кое-гдѣ глубокими промоинами; по склонамъ холмовъ, точно сказочной рукой великана, были разбросаны скалистыя глыбы, однѣ на половину зарывшіяся въ землю, другія лежащія на поверхности; одна скала, сажени четыре вышиной, торчала, какъ грубый памятникъ, поставленный невѣдомымъ богатыремъ своему погибшему соратнику.

День былъ жаркій и душный, по небу пробѣгали легкія облака, и тѣни ихъ причудливо ползали по холмамъ, то исчезая въ ярахъ, то вновь выплывая на другой сторонѣ и сливаясь вдаль съ общей

сѣрой, жаркой дымкой, висѣвшей надъ землей. Въ этой дымкѣ была своя поэзія, свое очарованіе: въ ней чувствовался югъ, но югъ своеобразный, не блещущій яркими фееричными тонами, а полный нѣги томной и нѣжной, наполнявшей сердце не весельемъ, а какой-то грустью. Панорамы, открывавшіяся съ вершинъ холмовъ, тонули въ сѣрыхъ призрачныхъ тонахъ и подавляли своей могучей простотой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкимъ размахомъ. Надо родиться здѣсь, надо перечувствовать все это, чтобы быть въ состояніи передать на полотнѣ такіе своеобразные мотивы.

Мы усердно принялись за работу. Въ серединѣ дня, когда мы отдыхали, послышался какой-то странный шумъ, точно отъ идущаго поѣзда или парохода; ни того, ни другого въ этихъ мѣстахъ не могло быть, а потому мы выглянули изъ палатки, и намъ представилось удивительное явленіе, какого никогда раньше не приходилось видѣть: на насъ шла буря. Сплошная, желтая, вся пронизанная горячими лучами солнца, стѣна быстро приближалась къ намъ. Холмы, деревья, Днѣстръ поглощались ею, точно никогда не существовали... А кругомъ была невозмутимая тишина, ни одинъ листъ не колыхался, и голубоватая поверхность рѣки шевелилась едва замѣтно. Но прошло нѣсколько мгновеній, и стѣна дошла до насъ. Страшный ураганъ налетѣлъ сразу, внезапно, безъ предостерегающихъ шкваловъ; минутъ десять бушевала буря, густая облака пыли окутали все вокругъ такой густой массой, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно, а если бы и было видно, то нельзя было смотрѣть, такъ какъ въ глаза, носъ и ротъ точно горстями сыпался песокъ. Ни одной капли дождя не упало, и черезъ нѣсколько времени пыльная буря, оставивъ насъ, понеслась дальше; Днѣстръ сталъ успокаиваться, но его волны сдѣлались желтыми и грязными.

Благодаря бурѣ, закатъ въ этотъ день былъ необыкновенный; масса пыли, оставшейся въ воздухѣ, задерживала лучи и окрашивала ихъ въ оранжевый цвѣтъ; скалы и холмы, залитые лучами заходившаго солнца, приняли совсѣмъ необыкновенный тонъ, они точно просвѣчивали или свѣтились, какъ пылающіе угли; къ сожалѣнію, этотъ моментъ мелькнулъ такъ быстро, что нельзя было сдѣлать даже самаго эскизнаго наброска, не говоря ужъ о законченномъ этюдѣ.

Въ этотъ же вечеръ мы въ первый разъ увидѣли на Днѣстрѣ пароходъ «Кишиневъ», шедшій въ Могилевъ, ночью же онъ прошелъ опять мимо насъ обратно; онъ развелъ по рѣкѣ довольно большія волны, сильно качавшія нашу лодку.

Дальнѣйшее путешествіе шло обычнымъ порядкомъ: ѣхали, обѣдали, писали этюды и спали; попадали то въ красивые уголки, то въ дикіе и своеобразные, гдѣ скалы, осипи и выжженные лучки травы пережѣшивались и производили оригинальную гармонію

формъ и тоновъ; сядились нѣсколько разъ основательно или слегка на мели, наблюдали одинъ разъ, какъ стаскивали съ мели двѣ огромныя нагруженныя барки и плоть около деревни Липки, и, наконецъ, безъ всякихъ приключеній добрались до уѣзднаго города Ямполь, котораго сначала не замѣтили, потому что на рѣку выходятъ какія-то жалкія хибарочки. Мы сообразили, что это Ямполь, только когда проѣхали ниже версты полторы, и когда впереди насъ изъ-за поворота рѣки выглянули торчавшія изъ воды скалы во всю ширину рѣки.

Мы сообразили, что это Ямпольскіе пороги, моментально задержали лодку, хотѣли пристать къ берегу, но сдѣлать это было не легко, такъ какъ подъ водой оказались мели. По совѣту прохожихъ мы поднялись вверхъ по теченію и въ одномъ мѣстѣ нашли удобную стоянку. Владимиръ Николаевичъ, по своей обычной лѣни, не хотѣлъ итти въ городъ, и потому мнѣ пришлось опять итти одному. При ближайшемъ осмотрѣ это оказался скверный городишко, съ глинобитными одноэтажными домиками, безъ всякой архитектуры. Раскинулся онъ на унылыхъ, пологихъ холмахъ. На улицахъ царило оживленіе, такъ какъ населеніе Ямполья довольно велико и много проѣзжающихъ. Отсюда идутъ большія дороги въ Сороки, Могилевъ, Ольшанку, Великую Косницу и проч. Этимъ обуславливается и масса гостиницъ и заѣзжихъ домовъ, въ одномъ изъ которыхъ я основательно закусилъ и передохнулъ послѣ утомительной ходьбы отъ лодки до города по солнюпеку. Получивъ на почтѣ письма, купивъ кое-какой провизіи, я взялъ извозчика и безъ сожалѣнія разстался съ Ямполемъ.

У насъ возникло было сомнѣніе, какъ пройти черезъ пороги и гдѣ достать лоцмана, но увидѣвъ, какъ пароходъ идетъ черезъ пороги, мы рѣшили итти тѣмъ же путемъ, основательно рассчитывая, что для нашей лодки опасность невелика, если она даже наскочитъ на камень, и, кромѣ того, на порогахъ должны же быть знаки, обозначающіе фарватеръ. Надежда насъ не обманула: буйковъ разставлено было много, и никакихъ затрудненій мы не испытали. Пороги эти были опасны и представляли значительныя препятствія лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, но въ настоящее время они совершенно не стоятъ вниманія и интересны лишь въ томъ отношеніи, что это—единственное мѣсто на Днѣстрѣ, гдѣ выступаетъ надъ поверхностью гранитъ. Въ остальныхъ мѣстахъ гранитъ совершенно скрылся подъ позднѣйшими напластованіями.

IX.

Отъ Ямполья до Сорокъ недалеко, но это—одинъ изъ красивѣйшихъ кусковъ Днѣстра. Массивныя скалы то справа, то слѣва возвышались высокими стѣнами. Отшлифованные валуны, величи-

Родникъ св. Николая въ Жабкинскомъ монастырѣ.

ной съ добрую хату, выступали изъ воды; на высокихъ берегахъ росли одинокіе дубы, выдѣлявшіеся темными пятнами на фонѣ свѣтлыхъ скалъ и синяго неба. Небольшія ущелья, въ видѣ щелей, гдѣ звеня бѣжали небольшіе ручьи, прерывали кое-гдѣ обрывистые берега. Въ одномъ мѣстѣ, посреди Днѣстра выступили два островка, покрытые густыми ивами. Это былъ уютный и поэтический уголокъ, гдѣ мы и сдѣлали привалъ.

Въ Сороки мы пріѣхали часовъ въ 11 утра и остановились около старинной генуэзской крѣпости, стоявшей саженьхъ въ пятидесяти отъ воды. Это была простая цитадель съ высокими стѣнами, четырьмя круглыми башнями по угламъ и одной четырехугольной, въ которой были пробиты ворота. Быть можетъ, когда нибудь были кругомъ валы и рвы, но въ настоящее время все сгладилось, и кругомъ крѣпости устроились верфи для постройки галеръ.

За крѣпостью по крутымъ холмамъ живописно раскинулся городъ, потонувшій въ садахъ и виноградникахъ; это—лучшій уѣздный городъ Бессарабской области и любимое лѣтнее мѣстопробываніе кишиневцевъ, бѣгущихъ отъ лѣтней жары и пыли въ уютныя сорокскія дачки. Кое-гдѣ на окраинахъ города, на скатахъ холмовъ, сбѣгающихъ къ Днѣстру, красовались настоящія виллы, окруженныя виноградниками и садами, украшенными мостиками, бесѣдками и проч. Хорошіе дома, широкія улицы, магазины и церкви дѣлали благоприятное впечатлѣніе.

По своему основанію это одинъ изъ очень древнихъ городовъ. Во времена генуэзскаго владычества онъ носилъ названіе Ольхиюніи. Въ болѣе позднія времена его стали звать Сарака («сарака» по-молдавански значить бѣднякъ). Современное названіе Сороки упоминается въ малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ мѣсто одной изъ битвъ Хмельницкаго. Отсюда идутъ дороги въ Кишиневъ, Ямполь и нѣкоторыя значительныя мѣстечки, какъ Каменка и проч. Сороки ведутъ большую торговлю виномъ, фруктами и шерстью, сбывая эти продукты частью въ Кишиневъ, а большею частью черезъ Бендеры или Аккерманъ въ Одессу.

По своему обыкновенію мы недолго простояли около города и, покончивъ съ дѣлами, двинулись дальше. Ближайшей нашей цѣлью былъ монастырь около деревни Жабка, куда мы и прибыли безъ приключеній, если не считать сильнаго вѣтра, порядочно задержавшаго насъ.

Подѣвжая къ Жабкѣ, намъ пришлось проѣхать мимо большого мѣстечка Каменка съ громадными образцовыми виноградниками, принадлежавшими князю Витгенштейну. Въ его имѣніи, помимо построекъ для служащихъ и громадныхъ погребовъ, выстроенъ еще курзалъ съ первокласснымъ рестораномъ, гдѣ по вечерамъ гремитъ оркестръ. Сюда съѣзжаются больные лѣчиться виноградомъ, а

также богатые помѣщики и жители Кишинева, Сорокъ и Ямполья просто покутить и весело провести время.

Селеніе Жабка, куда мы стремились, находилось верстахъ въ четырехъ отъ Каменки и расположилось на вершинѣ горы, на уступахъ которой былъ выстроенъ монастырь.

Мы остановились у подножія горы, около небольшой хатки, гдѣ жилъ поромщикъ, и на слѣдующее утро, поручивъ послѣднему нашу лодку и сложивъ вещи въ его хату, съ красками и необходимыми принадлежностями, отправились въ монастырь, настоятель котораго еще наканунѣ разрѣшилъ намъ погостить тамъ нѣсколько дней.

День былъ солнечный и жаркій; дорога шла сначала по берегу Днѣстра по самому солнпеку, но, пройдя около версты, мы попали въ тѣнистый лѣсъ, гдѣ узкая дорожка прихотливо извивалась между зарослями орѣшника. Кое-гдѣ попадались дубы и вязы, которые были особенно хороши около самаго монастыря, расположившагося на большомъ уступѣ горы. Всѣ постройки выглядѣли солидно; все заново отдѣлано, отштукатурено и выбѣлено. Центръ занимала небольшая церковь, окруженная густыми акаціями, а кругомъ расположились прочія строенія: домъ игумена, домъ для братіи, трапезная и другая зимняя церковь, къ которой прилегали пустыя помѣщенія, гдѣ мы и основались. За домомъ игумена помѣщалась небольшая школа, а на задворкахъ прочія хозяйственные постройки: конюшни, сарай и т. д. Все имѣло домовитый и цвѣтущій видъ.

Когда мы пришли въ монастырь, то нигдѣ не встрѣтили ни души, такъ какъ въ это время—около двухъ часовъ дня, вся братія отдыхала. Только около четырехъ часовъ началось движеніе: стали показываться монахи, большею частью, древніе старики, забѣгали съ разными порученіями юркіе послушники въ бѣлыхъ и черныхъ подрясникахъ и мальчики—ученики монастырской школы.

Въ 5-ть часовъ насъ пригласили пить чай къ игумену; это былъ рослый и видный мужчина съ полусѣдыми волосами и бородой, въ сѣромъ подрясникѣ и съ золотыми очками на носу. Принялъ онъ насъ очень любезно и также любезно кормилъ и поилъ насъ въ теченіе тѣхъ пяти дней, которые мы пробыли въ монастырѣ.

Послѣ чая мы пошли осмотрѣть старый пещерный монастырь, находившійся значительно выше современныхъ построекъ. Узкая тропинка, вившаяся среди бурьяна и зарослей орѣшника, вывела насъ на другую тропинку, круто поднимающуюся вверхъ и кое-гдѣ переходившую въ лѣстницу, сложенную изъ мѣстнаго плитняка. Дорожка наконецъ вывела насъ на узкую площадку, шириной сажени двѣ и длиной шаговъ сорокъ. Направо стояла небольшая звонница изъ бревенъ съ двумя небольшими колоколами, здѣсь же

въ скалѣ высѣчь крестъ и видны остатки каменн. дѣлѣ отлично сохранились двѣ каменн., затѣмъ впадина въ скалѣ; дѣлѣ каменн. желѣзная дверь вела въ дѣлнную, узкую свѣтлую церковь съ тремя окнами, скудно пропускавшими свѣтъ. Все подновлено и отштукатурено и потому дѣлшею своеобразнаго архаическаго настроенія, которое охватываетъ туриста при осмотрѣ многолѣтнихъ остатковъ человѣческихъ жилищъ. Въ этой пещерной церкви и дѣлтъ иногда служба, но рѣдко, такъ какъ нѣкоторые монахи такъ стары и слабы, что имъ не подѣ силу вѣзбратъ по крутой тропинкѣ.

Съ площадки открывался обширный видъ, залитый въ ту минуту лучами заходящаго солнца. Блестящей полосой рисовался Днѣстръ, дѣлавшій крутые повороты среди волгистыхъ холмовъ, бесперенныхъ глубокими ярами и прогнанами; вѣлво въ желтоватыхъ отблескахъ топули Каменка и деревня Сенатовка, а направо въ сиреневыхъ, почти сумеречныхъ тонахъ, рисовались большія села Подоймица, Подойма и небольшая деревушка Коты.

Внизу подѣ нашими ногами, какъ на планѣ, раскинулся монастырь со своими постройками, съ огородами, садомъ и довольно большимъ виноградникомъ. Долго мы сидѣли и мечтали передѣ этой картиной; тишина была невозмутимая, и красное солнце торжественно опускалось за горизонтъ; длинная тѣнь ложилась на монастырь, гдѣ замелькали огоньки.

Въ церкви шла служба; скромно украшенные стѣны, нѣсколько лампадъ и свѣчей дѣлали уютное впечатлѣнне и давали молитвенное настроенне. Собралось почти все населенне монастыря. Это населенне впрочемъ не велико: съ послушниками челоѣкъ 25-тъ; челоѣкъ 15-тъ мальчугановъ-учениковъ подѣ надзоромъ школьнаго учителя стояли парами съ правой стороны, нѣсколько старичковъ и старухъ толпилось у входа.

Во время службъ въ Жабкинскомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ бессарабскихъ монастыряхъ, иногда вмѣсто звона колоколовъ употребляютъ деревянное било. Это слегка изогнутая доска, которую держать по серединѣ и бьютъ деревяннымъ молоткомъ то по краямъ, то ближе къ серединѣ, отчего получается нѣкоторая послѣдовательность звуковъ. Эти била—остатки древней старины. Во времена владычества католицизма всесильные ксендзы, притѣснявшіе всѣми способами православные храмы, не позволяли употреблять колоколовъ, и православные священники замѣняли ихъ билами тѣмъ болѣе, что послѣднія ведутъ свое происхождение изъ самой глубокой старины, быть можетъ, съ того времени, когда дикое челоѣчество не знало металловъ и пользовалось въ случаѣ тревоги подобными деревянными инструментами.

Въ настоящее время это сохраняется по обычаю.

Жабкинскій монастырь въ прежнія времена, какъ и другіе монастыри, былъ многолюднѣе. Туда шли вдовы священники, за-

питатные, уволенные и прочія лица духовнаго званія, которыя были плохо обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, но въ наше время такихъ безпріютныхъ людей очень мало: большинство находитъ себѣ хоть какія нибудь занятія, и потому количество лицъ, ищущихъ пріюта по монастырямъ, значительно сократилось.

Черезъ два дня послѣ нашего прибытія были два праздника, и въ монастырь сошлось и съѣхалось человѣкъ 80-ть молдаванъ и молдаванокъ изъ окрестныхъ селъ. Большинство пріѣхало на телегахъ, запряженныхъ лѣнновыми волами. По костюмамъ и типамъ эти молдаване ничего интереснаго не представляли: лица расплывчатая, безъ характерныхъ особенностей; костюмы также были мало интересны: на бабахъ были головныя повязки и вышитыя рубашки, а на мужикахъ простыя бѣлыя рубахи, такія же шаровары и общемалороссійскіе суконные кожухи; молодые же парни щеголяли въ жилеткахъ и «при часахъ». Знатоки и любители Бессарабіи горючатъ, что типичные костюмы, типы и обычаи можно встрѣтить лишь въ глухихъ уголкахъ, не тронутыхъ почти цивилизаціей, а такихъ уголковъ въ Бессарабіи уже немного. Вездѣ же, гдѣ вліяніе городовъ коснулось населенія, послѣднее быстро оставило свое «дѣдовское», и его идеаломъ сталъ городской мѣщанскій шикъ.

Мы съ Владимирою Николаевичемъ не особенно обрадовались наплыву богомольцевъ, такъ какъ они сильно мѣшали работать, собираясь толпой вокругъ насъ и смотря съ дикимъ любопытствомъ на палитры, кисти и этюды. Въ этомъ отношеніи здѣшніе туземцы сильно отличаются отъ кавказскихъ туземцевъ, которые понимаютъ дѣло, интересуются, вступаютъ въ разговоръ, описывая красивыя мѣста или совѣтуя осмотрѣть тѣ или другія фрески ближайшей церкви. Быть можетъ, именно оттого, что на Кавказѣ нѣтъ ни одной самой маленькой церкви, гдѣ не было бы хоть одной фрески, народъ ближе знакомъ съ процессомъ живописи и болѣе интересуется ею. Въ Бессарабіи же въ монастыряхъ старыхъ и новыхъ имѣются только бѣлыя стѣны да кое-гдѣ развѣшаны образа рыночной работы, а чаще всего плохія хромофотографіи.

Написавъ все-таки нѣсколько этюдовъ и поднеся общій видъ монастыря, написанный нами совмѣстно, игумену, мы стали собираться въ путь. Мы рѣшили далѣе ѣхать на пароходѣ, такъ какъ мнѣ необходимо было скорѣе вернуться въ Петербургъ. Нашу лодку купилъ у насъ настоятель за 12-ть рублей, и въ одинъ прекрасный, въ буквальномъ смыслѣ слова, день мы простились съ гостепріимнымъ монастыремъ и тѣмъ же путемъ, черезъ лѣсъ, отправились къ поромщику, гдѣ были сложены вещи, и у котораго хранилась лодка.

День былъ очень жаркій, но дѣлать было нечего, и мы дѣятельно принялись за работу: надо было снять палатку, парусъ, разсортировать вещи, что мы и сдѣлали часа въ полтора. Въ воз-

награжденіе поромщику и молдаванину, таскавшему наши вещи въ монастырь, мы раздѣлили между ними хозяйственные принадлежности и оставшіеся припасы, чѣмъ они остались очень довольны, но чуть не перессорились изъ-за одной большой зеленой бутылки.

Мы стали ждать парохода; ждать пришлось около двухъ часовъ, и мы изнывали въ тоскѣ. Но вотъ, наконецъ, изъ-за поворота Днѣстра, выкидывая клубы дыма и вспѣнивая колесами волны, показался пароходъ «Кишиневъ». Въ одну минуту чемоданы были брошены въ лодку, мы вскочили вслѣдъ за ними, провожавшіе насъ молдаване сѣли на весла, и мы вышли на середину Днѣстра.

На оклики и маханіе шляпами отвѣтили съ парохода, онъ задержалъ ходъ, остановился, и, минуто спустя, мы были уже на палубѣ со своими вещами, а наша лодка съ гребцами повернула обратно къ берегу и скоро скрылась въ отдаленіи.

Пароходъ оказался довольно большимъ, но и довольно грязнымъ. Пообѣдая мы вышли на верхнюю площадку и стали любоваться пробѣгавшими мимо насъ берегами. Любоваться, впрочемъ, особенно было нечѣмъ; лучшія, красивѣйшія мѣста мы проѣхали на лодкѣ, и теперь передъ нами развертывались болѣе скромныя картины: берега стали ниже, скалы менѣе характерны, но все-таки кое-гдѣ попадались уютныя, симпатичныя уголки.

Часа въ четыре навстрѣчу намъ попался пароходъ «Пионеръ», бойко бившій по водѣ лопастями своихъ колесъ и преодолевавшій сильное теченіе, несмотря на то, что былъ биткомъ набитъ пассажирами.

X.

Въ два часа ночи пароходъ подошелъ къ пристани Вадлуй-воды. Нѣсколько закоптѣлыхъ фонарей уныло мигали на берегу, окрестность топула въ полномъ мракѣ. Съ парохода вмѣстѣ съ нами сошло много публики, направившейся, какъ и мы, въ Кишиневъ, до котораго отсюда только 17 верстъ.

Здѣсь у насъ вышло довольно непріятное приключеніе: дѣло въ томъ, что для полученія экипажа надо было взять на пароходѣ же какіе-то билеты, чего мы по неопытности не сдѣлали, и въ результатѣ, несмотря на отчаянную ругань товарища, а отчасти благодаря именно ей, мы съ нимъ остались, какъ раки на мели. Вся публика уѣхала, фонари были потушены, кромѣ одного на берегу, около лѣстницы, спускавшейся къ водѣ; пароходъ посвистѣлъ и тоже ушелъ.

Кругомъ ни звука, ни души; ночь была темная и непроглядная, хотя звѣзды горѣли и переливались, какъ огоньки. Въ какую сторону я ни смотрѣлъ, нигдѣ не было и признаковъ человѣческаго жилья. Перспектива просидѣть до разсвѣта на собственныхъ

вещахъ на пустынномъ берегу заставляла насъ и злиться и смѣяться.

Минуть двадцать ми уже сидѣли въ печальномъ раздумьѣ, но вотъ изъ темноты вынырнула фигура какого-то парня, объявившаго намъ, что по близости есть почтовая станція. Обрадовавшись сообщенію, мы забрали вещи и подъ предводительствомъ парня отправились въ путь. Дѣйствительно шагахъ въ трехстахъ стояло длинное одноэтажное зданіе съ широкимъ балкономъ. Станція спала мертвымъ сномъ, и нечего было и думать добудиться когонибудь и добыть лошадей, но тотъ же парень взялся достать намъ подводу и лошадей изъ ближайшей деревни Вадлуй-воды, до которой было версты полторы.

Мы посулили ему хорошую плату и награду, если онъ скоро оборудуетъ это дѣло, и растянулись въ ожиданіи лошадей на широкихъ скамьяхъ, стоявшихъ на балконѣ станціи. Ждать намъ пришлось больше часа, и наконецъ мы дождались своего. Нашъ парень пріѣхалъ на четырехколесной таратайкѣ, въ которой, въ видѣ сидѣнья, было навалено сѣно. Мы съ комфортомъ устроились со всѣми вещами, и двѣ бойкія лошадки бодро потащили насъ къ деревнѣ, затѣмъ по утомительному подъему на гору и вывезли наконецъ на хорошую ровную дорогу, кое-гдѣ лишь опускавшуюся въ овраги и снова выбравшуюся на противоположную сторону.

Начало свѣтать. Звѣзды поблѣднѣли; Большая Медвѣдица почти совсѣмъ перевернулась, а на востокѣ стали все ярче и ярче выступать розовые отблески. Воздухъ былъ дивный и бодрящій, но насъ все-таки клонило ко сну тѣмъ болѣе, что у таратайки не было спинки, а сидѣть вытянувшись было тяжело. Часовъ въ шесть солнце свѣтило уже во всю, и дорога оживилась: ѣхали съ телѣгами въ поля молдаване; евреи на легкихъ бричкахъ трусили по своимъ дѣламъ; тяжело ступая, двигались волы, таща нагруженные кулями, дровами и разными припасами возы. Чувствовалась близость большого города, который наконецъ открылся, какъ на ладони, съ одной горы.

Раскинулся Кишиневъ очень широко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тѣсно: центръ города съ хорошими домами дѣлился на кварталы довольно узкими улицами и давалъ впечатлѣнія тѣсноты, его же пригороды привольно развернулись со своими садами и огородами, зеленѣвшими крупными планами. Кругомъ городъ окаймленъ пологими холмами и расположился какъ бы въ широкой, неглубокой долинѣ.

Скоро наша таратайка въѣхала во дворъ одной изъ многочисленныхъ гостиницъ, и мы, напившись чая, заснули мертвымъ сномъ.

Описывать Кишиневъ подробно я не буду. Любопытный читатель найдетъ описаніе его въ любомъ словарѣ. На меня лично онъ

произвелъ хорошее впечатлѣніе своими постройками, скверомъ, соборомъ, памятникомъ Пушкину, прожившему здѣсь, какъ извѣстно, три года; но зато отвратительное впечатлѣніе произвела на меня отчаянная жара.

Термометръ въ тѣни показывалъ до 30°, и дышать положительно было нечѣмъ. Къ этому прибавилось еще нездоровье, и я рѣшилъ поскорѣе убираться отсюда. Владимиръ Николаевичъ чувствовалъ себя тоже очень скверно; онъ простудился еще въ дорогѣ и, кажется, захватилъ дѣтскую лихорадку.

Въ результатѣ я собрался ѣхать, а онъ переѣхалъ къ своимъ родственникамъ, жившимъ въ Кишиневѣ. И вотъ снова я въ вагонѣ, но уже не третьяго, а второго класса, мягко покачивавшагося на рессорахъ. Опять передъ окнами замелькали знакомыя картины: кукурузныя поля, деревушки и городки. Мелькнулъ уфадный городъ Бендеры, извѣстный остатками генуэзскихъ и турецкихъ укрѣпленій, а также геройски-шутовской исторіей, которую выкинулъ здѣсь Карлъ XII послѣ бѣгства изъ-подъ Полтавы. Это—исторія о томъ, какъ вѣжливыя турки, давшіе пріютъ шведскому герою, старались выпроводить его самымъ вѣжливымъ способомъ, и какъ это имъ не удавалось. Впрочемъ, эта исторія къ путевымъ наброскамъ не относится, и нечего распространяться о ней.

Черезъ два дня, безъ всякихъ приключеній добрался я наконецъ до нашего дымнаго и сѣраго Петербурга, гдѣ могъ передохнуть послѣ этого интереснаго путешествія, оставившаго много живыхъ и хорошихъ воспоминаній.

Д. А. Пахомовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

В ЛОВОЮ ДНЯ у насъ, какъ и за границею, является война на Дальнемъ Востокѣ и связанная съ нею событія. Этому предмету посвящаются многочисленныя книги и брошюры и даже три повременныхъ изданія (англійскія и французское), посвященныя обзорѣнію лѣтописи войны. Несмотря на обиліе сочиненій, внутреннее содержаніе ихъ, къ сожалѣнію, оставляетъ слишкомъ много желать. Легковѣсность сочиненій объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что русскими повременными источниками за границею пользуются очень мало и за исключеніемъ официальныхъ правительственныхъ депешъ и краткаго пересказа важнѣйшихъ передовыхъ статей газетъ игнорируются и телеграфныя сообщенія и письма нашихъ военныхъ корреспондентовъ (единственное исключеніе дѣлается для В. И. Немировича-Данченка); изъ иностранныхъ же источниковъ преобладающимъ вѣсомъ пользуются сообщенія агентства Рейтера. Направляемая съ Востока по англійскимъ кабелиямъ въ Лондонъ всѣ вѣсти съ войны получаютъ ту окраску, которая наиболѣе можетъ угодить симпатіямъ большой англійской публики, и въ этомъ обличіи сообщенія эти обходятъ столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ. Что касается сообщеній «собственныхъ корреспондентовъ», то за исключеніемъ трехъ, четырехъ именъ (Беннета Барлея, полковника Гедке, Петти и др.) военные корреспонденты, обрѣтающіеся на Дальнемъ Востокѣ, преподносятъ своимъ читателямъ такія общія свѣдѣнія, которыя легко можно

было бы почерпнуть изъ справочниковъ и разныхъ путешествій, даже не сопутствуя воюющимъ арміямъ. Иначе поставлена японофильствующая печать. При участіи досужихъ японскихъ дипломатовъ и финансистовъ, посольскихъ сообщений и добровольныхъ стараній, о Японіи и ея великихъ дѣяніяхъ трубятъ на всю Европу, и общественное мнѣніе настолько извращается, что рѣдкіе голоса журналистовъ, рѣшающіеся назвать вещи истинными именами и оцѣнить ихъ по достоинству, либо замалчиваются, либо, не отвѣчая запросу, исчезаютъ со столбцовъ повременныхъ изданій. Такъ, на примѣръ, крайне интересныя корреспонденціи Гельса, печатавшіяся за первую половину года въ «Daily News»'ѣ, очевидно пришили теперь въ Англии не ко двору, и послѣ рѣзкихъ отвѣдовъ и писемъ, вызванныхъ несочувственными отзывами Гельса о Японіи и предостереженіями противъ желтой опасности, журналисты этотъ совѣтъ замолокъ.

Составленіе по такимъ скуднымъ и одностороннимъ матеріаламъ цѣлыхъ книгъ, разумѣется, должно дурно отзываться и на самомъ ихъ качествѣ. Поэтому, несмотря на обиліе книгъ о войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, обозрѣвателю въ сущности мало надъ чѣмъ приходится и останавливаться.

Пріятное въ этомъ отношеніи исключеніе составляютъ два сочиненія, обозрѣнію которыхъ мы и посвятимъ настоящую статью.

Прежде всего мы остановимся на интересно скомпанованной книгѣ Верара (*La revolte de l'Asie*. Paris, ed. A. Colin. 1904); въ ней онъ разсматриваетъ взаимодѣйствіе между азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ, характеризуетъ возвышеніе Японіи и ея отношенія къ Европѣ, распространяется о расширеніи Россіи въ направленіи къ Востоку и сообщаетъ любопытныя данныя о той роли, какую сыграла Англія въ обостреніи отношеній между Японіею и Россіею, завершившемся военнымъ столкновеніемъ единственно къ выгодѣ англійскихъ капиталистовъ и политическихъ британскихъ интересовъ.

Какъ ни презрительно отношеніе Европы къ Азін и всему азіатскому,—говоритъ Вераръ,—мы, тѣмъ не менѣе, принуждены считаться съ Востокомъ. Кто же не знаетъ, что задолго до народненія европейской гражданственности Азія знавала могущественныя цивилизаціи: Китай былъ уже тѣмъ, что онъ есть и теперь, въ то время, Галлія Цезаря представляла лѣса, прорѣзанныя болотистыми рѣками, заселенные охотниками и пастухами; тогдашнее населеніе Франціи не знало ни промышленности, ни письменности и воспринимало только слабыя зачатки цивилизаціи отъ фокейской Марсели. Какъ ни была отлична отъ нашей азіатская общественность, ея мышленіе, религіозное и умственное, ея знаніе, словесность и весь укладъ жизни, мы не можемъ ихъ игнорировать. Пусть все это уложилось въ рамки, намъ чуждія; пусть въ

области мирнаго и военнаго преуспѣянія мы теперь и превзошли азіатовъ, но было вѣдь и такое время, когда Востокъ диктовалъ намъ свои законы, и порою даже теперь у европейцевъ пробуждается опасеніе, не возьметъ ли Азія опять верхъ надъ Европою (стр. 10—11).

Одряхлѣніе Азіи въ сущности — только риторическая фигура. Развѣ въ дѣйствительности Халдея, Индія и Китай въ теченіе длинныхъ вѣковъ ихъ государственности сохраняли одно и то же населеніе? Развѣ Азія не становилась добычей цѣлаго ряда все новыхъ завоевателей? Безъ перерыва, изъ поколѣнія въ поколѣніе, на Азію наливались новые поселенники и завоеватели, и ея старость чуть ли не каждое столѣтіе омолажалась притокомъ свѣжихъ силъ.

Въ Халдею притокъ свѣжей арійской семитической и туранской крови внесли эламиты, мидійцы, скифы, персы, греки, римляне, арабы и турки; на Индію вѣками наливались многочисленные орды арійцевъ, грековъ и персовъ, арабовъ, тюрковъ, монголовъ, тибетцевъ и малайцевъ. Наконецъ въ Китай—это кипучее горнило разнообразнѣйшихъ народовъ, издревле притекали съ сѣвера турки, монголы, тунгузы и маньчжуры, которые таяли и претворялись въ однородную массу (стр. 13—14).

Такимъ образомъ «дряхлость» Азіи и «юность» Европы представляютъ собою лишь образныя выраженія, рисующія видимый, поверхностный результатъ тѣхъ таинственныхъ стихійныхъ силъ, которыя поддерживаютъ между обоими мірами непреходящій контрастъ и антагонизмъ.

Стихійныя силы эти сказываются въ Европѣ, какъ и въ Азіи—вѣдь вѣковѣчное обновленіе цивилизаціи новыми народностями представляетъ собою не иное что, какъ преобразование пришлецовъ, подъ вліяніемъ всего прошлаго—каждая волна новыхъ племенъ влечетъ за собою исчезновеніе предшествующихъ расъ; скрещиваніемъ съ новыми насельниками онѣ образуютъ сложныя племенные помѣси, въ свою очередь непреложно подчиняющіяся вліянію азіатства и европеизма.

Хотя Азія порою пыталась заполнить Европу своими нашествіями и воззрѣніями, тѣмъ не менѣ Европа сумѣла отстоять свою самобытность.

Несмотря на продолжительность попытокъ, персы, арабы, гунны, и турки не смогли создать въ Европѣ прочныхъ государствъ по азіатскому образцу, и Европа не только отстанвала себя отъ чуждаго ей строя общественности, но постепенно и совсѣмъ сметала съ лица своей земли чуждыя ей по духу инородческія построенія (стр. 14).

Какъ съ племенами и народностями, такъ Европа справилась и съ тѣми міровоззрѣніями и вѣрованіями, какія Азія, добромъ или насиліемъ, пыталась ей навязать.

Библейскій завѣтъ: «въ потѣ лица будешь ты снискивать хлѣбъ», сдѣлался для Европы руководящимъ началомъ жизни, и необходимость труда и усилій сдѣлалась красугольнымъ камнемъ всей европейской жизни. Въ этомъ отношеніи вся Европа прониклась христіанскимъ духомъ, но завѣты божества не препятствуютъ сынамъ человѣческимъ направлять свои дѣйствія и труды къ вѣщшему процвѣтанію чувства человѣческаго достоинства.

Наоборотъ вся Азія постепенно подпадаетъ духу буддизма, потому что и фатализмъ мусульманъ, восторженность брамановъ, позитивизмъ конфуціанцевъ и мистицизмъ японскихъ поклонниковъ Таота заключаютъ въ себѣ немало сходственнаго съ буддѣйскимъ отреченіемъ отъ жизни (стр. 21).

Въ силу географической обстановки, умѣренности климата и отсутствія грозныхъ стихійныхъ переворотовъ въ европейской природѣ весь бытовой укладъ европейца способствовалъ къ воспріятію и развитію благъ цивилизаціи. Если провести черту отъ Босфора къ конечной точкѣ Шотландіи, то окажется, что всѣ племена и народности, обитающія по лѣвую сторону этой черты, отъ радикальной Англій до сократической Греціи, постепенно являлись очагами плодотворной дѣятельности въ интересахъ цивилизаціи.

Направо отъ помянутой мысленной линіи лежитъ сѣверовосточная Европа съ безграничными равнинами, могучими рѣками и суровымъ климатомъ. Въ теченіе восемнадцати вѣковъ усилія Европы направлялись къ медленному завоеванію и ассимилированію сѣверовостока; медленно, но неотразимо европейская культурность проникала все дальше: съ долинъ Рейна, съ равнины Эльбы, а затѣмъ и Одера, отъ Альповъ она направилась къ Дунаю и Карпатамъ, создала пограничныя маршіи въ Бранденбургъ и Австрію и съ сѣвера, центра и юга излилась на необозримыя равнины Русскаго царства (стр. 22, 26, 27).

Азіатская громада, состоящая изъ чудовищныхъ плоскогорій, безконечно длинныхъ могучихъ рѣчныхъ потоковъ, съ сибирскими зимами, аравійскими жарами, бенгальскими проливными, наводненіями, вулканическими изверженіями, чумою, холерою и голодовками, дѣлаетъ смѣшными западноевропейскія разсужденія о властвованіи человѣка надъ природою.

По азіатскимъ воззрѣніямъ человѣкъ является ничтожною былинкою, игралищемъ случайнаго сдѣленія случайностей и стихій; властное могущество природы поработаетъ всѣмъ человѣческимъ усиліямъ и починъ, благопріятствующее чудо или столь же незаслуженная катастрофа являются повседневнымъ для человѣка удѣломъ; поэтому каждый успокаивается на положеніи, въ какое его поставило кастовое происхожденіе или инныя случайности, и съ покорностью, составляющею завѣтъ житейской мудрости предковъ, терпѣливо ожидаетъ отъ каприза рока, чтобы природа излила на него свои

милости или гнѣвъ и вознесла его на недосигаемую высоту, либо опрокинула, смела и уничтожила.

Богатства и величіе плодородной Азіи издавна рисовались Европѣ чѣмъ-то волшебнымъ. Направляя въ эти таинственныя страны предприимчивыхъ торговцевъ и дальновидныхъ развѣдчиковъ, Европа вѣками пыталась установить и оживить товарный обмѣнъ съ Востокомъ, и ея обороты тѣмъ болѣе расширяются, чѣмъ крупнѣе становятся успѣхи мореходства. Азія постепенно, все рѣшительнѣе, осаждается, подчиняется и связывается по рукамъ и ногамъ Европою. Индія становится достояніемъ англичанъ, Индо-Китай завоевывается французами, а позднѣе, когда Европа убѣждается въ слабости и беззащитности Китая, на Поднебесную имперію набрасываются уже всѣ: англичане и французы, нѣмцы и американцы, итальянцы и бельгійцы; подбираясь къ облюбованнымъ портамъ и провинціямъ, они выкраиваютъ себѣ болѣе или менѣе лакомые куски, подъ предлогомъ обезпеченія каждому въ ущербъ соперниковъ собственной «сферы вліянія». Въ то время, какъ хищническіе набѣги и прониканія на Востокъ предпринимались западно-европейцами со стороны восточнаго приморскаго побережья Китая, Московское царство, въ силу татарскаго нашествія и ради подавленія наступленія со стороны кочевниковъ, волнами набѣгавшихъ по восточной окраинѣ, роковымъ образомъ обречено было сначала при помощи казаковъ, а затѣмъ и регулярныхъ войскъ, проникать все дальше въ глубь Азіи (стр. 40, 44, 45, 46).

Преклоняясь предъ осторожностью и дальновидностью русской политики на Востокъ, Бераръ подчеркиваетъ:

«Мудрая и терпѣливая въ своихъ начинаніяхъ, Россія неохотно пускается въ крупныя военныя предпріятія; въ Малую Азію, Иранъ и Китай Россія старается открыть себѣ доступъ не пушечными выстрѣлами, но возлагаетъ вѣру на болѣе современные и надежныя приемы, каковы дипломатическія воздѣйствія, обзаведеніе промышленными и торговыми предпріятіями, оборудованіе банковъ и займовъ» и пр. и пр. (стр. 138).

Благодаря этому, Россіи совершенно мирнымъ путемъ удавалось на Востокъ осуществлять то, чего Западная Европа добивалась, пускаясь въ сложныя и жестокія экспедиціи во вкусѣ норманскихъ берсеркировъ.

Двадцатый вѣкъ, повидимому, обѣщалъ окончательно закрѣпить за Европою господство надъ земнымъ шаромъ и повсемѣстно распространить властвованіе культурнаго человѣка надъ природою и разума надъ стихійными силами и инстинктомъ, но тутъ противъ Европы довольно неожиданно выступаетъ со своими претензіями Японія.

Вслѣдствіе того, что Японія прицѣплена къ флангу Азіатскаго материка, какъ Великобританскій архипелагъ расположился на

краю материка европейскаго, насъ увѣряютъ, будто страна Восходящаго Солнца должна на Дальнемъ Востокѣ разыграть роль европейской владычицы морей. Японія, будто бы, призвана сдѣлаться носительницею всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ завѣтовъ и должна выступить въ качествѣ преобразователя, обновителя послѣдняго слова гражданственности, либерализма и парламентаризма, среди желтолицыхъ своихъ сородичей. Проведеніе аналогіи между европейскимъ и азіатскимъ островными государствами сдѣлалось совершенно банальнымъ, благодаря тому, что объ этомъ на всѣ лады твердятъ сами японцы, японофилы и англійская печать, старающаяся въ этой аналогіи прінскать извиненіе и оправданіе для англо-японскаго сближенія.

На самомъ же дѣлѣ внимательному наблюдателю вещи представляются въ иномъ свѣтѣ. Великобританія принадлежитъ всецѣло къ странамъ европейскимъ. Греція на южной оконечности и Великобританія на сѣверной оказались тѣми окраинами Западной Европы, въ предѣлахъ которыхъ природа и климатъ подвержены сравнительно ничтожнымъ колебаніямъ, умѣряемымъ трудолюбивыми усиліями человѣчества.

Наоборотъ Японія является типичною представительницею двойственности азіатской природы: по географическимъ широтамъ, въ которыхъ расположенъ архипелагъ, по климатическимъ условіямъ, по свойствамъ фауны и флоры, по особенностямъ племенного, религіознаго, культурнаго и художественнаго развитія, Японія восприняла отъ Азіи столько же плодотворныхъ, какъ и чудовищныхъ чертъ, и это смѣшеніе воплотила въ національныхъ своихъ особенностяхъ.

Пресловутая эпоха возрожденія, съ 1868 по 1883 г., въ теченіе которыхъ Японія приглядывалась къ европейской культурѣ, почтиительно заимствуя отъ насъ способы и изощренія по части военной, промышленной и торговой, умилила Европу, аттестовавшую переимчивость и рвеніе новаго ученика съ наилучшей стороны, но болѣе вдумчивые наблюдатели предсказывали и предвидѣли, что позаимствованія японцами дѣлаются въ цѣляхъ національныхъ, узко японскихъ. Перенимая у Европы то, что могло вооружить Японію для обороны и нападенія въ области военной, морской, промышленной и торговой, Японія вмѣстѣ съ тѣмъ останется равнодушной и отвергнетъ тѣ высшія нравственныя блага, приобщеніе къ которымъ только и могло бы ее преобразить въ дѣйствительно культурную націю.

Первою заботою японцевъ въ 1868 г. было возстановить шинтоистскую религію, которая связываетъ японскій народъ съ вѣчными небесными и земными божествами и духами чрезъ вѣчное и непреложное посредство потомка божественной Амагерасу, т.-е. Микадо, повиноваться которому составляетъ непреложный долгъ

каждаго подданнаго, имѣющаго и жить и умирать только для Микадо.

Въ то время какъ Микадо царствуетъ, феодальные японскіе кланы, пресображенные на европейскій манеръ, борются изъ-за шогуната, облекшагося въ формы министерской власти и показнаго парламентаризма. За этой театральной декорациею скрывается полнѣйшее презрѣніе къ общественнымъ преобразованіямъ, благоденствію и обезпеченію средствъ и способовъ къ существованію народной массы.

Ужасы безпощаднаго промышленнаго феодализма превращаютъ въ каторгу и лобное мѣсто японскія фабрики и заводы, гдѣ безчеловѣчный трудъ, не зная снисхожденія ни для женщинъ, ни для дѣтей, съ полнымъ равнодушіемъ приковываетъ къ станкамъ и машинамъ все рабочее населеніе страны единственно на тотъ конецъ, чтобы, состязаясь съ Европою, обогащать вновь объявившихся даймю, въ лицѣ капиталистовъ и банкировъ, а цвѣтущую мужскую молодежь Японія водворяетъ въ казармы и на панцирныхъ суда, чтобы заручиться возможностью воевать противъ Европы на сушѣ и на морѣ. Нисколько не заботясь о развитіи истинныхъ научныхъ дарованій и способовъ, японцы искали изобрѣсти не свое пониманіе, но память, заботились не о развитіи аналитическихъ, но подражательныхъ способностей, и старались пробудить въ себѣ не творческіе, но подражательные таланты.

Отказавшись отъ воспріятія нашего алфавита, который бы имъ открылъ удобный способъ для достиженія истиннаго механизма европейской мысли, японцы продолжаютъ напрягать память для изученія сложныхъ и условныхъ знаковъ китайско-японской письменности, и эти навыки первоначальнаго обученія роковымъ образомъ приучаютъ японцевъ заучивать на память, узнавать, повторять подходящія примѣрчики, но не воссоздавать прочное знаніе самостоятельнымъ мышленіемъ. Поэтому изъ всей европейской науки японцы восприняли только видимые осязательные результаты и практически полезныя ихъ приложенія; преслѣдуя единственно практическую пользу и выгоду, японцы остаются совершенно равнодушными къ отвлеченностямъ и заданіямъ чистой науки.

Обплифовавшись на европейскій ладъ, японцы приняли за руководство совершенно разумное начало: «Японія—только для японцевъ», и посмѣшили распроститься со своими наставниками; они принялись за устройство собственными силами арміи, флота, промышленности и правовой самостоятельности, въ смыслѣ подчиненія иностранцевъ юрисдикціи японскихъ судовъ.

Почувствовавъ твердую почву подъ ногами, Японія, которая въ теченіе своего историческаго прошлаго жила набѣгами и вооруженными разбоями, и теперь экономическую самостоятельность не стремилась обосновать развитіемъ производительныхъ силъ соб-

ственной страны. Японія уже въ 80-хъ годахъ XIX вѣка стала жаловаться на отсутствіе на родныхъ островахъ плодородныхъ земель для прокорма населенія, на отсутствіе рынковъ для помѣщенія издѣлій своей промышленности и на стѣсненіе торговли внутренними только оборотами — этими соображеніями Японія искала оправдать свою жадность и стремленія, въ цѣляхъ эксплуатированія иноземцевъ, къ захватамъ материковыхъ территорій (стр. 49—51, 99, 101—106).

Но предпринятое въ 1894 г. Японіею вторженіе въ издревле облюбованную Корею и попытка нарушить неприкосновенность Китая встрѣтили отпоръ главнымъ образомъ со стороны Россіи, поддержанной Франціею и Германіею. Поэтому въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія (1895—1904) Японія прилагаетъ всемѣрныя старанія, чтобы приготовить нападеніе на Россію, въ содѣствѣ которой еще въ XVIII вѣкѣ Сехей Гаяши и Фуджита провидѣли національную опасность. Не сознавая себя, несмотря на все самообольщеніе, достаточно сильной для борьбы съ Россіею одинъ на одинъ, Японія начинаетъ заигрывать съ Китаемъ, навязывая ему свои услуги для преобразованія военныхъ силъ, промышленности и торговли Серединнаго царства, по всей Азій шныряютъ японскіе развѣдчики и соглядатаи для выясненія того, насколько Сіамъ, Индія, Туркестанъ, Персія и Турція примирились со своею участію и европейскимъ гнетомъ, и не наступила ли пора провозгласить принципъ «Азія для азіатовъ», подъ которымъ японцы скрываютъ истинный свой замыселъ прибрать къ рукамъ весь Азіатскій материкъ.

Впрочемъ, едва ли бы паназіатскія мечтанія подвигли японцевъ преждевременно на борьбу съ Россіей, если бы англо-японскій союзъ и американская дружба не укрѣпили Японію въ увѣренности, что ей обеспечивается дѣятельное сочувствіе англо-американскаго міра.

Имѣя такихъ козырей въ своей игрѣ, японцы втихомолку дѣлаютъ всѣ нужныя приготовленія, при помощи «развѣдочной службы» дознаются подробно, сколь мало ожидаетъ Россія вызова и плохо еще подготовлена для войны на далекой восточной окраинѣ, и совершенно искусственно создаютъ предлогъ для столкновенія, а затѣмъ рядомъ внезапныхъ нападеній обеспечиваютъ себѣ успѣхъ въ кампаніи 1904 года (стр. 107—110).

Пресловутое объединеніе японскихъ интересовъ съ цѣлями, которыя преслѣдуетъ англо-саксонскій міръ, по существу болѣе чѣмъ сомнительно.

Что касается Японіи, то, увлекшись воинственными замыслами и приготовленіями, она задолго до начала японо-русской войны зарвалась въ конецъ. Оборудованіе промышленнаго и военнаго снаряженія значительно превышало наличныя средства страны; въ

отношеніи внутренней политики японскому правительству приходилось прибѣгать къ неимовернымъ усиліямъ, чтобы отвлечь общественное вниманіе отъ непреодолимыхъ затрудненій, которыя создавались парламентомъ; наконецъ, въ дѣлахъ внѣшней политики Японія ничѣмъ не брезгала, чтобы поддерживать свое самозванное положеніе мировой державы.

Что положеніе Японіи предъ войною было крайне шаткое, о томъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ англійскія «Diplomatic and Consular Reports» (донесенія консуловъ).

Отсутствіе звонкой наличности и чрезвычайные выпуски кредитныхъ билетовъ явились естественнымъ послѣдствіемъ японо-китайской войны, такъ какъ полученная военная контрибуція цѣликомъ была обращена на новыя вооруженія. Необходимость продолжать государственные расходы въ цѣляхъ производительныхъ и плачевнѣйшіе результаты, сказавшіеся для японской торговли въ 1900 и 1901 годахъ, настолько потрясли японскій кредитъ, что банкротства угрожали Японіи повсемѣстно. Деньги въ Японіи настолько вздорожали, что самыя солидныя фирмы за учетъ векселей платили не менѣе 9⁰/₀; никогда столь тяжело не ощущалась неотложная необходимость въ притокѣ иностранныхъ капиталовъ, какъ въ 1901 г., когда въ деньгахъ нуждались и общественныя и частныя предприятия для завершения затѣянныхъ начинаній; спасти Японію отъ финансоваго краха могло только заключеніе иностраннаго займа; но, несмотря на старанія маркиза Ито, въ ноябрѣ и декабрѣ 1901 г., склонить капиталистовъ континентальной Европы къ оказанію кредита Японіи, Ито вездѣ терпѣлъ неудачи (стр. 207—208). Такимъ образомъ единственная еще надежда оставалась на Англію, здѣсь же торговая политика предшествовавшихъ лѣтъ разыгралась такъ: въ 1881 году предъ «комиссіею объ упадкѣ англійской торговли» со стороны разныхъ отраслей промышленности были заявлены претензіи прямо противоположныя: группируясь около Манчестера, представители хлопчато-бумажной и каменно-угольной промышленности домогались открытія новыхъ рынковъ на Дальнемъ Востокѣ, ибо широкое распространеніе хлопчато-бумажныхъ фабрикатовъ среди 400—500 милліоннаго китайскаго населенія легко могло къ выгодѣ Англій возстановить европеиско-китайскій товарообмѣнъ, такъ какъ съ открытіемъ Суэцкаго канала онъ постепенно началъ направляться помимо Лондона непосредственно на Одессу, Геную и Марсель.

Въ свою очередь представители шеффилдской торговли отъ вовлеченія Китая въ политику открытыхъ дверей не провидѣли для себя ничего привлекательнаго, такъ какъ оживленіе оборота съ Китаемъ угрожало наводненіемъ Европы китайскимъ углемъ и издѣліями металлургической промышленности; съ другой стороны, обмѣнъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій на китайскіе чаи могъ только

парализировать развитіе отечественныхъ цейлонскихъ и остъ-индскихъ плантацій. Поэтому представители англійской желѣзо-дѣлательной промышленности добивались открытія такихъ заморскихъ рынковъ, гдѣ бы англійской промышленности былъ обезпеченъ сбытъ издѣлій внѣ конкуренціи. Для этого наиболѣе благодарное поле представляла Африка, такъ какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ южной Африкѣ и соединеніе сквознымъ путемъ Каира съ Капштатомъ обезпечивало бы на долгіе годы помѣщеніе англійскихъ издѣлій по части желѣзно-дорожнаго подвижного состава и принадлежностей.

Интересы шеффильдцевъ совпали съ ближайшими цѣлями имперіалистской политики Чемберлена, и разгорѣвшаяся съ южно-африканскими республиками война временно охладила англійскую политику къ событіямъ, разыгрывавшимся на Дальнемъ Востоку, тѣмъ болѣе, что состоявшееся 16-го октября 1900 года между Великобританіей и Германіей соглашеніе о поддержаніи въ Китаѣ политики открытыхъ дверей по неожиданному для Англійи заявленію германскаго канцлера оказалось не распространяющимся на Маньчжурію; такимъ образомъ, занятая войною съ бурами, Англія активныхъ шаговъ противъ расширенія русскаго владычества въ Маньчжуріи предпринимать не рѣшалась.

Поэтому предложенія маркиза Ито приплысь англичанамъ по сердцу, и уже 11-го февраля 1902 года Вальфуръ представилъ парламенту англо-японское соглашеніе (стр. 175, 178, 194).

Договоръ этотъ полностью и по сей часъ еще неизвѣстенъ, такъ какъ оглашена лишь политическая и дипломатическая его части.

Но во всякомъ случаѣ изъ смысла договора довольно опредѣленно вытекаетъ, что Японія на Дальнемъ Востоку съ оружіемъ въ рукахъ, на ряду съ собственными интересами, обѣщаетъ защищать интересы Англійи; всякій же наемникъ за свои услуги получаетъ плату, и, конечно, Японія использовала съ выгодой для себя все, что могла выговорить по части аванса, субсидій и займовъ, которыми Англія обязалась поддерживать своего союзника.

Побужденіемъ къ этому соглашенію явилось то злосчастное теченіе, которое ввело политику Великобританіи по почину Биконсфильда и Чемберлена въ русло имперіализма.

Съ другой стороны, имѣется полное основаніе предполагать, что науськиваніе Японіи на Россію шло и со стороны предприимчивыхъ американскихъ янки.

Устроивъ въ Ньюджуанѣ консульство, американцы не замедлили оцѣнить по достоинству богатство Маньчжуріи въ смыслѣ эксплуатаціи, тѣмъ болѣе, что англійскій дипломатъ Броунъ въ опубликованной въ 1899 году Синей Книгѣ далъ подробный обзоръ потребностей маньчжурскаго рынка, а такъ какъ Великобританіи, напрягавшейся въ Бурской войнѣ, было не до того, чтобы исполь-

зовать указанія Броуна, то американцы поспѣшили приступить къ попыткамъ мирнаго завоеванія Маньчжуріи.

Разростаніе русскаго вліянія въ Маньчжуріи, однако же, встало поперекъ всѣмъ американскимъ планамъ.

Изученіе маньчжурскихъ рынковъ, гласитъ «Board of trade Journal» за 1904 годъ, показываетъ, что отъ русской оккупациі ничего хорошаго нельзя ожидать въ смыслѣ развитія иноземной торговли. Русско-Китайскій банкъ повсюду озабоченъ только развитіемъ продажи русскихъ товаровъ, а желѣзнодорожное управленіе оказываетъ содѣйствіе только для открытія новыхъ русскихъ рынковъ, оберегая лишь интересы русскіе и китайскіе.

Русскіе торговцы и лавочники, конечно, не могутъ конкурировать ни съ японцами ни съ китайцами.

Еще большіе недочеты ожидаютъ русскихъ негодіантовъ.

По крупнымъ оборотамъ съ мануфактурами тамъ, гдѣ имъ приходится считаться съ соперничествомъ англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ, русскіе государственные люди прекрасно это сознаютъ и для выщей поддержки соотечественниковъ стараются отгѣснить другія націи, предоставляя свободу дѣйствій однимъ русскимъ и оберегая ихъ отъ иноземнаго соперничества.

Американцы, какъ и англичане, прекрасно понимали, что настаивать на очищеніи Маньчжуріи отъ русскихъ войскъ и вліянія по справедливости можно было такъ же безнадежно, какъ отъ Англій— оставленія Египта или отъ Штатовъ— предоставленія Манильскимъ островамъ независимости.

Россія произвела слишкомъ много затратъ и положила слишкомъ много труда на улучшеніе, преобразование и поднятіе благосостоянія Маньчжуріи, и игнорировать русскіе интересы нельзя; слѣдовало добиваться одного—чтобы Россія открыла въ Маньчжурію доступъ инодержавной торговлѣ.

Вотъ этимъ-то англо-саксонскимъ интересамъ и должна была послужить Японія—пусть она для англичанъ и американцевъ вытянетъ каштаны изъ огня, а англо-саксонцы приберуть къ рукамъ торговлю на Дальнемъ Востокѣ, да кстати и ослабленную войною Японію свяжутъ всякими обязательствами, гарантіями и концессіями (стр. 325—329).

Наконецъ, третьимъ существеннымъ факторомъ, особенно сильно повліявшимъ на увлеченіе Японіи въ воинственные авантюры, явились неразборчивые англо-японскіе крупные предприниматели и капиталисты.

Японскіе парламентскіе дѣльцы, демагогическіе и націоналистическіе болтуны и спекуляторы давно уже мечтали прибрать къ рукамъ Корею, которая въ своихъ нѣдрахъ таитъ всевозможныя минеральныя богатства. По ихъ разсужденіямъ выходило даже такъ, что для культурныхъ японцевъ является священнымъ дол-

гомъ не оставлять этихъ естественныхъ источниковъ богатствъ въ невѣжественныхъ рукахъ корейцевъ, которыхъ слѣдуетъ освободить отъ безправственной и разорительной тираніи корейскихъ династій и чиновничества и приобщить ко благамъ японской цивилизаціи. Японія вѣдь теперь переживаетъ острѣйшій финансовый кризисъ: правительство, банки и промышленныя предприятия испытываютъ неотложную надобность въ притокъ иностранныхъ капиталовъ, но европейскіе и американскіе капиталисты рѣшительно отказываются отъ риска помѣщенія своихъ денегъ безъ осязательныхъ гарантій, а японцы слишкомъ ревниво оберегаютъ свою самостоятельность, чтобы допустить иностранцевъ до контроля надъ собственными промышленными и торговыми предприятиями, не говоря уже о предоставленіи иноземцамъ монополій или концессій въ Японіи.

Иное дѣло въ Корей. Тамъ для японскихъ предприимчивости и почина непочатый край. Золотые рудники, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, набережныхъ и бассейновъ, эксплуатація рыбныхъ ловель, лѣсовъ, нефтеносныхъ земель, монополизированіе торговаго опіума, жиксенгомъ и рисомъ,—ко всему этому японцы приложатъ свою властную руку и, привлекая иностранные капиталы, обезпечатъ ихъ гарантіями за корейскій счетъ. Такимъ образомъ, къ обоюдной выгодѣ англо-американцевъ и японцевъ возникнутъ тысячи предприятий, въ нихъ англо-американцы вложатъ капиталы, а японцы свои знанія, трудъ и общее руководство дѣлами. Японія вѣдь понесла громадныя затраты на обустройство арміею и флотомъ и всѣми современными способами завоеванія—этотъ капиталъ долженъ быть поскорѣе использованъ и принести матеріальные барыши.

Прислушиваясь къ этимъ завлекательнымъ намекамъ и предложеніямъ, англо-американцы въ свою очередь принялись усчитывать барыши, какихъ могли ожидать для себя отъ вооруженнаго столкновенія между Японіею, Корею и Россіею, въ смыслѣ разнообразнѣйшихъ военныхъ поставокъ, снабженія воюющихъ «военною контрабандою» и пр. (стр. 339—340).

И вотъ въ теченіе чуть ли не двухъ лѣтъ начинается безпримѣрная газетная кампанія для искусственнаго разжиганія общественнаго мнѣнія Англій и Японіи противъ Россіи. «Times» выступаетъ съ Кёрзоновскими прорицаціями, предостерегающими Англійю противъ русскихъ интригъ въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ, и призываетъ «Британскаго Льва» проснуться и стать на стражу британскихъ интересовъ. «Contemporary Review» и полу-официальный журналъ лорда Кёрзона «Pioneer» печатаютъ съ соотвѣтствующими комментаріями тенденціозныя откровенія Юлара о дальновидныхъ замыслахъ Россіи на Тибетъ; «China Times» опубликовываетъ состоявшійся будто бы между Китаемъ и Россіею договоръ, по которому Россіи уступаются державныя права надъ Тибетомъ (стр. 411, 425).

Въ то же время многія другія англійскія газеты непрестанно возбуждаютъ японскій шовинизмъ, обличая «московскую ненасытность» къ завоеваніямъ и намекая на угрозы, отсюда будто бы вытекающія для самого дальнѣйшаго государственнаго бытія Японіи. Во всѣхъ этихъ тревожныхъ предсказаніяхъ и призывахъ къ войнѣ, по утверженію Берара, въ Англии освѣдомленные дѣятели заподозрѣваютъ внушеніе и непосредственное участіе Кёрвона, тѣмъ болѣе, что появленіе особенно страстныхъ статей въ англійской джингонстской печати совпало съ прїѣздомъ и долговременнымъ пребываніемъ въ Лондонѣ довѣреннаго секретаря остъ-индскаго вице-короля, сэра Вальтера Лауренса.

Насколько эти подозрѣнія обоснованы, судить трудно, но, несомнѣнно, вовлеченіе Россіи въ войну противъ воли могло сослужить немалую пользу видамъ остъ-индскаго вице-короля—этого восходящаго свѣтила англійской дипломатіи, которое подчасъ даже помимо и вопреки сенъ-джемскаго кабинета интригуетъ въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ и почувствуетъ руки свои разливающимися, развѣ Россія будетъ занята войною.

Дипломатическая исторія русско-японскаго кризиса по сей еще часть не доступна большой публикѣ, такъ какъ ни одно изъ европейскихъ правительствъ не опубликовало своихъ относящихся до этого предмета донесеній; но не подлежитъ сомнѣнію, что съ октября 1903 года по январь 1904 года старанія офиціозной печати и правительствъ всей Европы были сосредоточены на улаженіяхъ недоразумѣній между токійскимъ и петербургскимъ кабинетами, все болѣе обострившихся (стр. 369).

Перваго февраля новаго стиля лондонскому и парижскому кабинетамъ былъ сообщенъ окончательный отвѣтъ русскаго правительства японскому, и миролюбіе государя императора Николая II вполне удовлетворило претензіи державъ заинтересованныхъ проведеніемъ принципа политики открытыхъ дверей на Дальнемъ Востокѣ. Англійскій кабинетъ уже 2-го февраля считалъ инцидентъ русско-японскаго столкновенія исчерпаннымъ, но сторонники японо-русской войны составляли въ Лондонѣ нѣчто въ родѣ полу-политическаго, полу-финансоваго комитета, распалившагося надеждами на наживу, такъ какъ за январь мѣсяць 1904 года, играя на лондонской биржѣ на пониженіи бумагъ, онъ уже успѣлъ реализовать нѣсколько сотенъ милліоновъ. Этотъ комитетъ, встревоженный улаженіемъ инцидента, при посредствѣ никонта Гаяши поторопился увѣдомить токійскій кабинетъ, что если объявленіе войны не состоится немедленно, оно по полученіи русскаго отвѣта станетъ невозможнымъ, ибо офиціальная Англія принуждена будетъ оказать «дружественное содѣйствіе» петербургскому кабинету, отвѣтъ котораго Японіи правительство Эдуарда VII вполне одобряетъ. Поэтому, 4-го февраля, въ Токио былъ спѣшно созванъ совѣтъ старѣйшинъ, который и

постановилъ прервать переговоры съ петербургскимъ кабинетомъ подъ предлогомъ замедленія русскаго отвѣта, хотя завѣдомо извѣстно было, что отвѣтъ уже отправленъ къ намѣстнику Алексѣеву и будетъ въ ближайшіе дни чрезъ барона Розена врученъ токійскому кабинету. Война и открылась внезапнымъ нападеніемъ японскаго флота на русскія суда въ Портъ-Артуръ и Чемульпо къ вѣщшей и, пожалуй, единственной выгодѣ англійскихъ империалистовъ и биржевиковъ (стр. 432—434).

За всѣмъ тѣмъ Гераръ къ прославляемымъ англичанами и американцами японскимъ побѣдамъ относится весьма скептически. Онъ сомнѣвается, смогутъ ли японцы удержаться въ Корей. Не засосетъ ли ихъ огромный и чреватый невѣдомыми опасностями просторъ маньчжурской равнины, и унесутъ ли они оттуда ноги? Сумѣетъ ли этотъ азиатъ-воитель отторгнуть у европейскаго генія Корею, Китай и Индо-Китай, или и тутъ самурайская доблесть обречена на роковой удѣлъ и найдетъ себѣ увѣнчаніе только въ неизбежномъ хакари (стр. 110—111)?

Менѣе откровенный характеръ носитъ недавно вышедшій сборникъ корреспонденцій съ Дальняго Востока.

Давнишній сотрудникъ «Times»'а, потомъ «Daily News»'а, Коуэнъ, имѣлъ случай неоднократно посѣщать Дальній Востокъ и хорошо знакомъ съ Японією, Маньчжуріей, Китаемъ и Россією.

Въ настоящую войну Коуэнъ съ начала февраля по май мѣсяцъ состоялъ военнымъ корреспондентомъ лондонской газеты «Daily Chronicle», но затѣмъ въ виду цензурныхъ ограниченій, которымъ корреспонденціи подвергались, проходя чрезъ японскихъ властей, Коуэнъ предпочелъ ограничиться краткими телеграммами, а доступный ему матеріалъ приберегъ у себя и записи памятныхъ книжекъ использовалъ только въ октябрѣ 1904 года, когда въ Сеулѣ напечаталъ и при оказіи переправилъ къ лондонскому издателю едва ли не первую по основательности книгу, описывающую Японо-Русскую войну (*The Russo-Japanese War from the outbreak of hostilities to the battle of Liaoyang. London. Arnold edition.*)

Коуэнъ въ сущности не японофилъ, но держитъ руль по вѣтру. Такъ какъ Россія и все русское среди большой англійской публики сочувствіемъ не пользуются, а японецъ—излюбленный союзникъ Великобританіи и даетъ большую поживу англійскимъ предпринимателямъ и поставщикамъ, то Коуэнъ очень осторожно обходитъ все, что можетъ покоробить японофильствующее ухо. Онъ, напримѣръ, не находитъ ни слова осужденія для разбойничьяго нападенія японскаго флота на Портъ-Артуръ и Чемульпо до объявленія еще войны; адмирала Макарова онъ хвалитъ съ осторожностью и подчеркиваетъ главнымъ образомъ то, что русскій адмиралъ былъ будто бы увѣжденный англоманъ и либераль; порою нареканія на русскихъ даже обидны по своей наивности такъ,

напримѣръ, расхваливая мѣткость японской стрѣльбы, Коуэнъ увѣриетъ, будто въ Портъ-Артурѣ на рейдѣ русскіе размѣтили дальности вѣхами, чтобъ соразмѣрить по этимъ значкамъ прицѣльность стрѣльбы. Этимъ впрочемъ и исчерпываются выходки Коуэна по русскому адресу—находился онъ при японской арміи, и рассказъ его опирается на тѣ данныя, которыя онъ черпалъ изъ этого источника.

Не прочь Коуэнъ и оправдать японцевъ, въ чемъ можно. Такъ, испытавъ на своей особѣ въ качествѣ военнаго корреспондента всѣ неприглядныя свойства японскаго двоедушія, Коуэнъ все-таки оправдываетъ мало предупредительныя отношенія японцевъ къ печати. Однимъ изъ главныхъ факторовъ японскихъ успѣховъ въ настоящей войнѣ именно и было умѣніе держать изъ тайнъ не только подготовляемыя японцами событія, но и совершившіеся уже факты, которые могли бы помочь разгадкѣ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій (стр. 306).

Такихъ осторожныхъ и дальновидныхъ корреспондентовъ, какъ Арчибальдъ Форбсъ или Россель, современная печать не знаетъ, «я же лично помню, прибавляетъ Коуэнъ, какъ во время Испано-Американской войны корреспонденты, желая взять верхъ надъ соперниками, слали, наперерозъ другъ передъ другомъ, телеграммы, приносящія величайшую пользу арміи противника—изъ Маниллы телеграммы чрезъ Европу попадали въ Нью-Йоркъ, а оттуда передавались въ Гонконгъ въ «Lunta Filipina» и чрезъ нее возвращались на Филиппины уже во вражескій лагерь. Въ Бурскую войну наблюдалось то же съ тѣмъ еще осложненіемъ, что на войну были отряжены корреспонденты и изъ газетъ партій, враждебной войнѣ, и они поставляли читателямъ матеріалъ, хотя приходившійся имъ по вкусу, но явно обидный для національнаго самолюбія.

Оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе теперь уже общезвѣстныя подробности объ отдѣльныхъ бояхъ, мы ограничимся изложеніемъ общихъ взглядовъ Коуэна на настоящую войну, которые характерно отражаютъ воззрѣнія и симпатіи, господствующія среди англійскаго общества. Японское нападеніе,—говоритъ Коуэнъ—было неожиданностью, потому что міръ вообще и Россія въ частности не захотѣли оцѣнить по достоинству, что правильно или ложно, но Японія сочла себя обиженною и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ напрягала всѣ силы, чтобы приготовить ударъ, который бы разъ навсегда оградилъ ее отъ дальнѣйшихъ угрозъ. Напасть на Россію не дерзали даже первоклассныя европейскія державы, но такъ какъ проведеніемъ великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути Россія обличила свои стремленія къ владычеству надъ Дальнимъ Востокомъ, то Японія сочла нужнымъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы не подпасть этому владычеству (стр. 2). «Въ 1891 году я былъ въ Японіи и имѣлъ случай наблюдать, какое впечатлѣніе произвела вѣсть

о проложеніи русскими желѣзной дороги чрезъ Азиатскій континентъ. Осуществленіе этого плана придвигало къ дверямъ Японіи могущественныя военныя силы Россіи. Самое уже наименованіе русской крѣпости и порта Владивостокомъ заключаетъ въ себѣ грозное предостереженіе. Владивостокскій портъ прямо баррикадируетъ, хотя издалека, входъ въ Японское море и весь японскій архипелагъ» (стр. 3).

Были и инныя тревожныя явленія, заставлявшія Японію подозрительно относиться къ дѣйствіямъ сѣвернаго сосѣда. Въ 1861 году русское военное судно внезапно заняло островъ Тсушиму, командующій надъ каналомъ, чрезъ который Владивостокъ на югъ общается съ открытымъ океаномъ; надъ Тсушимомъ взвился русскій флагъ, и островъ только по настояніямъ Великобританіи былъ возвращенъ Японіи (стр. 14—15).

Точно также, настаивая на томъ, что географически Сахалинъ входитъ въ составъ Амурскаго края, русскіе добились присоединенія Сахалина, обезпечивавшаго Японію рыбными запасами (стр. 15).

Далѣе Россія въ шестидесятыхъ уже годахъ XIX вѣка начала заявлять притязанія на Корею, и писатели всѣхъ національностей, изучавшіе корейскій вопросъ, считали рѣшеннымъ дѣломъ, что рано или поздно Корея сдѣлается русскою областью. Когда же Японія въ 1876, 1888 и 1894 годахъ пыталась подчинить Корею своему вліянію, она была обуздана великими державами, а коалиція между Россіею, Германіею и Франціею обезпечила Россіи путемъ заарендованія на девяносто девять лѣтъ властвованіе надъ Портъ-Артуромъ. Послѣ того, какъ коалиція трехъ континентальныхъ державъ не допустила Японію воспользоваться облюбованными ею плодами побѣдъ 1894 года надъ Китаемъ, а Германія выговорила себѣ Кіючау, Франція—Куаншауванъ въ Хайнанѣ, Англія—Вейха-Вей и Россія—Портъ-Артуръ, оскорбленное японское самолюбіе особенно ополчилось противъ Россіи. Японцы разсуждали: «Мы имѣемъ армію, флотъ и орудія и предъ Россіею сумѣли бы отстоять свои права, но мы должны были смириться предъ германо-франко-русскимъ соглашеніемъ. Значитъ, и намъ надо заручиться союзниками, чтобы не потерпѣть въ будущихъ начинаніяхъ такихъ же пораженій» (стр. 35). Разсужденія эти далеко не исчерпывали возбужденія, которое раздувалось мѣстною печатью въ Японіи послѣ неудачнаго исхода японо-китайской войны. Тутъ правительственной японской цензурѣ пришлось работать, не покладая рукъ, во избѣжаніе новыхъ дипломатическихъ осложненій. Газеты то и дѣло пріостанавливались, тюрьмы переполнялись редакторами, но по мѣрѣ того, какъ прекращалось одно повременное изданіе, на смѣну ему являлось другое, столь же безшабашное, а тамъ, гдѣ заарестовывалось типографское имущество, редакторъ-издатель торопился у ближайшаго сосѣда за нѣсколько іенъ, потайнымъ образомъ напечатать хоть

зажигательную брошюру, прежде чѣмъ отправиться отбывать тюремное наказаніе (стр. 34).

При такихъ условіяхъ исполнѣ естественно, что въ Японіи въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ питалась и все шире разрасталась нелюбовь къ Россіи, а естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось затѣмъ стремленіе къ «реваншу».

Реваншъ этотъ и подготовлялся годами исподтишка. Впрочемъ, по увѣреніямъ Коуэна, ни для кого не составляло секрета, что Японія дѣлаетъ подготовленія и вооруженія. Японія совершенно вразумительными фактами, выражавшимися въ бюджетныхъ назначеніяхъ, усиленіи арміи и флота, увеличеніи податного обложенія и усовершенствованіи народнаго образованія обнаружила намѣреніе возможно скорѣе вступить въ борьбу съ Россіей, такъ какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда завершено было сооруженіе и усовершенствованіе великаго сибирскаго пути, и осуществилась бы намѣченная Россією программа военныхъ и морскихъ ея приготовленій на Дальнемъ Востокѣ, борьба съ Россією оказалась бы Японіи не подъ силу (стр. 8, 16).

Одною изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ возникновенію японо-русской войны, было то, что въ Россіи не сумѣли своевременно разгадать и оцѣнить истинныя силы и намѣренія будущаго противника. «Я часто встрѣчался съ полковникомъ Вогакомъ, русскимъ военнымъ уполномоченнымъ при ляодунской японской арміи въ 1894 году,—нипчегъ Коуэнъ.—Несомнѣнно, полковникъ былъ человѣкъ способный и пользовавшійся отъ правительства довѣріемъ, и, конечно, его официальные донесенія правительству и личное участіе въ позднѣйшихъ совѣщаніяхъ оказали свою долю вліянія на развитіе дальнѣйшихъ событій. Какъ Вогакъ ни былъ мало сообщителенъ, онъ, нисколько не стѣсняясь, высказывался по общимъ вопросамъ и утверждалъ, что, послѣ незначительныхъ перестроекъ и обороняемый европейскими войсками, Портъ-Артуръ сдѣлается неприступнымъ для наилучшей даже арміи. вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя Вогакъ и признавалъ за японскими войсками хорошую выучку и доблесть, тѣмъ не менѣе утверждалъ, будто противъ европейской арміи они не устоятъ и при первой же неудачѣ будутъ деморализированы до слѣпой паники; въ случаѣ же продолжительной кампаніи японскія войска, какъ и вся нація, впадутъ въ истощеніе и распадутся на куски. Я признался Вогаку, что запаса учебникомъ русскаго языка и, надѣясь дожить до русско-японской войны, разсчитываю, что полковникъ добудетъ мнѣ разрѣшеніе слѣдовать при русской арміи, на это Вогакъ со смѣхомъ отвѣчалъ мнѣ: «этой войнѣ не бывать, никогда японцы не осмѣлятся военать съ нами» (стр. 32). Таковъ вкратцѣ былъ смыслъ многочисленныхъ бесѣдъ, какія мнѣ при разныхъ случаяхъ приходилось вести съ Вогакомъ. Совершенно противоположныя заклю-

ченія вынесли изъ японо-китайской войны полковникъ Тайлоръ и капитанъ дю-Булэ. Опираясь близко на знакомство съ сикхами и гуркасами, они утверждали, что отрицать вообще въ азіатахъ военныя дарованія по меньшей мѣрѣ неосновательно; что же касается стратегическаго значенія Портъ-Артура и Талиенвана, то оно было тщательнѣйшимъ образомъ изучено англійскими экспертами еще во время китайской войны 1861 года, и объ позиціи тогда же призваны были неудовлетворительными въ силу непоправимыхъ географическихъ дефектовъ».

Въ 1895 году, повстрѣчавшись съ маркизомъ Ито, Коуэнъ обратился и къ нему съ вопросомъ, вѣроятна ли война съ Россією. На это ему было сказано: «Нечего и говорить о томъ, что мы давно и тщательно изучили всѣ возможныя случайности и, конечно, стараемся слѣдовать такой сдержанной политикѣ, чтобы избѣжать столкновенія съ какою либо великою державою, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны пещись и о нашемъ національномъ благосостояніи, поэтому, подвергшись нападенію, конечно, постоять за себя мы сумѣемъ, какъ того потребуютъ обстоятельства» (стр. 32).

Во время осеннихъ переговоровъ между Японією и Россією Коуэнъ интервьюировалъ военнаго министра Терауши; и тотъ увѣрялъ любознательнаго корреспондента, будто въ Японіи не существуетъ вовсе партіи, которая бы склоняла страну къ войнѣ; что армія не принимаетъ участія въ политикѣ, никакихъ мнѣній не имѣетъ за предѣлами точнаго выполненія прямого своего долга и дисциплины, но всегда находится наготовѣ для выполненія своего долга. «Теперь же мы къ этому дѣйствительно нѣсколько болѣе приговорены, чѣмъ въ обыкновенное время» (стр. 69).

Насколько «немножко были приготовлены» японцы къ предстоявшей войнѣ, видно изъ того, что уже въ октябрѣ 1903 года Кодама, слывшій у японцевъ за геніальнаго организатора, съ поста генераль-губернатора Формозы былъ отозванъ, чтобы занять должность начальника главнаго штаба. Хорошо освѣдомленные наблюдатели утверждали, что одно уже это назначеніе равносильно призыву наготовляться къ войнѣ, но официальные лица успокаивали иностранцевъ, увѣряя, что назначеніе Кодамы ровно ничего не означаетъ. Точно также при ежегодныхъ морскихъ маневрахъ въ 1903 году была предпринята примѣрная экспедиція въ составѣ боевыхъ судовъ и многочисленныхъ транспортовъ къ берегамъ Кореи съ заданіемъ произвести высадку войскъ, какъ бы въ военное время, но и у этого факта, по толкованіямъ японцевъ, отнималось всякое политическое значеніе (стр. 67).

Такимъ образомъ не только русскіхъ, но и всѣхъ вообще иностранцевъ, японцы, убаюкивали ложными успокоеніями, а между тѣмъ еще около новаго года англійскій дипломатъ сэръ Клодъ Макдональдъ признавался Коуэну, что «отношенія между петер-

бургскимъ и токійскимъ кабинетами настолько напряжены, что напоминаютъ пороховой складъ, въ который уже вложенъ тлѣющій стапинъ: взрыва слѣдуетъ ожидать каждую минуту, и если все обойдется благополучно, это будетъ истиннымъ чудомъ» (стр. 70).

Въ этомъ двусмысленномъ положеніи невѣдѣнія иностранцы оставались въ Токио до самаго момента открытія военныхъ дѣйствій.

Готовность арміи выполнить въ каждую минуту свой долгъ, на которую генераль Терауши намекалъ Коуэну, вскорѣ нашла себѣ блистательное подтвержденіе. Хотя въ Токио и ходили подъ рукою смутные слухи о томъ, будто портъ-артурская эскадра стоитъ подъ парами и готовится предпринять нападеніе на японское побережье, а на Ялу, 2-го февраля, 2.000-ный русскій отрядъ уже переправился чрезъ рѣку, а за рѣкою сосредоточенъ 20.000-ный корпусъ для вторженія въ Корею, вплоть до утра 6-го февраля (по н. ст.) Японія была еще сама миръ, и все ея населеніе предавалось обычнымъ занятіямъ, къ вечеру же 6-го февраля японскій флотъ находился уже въ открытомъ морѣ, торопясь обрушиться на Портъ-Артуръ. Все японское воинство пришло въ движеніе, одни уже переправлялись въ Корею, другіе спѣшно на поѣздахъ направлялись къ портамъ посадки, гдѣ транспорты ихъ поджидали уже нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ. О мобилизаціи всѣ желѣзныя дороги Японіи были оповѣщены одною лаконическою телеграммою, тотчасъ же обычное товарное и пассажирское движеніе было приостановлено, и обученные и вполнѣ снаряженные солдаты сплошнымъ потокомъ потекли въ Сасебо, Нагасаки, Моджи и Уджицу (стр. 73).

Японія при каждомъ рейсѣ транспортировала по цѣлой бригадѣ, въ составѣ около 7.000 человекъ, при надлежащемъ воискомномъ обозѣ и снаряженіи, на чтò требовалось каждый разъ не мене 8—12 транспортныхъ судовъ.

Перевезти чрезъ море многотысячную армію, распределить подлежащія силы для занятія соответствующихъ позицій и обезпечить войска, несмотря на невыгодныя географическія условія Кореи, непрерывнымъ притокомъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, несомнѣнно, составляло громадную и трудную задачу. Тотъ методическій и, если можно такъ выразиться, автоматическій способъ, которымъ японцы осуществили это предпріятіе, и явился однимъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ всѣхъ дальнѣйшихъ ихъ успѣховъ (стр. 201).

Тѣмъ же, что со стороны японцевъ прилагались всѣ старанія стать на уровень сложныхъ требованій современнаго военнаго дѣла, проявлять возможно большую находчивость и выгадывать, гдѣ и въ чемъ можно, лишнюю минуту,—они обезпечили успѣхъ внезапному нападенію флота Того и Уриу на Портъ-Артуръ и Чемульпо, этической стороны котораго Коуэнъ благоразумно не касается, и на

нѣскольکو мѣсяцевъ практически парализовали всю дѣятельность русской Тихо-Океанской эскадры (стр. 94).

Въ то же время при всѣхъ нападеніяхъ на Портъ-Артуръ адмиралъ Того неукоснительно держался одного приѣма—заботливо оберегая суда отъ опасности, онъ предпочиталъ держаться отъ противника на возможно болѣе далекомъ разстояніи и скорѣе примирился съ тѣмъ, чтобы выстрѣлы съ его судовъ только изрѣдка наносили поврежденія непріятелю, лишь бы не подводить подъ выстрѣлы послѣдняго собственную эскадру (стр. 139).

Правда, 15-го мая новаго стиля, когда первоклассный броненосецъ «Хатсузе» погибъ, натолкнувшись на русскія пловучія мины, послѣ того какъ въ это же утро крейсеръ «Юшимо» затонулъ, потерпѣвъ аварію чрезъ столкновение съ «Касугою», потеря двухъ судовъ и потопленіе 687 человекъ изъ ихъ экипажа практически нанесли японцамъ уронъ, почти уравновѣсившій гибель «Петропавловска» (стр. 183), но зато несчастный выходъ портъ-артурской эскадры въ концѣ іюля мѣсяца привелъ ее въ полное и непоправимое разстройство (стр. 332).

Особенно рѣшающаго значенія впрочемъ морскіе японскіе успѣхи на ходъ войны не возымѣли.

При тѣхъ наличныхъ условіяхъ, въ какихъ находились воюющія націи, морскія между ними сраженія, по мнѣнію Коуэна, и не могли имѣть рѣшающаго значенія.

Если бы Россіи удалось подвергнуть конечному истребленію японскій флотъ, русская даже мощь не смогла бы подчинить своему владычеству 40 милліоновъ отчаянныхъ головорѣзовъ, какими издревле всегда были японцы. Точно также, подвергшись совершенному уничтоженію русскаго флота, Россія къ этому факту отнеслась бы сравнительно покойно.

Разумѣется, сознаніе того, что побѣда досталась японскому флоту, было бы для русскихъ тяжело, больно и обидно, но одинъ этотъ фактъ не можетъ заставить русскихъ признать себя побѣжденными; вѣдь, если морскія сраженія и оказывали свою долю вліянія на теченіе величайшихъ историческихъ столкновеній, никогда еще морскія въ частности сраженія не являлись окончательнымъ и главнымъ моментомъ въ исходѣ войнъ (стр. 190).

Такимъ образомъ центръ тяжести и Японо-Русской войны роковымъ образомъ долженъ лежать въ сухопутныхъ бояхъ.

По японскимъ подсчетамъ, приводимымъ Коуэномъ съ большою подробностью на стр. 192—194, Россія къ началу открытія военныхъ дѣйствій въ Маньчжуріи имѣла всего 45.000 полевыхъ войскъ при 120 орудіяхъ; войска эти были разбросаны въ 16 пунктахъ, отъ Портъ-Артура до Хайлара; кромѣ того, охранная желѣзно-дорожная стража числила въ своемъ составѣ до 15.000 при 32 орудіяхъ.

Въ точности освѣдомленная на счетъ численности русскаго гарнизона въ Маньчжуріи, равно какъ и относительно слабой провозоспособности Сибирской желѣзной дороги, не позволявшей быстро перекинуть изъ Европейской Россіи на восточную окраину значительную армію, Японія и торопилась объявить вызовъ могущественной, раскинувшейся на необъятное пространство сосѣдкѣ (стр. 196).

Успѣхи, одержанные японцами на Ялу, въ Кинчжоу, Теллису и Ляоянѣ, доказали, во-первыхъ, строгую обдуманность японскихъ военныхъ предначертаній и неуклонное сознательное выполненіе ихъ войсковою массою, отъ генерала до послѣдняго рядового; во-вторыхъ, что сосредоточеніе подѣ начальствомъ русскаго главнокомандующаго тѣхъ подавляющихъ войсковыхъ массъ, которыя должны были излиться изъ Европейской Россіи по единственному желѣзнодорожному пути, происходило гораздо медленнѣе, чѣмъ на это строились расчеты. Въ-третьихъ, выяснилось, что японцы гораздо лучше ознакомлены съ театромъ военныхъ дѣйствій и при передвиженіяхъ въ состояніи точно учитывать всѣ пути и время, потребное для занятія опредѣленныхъ пунктовъ, русскіе же съ момента пріобрѣтенія желѣзнодорожной концессіи въ 1897 году, хотя и имѣли время освоиться съ топографіею занятаго края и на основаніи точныхъ съемокъ заготовить подробными картами, не достигли и этого; въ-четвертыхъ, русская армія изъ опыта нѣсколькихъ мѣсяцевъ принуждена была вынести убѣжденіе, что наскоро цивилизованные островитяне-азіаты вовсе ужъ не являются презрѣнными макаками, но составляютъ стойкое и проворливое воинство.

Подготовленность японской арміи къ современнымъ требованіямъ войны особенно блистательно сказалась на устройствѣ развѣдочной службы. Рекогносцировки передвиженій непріятеля японцами велись съ полнымъ успѣхомъ; рѣдко для нихъ что либо оставалось во тьмѣ и неопредѣленности при всѣхъ затѣваемыхъ противникомъ дѣйствіяхъ, такъ какъ этотъ родъ службы, требующій индивидуальнаго почина, неустрашимости, сообразительности и пониманія расовыхъ особенностей, вполне пришелся японцамъ по плечу (стр. 264—267).

Точно также обстоятельно оказалось поставленнымъ у японцевъ и дѣло «предварительныхъ развѣдокъ» чрезъ многочисленныхъ агентовъ: японскіе шпіоны были разсыяны по всей Сибири и Маньчжуріи.

Точно также въ Корей японцы, жившіе тамъ годами и владѣвшіе мѣстными нарѣчіями, принимали самыя разнообразныя обличія странствующихъ ламъ, коробейниковъ и нищихъ и, оставаясь для русскихъ неуловимыми, освѣдомлены были насчетъ каждаго ихъ шага. При этомъ нерѣдко случались даже такіе курьезы—нѣкій кореецъ, угольщикъ, служившій у русскихъ развѣдчикомъ

исключало в-даль, передвигать эту морю въ море, отъ Багжу идти въ Сеуду, въ омеръ великаго беззачетнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, въ Сеуду идти къ востоку на пути въ Сеуду великаго вѣтра, идти къ востоку, идти съ востокомъ вѣтрами и идти и уходить къ востоку въ руки великаго вѣтра, и только тутъ оказалось, что несчастный сѣверъ—японскій вѣтеръ, даже сдвинувшись къ востоку, неуклюдо дѣлающаго развѣдъ для вѣтра, ему русскій стр. 211—212.

Не смотря на павильоны, охотно расточаемые японцамъ Коуэнъ, однако же, принужденъ признать, что ушибы, достигнутые японцами въ сѣверной кампаніи 1914 года, представляють только цѣнная приготовленія для будущаго, во всякомъ рѣшительнаго значенія не представляють.

Выводъ этотъ Коуэнъ дѣлаетъ на основаніи подробныхъ характеристикъ отдельныхъ боевъ. Наибольше крупнымъ и важнымъ изъ нихъ было кровопролитное и продолжительное сраженіе при Ляоянѣ.

Ляоянскій бой, однако же, привнесъ большое разочарованіе японцамъ и ихъ доброхотамъ.

Восторженные русофобы изготовились признать за этия сраженія значеніе новаго Седана или Ватерлоо, но если русскіе понесли большой уронъ въ раненыхъ, убитыхъ и сдѣраженіи, то и японцы, потерявъ массу выбывшихъ изъ строя людей и сдѣлавъ громадныя денежныя затраты, ничего существеннаго отъ сраженія не приобрѣли. Ляоянская позиція сама по себѣ особенной цѣности не представляла, а по мѣрѣ отступленія генерала Куропаткина онъ оказывался только въ выигрышѣ, приближаясь къ своей базѣ, тогда какъ японцы, противъ своей воли, удалялись все дальше отъ военноморскихъ своихъ сообщеній.

Пресловутое пораженіе русской арміи носитъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ какой ему былъ приданъ по началу.

Послѣ Ляоянскаго боя, несмотря на то, что японцы съ всею поспѣшностью двигались двумя параллельными колоннами къ сѣверу, въ промежуткахъ между ними по прилежащей къ желѣзнодорожнымъ путямъ полосѣ, шириною не болѣе 10 миль, русская армія, численностью около 200.000 человекъ съ орудіями и огромными продовольственными запасами, могла отступить безъ всякой торопливости, въ образцовомъ порядкѣ, что слѣдуетъ виѣннить въ заслугу распорядительности русскаго гавнокомандующаго (стр. 338—339).

Вопреки попыткамъ стороннихъ давленій, генералъ Куропаткинъ съ настойчивостью проводить осуществленіе первоначальнаго плана, несмотря на неуспѣшность частичныхъ боевъ.

Факты остаются фактами: Россія возлагаетъ надежды на подавленіе противника превосходными силами при удобныхъ для нея условіяхъ, хотя бы для этого пришлось отступить лишнюю ты-

сичу миль и затянуть войну еще на два года. Генералъ Куропаткинъ надѣется, что онъ доведетъ японскую армію до полного изнеможенія упорными стычками и ослабитъ ея силы отдаленіемъ отъ базы, а тогда въ войнѣ наступитъ поворотъ, и «ковыри» окажутся уже въ русскихъ рукахъ (стр. 318).

Значеніе этого плана, хотя онъ не разъ осмѣивался и облеклся въ карикатурныя даже формы, Коуэнъ оцѣниваетъ по достоинству.

Въ сущности,—говоритъ онъ,—Россія на Ляоянскомъ бою показала, насколько тяжело будетъ доставаться японской арміи всякая дальнѣйшая побѣда, по мѣрѣ отступленія въ глубь Маньчжуріи.

Россія сохранила нисколько не ослабленныя главныя боевыя силы, а Сибирскій желѣзнодорожный путь, существенно усовершенствованный по указаніямъ опыта, теперь же развиваетъ несравненно большую провозоспособность, непрестанно подкрѣпляя Маньчжурскую армію притокомъ сѣвѣжнихъ силъ. Хотя бы русская армія и не одержала рѣшающей побѣды, она можетъ не разъ еще повторить такой же бой, какъ подъ Ляояномъ, а тутъ возникаетъ роковой вопросъ: какъ же долго Японія въ состояніи окажется выносить безнаказанно дальнѣйшіе такіе эксперименты?

Если Британскій имперіи пришлось, стаянувъ всѣ свои военныя силы, цѣлыхъ два года убитъ на то, чтобы одолѣть въ подобной же основанной на отступленіяхъ игрѣ горсть буровъ и, при томъ, на ограниченномъ протяженіи Трансваала, какіе же способы и средства потребуются Японіи, чтобы совладать съ Куропаткинымъ?

Ляоянское сраженіе является блистательнымъ подтвержденіемъ дальновидности русскаго главнокомандующаго: затягивая войну надолго и обезсиливая противника въ то время, какъ русскія боевыя силы умножаются, а провозоспособность Сибирской дороги возрастаетъ, Куропаткинъ никакихъ угрожающихъ опасностей отъ японскаго наступленія не можетъ ждать. Русская Маньчжурская армія такъ долго, какъ сама захочетъ, будетъ ограничивать свои дѣйствія аріергардными стычками, удерживаясь на извѣстной позиціи, пока главныя силы арміи не перейдутъ на другую позицію послѣ нанесенія противнику возможно болѣе сильнаго урона, при наименьшихъ потеряхъ для своего собственнаго аріергарда, такъ и будетъ тянуться, война, доколѣ японцы не выбьются окончательно изъ силъ.

Коуэнъ, впрочемъ, хочетъ вѣрить, что японцы дальше Мукдена двигаться не стануть и, успѣшно осуществивъ намѣченное ими вытѣсненіе русскихъ съ Ляодунскаго полуострова и изъ южной Маньчжуріи, ограничатся укрѣпленіями и обороною всѣхъ занятыхъ позицій, предоставивъ русской арміи либо переходъ въ наступленіе, либо прекращеніе войны (стр. 342—343).

Такая объективная характеристика общаго значенія совершившихся за кампанію 1904 года военных дѣйствій англійскому писателю можетъ быть вѣнена въ особенную заслугу.

Точно также немалый интересъ представляетъ оцѣнка, дѣлаемая Коуэномъ русской политикѣ и желтой опасности. Путемъ диалектическаго приѣма онъ здѣсь въ русскія уста вкладываетъ то, чего не рѣшился сказать открыто отъ своего имени, чтобы не раздражить капиталистскихъ гусей Англій.

По мнѣнію Коуэна, Китай несомнѣнно въ многомъ провинился и заслуживаетъ раздѣла за прегрѣшенія, повлекшія за собой нестройства и растройства составныхъ своихъ частей. Особенно преступное равнодушіе проявлялъ Китай къ «внѣшнимъ» сѣвернымъ и восточнымъ провинціямъ, доведя ихъ до положенія такой отсталости, что на практикѣ дальнѣйшее ихъ существованіе, при прежнихъ распоряжкахъ, сдѣлалось совершенно невозможнымъ.

Установить законмѣрность и порядокъ вмѣсто вопіющаго беззаконія, приобщить къ образованію тѣ классы населенія, которые коснѣютъ въ глубокомъ невѣжествѣ, провести грунтовыя, желѣзныя дороги тамъ, гдѣ отсутствовали всякіе пути сообщенія,—таковъ священный долгъ, лежащій на всякомъ правительствѣ по отношенію къ принадлежащей ему территоріи и собственнымъ подданнымъ. Тамъ же, гдѣ для блага подданныхъ ничего самимъ національнымъ правительствомъ не предпринимается, оно и обречено нести послѣдствія того плодотворнаго почина, какой на себя принимаютъ правительства иноземныя. Этотъ мотивъ является полнымъ оправданіемъ для захватовъ Кубы, Египта, Верхняго Нила, Южно-Африканскихъ государствъ, а такъ какъ нельзя оспаривать, что Россія положила массу затратъ и труда на поднятіе уровня благосостоянія Маньчжуріи, то слѣдуетъ удивляться одному только, почему Россія откровенно не стала настаивать на окончательномъ признаніи приобрѣтенныхъ ею безспорныхъ правъ, и не вступила ради этого въ полюбовное соглашеніе съ державами, болѣе или менѣе заинтересованными въ судьбахъ Китая и его обширныхъ владѣній (стр. 43—44).

Этимъ принципиальнымъ положеніемъ обосновываются и всѣ дальнѣйшія разсужденія Коуэна. Во время Боксерскаго движенія,—продолжаетъ онъ,—я имѣлъ многократные случаи знакомиться и близко сходиться съ русскими офицерами, нерѣдко владѣющими нѣсколькими иностранными языками. Въ общемъ русскіе офицеры прекраснѣйшіе малые, какихъ я гдѣ либо и когда либо встрѣчалъ, имѣъ бесѣды къ нимъ я усвоилъ себѣ русскую точку зрѣнія на маньчжурскій вопросъ столь же отчетливо, какъ ознакомился съ японскими воззрѣніями.

Несомнѣнно, расширеніе Россіи въ восточномъ направленіи имѣетъ полное оправданіе, хотя населеніе въ Россіи далеко не такъ скучено, какъ въ мануфактурныхъ странахъ, занимается оно почти исключительно земледѣліемъ, а въ коренной Россіи, въ иныхъ округахъ земли частью истощены, частью мало плодородны. Поэтому, для приложенія рукъ къ сельскому труду, населеніе должно заручиться новыми землями, но въ Сибири, несмотря на громадность, подъ земледѣліе могутъ быть отведены сравнительно ничтожные районы.

Безконечныя русскія и сибирскія сухія степи обречены лежать втуне, такъ какъ удалены на значительныя разстоянія отъ рѣкъ, да и дожди тамъ въ рѣдкость. Далѣе, поселянинъ нуждается въ одеждѣ, орудіяхъ производства и удобныхъ рынкахъ, гдѣ, сбывая свои продукты, онъ могъ бы дѣлать и всѣ надлежащія закупки. Для Россіи, поэтому, вполне естественно искать новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, подобно тому, какъ Англія захватила Бирму, Франція Тонкинъ, японцы Формову, а нѣмцы Шантунгъ.

Россіи, однако же, ставится въ вину то, что она вновь присоединяемая области не открываетъ для всемірной торговли; считается съ иностранною конкуренціею можетъ только нація, уже набравшаяся огромныхъ промышленныхъ силъ. Чего бы не предприняли англичане, если бы въ торгово-промышленныя ихъ предпріятія вторглись болѣе дѣятельные и способные иностранцы и стали все прибирать къ своимъ рукамъ? Русскіе же пока мало въ себѣ развили дѣловитость, и, несмотря на покровительство, оказываемое коренному національному элементу, даже и въ самой Россіи всѣ наиболѣе выгодныя предпріятія находятся въ англійскихъ и нѣмецкихъ рукахъ. Спрашивается, на что же могутъ жаловаться въ Россіи иностранцы.

Большинство русскихъ, съ которыми мнѣ случалось приходиться въ тѣсное соприкосновеніе,—продолжаетъ Коуэнъ,—нисколько не скрывали искренняго своего убѣжденія, что рано или поздно Россіи должна достаться вся Маньчжурія и вся сѣверная часть Китая, въ силу того же естественнаго хода вещей, по которому Англія и другія европейскія державы постепенно распространяли свои владѣнія надъ обширными частями внѣ-европейскихъ континентовъ. Правда, расширеніе Россіи насчетъ Китая какъ будто и противорѣчитъ заключеннымъ договорамъ, но дипломатіи не привыкать стать подъ благовидными предлогами обходить трактаты и нарушать обязательства. Для оцѣнки по достоинству нареканій, вводимыхъ на Россію за неочищеніе Маньчжуріи отъ войскъ, слѣдуетъ вспомнить, какъ распоряжалась Англія въ Египтѣ или Франція въ Тунисѣ.

Подводя итоги тѣмъ доводамъ, какіе русскіе выставляютъ въ защиту своихъ дѣйствій, нельзя не согласиться, что въ оправданіе пресловутыхъ русскихъ злокозненныхъ дѣяній они съ полнымъ основаніемъ могутъ сослаться на тождественные прецеденты, неизбѣжно сопутствовавшіе политикѣ всѣхъ остальныхъ культурныхъ націй, разъ таковая задавалась преслѣдованіемъ идеаловъ міровой державы.

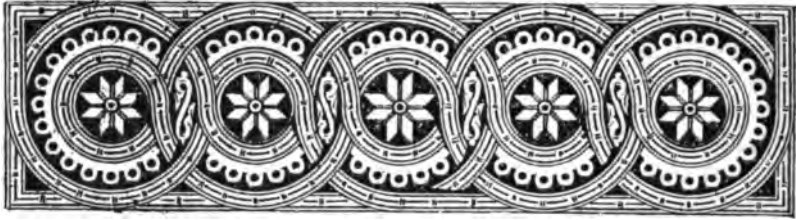
Что касается, наконецъ, отношеній Россіи къ Японіи, то многіе изъ моихъ собесѣдниковъ, говоритъ Коуэнъ, высказывали совершенно одинаковые взгляды: Японія, утверждали они, слишкомъ торопится добиться положенія великой державы, и если ея честолюбію не будетъ положено преградъ, то Японія выростетъ въ опасность для всего міра; поэтому-то державы, которыя поощряютъ японскіе замыслы, совершаютъ громадную ошибку. Японія вовсе не скрываетъ того, что, заигрывая съ Китаемъ, она старается убѣдить его послѣдовать ея примѣру, подчинившись ближайшему ея руководству. Насколько выгоднымъ окажется для экономическихъ интересовъ Западной Европы утратить власть надъ Китаемъ и его рынками, ясно само собою. Но не слѣдуетъ забывать, что вся европейская политика въ ближайшемъ будущемъ окажется опрокинутой, когда Китай объевропеится и, преобразовавшись на японскій ладъ, проникнется затаеннымъ японскимъ недоброжелательствомъ и презрѣніемъ къ истиннымъ благамъ европейской цивилизаціи. Въ этомъ именно и коренится существовавшее ало «желтой опасности». Вѣдь если умерщвленіе двухъ нѣмцевъ въ Шантунгѣ вызвало захватъ Кіаучоу, то по возрожденіи Китая и убійство какихъ нибудь куліевъ въ Санъ-Франциско можетъ обусловить захватъ Санъ-Франциско. Злоупотребленія въ управленіи и безпорядки въ такихъ подвластныхъ Китаю государствахъ, какъ Бирма или Тонкинъ, закончились ихъ захватомъ со стороны европейскихъ державъ. Ну, а если Китай при своемъ 400-милліонномъ населеніи позаимствуетъ у Европы всѣ ухищренія военной науки и сохранитъ традиціонную ненависть къ «бѣлолицымъ дьяволамъ», какіхъ только злоупотребленій въ области управленія и непорядковъ не пораскрываетъ онъ въ европейскихъ колоніяхъ на Дальнемъ Востоку въ оправданіе самолчнаго «справедливаго и необходимаго вмѣшательства» въ ихъ дѣла. Короче сказать, возрожденіе и европеизація Востока представляетъ грозную мировую опасность для всей теперешней культуры.

Теоретическія разсужденія и проповѣди на ту тему, что пусть Европа измѣнитъ практикуемые ею для порабоженія инородцевъ способы, если не хочетъ, чтобы таковыя примѣнялись къ ней со стороны инородцевъ, совершенно праздно. Вѣдь самую природою установлено, чтобы одни организмы властвовали, а другіе имъ подчи-

нялись; въ борьбѣ за существованіе самъ рокъ однимъ предупредѣлялъ быть хищниками, а другимъ—жертвами. Такъ вотъ, если Европа захочетъ пережить менѣе развитыхъ соперниковъ, то она совершенно сознательно не должна возвышать ихъ до себя, поступаая съ ними такъ, какъ не потерпѣла бы, чтобъ они обращались съ нею. А разъ Европа стремится властвовать и держать азіатовъ въ подчиненіи, едва ли есть основаніе сентиментальничать съ японцами—всѣ попытки Японіи сравняться съ Европою должны безжалостно подавляться (стр. 45—51).

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Г. Тимоеевъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1904.

ИСТОРИЯ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи до послѣдняго времени была мало разработана въ русской литературѣ. Старый трудъ Ступина, посвященный этому вопросу, никогда не имѣлъ научнаго значенія, изслѣдованія же профессоровъ Сергѣевскаго и Филиппова о наказаніи въ XVII вѣкѣ и въ царствованіе Петра I, несмотря на всю свою научную цѣнность, касались только извѣстной эпохи. Такимъ образомъ, сочиненіе, названіе котораго выписано нами выше, впервые излагаетъ исторію тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ за все время ихъ существованія. Оно распадается на три отдѣла, при чемъ первый заключаетъ въ себѣ введеніе, состоящее изъ теоретической оцѣнки тѣлесныхъ наказаній, выясненія условій ихъ возникновенія и краткаго очерка исторіи этихъ наказаній въ Германіи и Франціи. Два послѣднихъ отдѣла заключаютъ въ себѣ исторію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, при чемъ во второмъ отдѣлѣ авторъ рассматриваетъ періоды развитія, господства и вымиранія этихъ наказаній, а въ третьемъ даетъ весьма живо написанный очеркъ исторіи отдѣльных видовъ тѣлесныхъ наказаній, а именно: членовредительныхъ и болекозвенныхъ, т.-е. кнута, батога, плетей, шпиртуентовъ, розогъ и др.

Изучая вопросъ о факторахъ, содѣйствовавшихъ развитію у насъ тѣлесныхъ наказаній, авторъ на ряду съ такими, которые дѣйствовали и въ Западной Европѣ, напримѣръ, существованіе рабства, усиленіе государственной

власти, исчезновеніе мести, неудовлетворительность системы выкушовъ и малокультурность общества, указываетъ и на такіе, какъ византійское и монгольское вліянія. Первому авторъ придастъ большое значеніе, справедливо замѣчая, что проводниками его являлось духовенство и его практика въ церковныхъ судахъ. Это вліяніе существовало въ теченіе всего допетровскаго періода русской исторіи и даже значительно усилилось въ XVII вѣкѣ. Авторъ ссылается на Уложеніе 1649 года и на цѣлый рядъ новоуказныхъ статей, проводившихъ начала греко-римскаго права. Какъ извѣстно, вопросъ о византійскомъ вліяніи на наше право, несмотря на его важность, до сихъ поръ очень мало обслѣдованъ, вотъ почему авторъ могъ ему удѣлить только нѣсколько страницъ (стр. 65, 73—75), хотя, на нашъ взглядъ, имъ сказано все, что можно было сказать при современномъ состояніи науки. Говоря о монгольскомъ вліяніи, авторъ не преувеличиваетъ значенія этого фактора и не склоненъ связывать возникновеніе тѣлесныхъ наказаній съ татарскимъ игомъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, наиримѣръ, профессора Максимовичъ и Леонтовичъ, но, конечно, признаетъ, что результатомъ монгольскаго завоеванія было огрубеніе нравовъ русскаго общества, иначе говоря, создавалась благоприятная обстановка для процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній. Съ такою постановкою вопроса и съ такимъ его разрѣшеніемъ вполне можно согласиться.

Авторъ придаетъ также большое значеніе усилению княжеской власти, какъ одному изъ факторовъ развитія тѣлесныхъ наказаній. Говоря вскользь о причинахъ этого усиленія, г. Тимоѣевъ слѣдуетъ Костомарову. Конечно, вопросъ о причинахъ возникновенія у насъ сильной княжеской, или, лучше сказать, царской власти, прямо не интересовалъ г. Тимоѣева, такъ какъ не имѣлъ никакого отношенія къ его темѣ. Этимъ, нужно думать, и объясняется тотъ фактъ, что онъ останавливается на немъ только вскользь и упоминаетъ объ одномъ Костомаровѣ, игнорируя такихъ ученыхъ, какъ, наиримѣръ, Забѣлинь, Ключевскій, Сергѣевичъ, Загоскинъ и др., которые по этому вопросу высказываютъ свои мнѣнія, чѣмъ Костомаровъ.

Налагая періоды господства и вымѣрания тѣлесныхъ наказаній, а также разсматривая отдѣльные виды этихъ послѣднихъ, авторъ самымъ исчерпывающимъ образомъ пслѣдуетъ весь обширный актовый матеріалъ и на основаніи его рисуетъ намъ подробную, силою и рядомъ до мельчайшихъ деталей, картину тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Въ особенности интересны тѣ главы, которыя составлены на основаніи архивнаго матеріала, до сихъ поръ нигдѣ не обнародованнаго. Г. Тимоѣевъ работалъ въ архивѣ государственнаго совѣта и сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній по исторіи упраздненія нѣкоторыхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, наиримѣръ, кнута и др., заимствованныхъ имъ изъ архива. Вообще пслѣдованіе г. Тимоѣева — вполне серьезная и добросовѣстная работа, одинаково необходимая какъ для историка, такъ и для юриста.

Проф. В. Латкинъ.

А. Н. Пыпинъ. Н. А. Некрасовъ. Съ тремя портретами. Спб. 1905.

Настоящая книга — послѣдній, предсмертный трудъ Александра Николаевича Пыпина. Въ серединѣ ноября она вышла изъ-подъ печатнаго станка, а въ концѣ мѣсяца ея автора не стало...

Собранные въ этой книгѣ статьи и матеріалы были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» въ концѣ 1903 и началѣ 1904 года. Здѣсь прибавлено одно письмо Некрасова къ Тургеневу (взятое изъ Московскаго Румянцевскаго музея) и приложенъ библиографическій обзоръ литературы о Некрасовѣ. Этотъ обзоръ составился изъ замѣтокъ А. Н. Пыпина, которыя онъ дѣлалъ въ разное время безъ специальной библиографической цѣли.

Въ книгѣ четыре отдѣла. Первый посвященъ воспоминаніямъ автора о Некрасовѣ и кружкѣ «Современника». Далѣе описываются литературныя отношенія пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ (по печатнымъ источникамъ). Затѣмъ слѣдуютъ письма Некрасова къ Тургеневу, предоставленныя послѣднимъ вскорѣ послѣ смерти Некрасова въ распоряженіе А. Н. Пыпина (всего 61 письмо, за время отъ 1847 по 1861 г.). Послѣдній отдѣлъ заключаетъ обзоръ литературной дѣятельности Некрасова.

Воспоминанія А. Н. Пыпина непосредственно вводятъ насъ въ сферу литературныхъ интересовъ того времени, къ которому относится молодость покойнаго писателя. Пыпинъ сошелся съ редакціей «Современника» въ серединѣ пятидесятихъ годовъ; въ шестидесятихъ годахъ онъ совмѣстно съ Некрасовымъ редактировалъ «Современникъ». Въ качествѣ сотрудника, а потомъ редактора «Современника» ему приходилось сталкиваться съ главными представителями литературы пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Съ Некрасовымъ онъ познакомился въ 1854 году. «Особенно близко съ нимъ я не могъ быть,—говоритъ Пыпинъ:—слишкомъ велика была разность поколѣній; но я довольно близко видѣлъ его въ дѣлахъ журнальныхъ. Не все мнѣ было симпатично въ этомъ характерѣ»... Въ другомъ мѣстѣ Пыпинъ такъ отзывался о личности Некрасова: «многое въ этомъ характерѣ не давало нравственнаго удовлетворенія; но въ общемъ счетѣ и по силѣ благоприятныхъ впечатлѣній въ моихъ впечатлѣніяхъ скорѣе преобладали и преобладаютъ симпатіи». Среди писателей, группировавшихся вокругъ «Современника», по мнѣнію Пыпина, «самымъ сильнымъ по таланту и самымъ крупнымъ по литературному значенію (до Л. Н. Толстого) былъ Тургеневъ»; но «по уму и общественному пониманію едва ли не всѣхъ превосходилъ Некрасовъ». «Нѣкоторыя особенности этихъ двухъ характеровъ,—пишетъ Пыпинъ,—бросались мнѣ въ глаза, когда я увидѣлъ ихъ обоихъ, ирдя въ первый разъ къ Некрасову. Некрасовъ заговорилъ просто, прямо о дѣлѣ... Съ Тургеневымъ у меня никакихъ дѣлъ не было; мое имя онъ зналъ и былъ любезенъ, но съ нѣкоторымъ, правда, едва замѣтнымъ тономъ покровительства,—быть можетъ, такой тонъ казался ему естественнымъ относительно молодого человѣка, впервые вступающаго въ литературную жизнь. Эта черта извѣстнаго, хотя и прикрываемаго высокомерія иныхъ прямо раздражала». Въ извѣстной распрѣ между Некрасовымъ и Тургеневымъ Пыпинъ становится на сторону перваго.

Опубликованныя А. Н. Пышнымъ письма Некрасова къ Тургеневу полны глубокаго значенія. Они обрисовываютъ совершенно новыми чертами личность Некрасова и дѣлаютъ ближе, понятнѣе намъ его поэзіи.

Муза Некрасова вдохновлялась не только чувствомъ местности и печали. Ей было знакомо очарованіе нѣжныхъ тоновъ и радужныхъ красокъ. Вспомнимъ хотя бы зимнюю картинку изъ «Крестьянскихъ дѣтей», полную свѣжнаго искрилаго блеска и какъ бы сотканную изъ прозрачныхъ ледяныхъ узоровъ. Некрасовъ жию ощущалъ «обаянье поэзіи дѣтства». Онъ тосковалъ о дѣтской свѣжести впечатлѣній, о голубомъ небѣ и яркомъ солнцѣ. Эти мечты о молодомъ солпечномъ счастьи нашли себѣ выраженіе въ его письмахъ къ Тургеневу изъ Рима, который онъ посѣтилъ въ 1856 году. Тамъ его съ новой силой охватили воспоминанія о иривольныхъ дняхъ дѣтства, и больше было ему сознавать, какъ исковеркала его душу сѣрая русская дѣйствительность. Вотъ отрывокъ изъ письма Некрасова къ Тургеневу, писаннаго подѣ влияніемъ этого настроенія: «Римъ мнѣ тѣмъ больше нравится, чѣмъ болѣе живу въ немъ,— и я твержу про себя приниравъ къ несуществующей итссенкѣ:

Зачѣмъ я по попалъ сюда
Здоровѣи и моложе?

«Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатлѣнія были живы и сильны, и ничто не засоряло души, мѣшая имъ ложиться. Я думаю такъ, что Римъ есть единственная школа, куда бы должно посылать людей въ первой молодости,— въ комъ есть что выпудъ не пошлое, въ томъ оно разовьется здѣсь самымъ благодатнымъ образомъ, и онъ навсегда унесетъ отсюда душевное изящество, а это человѣку поужиѣи цинизма и растлѣнія, которыми даритъ насъ щедро родная наша обстановка. Но мнѣ, во людямъ, подобнымъ мнѣ, лучше вовсе не ѣздить сюда. Смотришь на отличное небо, и залишься, что столько лѣтъ кпсъ въ болотѣ, и такъ далѣе до безконечности. Возвратъ къ впечатлѣніямъ моего дѣтства сталъ здѣсь моимъ кошмаромъ,—вѣрю теперь, что на чужбинѣ живѣе видишь родину, только отъ этого не слаще и злости не меньше... Зачѣмъ я сюда прѣхалъ? Чтобъ больше жизни стало жаль»... Въ силу душевной двойственности Некрасова, роскошныя картины южной природы, памятки, дышащія тысячелѣтними воспоминаніями, подчасъ возбуждали въ немъ мпзантропическія мысли. «По наклонности къ хандрѣ и къ романтизму,—шпшетъ онъ,—иногда раздражаюсь здѣсь отъ безчисленныхъ памятипковъ человеческого безумія, которое вижу на каждомъ шагѣ. Тысячи тысячъ разъ поруганная, распята добродѣтель и тысячи тысячъ разъ увѣчанное зло—илохая порука, чтобъ человѣкъ поумнѣлъ въ будущемъ. Подѣ этимъ впечатлѣніемъ забрался я третьяго дня на куполь св. Петра, и плюнулъ оттуда на свѣтъ Божій,—это очень пошлый фарсъ,—посмѣйся. Во мнѣ мало здоровой крови». Очень характерно это утѣшеніе, которое находитъ для себя Некрасовъ: «жить для себя не всякій день хочется и стоить, и тогда приходитъ вопросъ: зачѣмъ же жить? Поживемъ для того, чтобы хоть когда нибудь кому нибудь было полегче жить, отвѣчасть какой-то голось, очень самолюбивый голось! Но когда онъ молчитъ, когда пѣтъ этой вѣры, тогда и плюешь

на все, начиная съ самого себя. Ахъ, милый мой Тургеневъ, какъ мнѣ понравилась твои слова: «наше послѣднее слово еще не сказано»,—не за вѣру, которая въ нихъ заключается и которая можетъ обмануть, а за готовность жить для другихъ. Съ этой готовностью, конечно, сдѣлаешь чтонибудь». По возвращеніи въ Россію Некрасовъ писалъ Тургеневу: «сѣро, сѣро! глупо, дико, глухо, почти безнадежно! И все-таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ «родныхъ полей» и русскаго мужика... Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянъ,—дрянью кажется и все прочее, и самая жизнь—дрянью, о которой не стоить много думать». Въ этихъ словахъ вылилась вся та беззаветная, скорбная любовь, какую Некрасовъ любилъ свою несчастную родину. Скоро итальяскія впечатлѣнія потускнѣли, и русская дѣйствительность вступила въ свои права. «Миръ вамъ, поздніе отзывы молодости!—восклицаетъ Некрасовъ черезъ годъ:—благо, вы заснули, спите же мертвымъ своимъ,—никогда больше не поѣду въ Италію».

Для пониманія внутренняго міра Некрасова чрезвычайно интересны его отношенія съ Тургеневымъ. Некрасовъ очень любилъ Тургенева, какъ писателя и какъ человѣка. Объ этой любви онъ говорилъ на смертномъ одрѣ Пышину (см. воспоминанія послѣдняго). Черезъ всѣ его письма къ Тургеневу красной нитью проходятъ трогательныя изъявленія вѣжнаго чувства. Пѣвецъ гори, Некрасовъ какъ бы искалъ духовной опоры въ Тургеневѣ, который зналъ упоеніе лазурнаго счастья. Это было почти стихійное влеченіе, подобное тому, какое Тургеневъ въ свою очередь испытывалъ къ Льву Толстому. «Ты, о комъ я думаю часто, всегда съ приятнымъ и никогда съ горькимъ чувствомъ»,—такъ начинается одно письмо Некрасова къ Тургеневу (1855 г.). Въ другомъ письмѣ Некрасовъ говоритъ: «я,—ты не откажешь мнѣ въ этомъ,—дошелъ въ отношеніи къ тебѣ до той высоты любви и вѣры, что говоривалъ тебѣ самую задушевную правду о тебѣ» (1856 г.). Вотъ еще нѣсколько признаній Некрасова въ томъ же родѣ. «Люблю Теккерера; послѣ тебя это любимый мой современный писатель. Хотѣлъ вычеркнуть «послѣ тебя», но я теперь не въ такомъ духѣ, чтобы говорить любезности (Некрасовъ пишетъ это изъ Рима). Это сорвалось, и пусть останется. Русскій характеръ, или мой лично, странно устроенъ,—когда твои всегда милая для меня личность со всѣмъ своимъ вліяніемъ на идущее смѣняютъ насъ поколѣнія стоить передо мной (а это часто бываетъ), кажется, сказалъ бы тебѣ много, а станешь говорить или писать,—того глядишь, слетитъ съ языка злостная закорючка, и доброе слово мретъ на языкѣ или зачеркивается» (1856 г.). «Милый Тургеневъ, право, я тебя очень люблю,—въ счастливыя мои минуты особенно убѣждаюсь въ этомъ» (1857 г.). «Мнѣ кажется, что съ твоимъ прїѣздомъ я брошу подлыя карты, которыя губятъ мое здоровье» (1858 г.).

Наязненная, задумчивая печаль, придающая особую прелесть произведеніямъ Тургенева, находила живой откликъ въ душѣ Некрасова. Какъ тонко понималъ Некрасовъ творческій пафосъ Тургенева, это видно изъ его отзыва о повѣсти «Три встрѣчи»: «тонъ ихъ удивителенъ—какой-то страстной, глу-

бокой грусти. И вотъ что подумалъ: ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятыя вмѣстѣ... Пропу тебя, перечти «Три встрѣчи», уйди къ себѣ, въ свою молодость, въ любовь, въ неопредѣленные и прекрасныя по своему безумію порывы юности, въ эту тоску безъ тоски,—и напиши что нибудь этимъ тономъ. Ты самъ не знаешь, какіе звуки польются, когда разъ удастся прикоснуться къ этимъ струнамъ сердца, столько жившаго, какъ твое, любовью, страданіемъ и всякой идеальностью. Итъ, просто мнѣ надо написать статью о твоихъ повѣстяхъ, тогда я буду свободнѣе, я буду писать не для тебя, а для публики, и, можетъ быть, скажу что нибудь, что тебѣ раскроетъ самого себя, какъ писателя». Тоскуя о свѣжемъ и благоуханномъ романтизмѣ юности и не находя его въ своей душѣ, Некрасовъ особенно цѣнилъ въ другихъ эту способность отдаваться свѣтлымъ грезамъ и воспоминаніямъ.

Роковымъ образомъ въ отношенія Некрасова съ Тургеневымъ постоянно вылеталось что-то оскорбительно-вульгарное. Въ качествѣ издателя Некрасовъ иногда какъ будто лебезилъ передъ Тургеневымъ, какъ выгоднымъ сотрудникомъ. Письма его къ Тургеневу пересышаны униженными просьбами о поѣздѣ или романѣ. Некрасовъ жалуется, жметъ, охаетъ. «Я бѣденъ, очень бѣденъ!»—восклицаетъ онъ въ одномъ письмѣ (1850 г.). Въ другомъ онъ пишетъ: «рѣшаюсь напомнить вамъ о «Современникѣ». Сей журналъ составляетъ единственную, хотя и слабую, но тѣмъ не менѣе единственную опору моего существованія...». «Я надѣюсь на вашу доброту и не прибавлю ничего болѣе» (1851 г.). Подобныхъ отрывковъ можно бы привести множество. Некрасовъ самъ понималъ, что такое выпрашивание профанируетъ его чувство къ Тургеневу. «Знаю, что скучно получать такія просьбы,—говоритъ онъ,—но еще тяжелѣе приставать съ ними къ человѣку, съ которымъ желалъ бы совсѣмъ иначе разговаривать».

Странное явленіе представлялъ Некрасовъ. Задуманный поэтический даръ, тонкій умъ, рѣдкое художественное чутье непонятнымъ образомъ уживались въ немъ съ какимъ-то приказчинымъ подхалимствомъ и съ грубыми замашками прижимистаго коммерсанта. Шероховатости и вульгарныя черты его характера дѣйствовали отталкивающимъ образомъ на аристократически-щепетильнаго Тургенева. Изъ-за нихъ Тургеневъ не видѣлъ того, что было въ Некрасовѣ хорошаго. Первое, это то, что тотъ присвоилъ себѣ роль хозяина въ «Современникѣ», который предназначался для Вѣлинскаго. Тургеневъ привыкъ считать Некрасова ненадежнымъ въ финансовыхъ дѣлахъ человѣкомъ. На почвѣ этого недовѣрія между ними часто возникали недоразумѣнія, очень огорчавшія Некрасова. «Не ожесточайтесь противъ стараго своего пріятели Некрасова... Ваше письмо огорчило меня не столько съ точки зрѣнія журнальныхъ дразгъ, къ которымъ я привыкъ, сколько съ другой»,—пишетъ Некрасовъ въ 1849 г. въ отвѣтъ на колкое письмо Тургенева. Въ 1861 г., когда разрывъ сталъ неизбеженъ, Некрасовъ писалъ Тургеневу: «желаніе услышать отъ тебя слово, писать къ тебѣ, у меня дошло до тоски... Это тебя насмѣшить, но ты мнѣ въ послѣднія нѣсколько ночей снишься». «Останюсь попрежнему любящимъ тебя человѣкомъ»,—говоритъ Некрасовъ въ послѣднемъ своемъ

письмъ къ Тургеневу, — благодаримъ тебѣ за многое. Само собою разумеется, что это ни къ чему тебя не обязываетъ».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ привести замѣчательно интересныхъ критическихъ отзывовъ Некрасова о Жуковскомъ, Львѣ Толстомъ, Чернышевскомъ и т. д. Особенно характеренъ отзывъ о Жуковскомъ (стр. 131).

Въ обзорѣ литературной дѣятельности Некрасова, заканчивающей книгу, А. Н. Пыпинъ останавливается преимущественно на беллетристичѣ Некрасова и на его критическихъ статьяхъ.

Александръ Оле.

Литературный сборникъ къ столѣтію Императорскаго Казанскаго университета. Былое изъ университетской жизни. Казань. 1904.

«Сборникъ» почти цѣлкомъ состоитъ изъ статей и воспоминаній, печатавшихся раньше на страницахъ разныхъ періодическихъ изданій (между прочимъ, въ «Историческомъ Вѣстникѣ») и теперь собранныхъ воедино въ хронологическомъ порядкѣ. Въ общемъ сборникъ даетъ довольно блѣдную картину жизни Казанскаго университета и казанскаго студенчества за періодъ отъ его основанія до 80-хъ гг. (именно до 1877 г.) прошлаго столѣтія.

«Сборникъ» открывается отрывкомъ изъ «Воспоминаній» С. Т. Аксакова объ основаніи университета и первыхъ годахъ университетской жизни — всѣмъ извѣстныя безсмертныя страницы, проникнутыя горячей любовью къ наукѣ и приживленію, полныя восторга юности, самой лучшей и свѣтлой поры жизни русскаго челоуѣка — времени студенчества. Слѣдующая затѣмъ глава: «Университетъ въ 1830-хъ годахъ», состоящая изъ статей: 1) «Заволжскій Муравей» (университетскій журналъ, издававшійся студентами съ 1832 года) П. Пономарева; 2) «О Н. М. Ибрагимовѣ, Обществѣ любителей русской словесности при Казанскомъ университетѣ, о Г. П. Солнцева» и 3) «Изъ воспоминаній Н. П. Мамаева», за исключеніемъ послѣдней, представляетъ очень мало интереснаго. Послѣдняя же статья нашимъ читателямъ извѣстна, такъ какъ составляетъ переизданіе изъ «Историческаго Вѣстника» за апрѣль 1901 года.

Другія же воспоминанія 40-хъ гг. — отрывки изъ статей проф. Загоскина и В. Н. Назарьева, тоже переизданія изъ «Историческаго Вѣстника» за 1890 г. (№№ 11, 12) и 1894 г. (№ 1). Начинаясь они описаніемъ плачевнаго положенія Казанскаго университета и «науки», которая преподавалась въ первую половину 40-хъ гг. на юридическомъ факультетѣ его разными анекдотическими и зоологическими вѣзцами. Затѣмъ слѣдуютъ восторженныя страницы о профессорѣ гражданского права Мейерѣ, который на лекціяхъ говорилъ студентамъ о «жалкомъ положеніи крестьянъ, ихъ невѣжествѣ и бѣдности полуразвѣданныхъ избушекъ рядомъ съ грандіозными замками бароновъ (иѣмецкихъ)», который «жилъ ожиданіемъ близкаго обновленія нашей общественной жизни, неизбѣжной полноправности миллионовъ русскихъ людей и пророчилъ множество благъ отъ свободнаго труда и учрежденія крѣпостнаго права». Какъ живую,

встаетъ передъ нами тотъ замѣчательный человекъ, воспитывавшій своихъ учениковъ на идеяхъ добра, справедливости и свободы, въ апрѣлѣ 1849 г., за 12 лѣтъ до акта освобожденія крестьянъ, предчувствовавшій близость переворота во внутренней Россіи и убѣждавшій своихъ слушателей въ «ненормальности», «нелѣпности» и позорѣ тяготящаго надъ русскимъ народомъ ига, призывавшій ихъ «на служеніе правдѣ и всеявшій ту вѣру, безъ которой мертвы дѣла». Эти воспоминанія проникнуты «благоговѣніемъ къ идеальному профессору, среди общей вялости, дряхлости, безжалостной сухости или напускнаго смиренія былогвремени, смѣло будившему мысль и предсказывавшему близость великихъ реформъ», совершившихся на глазахъ у автора.

Далѣе воспоминанія дѣлаются все болѣе полными. Глава: «Университетъ въ 50-хъ годахъ», заключаетъ уже шесть статей, принадлежащихъ М. А. Воронову, А. Г. Князеву (о проф. Ф. О. Влчичѣ), проф. Успенскому (о знаменитомъ славистѣ проф. В. П. Григоровичѣ), А. Гаццискому (о А. М. Бутлеровѣ, С. В. Ешевскомъ и др.) и проф. Д. А. Корсакову. Особенно любопытны воспоминанія послѣдняго. Небезынтересно отмѣтить, что до половины 50-хъ гг. въ жизни студентовъ Казанскаго университета была «героическая» эпоха — разгула, кутежей, буйства и пр., отразившаяся въ цѣломъ циклѣ студенческихъ пѣсенъ. Первые «политическіе» беспорядки въ Казанскомъ университетѣ произошли осенью 1856 года, но это все же было еще «время переходное отъ періода кутежно-повѣсническаго къ періоду болѣе серьезныхъ движеній». Первая «студенческая исторія» въ Казани — пѣснѣе двухъ офицеровъ: кн. Оболенскаго и Лобачевскаго (сына математика), послѣдовавшія затѣмъ сходки и осмистаніе на одной изъ нихъ преподавателя учебнаго округа В. П. Молоствовъ кончились очень печально: главный «зачинщикъ» беспорядковъ, студентъ Ив. Ник. Умновъ, былъ отданъ въ солдаты, остальные были исключены изъ университета на разные сроки. Эта исторія описана П. Д. Воборыкинымъ въ его романѣ: «Въ путь-дорогу». Еще болѣе бурная «исторія» произошла въ 1859 году изъ-за лекцій проф. Н. Н. Булича, которыя подлежащимъ начальствомъ были найдены очень «либеральными» и вызвали цѣлый рядъ сходковъ, дѣло окончилось исключеніемъ многихъ студентовъ, которые были высланы на родину съ жандармами. Изъ эпохи 60-хъ гг. Казанскаго университета любопытно отмѣтить учрежденіе въ 1860 г. студенческаго суда и лекцій гремящаго въ свое время профессора русской исторіи Щапова (воспоминанія Л. О.). Воспоминанія Сг. В. Смоленскаго очень ярко рисуютъ бытъ казанскаго студенчества въ 60-хъ и 70-хъ гг. и вліяніе университета на Казань. Точно сейчасъ читаешь эти «пламенные статьи» вновь появившихся журналовъ и видишь «недоумѣніе крѣпостниковъ и генераловъ передъ оgorошившею ихъ гласностью и развязностью этихъ «запретныхъ идей»... Но воображеніе современнаго россиянина отказывается представить себѣ картину студенческаго веселья 60-хъ годовъ «безъ знакомства съ полиціей», и какъ-то не вѣрится автору. Не мудрено, что автору есть о чемъ вспомнить съ радостью и благодарностью; не мудрено, что среди современниковъ автора, старыхъ студентовъ-казанцевъ, дожившихъ до нашихъ дней, нѣтъ «равнодушныхъ инвалдовъ», которыхъ въ такомъ огромномъ количествѣ плодитъ современная русская дѣйствительность.

Не мудрено, что въ ихъ рѣчахъ «неизмѣнно и упрямо звучать тѣ же нотки», что «темижъ и тоиъ этой музыки остался тотъ же самый» и даже «еще радостнѣе въ привѣтахъ правдѣ и прогрессу». Охотно вѣримъ, что всѣмъ этимъ— «этой неугасающей радостью въ трудѣ они, уже довольно помятые жизнью, обязаны именно университету 60 хъ годовъ», учившему ихъ «твердо вѣрить въ правду и силу любимой ими науки». Наконецъ, что касается послѣдней главы «Сборника»: «Университетъ въ 70-хъ гг.» (воспоминанія С. Г.), то она едва ли можетъ дать удовлетворительное понятіе объ этомъ интересномъ времени русскаго студенчества, когда совершалось хожденіе въ народъ и проч.

А. Ев—ховъ.

К. Я. Гротъ. Къ біографіи, твореніямъ и перепискѣ И. И. Козлова. Спб. 1904.

У насъ до сихъ поръ нѣтъ еще ни обстоятельной біографіи, ни критическаго изданія сочиненій пользовавшагося въ свое время широкой извѣстностью и за предѣлами Россіи И. И. Козлова. Изъ обнародованныхъ же матеріаловъ о немъ наиболѣе цѣнными являются статьи А. Хомутова «Изъ бумагъ поэта И. И. Козлова», письма къ Козлову В. А. Жуковскаго и воспоминанія И. В. Салыванова: «Мое знакомство съ ооэтомъ-слѣпцомъ И. И. Козловымъ». Матеріалы, напечатанные К. Я. Гротомъ, не имѣютъ такого же значенія, какъ указанные раньше, но все же представляютъ относительный интересъ какъ для біографіи поэта, такъ и для будущаго критическаго изданія его произведеній.

Эти матеріалы получены К. Я. Гротомъ отъ умершей въ апрѣлѣ прошлаго года дочери поэта и представляютъ собою краткую замѣтку ея объ отцѣ съ перечисленіемъ главныхъ фактовъ изъ его жизни, записки къ нему В. А. Жуковскаго, Н. И. Тургенева и С. И. Тургенева, письмо къ нему переводчика его «Чернеца» на итальянскій языкъ, маркиза де-Бочелла; затѣмъ идетъ стихотвореніе Козлова, навѣянное однимъ изъ посѣщеній А. С. Пушкина, нѣсколько вариантовъ и поправокъ къ напечатаннымъ уже стихотвореніямъ и коротенькая записка на французскомъ языкѣ, сдѣланная нетвердой рукой поэта-слѣпца, прекрасно рисующая его душевное настроеніе. Приведемъ ее въ переводѣ: «Простая свѣча, которую съ горячей вѣрой ставятъ передъ иконой Богоматери, даетъ болѣе успокоенія и утѣшенія, чѣмъ всевозможныя философскія разсужденія». Это религіозное настроеніе явилось не плодомъ постигшаго Козлова въ зрѣлые годы несчастья, какъ можно было бы думать, а коренилось въ его душѣ, по свидѣтельству дочери, еще съ ранней юности, съ годами лишь постепенно усиливаясь, что можно прослѣдить и по его произведеніямъ.

Въ приведенной замѣткѣ Александра Ивановна дѣлаетъ слѣдующую характеристику своего отца: «Серьезное образованіе онъ самъ почерпнулъ въ изученіи разныхъ литературъ и чтеніи книгъ, предаваясь этому съ увлеченіемъ его страстной натуры. По-англійски и по-итальянски онъ выучился уже большой. (Страданія еще болѣе послужили развитію его силъ душевныхъ и умственныхъ. Память имѣлъ изумительную. Характеръ сохранилъ веселый, общительный. Сближеніе съ людьми, выдающимися въ поприщѣ искусства, поэзіи, науки, му-

зыкп, — со всѣмъ, что живить истинную жизнь, было ему утѣшеніемъ, дарованнымъ свыше, въ дружескихъ сношеніяхъ съ такимъ людьми».

Стихотвореніе къ А. С. Пушкину озаглавлено: «Къ господину Александру». Козловъ говоритъ, что не ему хвалить того чародѣя, чудесный даръ котораго дивить весь міръ. Но онъ не можетъ забыть, какъ поэтъ однажды явился въ его «тѣсный пріютъ» и радушно веселилъ его «во мракѣ вѣчной ночи» своими стихами.

Но, какъ, бесѣдуя со мною,
Ты часто увлекалъ меня
Высокой ясною душою,
Съ какимъ привѣтомъ каждый разъ
Твои глубокія познанья,
Забавный, умный твой рассказъ
Мои лелѣли мечтанья
Безцѣнной дружбою твоею,—
Пребудетъ въ памяти моей.

Напечатанные К. М. Гротомъ матеріалы снабжены подробными объясненіями, примѣчаніями, нѣкоторыми свидѣніями о послѣднихъ годахъ жизни дочери поэта, которая всю молодость отдала несчастному отцу и была его постояннымъ секретаремъ. Всѣ варианты къ пзвѣстнымъ стихотвореніямъ Козлова представляютъ несомнѣнный интересъ.

А. Я.

Записки состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Александра Михайловича, общества изученія Амурскаго края (Владивостокскаго отдѣленія Пріамурскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества). Томъ IX, вып. I и II. Владивостокъ. 1904.

Отчетъ того же общества за 1903 годъ. Владивостокъ. 1904.

Лежащій передъ нами отчетъ «Общества изученія Амурскаго края» прекрасно характеризуетъ благотворную дѣятельность этого общества въ области этнографіи. На первомъ планѣ въ его работѣ стоитъ расширеніе и обогащеніе музея, который, благодаря трудамъ и пожертвованіямъ членовъ, обогатился въ теченіе 1903 года такими, наиримѣръ, интересными номерами, какъ коллекція бабочекъ, коллекція куколъ въ китайскихъ одеждахъ, альбомами вѣдвовъ, гербаріями и проч. Общество непрерывно трудится надъ увеличеніемъ своей бібліотеки и само вноситъ въ этнографическую литературу болѣе или менѣе цѣнные вклады, о чемъ свидѣлствуютъ новые два выпуска (первый и второй IX тома) «Записокъ» общества. Особенно интересенъ I выпускъ, въ которомъ мы находимъ «Матеріалы къ этнографіи забайкальскихъ казаковъ», собранные г. Логиновскимъ. Здѣсь передъ читателемъ развертывается цѣлый рядъ старинныхъ обычаевъ, повѣрій, заклинаній и заговоровъ, связанныхъ, разумѣется, съ тѣми или другими вѣрованіями забайкальцевъ. Собиратель не ограничился записью устныхъ разсказовъ, но воспользовался и найденными кое-

гдѣ старинными рукописями. А, кромѣ того, и произвелъ надѣ собраннымъ матеріаломъ нѣкоторую критическую работу. «Сравнивая настоящій матеріалъ, — говоритъ этнографъ, — съ имѣющимися въ Хабаровской, Владивостокской и Чигинской бібліотекахъ этнографическими матеріалами, я исключилъ въ немъ всѣ замѣчанныя мною повторенія; если же и случатся таковыя, то смѣю думать, что повторяющіеся варианты не потеряютъ интереса для сравнительной этнографіи, тѣмъ болѣе этнографіи нашей окраины, гдѣ эта область знанія еще такъ мало изслѣдована, и гдѣ вовсе не собраны матеріалы по народной медцинѣ». Призывая за «Матеріалами» г. Логинновскаго весьма высокія достоинства, мы не можемъ не указать на желательность очень большой точности, даже педантичности въ подробностяхъ. Напримѣръ, при сообщеніи о томъ, что отъ «золотухи дѣтей поятъ разными травами, при чемъ умываютъ настоемъ коры, куриной слѣпоты (родъ кустарника) или настоемъ чертополоха съ чтеніемъ заговора», собиратель не сообщаетъ, какими именно травами поятъ, и что это за «курпная слѣпота» — кустарникъ (*Caltha palustris?*). А между тѣмъ при работѣ надъ этнографическимъ матеріаломъ это можетъ быть чрезвычайно важно. А затѣмъ неясно, беретъ ли г. Логинновскій изъ записей только заговоры и отъ себя прибавляетъ разъясненіе, или, напримѣръ, указаніе на «духа Свиха» нашлось въ самой записи (вѣдь упоминаніе «Свиха» въ заговорѣ при вывихѣ можетъ быть простымъ олицетвореніемъ). Второй выпускъ болѣе спеціальнаго характера: здѣсь мы находимъ статейку г. Жданка — «Гидрографическія работы русскихъ моряковъ Тихаго океана» — сообщеніе въ обществѣ. Оно, очевидно, было иллюстрировано волшебнымъ фономъ: ссылки на картины (фотографіи, виды, карты) странно звучатъ, если не видишь этихъ картинъ и даже не имѣешь возможности увидѣть. Для печати нужно было, конечно, нѣсколько переработать докладъ или же дать фотографіи. Кромѣ этого доклада, мы находимъ во II выпускѣ «Матеріалы къ гидрологіи Уссурійскаго края» г. Осендовскаго.

Я. Ав — въ.

Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904.

Среди современныхъ историковъ профессоръ Львовскаго университета Михалъ Грушевскій занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. По широкой постановкѣ вопросовъ, по силѣ ихъ освѣщенія, по безошибочной логичности выводовъ и ясности положенія всѣхъ его изслѣдованій давно признаны образцовыми, а въ обществѣ приходится признавать, что мы имѣемъ дѣло съ большимъ талантомъ, и пожалѣть только, что Грушевскому не суждено было занять одну изъ русскихъ университетскихъ кафедръ. Въ частности, онъ заслуживалъ почтительную извѣстность своимъ большимъ курсомъ по украинской исторіи: «Исторія України-Руси» (Львовъ, 1898—1903, теперь печатается второе изданіе), переведеннымъ и по-нѣмецки (изданіе Тейбнера въ Лейпцигѣ). Но причинамъ, воплотивъ понятнымъ, этотъ четырехтомный трудъ украинскаго ученаго почти недоступенъ русскимъ читателямъ. Кромѣ того, указанный курсъ, прежде

неско как изслѣдованіе, носить слишкомъ серьезный характеръ, избилуетъ полемикой, выписками, справками и ссылками. Обыкновенный читатель съ такимъ изложениемъ не соладаетъ. Наконецъ, его «Исторія» доведена только до конца XVI вѣка.

Въ этихъ отношеніяхъ «Очеркъ исторіи украинскаго народа» оказывается болѣе удобной книгой. При всей своей научности онъ рассчитанъ на широкій кругъ читателей и доведенъ до нашихъ дней. Составился онъ изъ лекцій, читанныхъ авторомъ весной 1903 года въ русской школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Критическій аппаратъ и ссылки выброшены вмѣстѣ съ мелкими фактами. Оставлено только существенное, и ему придана довольно популярная форма. На одинъ изъ недостатковъ «Очерка», на недостатокъ, надо признаться, крупный, указываетъ самъ Грушевскій въ предисловіи. «Написанная годъ тому назадъ, книга выходитъ только теперь, — говоритъ онъ, — и не въ такомъ видѣ, какъ это было бы для меня желательно... Значительные пробѣлы, особенно въ послѣднихъ главахъ книги, быть можетъ, мнѣ удастся восполнить позже. А пока мнѣ остается еще попросить читателя — исправить досадныя погрѣшности, вкравшіяся въ книгу при печатаніи ся безъ постоянного непосредственнаго наблюденія, и снисходительно отнестись къ неправильностямъ рѣчи, которыя, несмотря на всѣ старанія (?), остались въ изложеніи и, вѣроятно, въ немаломъ числѣ: мое чутье языка, очевидно, успѣло притупиться за десять лѣтъ жизни за границей». Мы нарочно привели здѣсь слова самого автора, и не будь этого сознанія съ его стороны, критикъ, дѣйствительно, имѣлъ бы право указать массу выраженій, но меньшей степени, не принятыхъ у насъ и прямо рѣжущихъ ухо, привыкшее къ литературной рѣчи. Конечно, о «притупленіи чутья языка» можно спорить, но это, быть можетъ, входитъ въ какія нибудь нивыя дѣли автора. Во всякомъ случаѣ жаль, что книга плохо редактирована.

Очень интересны первыя двѣ главы: «Современная украинская колонизація и ея историческія измѣненія. Украинскій этническій типъ. Разселеніе украинскіихъ племенъ. Тюркская миграція». Въ трактовкѣ этихъ вопросовъ авторъ показалъ себя на высотѣ безпристрастнаго ученаго и говоритъ спокойно, безъ выходовъ по адресу дѣйствительно странной Погодинской теоріи. Намъ кажется только, что не правъ авторъ во взглядѣ на «династическую идею» въ системѣ земель Кіевского государства (стр. 93—96), и мы находимъ болѣе вѣрнымъ взглядъ В. Н. Сергѣевича на порядокъ замѣщенія столовъ, который зависѣлъ не отъ одного родства и старѣйшинства. Лучшаго мы ожидали и отъ очерка культуры и искусства въ Кіевскомъ княжествѣ и большей научности отъ географической карты; даже въ популярномъ изданіи слѣдовало быть осторожиѣе въ представленіи о малорусскомъ населеніи. Но эти недостатки и другіе окунаются такими прекрасными главами, какъ «Украинское возрожденіе въ XIX вѣкѣ» и «Современное состояніе украинства», гдѣ читатель найдеть много новаго и необыкновенно интереснаго.

А. Я.

Иванъ Франко. Збирякъ творивъ. 2 тома. Кіевъ. 1904.

Южно-русское книгоиздательство «Вискъ» за послѣдніе годы выпустило около 25 новыхъ книгъ—произведеній новой украинской литературы. Кромѣ изданныхъ отдѣльно беллетристическихъ произведеній Левипцаго, Мырного, Коцюбиньского, Гринченка, Коняського-Перебенди, Тобилевича (псевдонимъ Карпенка-Карого), Шевченка и другихъ, оно предприняло новую серію «Украинской Библіотеки», и до сихъ поръ вышло 15 книжекъ. Здѣсь нашли себѣ мѣсто «Оповідання» и «Повісти» Шевченка, Свидницького, Руданьского, Крымьского, Марка Вовчка, Чернявського, Вордуляка, Франка и Грушевського. Нужно отдать справедливость редакціонному комитету: выборъ дѣлается имъ всегда удачно, книжки издаются изящно, въ правописаніи дѣлается все возможное, а цѣна отдѣльнымъ книжкамъ недорогая—приблизительно около 50 к. Все это, вмѣстѣ съ замѣтнымъ развитіемъ изящной украинской литературы за послѣднее десятилітіе, дѣлаетъ новыя изданія «Виска» явленіемъ выдающимся. Конечно, каждый изъ изданныхъ писателей имѣетъ свои достоинства, найдетъ своихъ читателей и поклонниковъ, но мы немально останавливаемся на интересномъ чловѣкѣ и талантливомъ писателѣ Иванѣ Франкѣ.

Предъ нами самобытный мыслитель съ мятущейся душой, съ неустаннымъ исканіемъ свѣта и счастья для всего чловѣчества. Предъ нами беллетристъ и ученый съ богатымъ духовнымъ міромъ, съ нервной дѣятельностью и непримиримой борьбой за благо чловѣка, въ котораго онъ вѣрять, которому готовъ поклоняться.

Прямолинейный и простой, никогда не гнушивъ своей гордой головы предъ сильными сынами міра или предъ болѣе сильными ихъ — обстоятельствами, этотъ мощный талантъ не находитъ нужнымъ далеко заиртывать свои идеалы, смѣло говоритъ, что «правдивая поэзія должна быть всегда моральной», и сборникамъ своихъ рассказовъ даетъ такія же прямолинейныя и простыя названія—«Въ потѣ лица» и «Къ свѣту». Жизненные условія сдѣлали его поразительнымъ энциклопедистомъ, почти немислимымъ для нашего времени. Поэтъ и критикъ, филологъ и историкъ, экономистъ и публицистъ, этнографъ и популяризаторъ,—во всѣхъ родахъ своего творчества онъ является даровитымъ писателемъ съ широкими взглядами, бодримъ работникомъ съ свѣтлыми замыслами. Къ сожалѣнію, мѣсто его дѣятельности и языкъ, на которомъ онъ пишетъ, представляютъ значительныя затрудненія для популярности его далеко за предѣлами его маленькой родины: затерянная среди Карпатъ Галичина и гонимая «украинская мова»—первыя границы для популярности одного изъ гуманѣйшихъ писателей стараго и новаго времени, Ивана Франка.

Каждый изъ его рассказовъ представляетъ собой нѣчто вполне законченное, и въ то же время всѣ его рассказы связаны общей мыслью, общими типами, одинаковыми положеніями.

Въ галлерей созданныхъ имъ типовъ нерѣдко легко узнать самого автора, жизненнымъ девизомъ котораго служатъ тѣ же простыя слова—«въ потѣ лица», какъ названъ первый томъ его сочиненій. Его герои такъ же много трудятся и съ такой же твердой надеждой на отдыхъ въ будущемъ, какъ и

самъ Франко; такъ же голодаютъ и мерзнутъ, лишь гдѣ-то вдалекѣ видя полное насыщеніе и тепло; ихъ такъ же преслѣдуютъ болѣе счастливые и сильнѣе, такъ же обманываютъ, эксплуатируютъ предприниматели, алчные къ наживѣ. Но экономическія условія нашего времени создали особую обстановку, среди которой каждый рабочій трактуется только, какъ сила; и лишь только она перестаетъ быть «силой», теряетъ всякую цѣнность, выбрасывается за бортъ, какъ негодная вещь. Гдѣ же искать справедливости, гдѣ искать «страну блаженныхъ»? Современная жизнь не даетъ реального отвѣта. Онъ возможенъ только въ мечтахъ. И, отдавая дань романтизму, Франко обращается назадъ, въ глубь вѣковъ, къ временамъ татарщины, рисуя идеальную картину для утѣшенія рабочаго класса. Такія наблюденія вызываетъ его большая историческая повѣсть «Иванъ Беркутъ», къ сожалѣнію, не появившая въ данные томики.

Наконецъ, рассказы Франка интересны еще тѣмъ, что большинство изъ нихъ — «частицы его самого», т.-е. представляютъ автобіографическій матеріалъ. Съ гордостью называя себя сыномъ того народа, который идетъ въ гору, несмотря на то, что долгое время сидѣлъ взаперти, Франко провозглашаетъ свой лозунгъ въ словахъ: «работа, счастье и свобода», а своему сборнику рассказовъ изъ быта простого народа и культурныхъ работниковъ даетъ вдумчивое заглавіе: «В поті чола». Этимъ единственнымъ путемъ, по убѣжденію автора, рабочій классъ можетъ найти спасеніе: если каждый работникъ самъ по себѣ ничтоженъ въ экономическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ, то добровольное единеніе и солидарность ихъ интересовъ современемъ создадутъ огромную силу. Такой союзъ возможенъ: нужно только, чтобы зло стало слишкомъ очевиднымъ, возросло до недостижимыхъ размѣровъ, и кризисъ не замедлитъ явиться. Тогда будетъ и счастье, будетъ и свобода. Вотъ почему неправы тѣ критики, которые считаютъ Франка несимпатомъ, сгущающимъ краски ради эффектныхъ картинъ, и тенденціознымъ реалистомъ. Если въ его рассказахъ и гибнетъ какъ будто одна сѣрая масса «рабочаго люда», а ликуетъ толпа хищниковъ, то такіе результаты, по мнѣнію автора, мы видимъ только теперь, только пока, временно, когда большее или меньшее умѣнье приспособляться отличаетъ счастливыхъ отъ несчастныхъ. Это — правдивый приговоръ надъ настоящимъ, а не картина будущаго, не пророчество о немъ. Наоборотъ, въ основѣ и съ ногъ до головы Франко — оптимистъ, потому что увѣренъ въ реальномъ торжествѣ счастья, добра и правды именно на землѣ, а средство къ этому — трудъ, борьба и свѣтъ.

Уже въ этомъ одномъ заключается воспитательное и общественное значеніе всѣхъ «творинъ» талантливаго украинскаго писателя. Несмотря на то, что многія изъ его произведеній переведены на русскій литературный языкъ, а кое-что вышло въ дешевыхъ изданіяхъ для народа, — имя Франка у насъ извѣстно гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать. Поэтому смѣло надѣмся, что въ недалекомъ будущемъ появятся полные переводы всѣхъ его произведеній, которые, несомнѣнно, сблизятъ разъединенныя вѣтви общей русской литературы.

А. И. Яцимирскій.

**Дмитрій Кобеко. Вторая поправка родословія Шереметевыхъ.
Опб. 1904.**

Поправка г. Кобеко относится къ извѣстному труду г. Александра Барсукова «Родословіе Шереметевыхъ» и въ частности касается стольника Василія Ивановича Шереметева, скончавшагося 12-го января 1652 года, и женъ его: 1) Ксеніи Ивановны Коробьиной, † 5-го мая 1650 года, и Евѣмїи... (Р. Ш., Ал. Барсукова, изд. 2-е, 1904 г., стр. 8).

Василій Ивановичъ, сынъ боярина Ивана Петровича, состоялъ въ 1644 году стольникомъ и имѣлъ въ это время, по мнѣнію г. Барсукова, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ; слѣдовательно, родился онъ около 1629 года. Если это такъ, то онъ скончался молодымъ еще человѣкомъ, не достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста. Несмотря на свою молодость, Василій Ивановичъ былъ женатъ два раза.

О первой женѣ въ трудѣ Барсукова говорится, что она была изъ древняго дворянскаго рода Коробьиныхъ. Г. Кобеко называетъ, однако, древность эту «относительною» и сообщаетъ, что «Коробьины считались въ Москвѣ людьми не родословными: они были дѣти боярскіе городовые; бывали въ губныхъ старостахъ и засѣчныхъ и станщичьихъ головахъ». Ксенія Ивановна скончалась 5-го мая 1650 г., оставивъ мужу единственнаго сына Петра.

Вскорѣ послѣ смерти первой жены Василій Ивановичъ вступилъ во второй бракъ съ Евѣмїею... Этимъ именемъ ограничивается въ трудѣ г. Барсукова все родословіе второй супруги Шереметева, и въ видѣ справки сообщается, что имя Евѣмїи встрѣчается въ дѣлахъ вотчинной коллегіи, и что Евѣмїи Шереметева состояла въ штатѣ прїѣзжихъ боярынь царицы Маріи Ильиничны.

Г. Кобеко заинтересовался такими указаніями и поставилъ себѣ вопросъ: кто же была вторая супруга Василія Ивановича Шереметева? Посредствомъ справокъ въ московскихъ архивахъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, приводимыхъ въ его поправкѣ подробно, онъ документально доказалъ, что эта неизвѣстная г. Барсукову Евѣмїя была Евѣмїя Ивановна Милославская, и приходилась, по старинной терминологіи родства, сестрою Маріи Ильиничны Милославской, съ 26-го января 1648 года, супруги царя Алексѣя Михайловича. Понятнымъ становится и то обстоятельство, что Евѣмїя Шереметева, несмотря на стольническій чинъ мужа, состояла въ штатѣ царицы: главнымъ условіемъ назначенія въ чинъ прїѣзжей боярыни было родство государево или царицыно. Евѣмїя Ивановна отвѣчала этому условію, имѣя съ царицей общаго прапрадѣда — Ивана Ильича Милославскаго.

Свою поправку г. Кобеко считаетъ важнымъ дополненіемъ родословія Шереметевыхъ: «оно (дополненіе) бросаетъ еще новый лучъ свѣта на отношеніе рода Шереметевыхъ къ царствовавшему дому».

«Неумѣнье г. Барсукова, — заключаетъ г. Кобеко, — послѣдовать, къ какой фамиліи принадлежала Евѣмїя Шереметева, родственница царицы Маріи Ильиничны, столь же мало замѣнительно, какъ и утвержденіе его, что супруга

Ивана Петровича (кол. XII, 40), Θεодосія Андреевна, была рожденная Полева, тогда какъ она была рожденная Апраксина, племянница царицы Марѳы Матвѣевны»...

А. X—o.

Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ профессора К. Вёрмана, директора дрезденской галлерей. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова, старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа. Томъ первый. Спб. 1904.

Среди популярныхъ всеобщихъ «Исторій искусства» объемистое сочиненіе Вёрмана занимаетъ совершенно особое мѣсто. Написанное серьезно, научно, нѣсколько сухо и даже тяжело, оно даетъ такія свѣдѣнія, которыя почти не возбуждаютъ сомнѣній. Археологъ по преимуществу, человекъ съ широкой и строго-научной подготовкой вообще и поклонникъ національности во всѣхъ ея проявленіяхъ, Вёрманъ даетъ точныя и толковыя описанія или характеристики произведеній архитектуры, живописи и скульптуры, не забываетъ и искусства прикладного, т. е. художественной промышленности. Очень осторожно дѣлаетъ онъ всякія обобщенія, иногда опредѣляетъ первоисточники для цѣлой группы художественныхъ предметовъ, и на первомъ планѣ у него фактический матеріалъ, безъ котораго онъ не рѣшится гонорить даже о томъ, что повѣстно, повидному, въ любой книгѣ по исторіи искусствъ. Но мы ошиблись бы, если бы ожидали отъ Вёрмана какихъ нибудь смѣлыхъ и широкихъ обобщеній, сопоставленій, сравненій и т. д., которыя охватывали бы цѣлыя эпохи. Повторяемъ, нѣмецкій историкъ искусства прежде всего — ученый, и яркія картинны изъ исторіи цѣлой эпохи въ жизни искусства не входятъ въ его римую задачу.

Въ своемъ предисловіи редакторъ русскаго перевода обращаетъ вниманіе читателя еще на слѣдующую особенность Вёрмана: его исторія не излагается въ освѣщеніи тѣхъ или другихъ философскихъ воззрѣній, и это качество признается за плюсъ. Мы съ этимъ не согласны. Отрицать какую бы то ни было философскую систему при изслѣдованіи такой важной области въ жизни отдѣльнаго народа и человечества, какимъ является искусство, — нельзя. Это равносильно отрицанію закономерности въ эволюціи всякой культурной жизни, отрицанію неизбежной зависимости отдѣльныхъ эпохъ и ихъ представителей отъ общихъ теченій философской мысли, какъ высшаго выраженія общечеловѣческой идеи. Намъ кажется, что въ наше время, время всякихъ обобщеній и итоговъ, нельзя ограничиться одной задачей — «познакомить читателя съ развитіемъ собственно художественныхъ мотивовъ, выдвинуть на первый планъ ихъ видоизмѣненія при переходѣ изъ эпохи въ эпоху, отъ народа къ народу». А если намъ скажутъ, что стремленія къ болѣе широкимъ обобщеніямъ въ области искусства не всегда были успѣшны, что «Исторіи» Мутера или Венуа представляютъ намъ ошибки и увлеченія именно въ обратную сторону, то это — дѣло частнаго характера, только неудачные опыты. Читатель въ иномъ требовать отъ «Исторіи искусства всѣхъ временъ и народовъ» самыхъ широкихъ задачъ, а въ данномъ случаѣ ихъ не найдетъ.

Первый томъ обвиняетъ искусство дохристіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ и состоитъ изъ 7-ми главъ: «Искусство доисторическихъ, первобытныхъ и полукультурныхъ народовъ», «Древнее искусство Востока», «Греческое искусство», «Искусство древней Италіи и Римскаго всемірнаго государства», «Языческое искусство въ сѣверной Европѣ и его отырыски въ западной Азіи», «Индійское и восточно-азиатское искусство» и «Искусство ислама». Интересно введеніе въ первую главу, гдѣ авторъ разсматриваетъ тѣ попытки къ созданію памятниковъ искусства, которыя можно найти у нѣкоторыхъ животныхъ. Новостью для русскихъ читателей будетъ приложенный въ концѣ I тома алфавитный списокъ литературныхъ пособій; нѣкоторую научность всему изданію придастъ также указатель именной и предметный, составленный умѣло.

Рисунки исполнены прекрасно и, такъ сказать, «педагогично», т.-е. сняты съ наиболее удачныхъ пунктовъ, и хорошо вышли наиболее характерныя подробности ихъ. Хороши и снимки въ краскахъ, напримѣръ, египетскія и помпейскія фрески, росписи греческихъ вазъ, японскія цвѣтныя ксилографіи, восточныя ткани и другіе, однимъ словомъ, внѣшность изданія стоитъ впереди содержанія книги.

А. Я.

А. Е. Алекторовъ. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900.

Это—не старая книга: въ 1900 году она начата печатаемъ, а окончена въ 1904 году.

Книга эта, несмотря какъ бы на специальное заглавіе, достойна вниманія историковъ. Это—не просто библиографическій указатель, а нѣчто гораздо большее.

Киргизъ-кайсаки извѣстны у насъ съ XVIII столѣтія, они занимаютъ почти все пространство западныхъ среднеазиатскихъ степей, разстлающихся къ востоку отъ границъ Европейской Россіи, къ югу отъ Сибири, на западъ отъ предѣловъ китайскихъ и на сѣверъ отъ владѣній кокавскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ. Этотъ кочевой народъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія добровольно перешедшій въ русское подданство, много доставлялъ хлопотъ русскому правительству; только чрезъ 100 лѣтъ послѣ присоединенія ихъ удалось ввести какой нибудь порядокъ въ управленіи ими и тѣмъ положить предѣлъ ихъ хищническимъ наклонностямъ. Исторія этого народа представляетъ значительный интересъ, и, какъ часть Россіи, достойна изученія. Книга г. Алекторова будущему изслѣдователю и окажетъ несомнѣнную услугу.

Въ книгѣ около 1.000 страницъ мелкой, но отчетливой печати; здѣсь не только приведена вся литература о киргизахъ, но изложено вкратцѣ и содержаніе большинства статей, такъ что интересующійся тѣмъ или инымъ вопросомъ имѣетъ возможность въ большинствѣ случаевъ и не разыскивать самыхъ источниковъ.

Одно неудобство, и, пожалуй, довольно существенное: книги и статьи расположены по авторамъ, а при анонимности ихъ—по алфавиту тѣхъ периоди-

ческих изданий, где помещены. Систематического указателя нет, и потому приходится перелистывать всю книгу, подбирая материал по какому либо вопросу. Это неудобство все же не так велико в сравнении с громадным и отлично выполненным трудом.

А. В. С.

«Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1904 годъ», книга четвертая. М. 1904.

В этой книге «Чтений» под рубрикой материалов исторических помещены: сотницы (1554—1572 гг.), грамоты и записи (1628—1701 гг.), выпуск третий, с предисловием С. А. Шумакова (I—VIII+1—214). Эти документы непосредственно относятся к уже изданным тем же исследователем материалам из грамот коллегии экономии, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции (см. «Чтения», 1902, кн. 2, и 1903, кн. 3). Из сотниц в настоящей четвертой книге «Чтений» помещены: сотница двинская 7062 г., дтв дмитровская 7070 г., звенигородская 7067 г., каргопольская 7064 г., коломенская 7062 г., русская 7076 г. и оболенская 7080 года.

В добавлениях к первому отделу г. Шумаков перечисляет акты (купчая, данные, жалованные грамоты и др.) из грамот коллегии экономии, которые относятся к изданным сотницам XVI вѣка. Здѣсь же исследователь приводит свои замѣчания по вопросу о бобылях. Оказывается, по некоторым сотницам, признакъ непашенный для бобыля не является важным, иногда даже непашенные противопоставляются бобылям, хотя, с другой стороны, бобыли прямо называются пашенными. Вопреки мнѣнію М. А. Дьяконова, по Шумакову, болѣе, чѣм вѣроятнѣе и бобыль, спящій на половинномъ крестьянскомъ тягольномъ участкѣ (въ подтвержденіе дѣлается ссылка на сотницы, I, 97, Араамась, 7093). Не играетъ для понятія бобыля рѣшающей роли и занятіе ремеслами и промыслами, мало того, встрѣчается въ источникахъ даже прямое смѣшеніе крестьянъ съ бобылями. Благодаря вышеуказаннымъ наблюденіямъ, авторъ склоняется по вопросу о бобыляхъ къ мнѣнію В. И. Сергѣевича, по словамъ котораго вопросъ о бобыляхъ очень сложенъ и не поддается общему рѣшенію, такъ какъ въ этомъ вопросѣ можетъ идти рѣчь не о бобыляхъ вообще, а лишь объ отдѣльныхъ видахъ ихъ.

На одинъ изъ видовъ бобыльства, именно на бобылей-изгоевъ, г. Шумаковъ обращаетъ особенное вниманіе, такъ какъ до сихъ поръ исследователь на немъ мало останавливался. Бобыли, по сотницамъ, есть преимущественно пришлые, выбитые изъ обычной колена люди, бѣдные и одинокіе; иногда находимъ «по церковной землѣ дворъ бобыльской». Значитъ, изгой стоитъ въ какихъ-то особыхъ отношеніяхъ къ церкви, а именно какъ люди бѣдные и одинокіе, полагаетъ г. Шумаковъ. А потому изгоевъ смѣло можно принять за одинъ изъ видовъ бобылей. Въ подтвержденіе своего предположенія исследователь приводитъ еще и то соображеніе, что, когда употребительно было слово

«пагой», слово «бобыль» въ памятникахъ ни разу не встрѣчалось; когда же появилось слово «бобыль», то терминъ «пагой» изъ памятниковъ исчезъ; возможно, что здѣсь мы имѣемъ случай смѣны терминовъ для обозначенія одного и того же понятія.

Въ нашей рецензій, конечно, не мѣсто рѣшать столь сложный вопросъ, какъ вопросъ о бобыляхъ. Его, разумѣется, нельзя рѣшить и на основаніи тѣхъ отдѣльныхъ, а порою и неопредѣленныхъ указаній, какія даются сотницами. Вызываетъ сомнѣнія и предположеніе г. Шумакова о томъ, что пагой являются однимъ изъ видовъ бобылей. Бобыли обычно были людьми бѣдными, одиночками, но изгоемъ считался и князь, не имѣвшій удѣла; трудно думать, чтобы онъ былъ человекомъ бѣднымъ и подходилъ подъ категорію бобылей. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что указанія г. Шумакова довольно любопытны, за нихъ можно быть только благодарнымъ послѣдователю.

Въ добавленіяхъ же данъ систематическій перечень всѣхъ изданныхъ г. Шумаковымъ сотницъ и систематическій перечень учрежденій, классовъ и разрядовъ населенія, встрѣчающихся въ сотницахъ третьяго выпуска.

Во второмъ отдѣлѣ (грамоты и записей) изданы документы изъ столбцовъ Помѣстнаго приказа (стр. 43—162), дающіе богатый матеріалъ для исторіи юридическаго и экономическаго быта населенія въ XVII вѣкѣ. Въ добавленіяхъ ко второму отдѣлу указанъ составъ Помѣстнаго приказа, при чемъ судьи поименно называются за время съ 1622 г. по 1709 г., дьяки же съ 1622 по 1681 г., такъ какъ съ конца 1680 г. дьяки въ дѣлопроизводствѣ приказа поименно не называются, какъ то было раньше, а лишь глухо говорилось: «судья такой-то съ товарищи», или: «судья такой-то и дьяки». Всего указано 56 человекъ, о времени ихъ службы сдѣланы точныя указанія по алексинскимъ столбцамъ, параллельно чему приведена также хронологія по сообщеніямъ В. Н. Сторожева, Ардашева и Новикова (изъ Вавлюев., XX). Отдѣльныя указанія даны о дьякахъ послѣ 1680 г. и о всемъ составѣ Помѣстнаго приказа до 1622 года.

Далѣе слѣдуетъ систематическая роспись содержанія и систематическая роспись учрежденій второго отдѣла. Въ концѣ сводные указатели къ третьему выпуску «Сотницъ, грамотъ и записей» и къ «Замѣткамъ по исторіи Рязанскаго стола Помѣстнаго приказа»: а) именъ личныхъ, б) географическихъ и в) учрежденій и классовъ и разрядовъ населенія.

Подъ рубрикой матеріаловъ историко-литературныхъ помѣщено: «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ», Н. П. Петрова, выпускъ третій, рукописи Кіево-Софійскаго собора (окончаніе), съ алфавитнымъ указателемъ, относящимся ко всему описанію (197—308+I—LVIII стр.).

Въ «Смѣси» напечатаны слѣдующіе документы: 1) О церкви Іакова апостола, за Покровскими воротами, въ Москвѣ, 1667—1674 г. (1—3 стр.); 2) О построеніи церкви на Москвѣ, на Мясницкой, на дворѣ Бориса Приклонскаго, 1672—1675 (3—18); 3) Объ устройствѣ пруда на Сафьяновомъ дворѣ въ Москвѣ, на Воронцовомъ полѣ, 1672 (18—19); 4) Явочная челобитная Пѣсношскаго монастыря казеннаго подьячаго Ѳ. Елпизарьева на пугмена Корнилія, 1684 г.; 5) О ваговорной соли, изъ дѣлопроизводства конца XVIII в. (20—26); 6) Дьячій подлинный списокъ 1699 г. (27—29); 7) Письма ямие-

ратора Петра I, императрицы Екатерины I, царевича Алексѣя и царовны Наталіи къ кн. Якову Феодоровичу Долгорукову (30—32).

Таково содержаніе четвертой книги «Чтеній» за 1904 года. М. К.

А. В. Кругловъ. Веселыя похороны. Романъ. М. 1905.

Романъ этотъ былъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1902 году, и потому мы напомнимъ о немъ нашимъ читателямъ лишь въ немногихъ словахъ.

Подъ столь оригинальнымъ названіемъ авторъ изобразилъ вовсе не похороны въ прямомъ смыслѣ, а сильную душевную драму семипариста Якова Крестовоздвиженскаго, которому мать не позволила жениться на любимой имъ бѣдной дѣвушкѣ Сонѣ. Мать напла ему другую новѣсту—Дуню, хотя и болѣе простоватую, зато обезпеченную хорошиимъ приданымъ и отцовскимъ доходнымъ священническимъ мѣстомъ. Въвиду верасположеніе Якова къ духовной карьерѣ, Соня встала на томъ, чтобы онъ ѣхалъ въ столицу учиться въ медицинскую академію. Къ тому же она и не хотѣла выходить замужъ за попа. Это особенно и вооружило противъ нея родителей молодого человѣка, желавшихъ видѣть сына на стези его отца. Поэтому попадя опутала Якова тонкой интригой, которая и привела все къ желанной цѣли.

Хотя дѣйствіе романа отнесено къ недавнему прошлому времени, но это измѣняло лишь форму, а не сущность. Психологія дѣйствующихъ лишь такова же и въ наши дни. Всѣ сложныя перипетіи колебаній безвольнаго Якова, подивнаго сначала вліянію Сони и товарища Псалмопѣвцева, а затѣмъ вліянію родителей и бабушки, — проведены авторомъ очень искусно и умѣло съ полнымъ сохраненіемъ жизненной правды. Хитрая интриганка попадя не отталкиваетъ отъ себя, а даже заставляетъ жалѣть себя, потому что читатель видитъ въ ней прежде всего горячо любящую свое дѣтище мать. Вина ея заключается лишь въ томъ, что она видѣла счастье сына не тамъ, гдѣ его думалъ найти онъ... Только потому она и женила его на Дунѣ... Свадьба явилась похоронами первой ипшной сильной любви, но такъ какъ ее отпраздновали весело: съ виномъ, музыкой и плясомъ, то женихъ назвалъ свою свадьбу «веселыми похоровами».

Авторъ нарисовалъ въ своемъ произведеніи широкую бытовую картину, полную глубокаго внутренняго смысла и значенія. Н. И. К.

Записки общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 3. Варшава. 1904.

Только что вышедшій 3-й выпускъ «Записокъ» рисуетъ довольно ярко картину дѣятельности варшавскаго ученаго общества. Въ теченіе какихъ либо 7 мѣсяцевъ было 32 засѣданія общества. Это, конечно, говорило бы о чрезвычайно оживленной дѣятельности его, если бы не одно обстоятельство, бросаю-

пешся въ глаза. Дѣло въ томъ, что ни на одномъ изъ этихъ засѣданій не было ни разу и половины всѣхъ членовъ общества: только разъ было 33 человѣка, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ число присутствовавшихъ на засѣданіи членовъ не превышало 15—20 человѣкъ. И это при 185 членахъ, насчитывающихся въ «обществѣ». Нельзя сказать, что бы это свидѣтельствовало о достаточномъ развитіи интереса членовъ къ научнымъ вопросамъ и вообще къ дѣятельности, опредѣляемой болѣе или менѣе развитыми научными и литературными вкусами.

Нельзя не замѣтить также, что большое количество прочитанныхъ рефератовъ и докладовъ, производящее на первый взглядъ весьма пріятное впечатлѣніе, было достигнуто на счетъ качества ихъ. Какъ на наиболѣе ярко отбѣивающія эту сторону дѣятельности «общества», укажемъ на засѣданія, происходившія 8-го февраля (стр. 11 и д.), 23-го марта (стр. 25), 4-го мая (стр. 28) и 7-го декабря (стр. 62). На этихъ засѣданіяхъ были прочитаны доклады г. Заболотскаго и г. Власова. Доклады эти даже напечатаны: «Гуманные мотивы поэзіи Некрасова» Заболотскаго во 2-мъ выпускѣ «Записокъ», «Поэты гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ» его же въ 3-мъ выпускѣ и «Къ вопросу о постановкѣ преподаванія географіи» г. Власова во 2-мъ выпускѣ. Представить себѣ что либо ниже всякой элементарной критики врядъ ли возможно. Не понимая, какъ можно печатать такія не только положительно бездарныя вещи, но и прямо-таки безграмотныя, какъ «труды» г.г. Заболотскаго и Власова. Смѣло можно сказать, что ни одинъ даже самый плоховѣкій журналъ такой дребедени не принялъ бы. Къ тому же тонъ этихъ докладовъ прямо-таки неприличенъ: самоувѣренности, анломба, безконечнаго самомишнія, такъ и сквозящаго въ каждомъ словѣ, хоть отбавляй. И этакій тонъ при колоссальномъ невѣжествѣ. Удивляешься, какъ ни одинъ изъ слушателей этихъ докладовъ не сказалъ ничего соотвѣтствующаго достоинству ихъ. Неужели такъ-таки и нѣтъ въ «обществѣ» ни одного человѣка, который, во имя имени его ученаго достоинства, подобнаго рода продукты невѣжества, а главное, безцеремонной самоувѣренности, назвалъ бы настоящимъ ихъ именемъ? Читая отчетъ о преніяхъ по поводу этихъ съ позволенія сказать докладовъ, просто и не знаешь, что думать: ни одного слова, подобающаго случаю. Или варшавское ученое общество боится критики, предпочитая миръ и тишину, или оно просто не желаетъ оберегать своего достоинства.

Къ счастью «общества» не всѣ доклады таковы, какъ писанія г.г. Заболотскаго и Власова. Въ 3-мъ выпускѣ напечатаны, напримѣръ, доклады г.г. Спекторскаго («Органическая теорія общества»), Фляксбергера («Философія Канта») и Алексѣева («Къ долговому вопросу въ Римѣ»). Это все безспорно вещи, достойныя печати и стоящія на высотѣ научныхъ и литературныхъ требованій. Становится даже какъ-то досадно за авторовъ этихъ докладовъ, что ихъ помѣстили рядомъ съ г. Заболотскимъ. Кромѣ того, были прочитаны и другіе доклады, заслуживающіе вниманія и указывающіе на то, что «общество» существуетъ не даромъ: оно несомнѣнно привлекаетъ болѣе или менѣе серіозные элементы общества, хотя и немногочисленные (да врядъ ли въ Варшавѣ и можетъ быть ихъ много?). Особенно это слѣдуетъ сказать объ юридическомъ.

отдѣленіи «общества». Тутъ несомнѣнно дѣло обставлено гораздо серіознѣе, чѣмъ на историко-филологическомъ. Во всякомъ случаѣ такихъ вопіющихъ вещей, какъ «доклады» г. Заболотскаго, тутъ не было ни разу, судя по протоколамъ засѣданій. Зато былъ прочитанъ цѣлый рядъ докладовъ на самые животрепенущіе вопросы и весьма серіознаго и широкаго значенія. Что же до преній въ этомъ отдѣленіи, то они въ большинствѣ случаевъ, судя по отчету, отличаются дѣловитостью, серіозностью и именно уваженіемъ къ достоинству «общества»: укажемъ хотя бы на возраженія г. Горбунова, какъ на дѣльную и соответствующую этому достоинству критику.

N. N.

**С. Васюковъ. Крымъ и горные татары. Изд. А. Ф. Девріена.
Спб. 1905.**

Приморская часть Крыма, береговая полоса курортовъ съ ихъ казовой культурной вышностью, гостиницами и ресторанами, легкими фаэтонами и жирными, наглыми татарами-проводниками знакома многимъ русскимъ туристамъ. Ялта, Алупка, Гүзүрүфъ стали привычными названіями, какъ Тверь, Калуга, Рязань... Да, Крымъ не Кавказъ, его знаютъ, изучили со всѣхъ, можно сказать, сторонъ. Но правда ли это? Изучили южный берегъ Крыма, но и то изучили оригинально, каждый по-своему: большинство дамъ изучили татарь-проводниковъ, пріѣзжіе чиновники произвели точное послѣдованіе ресторановъ и гостиницъ, туристы славили на одну, другую гору, а всѣ вмѣстѣ ѣли виноградъ и купались въ морѣ. Вотъ море!.. какое чудное море, и воздухъ, и небо... превосходно!.. прелесть этотъ Крымъ!..

Въ талантливо и живо написанной книгѣ г. Васюкова читатель не найдетъ описанія курортовъ, которыхъ онъ касается слегка, мимоходомъ. Все его вниманіе устремлено въ центръ горъ, гдѣ живутъ и работаютъ такъ называемые таты, или горные татары, трудолюбивый, честный, но, къ сожалѣнію, не устроенный въ земельномъ отношеніи народъ. Какая разница между этими дѣтьми горъ, довѣрчивыми, гостепріимными, по сравненію ихъ съ татарами курортовъ и ихъ представителями-фаэтонщиками, наглость и нахальство которыхъ не пышетъ граніцъ.

И что жъ?.. даже по небольшой книгѣ г. Васюкова можно наблюдать послѣдствія нашей окраинной политики и русскаго культурнаго вліянія на трудовой элементъ Крыма, который въ послѣдніе годы таетъ, эмигрируя въ Турцію, или поселяясь близъ курортовъ, гдѣ сравнительная легкость заработка и безусловно вредное вліяніе культуртрегеровъ и туристовъ прекрасно дѣлаютъ свое дѣло, превращая честнаго земледѣльца татарина въ проиодника или лакея.

Крымъ — это страна высшей культуры земледѣлія, культуры, съ которой русскіе земледѣльцы незнакомы, и потому горные татары, эти умѣлые виноградари, табаководы и садоводы, безусловно необходимый элементъ для развитія полуострова въ хозяйственномъ отношеніи. И что жъ?.. этотъ нужный народъ, эти настоящіе кровные крымчаки поставлены были и теперь находятся въ такихъ условіяхъ, что должны или бѣжать, покидать свою родину, или же

развращаться. Грустныя послѣдствія нашего неумѣнья пользоваться естественными богатствами, которыхъ государство добижалось кровью и мечомъ... Завоеванъ Крымъ для того, чтобы по берегу моря построить дѣльн рестораноу и между ними провести желѣзную дорогу, выгнать трудовой, нужный народъ и расплодить негодяевъ-проводниковъ,—развѣ это не печально? По нашему мнѣнiю, курорты курортами, а народное хозяйство само собой. Но для послѣдняго ничего не сдѣлано. Поидите въ горы и посмотрите на орудія производствя, приглядитесь къ условiямъ невозможнымъ, эксплуатации горныхъ татаръ, которыхъ вы пожалѣете и непремѣнно полюбите за ихъ терпѣнiе и открытое сердце. Вотъ въ этомъ-то и главная заслуга г. Васюкова, который правдиво и художественно очертилъ характеръ горнаго, наивнаго тата. Правда, книга представляетъ легкiе наброски, а не изслѣдованiе, но въ русской литературѣ по этому вопросу ничего нѣтъ, кромѣ прекрасной книги Евг. Маркова, знатокъ всего Крыма. Книга снабжена рисунками довольно извѣстнаго пейзажиста К. Э. Гефтлера, которые, къ сожалѣнiю, не всѣ удачны, особенно первый, когда волны бѣгутъ, какъ вѣтые рысаки. Но Карасубазаръ въ исполненiи художника великолѣпнѣе.

К. Р. М.

Полицейское право. Конспектъ лекцiй Н. Н. Бѣлявскаго, профессора Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1904.

Книга г. Бѣлявскаго не представляетъ собою оригинальнаго систематическаго труда; собственно говоря, это—обстоятельный обзоръ важнѣйшихъ данныхъ науки полицейскаго права по той программѣ, по которой оно преподается въ нашихъ университетахъ. Въ основу обзора въ исторической его части положенъ извѣстный трудъ покойнаго П. Е. Андреевскаго; что же касается догматической части, то курсъ Андреевскаго, уже устарѣвшiй для нашего времени, дополненъ данными новѣйшаго законодательства, а въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ переработанъ почти заново. Точно также поставленъ на уровень современныхъ требованiй отдѣлъ, посвященный указанiямъ литературы вопроса о сущности науки полицiи и новѣйшихъ теченiяхъ въ наукѣ полицейскаго права. Порядокъ изложенiя обзора по предметамъ таковъ: сначала дается краткiй историческiй очеркъ съ бѣглыми ссылками на литературные источники, а затѣмъ передается дѣйствующее законодательство отечественное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и иностранное, по преимуществу французское, германское и англiйское. Послѣдовательно излагается организацiя полицейскихъ учрежденiй, центральныхъ и мѣстныхъ, мѣры регулированiя передвиженiя населенiя, мѣры предупрежденiя и пресѣченiя преступленiй, наблюденiе за печатью, санитарная и медицинская полицiя, народное продовольствiе, прирѣвнiе бѣдныхъ, народное просвѣщенiе, мѣры содѣйствiя развитiю горнаго промысла, сельскаго хозяйства и т. д.

Большая или меньшая компактность содержанiя, простой дѣлоуой языкъ, дѣлають книгу г. Бѣлявскаго хорошимъ учебнымъ пособiемъ для студентовъ, которымъ за неимѣнiемъ новыхъ полныхъ курсовъ до сихъ поръ приходится читать для экзаменовъ жалкими конспектами, рѣчными издѣлiемъ книж-

ных спекулянтовъ, въ изобиліи выпускающихъ такъ называемые повторительные конспекты. При этихъ условіяхъ обзоръ, составленный специалистомъ предмета, не можетъ но быть встрѣченъ сочувственно. Г.

Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками) А. Крыловскаго. Кіевъ. 1904.

Вмѣстѣ съ Виленскимъ Львовское «братство» считается самымъ древнимъ и наиболѣе передовымъ. Въ числѣ его представителей и дѣятелей находимъ извѣстныхъ лицъ, принимавшихъ активную роль во всѣхъ важныхъ событіяхъ церковно-исторической жизни юго-западныхъ русскихъ окраинъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Основанія вмѣ школы и типографіи заслужили почетную извѣстность и упоминаются во всѣхъ учебникахъ русской исторіи или литературы. Поэтому понятенъ тотъ интересъ къ книгѣ А. Крыловскаго, который она вызываетъ однимъ своимъ заглавіемъ. Конечно, объемистую книгу нельзя назвать «изслѣдованіемъ», хотя авторъ во многихъ случаяхъ пользуется архивнымъ матеріаломъ и старательно оправдываетъ ссылками каждое сообщеніе, иногда самаго общаго содержанія. Онъ не доказываетъ какихъ нибудь новыхъ положеній, а спокойно и подробно пересказываетъ факты, почему книга производитъ впечатлѣніе все-таки компіляціи. Кромѣ того, едва ли согласна съ дѣйствительностью его оцѣнка дѣйствій католическаго духовенства и польскихъ властей: если вѣрить автору, то православные окажутся только страдальцами, а ихъ противники только гонителями, самыми несправедливыми и жестокими. Разъ велась борьба одинаковыми средствами, разъ каждое предпріятіе братства являлось противовѣсомъ католической пропагандѣ, то, намъ кажется, нельзя закрывать глаза на хорошее и дурное и побѣдоносно восклицать: «но надеждамъ поборниковъ напѣва и уни не суждено было осуществиться. Сильна была въ русскомъ народѣ любовь къ православной вѣрѣ; велика была его преданность къ константинопольской столицѣ (?), откуда возсіялъ для него свѣтъ христіанской вѣры. Могуча и вынослива русская натура!» (стр. IX) и т. и. въ томъ же духѣ.

Что касается фактической стороны, то она интересна и заслуживаетъ вниманія. Остановимся на нѣсколькихъ фактахъ. Извѣстна, напримѣръ, долгая борьба между братствомъ и Гедеономъ Балабаномъ, который въ стремленіи братчиковъ къ самостоятельности видѣлъ подрывъ канонической власти епископа. Въ примиреніи ихъ принялъ участіе молдавскій господарь Іеремія Могила, который! просилъ братчиковъ, «абысте съ отцомъ епископомъ Гедеономъ добре пребывали и его чтили»; а затѣмъ, въ началѣ 1602 года, прислалъ своего логовета Луку Строща специально для того, чтобы склонить братчиковъ къ уступкѣ епископу, котораго они и признали «властнымъ экзархомъ вселенскаго патріарха». Особенно важной оказалась поддержка со стороны молдавскихъ господарей для постройки новой Успенской церкви во Львовѣ, до сихъ поръ извѣстной подъ именемъ «волошской». Пресвятая церковь сгорѣла въ 1527 году,

и на вистройку нової братство не мѣло средствъ. На обращеніе его къ господарю Александру Лопушану, послѣдній прислалъ 100 золотыхъ, обѣщавъ сдѣлать образа, завѣсы, цѣцкія врата, утварь и облаченія и совѣтовавъ тратить деньги умеренно, стараться сдѣлать все домашними средствами, напримѣръ, самимъ выстроить кирпичный заводъ, испросить королевскій пропускъ металла для колоколовъ безъ пошлины и т. д. Затѣмъ онъ обѣщавъ на свой счетъ позолотить крестъ на главѣ храма, прислать «живности и вина», необходимыя при освященіи. Въ 1559 году церковь была закончена и освящена, но всей вѣрности, молдавскимъ митрополитомъ Григоріемъ II, послѣ чего господарь не разъ присылалъ деньги на ризисы церкви внутри и снаружи, на покрытіе ея черепицею, присылалъ принасы для угощенія народа во время храмовыхъ праздниковъ, предлагалъ выучить четырехъ львовскихъ ибъчичи «греческому и сербскому» пѣнію, даже входилъ въ вопросы обряда, напримѣръ, указывая на малые размѣры просфоръ, или церковнаго быта, упрекая братчиковъ въ плохомъ содержаніи духовенства. Надъ входомъ въ церковь въ стѣну вѣшана мраморная доска съ надписью и упоминаніемъ всей семьи Александра — жены его Роксандры, дѣтей Богдана, Петра, Іоанна, Теодора и Кляжмы. Вслѣдствіи тотъ же господарь думалъ построить и колокольню, но отложилъ постройку вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ въ Молдавіи. Въ 1571 году церковь сгорѣла, и братство обратилось черезъ гостившаго во Львовѣ антиохійскаго патриарха Іоакима къ молдавскому господарю Стефану Богдану (1591—1592) и валашскому Петру Хрому (1582—1591) съ просьбой о помощи; кромѣ того, братство послало троихъ выборныхъ къ молдавскому митрополиту Георгію V Мошля, который помогъ имъ получить долги съ частнаго лица, дебитора братства, и просилъ польскаго короля выдать грамоту для обезпеченія братства отъ католическихъ посягательствъ.

Какъ извѣстно, и московскій царь Теодоръ Іоанновичъ прислалъ на постройку церкви деньги, кое-какія вещи и книги. Но главная помощь въ этомъ дѣлѣ оказана была молдавскимъ господаремъ Іереміей Могилой, который и раньше, въ должности великаго логовѣта, помогалъ братству, а съ 1599 года ежегодно отпуская денежное пособіе, такъ что къ 1606 году насчитывалось его пожертвованій деньгами 3.620 золотыхъ и 9.760 польскихъ злотыхъ; это дѣлалось, несмотря на то, что самъ господарь нуждался въ деньгахъ, жалясь, что и въ Молдавіи «мало не вездѣ было сказано». Послѣ смерти Іереміи въ 1606 году, братчики просили брата его Симеона Могилу (1606—1608) и вдову Елисавету поддержать постройку, подходящую къ концу. Просьбы ихъ никогда не оставались безъ результатовъ, хотя денегъ все-таки не хватало, и постройка тянулась до 1627 года, когда новый господарь Митронъ Барновскій изъ той же фамиліи Могила обѣщавъ слѣдовать примѣру предковъ и, не располагая наличными деньгами, послалъ во Львовъ около 1.000 кусковъ селитры. Братчики продали ее, выручили 4.746 злотыхъ и рѣшили собирать остальныя деньги какъ можно энергичнѣе. Въ слѣдующемъ году Барновскій прислалъ 2.000 злотыхъ, еще черезъ годъ 3.000, его логовѣтъ Димитрійъ присоединилъ къ нимъ 150 талеровъ, и въ 1629 году церковь была окончена, при чемъ гербъ Могила помѣщенъ въ главномъ куполѣ съ соответствующей надписью, въ ко-

торой Варновскій названъ «совершителемъ цоркви», а его предшественники — «криторами». Несмотря на то, что въ томъ же году господарь лишился престола, ояъ пожертвовалъ нѣсколько цѣнныхъ книгъ въ окладяхъ, сосуды, облаченія и персидскій коверъ, назначилъ день освященія церкви, прислалъ своего архимандрита пѣъ Устья, древнѣй рѣзной деревянный крестъ и нѣсколькихъ придворныхъ съ угощеніями. Церковь освящена 16 января 1631 года; на освященіи присутствовали кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила. Въ память этой благотворительности львовская типографія посвятила Варновскому Октоихъ 1630 года съ витѣватымъ предисловіемъ папегрического характера. Какъ видимъ, факты интересные.

Замѣтимъ только, что авторъ ошибается, говоря объ упоминаніи Галлча «у Геродота и Юрнада» (стр. 1), неправильно печатаетъ фамилію Zubr(z)uski и названіе книги Acta grodzki(e) i ziemski(e) (стр. 3), невѣрно передаетъ слова «лагофеть» вмѣсто логоеть (159), «Лопушанинъ» вмѣсто Лопушнянъ (188), «Вернавскій» вмѣсто Варновскій (200 и др.), «каца» вмѣсто кацен (202), слово «кнежна» принимаетъ за нарицательное вмѣсто собственнаго (196), смерть Іереміи Могилы относитъ къ 1607 году вмѣсто 1606 (199), не понимаетъ значенія обычнаго титула «Ю(аннъ)», печатая его I. O. (190), говоритъ о какихъ-то печатныхъ паданіяхъ въ Болгаріи (267), наконецъ, его языкъ — слишкомъ семипарскаго пошиба, и выраженія въ родѣ «не переставалъ печися» (189) производятъ странное впечатлѣніе.

А. И. Яцимирскій.

На вичну пам'ять Котляревському. Литературный збирникъ. Кіевъ. 1904.

Выпущенный издательствомъ «Викъ» сборникъ посвященъ памяти безсмертнаго автора «перелицованной Энеиды», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-чаривника». Сборникъ составленъ умѣло, интересно, напечатанъ красиво и стоитъ недорого. Его нестрота, обычная въ подобныхъ сборникахъ-альманахахъ, лишаетъ насъ возможности перечислить лучшія, на нашъ взглядъ, беллетристическія произведенія, а потому приходится остановиться на нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя обращаютъ на себя больше вниманія.

Въ статьѣ Билоусенка «Спльскый сатырыкъ» пересказывается автобіографія малорусскаго «поэта-самоучки», который сочинялъ ѣдкия сатиры на своихъ односельчанъ. Она представляетъ не только литературный интересъ, потому что свѣдѣнія о малорусскихъ поэтахъ пѣъ народа необыкновенно скудны. Мы много знаемъ о великорусскихъ поэтахъ стараго и новаго времени, а въ академіи наукъ существуетъ уже цѣлый «Музей русскихъ самоучекъ», но малорусскими поэтами и онъ бѣденъ. Если не ошибаемся, очеркъ Билоусенка пѣветъ въ виду Ивана Калитиченка, крестьянина Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи. Разсказъ Винниченка «Заручины» полонъ драматизма. Въ немъ много живыхъ лицъ и бытовыхъ подробностей. Талантливо написана «Цнна крови» С. Ефремова. Разсказъ А. Конисскаго «Виснѣ день до жыття Люли» построенъ нѣсколько искусственно. Ояънапоминаетъ тургеневское «Накануна», но, судя

по некоторым интересным подробностям, известным нам лично, списать с натуры.

Талантливо написан этюд М. Кодибиновского «Цвать аблуни». Небольшой рассказ «Щастя Пейсаха Лейдермана» — один из лучших по теплотѣ рассказовъ М. Левецкаго.

Современная тема затронута въ рассказѣ Лысака-Татаренка «Коло осанты». О рассказѣ Д. Мордовцева «Луна зъ новой Украйны» трудно судить, потому что онъ, очевидно, не весь пропущенъ цензурой.

Мы не будемъ останавливаться на остальныхъ авторахъ. Каждый изъ нихъ далъ что нибудь новое по темѣ или трактовкѣ, каждый изъ рассказовъ прочтется съ интересомъ. Здѣсь мы находимъ наиболее популярныя имена — Г. Барвинокъ, Т. Бордулякъ, Г. Грыценко, Н. Кобрынская, В. Левенко, О. Маковой, О. Мартовичъ, В. Поталенко, П. Родный, П. Смутокъ, М. Чернявскій, Л. Яновская; И. Тобилевичъ (Карпенко-Карый) напечаталъ новую драму «Гандя». Затѣмъ слѣдуютъ стихотворенія А. Бабенка, С. Волоха, М. Вороного, П. Грабовскаго, Б. Гринченка, В. Доманецкаго, Ф. Доброхольскаго, Г. Комаровой, А. Крымскаго, П. Мырного, С. Павленка, В. Самійленка, М. Славинскаго, Л. Украинки, П. Франка, М. Чернявскаго. Отмѣтимъ переводы изъ Фета, Фофанова, Хвощивской, Голеннича-Кутузова, Козлова, Гуда, Гёте, Лонгфелло, Уэйлса, Ницше. Хороша поэма Франка о Ив. Вишневецкомъ съ аскетическими и истинными идеями; изящный стихъ и оригинальныя чувства въ стихотвореніяхъ Чернявскаго. Однимъ словомъ, объединенныя силы украинской литературы прекрасно свидѣтельствуютъ о ея жизненности и необходимости, на страхъ ея многочисленныхъ враговъ и скептиковъ.

Книга богато иллюстрирована 11 рисунками Карпенка въ «Эпидѣ», снимками съ трехъ барельефовъ Позена на памятникѣ Котляревскаго въ Полтавѣ, рисункомъ Т. Шевченка — домъ поэта въ Полтавѣ, фотографіей могилы Котляревскаго и его портретомъ въ краскахъ. Затѣмъ находимъ списокъ изданныхъ произведеній чествуемаго писателя и статей, касающихся его, — труды М. Комарова и С. Ефремова. Неудачна обложка книги въ краскахъ съ напыленнымъ «малюнкомъ» на «Витѣ витры». Она портитъ общее благопріятное впечатлѣніе.

А. И. Яцимирскій.

В. Бузескулъ, проф. Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ. 1904.

Ровно годъ тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ помѣщенъ отзывъ о первомъ изданіи книги проф. Бузескула. Необходимость черезъ годъ оповѣстить читателей о новомъ изданіи — лучшая рекомендація этой книги, казалось бы, специальной, не имѣющей хода въ большую публицу. Но дѣло въ томъ, что проф. Бузескулъ освѣщаетъ древность съ широкой исторической точки зрѣнія. Выполненный имъ отчетливый очеркъ движенія, совершающагося теперь въ области древне-греческой исторіи, несомнѣнно, вызоветъ въ читателей живой интересъ къ античности и поспособствуетъ намѣненію архаическихъ взглядовъ на классицизмъ, какъ на нузало. Проф. Бузескулъ далъ очень

полезную книгу: она является единственнымъ на русскомъ языкѣ справочнымъ пособіемъ по греческой исторіи, но ея значеніе не исчерпывается этимъ: «Введеніе» посвящено исторіи умственной жизни древности въ XIX вѣкѣ.

Второе изданіе нѣсколько переработано авторомъ. кое-что выпущено, кое-что прибавлено, пополнена библиографія. Кроме того, авторъ сдѣлалъ полезное нововведеніе, напечатать наиболѣе спеціальныя мѣста книги другимъ, удобнѣе шрифтомъ. Этотъ приемъ облегчаетъ чтеніе книги среднему читателю-неспециалисту.

II.

Семитическіе языки и народы. Теодора Нельдеке. Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Выпускъ V. Москва. 1903.

Изданный нынѣ почтенный трудъ Семитическіе языки и народы известнаго ориенталиста Теодора Нельдеке представляетъ важное приобрѣтеніе для нашей ученой литературы. Изложить такъ сжато и ярко исторію семитическихъ народовъ и языковъ могъ только такой крупный знатокъ этого вопроса, какимъ является нынѣ Т. Нельдеке, профессоръ Страсбургскаго университета. Къ сожалѣнію, пока издава по-русски лишь первая часть этой работы, появленіе второй части откладывается на неопредѣленное время. Въ основѣ перевода лежитъ второе, исправленное изданіе эскиза Т. Нельдеке: *Die semitischen Sprachen* (Лейпцигъ, 1899). Переводъ сдѣлали студентами Лазаревскаго института В. Ф. Минорскимъ и В. В. Миллеромъ подъ редакціей А. Е. Крымскаго. Первая половина эскиза (стр. 1—41 по нѣмецкому изданію) переведена В. Ф. Минорскимъ и нынѣ издава съ большими дополненіями отъ редактора, частью же съ примѣчаніями акад. П. К. Кокорцова. Переводъ второй половины эскиза принадлежитъ В. В. Миллеру. Въ первую половину эскиза вошли три главы: о семитическихъ языкахъ вообще, языкѣ еврейско-финикійскій и языкѣ арамейскій (вѣтвь западная и восточная). Эскизъ открывается толкованіемъ термина «семиты». Именемъ семитическихъ обозначаютъ группу языковъ Азіи и Африки, частью мертвыхъ, частью живыхъ, а именно: еврейскій съ финикійскимъ, арамейскій, вавилонско-ассирійскій, арабскій, эіонскій. Такое названіе, впервые предложенное Шлѣцеромъ, основано на томъ, что Библія большинство народовъ, говорящихъ этими языками, производитъ отъ Сима, сына Ноева. Классификація народовъ, заключающаяся въ X главѣ книги Бытія, исходитъ не изъ филологическихъ и этнографическихъ основаній, а имѣетъ въ виду скорѣе географическія и политическія отношенія; поэтому среди дѣтей Сима названы Эламъ и Лудъ, тогда какъ ни эламиты въ Сузіанѣ, ни лидійцы, не говорили на языкахъ, сродныхъ еврейскому, а, съ другой стороны, финикійцы (хананеяне), языкъ которыхъ стоялъ весьма близко къ израильскому, не причисляются къвѣтвой Бытія къ семитамъ.

Взаимное сродство языковъ семитическихъ тѣмъ же, чѣмъ языковъ индо-европейскихъ. Т. Нельдеке указываетъ цѣлый рядъ характерныхъ признаковъ, общихъ имъ семитскимъ языкамъ.

Упомянутые языки являются потомками давно вымершего прасемитического языка. Утвердилось мнѣніе, что совсѣмъ близко къ прасемитическому языку стоитъ арабскій. Для созданія сравнительной грамматики семитическихъ языковъ еще не настала чаша; предварительно нужна старательная монографическая разработка многихъ деталей. Опасно также дѣлать попытки охарактеризовать духовный обликъ семитовъ, чтобы черты отдѣльныхъ семитическихъ народовъ (арабовъ, израильтянъ) не принимать въ качествѣ общесемитическихъ и не приписывать самой крови народа особенности, которыя объясняются условіями образа жизни. Такъ вообще указываютъ, что у семитовъ нѣтъ таланта къ крупной военной и политической организаціи, однако финикіяне съ Гамилкаркомъ и Ганибаломъ показываютъ, что и на этомъ поприщѣ, при измѣненіи условій жизни, семиты могли совершать великія дѣла. Реванъ прекрасно охарактеризовалъ семитическіе языки, но и его работа открыта для нападенія критики. Онъ въ видѣ характеристики всѣхъ семитическихъ языковъ сообщаетъ, что психологическія явленія обозначаются въ нихъ посредствомъ совершенно еще осязательныхъ образовъ; на самомъ же дѣлѣ это утвержденіе можетъ относиться только къ еврейскому языку.

Попытки доказать родство семитического семейства языковъ съ индо-европейскимъ потерпѣли крушеніе. Наоборотъ, въ иныхъ пунктахъ семитскіе языки обнаруживаютъ поразительное совпаденіе съ нѣкоторыми изъ сѣверно-африканскихъ языковъ, такъ называемыхъ хамитской группы, состоящей изъ египетскаго, берберскаго и др. Теперь египетскій языкъ, считавшійся составившимъ изъ двухбуквенныхъ корней, превращается въ трехбуквенный, и такимъ образомъ устраняется принципиальное отличіе отъ семитическихъ. Первоначальнымъ языкомъ населенія долины Нила былъ, вѣроятно, родственный нынешнему нубійскому, который нынѣ стоитъ особнякомъ среди языковъ Африки. Египтяне, слѣдовательно, семитизированные нубійцы. Сродство семитическихъ языковъ съ хамитскими ведетъ къ представленію, что и родину семитовъ надо искать въ Африкѣ. Кроме того, родиной семитовъ считаютъ Армению, Аравію, Месопотамію, но до настоящаго времени вопросъ не разрѣшенъ окончательно.

При классификаціи и установленіи отношенія семитическихъ языковъ встрѣчается рядъ препятствій. Несомнѣнно, что языкъ арабскій (съ сабейскимъ) и языкъ этіопскій находятся въ особенно близкомъ родствѣ и должны быть противопоставлены семитическимъ языкамъ сѣвера. Въ сѣверную группу семитическихъ языковъ входятъ языки еврейско-финикійскій (еврейскій и финикійскій языки являются нарѣчіями одного и того же языка) и арамейскій. Еврейскій языкъ извѣстенъ намъ преимущественно, какъ рѣчь народа израильскаго. Моавитяне, судя по надписи царя Меша (ок. 900 г. до Р. Х.), говорили также по-еврейски. Языкъ надписи немного отличается отъ языка Ветхаго Заветъа. Кое-что еврейское мы знаемъ изъ памятниковъ постарше надписи Меша, а именно изъ архивныхъ матеріаловъ, найденныхъ въ Телль-Эль-Амарифъ (въ Египтѣ) и писанныхъ на ассиро-вавилонскомъ языкѣ, и среди которыхъ много писемъ мелкихъ палестинскихъ князьковъ. Въ остальномъ наше знаніе древне-еврейскаго языка основано на памятникахъ израильскихъ. Хотя выводы новейшей критики говорятъ, что едва ли какойнибудь связный отрывокъ Пятикнижія можетъ про-

исходитъ отъ самого Моисея или изъ время ближайшихъ его современниковъ, тѣмъ не менѣе извѣстные отрывки Ветхаго Завета во всякомъ случаѣ относятся ко времени болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до Р. Хр.; прежде всего это надо сказать о пѣснѣ Деборы (книга Судей, V),—памятникъ, освящающій быть въ разпалѣ тѣхъ время сраженій ихъ за родину съ хананеянами. Но мы не знаемъ, какъ звучалъ еврейскій языкъ въ живомъ произношеніи время Давида и Исаи. Книги терѣли видоизмѣненія подъ перомъ переписчиковъ, согласно перемѣнамъ, развившимся въ живомъ еврейскомъ языкѣ. Неизмѣннѣ другихъ сохранили свой первоначальный видъ книги пророковъ. Пятикнижіе приняло настоящій видъ въ илѣнѣ Вавилонскомъ, около 550 года. Греческій переводъ семидесяти толковниковъ сдѣланъ былъ въ III вѣкѣ до Р. Х. не для Птоломея Филаделфа, а для огречившихся евреевъ. Характеръ древне-еврейскаго въ построеніи предложеній весьма старинный. Сочиненіе преобладаетъ надъ подчиненіемъ; даже придаточныя предложенія временныя соединяются въ одно цѣлое при помощи начальной приставочной фразы: «и было», «и будетъ», а затѣмъ слабо прикрѣпляются къ главному предложенію посредствомъ того же союза *и*. Въ употребленіи глагольныхъ время открытъ широкій пропускъ: неоконченное разсматривается, какъ оконченное, а оконченное, какъ продолжающееся. Лектисескій составъ знаемъ недостаточно, ибо Ветхій Заветъ книга небольшая и содержитъ много повтореній. Родной братъ еврейскаго языка—финикійскій, пѣвѣстенъ изъ надписей VIII в., а отдѣльныя финикійскія слова приведены у Плавта въ комедіи *Phoenulus*. Самые же древніе арамейскіе тексты сохранились на надписяхъ. Языкъ этотъ считался официальнымъ при персахъ даже для Малой Азии и Египта.

А. Хахановъ.

Alexander Kraushar. Towarzystwo królewskie przyjaciół nauk. Tom VI. Czterolecie przedostatnie (1824—1828). Warszawa. 1904.

На страницяхъ «Историческаго Вѣстника» мы писали въ свое время о выходѣ первыхъ томовъ капитальнаго труда г. Краусгара, посвященнаго исторіи «общества друзей наукъ» въ Варшавѣ. До настоящаго времени вышли шесть томовъ. Последний, по времени выхода въ свѣтъ, томъ обвиняетъ періодъ времени отъ 1824 по 1828 годъ, то-есть, предпоследнее четырехлѣтіе существованія научнаго учрежденія. Авторъ съ богатымъ запасомъ архивнаго матеріала и съ основательнымъ знаніемъ дѣла, подробно описываетъ дѣятельность общества въ періодъ, который хотя не ознаменовалъ себя какими либо фактами чрезвычайной важности, но который, тѣмъ не менѣе, въ историческомъ развитіи столь полезнаго для края учрежденія занялъ видное положеніе. Въ этомъ періодѣ, между прочимъ, благодаря инициативѣ Нѣмцевича, который, по смерти знаменитаго Сташца, занялъ предсѣдательское кресло, общество приступило къ выработкѣ правилъ польскаго правописанія и, подъ руководствомъ Лелевеля, предприняло капитальный трудъ изслѣдованій по исторіи законодательства въ Польшѣ. Многочисленныя иллюстраціи—портреты и снимки съ историческихъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи общества

друзей наук» — дополняютъ текстъ шестого тома. Последний періодъ существованія общества, обнимающій 1828—1831 годы, будетъ предметомъ седьмого тома. Въ этомъ же томѣ авторъ предполагаетъ изложить свой взглядъ на 30-ти-лѣтнюю цѣлительскую дѣятельность ученаго учрежденія. Документы и историческіе матеріалы, относящіеся къ исторіи закрытія «общества друзей наукъ», найдутъ для себя мѣсто въ восьмомъ томѣ. Г. А. Воробьевъ.

Dr. med. G. Otto. Die öffentlichen Schulen Kurlands zu herzoglicher Zeit 1567—1806. Митава. 1904.

Почтенный авторъ этой книжки, членъ Курляндскаго общества литературы и искусства, извѣстенъ своими изслѣдованіями и работами изъ курляндской старины. Такъ, ему принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующіе труды переработка сочиненія Кальмефера: Die evangelischen Kirchen und Prediger Kurlands (1890), Kur-, Liv- und Esthländer auf der Universität Königsberg i. Pt. 1711—1800 (1896), Das Medicinalwesen Kurlands unter den Herzögen und während der ersten Decennien russ. Herrschaft bis zum Jahr 1825 (1898).

Новый трудъ д-ра Отто явился результатомъ его занятій въ архивѣ Курляндской консисторіи, предпринятыхъ имъ совсѣмъ для другой работы. Такимъ образомъ, авторъ случайно собралъ значительный и цѣнный матеріалъ для изслѣдованія о школахъ Курляндіи въ старыя годы, — вопросъ, до сего времени почти не затронутый совсѣмъ. Кромѣ названнаго выше архива консисторіи, д-ръ Отто пользовался еще богатѣйшими Митавскими герцогскимъ и дюрианскимъ архивами.

Сдѣлавъ вначалѣ очеркъ положенія школьнаго дѣла при курляндскихъ герцогахъ, авторъ описываетъ затѣмъ исторію возникновенія и развитія отдѣльныхъ школъ: главной Митавской (основана въ 1567 г.), Бауской, Гольдингенской, Виндавской, 2 Либавскихъ (городской и при сиротскомъ домѣ), Суббатской и Гробинской. Здѣсь авторъ сообщаетъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ основаніи школъ, приводитъ уставы ихъ, программы преподаванія, списки учебнаго персонала, списки инвентаря, въ томъ числѣ книгъ и нотъ, размѣръ жалованья преподавателямъ и т. д. Трудъ д-ра Отто оканчивается биографическимъ словаремъ лицъ учебнаго персонала и указаніями на источники.

Читается книжка легко и съ интересомъ и даетъ достаточно полныя свѣдѣнія о школахъ въ Курляндіи герцогскаго времени.

А. Э. Мальгрень.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904.

Книга, или, вѣрнѣе, брошюра г. Крымскаго является первымъ выпускомъ его изслѣдованія; она состоитъ всего изъ четырехъ главъ и имѣетъ цѣлью сдѣлать «разборъ общихъ историко-филологическихъ давнихъ» и произвести «обзоръ письменныхъ памятниковъ старо-кіевскихъ». Все же изслѣдованіе

ставить себѣ задачу отвѣтить на вопросъ: «дастъ ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ». Вопросъ этотъ, далеко не новый въ исторіи и филологіи, занималъ очень многихъ ученыхъ: немало было изложено копій, немало въ пылу полемики высказано рѣзкихъ мнѣній, но, въ концѣ концовъ, вопросъ, казалось, могъ считаться рѣшеннымъ болѣе или менѣе единодушно; особенно—послѣ статьи академика Шахматова въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»: «Къ вопросу объ образованіи русскихъ варягъ и русскихъ народностей». Четыре главы г. Крымскаго собственно не вносятъ въ рѣшеніе вопроса ничего новаго; онѣ интересны только, какъ собраніе доводовъ, опровергающихъ гипотезу, сыгравшую свою немаловажную роль въ русской филологіи. Авторъ тщательно сгруппировалъ цѣлый рядъ фактовъ, которые, въ связи съ тѣмъ, что уже раньше было сдѣлано другими учеными, заставляютъ согласиться, что «гипотеза о великорусскости старыхъ кievлянъ уже погребена»: «отъ нея отказались и г. Соболевскій, и г. Шахматовъ», замѣчаетъ авторъ, оканчивая четвертую главу своего изслѣдованія (стр. 107).

Это-то послѣднее замѣчаніе и заставляетъ насъ серьезно задуматься надъ тѣмъ, какой смыслъ имѣетъ сочиненіе г. Крымскаго. Очевидно, никакого новаго рѣшенія основного вопроса авторъ не можетъ дать; но зато въ его работѣ разсѣяно много мелкихъ замѣтокъ и соображеній, которыя могутъ оказаться небезполезными въ общемъ филологическомъ матеріалѣ: всякій вкладъ въ изученіе какого нибудь явленія жизни (въ данномъ случаѣ — языка) цѣненъ, но при одномъ условіи, если этотъ вкладъ дѣлается ради науки, ради раскрытія истины въ какомъ нибудь вопросѣ человеческого исканія. Мы совершенно согласны съ г. Крымскимъ, что тенденціозность есть одно изъ самыхъ вредныхъ, скажемъ больше—самыхъ отталкивающихъ качествъ въ учености. Это мнѣніе г. Крымскаго какъ-то странно звучитъ въ его брошюрѣ. Но пусть факты говорятъ сами за себя. Замѣтимъ только, что мы останавливаемся, можетъ быть, слишкомъ подробно на этомъ печальномъ фактѣ потому, что онъ является далеко не единичнымъ въ научной литературѣ: нерѣдко и выдающіеся ученые впадаютъ въ тонъ, совершенно несомѣстимый съ достоинствомъ науки; книжка же г. Крымскаго, по справедливости, побилла рекордъ въ этомъ отношеніи. Вотъ факты: всѣ четыре главы брошюры полны возраженіями академику А. И. Соболевскому, имя котораго можно встрѣтить чуть не на каждой страницѣ изслѣдованія; это, казалось бы, вполне естественно, разъ приходится разбирать гипотезу, которую онъ защищаетъ, но вѣдь самъ г. Крымскій въ концѣ книги говоритъ, что академикъ Соболевскій отказался отъ нея, какъ отказался и другой выдающійся филологъ—академикъ Шахматовъ. Эти два имени достаточно ручаются за то, что было время, когда филологія не могла еще рѣшительно отвергнуть эту «безпочвенную» гипотезу; теперь, когда, благодаря усиліямъ многихъ ученыхъ, удалось собрать и должнымъ образомъ освѣтить матеріалъ, вопросъ почти исчерпанъ; остается дополнить, такъ сказать, детали. И если это не было извѣстно г. Крымскому въ началѣ его работы (которая представляетъ собой статьи изъ «Кіевской Старины»), то

потомъ онъ могъ вполне своевременно, какъ самъ онъ указываетъ (стр. 1), озадачиться къ измѣненіемъ взглядовъ защитниковъ гипотезы. Во всякомъ случаѣ тотъ всей брошюры невозможный, не только потому, что такъ не говорятъ и не пишутъ, не потому, что этотъ «стиль непригоденъ для салоновъ г-жъ Рамбулье и Скиодери», какъ насмѣшливо отвѣчаетъ г. Крымскій профессору Вуличу на его замѣчаніе о рѣзкости статей; а потому, что подобный тотъ портитъ то дѣло, за которое берется г. Крымскій. Неужели неясно, что исканіе вѣрнаго рѣшенія въ научныхъ вопросахъ возможно только при спокойномъ отношеніи къ взглядамъ противника, при уваженіи къ его мнѣнію? Оно можетъ быть должнымъ въ силу ошибочности, но зачѣмъ непремѣнно видѣть намѣренное извращеніе истины? Чрезвычайно интересно для характеристики пріемовъ полемики г. Крымскаго предисловіе, которое онъ присоединилъ къ отгискамъ своихъ четырехъ главъ; авторъ точно обозначилъ, гдѣ и когда «послѣло ему на отраду» это предисловіе, «полное яду»: «Ватумъ 13 сентября 1903 г.—Москва 20 сентября 1904 г.». Значить—послѣ того, какъ вопросъ, по мнѣнію самого же г. Крымскаго, уже былъ рѣшенъ. «Г. Соболевскаго я не знаю лично,—предупреждаетъ авторъ своихъ читателей, — никогда его не видалъ, ничего о немъ, какъ о лилѣ, не слыжалъ и противъ лица безусловно ничего не имѣю». И для того, чтобы доказать свое безпристрастіе, г. Крымскій вспоминаетъ отзывы печати о трудахъ академика Соболевскаго; не знаемъ, всѣ ли отзывы были приняты во вниманіе г. Крымскимъ, и чѣмъ онъ руководствовался, приводя въ своемъ предисловіи только двѣнадцать, но несомнѣнно, что выборъ вселся съ вполне опредѣленнымъ расчетомъ—дискредитировать въ глазахъ читателя ученость академика Соболевскаго. Для рѣшенія вопроса собственно о гипотезѣ мы здѣсь ничего не находимъ. Но зато, напримѣръ, узнаемъ, что въ одной своей статьѣ (мы ея, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками) академикъ Соболевскій «смижалъ И. С. Некрасова, читавшаго по случаю Пупкинскихъ дней рѣчь въ Новороссійскомъ университетѣ, съ покойнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ» (стр. XXIII). Это, дѣйствительно, ужасное невѣжество, о которомъ самъ академикъ Соболевскій можетъ со смѣхомъ рассказывать. Мы бы могли привести немало подобныхъ фактовъ изъ жизни ученыхъ и литераторовъ (припоминается, напримѣръ, нѣчто сходное у покойнаго Михайловскаго по поводу Карамазовыхъ), но это совершенно излишне; всякій этихъ фактовъ знаетъ достаточно. Г. Крымскій же, очевидно, рассчитывалъ на иной ходъ мысли читателя; онъ же такъ любитъ раскрывать неправильные силлогизмы (стр. 10-13); ясно, что всякій непредубѣжденный человекъ долженъ былъ такъ соображать: если здѣсь невѣрно, то и всѣ вообще соображенія академика Соболевскаго не вѣрны. Впрочемъ г. Крымскій, по его словамъ, приводитъ отзывы критиковъ лишь для того, чтобы оправдать обиліе такихъ, напримѣръ, выраженій объ академика Соболевскомъ, какъ—«онъ можетъ спокойно смѣяться себѣ въ бороду» (стр. V), «изъ учебныхъ лекцій «того же г. Соболевскаго» (стр. VII), «онъ рѣшилъ навязать Кіеву нѣсколько памятниковъ» (стр. 8) и т. п.

Еще одно маленькое замѣчаніе: г. Крымскій ни разу не называетъ А. И. Соболевскаго академикомъ, а всегда—«г. Соболевскій». Что это? Незнаніе факта, незваніе пріличій или «протестъ» противъ академіи? Для кого это имѣетъ

значение: для академика Соболевскаго или для г. Крымскаго? Что это не случайность, мы увѣрены: изслѣдователь не забываетъ называть академикомъ Шахматова (стр. 95) и профессоромъ Бодуэна-де-Куртена. Все это достаточно характерно рисуется какъ работу г. Крымскаго, такъ и его приемы. Правда, авторъ «публично готовъ извиниться передъ г. Соболевскимъ за промахъ своего стиля» (стр. XXI), но это не «промахъ», а полная сознательность и преднамѣренность, которая видна даже и въ этихъ словахъ, сказанныхъ только для того, чтобы усилить впечатлѣніе. И чувствуя, по меньшей мѣрѣ, странность своей работы, г. Крымскій снабжаетъ ее рекомендаціями (стр. XXI). Мы справились согласно указанію автора въ одномъ изъ отзывовъ и не нашли ни слова ни объ «убѣдительности», ни о «важности» разбираемой работы: академикъ А. Н. Пыпинъ, упоминая въ отдѣлѣ библиографіи о журнальныхъ статьяхъ г. Крымскаго, замѣчаетъ только: на поставленный вопросъ «авторъ отвѣчаетъ совершенно отрицательно».

Я. Ав—въ.

Старина и Новизна. Книга VIII. Москва. 1904.

Изъ 408 страницъ историческаго сборника «Старина и Новизна», издаваемаго обществомъ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го, 312 заняты лекціями по исторіи русскои литературы, читанными въ 1859 году академикомъ Буслаевымъ покойному наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Многообъщавшій, но, къ несчастью, рано похищенный смертью, августѣйшій слушатель Буслаева такъ пристрастился къ этимъ чтеніямъ, что просилъ даже на Пасхѣ не прерывать лекцій. «Тогда же было рѣшено, — пишетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Вѣстникъ Европы», февраль 1892 года), — чтобы я передалъ государю наслѣднику всѣ листы прочитанныхъ мною лекцій въ его собственность, а слѣдующіе затѣмъ не бралъ бы съ собою назадъ, а навсегда оставлялъ ихъ у него. Такимъ образомъ весь мой рукописный курсъ исторіи русскои литературы и остался въ библиотекѣ его высочества». Часть этого курса въ копіи имѣлъ и Буслаевъ, пожертвовавшій свой списокъ вмѣстѣ съ другими своими бумагами въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи. Изъ числа 93 прочитанныхъ Буслаевымъ лекцій въ Москвѣ оказалось только 58. Этотъ списокъ звалъ между прочимъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ, написавшій о немъ цѣлую статью въ IV книгѣ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» за 1898 годъ. Но издать его было неудобно по его неполнотѣ. Справедливо признавая за лекціями Буслаева большое историческое значеніе для характеристики сѣтлои личности покойнаго наслѣдника, предсѣдатель общества ревнителей, графъ С. Д. Шереметевъ, испросилъ всемплоствѣйшее государя императора разрѣшеніе на печатаніе лекцій по подлиннику собственной Его Величества библиотеки, для чего въ его распоряженіе и были переданы, на временное пользованіе, два большіхъ переплетенныхъ тома рукописей Буслаева.

Въ VIII книгѣ «Старины и Новизны» напечатана лишь часть курса Буслаева. Начинаясь сравнительнымъ изложеніемъ древнѣйшихъ преданій индо-европейскихъ народовъ, она оканчивается разборомъ «Слова о полку Игоревѣ».

Какъ видно изъ вступительной лекціи Буслаева, онъ старался не только ознакомить своего царственнаго ученика съ сохранившимися памятниками нашей древней письменности, но и поставить его лицомъ къ лицу съ ними, чтобы онъ почувствовалъ самый ихъ духъ. По словамъ профессора Кирпичникова, лекціи эти «не только талантливая учено-педагогическая работа, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ общее развитіе, которое ученикъ можетъ получить, и живое впечатлѣніе, которое произведетъ на него изучаемый предметъ въ цѣломъ и частностяхъ, но и важный историческій фактъ, показатель важной ступени въ развитіи русскаго самосознанія, вполнѣ соотвѣтствующій великой дѣятельности Царя-Освободителя, который избралъ Буслаева въ наставники своему наслѣднику».

Помимо такого спеціальнаго историческаго значенія, курсъ Буслаева интересенъ и для людей, занимающихся исторіей русскої литературы. Какъ заявлено въ предисловіи къ напечатанной уже части его курса, авторъ его высказываетъ въ немъ взгляды на такіе памятники и явленія русскої литературы, которыхъ онъ обыкновенно не касался въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ. Это тѣмъ болѣе любопытно, что курсъ Буслаева, какъ видно изъ того же предисловія, заканчивается характеристикой Жуковскаго, Гоголя и Пушкина.

Въ виду спеціальнаго и общаго интереса этихъ Буслаевскихъ чтеній, нельзя не пожелать, чтобы и остальные части его курса поскорѣ появились въ печати.

Изъ другихъ статей сборника отмѣтимъ статью г. Н. Варсукова: «Князь Вяземскій и Пушкинъ», заключающую въ себѣ переписку князя съ разными лицами и его примѣчанія къ нѣкоторымъ стихамъ Пушкина, и статью г. Смолянинова: «Дѣло о бывшемъ въ Некинѣ іеромонахѣ Алексѣѣ», извлеченное изъ бумагъ извѣстнаго Куракинскаго архива.

А. В

Г. Б. Юлосъ. Письма изъ Берлина. Спб. 1904.

Появленіе книги г. Юлоса въ высшей степени пріятно. Авторъ давно заслужилъ себѣ почетную извѣстность добросовѣстнаго и талантливаго корреспондента, наблюдательнаго и чуткаго, отзывчиваго и безпристрастнаго. И не разъ высказывалось пожеланіе, чтобы авторъ послѣдовалъ примѣру г.г. Кудрина и Дюнео, выустившихъ недавно отдѣльными книгами свои корреспонденціи изъ Франціи и Англіи, печатавшіяся на страницахъ «Русскаго Богатства». Г. Юлосъ помѣстилъ въ своей книгѣ далеко не все, что выходило изъ-подъ его пера и печаталось въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ выбралъ три большія статьи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русскомъ Богатствѣ», и около ста малыхъ, помѣщенныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за время съ 1891 года по 1901 годъ. Выборъ статей сдѣлавъ умѣлой рукой, и читатели получаютъ рядъ яркихъ и живыхъ картинъ нѣмецкой политической жизни. Предъ ними проходитъ галерея дѣятелей современной Германіи. Конечно, особое вниманіе посвящено величественной фигурѣ «желѣзнаго канцлера» (стр. 13—62), но не забыты и менѣе яркія свѣтила: князь Гогенлоэ и графъ Бюловъ, министръ финансовъ Михель, глава крайнихъ консерваторовъ «король» Штуммъ, вождь

свободомыслищихъ, Евгений Рихтеръ, социаль-демократы Либкнехтъ, Бебель и Луэръ и многіе другіе. Талантливое описаніе нѣкоторыхъ особенно выдающихся засѣданій рейхстага, прусской палаты депутатовъ и прусскаго «Негенландъ» и вводятъ въ самый центръ политической жизни и даютъ, такъ сказать, почувствовать ея пульсъ. Особенно автору удалось засѣданія рейхстага въ 1895 и 1899 годахъ, когда были отклонены два законопроекта, направленные къ ограниченію свободы личности и окрещенные «Umsatzgesetz» (стр. 184 sqq) и «Zuschlagsvorlage» (394 sqq). Но не одной парламентской жизни посвящаетъ свое вниманіе г. Юлосъ. Мы найдемъ въ его книгѣ и превосходную картину выборовъ 1898 года (стр. 62—83), описаніе международнаго женскаго конгресса 1896 года (стр. 231 sqq), и нѣсколько картинъ изъ жизни нѣмецкихъ университетовъ (см. письма XX, XLIV, LXVII, LXXXI), и сообщеніе о конгрессѣ народныхъ учителей (стр. 108), и свѣдѣнія о реформѣ классической системы (стр. 475) и т. д. Кромѣ того, авторъ отмѣчаетъ выдающіеся юбилеи ученыхъ и писателей и даетъ обыкновенно краткую, но яркую характеристику личности юбиляра (Вирхонъ, Моммзенъ, Дюбуа-Реймонъ, Шпильгагенъ и др.). Къ сожалѣнію, книга г. Юлоса очень мало затрагиваетъ область литературы и совершенно не касается искусства современной Германіи, сосредоточивая свое вниманіе исключительно на политическихъ и общественныхъ явленіяхъ. Между тѣмъ въ послѣднее время въ области нѣмецкой литературы и искусства едва ли встрѣтится менѣе интереснаго, чѣмъ въ области политки. Кромѣ того автору не мѣшало бы во многихъ мѣстахъ снабдить свою книгу подстрочными примѣчаніями, такъ какъ читатель, не особенно внимательно слѣдившій за нѣмецкой политикой послѣдняго десятилѣтія, не разъ можетъ попасть въ затруднительное положеніе, встрѣчая непонятный терминъ, или будучи введенъ in medias res въ рѣшеніе какого нибудь политическаго вопроса. Статьи г. Юлоса писались на протяженіи 10-ти лѣтъ. Естественно, онѣ должны носить характеръ краткаго историческаго обзора нѣмецкой жизни за это время. Но такъ какъ авторъ помѣстилъ далеко не всѣ статьи, то нарушилъ между ними естественную связь и, заинтересовавъ читателя какою-нибудь личностью или какимъ нибудь явленіемъ, обрываетъ свой рассказъ и оставляетъ чувство неудовлетворенности.

V.

Исслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. Г. Эструпа. Переводъ съ датскаго Т. Ланге, со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго, въ переводѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. Москва. 1905.

Сборникъ арабскихъ сказокъ, полныхъ восточной прелести—романтической фантазіи, вдумчивой мудрости, [волипсной занимательности, юмора,— «окутанный теплою и ароматомъ востока», такъ популяренъ у насъ, что едва ли кто нибудь могъ подозрѣвать позднее знакомство съ нимъ европейскихъ читателей. На самомъ же дѣлѣ «Тысяча и одна ночь» проникли въ

Европу только въ XVIII вѣкѣ, и притомъ—въ довольно свободномъ французскомъ пересказѣ Галлана (1704—1707). Съ тѣхъ поръ сказки переведены на всѣ языки, сдѣланы международной книгой. За ними признано даже воспитательное значеніе, хотя на востокъ до сихъ поръ онѣ считаются книгой безнравственной, и существуетъ оригинальное повѣрье, будто тотъ, кто прочтетъ всю книгу, или умретъ или же испытаетъ несчастье, а дѣти опаршивѣютъ. Эта двойственность взглядовъ объясняется тѣмъ, что европейцы пмѣютъ въ виду не арабскій оригиналъ, а своеобразную передѣлку, выбросившую всѣ порнографическіе эпизоды. Дѣйствительно, стоить припомнить восторженный отзывъ о «1001 ночи» Диккенса въ «Давидѣ Копперфильдѣ», несомнѣнно, на автобиографической почвѣ; стоитъ вспомнить мнѣніе романиста Гофмана объ этой «вѣчной книгѣ» («eines ewige Buch»), наконецъ наши дѣтскія воспоминанія,—и сейчасъ же разсѣются всякіе суровые приговоры.

Конечно, строгая наука не считается съ этими мнѣніями. Для изученій она обращается къ арабскому подлиннику и приходитъ къ нѣсколькимъ выводамъ. Выводы эти интересны и мало извѣстны. Напримѣръ, и новый изслѣдователь держится того мнѣнія, что «сказкамъ» этотъ сборникъ называется только по недоразумѣнію, потому что это—«прекрасныя бытовыя повѣсти, съ художественно и рельефно парисованными и реальными картинками. Въ нѣсколько приукрашенномъ, черезчуръ роскошномъ видѣ мы все же узнаемъ подлинный дворъ султановъ и халифовъ, особенно въ обстановкѣ двора Харуна-авъ-Рашида; передъ нами открывается подлинная жизнь и обстановка богатаго купеческаго дома; очень часто сказки ведутъ насъ и къ бѣднѣйшимъ слоямъ населенія и въ выразительныхъ подробностяхъ рисуютъ передъ нами самую неприкрашенную жизнь; не даромъ комментаріи Лана на 1001 ночь составили собою цѣлое сочиненіе «Арабское общество въ средніе вѣка». Кромѣ выразительной реальности въ описаніяхъ бытовыхъ, 1001 ночь отличается тѣмъ же качествомъ и въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ: два-три штриха,—и передъ нами живо встаютъ подлинныя разнообразныя типы. Вотъ передъ нами величественныя и пѣдрыя, хотя умственно довольно ограниченныя государи, а рядомъ съ ними—умныя и тонкіе совѣтники-министры, иногда хорошіе, иногда негодяи, при чемъ восточный государь, кстати сказать, чаще поддается влиянію второго типа. Вотъ галерея стариковъ, знающихъ, чтѣ такое жизнь; одни изъ нихъ—хитрые, злые колдуны, другіе—почтенныя старцы, умудренныя опытомъ патріархи семьи; у нихъ бывають сыновья—или покорныя ихъ благочестивымъ завѣтамъ, или легкомысленныя юноши, которые избалованы матерью. Легкомысленныя и лѣнницы испытываютъ рядъ тяжелыхъ приключеній и познають правду совѣтовъ отца; иные изъ добрыхъ сыновей—рыцари безъ страха и упрека, но у нихъ есть завистливыя и коварныя братья или сестры. На жепъ силою да рядомъ положиться нельзя, а старухи очень часто оказываются умѣлыми своднями; но общей идеѣ разсказа во разѣ, однако, приходится называть этихъ сводень «добрыми старушками, потому что онѣ помогаютъ влюбленному добиться того, чего онъ желаетъ» (стр. XII—XIII). Далѣе А. Крымскій замѣчаетъ, что всѣ почти герои сказокъ—типы, шаблоны, и очень рѣдко надѣлены индивидуальными характеристиками.

Въ одномъ отношеніи арабскія сказки похожи на пѣсни Гомера: и тѣ и другія не знаютъ отдѣльнаго автора. Онѣ создавались постепенно, нѣсколькими поколѣніями. Поэтому и языкъ ихъ не одинаковыл: то классическій, то простонародный. Окончательную форму «1001 ночь», какъ произведеніе народной литературы, получила въ Египтѣ въ періодъ мамлюковъ, т.-е. въ XIII—XVI вѣкахъ. Впоследствии къ нимъ прибавлялись рассказчиками и перенесчиками отдѣльныя произведенія, по характеру подходящія къ общему типу. Это даетъ поводъ русскому ориенталисту посвятить особую главу болѣе замѣчательнымъ пѣзъ такихъ вставокъ или пѣзъ произведеній, имѣвшихъ одинаковую судьбу съ 1001 ночью. Здѣсь мы находимъ новѣйшія въ наукѣ свѣдѣнія о «Калилѣ и Димнѣ», «Варлаамѣ и Іосафѣ», «Синдибадовой книгѣ», «Сорока визиряхъ» и «Акврѣ Премудромъ». Такимъ образомъ, талантливое предисловіе А. Крымскаго выходитъ за предѣлы простого введенія къ переводной книгѣ. Это — совершенно самостоятельное изслѣдованіе, написанное научно и литературно. Думаемъ, что его взгляды получатъ широкое распространеніе и проникнутъ въ наши учебники русской литературы, питающіеся научными трудами 50-хъ и 60-хъ годовъ. Объ изслѣдованіи І. Эструна не будемъ распространяться, потому что въ предисловіи точно обозначены всѣ положительныя и отрицательныя качества книги датскаго ориенталиста.

А. И. Яцимирскій.

S. Askenazy. «Książę Józef Poniatowski. 1763—1818». Warszawa. Gebethner i Wolff. 1904.

Талантливый историкъ Симонъ Аскенази въ новомъ своемъ сочиненіи, заглавіе котораго вышесказано выше, даетъ превосходный портретъ одного изъ наиболѣе популярныхъ героевъ военной исторіи Польши второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтій, князя Іосифа Понятовскаго. Князь Іосифъ, «генералъ австрійской службы, родомъ изъ Вѣны, племянникъ польскаго короля, погибшій подъ Лейпцигомъ въ качествѣ французскаго маршала», выступаетъ передъ читателемъ, какъ живой со всѣми своими достоинствами и недостатками. Девятинадцати лѣтъ отъ роду кн. Іосифъ выигрываетъ битву подъ Зеленцомъ. Получивъ черезъ нѣсколько дней послѣ нея извѣстіе объ измѣнѣ короля прерываетъ съ послѣднимъ сношенія, выходитъ въ отставку и покидаетъ родной край. Въ Брюсселѣ знакомится съ немолодою уже, но довольно еще инкантиною «разводкою», графинею Генриеттою де-Вобанъ. Влюбствъ съ нею и ея мужемъ возвращается на родину. Тамъ застаесть «костюшковское движеніе». Пытается пристать къ «начальнику силъ народныхъ». Но напрасно! Ему «не довѣряютъ». Удалось поступить въ качествѣ «охотника» къ Мокроновскому и подъ начальствомъ послѣдняго побить пруссаковъ. Участіе кн. Іосифа въ кампаніяхъ 1794 и 1795 гг. не было значительнымъ. Потеря новонковскихъ шанцовъ едва не испортила ему репутацію искуснаго военачальника. Но вотъ Рѣчь Посполитая пала. Короля увезли на берега Невы. Варшаву заняли пруссаки. Кн. Іосифъ рѣшается распрю-

дать свои обширные имения и переселиться въ Австрію. Продастъ, однако, нѣсколько литовскихъ староствъ и перѣѣзжаетъ въ Вѣну. Здѣсь проживаетъ три года. Получаетъ наследство послѣ дяди, короля Станислава-Августа. Надо ѣхать въ Петербургъ, принести государю присягу, которая тогда была обязательною для всѣхъ литовскихъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ. Императоръ Павелъ обошелся съ кн. Іосифомъ ласково. Назначилъ его пріоромъ Мальтійскаго ордена, возвелъ въ чинъ генераль-лейтенанта и наименовалъ шефомъ казанскаго кирасирскаго полка. Въ 1798 г. кн. Іосифъ поселился въ Варшавѣ. Въ дѣятельности его настала восьмилѣтняя пауза. Историкъ называетъ этотъ перерывъ въ дѣятельности своего героя «длиннымъ летаргическимъ сномъ». Кн. Іосифъ теперь жилъ для самого себя, жилъ въ Варшавѣ во дворцѣ «подъ Вляхою» и подъ Варшавою, въ помѣстьѣ Яблоннѣ, въ свое удовольствіе, расходуя ежегодно по 700.000 злотыхъ. Пока прожигалъ свою жизнь Іосифъ Понятовскій, — Александръ I, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ и Наполеонъ «занились» польскими «дѣлами»... Въ декабрѣ 1806 г. кн. Іосифъ стряхнулъ съ себя «слячку» и перешелъ на сторону Наполеона. И скоро дождался онъ Фридриха, Тильзита и основанія княжества Варшавскаго. Получилъ портфель военнаго министра. Начали поговаривать о кандидатурѣ кн. Іосифа на польскій престолъ. Мечталъ ли самъ кн. Іосифъ о польской коронѣ, — исторія объ этомъ умалчиваетъ. Наступилъ годъ рашинской битвы. Польско-австрійская кампанія сначала шла для кн. Іосифа неудачно. У Понятовскаго было не болѣе 14.000 человекъ войска. Тѣмъ не менѣе подъ Рашиномъ онъ разбилъ вдвое сильнѣйшаго непріятели и возвратился въ Варшаву чистымъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. «Повонзки» были забыты, и кн. Іосифъ свискалъ довѣріе народа. На горизонтѣ Европы снова сгущаются тучи. Столкновение Наполеона съ Александромъ становится неизбежнымъ. Понятовскій сгѣшитъ въ Парижъ, «открываетъ глаза», что Россія готовится къ войнѣ, что Варшавское княжество необходимо «укрѣпить», не надить своихъ личныхъ средствъ на военныя надобности... Теперь уже Александръ предлагаетъ кн. Іосифу польскую корону. Но Понятовскій остается вѣрнымъ своему «богу войны» даже тогда, когда этотъ «богъ» былъ смертельно раненъ подъ Москвою. Въ 1813 г. въ послѣдній разъ, собравъ горсти польскаго войска, кн. Іосифъ выступаетъ на защиту Наполеона. Сласти своего кумира ему не удастся, тѣмъ не менѣе онъ жертвуетъ за него своею жизнью. «При видѣ стягивающейся со всѣхъ сторонъ непріятельской пѣхоты кн. Іосифъ собираетъ свои послѣднія силы и бросается съ конемъ въ Эльстеръ. Пуля ранила его навзлетъ. Князь склоняется съ коня и исчезаетъ подъ водою». Такими словами оканчиваетъ авторъ исторію князя-героя Іосифа Понятовскаго.

Книгу украшаютъ 22 рисунка и портретъ кн. Іосифа (гелиографюра съ портрета Грасси).
Г. А. Воробьевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

СОКРОВИЩА, найденныя и еще не разысканныя въ Тибрѣ. Итальянскій профессор Ниспи-Ланди, правительственный инспекторъ итальянскихъ національныхъ памятниковъ, помѣстилъ въ февральской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» очень интересную статью ¹⁾ о новыхъ раскопкахъ, произведенныхъ на днѣ Тибра. Недавно оказалось, что дѣдушка Тибръ заключаетъ въ себѣ замѣчательныя произведенія искусствъ и денежные богатства, которыя въ него бросали въ продолженіе многихъ вѣковъ во время войнъ, фанатическихъ, религіозныхъ обычаевъ, наводненій и разныхъ другихъ случайностей. По исчисленію профессора Ниспи-Ланди, исторія Тибра можетъ быть написана отъ 1353 года до Рождества Христова, т.-е. за шестьсотъ лѣтъ до основанія Рима. Тогда Тибру, какъ священной рѣкѣ, вберійскіе сиккулы установили религіозныя жертвоприношенія тридцати человѣческихъ существъ, которыя впоследствии изображались искусно сдѣланными куклами, называемыми Argieî. Это жертвоприношеніе было торжественно совершаемо каждый годъ до паденія языческихъ обычаевъ, т.-е. до времени императоровъ Валентиніана и Θεодосія, въ продолженіе 1750 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ много и другихъ сокровищъ было брошено въ Тибръ, именно въ продолженіе тридцати двухъ столѣтій до 1849 года, когда римляне, при вступленіи въ Римъ французской арміи, въ послѣдній разъ послѣдовали обычаю своихъ предковъ. Всего болѣе война наводила Тибръ сокровищами, не только благодаря римлянамъ,

¹⁾ The buried Treasures of the Tiber, by prof. Nispi-Landi. «The Pall Mall Magazine». February 1906.

во и вооруженнымъ чужестранцамъ. Пообъжденные волны предпочитали бросать въ воду свое оружіе, деньги и другіе цѣнные предметы, чѣмъ отдавать ихъ врагамъ. Иностранные завоеватели, одержавъ верхъ надъ туземцами, бросали въ Тибръ все, что они не могли увести, ломая на малкіе куски пидолы и статуи. Также въ продолженіе десяти вѣковъ совершались религіозныя жертвоприношенія различныхъ цѣнныхъ предметовъ. Поэтому знаменитый римскій скульпторъ XV вѣка, Фламиніо Вакка былъ правъ, говоря по личному опыту: «Сунь руку въ Тибръ и крѣпко держи, что найдешь въ немъ: это будетъ не-премѣнно драгоценность». Два столѣтія спустя, извѣстный римскій антикварій Монфоконъ изъ Нарбонны также полагалъ, что находеніе въ Тибрѣ, какъ римскихъ, такъ и другихъ драгоценностей — безспорный фактъ. Согласно средне-вѣковымъ легендамъ, дно Тибра была вымощено бронзовыми сокровищами на разстояніи 18 миль въ длину. Дѣйствительно, когда строили мостъ Гарпальди, то найдено было, что дно Тибра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вымощено, если не бронзой, то базальтовыми камнями, походившими на старинную римскую мостовую. Въ окрестностяхъ этой мѣстности находился въ старину мостъ Агриппы, существованіе котораго было открыто только въ 1885 году. Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ подлѣ моста Сублиціо вынута была изъ Тибра много рѣдкихъ предметовъ, которыми наполнили три большія лодки. Большею частью они состояли изъ шлемовъ, щитовъ, мечей, всякаго рода оружія и стрѣлъ работы этрусковъ. Вислѣдствіи было удостовѣрено, что эти предметы принадлежали солдатамъ Порсенны и римлянамъ Горація Коклеса. Только въ XVIII и XIX столѣтіяхъ произведены были регулярныя изслѣдованія рѣки, и они доказали, что на днѣ Тибра находятся богатые и разнообразныя сокровища. Въ настоящее время можно составить полный списокъ всѣхъ сокровищъ, найденныхъ въ Тибрѣ съ помощью водочерпательныхъ машинъ съ 1877 года по настоящій день, заимствуя для этого свѣдѣнія изъ официальныхъ донесеній и изъ замѣтокъ профессора Ниспи-Ланди, сначала, какъ археолога, потомъ, какъ официального инспектора нѣкоторыхъ изъ работъ. По словамъ послѣдняго, «каждая лопата, погруженная въ Тибръ, приноситъ что нибудь драгоценное: такъ въ 1891 году у желѣзнаго моста Санъ-Паоло найдено большое количество монетъ, маленькихъ терракотовыхъ и бронзовыхъ идоловъ, гравированныхъ камней и прекрасный бронзовый дельфинъ вмѣстѣ съ другими многочисленными обломками съ латинскими и греческими надписями». Въ апрѣлѣ 1884 года въ Марморатѣ найдено много золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ монетъ, принадлежащихъ ко времени Антонія, Августа, Перона и Германника, а въ юнѣ 1880 года, — 70 монетъ временъ Гонорія и Аркадія, такъ хорошо сохранившихся, что можно было ихъ принять за новыя. Далѣе коллекція монетъ все увеличивалась, и Ниспи-Ланди говоритъ: «Я полагаю, что въ теченіе пяти лѣтъ мы извлекли со дна Тибра до 2.000 золотыхъ монетъ, 8.000 серебряныхъ и 24.000 бронзовыхъ, уже не говоря о тѣхъ, которыя мгновенно исчезли по извлеченіи. Мы также нашли безконечное множество обломковъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй; при этомъ нѣкоторыя оказались почти въ цѣломъ видѣ. Такъ надо упомянуть великолѣпную безголовую статую Венеры, греческаго образца, изпацнаго Аполлона, безъ обѣихъ рукъ и молодого Вакха съ жезломъ въ рукѣ. По-

слѣдняя статуя бронзовая, и найдена частями, которыя соединены вмѣстѣ съ величайшей тщательностью. Ее отыскали у моста Гарибальди 29-го сентября 1885 года». Кроме того, водочерпательныя машины въ разныхъ мѣстахъ рѣки извлекли много мелкихъ предметовъ: плодовъ, колець, пряжекъ, булавокъ, браслетокъ, колокольчиковъ, разнаго оружія и т. д. Большая часть этихъ предметовъ хранится теперь въ музеѣ Термовъ, который по значительному количеству Тибрскихъ сокровищъ, можно скорѣе назвать Тибрскимъ музеемъ. Что же касается до сокровищъ еще до сихъ поръ скрытыхъ въ Тибрѣ, то одно изъ нихъ особенно интересно для всего свѣта. Это знаменитый, священный подсвѣчникъ Моисея, вмѣстѣ съ двумя золотыми и семью серебряными трубами, а также съ золотыми бутылками и чашами, упомянутыми въ старинныхъ лѣтописяхъ. Они, по словамъ профессора Нисси-Ланди, лежатъ спокойно на днѣ Тибра съ 546 года, когда царь готовъ, Тотила, остановился у воротъ Рима, и римляне, не признавая себя въ безопасности, выбросили въ Тибръ означенные предметы. Всѣ они изъ чистаго золота, и хотя стоятъ только около 70.000 рублей, но ихъ историческая цѣнность не можетъ быть опредѣлена деньгами. «Я, — говоритъ Нисси-Ланди, — совершенно убѣжденъ на основаніи древнихъ священныхъ книгъ, проданій еврейскаго народа и донесеній знаменитаго инспектора древностей при Пій VII, Джузеппо Петрини, бумаги котораго находятся у меня, что эти драгоцѣнные предметы еще и теперь лежатъ на днѣ рѣки». Также извѣстно, что золотая статуя императора Клавдія II была брошена въ Тибръ въ ту же эпоху Тотилы, и находится до сихъ поръ въ этой рѣкѣ. По всей вѣроятности, въ ней также хранятся Минерва Фидія и Венера, Марсъ, Геркулесъ и Цезарь изъ Пантеона, восемьдесятъ мраморныхъ статуй изъ Мавзолея Гадриана, а также четыре лошади и три навалина изъ Коринтской бронзы. Вблизи впаденія въ Тибръ ручья Марсиглианы должно находиться множество римскаго и гальскаго оружія послѣ битвы при Алліи, а въ *Saxa Rubra*, вѣроятно, найдется безконечное количество монетъ, которыя скрываются тамъ императоромъ Максентіемъ. Наконецъ, близъ Остіи Тибръ долженъ заключать въ себѣ несмѣтные богатства, между прочимъ, тѣ остатки бронзовой мостовой, о которой уже было говорено. Планы раскопокъ дна Тибра уже составлялись въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, но не увѣнчались успѣхомъ. Кардиналъ Полиньякъ предлагалъ папѣ Бенедикту XIII въ 1730 году отвести русло рѣки на протяженіи двухъ миль, но не встрѣтилъ его одобренія. Въ 1773 году аббатъ Бруцца даже приступилъ къ работамъ, но неудачно. Въ 1818 году племянникъ профекта Рима, Наро, получилъ отъ папы привилегію заняться этой работой, подъ руководствомъ кардинала Пакки, знаменитаго археолога, но всѣ его старанія ни къ чему не привели. Въ 1870 году Гарибальди составилъ новый планъ отвлеченія воды Тибра, но этотъ проектъ ничѣмъ не окончился, благодаря недоброжелательству нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ бюрократовъ. Точно также, нѣсколько лѣтъ спустя, не удался планъ князя Торлонія объ изслѣдованіи Тибра, благодаря тѣмъ же бюрократическимъ преградамъ. «Новѣйшая изъ попытокъ произвести раскопки дна Тибра, — говоритъ профессоръ Нисси-Ланди, — принадлежитъ мнѣ. Въ 1899 году я предложилъ правительству вой планъ. Министерство общественныхъ работъ согласилось позволить мнѣ

производство работъ, если министерство народнаго просвѣщенія дало бы необходимое разрѣшеніе относительно найденныхъ предметовъ; но послѣднее министерство взглянуло на это съ точки зрѣнія бюрократической рутинны и отказало мнѣ въ разрѣшеніи производить работы, которыя стоили мнѣ семилѣтнихъ подготовительныхъ усилій». Такимъ образомъ въ настоящее время вопросъ этотъ остается все еще нерѣшеннымъ.

— Христина Нортумберлэндская. Какъ извѣстно, Италия XVIII столѣтія, эпохи упадка и легкомысленныхъ нравовъ, была очень богата любовными похождениями обоихъ половъ всевозможныхъ общественныхъ положеній, и одной изъ самыхъ удивительныхъ искательницъ такихъ приключеній вѣка «*zeisento*» была красавица маркиза Христина Палеотти въ Болоньи. Ея бурную жизнь описалъ въ интересномъ историческомъ этюдѣ, составленномъ по хроникамъ современниковъ и по ея собственнымъ шести сонетамъ, директоръ музея Уффизій, М. Риччи¹⁾. Несмотря на итальянскую фамилію, въ ней не было ни капли итальянской крови: ея мать, дѣвица Гуффье, происходила изъ старинной пуатьенской семьи, а отецъ былъ сыномъ извѣстнаго англичанина Роберта Дудлея, графа Лейчестера, любовника королевы Елизаветы. Будучи единственнымъ сыномъ графа Лейчестера, отецъ Христины бѣжалъ изъ Англіи послѣ всякаго рода приключеній и поселился во Флоренцію, гдѣ сдѣлался камергеромъ великой герцогини. Въ 1649 году у его сына родилась дочь тамъ же, во Флоренціи; это была Христина, будущая маркиза Палеотти. Христина Дудлей, герцогиня Нортумберлэндская, племя, какъ ее обыкновенно называли итальянскіе хроникеры, Христина Нортумбри, провела дѣтство въ Флоренціи и Римѣ, затѣмъ четырнадцатилѣтней дѣвушкой вышла замужъ за болонскаго дворянина, маркиза Андреа Палеотти. Онъ былъ вдовецъ и потерялъ жену при странныхъ обстоятельствахъ: она была отравлена такъ же, какъ ея отецъ, по приказанію графа Суцци, номъшпаннаго на убійствахъ и подовѣрившаго маркиза Палеотти въ любви къ своей жевѣ, а потому задумавшаго отмстить ему, уявчоживъ его со всею семьей. Согласно увѣреніямъ современниковъ, Христина Нортумберлэндская была такъ хороша собою, что въ продолженіе полулѣтка къ ней нельзя было приблизиться ни одному мужчанинѣ безъ того, чтобы не влюбиться. Ея наружность описана въ одномъ двустипіи 1665 года слѣдующимъ образомъ: «Прелесть на лицѣ, въ словахъ—игра, на груди снѣгъ, и огонь на щекахъ». У нея были большіе свнѣ глаза, прекрасные черные волосы, и во всей ея особѣ было вѣчто дѣтское, почти ангельское, и даже въ сорокъ лѣтъ ее принимали за сестру ея дочерей. Къ этому надо прибавить, что она страстно любила музыку и поэзію, и была остроумной и ученою женщиной, какъ ни одна изъ ея современницъ. Во все время своей бурной жизни она была такъ извѣстна въ Италіи, что даже теперь еще о ней вспоминаютъ, какъ объ одной изъ самыхъ удивительныхъ искательницъ приключеній *zeisento*. Одно это уже служитъ доказательствомъ, какъ необычны были ея похождения, если въ такой разнузданный вѣкъ, какъ XVII, когда всѣ въ Италіи жили легкомысленною жизнью, Христина Нортумберлэндская такъ уди-

¹⁾ La Vita barocca, dei Corrado Ricci, Milano. 1904.

вляла своихъ современниковъ. Не менѣе изумлялись они ея рѣшенію выйти замужъ, будучи такого знатнаго происхожденія и обладая всѣми счастливыми качествами, за человѣка, гораздо ниже себя во всѣхъ отношеніяхъ. Но дѣло въ томъ, что, когда въ 1663 году четырнадцатилѣтняя Христина встрѣтила во Флоренціи маркиза Палеотти, то уже была съ «пятномъ» и не могла мечтать о лучшемъ бракѣ. За годъ предъ тѣмъ ее соблазнилъ въ Римѣ мужъ известной Маріи Манчини, коннетабль Колонна. Плодомъ этого перваго похищенія была маленькая дѣвочка, которую отецъ оставилъ у себя въ Римѣ. Герцогъ Нортумберландскій былъ очень радъ, когда маркизъ Палеотти, очарованный всѣми ея прелестями, женился на его дочери. Сама Христина, повидимому, была ему за это очень благодарна и долго старалась ему нравиться. Со времени брака она поселилась въ Болонью, и съ 1663 по 1671 годъ болонскіе хроникеры не переставали ею интересоваться, но они лишь расхваливали ея красоту и безконечную прелесть ея разговора. «По граціи, уму и оригинальности ей нѣтъ равныхъ»,— писалъ хроникеръ Тиоли. Другой, Чизелли, который скорѣе возненавидѣлъ маркиза, называлъ ее «самой прекрасной и чудесной женщиной». Даже въ памфлетахъ и сатирическихъ экспромптахъ къ ней относились съ особеннымъ уваженіемъ. Въ одномъ изъ нихъ она представлена, «какъ самая нѣжная и граціозная дама Болоньи», въ другомъ ее называютъ «ангеломъ въ противоположность цѣлому легіону демоновъ». Въ 1668 г. императоръ Леопольдъ, желая выразить маркизу свое уваженіе, торжественно вручилъ ей золотой крестъ. Около этого же времени она поѣхала съ мужемъ въ Миланъ и тамъ встрѣтила коннетабля Колонна, который окружилъ ее такимъ вниманіемъ, что возбудилъ ревность Маріи Манчини. Настоящая эпоха похищенія Христины Нортумберландской началась только съ 1671 года, и въ это время кардиналъ-легатъ заключилъ ее въ монастырь св. Маргариты. Впрочемъ, это заключеніе было скорѣе вслѣдствіе политической причины, именно изъ опасенія, что Христина, уважаемая всѣми, не воспользовалась бы своимъ вліяніемъ и не попыталась бы освободить своего мужа, заключеннаго тогда въ тюрьму. Затѣмъ у нея завязалась любовная интрига, о которой она упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, но подробностей о ней не сохранилось. Напротивъ, существуетъ много рассказовъ о ея вторичной поѣздкѣ въ Миланъ въ 1679 году, во время которой Христина, съ вѣдома и одобренія мужа, позволяла графу Антонио Тротти и другимъ лицамъ подносить себѣ безконечное количество драгоценныхъ подарковъ, такъ что губернаторъ вѣжливо попросилъ ее удалиться въ Болонью. Съ тѣхъ поръ хроникеры не переставали писать о сумасбродствахъ молодой женщины. То она теряла въ соборѣ драгоценную булавку, вмѣсто которой сенаторъ Герколо Пеноли дарилъ ей другую, гораздо красивѣе, при посредничествѣ одного поэта, Грегори Казали, которому въ награду Христина подарила табакерку стоимостью въ 20 лотыхъ; то другой сенаторъ, Филиппо Барбацца, покинулъ, ради прелестныхъ глазъ Христины, свою жену и тѣмъ вызвалъ гнѣвъ папы, то на одного актера народнаго театра, который позволялъ себѣ намекнуть на опасность, грозившую семейному очагу отъ одной дамы, началъ при выходѣ со сцены и отрѣзалъ ухо. 1-го іюня сенаторъ Барбацца пригласилъ на официальный обѣдъ своихъ сенатскихъ сослуживцевъ, и въ то

время, когда они сѣли за столъ, вопля великолѣпно разодѣтая Христина и сѣла воалѣ хозяйна дома, къ изумленію гостей. Въ соборѣ во время службы, если она приходила поздно, чтобы достать свободное мѣсто, она шахально пробиравалась на хоры и вставала между канониками. Двадцать разъ ее высылали изъ города, и она перебиравалась то въ Верону, то въ Венецію, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ снова появлялась въ Болоньѣ, и опять къ ней стремились всѣ мужья. А если не хватало ихъ, то въ нее влюблялись дѣти и дѣлали тысячи безумныхъ выходокъ, чтобы добиться ея вниманія. Между прочимъ, юный графъ Эрколани, пріѣхавшій изъ Пармы въ Болонью для совершенія бракосочетанія съ дочерью богатаго сенатора, забылъ о существованіи своей невесты и не хотѣлъ болѣе выходить изъ дворца Палеотти. Не проходило мѣсяца и даже недѣли, чтобы въ ея домѣ не случилось новаго скандала, тревожившаго весь городъ. Начиная съ кардинала-легата до кучера и носильщика, никто не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ о Христинѣ Портумберландской, которая сдѣлалась ужасомъ и развлеченіемъ города. Послѣ смерти своего мужа въ 1689 г. она стала вести себя еще болѣе разнузданно, ненавидя всякое насиліе, какъ нравственное, такъ и общественное. Съ этого момента ея домъ былъ открытъ для перваго встрѣчнаго, и обратился въ мѣсто свиданій, гдѣ «бесѣды» возобновлялись каждый вечеръ, и одинъ изъ ея современниковъ даже упрекалъ ее въ томъ, что она первая ввела въ Болонью этотъ «гнусный обычай». Дуэли и убійства участились, и всегда оказывалось, что онѣ имѣли исходной точкой дворецъ Палеотти. 6 декабря 1691 года, почти всѣ гости Христины Портумберландской оказались отравленными послѣ выпитаго шоколада, поданнаго имъ молоденькой турчанкой, крестницей хозяйки дома. Турчанку заключили въ тюрьму, но настоящимъ виновнымъ оказался старшій сынъ Христины, который, приготавливая какой-то составъ для приданія красоты дамамъ, забылъ вытереть сосудъ изъ-подъ него. Одинъ завсегдатай дома маркизы Палеотти, графъ Массимо Каурара, умеръ отъ секретной болѣзни, которая, повидному, была въ ту эпоху очень распространенной во всѣхъ слояхъ болонскаго общества, и тотчасъ же послѣ его смерти по городу сталъ переходить изъ рукъ въ руки «Советъ въ память графа Каурара, умершаго отъ любви къ доннѣ Христинѣ». Другой ея посѣтитель предлагалъ табакъ знакомымъ изъ бумажнаго тюричка и на вопросы, куда онъ дѣвалъ свою «прекрасную табакерку», отвѣчалъ, что оставилъ ее у маркизы Палеотти. «Это такой домъ, — замѣчалъ онъ, — куда надо остерегаться ходить, если заравѣ не покорись участи оставить тамъ свою шкуру». Но, тѣмъ не менѣе, домъ Христины со дня на день все болѣе и болѣе посѣщался, какъ высокопоставленными лицами, такъ артистами и актерами. Даже болонскія дамы считали «бесѣды» маркизы Палеотти необходимой принадлежностью города, и когда однажды ее выслали въ ея имѣніе, то маркиза Вентиволье и графиня Каносса бросились къ ногамъ кардинала-легата и принудили его вернуть изгнанницу. Ея салонъ былъ не только литературнымъ, великосвѣтскимъ, а также и «дурнымъ мѣстомъ», но еще пользовался репутаціею «брачнаго агентства». Въ немъ устраивались такіе браки, которые приводили въ изумленіе всю Италію. Однако, устраивая браки постороннимъ, она не забыла и своихъ дочерей, и

одна из них сдѣлала такую блестящую партію, что Христина могла считать эту свадьбу индучайшимъ изъ своихъ похиженій. Это была свадьба ея дочери Діаны съ однимъ изъ сыновей князя Колонны. Последней пиригъ писателя посвящали цѣлыя книги. Прѣхавъ въ Болонью на театральное представленіе, молодой Колонна увидѣлъ въ театрѣ Діану и сразу влюбился въ нее. Встрѣтивъ ее на слѣдующій годъ, онъ почувствовалъ, что не можетъ жить безъ нея, и Діана съ матерью послѣдовали за нимъ въ Римъ. Послѣ различныхъ уловокъ съ ихъ стороны, чрезъ два года Діана сдѣлалась его женою. Это было столь неожиданно для Болоньи и Рима, что съ этихъ поръ слава Христины, какъ ловкой устроительницы браковъ, разнеслась повсюду. Этотъ физическій и нравственный портретъ Христины Нортумберландскій заимствованъ отъ современниковъ, и, очень можетъ быть, нѣсколько искаженъ, такъ какъ, судя по ея сочтеніямъ, она представляется въ болѣе лестныхъ для нея, идеальныхъ и вѣжныхъ краскахъ, и не лишена душевныхъ страданій, вѣжныхъ чувствъ и сердечности. Въ одномъ изъ сонетовъ она даже упрекаетъ любимаго человѣка за измѣну, когда, судя по хроникамъ, она первая измѣнила обожателямъ. Поэтому Риччи склоненъ болѣе вѣрить этимъ источникамъ; въ ея же поэзіи онъ хотя и находитъ поэтическія красоты, но считаетъ все ложью. Конечно, Риччи, можетъ быть, отчасти слишкомъ строго относится къ Христинѣ Нортумберландской, забывая о той развращенной, разнузданной эпохѣ, въ которую она жила, и приравнивая ее къ своему вѣку. Было время, когда она даже приводила въ восторгъ развратныхъ болонцевъ своимъ сдержаннымъ поведеніемъ. Дѣйствительно ли она была такъ порочна, къ сожалѣнію, нельзя проверить. Если это было и вѣрно, то ей пришлось поплатиться за все подлостью, получая огорченія со стороны, откуда она могла всего менѣе ожидать—отъ своихъ дѣтей. Матеріально она продолжала жить прекрасно, и ея сограждане такъ же, какъ и иностранцы, окружали ее все большимъ и большимъ вниманіемъ. Но одна изъ ея дочерей сошла съ ума въ монастырѣ, куда она удалась; другая, вдова графа Роффени, который ее билъ, разорилъ и бросилъ,— вышла затѣмъ за важнаго англичанина, герцога Шрусбюри и отреклась отъ католичества, что глубоко огорчило набожную Христину. Но еще болѣе ее заставилъ страдать ея любимецъ, младшій сынъ Фердинандъ. Этотъ несчастный сумасшедшій и преступникъ былъ высленъ изъ Италіи, съ позоромъ изгнанъ изъ императорской гвардіи, приговоренъ къ смерти и казненъ въ Лондонѣ въ 1718 г. за убійство своего слуги. Это извѣстіе убило Христину, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она умерла 2-го февраля 1719 года. Послѣ свадьбы своего дочери Діаны она пэмѣнила образъ жизни, что видно изъ написанныхъ ею послѣднихъ сонетовъ, въ которыхъ она признаетъ свои ошибки и посвящаетъ себя Богу.

— Двухсотлѣтіе «Тетки Фоссъ». Не часто приходится слышать о столь почтенномъ по возрасту юбилеѣ, какой справляла недавно берлинская «Фоссова Газета», или, какъ ее по-пріятельски называютъ берлинцы: «Тетка Фоссъ». По этому случаю Антонъ Вухгольцъ роскошно издалъ большое сочиненіе о рожденіи, развитіи и процвѣтаніи почтенной юбиллярши либерально-консервативнаго направленія, придерживавшейся принциповъ терпѣ-

мости и порядка. Ея издатель, книгопродавец Фридрих Фоссъ, началъ свое газетное дѣло на довольно скромныхъ началахъ въ царствованіе Фридриха I-го, теперь же при Вильгельмѣ II-мъ къ «Теткѣ Фоссъ» печатается не менѣе четырнадцати прибавленій каждое воскресенье. Къ чести этой газеты, она всегда придерживалась главнымъ образомъ принциповъ, а не личностей и, напри- мѣръ, хотя она сочувствовала Бисмарку въ его золотое время, но, все-таки, когда онъ не раздѣлялъ ея идей, она довольно сурово обходилась съ нимъ. Ея откровенность не разъ навлекала на нее непріятности, но въ то же время она противилась, какъ притязаніямъ дворянчиковъ, такъ и стремленіямъ социалли- стовъ, и ея направленіе находило сочувствіе въ среднемъ классѣ. Ея издатель, глубоко уважалъ Лессинга, какъ за его талантъ, такъ и за идеи, а потому дѣлалъ всѣ усилія, чтобы привлечь его въ сотрудники своей газеты. Это ему удалось, и Лессингъ въ теченіе трехъ лѣтъ велъ отдѣлъ «Gelehrte Sachen», состоявшій изъ научныхъ извѣстій и вмѣстѣ съ тѣмъ критики. Въ ту эпоху нѣмецкіе критики не могли похвастаться вѣжливостью и высказывали свои мнѣнія въ очень грубой формѣ, выдавая это за искренность. Лессингъ въ этомъ отношеніи опередилъ всѣхъ своей рѣзкостью. Особенно грубо онъ про- бировалъ Готшеда и однажды отозвался о его поэтическихъ произведеніяхъ слѣ- дующимъ образомъ: «Въ книжномъ магазинѣ Фосса эта книга стоитъ два тал- лера четыре гроша. Два таллера платятъ за то, что въ ней есть велѣнаго, а два гроша за то, что въ ней заключается, быть можетъ, годваго». Однако на- ступилъ день, когда терпѣливые нѣмецкіе авторы возмущились подобнымъ об- ращеніемъ, впрочемъ только чрезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Лессинга, и со- единясь съ актерами, тоже немало перенесшими грубостей и оскорбленій отъ нѣмецкой критики, подали совмѣстную жалобу. Въ ней они просили, чтобы полицейскими мѣрами былъ запрещенъ журналамъ разборъ пьесъ. Извѣстный поэтъ Иффландъ, руководившій этимъ движеніемъ, самъ подалъ министру иностранныхъ дѣлъ 26 апрѣля 1803 г. жалобу, въ которой въ самомъ мрач- номъ свѣтѣ представилъ отчаяніе членовъ Національнаго Театра, выпучивае- мыхъ и осмѣиваемыхъ критиками, «таскавшимися по публичнымъ мѣстамъ». Выдавая себя за искренняго приверженца критики и признавая ее за вполне законное учрежденіе, онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ сознаться, что берлин- ской критикѣ недостаетъ, какъ безпристрастія, такъ и достаточныхъ знаній, чтобы судить, и подъ предлогомъ литературы они только и думаютъ, какъ бы уто- лить свою личную злобу. Далекіе отъ намѣренія поднять умственный гори- зонтъ націи, они извращаютъ вкусъ публики. Отвѣтъ на это прошеніе Иф- фланда получилъ 10-го мая 1803 года. Министръ писалъ, что законъ освободѣ печати не допускаетъ, чтобы журналамъ запрещали высказывать свое мнѣніе о пьесахъ, но теперь дано распоряженіе главнымъ газетамъ въ будущемъ тща- тельно избѣгать всѣ обидныя замѣчанія и не задѣвать личности, и цензура без- жалостно накажетъ виновнаго. Сначала такой отвѣтъ удовлетворилъ Иф- фланда, но чрезъ 10 лѣтъ онъ снова принялся жарко бороться съ критиками. Поводомъ къ этому послужила одна проницательная фраза фельетониста «Тетки Фоссъ» относительно главы оркестра Вебера. Иффландъ тогда предложилъ го- сударственному клиндеру принять мѣры для запрещенія журналамъ что либо

печатать о новыхъ пьесахъ до третьяго представленія. Гарденбергъ лично вслѣдовалъ это дѣло и отвѣтилъ Пфланду собственноручно, что подобная мѣра противна свободомыслию прусскаго закона. Однако упрямство Пфланда одержало верхъ, и 18-го октября 1819 года министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ приказъ о запрещеніи печатать критики о пьесахъ ранѣе третьяго представленія, а всѣ политическія соображенія, всѣ сатирическія остроты и всѣ личности должно тщательно удалять изъ литературныхъ статей. Этотъ указъ былъ объявленъ 4-го января 1828 года. Ростъ «Тетушки Фоссъ» былъ слѣдующій: въ 1776 году ея вышло 200 экземпляровъ; въ 1804-мъ—7.100 экз.; въ 1813—4 000, такъ какъ это были тяжелыя времена; въ 1847—20.300 въ 1848—24.000. Въ это время «Фоссова Газета» была самой распространенной среди нѣмецкой прессы. Изъ 24.000 экземпляровъ 11.500 пересылались подлинщикамъ прусской почты, которая получала за это 58.500 таллеровъ въ годъ. Расходы по печатанію и бумага обходились 100 таллеровъ въ годъ на экземпляръ. Печатае газеты начинали въ полночь, и послѣдній номеръ оканчивали въ три часа утра. Приходъ Фоссовой Газеты въ 1802—1803 г. доходилъ до 353 талеровъ, въ 1814 г. до 24.126 талеровъ, въ 1840 г. до 36.041 талера, въ 1850 г. до 58.373 талеровъ. Это—доходъ, только приносимый подпискою, къ нему надо прибавить небольшой доходъ отъ продажи отдѣльныхъ номеровъ и объявленій, что принесло 5.690 талеровъ въ 1814 г., 16.768 т. въ 1830 г., 22.417 т. въ 1840 г. Въ противоположность современной публикѣ, прежняя публика терпѣть не могла газетныхъ объявленій. Вухгольцъ своей книгой внесъ крупный вкладъ въ литературу о нѣмецкихъ газетахъ, уже впрочемъ богатую, благодаря трудамъ Саломона.

— Несчастія аристократки XVIII вѣка. Одна изъ вышедшихъ за послѣднее время во Франціи историческихъ книгъ: «Les malheurs d'une grande dame sous Louis XV»¹⁾, Шарля Коинара, мало содержатъ въ себѣ интересныхъ историческихъ фактовъ, но довольно живо очерчиваетъ нравы высшаго общества той эпохи. Авторъ рисуетъ предъ нами вульгарность и грубость французскаго общества, въ то время недостаточно учтываго, съ его поверхностнымъ изяществомъ, прикрывавшимъ страшную грубость, алчность къ деньгамъ и т. д. Аристократы XVIII вѣка, даже предаваясь колдовству, не такъ интересовались знаніемъ будущаго, какъ разбогатѣть, ничего не дѣлая, и ради этого не пренебрегали сблизаться съ людьми самаго низкаго пошиба. Роскошь въ то время развивалась необыкновенно быстро, и самыя знатныя семьи были обременены долгами. Каждый жаждалъ золота и еще золота, чтобы поддерживать свое положеніе въ обществѣ. Нѣкоторые изъ аристократовъ пытали счастье въ переполювавшихъ Парижъ игорныхъ домахъ, особенно въ блестящихъ домахъ Жевра и Суассона, открытыхъ для перваго встрѣчаго, и гдѣ многіе ускорили свое разореніе. Но не всѣ надѣялись на «фараона» и «бирибя»: нѣкоторые, болѣе суевѣрные, обращались къ самому дьяволу, въ чаяніи разбогатѣть, да, кстати, узнать свой гороскопъ. Эти легковѣрные принадлежали къ большимъ людямъ, страдавшимъ нервнымъ разстройствомъ. Одной изъ пред-

¹⁾ Les malheurs d'une grande dame, par Ch. de Coynart. Paris. 1904.

ставительница этого общества была графиня Луиза Монбуассе, урожденная Колянъ де Мортанъ. Она родилась въ Парижѣ 4 февраля 1718 года въ сѣтланной семьѣ: ея мать была дочерью литихскаго промышленника, а отецъ французскій аристократъ. Дѣвочка выросла почти безъ образованія. Отецъ Луизы былъ уже старъ, а мать — немного сумасшедшая или сумасбродная: оба они пережили нѣсколько тревожную эпоху. Едва дѣвочка настолько подросла, что могла ходить одна, ее помѣстили въ Пантемонскій монастырь, гдѣ менѣе обращали вниманія на ортографію, чѣмъ на прописную мораль и свѣтскія искусства, какъ танцы, пѣніе, музыка и проч. Когда ей исполнилось 15-ть лѣтъ, и ея отецъ умеръ, а мать, еще болѣе сдѣлавшаяся сумасбродной, вышла замужъ, то Луиза узнала въ одинъ прекрасный день, что она невѣста Филиппа де Вофортъ-Кушлякъ, графа де Монбуассе. Ему было двадцать одинъ годъ, и его уже произвели въ капитаны. Съ этого момента начинается драма брака, заключеннаго изъ расчета получить значительное приданое, какъ это было почти правиломъ въ ту эпоху. Мать жениха помпунтно являлась въ монастырь, гдѣ продолжала жить ея будущая невѣстка, и осыпала Луизу подарками. Однажды она приказала подать къ подъѣзду монастыря прекрасную коляску и сказала, что дарить ее молодой дѣвушкѣ. Другой разъ она передала ей кошелекъ съ пятьюдесятью ливрами, которыми Луиза не замедлила распорядиться и разыграла свѣтскую даму, сдѣлавъ въ монастырѣ щедрые подарки. Наконецъ бракъ состоялся, и для Луизы началась суетная свѣтская жизнь: посѣщенія квягини и герцогини, прогулки въ Тюльри, въ то время служившемъ мѣстомъ свиданія для лучшаго общества, гдѣ, кромѣ воскресеній, «входъ былъ запрещенъ лаксаямъ и сволочи». Но внезапно свекровь отняла отъ Луизы коляску, а мужъ потребовалъ кошелекъ съ пятьюдесятью ливрами, изъ-за чего поднялись ссоры, и молодую женщину начали тиранить: то не позволяли ей навіть экипажъ, чтобы ѣхать съ визитомъ, то надѣвать платье, какое она хотѣла, то убавляли дрова въ каминѣ и т. д. Наконецъ, свекровь объявила, что ея невѣстка безумная, и послѣднюю отослали въ замокъ Уссэ въ шести верстахъ отъ Шартра, а затѣмъ въ замокъ Дьеннъ. Ее окружили различными личностями, игравшими роль шпіоновъ, между которыми находился нѣкій аббатъ Курбулэ, не покидавшій молодой женщины, даже когда она, заболѣвъ, пожелала отправиться въ Парижъ въ монастырь. Тамъ онъ не только являлся къ ней, а еще вызывалъ въ пріемную ея служанокъ и разспрашивалъ ихъ обо всемъ. Наконецъ Луиза добилась добровольнаго развода съ мужемъ, но аббатъ все-таки не оставлялъ ея въ покоѣ и продолжалъ болѣе, чѣмъ когда либо, допрашивать обо всемъ ея слугъ. Между тѣмъ, Луиза поселилась въ улицѣ Кассетъ. Графъ удержалъ двадцать три тысячи ливровъ дохода съ ея капитала, чего онъ только и хотѣлъ, а ей сталъ выдавать пенсію и даже иногда ее посѣщалъ. Почувствовавъ себя независимой, молодая женщина захотѣла устроить у себя салонъ, но, конечно, не литературный, такъ какъ въ то время общество было наводнено духовенствомъ и кавалерами. Эти кавалеры не отличались знатностью рода, были не богаты и даже не воспитаны. Во времена Людовика XIV ихъ называли «несѣхайен», а въ царствованіе Людовика XV они сдѣлались «indispensables». Одинъ изъ нихъ выдался себя то за оставшихъ офицеровъ, то за

взявших отпуск; другие за племянников или сыновей провинциальных дворян. Что касается аббатовъ, то они вовсе не имѣли аббатствъ; они довольствовались титуломъ и одеждой этого званія. Они никогда не принадлежали къ церкви, со всѣмъ тѣмъ, согласно ихъ собственному признанію, они получали свои повышенія только въ салонахъ. Последнихъ графиня не принимала въ свой салонъ: съ нея было довольно и аббата Курбуле, но кавалеры паходились въ числѣ ея друзей. Ея другомъ былъ также маркизъ Суврѣ, одинъ изъ самыхъ остроумныхъ придворныхъ, пользовавшихся милостями короля. Онъ былъ влюбленъ въ графиню, которая не отвѣчала на его любовь, но была съ нимъ милостива. У нея также бывалъ кавалеръ Турбонъ графъ Латуръ д'Овернь, князь Камилль Лотарингскій и герцогъ д'Олонвь—типы настоящихъ прожигателей жизни той эпохи, безсознательные и легкомысленные, какъ того требовалъ хорошій тонъ. Последний былъ пзяцный, красивый мужчина и граціозный танцоръ; онъ былъ три раза женатъ и растратилъ всѣ три состоянія своихъ женъ, далъ себя увлечь въ грубое мошенничество и кончилъ тѣмъ, что былъ высланъ въ свое имѣніе. Аббатъ Курбуле продолжалъ безъ приглашенія посѣщать графиню Монбуассье, наблюдалъ за домомъ, сообщалъ обо всемъ мужу, ухаживалъ за ея компаньонкой, хотя она была очень некрасива, но онъ оставался съ нею цѣлые дни и вечера. Кромѣ этихъ лицъ, графиню посѣщали еще нѣкіи Антуанъ Лафоссъ, который любилъ, когда его звали де-Лафоссъ. Онъ былъ сынъ торговца полотнами, но затѣмъ сдѣлался первымъ чиновникомъ монетнаго двора. Антуанъ же купилъ должность сборщика податей въ Рошелль, которую онъ впрочемъ не исполнялъ и даже за нее не заплатилъ. Онъ нанялъ за себя замѣстителя, которому отдалъ часть дохода. Самъ онъ жилъ въ Парижѣ въ скромномъ помѣщеніи булочника и велъ себя, какъ человекъ, который хочетъ нажить себѣ состояніе «чисто свѣтскими средствами», какъ выразился авторъ книги. Красивый человекъ, хорошо одѣвавшійся, остроумный, всегда въ хорошемъ настроеніи—отъ природы или ис расчета, умѣнный сочинять стихи или рассказывать модный вздоръ, онъ нравился женщинамъ и обладалъ талантомъ вліять на мужчинъ, благодаря своей самоувѣренности. Лафосу было тридцать восемь лѣтъ, и ему очень покровительствовала пятидесятидвухлѣтняя графиня Ветюнь. Онъ занимался колдовствомъ и хватался, что онъ—писатель. Эта личность увлекла графиню Монбуассье въ занятіе колдовствомъ. Забавно было видѣть, какъ общество того времени устраивало увеселительныя прогулки по ночамъ въ долину Монружъ, съ цѣлью добиться съ помощью знатныхъ колдуновъ услугъ дьявола. Такъ графиня Монбуассье во время одной изъ такихъ поѣздокъ написала ему на кускѣ буйволовои кожи свои желанія. Она просила прежде всего у дьявола «пятнадцать милліоновъ, обѣщанныхъ ей, во-вторыхъ, предохранить ее отъ всякихъ болѣзней и особенно отъ приступовъ мигрени, а также отъ сумасшествія, въ-третьихъ, власть удержатъ навсегда въ своихъ цѣпяхъ маркиза Суврѣ, не платясь за это ничѣмъ, и, наконецъ, избавить ее отъ преслѣдовавшаго мужа». Герцогъ д'Олонвь также написалъ на буйловои кожѣ свои желанія, прося, какъ и графиня, пятнадцать милліоновъ, обѣщанныхъ дьяволомъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, узнать тайну природы и получить способ-

ность увлекать всѣхъ женщинъ. Его любовница, г-жа Амеле, выражала желаніе знать основательно музыку, не трудясь изучать ее, всегда быть любимой герцогомъ д'Олоннъ и, наконецъ, также получить десять или пятнадцать милліоновъ. Подобныя поѣздки повторялись часто, и только начальникъ полиціи прекратилъ ихъ, задержавъ, какъ дьявола, такъ и колдунью; но онъ отпустилъ ирѣхавшихъ колдовать, не желая компрометировать знатнаго рода людей. Графиня Монбуассье, видя, что съ чортомъ дѣло не идетъ, занялась любовной интригой и, Лафоссъ написалъ ей стихи. Между ними завязалась любовная связь, результатомъ которой явился ребенокъ. Аббатъ Курбула, знавшій обо всемъ, донесъ мужу, который добился заключенія въ Бастилію Лафосса и въ монастырь графини Монбуассье. Лафосса выручила старая графиня Ветюнь, попрежнему влюбленная въ него. Для этого она отправилась во дворецъ, гдѣ не появлялась уже двадцать лѣтъ, и прямо стала просить объ освобожденіи Лафосса, отзываясь о немъ, какъ о самомъ честномъ человѣкѣ. Она добилась этого, и его лишь выслали за городъ. Графиню же Монбуассье держали въ страшномъ уединеніи: всѣ ея письма задерживались и передавались мужу. Она повела тяжбу противъ него, но проиграла и обязана была вернуться къ мужу, когда онъ этого захочетъ. Мужъ же могъ свободно завести новую семью, и у него уже было трое незаконныхъ дѣтей. Всѣ эти испытанія такъ поразили графиню Монбуассье, что она умерла въ 1757 году. Весь интересъ этой книги заключается лишь въ описаніи нравовъ и характеровъ общества того времени.

— Опшанская старостиха. Интриги и всякаго рода козни въ исторіи Польши, какъ во времена «безкрулевыя», такъ и при короляхъ, еще долго будутъ служить матеріаломъ для исторической литературы. Не только польскіе мужчины, но и женщины тѣхъ временъ не стѣснялись прибѣгать къ самымъ низкимъ средствамъ, не разбирая, опрятны они, или нѣтъ, лишь бы добиться своей цѣли, такъ какъ согласно іезуитской этикѣ, цѣль оправдываетъ средство. Одна изъ такого рода интригъ послужила матеріаломъ для статьи ¹⁾ въ «Carnet historique», и ея авторы Ж. и М. Руссо живо охарактеризовали нравы, какъ героини интриги, такъ и вообще польскаго общества при Августѣ III-мъ. Въ это время въ Польшѣ велась всякаго рода борьба и раздоры, какъ это было почти всегда въ этой злополучной странѣ. Король Августъ III, по описанію Фридриха II-го, былъ кротокъ по лѣви, щедръ изъ тщеславія, безъ религіозныхъ убѣжденій подчинялся своему духовнику и безъ любви преклонялся предъ волею жены; кромѣ этихъ подчиненій, онъ подчинялся еще своему, любимцу графу Брюлю. Послѣдній былъ человѣкъ довольно пустой: «ни у кого не было больше платья, часовъ, кружевъ, башимаковъ, чулокъ и туфель», и, какъ обрисовалъ его тотъ же Фридрихъ II-й, «Цезарь отнесъ бы его къ числу тѣхъ отлично завитыхъ и раздушенныхъ головъ, которыхъ нечего бояться». Вторымъ его любимцемъ былъ посланникъ, графъ Флемингъ. «Если въ цѣломъ, по вѣщности, — говорятъ Руссо, — польскіе вельможи выказывали, какъ въ Парижѣ, такъ и въ

¹⁾ La starostine d'Opsa (1750—1778), par G. et M. Rousseau. «Le Carnot». Novembre—Decembre 1904.

Италиі, превосходныя манеры, ловкость и знаніе свѣта, привлекавшія къ нимъ нѣтъ симпатіи, то они тщательнo приберегали для своей родины, дома и семьи глубокую ненависть, кровавыя ссоры, не имѣвшая въ свою мѣсть ни посторонняго друга ни посредника». Самъ Августъ III-й былъ невысокаго мѣнія о своемъ народѣ и говорилъ: «Поляки такъ мало о своихъ интересахъ пекутся, и междоусобныя ихъ ссоры до такой степени не позволяютъ ничего полезнаго сдѣлать, что на этотъ неостоянный, легкомысленный и корыстолюбивый народъ никакъ положиться нельзя». Сами министры говорили то же. Короля окружали Радзивиллы, Чарторыйскіе и Потоцкіе. Послѣднія двѣ фамиліи вѣчно враждовали, и если при дворѣ онѣ держались нейтрально, то въ своихъ воеводствахъ болѣе не сдерживались. «Вездѣ дрались,—говорятъ Руссо,—въ городахъ, переулкахъ, на площадяхъ, около костеловъ, дворцовъ, въ деревняхъ и лѣсу. Особенно Виленское воеводство служило театромъ для политической борьбы, такъ какъ представителями дѣйствительнаго защитника прежнихъ вольностей и рабства, князя Карла Радзивилла, являлись пять братьевъ знаменитой семьи Чехановскихъ, Янъ, Станиславъ, Михайло, Ксаверій, и Іосифъ. Старшій изъ нихъ, Опшанскій староста и гусарскій полковникъ; второй — генералъ, адъютантъ короля Августа; третій Домскій староста и кавалеръ Мальтійскаго ордена; два послѣднихъ брата были еще не пристроены. Опшанскій староста былъ красавецъ собою и воспитывался во Франціи; онъ носѣтилъ всѣ европейскіе дворы, но, вернувшись на родину, сбросилъ европейскія шелковыя одежды, вышитыя кафтаны, парикъ, кружева, красныя каблукы и сталъ носить національный нарчовый жупантъ, откидные рукава, шелковыя пояса, длинныя польскіе усы и обрилъ волосы, оставивъ лишь на макушкѣ чубъ. Молодой, энергичный, вспыльчивый, огневой, прямой, не легко забывавшій оскорбленія, при этомъ страшно богатый, онъ безгранично властвовалъ надъ всѣми. Какъ извѣстно, Августъ былъ выборный король, и уже за десять лѣтъ до его смерти много явилось охотниковъ на польскій тронъ, я всѣ, какъ придворныя, такъ и дипломаты европейскихъ дворовъ, интриговали для проведенія своего кандидата. Дочь французской королевы Маріи Лещинской и Людовика XV, Луиза французская, мечтала посадить на польскій тронъ, который когда-то былъ занятъ ея дѣдомъ, своего мужа, дона Флишпа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя. Вѣдное Пармское герцогство не могло ее удовлетворить такъ же, какъ испанскій дворъ. Такимъ образомъ Людовикъ XV прибавилъ къ своимъ кандидатамъ на польскій тронъ—принцу Шарлю, Фридриху, Христіану, Ксаверію Саксонскому и принцу Кюнти—еще своего зятя, дона Флишпа. Въ сущности Людовикъ XV и его дочь знали, что въ Польшѣ составилась партія,—одна, поддерживавшаяся старыхъ феодальныхъ обычаевъ, другая—болѣе современныхъ учрежденій, но чисто славянская, которая вели настоящую междоусобную войну. Августъ III «все это прикрываетъ своей мантией и понемногу продавалъ Россіи польское государство». Эти партіи вели интриги, и, конечно, вліяніе Опшанскаго старосты сильно тревожило магнатовъ противной стороны. Привлечь къ себѣ такого соперника и дать ему мѣсто въ своихъ рядахъ было бы ловкимъ дѣломъ. Но въ Польшѣ того времени можно было часто видѣть, какъ между ударами сабли или выстрѣлами вдругъ начинались переговоры и устранялись союзы. Такого рода приемы были особенно

излюбленным одной личности, недостатки которой и даже пороки искушались въ глазахъ нѣкоторыхъ польскихъ патриотовъ страстнымъ желаніемъ вручить польскую корону настоящему поляку, въ ущербъ различнымъ иностраннымъ кандидатамъ. Этой личностью былъ Шакиновскій староста, Іосифъ Струтинскій, человекъ хотя хорошаго происхожденія, но видѣвшій въ своей жизни, какъ богатство, такъ и бѣдность. Припкнувъ къ Чарторыйскому, котораго считалъ сильнѣйшимъ, онъ пріобрѣталъ для своего успѣха къ природному краснорѣчію и неразборчивой смѣлости. Онъ много игралъ въ карты и проигралъ свое состояніе, поправивъ дѣла женитьбой на дочери курляндскаго оберъ-егермейстера, графа Плятера. У него было отъ этого брака двѣ дочери — Тереза и Ядвига. Старшая была некрасивая, уродливая, вторая, — напротивъ, чудно хороша собою и готова притти на помощь своему отцу. Нанъ Струтинскій, быстро приводившій въ исполненіе задуманное, оставилъ свою жену въ Вильнѣ и, взявъ дочерей, отправился въ Бреславль. Тамъ проживалъ въ то же время, какъ и Чехановскій, дядя нана Струтинскаго, старый кастелянъ Бреста, Андрей Абрамовичъ, вліятельный членъ національной партіи, извѣстный всѣмъ и уважаемый всѣми. Его домъ былъ поставленъ на широкой ногу, и польское гостеприимство Абрамовича привлекало къ нему массу друзей. Онъ давалъ имъ завтраки, на которыхъ вино липло рѣкой, и гости шировали до тѣхъ поръ, пока дѣло не доходило до ссоръ и брани. Струтинскій задумалъ сдѣлать Абрамовича своимъ союзникомъ, имѣя въ виду, что Янъ и Станиславъ Чехановскіе еще не жоваты, и потому бракъ съ Ядвигой давалъ возможность заручиться ихъ вліаніемъ. Абрамовича не трудно было уговорить, и Струтинскій далъ съ этой цѣлью балъ. Ядвига была царницей бала, и отъ нея не ускользнуло, какое она произвела впечатлѣніе на Опшанскаго старосту. И дѣйствительно она была очаровательна: блонкурая, съ правильными чертами лица, съ глазами не то карими, не то черными, выраженіе которыхъ было самое невинное. Въ ней было вѣчто простое, чистое и никакъ нельзя было предвидѣть, что изъ нея выйдетъ впоследствии безграпично тщеславная, честолюбивая, злопамятная и ненавистная женщина. Но Опшанскій староста не могъ угадать будущее, наружныя же качества его покорили. Онъ вошелъ въ домъ нана Струтинскаго и ввелъ съ собою всѣхъ членовъ своей семьи, а также вліятельныхъ лицъ національной партіи. Празднества и пиры участились, а съ ними вмѣстѣ и драки, уже не только въ Бреславлѣ, но и въ Опшнѣ. Нанъ Струтинскій возилъ туда дочерей и ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда Опшанскій староста попроситъ руки Ядвиги. Но послѣдній медлилъ и колебался, главное потому, что его удерживали отъ этого шага два брата, не питавшіе симпатіи къ недавнему врагу. Однако, нанъ Абрамовичъ въ качествѣ главы семьи явился за жениха просить руку Ядвиги. Послѣдняя, не колеблясь, согласилась, а нанъ Струтинскій принялъ будущаго зятя громкими изъявленіями чувствъ, многоглаголаніемъ, донедшимися до настоящаго энтузіазма, а въ доказательство своей искренности онъ, сильно подвыпивъ за обѣдомъ, наобѣщавъ будущему зятю блестящее приданое въ 150.000 злотыхъ. Немедленно было сдѣлано обрученіе, и затѣмъ послѣдовалъ рядъ празднествъ. Однако веселіе было омрачено дурнымъ настроеніемъ братьевъ жениха. Оно дошло до того, что послѣ главнаго бала оба брата — генералъ (Ста-

исплатъ и гусарскій полковникъ Михайлъ — «объявлялись взглядами, встали и вмѣстѣ уѣхали». Эта выходка удивила и обидѣла присутствовавшихъ, особенно пана Абрамовича, любившаго всѣхъ примирять. Однако, нельзя же было принять этотъ союзъ, который уже былъ торжественно объявленъ, и оба брата подписали вмѣсто полягаго имени свои шифры. Панъ Струтинскій, наобъщавъ приданое, уже началъ его уменьшать до 50.000 злотыхъ. Но женихъ былъ великодушнѣе; онъ, не измѣняясь въ лицѣ, отказался ихъ принять и самъ предложилъ невѣстѣ 100.000 злотыхъ приданого, на ту же сумму драгоценныхъ украшеній, мебель и проч. Наконецъ, свадьба состоялась, и ровно три дня въ присутствіи князя Карла Радзивилла и депутаціи другой партіи танцовали, пили и кричали. Съ этого времени между важными панями, до тѣхъ поръ разсединенными, послѣдовалъ, если не миръ, то соглашеніе, и Августъ III-й могъ наслаждаться затѣпшемъ. Иностранныя державы такъ же свободно могли выбирать ему наслѣдника, а графъ Флемингъ и Врюль торжествовали, достигнувъ своихъ желаній: притязанія принцевъ, Карла или Ксаверія Саксонскихъ, сыновей короля, повидимому, укрѣплялись. «Для Людовика XV это былъ лучшей моментъ обезпечить положеніе своего кандидата, но, — говорятъ Руссо, — по свойственной ему безпечности онъ прозѣвалъ удобную минуту». Между тѣмъ молодые отправились въ Опшу въ прекрасномъ экипажѣ на собственныхъ лошадяхъ, а не на еврейскихъ клячахъ, какъ это было въ обычаѣ того времени. Панъ Струтинскій совсѣмъ не далъ приданого за дочерью, но молодой мужъ ничего и не требовалъ, кромѣ счастья съ своей Ядвигой. Не такъ отнеслись къ этому его братья и постоянно возвращались къ вопросу о приданомъ, но панъ Струтинскій неизмѣнно отвѣчалъ, что, «не имѣя ничего, онъ ничего не можетъ дать, обѣщалъ же онъ приданое въ пьяномъ видѣ». Однако Ядвига начала скучать въ семейной жпзни и старалась расширить кругъ своихъ поклонниковъ, поэтому, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она уже замѣтила въ своей свитѣ нѣкоего Станислава Рудомина, севаторскаго сына, помѣщеннаго въ домѣ Опшанскаго старосты для изученія хорошихъ манеръ. Молодая старостиха слишкомъ явно компрометировала себя съ нимъ, вслѣдствіе чего между ея мужемъ и паномъ Рудомина послѣдовала дуэль въ саду. Серіозно раненый въ голову ударомъ сабли, послѣдній былъ отправленъ къ родителямъ, гдѣ оставался болѣе года больной. Онъ возненавидѣлъ Опшанскаго старосту и клялся, что ни въ чемъ не виновенъ. Ядвига тоже выразила обиду за несправедливое подозрѣніе, и между супругами послѣдовала гнѣвная сцена. Молодой мужъ заключилъ подъ арестъ жѣву на ея половинѣ, и слухъ объ этомъ распространился повсюду, достигнувъ и пана Абрамовича. Послѣдній пріѣхалъ къ племяннику, но не успѣлъ еще его успокоить, какъ явился панъ Струтинскій и, потребовавъ объясненія, вспылнлъ, а затѣмъ, вырвавъ дочь изъ заключенія, увезъ ее съ собою, какъ несчастную жертву, только что избѣгнувшую смертельной опасности. На другой день Опшанскій староста отправился въ Вильну къ братьямъ. Послѣдніе были готовы его защитить и поѣхали вмѣстѣ съ нимъ къ князю Радзивиллу, своему главѣ и посреднику. Снова на время водворившееся спокойствіе было нарушено. Тѣмъ временемъ панъ Струтинскій не дремалъ и, пользуясь благоприятнымъ моментомъ, задумалъ одинъ планъ, достойный его

понятій о порядочности. Ею дочь, разоидясь съ мужемъ, все-таки сохраняла его имя и титулъ, и въ принципѣ она оставалась Опшанской старостихой. Но надо было опасаться, что этотъ титулъ вскорѣ останется только пустымъ словомъ, и крупныя доходы исчезнутъ. Высокое положеніе и громадное состояніе Яна Чехановскаго прельщало Ядвигу до ея брака; разрывая бракъ съ мужемъ, она вовсе не думала отказываться отъ его состоянія. Панъ Струтинскій рискнулъ на смѣлый шагъ: онъ обратился къ Августу III-му отъ имени своего зятя примѣнить *ius communitativum*, переводя на Ядвигу Опшанское старостничество. Это было совершенно противно законамъ, и когда староста хотѣлъ перевести свое имущество королевскаго происхожденія на когонибудь изъ родственниковъ, то обращался къ королю. Янъ Чехановскій никогда на это не согласился бы, а потому отецъ и дочь обошлись безъ его вышательства; къ тому же король благопріятно отнесся къ этому. Не вникнувъ въ дѣло, хотя оно показалось ему страннымъ, онъ положился на слова вице-канцлера Литвы, благопріятныя для пана Струтинскаго, и подписалъ дарственную. Самъ всегда нуждаясь въ деньгахъ, продавшій свой нейтралитетъ Франціи за два миліона и повторявшій безпрестанно одну и ту же фразу: «Брюль, есть ли у меня деньги?»—Августъ очень хорошо понималъ нужды своихъ подданныхъ. Къ тому же онъ, вѣроятно, хотѣлъ заинтересовать пана Струтинскаго въ вопросѣ о престолонаслѣдіи въ пользу своихъ сыновей. Съ другой стороны онъ долженъ былъ ожидать вышательства своего адъютанта, брата Опшанскаго старосты. Какъ бы то ни было, но король разорвалъ актъ короля Яна Казимира, даровавшаго Чехановскому, воеводѣ Минска, своей вѣрной поддержкѣ, испытанному другу и его наслѣдникамъ Опшанское старостничество, и передалъ его Ядвигѣ. Вопреки этому панъ Янъ возвратился въ свой Опшанскій замокъ и жилъ тамъ одиноко, то весь отдавшій воспоминаніямъ, то погруженный въ грусть, то желавшій разорвать свой несчастный бракъ. Наконецъ, онъ рѣшился хлопотать въ Виленской консисторіи п у папы объ уничтоженіи своего брака. Но ему не посчастливилось: съ одной стороны, недоброжелательство канцлера, а съ другой—знаменитаго епископа, князя Игнатія Масальскаго, отлученнаго отъ церкви въ 1794 г., затянули надолго его дѣло. Что же касается Ядвиги, то она утѣшилась вѣжнымъ, восторженнымъ ухаживаніемъ Станислава Понятовскаго, живя подъ крылышкомъ вѣжныхъ родителей, прикрывавшихъ ея поведеніе. Понятовскій былъ родомъ племянникъ Литовскаго милостынераздавателя и князя Михаила Чарторыйскаго. Биографъ Ядвиги увѣряетъ, что она не предчувствовала высокой будущности Понятовскаго. Будущій Станиславъ III-й былъ въ то время двадцатитрехлѣтнимъ красивымъ мужчиной, съ правильными чертами лица, хотя нѣсколько вялыми. Между Опшанской старостихой и Понятовскимъ завязалась любовная связь, которая сдѣлала Ядвигу печальной знаменитостью. Ея страсть къ интригамъ и непомятное честолюбіе, а въ особенности недостатокъ принциповъ, заставляли ее незамѣтно скользить отъ ошибки къ ошибкѣ и отъ скандала къ скандалу. Лѣтомъ 1756 года въ Вреславлѣ собрался сеймъ, назначенный по вопросу о посылкѣ депутатовъ къ державамъ. Ясневельможныя паны собрались туда въ большомъ количествѣ; ихъ сопровождали не только родственники, близкіи

лица и слуги, но и солдаты изъ разныхъ полковъ. Среди командовавія и лошадынаго топота слышались ругательства, доходившія до драки. Весь Бреславль, благодаря разнообразнымъ мундирамъ, походилъ на большой лагерь. Отъ восхода солнца, до его заката и даже очень часто во время вечера при скудномъ освѣщеніи одной свѣчи, находившейся у секретаря собора, длилось засѣданіе. На этомъ сборищѣ снова встрѣтились Шахиновскій староста, панъ Струтинскій, и Опшанскій староста, мужъ Ядвиги. При первомъ находилось около сотни русскихъ солдатъ, одолженныхъ польскому посланнику въ Россію, Понятовскому, который въ это время уже былъ посланъ въ Россію, и восемьдесятъ пять алебардчиковъ, карабинеровъ и проч. Его поддерживали Янъ Плятеръ, Станиславъ Рудомина, Мирскій и Томашевскій. Опшанскаго старосту сопровождали его братья и множество друзей, между прочимъ, Богучъ, Волошковичъ, Матушевичъ, Лонатинскій, Солтанъ, Комаръ, сто восемьдесятъ кавалеристовъ и семьдесятъ пять слугъ. Въ тотъ же вечеръ панъ Струтинскій, не заботившійся о сохраненіи своего достоинства, назоливо сталъ упрекать зятя за то, что онъ похитилъ жену. Опшанскій староста гнѣвно ему возражалъ и обвинялъ жену въ безконечныхъ обманѣхъ. Ссора разгорѣлась и, выхвативъ изъ ноженъ сабли, противники бросились другъ на друга. Въ дѣло вмѣшался Богучъ и развѣялъ ихъ. Но на улицахъ уже поднялась сумятица. Сторонники пана Струтинскаго стрѣляли въ брата Опшанскаго старосты—генерала Станислава: слуги обоихъ старостъ вмѣшались въ дѣло, и драка длилась всю ночь. Одинъ изъ слугъ пана Струтинскаго былъ повѣшенъ у дверей дома своего господина. Этотъ домъ находился на берегу озера, и Ксаверій, младшій братъ Опшанскаго старосты, воспитанный въ Италіи и еще не вмѣшивавшійся ни въ какія серьезныя дѣла, однажды вечеромъ катался въ лодкѣ съ тремя товарищами и слугою по озеру. Желая ли показать свою отвагу или изъ упрямства, но они вдумали проплыть мимо дома закятаго врага Опшанскаго старосты. Какъ вдругъ изъ окна дома раздались выстрѣлы, и одинъ изъ молодыхъ людей, Злакашевичъ, состояномъ упалъ на колѣно. Тотчасъ же они пристали къ берегу, и съ саблями въ рукахъ бросились въ домъ пана Струтинскаго. Но едва приблизился къ дому молодой человекъ съ товарищами, какъ упалъ, пронзенный шестью пулями. Въ то же время, не скрываясь, показался смертельный врагъ Опшанскаго старосты и бывшій любовникъ его жены, Станиславъ Рудомина, держа въ рукахъ еще дымившійся пистолеть. Его сопровождали Юсіфъ Струтинскій, Янъ Плятеръ и ихъ солдаты. Всѣ они бросились на друзей Ксаверія, чтобы продолжать бою, но раздались ружейныя выстрѣлы солдатъ Опшанскаго старосты, которые, увидя умирающаго брата ихъ пана, бросились на противниковъ, и поднялась невообразимая рѣзня. Домъ подвергся осадѣ и былъ ограбленъ. Слуги пана Струтинскаго въ большинствѣ были убиты, повѣшены и утоплены. Самъ онъ и Рудомина съ Плятеромъ спаслись бѣгствомъ. Между тѣмъ опшанскій староста, повинувшись своему природному великодушію, остановилъ эту битву, но тѣмъ не менѣе онъ поклялся отомстить своему тестю. Началась безконечная тяжба, которая сопровождалась еще личными расправами въ лѣсахъ, поляхъ, деревняхъ и часто оканчивавшимися убійствами. Наказаніе, приговоромъ суда Струтинскій долженъ былъ подвергнуться казни. Но дѣло затормозилось вслѣд-

ствіи вѣшательства принца-канцлера. Маршалъ Лопашинскій, любившій своего племянника, Опшанскаго старосту, какъ своего сына, задумалъ примирить тестя съ зятемъ и послѣдняго съ женою. Съ этой цѣлью онъ устроилъ балъ, на которомъ враги должны были встрѣтиться и примириться. Панъ Струтинскій, несмотря на приговоръ суда, явился, какъ ни въ чемъ не бывало, и прошелъ чрезъ залы увѣреннымъ шагомъ. Старостиха во всеоружіи своей красоты бросила какъ бы вызовъ тому, кого такъ вѣроломно обманывала. Въ это время Опшанскій староста стоялъ, прислонившись къ колоннѣ, и когда увидѣлъ свою жену, то въ немъ шевельнулась прежняя страсть. Онъ чувствовалъ, что обожаетъ ее и въ то же время ненавидитъ. Она производила на него такое впечатлѣніе, которое способно было довести его до сумасшествія или преступленія. Но онъ выдержалъ себя до конца. Онъ не пригласилъ ее ни на польскій, ни на менуэтъ, но когда одинъ подвыпившій танцоръ едва ее не уронилъ, то онъ ему тотчасъ же послалъ вызовъ. Въ тотъ же моментъ панъ Струтинскій сталъ говорить дерзости относительно своего зятя. Присутствующіе удивились и начали роптать. Почему-то Струтинскій вдругъ собрался домой, оставивъ экипажъ дочери и попросивъ одну даму проводить ее къ себѣ. Было три часа утра. Когда панъ Струтинскій былъ недалеко отъ своего дома, на лошадей бросились четверо замаскированныхъ мужчинъ и остановили ихъ. Одинъ изъ незнакомецъ открылъ дверцу кареты и, прозвнеся нѣсколько словъ, которыхъ кучеръ не разобралъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ Иосифа Струтинскаго и убилъ его наповалъ. Смерть послѣдовала мгновенно. Затѣмъ убійца приказалъ кучеру продолжать путь и, присоединившись къ товарищамъ, удаллся. Балъ еще продолжался, когда одинъ изъ слугъ нана Струтинскаго прибѣжалъ сообщити Ядвигъ о несчастіи. Молодая женщина послѣдовала за нимъ съ такимъ хладнокровіемъ, что изумила всѣхъ. Не теряя времени, она позаботилась о «театральномъ» траурѣ и въ то же утро стала принимать сочувственные визиты. Стоя возлѣ катафалка въ драматической позѣ, она обвиняла мужа въ убійствѣ ея отца.

Ея связь съ Понятовскимъ не была ни для кого тайной, и смерть ея отца подобно смерти Ксаверія Чехановскаго обращалась уже въ дѣло партіи, на которое «фамилія» смотрѣла, какъ на свое. За обвиненіями въ убійствѣ послѣдовала формальная жалоба Ядвиги. Подозрѣвать Опшанскаго старосту было нелѣпо, зная его открытый честный характеръ и частыя дуэли. Притомъ панъ Струтинскій, и такъ уже приговоренный судомъ, долженъ былъ подвергнуться правосудію своей страны. Самъ Опшанскій староста защищался съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, котораго не можетъ коснуться такое подозрѣніе. Если въ этотъ моментъ его виновная жена попросила бы у него прощенія, то она его добила бы. Но Ядвига не сожалѣла о разлукѣ. Начатая ею тяжба противъ мужа и его братьевъ по поводу убійства ея отца кончилась въ ихъ пользу. Въ продолженіе двухъ лѣтъ она прибѣгала къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы уничтожить это постановленіе, но ей не удалось. Однако событіе 5-го октября 1763 г. измѣнило положеніе вещей: умеръ Августъ III, и польскій тронъ освободился. Брюлю только двѣ недѣли пережилъ король. Полетѣли къ державамъ дипломатическія депеши, но прежніе кандидаты исчезли: Карлъ герцогъ курляндскій, тайно женившійся на Красинской, самъ отказался отъ

короны, изъ за-жены, «заслуживавшей этой жертвы»; Ксаверій Саксонскій его братъ, женившись на итальянкѣ Маріи Синпуччи, предпочелъ семейныя радости трону и удалился во Францію; дочь Людовика XV умерла. Вліяніе Франціи на Польшу замѣнилось русскимъ, и польскій тронъ занялъ по выбору Россіи и Пруссіи, фаворитъ Екатерины, Понятовскій. Это было триумфомъ Чарторыйскихъ. Власть дяди новаго короля выросла, и онъ не замедлилъ воспользоваться ею, чтобы навсегда уничтожить національную партію. Князь Карлъ Радзивиллъ былъ объявленъ врагомъ крулевства и скрылся въ Яссахъ съ нѣкоторыми сторонниками, между прочимъ, генераломъ Станиславомъ Чехановскимъ и его братомъ Михайломъ. Ихъ братъ Янъ, опшанскій староста, тоже былъ приговоренъ къ смерти, какъ мятежникъ и убійца. Его имѣнія были конфискованы и раздѣлены между смертельными его врагами: Ядвигой и Станиславомъ Рудомина. Разоренный, постарѣвшій, усталый, съ посѣдѣвшими отъ борьбы волосами, онъ не могъ рѣшиться покинуть родину. Пренебрегая всѣми средствами собственнаго спасенія, онъ удалился въ опшанскій замокъ, который, въ сущности, ему болѣе не принадлежалъ. Въ это время Ядвига пользовалась постыдными милостями новаго короля. Во время коронаванія она занимала шестое мѣсто съ правой стороны отъ него. Почти имѣя въ рукахъ королевскій скипетръ, свободно дѣйствуя, распоряжаясь, какъ казвой, такъ и арміей, она по слала полки преслѣдовать мужа. Думая, что онъ скрывается у своего дяди, пана Абрамовича, въ Вильнѣ солдаты сдѣлали осаду его дворца, костела св. Казимира и коллегіи іезуитовъ. Войска стояли лагеремъ вокругъ этихъ зданій нѣсколько дней. Потомъ видя, что ошиблись, онѣ двинулись по дорогѣ къ Опшѣ. Бывшій Опшанскій староста ожидалъ ихъ. Защитивъ свой замокъ баррикадами, онъ не слушалъ никакихъ совѣтовъ и храбро защищался. Но, несмотря на свое упорство, онъ все-таки долженъ былъ сдаться. Войска выломали одну дверь, потомъ другую, и Янъ Чехановскій упалъ подъ ихъ ударами. «Овдовѣвъ, честолюбивая интриганка съ удовольствіемъ вышла бы замужъ за короля и надѣла бы корону, купленную цѣною крови, но правосудіе Бога, говоритъ авторъ, не допустило ея до этого». Понятовскій не взялъ себѣ въ жены убійцу и измѣнницу, онъ предпочелъ ей добродѣтельную и очаровательную пани Грабовскую. Старостиха вышла замужъ за итальянскаго авантюриста, графа Мануцци и была несчастлива. Она умерла въ Гродно 22-го октября 1778 г., покинутаая мужемъ и сыномъ, но не раскаиваясь въ своей преступной жизни.

— Новые матеріалы о Руссо. До сихъ поръ появляются новыя изслѣдованія и матеріалы для всесторонняго знакомства съ великой личностью женевакаго философа. Не только онъ все подробнѣе и подробнѣе очерчивается, какъ писатель, педагогъ и музыкантъ, но на-дняхъ даже напечатана попытка представить Руссо, какъ химика. Дѣйствительно, въ своей «Исповѣди» Руссо рассказываетъ, что онъ пытался съ однимъ монахомъ сдѣлать симпатическія чернила, но бутылку разорвало, и онъ нечаянно проглотилъ извѣсть и сѣрнистый мышьякъ, такъ что едва не умеръ. Изъ той же книги извѣстно, что онъ слушалъ лекціи въ Монпелье и занимался той же наукой въ Парижѣ, въ Эрмитажѣ, съ Франкейлемъ. Но лицамъ, изучавшимъ до мелочей все, что касается Руссо, неизвѣстно, зналъ ли онъ основательно эту науку, столь интересовав-

шью его, Дидро, Гольбах и других энциклопедистовъ, или былъ просто ученикомъ. На-дняхъ Т. Дюфуръ помѣстилъ въ «Semaine litteraire» статью ¹⁾ о ненапечатанномъ документѣ, который бросить новый свѣтъ на этотъ предметъ. Дѣло идетъ о найденной рукописи Руссо, подъ заглавіемъ: «Institution chimique». Въ ней 1203 страницы, и она раздѣлена на четыре части. Въ первой разсматриваются элементы и ихъ составъ; во второй — воздухъ, вода, огонь и земля; въ третьей — искусственныя подспорья; четвертая, не оконченная, посвящена химическимъ манипуляціямъ. Эта рукопись, порученная Руссо своему другу Полю Мульту, оставалась съ 1778 г. въ семействѣ послѣдняго. Одна изъ его наслѣдницъ, Сюзанна Никола, только что пожертвовала ее въ женевскую бібліотеку. Долго полагали, что означенная рукопись только извлеченіе изъ курса, который Жанъ-Жакъ слушалъ въ Монпелье или въ Парижѣ и, вѣроятно, поэтому ея не печатали. Но по различнымъ признакамъ оказывается, что это личный трудъ Руссо, а слѣдовательно, когда литературный и ученый міръ познакомится съ этой рукописью, то будетъ разрѣшена невѣдомая до сихъ поръ задача о Руссо, какъ о химикѣ.

Если статья Дюфура отличается оригинальностью и новизной, то эту же ²⁾ англійскаго публициста Гавлока Эллиса въ ноябрьской книжкѣ «Fortnightly Review» поражаетъ читателя блескомъ, живостью и красотой изложенія. Этотъ очеркъ называется: «По стопамъ Руссо», и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно рельефный очеркъ той мѣстности Савойи, которая представляетъ тѣсную связь съ Руссо, его жизнью и даже личностью великаго философа. «Если мы, — говоритъ авторъ, — прослѣдимъ за шагами Руссо въ этой мѣстности, то не только этотъ человѣкъ поможетъ намъ понять землю, на которой онъ родился, но и земля дастъ намъ понять этого человѣка. Какъ всякая гениальная личность, Руссо выражаетъ качество народа, изъ котораго онъ произошелъ. Его утонченная чувствительность, краснорѣчіе и инстинктивная любовь красоты не были характеристической чертой Женевы, но легко прослѣдить въ его основныхъ качествахъ принадлежность къ этому городу. Онъ едва ли могъ бы избѣгнуть влияния его родного города, тѣмъ болѣе, что его предки, какъ теперь достоверно извѣстно, были типическими женевцами. Мы можемъ прослѣдить до XVI столѣтія этихъ предковъ, состоявшихъ отчасти изъ разнороднаго рода ремесленниковъ, преимущественно часовщиковъ и крестьянъ. Семья Руссо достигла сравнительнаго благоденствія за три поколѣнія до Жанъ-Жака, но его родители уже обнаруживали семейный упадокъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ отношеніи». Отъ своей матери, Сюзанны Вернаръ, Руссо наслѣдовалъ утонченные вкусы къ искусству, музыкѣ и литературѣ, а отъ безпокойнаго эксцентричнаго отца онъ заимствовалъ свою нервную раздражительность. Въ послѣдующіе годы своей жизни Руссо торжественно заявлялъ, что озеро Леманъ — самое великолѣпная мѣстность въ свѣтѣ. Врядъ ли въ дѣт-

¹⁾ J. J. Rousseau chimiste, par Th. Dufour. «La Semaine litteraire». 16 Decembre 1904.

²⁾ Footsteps of Rousseau. By Havelock Ellis. The Fortnightly Review. November 1904.

ствѣ оно производило на него такое впечатлѣніе, такъ какъ ребенкомъ онъ былъ очень нервный, а нервныя, чувствительныя дѣти отъ ежедневныхъ сильныхъ впечатлѣній такъ утомляютъ нервы, что спокойная красота едва ли можетъ произвести на нихъ впечатлѣніе. Только въ Савойѣ, а не въ Женевѣ, Руссо научился любить природу, что онъ старался передать всему человѣчеству. «Когда, по словамъ Эллиса, шестнадцатилѣтній молодой граверъ убѣжалъ изъ Женевы въ Савойю, оставивъ всѣхъ своихъ друзей, самые проницательные наблюдатели не угадали бы, что Руссо предназначенъ духовно возродить всю Европу. Правда, онъ имѣлъ наслѣдственные задатки, но былъ необразованъ, не имѣлъ никакихъ идеаловъ и, напротивъ, даже былъ одаренъ нѣкоторыми инстинктами уличныхъ оборванцевъ. Подъ вліяніемъ женщины этотъ, повидному, не обѣщавшій ничего хорошаго матеріалъ удивительно развился въ Руссо. Нельзя сказать, что его создала г-жа Варенъ, но она доставила ему ту атмосферу, въ которой нуждался авторъ «Эмиля» для созданія самого себя. Въ старости Руссо говорилъ, что охотно окружилъ бы золотыми перилами то мѣсто въ Аннеси, гдѣ впервые онъ увидалъ ее. Какъ ни чрезнаѣрна эта похвала, но она доказываетъ всю громадность вліянія на Руссо этой женщины». Несмотря на многія слабыя стороны г-жи Варенъ, она была впечатлительной, сильно вліяющей на другихъ и во всѣхъ отношеніяхъ привлекательной натурой, а главное она была первой образованной и культурной женщиной, которую встрѣтилъ юный Руссо. Кромѣ того, между ними было нѣчто общее: что Руссо былъ невротиченъ и психопатъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, а въ г-жѣ Варенъ бесспорно были тѣ же элементы, но въ слабѣйшей степени. Она имѣла на Руссо именно то вліяніе, въ которомъ онъ пуждался. Когда онъ сошелся съ нею, то его нравственное воспитаніе, въ сущности, еще не началось, а, разставшись съ нею чрезъ десять лѣтъ, онъ былъ уже настолько развитъ, что могъ занять почетное мѣсто между мыслителями Европы, хотя необходимо было пройти еще десятку лѣтъ, прежде чѣмъ онъ въ сорокъ лѣтъ сдѣлался однимъ изъ наставниковъ человѣчества. Кромѣ вліянія г-жи Варенъ, Руссо въ Савойѣ подвергся вліянію природы. Хотя онъ родился на берегу Лемана, но онъ выросъ среди городскихъ стѣнъ Женевы. Его бѣгство въ Савойю произвело въ немъ первую важную перемену въ жизни. Въ Аннеси, изъ окна дома г-жи Варенъ, онъ видѣлъ предъ собою не только садъ, но и открытый деревенскій видъ, который подѣйствовалъ на его умъ вѣстѣ съ вліяніемъ своей хозяйки. Его прогулка пѣшкомъ въ Туринъ открыла ему впервые тѣ красоты природы, чарующую силу которыхъ онъ всѣмъ проповѣдывалъ. Вокругъ Шамбери онъ впервые увидалъ не равнину, какъ бы она великолѣпна ни была, а горные потоки, утесы, темные лѣса, крутыя горы, узкіе проходы. Въ горной странѣ онъ наслаждался естественными чарами природы и, убѣжавъ отъ смѣшного, буржуазнаго общества, онъ сдѣлался апостоломъ природы. Итакъ, вся жизнь Руссо сложилась подъ вліяніемъ образованной культурной женщины, а также простой природы Савойи. Особенно онъ любилъ проводить весну въ помѣсть г-жи Варенъ, въ окрестностяхъ Шамбери—въ самомъ сердцѣ Савойи. Здѣсь въ Шарметѣ онъ провелъ самые счастливые годы своей жизни; здѣсь онъ почувствовалъ, что въ его сердцѣ

заговорить голосъ призванія быть проповѣдью для всего человѣчества. Въ настоящее время, спустя столько лѣтъ послѣ Руссо, Шарлотъ не измѣнился. Все здѣсь дѣлится великими философами и живописцами о немъ. «Н: — значимая свою статью Элиась, — оредль, окружавшій Шарлотъ, драми уже востезъ. Руссо не возбуждаетъ въ насъ прежняго энтузіазма. Нѣкогда онъ былъ частью того вулканическаго изверженія, которое распространилось въ всей Европѣ. Теперь его идеи и книги оставляютъ насъ спокойными и каменными. То, что раньше предкамъ казалось горящей лавой, было не что иное, какъ пламя. Но для историка Руссо будетъ всегда непреклонной личностью. Калубонъ новаго міра человѣческой эволюціи. Для насъ его фигура становится болѣе яркими образами тѣхъ, кому онъ указалъ путь — Байрона, Шелли и г-жѣ Сталь, которые продолжали начатое имъ движеніе и шли столько общаго съ его родными Деманонъ. Какъ эти пророки природы вѣчно будутъ занимать почетное мѣсто въ исторіи человѣческой мысли, такъ и въ предводителѣ, страждущій, болѣзненный Руссо, стѣбитъ того, чтобы современные люди изучали его слѣды въ живописной Савойѣ».

Хотя о г-жѣ Варенъ много писали въ европейскихъ литературахъ, но до сихъ поръ не существовало ея подробной, обстоятельной біографіи. Теперь Франсуа Мюнье взялся поновить этотъ пробѣлъ въ объемистомъ трудѣ «Г-жа Варенъ и Жанъ-Жакъ Руссо»¹⁾. Авторъ собралъ всевозможные матеріалы о жизни своей героини и представляетъ ея оригинальную таинственную личность во всѣхъ мелочахъ ея существованія. Онъ рассказываетъ о всѣхъ обстоятельствахъ ея жизни: о коммерческихъ предпріятіяхъ, разорившихъ ее, о вѣхукахъ помѣстій, о путешествіяхъ, о долгахъ, о любовныхъ вѣхуженіяхъ и т. д. Однако надо признаться, что эти мельчайшія подробности не всѣ интересны, и читатель съ жадностью читаетъ только то, что относится до Жанъ-Жака Руссо. Вообще, г-жа Варенъ была женщиной ничѣмъ не замѣчательной, и ни ея поступки, ни ея посредственный умъ, ни отсутствіе такта не интересуютъ читателя, за исключеніемъ ея отношеній къ Руссо. Какъ другъ, любовница и женщина, во многомъ развившая великаго мыслителя, г-жа Варенъ, однако, навсегда останется въ исторіи памятной личностью, а потому книга Мюнье далеко не лишняя въ литературѣ знаменитаго проповѣдника свободы, равенства и братства.

— Мемуары Вамбери. Въ Лондонѣ вышли воспоминанія²⁾ извѣстнаго профессора, Арминія Вамбери, приобрѣвшаго славу главнымъ образомъ неавиствника Россіи и защитника интересовъ Англій, какъ великой азіатской державы. Въ двутомномъ трудѣ авторъ описываетъ свою интересную, полную приключеній жизнь, которую онъ справедливо называетъ борьбой за существованіе. По происхожденію еврей, онъ родился въ 1832 году въ Венгріи, въ самой бѣдной обстановкѣ. Его дѣтство протекло среди нищеты, и замѣчательнымъ образованіемъ, а также культурнымъ развитіемъ онъ обязанъ самому себѣ.

¹⁾ M-me Varen et J.-J. Rousseau, par François Magnier. Paris. 1904.

²⁾ The story of my struggles: the Memoirs of Arminius Vambery, 2 vols 1904. London.

Съ молодыхъ лѣтъ онъ выказалъ замѣчательныя лингвистическія способности, и теперь, быть можетъ, не болѣе двухъ человекъ въ Европѣ равняются ему своими обширными лингвистическими познаніями. Перенеся многочисленныя тяжелыя испытанія, онъ поизлѣ въ Константинополь и жилъ тамъ болѣе десяти лѣтъ.— сначала въ качествѣ учителя, а потомъ секретаря Фуада-паши. Отъ 1861-го до 1864-го года онъ совершилъ свои знаменитыя путешествія по Арменіи, Персіи и Средней Азій, гдѣ не разъ долженъ былъ переодѣваться дервишемъ. Результатомъ этихъ странствованій были ученныя изслѣдованія—филологическія и этнографическія. Вернувшись въ Европу, онъ наконецъ достигъ цѣли своей жизни и, поселившись въ своемъ отечествѣ, получилъ профессорскую кафедру въ Буда-Пештѣ. Этимъ назначеніемъ онъ былъ обязанъ императору Францу-Иосифу, который, любезно принявъ его, лично пожаловалъ ему мѣсто профессора восточныхъ языковъ, на томъ основаніи, что онъ много перестрадалъ и вполне заслужилъ этотъ постъ. Сначала онъ, однако, не пользовался популярностью въ университетѣ, и ректоръ ему прямо сказалъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ: «Не думаете ли вы, что мы не знаемъ, какой вы человекъ? Намъ хорошо извѣстно, что ваше знаніе восточныхъ языковъ—не безукоризненно, и что очень сомнительно, достойны ли вы занять это мѣсто, но мы не хотимъ дѣйствовать противъ приказанія его величества, и вы обязаны своимъ назначеніемъ только этому нравственному наслію». Однако, со временемъ онъ заслужилъ уваженіе не только въ Венгріи, но въ Германіи и Англии. Въ обѣихъ послѣднихъ странахъ онъ прославился многими сочиненіями по научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Въ особенности англичанамъ онъ оказалъ громадныя услуги своей пламенной защитой англійскихъ интересовъ въ Азій. Что касается до его враждебныхъ отношеній къ Россіи, то всѣмъ извѣстна его антирусская ненависть, нашедшая себѣ достойнаго противника въ г-жѣ Новиковой. Она пыталась всячески, по ея словамъ, «притупить его антирусское перо» и дискредитировать его предъ англійскими читателями. «Это вовсе не венгерецъ,—писала она,—а обманщикъ еврей, который вовсе не былъ въ Азій, а только желалъ всячески обострить отношенія Россіи и Англии». Конечно, въ этомъ отношеніи г-жа Новикова слишкомъ увлекается, и заслуги Вамбери, какъ путешественника, не подлежатъ сомнѣнію. Однако, несмотря на то, нельзя вполне вѣрить каждому слову его многочисленныхъ сочиненій, особенно полемическихъ, и его автобіографіи, гдѣ, очевидно, въ преувеличенныхъ выраженіяхъ, онъ отзывался о своей литературной работѣ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Лучшее время дня, т.-е. утренніе часы, я обыкновенно посвящалъ серьезнымъ трудамъ, и въ возрастѣ тридцати и сорока лѣтъ отдавалъ еще нѣсколько часовъ вечеромъ болѣе важнымъ предметамъ. Днемъ, между десятью и двѣнадцатью часами и между двумя и пятью я, обыкновенно, писалъ съ помощью секретаря по вопросамъ политическимъ и литературнымъ. Благодаря привычкѣ и большой практикѣ, я научился писать въ одно время двѣ или три передовыя статьи на различныхъ языкахъ. Когда мнѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ, то подобные *tour de force* причиняли мнѣ головную боль и приливъ крови, а потому я долженъ былъ отказаться отъ такого усиленнаго труда». Несмотря на все уваженіе, питаемое

англичанами къ почтенному автору, критикъ «Аthenaeum»'а сомнѣвается, чтобы три передовыя статьи, разомъ написанныя, отличались первокласснымъ содержаніемъ.

— Смерть г-жи Лубэ, графини Воленкуръ, Мелани Кальва и Нормана Макколля. Нынѣшній скорбный листъ занять почти исключительно женскими именами. Первое мѣсто между умершими занимаетъ г-жа Лубэ, мать нынѣшняго президента Французской республики. Этой достойной всякаго уваженія женщиной было девяносто два года. Ея мужъ былъ простымъ крестьяниномъ, обработывавшимъ землю и торговавшимъ муками. У него было трое дѣтей, изъ которыхъ двое мальчиковъ и одна дѣвочка. Одинъ изъ сыновей—докторъ, практикующій въ Гриньянѣ, а другой, Эмиль, былъ адвокатъ, депутатъ, сенаторъ и министръ, а теперь президентъ Французской республики. Дочь же вышла замужъ за Барбье. Г-жа Лубэ обожала Эмиля и, странно сказать, надѣялась, что онъ будетъ великимъ музыкантомъ, такъ какъ онъ сочинялъ марши и ораторіи. Но молодой человекъ пошелъ въ адвокаты и сначала открылъ юридическій кабинетъ въ Монтеллимарѣ, а затѣмъ предался всецѣло политикѣ. Когда онъ сдѣлался министромъ, то старуха мать боялась, что ея ребенокъ забудетъ ее. Но она скоро убѣдилась, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не забудетъ своей матери. Въ день избранія его президентомъ все население окрестныхъ деревень собралось съ музыкой къ жилищу матери президента. «Вы теперь переселитесь въ Парижъ»,— говорили ей всѣ знакомые.— «Нѣтъ, нимало, — отвѣчала она : — мнѣ здѣсь слишкомъ хорошо, и сынъ мой Эмиль такой славный, что будетъ ко мнѣ пріѣзжать». Во время своей первой поѣздки въ Монтеллимаръ, президентъ, приблизившись къ террасѣ, на которой ожидала его мать, остановилъ торжественное шествіе и, выйдя изъ экипажа, обнявъ старую мать. «О, Эмиль,— сказала она: — я знала, что ты не гордый и не покраснѣешь за свою мать крестьянку теперь, когда ты равенъ королямъ». Послѣ этого каждый годъ по нѣскольку разъ Лубэ навѣщала скромный домъ, въ которомъ онъ родился. Говорятъ, что въ послѣднее время онъ собирался по окончаніи своего семилѣтія удалиться въ этотъ уютный уголокъ къ своей старушкѣ матери. Но несчастію она умерла 15-го января отъ воспаленія легкихъ.

Надняхъ умерла въ Парижѣ аристократка, оставившая значительный пробыль въ великосвѣтскомъ обществѣ—графиня Воленкуръ. Ея домъ на бульварѣ Гаусманъ представлялъ одинъ изъ послѣднихъ салоновъ, въ которыхъ еще сохранялись традиціи стараго французскаго общества. Она была дочерью маршала Кастеллана и такъ безумно любила своего отца, что не только посвятила ему всю свою жизнь, но послѣ его смерти издавала многотомные тома его мемуаровъ. Она родилась въ 1818 году и имѣла сестру графиню Гатцфельдъ, впоследствии герцогиню Талейбранъ. Восемнадцати лѣтъ она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, маркша Контада, что не мѣшало ей почти постоянно жить съ отцомъ, который тогда командовалъ войсками въ Пиренеяхъ и Руанѣ. Когда ея отецъ достигъ званія маршала при второй имперіи и главнаго начальства въ Ліонѣ, графиня Контадъ сдѣлалась придворной дамой, но почти ежедневно переписывалась съ своимъ отцомъ. Овдовѣвъ, она вторично вышла замужъ въ 1859-мъ году за графа Воленкура, бывшаго французскимъ

военнымъ агентомъ въ Берлинѣ. Она провела такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ въ самомъ аристократическомъ кружкѣ. Возвратясь во Францію она закрыла глаза своему престарѣлому, умиравшему отцу и занялась изданіемъ его записокъ. Она умерла на 87 году своей жизни въ своемъ парижскомъ домѣ, гдѣ до послѣднихъ дней собиралось все аристократическое общество, какъ сторонники Вурбоновъ, такъ и бонапартисты.

Въ одномъ маленькомъ городкѣ Италіи, въ Вальтамурѣ, близъ Бари, недавно нашли умершей въ своемъ скромномъ жилищѣ Мелани Кальва. Въ сороковыхъ годахъ она пользовалась большою извѣстностью въ французскомъ и римскомъ обществахъ, благодаря салеттскимъ чудесамъ. Ею очень интересовались Наполеонъ III-й, Ній IX-й и даже королева Викторія. Конечно, съ годами ея популярность уменьшилась, и только Левъ XIII-й продолжалъ интересоваться ею и не разъ принималъ ее въ Ватиканѣ до 1891-го года. Эта мистическая поселанка была простой пастушкой въ 1846-мъ году и вмѣстѣ съ братомъ Максимномъ будто бы видѣла, по ихъ увѣренію, Богородицу въ горахъ Салеттъ. Благодаря этой легендѣ, Салеттъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ паломничествъ. Многіе католическіе епископы покровительствовали Мелани Кальва, и папа Левъ XIII публично благословилъ Салеттское мѣстопоклоненіе. Но въ католическомъ мірѣ нашлись ярые противники мистической дѣвы, и первое мѣсто между ними занималъ кардиналъ Церро, епископъ Отенскій и членъ французской академіи. Оба, братъ и сестра Кальва, по ихъ словамъ, получили отъ Богородицы тайну, написанную и врученную папѣ. Но Максиминъ кончилъ очень дурно жизнь, и въ виду его развратнаго поведенія клерикалы старались ступенать его существованіе. Напротивъ, Мелани, благодаря своимъ высокимъ покровителямъ, обнародовала исторію своихъ видѣній, въ которой подробно объяснена тайна, врученная ей будто бы Богородицею. Эта тайна заключалась въ регламентаціи жизни будущиъ монаховъ Салеттской обители. Одинъ богатый патеръ оставилъ значительное наследство Мелани, съ цѣлью устройства этого монастыря, но архіепископъ Бордосскій воспротивился его постройкѣ. Въ «тайнѣ» Мелани, кромѣ постановленій объ общинѣ, находились нѣкоторыя предсказанія о будущемъ, которыя удивительно сбылись, именно о событіяхъ 1870-го и 1871-го г.г. во Франціи, 1896 года въ Италіи, 1898-го года въ Испаніи, 1899-го года въ Англіи. Между прочимъ Мелани предсказала всѣ ужасы коммуны и сожженію Парижа. Въ послѣднее время мистическая Салеттская пророчательница была забыта всѣми, и только смерть напомнила объ ея существованіи.

Въ декабрѣ скончался въ Лондонѣ Норманъ Макколль, бывшій редакторъ «*Athenaeum*»'а, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ литературныхъ и научныхъ кружкахъ Англіи. Онъ родился въ 1843-мъ году и получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ своего отца, содержавшаго образцовую частную школу. Такимъ образомъ молодой человекъ былъ отлично подготовленъ къ Кембриджскому университету, изъ котораго онъ вышелъ съ высшей ученой степенію. Въ своей ранней ученой дѣятельности онъ прославился своей диссертацией о греческихъ скептикахъ и еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что былъ однимъ изъ первыхъ тугеровъ, которые предложили

свои услуги студентамъ Кембриджа. Получивъ ученую степень, онъ много путешествовалъ по Бельгiи, Францiи, Италiи, Испанiи, Швейцарiи и Германiи. Въ 1871-мъ году Макколль былъ назначенъ преемникомъ извѣстнаго писателя Геворта Диксона въ редакцiи «Athenaeum»'а и съ тѣхъ поръ оставался въ этомъ званiи до конца 1900-го года, когда по болѣзни онъ удалился на отдыхъ. Во все это время онъ дѣятельно занимался интересами журнала и если самъ писалъ немного, то руководилъ всѣми своими сотрудниками. Его журнальныя обязанности не мѣшали ему заниматься его любимыми классическими языками и испанской литературой. Его переводъ съ испанскаго сочиненiя Кальдерона—замѣчательнъ во всѣхъ отношенiяхъ.

— Новости польской исторической литературы. Земли прежней Польши и сосѣднихъ славянскихъ странъ, описанныя въ физическо-географическомъ отношенiи. Ч. 2-я, Нижняя Польша. Д-ра А. Ремана. 1904. Краковъ. Изд. Академiи Наукъ. (Ziemia dawnej Polski i sąsiednich krajów słowiańskich, opisane pod względem fizyczno-geograficznym. Część II. Niżowa Polska. Dr. Antoni Reiman. Kraków. 1904).

Вторая недавно вышедшая часть этого описанiя земель славянскихъ является, спустя девять лѣтъ послѣ первой, заглавiе которой авторъ далъ «Карпаты». Обширность этого труда, масса собраннаго матеріала, умѣнiе въ немъ разобратъ научно и полное отсутствiе подобныхъ сочиненiй, трактующихъ объ этомъ вопросѣ въ цѣломъ,—заслуги почтеннаго автора. Тѣмъ не менѣ нельзя не поставитъ ему въ вину и многихъ пропусковъ и погрѣшностей, происходящихъ отъ того, что авторъ пользуется не вездѣ новѣйшими учеными изслѣдованiями, а опирается на свидѣтельства, устарѣвшiи и уже давно исправленныя. Въ этомъ отношенiи лучше та часть этого труда, которая касается собственно Польши, т.-е. польскихъ земель, начиная съ прикарпатской впадины. Но и здѣсь статистика, напримѣръ, населенныхъ мѣстъ въ Силезiи устарѣла; Ясная Гора (стр. 84) находится не на правомъ берегу Варты, а кони серебра въ Олькушѣ перестали разрабатываться не вслѣдствiе шведскаго наѣзда, какъ объ этомъ говорятъ еще и другiе авторы, откуда и взято это утвержденiе, а вслѣдствiе недостатка олова съ наибольшимъ количествомъ примѣси серебра и т. п. Но эти промахи не насколько важны, чтобы на нихъ останавливаться, и насколько не портятъ прекраснаго описанiя. Слабѣе въ этомъ отношенiи описанiе сосѣднихъ съ Польшей земель. Такъ, описывая Бессарабiю, авторъ не пользуется, повидимому, трудомъ Михальскаго: «Къ вопросу о геологической природѣ подольскихъ «Толтръ». Говоря о роли Диѣпра, авторъ утверждаетъ, что «въ XI вѣкѣ уже не слышно о норманнахъ. Одновременно съ ихъ исчезновенiемъ на востокъ Европы появляются татары. Какъ извѣстно, татары появились на Руси въ XIII, а не въ XI вѣкѣ (въ 1228 г.), если же предположить, что авторъ даетъ названiе татаръ другимъ племенамъ степныхъ кочевниковъ—печенѣгамъ, половцамъ, то и печенѣги были современниками норманновъ. Очень неясно представляется возникновенiе и устройство Запорожья. Числовыя данныя не вездѣ правильны: напримѣръ, средняя температура С.-Петербурга показана въ 1,9°, какъ и въ Краковѣ 12° (на стр. 478). На стр. 402 находимъ каналъ Виш-

давский, который еще находится въ проектѣ, а далѣе проектъ углубленія Березинскаго канала до морской глубины, который уже отвергнутъ, рѣка Эмбахъ вытекаетъ изъ Чудскаго озера въ Вурциерв, Тетеревъ—притокъ Припяти (стр. 192) и Двѣира (на стр. 228). Затѣмъ нельзя не отмѣтить, что и въ отношеніи богатства содержанія эта часть уступаетъ первой—чѣмъ дальше отъ Галиціи, тѣмъ подробностей меньше; появляются, наиримѣръ, пропуски дѣлныхъ земель, важныхъ въ антропо-географическомъ отношеніи. Такъ пропущено мѣсто поселенія племени полянъ надъ Двѣиромъ—между Росью, Двѣпромъ и Ирпѣвю.

Климату описанныхъ земель посвящено страницъ 20, основанныхъ на климатологіи Гауна, и столько же почти страничекъ антропологіи, разработанной гораздо слабѣе предыдущей статьи. Въ отношеніи языка легко замѣтить вліяніе нѣмецкаго, и странное для польскаго языка образование прилагательныхъ отъ именъ собственныхъ (Rugański, Sandomirski, Równieński и т. д.).

Изъ историческихъ сочиненій заслуживаютъ особаго упоминанія «Историческіе очерки XI вѣка» Ө. Войцѣховскаго (Szkice historyczne jedynastego wieku). Краковъ. 1904. 8°. 346 стр. съ 11 генеалогическими таблицами.

Одиннадцать очерковъ составлены авторомъ такъ, что каждый изъ нихъ, представляя какъ бы цѣлое, стоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ во внутренней связи съ прочими, которые даютъ намъ исторически обоснованную картину отношеній Польши въ столь отдаленное время къ папѣ и Священной имперіи и начатокъ ея культуры. Роль просвѣтителей въ это время взяли на себя монахи—Ерѣмиси, и дѣятельность ихъ настолько была плодотворна, что воспоминаніе о нихъ осталось навсегда въ традиціяхъ и легендахъ народа. Эрѣмитамъ посвящены три очерка: 1) Ерѣмиси reguty Sw. Romualda, 2) Ламбертъ I, эрѣмит и епископъ краковскій, и 3) архіепископъ Богумилъ. Въ послѣднемъ мы находимъ отвѣты на вопросъ о возникновеніи монастырскихъ имуществъ и политикѣ XI вѣка, когда въ Польшѣ развилась сильная монархическая власть. Политикѣ этой посвященъ очеркъ: «Królestwo Polskie i koronacja Bolesława II», т. е. польское королевство и коронація Болеслава II, который, несмотря на свою цивилизаторскую дѣятельность, въ преданіи народа считается проклятымъ изъ-за дѣла епископа краковскаго Станислава. Очеркъ «Faciata eпископа Станислава» указываетъ, что онъ за участіе въ заговорѣ присужденъ былъ къ четвертованію—truncatio membrorum, что и было приведено въ исполненіе на горкѣ Вавеля между соборомъ и церковью св. Михаила. Послѣдній очеркъ г. Войцѣховскаго—«Владиславъ Германъ: ztrata korony i pierwszy kult Stanisława», содержитъ собственно оппозицію предыдущей эпохѣ со стороны узурпатора.

Научно-художественный очеркъ Польши при первомъ королѣ Вацѣ до 1650 далъ В. Лозинскій: Prawem i lewem. Обычаи Червоной Руси въ первой половинѣ XVII вѣка. Изд. II, т. I.—Время и люди; т. 2—Войны внутреннія (prywatne), Львовъ, 1904 (411+560 стр.). Картина общества за это время вышла у автора слишкомъ мрачной отъ того, что книги градскія земель львовской, галицкой, пшемысловской и санокской служили ему источникомъ и основой для картины—всѣ дѣятели этой эпохи эгоисты до мозга

костей, надменны, корыстолюбивы безъ мѣры, дики, кровожады. Время было тяжелое: конфедераціи, возстанія, наѣзды—всѣ эти бѣдствія пали на государство, не имѣвшее государственной организаціи. Было право, существовали нормы судебныя, но онѣ были безспильны; никто не думалъ ихъ примѣнять, такъ какъ представители власти, исполняя обязанности старостъ, думали только объ увеличеніи своего состоянія, не считаясь съ общественными потребностями, а власть центральная была безспильна принять противъ нихъ суровыя мѣры. Изъ всѣхъ особенно выдѣлялся одинъ своимъ могуществомъ Стадвинскій изъ Ланпута, прозванный дьяволомъ. Авторъ собралъ все, что можно было, для характеристики этого разбойника, и оказалось, что онъ и его сыновья ничего не имѣютъ въ себѣ демоническаго—они просто типы кровожадныхъ разбойниковъ.

И книга г. Лозинскаго состоитъ изъ ряда очерковъ, связанныхъ одинъ съ другимъ, и проникнута, такъ сказать, шляхетскою тенденціей—авторъ удивляется жизненности польской шляхты, пережившей не только этотъ переломъ (1600—1620), но и много еще другихъ: «гдѣ найдется другой народъ, который бы подобно Польшѣ безъ власти былъ бы могущественнымъ государствомъ, безъ постоянного войска одерживалъ огромныя побѣды, при внутреннемъ раздорѣ могъ доходить до такого патриотическаго единодушія. Доблесть поляковъ находится какъ бы позади поляковъ, а все-таки изъ нихъ, въ нихъ и черезъ нихъ заключается въ расовомъ геніи, въ общемъ у всѣхъ духъ, въ эманации дѣяній народныхъ». Въ I томѣ (2-е изд. черезъ годъ послѣ 1-го выпло) даетъ авторъ общія основанія общественнаго строя, трактуетъ о нравѣ въ тѣсной связи съ дѣйствительностью, т.-е. съ общественной и частной организаціей, чтобы во 2-мъ перейти къ частному—картинѣ жизни одной части Польши—Червонной Руси. Интересное, художественное сочиненіе—при томъ почти единственное въ своемъ родѣ въ литературѣ Польши.

Въ заключеніе сообщаемъ о появленіи въ Варшавѣ въ 1905 г. новаго историческаго обзорія «Przegląd historyczny», редакція котораго далека (по ея словамъ) отъ пронагандированія подъ маской исторической науки тенденцій политическихъ, общественныхъ и религиозныхъ и обязана по возможности быть объективной, не запрещая восхвалять прекрасныя стороны старины, но и не стараясь исправлять дурныя. Появленіе этого журнала не вызывается, повидямому, особенной нуждой въ такомъ журналѣ: существующій въ Варшавѣ историческій «Kwartalnik» постоянно жалуется на недостатокъ подписчиковъ и связанныя съ этимъ зломъ убытки по изданію.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ первопечатнику Ивану Федорову. Въ мастерской скульптора С. М. Волнухина уже почти закончена въ гипсѣ фигура русскаго первопечатника Ивана Федорова, изготовляемая по заказу императорскаго Московскаго археологическаго общества для памятника, имѣющаго быть поставленнымъ въ Москвѣ у стѣны Китай-города. Иванъ Федоровъ изображенъ стоя во весь ростъ, безъ шапки, въ обычной одеждѣ среднихъ русскихъ людей XVI вѣка. Въ одной рукѣ онъ держитъ и разсматриваетъ имъ же сдѣланный оттискъ, а другой придерживаетъ поставленную на скамью печатную доску. Доска представляетъ собой развернутый листъ первой русской книги, Дѣяній Апостольскихъ, имъ же отпечатанной. На скамьѣ возлѣ доски лежатъ инструментъ для пользованія типографскою краской. Густые волосы первопечатника придерживаются ремешкомъ-наголовникомъ. Его лицо свѣтится умомъ, открытый, благородный взглядъ говоритъ о человѣкѣ безупречной совѣсти. Вся фигура проникнута мужественною энергіей и твердою волей.

Диснуть Б. А. Панченка. 31-го октября въ одномъ изъ залъ С.-Петербургскаго университета состоялась защита диссертациі на степень магистра всеобщей исторіи Б. А. Панченка. Диссертација озаглавлена: «Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій (крестьянскій) законъ и монастырскіе документы». Б. А. Панченко родился въ 1872 г., кончилъ С.-Петербургскій университетъ въ 1894 году. Затѣмъ работалъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ. Изъ работъ его извѣстны «Тайная исторія Прокопія», «Папа Григорій Великій» и др. Изученіе аграрныхъ вопросовъ въ Византіи важно для западной исторіи, а особенно для славянъ и для русской исторіи, чтобы выяснить вопросъ о существованіи общины въ Византіи и основанія,

на которыхъ она зиждилась. Въ изученіи этого вопроса очень важную роль играетъ крестьянскій законъ, который былъ переведенъ на русскій языкъ еще въ XII вѣкѣ. Законъ этотъ, стоящій во главѣ византійской аграрной исторіи, понимался, по мнѣнію диссертанта, учеными неправильно. Онъ не указываетъ ни на отиѣну крѣпостничества, ни на разрѣшеніе перехода; реформы эти неосновательно приписываются иконоборцамъ. Древнѣйшій текстъ закона относится только къ свободнымъ собственникамъ. Надо отказаться, говоритъ авторъ диссертации, отъ мысли искать славянскую общину въ Византіи. Въ основѣ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи лежитъ не общинное начало, но начало личной наследственной собственности. Послѣ возраженій официальныхъ оппонентовъ, профессоровъ П. М. Гривса и П. А. Лаврова, В. А. Панченко былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Общество любителей естествознанія. I. 15-го октября, въ Политехническомъ музеѣ состоялось годичное засѣданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи подъ предѣлательствомъ Д. Н. Анучина и въ присутствіи большого числа членовъ и многочисленной публики. По открытіи собранія секретарь общества В. С. Елпатьевскій прочиталъ годичный отчетъ о дѣятельности общества, его отдѣловъ, отдѣленій и комиссій. Въ истекшемъ отчетномъ году, 41-мъ со времени своего основанія, общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ многихъ скончавшихся его членовъ, видныхъ научныхъ и государственныхъ дѣятелей. Скончались: Ѳ. А. Бредихинъ, ген.-адъют. П. С. Ваниовскій, проф. Ѳ. Дюкло, вице-адмиралъ Макаровъ, заслуженный профессоръ В. В. Марковниковъ, проф. Ф. Ратцель, Марсъ Бартельсъ, проф. В. В. Докучаевъ, В. Н. Чичеринъ, С. М. Перяславцева и проф. П. Н. Смирновъ. Въ минувшемъ году общество имѣло три засѣданія совѣта, два закрытыхъ засѣданія и пять публичныхъ. Его императорскому величеству государю императору благоугодно было въ 28-й день мая 1904 г., по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, высочайше повелѣть соизволить выдать изъ суммъ государственнаго казначейства музыкально-этнографической комиссій, состоящей при этнографическомъ отдѣлѣ общества, 2.000 рублей въ единовременное пособіе на печатаніе трудовъ комиссій. На состоявшемся въ августѣ текущаго года VI международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Бернѣ, учрежденныя при обществѣ преміи въ память собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 г. международныхъ конгрессовъ, присуждены слѣдующимъ лицамъ: премія имени императора Александра III—профессору львской академіи въ Мюнхенѣ (Ганноверѣ) д-ру Рихарду Геймонсу за работы по анатоміи и эмбриологіи солифугъ; премія имени государя наследника, нынѣ его императорскаго величества государя императора Николая II,—приватъ-доценту университета въ Грацѣ (Австрія) д-ру Рудольфу фонъ-Штуммеръ-Трауфельсу за изслѣдованія надъ *Mysostomidae*. Въ истекшемъ году общество издало 105-й и 1-й выпускъ 107-го тома своихъ извѣстій; въ обмѣнъ на свои изданія общество получило около 214 періодическихъ изданій, не считая полученныхъ бібліотеками отдѣловъ и отдѣленій въ обмѣнъ на ихъ спеціальныя изданія. Антропологическій отдѣлъ общества имѣлъ пять засѣданій, на которыхъ было сдѣвано десять сообщеній. Отдѣлъ издалъ XII томъ своихъ «Трудовъ» и продолжалъ

изданіе «Русскаго антропологическаго журнала». Этнографическій отдѣлъ имѣлъ 14 засѣданій съ 23-мя сообщениями и продолжаетъ издаваніе «Этнографическаго Обзорнія». Состоящая при отдѣлѣ музыкально-этнографическая коммиссія имѣла десять засѣданій съ 12-ю сообщениями, при чемъ почти всѣ доклады въ публичныхъ засѣданіяхъ сопровождалсь исполненіемъ образцовъ пѣсенъ, преимущественно изъ записей членовъ коммиссіи. Нѣкоторыми членами коммиссіи въ послѣднее время совершены были поѣздки въ различныя мѣстности Европейской Россіи п на Кавказъ для записи пѣсенъ и духовныхъ стиховъ. Въ настоящее время печатается первый томъ «Трудовъ» коммиссіи, а второй готовится къ печати. Кроме того, на-дняхъ выйдетъ изъ свѣтъ систематическій школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На средства члена коммиссіи, П. Д. Самарина, готовятся къ изданію нѣкоторые изъ трудовъ покойнаго члена общества Ю. Н. Мельгунова, а именно: «Учебникъ ритмики», подъ редакціей акад. Ф. Е. Корша, и «Общая теорія ритмики» Руд. Вестфала въ переводѣ Ю. Мельгунова съ его добавленіями. Отдѣленіе физическихъ наукъ имѣло 4 засѣданія, и состоящая при немъ физико-математическая коммиссія— 2 засѣданія; на этихъ 6-ти засѣданіяхъ сдѣлано всего 16 сообщений. Отдѣленіемъ изданъ 1-й выпускъ XII тома его трудовъ и законченъ печатаніемъ 2-й выпускъ того же тома. Въ засѣданіи 1-го октября отдѣленіе, по предложенію своего предсѣдателя, постановило образовать воздухоплавательную коммиссію. Зоологическое отдѣленіе имѣло четыре засѣданія съ 14-ю сообщениями. Отдѣленіемъ изданъ 5-й выпускъ III тома «Дневника зоологическаго отдѣленія». Состоящая при отдѣленіи коммиссія для изслѣдованія фауны Московской губерніи имѣла четыре засѣданія съ 14-ю сообщениями. Скоро появятся въ свѣтъ «Дополненія къ фаунѣ Московской губерніи». Ботаническое отдѣленіе имѣло одно засѣданіе съ 5-ю сообщениями, химическое— три засѣданія съ 24-мя сообщениями, географическое— 8 засѣданій съ 16-ю докладами. Отдѣленіе продолжало издавать журналъ «Земледѣліе». Состоящая при отдѣленіи топографо-геодезическая коммиссія имѣла 5 засѣданій совѣта и десять общихъ собраній съ 8-ю докладами. Въ коммиссіи обсуждался вопросъ объ учрежденіи «Общества русскихъ землеѣровъ», преслѣдующаго цѣли научныя и взаимопомощи. Изданъ XVIII выпускъ трудовъ коммиссіи и первая книга «Межевого Сборника». Отдѣленіе физиологич. имѣло 5 засѣданій съ 4-мя сообщениями, отдѣленіе бактериологич. 10 засѣданій съ 38-ю докладами. Музей прикладныхъ наукъ посетили 116.822 чел.; объясненій по праздничнымъ днямъ было сдѣлано въ большой аудиторіи 60. Директоромъ отдѣла прикладной физики А. Х. Рейманомъ было устроено 11 объясненій коллекцій физическаго отдѣла для московскихъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. Кроме того, устраивались публичныя лекціи и чтенія по вечерамъ (72), привлекшія 8.025 слушателей. Больше 20 ученыхъ обществъ имѣли въ музеѣ 363 засѣданія, которыя посетили 10.845 чел. Комиссіей народныхъ чтеній устроено было въ музеѣ 20 чтеній съ числомъ слушателей 6.229 чел. Постоянная коммиссія при отдѣлѣ прикладной физики имѣла 5 засѣданій съ 11-ю сообщениями. Въ виду всеобщаго интереса, возбуждаемаго свойствами недавно открытыхъ радіоак-

ивныхъ веществъ, отдѣлъ прикладной физики приобрѣлъ два препарата радія: отъ Кюри и отъ Гизеля. Различныя опыты съ этими препаратами производились въ засѣданіяхъ комиссіи; цѣнный вкладъ въ физическій отдѣлъ сдѣланъ членомъ комиссіи К. Н. Солодовниковымъ, пожертвовавшимъ музею обширную коллекцію фотографическихъ приборовъ, собранную жертвователемъ въ теченіе 25-лѣтней фотографической дѣятельности. 14 членовъ общества совершили въ истекшемъ году поѣздки съ научными цѣлями въ различныя мѣстности. Общество въ отчетномъ году избрало въ число своихъ почетныхъ членовъ профессора военно-медицинской академіи П. П. Павлова, академика В. В. Радлова, проф. А. П. Сабанѣва, проф. Кюри и г-жу Кюри-Складовскую въ Парижѣ за всемірно-пзвѣстныя заслуги открытія радиоактивныхъ веществъ, и проф. С. Каницаро въ Римѣ за плодотворную ученую дѣятельность въ области химіи. На основаніи отзывовъ спеціальныхъ комиссій, общество въ предгдичномъ засѣданіи присудило: премію имени А. П. Раздвѣтова по антропологіи—д-ру А. А. Сухареву за книгу его: «Каванскіе татары», золотую медаль имени А. П. Раздвѣтова — А. Н. Абрамову за работу о географическомъ распространеніи различныхъ формъ *areg. tigris rugifomis*; премію имени В. П. Мошнина — В. Д. Зернову за трудъ: «Сравненіе методовъ абсолютнаго пзмѣренія силы звуковыхъ колебаній». По предложенію отдѣленій общество присудило: золотую медаль Е. Э. Ливевой во вниманіе къ ея выдающимся трудамъ въ области русской народной музыки; серебряныя медали: М. Н. Ландсману за изслѣдованіе малаго бассейна озера Гокча; В. А. Лесневскому за изслѣдованіе озеръ Витебской губерніи; А. М. Остроухову за предоставленіе этнографической коллекціи, вывезенной изъ земли Урянховъ; А. М. Листопадову за изученіе мелодій дѣтскихъ пѣсенъ; В. Ф. Пиотровскому за поѣздки для изученія озеръ Владимирской губерніи, Кокчетавскаго уѣзда; С. Н. Соколову за поѣздку въ Повнѣцкій уѣздъ, Орловской губерніи; бронзовую медаль Ѡ. Д. Увакпну за услуги, оказанныя кавинской экспедиціи Б. М. Житкова. По прочтеніи отчета проф. В. К. Церасскій произнесъ рѣчь, посвященную памяти покойнаго Ѡ. А. Вредихина. Кромѣ профессорской дѣятельности, Ѡ. А. Вредихинъ напечаталъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ по спектральному анализу солнца и звѣздъ, работъ по изслѣдованію Юпитера, но важнѣйшимъ изъ его ученыхъ трудовъ являются работы по изслѣдованію кометъ. До его изслѣдованій хвостовъ кометъ мы были увѣрены, что всѣ явленія движенія объясняются ньютоніанскимъ притяженіемъ, но онъ доказалъ съ полной ясностью существованіе другой отталкивающей силы, рѣзко различающейся отъ ньютоніанскаго притяженія,—силы, исходящей изъ солнца и дѣйствующей на разрѣженную матерію кометныхъ хвостовъ. Разъ такая сила существуетъ, то какъ бы она мала и ничтожна ни была въ хозяйствѣ природы, открытіе ея имѣетъ весьма важное научное значеніе. Въ кометахъ присутствуетъ разсѣивающая и разлагающая сила. Изъ кометъ вылетаютъ частицы и порождаютъ явленія, извѣстныя подъ именемъ падающихъ звѣздъ и метеорныхъ дождей. По своему характеру Вредихинъ былъ истинный ученый, несомнѣнно талантливый, превосходно образованный, обладавшій живымъ воображеніемъ и выдающейся способностью концентровать свою мысль надъ однимъ цикломъ вопросовъ,

работая надъ нимъ съ большимъ усердіемъ десятки лѣтъ. Д. Н. Анучинъ и Н. Е. Жуковскій сдѣлали сообщенія о научныхъ заслугахъ вице-адмирала С. О. Макарова. Д. Н. Анучинъ сообщилъ о научныхъ заслугахъ покойнаго вице-адмирала С. О. Макарова въ области физической географіи моря и по изслѣдованію полярныхъ странъ. С. О. принадлежитъ изслѣдованіе теченій въ Бюфортъ, именно установленіе подводнаго, глубиннаго теченія, идущаго изъ Мраморнаго моря въ Черное и выходящаго въ послѣднее болѣе тяжелую и соленую воду, тогда какъ по верху идетъ теченіе изъ Чернаго моря, несущее болѣе легкую и менѣе соленую воду. Второй трудъ С. О. касается изученія удѣльнаго вѣса и температуры воды сѣвернаго Тихаго океана во время плаванія въ 1886—1887 гг. на корветѣ «Витязь». Обѣ работы были награждены академіей наукъ преміями, а послѣдняя, кромѣ того, Константиновскою медалью отъ императорскаго географическаго общества. Третій трудъ покойнаго адмирала — «Ермакъ во льдахъ» — заключаетъ въ себѣ описаніе постройки громаднаго ледокола «Ермакъ» и его плаванія въ Балтійскомъ морѣ (зимою) и въ Ледовитомъ океанѣ (къ Шницбергрену). Послѣ того С. О. ходилъ на «Ермакъ» и къ западнымъ берегамъ Новой Земли. На экранѣ были показаны портретъ С. О. Макарова, чертежи, иллюстрирующіе нѣкоторыя данныя первыхъ двухъ работъ, а также постройки и плаванія «Ермака». Въ своемъ сообщеніи Н. Е. Жуковскій указалъ на работы С. О. Макарова въ области науки о кораблѣ. Подъ вліяніемъ А. А. Попова, онъ обратилъ вниманіе на непотопляемость корабля — самую существенную его сторону, на устройство переборокъ въ кораблѣ. Въ числѣ работъ въ области конструкціи корабля представляется важной также его работа по водоотливнымъ средствамъ. Во время кругосвѣтнаго путешествія на «Витязь» имъ произведены изслѣдованія по усовершенствованію, касающіяся быстрой разводки паровъ на кораблѣ и экономіи топлива. Отмѣтивъ затѣмъ работы С. О. Макарова по приспособленію изъ канатовъ вѣснорядковъ на тараны кораблей, чтобы смягчить производимыя ими разрушенія при столкновеніяхъ съ другими судами и др., референтъ указалъ, что покойному вице-адмиралу принадлежитъ заслуга введенія бездымнаго пороха въ нашъ флотъ. Въ заключеніе, коснувшись ледокола «Ермака», построеннаго по проекту С. О. Макарова, референтъ высказалъ, что хотя цѣль устроить судно, пригодное для плаванія въ полярномъ морѣ, не была достигнута С. О., но идея его заслуживаетъ глубокаго вниманія и современнымъ будетъ осуществлена. Н. Н. Лебедевъ сдѣлалъ сообщеніе «Эфиръ и матерія». За послѣднія 10 лѣтъ и особенно послѣдніе 2—3 года въ нашей наукѣ произошло громадна перемѣна въ области того, что считалось прежде недоступнымъ. Границы недоступнаго теперь отодвинуты дальше. Огромныя научныя завоеванія касаются вопроса о связи между вѣсмой матеріей и невѣсомымъ эфиромъ. По современнымъ взглядамъ науки, все міровое пространство занято тѣломъ, которое называется свѣтоноснымъ эфиромъ. Благодаря ему, мы воспринимаемъ свѣтъ отъ самыхъ отдаленныхъ звѣздъ. Но помимо свѣтовыхъ колебаній эфиръ проявляетъ и силы электрическія и магнитныя, такъ какъ свѣтовые колебанія — не что иное, какъ электро-магнитныя колебанія. Вѣсовая матерія представляетъ болѣе или менѣе сложный конгломератъ отдѣль-

ныхъ молекулъ, которыя составляются изъ ряда химическихъ атомовъ. Мы имѣемъ около 74 элементовъ тѣлъ, которые не подвергаются дальнѣйшему разложению, и весь видимый мiръ состоитъ изъ этихъ элементовъ. Новый шагъ, сдѣланный за послѣднее время наукой, касается вопроса объ этихъ атомахъ, дѣйствительно ли они представляютъ тѣла, не поддающіяся дальнѣйшему упрощенію, разложенію на составныя части. Новыя открытія показываютъ, что химическіе атомы построены изъ особыхъ атомовъ, атомовъ электрическихъ или электроновъ. Существуютъ положительныя и отрицательныя электроны. Атомы химическіе, которые состоятъ изъ электроновъ, позволяютъ уяснить другое свойство матеріи — самосвѣченіе тѣлъ, и мы можемъ подступить къ рѣшенію вопроса, чтѣ такое инерція тѣлъ, — представлявшаяся намъ, какъ первичное основное качество матеріи. Инерція также разсматривается теперь, какъ явленіе электро-магнитное. Затѣмъ референтъ положилъ исторію развитія представленной имъ теоріи, начиная съ открытія Вольта о связи химической реакціи съ электрическими явленіями, и, упоминая объ открытіи Фарадея о законѣ связи химическихъ реакцій съ электрическими силами, объ открытіяхъ Крукса и Рентгена, положилъ подробно современныя изслѣдованія супруговъ Кюри и другихъ въ области радиоактивныхъ тѣлъ, доказывая основныя положенія упомянутой теоріи. Сообщение это демонстрировалось рядомъ опытовъ и изображеній на экранѣ. Послѣ перерыва Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Фонографъ въ примѣненіи къ этнографіи». Указавъ на опыты записыванія помощью фонографа пѣсенъ индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ, китайской, сіамской музыки и т. д. и упоминая объ аналогичныхъ записяхъ русскихъ пѣсенъ Е. Э. Линева и другими, референтъ сообщилъ, что ему удалось получить изъ Средне-Колымска, въ Якутской области, отъ г. Ю. Строжецаго записи нѣсколькихъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ (о Стенькѣ Разинѣ, о Скопинѣ и Малютѣ Скуратовѣ) и др., а также нѣсколько якутскихъ и якутскаго шаманскаго камланья. По этому поводу референтъ ознакомилъ вкратцѣ съ характеромъ якутскихъ пѣсенъ и съ сущностью шаманства (въ залѣ были выставлены доставленные изъ этнографическаго отдѣленія Румянцовскаго музея манекены якутскаго и гольдскаго шамановъ и разныя принадлежности шаманскаго культа), при чемъ нарисовалъ картину шаманскаго камланья у якутовъ. Вслѣдъ затѣмъ Е. Э. Линева ознакомилъ воспроизведеніемъ на фонографѣ съ якутскою колыбельною пѣсней, съ якутскою олонго (былина) и съ заклинаніями шамана, а также съ русскою старинною пѣснью о Стенькѣ Разинѣ, которая для большей ясности была исполнена съ нотъ хоромъ. П. 22-го октября, въ засѣданіи географическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія товарищъ предсѣдателя императорскаго русскаго географическаго общества, Ю. М. Шокальскій, сдѣлалъ сообщеніе относительно измѣренія бассейновъ, рѣкъ и административныхъ единицъ, предпринятаго покойнымъ ученымъ Алексѣемъ Андреевичемъ Тилло. Конечно, нѣтъ никакой необходимости распространяться о важности подобнаго рода работъ. Всякій знаетъ, какое значеніе имѣютъ точныя таблицы площадей для государственныя людей, политиковъ, экономистовъ и др. Однако, до сихъ поръ у насъ не было точныхъ и современныхъ данныхъ относительно Азиат-

ской Россіи. Вычисленія и измѣренія, произведенныя въ 1883—1884 году П. А. Стрѣльбицкимъ, по только-что изданной картѣ Азіатской Россіи не отличались особенною точностью и теперь уже значительно устарѣли. Поэтому начало работы, предпринятой А. А. Тилло въ 1896 году, было встрѣчено весьма сочувственно, какъ въ ученѣмъ, такъ и въ административномъ мірѣ. Министерство путей сообщенія снабдило изслѣдователей необходимою суммой, а военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба—необходимыми картами и пособіями. Благодаря такому отношенію, эта трудная работа теперь уже почти закончена, и большая часть ея печатается. Въ началѣ своей рѣчи г. Шокальскій довольно подробно остановился на способахъ измѣренія площадей большого размѣра. Какъ извѣстно, непосредственно на мѣстѣ, при помощи геодезическихъ инструментовъ, можно опредѣлить только площади весьма небольшого размѣра. Большія же площади (уѣздовъ, губерній, округовъ) измѣряются исключительно по картѣ. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ самому измѣренію, необходимо подыскать карту, точную по мѣрѣ возможности. Послѣ долгихъ выборовъ изслѣдователи остановились на картѣ Азіатской Россіи, изданной военно-топографическимъ отдѣломъ. Послѣ выбора карты, тотчасъ же возникаетъ вопросъ о наилучшемъ въ данномъ случаѣ способѣ измѣренія. Разобравъ всѣ употребляемые до сихъ поръ способы, изслѣдователи нашли необходимымъ найти свой собственный способъ, который и назвали способомъ измѣренія по зонамъ. Этотъ способъ, представляющій изъ себя главнымъ образомъ усовершенствованіе обыкновеннаго планометрическаго способа, по своей точности далеко превзошелъ всѣ прочіе, не будучи, однако, несколько не сложнѣе ихъ. Цѣлый рядъ примѣровъ, приведенныхъ г. докладчикомъ, вполне выяснилъ достоинства этого способа. Сравнивъ результаты, полученные 20 лѣтъ тому назадъ г. Стрѣльбицкимъ, съ результатами, найденными теперь, г. Шокальскій нашелъ, что ошибки въ новомъ спискѣ не превышаютъ 0,075%, тогда какъ при вычисленіи по прежнему (Стрѣльбицкаго) способу онѣ нерѣдко превышали 0,12%. Разъяснивъ способы изслѣдованія, г. Шокальскій объявилъ результаты этой восьмилѣтней работы (1896—1904). Со времени опубликованія первыхъ работъ, произведенныхъ еще г. Тилло умершимъ въ ноябрѣ 1899 года, были произведены три важныя измѣренія: 1. Измѣреніе бассейновъ рѣкъ. 2. Измѣреніе административныхъ единицъ по картамъ прежнихъ изданій. 3. Измѣреніе административныхъ единицъ по новѣйшимъ картамъ. Изслѣдованіе въ 1899 году сѣвернаго побережья Азіатской Россіи, какъ извѣстно, сильно измѣнившее очертанія сѣвернаго берега Сибиря, заставило вновь произвести измѣренія. Вычисляя площади, необходимо было сравнить ихъ съ результатами, полученными въ 1883 году П. А. Стрѣльбицкимъ и выразить все это въ удобо-понятныхъ и точныхъ числахъ. Въ заключеніе г. Шокальскій высказалъ свои мысли относительно картографическихъ измѣреній. По его словамъ, эти данныя точны только постольку, поскольку точна карта, и всецѣло зависятъ отъ ея достоинства и недостатковъ. Если же принять въ соображеніе всю трудность составленія карты, то понятно, что на точность даже лучшей изъ нихъ нельзя положиться. И, дѣйствительно, для того, чтобы составить точную карту, необходимо пользоваться весьма точными триангуляціонными измѣреніями, а эти измѣренія вслѣдствіе

своей дороговизны весьма рѣдки. Такъ, напримѣръ, въ Россіи триангуляціонныя измѣренія имѣются только на западѣ, въ Крыму и на Кавказѣ, а остальные части обозначены на картахъ только на основаніи приблизительныхъ вычисленій. Въ Сибири же большинство картъ составлено просто по запискамъ и чертежамъ туристовъ, являющихся по большей части новичками въ картографію. Другой недостатокъ картъ—это неопредѣленность границъ. Чтобы точно вычислить площадь бассейна или области, надо знать ея границы, которыя особенно въ Азіи, проведены почти произвольно, за отсутствіемъ точныхъ цифровыхъ данныхъ. Кромѣ подобныхъ недостатковъ картографіи, недостатки картъ сами по себѣ (сыхание и разбуханіе бумаги, сдвиги при печатаніи и т. п.) дѣлають картографическія вычисленія только приблизительными.

Пензенская архивная коммисія. Пензенская архивная коммисія, составляя для своего музея коллекцію портретовъ бывшихъ пензенскихъ губернаторовъ и не имѣя въ своемъ распоряженіи портретовъ: А. В. Крыжановскаго (1809—1811 г.), князя Г. С. Голлицына (1811—1816 г.), графа Е. П. Толстого (1859—1861 г.) и В. П. Александровскаго (1862—1867 г.), проситъ родственниковъ этихъ губернаторовъ, а также учрежденія и лица, въ распоряженіи которыхъ могли бы находиться портреты, выслать въ коммисію или фотографическіе снимки или же самые портреты для сдѣланія съ нихъ снимковъ, или же наконецъ, хотя бы указать тѣхъ лицъ и тѣхъ учрежденія, гдѣ бы могли быть таковыя портреты. Портреты эти или же снимки съ нихъ, по минованіи надобности, будутъ съ глубочайшей благодарностью немедленно возвращены по принадлежности въ цѣлоствѣ. Собошенія просятъ дѣлать по адресу ученой архивной коммисіи (Пенза, Соборная площадь, д. № 8).

Библиологическое общество. 23-го октября, подъ предѣдательствомъ А. И. Маленна, въ помѣщеніи торговой школы состоялось общее собраніе членовъ Русскаго библиологическаго общества. По разсмотрѣніи годового отчета за минувшій годъ, собраніе выслушало смѣту по обществу и журналу «Литературный Вѣстникъ». По утвержденіи смѣты, было приступлено къ выборамъ президента общества. Избранъ единогласно В. Θ. Боцяновскій, секретаремъ—Л. П. Лобовъ, казначеемъ—К. І. Храповичъ и членомъ совѣта—А. М. Липовскій. Былъ выслушанъ интересный докладъ по историко-литературной секціи Н. П. Коробки объ отношеніи покойнаго А. П. Чехова къ современнымъ общественнымъ теченіямъ. Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ участвовали: А. М. Липовскій, Павловъ-Селвановъ и В. Θ. Боцяновскій. В. Θ. Боцяновскій, между прочимъ, упомянулъ о А. Ф. Марксѣ, содѣйствовавшемъ распространенію проповѣдей Чехова въ народѣ. Память издателя «Нивы» была почтена вставаніемъ. За позднимъ временемъ докладъ С. А. Изнара «Объ уголовномъ правѣ» въ романѣ Л. Н. Толстого «Воскресеніе» отложенъ до слѣдующаго общаго собранія.

Заглохшая коммисія. Подъ этимъ заглавіемъ въ № 298 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 28-го октября 1904 года помѣщена нижеслѣдующая интересная статья. Въ настоящее время всѣ извѣстные памятники древняго русскаго искусства до половины XVIII столѣтія охраняются отъ разрушеній и искаженій. Но памятники русскаго искусства съ половины XVIII столѣтія и

позже находятся въ большомъ забвеніи, часто подвергаются искаженіямъ и т. п. Академикъ В. В. Сусловъ въ свое время поставилъ на видъ собранію академіи художествъ подобное нежелательное положеніе дѣла. Археологія не касается изученія памятниковъ съ половины XVIII столѣтія, какъ «памятниковъ новѣйшаго искусства», которые не носятъ, по опредѣленію археологовъ, слѣдовъ самобытнаго творчества. Между тѣмъ въ это столѣтіе, т.-е. отъ половины XVIII до половины XIX вѣка, искусство у насъ развивалось, и хотя довольно подражательное, часто несвойственное русской жизни, оно все же создало цѣлый новый строй художественной жизни, во главѣ съ академіей художествъ. «Выдающіеся памятники искусства этого періода, — говоритъ названный академикъ, — такъ или иначе, отражали въ себѣ нашу новую государственную жизнь, а потому должны подлежать исторической оцѣнкѣ и, до извѣстной степени, охраняться отъ искаженій». Къ категоріи такихъ памятниковъ, по мнѣнію В. В. Суслова, слѣдуетъ отнести: 1) монументальныя постройки, исполненныя талантливыми архитекторами и расцѣпленныя въ главныхъ центрахъ городской жизни, 2) памятники русскимъ государямъ, поэтамъ, литераторамъ и ученымъ, 3) выдающіеся живописи въ нашихъ соборахъ и т. п. сооруженіяхъ. Насколько возможно варварское отношеніе къ памятникамъ искусства XVIII—XIX столѣтій, безъ строгаго охраненія имъ, даже недалеко отъ столицы, рисуегь фактъ, что для реставраціи прекрасныхъ священныхъ изображеній профессора Майкова въ Спасскомъ соборѣ Юрьевскаго монастыря, близъ Новгорода, были приглашены мальчуганы изъ иконописной столичной мастерской, которые и прописывали вновь майковскія иконы. Такой фактъ мы видимъ въ мѣстѣ, отстоящемъ, сравнительно, очень недалеко отъ центра художественной, археологической и умственной жизни Россіи — отъ Петербурга. Можно же себѣ представить, какому недостойному отношенію подвергается многое множество памятниковъ искусства, совершенно пропадая для исторіи и изученія, въ глубинѣ Россіи, о чемъ до насъ не доходитъ никакихъ слуховъ. Поэтому-то В. В. Сусловъ считаетъ крайнею необходимостью, чтобъ императорская академія художествъ организовала особую комиссію со слѣдующими полномочіями: 1) привести въ извѣстность выдающіяся монументальныя произведенія искусства за время отъ второй половины XVIII столѣтія по вторую половину XIX-го; 2) собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о нихъ и детальныя фотографіи; 3) увѣковѣчить, по дознаніи, имена авторовъ на ихъ произведенія, и 4) обсудить средства къ охраненію наиболее замѣчательныхъ изъ нашихъ памятниковъ искусства. По заключенію В. В. Суслова, «этими самыми поднялся бы интересъ къ произведеніямъ искусства и въ самомъ обществѣ». Императорская академія художествъ иносильно сочувственно относилась къ дѣйствительно важному заявленію В. В. Суслова; но академіи художествъ въ дѣлѣ охраненія и изученія памятниковъ старины могло бы явиться затрудненіе въ томъ отношеніи, что многіе изъ нихъ, по своимъ назначеніямъ, находятся въ вѣдѣніи различныхъ вѣдомствъ и министерствъ. Въ настоящее же время эти затрудненія въ извѣстной степени устраняются послѣ личнаго сношенія В. В. Суслова съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, отнесшимся къ этому весьма сочувственно, и съ бывшимъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства, выяснилось, что архитектурныя со-

буржуаз. и вѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнены и въ силу выработанныхъ требованій будутъ охватываться, а во отношеніи къ архитектурнымъ сооруженіямъ, вѣдомственныя нѣтъ министерствъ. придется возбудить особымъ ходатайствомъ. Благодаря тому, что памятники скульптуръ — памятники государственныхъ и государственныхъ историческимъ, историческимъ, историческимъ, историческимъ и другимъ лицамъ, которые охранялись городскими управлениями, охватывались все же находятся въ веденіи министерства внутреннихъ дѣлъ, содѣйствіе этого министерства въ сохраненіи ихъ можетъ выразиться въ самой значительной степени. Существование же церковныхъ памятниковъ, вѣдомственныхъ частью министерству внутреннихъ дѣлъ, частью свѣтѣйшему синоду, придется академіи художествъ разбираться въ томъ, какіе изъ нихъ заслуживаютъ должнаго охраненія, и освѣдомиться, какія задачи возложены учрежденіями въ смыслъ заведыванія тѣмъ или другимъ памятникомъ. И затѣмъ можетъ открыться вопросъ о сохраненіи съ художественной стороны. По соображеніямъ В. В. Суслова, церковные памятники, достояніемъ охраненія, должны быть внесены въ «книжные вѣдомости хранилища». Для сохранности ихъ потребуется отѣтка при представленіи книжному вѣдомству въ комиссію, и, во возможности, достоившіе памятники должны быть опубликованы въ «Историческія Вѣдомости». Въ настоящее время императорскою академіей художествъ избрана особая комиссія для разработки вопроса о сохраненіи памятниковъ искусства XVIII и XIX столѣтій. Въ составъ дѣйствій вновь образованной комиссіи входятъ слѣдующее: нагнать общими мнѣніемъ о охраненіи выдающихся памятниковъ искусства, при содѣйствіи министерства внутреннихъ дѣлъ и академіи художествъ; оставить рядъ специальныхъ вопросовъ, во которыхъ могли бы вылучиться предварительныя свѣдѣнія о монументальныхъ памятникахъ искусства (надписи, фотографическіе снимки, старинныя и новыя чертежи, модели, эскизы и т. д.); указать министерству внутреннихъ дѣлъ лица, живущихъ въ той или другой мѣстности, гдѣ есть памятники искусства, которыхъ можно было бы поручить собирать необходимыя свѣдѣнія. Во вновь избранную комиссію были назначены Е. П. Голтовъ, Н. П. Гондаковъ, В. В. Суслевъ и кандидатомъ И. П. Боткинъ — люди, зарекомендовавшие себя многочисленными трудами и изслѣдованіями по исторіи русской археологіи и искусства. Такимъ образомъ, отъ этой комиссіи можно было бы ожидать благопріятныхъ и скорыхъ результатовъ тѣмъ болѣе, что министерство внутреннихъ дѣлъ, при полученіи отъ академіи художествъ надлежащихъ указаній и запросовъ, готово при своихъ полномочіяхъ и денежныхъ расходахъ начать это дѣло энергичнымъ путемъ. Но что-то не слышно о результатахъ работы этой комиссіи, и было бы крайне важно и интересно узнать, что ею сдѣлано, предпринято и намѣчено. Эта комиссія, несомнѣнно, должна знать, что въ своихъ работахъ ей придется въ большой степени пользоваться указаніями частныхъ лицъ, частныхъ археологовъ и коллекционеровъ. Они бы все охотно пришли на помощь комиссіи своими указаніями, но желанія ихъ парализуются тѣмъ, что неизвестно, какъ работаетъ эта важная комиссія, да и работаетъ ли вообще.

НЕКРОЛОГИ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. † 8-го января скончался извѣстный писатель-драматургъ и журналистъ Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ. Покойный родился 30 сентября 1836 г. въ Екатеринодарѣ въ домѣ своего дѣда, по матери—купца Самойлова. Предки Д. В.—крестьяне Олонецкой губерніи; дѣдъ и отецъ его занимались торговлей. У Самойлова, большого театрала, Аверкіевъ воспитывался до девяти лѣтъ и съ дѣтства привязался къ театру. Затѣмъ былъ перевезенъ въ Петербургъ къ дѣду Якову Аверкіеву—человѣку начитанному и пользовавшемуся уваженіемъ среди раскольниковъ. Д. В. стали готовить къ торговой дѣятельности и опредѣлили въ коммерческое училище. Однако оный, окончивъ курсъ училища, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на отдѣленіе естественныхъ наукъ, выпелъ изъ него кандидатомъ и избралъ для своей дѣятельности поприще журналиста. Студентомъ сблизился съ кружкомъ Н. Н. Страхова, сталъ писать мелкія комедіи, повѣсти и стихи и занялся переводами. Его первый переводъ «Введеніе въ изученіе химіи» Жерара сдѣлавъ совмѣстно съ П. П. Алексѣевымъ и изданъ товариществомъ «Общественная польза». Другіе переводы («Школа жизни» Крюгера) были изданы также этимъ товариществомъ. Когда же въ 1860 году Н. Г. Писаревскій, входившій въ составъ товарищества, арендовалъ «Русскій Инвалидъ», то Аверкіевъ былъ приглашенъ сотрудничать въ качествѣ фельетониста и театральнаго хроникера. Своя фельетоны онъ подписывалъ псевдонимомъ «Рыявій». Вскорѣ перешелъ въ «Сѣверную Пчелу», составивъ вмѣстѣ съ Лѣсковымъ, Слѣпцовымъ, Бени и Зайцевымъ молодую редакцію. Послѣ полугодового перерыва въ 1863 г., когда онъ жилъ въ Москвѣ гувернеромъ, Д. В., вернувшись въ Петербургъ, вновь сталъ писать въ «Сѣ-

верную Пчелу» и печатать юмористическія стихотворенія въ «Якорѣ» и «Ось», а въ 1864 г. сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Эпохи» Ѳ. М. Достоевскаго. къ этому времени относится его горячая полемика съ Н. И. Костомаровымъ по поводу историческаго значенія Дмитрія Довского. Полемика вызвала у него желаніе создать историческую пьесу, и въ концѣ 1864 г. въ «Эпохѣ» былъ напечатанъ его первый крупный драматическій трудъ «Мамаево побойще — лѣтописное сказаніе». Тогда же онъ написалъ либретто для оперы Сьрона «Рогѣды», вызвавшее вскорѣ раздоръ между нимъ и Сьровымъ и процессъ, надѣлавшій много шума. Покойный требовалъ, чтобы Сьровъ дѣлалъ съ нимъ поснектакльную плату. Съ прекращеніемъ «Эпохи» Д. В. занялся переводами главнымъ образомъ для книгопродавца Вольфа. Онъ перевелъ цѣлый рядъ книгъ для дѣтскаго чтенія: Купера, Эмара, Мариета и др. Досуги посвящалъ творчеству. Въ 1866 г. появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» его комедія въ стихахъ «Лѣшій», въ 1867 г. въ «Всемирной иллюстраціи» трагедія «Слобода — Неволя» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» — комедія «Терентій мужъ Данильеничъ». При содѣйствіи Н. И. Страхова онъ вошелъ въ составъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» (писалъ преимущественно комизаціи объ иностранной литературѣ); кромѣ того, сдѣлался театральнымъ рецензентомъ «Голоса». Въ 1868 г. на сценѣ Александринскаго театра въ бенефисъ Самойлова была поставлена его комедія «Флоръ Скобѣевъ», имѣвшая большой успѣхъ. Одновременно онъ былъ негласнымъ редакторомъ «Всемирной иллюстраціи». Въ 1871 г. Д. В., увлекшись игрою московскихъ артистовъ, переселился въ Москву, чтобы работать для московскаго Малаго театра. Тамъ онъ написалъ «Каширскую старину», имѣвшую огромный успѣхъ сперва на московской сценѣ, потомъ на петербургской. Пьеса эта создала крупную извѣстность покойному и до сихъ поръ не сходитъ съ репертуаровъ провинціальныхъ сценъ. Роль Марьицы входитъ въ амплуа почти каждой драматической актрисы. Успѣхъ пьесы позволилъ ей автору на время ограничить свой журнальный трудъ пьесами и театральными рецензіями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этотъ періодъ были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» пьесы «Царь Петръ и царевичъ Алексѣй», «Темный и Шемяка», «Княгиня Ульяна Вяземская», «Разрушенная невѣста», «Франческа Римнійская», «Царевичъ Алексѣй», «Ненюгрѣшныя». Въ концѣ 70-хъ годовъ Д. В. вновь переехалъ въ Петербургъ, сталъ сотрудничать въ «Голосѣ» и съ 1880 г. въ «Новомъ Времени». Писалъ преимущественно театральныя рецензіи и статьи смѣшаннаго характера. Одновременно продолжалъ писать пьесы, печатая ихъ попрежнему въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Сидоркино дѣло», «Трогирскій воевода» и др. Свой литературный заработокъ онъ увеличивалъ службой въ литературно-театральномъ комитетѣ и отдѣлѣ ученаго комитета по начальному образованію. Въ 1885 г. покойный предпринялъ свой ежемѣсячный журналъ «Дневникъ писателя», подражая въ этомъ Ѳ. М. Достоевскому, но его журналъ успѣха не имѣлъ и прекратился въ слѣдующемъ году. Въ «Дневникѣ» Д. В. напечаталъ рядъ своихъ пьесъ: «Петербургскій слетокъ», «Золотой дѣдъ», «Купальская почъ», повѣсть «Месть ничтожнаго человѣка и юнкеръ Волковъ», множество стихотвореній и театральныхъ статей. Въ 90-хъ годахъ онъ вошелъ

вмѣстѣ съ Т. Н. Фялиновымъ и Л. Н. Модзалевскимъ въ составъ союза любителей русскаго слова, поставившаго себѣ задачей противождать распространенію въ русской литературѣ иностранныхъ словъ и оборотовъ. Умеръ онъ 68 лѣтъ. Смерть его совпала съ невыходомъ газетъ и не могла привлечь на панихиды ни немъ и похороны почитателей его таланта и своеобразнаго творчества. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10367).

† **Анановъ, С. І.** 19-го декабря скончался въ Тифлисъ докторъ медицины Степанъ Іосифовичъ Анановъ. Занятая почти въ теченіе 20-ти лѣтъ различныя должности въ повивальномъ институтѣ, начиная отъ должности преподавателя и кончая обязанностями директора, Степанъ Іосифовичъ за это время подготовилъ массу лицъ медицинскаго персонала. Понимая широко свои обязанности врача, — врача, обязаннаго изслѣдовать въ корнѣ причины общественныхъ недуговъ и приходить на помощь страждущему тогда, когда болѣзнь еще въ зачаткѣ, покойный Степанъ Іосифовичъ предался общественной дѣятельности въ различныхъ ея формахъ: энергичный гласный, дѣятельный членъ кавказскаго медицинскаго общества, а за послѣдніе годы и весьма популярный предсѣдатель его, наконецъ, почетный армянскихъ духовныхъ училищъ, — С. І. Анановъ вслѣдъ оставилъ замѣтный слѣдъ своей работы и определенно очерченное направленіе. Горячій сторонникъ основанія въ городѣ Тифлисъ бальнеологической станицы, развитія свѣрвыхъ водъ, улучшенія санитарнаго состоянія города, подачи помощи заразнымъ больнымъ, основанія въ г. Тифлисъ общей больницы, засыпки рукава Куры, — Степанъ Іосифовичъ своимъ авторитетнымъ словомъ врача-гласнаго и трудами предсѣдателя комисиіи по народному здравію выдвинулъ и провелъ въ жизнь много проектовъ общественнаго здравоохраненія. И вполне заслуженно будетъ стоять его портретъ въ городскихъ дѣтскихъ баракахъ, призванныхъ къ жизни его горячимъ словомъ. Какъ предсѣдатель медицинскаго общества, Степанъ Іосифовичъ имѣлъ неоспоримыя заслуги: его энергіи общество обязано собственнымъ помѣщеніемъ; его общественному темпераменту надо приписать то оживленіе въ работахъ медицинскаго общества, которое проявилось при обсужденіи докладовъ о необходимости реформъ въ дѣлѣ подачи врачебной помощи на Кавказѣ, необходимости переустройства врачебно-санитарной организаціи г. Тифлиса; при немъ нынѣ развилась дѣятельность комисиіи по чтенію популярныхъ лекцій и подачу брошюръ на русскомъ и туземныхъ языкахъ. Наконецъ, при его ближайшемъ содѣйствіи организовалась противотуберкулезная выставка и создано общество борьбы съ туберкулезомъ на Кавказѣ. Медицинское общество держало при немъ определенный и прекрасный курсъ. Чуткій гражданинъ и вѣрный сынъ своей родины, покойный близко принималъ къ сердцу вся невзгоды и въ дѣлахъ общественности стоялъ всегда среди лицъ, служившихъ общему дѣлу. Въ самые послѣдніе годы, — и въ думѣ, и въ медицинскомъ обществѣ, — онъ работалъ вмѣстѣ съ молодежью, и молодые товарищи его встрѣчали въ немъ искреннюю поддержку и опору. Въ немъ не чувствовался человекъ 60-ти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Обозрѣніе», 1904 г., № 41).

† **Курдюмовъ, В. И.** 28-го декабря скончался инспекторъ и профессоръ института инженеровъ путей сообщенія, Валеріанъ Івановичъ Курдюмовъ.

Институтъ инженероу путей сообщенія потерялъ выдающагося своего педагога и руководителя. Покойный, по окончаніи института инженероу путей сообщенія, послѣ непродолжительной практической дѣятельности посятилъ себя на служеніе своей almae matris въ качествѣ педагога и вскорѣ своими блестящими научными трудами обратилъ вниманіе педагогическаго инженернаго міра. Почившій читалъ въ институтѣ лекціи по начертательной геометріи и строительному искусству. Поклонникъ гениальнаго французскаго математика Монжа, В. П. Курдюмовъ особенно детально и обстоятельно разработалъ въ Россіи принципы и законы начертательной геометріи, которая для инженероу является особымъ развитіемъ ихъ творческой строительной фантазіи и воображенія. Научный трудъ по начертательной геометріи, служащій результатомъ лекцій покойнаго профессора, является цѣннымъ вкладомъ въ математическую бібліотеку русскихъ ученыхъ. Лекціи по строительному искусству служить и будутъ служить также будущимъ русскимъ инженерамъ долгое время. Помимо педагогической дѣятельности, В. П. Курдюмовъ съ 1901 года находился въ должности инспектора института. Принадлежа къ комитету общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ института, Валеріанъ Ивановичъ горячо отзывался къ нуждамъ учащейся молодежи и дѣятельно помогалъ нуждающимся. Трудомъ Валеріана Ивановича въ институтѣ организована фотографическая лабораторія. Сознвая важность для инженероу фотографическаго искусства, покойный устроилъ и читалъ самъ необязательныя лекціи по фотографіи. Скончался Валеріанъ Ивановичъ на 53 году жизни. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 675, и «Новое Время», 1904 г., № 10359).

† **Линбергъ, А. Л.** 7-го декабря скончался въ Москвѣ Андрей Леонардовичъ Линбергъ, извѣстный составитель учебныхъ атласовъ, картъ и руководствъ по географіи. Андрей Леонардовичъ окончилъ курсъ на естественномъ отдѣленіи Московскаго университета въ 1859 году и затѣмъ долгое время состоялъ преподавателемъ географіи во многихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ трудовъ покойнаго наиболѣе извѣстны: «Учебный атласъ всеобщей географіи», «Учебникъ географіи Россіи» и «Краткій учебникъ всеобщей географіи», выдержавшіе нѣсколько изданій. Андрей Леонардовичъ былъ членомъ императорскаго общества любителей естествознанія, въ географическомъ отдѣленіи котораго состоялъ товарищемъ предсѣдателя. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10340).

† **Некрасова, Е. С.** 12-го января, въ Москвѣ, скончалась заслуженная изслѣдовательница исторіи русской литературы Екатерина Степановна Некрасова. Она родилась въ половинѣ 1850-хъ годовъ въ Москвѣ, гдѣ затѣмъ и получила образованіе—сперва въ женской гимназіи, а затѣмъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Уже съ конца 70-хъ годовъ, вскорѣ по окончаніи ею высшаго образованія, Некрасова начала свою литературную дѣятельность, сперва въ «Отечественныхъ Запискахъ», затѣмъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (съ 1881 года), а впоследствии въ журналахъ: «Русская Старина», «Сѣверный Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; большую часть своихъ работъ она помѣщала въ «Русской Мысли». Специализировались преимущественно

иственно на исторіи русской литературы первой половины XIX вѣка, Некрасова напечатала по этой области званія рядъ статей и матеріаловъ. Въ особенности цѣнны опубликованные ею матеріалы для біографіи А. П. Герцена и П. П. Огарева. Къ серіи этихъ работъ Некрасовой принадлежатъ: прекрасная біографія Огарева, напечатанная ею въ сборникѣ «Починъ» (М., 1895—1896), переписка Герцена и Огарева «Изъ переписки недавнихъ дѣятелей» (въ «Русской Мысли» 1888, 1889, 1890 и 1891 гг.), переписка Герцена съ его вѣстой Н. А. Захарьиной, въ томъ же журналѣ (1893 и 1894 гг.) и въ «Новомъ Словѣ» (1896—1897 гг.), съ ея обстоятельными призываніями, переписка Н. А. Герцена съ А. Р. Кліентовой («Русская Старина» 1892 г.), статьи: «Аргистъ М. С. Щенкинъ и А. И. Герценъ» («Русская Мысль» 1893 г.), «А. П. Герценъ и Н. А. Захарьина» (ibid., 1893 г.), «А. П. Герценъ и его замѣтки и наброски» («Русская Старина» 1889 г.), «Связка писемъ А. П. Герцена» («Сѣверный Вѣстникъ» 1894 г.) и «Юношескіе литературные труды А. П. Герцена» (ibid., 1895 года). Кю же были напечатаны юношескіе рассказы Герцена: «Легенда о св. Феодорѣ», «Встрѣча» и «Германскій путешественникъ» («Русская Мысль» 1881 г., № 12 и 1882 г., №№ 1 и 2). Изъ другихъ трудовъ по исторіи русской литературы и исторіи русскаго искусства въ XIX вѣкѣ отмѣтимъ: «Изъ воспомнаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кипшиневѣ», «Гоголь и А. А. Ивановъ», «Графиня Е. П. Распочина», статьи о Лермонтовѣ, «Ө. П. Юрданъ и его письма къ художнику А. А. Иванову». Изъ статей Некрасовой, относящихся къ высшему женскому образованію въ Россіи и къ дѣятельности женщинъ-врачей, укажемъ на «Женскіе врачебные курсы въ С.-Петербургѣ» («Вѣстникъ Европы» 1882 г.), «Студентка на войнѣ» («Русская Мысль» 1898 г.). (Некрологъ ея: «Наши Дни», 1905, № 26).

† **Обнинскій П. П.** 15-го декабря въ Москвѣ скончался одинъ изъ дѣятелей освободительной эпохи Петръ Паркизовичъ Обнинскій, пользовавшійся почетной извѣстностью и какъ земскій дѣятель, и какъ публицистъ. Учился онъ въ Московскомъ университетѣ и началъ службу мировымъ посредникомъ, явившись дѣятельнымъ сотрудникомъ извѣстнаго калужскаго губернатора В. А. Арцимовича. Отдавъ свою землю крестьянамъ, П. П. однако скоро оставилъ избранную имъ должность мирового посредника и съ 1866 г. въ теченіе трехлѣтія былъ участковымъ мировымъ судьей въ Калужской губерніи, а затѣмъ перешелъ въ прокуратуру, гдѣ и оставался до 1890 г., когда болѣзнь вынудила его оставить службу. Стойкость въ проведеніи своихъ взглядовъ, сердечность и искренность оставались неизмѣнными качествами П. П., былъ ли онъ мировымъ посредникомъ, судьей или прокуроромъ, всегда являлся онъ «стражемъ закона» въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Общественная и литературная дѣятельность П. П. не прерывалась. Рядъ убѣжденныхъ и горячо написанныхъ статей (о предварительномъ слѣдствіи, объ адвокатурѣ, о разлученіи супруговъ, объ авторскомъ правѣ и пр.) печатался въ «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Архивѣ» и другихъ современникахъ. Нѣкоторыя изъ выдающихся болѣе раннихъ его статей собраны были въ книгу «Законъ и бытъ»—очерки и изслѣдованія въ области нашего рефор-

мируемаго права. Изъ позднѣйшихъ статей его выдѣляются; «Нападеніе и защита», «Общества защиты дѣтей» и особенно «Калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ 1861—1863 г.»; «Воспоминанія юриста» напечатаны были П. П. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1892 г. Въ томъ же журналѣ 1891 г. пмъ напечатаны «Походныя замѣтки ополченца. До конца жизни П. П. оставался членомъ многихъ московскихъ обществъ, былъ учредителемъ общества защиты дѣтей и дѣятельнымъ сотрудникомъ юридическаго общества. (Некрологи его: «Вѣстникъ Юга», 1904 г., № 810; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 653, и «Новое Время», 1904 г., № 10347).

† **Павловъ, И. В.** 23-го октября скончался на 82 году жизни Иванъ Васильевичъ Павловъ. Это былъ очень даровитый, многосторонне образованный человекъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью какъ врачъ, литераторъ — редакторъ «Московского Вѣстника», и наконецъ какъ выдающійся дѣятель на службѣ по государственному контролю. Послѣ почти 30-лѣтней службы въ должности управляющаго витебскою, потомъ орловскою контрольными палатами, И. В. въ 1895 г., вышелъ въ отставку и послѣднія 9 лѣтъ жизни прожилъ съ семьей въ своемъ имѣніи Тульской губерніи. Родился онъ 6 апрѣля 1823 г., учился въ дворянскомъ пансіонѣ, при Московскомъ университетѣ, и за отличные успѣхи вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ переведенъ въ императорскій царскосельскій лицей. Съ послѣдняго курса лицея онъ поступилъ на математическій факультетъ Московскаго университета. Будучи уже на 4-мъ курсѣ, отъ усиленныхъ занятій заболѣлъ воспаленіемъ мозга. Обязанный спасеніемъ жизни тогдашней московской знаменитости доктору и профессору А. И. Оверу, И. В. увлекся медициною и перешелъ на медицинскій факультетъ, который окончилъ въ 1850 году. Приобрѣти очень скоро извѣстность искуснаго хирурга, онъ обратилъ на себя вниманіе лейбъ-медика Мандта и въ 1851 г. былъ назначенъ чиновникомъ по медицинской части въ распоряженіе самарскаго и оренбургскаго генералъ-губернатора, графа Перовскаго, лично нуждавшагося въ искусномъ врачѣ. Благодаря ходатайствамъ И. В., графъ Перовскій дѣлалъ возможныя облегченія въ положеніи находившихся въ Оренбургскомъ краѣ политическихъ ссыльныхъ поляковъ и русскихъ (въ томъ числѣ А. П. Плещеева). Прослуживъ послѣ того короткое время врачомъ въ Орловской губерніи по вѣдомству государственныхъ имуществъ, И. В., недовольный тогдашними служебными отношеніями и порядками, вышелъ въ отставку и, проживая въ своей орловской деревнѣ, занимался хозяйствомъ и лѣченіемъ окрестныхъ крестьянъ. Обновленіе русской жизни послѣ Крымской войны вызвало И. В. въ 1860 г. на литературную дѣятельность въ Москву, гдѣ онъ возобновилъ литературныя знакомства и связи, начатыя еще въ 40-хъ годахъ въ кружкѣ Гравовскаго, редактировалъ еженедѣльный журналъ «Московский Вѣстникъ», въ которомъ, по расположенію къ нему, принимали участіе И. С. Тургеневъ, М. Е. Салтыковъ, А. Н. Плещеевъ, А. С. Суворинъ и многіе другіе. Самъ И. В. писалъ подъ псевдонимомъ Л. (лѣкаръ) Оптухинъ (Оптуха — названіе его орловской деревни). Въ концѣ 1865 г. государственный контролеръ В. А. Татарцовъ пригласилъ И. В. на службу въ своемъ вѣдомствѣ, и черезъ два года состоялось назначеніе И. В. управляющимъ витебскою контрольною палатою. Въ этой должности онъ прослужилъ

23 года. Полный свѣтъ и неисощимой эвергіи, П. В. проявлялъ въ Витебскѣ выдающуюся дѣятельность. Кромѣ исполненія прямыхъ обязанностей, онъ во время турецкой войны, по приглашенію военнаго министра Д. А. Милютина, завѣдывалъ лазаретомъ Краснаго Креста, а дочери его исполняли обязанности сестеръ милосердія. Лишившись старшаго сына, умершаго отъ ранъ, полученныхъ подъ Плевною, П. В. въ отеческихъ заботахъ о раненыхъ искалъ облегченія своему семейному горю. Въ Витебскѣ, избранный въ члены учительскаго совѣта братства св. Владимира, П. В. принималъ живое участіе въ дѣлахъ этого общества. Тогда же, будучи уже 60 лѣтъ, онъ въ короткое время изучилъ греческій языкъ и перевелъ Этику Аристотеля. Въ 1890 г. онъ былъ переведенъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, на ту же должность въ Орелъ и по прослуженіи еще 5 лѣтъ вышелъ въ отставку. Вдовьившись на покой въ доставшейся ему отъ брата деревнѣ Тульской губерніи, онъ жилъ со своею семьей въ уединеніи и, вѣрный завѣтамъ 40-хъ годовъ, не переставалъ живо интересоваться научными, литературными и общественными вопросами, слѣдя и за успѣхами медицины. Последнее служеніе его родиной выразилось заботами объ основанной имъ школѣ для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и леченіемъ окрестныхъ крестьянъ. На школу и аптеку онъ расходовалъ значительныя средства и по завѣщанію оставилъ нѣкоторую сумму денегъ на дальнѣйшее существованіе школы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10344).

† Ранинъ, Е. К. Въ декабрѣ скончался на островѣ Корфу Евгенийъ Кирьяловичъ Ранинъ, когда-то публицистъ и беллетристъ, писавшій подъ псевдонимомъ Кириллыча. Покойный родился въ 1841 г. и получилъ образованіе въ артиллерійскомъ училищѣ, а затѣмъ въ академіи. Къ нему пришлось, однако, перемѣнить военную службу на гражданскую. Когда въ 1876 г. разгорѣлась сербско-турецкая война, покойный отправился на театръ балканскихъ военныхъ событій добровольцемъ и командовалъ конной полубатареей. Результатомъ воспоминаній объ этой кампаніи явились интересные разказы, въ видѣ цѣлой книги, изданной подъ названіемъ «Сербскихъ разказовъ». Беллетристическая и публицистическая дѣятельность почившаго выразилась въ участіи его во многихъ изданіяхъ періодической печати и большихъ журналахъ. Близкое участіе покойный принималъ въ газетахъ: «Судебномъ Вѣстникѣ», «Голосѣ», «Порядкѣ» и «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ», а изъ журналовъ сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Нивѣ» и друг. Всюду Е. К. былъ желаннымъ гостемъ и полезнымъ работникомъ. Съ 1877 года Е. К. сдѣлался самъ издателемъ, и подъ его редакціей начала выходить существовавшая уже газета «Русскій Міръ». Характеръ этого журнала, до принятія редакторскаго портфеля Е. К., отличался довольно узкими, явно консервативными взглядами. Е. К. Ранинъ обновилъ изданіе, вдохнулъ въ него честныя прогрессивныя мысли и оживилъ газету. Подъ редакціей Е. К. Ранина газета выходила въ теченіе двухъ лѣтъ. Результатомъ писательскихъ трудовъ Е. К. явились въ 1886 г. 14 книжекъ литературнаго сборника, подъ общимъ заглавіемъ «Романисты». Скончался Е. К. на 63-мъ году отъ рожденія. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 661, и «Новое Время», 1904 г., № 10364).

† Трубинковъ, К. В. 8-го декабря скончался послѣ продолжительной бо-
лѣзни хорошо извѣстный въ журнальномъ мірѣ Константинъ Васильевичъ
Трубинковъ. К. В. родился въ 1829 году, образованіе получилъ въ москов-
скомъ дворянскомъ институтѣ и Московскомъ университетѣ. Начавъ службу
въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, В. К. занялся
вскорѣ финансовыми предпріятіями и въ 1857 г. основалъ еженедѣльный
«Журналъ для акціонеровъ», справочнаго характера. Это его первый дебютъ
на издательскомъ поприщѣ и, можно сказать, удачный въ денежномъ отно-
шеніи. Черезъ три года онъ основалъ «Виржевыя Вѣдомости», соединивъ въ
этомъ изданіи «Журналъ для акціонеровъ» и «Коммерческую Газету». «Вир-
жевыя Вѣдомости» при немъ получили распространеніе; въ концѣ шестидеся-
тихъ годовъ сталъ выпускать ихъ двумя изданіями, второе вечеромъ—«Ве-
черняя Газета». Успѣхомъ газеты К. В. воспользовался, чтобы продать ее
В. А. Полетикѣ за крупную сумму, самъ же приобрѣлъ за безцѣнокъ у О. К.
Нотовича «Новое Время». Это было въ 1875 г.; чрезъ годъ же онъ продалъ
«Новое Время» съ барышомъ А. С. Суворину и В. П. Лихачеву. Затѣмъ, изда-
валъ «Финансовое обозрѣніе и вѣстникъ желѣзныхъ дорогъ», основалъ «Вир-
жевую Газету», что въ связи съ другими обстоятельствами заставило Поле-
тику переименовать «Виржевыя Вѣдомости» въ «Молву». Потомъ издавалъ
«Телеграфъ», «Русскій Экономистъ», «Экономическія Извѣстія», «Міровые
Отголоски» (1897—1898 г.г.) и года три назадъ получилъ разрѣшеніе изда-
вать «Русскій Голосъ». Такимъ образомъ, почти вся главнѣя дѣятельность
покойнаго протекла въ издательско-газетныхъ предпріятіяхъ. Кромѣ пред-
пріятій въ журналистикѣ, онъ занимался организаціей различныхъ торгово-
промышленныхъ компаній: былъ учредителемъ банкирскаго дома, основалъ
первое русское телеграфное агентство, былъ директоромъ пароходныхъ об-
ществъ на Волгѣ и на Невѣ и правленія общества «Сельскій Хозяинъ». Имъ
составлено нѣсколько брошюръ по разнообразнымъ вопросамъ, переведены:
«Національная система политической экономіи» Фридриха Листа и «Кредитъ
и его оборотныя средства» гр. А. Вешковскаго. Умеръ онъ 75 лѣтъ, сохра-
нивъ до послѣдняго времени энергію и жизнелюдность. (Некрологи его:
«Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 640, и «Таганрогскій Вѣстникъ», 1904 г.,
№ 327).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ИМѢТЬ случай знать или мелькомъ видѣть большинство лицъ, замѣшанныхъ въ Мейерлингской драмѣ, или, лучше сказать, въ Мейерлингской трагедіи. Когда нибудь поэтъ остановитъ свою мысль на судьбѣ Виттельсбаховъ, и онъ будетъ Эсхиломъ этихъ новыхъ Атридовъ.

Императрицу Елисавету, передавшую сыну одного изъ Габсбурговъ атаквистическую экзальтацію всѣхъ «своихъ», я видѣлъ первый разъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ужасной войны 1875 года. Елисавета верхомъ на лошади скакала по нивѣ, которая простиралась вдоль крутого обрыва. Тонкіе колосья, перемѣшанные съ макомъ, тянулись къ солнцу, чтобы согрѣться отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, дувшаго съ сосѣдняго моря. Углубленная въ воспоминанія о любимыхъ ею древнихъ поэтахъ, наѣздница, выпрямившись на своемъ большомъ конѣ, бока котораго кололи сотни колосьевъ, воображала себя скорѣе королевой амазонокъ, чѣмъ государыней обширной страны, столь же отдаленной отъ ея глазъ, какъ и отъ ея мыслей. Меня охватила дрожь, потому что красавица подѣхала такъ близко къ крутизнѣ обрыва, что мнѣ показалось, будто ей не миновать его. Крикъ ужаса вырвался изъ моего горла. Въ ту же минуту лошадь однимъ прыжкомъ повернула и снова возобновила свою головокружительную скачку чрезъ золотистую ниву. Мѣстные жители мнѣ сказали, что государыня всякій вечеръ предавалась этой неустовой забавѣ, за которую всякій вечеръ владѣльцы полей требовали съ дворецкаго вознагражденія: императрицѣ объ этомъ не говорили, чтобы не прерывать ея любимаго спорта. Будучи страстной наѣздницей, Елисавета подчинялась также таинственному вліянію

моря, которое обожала. Въ ея распоряженіи находилась яхта, но она предпочитала маленькую лодку, на которой отправлялась по волнамъ одна, съ сыномъ мѣстнаго купальщика, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, и достигала сосѣдняго бережка, гдѣ ее ожидали придворныя дамы, пріѣзжавшія въ эту мѣстность въ экипажахъ. Въ лодкѣ она повторяла стихи своего любимаго поэта—Генриха Гейне.

Эта женщина, вѣчно тревожимая несбыточными мечтами, безъ сомнѣнія, желала бы нестись по волнамъ на конѣ, а не плыть въ лодкѣ. Какая-то невѣдомая сила влечетъ всѣхъ Виттельсбаховъ къ невидимой цѣли, и они стремятся къ пропасти. Когда я впервые увидѣлъ австро-венгерскую императрицу, я думалъ, что она упадетъ въ пропасть, разверзшуюся предъ нею въ двухъ шагахъ.

Императора—Франца, какъ его зовутъ подданные—я видѣлъ однажды въ Вѣнѣ, на площади, когда онъ по давней привычкѣ дѣлалъ утренній смотръ гарнизону; его сопровождалъ адъютантъ. Въ его голубыхъ глазахъ, опечаленныхъ пережитыми испытаніями, я замѣтилъ природную меланхолію: его затуманенный грустью взглядъ, казалось, говорилъ: «Къ чему всѣ эти легионы?.. Судьба была и будетъ всегда сильнѣе ихъ».

И еще видѣлъ его въ Бургъ-театрѣ, который онъ усердно посѣщалъ до траура, быстро слѣдовавшаго одинъ за другимъ. На этотъ разъ съ нимъ былъ сынъ и невѣстка, эрцгерцогъ Рудольфъ и эрцгерцогиня Стефанія.

Наслѣдный эрцгерцогъ былъ высокаго роста, тонкій, нервный и лихорадочный, съ умнымъ, безпокойнымъ лицомъ, рѣзкими болѣзненно-судорожными движеніями.

Свѣтловолосая эрцгерцогиня Стефанія была въ тюлевомъ платьѣ съ кружевной отдѣлкой, которое обнаруживало ея гибкую талію и красивыя плечи.

Наслѣдный эрцгерцогъ былъ разсѣянъ и безпокоенъ; онъ болѣе интересовался хорошенькими вѣнками, красовавшимися въ ложкахъ и креслахъ, чѣмъ комедіей, дававшейся на сценѣ. Эрцгерцогиня сидѣла справа отъ тестя; отъ восторга, возбуждаемаго ею въ толпѣ, она казалась счастливой, но безъ спеси и гордости. Если бъ она сидѣла ближе къ зрителямъ, то слышала бы ихъ замѣчаніе: «Красивая у насъ будетъ императрица!»

Такова показалась мнѣ эрцгерцогиня Стефанія въ Бургъ-театрѣ; такую же она явилась предо мною въ трагически-знаменитомъ Мирамарѣ.

Что касается красавицы Маріи Вечеры, то однажды вечеромъ въ Оперѣ мнѣ показала ее одна особа, состоящая при французскомъ посольствѣ, и рассказала о городскихъ слухахъ на ея счетъ. Я увидѣлъ молодую женщину, не очень высокаго роста, довольно полную, съ матовымъ цвѣтомъ лица и нѣсколько толстымъ носомъ, слегка вздернутымъ. Ея лицо ничего не представляло бы замѣча-

тельнаго, если-бъ не два сѣрыхъ глаза, безподобной красоты и нѣжности.—«Бархатные глаза,—сказалъ я,—если только позволено употребить такое пошлое сравненіе».—«Бархатные или мрачные!»—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

I.

Эрцгерцогъ Рудольфъ не слылъ въ Вѣнѣ за образцоваго мужа. Вѣнцы, отличающіеся легкимъ нравомъ, совсѣмъ не возмущались разсказами, которые щедро расточала молва о его похожденияхъ. Они говорили себѣ, что самъ отецъ наслѣднаго эрцгерцога, императоръ Францъ-Иосифъ, всѣми уважаемый и почтенный человѣкъ, иногда забывалъ свой долгъ мужа и отца съ венгерскими наѣздниками или французскими актрисами. Всѣмъ было небезызвѣстно, что герцога Рудольфа, посѣщавшаго инкогнито Парижъ, подъ предлогомъ ученыхъ и литературныхъ изысканій, рѣже видѣли въ Национальной Библіотекѣ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ домахъ по сосѣдству съ этимъ памятникомъ работъ и науки. Вѣнцы охотно навываютъ себя нѣмецкими парижанами. Тѣ и другіе особенно сходятся въ томъ, что одинаково питаютъ склонность къ женщинамъ. Никакой вѣнецъ не удивлялся, если видѣлъ своего будущаго государя, вѣдущаго веселую жизнь, какъ большинство его будущихъ подданныхъ. Всѣ были ему благодарны за отсутствіе притворной строгости, которая могла бы показаться упрекомъ для большинства его соотечественниковъ.

Въ Вѣнѣ быстро разнеслась такая исторія. Однажды Рудольфъ отправился со своимъ обычнымъ товарищемъ по увеселеніямъ къ дамочкамъ, живущимъ въ серіозномъ, буржуазномъ домѣ. Въ такихъ домахъ послѣ известнаго часа дверь не открывается, и оттуда уже нельзя выходить: такъ требовала нравственность и officialныя правила. Безъ сомнѣнія, наслѣдный эрцгерцогъ не сучалъ у этихъ дамочекъ, такъ какъ онъ засидѣлся гораздо дольше законнаго часа, въ который должны оканчиваться пиршества въ Вѣнѣ. Полицейскіе сыщики, приставленные охранять принца, дали привратнику исключительное разрѣшеніе нарушить обычай, такъ что честь, оказываемая наслѣднымъ эрцгерцогомъ дому, который охранялъ почтенный придверникъ, стоила добавочнаго наблюденія. Привратникъ пошелъ дальше въ охраненіи эрцгерцога. Онъ поднялъ съ постели свою жену и четверыхъ дѣтей—двухъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ—и далъ въ руки каждому по подсвѣчнику; когда ночью наслѣдный эрцгерцогъ показался на лѣстницѣ, то привратникъ и всѣ его домашніе, въ своемъ лучшемъ нарядѣ и вооруженные свѣточами, отвѣщивали ему низкіе поклоны. Долго принцъ смѣялся надъ этимъ похожденіемъ, о которомъ стало извѣстно лично отъ него.

Народъ также любилъ эрцгерцога, потому что видѣлъ въ немъ хорошаго австрійца. Вопреки зловѣщнымъ предсказаніямъ, которыя расточаютъ публицисты относительно неизбежнаго раздробленія Австро-Венгерской монархіи, несмотря на разладъ, обнаруживаемый въ различныхъ парламентахъ или сеймахъ крайне буйными сценами, въ Австро-Венгріи еще существуетъ много «австрійцевъ», которые не хотятъ быть ни нѣмцами, ни славянами, ни мадьярами, а желаютъ остаться австрійцами старой Австріи. Въ одинъ прекрасный день стало извѣстно, что принцъ Рудольфъ взялся руководить литературно-художественнымъ изданіемъ, посвященнымъ описанію всѣхъ частей государства. Это было нѣчто въ родѣ «энциклопедіи» Австро-Венгріи, — синтетическій трудъ, предназначенный сблизить и соединить элементы, разъединеніе которыхъ, пугавшее однихъ и желательное для другихъ, проявлялось по временамъ. Каково же было удовольствіе вѣнцовъ, когда въ одинъ прекрасный день подъ воротами, соединявшими площадь св. Михаила съ дворомъ Іосифа II, они прочитали на прибитомъ объявленіи слѣдующее: «Описаніе Австро-Венгріи съ иллюстраціями. Редакція въ первомъ этажѣ». Съ этихъ поръ журналисты и писатели имѣли сотрудникомъ одного изъ самыхъ высокихъ лицъ послѣ императора. Литература, патріотическая и національная, водворилась въ старомъ Габсбургскомъ дворцѣ.

Среди этой жизни, полной работъ, удовольствій и общей любви, эрцгерцогъ однажды вечеромъ отправился въ Вургъ-театръ: данали послѣднюю, присланную изъ Парижа, новинку. Едва Рудольфъ вошелъ, какъ замѣтилъ, что большинство зрителей и зрительницъ устремило свои взгляды на ложу перваго яруса, около сцены. Вургъ-театръ считается театромъ абонентовъ и завсегдатаевъ, которые почти всѣ были извѣстны другъ другу, и любопытство присутствующихъ должно быть объяснено неожиданнымъ явленіемъ, новымъ зрѣлищемъ. Дѣйствительно, ложа, на которую такъ всѣ смотрѣли, была занята двумя особами, впервые показавшимися въ театрѣ «общества». Поднялись разспросы: изъ одной ложи задавались вопросы въ другую, изъ кресла — въ кресло: судя по жестамъ очевидно было, что никто не зналъ двухъ иностранокъ.

Эрцгерцогъ повернулся къ ложѣ. Его глаза долго не отрывались отъ болѣе молодой изъ двухъ женщинъ. Послѣдняя быстро замѣтила вниманіе, которое оказалъ ей наследникъ престола. Женщинѣ совсѣмъ не надо видѣть устремленныхъ на нее взглядовъ: она ихъ, такъ сказать, «чувствуетъ». Въ ихъ ложѣ показался молодой гвардейскій офицеръ. Дамы не слышали, какъ онъ вошелъ, а потому не замѣтили его присутствія; онъ обратилъ ихъ вниманіе на любопытство, какое онъ возбудилъ въ зрителяхъ; онъ назвалъ имъ по имени всѣхъ, собравшихся въ залѣ высокопоставленныхъ лицъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ. Казалось,

ему доставляла удовольствіе ревность, которую онъ возбудилъ въ присутствующихъ, выдавая себя за друга особъ, замѣченныхъ всѣми и въ то же время неизвѣстныхъ никому. Мужчинамъ очень льститъ знакомство съ хорошенькой женщиной: сколько удовольствія доставляетъ ему, а болѣе того «смака», болтовня съ женщиной, которою любятъ всѣ, но онъ одинъ ее знаетъ.

Офицеръ всталъ. Онъ вышелъ, чтобы появиться на минуту въ ложѣ эрцгерцога Рудольфа. Покинувъ обѣихъ женщинъ онъ увидѣлъ въ коридорѣ адъютанта наслѣдника; онъ попросилъ его слѣдовать за нимъ къ его высочеству: ходьба взадъ и впередъ адъютанта мимо ложи и прочія уловки не ускользнули отъ заинтересованныхъ присутствующихъ. Ясно было, что завязавшійся разговоръ между эрцгерцогомъ и гвардейскимъ офицеромъ касался двухъ незнакомыхъ, и что первый спрашивалъ у послѣдняго подробныхъ свѣдѣній относительно его двухъ пріятельницъ. Затѣмъ взглядъ принца оторвался на мгновеніе отъ ихъ ложи, и разговоръ между нимъ и офицеромъ продолжался еще нѣсколько минутъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ шелъ о службѣ молодого офицера и его будущемъ: молодой человекъ предвидѣлъ повышение въ чинахъ, котораго совсѣмъ не подозрѣвали его друзья.

Когда послѣдній занялъ свое мѣсто въ оркестрѣ, то не могъ избѣжать вопросовъ. Онъ на это не сердился, такъ какъ знаетъ секретъ одному—чрезвычайно пріятно; заставляя спрашивать себя, его понемному разоблачасшь. Въ этомъ случаѣ поступаютъ, какъ тѣ путешественники, которые вдругъ скажутъ вамъ: «Да, то, что вы рассказываете, напоминаетъ мнѣ похождение одной маленькой тонкинской жительницы, которую я купилъ за пятнадцать франковъ на границѣ Юнана у пиратовъ, готовыхъ произвести надъ ней насиліе; ихъ было пятнадцать».—«О ужасъ!—восклицаетъ дама,—и какъ вамъ удалось ее спасти?»—«Очень просто!». И путешественникъ начинаетъ свою исторію. Молодой гвардейскій офицеръ поступилъ также и рассказалъ не только то, что знаетъ о незнакомкахъ, но даже болѣе.

Онъ сообщилъ, что дама постарше — баронесса Вечера; молоденькая же—одна изъ ея дочерей. Отца не было на свѣтѣ. Онъ былъ венгерскій мелкій дворянинъ изъ окрестностей Пресбурга, и такъ или иначе, но принадлежалъ къ дипломатіи. Вечера былъ извѣстенъ въ молодости, какъ драгоманъ австрійскаго посольства при султанѣ. Въ Константинополь онъ женился на молодой дѣвушкѣ, гречанкѣ, г-жѣ Батаджи. Ея отецъ, уроженецъ Хиуса, «острова вина», былъ истиннымъ потомкомъ царя Итаки, однимъ изъ тѣхъ предприимчивыхъ и ловкихъ островныхъ грековъ, какихъ въ наше время находится менѣе въ самой Греціи, чѣмъ въ Марсели, Александріи и Перу. Сначала онъ служилъ въ одномъ парижскомъ банкѣ—банкѣ Лафитъ, затѣмъ возвратился

на Востокъ, гдѣ принялъ австрійское подданство, чтобы жениться на дѣвицѣ Лорелль, которая ему подарила десятерыхъ дѣтей. Онъ велъ торговлю въ Константинополь и Смирнѣ, и нажилъ громадное состояніе, что позволило ему дать блестящее приданое дочерямъ. Венгерскій дворянчикъ, баронъ Вечера, устроилъ недурное дѣльце, женившись на одной изъ нихъ. Но милліоны скоро были прожиты. Вечера умеръ тому два года въ Александріи. Его вдова и двѣ дочери—Марія и Ганни—прибывъ въ Вѣну, поселились въ кокетливомъ домѣ. Всѣ эти справки молодой гвардейскій офицеръ собралъ въ Александріи, откуда онъ началъ свое путешествіе по Нилу. Предъ зрителями находилась старшая изъ двухъ дочерей, шестнадцатилѣтняя Марія Вечера, очаровательный полураспустившійся цвѣтокъ. Судя по любопытству, какое возбуждало первое появленіе молодой дѣвушки въ Вѣнѣ, городѣ, въ которомъ, однако, не было недостатка въ обворожительныхъ женщинахъ, ей скоро предстояло сдѣлаться модной женщиной: «львицей дня», какъ говорили французы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—«профессиональной красавицей», какъ говорятъ англичане въ наше время.

Предположеніе оправдалось въ концѣ представленія. Всѣ поспѣшили къ перистилію и ожидали появленія новоприбывшихъ. Особенно женщины хотѣли разсмотрѣть поближе молодую дѣвушку. Онѣ нашли, что Марія Вечера была не менѣе хорошенькой и вблизи. Нѣкоторые изъ нихъ отваживались утверждать, что ея носъ былъ нѣсколько коротокъ и недостаточно тонокъ, а лицо—чрезмѣрно широко; но всѣ были одного мнѣнія относительно нѣжности ея взгляда, очаровательнаго рта и блестящаго цвѣта лица. Въ свою очередь явился и эрцгерцогъ Рудольфъ; онъ остановился. По вниманію, съ какимъ онъ разсматривалъ молодую незнакомку, самые непроницательные понимали, что онъ не нашелъ въ ней никакого недостатка и любовался всѣми совершенствами ея красоты, безъ исключенія.

Воспламененный красотой баронессы Маріи Вечера, Рудольфъ не замедлилъ приблизиться къ обѣимъ иностранкамъ при посредничествѣ молодого гвардейскаго офицера, который сообщилъ ему свѣдѣнія о нихъ. Когда первое лицо, которое проситъ быть представленнымъ женщиנѣ, только что пріѣхавшей въ страну—король или ея будущій государь, то женщинѣ это только можетъ льстить, и она не закроетъ передъ нимъ своей двери. Такъ было и съ баронессой Вечера. Черезъ день послѣ встрѣчи въ Бургъ-театрѣ, Рудольфъ явился въ домъ на Залезаниергассе и былъ принятъ.

Онъ сталъ являться туда часто. Съ простыми искательницами приключеній, сентиментальными модистками, женами чиновниковъ, гоняющимися за повышеніемъ мужей, и бездѣльными аристократками,

вѣроятно, искусъ былъ бы сокращенъ: послѣ второго или третьяго свиданія эрцгерцога былъ бы проведенъ пзъ салона въ интимныя комнаты. Ловкія же левантинки, не стогариваясь, поняли выгоду, какую представляла имъ эта неожиданная находка. Чего же онѣ въ дѣйствительности хотѣли? Чего искать онѣ пріѣхали въ Вѣну? Мужа для юныхъ баронессъ? Уже женатый эрцгерцогъ не могъ быть желаннымъ мужемъ. Какъ ни велика была женская самонадѣянность, но надо признать, что въ первые дни мать и дочь не предусматривали возможности развода, который поставилъ бы баронессу на мѣсто эрцгерцогини Стефаніи.

Имъ было достаточно, чтобы на нихъ простерлось покровительство наслѣдника престола: это была единственная цѣль, которую онѣ мѣтили.

Благодаря его участію, изъ котораго онѣ извлекли пользу, закрытыя двери дворцовъ самой высшей аристократіи на Герренгассѣ, Миноритской и Лобковской площадяхъ широко раскрылись для ихъ мелкаго дворянства. Не было такого вечера или введенныхъ въ моду княгиней Меттернихъ съ благотворительною цѣлью, представленій, для устройства которыхъ она набирала артистовъ изъ семействъ, группировавшихся, какъ рыцари Габсбурговъ, вокругъ императорскаго замка, — не давалось ни одного празднества, на которомъ не бывали бы обѣ баронессы Вечера. Пригласить ихъ—значило быть увѣреннымъ въ присутствіи наслѣднаго эрцгерцога, до сихъ поръ показывавшагося лишь на необходимыхъ церемоніяхъ. Женщины чувствовали ревность отъ предпочтенія, выказаннаго наслѣднымъ эрцгерцогомъ семнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, происхождение и родство которой было мало извѣстны. Онѣ ей прощали, зная, что герцогъ капризенъ, и говорили себѣ: «Если дѣвчонка сдастся, то она скоро ему наскучитъ; въ противномъ же случаѣ онъ не привяжется къ ней такъ сильно и возвратится къ болѣе легкимъ похождениямъ, которыя ему нравились». Мужчины не оставались равнодушны къ красотѣ Маріи; вниманіе наслѣднаго эрцгерцога, предметомъ котораго явно была она, дѣлало ихъ осторожными. Они окружали ее уваженіемъ, съ цѣлью заслужить ея симпатію, но не желали какими нибудь знаменательными поступками или разговорами возбудить подозрѣнія слѣдившаго за нею эрцгерцога.

Были и такіе, которыхъ не останавливали эти соображенія, какъ, напримѣръ, графъ Алоизіи Л., наслѣдникъ если, не короны, то, по крайней мѣрѣ, одного изъ самыхъ знаменитыхъ именъ австрійской аристократіи и, можетъ быть, самый красивый, самый изящный, самый гордый изъ молодыхъ вельможъ двора Франца-Иосифа. Онъ открыто передъ всѣми выказывалъ къ Маріи Вечерѣ такой пылъ, какой пожилые царедворцы называли неосторожнымъ и нескромнымъ. Онъ также бывалъ на всѣхъ празднествахъ, которыя

украшала своимъ присутствіемъ красавица «дѣвчонка». Когда Рудольфъ, все-таки принужденный соблюдать нѣкоторыя предосторожности, оставлялъ свободное мѣсто возлѣ красавицы, то Алоизій Л. спѣшилъ занять его. Онъ первый являлся приглашать на танцы Марію, велъ ее въ буфетъ и провожалъ до кареты. Молодые дѣвушки не безъ зависти смотрѣли на предпочтеніе, оказываемое Алоизіемъ Л. этой неожиданной соперницѣ. Онѣ опасались, чтобы въ одинъ прекрасный день онъ не сдѣлалъ ея своей женой. Нѣмецкія страны привыкли къ бракамъ, продиктованнымъ единственно любовью. Тамъ, гдѣ принцы женятся, если не на пастушкахъ, то на наѣздницахъ цирка, совсѣмъ неудивительно, что аристократъ самой высшей пробы женится на дочери мелкаго дворянина, потому что она красавица, и онъ ее любитъ. Аристократія, твердо установленная и неоспоримая, которая занимаетъ въ государствѣ видное мѣсто, можетъ позволить себѣ сентиментальныя фантазіи; онѣ менѣе унижаютъ ее, чѣмъ браки на деньгахъ, посредствомъ которыхъ пришедшая въ упадокъ аристократія разсчитываетъ подняться.

Около Маріи видѣли еще нѣкоего финансиста, введеннаго въ ихъ домъ однимъ изъ дядей молодой дѣвушки, братомъ матери, однимъ изъ десяти дѣтей Батаджи. Двое или даже трое Батаджи жили въ Вѣнѣ: два брата баронессы Вечера и сынъ одного изъ нихъ. Изъ двухъ братьевъ одинъ занимался денежными дѣлами, другой спортомъ: денежными дѣла и лошадиный спортъ близки другъ другу; все что, касается азартныхъ игръ или мошенничествъ, нравится левантинцамъ. Горбоносый банкиръ съ начинающимъ отрастать животомъ и рѣдѣющими волосами, другъ биржевика Батаджи, желалъ дворянскаго титула. Замѣтивъ благоволеніе, оказываемое наслѣдникомъ престола дамамъ Вечера, онъ не сомнѣвался, что, женившись на Маріи, найдетъ въ ея свадебной корзинѣ, въ которую вложить свои деньги, желанный дворянскій патентъ. Онъ осыпалъ баронессу Вечера подарками, Марію вниманіемъ, а дядю Батаджи превосходными биржевыми свѣдѣніями и все шло какъ нельзя лучше.

Батаджи спортсменъ, весь отдавшись, лошадямъ, мало показывался у своей сестры. Напротивъ, его сынъ приходилъ ежедневно. Молодой, двадцатидвулѣтній, Батаджи выказывалъ къ Маріи ревностную привязанность: онъ любилъ ее. Когда она обращалась къ нему съ благосклонными словами, все его лицо, на которомъ блестяли два черные глаза, сіяло счастіемъ: когда же она отправлялась на балъ, гдѣ его не было, онъ дѣлался сумрачнымъ, скрежеталъ зубами, его ноздри раздувались, а по его глазамъ, въ которыхъ пробѣгала зловѣщая молнія, можно было угадать челоуѣка, готоваго на всякаго рода насиліе. Молодую дѣвушку забавляла страсть двоюроднаго брата; она не считала ее серіозной. Говоря о немъ, она замѣчала: «Мой двоюродный братъ! Это — мой пудель. Если на меня нападутъ, то онъ укусит!»

Кто можетъ порицать Марію, что она такъ легко предалась заманчивой живни, какую доставила ей Вѣна со дня ея пріѣзда. Наслѣдный эрцгерцогъ не скрывалъ восторга, возбужденнаго въ немъ Маріей; у нея заискивалъ молодой вельможа, носившій высшее аристократическое имя; ея капризамъ предоставлялось богатство, а ей предлагалась сильная преданность. Ласкавшая ее дѣйствительность превосходила всѣ мечты, какими льстило себя самое тщеславное воображеніе. Застѣнчиво появившись въ Вѣнѣ, гдѣ ея не знали, Марія была принята тамъ улыбкой Фортуны и благосклонностью судьбы. Радость побѣды озарила ея молодое лицо и сдѣлала его еще обворожительнѣе: счастье — вторая красота.

II.

Однажды Алонзій Л. съ озабоченнымъ видомъ сообщилъ Маріи извѣстіе о своемъ близкомъ отъѣздѣ за границу. Безъ личнаго ходатайства Алонзія, императоръ назначилъ его при одномъ изъ посольствъ военнымъ агентомъ вмѣсто прежняго, отозваннаго въ Австрію. Молодому дипломату было невозможно отказаться отъ назначенія своего государя: отказъ былъ-бы неповиновеніемъ, а повинъ всегда повинуются.

Прежде чѣмъ уѣхать, Алонзій хотѣлъ заручиться обѣщаніемъ руки Маріи. Пріянявъ предложеніе сдѣлаться въ одинъ прекрасный день его женою, Марія Вечера должна была присоединиться къ нему въ столицѣ, куда его посылали. Это обѣщаніе было дано ею среди обильныхъ слезъ.

Нѣсколько дней спустя, банкиръ увѣдомилъ своего друга, Батаджи, что неожиданныя дѣла призываютъ его въ Америку, можетъ быть, на долгіе мѣсяцы. Онъ также наскоро распрощался съ обѣими женщинами, но не потребовалъ отъ Маріи никакого обѣщанія. Подробныя объясненія имъ далъ Батаджи; по его словамъ, при посредствѣ надежной личности, банкиръ получилъ тайное предупрежденіе, которое, надо думать, принудило его къ столь внезапному отъѣзду. Въ случаѣ его сопротивленія, правительство сунуло бы носъ въ его дѣла, и банкиръ предпочелъ уѣхать.

Оба эти отъѣзда, явившіеся одинъ за другимъ съ внезапностью грома, освѣтнвшаго безоблачное небо, взволновали Марію Вечеру; суевѣрная, какъ всѣ левантинки, она думала, что ее наказало небо за необычайное счастье.

— Богъ меня наказываетъ,— сказала она Рудольфу,— потому что вы простерли на меня ваше расположеніе, и онъ, по всей вѣроятности, нашелъ, что я отъ этого слишкомъ возгордилась... На мнѣ женились бы уѣхавшіе. Мнѣ стоило бы только рѣшить мой выборъ...

— Но, я также на васъ жениюсь, если вы хотите, Марія.

Отъ этой неожиданности Марія, широко открывъ глаза, безмолвствовала. Рудольфъ въ болѣе энергичныхъ выраженіяхъ еще разъ повторилъ напрямикъ сдѣланное заявленіе. Затѣмъ онъ признался, что по его приказанію Алоизій Л. отправился за границу съ порученіемъ, а банкиръ покинулъ Австрію; онъ немогъ перенести, чтобы другой мужчина поднималъ глаза на Марію. И такъ какъ, не безпокоясь и даже не замѣчая его любви къ ней, молодая дѣвушка общалась свою руку другому, то кто бы онъ ни былъ, но это обязательство надо было нарушить, чтобы замѣнить другимъ. Не все ли ему равно, что онъ женатъ? Какъ многіе браки государей, разводъ нарушить заключенный бракъ дипломатическимъ путемъ, не касаясь склонности обоихъ супруговъ. Если затрудненія явятся со стороны императора или Рима, то эрцгерцогъ угрожалъ бы отречься отъ своихъ правъ на отцовское наслѣдіе, зная, что его царствованія нетерпѣливо ожидали тѣ, кого унижалъ упадокъ Австро-Венгрии, и кто мечталъ объ ея возстановленіи, подъ управленіемъ молодого и рѣшительнаго государя; онъ не сомнѣвался, что его угроза остановитъ всѣ возраженія, и передъ его волей приклонятся.

Можетъ быть, женщина не столь нѣжнаго возраста, имѣющая хотя слабый опытъ въ жизни и людяхъ, раздумавъ, спросила бы себя, не внушены ли герцогу эти слова безумной страстью, и не былъ ли главной причиной всего планъ Алоизія относительно брака, о которомъ сообщили Рудольфу. Но нѣтъ. Есть ли на свѣтѣ столь благородная и серьезная женщина, которая, видя у своихъ ногъ будущаго императора, устояла бы противъ этого соблазна; которая, увидавъ у себя подъ рукою императорскую корону, не овладѣла бы ей прежде всего; которая, ради мѣста среди королевъ и императрицъ, не забыла бы обѣщаній любить и взаимныхъ клятвъ?

— Вы это сдѣлаете?—спросила Марія:—вы это сдѣлаете!—повторила она, не находя другихъ словъ для выраженія мыслей, съ трудомъ понимаемыхъ ею, которыя перепутывались въ ея семнадцатилѣтней головѣ. Рудольфъ отвѣтилъ ей уста къ устами, крѣпко прижавъ ее къ себѣ. Они были одни въ комнатѣ, убранной повосточному и украшенной низкими турецкими диванами. Никакой шумъ не доходилъ извнѣ, чтобы напомнить имъ о дѣйствительности. Молодая дѣвушка была опьянена грезами, которыя унесли ее къ сказочной будущности. Охватившее ее опьяненіе, мало-по-малу, отняло у нея мысль о сопротивленіи, о чувствѣ самоличности и самосознаніи. Болѣе привычный повиноваться своей чувственности, а не повелѣвать ею, Рудольфъ не раздумывалъ долго. Онъ не спросилъ себя: свободно ли существо, которое онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ, властно ли оно надъ своими дѣйствіями; и самъ онъ не злоупотребляетъ ли минутой безумія? Онъ чувствовалъ близость нѣжнаго тѣла, трепетавшаго въ его объятіяхъ, со-

дрогавшагося, отъ его ласкъ, въ то время, какъ ротъ, который онъ осыпалъ поцѣлуями, полуоткрывался для нихъ; онъ видѣлъ, какъ ея прекрасные глаза, которые онъ такъ любилъ, безвольно полумакрывались. Чувствовалъ ли онъ, видѣлъ ли все это? Онъ ничего болѣе не видѣлъ... Желаніе уничтожило всякое другое чувство, кромѣ жажды удовлетворенія этого желанія. Человѣческая мысль, казалось, приостановилась въ опредѣленный моментъ, когда человѣкъ передаетъ жизнь другому существу такъ же, какъ она останавливается въ тотъ моментъ когда совершается тайна смерти...

III.

Если бы онъ примѣнилъ къ ней свои прежнія привычки пресыщеннаго развратника, желающаго всего и ничѣмъ болѣе не удовлетворяющагося, то, овладѣвъ хорошенькою семнадцатилѣтнею «дѣвчонкою», эрцгерцогъ, вѣроятно, устремился бы на другія жертвы. Конечно, его удерживало совсѣмъ не воспоминаніе принятыхъ на себя обязательствъ, какъ бы ни былъ по обыкновенію великодушень его умъ. Мужчины съ своимъ эгоизмомъ всегда найдутъ средства согласовать правила общей нравственности съ ихъ личными удобствами: то, что трудно бѣдному, простому гражданину, становится легкимъ для богача, тѣмъ болѣе для наслѣдника престола.

На этотъ разъ обладаніе женщиной не насытило его желанія. Когда Рудольфъ покидалъ объятія своей любовницы, онъ только и мечталъ о томъ моментѣ, когда снова ее увидитъ. Что было въ ея тѣлѣ и крови, что онъ желалъ ее еще и всегда? Покорила ли его противоположность, которая сталкиваетъ двѣ различныя расы, одну съ другою, лучше сказать, наталкиваетъ одну противъ другой? Покорила ли бѣлокурога сѣвернаго нѣмца черноволосая южная гречанка? Была ли это побѣда сѣрыхъ глазъ надъ голубыми? Былъ ли это, какъ всегда случается, тотъ часъ, когда и мужчина, свысока относящійся къ женщинамъ, преклоняетъ колѣно предъ одной изъ нихъ—моментъ, когда Донъ-Жуанъ унижается? Или просто это было потому, что наслѣдникъ престола полюбилъ первый разъ въ жизни?

Съ каждымъ днемъ Рудольфъ сильнѣе привязывался къ своей любовницѣ. Когда ему приходилось послѣ короткаго свиданія разставаться съ нею, онъ испытывалъ глубокую болѣзненную печаль, какъ будто какіе-то когти разрывали его тѣло кусками.

Эти короткія свиданія все чаще и чаще устраивались нѣкоей графиней Ларншгъ, «доброй хозяйкой» любовныхъ интригъ Рудольфа. Рожденная баронесса Валерве, тѣхъ же лѣтъ, что и наслѣдный принцъ, эта женщина приходилась племянницей императрицѣ Елисаветѣ,

какъ единственная дочь герцога Людвигъ Баварскаго, который имѣлъ ее отъ своего морганатическаго брака съ актрисой Генриетой Мендель. Еще ребенкомъ она была взята на воспитаніе императрицей Елисаветой. Назначенная придворной дамой, графиня вышла замужъ за графа Лариша, и Елисавета сама вела ее къ алтарю въ венгерскомъ замкѣ Гёдёлё. Рудольфъ очень любилъ общество этой двоюродной сестры, которая изъ его повѣренной превратилась въ посредницу его любовныхъ походовъ. Начитавшись Мольера, онъ удержалъ въ памяти «Фрозину» и прозвалъ такъ свою двоюродную сестру. Въ настоящемъ случаѣ ея услуги были ему нужны, и онъ не замедлилъ прибѣгнуть къ нимъ.

Своей предупредительностью и подарками, которые ей ничего не стоили, Фрозина добилась довѣрія баронессы Вечеры. Она прѣзжала за Маріей, брала ее то на прогулку, то съ визитомъ, то на торжество и немедленно передавала въ объятія ея любовника.

Такимъ образомъ, вскорѣ графиня явилась для всей семьи, какъ бы посланницей Провидѣнія, избравшаго ее перевязать имъ рану, нанесенную ревнивой судьбою, и снова разлить надъ ихъ домомъ благоденствіе и радость. Дядя Батаджи не могъ утѣшиться послѣ отъѣзда своего пріятели-банкира, и подъ предлогомъ своего знакомства со всѣми тайнами политики и финансовъ Фрозина давала совѣты относительно того или другого помѣщенія денегъ, той или другой спекуляціи. Никогда не видывали болѣе надежной и болѣе безкорыстной преданности, какъ ея. Батаджи, какъ добрый левантинецъ, совсѣмъ не безпокоился поглубже задуматься о причинахъ особаго расположенія графини къ его сестрѣ и о сплетняхъ достигавшихъ его ушей. «Счастливымъ всегда завидуютъ», говорилъ онъ самъ себѣ. Такая основательная мысль вполнѣ умиротворила его совѣсть.

Счастливымъ? Дядя Батаджи былъ имъ навѣрно; баронесса Вечера, по всей вѣроятности, такъ же, какъ и Фрозина. Но оба любовника были ли одинаково счастливы? На первый взглядъ—да. Когда они находились въ безмолвныхъ апартаментахъ графини Ларишъ, затянутахъ блѣдно-голубой матеріей, имъ едва хватало времени поговорить, такъ они безконечно расточали другъ другу ласки и поцѣлуи. Однако, наступалъ часъ разлуки. Послѣ объятій разговоръ принималъ каждый разъ одинъ и тотъ же оборотъ.

Съ того дня, когда Рудольфъ торжественно обѣщалъ Маріи сдѣлать ее своей женою, воспоминаніе объ этомъ обѣщаніи не покидало ея. Преслѣдуемая этой мыслию, Марія приходила въ неистовство, видя, что обѣщаніе не приводится въ исполненіе. Не то, чтобы она не довѣряла Рудольфу, но, будучи суевѣрной, она боялась неожиданнаго случая, который могъ бы нарушить обязательство. «Королева! Императрица!» Эти два слова постоянно были у нея на губахъ. Она шептала ихъ безпрестанно, какъ старая жен-

щина, бормочущая одну и ту же молитву. Когда она проходила мимо императорскаго дворца, или шла чрезъ его величественные дворы, она никакъ не могла понять, что еще не живетъ въ этихъ апартаментяхъ съ высокими окнами, недалеко отъ громаднаго зала, гдѣ сияетъ тронъ Габсбурговъ.

Наслѣдный эрцгерцогъ успокаивалъ свою любовницу совершенно искренно, безъ лжи и обмана. Дѣйствительно, онъ считалъ серьезной клятву, данную въ страстной лихорадкѣ, и мечталъ сдержать свое слово; но чѣмъ сильнѣе онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе замѣчалъ, что поведеніе наслѣдника престола не можетъ быть тождественно съ поведеніемъ какого нибудь человѣка изъ толпы, и чаще всего онъ менѣе властелинъ надъ своей особой, чѣмъ послѣдній изъ мелкихъ гражданъ, менѣе свободенъ, чѣмъ послѣдній изъ его подданныхъ.

Однажды онъ отважно сообщилъ свой планъ отцу. На это императоръ ему сказалъ:

— Не съ ума ли ты сошелъ, мой сынъ?

А когда Рудольфъ возобновилъ попытку, то отецъ перебилъ его, сказавъ:

— Мой сынъ, я думалъ, что твои припадки безумія прекратились. Прошу тебя никогда не возвращаться къ этой исторіи. Не принуждай меня выселить съ территоріи имперіи эту искательницу приключеній, которая тебя сдѣлала глушцомъ.

Рудольфъ отвѣтилъ ему безъ гнѣва:

— Если ее выселятъ, я вмѣстѣ съ нею отправлюсь съ австрійской территоріи.

Императоръ содрогнулся отъ непоколебимаго тона сына. Онъ долго смотрѣлъ на Рудольфа, который стоялъ предъ нимъ не шевелясь. Гнѣвно сверкавшіе глаза государя омрачились печалью.

Послѣ этого второго свиданія наслѣдникъ престола смутно чувствовалъ, что вокругъ него происходятъ различнаго рода козни и происки.

Онъ замѣтилъ, что за его малѣйшимъ шагомъ шпионятъ. Каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ графинѣ Ларингъ, то видѣлъ у дома господъ, по лицу и внѣшности которыхъ опытный глазъ сразу угадаетъ ихъ профессію. Въ то же время въ разговорахъ съ близкими къ отцу лицами или со значительными политическими личностями, онъ улавливалъ частые намеки на обязанность, которая выпадаетъ на долю будущаго государя. Патеры, начиная отъ придворнаго капелана до папскаго нунція, всѣ вмѣшивались въ это дѣло; они никогда не упускали случая вставлять въ свои разговоры различныя замѣчанія относительно примѣровъ, которые короли обязаны давать своему народу. Всѣмъ онъ отвѣчалъ коротко, сухимъ и рѣзкимъ тономъ, какъ человѣкъ, который хочетъ, чтобы его собесѣдники поняли тщетность вмѣшательства въ дѣла, не касаясь ихъ.

Онъ не могъ сохранить этого приема, когда однажды его мать, императрица Елисавета, потребовавъ его къ себѣ, сказала:

— Мой сынъ, мой любимый Руди, ты знаешь, что уже много лѣтъ я не дѣлала тебѣ ни малѣйшаго замѣчанія и не просила отъ тебя признанія въ твоемъ частномъ поведеніи. Можетъ быть, въ своемъ материнскомъ сердцѣ я и порицала излишества, которымъ ты предавался. Я слишкомъ хорошо понимаю, какимъ искушеніямъ подверженъ человѣкъ, который по своему положенію стоитъ выше другихъ, располагая властью и всѣми средствами, и который даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только самому себѣ. Сегодня съ тобою говоритъ не мать, а императрица. Ты готовъ совершить, мой сынъ, не только ошибку, но и преступленіе.

Рудольфъ при этомъ словѣ вдрогнулъ.

— Да, мой сынъ,—продолжала императрица, замѣтивъ это движеніе:—повторяю, что это—преступленіе. Какъ наслѣдникъ монархіи, изнуренной отъ столькихъ опасностей и угрожаемой столькими врагами, ты не имѣешь права нанести ей ударъ, который, можетъ быть, довершитъ ея погибель. Ты мечтаешь о разводѣ? Я не говорю тебѣ о печали, какую ты причинишь женщинѣ, совсѣмъ не заслуживающей ся; ты самъ знаешь, въ какую скорбь ты ее повергнешь. Подумаешь ли ты о скандалѣ, который загрязнитъ корону, въ скоромъ будущемъ долженствующую увѣнчать тебя? Габсбурги, отъ которыхъ ты происходишь, не заслуживаютъ быть такъ оскорбляемыми и прозираемыми тобою. Умоляю тебя, Рудольфъ, отказаться отъ плана, который равнялся бы отступничеству отъ твоихъ обязанностей, какъ бы измѣнѣ.

— Развѣ вы никогда не любили, мама?—спросилъ Рудольфъ.

— Я любила императора и новую родину, которую онъ далъ мнѣ. Не думаешь ли ты, что я не знала о его заблужденіяхъ въ частной жизни? Я знала обо всѣхъ; добрыя души меня о нихъ предупредили; я прикидывалась, что не знаю о нихъ, жертвуя моими справедливыми чувствами оскорбленной жены для долга государыни и ради тебя, мой дорогой сынъ, императорскаго наслѣдника. Я могла бы отмстить. Я даже признаю право мести какой бы то ни было женщины, которою пренебрегаетъ мужъ. Я отрицаю мечь у государыни, давшей жизнь будущему государю.

— Исторія полна брачныхъ разводовъ королей и императоровъ.

— Есть также императоры и короли убійцы и измѣнники. Прошлыя ошибки не оправдываютъ будущихъ. Тебѣ надо дѣлать то, что ты долженъ, а не то, что другіе дѣлали. Твой долгъ несомнѣненъ, мой сынъ. Невозможно никакое колебаніе. Тебѣ предстоитъ своей энергіей и добродѣтелью поддержать пошатнувшійся тронъ. На тебѣ лежитъ обязанность предъ многими милліонами душъ, для которыхъ ты долженъ пожертвовать своимъ вкусомъ, склонностью, добрыми или злыми желаніями. Ты не имѣешь права безчестить

себя, своихъ предковъ, родителей и подданныхъ безразсуднымъ поступкомъ, который покроетъ ихъ позоромъ.

Рудольфъ всегда выражалъ матери глубокую любовь и уваженіе, полное нѣжности. Первый разъ она говорила съ нимъ такъ строго.

— Я увѣрена, что ты передашь мои замѣчанія женщинѣ...

— Которой я далъ слово.

— Она тебѣ вернетъ его.

— Или умретъ.

— Если она тебя дѣйствительно любитъ, то пожертвуетъ безумными мечтами, какія она создала себѣ.

— Я зародилъ ихъ въ ея умѣ; я самъ ея искалъ. Ея руки просили, и я самъ умолялъ ее отказаться отъ всѣхъ предложеній, чтобы сдѣлаться моею женою.

— Надо, чтобы она считала себя съ этихъ поръ твоею вдовою. Ты долженъ для нея умереть, если хочешь жить для твоей страны, для твоей миссіи. Своимъ добровольнымъ отказомъ она обезпечитъ себѣ уваженіе тѣхъ, у кого душа возвышенна, а чувства благородны: лишь о нихъ однихъ мы должны заботиться. Она не увидитъ выраженія обязательнаго почтенія и официальныхъ привѣтствій, но она будетъ имѣть право гордиться исполненнымъ долгомъ. Ты долженъ дѣйствовать лучше другихъ, мой сынъ, потому что ты выше другихъ. Возвративъ тебѣ свободу, эта женщина станетъ выше тебя, который выше всего свѣта.

— Вы приговорили бы меня къ безконечной печали и вѣчному несчастію.

— А мнѣ развѣ весело? Развѣ я счастлива? Наши подданные имѣютъ право на счастье; мы должны имъ его обезпечить цѣною всевозможныхъ страданій и всевозможныхъ жертвъ.

Рудольфъ замолчалъ. Императрица, которая все время сидѣла, теперь встала.

— Мой дорогой сынъ, мой любимый Руди,—сказала она менѣе увѣреннымъ голосомъ; — я тебѣ недавно говорила, что не мать съ тобою говорить, а императрица. Такъ, нѣтъ, твоя мать также тебя закликаетъ не довершать печали, которую она уже перенесла, не причинять ей горя, котораго она не сможетъ вынести. Я перенесла всѣ мои надежды, честолюбіе и гордость на дорогую мнѣ голову. Единственное благо, которое меня привязываетъ къ жизни, это—ты; единственное счастье, которое я теперь ожидаю,—придетъ отъ тебя. Моя судьба, мое существованіе, можетъ быть, зависятъ и отъ твоей воли. Ты произнесешь мой приговоръ.

Императрица вышла изъ комнаты, и Рудольфъ даже не замѣтилъ ея ухода, настолько его поглотили слышанныя имъ слова. Барабанный бой и вскорѣ послѣдовавшіе за нимъ трубные звуки

вывели его изъ оцѣненія, въ которое онъ погрузился. Безсознательно онъ пошелъ по направленію къ звукамъ и приблизился къ окну. Приподнявъ занавѣсъ, онъ увидѣлъ прибывшій батальонъ, который, замѣщая смѣнявшуюся съ караула гвардію, явился охранять императорскій дворецъ. Офицеры привѣтствовали другъ друга. По ихъ командѣ солдаты выравнились. Появился императоръ. Онъ отвѣтилъ на привѣтствіе офицеровъ, прошелъ въ открытые ряды батальона, останавливаясь передъ солдатами и разговаривая съ ними. Затѣмъ онъ всталъ, и предъ нимъ прошелъ отрядъ. Смѣнявшаяся съ караула гвардія направилась въ казармы, тогда батальонъ, который принялъ караулъ, вступилъ въ свои обязанности. Императоръ вернулся во дворецъ. Ежедневно, въ продолженіе сорока лѣтъ, какая бы ни была погода, Францъ-Иосифъ исполнялъ этотъ долгъ въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ; лучше, чѣмъ когда либо, Рудольфъ теперь понималъ символическое величіе отцовскаго поведенія.

Въ тотъ же вечеръ придворная дама, въ сопровожденіи камергера, явилась къ баронессѣ Вечерѣ и отвезла ее во дворецъ. Несмотря на свои вопросы, баронесса ничего не могла узнать отъ провожатыхъ, которые, впрочемъ, и сами не знали причины этого приглашенія. Взволнованная и обезпокоенная, она прошла черезъ цѣлый рядъ залъ и прихожихъ, гдѣ сидѣвшіе на скамьяхъ лакеи вставали съ своихъ мѣстъ, когда она проходила. Подымаясь съ лѣстницы на лѣстницу, переходя изъ однихъ апартаментовъ въ другіе, они достигли, наконецъ, двери, предъ которой стоялъ офицеръ. Оба проводника, откланявшись, покинули баронессу Вечеру. Въ свою очередь ей поклонился и офицеръ. Онъ пропустилъ ее въ охраняемыя имъ комнаты и прошелъ вмѣстѣ съ нею черезъ три знаменитыхъ залы, гдѣ наслѣдникъ собралъ всѣ охотничьи трофеи: здѣсь были первый убитый имъ медвѣдь, орлы, ястребы и его старая собака Ълакъ; второй залъ былъ переполненъ оружіемъ: тамъ въ витринѣ хранилась его первая охотничья продырванная шляпа; наконецъ въ третьемъ залѣ находились убитыя Рудольфомъ двѣ бѣлыя серны.

За третьимъ заломъ, въ рабочемъ кабинетѣ, точно также отдѣланномъ, стоялъ, ожидая ее, эрцгерцогъ Рудольфъ. Когда показалась баронесса Вечера, онъ послѣшилъ ей навстрѣчу, сдѣлалъ офицеру знакъ удалиться и самъ проводилъ за руку баронессу до низкаго кресла, поставленнаго съ правой стороны широкаго письменнаго стола, заваленнаго бумагами. Самъ онъ сѣлъ предъ столомъ въ кресло съ высокой спинкой, обитое кожей.

Тотчасъ же, не останавливаясь на пошлыхъ вѣжливостяхъ, онъ лихорадочно, началъ разговоръ, держа руку у глазъ и иногда останавливаясь, чтобы сдержать рыданіе или перевести духъ. Онъ ска-

валь баронессѣ, вслѣдствіе какого горестнаго обстоятельства и ка-кого непреодолимаго вѣшателства онъ принужденъ просить у ея дочери возвратить ему торжественную клятву, которую далъ ей.

— Пусть она забудетъ меня!—сказалъ онъ.—Я же никогда ея не забуду. Габсбурги всегда будутъ покровительствовать ей и ея близкимъ. По приказанію императора князь Алоизій, просившій ея руки, будетъ призванъ въ Вѣну. Марія осталась достойна его. (Рудольфъ лгалъ и зналъ, что жетъ; но есть случаи, когда ложь обязательна).

— Князь Алоизій Л.,—сказала баронесса Вечера:—уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ намъ болѣе не писать.

— Я знаю другихъ, которые желаютъ добиться этой чести...

— Одни изъ нихъ уѣхали, другіе отдалились отъ насъ. Мой племянникъ Батаджи одинъ остался вѣренъ моей дочери.

— Онъ женится на ней, мы осыплемъ ихъ обоихъ милостями. Онъ будетъ знать, что его жена едва не сдѣлалась императрицей, и, конечно, это не будетъ причиной его презрѣнія къ ней. Она можетъ быть счастлива съ любящей матерью и мужемъ, который ее обожаетъ. Я же никогда не узнаю счастья.

.....
Марія Вечера слушала разсказъ матери, устремивъ глаза въ пространство и совершенно уничтоженная. Когда онъ былъ оконченъ, она сказала только эти слова: «Негодяи! негодяи! негодяи!»

Она бросилась на кровать, заливаясь слезами. Мать на минуту вышла, и она осталась одна. Открывъ ящикъ въ столикѣ, въ которомъ лежали различные предметы, она схватила одинъ изъ нихъ: это былъ маленькій револьверъ съ серебряной рукояткой. Живя одинъ, обѣ женщины всегда имѣли подъ рукою, возлѣ кровати, револьверъ. Марія Вечера хотѣла убѣдиться, не испорченъ ли онъ; увидѣвшисъ, что онъ въ порядкѣ, она положила его на прежнее мѣсто, и снова въ отчаяніи опустила на постель.

.....
Нѣсколько дней спустя, въ Вѣнѣ только и было разговора, что о примиреніи императора съ сыномъ и Руди съ эрцгерцогиней Стефаніей. Хорошо освѣдомленные люди—а такихъ всегда много—утверждали, что эрцгерцогиня послала въ Брюссель къ отцу, Леопольду II, слѣдующую депешу. «Возношу къ небесамъ мои молитвы. Ваша дочь снова безконечно счастлива. Стефанія (Ich jauchse ein Alleluia zum Himmel empor! Eure Tochter est wieder glücklich, unermässlich glücklich. Stephanie)». Съ другой стороны распространилось извѣстіе о помолвкѣ баронессы Маріи Вечера съ ея двоюроднымъ братомъ Батаджи.

Такимъ образомъ, когда на вечерѣ, данномъ нѣмецкимъ посланникомъ, княземъ Рейссомъ, гдѣ присутствовали императоръ Францъ-Иосифъ, эрцгерцогъ Рудольфъ, въ полковничьемъ мундирѣ прус-

скихъ улановъ вошелъ съ эрцгерцогиней Стефаніей, улыбавшейся и съ счастливымъ лицомъ, то одинъ французъ, находившійся при посольствѣ, сказалъ своему сослуживцу: «Эта исторія окончилась, какъ пьеса Скриба—свадьбами». Когда же въ продолженіе вечера оба собесѣдника увидѣли въ одномъ изъ пролетовъ окна послѣд- наго эрцгерцога, разговаривавшаго съ Маріей, которую привезла съ собою графиня Ларишъ, то одинъ изъ нихъ проиавесъ:—Э! да это мнимое примиреніе супруговъ—не очень-то прочно!

— О!—отвѣтилъ другой:—возвращаться снова къ своей преж- ней любовницѣ до ея брака съ двоюроднымъ братомъ—удоволь- ствіе уточеннаго развратника.

IV.

За нѣсколько верстъ до Вѣны, на разстояніи отъ Парижа до Версаля, по южной желѣзной дорогѣ, ведущей къ Триесту и Италіи, прѣзжаешь въ маленькій городъ, называющійся, какъ много другихъ городковъ нѣмецкихъ странъ—Баденомъ. Еще со времени римлянъ, онъ прославился теплыми сѣрными водами, и по воскресеньямъ вѣнцы очень любятъ его посѣщать. Эта страна перерѣзана извилистыми долинами, окруженными высокими го- рами. Одной изъ любимыхъ прогулокъ путешественниковъ—такъ называемая «Еленинская долина» (Helenenthal).

Изъ этой долины идетъ дорога, которая, слѣдуя за капризными извилинами ручья, направляется къ Святому Кресту (Heiligenkreuz), гдѣ путешественники посѣщаютъ римскую часовню и красивый мона- стырь. Отъ Святаго Креста они направляются къ самой высокой горѣ въ окрестностяхъ: Желѣзнымъ Воротамъ (Eisern Thor), на вершинѣ, которой возвышается башня, откуда открывается видъ на далекое разстояніе.

Съ дороги, которая ведетъ отъ Бадена къ Святому Кресту, видна почти треть пути; налѣво—другая дорога, направляющаяся въ деревню Алландъ. Путешественникъ, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, отправлялся по этой тропинкѣ, вскорѣ встрѣ- чалъ деревушку, скорѣе нѣсколько домовъ, самое большое, отъ двадцати до двадцати пяти. Тамъ онъ не могъ не замѣтить окру- женнаго великолѣпными деревьями,—стволы которыхъ прятались позади старой растрескавшейся стѣны,—сѣроватаго зданія, съ возвышавшейся надъ нимъ башней и колокольной. Это зданіе, которое мѣстные крестьяне называли замкомъ, своей колокольной и готической дверью возбуждало мысль о старомъ монастырѣ, пре- вращенномъ въ жилище. Эта мысль была вѣрна; Габсбурги устро- или охотничій домъ въ покинутомъ монастырѣ. Впрочемъ, про- гуливавшіеся удѣляли ему незначительное вниманіе; бросивъ бѣглый взглядъ на обрамляющій его лѣсъ, они продолжали свой

путь, стремясь достигъ вершины, которая сулила открыть предъ ними прекрасное зрѣлище. Теперь, напротивъ, всѣ проходящіе здѣсь—останавливаются. Предъ ихъ глазами возвышается готическая, совсѣмъ новая, бѣлая каменная часовня, гдѣ иногда, если дверь остается полуоткрытой, можно видѣть стоящую на колѣняхъ сестру кармелитку; позади стѣны попрежнему возвышаются деревья. Монастырь, обратившійся въ охотничій домикъ, снова вернулся къ своему прежнему назначенію: онъ сдѣлался убѣжищемъ для молитвы. Путешественникъ останавливается предъ нимъ, смотритъ на него и раздумываетъ; онъ въ Мейерлингѣ, предъ таинственнымъ домикомъ, который прежде такъ мало обращалъ на себя вниманія, теперь же сдѣлался знаменитымъ: здѣсь былъ убитъ наслѣдникъ эрцгерцога Рудольфа, 30-го января 1889 года.

Съ того дня, какъ Рудольфъ уступилъ настояніямъ матери, онъ снова вошелъ во вкусъ охотничьихъ волненій—его любимаго удовольствія. Во дворцѣ нисколько не обезпокоились, когда онъ объявилъ чрезъ день послѣ бала въ австрійскомъ посольствѣ,—это былъ понедѣльникъ, 28 января,—что отправляется въ Мейерлингъ, гдѣ уже собрались приглашенные: его зять Филиппъ Саксъ-Кобургъ, графъ Гойосъ и графъ Вальдштейнъ. Эрцгерцогъ поѣхалъ не въ придворномъ экипажѣ, а съ наемнымъ кучеромъ, которому онъ вполнѣ довѣрялъ и пользовался его услугами для своихъ проказъ. Имя этого кучера было Иоганнъ Транкилини, но его прозвали Братфишемъ (жареной рыбой), потому что его наружность была далеко не обворожительна, что и вызвало это прозвище. Братфишъ обладалъ однимъ талантомъ, которымъ очень гордился: онъ свисталъ въ совершенствѣ. Когда Рудольфъ однажды попросилъ его просвистать одну арію изъ оперы, то онъ былъ внѣ себя отъ радости. Этотъ-то Братфишъ и повезъ наслѣдника въ Мейерлингъ. Путешествіе длилось долѣе обыкновеннаго, такъ какъ толстый слой снѣга покрывалъ дорогу. Едва они пріѣхали въ Мейерлингъ, какъ Братфишъ снова отправился въ Вѣну. На другой день, во вторникъ, 29-го, Рудольфъ, подъ предлогомъ утомленія не пошелъ на охоту съ товарищами. Въ тотъ же день Марія Вечера, находившаяся въ Вѣнѣ, отправилась вмѣстѣ съ графиней Ларишъ къ издателю нотъ, на Грабенѣ. Обѣ дамы оставались въ магазинѣ недолго. Когда онѣ вышли, Марія стала озираться по сторонамъ. Вдругъ раздался пронзительный свистъ; Марія улыбнулась: она узнала Братфиша. Быстро вскочивъ въ экипажъ, она пожала руку своей подруги и поѣхала. Склонившись къ окну дверцы, она стала смотрѣть, не наблюдаетъ ли за нею какая нибудь подозрительная личность, но вслѣдствіе ужасной погоды полиція грѣлась во внутреннемъ помѣщеніи полицейскаго поста. Да, она за нею не слѣдила, но зато ея двоюродный братъ, Батаджи, шпионившій уже нѣсколько дней каждый ея шагъ, послѣдовалъ за нею въ Мейерлингъ.

Въ тотъ же вечеръ, 29-го января, въ Гофбургъ долженъ былъ состояться большой обѣдъ въ честь эрцгерцогини Валеріи и ея жениха, эрцгерцога Сальватора. Эрцгерцогъ тоже обѣщаль присутствовать на обѣдѣ. Въ полдень Рудольфъ телеграфироваль эрцгерцогинѣ Стефаніи, что утомился на охотѣ и возвратится только на другой день. Совершивъ еще болѣе трудное путешествіе, чѣмъ наканунѣ, Братфиншъ привезъ Марію Вечеру въ Мейерлингъ.

Едва оба любовника соединились, какъ два другихъ неожиданныхъ гостя также пробрались въ замокъ: женихъ Маріи и ея дядя. Появленіе обоихъ Батаджи вызвало въ Рудольфѣ не менѣе, чѣмъ въ Маріи, удивленіе и возбудило въ немъ сильное раздраженіе такъ же, какъ и въ ней. Явившись сюда съ цѣлью сдѣлать послѣднюю попытку къ сближенію и постараться вернуть Рудольфа къ себѣ и снова овладѣть имъ, Марія увидѣла, что ревнивый женихъ препятствуетъ ея плану. Въ свою очередь эрцгерцогъ спрашиваль себя: кто предупредилъ обоихъ родственниковъ Маріи? Можетъ быть, она сама? но зачѣмъ? Молодой родственникъ оправдалъ ее въ этомъ подозрѣніи.

Они довольно оживленно объяснялись. Причину своей поѣздки въ Мейерлингъ Марія объяснила желаніемъ попросить у наследника престола милости для жениха, что было трудно исполнить въ Вѣнѣ послѣ слуховъ, распространившихся тамъ. Батаджи-племянникъ прикинулся, что принялъ это объясненіе, и споръ утихъ.

Товарищи Рудольфа по охотѣ, графъ Гойосъ и графъ Вальдштейнъ, уже возвратились. Не хватало только Кобурга, уѣхавшаго послѣ полудня въ Вѣну: онъ участвовалъ на Гофбургскомъ обѣдѣ. Въ тотъ моментъ, когда императорская семья садилась за обѣдъ, Мейерлингскіе гости, соединившіеся вмѣстѣ, благодаря непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, находились за столомъ. Здѣсь были эрцгерцогъ Рудольфъ, графъ Гойосъ, графъ Вальдштейнъ, дядя Батаджи, женихъ Батаджи и Марія Вечера—всего, не болѣе не менѣе, какъ десять человекъ. Охотники проголодались и хорошо ѣли и пили. Въ каминѣ пылалъ сильный огонь: въ немъ горѣли четыре огромныя полѣна, согрѣвая температуру небольшого зала, украшеннаго въ томъ же вкусѣ, какъ апартаменты наследнаго принца въ Гофбургѣ, т.-е. развѣшенными по стѣнамъ охотничьими трофеями и оружіемъ, какъ огнестрѣльнымъ, такъ и холоднымъ.

Садясь за столъ, Рудольфъ нервно сказалъ:

— Я забылъ одно и извиняюсь предъ вами!

— Что такое?—воскликнули приглашенные.

— Скрипки! Я объ этомъ не подумаль. Впрочемъ, у насъ есть Братфиншъ!

Показался Братфиншъ, котораго привелъ слуга.

— Ты намъ сейчасъ просвистишь свадебный маршъ изъ Лозн-гринна! Отличнсь!

Братфиниъ просвисталъ свадебный маршъ изъ Лознгринна, въ то время какъ Рудольфъ вмѣсто акомпанимента стучалъ ножемъ по тарелкѣ, заставляя собесѣдниковъ подражать ему.

Разговоръ велся обо всемъ понемногу: объ охотѣ, о городскихъ и придворныхъ сплетняхъ, о генералѣ Буланжѣ, котораго Парижъ избралъ наканунѣ депутатомъ, о Бисмаркѣ, о войнѣ, о женщинахъ и о любви. Всѣ оживились. Наслѣдный принцъ, котораго раздражалъ насморкъ, схваченный на холодѣ и вызвавший воспаленіе горла, пилъ много; на столъ подавалось одно лишь шампанское. Все время съ помощью какихъ нибудь уловокъ или внезапно онъ переводилъ разговоръ на предстоящій бракъ, какъ будто его преслѣдовала упорная мысль.

— Признайтесь-ка, Батаджи,—обратился онъ къ жениху Марин:— признайтесь, что это довольно необычный приѣмъ хоронить холостую жизнь въ обществѣ невѣсты. Это довольно оригинально.

И, обернувшись къ Марин, онъ прибавилъ:

— Благодарите меня. Согласно смѣшному обычаю всѣхъ молодыхъ людей, онъ, можетъ быть, пригласилъ бы одну изъ «этихъ дамъ» Оперы или Вургъ-театра. Не правъ ли я, помѣшавъ этому безумію?

Марія отвѣчала лишь принужденной улыбкой.

— Ахъ, дружокъ, тебѣ везетъ!—продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому Батаджи:—я не скрываю, что завидую твоему счастью. Можетъ быть, тебѣ говорили о планѣ, который я составилъ, чтобы разрушить твой бракъ. Будь я свободенъ, —я всѣми средствами оспаривалъ бы у тебя твою невѣсту... Споръ окончился бы, безъ сомнѣнія, исчезновеніемъ одного изъ насъ... Все это прошло... Я будущій императоръ, я обязанъ моему народу. По крайней мѣрѣ, это утверждаетъ моя мать. Повинуемся ей... Дадите ли вы, по крайней мѣрѣ, вашей невѣстѣ счастье, котораго заслуживаетъ эта прелестная молодая дѣвушка, красота которой завоевала всѣ сердца въ Вѣнѣ, королева граціи, принцесса всѣхъ очарованій, которая едва не сдѣлалась императрицей!... Подумайте, если вы не исполните этого долга, вы совершите преступленіе—оскорбленія красоты... И мы съ вами расправимся, какъ съ уголовнымъ преступникомъ; у насъ къ вамъ не будетъ никакого состраданія.

Молодой Батаджи отвѣтилъ сухимъ тономъ.

— Не бойтесь, ваше высочество, я сумѣю обезпечить счастье моей жены. Я сумѣю также защитить свое.

— О! о!—воскликнулъ графъ Гойосъ:—онъ ревнивый!

— Да,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, поднявшись:—я—ревнивый. И несчастье, трижды несчастье тому, кто бы онъ ни былъ, кто осмѣлится выказать непочтеніе къ той, которая заигра будетъ моей женой, а сегодня еще невѣста!

Эти гордые слова были встрѣчены бурнымъ, конвульсивнымъ хохотомъ эригерцога.

— Ровниный!—воскликнулъ Рудольфъ, — отнесись почти-тельно къ его женѣ, къ его невѣстѣ!... Такъ смотри же, почти-тельно ли я отношусь къ твоей невѣстѣ!

Въ это время взявъ правой рукой Марію Вечера за талью, лѣвой же держа ея руки, онъ поцѣловалъ ее въ грудь.

— Ваше высочество,—воскликнулъ молодой Батаджи:—перестаньте! вы пьяны!... перестаньте!...

— Защити меня! Защити меня!—воскликнула Марія.

— Тебя защищать!—возразилъ наслѣдникъ престола:—онъ не осмѣлится! Полно! онъ хорошо знаетъ,—не правда ли?—что я былъ твоимъ любовникомъ и буду имъ еще,—не правда ли?—моя крошка Марія...

— Но защити же меня, защити же меня!...—кричала Марія.

Всѣ приглашенные со смущеннымъ взоромъ встали. Дядя Батаджи хотѣлъ помочь своей племянницѣ и вырвать ее отъ яростнаго безумія Рудольфа; графъ Гойосъ остановилъ его. Дядя Батаджи взялъ со стѣны изъ арматуры одно изъ оружія; графъ Гойосъ схватилъ другое—охотничью пику, и прежде чѣмъ первый сдѣлалъ шагъ, всадилъ ему въ животъ. Въ то же мгновеніе молодой Батаджи, вырвавшись изъ рукъ графа Вальдштейна, хотѣвшаго его удержать, схватилъ стоявшую на столѣ въ недрѣ со льдомъ бутылку шампанскаго и бросилъ ее въ наслѣднаго принца. Рудольфъ лежалъ лицомъ на груди молодой дѣвушки, подставилъ подъ ударъ свой затылокъ; бутылка шампанскаго, брошенная съ яростной силой, ударившись объ него, разлетѣлась вдребезги, разбивъ черепъ наслѣднаго принца. Въ то самое мгновеніе Марія, которая теперь могла освободить свою правую руку изъ объятій Рудольфа, быстро поднесла ее къ карману своего платья, взяла маленькій серебряный револьверъ, съ которымъ никогда не расстава-лась послѣ разговора съ матерью, и нажала пальцемъ собачку; но движеніе принца, пораженнаго ударомъ бутылки, измѣнило направ-леніе оружія, и пуля, предназначенная Рудольфу, ударилась прямо въ сердце той, которую она должна была защитить.

Достаточно было минуты, чтобы уничтожить два существованія: третья жертва хрипѣла на полу. Графъ Гойосъ, графъ Вальдштейнъ, Братфишъ и лакеи—всѣ бросились на помощь къ на-слѣднику престола, мозгъ котораго раскрошился на окровавлен-ной скатерти. Онъ держалъ въ своихъ окоченѣлыхъ отъ смерти объятіяхъ Марію Вечеру и не выпускалъ ея. Помощь была без-полезна: было слишкомъ поздно принять какія либо мѣры для спасенія его и Маріи. Молодой Батаджи стоялъ, устремивъ глаза, какъ окаменѣлый. Его дядя съ вываливавшимися внутренностями издавалъ жалобные крики.

Такъ иногда оканчивались въ прежніе вѣка оргіи великихъ убійцъ и пьянства ландскнехтовъ или нѣмецкихъ рейтаровъ, гдѣ

текло столько же крови, сколько вина. Гнѣвъ и оцѣненіе обнаружены подъ бѣлой и тонкой кожей варвара и дикаря, какимъ всегда и бесконечно останется человѣкъ.

На другой день, въ сумерки, тѣло наслѣднаго эрцгерцога было перевезено во дворецъ и положено въ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ за нѣсколько дней до этого онъ принималъ баронессу Вечера. Всѣмъ извѣстно, какая печаль, изумленіе и ужасъ сопровождали эти похороны. Обнародованные документы свидѣлствуютъ объ этомъ.

Можетъ быть, вмѣсто всѣхъ официальныхъ рѣчей, надо было бы повторить короткую надгробную рѣчь, произнесенную когда-то наслѣднымъ эрцгерцогомъ надъ тѣломъ одного молодого гвардейскаго офицера, который упалъ мертвымъ на глазахъ Рудольфа отъ удара лошадинымъ копытомъ: «Я оплакиваю этого офицера, — сказалъ наслѣдный эрцгерцогъ:— не оттого, что онъ умеръ, а потому, что онъ кончилъ жизнь недостойно для своей храбрости. Онъ долженъ былъ умереть лучше».

Когда похоронная процессія съ тѣломъ наслѣдника покинула Мейерлингъ, баронесса Вечера, привезенная полицейскими сыщиками, признала гробъ своей дочери; послѣ этого тотчасъ же, не давъ ей времени повидать брата, который страдалъ въ сосѣдней комнатѣ, ее отправили въ Вѣну.

Затѣмъ слуги заказали столяру, жившему въ Святомъ Крестѣ, простой гробъ; необходимо было, чтобы его доставили въ тотъ же вечеръ.

Дѣйствительно въ одиннадцать часовъ ночи предъ лавкой столяра остановилась охотничья карета. Изъ нея съ предосторожностью слуги вынули тщательно завернутый предметъ и внесли въ маленькій домъ. Оттуда раздавалось нѣсколько ударовъ молотка и вскорѣ появились слуги, держа въ рукахъ гробъ, покрытый траурнымъ покровомъ. Не было ни пѣнія, ни молитвъ: только среди ночной тиши раздавались глухіе шаги по мягкой снѣжной пеленѣ.

Такъ состоялись похороны Маріи Вечера, которую отвезли въ монастырь Святого Креста.

На двойномъ камнѣ, составляющемъ ея могилу, теперь возвышается гранитная глыба съ крестомъ наверху. На мраморной доскѣ находится слѣдующая надпись: «Баронесса Марія Вечера, родилась 19-го марта 1871 года, умерла 30-го января 1889 года. Человѣкъ вырастаетъ, какъ цвѣтокъ, и какъ онъ—сорванъ». Часто на могилѣ, окруженной металлической рѣшеткой, лежатъ свѣжіе цвѣты. Кто ихъ кладетъ или приказываетъ класть? Неизвѣстно.

Въ то время, какъ мертвое тѣло дочери было такимъ образомъ ночью отправлено въ ея послѣднее жилище, баронесса Вечера, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ сыщиковъ, была отвезена на станцію, гдѣ сѣла на поѣздъ въ Венецію. Днемъ она получила

приказъ безотлагательно выѣхать изъ Вѣны. Она имѣла время и ей разрѣшили распроститься съ графиней Ларнигъ. Она умолила ее вручить императрицѣ записку, которую привезла съ собою. Графиня взялась за это. Письмо, дѣйствительно достигло императрицы, и вотъ что прочитала императрица Елисавета:

«Это вы убили мою дочь. Богъ отомститъ за меня!—Баронесса Вечера».

ЭПИЛОГЪ.

Съ тѣхъ поръ судьба, повидимому, сразила свидѣтелей и исполнителей этой мрачной трагедіи.

Въ будущемъ Мейерлингъ явится, какъ новыя Микены съ своими окровавленными или преступными Атридами; даже оба пейзажа, которыми любовался путешественникъ, покажутся ему похожими.

Молодой Батаджи исчезъ, и его никогда болѣе не видѣли. Гдѣ онъ? Живъ ли? Умеръ ли? Никто ничего не знаетъ, кромѣ тѣхъ, которые позволили ему жить или его убили.

Баронесса Вечера также исчезла вмѣстѣ съ дочерью Ганни: гдѣ онъ? Подъ какимъ именемъ скрываются, если еще живы?..

Нѣсколько дней спустя послѣ трагической ночи, Батаджи умеръ въ Ваденѣ вслѣдствіе ранъ, нанесенныхъ ему графомъ Говосомъ, теперь тоже скончавшимся; кучера Братфнша, который отвезъ Рудольфа въ Мейерлингъ живымъ, а привезъ обратно мертвымъ, болѣе не видѣли и, нѣсколько лѣтъ спустя, узнали, что онъ умеръ сумасшедшимъ въ больницѣ для умалишенныхъ на островѣ Вардѣ, въ Америкѣ.

Наконецъ, императрица Елисавета умерла подъ кинжаломъ убійцы, Луккени, послѣ своей сестры, герцогини Софін Алансовъ, заживо сгорѣвшей на благотворительномъ пожарѣ; послѣ своего зятя, Максимилиана I-го, разстрѣяннаго 19 іюня 1867 г. въ Кверетаро; любимаго двоюроднаго брата, короля Людвига I-го Саварскаго, утонувшаго или утопленнаго въ Старнбергскомъ озерѣ, 13 іюня 1886 г.; зятя, графа Трани, убившаго себя въ Цюрихѣ; племянницы эрцгерцогини Матильды, заживо сгорѣвшей, и, наконецъ, своего дорогого сына.

Она умерла на Женевской набережной, тамъ, гдѣ, совершенно забывъ о случившейся драмѣ, путешественники проходятъ, чтобы переправиться чрезъ Леманское озеро.

.....
 Я долго смотрѣлъ на чинаръ, позади котораго скрывался убійца, прежде чѣмъ броситься на императрицу; это—третье дерево на на-

бережной, направо отъ гостиницы «Beau Rivage». Первое время его показывали любопытнымъ зрителямъ, теперь же никто болѣе не спрашиваетъ, гдѣ оно; это дерево сдѣлалось такъ же безразлично, какъ преступникъ и жертва.

Глядя на него, я вспомнилъ слова Мориса Баресса: «съ сердцемъ, пронзеннымъ тонкимъ остриемъ, императрица еще продолжала идти. Только на мостикѣ парохода она упала и спросила: «Что такое?»... Она сама умирала и еще спрашивала: «Что такое?»

Одни говорятъ, что на этотъ вопросъ звѣрь, убившій женщину, ничего не отвѣтилъ; другіе увѣряютъ, что онъ прошепталъ: «Мейерлингъ!»

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Когда въ журналѣ «Mincva» появился настоящій рассказъ о драмѣ въ Мейерлингѣ, всѣ газеты не только парижскія, но и заграничныя, принялись резюмировать и оспаривать его.

Съ другой стороны, издатель журнала получилъ массу писемъ, особенно изъ-за границы. Однажды его посѣтила нѣкая личность, близко стоящая къ политическому міру Австріи, и которую назвать я отказываюсь; она сказала слѣдующее: «Рассказъ, напечатанный вами, не во всѣхъ отношеніяхъ точенъ. Было бы очень легко указать автору на сдѣланныя имъ неточности. Такой, какъ онъ есть, этотъ рассказъ насъ очень стѣсняетъ».

Но рассказъ уже появился: его не остановить.

Онъ сдѣлалъ свое дѣло.

Однако онъ встрѣтилъ возраженія и противорѣчія. Такъ «Liberté», приведя главныя выдержки рассказа, писала слѣдующее:

«Таковъ рассказъ Адерера о драмѣ въ Мейерлингѣ—рассказъ, впрочемъ совершенно романическій, если вѣрить одной личности, которая въ эту эпоху по своимъ обязанностямъ имѣла доступъ къ австрійскому двору и слѣдовательно лучше, чѣмъ кто либо, знала истину. По словамъ этой личности, вотъ какъ происходило дѣло. Было и убійство, какъ говоритъ Адереръ, но убійца не двоюродный братъ Маріи Вечеры, а близкій другъ эрцгерцога, графъ Вальдштейнъ.

«Графъ Вальдштейнъ былъ очень влюбленъ въ Марію Вечеру, и въ тотъ день, когда она отправилась въ каретѣ Братфиша въ Мейерлингъ, онъ предупредилъ ея дядю и попечителя, Батаджи, и взялъ его съ собою въ Мейерлингъ. Графъ явился туда, какъ посланный отъ императора съ безотлагательнымъ порученіемъ и проникнулъ вмѣстѣ съ Батаджи въ комнату, гдѣ лежали эрцгерцогъ и Марія. Тамъ, охваченный ревностью, онъ выстрѣлилъ въ

Марію Вечеру и напавалъ убилъ ее, попавъ прямо въ сердце. Тогда Рудольфъ схватилъ свой револьверъ и серьезно ранилъ Батаджи и графа Вальдштейна; тѣмъ не менѣе, послѣдній имѣлъ еще достаточно силъ, прежде чѣмъ упалъ мертвый на полъ, разбить бутылку шампанскаго о лобъ наслѣднаго принца, который упалъ и немедленно скончался. Графъ Вальдштейнъ умеръ чрезъ нѣсколько секундъ; что же касается Батаджи, то онъ скончался четыре мѣсяца спустя, вслѣдствіе полученныхъ ранъ.

«Графъ Вальдштейнъ и Марія Вечера были похоронены въ ту же ночь въ Святомъ Крестѣ. Тѣло же наслѣдника австро-венгерскаго престола было отвезено въ Вѣну и выставлено въ Гофбургѣ. Одинъ изъ корреспондентовъ берлинскаго «Lokalanzeiger», Изидоръ Фуксъ, находившійся въ то время въ Вѣнѣ и видѣвшій эрцгерцога на парадномъ катафалкѣ, говоритъ, что рана была на лбу, а не на затылкѣ, и скрыта повязкой.

«Что стало съ баронессой Вечера? По словамъ Адерера, она на другой же день послѣ драмы была выслана съ австрійской территоріи. Умерла ли она съ тѣхъ поръ? Ничего не извѣстно. По большинство лицъ, замѣшанныхъ въ эту исторію, повидимому, подверглись удару судьбы... Еще недавно стало извѣстно, что прежній адъютантъ наслѣднаго принца Рудольфа, графъ Александръ Вамбель, бывший свидѣтелемъ драмы въ Мейерлингѣ, былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ».

«Такимъ образомъ, по словамъ «Liberté», убійство было. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный журналистъ и главный сотрудникъ «Eclair», г. Монторгейль, помѣстилъ содержаніе моего разсказа и расхвалилъ его. Но, передавъ его одному лицу, по своему положенію и связямъ близко стоявшему къ австрійскому двору и знакомому съ свидѣтелями Мейерлингской драмы и ея подробностями, онъ услышалъ слѣдующій отвѣтъ.

«Я сразу могу раскритиковать этотъ картинный разсказъ, сдѣланный во вкусъ драматическаго автора; во всякомъ случаѣ остерегайтесь прочесть въ немъ страницу исторіи. Подождите нѣсколько дней, и я освѣщу всѣ эти вопросы французамъ, которые введены въ заблужденіе этими разсказами».

Мы подождали. Нашъ корреспондентъ освѣжилъ свои воспоминанія бесѣдою съ однимъ ему близкимъ лицомъ, видѣвшимъ тѣло покойнаго наслѣдника, Рудольфа, находясь въ эти печальныя минуты возлѣ императора. Онъ намъ писалъ:

«Вѣна, 12-го марта.

«Милостивый государь!

«Вотъ факты во всей ихъ подлинности: если вы найдете нужнымъ, ознакомьте съ ними вашихъ соотечественниковъ.

«Эригерцога Рудольфа сопровождали на охоту только его зять, герцогъ Кобургскій, и графъ Гойосъ. Г. Адереръ неправильно заста-

виль фигурировать тамъ графа Вальдштейна. Всѣ эти лица охотились до очень поздняго вечера и возвратились по своимъ покоямъ, такъ какъ эрцгерцогъ обнаружилъ сильную усталость. Онъ покинулъ ихъ, чтобы отправиться въ свою комнату, гдѣ безъ нихъ вѣдома находилась Марія Вечера, тайно привезенная Братфишемъ.

«Общаго ужина не было, и въ продолженіе всей ночи въ Мейерлингѣ не находилось другихъ лицъ.

«Утромъ герцогъ Кобургъ и графъ Гойосъ, удивленные, что эрцгерцогъ еще не всталъ, обезпокоились его молчаніемъ и велѣли открыть двери его комнаты. Они увидѣли на постели два трупа. Очевидно было двойное самоубійство. Обезумѣвъ и желая избѣжать скандала, они задумали замаскировать самоубійство несчастіемъ на охотѣ, жертвой котораго сдѣлался наслѣдникъ. Они распространили этотъ слухъ, и, чтобы сдѣлать его болѣе достовѣрнымъ, приказали убрать трупъ Маріи Вечера, которая совсѣмъ не была раздѣта. Это было главной ошибкой; въ этомъ надо видѣть происхожденіе всѣхъ разказовъ, которые съ тѣхъ поръ обѣжали весь свѣтъ.

«Когда императоръ узналъ эту ужасную истину, онъ приказалъ, чтобы ему рассказали ее цѣликомъ, ничего не скрывая. Въ этомъ еще помогли ему найденныя въ Вѣнѣ два письма эрцгерцога: одно было адресовано женѣ и дочери, и въ немъ эрцгерцогъ съ ними прощался, моля прощенія. Въ другомъ, въ родѣ духовной, онъ дѣлалъ нѣкоторыя личныя распоряженія.

Говорятъ, что въ одномъ изъ желѣзныхъ шкаповъ дворца существуетъ какой-то странный сундукъ, который будетъ открытъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, и въ которомъ находятся подробности этой драмы: вся эта басня-тайна объясняется въ этихъ двухъ письмахъ, или, скорѣе, нѣтъ, тамъ ничего не существуетъ. Эрцгерцогъ нигдѣ не оставилъ слѣдовъ или объясненій побудительной причины, которая заставила его принять это трагическое рѣшеніе. Онъ не далъ объясненія никому и ни въ какой другой рукописи. Въ этомъ заключается Мейерлингская тайна, давшая хорошія матеріалы драматургамъ, романистамъ и психологамъ.

«Эта драма была традиціоннымъ самоубійствомъ потерявшихъ голову любовниковъ; на вершинѣ социальной іерархіи достаточно трагическаго величія, чтобы было необходимо придавать ей вѣсу подробными аксессуарами.

«Я разговаривалъ съ одной особой, которая мнѣ ничуть не лгала. Она видѣла тѣло эрцгерцога, и черепъ его не былъ разбитъ.

«— Кто ему разбилъ его? Женихъ Маріи Вечеры, ея двоюродный братъ «Батаджи». Родственники г-жи Вечера были Бальтацци. У ся четырехъ сестеръ или не было дѣтей, или, были все дѣвушки. Бл братьевъ знаетъ вся Вѣна: Аристидъ, женатый на баронессѣ Штоккау, и Гекторъ—на графинѣ Угартъ; у нихъ дѣтей нѣтъ;

самый младший только что женился на внучкѣ барона Габера, а старший, Александръ, не женатъ.

«Въ 1889 г. у Маріи Вечера не было двоюроднаго брата Бальтацци.

«Что касается до дяди, убитаго ударомъ пики, нанесеннымъ графомъ Гойсомъ, то это могъ быть только Александръ или Генрихъ: кромѣ этихъ двухъ лицъ, ни одинъ изъ Бальтацци не удался вслѣдствіе серьезныхъ ранъ, и хотя эта драма ихъ опечалила, но они не умерли отъ нея.

«Исчезла также баронесса Вечера и ея вторая дочь, Гавни,— пишетъ Адереръ.—Онъ ошибается. Баронесса Вечера все еще живетъ въ Вѣнѣ, и у нея только одинъ сынъ, гусарскій офицеръ. Ея вторая дочь, вышедшая замужъ за графа Виландта, умерла въ Римѣ, годъ спустя послѣ замужества.

«А Братфиншъ, котораго, по разсказу Адерера, упрятали въ домъ умалишенныхъ въ Америкѣ, оставался кучеромъ и умеръ въ Вѣнѣ въ 1892 г., просто отъ воспаленія легкихъ.

«Эти замѣтки не имѣютъ очарованія и неожиданности игры воображенія, и я опасаюсь, не покажутся ли онѣ вамъ немного сѣрыми, но зато онѣ вѣрныя. Я посылаю ихъ вамъ для тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которые интересуются исторіей, другіе пусть останавливаются на прелестяхъ вымысла».

Газета «Liberté» въ свою очередь прибавила слѣдующія подробности: «! Вотъ второй разсказъ— точная истина; это мнѣніе одного вѣнца, въ настоящее время проживающаго въ Парижѣ, и который долго находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ барономъ Вейленомъ. Послѣдній, прежній воспитатель и другъ принца, сообщилъ ему многія подробности драмы и ея причину. Вотъ разсказъ этой личности:

«Я жилъ въ Вѣнѣ въ эпоху, когда произошла ужасная Мефферлингская драма. Въ этотъ день, переходя около десяти часовъ утра чрезъ Гофбургскую площадь, и замѣтилъ на дворцовомъ дворѣ человекъ тридцать, аристократовъ, явившихся за извѣстіями. Графъ Гойсъ пріѣхалъ въ каретѣ: онъ былъ еще въ охотничьей одеждѣ; его черты лица были взволнованы, а блѣдность необычна. Онъ прямо поднялся къ императору, которому сообщилъ мельчайшія подробности о смерти эрцгерцога. Никто изъ придворныхъ не осмѣливался взять на себя отвѣтственность сообщить роковую новость императрицѣ, которая выражала своему Руди настоящее обожаніе, а потому императоръ просилъ графа Гойоса немедленно отправиться къ ея другу, г-жѣ Шраттъ, и попросить ее пріѣхать во дворецъ, чтобы подготовить императрицу къ ужасному событію. Все это произошло между десятью и двѣнадцатью часами. При дворѣ всѣ потеряли голову, и приближенные императора не знали, какія свѣдѣнія сообщить журнальнымъ агентамъ. Первое объясненіе, распро-

страшившееся о смерти эрцгерцога, былъ апоплексическій ударъ: заѣмъ говорили о приключеніи на охотѣ и наконецъ признались въ самоубійствѣ. Императоръ дѣйствительно отказался скрывать истину, которая, какъ онъ зналъ, должна когда нибудь обнаружиться. Но во всѣхъ трехъ объясненіяхъ не было вопроса объ имени Маріи Вечера.

«Двѣ недѣли спустя послѣ драмы, баронесса Вечера распро-
стригла въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ Вѣны
рассказъ объ этой драмѣ, въ формѣ рукописи листовъ въ сто. У
меня была въ рукахъ эта рукопись; я прочиталъ ее, и тамъ не
было намека на насильственные дѣйствія противъ личности эрц-
герцога. Баронесса энергично защищалась отъ участія въ поощ-
реніи любовныхъ отношеній эрцгерцога къ ея дочери, которая
нашла посредницу въ лицѣ графини Ларишъ-Валерзее, высокопо-
ставленной дамы, которую давно уже и не безъ причины отдалили
отъ двора. Баронесса Вечера особенно возставала противъ свято-
татственнаго приѣма, съ которымъ было взято и погребено тѣло
ея дочери. Вотъ слова баронессы:

«Когда, на разсвѣтѣ, графъ Гойосъ проникнулъ въ комнату
эрцгерцога и обнаружилъ трупы, его первой заботой было заста-
вить всѣхъ думать о несчастномъ случаѣ на охотѣ, а для этого
надо было скрыть тѣло молодой дѣвушки. Онъ приказалъ Брат-
фишу заложить экипажъ и снести въ него совершенно одѣтый
трупъ Маріи Вечеры, которую онъ поставилъ во весь ростъ возлѣ
себя. Братфишъ вскочилъ на козлы, и карета направилась въ Св.
Крестъ, мѣстность, расположенную въ трехъ, четырехъ километ-
рахъ отъ Мейерлинга, гдѣ находится монастырь бенедиктинцевъ.
Графъ приказалъ немедленно похоронить молодую дѣвушку на
кладбищѣ, гдѣ теперь возвышается мавзолей, посѣщаемый всѣми
иностранцами, проѣзжающими чрезъ Вѣну; сами вѣнцы часто туда
ходятъ, какъ на поклоненіе.

«Что касается причинъ драмы—онѣ тоже извѣстны. Уже давно
эрцгерцогъ Рудольфъ и эрцгерцогиня Стефанія жили въ несогласіи.
Говорятъ, что здоровье эрцгерцогини было не чуждо отдаленію
принца, похождения котораго служили пищей для скандальной
хроники Вѣны. Даже былъ вопросъ о разводѣ, но вмѣшательство
папы мѣшало несогласію принять острый характеръ.

«Наконецъ, императору удалось послѣ частыхъ свиданій съ сы-
номъ и невѣсткой примирить ихъ, и это событіе, какъ говорили,
должно было получить официальное освященіе на большомъ обѣдѣ,
данномъ при дворѣ 29 января. Въ этотъ день эрцгерцогъ былъ въ
Мейерлингѣ. Онъ зналъ, что его отсутствіе до крайности разсер-
дитъ императора, который никогда не проститъ обиды, нанесенной,
какъ ему, такъ и эрцгерцогинѣ Стефаніи, и въ томъ состояніи духа,
въ которомъ Рудольфъ находился, неудивительно, что онъ думалъ
о самоубійствѣ и убилъ себя.

«Я знаю отъ прежняго воспитателя эрцгерцога, барона Вейлена, что физическій и моральный упадокъ эрцгерцога Рудольфа выразился сильнѣе, когда наступила драма. Прежде всего, онъ принесъ въ жертву все, даже свои обязанности наслѣдника престола и война, ради любовныхъ похожденій; болѣе того, онъ отдавался оргіямъ, которыя самымъ плачевнымъ образомъ отразились на его нервной системѣ. Эрцгерцогъ особенно злоупотреблялъ шампанскимъ и коньякомъ. Баронъ Вейленъ, имѣвшій постоянныя сношенія съ Рудольфомъ, замѣтилъ, что онъ часто ему лгалъ. «Надо, чтобы моральная развращенность была очень велика,—сказалъ онъ,—если человѣкъ, занимавшій его положеніе, прибѣгалъ ко лжи. Въ тотъ день, когда я впервые получилъ это раздирающее сердце доказательство, у меня явилось убѣжденіе, что наслѣдный эрцгерцогъ былъ человѣкъ потерянный».

«Смерть Рудольфа глубоко поразила его прежняго воспитателя; онъ умеръ, годъ спустя послѣ эрцгерцога.

Въ свою очередь въ «Gil-Blas»'ѣ появился слѣдующій рассказъ: «Баронесса Вечера, урожденная Гальтанци, и ея двѣ дочери не были приняты при вѣнскомъ дворѣ, куда согласно стариннымъ обычаямъ Габсбурговъ допускаются лишь лица, имѣющія должность при дворѣ. Баронессы Вечера не принадлежали даже къ тому обществу, изъ котораго происходили эти избранные: онѣ относились къ той части общества полунаціональнаго, полуиностраннаго, которое стоитъ на третьемъ планѣ свѣтской іерархіи. Это объясняетъ ихъ странно свободныя замашки, позволившія эрцгерцогу вступить чуть не въ открытую связь съ молодой двадцатидвухлѣтней дѣвушкой. Общество принялось злословить; въ аристократическихъ кружкахъ жаловались на скандалъ. Императоръ не разъ былъ взволнованъ основательными жалобами эрцгерцогини; не разъ онъ старался убѣдить наслѣднаго эрцгерцога вернуться къ законной женѣ или, по крайней мѣрѣ, соблюдать необходимую сдержанность. Но экзальтированный, романтичный и порывистый Рудольфъ чувствовалъ, какъ его страсть увеличивалась, соразмѣрно количеству настояній и увѣщаній. Онъ рѣшился отвѣтить на нихъ публичной оглаской. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ на ужинъ въ одинъ изъ ресторановъ на Пратерѣ около двадцати представителей блестящей молодежи. Всѣ явились на его приглашеніе; одинъ изъ адъютантовъ принялъ ихъ въ блестяще освѣщенномъ залѣ, изобильно украшенномъ бѣлыми цвѣтами: камеліями, азаліями и бѣлой сиренью, покрывавшими все, до стѣнъ включительно. Велико было удивленіе приглашенныхъ, когда въ залъ вошелъ наслѣдный эрцгерцогъ, ведя за руку Марію Вечеру въ бѣломъ шелковомъ нарядѣ, украшенную померанцевыми цвѣтами и фатой. Это удивленіе смѣнилось остолбененіемъ, когда эрцгерцогъ въ концѣ ужина—довольно невеселаго—поднялъ свой стаканъ и выпилъ за

здоровье будущей австрийской императрицы, устремивъ недвусмысленный взглядъ на царницу праздника.

«Менѣе чѣмъ чрезъ часъ, предупрежденный императоръ, потребовалъ къ себѣ двухъ министровъ и трехъ близкихъ къ нему совѣтниковъ. Результатомъ этого совѣщанія была отправка императорскаго экипажа за матерью баронессы Вечеры и начальникомъ полиціи, которыхъ провели въ кабинетъ императора. Послѣдній хотѣлъ обезпечить дѣятельное участіе матери въ похищеніи дочери и ея скрѣпѣ, по крайней мѣрѣ, временномъ. Она условилась относительно плана, который, казалось представлялся достаточно безопаснымъ, и въ немъ баронесса Вечера обѣщала исполнить свою роль. Этотъ планъ самый простой... Официальный обѣдъ долженъ былъ задержать эрцгерцога въ Гофбургѣ весь вечеръ до слѣдующаго дня. Съ другой стороны, согласно неизмѣнному обыкновенію эрцгерцога пріѣзжать послѣ окончанія официальныхъ церемоній въ Мейерлингъ, молодая баронесса отправлялась туда и ожидала тамъ Рудольфа. Въ промежутокъ времени, который протекалъ между ея пріѣздомъ и появленіемъ эрцгерцога, было рассчитано похитить молодую дѣвушку. Правда, что ее сопровождалъ адъютантъ Рудольфа и оставался съ нею до ея пріѣзда, но сообщники очень полагались на двухъ полицейскихъ сыщиковъ, выбранныхъ для совершенія похищенія. Молодую дѣвушку вручили бы матери, ожидавшей ее въ нѣсколькихъ футахъ отъ охотничьяго дома, въ каретѣ, запряженной сильными лошадьми. Баронесса отвезла бы дочь въ монастырь бенедиктинцевъ, находившійся въ десяти или двѣнадцати верстахъ отъ Мейерлинга, гдѣ былъ данъ приказъ принять Марію и не спускать съ нея глазъ.

«Немедленно возвратившись въ Вѣну, баронесса должна была вводить всѣхъ въ обманъ, показываясь повсюду и распуская слухъ о внезапномъ отъѣздѣ дочери въ Англію.

«Тайна сохранилась въ совершенствѣ, и въ назначенный день, около десяти часовъ вечера, два полицейскіе сыщика были спрятаны въ лѣскѣ, граничившемъ съ Мейерлингомъ. Залъ освѣтился, и въ пролетѣ оконной рамы отразились два силуэта, одинъ мужской, другой женскій. Потомъ сыщики увидѣли двухъ субъектовъ, вышедшихъ въ садъ и медленно прогуливавшихся. Они приняли одну изъ фигуръ за адъютанта наслѣднаго эрцгерцога и, бросившись на юную баронессу, хотѣли зажать ей ротъ. При этомъ внезапномъ нападеніи у ея спутника вырвался гнѣвный возгласъ, и онъ такъ неловко выстрѣлилъ въ сыщика, что пуля скользнула между деревьевъ. Послѣдній, къ несчастью, былъ болѣе усерденъ, чѣмъ смысленъ, и въ свою очередь выстрѣлилъ въ Рудольфа почти въ упоръ, положивъ предполагаемаго адъютанта на мѣстѣ.

«По крику молодой баронессы поняли роковой промахъ. Растерявшіеся сыщики склонились надъ эрцгерцогомъ, чтобы посмо-

трѣтъ, не живъ ли онъ, а баронесса, воспользовавшись тѣмъ, что освободилась, подняла оружіе и выстрѣлила себѣ два раза въ ротъ. Въ это время пріѣхали герцогъ Кобургскій и графъ Гойосъ, посланные императоромъ тотчасъ же, какъ обнаружился отъѣздъ эрцгерцога.

«Увидя эти два роковые результата, оба посланные не знали, что дѣлать, и допустили собратъ слугамъ вокругъ обонхъ тѣлъ. Въ свою очередь пріѣхала и баронесса Вечера, сопровождаемая Братфишемъ. Виновные сыщики, убишіе по неосторожности эрцгерцога, такъ быстро и безопасно исчезли, что на другой же день могли переѣхать границу.

«Уже было поздно, когда прахъ баронессы былъ положенъ въ карету, предназначенную отвезти ее живую въ монастырь, и несчастной матери предоставили одной сопровождать трупъ дочери въ Вѣну. Оставивъ тѣло наслѣднаго эрцгерцога на храненіе слугамъ, графъ бросился во дворецъ предупредить императора.

«Множество ошибочныхъ свѣдѣній, порожденныхъ разсказами этихъ запоздалыхъ свидѣтелей, распространили легенду въ тысячу разъ трагичнѣе, чѣмъ сама истина. Легенда упорна... Фактъ обнаружился, лишь нѣтъколько дней спустя послѣ смерти эрцгерцога, и императоръ былъ предупрежденъ о досадныхъ толкахъ, которые породило официальное молчаніе. Говорятъ, онъ печально пожалъ плечами и сказалъ:

«— Слишкомъ поздно!...

«Дѣйствительно было слишкомъ поздно уничтожить легенду: она уже проникла въ народъ.

«Нашъ разсказъ все-таки вѣренъ въ главныхъ чертахъ... Эрцгерцогъ Рудольфъ умеръ не отъ собственной руки; еще менѣе виновенъ онъ въ убійствѣ или покушеніи на самоубійство... Онъ погибъ жертвой того, что иногда называется неизбѣжностью рока, иногда неловкостью придворныхъ—согласно волнующемуся, различному общественному мнѣнію.

Наконецъ, 30-го марта Монторгейль помѣстилъ замѣтку, которая, въ сущности... письмо, напечатанное ранѣе въ «*Éclair*»'ѣ и подписанное «Н.»

Кромѣ того, Анри Бошанъ, прежній офицеръ при австрійскомъ дворѣ, прибавилъ къ этому разсказу, котораго я не привожу, слѣдующія разсужденія:

«Ужасъ и отчаяніе обонхъ друзей эрцгерцога при этомъ зрѣлищѣ достаточно объясняютъ, что мѣры, которыя предстояло предпринять, не теряя ни минуты, не были зрѣло обдуманы. По этой причинѣ, въ виду избѣжанія скандала и соображеній религіозной щепетильности, явилась досадная идея дать паролемъ: «несчастный случай на охотѣ», и приказать увести совершенно одѣтый трупъ дѣвушки, что дало поводъ появиться всѣмъ этимъ легендамъ о

похищеніи. Только 24 часа спустя, императоръ, зная, что общественное мнѣніе введено въ заблужденіе, далъ приказъ напечатать истину.

«Но зло было сдѣлано. Была и, вѣроятно, всегда будетъ масса лицъ, упорствующихъ въ своемъ убѣжденіи, что дѣло должно было происходить иначе. Когда человѣкъ молодъ и наслѣдникъ имперіи, когда жизнь представляетъ столько соблазновъ, надо быть сумасшедшему, чтобы добровольно съ нею разстаться. Вотъ какъ размышляютъ многіе люди, не замѣчая, что въ этой-то самой логикѣ они нашли бы объясненіе того, что имъ кажется необъяснимымъ.

«Двойное самоубійство уже могло быть подтверждено въ Мейерлингѣ и, къ тому же, удостовѣрено двумя записками, найденными въ Вѣнѣ въ письменномъ столѣ эрцгерцога. Въ одной изъ нихъ онъ обращается съ нѣсколькими прощальными словами къ женѣ и дочери; въ другой—отказываетъ деньги нѣкоторымъ лицамъ, находившимся у него въ то время.

«Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вопроса о двойномъ самоубійствѣ, но всегда останутся загадкой психологическія причины этой драмы страстей. На этомъ-то романистъ можетъ развить свои тезисы и прикрасить на свой ладъ, съ условіемъ не имѣть поползновенія писать исторію».

Приводя подробности о семьѣ Бальтацци, Бошанъ говоритъ, что въ 1889 году «не было никакого двоюроднаго брата Бальтацци, и г. Адереръ, можетъ быть, намекалъ на одного изъ двухъ дядей, Александра или Генриха. Никто изъ этихъ господъ, хотя глубоко огорченныхъ трагической смертью племянницы, не былъ замѣченъ послѣ драмы отсутствующимъ, чего требовали мнимыя раны. Наконецъ, возможно ли серьезно допустить, чтобы убійца наслѣдника престола могъ спокойно жить среди вѣнскаго общества, точно его дѣло было самое справедливое? Думать такъ—это не знать монархическихъ идей Австріи.

Наконецъ, какъ видно было въ первой замѣткѣ изъ «Liberté», лица, имѣющія «основательныя свѣдѣнія», сказали нашему сотруднику: «Это не Бальтацци убилъ эрцгерцога Рудольфа, а графъ Вальдштейнъ—неумышленно». На это Бошанъ отвѣчаетъ:

«Никогда никакой графъ Вальдштейнъ не былъ замѣшанъ въ это дѣло, ни прямо, ни косвенно, и если, какъ говорятъ комментариіи 10-го сентября, его слѣдъ не потерянъ такъ же, какъ и графа Гойоса, то было бы любопытно знать, куда привелъ бы автора этотъ слѣдъ.

«Относительно воображаемаго графа Вальдштейна—не знаю; что же касается до графа Гойоса, то слѣдъ остановился бы у его могилы, такъ какъ онъ умеръ въ 1900 году, шестидесяти лѣтъ.

«Среди окружавшихъ эрцгерцога лицъ ближайшихъ къ нему былъ только графъ Карлъ Бомбель, вице-адмиралъ, родившійся въ 1832 году. Графъ Бомбель былъ не адъютантомъ эрцгерцога, а гофмейстеромъ его двора, что не одно и то же.

«Уже нѣсколько лѣтъ онъ былъ боленъ, и умеръ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ эрцгерцога, въ 1889 году, и хотя онъ былъ сильно потрясенъ трагической смертью своего повелителя, но никогда не слышно было, чтобы его умственные способности пострадали отъ этого событія, при которомъ онъ совсѣмъ не присутствовалъ. Похороненный уже 14 лѣтъ, онъ не могъ быть тождественнымъ съ личностью, которая, по словамъ «Liberté», въ декабрѣ этого года была заключена въ домъ умалишенныхъ.

«Баронесса Вечера до сихъ поръ живетъ въ Вѣнѣ. У нея остался только одинъ сынъ, гусарскій офицеръ. Ея вторая дочь вышла замужъ за графа Биландта и умерла въ Римѣ чрезъ годъ послѣ свадьбы.

«Что касается Братфина, то онъ остался извозчикомъ въ Вѣнѣ и никогда не былъ сумасшедшимъ; онъ умеръ отъ воспаления легкихъ 16 декабря 1892 года. Его сынъ и теперь находится извозчикомъ въ Вѣнѣ.

«Анри Бошанъ».

Нѣсколько дней тому назадъ, когда я дѣлалъ корректуру этой книги, я получилъ слѣдующій разсказъ, помѣщенный въ одной американской газетѣ.

«Маринеттъ (Висконсинъ), 14 іюня.

«Одна здѣшняя городская газета «Star» самымъ серьезнымъ образомъ объявляетъ, что эрцгерцогъ Рудольфъ, наслѣдникъ австро-венгерскаго престола, не умеръ жертвой несчастнаго случая на охотѣ, какъ объ этомъ объявили пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и это не кто другой, какъ докторъ Гоффманъ, только что уволившійся отъ должности профессора Іовскаго университета. Его удаленію потребовали, вслѣдствіе отказа сообщить свое подлинное имя, послѣ того, какъ онъ признался, что имя, которое онъ носитъ, не его. Согласно этой газетѣ, въ ту эпоху, когда случилась мнимая смерть эрцгерцога Рудольфа, тѣло одного субъекта, поразительно похожаго на него, было похоронено вмѣсто него; эрцгерцогъ же исчезъ изъ Австро-Венгріи и пріѣхалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ «Star» сдѣлалъ открытіе, что онъ не кто иной, какъ докторъ Гоффманъ. Какъ извѣстно, эрцгерцогъ Рудольфъ изучалъ серьезно медицину и слылъ за лучшаго доктора въ Вѣнѣ, поэтому дѣлается понятнымъ, что, по пріѣздѣ, въ Соединенные Штаты, ему было легко найти постъ профессора въ университетѣ этой страны».

Газета прибавляетъ, что профессоръ Гоффманъ неоднократно прѣзжалъ въ Манамини (въ Мичиганѣ), гдѣ живетъ одна дама высшего общества, сестра командира одного австрійскаго броненосца. Самое любопытное въ этомъ дѣлѣ то, что большинство высокопоставленныхъ лицъ этого города раздѣляютъ мнѣніе «Star»'а и убѣждены, что докторъ Гоффманъ и эрцгерцогъ Рудольфъ—одно и то же лицо. Съ другой стороны, его близкіе друзья считаютъ эти слухи смѣшными.

Профессору Гоффманъ 38 лѣтъ; онъ женатъ, отецъ одного ребенка и живетъ въ данный моментъ въ Іовѣ».

Теперь, когда я напечаталъ полностью всѣ статьи, которыя породилъ рассказъ, напечатанный въ «Minerva», да будетъ мнѣ позволено представить адресованное мною Монторгейлю коротенькое письмо, которымъ я отвѣчаю его корреспонденту «Н.».

Дорогой собраты!

Таинственныя событія, можно сказать, всѣ политическія и историческія событія, допускаютъ два толкованія: толкованіе официальное или государственное и другое—истинное.

Толкованіе государственное, разъ установленное, болѣе не двигается. Оно остается неизмѣннымъ въ своей лжи, и тѣмъ болѣе неизмѣннымъ, чѣмъ оно лживѣе. Другое толкованіе—истинное пробиваетъ себѣ путь не безъ труда среди различныхъ сѣтей и ловушекъ. Терпѣливому и хладнокровному изыскателю предстоитъ заставить окончательнo его принять и дать ему жизнь.

На другой день послѣ ужасной ночи января 1889 г. самые фантастическіе и противорѣчивые рассказы были пущены въ ходъ въ продолженіе двухъ дней, до тѣхъ поръ, пока не установилось государственное толкованіе: «двойное самоубійство».

Сначала общественное мнѣніе склонилось предъ нимъ. Мало-помалу, благодаря нескромности, открытіямъ, признаніямъ, узналось истинное толкованіе: «убійство, совершенное во время оргіи».

Въ данный моментъ въ кружкахъ, что называется, хорошо освѣдомленныхъ, нѣтъ ни одного лица, которое бы вѣрило государственному толкованію; другое же вездѣ принято.

И его узналъ—вы мнѣ позволите умолчать, изъ чьихъ устъ. Я первый написалъ то, что всѣ освѣдомленныя лица рассказываютъ другъ другу. Волненіе, произведенное моей статьей въ «Minerva», и превзошедшее мои скромныя ожиданія, такъ же, какъ и усиліе остановить ее, доказываютъ, что я коснулся истины.

Мой рассказъ—не протоколъ. Если такой и существуетъ, то онъ запрятанъ въ архивъ, откуда, можетъ быть, онъ никогда не выйдетъ. Я не вижу, чтобы историки, которыхъ мы должны брать образцомъ, довольствовались печатаніемъ протоколовъ, и я не думаю, чтобы писателю было запрещено увлекаться тѣмъ, что онъ рассказываетъ.

Я прибавлю еще нѣсколько словъ: на другой день послѣ катастрофы былъ данъ пароль: «несчастный случай на охотѣ». Слѣдовательно, надо, чтобы существовалъ этотъ «несчастный случай», а не «самоубійство». При самоубійствѣ церковь не разрѣшила бы похороннаго обряда.

Такъ какъ истинное толкованіе — «убійство во время пиршества» — начало распространяться, и такъ какъ болѣе не могли поддерживать толкованія о «несчастномъ случаѣ на охотѣ», — настолько оно было не вѣроятно, — то послѣ похоронъ быстро, со всѣхъ концовъ, прошелъ слухъ о двойномъ самоубійствѣ, съ безконечнымъ изобиліемъ подробностей; съ тѣхъ поръ это стало официальнымъ толкованіемъ.

Между тѣмъ воображеніе работало. Со всѣхъ сторонъ появлялись брошюры.

Одна изъ нихъ, написанная княгиней Одескалки, изобразила ужасную сцену, во время которой баронесса Марія Вечера, проводя ночь на 30-е января 1889 года со своимъ любовникомъ, ужасно и страшно его изувѣчила.

Оставляю въ сторонѣ всѣ эти болѣе или менѣе фантастическіе рассказы, чтобы сопоставить съ ними только брошюру Артура Савалѣта, долго и кропотливо изучавшаго «Мейерлинговскую драму». Онъ ее обсуждаетъ съ начала до конца, до послѣдней катастрофы, произведенной Бисмаркомъ, который хотѣлъ отдѣлаться отъ заклятаго врага.

Одни только освѣдомленные лица знали истину: «убійство во время оргіи». Малопочетная истина о наслѣдникѣ престола, предъ которымъ открывалось столь прекрасное предназначеніе.

Это — истина, истина, которая относится къ сущности факта, не касаясь внѣшнихъ подробностей и побочныхъ обстоятельствъ; сначала посвященные говорили объ этомъ тихо, затѣмъ прошли года, и стали говорить свободно.

Я все это собралъ и въ свою очередь разсказалъ истину, не думая о политическихъ соображеніяхъ, не сдерживаясь, не волнуясь ею и не представляя ее столь потрясающей, какъ бы я могъ это сдѣлать.

Я прибавлю только еще одно слово. Одна высокопоставленная дама, положеніе которой позволяетъ знать настоящую истину Мейерлинговской драмы, прочитавъ въ «Mingva» эти страницы, сказала мнѣ: «Вашъ разсказъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ близокъ къ истинѣ и точенъ. Его можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ слишкомъ «поэтиченъ». Настоящая истина гораздо менѣе поэтична».

Что бы сказали представители официального толкованія, если бы я прибавилъ къ этому разсказу нѣкоторыя подробности, преднамѣренно мною пропущенныя?

сора К. Вермана, директора дрезденской галлерей. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Н. Сонова, старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа. Томъ первый. Спб. 1904. А. Я.—10) А. Е. Алекторовъ. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замятокъ о киргизахъ. Казань. 1900. А. В. С.—11) «Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ, 1904 года», книга четвертая. М. 1904. М. К.—12) А. В. Кругловъ. Веселыя похороны. Романъ. 1906. М. М. К.—13) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 3. Варшава. 1904. М. М.—14) С. Васюковъ. Крымъ и горные татары. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. 1906. М. Р. М.—15) Полицейское право. Конспектъ лекцій Н. Н. Вѣлинскаго, профессора Юрьевского университета. Юрьевъ. 1904. Г.—16) Львовское ставропигиальное братство. Опытъ церковно-историческаго исследования (съ тремя рисунками) А. Крыловскаго. Кіевъ. 1904. А. М. Яцимирскаго.—17) На вичну пам'ять Котляревскому. Литературный збірникъ. Кіевъ. 1904. А. М. Яцимирскаго.—18) В. Вуэскулъ, проф. Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ. 1904. П.—19) Семитическіе языки и народы. Теодора Нѣльдеке. Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Выпускъ V. М. 1903. А. Хаханова.—20) Alexander Kraushar. Towarzystwo królewskie przyjaźni i nauk. Tom VI. Czterolecie przedostatnie (1824—1828). Warszawa. 1904. Г. А. Воробьева.—21) Dr. med. G. Otto. Die öffentlichen Schulen Kurlands zu herzoglicher Zeit 1567—1806. Mitava. 1904. А. Э. Мальмира.—22) А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904. Я. А.—23) Старина и Новина. Книга VIII. М. 1904. А. Б.—24) Г. В. Юлосъ. Письма изъ Берлина. Спб. 1904. V.—25) Исследование о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. I. Эструпа. Переводъ съ датскаго Т. Ланге, со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго, въ переводѣ съ валорусскаго, съ дополненіями автора. М. 1906. А. М. Яцимирскаго.—26) S. Askenazy. «Kaździ Józef Poniatowski. 1763—1813». Warszawa. Gebethner i Wolff. 1904. Г. А. Воробьева.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 723

1) Сокровища, найденныя и еще не разысканныя въ Тибрѣ.—2) Христина Нортгемберландская.—3) Двухсотлѣтіе «стѣнки Фоссъ».—4) Несчастія аристократы XVIII вѣка.—5) Опшанская старостиха.—6) Новые матеріалы о Руссо.—7) Мемуары Ванбери.—8) Смерть г-жи Лубе, графини Воленкуръ, Мелани Кальва и Пормана Якколя.—9) Новости польской исторической литературы.

XIX. Смѣсь 751

1) Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову.—2) Диспутъ В. А. Паченка.—3) Общество любителей естествознанія.—4) Пензенская архивная коммиссія.—5) Библиологическое общество.—6) Заглушенная коммиссія.

XX. Некрологи 761

1) Аверкиевъ, Д. В.—2) Анановъ, С. I.—3) Курдюмовъ, В. И.—4) Либбергъ, А. Л.—5) Некрасова, Е. С.—6) Обнинскій, П. Н.—7) Павловъ, И. В.—8) Рашичъ, Е. К.—9) Трубиновъ, К. В.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ Николая Алексѣевича Некрасова.—2) Мейерлингъ. Историческій рассказъ. Адольфа Адерера. (Переводъ съ французскаго).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или навлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергія Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРЕЛЕРЪ ПЕР., 18

Digitized by Google

**This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1995**

